

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

**ТОМ
8**

XIV — первая половина XVI века

**Санкт-Петербург
"НАУКА"
2003**

УДК 821.161.1

ББК 84Р1

Б 59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЫРКО

ТП-99-І-202

ISBN 5-02-028362-2 (Т. 8)

ISBN 5-02-028307-X

© Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «Библиотека литературы Древней Руси» (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2003

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIV—XVI ВЕКОВ

Этот том тематически продолжает второй и третий тома настоящего издания, посвященные переводной литературе Киевской Руси, и поэтому имеет смысл еще раз охарактеризовать эту значительную по объему и важности часть репертуара древнерусской книжности.

Приняв христианство, Древняя Русь оказалась перед необходимостью интенсивно освоить обширную христианскую литературу, уже существовавшую у ее единоверцев — в Византии, а также у болгар и сербов, обращенных в христианство столетием ранее. Д. С. Лихачев называл эту общую для южных и восточных славян литературу на едином для них старославянском языке литературой-посредницей.¹ В первые века истории славянской книжности в каждой из национальных литератур к этой литературе-посреднице принадлежало около 90 % репертуара. Она же в свою очередь состояла из переводов с греческого, ибо пришла к славянам из единоверной им православной Византии. В эту литературу входили переводы книг Священного Писания, богослужебных книг, творений отцов Церкви и других византийских богословов и проповедников, житий святых, патериков, хроник и других памятников, без которых не могло ни осуществляться богослужение, ни воспитываться нравственность и формироваться мировоззрение новообращенных христиан. Однако уже в XII—XIII веках к этому обязательному и необходимому репертуару были сделаны дополнения: интерес к истории побудил перевести обширный роман о деяниях Александра Македонского — «Александрию», вошедшую в славянские хронографические своды и поэтому называемую Хронографической, в отличие от Александрии Сербской, о которой речь пойдет ниже. Была переведена книга Иосифа Флавия, в которой повествовалось о взятии Иерусалима римлянами в первом веке нашей эры. Были переведены Повесть об Акире Премудром и

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 23—41.

Девгениево деяние. Все эти произведения читатели воспринимали в одном ряду, как историческое повествование (хотя таковым являлась лишь «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), ибо возможность вымысла в литературе тогда казалась недопустимой. С такой же верой в достоверность воспринималась и апокрифическая литература, считавшаяся в ряде случаев естественным дополнением к библейскому повествованию. К началу XIII века Древняя Русь обладала обширной переводной литературой, основные памятники которой были изданы во втором, третьем и пятом томах настоящей серии.

Но в XIII веке на Русь обрушилась катастрофа монголо-татарского нашествия. Был нанесен огромный урон и русской культуре — ведь почти все крупные города Руси, за исключением Новгорода и Пскова, были захвачены, разграблены и сожжены. В XIV веке, оправившись от военных потрясений, Русь начинает интенсивно возрождать свои интеллектуальные богатства. Собираются и размножаются в новых списках уцелевшие остатки книжности Киевского периода, увеличивается поток книг, переписанных по заказам из Руси в монастырях Константинополя и Афона.¹ Вновь активизируется освоение богатств византийской христианской литературы через новые переводы с греческого. В конце XIV века все в большей степени растет поток книг с Балкан, что стимулируется и турецкой экспансией: в 1389 году на Косовом поле терпит поражение сербское войско, и Сербия становится турецким вассалом. В конце XIV века турки полностью оккупировали Болгарию. В Московскую Русь устремляются не только рукописи, но перебираются и сами «книжные люди», среди которых были и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет. За счет новых переводов и «трансплантации» рукописей существенно расширяется репертуар древнерусской книжности. Обратимся к переводным памятникам, включенным в настоящий том.

Он открывается так называемой Сербской Александрией. Ее появление на Руси, уже знакомой с Александрией Хронографической, отражает повышенный интерес древнерусских книжников к всемирной истории. Уже на рубеже XIV—XV веков составляется хронографический свод — Троицкий хронограф, в первой половине века создаются редакции Летописца Еллинского и Римского; вторая редакция Летописца представляет собой монументальный хронографический свод, в котором особенно обстоятельно с привлечением новых источников излагалась история Рима и Византии. Входила в Летописец и новая, дополненная, редакция Хронографической Александрии. Но русским книжникам этого показалось недостаточно: была переведена с сербского (откуда и ее

¹ См.: Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. XXIII. С. 171—198.

название) еще одна версия Александрии, в которой содержались новые сюжетные мотивы, находившие аналоги в литературных памятниках европейского Предвозрождения: здесь чаще, чем в прежних редакциях Александрии, мы встретим обращение к античной мифологии, вводится рассказ о посещении Александром Трои и его восхищении героями Троянской войны; упоминается царевна Поликсена: обрученная с Ахиллесом, она не хочет и не может его пережить и умирает на могиле героя. Мы найдем здесь и похвалы женской верности, что отражает уже новые представления о чувственной любви, которая в прошлом решительно осуждалась как нечто противопоставляемое благочестию христианина. Характерно, что только в Сербской Александрии подобным же образом поступает и жена Александра — Роксана: после смерти мужа она бросается на его меч и погибает.

Другой новой чертой Сербской Александрии по сравнению с Хронографической является присутствие в ней библейского мотива: Александр не только посещает Иерусалим и почтительно беседует с архиереем, как об этом рассказывается во второй редакции Хронографической Александрии, — теперь Александру покровительствует библейский пророк Иеремия. Он является ему во сне перед битвой с Дарием и призывает молиться Богу, а в другом сне тот же Иеремия поведал Александру о грядущем Страшном Суде и воскресении мертвых. Вообще, размышления о скоротечности и бренности жизни пронизывают все произведение. Исследователь отмечал неслучайность этого мотива: «Трагическая тема Сербской Александрии весьма характерна для литературы позднего средневековья. (...) Ощущение „горького вкуса жизни“, предчувствие смерти (...) все это общие черты позднесредневековой культуры».¹ Заметим при этом, что сам интерес к личности и деяниям Александра Македонского характерен и для западноевропейской литературы того времени.

Другой сюжет, также получивший широкое распространение во всех европейских литературах, — история Троянской войны. Впервые с подробным изложением легенд Троянского цикла (правда, не в соответствии с гомеровским эпосом, а в версиях мнимых участников Троянской войны — Диктиса и Дарета) древнерусский читатель мог познакомиться по пятой книге Хроники Иоанна Малалы,² но она не получила широкого распространения на Руси. Поэтому по существу Троянский цикл стал известен русскому читателю лишь в XV веке. Во-первых, была переведена византийская хроника Константина Манасии, одна из глав которой содержала подробный рассказ о Троянской войне

¹ Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 155.

² Древнерусский перевод книги опубликован: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подг. издания, вступ. статья и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 117—152.

(см.: наст. изд. Т. 9. С. 120—131). Тогда же на Руси стала известна южнославянская повесть на тему Троянского цикла — «Притча о кралех». Древнерусский книжник, составитель Русского хронографа, в начале XVI века составил свою версию рассказа, объединив фрагменты из упомянутой выше главы Хроники Манассии и из «Притчи о кралех». Это новое произведение — «Повесть о создании и поплении Тройском» — публикуется в настоящем томе.

На рубеже XV—XVI веков переводится латинский роман XIII века «*Historia destructionis Troiae*» («История разрушения Трои») сицилийца Гвидо де Колумна, по предположению И. Н. Голенищева-Кутузова, придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена — императора Священной Римской империи и короля Сицилии. Это типично рыцарский роман, восходящий через французское посредство к сочинениям многих участников Троянской войны — Дареса Фригийца и Диктиса Критянина, в действительности, неизвестных нам по имени авторов III—IV веков н. э. Хотя основное содержание романа — история захвата и разрушения Трои и описание подвигов греческих и троянских героев, здесь большое место занимает и описание любовных коллизий — любви Язона и Медеи, Париса и Елены, Троила и Брисеиды (эти герои становятся популярными по существу лишь в средние века, у Гомера они лишь упомянуты) и наконец — Ахиллеса и Поликсены. Как и Сербская Александрия, Троянская история вводила в круг интересов древнерусского читателя тему земной, чувственной любви. Но значение романа Гвидо прежде всего в том, что он полнее других произведений отражал все легенды Троянского цикла — от похода аргонавтов за золотым руном до описания странствий Одиссея. В настоящий том включен лишь небольшой фрагмент из Троянской истории — первая, вторая и части третьей книги из 35 книг, составляющих «Историю».

Необычным для традиционной древнерусской системы жанров было и появление в конце XV века повести «*Стефанит и Ихнилат*» — басенного цикла, восходящего через греческое посредство к индийской «*Панчатантре*». Впрочем, как указывает исследователь и издатель памятника О. П. Лихачева, древнерусский читатель не придавал особого значения беллетристичности произведения, восприняв его как своего рода сборник нравоучительных притч, подобных тем, которые он встречал в святоотеческих сочинениях или сборниках афоризмов (см. подробнее ниже, с. 552—554).

Итак, повествовательные переводные памятники XIV—XVI веков отличается прежде всего напряженная сюжетность — читатель с интересом следит за рискованными поступками Александра, отправляющегося под видом посла к своему врагу Дарию или спускающегося в пещеру мертвых, откуда он может не вернуться. Вероятно, не оставляли равнодушным читателя и рассказы Троянской истории, например, о том, как хитроумные греки сумели обмануть троянцев, и те сами втащили за неприступные стены своего города рокового

коня со спрятанными в его чреве воинами. Благочестивый читатель знакомился с античными языческими мифами, и языческие божества, правда с охранительными эпитетами, встречались ему на страницах псевдоисторических повестей и романов. Необычайно широк был мир, в котором разворачивалось действие: Греция и Рим, Египет и Персия, Индия и острова блаженных и вообще неведомые земли на краю ойкумены, где не светит солнце, где обитают диковинные звери, где произрастают говорящие деревья...

Но было бы ошибкой полагать, что в жанровой системе, в самом характере древнерусской литературы произошли кардинальные перемены и что литературу высокую и учительную сменила развлекательная беллетристика. Вспомним, что произведения об Александре Македонском и Троянской войне воспринимались как исторические повествования, и даже при этом Сербская Александрия, например, в XVI веке исчезла из читательского обихода. Если в XV веке, как убедительно доказала исследовательница памятника Е. И. Ванева, существовало несколько ее списков, то от XVI века не сохранилось ни одного, и только XVII век с его светскими устремлениями поражает нас обилием списков и редакций этого памятника. Троянскому циклу повезло больше: «Повесть о создании и поплении Тройском» вошла в Русский хронограф — памятник чрезвычайно авторитетный и широко распространенный, а полный текст перевода романа Гвидо де Колумна хотя и встречается в списках редко, но зато удостоился быть включенным в Лицевой летописный свод, гигантскую хронографическую компиляцию, созданную в 60—70-х годах XVI века по инициативе Ивана Грозного.

Однако самое главное в другом: исторические (точнее — псевдоисторические) повествования — лишь сравнительно небольшая часть репертуара переводной литературы XIV—XVI веков. Книжники этого времени, как и их предшественники, стремились к расширению своих богословских и философских познаний. Появлялись новые переводы книг Священного Писания, и именно в конце XV века был собран первый полный кодекс библейских книг — Геннадиевская библия, в которую, помимо переводов с греческого, осуществленных у южных славян и на Руси в X—XIV веках, вошли и переводы нескольких книг с латыни. В новых переводах появляются творения Василия Великого, Нила Синайского, Исаака Сирина и других отцов Церкви. Важное место в этом ряду занимает перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, атрибутируемый первому афинскому епископу, ученику апостола Павла, но созданный, однако, как полагают современные исследователи, неизвестным автором в V—VI веках, поэтому говорят обычно о Псевдо-Дионисии Ареопагите. Корпус Ареопагита состоит из четырех книг и десяти посланий. Эти сочинения с комментариями Максима Исповедника (XII век) были переведены с греческого сербом Исайей в 1371 году. Они познакомили читателя с достижениями античной учености, являя собой «органическое соединение христиан-

ской веры с платоническим искусством отвлеченного умозрения».¹ Творения Псевдо-Дионисия были переведены также на армянский, грузинский, сирийский, эфиопский, коптский и латинский языки. На Руси в XV веке уже были известны как южнославянские, так и русские списки. Влияние Ареопагита на развитие русской богословской и философской мысли вплоть до XVII века (к этому последнему периоду относится наибольшее число дошедших до нас списков) было исключительно велико. В настоящий том вошли Предисловие переводчика (Исайи) и книга «О небесной иерархии».

Живо интересовались на Руси тайнами мироздания, географическими сведениями, описаниями животного и растительного мира, видя в многообразии и разнообразии мира свидетельство безграничных возможностей Творца. Восторженно повествует о искусном и премудром Создателе Хроника Константина Манассии (см. там рассказ о сотворении мира — на с. 114—121 девятого тома настоящего издания). Все чаще появляются так называемые «энциклопедические» сборники, содержащие статьи по различным проблемам астрономии, географии, медицины, хронологии. Как нельзя более отвечала этим интересам переведенная в XIV веке «Диоптра» Филиппа Пустынника, фрагменты из которой публикуются ниже. Любопытно, что в содержащемся в «Диоптре» диалоге Души и Плоти именно Плоть объясняет Душе, своей госпоже и властительнице, что она бессильна без Плоти, ибо лишь с ее помощью постигает окружающий мир и только посредством Плоти Душа «материализует» свои помыслы и желания. Тело отвечало Душе и на вопросы, чрезвычайно волновавшие людей средневековья: как могло произойти, что созданные Богом праотцы Адам и Ева все же поддались на ухищрения дьявола и тем самым утратили дарованное им бессмертие, как именно свершится величайшее таинственное событие — воскресение мертвых, как вновь сочетаются бессмертные души с тленными (и уже давно истлевшими!) телами и какой облик примут воскресшие. «Диоптра» содержит наиболее полный для своего времени свод сведений о человеке в его христианской интерпретации.

Судьба души после смерти — вопрос, постоянно задававшийся мыслящими христианами, ибо Библия не давала на него прямого ответа. Не случайно эта тема разрабатывалась в апокрифических легендах. Таковой является и рассказ о посмертных мытарствах Феодоры из византийского Жития Василия Нового, также публикуемый в настоящем томе.

Мы видим, что переводная литература XIV—XVI веков существенно пополнила репертуар древнерусской книжности, открыла новые возможности для богословского и философского осмысления бытия. Она пополнила знания о событиях и героях древности, расширила круг знаний о земле и природе. В

¹ Прохоров Г. М. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 491.

это время бурно развивалась и оригинальная отечественная литература: в XIV—XVI веках составляются десятки летописных сводов, слагаются исторические повести, создаются сотни житий и гомилий. Эти века украшают собой имена Епифания Премудрого, Пахомия Серба, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, царя Ивана Васильевича Грозного. Но несмотря на развитие национальной литературы, удельный вес литературы переводной все еще остается весьма значительным. Наглядным свидетельством станут «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, призванные собрать «все книги Четьи», читающиеся и чтимые на Руси. Минеи все же содержат в большей своей части переводные памятники. И это совершенно естественно, так как перед нами средневековая литература, основной задачей которой в то время оставалось утверждение христианского православного мировоззрения и христианской нравственности. А переводная, в значительной своей части святоотеческая, литература в наибольшей степени отвечала этой потребности.

О. В. Творогов

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

XIV—первая половина XVI века

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВѢСТНО САМОДЕРЖЦА,
ЦАРЯ ВЕЛИКІЯ МАКЕДОНИЯ, И НАКАЗАНИЕ
КО ХРАБРЫМЪ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.
ЧЮДНО ПОСЛУШАТИ, АЩЕ КТО ХОЩЕТЪ

К воинством устремляющесе полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуда бысть и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася. Подобае же сего чтущимъ разумѣти, и разумевающимъ сего воинствомъ и добродѣтелемъ уподобитися и смысла да разумѣти елицы.

Бысть же великое Божие промышленіе создавши собѣ храмъ и сего седмъ утвердивша столпъ.* И в пять тысяч сего стояния, царствующу великаго Рима Таркинию царю,* начальствующу же израильтескими людьми и еврейскому господству от архиерей Иеремѣю пророку,* господствующу восточнымъ странамъ Криксу сыну, Дарию,* обдержашу Индию, Египтом же великимъ обладающу Нектанаву* волхву, царю сушу, тогда Ридийскимъ странамъ* и Македоньской земли и Еладцкими отоки обладающу Филипу, греку сушу и еллину. Родися ему сынъ тогда, и нарече имя ему Александръ, по греческому языку «избранне муж».* Избранъ сей и младъ и красенъ, смиренъ же и благообразенъ ко всѣмъ зрящимъ его. Сеи же ни есть от телеснаго утворения, но о всемъ виновнаго благимъ великаго Божия промысла. Помагающе же симъ имяше естественое добродѣтелей суть си: непотворно и во языке же непоколебимо имать, иманія же вся яко тлѣнная и мимотекущая вменияше, долготерпелив же к согрешающимъ безмѣрно. Сими же четырьми добродѣтелми четырьемъ вселенскимъ концемъ царь и самодержецъ назвася. Елико невозможно есть в книзе сей написати, ни на сердце челоуѣку не възде, ни во умъ челоуѣку неподатливу не видеть. Александровы добродѣтели, душевныя и телесныя, преди рекоша.

Повесть начнемъ о рождении его и о храбрости его. Глаголюще бо быти его сына царя Филипа. Но нѣсть тако, занеже лжа, но египецкаго царя Нектава, великаго волхва, сынъ и Олимпияды, жены Филиповы. Случи же ся сиче. Нектанавъ, царь египетский, волшебною хитростию и звездочетию египет-

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О САМОДЕРЖЦЕ,
ЦАРЕ ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ, И НАСТАВЛЕНИЕ
ХРАБРЫМ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ.
ЧУДНО ПОСЛУШАТЬ ТЕМ, КТО ХОЧЕТ

К воинству устремляющимся полезно и честно услышать о добродетельном и многоумном муже Александре, великом царе македонском, кто он есть, и как и откуда пришел, и благодаря каким добродетелям стал царем и самодержцем всей вселенной. Подобаает же читающим понимать, а понимающим — уподобиться воинству и добродетелям его, смыслу сего внимая.

Создал же великий Божий промысл себе дом и утвердил его на семи столпах. И когда простоял он пять тысяч лет и в великом Риме царствовал Тарквиний-царь, а над израильскими людьми и над еврейской державой начальствовал от первосвященников пророк Иеремия, в восточных же странах господствовал сын Крикса, Дарий, державший во власти Индию, и Египтом великим владел волхв Нектанав, бывший там царем, — в те времена Придийскими странами, и Македонской землей, и Элладскими островами владел грек Филипп, язычник. Родился у него тогда сын, и дал он ему имя Александр, что по-гречески значит «избранный муж». И действительно, он был молод, красив, для всех видящих его был смирен и благообразен. И было это не от телесной природы, но от великого Божия промысла, источника всякой благодати. Имел он к этому и естественные добродетели: справедлив, непоколебим был в слове своем, богатства все считал тленными и преходящими, к согрешающим был терпелив безмерно. Благодаря этим четырем добродетелям стал царем и самодержцем над четырьмя концами вселенной. Обо всем этом ни в книге этой невозможно написать, ни в сердце или уме неподатливого человека это не вместится. Итак, о добродетелях Александра, душевных и телесных, мы сказали вначале.

Повесть же начнем о рождении его и о храбрости его. Говорят, что он сын царя Филиппа. Однако это не так, ложь это, ибо сын он египетского царя Нектанавы, великого волхва, и Олимпиады, жены Филипповой. Случилось же это так. Нектанав, египетский царь, был силен в чародействе и в египетском

скимъ украшенъ зело. Не бранми, ни ратьми, ни вои, ни оружиемъ противляхуся, но помощнику собѣ имѣя волшебную хитрость, с сею всѣмъ противляеся градомъ. Его бо о семъ вси околнии царие недооумѣющеся и стужившеся, совѣтъ сотвориша, глаголюще: «Что сотворимъ лукавому и волшебному сему египецкому князю? Вся бо благая земли наша богатства волшебнымъ ухищрениемъ возьмъ и к своей земли приложи. Мы же сихъ стражуше недоумеваемъ. Но к тому не терпимъ лукаваго сего Аркуса, но вкупе вси собравшеся, на землю египецкую вси устремимся, и Нектанава из царства изгонимъ, и благая своя опять собѣ примемъ, бесплодну бо ему и без наслѣдья, лукаву бо ему и страшливу, и сама та супротивитца ему египецкая земля». Бяху бо совещавшеся языцы на Нектанава: перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги* и инии восточнии цари и языцы мнози.

Сихъ египецкии краишници видевъ Верверехъ* многое множество неисчетно, восплакався рече: «О горе тобѣ во градехъ великий Египте! До небесъ вознесеша и до ада снидеша! Руки бо твои быша на всѣхъ и ныне же руки всѣхъ на тобѣ! Сладости бо насытився медовныя, горкаго достигль еси яда вкусити!» И тако к Нектанаву устремися. И притекъ, о нашествии ему возвестивъ неисчетное восточнымъ войскомъ. Приступивъ же к нему рече: «Вѣдомо да ти есть, о царю, яко смертию изменяеши живот свой днесь. Дарий же, перскій царь, иже мнитца богомъ, на между земля твоя прииде со всѣми восточными цари, и ранами ранити имае тебе ради Египетъ. Да совокупи и ты вся воя на брань и прямо имъ устремимся. Ничтоже бо имать успѣти силнее воисце и храбрымъ витяземъ волшебная чародѣйства; царь на царя, мужъ на мужа, конь на коня обои честь с помощника имуще. Царство множествомъ людей состоится, якоже море со своими волнами, и тако страшно плавающимъ является». Сие же Вервереху к Нектанаву рекшу, посмеявся царь, рече ему: «Ты оубо вѣрную ти службу совершилъ еси. Рать бо множествомъ людей не бывает. но добрыми и храбрыми сердца. Многожды бо левъ единъ множество стадъ еленей разганяетъ, адиного волка напрасное скочение многа стада овецъ разгонитъ. Ты оубо на отреченную ти работу отъиди и тѣхъ часто исходи и ко мнѣ вѣсти подавай». И сие рекъ, Верверег послалъ.

Сам же книги расписа по всѣмъ градомъ и странахъ египецкихъ, готовитися повелѣ и всѣмъ на брань быти и за землю, и за отчину и за царство битися. Но идѣже Богъ не хоцетъ, человекъ ничтоже можетъ. Царь же в полату вниде волшебную, леканомандию* терти начат волшебную и златую лохань воды наливъ, от *воска* две рати в водѣ сотворивъ, и видевъ свою рать побиваему от перские рати, боги же египецкие виде в корабли варварскимъ вводящи войску ... во Египетъ, в недооумѣние впаде и восплакався рече: «О горе тебѣ Египте! На многия лѣта прославися вкупе со царемъ своимъ и во едино лѣто погине! Нѣсть бо радости, иже не преложится на жалость, ни слава на земле, иже в мале являетъ, а вскоре погибаетъ». Добре рече: «Надѣющеся

искусстве читать по звездам. Не бранями и ратями, не воинами и оружием удерживал он врагов, но имел себе в помощь чародейство и им противостоял всем городам. Поэтому все соседние цари в растерянности пребывая и страхе, собрались на совет, говоря: «Что сделаем с этим коварным волхвом, египетским князем? Все богатства земли нашей с помощью волхвования взял и к своей земле присоединил. А мы страдаем и не знаем, что делать. Но не потерпим больше этого коварного Аргуса, и, собравшись все вместе, на землю Египетскую устремимся, и Нектанава из царства изгоним, и все свое опять себе вернем, ведь бесплоден он, нет у него наследников; ведь коварен он и пуглив, сама Египетская земля будет против него». Совещались же против Нектанава народы: персы, иверы, арапы, кияне, ефиопы, еглаго, и иные восточные цари, и народы многие.

Увидел это неисчислимое множество народов Верверех, египетский краишник, и со слезами сказал: «О горе тебе, великий среди городов Египет! До небес вознесся и до ада снизойдешь! Руки твои были на всех, а ныне руки всех — на тебе! Сладости насытился медовой, горького пришло время вкушить тебе яда!» И устремился к Нектанаву. Прийдя, возвестил ему о нашествии с востока несчетного войска. Приступил к Нектанаву и сказал: «Да будет известно тебе, царь, что на смерть меняешь сегодня жизнь свою. Дарий, персидский царь, что считает себя богом, на границу земли твоей пришел со всеми восточными царями и ранами будет ранить Египет из-за тебя. Собери и ты все войско на битву, и устремимся против них. Ибо не может противостоять сильному войску и храбрым витязям волшебное чародейство; пусть идут царь на царя, муж на мужа, конь на коня — оба имеют помощником свою честь. Царство ведь из множества людей состоит, как и море из волн, и этим страшит плавающих». Когда Верверех сказал это Нектанаву, посмеялся царь и сказал ему: «Ты выполнил порученную тебе службу. Войско же сильно бывает не множеством людей, но крепкими и храбрыми сердцами. Ведь один лев стада оленей разгоняет, и неожиданное нападение одного волка разгонит многие стада овец. Ты же иди к порученной тебе работе и часто о врагах мне вести подавай». И сказав это, Вервереха отослал.

Сам же грамоты во все города и части Египта разослал, веля готовиться к войне и биться за землю, за отечество, за царство. Но где Бог не хочет, человек ничего сделать не может. Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет, — и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибаешь! Ибо нет радости, которая бы не сменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла». Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опи-

волшебной хитрости, подобни суть наслажняющимся на воду — егда же опрется, тогда и погрузится и безчестие имяй в себѣ». Царь же Нектанавъ, быти ему во Египте, не могий с тыми братися, жалостию и срамотою объять бивъ. Браду же и главу остригъ, в полунощи же изъ царьскихъ домовъ изыде, в далний в Филипус, в Македонъский градъ,* доиде. Никому же его не знаючи, съде же ту нѣ в коем мѣсте скровнемъ, врач* же сказовашеся быти и мастер хитрый от египетцкихъ звездочетецъ суще.

Египтяне же о нашейшей на нихъ рати пострадаша много, ко дворомъ царя своего Нектанава притекоша, и сего не обрѣтше, и восплакашася горко. Писание же обретоша на одрѣ его, глаголюще сице: «Любимый мой Египте, зла вашего не могу терпѣти и во ину страну отъидох и по тридесятехъ лѣтехъ паки прииду к вамъ». Сие же написание обрѣтше, египтяне же Нектанава измолеваше во злате, на столпѣ высоце средѣ града Египта поставиша, вручивше ему писание оно, на главу же ему венець златъ наложиша. Сами же к Пасидону* потекоша, богу своему, моляхуса о Нектанаве вопрошаху его. Он же во снѣ явлься имъ и рече: «По тридесятехъ лѣтехъ имать приити и меч неуломленъ десницы перской имать приити и заступити и враги ваша перси покорити под ноги ваша».

В Македонии же бивъ великъ Нектанавъ и от македонянь мняшеся быти великъ врач нарицашеся и волхвъ от нихъ.

Царь же македонъский Филип имяше жену именемъ Алимпияду. И многою скорбию смущаше царскую славу и богатство, понеже бесплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело. И зряше Филипъ, мужъ ея, неплодну, раскидашеся союзъ любве, еже к ней имѣяше. Отходящу же ему на путь, в сердости призва ю и рече ей: «О милыи свѣте очию моею и душе моя, Алимпиядо, яко аще до возвращения моего не будет ти отрочате, некому очи мои узриши, ни на перси мои любезно возлежеша». И сие рекъ ей, отъиде на войну.

Алимпияда же в скорби и в тузѣ оставши, недоумѣючи, что сотворити. Едина же от отроковицъ ея, видящи ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде нашемъ человекъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ, егоже возможно мню быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши». Она же се слышавши, вскоре повелѣ ей призвати его. И пришедшу ему, рече царица к Нектанаву: «О человекъ египтянине, истинна ли есть слышания о тебѣ, яко можеша хитростию своею разрешити сооюзъ утробы моя неплодство и сильному царю Филипу сердце утвердити и любвѣ своей и безмѣрную жалость на радость претворити. И возмездия от мене благая примеша и от македонянь великъ назовешися». Нектанав же сие видевъ и неизреченному сиянию доброте лица ея дивися и очима на ню взирая и главою покивая стоящи. Она же, помышляючи, един ако хотяше вѣщати, к нему рече: «Что ми труды даеша, человекъ? Аще сия умѣши,

раующимся на воду, — как только обопрется, сразу и погрузится с бесчестьем». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали. Остриг бороду и голову, в полночь ушел из царского дворца и в дальний Филипуст, македонский город, пришел. Никто его там не знал, он поселился тайно в некотором месте, назвавшись врачом и искусным египетским мастером в чтении по звездам.

Египтяне же от напавшего на них войска много пострадали, ко дворцу царя своего Нектанава прибежали и, не найдя его, заплакали горько. На постели его нашли такое писание: «Любимые мои египтяне, бед ваших вынести не в силах, и в иную страну ушел, через тридцать лет вновь приду к вам». Египтяне, найдя это писание, сделали изображение Нектанава из золота и на высоком столпе среди города Египта его поставили, в руку дав ему писание его, а на голову возложили золотой венец. А сами поспешили к Пасидону, богу своему, и о Нектанаве его вопрошали. Он же во сне явился им и сказал: «Через тридцать лет придет, и от меча персидской десницы защитит вас, и врагов ваших — персов — положит под ноги ваши».

Нектанав же в Македонии был знаменит и почитался македонянами как великий врач и волхв.

Македонский царь Филипп имел жену по имени Олимпиада. Многою скорбью смущала она царя, так что царская слава и богатство не радовали его: не было у нее детей, хотя красива она была весьма. Видя ее бесплодие, царь Филипп, муж ее, терял любовь, которую имел к ней. И когда отъезжал он на войну, призвал ее и в сердцах сказал: «О милый свет очей моих и души моей, Олимпиада, если до моего возвращения не будет у тебя ребенка — очей моих больше не увидишь и на грудь мою любезно не ляжешь». И, сказав это, ушел на войну.

Олимпиада, оставшись в печали и скорби, не знала, что делать. Одна из ее отроковиц, видя, что скорбит она из-за бесплодия, сказала Олимпиаде: «Царица, есть в нашем городе человек — египтянин, муж искусный делом и словом, который может, я думаю, все желания сердца твоего исполнить, если только повелишь ему увидеть тебя». Она же, услышав это, велела скорее призвать его. И когда он пришел, говорит царица Нектанаву: «О египтянин, истинно ли то, что я слышала о тебе, — будто искусством своим можешь разрушить бесплодие утробы моей и сердце царя Филиппа утвердить в любви его, безмерную печаль в радость обратив. Вознаграждение богатое от меня получишь и македонянами будешь прославлен». Нектанав же, видя ее, неизреченному сиянию красоты лица ее дивился, стоял, и глядел на нее, и головою кивал. Она же, думая, что хочет он говорить наедине, сказала ему: «Что затрудняешь меня, человек? Если умеешь — действуй, не медли». Он

дѣйствуй, не ликуй». Он же приразився добротою лица ея, устрелен бысть любовию сердца ея. Волховный же чародѣй бысть и ко царицы рече: «Виждь боги с тобою хотят быти, царице, Амона, и Пинеса, и Неркулия* великаго. Да аще сему вход сотвориши, мати великаго царя наречеши себе». Се же слышавши царица возрадовася зело прелестнымъ и волховнымъ его рѣчемъ, яко да чадомъ мати назовешися чаючи. Рече ей близъ полаты царицы клѣтъ сотворити ей малу повелѣ — яко да к ней бога Амона призовет.

Сей же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены. И самъ вниде к ней Нектанавъ во образе Амона. Таков же образъ Амоновъ: глава орля и на ней роги василисковы и опашия аспидова* и ноги аспидовы и лвовы, крила же грипсовы злати и черни. Сицевъ образъ Амонов. Вниде же к ней с мечтаниемъ и пребывъ с нею и паки изыде с мечтаниемъ.

Сею прелестию прелстившися Олимпияда и страхъ суши в сердцахъ взявши, въ царскихъ домехъ живеть. Нектанавъ же приступивъ къ царицы рече ей: «Блажена еси ты в женахъ, Олимпиядо, вселенней царя во чреве прияла еси. Внегда же время рожения твоего придетъ, тогда призови мене к собѣ — елика ти реку, то и сотвори».

Часу же рожения приспѣвшу, приступивъ Нектанавъ къ царицы рече: «Подержи в собѣ, царице, не роди, дондеже благорастворенъ час приидеть, аще бо в сий час родиши, то раба родиши непотребна челоуѣкомъ. Но мало пождавши родиши, дондеже небесныя планиты стануть на ставу, и стихия уставятся, и тогда царя царемъ породитиши и велеумна челоуѣка, великаго Александра».

Месяца марта въ 12 день в час девятый рождъшуся отрочати и излѣзшу паки на свѣтъ, и проплакавъ и рече: «В четыредесятое лѣто паки возвращуся к тобѣ, мати!» Олимпияда же, взявши отроча, ко Дафенеону Аполону* отнесе в церковь, и от того отрочищу благословитися моляшеся. И от книгочина Аполоновых и волховъ искаше увѣдати, каково убо отроча сие хощеть быти. Волшебною хитростию сии к мудрымъ являшеся Нектанавъ и рече сице, яко отроча сие всей подсолнечной будетъ царь и благостию, и разумомъ, и мудростию великъ явлься. Отца же своего убивъ, по четыредесятому лѣту возвратится к матери своей, к земли.

Филипу же на войсце ему сушу, брани ему тамо много сотворшу и паки к макидоняномъ возвращающуся, явися ему богъ его Амон во сне во образе льва рогомъ златымъ, на немъ руку Александрову нося, глаголя: «Радуйся и веселися, царю Филипе, яко супостата своего победил, а сына Александра повиль еси, великаго нарочита царя суца». Филипъ же от сна возбудився, о видѣнии размышляше, сего к Менадру и Аристотелю исповѣдуетъ, двема македонскома философома. И в той часъ орелъ великъ летѣлъ чересь шатер царя Филипа, яйце напрасно испусти на крыло Филипово. Филип же ужасесе,

же, пораженный красотой ее, пронзен был любовью в сердце. Будучи же чародеем, говорит царице: «Смотри, царица, боги Амон, Пинес и Неркулий с тобою хотят быть. Если позволишь им войти, матерью великого царя станешь». Услышав его обманные и лукавые слова, царица очень обрадовалась, желая стать матерью. Нектанав же велел ей близ царской палаты сделать клеть малую — чтобы он призвал к ней бога Амона.

И совершил этот обман Нектанав, видя таковую жену, ибо хитер был обращать жен ко всякому падению. И сам вошел к ней Нектанав в образе Амона. А образ Амона таков: голова орла, на ней рога василиска, хвост аспиды, ноги аспидовые и львиные, крылья грифона черно-золотые. Таков вид Амона. Вошел к ней Нектанав наваждением и, побыв с нею, наваждением же и вышел.

Обманутая этим Олимпиада, приняв в сердце страх, живет в царских дворцах. Приступил Нектанав к царице и сказал ей: «Блаженна ты в женах, Олимпиада, царя вселенной приняла в чреве своем. Когда же время придет тебе родить, призови меня к себе — что тебе скажу, то и сделай».

И когда наступил час рождения, пришел Нектанав к царице и сказал: «Придержи в себе, царица, не роди, пока не придет благоприятный час, если сейчас родишь, то родишь раба, ненужного людям. Подожди немного — пока небесные планеты расположатся в подобающем порядке и стихии установятся, тогда царя над царями родишь и многоумного человека — великого Александра».

Месяца марта в двенадцатый день, в час девятый родился ребенок, и лишь только появился он на свет, плача сказал: «Через сорок лет возвращусь к тебе, мать!» Олимпиада, взяв дитя, отнесла его в храм к Дафенеону Аполлону, прося благословить дитя. И желали узнать от книжников Аполлоновых и волхвов — каким будет этот ребенок. Волшебным образом явился к мудрым Нектанав и сказал, что дитя это всей вселенной будет царем, велик будет благостию, разумом и мудростью. Отца же своего убьет и в сороковой год возвратится к матери своей, земле.

Когда же Филипп, на войне быв, многие битвы совершил и снова к македонянам возвращался, явился ему бог его Амон во сне в образе льва с золотым рогом и, на руках неся Александра, сказал: «Радуйся и веселись, царь Филипп, так как врага своего победил и сына Александра родил — великого избранного царя». Проснувшись, Филипп об увиденном размышлял и рассказал об этом Менандру и Аристотелю — двум македонским философам. И в это время большой орел пролетел через шатер царя Филиппа и яйцо нечаянно выронил на край его одежды. Филипп испугался и с постели своей вскочил, а

с постели своя скочивъ, и яйце на землю спадше и разбившуся яйцу, змея из него изыде, на вратех же умре. Ту же прилучися премудрый Аристотель и рече: «Поистине, царю Филипе, истинно видел еси в ночь сию».

И в той часъ вѣстницы от Македония приидоша ко царю Филипу и дары ему красны от Алимпияды принесоша, о отрочати возвестиша рождениемъ. Филип же вскоре в Македоню прииде и радости велии исполнився о рождении отрочати. Пришедшу же Филипу во свой градъ, отрочати же его стрѣтшу, о семъ царь любезно возрадовася и вселюбезно его прием и целоваше его радуяся, глаголя: «Радуйся, второй прекрасный Иосифе, второй храбрый Целюшу,* днесь бо ми даръ свершень от Бога исходитъ. Аще ми в сий часъ умрети, обаче смерти не вменю, родив чадо». И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от Бога, возьмъ, научи Омировым* писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростемъ».

Александръ же упражняешся на учения, «Илияду» и «Очисяю» всю за год изучи и «Органъ великий»* за другии годъ изучивъ. О семъ возненавидѣша его подобнии ему отроцы. Всякая зависть и ненависть почитати добродѣтель и всякому добру нарочиту послѣдует ненависть велика. Рекоша ему отроцы и яко: «Аще бы к Нектанаву вольхву пошелъ бы ты, и онъ бы тебе научил небеснаго круга хождению и часовныхъ хождений хитрости преступления». Сия же слышавъ Александръ, к матери своей рече: «Аще хощещи мене научити, мати, египетцкому мудрецу Нектанаву предай мене на учение. Слышах искусна сущи мастера небесныхъ звѣздъ подвигомъ». Скоро по мастера посла Алимпияда, Александра же предасть ему на учение, рече к нему: «Научи его, мастере, своей хотрости». Тайно рече к нему: «Предай, Нектанаве, своему от своих си. Богатство всяко славно есть, такожде и мудрость похвална есть, аще к требующимъ подѣлуется». Сие же слышавъ отецъ его Филипъ рече: «Поистине отрокъ сей есть от небеснаго промысла, понеже небесная вешает учения». Нектанав же научи его всей египетцкой хитрости.

Во единъ же от дни в мудрыхъ Аристотель, четыреста дѣтей собравъ, сверстницы Александру, и хотяше нарокъ испытати Александровъ. И перед двема стома Александра постави и Птоломѣя,* нѣкоего уношу, сына суща великаго воеводы Филипова. Филипъ повелѣ во грить* нарядитися, и сразившимся двема стома дѣтей и бѣ видети зело украшено и, взявше мѣста, предрержаху, имже рать творяху; егда же кого окровавляху, и яко побежень из боя исхожаше. Александръ же паче всѣхъ преспеваше, супротивныхъ добывъ; от всѣхъ детей прославлен бысть яко царь. И видѣвъ сие, даскаль его чюдный Аристотель дивляшся, глаголя: «Благочестиву мужю Богъ помогает и врази ему не злобствуютъ. Злочестиву мужу ни ближнии его друзи не могутъ». К нему же рече Аристотель: «Господине Александре, аще царь наречешися земный, что мнѣ добро сотвориши, дидаскалу своему?» Он же рече к нему:

яйцо упало на землю, и, когда разбилось яйцо, змея из него выползла, и, когда хотела вползти обратно, умерла. Тут случился премудрый Аристотель и сказал: «Истинно то, что видел ты этой ночью».

И в тот же час пришли вестники из Македонии и прекрасные дары ему от Олимпиады принесли, возвестив о рождении сына. Филипп вскоре в Македонию вернулся, весьма радуясь рождению сына. Когда же пришел Филипп в свой город, дитя его встретило; царь обрадовался, и с любовью его принял, и целовал его, и говорил: «Радуйся, второй прекрасный Иосиф и второй храбрый Ацелеш, сегодня мне дар совершенный от Бога исходит. Если я в сей час умру — то и смерть не страшна, ибо родил дитя». После этого царь Филипп призвал великого Аристотеля, мужа искусного и отличавшегося философской мудростью и в речах и в делах, и сказал ему: «Возьми этого отрока, дарованного мне Богом, и научи его Омировым писаниям и прочим словесным искусствам».

Александр же, успешно занимаясь, «Илиаду» и «Одиссею» всю за год изучил, а «Орган великий» за второй год выучил. Поэтому возненавидели его занимавшиеся вместе с ним отроки. Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая. Сказали ему отроки: «Если бы к Нектанаву-волхву пошел ты, он бы тебя научил движению небесного свода и значению перемены времени». Услышав это, Александр матери своей сказал: «Если хочешь меня научить, мать, — египетскому мудрецу Нектанаву отдай меня для обучения. Слышал я, что он искусен в знаниях о движении небесных звезд». Олимпиада быстро послала за учителем и отдала ему для обучения Александра, сказав: «Научи его, учитель, своему искусству». И тайно сказала ему: «Передай, Нектанав, своему от своих. Всякое богатство славно и мудрость похвальна, если взыскующим уделяют от себя». Услышав обо всем этом, отец его Филипп сказал: «Поистине отрок этот — от небесного промысла, ибо о небесном говорит учении». Нектанав же научил его всей египетской мудрости.

В один же из дней мудрый Аристотель собрал четыреста юношей — сверстников Александра, желая испытать судьбу Александра. И над двумястами поставил во главе Александра, а во главе других двухсот Птолемея, некоего юношу, сына великого воеводы Филиппова. Филипп повелел им сразиться, и весьма красивое было зрелище, когда они стали сражаться: заняв места, удерживали их, на которых сражались; если кого-то ранили до крови, тот выходил из боя как побежденный. Александр же всех превзошел, противников захватив; всеми юношами был прославлен как царь. Видя это, учитель его, чудный Аристотель, удивлялся, говоря: «Благочестивому мужу Бог помогает, и враги ему не вредят, а злочестивому мужу ни ближние его, ни друзья не могут помочь». И сказал Аристотель: «Господин Александр, если станешь царем земным, что мне доброго сделаешь, учителю своему?» Он же сказал ему:

«Велеумну мужу не подобает прежде дания общаватися. Да аще вознесуся, ты со мною великъ будеши зѣло: лоза бо не прилепляется далних дровъ, аще высока суть, но ближнихъ прилепляетца, аще и мала суть. Такожеде и царь, великия власти по достоянню, присных же вѣрует и любить во вѣки».

Обычай же бѣ Александру до обѣда ко Аристотелю ходити на учение, по обѣде же к вечеру к Нектанаву ходити на учение волшебной хитрости. От него же изучи хождения 12 небесных живинъ и седмих планит, Солнца, Луну, Завес Акинтос,* Кронось,* Фровити,* Ерьраси,* яже на згедосе писана бяху по своему подобю. Видѣвъ же вся Александръ к дидакалу своему рече: «Возвести ми, о учителю, како великаго Божия промысла тваремъ знахоря сотвори тя?» Онъ же к нему рече: «Богъ же великий недовѣдомый и неизслѣдимый и непостижимый, промысливъ сый недомыслено никако, имиже судьбами онъ вѣсть, человѣческому объяви роду, яко да содѣтель о твари своей и познаваетца». Александр же гнѣвомъ рече: «Вся сый виде, о Нектанаве! Смерть свою знаеши ли какова хошет быти?» Нектанавъ же рече к нему якоже: «Вѣдаю, научяють насъ звѣздная течения, яко от чада моего хошу убиень быти». Сего же Александръ невѣрнымъ быти мнѣвъ и рину его с великия горы Геотцакаго камня близъ царьскаго судища. Александръ рече: «Вѣмъ глаголи, мастере, погрешилъ еси». Нектанаву же долу летящу нудно, но некако глас свой испусти и рече: «Не утаился еси, сыну мой, Александре, сего ни единому свѣдушу, токмо матери твоей, царицы Алемпияде и тобѣ днесъ увѣдавшу. Аз же, сыну мой Александре, к темному отхожу аду, в долнийшая земли суши доле, идѣже предани суть вси еллинъстии бози от великаго Бога Саваофа». И сие рекъ издше египетскій царь Нектанавъ. Сия же слышавъ Александръ раскаявся немало, на рамо свое возьмъ, ко Алимпияде матери своей отнесе. Олимпияда же о сем видѣвши, ужасеся и ко Александру рече: «Что се сия бысть?» Онъ же рече к ней: «Возвести ми, мати моя, о семъ, аще воистинну отецъ мнѣ сей бысть». Она же вся си сказоваше ему истинну. Александръ же велми прослезився о немъ и с честию повелѣ его вкопати.

В той же часъ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадах твоих конь чуден явилсяъ есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волюя же глава* на десной его бедрѣ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот* единъ». Филип же повелѣ его привести. И сего красотѣ подивися царь и повелѣ сотворити ему клѣть желѣзну и повинныхъ вметати повелѣ к нему. Сему же бывшу, никто х коню тому приступити смѣяше. Александръ же приходя к нему часто; конь же всяку отменяя ярость, тихо ко Александру трепеташе повиновением ко царю своему и всаднику. Единою же прозоромъ за ухо емъ, с тихостию послѣдоваше ему яко юнецъ яремник повиновениемъ. Видѣвъ Александръ его тихость замокъ отломивъ и вниде к нему и сего оседлав, всѣде на него, на конское урыскание поѣхавъ. Витяземъ же тогда македонскимъ на конское урыскание текущим, царь же Филипъ с

«Многоумному мужу не подобает прежде, чем дать, обещать. Если же вознесусь, и ты со мною велик будешь: лоза ведь не прилепляется к дальним деревьям, хотя они и высоки, но к ближним, хотя и малы они. Так же и царь, великих чтит по достоинству их, присным же верит и любит вовеки».

Обычай был у Александра — до обеда к Аристотелю ходить на учение, а после обеда, к вечеру, к Нектанаву — учиться волшебной мудрости. У него изучил он движение двенадцати небесных животных и семи планет — Солнца, Луны, Завеса Акинтоса, Кроноса, Фровити, Ерьрасия, — они были изображены на таблице в должном порядке. Видя все это, Александр учителю своему сказал: «Скажи мне, учитель, как ты достиг знания великого Божия промысла о существах сотворенных?» Он же ему ответил: «Бог великий, непознаваемый, непонимаемый, непостижимый, промысливший все, немислим никак, ему ведомыми путями явил себя человеческому роду, так что как создатель созданием своим и познается». Александр же с гневом сказал: «Все ты знаешь, о Нектанав! Смерть твоя, знаешь ли, какова будет?» Нектанав же сказал ему: «Знаю из движения звезд, что сыном своим убит буду». Александр же счел это неверным и сбросил его с большой горы — с Геотской скалы, недалеко от царского судилища, говоря: «Видишь, мастер, ошибся ты». Нектанав же, падая вниз, едва успел вымолвить: «Не осталось для тебя тайной, сын мой Александр, об этом никто не знает, кроме матери твоей Олимпиады, и тебя, сегодня узнавшего. А я, сын мой Александр, к темному отхожу аду, в нижайшие места земли, где помещены все эллинские боги великим Богом Саваофом». И, сказав это, умер египетский царь Нектанав. Услышав это, Александр весьма раскаялся, на плечо свое его взял и к Олимпиаде, матери своей, отнес. Олимпиада, увидев, ужаснулась и Александру сказала: «Что это?» Он же ей сказал: «Скажи мне, мать моя, правда ли, что он отец мне?» Она же сказала ему всю правду. Александр много плакал о Нектанаве и с честью повелел его похоронить.

В то время вестник пришел к царю Филиппу и сказал: «Да будет тебе, царь, известно, что в стадах твоих появился удивительный конь, который красотой среди других коней выделяется. На правом бедре его — воловья голова с рогами, и рог меж ушами вырос с локоть». Филипп же повелел его привести. И его красоте удивился царь, и повелел сделать ему клетку железную, и преступников к нему бросать. И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник. Видя его кротость, Александр замок сломал, и вошел к нему, и, оседлав, сел на него, и отправился на конное состязание. Витязи македонские на то же состязание ехали, и царь Филипп

высокие полаты глядаше и сматряше коегождо храбра течения и лѣпо на конѣ седѣние. И сему сице бывшу, и се Александръ на вологлавомъ кони внезапно вѣхавъ, македоньстии же конницы с коней ссѣдоша, яко царю поклонишася, дивляхуся, зряще мастерское сѣдѣние на вологлавомъ кони. К потечищу же поѣхавъ, изрядно паче всѣхъ витязевъ потече и твердосилну коню остави с нужею. И на 4 изворѣчъ градъ созда и нарече имя ему Драмъ, сии рѣчъ потечище. И сему царь Филипъ подивися, иже ненаукомъ коний отрока того потечение, и видѣвъ рече: «О горе приближающимся македонскимъ предѣломъ, иже поостримъ мечя Александрю и попрани будутъ и падутъ от македонянь». И по семъ яве рече, яко: «Подобие Раклия витязя* видехъ днесь на вологлавомъ кони текуща».

Отъ того же дни собра царь Филипъ тысящу юношъ Александрю сверсныхъ, предавъ, глаголя: «Съ нимъ ловите и къ воиству искушайтесь, вкупе же и стреляйте».

Во Алимпиятцкихъ странахъ* двѣ колѣсъ сотворена бѣста близъ суши Дафенеона и Аполона,* и на тѣхъ колесехъ витязи восходяще отъ елинскаго ухищрения, который собѣ нарокъ пытаху себѣ. Сие же Александръ слышавъ, вождельвъ тамо поити, Филипу сие возвестивъ. И не пушаше его, глаголя: «Не подобаетъ ти, сыну Александру, на олимпиядстемъ колесѣ венчатися, юну сушу. Но обаче волю не творю, но с радостію, сыну мой, поиди велми укрепляемъ». И тогда Александръ потребная собѣ отъ царя Филипа, отца своего, — витязей искусныхъ и добротеченнаго коня и всякую честь царские потребности — во Алимпиядтцкие отоки вниде. Ту бо 4 игры елиномъ бяху.

Ту же Александръ пришедъ с неглиторьскими витезми* поручи братися, с Лаолабадаушемъ и с Калестенаушемъ, онъ же с воеводою своимъ Птоломѣемъ. И тогда двема завертѣвшимися колома, 4 стекошася витязи и ударившимся имъ, Александръ же Калестенауша убивъ, Птоломѣй же Лаолабауша сорва. Людие града того зряще, елико бо болѣи не помнѣшася быти двое оружии красно являшася. И ту стоя философъ нѣкии именемъ Фруние* рече: «Мудрость и храбрость не многолѣтиемъ, но твердыми и добрыми сердца». И вопроши философъ, кто и откуда есть Александръ. Симъ же рекшимъ: «Македонскаго царя сынъ». Филосовъ же рече, яко: «Слышахъ отъ учителя глаголющи, яко востати царь имаетъ отъ Македонии, изыти мечю отъ Филипова града и той поразитъ все земли западныя и сокрушитъ вся царя восточныя». И рече: «Егда ты еси хотяй приити, милостивъ буди нашему граду, сынъ Филипъ». О сихъ же Александръ посмеявся рече: «Не мое се хотѣние, философе, но вышнему промыслу содѣвающу».

И сие рекъ, въ Македонію отиде и пришедъ обрѣте Филипа царя, отца своего, Олимпияду пустившу, мать его, иную же вмѣсто ея возьмешу и на браку яко жениху веселяшася. Къ Филипу же Александръ приспѣ, яко победоносецъ въ полату вшедъ. Отецъ же с радостію и любовію срѣте его и

с высоких палат на них глядел, любясь храбрым видом и красивой посадкой на коне каждого из них. И когда это происходило, вдруг на вологлавом коне выехал Александр. Македонские же конники с коней сошли и, как царю, ему поклонились, дивясь тому, как ловко сидит он на вологлавом коне. На ипподроме он лучше всех витязей проехал и крепкого, сильного коня с трудом остановил. И на четырех источниках город создал, и дал ему имя Драм, что значит «место для бега». Царь же Филипп удивился езде отрока на необъезженном коне и, видя это, сказал: «О горе приближающимся к македонским границам, ибо острым мечом Александра побеждены будут и падут от македонян». И потом громко сказал: «Сегодня увидел я подобие Ираклия-витязя, едущего на вологлавом коне».

После того дня собрал царь Филипп тысячу юношей, сверстников Александра, и, передав их Александру, сказал: «С ним охотьтесь и к воинскому делу привыкайте, вместе и стреляйте».

В Олимпиадских странах были сделаны две колесницы, недалеко от Дафенеона и Аполлона, восходя на те колесницы, витязи в эллинском искусстве судьбу свою испытывали. Услышав об этом, Александр пожелал туда пойти. И сказал он об этом Филиппу. Но тот не отпускал его, говоря: «Не подобает тебе, сын Александр, на олимпиадской колеснице венок получать, ибо юн ты. Однако не настаиваю, но с радостью, сын мой, иди, ободряемый». И тогда Александр, нужное себе у царя Филиппа, отца своего, взяв — витязей искусных, и быстрых коней, и все потребное для царской чести, — в Олимпиадские острова отправился. Тут были у эллинов четыре игры.

Когда Александр пришел туда, с нелиторскими витязями выпало ему состязаться — с Лаомбадаушем и с Калестенаушем, — вместе с воеводою своим Птоломеем. И когда помчались обе колесницы, и четыре витязя сблизались, и ударили друг по другу, Александр Калестенауша убил, а Птоломей сбросил Лаомбадауша. Люди города того, смотревшие на это, не помнили, чтобы перед ними когда-либо явились два столь прекрасных воина. И стоявший тут некий философ по имени Фруние сказал: «Мудрость и храбрость приобретаются не многолетием, но твердым и благородным сердцем». И спросил философ, кто и откуда Александр. Ему же ответили: «Македонского царя сын». Философ же сказал: «Слышал я от учителей, что восстанет царь из Македонии, поднимется меч от Филиппова города и он поразит все земли западные и сокрушит всех царей восточных». И добавил: «Когда ты придешь, милостив будь к нашему городу, сын Филиппов». Посмеялся над этим Александр и ответил: «Не мое это желание, философ, но действие высшего промысла».

И, сказав это, пошел в Македонию, и, придя, узнал, что отец его царь Филипп его мать Олимпиаду прогнал, а иную вместо нее взял и на браке как жених веселится. Александр вошел во дворец к Филиппу, прославляемый как победитель. Отец с радостью и любовью встретил его и посадил с собою

с собою на трапезе посади. В раскаянии же бывъ, о семь поникъ сядяше. Наставивый же его Олимпияду пустити, а иную поняти за себе, приступль же к Филипу, рече: «Веселися, царю, болшую первья взял еси — первая бо блудница бяше, сия же целомудренна есть». Сие же слышавъ, Александръ ярости исполнився, рече: «Не быти тому, отче Филипе, мнѣ живу сушу». Сам же яко левъ рыкнувъ, с престола скочивъ, столь же мало примъ, 3 убивъ, инии же не хотяще ис полаты скакаху. Сие же Филипъ видѣвъ, во ужасе быв и страсе велице. Олимпияду на царство возвративъ, прочюю же во своя си отпусти.

Сему же тако бывшу, в немощь велику впадъ царь Филипъ. Слышав же сиверная страна кумане,* пятсотъ тысящъ собравшеся на Македоню приидоша. И сие Филипу царю возвестиша. Филипъ же в скорбь велику впадъ, Александра повелъ призвати к себѣ и рече: «О любимый мой сыну Александре, се время пришло есть битися за отеческую землю». Воземъ войско на бой устремися, македонские воиски яко 4 тысящи с нимъ. Сам же войску куманску исходивъ и сихъ неурадно видѣвъ стоящих; в нощи же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложити повелъ и трубамъ многогласным ударити повелъ и пушками бити около их повелъ. Сие же кумане видѣвше, ненадѣемо убояшася и начаша бежати, с полунощи бежавшим имъ и до солнечнаго течения и замесившеся вкупе македоняне и кумане. Убиено бысть от куман 8 тысящъ, от македонян же 2 тысящи убиено бысть. Александръ же во слѣдъ ихъ три дни и три нощи за ними гнаше и уби от нихъ 108 тысящъ. Коней же множество и оружия от нихъ приять, яко победоносець ко отцу возвратися и с собою десят тысящъ куманъ приведе живых и сихъ предъ царемъ Филипом поставити повелъ и предъ всѣми людми македоняны речъ: «Видите ли, друзи, яко Божий промысль предаде вы в руки македоньский и мечь вашъ наострися на македонянь и ныне притупися, царя же вашего убивъ, Атламеша, и вас живых ухватих. Да аще хотите живот свой купити и землю вашу к моей примесити и воедино с македоняны быти?» Они же рекоша: «Кралю Александре, отколе Богъ помогать тебѣ, поготову мы вѣдаемъ тебѣ помогати. Коли царя нашего убилъ еси, Атламыша, мы, господине, твои есмы, постави намъ царя и насъ в землю нашу отпусти». Сих Александръ увѣривъ и постави имъ царя братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию. И сих куман с честию отпусти.

Сему же бывшу сие, Анаксархоносъ никто, пелопоньский царь,* слышав нашествие куманско на Македоню, сотвори ухищрение сиецево. Никогда ему минувшу мимо Македоню, и честь ему царь Филипъ воздавъ, и дары многи, и с честию его полюби и отпусти. Царь же Анаксархоносъ устрелень бывъ лѣпотою жены Филиповы въ сердце, отай к ней любовь имѣяше въ сердца своем. И се вѣдущи Соломонъ рече: «Человѣче, не буди уязвен лѣпотою чюжие жены, яко твою жену не видиши уязвену». Нашествие же Македоню ставшеся,

на пиру; сам же, раскаиваясь, сидел, склонив голову. А тот, что посоветовал ему Олимпиаду отпустить, а иную взять за себя, приступив к Филиппу, сказал: «Веселись, царь, лучшую, чем первая, взял ты, — ибо первая блудница была, эта же целомудренна». Услышав это, Александр ярости исполнился и сказал: «Не быть этому, отец Филипп, пока я жив». Рыкнул, как лев, с престола вскочил и, стол малый схватив, троих убил, а другим пришлось бежать. Видя это, Филипп в ужасе был и в страхе великом, возвратил Олимпиаду на царство, а другую отправил восвосяси.

После того как это случилось, в немощ великую впал царь Филипп. Узнав об этом, северный народ, кумане, пятьсот тысяч собрались и пришли к Македонии. Царю Филиппу об этом сообщили. Филипп, опечалившись, Александра велел призвать к себе и сказал: «О любимый мой сын Александр, пришло время постоять за отеческую землю». Взяв войско, Александр устремился на бой, македонского же войска с ним было четыре тысячи. Сам он куманское войско разведаль и увидел, что враги стоят в беспорядке; ночью с воинами пришел, и повелел огня много вокруг зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять. Увидев это, кумане от неожиданности испугались и побежали, и с полуночи бежали они до солнечного восхода, смешались вместе македонцы и кумане. Убито было куман восемь тысяч, македонян же — две тысячи. Александр преследовал их три дня и три ночи и убил их сто восемь тысяч. Взяв коней множество и оружия, победителем к отцу возвратился, приведя с собою десять тысяч пленных, и их пред царем Филиппом поставить повелел, и перед всеми людьми македонскими сказал: «Видите, друзья, Божий промысл предал вас в руки македонские, меч ваш наострился против македонян, а ныне притупился, царя же вашего, Атламеша, я убил, а вас в плен взял. Хотите ли жизнь свою сохранить и, землю вашу с моей соединив, заодно с македонянами быть?» Они же сказали: «Король Александр, если Бог помогает тебе, то и мы готовы тебе помогать. Поскольку царя нашего убил Атламеша, мы, господин, твои, поставь нам царя и нас в землю нашу отпусти». Заключив с ними мир, Александр поставил им царем любимого брата своего именем Ванцатура, малого телом, но великого храбростью. И куман с честью отпустил.

И когда это случилось, некто Анаксархонос, пелапонский царь, узнав про куманское нашествие на Македонию, предпринял такое злое дело. Некогда, когда он проходил мимо Македонии, честь ему царь Филипп воздал, и дары дал многие, и с почетом его отпустил. Царь же Анаксархонос, пораженный красотою жены Филипповой, с тех пор к ней любовь имел в сердце своем. Всеведущий Соломон сказал: «Человек, не уязвляйся красотою чужой жены, чтобы свою жену не увидеть уязвленной». Когда же произошло нашествие на Македонию,

12 тысящъ войска собравъ, к Филипу царю прииде, лукавствие свое скрывает, Олимпияду искаше восхитити. И видѣвъ же его пришествие царь Филип, радостень бывъ. Слышав же Филипъ во стрѣтении его изыде со Алимпиядою. Видѣвъ же Анаксархоносъ, восхитивъ ю, побѣже, Филипъ же за ним вмале гоняше. Бяше же ту Александръ приспѣлъ, Анаксархоносову постиже войску, Филипа же урвана обрѣте и по главѣ съчена и по десной нозѣ. Се бо мало поминув, Олимпияду, мать свою, отнял, с осмию тысящами вои Анаксархоноса постиже на мѣсте нарицаемем Змиски; разбивъ войско и самого жива ухвати, приведе ко отцу своему Филипу. Филипа же обрѣте одва дышуща. «Востани, — рече, — о царю Филипе, врагу своему стани на горле и отомстися рукою своею». Филип же едва воставъ и взем мечъ рукама своима и закладъ его. «Жалость дому моего снѣсть мя. Иди, душе моя, с нечестивыми во адъ». И се рекъ, Александра благослови, глаголя: «Сыну Александре, руки всѣхъ на тобѣ и твои на всѣхъ». И се рекъ, умре царь македонский Филипъ; и ту стоящии рекоша: «Да когда будет противитися Александру?» Алимпияда же ту стояше плакашеся. Филипа на злате столѣ положиша, во градъ отнесоша, с плачемъ велицем сего погребоша в церкви с честью.

Александръ же, сын его, самовластен назвася, грамоты по всѣмъ градомъ земли своя посла, всякому к Филипу* собратися повелѣ. Собравшим же ся всѣмъ македоняномъ и всѣмъ малым же и великимъ, к сим же Александръ рече: «О друзи мои и братия моя и милии мои паче всѣхъ македоняне, царь вашъ Филипъ, а мой отецъ, умре, и в животѣ своемъ царьствие держаше по достоянию, и мнѣ же господствовать како повелеваете?» Тогда выступивъ мудрый Филонъ* рече: «О кралю Александре, всякъ возрастъ челоуѣческий чину потребенъ есть». Александръ же рече: «Старость есть честна, а немноголѣтна». И ту стоя Селевкушъ* рече: «О кралю Александре, Соломонъ же великий въ мудрости царь в книгахъ пишет: „Царьство множествомъ людей состоитца, царь же несоветникъ и невѣренъ сам собѣ ратникъ же, советень полезная сотворить своей земли”». И ту стоя Антиохъ* рече: «Кралю Александре, старымъ убо царемъ подобает течение домовное, старии бо покоя требуютъ, младым же царемъ подобает царьствовати яко да потрудившеся во младости своей, а на старость покой обрящутъ». И ту стоя Андигонъ* рече: «Кралю Александре, подобает и намъ еще спящихъ и ближнихъ насъ царей устремимся на нихъ и сихъ побивше, всее избавимся забавы». И сим же 4-мъ советомъ приятымъ бывшимъ от Александра, и присный его любимый воевода Птоломей рече: «О царю Александре, подобает намъ войску пременити во свѣтлая оружия и белегъ твой на щитехъ написати, яко да знаютъ, которому царю воюемъ; да не рекутъ сусѣди наши, яко и мы царемъ Филипомъ умерли есми». Се же слышавъ Александръ, угодно явися и по земли царьства своего посла и по вся кузнецы и по щитари,* в Филипусъ собратися повелѣ. На всякий же день мастера его оружие коваху в цело оружие по 4 ста витязъ. На шоломехъ же василисковъ

то, собрав двенадцать тысяч войска, он пришел к царю Филиппу, скрывая свое коварное намерение похитить Олимпиаду. Узнав о его приходе, царь Филипп обрадовался и вышел ему навстречу вместе с Олимпиадой. Увидев Олимпиаду, Анаксархонос похитил ее и бежал, Филипп же с немногими его преследовал. Тут Александр приспел, настиг войско Анаксархоноса, Филиппа же нашел поверженным на землю, раненного в голову и в правую ногу. И, недалеко пройдя, Олимпиаду, свою мать, отнял, и с восемью тысячами воинов Анаксархоноса настиг на месте, называемом Змиски; разбив войско и самого его захватив живым, привел к отцу своему Филиппу. Филиппа же застал едва дышащим. «Встань, — сказал, — царь Филипп, врагу своему наступи на горло и отомсти за себя своею рукою». Филипп же с трудом встал и, взяв меч в руки, убил его. «Печаль о доме моем снедает меня. Иди, душа моя, с нечестивыми во ад». И, сказав это, Александра благословил, говоря: «Сын Александр, руки всех на тебе и твои — на всех». И, сказав это, умер царь македонский Филипп; и стоящие тут сказали: «Кто будет противиться Александру?» Олимпиада же, тут стоя, плакала. Положив на золотой стол, Филиппа в город отнесли и с плачем великим погребли его в храме с честью.

Александр же, сын его, самодержцем стал, послал грамоты во все города земли своей, всем к Филиппу собраться повелев. Когда же собрались все македоняне, и все малые, и все великие, им Александр сказал: «О друзья мои и братья мои, милые мне более всех македоняне, Филипп, царь ваш, а мой отец, умер. При жизни своей царствовал он достойно, мне же как накажете править?» Тогда выступил мудрый Филон и сказал: «О король Александр, каждый возраст человеческий своего чина требует». Александр сказал: «Старость честна, но немногочетна». И тут стоящий Селевкуш сказал: «О король Александр, Соломон, великий в мудрости царь, в книгах пишет: „Царство из множества людей состоит, царь же, не советующийся и не доверяющий, сам себе враг, советующийся полезное сотворит своей земле”». И стоящий тут Антиох сказал: «Король Александр, старым царям подобает жизнь домашняя, ибо старые в покое нуждаются, молодым же царям следует царствовать так, чтобы, потрудившись в молодости своей, на старость покой обрели». И стоящий тут Андигон сказал: «Король Александр, следует нам пойти войной против соседних нам царей прежде, чем они сами это сделают, и, покорив их, избавиться от такой опасности». И когда эти четыре совета приняты были Александром, близкий к нему любимый воевода Птоломей сказал: «О царь Александр, подобает нам войско переодеть в светлые доспехи и знак твой на щитах написать, чтобы знали, какого царя мы воины; да не скажут соседи наши, что мы вместе с царем Филиппом умерли». Это, выслушав, Александр одобрил и по землям царства своего послал за кузнецами и щитарями, в Филиппусте им собраться повелев. За день мастера его изготовляли вооружение для четырехсот витязей. На шлемах воинов были

рогъ со аспидовыми крылы, и копи же бяху на лвовых кожахъ представлени, хакизма же фарижемъ во коркодиловыхъ кожахъ чинина. Сия же сотвори Александръ и к ошествию на брань готовляшеса.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЕВЕ

Дарий же, царь перский, слышавъ, яко умре царь македоньский Филипъ, посла з грамотою в Македонию имеюще сичево писание: «Дарий, царь над цари, токмо земный богъ вкупе съ солнцемъ по всей вселенней сияеть и всѣмъ земнымъ царемъ царь и господствующимъ господи́нь, ко обретающимся в Македонию пишу. Слышание царьству моему пришло есть, яко царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставилъ есть, сего не укреплена лѣты и млада умомъ суца. О смерти же Филипове азъ оскорбѣхъ, отрока же его млада суца пожалѣхъ еще не научена, яко да вскормивъ его, паки по царскимъ обычаемъ почеть и украсивъ, паки на отчину его и на царство возвратимъ. Грамоту же мою прочетше, скоро ко мнѣ приведите. Кандаркуса же к вамъ послахъ, вѣрна суца, землю вашу благолѣпно обладати. Войско ваше во время потребы къ царьству моему присылайте и дани сугубы по достоянью принесите. Филипово же дѣтя приведите к царьству моему со всѣми царства его белези... боле бо есть 40 царскихъ сыновъ во дворѣ моемъ водворяютца. Да аще сего недостойна царьствию вижду, иного в него мѣсто царьствовати пошлю к вамъ». Сию же грамоту Кандаркусъ в Македонию принесъ. Македоняне приемше его, к воеводе Птоломѣю приведоша. Птоломѣй же поемъ ихъ въ Филипъ приведе ко Александру. Антиохъ же сихъ срѣте, гельмъ Александровъ противъ ихъ изнесе и поклонитися имъ повелѣ. Кандаркусъ рече к нему: «Аще копыю Александрову поклонюся, то нѣсте подручни царю Дарию и азъ не смѣю очию Дариевыхъ видети». Антиохъ же рече к нему: «Аще сего не сотвориши, живота своего лишишися». И тако приступивъ копию поклонися Александрову; и вземъ Антиохъ ко Александру приведе. Пришедшу же ему въ царьский домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ висоце сѣдѣща. Престоль его украшенъ зело искуснымъ златомъ и зеленымъ каменiemъ и слоновыми костями. Посоль же приступивъ поклонися и грамоту дасть ему; самъ же стоя дивляшеса дивному образу Александрову: венець же на главѣ его бяше от самъфира камня и великаго бисера с мерсиновымъ листвиемъ сплетень, о десную его и о лѣвую стояше множество витязей венчаныхъ. Селевкушъ вземъ грамоту Дариеву прочте. Александръ же слышавъ писание, ярости исполнився и гнѣва и грамоту приемъ раздра и к нимъ со яростию рече: «Не подобаетъ царю Дарию главы зряще к ногамъ бесѣдовати. Не тако бо Македония безглавна есть, яко же Дарию мнитца быти». И сия рекъ въскоре отпусти ихъ и листъ отписа к Дарию, писанъ сиче: «Александръ витязь, македонский царь,

рога василиска с аспидовыми крыльями, и щиты были львиной кожей укреплены, попоны же для коней из крокодиловых кож были сделаны. Так Александр готовился к походу на войну.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЯ

Дарий, царь персидский, услышав, что умер царь македонский Филипп, послал в Македонию грамоту, в которой было написано: «Дарий, царь над царями, земной бог, вместе с солнцем во всей вселенной сияющий и всем земным царям царь и господствующим господин, — к находящимся в Македонии пишу. Моего царственного слуха достигла весть о том, что царь ваш Филипп умер и отрока малого на царстве своем оставил, не укрепленного годами и молодого умом. О смерти Филиппа я опечалился, отрока же его, малого, еще не наученного, пожалел и хочу воспитать его, после чего, по царским обычаям почтив и украсив, снова в отечество его на царство возвратить. Грамоту мою прочтя, немедля его ко мне приведите. Кандаркуса же, верного мне, к вам послал землею вашею должным образом управлять. Войско ваше в случае необходимости к царству моему присылайте и дани удвоенные приносите. Дитя же Филиппа приведите к царству моему со всеми знаками царства его, ибо более сорока царских сынов в доме моем живут. Если же найду его недостойным царства, иного вместо него царствовать пошлю к вам». Эту грамоту Кандаркус в Македонию принес. Македоняне, приняв его, к воеводе Птоломею привели. Птоломей же, взяв их, в Филиппуст привел к Александру. Антиох их встретил, шлем Александров навстречу им вынес на копье и поклониться повелел. Кандаркус же ему сказал: «Если копью Александрову поклонюсь, то вы — не подданные Дария, и я не посмею очей Дариевых увидеть». Антиох же отвечал ему: «Если этого не сделаешь, жизни своей лишишься». И, подойдя, поклонился тот копью Александрову; взяв его, Антиох к Александру привел. Войдя в царские палаты, Кандаркус увидел Александра, сидящего на высоком престоле, украшенном чистым золотом, зеленым камнем и слоновой костью. Подойдя, посол поклонился царю и грамоту дал; сам же, стоя, удивлялся дивному виду Александра: венец на голове его был в виде сплетенных миртовых листьев с сапфиром и жемчугом, справа и слева от него стояло множество витязей в венцах. Селевкуш, взяв грамоту Дария, прочел ее. Александр, услышав написанное, пришел в ярость и гнев, и, взяв грамоту, разорвал ее, и в ярости сказал им: «Не следовало царю Дарию, когда есть голова, к ногам обращаться. Ибо Македония не безглавна, как это Дарию кажется». И, сказав это, вскоре отпустил их, и такую грамоту послал Дарию: «Александр-витязь, македонский царь, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, Дарию, персидскому царю!

сынъ Филипа царя, матери царицы Алимѣпиды, Дарию, царю перскому! Благодарю тя о отцы моемъ желающа. Листъ же твой к людямъ моимъ прочтох, се благодарихъ о земли нашей пекушу ти ся. Мене же суша млада пожалих, в полате твоей воспитати требуеши. Млеко ссущимъ отрокомъ не подобает в царскихъ домех напитатися, не изволих и тольстых мясъ ясти. Пожди убо мене в малѣ, дондеже от сесцу матери моя отторгнуся и тако в персидское чести царства твоего водворитися имамъ, пришедъ со всѣми македоняны. Кандаркуса же послалъ еси к нам македоняномъ быти царя, некому пошли его сѣмо, не можеша бо видети его ктому. Не тако бо македоняне безглавны суть, якоже тебѣ мнитца быти». Оружие же македонское Кандаркусу Александръ далъ, рекъ: «От царствія моего бежи, егда же брань сотворятъ македоняны с персы, носи сие оружие, да тебе познавше, персы не убьют». Посол же к Дарию возвратися и листъ Александров дасть ему. Прочетъ же Дарий листъ посмеявся. Кандаркусъ же к нему рече: «Не подобает ти, царю, таковыи листъ приимъ смѣятися, в мало бо лѣтної юности обретохомъ многолѣтнюю старость; да болящаго зуба ... подобает скоро изврещи, да не здравый вредит; не исторгъ кипариса млада, а старемъ не трудися».

О семь Дарий не брегъ, еще Клитовоша, нѣкоего от вѣрных своихъ, в Македоню ко Александру посла, повелѣ пересмотрѣти Александрово все. Александру же посла струглу, и коло древяно, и две скринии порожджихъ, и два узлы великих маку, и листъ давъ ему, глаголя такъ: «Дарий, царь надъ цари, богъ перский, дѣтяти моему Александру радоватися! Не тако бо помышляю тебѣ быти и преобидих тя в первом моемъ листе. Вѣдомо да есть ти, яко младых мудрование нагла суть. Се же послах к тебѣ тую струглу, яко да ею играеши и вертиши, колесом же младенцы играютъ, и двѣ скринии порожднихъ и два узла маку, яко да двѣ скринии наполниши трилѣтними данми, макъ же перечти — число увѣдаеши войску моему. Дани ко мнѣ пришлеши, связанъ ко образу моего царства приведенъ будеши и милости тебѣ не будет». Сий листъ Клитоушъ возьмъ, в Македоню ко Александру вниде. Александру же в немощи предъста и поклонися и листъ ему дасть и ковчеги, и струглу, и макъ предъ Александромъ постави.

Александру же листъ приимшу и прочетъ, главою покивавъ и рече: «Неизочтения гордыни твоего высокоумия, Дарий, Богу небесному подобяшеся, а ни человекъ подобяшеся быти, до небесъ вознесесе и до ада снидешися». Макъ же возьмъ, начя его жвати, ковчеги же разбити повелѣ и листъ к Дарию отписа сиче: «Александръ, царь македонский, Дарию, перскому царю, всяку честь творящему. Ты еси самъ детинному безумию подобенъ, игральща вдалъ еси, самодержцу земли сими образы образуеши мя ты. Круг бо кола сего всю землю преликует». И посла отпусти к Дарию.

В то же время Архидонъ, селунский царь, прислалъ сына своего Александру на служение и листъ имѣюще сиче. Александръ же листъ приимъ

Благодарю тебя за печаль об отце моем. Грамоту твою к людям моим прочел и благодарен тебе за то, что о земле нашей заботишься. Меня же, малого, ты пожалел и в доме твоём воспитать хочешь. Сосущим молоко младенцам не подобает в царских домах питаться, не хочу и толстого мяса есть. Подожди меня немного, пока от сосца матери моей оторвусь, и тогда персидскую часть царства твоего займу, придя со всеми македонянами. Кандаркуса ты послал к нам быть царем у македонян; больше не посылай его сюда, ибо тогда вновь не увидишь его. Не так македоняне безглавны, как это тебе кажется. Доспехи же македонские Кандаркусу Александр дал, сказав: «От царства моего беги, когда же война будет у македонян с персами, надень эти доспехи, чтобы тебя, узнав, с персами не убили бы». Посол же к Дарию возвратился и грамоту Александра дал ему. Прочтя ее, Дарий посмеялся. Кандаркус же ему сказал: «Не следует тебе, царь, такую грамоту получив, смеяться, ибо в малолетней юности нашли мы многолетнюю старость; большой зуб следует быстро удалить, чтобы здоровые не повредились; не вытащив кипариса молодого, старый и не пытайся».

Этим советом Дарий пренебрег, Клитовуша, некоего из верных своих, в Македонию к Александру послал, повелел узнать все об Александре. Александру же послал юлу, деревянный шар, и два сундука пустых, и два больших узла мака, и такую грамоту дал ему: «Дарий, царь над царями, бог персидский, дитяту моего Александра приветствует! Не так думал о тебе и обидел тебя в первой моей грамоте. Будет тебе известно, что младенческие умствования наглы. Вот послал к тебе юлу, играй ею и верти шар, которым младенцы играют, и два сундука пустых, и два узла мака, чтобы ты два сундука наполнил трехлетними даяниями, мак же сосчитай и узнаешь число моего войска. Дани ко мне пришли, иначе будешь приведен ко мне связанным и милости тебе не будет». Взяв эту грамоту, Клитовуш в Македонию к Александру пришел и пред Александром предстал, и поклонился, и грамоту ему дал, и сундуки, и юлу, и мак перед Александром положил.

Александр, грамоту приняв, прочел, головою покачал и сказал: «Неизмерима гордыня твоего высокоумия, Дарий, — Богу небесному уподобляешься, а не человеку, до небес вознесся и до ада низойдешь». И, взяв мак, начал его жевать, сундуки разбить велел и грамоту к Дарию написал: «Александр, македонский царь, Дарию, персидскому царю, всякую честь творящему. Ты сам младенческому безумию уподобился: игрушками, что ты дал мне, самодержцу земли уподобил меня — шар ведь этот всю землю изображает». И посла отпустил к Дарию.

В то же время Архидон, селунский царь, прислал сына своего Александру для служения и грамоту. Александр же, грамоту приняв, прочел

и прочте и радостень бывъ; Поликратуша к собѣ со усердиемъ призва, о писанныхъ ему умилися и листъ к нему писати повелѣ: «Любимому моему брату Архидону, селунскому царю, Александръ, царь македонскій, радоватися повелѣ. Листъ бо твой прочет, не толико даромъ твоимъ радостень быхъ, но и преклоннымъ и любимымъ рѣчемъ. Глаголетъ бо притча, яко преклоненія главы ни мечъ не сечетъ. Сынъ твой со мною да будетъ, а ты въ царствіи своемъ, а мнѣ на помощь 12 тысящъ посылай на годище и 300 талантъ злата давай». Селунское же царство примѣ, поиде во Антину.

О АНТИНЕ ГРАДЕ

Антина же градъ великъ, всякимъ же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщеніемъ. 12 же рытарей державу его и вселенскою землею и господствомъ окорѣмляху судомъ неправеднымъ. Слышавше же Александрово пришествіе к собѣ, совѣтъ сотвориша, Александру ли предатися или ко граду его не припушати.

Софликий же философъ ихъ ту стоя, рече: «Не подобаетъ намъ со Александромъ битися, Александръ бо куманы убивъ и примѣ ихъ и Синаксарха, пелагонитскаго царя, убивъ и землю ихъ примѣ, Архидона, селунскаго царя, мирно к нему пришедша, на царствіи и на законе его остави». Другій же философъ рече: «Отнелъ же Антина стала, ни единъ царь не приялъ еси. Никогда же великъ царь на Антину прииде, равъ много ничтоже успѣ, но разбьетъ от насъ отшедъ и побѣже, единъ во атоцехъ Македонскихъ утону. Не подобаетъ намъ таковымъ сущимъ сильнымъ Филипову сыну повинутися». Диогенъ* же никто, вышши сихъ паче всѣхъ философъ, рече: «Ходихъ во Олимпиядцкій отокъ третьяго лѣта, сего Александра видѣхъ, пришелъ бѣ на олимпиядцкое коло урыстовати и витяжества пытати. Урани же нѣкто от Олимпиядцкихъ отокъ. Азъ же рекохъ тогда: „Сій юноша славою земскою великъ будетъ“. Да сие вся есть видети мнѣ подобаетъ. Мужие антиньстии, Александру не противитися, целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и войскомъ крѣпокъ есть зело. Да подобно есть намъ с честію и з дарми срѣсти, благочестивъ же Александръ добро намъ сотворитъ и намъ не приразився в Римъ поидеть». Сего же антиняне не возлюбивше, философа же Диогена укориша: «Во всемъ, — ркуше, — мудрецы доволни мудрости». Он же зжалився отиде от града и ко Александру прииде и все ему повѣда.

Александръ же ярости и гнѣва наполнися, воя своя по достоянію наряди и во Антиньское царство прииде и под градомъ ставъ, во градъ посла Арфакса, мужа куманянина. Сему же языка антиняне не разумѣша, по всемъ граде своемъ искаша, едва единого наидоша, сего толмачемъ вопрошаху повелѣніе ему Александрово повѣдати. Он же рече: «Великій царь Александръ рече: „Дадите ми

и радостен был; Поликратуша к себе с усердием призвал, к написанному был милостив и грамоту в ответ написать велел: «Любимому брату Архидону, селунскому царю, Александр, царь македонский, радоваться повелел. Грамоту твою прочел — не только дарам твоим рад, но и покорным и любезным речам. Говорит ведь пословица, что покорную голову и меч не сечет. Сын твой со мною будет, а ты в царстве своем, мне же в помощь двенадцать тысяч воинов посылай в год и триста талантов золота». Селунское же царство приняв, пошел в Афины.

ОБ АФИНАХ

Афины же город большой и всяким земным украшением украшен. Двенадцать риториков владели им и всю вселенскую землей управляли, судя несправедливо. Услышав о приходе Александра к ним, совещались — предаться ли Александру или же к городу его не подпускать.

Софлийский, философ их, тут стоявший, сказал: «Не следует нам с Александром воевать, ибо Александр куман победил и взял их под свою власть, и Анаксарха, пелапонского царя, убил и землю захватил, Архидона же, селунского царя, мирно к нему пришедшего, на царстве и на законе его оставил». Другой же философ сказал: «С тех пор как Афины возникли, ни один царь не брал их. Некогда великий царь на Афины пришел, и воевав много, ни в чем не успел, но, разбитый, от нас отступил и бежал, один меж островов македонских утонул. Не следует нам, столь сильным, Филиппову сыну повиноваться». Диоген же некто, наибольший из всех философов, сказал: «Ходил я в Олимпиадский остров третьего лета и этого Александра видел. Пришел он на олимпиадской колеснице состязаться и воинскую доблесть испытать. Ураний же, некто с Олимпиадских островов, там был. Я же сказал тогда: „Этот юноша славою земною возвеличен будет“. И вот теперь я это вижу. Мужики афинские, не противьтесь Александру, совершенному в разуме и мужестве, он, хотя и молод, земною славою велик и войском крепок. Следует нам с честью и с дарами встретить его, благочестивый же Александр добр к нам будет и, не причинив вреда, в Рим пойдет». Это мнение афинянам не полюбилось, и философа Диогена укоряли, говоря: «Во всех мудрецах довольно мудрости». Он же, сожалея о них, ушел из города к Александру и все ему рассказал.

Наполнился Александр яростью и гневом, воинов своих нужным образом приготовил, и в Афинское царство пришел, и, под городом став, послал в город Арфакса, куманянина. Его языка афиняне не поняли, искали толмача по всему городу своему — едва одного нашли и через толмача спрашивали Арфакса, чтобы он повеление Александра сообщил. Он же сказал: «Великий

дань и войско и царству моему приклонитесь; аще сего не сотворите, мечь македонский вашу землю поразити имать, аще повелѣнию моему не хотите поклонитися”». Сия же слышавше антиняне, Александрову посланию поругашася. Куманом же обоим рѣчемъ их посмѣяшася и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице: «Не подобает тебѣ, Александре, Антине назватися царемъ, мнози подобни тебѣ цари Антине подручни суть, мнози витязи и философи во Антине болши твоих водворяются. Доволен буди в Македонии царствовати; якоже хотя вшелъ еси здѣ и не хоте отидеши отсюда». И се рекше посла отпустиша и своему толмачю голову отсекоша пред ним, рекоша, яко: «Толмача не требуем Александровымъ рѣчамъ». Александръ же то слышавъ разгнѣвася, рече: «О горе земли, еюже мнози обладають». И се рекъ, войску своему на брань направитися повелѣ и с четырех странъ рвати повелѣ, убийству же тогда велику сотворившуся. Кумане же Александровы со единые страны крѣпко налегоса, бяше еже видети стрѣлы летяща во градъ, яко облакъ. Граждане же о семь стуживше, напрасно граду врата отворивше и из града выскочивше, Александровых куман десять тысяч убиша и от Александровых македонян четыреста конных убиша. Бенестрами из града хитростию огонь извергоша, Александрово войско мало огнемъ не опалиша. Сему же сотворившуся, вечер прииде, Александръ во станы отиде, стражи около войска постави, властели старые призвав и рече: «Что сотворимъ лукавымъ симъ гражданиномъ? Земли не разрушивше, на град приходомъ и себѣ осрамотѣхомъ. Да что подобает намъ сотворити?» Диоген же антинский философ рече ко Александру: «Царю Александре, града Антины не можеша не потомився взяти, есть бо множество людей и рвецъ в немъ, боле двухъ сотъ тысяч. Сотвори хитрость, да изманимъ их на дворъ с собою битися и сихъ яко невѣжи побиемъ, а градъ возмемъ». И сотвори хитрость Александръ, яко нѣколи потому грецы сотворили. Повелѣ от града двинути войску и самъ с ними отиде. На станех же остави 10 000 воловъ, 40 000 овецъ и листъ написан тако: «Мужие антинстии, не вѣдах силы боговъ вашихъ великие и к вамъ приходъ, поразити васъ хотя, богомъ вашимъ приразихся. Во снѣ бо внощь сию явльшася, много мнѣ страшна рекоша и сихъ азъ убояхся и в землю свою возвратихся; овецъ и воловъ оставив много, сихъ далъ есмь богомъ вашимъ пожрите, ихже о мнѣ помолитесь». И се рекъ Александръ, с войском своимъ отиде 12 поприщъ от града и в лузи скрився. Граждане же вси на станы приидоша и листъ написан наидоша и рекоша: «От страха побѣже сынъ Филиповъ». И тако вси из града изыдоша, бѣ бо боле 200 тысяч пѣших и 100 тысяч конных.

В ту же нощь философ антинский именем Примах видѣ сонъ: великий храмъ бога Аполлона падеся и пиргове вси Антинского града обронишася и врата великие Ариева леду падошася; и Александра видѣ, на лву во градъ Антину вѣхавша, и по ширинамъ града класие пшенично рустуче, и македоняне зелено и незрѣло серпы пожинаху. Сия же исповѣдавъ и по Александре не веляше гнати. Они же сего яко не чювше во слѣдъ Александра идяху.

царь Александр повелел: „Дайте мне дань и войско и к царству моему присоединяйтесь, если же этого не сделаете и повелению моему не повинуетесь, — меч македонский вашу землю поразит”». Это услышав, афиняне Александрово послание бранили, над словами же обоих куман посмеялись и, посла отпустив к Александру, передали так: «Не подобает тебе, Александр, стать царем в Афинах, много подобных тебе царей Афинам подвластны, много витязей и философов в Афинах, больших, чем твои. Довольствуйся Македонским царством; по своей воле пришел сюда и уйдешь отсюда не по своей воле». И, это сказав, посла отпустили, а своему толмачу голову отсекли перед ним, сказав: «Не нуждаемся в переводчике Александровых речей». Александр, услышав об этом, разгневался и сказал: «Горе земле, которою правят многие». И, сказав это, войску своему к бою приготовиться повелел и с четырех сторон напасть на город, и битва тогда великая была. Кумане же, которые были с Александром, с одной стороны крепко налегли, и стрелы их летели в город, как облако. Горожане, этим досаждаемые, неожиданно городские ворота открыли и, выйдя из города, у Александра куман десять тысяч убили и македонян четыреста конных. С помощью баллист из города огонь извергли и Александрово войско чуть не спалили огнем. Когда это случилось, вечер пришел, Александр в лагерь вернулся, охрану около войска выставив, вельмож старых призвал и сказал: «Что сделаем с коварными горожанами? Землю не воевав, к городу пришли и себя осрамили. Что следует нам делать?» Диоген же, афинский философ, сказал Александру: «Царь Александр, город Афины не сможешь без труда взять, ибо множество людей и воинов в нем — более двухсот тысяч. Сделай хитрость — давай выманим их из города с нами биться и побьем их, так как они неискусны в битве; и так возьмем город». И сделал хитрость Александр, как некогда греки. Повелел от города отступить своему войску и сам с ним ушел. В лагере же оставил десять тысяч волов, сорок тысяч овец и такую грамоту: «Мужи афинские, не ведал великой силы богов ваших и к вам пришел, поразить вас желая, но сам богами вашими поражен. Ибо этой ночью они во сне мне явились, много страшного мне сказали, и я, их убоявшись, в землю свою возвратился; оставив овец и волов много в жертву богам вашим, чтобы обо мне помолили их». И, сказав это, Александр с войском отошел на двенадцать поприщ от города и скрылся в лесу. Горожане же все пришли в лагерь и, грамоту написанную найдя, сказали: «От страха побежал сын Филиппов». И так все из города вышли — более двухсот тысяч пеших и ста тысяч конных.

В ту же ночь философ афинский, по имени Примах, видел сон: великий храм бога Аполлона упал, и все башни Афинского города обрушились, и врата великого Ареопага упали; и Александра видел, на льве в город Афинский въезжавшего, а на площадях города колосья пшеничные росли, и македоняне их, зеленые и незрелые, пожинали. И, об этом сне рассказав, не велел гнаться за Александром. Они же, не обратив внимания на это, шли вслед за Александром.

Александръ же сихъ ждаше со всѣми вои, нарядився при Касталистем лузѣ, постиже их на Виталском поле. Трубоглашения же и войску увѣдѣвше и из луга исходящее и убоаяся и сами к собѣ рекоша: «О великомъ прелщениемъ прелсти нас сынъ Филипов!» Видѣша, яко не мощи убежати, и не хотяще на бой идоша. Александръ же сихъ преодолѣ и побѣгоша. И мнозех убиваху и чрез все Витальское поле гнаху и до Антинского града, и замесившеса обои и вкупе во врата града приидоша македоняне и антиняне. Бяше же видети жалостно, дѣти же и жены ко всѣмъ своим на срѣтение идяху, обои убивахуся; воплю же до небесъ досяжущу и кровем же по странам града текущим, обои замесишася, македоняне и антиняне посреде града сечахуся.

Александръ же посреде ихъ на вологлавом конѣ ѣздаше, сѣчи престати молящеса, и сихъ не могый уставити, ярости наполнишася. Жены же антинстии одираху лица своя, ко Александру вопияху: «Милостивъ буди намъ, царю Александре!» Александръ же, не могый уставити сѣчи, повелѣ градъ запалити. Людие же и жены на станы отошли и спасшеса. Тогда великий и дивны богъ их Аполон антинский со всѣми своими боги згорѣ.

Слышав же Александръ рече: «Аще бы се божи были, спаслися бы сами от огня». Жалость и радость смесивъ, рече: «Ныне македонская оружия антиньскою кровию окровавишася произволениемъ моимъ, а ихъ недоумѣниемъ». Дигеон же философ рече: «Мудра накажи — премудрие будет, безумнаго же — возненавидит тя. Дай премудру вину — премудрие будет». Восплакася градъ Антина вся, смятошася вси отоцы вселеньстии. Александръ же се слышав рече: «Главы не разбивъ, мозгу не выняти».

Оттоле Александръ воставъ поиде, отрядив с собою 400 тысяч войска. Тогда сретоша его вси царие тракинстии, и морейстии, и далматийстии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии;* дары ему многи принесоша безчисленныя и стяги златы царские и многоцѣнныя; *дани* на 12 летъ; царских именъ лишишася, сартапом же повелѣша ся звати.

О ПРИХОЖЕНИИ К РИМУ

Александръ же к Риму уклонися. Слышавше же римляне Александра идуша к нимъ и смятошася и совѣтъ сотвориша. «Да что сотворимъ, — рекоша, — добро ли есть намъ Александра в Римъ пустити с честми и з дарми многими, и на отеческих уставех и градах милостию непобедимою на законех быти». К богу же своему Амону в церковь притекоша, моляхуся возвестити им о Александре. Во снѣ явися имъ богъ Амон, рече: «Мужие римляне, не бойтеса Александра — сынъ мой есть; нѣкогда, дошедшу ми в Македонию, матери его Алимпияде примесихся и родися Александръ; но с честию его срѣтше, поклонитеса яко царю и самодержавнаго прославите».

А Александр ждал их со всеми воинами, приготовившись у Касталийского леса, и напал на них на Витальском поле. Афиняне испугались голосов труб и войска, выходящего из леса, и сами себе сказали: «О, как хитро обманул нас сын Филиппов!» Видя, что невозможно убежать, поневоле шли на бой. Александр же их одолел, и побежали они. Многих из них убивали и преследовали через все Витальское поле до Афинского города, и, смешавшись вместе, к воротам города пришли македоняне и афиняне. И печально было смотреть, как дети и жены к своим навстречу шли и побиваемы были; вопль же до небес доходил, и кровь по всему городу текла, и, смешавшись вместе, македоняне и афиняне посреди города сражались.

Александр среди них на вологлавом коне ездил, уговаривая прекратить битву, но не мог их остановить, ибо исполнились ярости. Жены же афинские, раздирая лица свои, Александру кричали: «Смилуйся, царь Александр!» Александр же, не могущий прекратить битвы, повелел зажечь город. Люди и жены в лагерь отошли и спаслись. Тогда великий и дивный бог их Аполлон афинский со всеми своими богами сгорел.

Услышав об этом, Александр сказал: «Если бы это боги были, спасли бы себя от огня». Печаль и радость объединя в себе, сказал: «Ныне македонское оружие в афинской крови не только по моей воле, но и по их неразумию». Диоген же философ сказал: «Мудрого накажи — мудрее будет; безумного же — возненавидит тебя. Дай премудрому наставление — премудрее будет». Восплакался город Афины весь, в тревоге были все земли вселенские. Александр, услышав об этом, сказал: «Головы не разбив, мозг не вынуть».

Оттуда Александр пошел, взяв с собою четыреста тысяч войска. Тогда встретили его все цари тракийские, и морейские, и далматинские, и полуцы, и гостиницы, и триволлийские; дары ему принесли бесчисленные и стяги золотые царские многоценные, и дани за двенадцать лет; царских титулов они лишлись — сатрапами должны были называться.

О ПРИХОЖДЕНИИ К РИМУ

Александр же к Риму направился. Когда услышали римляне, что Александр идет к ним, обеспокоились и совет созвали. «Что сделаем, — сказали они, — следует ли принять нам Александра в Риме с почетом и дарами многими, чтобы по милости непобедимой нам сохранить отеческие порядки и законы». К богу же своему Амону в храм пришли, моля возвестить им об Александре. Во сне явился им бог Амон и сказал: «Мужи-римляне, не бойтесь Александра — он сын мой: некогда, придя в Македонию, я с матерью его Олимпиадою соединился и родился Александр; с честью его встретив, поклонитесь как царю и его, самодержавного, прославьте».

Римляне же с честью и со славою великою срѣтоша, бѣше же дивно срѣтение их: 4 тысящи сретоша его венчанных витязь на парѣжах и 2 тысящи девиць срѣтоша его, одѣяния червлена злато вязена бѣше на них. И прочихъ людей 1000 и 40; вси изношаху дафиново вѣтвие со златом. Иереи же римьстии срѣтоша его, носяще великие свеща в руках. Изыдоша к нему, носяще одѣяние велико и многоценно Соломона, царя еврейскаго, иже у них положил Навходоносоръ, царь перскій, нѣкогда приял Иеросалим. Принесоша ему блюдо самотворных 1000 и 200 с каменем многоценным, иже поставил бѣше Соломон царь в церкви, Святая Святых, и венець Соломоновъ, в нем же три камени бяху, 12 пригод с него исцелений, и иных камней 1000 — по числу сыновъ иизраилевых. Изнесоша ему стему злату царску многоцѣнну Сивилии царицы* волховную. Изведоша ему парижь под хакизмомъ коркодиловымъ, оседлана седлом от камени андрамана.* Изнесоша ему оружие Елгаменеуша* короля; изнесоша ему копие ланпандилово* з бисером и с каменемъ многоцѣнным Якша Теломоника* и прочих копий 17; изнесоша ему щитъ Таркнена,* римьскаго царя, кожею аспидовою попят. Сие же славное стрѣтение царь Александръ видѣвъ, радостен бѣвъ велми и много вои своих почестно нарядив, македонян же с собою на конех понмаше, на чюднаго коня Дучипала всѣде и коруну положи на главу свою Клеопатре египецкой царицы, 12 камней многоцѣнных в немъ; кони же подвоны и трубы по подобию нарядив, на стрѣтение римляном идоша.

Близу же им бывшимъ, витязи и девицы поклонишася Александру, с коней не сѣдоша и рекоша: «Многа лѣта, царю Александре, всего свѣта царю»; и се рекоша, на страну отѣхаша, друзии же приидоша и тии прославиша его; инии же вси с коней сѣдоша и прославиша царя Александра. По сем же приидоша иереи со свѣщами и с кадилницами и покадиша его вонями различными. И тако веселящеся во град римьскій приидоша и приведоша его в храм бога своего Аполона* поклонитися. Срѣте иерей Аполоновъ, и покади его, и поклонися ему, и принесе ему злато, и ливанъ, и измирну, сия убо царская дарования суть. Изнесоша ему писание, имуще сичево: «В лѣто 5000 востати имат козель единорог и поженет пардусы западныя и превозносящихся и паки к востоку поиде, идѣже двоерогий овень, емуже рози до небесъ, и сего единемъ рогомъ в сердце. И потрясутся миди и финицы, восточнии велиции и страшнии языцы, и остря меча перьскаго притупит и, в Римъ пришедъ, царь совершенъ прославитца, и сему время прия весь Иеросалим безо всякия пакости и рати».

И сие писание Александръ слышав и прочее, вопросив дати хотя толкование писанию. Философ же рече ему: «Александре, во дни иеврейскаго пророка Данила,* слышавом, яко в писании наших западнѣй царь пардус наречетца, овна же двоерогаго перьское нарицается царство, козла же единорогаго македонское нарицает царство, якоже мнится быти, остру сущу и храбру, понеже яве сие творит чюдное твое в Римъ пришествие». И сие слышав

Римляне с честью и со славою великою встретили его, была же дивной встреча их: встретили его четыре тысячи витязей увенчанных на конях и две тысячи девиц в красных с золотом одеяниях. И прочих людей тысяча четырехста; все несли лавровые ветви с золотом. Иереи же римские встретили его, неся большие свечи в руках. Вышли к нему, неся одеяние великое, многоценное Соломона, царя еврейского, которое у них положил Навуходносор, царь персов, некогда взявший Иерусалим. Принесли ему золотых блюд тысячу двести с камнями многоценными, которые поставил Соломон-царь в храме, во Святая Святых, и венец Соломонов, в котором три камня были и иных камней тысяча, от двенадцати несчастий он исцелял — по числу сынов Израилевых. Вынесли ему золотой венец царский многоценный Сивилии-царицы, волшебный. Вывели ему коня под попоной крокодиловой, оседланного седлом из камня андрамана. Вынесли ему оружие Елгаме-неуша-короля; вынесли ему копье ланпандиловое Якша Теламоника с жемчугом и с камнями многоценными, и прочих копий семнадцать; вынесли ему щит Таркнена, римского царя, кожею аспидовой обтянутый. Видя же эту славную встречу, царь Александр радостен был и много воинов своих почетно приготовил, а македонян с собою на конях взял, на чудного коня Дучипала сел и возложил на голову свою корону египетской царицы Клеопатры — двенадцать камней многоценных в ней; коней запасных и трубы как подобало приготовив, навстречу римлянам пошли.

Когда же они приблизились, витязи и девицы поклонились Александру, с коней не сходя, и воскликнули: «Многая лета, царь Александр, всего света царь», и, сказав это, в сторону отъехали, другие же пришли, и они прославили его, остальные же все с коней сошли и прославили царя Александра. После этого пришли иереи со свечами и кадильницами и покадили его ароматами разными. И так, веселясь, в город римский вошли и привели его в храм бога своего Аполлона для поклонения. Встретил его иерей Аполлонов, и покадил его, и поклонился, и принес ему золото, и ливан, и мирру — ибо таковы дары царям. Вынесли ему писание: «В пятитысячный год восстанет козел единорогий, и погонит пардусов западных, превозносящихся, и вновь на восток пойдет, где двурогий овен, у которого рога до небес, и поразит его своим рогом в сердце. И потрясутся мидийцы и финикийцы восточные, великие и страшные народы; и острие меча персидского притупит он, и, в Рим прийдя, как царь совершенный прославлен будет, и тогда овладеет Иерусалимом без разорения и войны».

И это писание услышав и прочее, Александр просил объяснить его. Философ же сказал ему: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется, овном же двурогим — персидское царство, козлом же единорогим македонское называется царство, быстрое и храброе, что и являет чудное твое в Рим пришествие». И, слыша это, Александр обрадовался и сказал: «Промысл Божий изволил,

Александръ, радостен быв велми и рече: «Якоже промыслу Божию воля есть, да будет тако, силнии падоша, а немощнии препоясашася силою». И ту ему веселящу в Риме с римляны и македоняны, и придоша ему вся царствия западняя, дары многоцѣннии принесоша ему, молящася не ратовати их. Александръ умилися, повелѣ дани дати 12 лѣтома и войско ему. Лаомендуша же, своего приснаго любимаго друга, в Риме царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ повелѣ его слушати.

И тако шествие творяше къ югу. Злата же много и войско вземъ, на ужескии страны, и тамо царства многа крѣпка порази, и вселенную всю прошед, до Окияна реки дошедъ великие, иже всю вселенную обтече. И во узкихъ странах земли той обрѣте звѣри челоукообразны и многии двоеглавнии змиевы, ноги имѣяху, и с ними рать сотвори велику и сих победилъ, звѣри же суще оружия не имѣяху, вскоре падошася. И в гвоздинную гору нѣкую дошедше, жены многи дивии на Александра востаха и рать велику сотвори с ними. И во един часъ от войска его сто поразиша, вси бо жены тѣ крылаты и ногты велики, аки серпы, тѣло же все во власех, и прилетаю очи издираху воемъ. Се же слышавъ Александръ, повелѣ тростие запалити. Жены же тѣ, въ пламени изгараху крилы же, и на земли падаху. Сих же македоняне прискачюще побиваху и сихъ множество паче дватцати тысяч убиша.

Акияна реки дошедше, во вселенную паки возвратишася. Войску почти повелѣ и повелѣ околним государством корабли многи сотворити, триста тысяч кораблей, величеством тысяча в него людей всядетъ со всѣми потребами. К востоку отправи их, по великой Осистей странѣ и по варварехъ. Пред ними воеводу Птоломѣя и Филона посла, во Египте и с ними срочися снятися; повелѣ имъ земли и грады примати и от сихъ войско и дани брати. Сам же в корабли вшедъ и, дунувшу югу бурну, к востоку поиде над *тремя* тысячами кораблей, и Антиоха воеводу над иными тремя тысячами сотвори, Селевкия над иными тремя тысячами кораблей, Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.* И оттоле отшедшимъ, остави на околе 1000 волов, 40 000 овецъ. Множество кораблей поиде и людемъ, на 4 части разделившимся по морю и пловяху 30 дний и 30 нощи.

Александръ же идяше ко Египту и ту приста, идѣже идет Нилъ река в море, ту град созда во имя свое Александрию. Селевкий же с своими корабли в Ликеи* приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Селевкию. Антиох же пристав с своими корабли, ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Великая Антиохия. Византъ же с своими корабли в тесноту Триньскаго моря* приставъ и ту град во имя свое созда и нарече имя ему Византия. О семъ Александръ много оскорбися, не вѣдаеть, кто гдѣ присталь, по 30 дний увѣда о Селевкии, и Антиоху, и Византу и о градах ихъ. И потом съѣхашася вси и на том мѣсте создаша градъ вси и нарекоша имя ему по серпьскому языку «Единосердый станъ». И в томъ граде 6 месяць сотвориша, конское воинство составиша. Пто-

чтобы сильные пали, а немощные препоясались силою». И когда тут он веселился в Риме с римлянами и македонянами, пришли к нему все царства западные, дары многоценные принесли ему, прося не воевать их. Александр смилостивился, повелел дани ему давать двенадцать лет и войско. Лаомендуша же, близкого к себе, любимого друга, в Риме царем поставил и всем западным царям повелел его слушать.

И потом пошел на юг. Золота много и войска взяв, к южным странам отправился, и там царства многие сильные победил, и, вселенную всю пройдя, дошел до Океана-реки великой, что всю вселенную обтекает. И в южных странах земли той нашел зверей человекообразных и много двуглавых змей, ноги имеющих, и с ними в бой вступил великий, и их победил: звери, оружия не имея, вскоре погибли. И до железной горы дошел, где множество огромных жен на Александра восстало, и бой великий он имел с ними. И в один час из его войска сто человек поражено было, ибо все жены те крылаты и ногти у них огромные, как серпы, тело же все в волосах, и, прилетая, они глаза раздирали воинам. Услышав об этом, Александр повелел тростник поджечь, и жены те, так как их крылья в пламени сгорали, на землю падали. Македоняне же, подбегая к ним, побивали их, и множество, больше двадцати тысяч, убили.

Дойдя до Океана-реки, возвратились во вселенную. Александр велел войску отдохнуть, соседним же государствам велел построить много кораблей — триста тысяч, тысяча людей в каждый входит со всем необходимым — и на восток отправил их, в Азию и к варварам. Перед ними послал воеводу Птоломея и Филона, в Египте договорившись встретиться с ними; повелел им земли и города принимать и от них войско и дань брать. Сам же в корабли вошел и, когда подул южный ветер, отправился к востоку во главе трех тысяч кораблей, а Антиоха воеводой над другими тремя тысячами сделал, Селевка же над другими тремя тысячами кораблей, Византа же и иных витязей оставил далеко от города Ликия. И от того места отошли, оставив в лагере тысячу волов и сорок тысяч овец. Множество кораблей пошло и людей, и на четыре части они разделились, и плавали тридцать дней и тридцать ночей.

Александр же приплыл к Египту и, пристав при впадении Нила в море, город создал во имя свое — Александрию. Селевк же со своими кораблями в Ликии пристал и тут город во имя свое создал — Селевкию. Антиох же, пристав к берегу со своими кораблями, создал город во имя свое — Великую Антиохию. Визант же со своими кораблями в проливе Триньского моря пристал и тут город во имя свое создал — Византию. О том Александр много скорбел, что не знает, кто где пристал: но через тридцать дней узнал о Селевке, и об Антиохе, и о Византе, и о городах их. И после этого съехались все, и на том месте создали город, и дали ему имя, по-сербски означающее «Единосердный стан». И, в том городе пробыв шесть месяцев, составили конное войско. Птоломей же и Филон

ломѣи же и Филон ко Александру рекоша, елико прилучися имъ боевъ на пути, мнози чуднии царие варварстии и онтиопскихъ* и сихъ всѣхъ победивше и ко Александру приведоша связанныхъ. И сихъ Александръ увѣривъ и во свою землю отпустивъ, заповѣдавъ, яко 12 лѣтомъ 100 тысячъ войска давати ему.

И оттоле Александръ со всѣми вои во Асию прииде, ту градъ созда именованъ Трипол. О семъ Александръ здумавъ рече*: «О велемошнии македоняне, не подобаетъ намъ воинство оставити, нѣсть бо во граде твердости, но мы храброю силою многие грады приимахомъ и разбихомъ».

И всю Асию приимы и ко стране Апридийской* возвратишася, преди же иже в лѣта нѣкая еллины приимше и разбиша нѣкия ради жены именованъ Еленуши короля Акедоньскаго* сына Мелеушева.* Краля придискаго Прияль-мужа* сынъ именованъ Александръ и Вариж* на вѣре возьмъ и в Трою принесе, благодарения явлься ко своему благодателю и Мелеушу кралю. Мелаушъ Селевкия, и Киликия, и Пелагония, и с Пелопоникия цари и витязи на помощь себѣ призва, жены ради своя на Трою прииде. И всю Придийскую землю пленивъ и вся живущая в земли той мечю предади; и десят лѣтъ градъ Тройскій великий рвали и прияша, весь мужеский полъ огню и мечю предаша, якоже Омиръ во своихъ книгахъ пишетъ. Ту бо тогда мнози витязи падоша от еллинъ. Искони бо намъ взаконися от женъ великимъ лукавымъ зломъ повиннымъ быти — первое бо Адамъ женою прельстися, великий храбрый Самсонъ женою погибе, мудрый Соломонъ женою ада наслѣди — такоже и в Трои мнози неизреченнии храбрии витязи и цари за едину жену погибоша.

И ту Александръ прииде, живущии же в Трои срѣтоша его с честию великою и дары ему многи принесоша: оружие Целеша краля, сына короля Прелеша,* на лвовѣ кожи приставлено, и положивше на щиту Якша Теламоника. И ко Александру принесоша перстень и даша ему египетскою кралицы от камени андракса,* имѣя силу таково: иже в великую немощъ впадет, на него посмотрит и исцелѣтъ. Изнесоша ему образъ госпожи Менеры* вписана на иконе, вся елико совершишася. Изнесоша ему одеяние Поликсеніи госпожи, дщери короля Приемуша; иже ею прелшалъ Ацелешъ, егда от грекъ отвержеся, ко Трои приступи егоже убиша братия ея лукавствомъ на вечери в храмъ, уби же его Апелонъ трогоделскій,* Алекидушъ.* Одеяние же дѣйствомъ: коли облачашеся в него госпожа Поликсенія, тогда 4 различнии показоваше на собѣ позирающимъ от различнаго камени: егда на зелено камение позираше, приразаешеся зеленое бѣлому лицу, подобяешеся дузе небесней вскоре сияючи и падиному позлащенному перию; егда же на черленое позираше камение, прелшевашеся черленъ к бѣлости образу дивному и розному виду ея; егда же в немъ поступаше различна блистания от каменнаго вида, от одеяния того блисташе. Сие одѣяние Александръ видѣвъ и подиви же ся женѣ той паче всѣхъ женъ и сию похвали не токмо за ея дивное одеяние, но и за вѣру и любовь, иже ко Ацелешу по смерти его показа. Ацелешу бо умершу, иному мужеву не

Александру рассказали, какие случились им бои на пути, со многими царями варварскими и онтиопийскими, и всех их победив, к Александру привели связанными. И Александр дал им заверения, и в свои земли отпустил, велел им двенадцать лет сто тысяч войска давать ему.

И оттуда Александр со всем войском в Азию пришел, и тут город создал Триполь. И, подумав, Александр сказал: «О многомошные македоняне, не подобает нам забывать воинские дела — ибо не в укрепленном городе сила, но мы своей храбростью многие города взяли и разбили».

И всю Азию покорив, к стране Придийской возвратились, которую раньше в некие времена эллины захватили и разрушили, некоей ради жены по имени Еленуши — жены Мелеуша, сына короля акедоньского. Короля придийского Приемуша сын по имени Александр Вариж, воспользовавшись доверием, взял ее и в Трою привез, так отблагодарив своего благодетеля — Мелеуша-короля. Мелеуш, на помощь себе призвав царей и витязей Селевкии, и Киликии, и Пелагонии, и Пелопоникии, жены ради своей к Трое пришел. И, пленив Придийскую землю, они всех живущих в земле той мечу предали; и десять лет великий город Троянский осаждали, и, взяв, весь мужской пол огню и мечу предали, как Омир в своих книгах пишет. Здесь тогда многие витязи погибли от эллинов. От начала суждено нам из-за жен в великом лукавом зле повинными быть — первым Адам из-за жены вошел в соблазн, великий храбрый Самсон из-за жены погиб, мудрый Соломон из-за жены в ад последовал, — также и в Трое многие несказанно храбрые витязи и цари из-за одной жены погибли.

И когда Александр пришел туда, все живущие в Трое встретили его с честью великою и дары ему многие принесли: оружие короля Ацелеша, сына короля Прелеша, на львиной коже, и положили на щит Якша Теламоника. И принесли Александру перстень египетской царицы, из камня андракса, имеющий такое свойство: если кто, тяжело заболев, на него посмотрит, то исцелится. Вынесли ему образ госпожи Менеры, по которому узвано было, что постигнет Трою. Вынесли ему одеяние Поликсении-госпожи, дочери короля Приемуша; с нею обручился Ацелеш, когда, от греков отступив, в Трою пришел, которого убили братья ее обманом, на вечери в храме, убил же его Аполлон трогодельский, Алекидуш. Одеяние то имело такое действие: когда облачалась в него госпожа Поликсения, тогда четыре разных вида являла смотрящим на нее от влияния разных камней: когда на зеленый камень она глядела, то присоединялось зеленое к белому лицу, уподобляясь сияющей дуге небесной и золотому оперению павлина; когда же на красный смотрела камень, то присоединялось красное к белости дивного вида ее; от воздействия же всех камней она блистала в одеянии этом. Это одеяние увидев, Александр подивился жене той, выше всех жен, и похвалил ее не только за дивное одеяние, но и за верность и любовь, которую она к Ацелешу после смерти его проявила. Ибо когда Ацелеш умер, другому мужу не

восхотѣ назватися жена, глаголаше в собѣ: «Емуже весь миръ недостои бѣ витязству и красотѣ и добротѣ; како его забыти, а иному нарекуся жена». Ни в порабление себѣ восхотѣ дати, Трюю бо разбившим греческим царем, но изволи паче смерть Ацелешевъ гроб, нежели жива поработитися в Лагонискую землю.* Симъ бо умнымъ женамъ, иже к мужемъ своимъ честь и любовь соблюдаютъ, двоя хвала имъ есть — и от Бога мзда, а от людей честь, иже изволиша с мужи своими умерети, нежели срамотно живымъ быти. Изнесоша ему венець тое же госпожи, егда на главу полагаше его, тогда невидимъ бываше во дни, в нощи же яко огнь светяшеся. Изнесоша ему бележець оружныи превелеможнейшаго Еликтора,* бисеромъ и каменiemъ украшен, со скоропийными зубы и аспидовыми зубы, ногты; и одеяние его, иже от рыбыи кожи бѣ. И принесоша ему книгу нѣкоего философа от Рима,* кою бяше о Трои разорение от искони и до скончания. И то Александръ прочеть, иже подвиги великих витязъ, жалости и радости наполнився и рече: «О колики силнии падошася за лукавствие мерские и лукавые жены таковыя».

Александръ же во град Тройскій вниде и вопрошаше, гдѣ витяземъ гроби суть; они же ведоша его к нимъ. Воземъ ливанъ и измирну, гробы их покади, проплакав к нимъ рече: «О дивии в челоуѣцех храбрии витязи, лвове, Алелешу, (Е)кторе, Якъшу, Несторе,* аще живых бы вас видель, честь по достоянню дал бых вамъ, да отколе отнюду же изыдосте, вамъ мертвымъ жерътву и ливан воздаю. Но блажени есте и по смерти своей, понеже велиции и дивии исписасте же в повѣстех и прилучистеся Омиру». Се же слышавше философи ко Александру рекоша: «Великий царю Александре, Ацелешъ, Ферлеша короля сынъ, по отцы же братъ есть тебѣ, а от Амона бога и Федите жены* родился есть, а ты, царю Александре, от Амона бога и от Алимпияды царицы родился есть, по прилучаю яко от единого отца еста. Да аще смерть прилучит ти ся, царю, болшими похвалами подвиги царствива твоего мы исписати имамы, нежели Омир о придинских и елиньских царей». Александръ же рече к нимъ: «Болши бы ми от Омирьских исписаниих царевъ *конюх* назватися, нежели от ваших списаниих единой земли назватися царемъ».

Сему же бывшу Александръ паки в Македонию возвратися со всеми силами македонскими и прочими цари и войсками их, иже в западнѣй странѣ мечемъ прияли бяху. И сими яко победоносець в Македонию прииде, шесть на десят лѣтъ имѣлъ в дальнихъ странах отшед от Македония. Мати же Алимпияда царица и мудрый ей казателъ Аристотель со всѣми македоняны и з женами и з девицами на рецы Скамудруши* и с честными великими дары царя Александра срѣтоша и оттуду вси в Филипустъ градъ приидоша. И ту Александръ повелѣ македоняномъ 3 месяцы в домех своих почити и кони кормити и оружия направити. И еще на востокъ поити хотя и паки в Македонии Аристотеля и матеръ свою остави. Воземъ с собою 100 тысяч войска, сущих одинаких македонян оружием и бележцы и вси вооружены одинаки гелмове, и

захотела стать женой, говоря: «Весь мир недостоин его доблести и красоты; как его забуду и другому стану женой». И в рабство себя не захотела дать, когда Трою разгромили греческие цари, но предпочла умереть на могиле Ацелеша, чем идти в рабство в Лагонийскую землю. Этим умным женам, что мужьям своим честь и любовь сохраняют, двойная хвала — и от Бога награда, и от людей честь, так как решили с мужьями своими умереть, а не жить в позоре. Вынесли ему венец этой же госпожи — кто на голову его наденет, то днем невидимым станет, ночью же как огонь светится. Вынесли ему воинскую эмблему могущественнейшего Еликтора, жемчугом и камнями украшенную, с зубами скорпиона и зубами и когтями аспида; и одеяние из рыбьей кожи. И принесли ему книгу некоего философа из Рима — о разорении Трои от начала и до конца. Александр прочел о подвигах великих витязей, печали и радости исполнился и сказал: «О, сколь сильные погибли из-за коварства мерзкой и коварной жены».

Александр в город Трою вошел и спросил, где могилы тех витязей; жители отвели его к ним. Взяв ливан и мирру, могилы их покадил и со слезами к ним обратился: «О дивные среди людей, храбрые витязи и львы Ацелеш, Ектор, Якш, Нестор, если бы живых вас увидел, честь достойную воздал бы вам, поскольку же ушли от нас, то вам, мертвым, жертву и ливан воздаю. Но блаженны вы и по смерти своей, потому что о вас, великих и дивных, написал в повестях Омир». Услышав это, философы Александру сказали: «Великий царь Александр, Ацелеш, сын короля Прелеша, по отцу брат тебе, потому что от Амона-бога и Фетиды-жены родился, а ты, царь Александр, родился от Амона-бога и от Олимпиады-царицы, поэтому вы от одного отца. И если смерть случится тебе, царь, то большими похвалами подвиги твоего царствования мы опишем, нежели Омир придийских и эллинских царей». Александр же сказал им: «Лучше бы мне в Омировых писаниях царевым конюхом быть, нежели в ваших писаниях всей земли царем».

После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруше встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход — на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них, на щитах же

роги на нихъ, на щитехъ же лвовы главы, и на всѣхъ одинаки кахизма коркодилова на фарижехъ. И тако взять всѣмъ шатры около царева шатра поставити, никому же иному не вмешатися в македонскій полкъ. Повелѣ же избрати 2 тысящи благообразныхъ женъ и симъ колесницы и шатры отрядити повелѣ, терьяха* же нѣкоего над ними постави вся от нихъ разумно управляти. Коли который воинъ жены требоваше, к терьяху пришедь, златницу подаваше и, колки ношей держаше, толко златницъ даваше. Вся убо войска воющихъ со Александромъ по уставу и подобию нарядившеся; 100 тысячь македонянъ тако с собою нарядив: егда царь Александръ на конь вседаше, тогда вси на конехъ обретахуся, и вси с нимъ во единомъ бяху, вси одинацы коньми и оружие и свитами. Воевода всѣмъ Птоломѣй бяше, мужъ любимъ и праведен, всякие добродѣтели исполнен, любимъ же Александромъ бяше велми. Егда кого македонянъ убиваху на бои, и от иныхъ войскъ избираху изручна мужа и сими на мѣсто поставляше, никогда 100 тысячь македонянъ не умаляшесе.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

Александръ шествие творя к востоку. Которые волею к нему придоша, сии честь и прощение от него прияша, которые ему противляхуся, тѣмъ грады разбиваше, иныхъ мечю предаваше.

О семь же страх и трепетъ вси Асийскіи страны обдержаше — и цари Палестиньстии, и Еврейское царство, и Египетское царство. Вси бо тии Дарию подручни бяху, и мнози от нихъ к Дарию притекоша о напрасномъ нашествии македонянъ. Дарій же, царь перскій, с вѣстми посла ко Александру с листомъ: «Дарій, царь надъ цари, великій, силный гордѣниемъ и земскою славою, равенъ богомъ небеснымъ, одинако с солнцемъ от востока и до запада. Вѣсть во уши мои прииде, сыну Филиповъ, яко всю Елладию объять, и до великаго Рима дошедь, и вси западныя цари подмял еси, и сихъ до конца затерь еси, и до Окияна реки дошелъ еси, не точию о семь доволенъ еси, но и нижнюю Варварию и Ефиопию и вся западныя страны, подручная царствію моему, поколебаль еси, и много богатства взялъ еси, и симъ еще не доволенъ еси, на Асию и Фругию, моя земли, наступилъ еси с подобными тебѣ гусари, с македоняны и отроки. В забитии положилъ еси подручную работу; к перскому царству вси земьстии прилагаются царие. Да доволенъ буди тебѣ во отечествии обрестися, Елладіею обладати. Оставляемъ ти законную дань, юже отецъ твой ко царству моему приношаше. И сие помилование над тобою чиню за неизочтеную твою худость и за безмѣрную твою наглость, иже с подобными тебѣ гусарми учинилъ еси. Аще ли сему не повинешися, и силою перскою пойду на тя и не можетъ тебѣ вся вселенная предо мною укрыти, предъ мечемъ моимъ казнити тя имамъ».

львиные головы, и у всех одинаковые крокодиловые попоны на конях. И всем им свои шатры около царского шатра велел ставить, никому же другому не смешиваться с македонским полком. И повелел выбрать две тысячи красивых жен и им колесницы и шатры приготовить, теряха некоего же над ними поставил всем у них разумно управлять. Когда какому-то воину жена нужна будет, к теряху прийдя, златницу ему даст и, сколько ночей держит ее, столько златниц и дает. И все войска Александра по уставу, как подобало, устроились; сто тысяч македонян было при царе Александре: когда он на коня садился, тогда все на конях и все с ним вместе были, все одинаковы — конями, оружием, одеждой. Воеводой над всеми Птоломей был, муж, любимый Александром и справедливый, всякой добродетели исполненный. Когда кого-то из македонян убивали в бою, то из других войск добирали достойных мужей и их на место македонян ставили, так что никогда число македонян — сто тысяч — не уменьшалось.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХ СТРАНАХ

Александр совершал поход к востоку. Кто добровольно к нему приходил, те честь и прощение от него приняли, а кто ему сопротивлялся, города тех разрушал, иных мечу предавал.

Поэтому страх и трепет охватили все страны Азии — Палестинских царей, и Еврейское царство, и Египетское царство. Все они Дарию подвластны были, и многие из них прибежали к нему из-за внезапного нашествия македонян. Дарий же, персидский царь, отправил к Александру послов с грамотой: «Дарий, царь над царями, великий, сильный гордостью и земною славою, равный богам небесным, вместе с солнцем от востока и до запада сияющий. Весть ушей моих достигла, сын Филиппов, что всю Элладу захватил ты и до великого Рима дошел, всех западных царей покорил и подчинил их себе до конца, и до Океана-реки дошел, и не только этим не удовлетворился, но и нижнюю Варварию, и Ефиопию, и все западные страны, подвластные моему царству, поколебал, и много богатств взял, и этим еще не доволен, на мои земли Азию и Фригию пришел с подобными тебе разбойниками-македонянами и отроками. Забыл служение подвластное; от персидского царства все земные цари зависимы. Доволен будь в отечестве своем находиться, Элладю обладать. Оставляем за тобою положенную дань, которую отец твой царству моему приносил. И этим милость тебе оказываю — за неизочтенное твое ничтожество и за безмерную твою наглость, которую с подобными тебе разбойниками проявил. Если же этому не покоришься, то с силою персидскою пойду на тебя, и мечом моим казню тебя, и не сможет тебя вся вселенная от меня укрыть».

Прим же Александръ листь и прочеть его и в той часъ раздра, посла же повелѣ со гнѣвомъ на древѣ распяти, а инымъ главы отсеци повелѣ. Македоняне же приступльше к нему и рекоша: «Царю Александре, не подобаеть ти посла убити». Он же к нимъ рече: «Не ко царю послани суть, но к разбойнику и гусарю». И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: «Не зазирайте мене о семъ, но царю вашему ругайтесь, азъ бо царя его имам, а он мене разбойника нарече; да егда вас к разбойнику послалъ есть, тогда вамъ главы отсѣклъ есть; царь бо посла никогда не убивает, да вы к разбойнику пришедше, погинули есте. Азъ же не яко разбойникъ, но яко царь живот вамъ дарую». Они же к нему рекоша: «Аще нас убиеш, царю Александре, самъ себѣ дѣлом разбойника наречеш. Дарию же малу тшету нанесеш, закон же царьскій нами разориши, но умилися о нас, доволни бо есми имя твое в Персиде прославити». О семъ слове Александръ умилися и к Дарию их с листом посла: «Александръ царь Дарию, перьскому царю. Листъ твой примъ и писания твоя в нем прочтох и благодарих, понеже не бѣ в немъ царского устава, ни подобия. Ты претиши нам, како западнѣя царства приемше, разорили есми. Вѣдомо да есть ти, яко всякъ челоувѣкъ ищетъ от нижних на вышнѣя преити и възити, и се мы разумѣвше, на западе прияли есми и на востокъ идемъ. Ты претиши намъ, глаголя: „Вся вселенная полна есть имени моего и не может тебѣ укрыти и всѣхъ македонянъ”, иже гусари наречеш. Ты велиши нас бити и ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ. Да аще нас младых и крѣпких мниши бити, но паче камени адаманта твердѣйши явямся тебѣ, паче перцовых зернъ лютѣйши, государие всему твоему наречешся. На великий промыслъ надѣемся, емуже ты противиши равен быти. Но не утаися в персехъ, противу насъ изыди. Сут бо жены украшены с тобою, македоняне же суть лвоуе неутолимии, волею своею смерть за живот купуют». Дарий же листь Александровъ прочет, ярости и гнѣва напонився, рече к послу, иже бяше ходилъ ко Александру: «Коего возраста есть Александр, каков умомъ есть, явите ми, и коего лѣта рождение его, колика войска у него есть». Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтенъ в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судить право, мудрость же его по листомъ познай, царю, войска же с нимъ видѣхомъ пятсотъ тысяч. Премудрый же Соломан в книгах своихъ пишет: „Посмеяния устѣ и поглядание очю, поступанию ногамъ возвещаетъ еже о мужи”». Дарий же все во умъ примъ и рече: «Воистину сии суть великихъ царей белези, но сему не мню истинну быти». Повелѣние же по земляхъ своих и странах расписати повелѣ — на поле Сенар войску собирати повелѣ, идѣже языцы столпъ создали бяху, боящеся втораго потопа нашествия. Ту языкомъ размещение бысть, ту войску собиратися повелѣ.

Во Иерусалим же и во Египет писа листь, глаголя: «Не передавайтесь Александру, тatevi и гусарю, аз бо силою перскою изручу васъ».

Принял Александр грамоту, прочел ее и тотчас разорвал, и с гневом повелел посла на дереве распять, а иным головы отсечь. Македоняне же приступили к нему и сказали: «Царь Александр, не подобает тебе посла убивать». Он же им ответил: «Не к царю посланы они, но к разбойнику и бандиту». И половину из них отпустил к Дарию, сказав им: «Не меня осуждайте за это, но царя вашего вините, ибо я царем его считаю, а он меня разбойником назвал; когда вас к разбойнику он послал, тогда вам и головы отсек; ибо царь посла никогда не убивает, а вы, к разбойнику придя, уже погибли. Я же не как разбойник, но как царь жизнь вам дарю». Они же ему сказали: «Если нас убьешь, царь Александр, сам себя на деле разбойником явишь. Дарию малый убыток нанесешь, закон же царский нами нарушишь, смилуйся над нами, мы же имя твое в Персиде прославим». И Александр смиловался, и к Дарию их с грамотою послал: «Александр-царь Дарию, персидскому царю. Грамоту твою получил, и писания твои в ней прочел, и благодарен, хотя не было в ней ни царского устава, ни подобия. Ты обвиняешь нас в том, что западные царства, покорив, мы разорили. Да будет тебе известно, что всякий человек хочет от нижних к высшим перейти и возвыситься, и мы, понимая это, западные земли покорили, и на восток идем. Ты же угрожаешь, говоря: „Вся вселенная полна имени моего и не может тебя укрыть и всех македонян“, которых ты разбойниками называешь. Ты велишь нас разбить и схватить, а мы к царству твоему сами идем. Ты считаешь нас молодыми и крепкими, а мы тверже камня адаманта окажемся для тебя, лютее зерен перца, и государями над всем твоим станем. На великий промысл надеемся, которому ты противишься, желая равным ему быть. Но не скрывайся среди персов, против нас выходи. Твои персы — жены украшенные, а македоняне — львы неутолимые, добровольно своею жизнью жертвуют». Дарий же грамоту Александра прочел, яростью и гневом наполнился и сказал послу, что ходил к Александру: «Каков возрастом Александр, каков умом, скажите мне, и когда родился, и сколько войска у него». Они же сказали ему: «Лет ему сейчас тридцать, ум же его многолетен, красив он и храбр весьма и судит справедливо, мудрость его по грамоте познай, царь, войска с ним видели пятьсот тысяч. Премудрый же Соломон в книгах своих пишет: „Смех уст, и взгляд, и поступь ног сообщают о муже“». Дарий обдумал все это и сказал: «Поистине это приметы великих царей, но не верю, чтобы это было истинно». Повеление же по землям своим и странам отправить приказал: на поле Сенар войско собрать, где народы столп создали, боясь второго потопа. И тут, где разделение народов было, войску своему собраться повелел.

В Иерусалим же и в Египет написал грамоту: «Не предавайтесь Александру, вору и разбойнику, ибо я силою персидской выручу вас».

ШЕСТВИЕ ТВОРЯ КО ИЕРОСОЛИМУ

Александръ же вземъ воя своя, во Иудейскую землю и на Еврейское царство во Иеросалимъ отъиде. В то же время обладаше еврейскими сонмищи и Иеросалимскимъ царствомъ пророкъ Бога Саваофа именемъ Еремея. И к симъ царь Александръ посла пусти с листомъ: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, ко обретающимся начальникомъ Еврейского царства. Да есть вамъ, яко сотворилъ мя Богъ вышний царя паче всѣхъ царь в роде моемъ и вся западную страну и Рим приемъ, да вас доидох. Аще угодно есть вамъ мнѣ поклонитися и самѣмъ на отеческихъ законехъ быти и отчину и землю без боязни держати, и вѣстника ко мнѣ с словомъ пошлите и дани войску моему пошлите». Се же слышавше еврейский сонмъ молвою великою одержими бываху; листъ же Александровъ прочетше, вѣстника ко Александру послаша с листомъ: «Еврейский сонмъ Бога Саваофа людие, живуши во Иеросалиме, Александру царю радоватися. Елико повѣдалъ еси намъ, с радостию увидѣхомъ. Вѣдомо да есть царствию твоему, яко отнелъже преидохомъ Черное море, ни единому повинухомся царю, но водимы есми рукою высокою и мышцею непобедимою Саваофа Бога. Се же напоследокъ времен разгнѣвавшуся на ны великому Богу, поработи нас Навходоносору, царю перьскому. Много же лѣтъ в порабождении быхомъ и паки возвратившеся во свою землю и нынѣ есми подручни перской десницы, ейже вся вселенная подручна есть. Аще ли тебѣ предадимся, нынѣ или утро Дарий пришедъ вся красная земли нашей разрушит. Аще ли Дария победиши и острию мечю перскому притупиши, во Иеросалимъ с миромъ приидеши и царь всей вселенной от еврей наречешися. Аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити». Евреи же единого с листомъ послаша ко Александру. Александръ же листъ прочетъ и другой отписа к ним, рече: «Александръ, царь над цари, всѣмъ живущимъ во Иеросалиме пишу. Елика писасте ко мнѣ, ту познахъ. Не подобаетъ вамъ, людемъ Бога живаго, подручнымъ быти чловѣку идолослужителю. Да не задержав, ко мнѣ дани принесите. Азъ бо, не поклонився Богу во Иеросалиме, на бой к Дарию не поиду. Вѣдомо да есть вамъ, яко Дариевы десницы напрасно избавити вас хошу». Вѣстника же еврейска *отправи*, а самъ ко Иеросалиму поиде. Пророкъ же Иеремѣя пришествие его слышавъ, совѣтъ сотвориша со иеросалимляны: «Добро есть, — рече, — намъ Александра пустити во град. Видѣхъ бо в ночь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: „Се грядетъ к вамъ, о немже азъ древле прорекохъ, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие нам платити имаеть”. Се же людемъ угодно явися. Александръ же в ту ночь видѣ сонъ: явися ему пророкъ Иеремѣя во одеянии архиерея Аарона и рече ему: «Александръ, поиди во Иеросалимъ и ту поклонися Богу Саваофу, и поклонився ему, на Дария иди; и сего победивъ, персомъ государь наречешися». Александръ же, от сна воставъ, властелемъ своимъ сонъ исповѣда и ко Ерусалиму поиде. И приближившуся ему ко граду, слышавъ же сего пророкъ Иеремѣя, всякому дыханию на срѣтении царю

ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ

Александр же, взяв войско свое, в Иудейскую землю, в Еврейское царство к Иерусалиму пошел. В то время владел еврейским народом и Иерусалимским царством пророк Бога Саваофа по имени Иеремия. И к ним отравил царь Александр посла с грамотой: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, к нынешним начальникам Еврейского царства. Знайте, что Бог вышний сделал меня выше всех царей в роде моем, и, всю западную страну и Рим покорив, я до вас дошел. И если хотите вы мне подчиниться, и отеческие законы сохранить, и отечество и землю без боязни держать, то вестника ко мне с ответом пришлите, а войску моему — дани». Услышав это, еврейский народ был в сомнении великом; послание Александра прочтя, вестника к Александру послали с грамотой: «Еврейский народ, Бога Саваофа люди, живущие в Иерусалиме, Александра-царя приветствуют. Что нам сообщил ты, с радостью мы узнали. Да будет известно царствию твоему, что с тех пор как перешли мы Красное море, ни одному не повиновались царю, но водимы рукою высокой и мышцею непобедимой Саваофа-Бога. Но в последние времена, когда разгневался на нас великий Бог, поработил нас Навуходоносор, царь персидский. Много лет мы в порабощении были и снова вернулись в свою землю и ныне подвластны персидской деснице, которой вся вселенная подвластна. И если тебе предадимся, то сегодня или завтра Дарий, придя, все блага земли нашей разрушит. Если же Дария победишь и острие меча персидского притупишь, то в Иерусалим с миром придешь и царем всей вселенной еврейями назван будешь. Если же Дария не победишь, то в Иерусалим не войдешь». Евреи одного из своих с грамотой послали к Александру. Александр грамоту прочел и другую написал к ним: «Александр, царь над царями, всем живущим в Иерусалиме пишу. Что написали вы мне, я узнал. Не подобает вам, людям Бога живого, подвластными быть человеку-идолопоклоннику. Не медля, дани ко мне принесите. Ибо я, не поклонившись Богу в Иерусалиме, на бой с Дарием не пойду. Знайте, что от Дариевой десницы избавлю вас». Вестника еврейского отправив, к Иерусалиму пошел. Пророк же Иеремия, о приходе его услышав, совещался с иерусалимлянами: «Нужно нам Александра пустить в город. Видел я ночью этой во сне пророка Даниила, сказавшего мне: „Вот идет к вам тот, о ком я давно пророчествовал, ибо от персов мы пострадали, Александр же возмездием за нас воздаст”». И это народ одобрил. Александр же в ту ночь видел сон: явился ему пророк Иеремия в одеянии первосвященника Аарона и сказал ему: «Александр, иди в Иерусалим, и там поклонись Богу Саваофу, и, поклонившись ему, на Дария иди; победив его, государем персов станешь». Восстав ото сна, Александр вельможам своим сон рассказал и пошел к Иерусалиму. Когда же он приблизился к городу, услышавший об этом пророк Иеремия всему живому навстречу царю пойти повелел. Сам же, в одеждах

поити повелѣ. Сам же во одежи архиерейской со свещами и с кадилницами стрѣтоша и покадиша. Александръ же, видѣвъ пророка Иеремѣю, и ко властелемъ своимъ рече: «Сего пророка видех в сию ночь». И тако Александръ ссѣдъ с коня и поклонися ему до земли и целова ризы его. Пророкъ же Иеремѣя покадивъ его и благослови и за руку имъ его, въ церковь введе, Святая Святых, поклонитися, юже созда Соломан царь. Александръ же вопрошаше пророка: «Возвести ми, в коего Бога вѣруете?» Пророкъ же рече ему: «Во единого Бога вѣруемъ, иже небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, иже око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце чловѣку не взыде». О семъ Александръ удивися и рече: «Поистинне велику Богу раби есте вы; да вѣрую аз в него, исповѣдую, дѣла бо его яве творить; дарую ему дани, иже от вас взял бых яко от прочих языкъ; Богъ вашъ во мнѣ да будет и миръ его со мною да будет». Взем же пророкъ злата много с людми града того и сии ко Александру принесоша. Он же не восхотѣ взяти ничтоже, но вмѣсто дара дать Богу Саваофу. И се рекъ, отъиде от земли еврейские, восхотѣ поити ко Египту. Проводи же его пророкъ Иеремѣя до полудни и сказа ему пророчество Данила пророка, иже преже бѣ, ко Александру рече: «На помощь призывай Бога Саваофа и силу перьскую победити имаеши и всему от востока и до запада царь наречешися, егда вся си совершиши, тогда и близу рая доидеши и ту чловѣки найдеши, иже *не* есть от женъ Адамовых, согрешениемъ не живут, дебелостию плотскою обременении же, якоже и мы, но мирно *нѣ* како живут, близу аггельскаго жития; сии блажени от Бога наричутся. Сих же увидиши, Александре, вся, иже о возвращении твоёмъ, прорекуть ти». И паки рече ко Александру: «Не остави нас в жалости, возми нѣчто от нас любви ради». Александръ же к нему рече: «Якоже велиши, святой отче, да сотворю». И повелѣ пророкъ принести камень лихнитарий,* на немже бѣ вписано имя Бога Саваофа, егоже на гельме носаше Иисусъ Навгинъ, егда на бои хождаше на иноплеменники. Повелѣ ему принести меч Голияда иноплеменника, егоже на рати уби пророкъ Давидъ, царь еврейский; повелѣ ему принести гелмъ Самсона силнаго со змиевыми ногты и копие Самсоново и оружие его, емуже ни едино настояще оружие, ни желѣзо; принесоша ему щить от анта гвоздия,* егоже разбити ни едино желѣзо можетъ, иже бяше был Атана,* сына Саулова. Гражане же дароваша его и даша сто тысяч купль микдал и коней 200. И тако благослови его пророкъ и самъ Александру рече: «Нектому, Александре, землю свою видиши». И отпусти его с миромъ. Александръ же во Египет отъиде.

О ПРИХОЖЕНИИ КО ЕГИПТУ

Египтяне же прямо ему на бой готовляхуся, не хотяще повинутися Александру. Он же с своими вои оступи около града Египта, крѣпко рвати повелѣ. В то же время зноеве бяху велицы. Езеро же близъ Египта быстро и студено бяше

первосвященника, со свечами и кадилницами встретил его и покадил. Увидев пророка Иеремию, вельможам своим Александр сказал: «Этого пророка видел я этой ночью». И Александр сошел с коня, поклонился ему до земли и целовал ризы его. Пророк Иеремия покадил его, и благословил, и, за руку взяв, в храм ввел, поклониться в Святая Святых, что создал царь Соломон. Александр спросил пророка: «Скажи мне, в какого Бога веруете?» Пророк же сказал ему: «В единого Бога веруем, который небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, что око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит». Александр удивился и сказал: «Поистине великого Бога вы рабы; да верую и я в него и исповедую его, ибо явны дела его; даю ему в дар дани, которые от вас взял, как и от прочих народов; Бог ваш во мне да будет и мир его со мною да будет». Взял пророк Иеремия с людьми города того много золота и принесли его к Александру. Он же не захотел ничего взять, но в дар принес Богу Саваофу. И, сделав это, пошел из земли еврейской, собираясь отправиться к Египту. Пророк Иеремия провожал его до полудня и передал ему пророчество пророка Даниила, что было прежде, и еще сказал Александру: «На помощь призывай Бога Саваофа — и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю, и там людей найдешь, которые не от жен Адамовых, живут без согрешения, хотя и плотью обремененные, как мы, но спокойно, близко к ангельскому житию; они блаженными от Бога называются. И когда их увидишь, Александр, они все о возвращении твоём скажут тебе». И еще сказал Александру: «Не оставь нас в печали, возьми что-либо в знак любви». Александр же ему сказал: «Как ты велишь, святой отец, так и сделаю». И повелел пророк принести камень лихнитарий, на котором написано имя Бога Саваофа, который на шлеме носил Иисус Навин, когда на бой ходил с иноплемениками. Повелел ему принести меч Голиафа, иноплеменика, которого в бою убил пророк Давид, царь еврейский; повелел ему принести шлем Самсона сильного со змиевыми когтями, и копьё Самсоново, и оружие его, которому никакое оружие не противостоит, ни железо; принесли ему щит из металла анта, который разбить не может никакое железо, прежде он был у Атана, сына Саулова. Горожане подарили Александру сто тысяч мер миндаля и двести коней. Благословил его пророк и сказал Александру: «Не увидишь больше, Александр, своей земли». И отпустил его с миром. Александр же в Египет пошел.

О ПРИХОДЕ В ЕГИПЕТ

Египтяне же против Александра к бою готовились, не желая ему покориться. Осадив город Египет со своим войском, он во всю силу воевать с ними повелел. В то время зной был сильный; озеро же близ Египта было быстрое

велми. Царь же Александръ от безмѣрнаго зноя прохладитися восхотѣ, окупася, и превзя его водная студень естественую доброту, и в немощь в велику впаде. Египтяне же немощь Александрову слышавше, лукавствие сотвориша. Листъ скоро сокровенно ко Александрову врачу писаше Филиппу: «Великий врачу Филиппе, Александра аще врачевнымъ былием умориши, ты всему Египту царь будеши». Филип же сий листъ примъ, много смѣся и раздра и к нимъ листъ отписа: «О безумнии и несмысленнии послове египетъстини, аще бы царствию вашему хотѣлъ бых, скоро бы Александръ мой дал бы мнѣ многая силна и болша царствия вашего, иже мечемъ своимъ приял — царствия вся си аз ни во что же вмених, преобидѣхъ и презрѣхъ, Александра же единого изволих имѣти паче всѣхъ царствий земских и богатствъ, вес бо миръ не достоинъ ни единому власу, отпадающу от главы его. Вѣдомо да есть вамъ, яко Александръ здравъ есть, но хитрость вамъ творимъ, яко невѣрствие ваше искусити. Заутра же его увидите на великомъ конѣ здрава ѣздяща и весела». Сей листъ египтяне видѣвше и убояшася и ко Александру листъ тайно писаша: «Вѣдомо буди царствию твоему, великий Александре, яко Филип, врач твой, ядовитымъ зелием уморити тя хошет, за невѣрие живота своего, невѣрен бо ти есть». И листъ ко Антиоху принесоша, Антиох ж ко Александру принесе. Александръ же листъ прочетъ и в руцѣ своей держаше, и в той час Филипъ врачъ прииде, кубокъ полон нося зелия растворена, и ко Александру глаголя в тайнѣ: «Александре царю, сие зелие пиво, исцелѣши от немощи». Восстав же Александръ, в руце кубокъ приемъ, прослезися и рече к Филиппу: «Любимый мои Филиппе, велико мнѣ сие пиво пити?» Филип же к нему рече: «Пий, царю, не сумнися, полезно ти будетъ, от немощи исцелѣши». Александръ же еще к нему рече: «Не на ползу ми даеши сие пиво, Филиппе». Филип же цареву сумнанию проразумѣвъ, возьмъ кубок, половину испивъ. Царь же видѣвъ, к Филиппу рече: «От руки твоя мнѣ смерть сладка есть». И се возьмъ царь, испии, Филиппу же листъ египетский дасть. Филип же прочетъ листъ, главою покивавъ и много проплакавъ, рече Александру: «О великий царю Александре, на главѣ твоей всѣхъ царей земских главы висятъ; да аще сие хотѣлъ быхъ сотворити, твоя главы падениемъ вся вселенная поколебати. Вес бо миръ не достоинъ единому власу падающу от главы твоя; тебе убивъ, которому царю назвався бых рабъ! На лутче бы мнѣ живу в землю внити, нежели твоею смертию весь миръ поколебати». Александръ же рече: «Врачъ царя не убиваетъ, вѣра бо велика в немъ». И се рекъ, ляже спати весь день до вечера. Возбодився, сяде с македоняны и много веселився.

И всю ношъ покойно спав. Заутра же повелѣ войску вооружатися, и со всѣхъ странъ ко граду напрасно повелѣ итти, и пушек сто поставити повелѣ около града и бити во градъ. И много людей во граде избиша. Бяше же видети стрѣлы летяща во град яко облакъ, египтяне же чрезъ день не можаху глядити, из града великими гласы начаша вопити: «Помилуй нас, царю Александре, старъ убо от нас отшел еси и паки пришел еси к намъ младъ».

и холодное. И царь Александр от чрезмерного зноя прохладиться захотел, искупался, и превозмог холод воды его природное здоровье, и он заболел. Египтяне же, услышав о болезни Александра, коварство учинили. Быстро написали тайное письмо к врачу Александра Филиппу: «Великий врач Филипп, если Александра лечебным зелием уморишь, царем всего Египта будешь». Филипп же, получив письмо, много смеялся и, разорвав его, так отписал им: «О безумные и бессмысленные послы египетские, если бы царства вашего захотел, то Александр дал бы мне лучшее и большее царство, чем ваше, из тех, что он мечом своим взял, — царства все эти я счел за ничто, пренебрег ими и презрел их, Александра предпочтя всем царствам земным и богатствам, ибо весь мир не достоин одного волоса с головы его. Знайте, что Александр здоров, а это — хитрость, чтобы коварство ваше испытать. Завтра же увидите его на великом коне ездящим, здоровым и веселым». Получив это письмо, египтяне испугались и написали к Александру тайное письмо: «Да будет известно царствию твоему, великий Александр, что Филипп, врач твой, не уверенный в своей жизни, ядовитым зелием уморить тебя хочет, — неверен он тебе». И это письмо к Антиоху принесли, Антиох же Александру принес. Александр письмо прочел и в руке своей его держал, и в это время Филипп-врач вошел, неся кубок, полный растворенного зелия, и Александру тайно говорит: «Царь Александр, это зелье выпив, избавишься от болезни». Встав, Александр в руку кубок взял, прослезился и сказал Филиппу: «Любимый мой Филипп, хорошо ли мне это пить?» Филипп же ему ответил: «Пей, царь, не сомневайся, полезно тебе будет, избавишься от болезни». Александр ему говорит: «Не на пользу даешь мне это питье, Филипп». Филипп, сомнение царя поняв, взял кубок и выпил половину. Царь, увидев это, сказал Филиппу: «От руки твоей мне смерть сладка». И, взяв кубок, выпил, а Филиппу письмо египетское дал. Прочел Филипп, головою покачал и, много плакав, сказал Александру: «О великий царь Александр, от головы твоей всех царей земных главы зависят; да если бы я сделал это, твоей головы падением вся вселенная поколебалась бы. Но весь мир недостоин волоса, падающего с головы твоей; тебя убив, какому царю стал бы я рабом! Лучше мне живым в землю сойти, чем твоею смертью поколебать весь мир». Александр же ответил: «Врач царя не убивает, велика вера ему». И, сказав это, лег спать и проспал весь день до вечера. Проснувшись, сел с македонянами и много веселился.

И всю ночь спокойно спал. Утром же повелел войску вооружиться и со всех сторон быстро подойти к городу, и сто пушек повелел поставить вокруг и из них бить по городу. И много людей в городе убили. Стрелы летели в город как туча, так что египтяне днем не могли видеть и начали громко кричать: «Помилуй нас, Александр, старым ты ушел от нас и снова пришел к нам молодым».

Александръ же египтян вопрошаше: «Како от вас старъ отидохъ и младъ к вамъ придохъ, скажите ми?» Они же отвещавше: «Нектанава царя имъхомъ, емуже еси сынъ ты, отходя от насъ писмо свое остави у нас. Написано такъ: „Отхожу от васъ старъ и прииду к вамъ младъ; се будетъ пришествия моего бълъгъ — егда ко образу своему прииду и поклонюся, иже на столпъ средъ Египта стоит, тогда венець от руки его спадетъ”». Александръ же слышавъ, поиде во Египетъ и къ столпу прииде, и приступль ко образу его, и урвася венець з главы образа на Александра. И ту Александръ повелъ сотворити 4 столпы великии, на единомъ столпъ повелъ себе во злате сотворити, на второмъ столпъ повелъ Птоломию воеводу создати, на третьемъ же Антиоха, на четвертомъ Филона храбраго повелъ сотворити, всѣхъ же к востоку зрѣти сотвори. На Нектанавовъ же столпъ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высокъ бо бѣ велми, и повелъ разбити всего. Врача Филиппа царя граду Египту сотвори. Самъ же во Египте сокровище многихъ царей первыхъ обрѣте.

Сему же бывшу, вѣстники приидоша ко Александру царю, глаголяще: «Вѣдомо да есть ти, царю Александре, Дарий, великийъ царь перскій, со всѣми восточными силами на Ефратъ реку прииде». Александръ же слышавъ и воя своя вся собра, къ Ефрату рецы идяше. Ефрата же реки не дошелъ, войско преписати повелъ и обрѣте 6-сотъ тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 1000 и 400. Дарий же войско свое преписати повелъ и обрѣте 1000 тысячъ конникъ и тысячу тысячъ пѣшихъ. В той день лазуку Дариева ухватиша и ко Александру приведоша; и сихъ обѣсити повелъ, яко да возвесаю войску перьскому числу. Они же к нему рекоша, истинну исповѣдаша; Александръ же держити ихъ повелъ до вечера. И войску же своему всему повелъ — всякому челоуку огонь сотворити; лазуку же Дариева на высокоу гору возведе и показа имъ войско, они же видѣвше безчисленное множество огней. И тако отпусти ихъ Александръ, рече имъ: «Законъ есть македоняномъ, егоже на бою хватятъ, тому главу отсекаютъ и никогоже бо оживляютъ; да аще з Дариемъ вы на бою не ходите, боле бо челоуку свой животъ, нежели всего свѣта имѣние. Царю же вашему рцете: „Царю ... подобаетъ со царемъ битися; егда битися начнемъ, ищи мене на златой колесницы ездяща между лвовы знамены, гдѣ видиши позлащены гелмы и типаны парижи, ту есть македонскій полкъ”». И се рекъ, отпусти ихъ. Лазуки же к Дарию царю пришедше, вся сказаша ему, яже видѣша, Александра хваляху много и войско его повѣдаху много. Дарий же повелъ имъ языки урѣзати, да бы персомъ не исповѣдали. Самъ же на бою войску повелъ направити, совѣтъ же сотвори с вое своими, глаголя: «Не подобно тебѣ самому, царю, на бою поити, Александръ бо гусарь есть, от малыхъ царей есть царь, Дарий великъ на земли паче всѣхъ царей». И се угодно цареви явися Дарию. Дарий же царь великаго воеводу своего Миманда на свое мѣсто устави и рече к нему: «6-сотъ тысячъ избранныхъ персь вземъ, 200 тысячъ ефиопъ, 200 тысячъ мидий, 4-ста тысячъ пѣшихъ со стрелами и сихъ всѣхъ возми, Тигръ реку прешедъ, Александра, сына Филипова,

Александр же египтян спросил: «Как это я от вас старым ушел и молодым к вам пришел, скажите мне?» Они ответили: «Был у нас царь Нектанав, которому ты сын; уходя от нас, он писание нам оставил. Написано в нем так: „Ухожу от вас стар и приду к вам молод; вот будет знак моего прихода, — когда к статуе своей приду и поклонюсь, той, что на столпе в Египте стоит, тогда венец с руки ее спадет”». Александр, услышав это, вошел в Египет и к столпу пришел; когда подошел он к статуе, упал венец с головы ее на Александра. И тут Александр повелел сделать четыре больших столпа, на одном столпе повелел себя в золоте изобразить, на втором столпе — воеводу Птоломея, на третьем — Антиоха, на четвертом — храброго Филона, и чтобы все на восток смотрели. Александр взошел на столп Нектанавы, Египет осмотрел, так как очень высок был этот столп, и повелел его разбить. Врача Филиппа царем Египта сделал. Сам же в Египте сокровища многих прежних царей нашел.

И когда это было, вестники пришли к царю Александру, говоря: «Знай, царь Александр, что Дарий, великий царь персидский, со всеми силами восточных земель на реку Евфрат пришел». Услышав это, Александр собрал все свое войско и отправился к реке Евфрат. Не доходя до реки Евфрат, он повелел войско свое переписать, и было шестьсот тысяч конных, а пеших тысяча четыреста. И Дарий свое войско переписать повелел, и было в нем тысяча тысяч конных и тысяча тысяч пеших. В тот день разведку Дариеву схватили и привели к Александру; он велел их повесить, так как хотел, чтобы они сообщили о численности персидского войска. Они же ему сказали, истину сообщив; Александр велел задержать их до вечера. И войску своему приказал, чтобы каждый воин костер разложил; разведку же Дариеву на высокую гору возвел и показал им войско, и они увидели бесчисленное множество огней. И, отпуская их, Александр сказал: «Закон есть у македонян — кого в бою схватят, тому голову отсекают и никому не оставляют жизнь; поэтому вместе с Дарием вы на бой не ходите, ибо дороже человеку своя жизнь, нежели богатства всего мира. Царю же вашему скажите: „Царю подобает с царем биться; когда начнем битву, ищи меня на золотой колеснице среди знамен со львами, — где увидишь золоченые шлемы и отборных коней, тут и македонский полк”». И, сказав это, отпустил их. Разведчики к царю Дарию пришли и все сказали ему, что видели, Александра хвалили много и сообщили, что войско у него огромное. Дарий же велел им языки отрезать, чтобы они этого персам не сказали. А сам велел войску к бою приготовиться и советовался со своими воинами, и сказали ему: «Не подобает тебе, царю, на бой идти, так как Александр — разбойник, из малых царей царь, а ты, Дарий — велик за земле, больше всех царей». И это одобрил царь Дарий, великого воеводу своего Миманда вместо себя поставил и сказал ему: «Шестьсот тысяч избранных персов возьми, двести тысяч эфиопов, двести

ко царству моему приведи. Аще ли пред тобою побегнет, а ты гони, не остави его, боги перьскими укрепляемъ». Миманда же войско вземъ, Тигрь реку прешед, войску Александрову возрѣвъ, на бой направитися повелѣ. Александръ же перьское войско видѣвъ, войску своему повелѣ готовымъ быти, и вседоша на кони вси. Тогда Александръ, собрав войско свое, рече к нимъ: «О всесилнии и любимии и веломощнии македоняне, елики македоньстии витязи, покровъ и промысль великаго Бога, егоже видѣста, како великий Римъ прияли есми, и западу всему государи назвахомся, и отоки морьстии прияхомъ, Иерусалимъ прияли есми, ту Богу небесному поклонихомся и, его помощь вземше, Египет прияли есми и великаго царя Дария перьскаго дошли есми. Аще сего убием, государи всему его будем, аще ли нас побнет, то вся вселенная пред образом его укрыти не может; лутче бо намъ ныне всѣмъ на бою умерети, нежели пред персы бѣгати; всякому велеумну мужу смерть почтена болши есть, нежели срамный животъ. Вѣдомо да есть вамъ, яко разбити их имама, понеже царя их с ними нѣтъ, всяко бо войско безглавни суть без царя. И зрите ихъ неурядно на бой идущих, сии вскоре бѣгати начнутъ, безглавни суть. Знаите и вы, яко перси овцы наричются, македоняне же волцы суть, пред едином бо волком много бѣгает овецъ. Перси бо погнани суть, а вы своею волею с царем своимъ идете на бой. Молюся вамъ, милая братия, храбро на бой сей поидѣте, паче иных, колико бо войско на войско идетъ, тогда остроту войска их отнимает». И се рекъ Александръ, на великаго коня всѣдъ и гелмъ на главу свою постави и войско все на двое раздели, самъ в македоньскомъ полку по уставу ѣде, Антиоха и Птоломѣя со двема полки на бой посла. И тако напрасно мечи ударшася, персы же, не могуще македоньскимъ противитися мечем, начаша бѣгати. Александръ же взамъсь с ними идяше и тако до Дариева окола приспѣша. Дарий же, видѣвъ войско разбито, на борзого коня всѣдъ, побѣже. Александръ же сихъ разбивъ, мертвых повелѣ вкопати в землю, живых же с честью отпустить, тако рекъ имъ: «Рцйте царю вашему Дарию: „Доволен буди оброки своими, Дарии”». Миманда же, воеводу Дариева, уби. И тако двигься со околomъ своимъ, Ефрат реку пренде и мосты разметати повелѣ.

Дарий же, перьский царь, по всей земли своей посла, войску в Вавилоне собиратися повелѣ, и две тысячи тысящей войска собрав, на Сенарьское поле* иде, на Александра. Александръ же много множества видив войска Дариева и страх на сердцы своемъ имѣяше, сего македоняном не являше. На высококомъ мѣсте ставъ, рече: «О веломощнии мои вои и милии македоняне мои, вѣдомо да есть вамъ, яко всякий бѣгая борзи его гонящаго; единому рыкнувшю лву, мнози умирают звѣри. А намъ узаконися всегда гнати и убивати, персом же узаконися бѣгати и умирати пред нами. Дарей бо велико войско навелъ есть на нас, не хотѣлъ намъ чести сотворити, убивая многих, *многие* чести достоинъ есть. А мы Миманда воеводу убихомъ, да аще Дария убием, то безпечални

тысяч мидийцев, четыреста тысяч пеших лучников — и, с ними реку Тигр перейдя, Александра, сына Филиппова, к царству моему приведи. И если пред тобою побежит, то ты преследуй, не оставляй его, богами персидскими укрепляемый». Миманд же, взяв войско, реку Тигр перешел, войско Александрово осмотрел и велел к бою готовиться. Александр, увидев персидское войско, войску своему велел приготовиться, и сели все на коней. Тогда Александр, собрав свое войско, сказал: «О всеильные, любимые, могучие македоняне, вы видели, каков промысл великого Бога о македонских витязях и какова помощь его, как великий Рим мы взяли и западу всему государями стали, и острова морские подчинили, Иерусалим покорили, и тут Богу небесному поклонились, и, с его помощью Египет завоевав, до великого царя Дария дошли. Если его убьем, государями над всем его будем, если же он нас победит, то вся вселенная нас от него укрыть не сможет; поэтому лучше нам ныне в бою умереть, нежели от персов бежать; всякому многоумному мужу смерть почетнее, нежели позорная жизнь. Знайте, что мы разобьем их, потому что царя их с ними нет, а всякое войско безглавно без царя. Смотрите, как они неустроенно на бой идут, вскоре они побегут, ибо безглавы они. Знайте вы, что персы — овцы, а македоняне — волки, а от одного волка много овец бежит. Персы ведь идут по принуждению, а вы своею волею с царем своим идете на бой. Прошу вас, милые братья, храбро идите на этот бой, храбрее, чем те, ибо когда войско на войско наступает, то воинский пыл противника уменьшается». И, сказав это, Александр на великого коня сел, шлем на голову надел и войско разделил надвое, сам в македонском полку по уставу ехал, а Птоломея и Антиоха с двумя полками на бой послал. И когда внезапно мечами ударили, персы, не в силах македонским противиться мечам, побежали. Александр же, смешавшись с ними, шел, и так достигли лагеря Дария. Дарий, видя, что войско разбито, сев на быстрого коня, бежал. Александр, разбив их, мертвых повелел похоронить, а живых с честью отпустить, сказав им: «Скажите царю вашему Дарию: „Довольствуйся оброками своими, Дарий“». Миманда же, воеводу Дариева, убил. После этого, подняв свой лагерь, Евфрат-реку перешел и мосты разрушить повелел.

Дарий же, персидский царь, во все земли свои послал повеление войску в Вавилоне собраться и, две тысячи тысячей войска собрав, пошел на Сенарское поле, на Александра. Александр, увидев многое множество войска Дариева и страх в сердце своем имея, не показал его македонянам. На высокое место став, сказал он: «О могучие мои воины и милые македоняне мои, знайте, что всякий бежит быстро от преследующего; когда рыкнет один лев, многие умирают звери. Нам стало законом всегда преследовать и убивать, персам законом стало — бегать от нас и умирать. Дарий-царь, приведя против нас большое войско, сам того не желая, нам честь оказал, ибо, победивший многих, многой же чести достоин. Миманда-воеводу мы убили, и если Дария убьем, то не будет у нас

будем. Все бо с первого иже боя утекоша, на сий бой не придуть». И се рекъ Александръ на бой поиде, имѣя с собою тысячу тысяч вооруженных. И войску своему смотрѣти повелѣ, иже хто прежде боя побѣгнет и сий яко ратникъ без рассуждения умирает.

В ту же ношъ явился Александру пророкъ Иеремѣя во снѣ, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнѣния на Дария, с собою имѣя помощника Бога Саваофа; носи же на главѣ своей камень, имѣяще имя Бога Саваофа, егоже дах ти во Иеросалиме. Усты же своими глаголи на бой идя: „Единъ святъ, единъ Господь, небо и землю созда, на херувимех почиваяй, Аданай, Саваофъ Богъ”. И сие рекъ, победиши и весь свѣтъ противитися не можетъ». Александръ же видевь сонъ, радостен бысть велми, смѣло на бой идяше. И со обою страну трубамъ ратнымъ ударившимъ, и войсками двема сразившамся, бѣ видети вопль человѣчeskий и конскій, звукъ оружный. Съчъ от утра до полудни бывши, и персы побегоша, а македоняне за ними три дни и три ноши гнаша, четыреста тысячъ их убиша, двѣсти тысячъ живыхъ ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же к нимъ рече: «К тому на бой не ходите», сихъ живыхъ повелѣ пустити. Дарий же в Персипол, градъ столный свой, утече.

Александръ же поиде к Вавилону. Граждане же вавилонскіи за сто версть не даваху Александру ко граду приступити. Таковъ былъ Вавилонъ величествомъ, яко рецы Ефрату притекающи в онъ, непреходней суще велицей, идѣже изрядно течаше, ту на конехъ бродяху. Александръ же выше града с войскомъ своимъ ставъ, воду же посредь войска своего копати повелѣ, ископавше сице прямо рецы широко. Во едину ношъ вавилоняне жертву велику богомъ своимъ творяху, вси в храмъ Аполоновъ собрашеся, Александръ же с вой своимъ в ноши пришед, Ефратъ реку от града в поле отведе и воднымъ путемъ рѣчнымъ с войскомъ своимъ во градъ прииде и, не могши принятися, запалити его повелѣ. Вавилоняне же сие видѣвше, ко Александру вопяху, молящеся: «Помилуй насъ, македонскій Александре, всего свѣта царю, перскій государю». Тогда Александръ угасити огонь повелѣ. И тогда поклонишася ему вси вавилоняне и прославиша Александра царя и дары ему дивныя и многоцѣнныя принесоша. Изнесоша злато Дариево, иже бѣ ту 2000 талантъ, и 1000 коней зобныхъ Дариевыхъ, изведоша ему 100 лвовъ во златыхъ чепехъ, 1000 пардусовъ ловныхъ, 100 парижъ аравитцкихъ, иже паче бяху изрочни всѣхъ коней земскихъ; изнесоша ему 2000 блюдь златыхъ настольныхъ Дариевыхъ; изнесоша ему 10 000 тысячъ оружія цѣла со златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ; изнесоша ему кубковъ златыхъ приправленыхъ с различнымъ каменіемъ многоцѣннымъ; изнесоша ему збури конскіи от рыбы кожи, иже желѣзо похватити не можетъ; изнесоша ему одеяние Сескерсена,* царя перскаго, иже бяхе сотворено от змиевыхъ очей* со многоцѣннымъ каменіемъ, иже бяхе былъ всему свѣту царь; изнесоша ему венець Сонхоса* царя; изнесоша ему скатерть настольную, иже от самфира камени, Дария, царя перскаго, егда бо на ней ядыше, николи злосердѣ не бываше. Ту Александръ сотвори в Вавилоне 30 дней.

забот. Все, что с первого боя бежали, на этот бой не придут». И, сказав это, Александр на бой пошел, имея с собою тысячу тысяч воинов. И войску своему объявить повелел — если кто перед боем побежит, тот, как враг, без милости убит будет.

В ту же ночь явился Александру пророк Иеремия во сне и сказал: «Иди, чадо Александр, не сомневаясь, на Дария, с тобою помощь Бога Саваофа; носи на голове шлем с камнем, на котором имя Бога Саваофа, что я дал тебе в Иерусалиме. Устами повторяй, идя на бой: „Един свят, один Господь, небо и землю создавший, на херувимах почивающий, Адонай, Саваоф-Бог”. И, так сказав, победишь, и весь свет противостоят тебе не может». Александр же, увидев сон, обрадовался и смело пошел на бой. Затрубили трубы ратные с обеих сторон, и два войска сразились, и были крики людей, и ржание коней, и звон оружия. Сечь была с утра до полудня, и побежали персы, а македоняне преследовали их три дня и три ночи, четыреста тысяч их убили, двести тысяч живыми схватили и к Александру привели. Александр сказал им: «Больше на бой не ходите», и повелел отпустить их. Дарий же в Персипол, столицу свою, убежал.

Александр пошел к Вавилону. Горожане же вавилонские за сто верст не подпускали Александра к городу. Так был велик Вавилон, что река Евфрат в него втекала, непроходимая и большая, и где она протекала, там на конях ее переходили. Александр же выше города по течению ее с войском своим расположился и повелел войску своему копать, и выкопали рядом с рекой широкий ров. В одну из ночей вавилоняне, жертву великую богам своим совершая, все в храм Аполлона собрались, Александр же с воинами своими реку Евфрат от города в поле отвел, и по руслу реки вошел с войском своим в город и, не в состоянии взять его, зажечь велел. Вавилоняне же, увидев это, Александра просили: «Помилуй нас, Александр, царь македонский, всего света царь, персидский государь». Тогда велел Александр погасить огонь. И поклонились ему все вавилоняне, и прославили Александра-царя, и дары ему дивные и многоценные принесли. Вынесли золото Дария — было его две тысячи талантов, — и тысячу коней тучных Дария вывели ему и сто львов в золотых цепях, тысячу охотничьих пардусов, сто коней аравийских, что были лучше всех коней на земле; вынесли ему две тысячи блюд настольных Дария; вынесли ему десять тысяч тысячей доспехов с золотом и многоценным жемчугом; вынесли ему кубки золотые с разными многоценными камнями; вынесли ему сбруи конские из рыбьей кожи, которую железо не берет; вынесли ему одеяние Сескерсена, персидского царя, украшенное змеиными глазами, с многоценными камнями, — он был всему свету царь; вынесли ему венец Сонхоса-царя; вынесли ему скатерть настольную Дария, персидского царя, украшенную сапфиром, — тот, кто на ней ел, никогда в унынии не бывал. И пробыл Александр в Вавилоне тридцать дней.

Дарий же слышавъ, перский царь, яко взял Александръ Вавилонъ, жалости великия наполнився, рече: «Окаянный аз, како всего своего лишихся в животъ моемъ, како боговъ небесных силние явихся, ни человекъ земных достоинъ бых, единъ от малых царь силу мою разруши и разори. Окаянный азъ, Дарей, честь бо моя первая тихо ко мнѣ посмѣяся, на конецъ горко мнѣ озрѣся. Но поистинне добре есть рекъ: „Сеюше с радостію неправедное, сій с плачем и жалостію пожнут“. Великий бо в мудрости еврейскіи царь Соломонъ в писаниих рече: „Иже с радостію чюжая взимають, то з жалостію своя отдают“. Аз убо чюжая вземъ с радостію и своих ныне лишихся з жалостію. Но лутче бы мнѣ на бою от македонян убиену быти, нежели злѣ живу сущу персы царствовати. Персы бо на многа лѣта данъ взимаху от македонянъ, ныне же главами своими македоняномъ платяху». Сие же персы слышавше, царя своего Дария тѣшаху, глаголюще: «О великий царю Дарии, великим кораблемъ велика падения суть, велицы вѣтри колебает великие древа... Тако и царства множествомъ людей состоитца, якоже и море великими волнами страшно являетца плавающимъ. Да не скорби, царю, о семъ, вчера бо Александръ разбилъ есть, а утро мы побиемъ его, немало бо подвизати имают велемошнии витязи перьстии о своей отеческой земли».

Яви же ся нѣкий любимый и милостивый присный властелин Дариевъ, ту стоя, рече: «Великий царю Дарей, мене миловал еси много лѣтъ и велико добро сотворил еси мнѣ, да я, видав тя печална, ныне животъ свой жалость твою отдамъ, Александра же животом своимъ убью». Дарий же к нему рече: «О любимый мой, здѣлайте ми се. Аще сие сотвориши, Александра убиеши, Персиду всю от напасти свободиши, смерть твоя вмѣсто живота вменитца и мнѣ царство от руки твоя дасться; и ты от персъ великъ наречешися». И се рекъ, Авис македонское знамение на оружие свое вземъ и во Александрово войско вниде. Александру оружену ѣздящу и свое войско переписоваше. Авису же близ его приѣхавшю в македоньской збруи и ко Александру приближися, Александръ же во оружии стоя. Авис же вземъ меч свой, Александра же по очима хотя ударити и не уллучи его и по верху шолома удари и верхъ шолома ссече и космъ верха его яко бритвою устригъ. Александръ же мнѣвъ, яко от своих ему невѣра бысть, и рече: «Не удари мене рука перьская, но удари мя рука македоньская». Ависъ же повторити хотя, и ухватиша его, и меч у него исторгоша, и шеломъ с него сняша, и ко Александру его приведоша. Александръ же к нему рече: «Кто и откуда еси, человекъ, и какъ тебѣ имя есть?» Он же к нему рече: «Имя ми есть Авис, персянинъ есмь, Дариевъ присный властелинъ; любовию государя моего обдержимъ есмь, тебѣ убити хотѣхъ животом моим, государя же моего смертию твоею обвеселити хотѣхъ. Но елико могох, тако сотворих, Богъ же елико хочет, да творит». Александръ же к нему рече: «О безумный Ависе, се ты волю государя своего сотворил еси и по твоему изволению ныне умерлъ еси, мене же Богу соблюдшу. Ты ныне умерлъ еси, но

Дарий же, персидский царь, услышав, что взял Александр Вавилон, печали великой исполнился и сказал: «О несчастный я, всего своего лишился при жизни своей, считал себя богов небесных сильнее, а оказался ничтожнее людей земных, один из малых царей силу мою разрушил и разорил. О несчастный я, Дарий, ибо судьба моя прежде благосклонно мне улыбалась, теперь же смотрит на меня сурово. Но поистине хорошо сказано: „Сеющие с радостью несправедное, с плачем и печалью пожнут“. Великий в мудрости еврейский царь Соломон в писаниях сказал: „Кто с радостью чужое взимает, тот в печали свое отдаст“. И я чужое взял с радостью и своего ныне лишился с печалью. Лучше бы мне в бою македонянами убитым быть, нежели, бесславно живя, над персами царствовать. Персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими македонянам платят». Персы, слыша это, царя своего Дария утешали, говоря: «О великий царь Дарий, великим кораблям и великие падения, великие ветры колеблют великие деревья. Царство из множества людей состоит, как море из больших волн, которыми устрашает плавающих. Не скорби, царь, об этом, — вчера Александр разбил нас, а завтра мы разобьем его, немало потрудятся многомошные витязи персидские для своего отечества».

И пришел некто, любимец его, близкий к нему вельможа, и сказал: «Великий царь Дарий, ты благоволил ко мне много лет и много добра сделал мне, и я, видя тебя печальным, ныне жизнь свою за печаль твою отдам и Александра ценою своей жизни убью». Дарий же ему сказал: «О любимый мой, сделай это для меня. Если Александра убьешь, всю Персию освободишь от беды, то смерть твоя жизнью станет, и мне царство рукою твоею дастся; ты же персами прославлен будешь». После этих слов Авис взял македонское вооружение и присоединился к войску Александра. Александр тогда вооруженный ездил, производя смотр войску. Авис в македонских доспехах подъехал близко к Александру, Александр же был в доспехах. Авис вытащил меч свой, собираясь ударить Александра по глазам, но не попал, по верху шлема ударил, и отсек его, и волосы сверху, как бритвой, отрезал. Александр, думая, что это измена от своих, сказал: «Не ударила меня рука персидская, но ударила меня рука македонская». Авис же во второй раз ударить хотел, но схватили его, и меч у него вырвали, и, шлем с него сняв, к Александру привели. Александр спросил его: «Кто ты, и откуда, и как твое имя?» Он же ему ответил: «Имя мое Авис, перс я, близкий к Дарию вельможа; любовью к государю моему объятый, хотел тебя убить и, отдав жизнь мою, государя моего смертью твоею развеселить. Я сделал то, что смог только Бог, что хочет, то свершает». Александр же ему сказал: «О безумный Авис, вот ты волю государя своего исполнил и по своей воле ныне умер, меня же Бог сохранил. Ты ныне мертв, но поскольку о государе своем заботился, голову свою за него отдал, поступил как македонянин, — рукою своею жизнь тебе

понеже за государя своего поболѣл еси и главу свою за него положил еси, яко единь от македонян се сотворил еси — от руки мояе живот тебѣ дарую, понеже сотворил еси дѣло, иже никтоже сотвори нигдѣ. Здравь ко царству своему поиди и тако ему рцы: „Дарий, перский царю, егоже Богъ хранит, того человекъ не убивает, егоже ли Богъ не хранит, того вси руки человекъчи не могут укрыти. И да преломи неуломное свое сердце и царству моему поклонися, дани мнѣ дай, с подручными цари почивай”. Авис же к Дарию пришед, возвести ему, иже сотвори и како Александръ живот ему дарова от руки свояе. Дарий же покивав головою и рече: «Елика может, да сотворит, Богъ елика хошет, да будет». Ависъ же рече к нему: «Тобѣ ныне всю работу мою меч платих, живот мой от рук Александровы взях. Вся бо, елико сотворил ми еси, нынѣ животом моимъ оплатих тебѣ; яко тобою мертвъ есмь, Александром же живъ есми. Елико могох, то и сотворих, Богъ же егоже любит того и сохранит. Да кланяюся тобѣ, царю Дарий, работати хошу тому, иже животъ ми дал естъ». Дарию поклонився, ко Александру отъиде.

Жалостен быв Дарий и рече: «Емуже бози противляются, емуже честь на безчестие преминуетца, того ближнии и любимии его друзи оставляют. Добре бо рече: „Возношение годишнаго кола имаеть и *низношение низко*, да всякий бо возносяйся смирится”. И се рекъ, Ависа дарова и наказа ко Александру: «Александрѣ царю, не превозноися до конца, всяк бо возносяйся смирится вскоре. Сонхось бо царь зѣло превознесеса, от дивних людей смиренъ бысть, и аз бо вознесся, от моих смирен бых. Тобѣ аще возможно естъ, буди доволенъ оброки своими, аще ли неугодно явится, то лутче естъ намъ царством нашим и богатствомъ смерть получитьи, яко же неудобно естъ мнѣ поклонитися тобѣ, тако и тобѣ неудобно естъ поклонитися мнѣ, царь бо царю не кланяется николиже, но единому умершу, другий мирует. Но готов буди на бран... десятый день иду на тя с останочными персы и с непобедими индѣяны; бившиися с тобою или тебѣ и твоих побиемъ, или с моими на отческой земли нашей с честию умремъ; и Богу о семъ мѣрила права в руку содержащу». И се рекъ Дарий, Ависа отпусти. Авис же ко Александру пришед, вся реченная Дариемъ ко Александру рече. Александръ же покивав главою рече: «О царствии мира ни с ким нѣсть, царство бо велика гора естъ и высока зело, иже к вѣрным красна и сладка естъ являетца, понеже водами и овошми различными украшено зело, к невѣрным же непреступна, но пристрашна естъ. И на красоты ея позирая, неудобъ изсѣсти ему мнится, точию аще разумно оправляти сию вѣсть».

Александру же в ту ношъ пророкъ Иеремѣя явися с Филинѣсом,* иереом Ерусалимскимъ, и рекоша к нему: «Дерзай, чадо Александрѣ, самъ себѣ посла сотвори, и Дария царя исходи, и виждь войско велико индѣйское, иже ведет Дарий на тя; и сими, юже от сих македоняне имают, исходомъ своею от сердца избавиши. Аще Дарием увѣданъ будеши, и мы помощию Бога Саваофа избавим тя». Встав же Александръ от сна, Птоломѣю и Филону, и Антиоху

дарю, потому что ты совершил подвиг, которого никто и нигде не совершал. Невредимым к царю своему возвращайся и так скажи: „Дарий, персидский царь, кого Бог хранит, того человеку не убить, а кого Бог не хранит, того все руки человеческие не могут укрыть. Преклони непреклонное свое сердце и царству моему подчинись, дани мне дай и вместе с подвластными царями пребывай в мире”. Авис пришел к Дарию и сообщил ему о том, что он сделал и как Александр жизнь ему своею рукою подарил. Дарий, покачав головою, сказал: «Что можем, то делаем, Бог же, что хочет, то будет». Авис же сказал ему: «Тебе ныне мечом отслужил всю свою службу, жизнь мою из рук Александровых заново получил. Все, что ты сделал мне, жизнью своей оплатил тебе, и для тебя мертв, а благодаря Александру жив. Что я мог, то и сделал, Бог же, кого любит, того и сохранит. Кланяюсь тебе, царь Дарий, а служить хочу тому, кто жизнь мне дал». И, Дарию поклонившись, к Александру ушел.

Опечалился Дарий и сказал: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют. Хорошо сказано: „За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унижится”». И, сказав это, Ависа одарил и так велел передать Александру: «Царь Александр, не превозносись безмерно, ибо всякий возносящийся унижится вскоре. Сонхос-царь весьма превознесся и от диких людей унижен был, и я вознесся и от своих унижен. Удовлетворись своими оброками, если же это тебе не угодно, то лучше нам смерть принять за царство наше и богатство, так как невозможно мне поклониться тебе, так же и тебе невозможно поклониться мне, ибо царь царю не кланяется никогда, но когда один умирает, другой царствует. Но готовься к войне, через десять дней иду на тебя с оставшимися персами и непобедимыми индийцами; в сражении или мы тебя и твоих воинов победим, или с моими на отеческой земле нашей с честью умрем; справедливая мера — в Божиих руках». И, сказав это, Дарий Ависа отпустил. Авис же, к Александру придя, все это Александру передал. Александр же, покачав головою, сказал: «О царстве нет мира ни с кем, ибо царство — это гора большая и высокая, для верных красивой и сладкой является, потому что водами и плодами различными украшена, для неверных же неприступна и страшна. И тому, кто красоту ее имеет перед собой, трудно сойти с нее, если только знает, как разумно управлять ею».

Александру же той ночью явился пророк Иеремия с Филинесом, священником иерусалимским, и сказали они ему: «Держай, чадо Александр, стань сам своим послом, о Дарии-царе разузнай и рассмотри великое войско индийское, что ведет Дарий на тебя; и этим своим осмотром освободишь свое сердце от того, что беспокоит македонян. Если Дарием узнан будешь, мы с помощью Бога Саваофа избавим тебя». Восстав ото сна, Александр Птоломею, Филону

сонъ свой сказа. И на походе к нимъ рече: «Аще смерть мнѣ тамо случитца, вся земьская царства раздѣлите». Они же с плачемъ держаху его, глаголюще: «Аще сие сотворити мыслиши, то первое вѣмъ намъ главы отсѣцы». Он же к нимъ рече: «Аще Божию промыслу годе будет мене убити, а вы не можете мене оборонити. Аще ему годе будет блюсти мя, вси перскіи руки не могут мене убити».

И се рекъ, в Персиду поиде яко посол к Дарию и листъ понесе к Дарию. Одежу на собе персидьскую нося, сверху же его плаш финический и со аспидовыми роги и со золатыми печатми ношаше. Дарий же порастас, сирѣчь встрѣчу велику, сотвори, яко бы чюден послу Александрову явился. И тако Александръ вниде и, листъ вземъ, Дарию дал и рече к нему: «Государь мой Александръ, царь царемъ, тобѣ, царю перьскому Дарию, мною поручи радоватися. И листъ прочеть, скоро ко мнѣ другий отпиши». Дарий же седяше на нѣкоемъ мѣсте высоком, около его лица ангельская сотворена бяху, емуже яко богу со свещами предстояху. Вся же полата от злата искусна сотворена бяше, столпи же золати и с каменіемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре камени у четырех углех тое полати бяше. Листъ же Дарий примъ, дивляшеся Александрову одѣянію и клобуку, листъ же велегласно повелѣ чести. Персянинъ же нѣкто нача чести, еже умѣяше македонскіи слова. И листъ же написа сиче: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, всему свѣту царь вышняго Бога изволением. Помниши ли, Дарий, перскіи царю, егда дань отца моего от Македонии взимавшу и се умершу, мнѣ же на престолѣ его младу сущу оставшу, понудим бысть ты своимъ нераднымъ злымъ обычаемъ мене от царства моего согнати, иного македоняномъ государя вмѣсто мене сотворити и мене от очинные земли отгонити. Се же видив, Божие всевидное око, иже вся бываемая видить, всихъ сердецъ помышления знаетъ и мѣрами праведными мѣритъ, ныне тобѣ, а завтра мнѣ, имиже судьбами государь отечеству моему сотвори мя и царя всему свѣту. Ты млада мя суща повелѣ привести, азъ же в мужество приспѣвъ, самъ к тебѣ пришелъ есмь. Якоже ты всему моему государю хотѣ назватися, тако и азъ *днесъ господинъ всему твоему назвася*. Не тако азъ немилостивъ, якоже тебѣ мнѣтца быти; но поклони непреклонную свою гордыню и пад, поклонися мнѣ, и дани мнѣ дай, и буди государьствуя персидьскою землею. Аще ли тебѣ неугодно явитца, ты персомъ государь еси* и симъ радъ еси заклатися от македоньскихъ мечей. Буди готовъ со вѣми силами своими на бой въ 15 день на Синарьстей рецы,* со вѣми моими стати имамъ». И сий листъ Дарий прочеть, ко властелемъ своимъ озрѣвша и рече: «Надѣши ли кто таковое подвиже и таковъ ярости от Македония изыти». Александръ предъ нимъ стоя рече: «Не чюдно, аще македоняне всимъ свѣтомъ обладаютъ». Дарий же к нему рече: «За что?» И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любими, и храбрии безъ конца суть, войско бо сии имѣюще непоколебимо». Велможа же Дариев, ту стоя, рече ко Александру: «Почто тако к великому

и Антиоху сон свой рассказал и, уходя, сказал им: «Если смерть мне там случится, все земные царства разделите». Они с плачем удерживали его, говоря: «Если ты это намереваешься сделать, то сначала всем нам головы отсеки». Он же им ответил: «Если промыслу Божьему угодно будет, чтобы меня убили, то вы не можете меня защитить. Если же ему угодно будет уберечь меня, то руки всех персов убить меня не могут».

И, сказав это, в Персиду пошел послом, и грамоту понес к Дарию. Одежда на нем была персидская, а сверху плащ финикийский с аспидовыми рогами и золотыми печатями. Дарий же парастас, то есть встречу великую, устроил, чтобы удивить посла Александра. Вошел Александр и, взяв грамоту, подал Дарию, говоря ему: «Государь мой Александр, царь над царями, тебе, царю персидскому Дарию, через меня передает приветствие. И, грамоту прочитав, быстро мне другую отпиши». Дарий же сидел на высоком месте, около него ангелы изображены были и перед ним, как перед богом, предстояли. Палата же вся из золота сделана была, столпы золотые были украшены драгоценными камнями, и четыре камня в четырех углах палаты были. Грамоту взяв, Дарий удивлялся одеянию Александра и клобуку, грамоту же громко читать велел. И некий перс, знающий македонский язык, начал читать. В грамоте было написано так: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, всего света царь изволением высшего Бога. Помнишь ли, Дарий, персидский царь, как ты дань от отца моего, из Македонии, взимал, и когда он умер, оставив меня на престоле своем совсем юным, велел ты, по своему злому обычаю, меня с царства моего согнать, иного македонянам государем вместо меня сделать, а меня от отеческой земли отогнать. Но видя это, Божие всевидящее око, которое видит все, что есть, всех сердец помыслы знает и справедливыми мерами отмеряет — сегодня тебе, а завтра мне, — меня государем отечества моего сделало и царем всего света. Ты, когда я был юн, велел привести меня к себе, я же, возмужав, сам к тебе пришел. И как ты над всем моим государем хотел стать, так я теперь господином над всем твоим стал. Не так я немилостив, как тебе кажется; преклони непреклонную свою гордыню и низко поклонись мне, дани мне дай и будь государем в персидской земле. Если же тебе это кажется невозможным, то ты персам враг и радуешься их убиению от македонских мечей. Приготовься со всеми силами своими на бой в пятнадцатый день на Арсинорской реке, и я со всем своим войском там буду». Эту грамоту Дарий прочел, к вельможам своим обернулся и сказал: «Ожидал ли кто-нибудь такого рвения и такой ярости от македонян». Александр, стоя перед ним, сказал: «Неудивительно, если македоняне всем светом владеют». Дарий же его спросил: «Почему?» И он сказал: «Ибо все они едины сердцами, и мудры, и храбры беспредельно, и войско их непоколебимо». Стоящий тут вельможа Дария сказал Александру: «Как можешь так великому государю отвечать?» Он же ему ответил: «У сильного государя вольный посол и верный слуга». И сказав это,

государю отвешеваеши?» Он же к нему рече: «Силнаго государя воленъ посоль и вѣренъ слуга». И се рекъ, отступи. Дарий же к нему рече: «Буди у нас на вечери, дондеже листь ко Александру отпишу».

Такo Дарий на вечере съде с своими велможи, Александра же на поклицарьскомъ мѣсте посади прямо ему, и ясти поставиша; егда служити начаша, тогда Александръ чашу испивъ в недра скры. Тогда слуга Дарию возвести сие. Дарий же повелѣ другую налити. Александръ же и тую, выпив, в недра и скры. Един же от велможъ Дариевых ко Александру рече: «Не подобаеъ на царскомъ столѣ седящу тако творити». Он же к нему рече: «У государя моего, Александра царя, первую чашу и другую испивъ, всякий собѣ беретъ». Се же персы слышавше удивишася. Кандаркусъ же нѣкто, егоже Дарей в Македонию посылал бѣше господствовати, с вечера воставъ, к Дарию рече в таи: «Вѣдомо да естъ тебѣ, царю Дарей, яко днесъ бози всю волю твою свершиша». Он же рече: «Како?» Кандаркусъ же рече: «Сий посоль македоньскій самъ Александръ естъ, сынъ Филиповъ». Дарий же, радости наполнився, к нему рече: «Аще сие истинна естъ, то аз всему свѣту самодержецъ есмь». И тако нача часто обращаться ко Александру тихимъ лицемъ, мнѣ собѣ невѣрну быти, рече: «Всих глава глав не обещаеъ на концы». «Аще естъ сеи истина не будетъ, чести всее лишюся у тебе и главу мою мечем отсеци». О сем же Кандаркусу глаголющу, Александръ же тако домыслися, яко преже ухвачения перстения искаше в тоболе своемъ вольховалного, иже бѣ взялъ в Трои граде в Клеопатре, египецкой царицы, коли бо той перстен на руку полагаше, тогда невидимъ от всѣхъ бываше. В руку же его возьмъ, на персть его не положи, хотя Дарие искусити малодушие. Дарий же безмѣрною радостию возвеселися и рече: «Прилична ми тя ко Александру, человекъ, глаголють быти». Александръ же к нему рече: «Поистинне, великий царю, истинну рекъ еси. Александръ же, — рече, — царь приличности ради любит мя велми. Приличен бо есмь к нему, мнози бо мнѣ Александра мняше». Тако Дарей в размышление впаде и не повелѣ его ухватити. Трапезу же ногою ринувъ, в ложницу отъиде со свѣщами, мысля, како его ухватити. Свѣщи же з Дариемъ отнесоша, Александръ же со властели в великом храме оста и ту стоящу ему во тмѣ и совлече с себе многоцѣнное одѣяние и македоньскую коруну, перстен же волховный на персть возложи. И тако ко вратомъ града притек, и чашу златую из надръ возьмъ, и дасть сторожу, и рекъ: «Возми чашу сию и держи, Дарий бо царь посла мя стражу нарядити добро». И отвори ему врата. На другая же врата пришед, и другую чашу возьмъ, сторожу дасть, и рекъ: «Возми чашу сию и держи ю, Дарий бо царь послалъ мя еси воеводу призвати к себѣ, да стражу крѣпку утвердити». И тако отвориша ему. Скоро из града же изшед и на великаго коня всѣд, на Арсинорскую реку пред свѣтом приспѣ, и сию реку измершу обрете, и на ону страну преѣде цѣль. Ту бо его ждаху воеводы Птоломѣй и с Антиохомъ и Филономъ и любимый Андигон. Александръ же исповѣда имъ, яже ему в Персиде случися.

отступил. Дарий же ему велел: «Будь у нас на пиру, пока я грамоту Александру не напишу».

На пиру Дарий сел со своими вельможами, а Александра на посольском месте посадил, напротив себя, и поставили еду; и когда начали прислуживать, Александр, выпив из чаши, спрятал ее за пазуху. Слуга Дарию сообщил об этом. Дарий велел вторую налить. Александр же и ту, выпив, за пазуху спрятал. Один из вельмож Дария сказал Александру: «Не подобает, за царским столом сидя, так делать». Он же отвечал ему: «У государя моего, царя Александра, каждый, выпив первую и вторую чашу, себе их берет». Услышав это, персы удивились. Некто Кандаркус, которого Дарий в Македонию посылал господствовать, встав из-за стола, Дарию тайно сказал: «Знай, царь Дарий, что сегодня боги сделали то, что ты хотел». Он же спросил: «Как?» А Кандаркус сказал: «Этот посол македонский — сам Александр, сын Филиппов». Дарий обрадовался и сказал: «Если это правда, то я — всего света самодержец». И стал часто приветливо обращаться к Александру, и, сомневаясь, сказал: «Не станет всех глав глава riskовать своей головой». — «Если это окажется неверным, пусть чести всей лишусь у тебя и голову мне мечом отсеки». Когда Кандаркус это говорил, Александр, опасаясь, что его схватят, стал искать в тоболе своем перстень волшебный, который взял в Трое, — Клеопатры, египетской царицы, ибо тот, кто перстень этот на руку надевал, становился невидимым. И, в руку его взяв, на палец не надел, так как хотел испытать малодушие Дария. А Дарий обрадовался безмерно и сказал: «Говорят мне, что ты похож на Александра». Александр же ему ответил: «Поистине, великий царь, правду сказал ты. И царь Александр ради этого сходства очень любит меня. Похож я на него, и многие меня за Александра принимают». Задумался Дарий и не приказал его схватить. И, оттолкнув стол ногою, в спальню ушел со свечами, обдумывая, как его схватить. Свечи же вслед за Дарием вынесли, а Александр с вельможами в большом зале остался и, стоя в темноте, совлек с себя многоценное одеяние и македонскую корону, а перстень волшебный на палец надел. И, подойдя к воротам городским, чашу золотую из-за пазухи вынул и дал стражу, сказав: «Возьми эту чашу и держи, ибо царь Дарий послал меня стражу привести в порядок». И открыли ему ворота. Ко вторым воротам пришел и, взяв вторую чашу, дал ее стражу, говоря: «Возьми эту чашу и держи ее, ибо царь Дарий послал меня воеводу призвать к нему, чтобы он стражу усилил». И отворили ему. Он же, быстро из города выйдя и на великого коня сев, Арсинорской реки перед рассветом достиг и, найдя эту реку замерзшей, на другую сторону ее благополучно переехал. А тут его ждали воеводы Птоломей, Антиох, Филон и любимый Андигон. Александр рассказал им все, что с ним в Персиде случилось.

Дарий же, в ложницу вшед, 12 велмож своих призвав, к нимъ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко сий македонский посолъ Александръ есть». Они же к нему рекоша: «Аще се истинна есть, бози перстии умилосердишася на нас». Дарий же рече Кандаркусу и Клисусу, лидоньскому царю: «Александра ухватите». Они же, свѣщи велики взявше, в великом храме его искавше много и о немъ вопрошаху и не обретоша, ко вратом же града текоша и у вратарей вопрошаху о немъ. Вратари к нимъ рекоша: «Два сосуда злата в сий часъ челоуѣкъ принесль к намъ и здѣ остави, в войску отъиде, глаголя, яко: „Царь послал мя в войску стражи нарядити и воеводу призвати”». Кандаркусь же лукавство Александрово позна, 300 добрых конникъ взял с собою, сами на борзых кони всѣдше, на реку Арсинарскую в солнечной восход приспѣша и обретоша реку растаявшуюся. Александра на оной странѣ узрѣша, в недоумѣнии быша, и сумнѣшася, и посрамишася. Александръ же к нимъ рече: «Почто вѣтра гоните, егоже не можете сустичи? Не вѣсте ли, македонских коней и Арсинорская река удержати не может. Но возвратившеся, цареви вашему рчите: „На чаши твоей хвалим тя, во дни же сии ищи мене со всѣмъ войскомъ у Арсинарских рекъ на брезѣ”». И се рекъ Александръ, в войско свое поиде. Дариевы же возвратишася и вся ему о Александре возвестиша. Река же Арсинорская всяку ночь померзаше, на всякий же день розмерзашеся и течаше водою. Дарий же царь Александрово лукавство видѣвъ, жалостно проплакав, рече: «Видите ли, коликим лукавством прелсти нас сынъ Филиповъ, землю нашу примъ и царство мое взя. О невѣрная и неуставная чести, тако к челоуѣком управну сладка являшеся и напоследокъ горчаиша яда змиева являшеся».

И к Пору,* индийскому царю, листь писа, силен бо бысть велми и любим Дарию, бяше 36 языкомъ царь. Листъ же Дариевъ сицѣ: «Иже в богох богу, всѣмъ царемъ царю, великому индѣйскому Пору Дарий перьский, окаянный и неволный, унылый, радоватися тебѣ пишу. Мню да пришло есть в слух царства твоего от многих, да и малое, елико намъ македонский отрокъ нанесе. Подручество, еже к намъ имаше, сего некако избѣгъ и нас государьскии наѣха, и вси страны земли моя, до Вавилона града, к своей земли западной приложи. И сего перси, не вѣде како, убояшася и противитися не могут ему. Двожды бо с нимъ бихомся и двожды бо нас разби. Да о семъ молюся великому величеству, на нас призри и руку помощи дай, да третицею на бой изыду к нему или убью их, или от них побежен буду. Вѣдомо да есть вамъ, яко непобедима сила индийска есть ты же равен богомъ еси. Милостив буди унылым моим молбам, войско мнѣ пошли, избави мя от лютых и немилостивых македонян. Подобаает бо мнѣ поклонитися силному тобѣ царю». Пор же листь Дариев приим и сий прочет, главою покивав, рече: «Нѣсть на земли радости, иже не приложитца на жалость. Дарий бо нѣколи точен богу бысть, ныне же от македонян гоним бысть». Призва велмож своих и рече им: «4 тысячи тысячъ взявше вой и к Дарию на бой на помозъ идѣте. Александра живаго ко мнѣ приведѣте, жаден бо еси

Дарий же, войдя в спальню, призвал двенадцать вельмож своих и сказал им: «Знайте, что македонский посол — сам Александр». Они ему ответили: «Если это правда, то боги персидские смилоствились над нами». И Дарий приказал Кандаркусу и Клису, лидонскому царю, схватить Александра. Они же, взяв большие свечи, искали его в большом зале, и спрашивали о нем, и, не найдя его, поспешили к городским воротам, и у привратных стражей спрашивали о нем. Те же им ответили: «Два золотых сосуда сейчас человек нам принес и, здесь оставив, к войску пошел, говоря: „Царь послал меня к войску устроить стражу и призвать воеводу”». Кандаркус, обман Александров поняв, триста всадников добрых взял с собою, и на быстрых конях к солнечному восходу достигли реки Арсинорской, но лед на реке уже растаял. Александра же на другой стороне увидели и, посрамленные, остались в растерянности и смущении. Александр же им сказал: «Зачем ветер преследуете, которого не можете догнать? Не знаете разве, что македонских коней и Арсинорская река сдержать не может. Возвратитесь к царю вашему, скажите: „За чаши твои благодарю тебя, в эти дни ищи меня со всем войском на берегу Арсинорской реки”». И, сказав это, Александр к войску своему отправился. Посланные же Дарием возвратились и все ему об Александре рассказали. Река Арсинорская каждую ночь замерзала, днем же лед таял, и река текла водою. Дарий, Александров обман узнав, печально плача, сказал: «Видите, как коварно обманул нас сын Филиппов, землю нашу и царство мое взяв. О изменчивая и неведомая судьба, людям сперва сладкой являешься, а напоследок горче яда змеиного».

И к Пору, индийскому царю, написал грамоту, ибо был это сильный, любимый Дарием царь над тридцатью шестью народами. Грамота же Дария была такова: «Богу среди богов, всем царям царю, великому индийскому Пору — Дарий, несчастный, притесняемый, печальный, — приветствую тебя. Думаю, что достигло слуха царского твоего от многих хоть немного о том, что нам македонский отрок причинил. Подвластен был нам, но вышел из-под нашей власти, и на нас как государь напал, и все страны земли моей, до Вавилона-города, к своей земле западной присоединил. И персы, не понимая, как это произошло, испугались и противостоять не могут ему. Дважды с ним бились, и дважды он нас разбил. И прошу великое величество — окажи нам милость и руку помощи дай, в третий раз выйду на бой против него и либо разобью их, либо ими побежден буду. Известно вам, что сила индийская непобедима; ты же равен богам. Милостив будь к печальным моим мольбам, войско мне пошли и избавь меня от лютых и немилостивых македонян. Мне же подобает поклониться тебе, сильному царю». Пор, грамоту Дария взяв, прочел ее и, покачив головою, сказал: «Нет на земле радости, что не заменится печалью. Дарий некогда равен богу был, ныне же македонянами преследуем». Призвал вельмож своих и сказал им: «Четыре тысячи тысяч возьмите войска и к Дарию на помощь

видети отрока того, млада бо и смыслена глаголют его быти». И собравшися, к Дарию поидоша. Слышав же Дарий пришествие их и мало нѣкако от великие скорби в радость прииде. Персом же братися повелѣ, и всѣхъ бысть 10 000 тысячей, и на Александра со всѣмъ поиде. Воеводы же индѣйские войски на Олександра исходу послаша, и сих Александровы стражи ухватиша... и ко Александру приведоша. Александръ же их на высоко *мѣсто возвести* повелѣ, и войску же своему вооружатися повелѣ, и на бой их урядив, и на Дария поиде, исходником глядати повелѣ. Егда же близ войска Дариева быша, и тогда Александръ исходники пусти. Исходницы же воеводам Дариевымъ повѣдаша: «Войско силно и остро видели есми велми, сердито и борзо идут на бой, не сумнящесе ничтоже, вси же оружены быша добръ конми, до 4000 тысячей бяху». Индияне же страхом великимъ содержими бяху, на бой яко силою водими бяху. И соступившемеся двема войскома, солнце от *праха* помрачися страх же индиян и македонянъ объять. Вкупе и замесившесе вси, единии з другими не знахуся. Вѣтръ же бурный дохнувъ, и начаша сечися, весь день измесишася. Александръ же не могий терпѣти, со заставою своею тысяща тысячъ избранныхъ витязъ посреде ихъ вниде самъ на златой колесницы ѣздя. Индияне же и персы, сего узрѣвше, страхом великимъ одержими бяху, побегоша.

Дарий же, то видѣвъ, отчаявся, в недоумѣние впаде и, вся остави, побѣже напрасно, сия словеса глаголя: «Окаянный аз, како небеснымъ подобляхся и земныхъ сподобихся, како всему свѣту царь бых, в моемъ отечествии не сподобихся умерети». Се ему глаголющу к Персиполю, граду своему, бежаше, сустигоша же его два велможи, Кандаркус и Аризванъ,* приснии и любимии его властели, единъ от страны, а другой от другой мечи его прободоша и с коня его сорваша, свергше его с коня, едва жива оставиша.

Александръ же единого воеводу призва, рече: «Ко индийской и перской войске поиди и к нимъ рцы: „Царь вашъ Дарий убиенъ есть, не мозите бѣгати, но стойте. Аще ли начнете бѣгати, в сий день умрете”. И ко индианомъ глаголетъ: «Стойте, не бойтеся, ко царю вашему съ честию вас отпущу. Аще ли побѣгнете, в сий день умрете от меча». И Селевка посла индианомъ всимъ конное оружие взяти и иныхъ живыхъ ко царю ихъ отпусти. Филонъ же к нимъ рече повелѣние Александрово, они же на землю падоша, поклонишася, знамена же все Поровы, и великии трубы, и кони вся оружия к Филону приведоша; от него прошения приемше, во свою землю отъидоша. На походе же рече к нимъ Филонъ: «Царю своему Пору рцыте: „Буди доволенъ индийскимъ царствомъ во своей храброй земли, руки помощи чюжимъ на македонянъ не посылай. Вѣдомо да есть тобѣ, Поре, индийский царю, яко Филонъ по милости Александрове персомъ государь назвася и сусѣдъ тобѣ буду”». Перси же се слышавше, от индиянъ отдѣлишася и Филону приступиша и сему во Александра мѣсто поклонишася, елико македоняне радовахуся, яко Александру работати сподобишася.

идите. Александра приведите ко мне живым, ибо жажду видеть этого отрока, молод и разумен он, говорят». И, собравшись, к Дарию пошли. Услышав об их приходе, Дарий от большой скорби к радости перешел. Персам же повелел собраться, и было их десять тысяч тысячей, и пошел со всеми на Александра. Воеводы же индийского войска к Александру разведку послали, но Александровы стражи ее схватили и привели к Александру. Александр велел их на высокое место возвести, а войску своему приказал вооружиться и, к бою их приготовив, на Дария пошел, лазутчикам же смотреть велел. И когда подошли близко к Дариеву войску, то Александр лазутчиков отпустил. Они же воеводам Дария поведали: «Войско сильное и быстрое видели мы, решительно и быстро идут на бой, не страшась ничего, все вооружены, на хороших конях, до четырех тысяч тысячей их». И охватил индийцев страх, на бой почти принуждением повели их. И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло, и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали. Ветер бурный подул, и начали сражаться, — весь день, смешавшись, бились. Александр не стерпел, с отрядом своим — тысячей тысяч лучших витязей — в середину сражающихся сам въехал на золотой колеснице. Индийцы и персы, увидев его, охваченные страхом великим, побежали.

Дарий, видя это, отчаявшись, не знал, что делать, и, оставив все, пустился в бегство, такие слова говоря: «Несчастный я, небесному подражал и земному уподобился, всего света был царем и в своем отечестве не удостоился умереть». И когда он говорил это и к Персиполю, своему городу, бежал, настигли его два вельможи, Кандаркус и Аризван, близкие к нему и любимые им начальники, пронзили его мечами, один с одной стороны, а второй — с другой, и, сбросив его с коня, едва живым оставили.

Александр же, некоего воеводу призвав, сказал: «К индийскому и персидскому войску пойдите и скажите им: „Царь ваш Дарий убит, не бегите, остановитесь. Если же побежите, в сей день умрете“. И индийцам скажите: „Остановитесь, не бойтесь, к царю вашему с честью вас отпущу. Если же побежите, в сей день умрете от меча“». И Селевка послал к индийцам все вооружение всадников и самих живыми к царю их отпустить. Филон передал им повеление Александра, они же, на землю пав, поклонились и знамена Пора, трубы, вооружение конное Филону передали; и, мир от него получив, в свою землю пошли. Прощаясь с ними, сказал им Филон: «Царю своему Пору скажите: „Доволен будь индийским царством в своей храброй земле и помощи другим против македонян не оказывай. Да будет известно тебе, Пор, индийский царь, что я, Филон, милостию Александра государем персов стал и соседом тебе буду“». Персы, услышав это, от индийцев отделились, к Филону подошли и ему поклонились, как самому Александру. И как македоняне радовались тому, что Александру служить удостоились.

Александръ же гнаше своим полком до великаго Персиполя приспѣ. И не дошедшу ему до града, види Дария на пути лежаща, мало жива суща, едва дышуща, ко Александру вопияше: «Александрѣ царю, ссѣди скоро, глас мой услыши». Александръ же озрѣвся, рече: «Кто еси ты?» Дарий же рече: «Азь есмь Дарий царь, егоже коло годишное до небеса возвыси, се ныне неуставная честь до ада сниде. Аз есмь Дарей, иже некогда всему свѣту царь бых, ныне во отечествии моем не сподобихся умерети. Аз есмь Дарей, иже от многих тысячь людей почитаемъ бых, а се здѣ самъ на земли повержен лежу. Да ты, Александрѣ, самовидецъ был еси мнѣ, от коликие славы отпадох и каковою смертию умираю. Да таковой смерти и ты убойся, не остави мене в праху сем под коньскими ногами умерети; не тако бо ты немилостивъ, яко персы немилостиви суть, но вѣмъ ты благоутробна быти и благодателя ко своимъ злотворнымъ; тако бо всим велеумным подобает быти, добро бо рече: „Не воздай зло за зло, яко да Богъ от зла избавит тя“». Сие же Александръ слышавъ, Дариевым речем умилися и скоро с коня ссѣдъ и плашъ с себѣ снемъ, Дария покры, македоняномъ же повелѣ на златую колесницу положити его и во град его понести повелѣ. И самъ Александръ насилное древо вземъ на рамо и понесе его, и к Дарию рече: «Се тебѣ по достоянню царску честь воздаю; да аще живъ будеши, болши сих узриши, аще ли умреши, тѣло твое по достоянню имам честити царски». И тако двигшеся внутрь града во царский в него двор внесоша и на златом одрѣ положиша.

Александръ во многоцѣнное одѣяние облечеса и венецъ царя Соломана на главу положи и жезлъ златъ в руку свою вземъ, на престолѣ великом царя Дария сѣде. И тако персы вкупе с македоняны ко Александру приступиша и поклонишася, рекуще: «Многа лѣта Александру, великому, всего свѣта царю, перскому государю». И приведоша пред него перскую царицу со дщерью Роксаною.

И сих видевъ Дарий, и пренеможе душою, и поболѣ сердцем, и много умилися и прослезися, Роксану за руку примъ, жалостно пригорнувъ к своему сердцу: «О душе, и сердце, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дщи моя Роксана, се тебѣ мужа ненадежнаго от Македонии приведох, не моим хотѣнием, но Божиимъ произволением; сего Богъ персом господина сотвори и всему нашему государству и имѣнню. Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твой сотворити, якоже ныне прилучися быти, но вси посолнычнии цари и князи на веселость брака твоего привести хотѣх и радость твою со многимъ сотворити веселиемъ. Вмѣсто же браков красных многи ныне пролишася крови македоньскии и перскии. И мы, елико могохом, толико и подвизахомся, *Богъ же* имиже судьбами вѣсть нашей сопротивитися ярости и свою сотвори волю, неутолимиим звѣри персы превозносимыми соедна македоняны и от обоих сих вкупе сотворити. И тобѣ повелеваю, дщи моя, Александра по достоянню держати и сего яко государя и царя... Приими, Александрѣ, прекрасный и милый очию моею свѣте, приими, Александрѣ, однородную дшер мою Роксану, яже в радости

Александр же со своим полком достиг великого Персиполя. И когда дошел он до города, увидел Дария, лежащего на пути, едва живого; с трудом дышавшего, который к Александру взывал: «Царь Александр, сойди с коня скорее ко мне». Александр, оглянувшись, спросил: «Кто ты?» Дарий же сказал: «Я царь Дарий, которого круг времен вознес до небес, а ныне изменчивая судьба до ада низвела. Я Дарий, что некогда всего света царем был, ныне же в отечестве своем не удостоился умереть. Я Дарий, что многими тысячами людей почитаем был, и вот здесь на земле поверженный лежу. Ты сам, Александр, видел, какой славы я лишился и какой смертью умираю. Такой смерти ты побойся, не оставь меня во прахе под ногами коней умирать; ведь не так ты немилостив, как персы, но знаю, что ты благороден и благодетелем являешься для делающих тебе зло; такими и следует быть всем многоумным, ибо хорошо сказано: „Не воздай злом за зло, и Бог от зла избавит тебя“». Услышав это, Александр сжалился и, быстро сойдя с коня и плащ с себя сняв, покрыл им Дария, а македонянам велел на золотую колесницу положить его и в город его нести. И сам носилки взял на плечо, и понес его, говоря Дарию: «Вот тебе по достоинству царскую честь воздаю; если жив будешь, больше этого увидишь, если же умрешь, телу твоему по достоинству окажу царский почет». И, войдя в город, в царский дом его внесли, и положили на золотом одре.

Александр облекся в многоценные одеяния, венец царя Соломона на голову надел и, взяв в руку золотой жезл, сел на престоле великом царя Дария. Персы вместе с македонянами к Александру подошли и поклонились ему, говоря: «Многая лета Александру, великому всего света царю, персидскому государю». И привели к нему персидскую царицу с дочерью Роксаной.

Увидел их Дарий, изнемог душою и, болея сердцем, много сожалея и плача, Роксану за руку взял, печально прижав ее к своему сердцу: «О душа, сердце и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана, вот тебе мужа нежданного из Македонии привел, не по своей воле, но Божиим произволением; его Бог господином персов сделал и всего нашего государства и богатств. Не таким стремительным, думал я, будет брак твой, как это ныне случилось, но всей вселенной царей и князей на веселый твой брак привести хотел и радость твою отпраздновать с большим веселием. Вместо же брака красного много ныне пролилось крови македонской и персидской. Мы, что смогли, то и сделали, Бог же, известными ему путями, нашей воспротивился ярости и свою сотворил волю, неутолимых зверей-персов соединил с превознесенными македонянами, их обоих вместе свел. Тебе повелеваю, дочь моя, к Александру достойно относиться, как к государю и царю. Прими, Александр, прекрасный и милый свет очей моих, прими, Александр, единородную дочь мою Роксану, которую в радости великой и благоденствии родил, ныне же с печалью великой оставляю,

велицей, благодѣствѣ родих, ныне же сию з жалостию великою оставивъ, бо во ад отхожу и тамо всегда имамъ быти, идѣже вси роженнии челоувѣцы на земли. Не будетъ бо на земли моей и мнѣ в крове моей ползы, егда во адово истлѣние отхожу, не имамъ опятъ возвратитися. И сию яко рабу собѣ приими; аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дщи». И сию 3-жды целовал, ко Александру приведе. Александръ же со престола воставъ и Роксану за руку приемъ с радостию ея полюби, и любезно целова, и на престоле с собою посади, и венец, з главы своя снемъ, на главу ея постави, и перстень, с руки ея снем, и на руку свою положи. К Дарию рече: «Виждь, господине Дарии, увѣри сердце, Роксана бо до живота царствовати имать». Дари же радостенъ бывъ велми, Роксане, дщери своей, рече: «Буди царствующи в вѣки со Александромъ, емуже весь *свѣтъ* недостойнъ единому власу отпадающа от главы его». И се рекъ, царицу свою за руку приемъ, Александру рече: «Се мати твоя в мѣсто Алимпияды есть». К персомъ же озрѣвся, рече: «Люби, Александре, персы, вѣрны бо государю своему суть. И жалость моя, — рече, — на радость преложися. Кандарвуша же и Оризвана, убийцы мои, по достоянию ихъ почти». И се рекъ и умре царь сильный Дарий. Александръ же со всѣми силами проводи до гроба с великою честью.

Кандарвуша же и Оризвана призвати повелѣ и к нимъ рече: «Почто государя своего убили есте?» Они же к нему рекоша: «Смерть его тебе государя сотвори». Александръ же к нимъ рече: «Аще благодателя своего убили есте, мене ли, чюжаго, не убиеете?» И се рекъ, обѣсити ихъ повелѣ, глаголя: «Проклятъ есть, иже государьского убийцу хранитъ». Пришедъ во градъ, с Роксаною венчася. Роксана же паче всѣхъ женъ земскихъ краснѣйшии не токмо лѣпотою образною, но и душевными добродѣтелми украшена бысть.

Александръ же писалъ листъ к матери своей Алимпияде в Македонию и наказателю своему Аристотелю: «Александръ, царь надъ цари промысломъ Бога вышняго, госпожи и матери моей, царицы Алимпияде и Аристотелю, моему учителю, пишу радоватися. И се есть седмое лѣто, яко отоидохъ оттуду, за всихъ седми лѣтъ не писахъ вамъ, ни поручихомся, иже в насъ. Се же согрешение нѣсть от насъ ни отъ любве сие есть, но, сопротиву великому царю Дарию стоящимъ намъ, и его разбивающе, от него разбиваемы, и о семь умъ свой упранивши, писати к вамъ не поспѣхомъ. Ныне же вѣдомо да есть, яко з Дариемъ 3-жды бившеся и его победихомъ. Се же персы видѣвши, царству моему поработившеся вси. Дарий же живота изменися, а дщерь свою Роксану в мѣсто дара мнѣ далъ есть. Азъ же безмѣрную ея красоту видеви, жену себѣ понялъ. Вѣдомо да есть вамъ, отнелѣже женская любовь сердца моего не обняла ест, ни ко мнѣ мысль не нахожаше о васъ и о домашнихъ; да отнелѣже женскою любовию в сердце устреленъ быхъ, оттоле о мирскихъ мислитихъ начахъ; ни убо вменяхъ дотолѣ, гдѣ убити мя хотяху, гдѣ ли убити хотѣхъ, яко есмь здѣ в Персиполи граде великомъ с Роксаною царицею от персѣ славимъ, всей Персиде царь. И вы о соби пишете к намъ и сами в Македонии здрави будите».

ибо в ад отхожу и буду всегда там, где и все рожденные на земле люди. И не будет в кровных моих на земле мне пользы, так как в адово истление отхожу и не смогу возвратиться. Ее же как рабу прими; если угодно тебе, возьми в жены, ибо прекрасна она, и мудра, и благородных родителей дочь». И, трижды поцеловав ее, к Александру подвел. Александр же с престола встал и Роксану за руку взяв с радостью любезно ее целовал, и на престоле с собою посадил, и венец, со своей головы сняв, на ее голову возложил, и перстень, с руки ее сняв, на руку свою надел. Дарию сказал: «Смотри, господин Дарий, и успокой сердце свое, ибо Роксана до конца жизни своей царствовать будет». Дарий же радостен был и сказал Роксане, дочери своей: «Царствуй вовеки с Александром, весь свет не стоит одного волоса с его головы». После этого царицу свою за руку взял и Александру сказал: «Вот мать тебе, как и Олимпиада». К персам обернувшись, добавил: «Люби, Александр, персов, ибо верны они государю своему. Печаль моя радостью заменяется. Кандаркусу и Аризвану, убийцам моим, достойным образом воздай». И, сказав это, умер сильный царь Дарий. Александр со всем своим войском проводил его до могилы с большими почестями.

Кандаркуса же и Аризвана призвать велел и спросил: «Зачем государя своего убили?» Они же ему сказали: «Смерть его тебя государем сделала». Александр им сказал: «Если вы благодетеля своего убили, неужели меня, чужого вам, не убьете?» И велел их повесить, говоря: «Проклят тот, кто убийцу государя пощадит». И, придя в город, с Роксаною венчался. Роксана же, из всех жен земных наипрекраснейшая, не только красотой телесною, но и душевными добродетелями отличалась.

Александр же написал письмо матери своей Олимпиаде и наставнику своему Аристотелю в Македонию: «Александр, царь над царями, промыслом вышнего Бога, госпоже и матери моей, царице Олимпиаде и Аристотелю, моему учителю — приветствую вас. Уже семь лет, как я ушел от вас, и за все семь лет не писал вам, не передавал, что с нами. Это согрешение наше не от нелюбви к вам, но потому, что, когда мы воевали с великим царем Дарием, побеждая его или им побеждаемые, ни о чем другом думать не могли и писать вам не успевали. Теперь же узнайте, что с Дарием трижды сражались мы и его победили. Персы, видя это, царству моему покорились. Дарий же умер, а дочь свою Роксану как дар мне дал. Я, безмерную красоту ее видя, взял ее себе в жены. Знайте, что до тех пор, пока любовь к женщине сердца моего не охватила, никогда не приходила мысль о вас и о домашних, а с тех пор, как любовью к женщине в сердце ранен, начал о земном думать; до этого безразлично было мне, меня ли убьют или я убью, сейчас я в городе Персиполе великом с Роксаною-царицей, персами прославляемый, всей Персиде царь. И вы о себе пишите нам и сами в Македонии здравствуйте».

Александръ же всих македонянь в свиты перские перемены, персы же в македонские свиты облече; достояния бо злата многа Дариева изнаиде и всему войску розда и кони кормити повелъ имъ. Столпъ же великъ посреди Персиды создати повелъ; на столпъ же взошедь велегласно слышати всъмъ рече: «Въдомо буди всемъ, перси и македоняне, яко аз вся многобожия идольская проклинаяю, на серафимех почиваемому поклоняюся Богу, небо и землю сотворшему, от херувим славимому, и неизреченному, и неисписанному, тресвятыми гласы славимому». И се рекъ: «Боже богом, всъмъ видимым и невидимым, помошник ми буди, и вся идолы, иже от земля, иже и от моря, ты потреби и искорени». И тако с столпа сниде, имения Дариева осмотри и изнаиде в Персиде злата Дариева: 12 пирга, полна искусна злата, 12 скринии полных, 20 кубль полных камня и бисера, и сему же числа не бѣ; и тысячу тысячей коней тучных, лвов, пардусов ловных и соколов взводных* 6 сот. И тым всем войско свое направи и свое войско преписа и на Перскомъ поли и обрѣте конных оруженных 4000 тысячей. И в Персиде с Роксаною пребысть, и Селевка в Персиде остави, на Клиса, лидоньскаго царя* поиде.

Сий же не хотя ему поклонитися, и людие же его свезавше ко Александру приведоша. Толика богатства в него Александръ изнаиде, елико око не види, ни ухо слыша; и се Александръ всему войску своему отдаде. И тако вси языцы прием, на десную страну войска поиде до *края* земли.

СКАЗАНИЕ О СКОТѢХЪ ДИВНЫХ, О ЗВѢРООБРАЗНЫХЪ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ, И О ЖЕНАХЪ ДИВИИХ, И О МУРАВЯХЪ, И О ПТИЦАХЪ, И О ЛЮДЕХЪ ДИВИИХ

Александръ же к востоку поиде и тамо обрѣте многи языки безсловесных, скоти бо суть дивии и звѣри челоукообразни. И по той земли 10 дней хожаше и жены обрѣтоша дивии, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сняху яко звѣзды. И на войско Александрово наидоша и много от войска убиша, дондеже другое войско прииде; и много жень тѣхъ убиша безчисленно.

И оттуда 8 дней хожаше и на землю нѣкую песчану дошедше, мравии же в той земли быша таковыи, яко одна от них коня ухвативши и во утлину утекаху. И ту Александръ соломы носити повелъ и запалити, и мравии згорѣша. И оттуда воставъ, реки доиде, ейже ширина бяше день ходу, и мость на той рецы сотворити повелъ, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому преиде.

И ту в земли той люди обрѣте толико локтя величеством, ко Александру приидоша и поклонишася, много меду принесоша ему и финикъ, тии бо люди птицы* нарекаютца. Александръ же градъ созда в земли той и царя имъ постави

Всех македонян Александр передел в одежды персидские, а персов — в македонские одежды; золота много у Дария нашел и всему войску раздал, и коней кормить велел. И столп высокий посреди Персиды соорудить велел; на столп взошел и сказал во всеуслышание: «Знайте все, персы и македоняне, что я многобожие идольское проклинаю, поклоняюсь на серафимах почивающему Богу, небо и землю создавшему, херувимами славимому, неизреченному и неопикуемому, тресвятыми гласами славимому». И сказал: «Бог богов, всего видимого и невидимого, помощник мне будь и всех идолов и от земли и от моря ты истреби и искорени». И со столпа сошел, богатства Дария осмотрел и нашел в Персиде золота Дариева: двенадцать башен, полных чистого золота, двенадцать ковчегов полных, двадцать мер, полных камней и жемчуга, которому не было числа; и тысячу тысяч коней тучных, львов, охотничьих пардусов и соколов подъемных шестьсот. И этим всем войско свое снабдил, и сделал ему смотр на Персидском поле, и оказалось вооруженных всадников четыре тысячи тысячей. И, в Персиде с Роксаной побыв, против Клиса, лидонского царя, пошел, оставив Селевка в Персиде.

Тот не хотел ему покориться, но народ его, связав, к Александру привел. Столько богатства у него Александр нашел, сколько ни око не видело, ни ухо не слышало; его Александр войску своему отдал. И, приняв под свою власть все народы, с войском отправился на восток к краю земли.

СКАЗАНИЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ И ЗВЕРОПОДОБНЫХ ЛЮДЯХ, И О ЖЕНАХ ДИКИХ, И О МУРАВЬЯХ, И О ПТИЦАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ

Александр на восток пошел и там нашел много бессловесных скотов диких и зверей человекообразных. И десять дней шел по той земле, и жен нашел диких, высотой в три сажени каждая, косматы, как свиньи, и глаза их сияли, как звезды. И напали они на войско Александрово, многих из войска убив, пока не подошло второе войско; много тогда жен тех убили — бесчисленно.

И оттуда восемь дней шли, и дошли до некой земли песчаной, муравьи в той земле таковы были, что один из них, схватив коня, в нору уносил. И тут Александр велел носить солому и зажечь ее, и муравьи сгорели. И, оттуда отправившись, до реки дошел, ширина ее была — день хода, и мост через ту реку сделать велел, и сделали его за шестьдесят дней, и все войско по нему перешло.

И тут, в земле той, людей нашел величиною в локоть; они к Александру пришли и поклонились ему, много меда принесли и фиников, и те люди птицами называются. Александр же город создал в земле той, и царя над ними поставил,

от них, и научи их челоуѣчески жити; землю их за 100 дний едва преиде; толико бо множество меду принесоша, воиску бо за год доволяше. И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро бяше на полѣ томѣ, вода бо сладка велми и быстра; на край же ѣзера того образъ челоуѣчь во златѣ здѣла стояще, поле же то полно челоуѣческих костей. Александръ же на конѣ борзо поѣде ко образу тому и слова греческая на столпѣ томѣ написаны изнаиде, имѣюще тако: «Челоуѣцы, аще кто хошет на востокъ поити, здѣ дошедь, паки возвратися, ниже бо имаеши дале поити. Аз бо есми Сонхось, иже всему свѣту бых царь и край земли видети хотѣхъ и с войском на се поле приидох, и восташа на мя дивни языцы и войско мое великое разбиша, и мене на семь поле убиша». И сия словеса Александръ прочет, убояся, яко македоняне сих не прочтуть, поставецъ златъ возьмъ, и тѣло Сонхосово огнувъ. И ту станом стали с войскомъ. Македоняне же у него прошаху: «Что писмо у златого образа пишет?» Он же к нимъ рече: «Сладку пищу напред намъ возвещает землю». И сими гласы их тѣшаху.

Видѣша люди дивии в горѣ, и гордии, и видѣнием страшнии, двѣ сажени долги, главы космати же вси, войско же видевше, не бѣгают, и ко Александру возвестиша. Александръ же, вшед на конь, на видѣние их изыде, и видѣвъ их от мѣста на мѣсто приходящих, лукаво на войско его поглядаху, убояся зело и рече: «Сии суть людие, иже Сонхоса нѣкогда разбиша». И се рекъ, войску повелѣ вооружитися и стобор высок поставити повелѣ. Едину жену возьмъ, к людем дивииим поиде, ко единому их жену посла. Жена же, пришедши близу его, приближися и сяде; он же, сия притиснув, нача ясти. Жена же гласом великим возопи; войску же Александрову потекше отняти ю, челоуѣка дивия копием удариша. Он же гласом великим рыкнув, жену пустив. Гласъ же его услышавше дивии людие, множество их наиде на войско Александрово, числа не бѣ, древиемъ и камением войско убиваху. Александров полкъ около обогнаша, дондеже Антиох с своим полком приспѣ и паки вопреки их по широку полю погна. Александръ же на кони в межу их впаде, единого их ухвати за верхъ, во околь вомча. Бысть же 10 лѣтом дѣтишь и выше всѣхъ бысть людей питомых. И ту их уби Александръ тысячу тысячь, Александровых 2000 тысяч пало. Таковъ же их законъ: егда кого их окровавляше, похвативше дружина его изѣдаху его.

Во утрии же день велможи и воеводы Александровы рекоша: «Александрю царю, довольно есть намъ, всю землю приемше, мало починути, нежели в чужихъ землях от дивиих людей погинути». Александръ же умилися, рече имъ: «О любимии мои вельможи, не к тому вы маломошни будете, вес бо свѣтъ приемше, на конец приспили есми и тако за все почивати имамъ». Оттуду воставше дивиих людей землю преидоша.

и научил их человеческой жизни; землю их за сто дней только прошел; меда же принесли так много они, что войску на год хватило. И Питисовое царство пройдя, на поле длинное и широкое пришел Александр, и озеро было на поле том, и вода в нем сладкая и быстрая; на берегу же озера того стояла статуя человека, из чистого золота сделанная, а поле полно было человеческих костей. Александр на коне быстро подъехал к статуе и такие слова греческие на столпе том обнаружил: «Люди, если кто-либо из вас хочет на восток пойти, пусть, до этого места дойдя, обратно возвратится, ибо нельзя дальше идти. Я, Сонхос, всего света был царь и края земли увидеть хотел, с войском моим на это поле пришел, и напали на меня дикие народы, войско мое большое разбили и меня на этом поле убили». Эти слова Александр прочел и, испугавшись, как бы македоняне их не прочли, взяв золотую ткань, обернул ею статую Сонхоса. И тут войско лагерем стало. Македоняне у него спрашивали: «О чем сообщают письма у золотой статуи?» Он же им сказал: «О прекрасных землях впереди они сообщают». И такими словами их успокоил.

Увидели людей диких в горах, гордых, страшных на вид, две сажени ростом, с косматыми головами, увидев войско, они не убежали. О них Александру сообщили. Александр же, сев на коня, отправился их посмотреть и, видя, что они с места на место переходят, коварно на войско его поглядывая, сильно испугался и сказал: «Это те люди, что некогда Сонхоса разбили». И сказав это, велел войску вооружиться и забор высокий поставить. Одну жену взяв, к диким людям пошел и к одному из них жену послал. Жена, подойдя, рядом с ним села; он же, схватив ее, начал есть. Жена же громким голосом закричала; и воины Александра поспешили, чтобы отнять ее, и человека дикого копьем ударили. Он, громко зарывав, жену отпустил. Услышав его голос, бесчисленное множество диких людей с дубинами и камнями напало на войско Александра. Александров полк в лагерь отогнали, пока не подоспел Антиох со своим полком, и тогда снова погнал их по широкому полю. И на коне в середину их въехал и, одного из них схватив за волосы, в лагерь привез. Было же десять лет детищу, и был он выше всех обычных людей. Здесь Александр убил их тысячу тысяч, Александровых же воинов две тысячи тысяч пало. Такой у них был обычай: если кого-то ранят, хватают его товарищи и съедают.

На другой день вельможи и воеводы Александровы сказали: «Царь Александр, хотим мы, всю землю покорив, отдохнуть немного, а не погибать в чужих землях от диких людей». Александр опечалился и сказал им: «О любимые мои вельможи, воспряньте духом, ибо, весь свет покорив, мы достигли конца и тогда уже отдохнем». И, поднявшись оттуда, землю диких людей прошли.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ РАКЛИИ И СЕРАМИДЕ ЦАРИЦЫ,
И О СТОЛПЪХ, И О ЛЮДЕХ ДИВИИХ, И О ЛЮДЕХ ПСОГЛАВНЫХ,
И О РАЦЕХЪ, И О ЛЮДЕХ НАГИХЪ, БЛАЖЕНИИ

Въ землю нѣкую дивную красную придоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златом искусным сотворена, Ираклия царя образ и Серамиды царицы* бѣ на них. И к симъ столпом Александръ пришедъ, плакася много и рече: «Дивии во человекѣх Раклию царю и царицы Серамиды, како добре в мѣстех сихъ царствовати, добре и умросте, память ваша и по смерти стоить». И во царство ихъ пришед, с войском своимъ ста и 6 дни ту стоявъ; и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены. И внутреннюю пустыню идоша 6 дний, люди чюдны нашли, 6 рукъ у единого и 6 ногъ; ко Александру направишася на бой, битися с ним не могоса. Александръ же сихъ много убивъ и много живых ухвати, и хотѣ их во вселенную извести их; зане обычая их не знаху, что ядят, и сии вси помроша. И землю их за 6 дний преѣде, во псоглавыи люди воиде. Тии бо человекѣцы, все тѣло их человекѣско, глава же песья; глас же их единова человекѣский глаголюще, а другое, яко пси лаяху. И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде, на море нѣкое придоша и ту войску повелѣ почити. Коня же умершю ту в войсцѣ, государь же его отвлек, поверже при мори. Ракъ же морской вышел коня вовлече в море. И тако рацы исходяще кони ухапаху и в море утекаху. Се же Александръ слышавъ, тростие повелѣ запалити, и ту их множество згорѣ.

Оттоле воставъ, на иное мѣсто преиде при мори том, овощи различными многи бяху, и войску почити повелѣ. Отокъ же внутрь моря узрѣ и тамо внити хотяще. И древо сотворити повелѣ и ко отоку поити хотя. Филон же к нему рече: «Александрѣ царю, не ходи ты преже во оток той, не въси бо, что обрете, погинеши тамо; но аз преже тебе доиду и ты тамо по мнѣ идиши». Александръ к нему рече: «Да аще ты тамо погинеши, любимый мой присный и вѣрный друже, Филоне, кто о тобѣ мене утѣшити имае, *цѣне* бо мнѣ глава твоя естъ паче всѣхъ земскихъ глав». Филон же к нему рече: «Царю Александрѣ, Филон же умереть, другаго Филона на мѣсте обрящещи, аще ли ты умрещи, другаго Александра не обрящет Филонъ». И се рекъ Филонъ, вшедъ в голию, плавати нача ко отоку. Ото утра до нощи доплыв, и люди тамо изнаиде грѣческими глаголющихъ языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси. И сихъ виде Филонъ и ко Александру возвратися и все ему повѣда, иже видѣ тамо.

И тако Александръ вшед и друзих в голию с собою вземъ 30, и отока оного доиде. Людие же отока того срѣтоша и поклонишася ему и рекоша: «Александрѣ, почто пришел еси к намъ, что взяти хочещи от нас? Нази бо есми вси, якоже ты зриши, овощем же отока сего питаемся». Александръ же

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ИРАКЛИИ И СЕМИРАМИДЕ-ЦАРИЦЕ,
И О СТОЛПАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ, И О ЛЮДЯХ ПСОГЛАВЫХ,
И О РАКАХ, И О ЛЮДЯХ НАГИХ, БЛАЖЕННЫХ

И пришли они в некую землю, удивительную и прекрасную, что полна была различных плодов. И тут нашли два высоких столпа, сделанных из чистого золота, статуи царя Ираклия и царицы Семирамиды были на них. Придя к этим столпам, Александр сказал со слезами: «Дивные среди людей, Ираклий-царь и царица Семирамида, прекрасно в этих местах вы царствовали, прекрасно и умерли, память о вас и по смерти осталась». И, в царство их придя, с войском своим там шесть дней пробыл; пустые дворцы Ираклиевы нашли, золотом, жемчугом и камнями украшенные. И, в глубь пустыни пойдя, через шесть дней людей чудных встретили, шесть рук у каждого и шесть ног, и против Александра они выступили на бой, но сражаться с ним не могли. Александр многих из них убил, многих живыми схватил и хотел их во вселенную вывести; но не знали, что едят они, и они все умерли. И, землю их за шесть дней пройдя, к псоглавым людям пришли. У них все тело человеческое, а голова песья; говорят же они так: то как люди, то лают как псы. Александр много их убил и землю их за десять дней прошел. И вышли они к некоему морю, и тут Александр войску велел отдохнуть. И издох конь в войске, хозяин же его отволоч и бросил на берегу. И вылезший рак морской коня утащил в море. И другие раки, выходя, коней хватали и в море убегали. Услышав об этом, Александр тростник велел зажечь, и тут множество раков сгорело.

Оттуда в другое место пришли на берегу того моря, различных плодов там много было, и тут войску велел отдохнуть Александр. В море он увидел остров и туда попасть захотел. Корабль велел сделать и к острову собирался отправиться. Филон же сказал ему: «Царь Александр, не ходи первым на остров, не знаешь ведь, что там, погибнешь; лучше я прежде тебя пойду, и ты туда после меня пойдешь». Александр ему сказал: «А если ты там погибнешь, любимый мой, близкий и верный друг Филон, — кто меня утешит в печали по тебе, для меня голова твоя всех на земле ценнее». Филон же ему сказал: «Царь Александр, если Филон умрет, другого Филона вместо него найдешь, если же ты умрешь, другого Александра не найдет Филон». И, сказав это, Филон взошел на корабль и поплыл к острову. С утра до ночи плыл и, достигнув острова, людей там нашел, на греческом говорящих языке, мудры все и прекрасны были весьма и наги. И увидев их, Филон к Александру возвратился и все ему рассказал, что видел там.

И Александр, взойдя сам и тридцать человек с собою на корабль взяв, к острову приплыл. Люди же этого острова встретили его, поклонились ему и сказали: «Александр, зачем пришел к нам, что взять хочешь у нас? Ведь мы ничего не имеем, сам видишь, и плодами острова этого питаемся».

рече к нимъ: «Ничто от вас требую, за чюдо же пришел есми видети. Возвестите мнѣ, како, имени моего не вѣдуше, се ми рекоста?» Они же к нему рекоша: «Имя бо твое преж многих лѣтъ возвести намъ Раклий царь. Наше же пришествие здѣ речем ти. Раклий царь с Серамидою царицею елиномъ царь бысть, Тракинскою землею* царствовалаше, иже от вас наречетца Македония. Неправдѣ мнози землю ту постигши, лжество, клятвopеступление, кровомѣшство, се Раклий царь видѣвъ языкъ нашествие на землю, то видѣвъ рече: „Мужу велеумну царские дома ни во что же есть, но лутче в пустыне жити, мудрыи бо в чelовѣцехъ глаголетъ Соломан: «Лутче есть муже от великия немощи страдати, нежели чelовѣческих беззаконий терпѣти»». И се рекъ Раклий 1000 голии сотвори и, правыи и истинныя люди от земли своея собравъ и з женами и з детми своими, в голиях сих постави и сам со царицею своею неправды ради и беззаконья от всего побѣже, целый год по морю плавалъ, до земли доиде, идѣже ты столпове изнашел еси и образ златъ изваян видель еси. И ту на многа лѣта царствовалаше Раклий царь сладко и добро с Серамидою царицею, оба легоша и умроша. Нась же в земли той безглавных остави, голии вси спаливъ, яко да аще в беззаконную землю не поидемъ. Мы же злomu первому обычаю послѣдовавшие и тако Богъ разгнѣвався на нас за беззаконие наше, дивних людей и тых на нас попусти; и царство наше разориша и многих наших убиша. Мы же недоумѣюще, гдѣ во вселенную поити, во царствии своем не могуше жити от тых людей, здѣ вселихомся и питаемся овощемъ симъ и разумъ философским и книгами тѣшимся. И ничего ти у нас взяти, толко от мудрых наших». Сему же Александръ подивися житию их и рече: «Поистиннѣ, ни едино от земских чести болши словеснаго разума почтена есть, чelовѣкъ бо на земли почтенъ есть паче тысяч многих бисера и камня безцѣннаго. Соломанъ бо мудрый в книгах пишет: „Муж мудръ сокровище неисчерпаемое есть, мужу мудру нѣсть измѣны от сущих ничтоже, муж мудръ множествомъ людей обладаетъ”». И се рекъ Александръ, б философ с собою вземъ и изо отока поиде.

Исходящу же ему, рече к нимъ: «Что напреди отсюду есть?» Они же к нему рекоша: «Ничему же напреди быти, токмо макаринскии отоки во Акияне море... есть, идѣже людие блажени живутъ, иже наги мудрецы наричуются, они убо всякие страсти нази суть». Александръ же к философомъ рече: «Откуда сии во отоцех сих вселишася?» Они же к нему рекоша: «Адаму бо, праотцу нашему, преступившу заповѣди Божию, изгнану бывшу и в той отокъ всельшуся, и бысть 100 лѣтъ в том отоце, на рай же позирая всегда плакашеся, красныя доброты райския поминая. И ту два сына роди, Каина и Авеля. И сих любвѣ дияволь позавѣдев, братъ на брата сотвори, Каин уби Авеля. Скорбию же великою оскорбися праотець нашъ Адамъ и прабаба наша Евва, и райское изгнание поминающе и на рай позираше, сына своего Авеля мертва пред собою зряще, плачуще всегда. Содѣтель всѣхъ, небу и земли творецъ и господь, неизреченную жалость и безмѣрную скорбь праотца нашего Адама видѣвъ, глас

Александр же сказал им: «Ничего от вас не требую, как на чудо пришел посмотреть на вас. Скажите мне, как имя мое узнали?» Они же ему сказали: «Имя твое много лет назад сообщил нам царь Ираклий. А о приходе нашем сюда расскажем тебе. Ираклий-царь с царицей Семирамидою у эллинов царем был, в Тракинской земле царствовал, которая у вас называется Македонией. И когда нечестие многое ту землю постигло, ложь, клятвопреступление и кровосмешение, царь Ираклий, видя это нашествие народов на землю, сказал: „Для многоумного мужа царские дворцы ничто, лучше в пустыне жить, ибо мудрый среди людей Соломон говорит: «Лучше мужу от тяжелых напастей страдать, чем человеческие беззакония терпеть»”. И, сказав это, Ираклий тысячу кораблей построил, и, праведных и честных людей земли своей собрав, с женами и детьми их, в корабли их поместил, и сам с царицею своею от нечестия и беззаконий бежал, и, целый год по морю проплавав, земли достиг, где ты столпы нашел и статую золотую видел. И тут много лет царствовал Ираклий-царь сладко и добро с царицею Семирамидою. Но оба легли и умерли. Нас же в земле той без главы оставили, все корабли спалив, чтобы мы в землю беззакония не вернулись. Мы же к прежним злым нравам вернулись, и разгневался Бог на нас за беззаконие наше, и предал нас нападению диких людей; царство наше они разорили и многих из нас убили. Мы же, не зная, как во вселенную вернуться, и в царстве своем не имея возможности жить из-за тех людей, здесь поселились и питаемся плодами этого острова, философией и книгами утешаемся. И нечего тебе у нас взять, разве что мудрецов наших». Александр удивился их жизни и сказал: «Поистине нет на земле ничего почтеннее, чем разум слова, ибо человек на земле достойнее многих тысяч бесценных камней и жемчуга. Мудрый Соломон пишет: „Муж мудрый — сокровище неисчерпаемое, мудрому мужу ничто не изменит, муж мудрый над множеством людей властвует”». И, сказав это, Александр шесть философов с собой взял и с острова ушел.

Уходя он спросил их: «Что находится впереди?» Они ему сказали: «Ничего нет впереди, кроме Макаринских островов в Океане-море, где люди блаженные живут, что нагомудрецами называются, так как они от всех страстей свободны». Александр спросил философов: «Откуда они на острова эти пришли?» Они сказали: «Когда Адам, праотец наш, преступил заповедь Божию и из рая изгнан был, на острове том поселился, и пробыл сто лет на острове том, и, на рай глядя, всегда плакал, прекрасные красоты райские вспоминая. Здесь двух сыновей родил, Каина и Авеля. И, любви их дьявол позавидовав, брата против брата восстановил, и Каин убил Авеля. Печалью великою опечалились праотец наш Адам и праматерь наша Ева, и, изгнание из рая вспоминая, на рай глядя и сына своего Авеля мертвым перед собою видя, плакали непрестанно. Создатель всего, творец неба и земли, неизреченную печаль и безмерную скорбь праотца нашего Адама видя, глас ему послал: „О порожденные землею, из праха

к нему посла, глаголя: „О земнороднии, о перьстнии создани первии челоуѣцы, Адаме и Евво, почто смерть Авелеву скорбите? Во второе пришествие мое паки востати имают”. Авеля в землю вкопати повелѣ. На его же мѣсто другаго сына роди, мужа праведна и благочестива умомъ, всегда благая мысляща, именовемъ Сифа. Адам же изо отока того позираше, о изгнании поминаше всегда. Ангел же к ним рече: „Адаме, здѣ всегда во злосердии пребывати имаеши, но отсюду изыди и во вселенную поиди; 7000 лѣтъ преидет, тогда опять узриши рай”. Адаме со Еввою изо отока того изведе и Сифа, сына их, и с чады своими во отоце семь остави. И тии суть наги мудрецы, от Сифа родишася, Адаму внуцы суть, якоже и мы, намъ братия суть 6 дней ходу до нихъ есть».

Александръ же с вои своими поиде, *отока же некоего малаго* достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свой во злате на столпѣ высококомъ постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 дней прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бяше ту, за ту же гору челоуѣкъ привязанъ бяше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажен в вышину, 200 сажен ширина. И сего Александръ видевъ, ... подивися, и к сему не смѣюще приступити. Плачущу бо челоуѣку тому, за 4 дни глас его слышати. И тако же к горѣ велицей пришедше, жену велику обретохом веригами привязана, 1000 сажен в долготу и 200 сажен толстоту; змѣй же великъ от ногу свился, за уста держаше ю, глаголати не дасть. Тако 8 дний прешедше, ѣзеро много и змѣй много бысть, яко муки, в нихже грѣшнии челоуѣцы мучитися имут.

И ту Александръ с вои своими станомъ ставъ, плоты повелѣ сотворити, во оток Макаринский хотя поити, Филона же с собою поим, тамо преѣха. Видѣвъ же во отоце томъ древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зрѣяху, друзии же цветяху, инии презреваху, плода же ихъ множество на земли лежаху. Птицы же краснии на древехъ различными сладкими пѣсни пояху. Под листвием же древъ тѣх людие лежаху и источницы сладкими ис коренни тѣхъ древъ течаху. Внутри же вшедъ Александръ, одинаго их сrete и рече: «Миръ тебѣ, брате». Он же ко Александру рече: «Всѣмъ радость буди, Александру, суетнаго света царю». Александръ же к ним глаголати хотѣ, они же не хотѣша, ко Александру рекоша: «Ко старѣйшим нашим внутри поиди, они тя вземше, ко старѣйшинам приведут, Иованту. Он тебѣ вся о души твоей и о смерти скажетъ, и о животѣ нашем, и животѣ вашемъ, и о всѣх, яже увѣдати хочеть». Александру внутри шествующу, множество людей тых сретяху его и в лице его целовахом, и вси ему хождение, иже о немъ, прорицаху. Се видѣвъ Александръ подивися, боги же мнѣвъ быти, а не челоуѣки. И тако ему вещающе, ко Иованту царю своему ведяху его.

Иовант же бѣ под нѣким древом лежа; вода же красна близу течаще; простер же его и покровъ от листвия древ тых. Иовантъ же Александра видевъ, главою покивав и рече: «Что к намъ пришел еси, неуставнаго суетнаго свѣта

созданные, первые люди, Адам и Ева, зачем о смерти Авеля скорбите? Во второе пришествие мое воскреснуть должны”. И повелел Авеля в земле похоронить. А вместо него другого сына родил Адам, мужа праведного и благочестивого умом, всегда доброе мыслящего, по имени Сиф. Адам же, с острова этого глядя, об изгнании всегда вспоминал. И сказал ему ангел: „Адам, ты здесь всегда в унынии пребывать будешь; уйди отсюда, пойдя во вселенную; когда семь тысяч лет пройдет, тогда опять увидишь рай”. И Адама и Еву с острова этого вывел, а Сифа, сына их, с чадами его оставил на острове этом. Они и есть нагомудрецы, от Сифа родившиеся, внуки Адама, как и мы, и нам братья. Шесть дней хода до них».

Александр со своим войском некоего малого острова достиг, высокого весьма. И, взойдя на него, статую свою из золота на столпе высоком поставил, держащую меч в правой руке, которым указывала она на Македонские острова. Оттуда пошел с войском своим и, пройдя шесть дней, некоего места достиг. Гора высокая была тут, и к той горе человек привязан был железными цепями: очень высокий, тысяча сажений в высоту и двести сажений в ширину. Видя его, Александр удивился, и не смели они к нему подойти. И плакал тот человек — четыре дня голос его еще слышали. И, к другой огромной горе придя, жену огромную нашли, цепями привязанную, тысячу сажений в длину и двести сажений в ширину; и змей большой о ноги ее обвился, за уста держал ее, говорить не давая. Пройдя восемь дней, озеро увидели, и много змей в нем было, — это место мучений, где грешные люди мучиться должны.

Здесь Александр, с войском своим лагерем став, плоты велел делать, к Макаринскому острову собираясь плыть, и, Филона с собой взяв, на остров приехал. Увидел на острове том деревья весьма высокие и красивые, плодами украшенные, — одни из них зрели, другие цвели, иные же перезрели, и множество плодов на земле лежало. Птицы красивые на деревьях разные сладкие песни пели. Под листвою же тех деревьев люди лежали, и сладкие источники из-под корней тех деревьев текли. Войдя в глубь острова, Александр встретил одного из этих людей и сказал: «Мир тебе, брат». Он же Александру сказал: «Всем радость да будет, Александр, суетного света царь». Александр с ними говорить хотел, они же не хотели, сказав Александру: «К старейшим нашим пойдя, они приведут тебя к Иованту. Он тебе все о душе твоей и о смерти скажет, и о нашей жизни, и о вашей жизни, и обо всем, что ты хочешь узнать». Когда же Александр шел внутрь, множество людей тех встречали его и целовали, и все прорицали о походе его. Видя это, Александр удивлялся, думая, что это боги, а не люди. И, говоря ему все это, они к Иованту, царю своему, его вели.

Иовант же лежал под неким деревом; прекрасная вода недалеко текла; постель его и покров из листьев деревьев тех были. Иовант, увидев Александра, головою покачал и сказал: «Что к нам пришел ты, царь изменчивого и суетного

царю?» И сего примъ за руку, близ себѣ посади. Александръ же близ сяде. Иовантъ же главу его примъ руками объят и сию сладко обლობызавъ, рече: «Радуйся, всѣхъ главъ главо, егда бо весь миръ и свѣтъ примеши, и к тому господарства своего и отечества не узриши; но егда вся земьская приобретаеши, тогда ада наслѣдиши». И се слышав Александръ оскорбися душою, ко Иованту рече: «Почто сие слово рече ми?» Иовантъ рече к нему: «Велеумну мужю не подобает толковати». Александръ же рече к нему: «Аще велиши, да принесем ти, что потребно, иже в нашей земли». Они же вси рекоша: «Дай же намъ бесмертие». Александръ же рече к нимъ: «Смертен есми самъ, како вамъ бесмертие дамъ?» Александръ Филону повелѣ хлѣбъ чистъ принести и вино. Иовантъ же виде, ничтоже не приять, но рече: «Не намъ есть сия пища, но вамъ; намъ пища от дрѣва сего, питие от воды». И много ему дивныхъ речей исповѣда. Александръ подивися, проплакавъ рече: «Воистинну, сии челоуѣцы божественное житие живут». Ко Иованту же рече: «Откуда сии здѣ вселишася?» Он же к нему рече: «Адамовы внуцы есми, якоже и вы. Адамъ бо отсюду отшедъ, мы здѣ остахомъ, сынове Сифовы есмо мы, сына Адамова, иже ему вмѣсто Авеля дастъ ему». Иовантъ же ко Александру рече: «Почто перские ризы носите и различная брашна ясте?» И много с ним глаголюще о всемъ бяху. Александръ же рече: «Скажите ми, како вы рожаете, занеже женскаго пола не вижу у вас». Иовантъ же рече к нему: «Есть у насъ жены, но не здѣ, во иномъ отоку есть, но егда единова к нимъ приходим, и с ними бывше 30 дний и опять возвращаемся; егда же кому родится отроча, по томъ не сочетается уже к жене. Младенцу же 3 лѣта минет..., мы к себѣ возмемъ мужеский полъ, а женский з женами есть». Александръ же к нему рече: «Хотѣлъ быхъ отока того видети, аще вамъ годно есть». «Отока доидеши, но ничтоже тамо узриши, здѣ бо дошел, внутрь не глядай, не будетъ бо челоуѣкъ живъ, толко внутрь поглядает». Александръ же, воставъ, во отокъ онъ поиде и обрѣте в немъ изъдъ мѣден, яко градъ, и около обшедъ, внутрь позрѣти не смѣя, Богу единому возможно, челоуѣку же ни единому.

Столпъ во отоце томъ поставити повелѣ и себѣ на немъ в злате написати повелѣ, словеса же греческая на немъ написа: «Александръ, царь македонский, иже весь свѣтъ прешедъ и до отока того донде, и Макаринский отокъ видѣхъ, и ту елинскихъ боговъ не видѣхъ и не обретохъ, яко елиньстии бози в дальнихъ ада, а тартаре, в геоне мучими суть со дияволомъ повелѣниемъ Бога Саваофа. Да аще другий кто приидетъ во отокъ сий, на вся глядай, *внутр же не поглядай*, Богу бо единому возможно, челоуѣку же ни единому приступно». И тако в Макаринский отокъ внииде. Макарии бо по сербьскому языку наричютца блажени. Ко Иованту приступивъ, Александръ рече: «Возвести ми, многомудрый блаженный Иованте, что напредѣ есть?» Он же к нему рече: «Река сия, в нейже отоцы наши есть, Акиянь наричется, всю вселенную та обтечетъ и вси реки в ню текутъ. По оной же странѣ гору, яже зриши, овошми различными

мира?» И, взяв его за руку, рядом с собою посадил. Александр сел рядом. Иовант же, голову его руками обняв и ее сладко поцеловав, сказал: «Приветствую тебя, всех глав глава, ведь когда всем миром и светом овладеешь, государства своего и отечества больше не увидишь; и когда все земное приобретешь, тогда ад унаследуешь». Услышав это, Александр опечалился душою и спросил Иованта: «Зачем это сказал мне?» Иовант сказал ему: «Многоумному мужу не следует разъяснять». Александр сказал ему: «Если велишь, принесем тебе, что нужно, из того, что есть в нашей земле». Они же все сказали: «Дай нам бессмертие». Александр ответил: «Я сам смертен, как вам бессмертие могу дать?» И велел Филону чистый хлеб принести и вино. Иовант же, увидя это, ничего не взял, но сказал: «Не для нас эта пища, а для вас; наша пища — от дерева этого и питье — вода». И много ему удивительного рассказал. Александр удивился и со слезами сказал: «Поистине эти люди божественной жизнью живут». Иованта же спросил: «Как вы здесь поселились?» Он же ему ответил: «Адамовы внуки мы, как и вы. Когда Адам отсюда ушел, мы здесь остались, сыновья Сифа мы, сына Адамова, который вместо Авеля дан был ему». Иовант спросил Александра: «Зачем вы персидскую одежду носите и разнообразные яства едите?» И много с ним говорил обо всем. Александр спросил: «Скажите мне, как вы рождаетесь, ибо женского пола не вижу у вас». Иовант сказал ему: «Есть у нас жены, но не здесь, а на другом острове, однажды к ним приходим и, с ними пробыв тридцать дней, возвращаемся; когда же у кого-то родится дитя, больше не сочетается с женою. И когда младенцу три года будет, мужского пола мы себе берем, а женский с женами остается». Александр сказал ему: «Хотел бы я остров тот увидеть, если вы позволите». — «Острова этого достигнешь, но ничего там не увидишь, ибо, до него дойдя, внутрь не смотри, потому что не останется человек живым, если внутрь посмотрит». Александр встал, и к острову тому отправился, и нашел там сооружение из меди, подобное стене, и, вокруг нее обойдя, внутрь посмотреть не смел, Богу это только можно, а людям — никому.

Александр столп на острове том поставить велел, и себя на нем в золоте изобразить, и надпись по-гречески на нем сделал: «Александр, царь македонский, который весь свет прошел, и острова этого достиг, и Макаринский остров видел, и тут эллинских богов не нашел, потому что эллинские боги повелением Бога Саваофа в глубинах ада, в тартаре, в геенне мучатся с дьяволом. И если кто другой на остров этот придет, на все пусть смотрит, внутрь же не заглядывает, это только Богу возможно, для людей же недоступно». И на Макаринский остров вернулся. «Макарии» же по-сербски значит «блаженные». К Иованту придя, Александр спросил: «Скажи мне, многомудрый блаженный Иовант, что впереди?» Тот ему ответил: «Река, в которой острова наши находятся, Океаном называется, всю вселенную обтекает, и все реки в нее впадают. На этой стороне ее — гора, которую ты видишь, плодами разными

украшену, то есть мѣсто вами зовомо Едемъ, иже Господь Богъ Саваоф искони лѣтомъ насади рай на востоце. И ту Адама, праотца нашего, вселил бяше. Он же завистию дияволею испаде, заповедь Божию преступити, из рая изгнанъ есть». Александръ же к нему рече: «Могу ли, дошед, рая видети?» Иовантъ же к нему рече: «Не имат душа во плоти рая видети, горою бо великою мѣдяною огражденъ есть, во вратѣхъ же его шестокрилатии херувими с пламенными оружии стоятъ. Но поиде, Александре, откуда пришел еси, послѣдуй же четыремъ рекамъ, иже от рая идут; во вселенную поиди, иного паче сихъ видети не можешъ. Рекамъ же симъ имена суть: Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ*». Александръ же из отока поиде, вси его любезно целоваху. Александръ же к нимъ рече: «Аще не бы ми скорбъ за македонян, яко в чюжих землях погинуть, здѣ с вами остал бых, и во второе пришествие Божие близу рая обрелся бых». Иовантъ к нему рече: «Поиди с миромъ, Александре, все примь землю, самъ в нее приидеши».

И на десную страну устремися со востока. И тако оттоле поиде Александръ с войском своимъ, 10 дней прешедъ, поля нѣкоего доиде, ровъ глубок на поли томъ обрѣте. И сего преити не могъ и комару на немъ *гвоздѣну* сотвори, и ту войско свое преведе вся, на комаре слова написа греческии, египетски и перска: «Александръ царь на край земли дошед и по сей комаре войско свое преведе». И оттуду четыре днии прешед, темную землю наиде.

И ту со избранными македоняны на кобылах, имѣющих *жеребцы*, жеребцы же на станохъ остави, они же в темность внидоша. И ночь ходиша едину. Антиоху же лечити войско повелѣ. Сам же рече к нимъ, пошедшимъ, чтобы всякий челоуѣкъ взял, хто что возмет, камен или древо ли, или персть. И хто повелѣние сотвориль, много злата изнесоша, а хто повелѣния не сотвориль, и тые много и каялися, изнесоша бо каменя драгаго и бисер великий и протчая.

И оттоле четыре дни идоша и сretoша Александра двѣ птицы челоуѣкообразни и к нему рекоша: «Александре царю, почто гнѣвъ *наносиши* на себѣ в земляхъ сих? Но поиди немедля, ждет тебѣ Индѣя вся и Пор великий; господарство же его пришед разрушити имаши. И на десную страну походи и дивнейшее первых узриши».

СКАЗАНИЕ О ЕЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМУ СУХИЕ РЫБЫ, И О СПОЛИНАХЪ, И О СОЛНЕЧНОМЪ ГРАДЕ, И О ОДИНОГИХ ЛЮДЕХ

Александрю же идущу от темные земли 6 дней, езера нѣкоего дошед, и ту станомъ своимъ стаха и ясти искати начаша. Кухор же Александров, повар, рыбы сухие омыти во езере томъ хотя, егда же ихъ в воду измочи, и рыбы сухие

украшенная, — это есть место, называемое вами Эдемом, где Господь Бог Саваоф в начале времен создал рай на востоке. И тут Адама, праотца нашего, поселил. Он же по зависти дьявола пал, заповедь Божию преступив, и из рая изгнан был». Александр же спросил: «Могу ли я рай увидеть?» Иовант сказал ему: «Не может душа во плоти рай увидеть, ибо великой горой медной огражден он, в воротах же его шестикрылые херувимы с пламенным оружием стоят. Иди, Александр, туда, откуда ты пришел, следуй течению четырех рек, которые из рая текут; во вселенную пойдя, ничего больше этого увидеть не можешь. Имена рекам этим — Гион, Фисон, Тигр, Евфрат». Александр с острова пошел, и все его любезно целовали. Александр же сказал им: «Если бы не забота моя о македонянах, чтобы они в чужих землях не пропали, здесь с вами остался бы я и во второе пришествие Божие рядом с раем находился». Иовант ему сказал: «Иди с миром, Александр, всей землею овладев, сам в нее придешь».

И направился Александр направо от востока. И, пройдя оттуда с войском своим десять дней, Александр поля некоего достиг, на котором был глубокий ров. И чтобы через него перейти, мост железный сделал и по нему войско свое провел все, на мосту же надпись сделал по-гречески, по-египетски и по-персидски: «Царь Александр до края земли дошел и по этому мосту войско свое перевел». И оттуда четыре дня пройдя, до темной земли дошел.

И тут избранные македоняне на кобылах, имеющих жеребят, в темноту вошли, а жеребят в лагере оставили. И ночь одну ходили там. Антиоху же Александр лечить войско велел. А сам сказал тем, кто туда пошел, чтобы всякий человек взял бы что-нибудь — камень, или дерево, или землю. И те, кто повеление исполнил, много золота вынесли, а кто повеления не исполнил, те сильно раскаивались, потому что исполнившие повеление вынесли драгоценные камни и жемчуг крупный и прочее.

И оттуда четыре дня шли они, и тогда встретились Александру две птицы человекообразные, и они ему сказали: «Царь Александр, зачем гнев на себя навлекаешь, пребывая в этих землях? Иди не медля, ждет тебя Индия вся и Пор великий; придя, господство его разрушишь. Вправо иди и более удивительное, чем прежде, увидишь».

СКАЗАНИЕ ОБ ОЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМ РЫБ, И ОБ ИСПОЛИНАХ, И О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ, И ОБ ОДНОНОГИХ ЛЮДЯХ

И когда Александр шел от темной земли шесть дней, до озера некоего дошел, и тут они лагерем стали, и начали искать, что поесть. Повар же Александра хотел вымыть в озере сушеных рыб, — когда же их в воду опустил,

ожища и во езеро втекоша. Александръ же се слышавъ и подивися и войску всему купатися повелъ, и с конми их искупавшися, вси здрави и крѣпцы быша.

И оттоле дванадесять дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахаръ. При край же его ходи Александръ, купатися хотя. И се рыба из езера того исхожаше; Александръ же видев побеже, рыба же гонящи его и сунуся на брегъ на сухо... Александръ же рыбу тое ухватив и распластал, наиде во чреве ея камень яко гусиное яйцо, свѣтлостию же яко солнце сияше; Александръ же за фонаря мѣсто на копьи посреди войска ставляше. В ту же ночь жены от езера того исходяху, и около войска хожаху, и дивными нѣкими чюдными гласы красно и жалостно пояху. Сих македоняне слышавше, дивляхуся шесть дний. И оттоле пришедше, на мѣсто нѣкое лужно доидоша. И ту человекы на них востаха, от пояса къ горѣ человекъ, и от пупа долу конь, исполнини сии наричуются. И сих множество бысть, и Александра наѣхаша, *стрѣлы ношаше и луки*. Стрѣлы же ихъ гвоздзя не имѣяху, но увѣрчено в стрелахъ от камени адаманта. Сих видевъ Александръ повелъ ровъ великъ копати, и тростием и травою повелъ покрыти, и на бой ихъ повелъ поманити. Они же на бой приидоша, хитрости на себя не вѣдуще. Александръ же на нихъ поиде с войском и многих от нихъ уби, инии мнози в ровъ впадоша, десят тысячъ живыхъ ухватиша и во вселенную изведе; толико они борзи бяху, яко ничему у нихъ утечи, и такови они стрелцы бяху, яко ничтоже грешаху. И симъ Александръ оружия направи, стрѣлы и мечи научи ихъ носити, и много ему на бранехъ помогаху. Егда же ихъ во вселенную приведе и вѣтру студену дохнувшю на нихъ, вси изомроша. Александръ же оттоле сто дний пришед, ко предѣломъ вселенскимъ приближися.

И ту в Солнечный градъ прииде и в солнечный храмъ уклонися. Писмена же ту наиде, иже о смерти его написано. И оттуду десят дний пришед, и люди изнаиде о единой ноги, одеяния же в нихъ овчии бяху. И много ихъ ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же вопроши ихъ: «Что есте вы?» И рекоша они: «Александрѣ царю, умилися о насъ, отпусти насъ, немощи ради нашей вселихомся в пустыняхъ сихъ». Александръ же пустити повелъ. Они же, отшедше, на высоты горъ въздоша, по камению скачюще, начаша смѣятися, глаголюще: «О безумный Александре, како всѣхъ премудрил еси, мы же тебе премудрихом. Како бо насъ пустилъ еси, мяса бо наша слаждыши всѣхъ мяс, кожа наша тако тверда есть, яко желѣзо не имет; богатства же у насъ много есть, бисера великаго и камения многоцѣннаго нѣсть числа». Александръ же посмеявся и рече: «Поистиннѣ, всяка сонца отъ языка своего погибаетъ». И се рекъ, войску своему без оружия направитися повелъ, и на гору ону с войскомъ взошедъ, и около горы обшедъ, двѣ тысящи живыхъ ухватиша, и в станы ихъ приведоша; и съ ихъ кожи веляше одирати, и кожи сушити повелъ. Мясъ же персомъ и египтомъ ѣсти дасть. В ложищахъ ихъ множество камени многоцѣннаго изнаиде, без числа. И тако

рыбы ожили и в озеро уплыли. Александр, услышав об этом, удивился и всему войску купаться велел, и, вместе с конями своими искупавшись, все здоровы и крепки были.

И пройдя от того места двенадцать дней, на другое озеро пришел Александр, в котором вода была сладкой, как сахар. По берегу его он ходил, собираясь искупаться. И вдруг рыба из озера того выскочила; Александр, увидев ее, побежал, рыба же преследовала его и бросилась на берег. Александр схватил рыбу, разрезал и нашел в чреве ее камень с гусиное яйцо, который светился как солнце; Александр его вместо фонаря на копье посреди войска ставил. В ту же ночь жены из того озера вышли и около войска ходили, дивными, чудесными голосами красиво и печально пели. Македоняне, услышав, дивились этому шесть дней. И оттуда пришли в некое лесистое место, и там люди на них напали — выше пояса люди, а от пупа вниз — кони, исполинами они называются. И много их было, на Александра напали, стрелы имея при себе и луки. На стрелах же их не было железных наконечников, но прикреплены к стрелам наконечники из камня адаманта. Увидев их, Александр велел большой ров выкопать, и тростником и травою его прикрыть, и на бой их велел выманить. И они на бой пришли, о ловушке, сделанной для них, не зная. Александр с войском на них напал и многих убил, а много других в ров упало, десять тысяч их живыми схватил и во вселенную привел; настолько они быстры были, что никто не мог от них убежать, и такие они были стрелки, что никогда не промахивались. Их Александр оружием снабдил, стрелы и мечи научил их носить, и много они ему в битвах помогали. Когда же во вселенную их привел и холодный ветер подул на них, все они умерли. Александр же, пройдя от того места сто дней, к пределам вселенной приблизился.

И тут в Солнечный город пришел, и в храм Солнца вошел, и нашел тут письменна, в которых о смерти его было написано. И оттуда десять дней пройдя, встретил одноногих людей, одеяния же у них были овечьи. И много их схватили, и к Александру привели. Александр же спросил их: «Кто вы такие?» И сказали они: «Царь Александр, смилуйся над нами, отпусти нас, из-за немощи своей поселились мы в этих пустынях». Александр велел их отпустить. Они же, отойдя, на вершины гор взойшли и, по камням прыгая, начали над Александром смеяться, говоря: «О глупый Александр, всех перехитрил ты, а мы тебя перехитрили. Как же ты отпустил нас, когда мясо наше лучше всех мяс, а кожа наша настолько тверда, что ее железо не берет; и богатств у нас много — крупному жемчугу и камням многоценным нет числа». Александр посмеялся и сказал: «Поистине всякая сойка от языка своего погибает». И, сказав это, войску своему велел приготовиться к бою без оружия, и, на гору с войском взойдя и окружив ее, две тысячи живыми схватили и в лагерь их привели; и велел с них кожи сдирать и эти кожи сушить. Мясо же их персам и египтянам дал есть. В логовищах их много камней драгоценных нашел — без числа.

шесть дней прешед, на индѣйские предѣлы прииде. И ту Александръ смеяся, многа мѣсяць бо имѣяще не смѣявся, отнелѣже смерть проповѣдана, оттоле всегда жалостень бѣше. Всякий бо человекъ, смерть свою проповѣдав, жалостию радость пременяет.

На предѣлы же индѣйские прииде, Поръ же, великий царь, слышав, вѣстника посла ко Александру и листъ, имѣющъ сице: «Поръ, великий индѣйский царь, точен индѣйским богом, Александру, македонскому царю, пишу. Яко перскаго царя Дария смерть превознесена тя много сотвори, от безумия своего сие претерпѣти имаеши. Не вѣси бо, пред силою моею не может тя укрыти вся вселенная? Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ. Да буди доволен блудостию своею, прощения от мене прияти молися, и дани, еже от земля взялъ еси, принеси ми, сам же в Македонию втецы, животомъ своимъ промышляй. Аще ли сему не увѣришися, некому в Македонии укрытися не можеши, но и во вселенной не укryешися». Скоро листъ Александръ прочеть к Пору другой писа: «Александръ, царь над цари, не своимъ храброванием, но Божиимъ промышлениемъ, великому Пору индѣйскому пишу. Ты ко мнѣ пишеша, яко Дариево убиеие мене превознесе. Ведомо да есть тобѣ, Дарий богомъ подобляшеся, якоже и ты, азъ же боги ваша победихъ. Ты же не велиши себѣ противитися, ащѣ богъ силнѣишии, почто Дарию не поможе, аще ли можаше или не смѣя? Азъ с помощью Бога Саваофа не яко на бога, но яко на наемника человекъ иду, и человекъ бо недостойнъ Богомъ нарещися быти, Бога никтоже николиже видѣ. Ты же свою силою на бой иди, яко да болшия чести македонянъ сподобиши, толикою храбростию разбити тя имамъ. Аще ли живаго ухватимъ тя, не у Макаринский отокъ послати имамъ, иже боги твои тамо мниши быти, но во адъ, долнейшая земли и с ними мучитися имаеши, они бо суть тамо в геоне, якоже мнѣ Иовантъ, макаринский царь, сказа. Буди доволенъ оброки своими».

И тотъ листъ послу Порову Александръ дал, а самъ же листъ к матери своей Алимпияде и учителю своему Аристотелю писа в Македонию: «Александръ царь Алимпияде царицы и матери моей, радоватися пишу и Аристотелю и казателю моему. Четыре бо лѣта преминуша, мати моя, отнелѣже к вамъ не писахъ, сердоболству о семь вамъ много же лѣта мню, и мыслями многими обуреваемы есмь, якоже корабль нѣкими многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за васъ. Много бо васъ во снѣ видехъ, к вамъ сердечнымъ обычаемъ влекомъ бѣ и жалостныхъ васъ, и радостныхъ видехъ. Умъ бо во снѣ многожды течеть и зрѣть далняя мѣста. Тако от сна воставъ, ложное его мечтание и видѣние упустивъ, и жалостенъ обема бывахъ, от сна же воставъ прелестна, немало скорбенъ буду. Тако бо вси стражутъ, иже сердечную любовь имѣють. Вѣмъ бо ты едиородну сыну неизреченную любовь имѣти; твою бо любовь, иже ко мнѣ, мое извѣстуетъ сердце, сердцу жалость и *радость* указываетъ. Да о семь вѣсѣмъ согрѣшении милостива буди и согрѣшения наша прости; *не убо от нелюбве*, писахъ вамъ, пропуща-

И, пройдя шесть дней, к индийским границам пришел. Тут Александр сделался весел, хотя много месяцев до этого не смеялся, — с тех пор как о смерти своей узнал, всегда печален был. Ведь и всякий человек, о смерти своей узнав, от радости к печали переходит.

И когда он на границы индийские пришел, Пор, великий царь, услышав об этом, вестника к Александру послал с грамотой: «Пор, великий индийский царь, равный индийским богам, Александру, македонскому царю, пишу. Смерть персидского царя Дария много тебя превознесла, и из-за глупости своей ты пострадаешь. Не знаешь ли, что от войска моего не может укрыть тебя вся вселенная? Ибо, когда я разгневаюсь, вся поднебесная противостоят мне не может. Оставь глупость свою, моли прощение от меня принять, и дани, что от земель взял, принеси мне, сам же в Македонию беги, о жизни своей заботясь. Если же этому не подчинишься, не только в Македонии не сможешь укрыться, но и во вселенной не укроешься». Александр быстро грамоту прочел и к Пору свою написал: «Александр, царь над царями, не своею доблестью, но Божиим промыслом, великому Пору индийскому пишу. Ты мне пишешь, что победа над Дарием меня превознесла. Знай, что Дарий уподоблял себя богам, так же как и ты, я же богов ваших победил. Ты не велишь тебе сопротивляться, но если ты сильнее богов, почему Дарию не помог, или же мог, но не посмел? Я же с помощью Бога Саваофа на тебя не как на бога, но как на подвластного человека иду, ибо человек недостойн называться Богом, Бога никто никогда не видел. Ты же со всею силою своею на бой иди, чтобы тем большей чести македонян удостоить — с тем большею храбростью разобью тебя. Если живым тебя схватим, то не на Макаринский остров пошлем, где, ты думаешь, боги твои пребывают, но в ад в глубинах земли, и с ними вместе терпеть муки будешь, ибо они там, в геенне, как мне Иовант, макаринский царь, сказал. Будь доволен оброками своими».

И эту грамоту Александр дал послу Пору, сам же письмо матери своей Олимпиаде и учителю своему Аристотелю написал в Македонию: «Царь Александр царице Олимпиаде, матери моей, и Аристотелю, наставнику моему, приветствие пишу. Четыре года минули, мать, как я вам не писал, сердцем болеете об этом вы много лет, думаю, и мы мыслями многими обуреваемы, и как корабль, многими обуреваемый волнами, так сердце наше потоплено печалью о вас. И часто вас во сне, сердечной привязанностью к вам влекомый, видел и печальных, и радостных. Ибо ум во сне далеко простирается и видит далекое. И, ото сна восстав, обманчивое видение упустив, печалью объят был, и, от сна восстав обманного, в немалой скорби буду. И так страдают все, кто сердечную любовь имеет. Ибо знаю твою неизреченную любовь к единородному сыну, и о твоей любви ко мне мое сердце свидетельствует, любовь сердцу печаль и радость указывает. И по этому всему к согрешению нашему милостива будь и согрешения наши прости нам; ибо не от нелюбви, как я уже писал вам,

ти к вамъ книг не могох. С востока бо идохом, во Индѣйскихъ странахъ стахом; да елика дивная прилучишася, се съ вамъ листъ скажет. Вѣсте бо, яко преже вамъ писах, яко перское царство прияхомъ и царя ихъ убихомъ, дщер его поях жену себѣ и вкупе македоняне с персы соединих. И тако всихъ сихъ поимъ, во Иерусалимъ придох. Люди же града того в великаго Бога вѣрующе изнаидох и сего сильнейша Бога паче всѣхъ боговъ вашихъ видех. И поклонихся ему и вѣровах в него. Имя же есть ему Богъ Саваоф, невидим же есть человѣческимъ очима, но умомъ единымъ едва доведомъ есть. И оттуду востах, во Египетъ придох и ту египетскаго *царя* обретох на столпѣ, иже царство свое остави и в чужю отбѣгъ землю. Имѣя разумъ, да разумѣеть. И ту еллинские боги похулих, и от серафимъ славимаго Бога Саваофа помощьюъ вооружився, и с Персиды на край земли ходих. Отнелъ же к вамъ писах, страны и мѣста прешедъ нужно и сильно, горы непроходны и поля презрѣма, и дивии же челоуѣкъ доидох, иже нѣкогда великаго и сильнаго Сонхоса царя *разбише*... *И ту образъ Сънхоса цара* обретох на столпѣ высоце златомъ искуснымъ написан. И на томъ столпѣ высоце разбой его выписанъ бысть, како его дивии челоуѣцы разбиша. Азъ же помощьюъ Бога Саваофа ихъ разбих. И оттуда воставъ с войскомъ своимъ, луги многи преидох, ширина ихъ день ходу, и тако до царства Раклиева и Семирамиды доидох. И образы ихъ на столпѣхъ высокихъ на злате написаны быша. И оттуда воставъ, к востоку доидох и челоуѣки различни наидох, 6 рукъ и 6 ногъ имяху, и звѣри, ихже не возмогахъ исписати к вамъ. И тако к Макаринскимъ отокамъ идох, и ту боги ваша искахъ видети, и ни единого же не обретох, но паче и макаринский царь с клятвою возвести ми, яко еллинские боги в долнейшихъ ада мучими суть вси. И отоки ихъ прешедъ и мѣста глядахъ, идѣ же праотець нашъ Адамъ жилъ быше, иже Едемъ наричется, в немъ же Богъ рай насади на востоце. Азъ же восхотѣхъ итти тамо, мнѣ же макаринский царь не даваше итти тамо и глаголя: „Не можетъ челоуѣкъ во плоти рай видети, пламеннымъ же оружиемъ стрегомъ есть, и опалити тя имать”. И се слышавъ, азъ во вселенную возвратихся и, не вѣдущимъ намъ, рекамъ послѣдовахомъ четыремъ, иже от рая во вселенную текутъ, и на десную страну шестви творяще, за годъ во вселенную изыдохомъ, и на землю Индѣскую, на индѣйскаго царя Пора идохомъ и вонъ сотворити с нимъ мыслимъ, яко да скорѣе сотворится повелѣние. И здравствующи буди, госпоже мати моя, с моимъ казателемъ Аристотелемъ и намъ о собѣ писуйте».

СКАЗАНИЕ, ЕГДА ПРИИДЕ АЛЕКСАНДРЪ НА ИНДѢЙСКАГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИ ЕГО

Поръ же индѣйский царь, по вселенней войско свое собравъ и преписати повелѣ и обрѣте ихъ 1000 тысячъ и десят тысячъ лвов, иже быше на брань учинены ходити. И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы,

посылать письма я не мог. С востока идем и в Индийской стране остановились; все удивительное, что случилось, это письмо вам расскажет. Вы уже знаете, так как я писал вам прежде, что персидское царство мы покорили и царя их убили, дочь же его я взял в жены себе и вместе македонян и персов соединил. И с ними в Иерусалим пришел. И узнал, что люди этого города в великого Бога веруют, и увидел, что это самый сильный Бог, сильнее всех богов ваших. И я поклонился ему, и уверовал в него. Имя ему — Бог Саваоф, невидим человеческими глазами, но умом только постигаем. И оттуда в Египет пришел, и тут египетского царя увидел на столпе, того, что царство свое оставил и в чужую бежал землю. Имеющий разум да разумеет. И тут эллинских богов отверг, и, помощью Бога Саваофа, славимого серафимами, вооружась, из Персиды к краю земли ходил. С тех пор, как писал вам, страны и места пройдя трудные, горы непроходимые и поля необозримые, до диких людей дошел, которые некогда великого и сильного Сонхоса-царя убили. И статую царя Сонхоса нашел на высоком столпе, из чистого золота сделанную, и на том столпе высоком о поражении его написано, как его дикие люди разбили. Я же, помощью Бога Саваофа, их разбил, и, оттуда пойдя с войском своим, леса многие прошел, ширина которых — день хода, и до царства Ираклия и Семирамиды дошел. И статуи их на столпах высоких из золота сделаны были. И оттуда к востоку отправился и нашел разных людей, шесть рук и шесть ног у них было, и зверей, которых описать вам не могу. И Макаринских островов достиг, и здесь богов ваших хотел увидеть, и ни одного не нашел, напротив того, макаринский царь, поклявшись, сообщил мне, что эллинские боги в глубинах ада терпят муки. И, острова эти пройдя, видел место, что Эдемом называется, где праотец наш Адам жил, в котором Бог рай посадил на востоке. И когда я хотел пойти туда, мне макаринский царь не велел, говоря: „Не может человек во плоти рай видеть, ибо пламенным оружием охраняется он, и оно опалит тебя”. Услышав это, я во вселенную возвратился, и, не зная пути, мы следовали по течению четырех рек, что из рая во вселенную текут, и, в правую сторону идя, через год во вселенную вышли, и на землю индийскую на индийского царя Пора идем, и в битву с ним вступить думаем, чтобы скорее исполнилось повеленное. И в здравии пребывайте, госпожа моя мать, с моим наставником Аристотелем, и нам о себе пишите».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ АЛЕКСАНДР НА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИЛ ЕГО

Пор же, индийский царь, со всей вселенной войско свое собрал и смотр ему сделать велел, и было у него войска тысяча тысяч и десять тысяч львов, обученных для войны. И когда эту несказанную силу Порову увидели македо-

убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору, индѣйскому царю. И рекоша: «Сами живот свой испросимъ у него», в Македонию бежати помышляху. Птоломѣй же, воевода Александровъ, сие слышав, Александру исповѣда. Александръ же, сие слышав, войску свою къ собѣ призвав и к ним рече: «О любимии македоняне и велемошнии, всѣхъ языкъ силнейшии и лутчии витязи, таковы свѣтъ приемше и всесилнии победивше десница, а ныне от нехрабрых и непотребныхъ убоястеся индѣянь. Не токмо они насъ изести имуть, яко вамъ мнитца. Да аще вас омерзил есми, вы сами убийте мя. Аще ли вамъ Поръ что сотворити может, самъ аз к нему добра вашего для иду. Но вѣдомо вамъ есть, македоняне, аще Александра изгубите, некому Македонию узрите, но порабощение языкомъ всѣмъ будете и злѣ в чужих землях умрете. Не такую бо честь вы у отца моего Филипа и от всѣхъ языкъ имѣете, якоже вы со мною нынѣ царствуете. Вѣдомо да есть вамъ, яко мнѣ 3 лакти доволе есть земли, вы же во вселенней укрытися не можете. Вѣдомо да есть вамъ, яко отколе невѣру сию ко мнѣ прикажете нынѣ, на конец лѣтомъ поработитися имате государство ваше перьскому языку и вас всѣхъ до конца погубивше и отчинную вашу и землю и Македонию примуть. Азъ же нынѣ к Пору самъ иду на бой, аще сего убию, то аз есми побѣжая землю, а не вы; аще ли мене убьет онъ, вы вси злѣ имате умрети». Македоняне же, сие слышавше и много плакавшя, ко Александру приступиша и рекоша: «Великий царю Александре, буди намъ вкупе с тобою умрети, нежели жити без тебѣ много. Невѣрство же сие не мы приказали есми, но невѣрнии, нехрабрии перси, суседи бо тии индѣяномъ и устрашают нас. Нас бо индѣяне добре знают». И сие Александръ слышавъ и на персы разгнѣвався и в женские свиты облече ихъ и убрусы женские на главы постави всѣ.

И тако на бой направитися повелѣ всѣмъ. И войско свое переписав и обрѣте 6000 тысячей. И тако листъ в Персиду писа к Филону, послал бо бѣ его к Роксаны царицы и персы господствовать: «Александръ, царь над цари, моему любимому Филону. Вѣдомо есть тобѣ, яко всю приемше землю, здрави до Индѣи доидохом и сугуб с Пором, индѣйскимъ царемъ, стоимъ. Да в кий час листъ мой примешь, в той час со всѣмъ войскомъ западнымъ на Индѣю гряди, ко мнѣ же вѣстника пошли, яко да азъ отсюда на него поиду». Александръ на бой к Пору поиде. И сставшимася двема войскома, Поръ напередъ 10 000 лвовъ пусти; Александръ же противу их буиныхъ воловъ неускихъ пусти. Ллове же с ними сразившеся и паки на свое войско возвратишася. Александръ же своему на три части разделитися повелѣ. На бой идоша, трубамаъ ратнымъ великим ударившимъ, съхавшеся. Поръ во окол свой отъиде, Александръ такоже. И в том бои Поровыхъ убиша двѣсте тысячъ людей, Александровыхъ тридцатъ пять тысячъ, македонянь 500. Се же Поръ видѣвъ, войско свое прииде и всѣмъ рече: «О велемошнии велможи, саратаи индѣистии, се с македоняны бившеся, приразихомся, да что сотворимъ к тому?» Они же к нему рекоша: «Великий царю Поре, некому людей посылай на брань, но великии лепанди и дивнии

няне и другие народы, то сильно испугались, думали Александра выдать Пору, индийскому царю. И сказали: «Сами жизнь свою выпросим у него», в Македонию думая бежать. Птоломей же, воевода Александра, узнав об этом, Александру сообщил. Александр, услышав об этом, войско свое к себе призвал и сказал: «О любимые и могучие македоняне, всех народов сильнейшие и лучшие витязи, вы весь свет завоевали и сильнейших врагов победили, а теперь испугались трусливых и немощных индийцев. Не могут они нас победить, как вам это кажется. И если я опостылел вам, то сами меня убейте. Если же вы ждете от Пора добра, то сам я к нему ради вашего блага пойду. Но знайте, македоняне, если Александра погубите, Македонию больше не увидите, будете в порабощении у всех народов и бесславно в чужих землях умрете. Не было такой чести вам при отце моем Филиппе от всех народов, как теперь, когда вы со мною царствуете. Знайте, что мне трех локтей земли хватит, а вас вся вселенная не укроет. Знайте, что, раз вы измену эту явили ныне, в конце времен станет подвластным государство ваше персам, и, вас всех погубив, отеческую землю вашу, Македонию, они захватят. Я же теперь к Пору иду на бой, если его убью, то я победитель всей земли, а не вы; если же он меня убьет, то вы все бесславно умрете». Македоняне, слыша это, плакали и, обступив Александра, сказали: «Великий царь Александр, лучше нам вместе с тобой умереть, чем без тебя жить долго. Измену же эту не мы проявили, но изменчивые, трусливые персы, соседи они индийцам, и пугают нас. А нас индийцы уже знают». Услышав это, Александр на персов разгневался, в женские одежды одел их и платки женские на головы им повязал.

И велел он к бою всем готовиться. Войско свое осмотрел, и было у него шесть тысяч тысячей. И грамоту в Персиду написал к Филону, которого послал прежде к царице Роксане, чтобы персами правил: «Александр, царь над царями, моему любимому Филону. Знай, что, всю покорив землю, мы до Индии дошли и против Пора, индийского царя, стоим. И как только грамоту мою получишь, тотчас со всем западным войском в Индию иди, а ко мне пошли вестника, чтобы я против Пора вышел». И Александр на бой с Пором пошел. И когда сблизились два войска, Пор выпустил вперед десять тысяч львов; Александр же против них много буйволов неприрученных пустил. Львы с ними сразились и возвратились к своему войску. Александр войску своему на три части разделить велел. Пошли они на бой, и, когда в трубы военные затрубили, съехались оба войска. Потом Пор в лагерь свой отступил, Александр тоже. В этом бою у Пора убили двести тысяч людей, а у Александра тридцать пять тысяч и македонян пятьсот. Узнав об этом, Пор к войску своему пришел и сказал: «О могучие вельможи, сатрапы индийские, вот с македонянами бились мы и побиты ими, что сделаем теперь?» Они же ему ответили: «Великий царь Пор, не людей посылай на бой, а больших слонов и диких львов». И Пор привел сто тысяч слонов, что

ллове». Поръ же 100 тысяч лепандъ приведе, рекше слоны, и ковчеги на них древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадесят человекъ вооруженных, и на бой на Александра пошли. Александръ же повелъ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бой к нимъ борзо поиде, людей же пѣших оруженных двѣсте тысяч поведе, ноги слонем подсекати повелъ. Слонове же прапорный звукъ слышавше, уполошишася и побегоша. И ту Поровых людей Александръ уби 400 тысячъ, Александровых же убиша 1000 и 500. И Поръ все свое войско возьмъ, реку преиде, нарицаемую Алфион,* с корабли же сию реку прехождаху. И Поръ на берегу реки со всѣмъ войскомъ стоя со всѣми силами своими.

И в той час Филон от Персиды с великою силою приспѣ ко Александру, с тысячью тысяч людей вооруженных, и 100 тысяч коней зобных Александру приведе, 1000 тысячъ камелий, иже на потребу, и принесе ему дядиму многоцѣнну и стему безцѣнну от Роксаны царицы, и 1000 литръ злата. И ту стоя Филонъ, рече: «Милый мой государю и всѣмъ царемъ царю, великий хинкире, и наасаре,* Александре царю, не подобает намъ противу индѣйскому царю Пору много корисмати, но скоро на них наѣхавше, яко не на храбрых и не искусных быти». Александръ же о пришествии Филонове радостень бысть велми. Филоново же пришествие увѣдѣвше, македоняне охрабрившеся велми, индѣяне же слышавше, страх великъ объять их. Филон же ко Александру рече: «Великий царю Александре, елико Поръ противъ насъ стоитъ, толико войско его храбрейши бываетъ; да пусти на них мене с покойнымъ войском моимъ». Александръ же к нему рече: «Порово войско силно есть велми, река же сия непроходна есть конскими ногами». Филон же к нему рече: «Македонский десницы непоколебими суть, македонским же конем ниедина река не стоит. Нароком же твоимъ облещи мене и молитвою твоею облещи мене, и на Пору пусти мене, много бо может нарокъ силнаго господина и честна; нарокомъ твоимъ, Александре, и горы не стоят и реки, ни луги. Ниподобно тебѣ с Пором битися, много бо царей подручных тобѣ есть, якоже Поръ; мнѣ подобает с ним битися, а не тебѣ, он бо есть индѣйский царь, аз же по твоей милости перский господинь есмь, перское бо господство индѣйскому равно есть». Александръ же к нему рече: «Како реку преидеши?» Он же к нему рече: «Якоже ты узриши». И Александръ дасть ему 1000 тысячъ людей оруженных и пѣших другую 1000 тысячъ. Филон же повелъ всякому воиннику пѣшего за собою на конь взяти с мечем. И стоящим; и егда войско Порово нача объдати, тогда Филон со всѣмъ войском удари в реку и сию из мѣста изгнаша на поле пред ними, сквасишася мнози, заднии же посуху преидоша. Прешедшим же реку, пѣшии с коней сседоша, и на околъ наѣхавше, съчу велику сотвориша конницы и пѣшии. Александръ же Филонове храбросте подивися и тако сотвори, якоже Филон, реку преиде. Индѣяне же много бившеся и побегоша. Александръ же сихъ постизая, многих убивая и иных живых ухватиша. Порово войско 1000 и 500 людей убиено бысть. Пору же из боя бежашу и тако, плача, глаголаше: «Увы

значит «слонов», и башни на них деревянные сделал, и в каждой башне было по двадцать человек вооруженных, — и они на бой с Александром пошли. Александр же велел своим воинам на коней колокольчики повесить, и на бой быстро пошел, и пеших воинов двести тысяч повел с собою, которым ноги слонам подрезать велел. Слоны, услышав звон колокольчиков, испугались и побежали. Здесь у Пора Александр убил четыреста тысяч, у Александра же убили тысячу пятьсот. Пор, все свое войско взяв, переправился через реку, называемую Алфион, — на кораблях через эту реку переправлялись. И Пор на берегу реки со всем своим войском стоял, со всеми силами.

И в это время Филон из Персиды с огромной силою пришел к Александру с тысячею тысяч воинов, и сто тысяч коней откормленных Александру привел, тысячу тысяч верблюдов для разных нужд, и привез ему диадему многоценную и венец бесценный от царицы Роксаны и тысячу мер золота. И, стоя перед Александром, Филон сказал: «Милый мой государь и всем царям царь, великий хонкиарь и наасарь, царь Александр. Не следует нам, стоя против индийского царя Пора, долго медлить, но сразу на них нападём, как на трусливых и плохих воинов». Александр приходу Филона рад был весьма. Македоняне, узнав о приходе Филона, стали храбрее, а индийцы, услышав о нем, страхом были объаты. Филон же Александру сказал: «Великий царь Александр, пока Пор против нас стоит, то и войско его храбро; но пусти на них меня с отдохнувшим войском моим». Александр сказал ему: «Войско Пора сильно, а река эта непроходима для конских ног». Филон же ему сказал: «Македонские воины непоколебимы, а македонским коням ни одна река не страшна. Славою же твоею одень меня и молитвою твоею покрой меня, и пошли меня против Пора, ибо многое может слава сильного и достойного государя; славе твоей, Александр, ни горы не противостоят, ни реки, ни леса. Не подобает тебе с Пором сражаться, ибо много царей подвластных у тебя таких, как Пор; мне подобает с ним сразиться, а не тебе, ибо он индийский царь, я же, благодаря твоей милости, персидский государь, а персидское владение индийскому равно». Александр ему сказал: «Как через реку перейдешь?» А он ему ответил: «Увидишь как». Александр дал ему тысячу тысяч всадников и еще тысячу тысяч пеших воинов. И Филон велел каждому всаднику пешего за собой на коня посадить с мечом. И так они стояли; когда же войско Пора начало обедать, Филон со всем войском бросился в реку и ее из русла вытеснили в поле перед ними, многие вымокли, а задние посуху перешли реку. Когда же переправились, пешие воины с коней сошли, и напав на лагерь, в битву вступили и конные, и пешие. Александр храбрости Филона подивился и, сделав то же, что и Филон, реку перешел. Индийцы после долгой битвы побежали. Александр, преследуя их, многих убил, а других в плен захватил. Из войска Пора тысяча пятьсот людей убито было. Пор же с боя бежал и, плача, говорил: «Увы мне, несчастному, сильные пали, а немощные перепоясались силою; македонский царь силу

мнѣ, окаянному, како силнии падоша, а немощнии препоясашася силою; како македонский царь Дариеву силу победивъ и у космы мои, яко чинакъ, увязе и силу мою разруши. Сих ни Афилонская река воздержати возможе». Александръ на околь Поровъ наиде, пленити землю индѣйскую посла. Поръ же в *столной* во град свой вниде и ко околнимъ языком посла и глаголя им: «Вѣдомо да есть вамъ, друзи мои и братия моя, яко вселенную примъ и Дария царя убивъ, Александръ, македонский царь, и до нас доиде; трижды мя разби и силу мою разруши, на Афилон реку пришед, и землю мою пленити. Да молюся вамъ на помозь мнѣ прити, аще бо меня разорит, вы постояти пред нимъ на можете». Се же слышавше языцы, иже на сѣверной странѣ, в той час Пору на помозь приидоша, бысть же их 6000 тысячей, Поровых 4000 тысячей, Александровых же 1000 тысячей. Обои же направишася, на бой приидоша.

Ставшимъ супротивъ двема войска, Александръ же Филону повелъ в посолство поити к Пору с листомъ, имѣющъ сице: «Александръ, наакаръ, великий хонкиаръ, Пору индѣйскому царю, пишу радоватися. Вѣдомо да есть тебѣ, яко преклонные главы ни меч не сечет; аще Дарий мнѣ поклонится... хоть, всему своему государь был бы и животъ имѣлъ бы. Да и ты сего гордыни подобяся превозносишися много, не вѣси бо, яко всякъ превозносяся смирится. Пизматор бо великъ индѣяном указался еси, и сих безумно на заколение приводиши. Да аще индияне тебѣ милы суть, мнѣ же македоняне милы суть, отнынѣ же довлѣтъ войском битися. Я и ты да ся биемъ, неподобно бо есть за Александра и за Пору всему свѣту погибнути и опустѣти; да аще ты мене убиешъ, государь всемъ моимъ будеши, аще аз убию тебѣ, по правде всей Индѣи буду государь. Аще ли животу своему радъ еси, буди государствуя землею своею, мнѣ же дани давай, войску... давай. Едино, кое годно ти есть, мнѣ отпиши». Сей же листь Филонъ вземъ и к Пору отиде. Поръ же сий листь перед индѣяны прочеть и радостен быв о семъ и рече: «Аз с тобою битися имам, а войски наши на сторонѣ стоят». И к Филону рече: «Ты ли перский государь, Дариевъ намѣстник перский?» Филон же рече: «Азь есми Филон, Дариевъ намѣстникъ, Александром любимый, персомъ государь и скорымъ Финикомъ и Линьской земли». Поръ же к нему рече: «Отнынѣ государствовати не может Александръ, от руки моя умрет, ты же животом своимъ промышляй и мой буди, и персомъ государь и от Индѣи дам ти 4 часть». Филонъ же к нему рече: «Я нынѣ государь персомъ, ты же ми 4-ю часть Индѣи даеши, Александръ всю Индию мнѣ далъ есть; егда сию приметь, тогда мнѣ в ней царствовати». Индѣяне же ту стоящи к Филону рекоша: «Почто тако силному царю говориши?» Филон же к ним рече: «Силнаго государя волен посол и вѣрен слуга и страха не имаеть». Поръ же к Филону рече: «Буди мой и дшер мою дам ти и по смерти моей всей Индѣи государя сотворю тя». Филон же к нему рече: «Вѣру ими ми, Поре, яко от любве Александровы *не может менѣ* разлучити весь поднебесный свѣтъ, *вес бо миръ* недостоинъ есть единаго власа от главы его

Дария победил и к волосам моим как репейник прилип, и силу мою разрушил. Их и Алфионская река удержать не может». Александр, заняв лагерь Пора, послал покорять землю Индийскую. Пор же, в столицу свою вернувшись, к соседним народам послал, сообщая им: «Знайте, друзья и братья мои, что, вселенную захватив и убив царя Дария, македонский царь Александр до нас дошел; трижды меня разбил и силу мою разрушил, к реке Алфион пришел и землю мою завоевывает. И прошу вас на помощь ко мне прийти, — ведь если меня победит, вы противостоять ему не сможете». Услышав это, северные народы тотчас пришли к Пору на помощь; было же их шесть тысяч тысячей, у Пора четыре тысячи тысячей, у Александра же одна тысяча тысяч. И, приготовившись, на бой вышли.

И когда встали друг против друга два войска, Александр велел пойти Филону послом к Пору с такой грамотой: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, Пора, индийского царя, приветствует. Знай, что склоненную голову и меч не сечет; если бы Дарий мне покорился, государем над всем своим был и жизнь сохранил бы. И ты, ему в гордыне уподобляясь, очень превозносишься, — не знаешь ли, что всякий возносящийся унижен будет. И большим врагом индийцев ты оказался, которых из-за безумия своего на смерть ведешь. И если индийцы тебе милы, — а мне македоняне милы, — отныне довольно войскам нашим сражаться. Мы с тобой будем сражаться, ибо не должен из-за Александра и Пора весь свет погибнуть и опустеть; и если ты меня убьешь, государем над всем моим будешь, если же я убью тебя, то по справедливости всей Индии государем стану. Если жизнью своей дорожишь, правь землю своею, а мне дани давай и войско. Что тебе из этого угодно, мне напиши». Эту грамоту Филон взял и к Пору пошел. Пор же ее перед индийцами прочел и, обрадовавшись, сказал: «Я с тобою сражаться буду, а войска наши пусть в стороне стоят». И к Филону обратился: «Это ты государь персов, преемник Дария?» Филон сказал: «Я — Филон, преемник Дария, любимец Александра, государь персов и сосед финикийцев и Лидонской земли». Пор же ему сказал: «Отныне Александр не будет править, так как от руки моей умрет; ты же, о жизни своей заботясь, на мою сторону стань и, оставаясь государем у персов, Индии получишь четвертую часть». Филон ему сказал: «Я ныне государь персов. Ты мне четвертую часть Индии даешь, Александр всю Индию мне дал; когда ее покорит, тогда мне в ней царствовать». Стоящие тут индийцы сказали Филону: «Как можешь так с сильным царем говорить?» Филон им ответил: «У сильного государя посол свободен, он верный слуга и страха не имеет». Пор же Филону сказал: «Стань моим, и дочь мою отдам тебе, и по смерти моей государем всей Индии будешь». Филон ему ответил: «Поверь мне, Пор, что весь поднебесный мир не может заставить меня отказаться от любви к Александру, потому что весь мир недостоин одного волоса с его головы». И, сказав это, Филон к

отпадающа». И се рек, Филон ко Александру отъиде, к Пору рекъ: «Поѣдь на бой борзѣе, ждѣть тебѣ Александръ во всем оружии, на великомъ кони сѣдя». И Александръ во оружии заѣха, Филона вопрошаше: «Какоевъ есть Поръ?» Филон же рече к нему: «Тѣла великаго есть, толстъ, но велми гнѣлъ; и поиди, убити его имаши, *нароку бо твоему Всевѣдый* помогаетъ». Александръ же, имя Бога Саваофа призвавъ, рече: «Боже великий, иже на святых почиваяй, помощник ми буди нынѣ на индѣйскаго Пора. Единъ святыи Господь Саваоф». И се рекъ, в руку копие примѣ, прямо к Пору поѣха. Пор же прямо ему поѣха с войски своими. И стѣкошася оба, копыи ударишася и копыи обломишася, рогатины исторгоша и с ними... сто крат ударишася, мечи исторгоша и сихъ притупиша. И тако приступивъ Александръ к Пору, рече: «Такова ли вѣра твоя, Поре, войско твое помощи тебѣ дает». Поръ же к войску озрѣвся, хотя их уставити. Александръ же к нему приспѣ, Дучипала коня острогами гараздо удари и к Пору скоро прискочи, и бурдуномъ его под десную пазуху удари и прободе его. Дучипал же коня его зубами за шею похвати и к земле его притище; Поръ же ис коня урвася и злѣ душу свою отдадѣ. Индѣяне же, сие видѣвше, начаша бѣгати. Александръ же поиде за ними, теряя их, 3 тысячи уби и многих живых похватиша. Тѣло же Порова вземъ, на златом одрѣ постави и в столный град его, во Илиюполь,* принесе. Царица же его Темиштра,* власы главы своея до земля распростерши и одеяние многоцѣнное на себѣ раздравши, со двемасты тысящи владыкъ с плачемъ великимъ и рыданиемъ тѣло Порова сретоша, жалостно его плакаша. Александръ же его повелѣ поставити на златом одрѣ и стему великую на главу его постави, и тако со всим войском оплака его и с честью великою вкопати повелѣ.

И ту Александръ 12 дний стоя, во Илиюполь вниде. И введоша его царство Порова, толико дивна внутрь его видѣ, *иже око не видѣ и ухо не слыше*. Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка велми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгом и каменнем украшени бяху; *и всех же великих царей боеве писаны в той полате и 12 месяцев в человеческих образехъ изваяни, бяху же 12 добродетелей человеческих изваяни в злате* женскими образы, всяко по своему подобию, и часовникъ мѣсячный и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху. И приведоша к нему 1000 тысяч коней зобных Поровых и 100 тысячъ фарижи индѣйскихъ под хакизмы серменем, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и коруну Порову от камня самфира, и перстенъ Поров многоцѣнный от аметиста камени, и блюд настольных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настольных многоцѣнных, с каменнемъ и з жемчюгомъ и златомъ украшенных 30 тысяч, и прочих вещей украшенных, иже нѣсть возможно исповѣдати. И ту Александръ годъ сотвори со всѣми войсками своими и любимаго Антиоха сотвори индѣяномъ гоподьствовати.

Александру отправился, сказав Пору: «Поезжай скорее на бой, ждет тебя Александр уже при оружии на своем великом коне». И Александр в своем вооружении выехал, и Филона спросил: «Каков Пор?» Филон же сказал ему: «Телом велик и толст, но гнил; иди, убить его должен, ибо судьбе твоей Всеведающий помогает». Александр же, имя Бога Саваофа призывая, сказал: «Великий Боже, почивающий на святых, помощником мне будь ныне против индийского царя Пора. Един свят Господь Саваоф». И, сказав это, в руку копьё взял, и поехал навстречу Пору. Пор же против него выехал с войском своим. И, сблизившись, копьями ударили друг друга, и копыя обломались, рогатины извлекли и ими сто раз сразились, мечи вынули и их притупили. Тогда приблизился Александр к Пору и сказал: «Так-то ты верен слову своему, Пор, — войско твое помощь тебе посылает». Пор на войско оглянулся, чтобы их остановить. Александр Дучипала сильно прищпорил, и, к Пору быстро подскочив, мечом его под правый бок ударил, и пронзил его. А Дучипал коня его зубами за шею схватил и к земле пригнул; Пор упал с коня и бесславно душу свою отдал. Индийцы же, увидя это, пустились в бегство. Александр пошел за ними, преследуя, три тысячи их убили и многих в плен захватили. И, взяв тело Пора, на золотом одре его положил, и в столицу его Илиюполь принес. Царица же его Клитемиштра, волосы свои до земли распустив и одеяние многоценное на себе разодрав, с двумястами тысячами вельмож с плачем великим и рыданием тело Пора встретила. Александр велел положить его на золотом одре, и венец ему на голову возложил, и вместе со всем войском оплакал его, и велел с большой честью похоронить.

Пробыв тут двенадцать дней, Александр в Илиюполь вошел. И когда ввели его в царство Пора, столь много дивного внутри он увидел, что ни око никогда не видело, ни ухо не слышало. Дворец Поров был в четыре полета стрелы длиною и очень широк, стены золотые, и кровля вся золотая, и столпы золотые, жемчугом и камнями украшены; и битвы со всеми великими царями изображены были во дворце, и двенадцать месяцев в образе людей изваяны были, и двенадцать добродетелей человеческих сделаны из золота в виде женщин, каждая так, как ей должно, и часовник месячный, и смена фаз луны вверху палаты той изображены были. И привели к нему тысячу тысяч коней тучных Поровых и сто тысяч коней индийских под сетчатыми попонами, привели ему сто тысяч охотничьих львов Пора, двадцать тысяч пардусов, принесли тысячу тысяч доспехов, и корону Пора из камня сапфира, и многоценный перстень Пора из камня аметиста, и блюдец настольных сто тысяч, бивней слоновых восемь тысяч, и многоценных кубков настольных, камнями, жемчугом и золотом украшенных, тридцать тысяч, и множество других прекрасных вещей, так что невозможно рассказать. И тут Александр год пробыл со всем войском своим и любимца своего, Антиоха, сделал государем над индийцами.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬХЪ, И О КНЯЗЕХ МНОГИХ,
И О ЖЕНАХ О МАЗАНЬСКИХ, И О ЕВРИМИТУ,
МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРИ, ИМЪЯ МНОГИ ЯЗЫКИ ПОД СОБОЮ
ПОГАНЫХ, ИХЖЕ АЛЕКСАНДРЪ ЗАЗИДА, И О КАНДАКИИ ЦАРИЦЫ
УСЛЫШИТЕ

Услышавше околнии цари разрушение Порово, сии приидоша мнози цари и князи, поклонишася Александру, и дары ему принесоша мнози. Александръ же на Мизаньскую землю* поиде, и повелъ Александръ град мизанский жен оступити и рвати крѣпко. И толики они жены рваху искусно из града, яко никомуже ихъ побороти могушу. Александръ же се слышав и подивися. Жены же оны посла послаша ко Александру с листомъ: «Вѣсть некако во уши наши прииде, о миродержече Александре царю, яко весь свѣтъ примь, з женьскимъ поломъ битися хочещи. Да сие намъ невѣрно мнитца, иже тобѣ с нами битися, не вѣси бо, что прилучится тобѣ. Аще бо нас разбиеши, малу честь обрящещи, аще ли мы тебе разбиемъ, велика ти срамота будет. Да молимся тебѣ, молбы наша не презри, но образ свой написав дай намъ вмѣсто тебѣ да над нами царствует. И к царству твоему дали есми дары многоцѣнныи, честнѣе злата и камени многоцѣннаго и бисера, и 100 жен и венец царицы нашаея Клитевре. И сии бо жены прекрасныи на потребу тебѣ и властелем твоимъ. Умилосердися о нас, малая наша приношения, яко вѣрных своих раб, *прими* и надежду намъ отпиши».

Листы же Александръ примь, красоту женъ тѣхъ видѣвъ и подивися. Листъ же к нимъ писа: «Александръ, царь над цари, сестрѣ моей Клитиврѣ, амизаньской царицы, пишу радоватися. Листъ вашъ примь и писания ваша узнах и на дарех ваших хвалю вас. Да не подобаще вамъ благообразных к нам посылати, мы бо вси мужи победители есми земьскии, како от женъ победитися хотѣхомъ. И копие мое к вамъ послах, да межи вами царствует в мѣсто мое. И 30 воиски тысяч людей ко мнѣ посылайте на помощь, имам бо поити на мерсилоньскаго* царя Евримиврата, моей не хотяща повинутися власти». Птоломѣй же, воевода его, ту стоя рече, яко глумно: «Царю Александре, дай же ми оными женами владѣти и царствовати; аще ми царства их не даси, и ты ми сих 100 дай, да их въ царство приведу». Александръ же о семъ насмеявся и рече: «Ты воевода силе моей еси, едина бо их довлѣеть тобѣ». Птоломѣй же рече к нему: «Александре царю, ты великъ, убоялся еси их».

И оттуду Александръ двигься на Евримитра, мирьсилоньскаго царя.* Евримиврат же, сие слышав, всю войску собра, 8 тысяч оруженных, на Александра прииде, и посылку посла, да стража Александрова ухватят. Александръ же Селевка посла воеводу съ 1000 тысячъ войски и в нѣкое мѣсто скрытиса повелъ ему. Емиврат же с войскомъ своимъ на войско Александрово прииде. Селевкъ же его напрасно срѣте и разби ихъ и живаго его ко Александру приведе, Александръ же главу ему отсеци повелъ.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЯХ И КНЯЗЬЯХ МНОГИХ,
И О ЖЕНАХ МАЗАНЬСКИХ, И О МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРЕ ЕВРЕМИТЕ,
ИМЕВШЕМ ПОД СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ НЕЧИСТЫЕ НАРОДЫ,
КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР ЗАКЛЮЧИЛ, И О ЦАРИЦЕ КАНДАКИИ
УСЛЫШИТЕ

Когда услышали соседние цари о поражении Пора, пришли к Александру многие цари и князья, и поклонились ему, и дары принесли многочисленные. Александр же на Мазаньскую землю пошел, и велел город мазаньских жен осадить, и воевать с ними упорно. Но столь эти жены искусно оборонялись, что никто победить их не мог. Александр, услышав это, удивлялся. А жены эти послали к Александру посла с грамотой: «Весть наших ушей достигла, о миродержец царь Александр, что ты, весь мир покорив, с женским полом сражаться хочешь. Но думаем, что тебе не следует с нами воевать, ибо не знаешь, что тебя ожидает. Если нас победишь, немного тебе от этого чести будет, а если мы тебя победим, то большой позор тебе будет. И просим тебя, не откажи нам в мольбе нашей и образ свой пришли нам, чтобы он вместо тебя над нами царствовал. А тебе мы даем дары многоценные честные — золото, драгоценные камни и жемчуг, сто жен и венец царицы нашей Клитевры. Жены эти прекрасные для тебя и твоих вельмож. Смилуйся над нами, малое наше приношение как от верных рабов своих прими и обнадежь нас своим ответом».

Александр принял грамоту, а красотой тех жен удивлен был. И грамоту в ответ написал: «Александр, царь над царями, сестру мою Клитевру, мазаньскую царицу, приветствую. Грамоту вашу получил, и написанное вами знаю, и за дары ваши благодарю вас. Но не следовало вам красивых жен к нам присылать, ибо мы победители всех мужей на земле и не хотим, чтобы жены нас победили. Копье мое к вам послал, пусть среди вас царствует вместо меня, и войско тридцать тысяч ко мне присылайте на помощь, так так хочу пойти на мерсилонского царя Евремита, не желающего мне подчиниться». Воевода Птоломей, стоя тут, сказал в шутку: «Царь Александр, сделай меня царем и владетелем над этими женами; а если же царства их не дашь, так хоть этих сто дай, чтобы я их проводил». Александр посмеялся и сказал: «Ты воевода всего войска моего, а одной из них достаточно, чтобы победить тебя». Птоломей же ответил ему: «Царь Александр, велик ты, а испугался их».

И оттуда Александр пошел на мерсилонского царя Евремита. Евремит, узнав об этом, все войско свое собрал, восемь тысяч воинов, и навстречу Александру пошел, и послал людей, чтобы передовой отряд Александра захватили. Александр отправил воеводу Селевка с тысячью тысяч войска и в некоем месте укрыться велел ему. Евремит с войском своим выступил против Александра, но Селевк неожиданно напал на него, разбил и, взяв его в плен, к Александру привел, и велел Александр голову ему отсечь.

Языцы же сии невѣрнии от странъ слышавше и убояшася и к сѣверной странѣ побегоша; Александръ же побиваше их до высокихъ великихъ горъ, иже холми Сѣвернии зовутся, и ту мѣсто видѣвъ подобно, заидати их повелѣ, яко да ктому во вселенную не изыдутъ. И ту ставъ, Богу помолися и невидимымъ тваремъ,* рекъ: «Боже вышнии, услыши мя в час сий, нѣсть бо тебѣ, иже невозможно, той бо рече, и быша, и ты повелѣ, и создашася; ты бо еси единъ, предвѣчный, безначальный, невидимый Богъ, и твоимъ повелѣниемъ и твоимъ именемъ сотворихъ вся си и предал еси в руке мои весь миръ; да молю всехвалное имя твое, сие прошение мое сотвори и сими двема горама повелѣ соступитися». И в той час оный двѣ горы сступишася, на 12 локоть близу не сстася. Александръ же видѣвъ прослави Бога, врата же мѣдная великая сотвори, ту *замаза* сунклитом.* Сунклит же есть такового естества, ни огонь его похватити можетъ, *ни желѣзо*. Внутри же вратъ за три поприща купину насади; и ту поганья языки заклеи. Врата же та Аспидьска нарицаются. Сут же языцы ти, иже заклеи Александръ: готти, магогги,* анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занериниди, теани, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглави, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Сии же языцы погании бяху, и сихъ Александръ заклеи за великаго ради поганьства ихъ. И оттуду паки во вселенную возвратися, многи грады и острова примѣ.

Слышавше же пришествие его Клеопила Кандакия, царица амастридонская* ... изуграва хитра послав Александровъ образъ исписати. Сей же, исписавъ, Кондакии принесе. Царица же красоту образа видивши, подивися, и в ложни его храняше; Александрову хитрость разумѣла бяше, како самъ во всякии грады исходникъ творяшеся и како Дариево царство приялъ бяше, посол себѣ творя. Сие слышавши, Клеопила Кандакия царица ухватити его надѣяшеся. Сему же бывшу, Александръ до царствия Кандакии царицы приспѣ. Каньдакия же царица Пору, индѣйскому царю, сватья бѣ, сынъ бо ея Карторъ Порову дочь понялъ. Александръ же к Амастридоньской земли приближися. Сие слышавъ, агримьский царь Кандавлус, сынъ Кандакии царицы, от царствия своего побеже со женою и со имѣниемъ своимъ и к матери своей Клеопиле Кандакии, царицы амастридонской. Евагридъ же, силурьский царь,* видевъ его от Александрова страха бежаша, воста на нь и разби, и жену его и дщерь и все имѣние его взять. Кандавлусъ же со стом конникъ въ Мастридонъ к матери своей *побеже*. Стражи же Александровы ухватиша его и вопрошашу его: «Кто, откуда еси?» Он же имъ всю истинну сказа. Они же, поимше его, ко Александру приведоша его. Александръ же сие слышавъ, яко Кандавлус, Кандакии царицы сынъ, ухвачен бысть, и скрыся, и вмѣсто себѣ Антиоха воеводу на престоле царскомъ посади, сам же, яко единъ от властелеи, Антиоху предстояше, хотяше бо Амастридонское царство исходити. Антиоху же рече: «Прикажи его мнѣ, да аз пред тобою поставлю его и о всемъ его ропрошай, и мнѣ его предай блюсти». И тако Антиох повелѣ Кандавлуса привести. Александръ же шед, приведе пред Антиоха. Кандавлуса

Нечистые же народы, услышав это, испугались и к северу побежали; Александр преследовал их до высоких гор, которые Северными холмами называются, и видя, что место подходящее, велел их там запереть, чтобы они больше во вселенную не вышли. И тут став, помолился Богу и невидимым силам, сказав: «Всевышний Боже, услышь меня, ибо нет для тебя невозможного, что ты сказал, то и стало, ты велел — и создалось; ибо ты единый, предвечный, безначальный, невидимый Бог, и твоим повелением, и твоим именем сделал я все это, ты дал в руки мои весь мир; молю всехвальное имя твое, просьбу мою исполни и этим двум горам вели сойтись». И тотчас две горы сошлись, на двенадцать локтей друг до друга не дойдя. Увидев это, Александр прославил Бога, и ворота медные сделал тут, и замазал их сунклитом. Сунклит же имеет такое свойство — ни огонь его не берет, ни железо. За воротами же в три поприща терновник посадил; и так заключил нечистые народы. И те ворота Аспидскими называются. Вот какие народы заключил Александр: готти, магогги, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглавые, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Это были нечистые народы, и их Александр заключил по причине их нечистоты. И оттуда опять во вселенную возвратился, многие города и острова покорив.

Услышав о его приходе, Клеопила Кандакия, амастридонская царица, искусного художника послала, чтобы он написал портрет Александра. Тот написал и принес Кандакии. Царица же, красоту его видя, удивлялась и в спальне своей этот портрет хранила; знала она о хитрости Александра, что он сам на разведку в разные города ходит и что получил царство Дария, побывав там под видом посла. Зная об этом, царица Клеопила Кандакия надеялась захватить его. В то время Александр царствия царицы Кандакии достиг. А царица Кандакия Пору, индийскому царю, сватьей была, так как сын ее Картор дочь Пору взял в жены. Александр подошел к Амастридонской земле. Узнав об этом, агримский царь Кандавлус, сын царицы Кандакии, из царства своего бежал вместе с женой и богатством к матери своей, Клеопиле Кандакии, амастридонской царице. Евагрид, силурский царь, видя его бежащим из-за страха перед Александром, вышел против него и разбил, и жену его, и дочь, и все богатства его взял. А Кандавлус с сотней всадников в Амастридон, к матери своей, бежал. Воины же Александра захватили его и спрашивали: «Кто ты и откуда?» Он же сам им все о себе рассказал. Они привели его к Александру. Александр же, услышав, что Кандавлус, сын царицы Кандакии, схвачен, вместо себя воеводу Антиоха на царском престоле посадил, а сам как один из вельмож перед Антиохом стоял, ибо хотел в Амастридонское царство сходить и его разведать. И Антиоху сказал: «Прикажи, чтобы я его перед тобою поставил, и о всем его расспроси, и мне его передай». Антиох велел привести Кандавлуса. Александр пошел и привел его к Антиогу. Кандавлуса же Антиох спрашивал:

же Антиохъ вопрошаше и глаголя: «Откуда бежа мнѣ в руке впаде?» Он же рече: «От страха твоего бежахъ к матери моей, амастридонской царицы Кандакии. Евагрид же, сумежникъ мой силурьский царь, воста на мя и разби мя и все имение мое взя, и жену, и дщерь мою. Азъ же яко единъ от боя оттокохъ и на твой наидох стражи; и они мя ухвативше и к тебѣ приведоша. На мнѣ ... *свершился днес* нѣкоего злочестиваго челоуѣка притча, иже ото лва бѣгая и на древо высоко збѣже, на край езера стоящее, и на россоху вместилися, отъ страха лвова обезпечалився, и на верхъ древа выше себѣ погляда и змя увидѣ, хотяща его поглотити, и в недоумѣнии быв и рече, восплакався: „Злочестивым всемъ вся неволная прилучаются”. И се рекъ, во езеро скочи, глаголя: „Лутче мнѣ есть от коркодила во единъ часъ изъедену быти, нежели ото лва или от змеи горкую смерть примати”. Также и мнѣ прилучися, Александре царю: от страха твоего бежалъ и на стражи твои ударихся». Антиох же, на царскомъ престолѣ сядя, Кандавлусу рече: «Злочестивым же вся многа зла наносятъ и от нихъ на поконь умирають. Ты же, злочестне, отколе се еси на мене намѣрилъ, азъ бо тобѣ жену твою возвратити имамъ и дщерь твою и имѣние твое все, и все свое возми и мене гостя имѣй и приятеля». И рекъ, глаголя ко Александру: «Антиоше воевода, войско мое взем, на Евагрида, силурскаго царя, поиди; да аще Кандавлусову жену и дщерь з добромъ вратить, имѣние их все, привед его ко мнѣ на вѣру, аще ли не возвратит всего, его и всю землю его плени и грады его разбий и связанна приведъ его ко мнѣ. И егда сие свершиши, тогда к матери его, Клеопиле, царицы Кандакии мастридоньской, в посольство послати ты имамъ». Кандавлусъ же сие слышав и клабукъ снемъ, Антиоху на ногу падъ поклонися, Александра его мня быти, речи: «О великий царю Александре, всѣх ли неволных ты милуеши, и тако за толику добродѣтель всему свѣту царя Богъ тебѣ сотвори; да отколе образ твой сподобихся видети, всю прилучившую ми ся скорбь радостию изменихъ». И се рекъ Кандавлус, Антиоху поклонися. Александръ же за руку его примъ, во околъ свой отъиде.

И на Евагрида поиде, силурскаго царя, и взя с собою избранных воинник 400 тысяч. Идущим же имъ путем, Александръ Кандавлусу глаголаше: «Аще жену твою возму и тобѣ в руку дамъ, что ми от тебѣ добро будет?» Кандавлусъ же к нему рече: «Нѣсть возможно языкомъ изглаголати толика добра учинившу, все бо имѣние тобѣ дамъ и мою главу в руке твои дамъ. Елика возможна ти есть, потшися за мя, да что егда отсюду возвратимся, тогда Александра молити имамъ, яко пустить тебѣ в посольство к матери моей Клеопиле. И возмездие великое и дары что сотворит ти и третiego сына сотворити ты имать тебя собѣ». Приспѣвши же во Евагридову землю, на три полки войско разделивъ: 100 тысяч войска на плѣнь в землю пусти, и 100 тысячъ на Евагрида посла, и 100 тысячъ в лугу близ града скры. Челоуѣка же в земли той ухвати и листъ ему даде и рѣчми ко Евагриду научи: «Вѣдомо да есть тобѣ, Евагриде царю, яко Александръ, царь царемъ, всей земли государь

«Откуда бежал и как в руки мои попал?» Тот сказал: «Страшась тебя, бежал к матери моей, амастридонской царице Кандакии. Евагрид же, сосед мой, силурский царь, напал на меня и разбил, и все богатства мои взял, и жену, и дочь мою. Я один с боя убежал и твоих воинов встретил; они меня схватили и к тебе привели. На мне исполнилась ныне притча о некоем злосчастном человеке, который, убегая от льва, влез на высокое дерево, стоящее на берегу озера, и, на ветвях его поместившись, от страха перед львом избежал, но, на верх дерева, выше себя, посмотрев, змея увидел, собирающегося его проглотить, и, не зная, что ему делать, воскликнул: „Со злосчастливыми все беды случаются”. И, сказав это, в озеро прыгнул, говоря: „Лучше мне крокодилом в один миг съеденным быть, чем от льва или от змея принять горькую смерть”. Так и со мною случилось, царь Александр: испугавшись тебя, я бежал и на воинов твоих натолкнулся». Антиох, на царском престоле сидя, сказал Кандавлусу: «Злосчастливым все беды выпадают, и от них они наконец умирают. Ты же, злосчастный, поскольку ко мне попал, от несчастья избежал, я тебе жену твою возвращаю, и дочь твою, и все богатства твои, все свое получишь, а я буду твоим гостем и другом». И сказал Александру: «Воевода Антиох, войско мое возьми и на Евагрида, силурского царя, пойди; и если жену Кандавлуса, и дочь, и богатства его добром вернет, приведи его ко мне для примирения, если же не возвратит, то всю землю его покори и города его разори, а его связанным ко мне приведи. И когда это исполнишь, к матери его Клеопиле Кандакии, амастридонской царице, послом тебя пошлю». Услышав это, Кандавлус клобук снял и Антиоху в ноги поклонился, думая, что это Александр, и сказал: «О великий царь Александр, всем несчастным ты помогаешь, и за столь великую добродетель всего света царем Бог тебя сделал; поскольку же я тебя удостоился видеть, то все мое горе в радость для меня обратилось». И сказав это, Кандавлус Антиоху поклонился. Александр же, за руку его взяв, в лагерь свой отвел.

И пошел на Евагрида, силурского царя, взяв с собою четыреста тысяч отборных воинов. И когда они шли, Александр Кандавлуса спросил: «Если жену твою возьму и в руки тебе передам, чем отблагодаришь меня?» Кандавлус же ему сказал: «Невозможно словом выразить то, чем обязан буду тебе, столько добра сделавшему, все богатство мое тебе отдам и голову свою в руки твои отдам. Сколько можешь, постарайся ради меня, и когда отсюда возвратимся, то Александра просить буду, чтобы отправил тебя послом к матери моей Клеопиле. И она вознаграждение великое и дары даст тебе, и третьим сыном у нее будешь». И когда дошли до земли Евагрида, Александр разделил войско на три полка: сто тысяч войска пленить землю послал, сто тысяч на Евагрида и сто тысяч в дубраве около города спрятал. И жителя той земли захватил, и, грамоту ему дав, научил его, что нужно сказать Евагриду: «Знай, царь Евагрид, что Александр, царь царей, государь всей земли и всего света, до этих мест

и всему свѣту, до здѣ прииде. Непреломѣство твое видя и худое поношение твое, Антиоха воеводу прислал есть здѣ, и тако тебѣ глаголетъ: „Дани к намъ принеси и жену Кандавлусову, и дщерь, и все имѣние его возврати. Аще ли сего не сотвориши, смертью злою умрети имаеши”». Евагрид же, се слышав, исходники посла на Александра. Исходницы, к нему пришедше, рекоша: «Мало войско Антиохово есть». Евагрид же, сие слышав, на бой ко Александру поиде. Александръ же войско сокровено из лугу изведе, Евагрида разби; Евагрид же, страха Александрова убояся, самъ на мечъ налегъ, прободеса. Александръ же на град пришедъ, до конца его разби, и имѣние его взял, и жену Кандавлусову и дщерь возврати; пленове же вся возьмъ, в войско свое отъиде. Кандавлусъ же ко Антиоху пришед, поклонися ему, яко Александру. Антиох к нему рече: «Вся своя возьмъ, к матери своей понди». Кандавлусъ же к нему рече: «Великий царю Александре, вся моя погодья свершил еси и сие прошение мое соверши — сего воеводу своего Антиоха пошли к матери моей и вся хотѣния *твоя* совершити имает, велми бо его на сем войску видѣх мудра и хитра и вѣрна тебѣ». Антиохъ к нему рече: «Вся, елика требуеши, совершити *имам*». Александра призвав, к нему рече: «Поиде, воевода Антиоше, ко Клеопиле, мастридонской царицы, с сыномъ ея Кандавлусомъ и рцы ей: „Александръ царь на между земли твоя прииде и дани от тебе ждет. Аще сего не сотвориши, со всѣми силами на царство твое иду”». Александръ же ко Антиоху рече: «Вели листъ писати к ней». Кандавлусъ же стоя рече: «Не подобает книги писати такову мудру послу, якоже еси ты». И тако оба поклонишася Антиоху, отъидоша. Антиохъ же повелъ Кандавлуса даровати одеянием многоцѣннымъ македонскимъ и кучмом* перскимъ многоцѣннымъ и парижемъ индѣйскимъ под хакизмом коркодиловым. Александръ же на свой станъ... поведъ и честиль его и честными дары дароваль его и в посольство к матери его поиде.

На пути же Александра облобызаше много, к нему глаголаше: «Воистинну, на всей поднебесной земли подобна тебѣ человекъ не видѣхъ; аще другаго подобнаго тобѣ имает Александръ, по правде, всему свѣту царь есть, такии два человекъ имѣя». О семъ Александръ Кандавлусу рече: «Вѣру ими ми, Кандавлусе брате, много у Александра болшихъ мене и старшихъ людей есть: Филонъ, Птоломѣй воевода, и по томъ Селевкъ, и по немъ Андигон, и по сихъ менший есми я, Антиохъ». Кандавлус же к нему рече: «И всихъ сихъ видѣхъ, но тебе паче всѣхъ болши мню, достоинъ бо еси ты над всѣми царствовати». Александръ же искушаше его, увѣдати хотя, како любит его. Он же к нему отвеща, глаголя, яко: «И смерть вмѣсто живота приял быхъ, аще ми ся случает с тобою умрети, не разлучюся с тобою». И тако глаголаше, до пещеры великия нѣкия дошедше. Кандавлусъ же ко Александру рече: «Любимый мой Антиоше брате, яко в сей великой пещере, глаголють, бози еллинстии вси суть, по смерти своей в пещеру сию вхожаху. Да аще хощеши увѣдати, яко о смерти своей, и мала ступивъ, уклонися и в пещеру сию внидеши». Александръ же к

дошел. И видя твое упорство и глупость твою, воеводу Антиоха прислал сюда, и он тебе говорит так: „Дани нам принеси, и жену Кандавлуса, и дочь его, и богатства его возврати. Если же этого не сделаешь, смертью злою умрешь”. Евагрид же, услышав это, разведку послал к Александру. Они же, к нему вернувшись, сказали: «Мало войска у Антиоха». Евагрид, услышав это, на бой с Александром пошел. Александр же спрятанное войско из леса вывел и Евагрида разбил; Евагрид, боясь Александра, сам, бросившись на меч, пронзил себя. Александр пришел к городу и полностью разрушил его, и богатства его взял, и Кандавлусу жену и дочь возвратил; и, взяв добычу, к своему войску пошел. Кандавлус же, придя к Антиоху, поклонился ему как Александру. Антиох ему сказал: «Все свое возьми и к матери своей иди». А Кандавлус отвечал ему: «Великий царь Александр, все мои желания ты исполнил и это мое прошение исполни — воеводу своего Антиоха пошли к матери моей; все, что ты желаешь, он совершит, ибо в этой войне я увидел, что он весьма мудр и искусен и верен тебе». Антиох же ему сказал: «Все, что желаешь ты, исполню». И Александра призвав, приказал ему: «Пойди, воевода Антиох, к Клеопиле, амастридонской царице, вместе с сыном ее Кандавлусом, и передай ей: „Царь Александр к границам земли твоей пришел и даней от тебя ждет. Если этого не сделаешь, со всеми силами своими на царство твое пойду”». Александр Антиоху сказал: «Вели грамоту написать к ней». Стоявший тут Кандавлус сказал: «Не нужно писать грамоты для такого мудрого посла, как ты». И оба поклонились Антиоху и ушли. Антиох велел подарить Кандавлусу драгоценное одеяние македонское, кучму персидскую и коня индийского под крокодиловой попоной. Александр повел его в свой лагерь, с почетом принял его и, дорогими дарами одарив, послом к его матери пошел.

На пути Кандавлус много целовал Александра, говоря ему: «Поистине на всей поднебесной земле подобного тебе человека не видел; если второй подобный тебе есть у Александра, вот уж поистине всего света он царь». На это Александр Кандавлусу ответил: «Поверь мне, брат Кандавлус, много у Александра людей, которые больше и старше меня — Филон, воевода Птоломей, после него Селевк, а после него Андигон, и потом меньший из них я, Антиох». Кандавлус же ему сказал: «Всех их я видел, но тебя среди них наибольшим считаю, достоин ты над всеми царствовать». Александр же испытывал его, желая узнать, насколько он любит его. Тот же ему сказал: «Даже смерть вместо жизни приму, и если случится мне с тобою умереть, не разлучусь с тобою». И так беседуя, они до некой большой пещеры дошли. Кандавлус сказал Александру: «Любимый мой брат Антиох, говорят, что в этой большой пещере все эллинские боги находятся, после смерти своей в пещеру эту попадают. И если хочешь узнать о смерти своей, то, немного пройдя, сверни в сторону и в пещеру эту войдешь». Александр же ему сказал: «Так вот какова

нему рече: «Такова ли любовь твоя ко мнѣ, Кандавлусе брате, како велиши мнѣ внити здѣ?» Кандавлусь же пригнувъ его к собѣ, проплакавъ рече: «О любимый брате мой Антиоше, не рекох ти *внидеши* здѣ. Но сказах ти, яже живутъ в пещере той». Александръ же мало ступивъ, уклонися, в пещеру вниде. Вышедшу ему внутрь, и ту мечтания нѣкая звѣрообразная сретоша его. Он же имя Саваофа Бога призвав, и все прах бысть. Чюдна же нѣкая и дивная в пещере той видѣвъ: челоуѣки же многи связанны опаки руками: и ту Ираклия видѣвъ, и Аполлона, и Крона, и Ермона, иже еллинстии боги мняху. И сихъ Александръ виде связаны веригами, и к единому приступивъ от чюдних онѣхъ, вопрошаша. Он же к нему рече: «Поиди, Александре, болши сих узриши. Все бо сии быша елиньстии цари, якоже и ты нынѣ, и за гордыню велику, Богу небесному подобящеся, ... и на сих Богъ разгнѣвався и в пещеру сию повелѣ сихъ поврещи; и душа их здѣ мучитися имут до скончания вѣка. И скончавшим же ся седмимъ вѣкомъ, в тартар огнену поити мучитися имут в бесконечные вѣки всегда». Александръ же к нему рече: «Звѣрообразнии сии челоуѣцы, что суть?» Он же к нему рече: «Сии суть, иже злѣ и немилостивно на сем царствоваше». Александръ же к нему рече: «Мню, яко нѣгде видѣх тя». Он же к нему рече: «Да аще на дивии челоуѣки ходилъ еси». Александръ же к нему рече: «Како имя есть?» Он же к нему рече: «Аз есмь Сонхос, царь индѣйскій, иже нѣкогда весь свѣтъ примѣ и гордынею вознесохся, и на востокъ края земли доити хотѣхъ, и дивии челоуѣцы востаха на мя и разбиша мя и ту мене убиша. Ангели же *дошедше* мя связавше и в сию в пещеру всадиша мя. И здѣ мучюся за безумнею мое превозношение. Стрежися и ты, Александре, да не вознесешися и здѣ приведенъ будеши».

И тако Александръ посредѣ ихъ ходя и Дария, царя перскаго, посредѣ ихъ узрѣ. Дарій же его увидев, жалостно проплакавъ, рече: «О мудрый во челоуѣцех Александре, а и ты ли здѣ осужден еси с нами быти?» Александръ же рече: «Нѣсмь осужен, вас видети приидохъ». Дарій же к нему рече: «Пожди мало, да скажу ти дивная нѣкая чюдная, иже прилучит ти ся на пути. Вѣдомо да есть тобѣ, како сия Клеопила, мастридонская Кандакия царица, образ твой преписала есть и познати тя имае; но поиди, не сумнися, Богъ бо, в негоже вѣруеши, от руки ея избавит тя. Коснути же здѣ не мози». И паки Дарій, прослезився, к нему рече: «Милый мой сыну Александре, како персидское царство стоитъ и какова любовь дщери моя Роксаны предлежитъ к тебѣ?» Александръ же к нему рече: «Персида бо со мною мируеть, якоже и с тобою была, Роксана же, дщи твоя, со мною над всѣмъ свѣтомъ царствует». Дарій же к нему рече: «Внутрь пещеры вшедь, ту и Пора царя узрѣши». Александръ же Пора увидѣвъ и рече ему: «О великий индѣйскій царю Поре, яко нѣкогда богом подобяся, здѣ же яко единъ худый челоуѣкъ мучишися». Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящеся. Блюдися и ты, Александре, да не превозносиши, да не сведешися здѣ мучитися». И сие

любовь твоя ко мне, брат Кандавлус, если велишь мне войти сюда?» Кандавлус прижал его к себе и, плача, сказал: «О любимый брат мой Антиох, не сказал я тебе: „Войди сюда”. Но сказал тебе, кто живет в этой пещере». Александр, немного пройдя, свернул в сторону и вошел в пещеру. Когда же вошел он внутрь, встретились ему некие зверообразные призраки. Он же имя Бога Саваофа призвал, и все в прах превратилось. Нечто чудесное и дивное в пещере той он увидел: много людей со связанными сзади руками: Геракла увидел здесь, и Аполлона, и Кроноса, и Гермеса, которых эллинскими богами считают. Александр видел, что связаны они цепями, и, подойдя к одному из них, о чудесных явлениях этих спросил. Тот же ему сказал: «Иди дальше, Александр, больше, чем это, увидишь. Все они были эллинскими царями, как и ты теперь, и за чрезмерную гордыню, так как они Богу небесному себя уподобляли, Бог на них разгневался и в пещеру эту велел их бросить; и души их здесь мучиться будут до конца времен. Когда же кончится седьмой век, в тартар огненный пойдут мучиться на бесконечные времена, навсегда». Александр же его спросил: «Кто такие эти зверообразные люди?» Тот ему ответил: «Это те, которые жестоко, без милосердия, царствовали». И Александр ему сказал: «Кажется мне, что где-то видел тебя». Он же ответил: «Тогда, когда ты на диких людей ходил». Александр спросил: «Как имя твое?» И тот ему ответил: «Я Сонхос, царь индийский, что некогда весь свет покорил, и гордынею вознесся, и на восток до края земли дойти хотел, — но дикие люди напали на меня, разбили и убили меня. И пришли ангелы, связали меня и в эту пещеру заключили. И здесь терплю муки за безумное мое превозношение. Берегись и ты, Александр, чтобы не вознесся и сюда не был приведен».

Когда Александр среди них ходил, он увидел и Дария, царя персидского. Дарий же, увидев его, печально заплакал и сказал: «О мудрый среди людей Александр, неужели и ты осужден здесь с нами быть?» Александр ответил: «Не осужден, но пришел вас видеть». Дарий же ему сказал: «Задержишься немного, расскажу тебе нечто удивительное, что случится с тобою в пути. Знай, что у Клеопилы Кандакии, амастридонской царицы, есть портрет твой и узнает она тебя; но иди, не сомневайся, Бог, в которого ты веруешь, от руки ее избавит тебя. Здесь же не задерживайся». И опять Дарий со слезами к нему обратился: «Милый мой сын Александр, как персидское царство пребывает и какова любовь дочери моей Роксаны к тебе?» Александр же ответил ему: «Персия при мне благоденствует, как и при тебе, а Роксана, дочь твоя, со мною над всем светом царствует». И Дарий ему сказал: «Внутри пещеры войди, там царя Пора увидишь». Александр, увидев Пора, сказал ему: «Великий индийский царь Пор, некогда ты богам уподоблялся, здесь же как один из ничтожных людей терпишь муки». Пор же ему ответил: «Так мучаются здесь все, что земною славою превозносились. Берегись и ты, Александр, и не превозносись, чтобы не был осужден здесь мучиться». И еще добавил: «Честь жены моей, Клитемищры,

глагола: «Честь женѣ моей Клитемишре соблюди». Александръ же к нему рече: «Буди печалую мертвыми, а живыми не пецься». И се рекъ, Александръ от пещеры тоя изыде, и до Кандавлуса прииде и, обрѣте его плачюша много, мнѣша бо, яко Александръ в пещере погибе. Егда же его видѣ, радостию скоро притек к нему, целовав его и рекъ: «Почто, Антиоше брате, мешкал еси и много мене устраши; но поистиннѣ, видѣхъ ныне, яко государя твоего Александра царя нарокъ великъ есть, увидѣхъ бо тя цѣла. Но скажи ми, иже в пещере той видѣ». И тако оба дивящеся до Кандакии царицы приидоша.

Клеопила же царица, пришествие сына ея видѣвше, радостна бысть велми, и с престола своего воставши, далече его вьстрѣти; слышала бо есть, яко Александръ убилъ есть. Радостию великою возрадовася и вопрошаше сына своего, вся увидати хотящи случившаяся ему. Кандавлус начать повѣдати ей, Александра же матери своя привед и рече: ей: «Се Антиох, Александровъ воевода есть, и сей живот мнѣ далъ есть и жену мою и дшер от Евагрида он изручи, и вся, елика мнѣ случишася добро, он сотвори мнѣ все. Да прими его в сына мѣсто себѣ, мати моя, много бо он у Александра милостивен есть». Царица же, сие слышавши, за горло Александра приимши, обლობыза его много и рече: «Добре пришел еси, сыну мой, силнаго государя посол, воевода Антиоше». Доброту же лица его зрящи дивлящеся, к нему глаголюще: «Третий сынъ ми еси ныне, Антиоше». Александръ же воставъ и посолство ей нача правити. Она же рѣчи и бесѣде его дивися, образа его сматрящи, и по образу помысли, егда се ... есть Александръ. Любезно его целоваше и рече: «Хотѣла бых, Антиоше, от насъ не отѣдеши, но с моими сыны и со мною царствовати будеши и ко Александру *не вратишиися опять; и отколе сие невозможно есть*, и воставъ, со мною въ царский дворы вниди и царская моя имѣния виждь, иже что хощеши, возми сие. И да ти сотворю листь ко Александру и дани ему дамъ; посла моего пошлю к нему с тобою и честью великою отправлю ему тебѣ». И се рекши, Александра поимши за руку, в царский полаты его введе, и ту ему сказа чудная нѣкая и много царска бисера и камения множество и злата без числа. И введе его в ложницу свою и преписанный образ его глядя и рече ему: «Что от всѣхъ одержало ти есть, Александре, иже в дому моемъ видел?» Он же ужаснувся, к ней рече: «Антиох имя мое есть, Александру рабъ аз есмь». Царица же к нему рече: «Аз Александра имамъ тебѣ быти, тобѣ же Антиохомъ называтися не подобаетъ. Аще увидѣнню моему *не вбруеши*, на образ сей поглядай и белег образа своего виждь». Он же рече: «Поистинне, приличен есмь ко Александру, за то мене любит велми». Она же рече: «Ты самъ еси, воистинну; азъ ныне всему свѣту назвахся царица, царя бо всему свѣту в руку держу. Но да вѣдомо да есть тобѣ, царю Александре, якоже хотя вшел еси здѣ, и якоже хощеши не изыдеши отсюду». Се слышав Александръ образ свой изменяти начат, зубы же своими скрежеташе, очима своима сѣмо и овамо позирая, промышляше. Царицу же в ложницы убити мысляше, сам же бы до коня втекъ и на среку себе вергъ, или умрети, или ожити, глаголя: «Лутче

сохрани». Александр сказал: «Забиться о мертвых, а не о живых». И, сказав это, Александр из этой пещеры вышел, и, к Кандавлусу придя, нашел его плачущим, потому что тот думал, что Александр в пещере погиб. Когда же увидел его, то с радостью быстро подбежал к нему и, целуя его, сказал: «Зачем, брат Антиох, ты долго был там и этим напугал меня; но поистине убедился я ныне, что велико счастье государя твоего, царя Александра, ибо вижу тебя невредимым. Но скажи мне, что в пещере этой видел». И так, удивляясь оба, к царице Кандакии пришли.

Царица Клеопила, узнав о приходе сына, обрадовалась весьма и, встав со своего престола, его встретила; слышала она, что Александр убил его. Радостью великою возрадовалась и расспрашивала сына своего, желая узнать все, что случилось с ним. Кандавлус начал ей рассказывать, Александра же к матери своей подвел и сказал ей: «Вот Антиох, воевода Александра, он мне дал жизнь и жену мою и дочь от Евагрида освободил, и все, что случилось со мною хорошего, — все он мне сделал. Прими его вместо сына, мать моя, ибо он у Александра в большой милости». Царица же, услышав это, обняла Александра, целовала его много и сказала: «Добро пожаловать, сын мой, сильного государя посол, воевода Антиох». И красоту лица его видя, удивлялась и сказала ему: «Третьим сыном мне будешь отныне, Антиох». Александр встал и посольство начал править. Она же речам его и манерам удивлялась и, глядя на него, подумала, что это и есть Александр. Любезно его целовала и сказала: «Хотела бы, Антиох, чтобы ты от нас не отъезжал, но вместе с моими сыновьями и со мною бы царствовал, а к Александру не возвращался; но поскольку это невозможно, то встань, и в царский дворец войди, и царские мои богатства посмотри, и что захочешь, то возьми. И дам тебе грамоту к Александру, и дани ему дам; посла моего пошлю к нему с тобою и с великою честью отправлю тебя к нему». И, сказав это, Александра взяла за руку, и в царские палаты его ввела, и тут показала ему нечто чудесное — много царского жемчуга, множество камней и неисчислимое количество золота. И ввела его в свою спальню и, на портрет его глядя, сказала: «Что тебя из всего, что в доме моем видел, Александр, привлекло?» Он ужаснулся и сказал ей: «Антиох мое имя, я слуга Александру». Царица же сказала: «Я знаю, что ты Александр, не подобает тебе называться Антиохом. Если в знание мое не веришь, на портрет этот посмотри и черты облика своего узнай». Он ответил: «Поистине похож я на Александра, за это он любит меня весьма». А она сказала: «Ты — сам Александр; воистину я ныне царицей всего света стала, ибо царя всего света в руках своих держу. И знай, царь Александр, что по своей воле ты вошел сюда, но по своей воле отсюда не выйдешь». Услышав это, Александр изменился в лице, заскрежетал зубами и, озираясь вокруг, обдумывал, что ему делать. Царицу в спальне решил убить, а самому, до коня добежав, броситься навстречу либо смерти, либо спасению, думая: «Лучше великому господину честно умереть, чем позорно

есть гоподину велику почестне умрети, нежели срамотно жити». Кандакия же царица, видѣ образ его пременяющься, к дверемъ поступи. Александръ же сию похвативъ рече: «Не имаеши на двор изыти, но здѣ злѣ умрети. Аз же здѣ тебе убивъ и на двор изыду и оба сыны твоих убю и самъ с ними почтенно умру». Кандакия же царица радостно ко Александру приступи и к нему приплетшися, за горло похвати его и любезно целовавши и рече ему: «О великий Александре, мой сыну и господине, и не оскорби мое сердце, ни злаго о себѣ помысли, ни от мене смерти убойся, аз бо убити тя не мышлю. Ныне же тебе накажу сына своего и многими дарами почтивши тя, в войско твое отпущу тя с честью, понеже нѣсть достойно такова челоувѣка от земли погубити, мудростию и храбростию украшена велми, но паче соблюсти и почитити. Кто ли бы хотѣлъ тобѣ убити, то всему свѣту кровникъ бы былъ. Главою твоею и животом весь свѣтъ содержитца и миръ страхомъ твоимъ стоитъ. Да не подобаетъ мнѣ всих главъ отсеци главу. Но хотѣла бых сына имѣти тя, Александре, и с тобою всему свѣту назватися царица. О сем бо, Александре, безпечален буди, не тако бо аз безумна есмь, якоже тебѣ мнится быти, да животом твоим весь свѣтъ поколебати, вес бо миръ недостоинъ есть ни единому власу, опадающа от главы твоя. Но яко первая мати твоя корати тя имамъ: некому, Александре, посолство твори, не вѣси бо неуставные чести наносения. Да не подобна есть тобѣ, всих главъ на концы обѣшати, смертию бо своею весь мир снѣсти хочещи». Александръ же ѣй поклонився, рече: «Отнынѣ мати мнѣ буди в мѣсто Алимпияда».

Кандакия же, целовавши его и за руку емьши, на дворъ ведши. В той часъ прииде сынъ ея Дорифъ, от Александровых стражей розбитъ, едва самъ утекъ, войско же свое изгуби. И слышал бяше, яко Антиохъ, Александровъ воевода, в посолствѣ к матери его пришелъ есть, борзо прииде, Антиоха убити хотя. Кандакия же се слышавши, к Дорифу, сыну своему, рече: «Не подобаетъ тебѣ сие сотворити, Александръ бо брата твоего от инога зла избавилъ есть и жену и дшер и все имѣние отврати и жива его к намъ с честью отпусти, от погубления избави от Евагрида, силурскаго короля, и посла к намъ послалъ есть, милостивнаго своего Антиоха, любовь и миръ свой к нам держати. Да в мѣсто добра и чести, иже подобаше намъ ему сотворити, главу ему отсеци хочещи. Нынѣ, мой сыну, лутче есть тобѣ умрети нынѣ, нежели Александрова посла в дому моемъ убити». Дорифъ же матери своей не послушаше, глаголя: «Единого Александрова челоувѣка не даси ми убити, понеже от моих людей много тысячъ убилъ есть. Да вѣру ими ми, мати моя, яко Антиохъ днес живота не имаеть». Сие же Кандавлусова жена слышавши, скоро къ Кандавлусу прибѣже, глаголющи: «Вѣдомо да есть тобѣ, братъ твои Дорифъ убити хочеть любимаго твоего Антиоха мечем». Кандавлусъ же сие слышавъ, скоро прииде к нимъ в полату, Дорифа же обрѣте нагъ меч держаща, и мати его средѣ меча держаше и с ним рвучися, да Александра не убьетъ. Сей же припадъ, мечъ из руки его взя и хотяше его имъ ударити, и карати его нача, глаголя: «Неподобниче, страшливче,

жить». Царица Кандакия, видя, как он изменился в лице, к дверям отступила. Александр, схватив ее, сказал: «Не выйдешь отсюда, но здесь бесславно умрешь. Я же, убив тебя, во двор выйду и обоих сыновей твоих убью и сам с ними умру честно». Тогда царица Кандакия радостно подошла к Александру, и, прижавшись к нему и за шею его обняв, любезно поцеловала, и сказала ему: «О великий Александр, сын мой и господин, не печаль мое сердце и беды для себя не предполагай, ни смерти от меня не бойся, ибо я убить тебя не думала. Ныне же поучу тебя, сына своего, многими дарами почтив тебя, к войску твоему отпущу тебя с честью, ибо недостойно такого человека на земле погубить, мудростью и храбростью отличающегося, но следует охранять и почитать. Тот, кто захотел бы тебя убить, для всего света стал бы кровным врагом. Головою твоею и жизнью весь свет держится, и мир страхом перед тобою существует. И не подобает мне всех глав отсечь голову. Хотела бы сыном тебя иметь, Александр, и с тобою стать всего света царицей. Поэтому успокойся, не так я безумна, как это тебе кажется, чтобы, лишив тебя жизни, весь свет поколебать, ибо весь мир недостойн одного волоса с твоей головы. Но как настоящая мать твоя хочу укорить тебя: больше не ходи, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы. Не следует тебе, всех глав главе, рисковать своею головою, ибо смертью своею весь мир погубишь». Александр поклонился ей и сказал: «Отныне матерью мне будешь, как Олимпиада».

Кандакия поцеловала его и, за руку взяв, повела во двор. В то время прибыл сын ее Дориф, сторожевыми отрядами Александра разбитый; едва сам убежал, а войска своего лишился. И услышав, что Антиох, воевода Александра, послом к его матери пришел, поспешил к ним, намереваясь убить Антиоха. Кандакия, узнав об этом, сказала Дорифу, сыну своему: «Не следует тебе этого делать, ибо Александр брата твоего от беды избавил, жену, дочь и все богатства вернул ему и живого к нам отпустил с почетом, от гибели избавив его, от Евагрида, силурского короля, и посла к нам прислал, любимца своего Антиоха, с любовью к нам и миром. А ты, вместо добра и чести, которые следует нам ему воздать, голову ему отсечь хочешь. Ныне, сын мой, лучше тебе умереть, нежели посла Александра в доме моем убить». Дориф же матери своей не хотел повиноваться, говоря: «Ты одного из людей Александра не даешь мне убить, а он моих людей много тысяч убил. Верь мне, мать моя, что Антиох жив не будет». И это услышала жена Кандавлуса, и, поспешно прибежав к Кандавлусу, сказала: «Знай, что брат твой, Дориф, хочет убить мечом любимого тобою Антиоха». Кандавлус, услышав это, быстро пришел к ним во дворец и увидел там Дорифа, держащего обнаженный меч, и мать, которая держала его за меч, не давая ему убить Александра. Тогда, подбежав, он меч из руки брата выхватил и хотел его им ударить. И начал корить его, говоря: «Недостойный трус, если храбрым себя считаешь,

аще храбръ мнишися быти, самъ ты на немъ коби поищи; истинну бо ти глаголю, аще похватит мечъ, 100 таковых убьет, яков же ты еси, постояти не могутъ; аще ли храбръ мнишися быти, иди убий его во Александрове стражи; аще ли убиеша его здѣ, то всѣхъ насъ убилъ еси. Тебѣ же вся вселенная пред Александромъ укрыти не можетъ, Александръ бо, государь его, во единомъ мечномъ ударении великаго Пора индийскаго, тестя твоего, убилъ естъ». Кандакия внутрь завѣса вшедши со Александромъ и на дворъ его изведе. Видѣвъ же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убити. Александръ же кордъ свой примъ, к Дорифу рече: «Вижу, убити мя хочещи, но знай, яко смертью и самъ умрети имаеши; не тако бо македоняномъ смерть пристрашна естъ, якоже тобѣ мнитца быти. Да аще мене, посла Александра, убиеша, государь же мой Александръ на взыскание мое приидет, гдѣ укрытиса хочещи? Вѣру ими ми, аще и во утробу матерню влезше, отнюдуже еси изшел, и ту укрытиса не можещи. Аще бы се Александр, государь мой, зналъ, яко Кандакия царица послы убивает, не послал бы мене к вамъ, но самъ со всѣми силами без посла пришелъ бы здѣ». Дориф же сие слышав, убоися. Кандакия же царица рече Александру: «Мудрый премудре всякий ... страх сердечны язычная мудрость покрываетъ». И тако с Кандавлусомъ, сыномъ своимъ, Александра за горло похвати и з Дорифом его смириша. И ту ему гостившу много, и дарми его дариша. И дарова ему царица Кандакия венець свой с камениемъ и бисеромъ многоцѣннымъ. И сокровенно рекши ему: «Возми сие, Александре, отнеси дщери моей, жене своей Роксантѣ». И дарова ему перстень от четырех камней хитростию магнитъскою составлен, и дарова ему оружие от анкита гвоздя, приставлена на аспидове кожи, фарижа бѣлая анфарскаго,* бисернымъ седлом оседлана, и дарова ему гелмъ орель, орлу на персехъ словеса пишет тако: «Александръ наасаръ, великий хонкияръ бысть, за всего свѣта государствуетъ». И ту ему много гостившу, Кандакия царица проплакавъ рече: «Некому, Александру, посломъ себѣ сотвори, не вѣси бо невѣрныя чести неуставнаго слученія». И рекши, отпусти его с честью великою, и дани ему на десят лѣтъ дарова. Он же не восхотѣ, глаголя: «Отмолити ю имамъ у Александра». Она же к нему рече: «Аще дань оставиши, познають тебе сынове мои. К намъ же предложение любовь твою дай и приятелство к намъ неповторну соблюди». И се рекши, за горло его похвати и к нему с плачемъ рече: «Рада быхъ сына имѣти тебе, Александре». И се рекши, отпусти его. Проводиста же оба сына ея, Кандавлус и Дориф да Александра окола. Стражи Александровы сретоша его, и с коней ссѣдоша, и поклонишася ему. Кандавлусу же и Дорифу Александръ рече: «Вѣдомо да естъ вамъ, яко самъ есмь аз Александръ царь». Се же они слышавше и рекоша: «Аще ты еси Александръ, мы ныне измерли есмь». Александръ же за горло похвативъ ихъ, рече: «Не имаете вы от мене умрети, азъ бо соблюду васъ любовью и честью, матери бо вашей Кандакии Клеопиле сынъ есмь, вамъ же братьскый обдержим есмь». И ту даровалъ ихъ Александръ и с честью отпусти.

сам с ним попытай своего счастья; ибо истинно говорю тебе, когда он возьмет меч, то сто таких, как ты, убьет, и противостоять ему не смогут; если храбрым считаешь себя, иди и убей его посреди войска Александра, ибо, убив его здесь, всех нас этим погубишь. Тебя же вся вселенная от Александра не сможет укрыть, ибо Александр, государь его, одним ударом меча убил великого Пора индийского, тестя твоего». Кандакия же внутрь вошла и вывела Александра во двор. Увидев его, Дориф подошел к нему, намереваясь его убить. Александр взялся за свой меч и сказал Дорифу: «Вижу, убить меня хочешь, но знай, что и сам смертью умрешь; не так македонянам смерть страшна, как ты думаешь. А если меня, посла Александра, убьешь и государь мой Александр искать меня придет, где укроешься? Поверь мне, что и в утробе матери, откуда ты вышел, — и там укрыться не сможешь. И если бы Александр, государь мой, знал, что царица Кандакия послов убивает, не послал бы меня к вам, но со всеми силами своими, без посла, пришел бы сюда». Дориф, услышав это, испугался. Кандакия же царица сказала Александру: «Мудрый разумным образом всякий страх сердца мудростью языка покрывает». И вместе с Кандавлусом, сыном своим, Александра за шею обняла и с Дорифом его примирила. И после того как он долго гостил тут, дарами его одарила; и подарила ему царица Кандакия венец свой с камнями и многоценным жемчугом. И тайно сказала ему: «Возьми это, Александр, отнеси дочери моей, своей жене Роксане». И подарила ему перстень с четырьмя камнями, искусно соединенными магнитной силой, и подарила ему оружие из анкитового железа, на аспидовой коже, белого анфарского коня с расшитым жемчугом седлом, подарила ему шлем с орлом, а на груди орла надпись: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, всего света государь». И тут, после того как он долго гостил, царица Кандакия, плача, сказала: «Не ходи больше, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы». И, сказав, отпустила его с великой честью, и дань ему за десять лет дала. Он же не захотел взять ее, говоря: «Упрошу Александра не брать ее». Сказала она ему: «Если дань оставишь, поймут мои сыновья, кто ты. К нам же любовь имей и искреннюю дружбу сохрани». И, сказав это, за шею его обняла, и с плачем ему сказала: «Рада была бы сыном тебя иметь, Александр». И, сказав это, отпустила его. Оба сына ее, Кандавлус и Дориф, проводили его до лагеря. Воины Александра встретили его и, сойдя с коней, поклонились ему. Кандавлусу и Дорифу Александр сказал: «Знайте, что я царь Александр». Они, услышав это, сказали: «Если ты Александр, мы теперь погибли». Александр же, обняв их, сказал: «Вы от меня не умрете, но сохраню вас с любовью и почетом, ибо матери вашей, Клеопиле, я сын, к вам же братские чувства имею». И тут, одарив их, Александр с честью отпустил.

Александра же ту сретоша Птоломѣй воевода и Антиохъ и много к нему с плачем рекоша: «Что, Александре, животомъ своимъ вселенную всю смести хощещи; что главу свою назад мещещи; сам на посолствѣ ходя, безо чти умрети имаещи, нас же, в чюжих земляхъ оставив, всихъ погубити имаши. Да не тако, Александре, пизматар намъ буди, якоже не дѣломъ твориши; но вес приемши свѣтъ, и тако поидемъ в Персиду, и ту, дому дошедше, господства земская разделиши намъ по подобию и по достоянню». Ту Александръ пришед войску свою, гостьбу многу и веселие сотвори с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОВЕ В ПЕРСИДУ К РОКСАНЕ ЦАРИЦЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ СВОИМЪ ВЛАСТЕЛЕМ, И О ПРОРОКУ ИЕРЕМЪЮ, ИЖЕ СКАЗА ЕМУ СМЕРТЬ

Александръ же собрав свои вои и двигнуся в Персиду, ко царицы своей поиде к Роксане. И в Персиду пришед, многи радости ту сотвори и ту земская царства раздели.

Антиоху же даде Индѣское царство и всю Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую;* Филону же даде Персидцкое царство и всю Асию и Килекею; Птоломѣю же даде сладкую и красную землю Египетъ и Ерусалимъ, и Палестину всю, и Межюрѣчье Сѣверьское* и сладкии Предекиския* отоки; Селевкушу же Римское царство; Леомену же даде Немецкую землю и Парижское царство. Вся же сия по достоянню раздели, с Роксаною, царицею своею, год сотвори с великою радостию и с веселием.

Оттуду Александръ двигъся з дворомъ своимъ в Вавилонъ поиде. И в ту нощь явися ему пророкъ Иеремѣя, глаголя: «Гряди, чадо Александре, на уреченное тебѣ мѣсто, сего числа четьредесятого лѣта *свѣришилося есть, и четвероставное тѣла* твоего естества днес, Александре, *разъступитися* имеет; от земля бо заимодано есть и паки возвратитися ему. Вѣдомо да есть тебѣ, яко, всю обшед землю, отечества своего узрѣти не имаешъ; руки же служащихъ тебѣ, от нихже благая укушаещи, отравнаго яда имаши вкусити от них. И в Вавилоне походи, и войско свое раздели и царская земли раздели и укрепи. И в землю, от неяже изшелъ еси, и паки в ню внидеши, и в небытие будещи. Душа бо нетлѣнна поиметца, в невѣдомо мѣсто Божиимъ промыслъ отведетца, тѣло же тлѣнно в земли тлѣнной останет, и ту разсыпався, в небытие будет; и паки на скончании вѣкомъ от земли востати имеет, тлѣнное существо в нетлѣние облечетца и ту со душею паки сстався, вкупе соединитца. И ту познавшемася има, яко нѣкими любимыма другома, во мнозе видѣвшимася има, истинно радостень имъ будет и весело и любезно имъ зело. Тако душамъ с телесы сстанокъ будетъ, Александръ, о всѣмъ нынѣ вѣруй, стати бо имутъ вси на Страшнемъ судищи и на великомъ торжищи, идѣже престолы поставятца, и Ветхий денми сядеть, судии страшный

Встретили его воевода Птоломей и Антиох и с плачем сказали: «Зачем, Александр, рискуя жизнью своею, всю вселенную поколебать хочешь; зачем головою своею рискуешь: сам послом ходишь, — бесславно умрешь, а нас, оставив в чужих землях, погубишь. Не будь, Александр, врагом нашим, каким на деле и не являешься; и, покорив весь свет, пойдем теперь в Персиду, и, вернувшись домой, земные владения разделишь между нами, по заслугам и достоинству каждого». И вернувшись к войску, Александр пировал много и веселился с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДУ К ЦАРИЦЕ РОКСАНЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ИМ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛЬМОЖАМИ, И О ПРОРОКЕ ИЕРЕМИИ, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ ЕМУ СМЕРТЬ

Александр собрал свое войско и направился в Персиду к царице своей Роксане. И, придя в Персиду, устроил тут много празднеств, и земные царства разделил.

Антиоху дал Индийское царство и всю Мерсилонскую и Северскую землю; Филону дал Персидское царство и всю Азию и Киликию; Птоломею дал сладкую прекрасную землю Египет, и Иерусалим, и всю Палестину, и Между-речье Северское, и сладкие Придийские острова; Селевкушу дал Римское царство; Лаомендушу дал Немецкую землю и Парижское царство. И, все это по достоинству разделив, с Роксаною, царицей своею, год провел в радости и веселии.

И оттуда Александр со всем двором своим в Вавилон пошел. И в ту же ночь явился ему пророк Иеремия, говоря: «Иди, чадо Александр, на назначенное тебе место, ныне исполняется сорок лет, Александр, и четырех-составное тело твое должно распасться; от земли взятое в нее же возвращается. Знай, что, обойдя всю землю, отечества своего не увидишь; из рук служащих тебе, от которых ты блага вкушаешь, от них же и яд вкусишь. В Вавилон иди, и раздели войско свое, и земли царства своего раздели и укрепи. И в землю, из которой вышел, вновь в нее войдешь, и в небытии будешь. Ибо нетленная душа будет взята и в неведомое место Божиим промыслом отведется, тело же тленное в тленной земле останется и, рассыпавшись, в небытии будет; в конце же времен от земли вновь восстанет, и тленное существо в нетление облечется, и тут вновь соединится с душою. И когда узнают они друг друга, как некие любящие друзья, часто встречавшиеся, поистине радостно им будет, и весело, и любезно. Так соединятся души с телами. Александр, этому верь, ибо встанут все на Страшном Суде, на великом торжище, где престолы поставят, и сядет Ветхий деньми, судия грозный и нелицеприятный; тысяча тысяч ангелов вокруг него и многочисленные

и нелицемѣрный; тысяща тысящ аггелъ окрестъ его и многоочити серафими и шестокрилати херувими. Тогда всяка душа, облекшися во свое тѣло, судом возмездие примут, с тѣлом вкупе согрешаши, с тѣлом же и мзду примут. Тогда благая сотворше убо примут жизнь вѣчную, злая же сотворше муку вѣчную примут, и тогда конца лѣтомъ не будетъ. Тогда бо мужеский полъ и женский родитися не может, и ни на комъ лѣпости не будет и грубости, ни возраста умалена, ни различия лицемъ, черноти и белости, ни русости, ни смуглости, но тѣло во единомъ естествѣ будет, точию причастное с собою имуще, иже есть лѣтное и крѣстное и помысленное, прочая же дѣла тогда оскудѣют, душа же всегда безсмертна будетъ. Тогда убо, Александре, всякий человекъ познати имае своего любимаго, не точию же любимых, сих же видано, ихже слышано, увидит и познает на ономъ грозномъ судищи и торжищи ономъ великомъ. Ту бо, Александре, познати тя имуть вси, ихже обидилъ еси здѣ, и с тобою обидими познати тя имуть тамо. Да вѣдомо есть тобѣ, некому живѣ узриши мене, но тамо узрити мя имаешъ, идѣже вси предстануть, иже вси от вѣка умершии на Страшнемъ Судищи своемъ великаго Бога Саваофа». И се рекъ Иеремѣя пророкъ невидимымъ бысть.

Александръ же от сна воставъ, в недоумѣнии впаде и се изступлении ума бывъ, на постели своей седяше и плакашеся горко и ужасно видѣние помышляя. Сердце бо его обуряваемо бяше, якоже корабль нѣкий в пучине морстей вѣтры и волнами обуреваемъ. В мысли впаде, ужасно видѣние помышляя, на перинницы сяде, плакашеся. Филонъ же и Птоломѣй заутра приидоша и плачущая его обретоша и стемы златы из главъ своихъ свергоша, перстию главы своя посыпаша и приступиша ко Александру, плачущесе и глаголюще: «Почто, Александре, жалостию радость прменяеши, почто сеи скорби предаль еси себѣ?» Александръ же к нимъ рече и видѣние имъ сказа, седя. Они же дивную рѣчь слышавше и ужасошася много, утѣшити же его хотяше сладкими бесѣдами и глаголаху: «Не тако, Александре, подобно есть ношнымъ мечтаниемъ умные отступити совести, сон бо такъ намъ мнитца быти: от *многого* спанья и *от лиха пития* главные омокряемъ мозгъ, в немже живетъ царь совестемъ — ум; человекъ велми спящу, от сонной влаги велми омокряемому мозгу, умерзтитъ себѣ и многая невещественнымъ своимъ окомъ позирает и видитъ оная, яже видел или слышалъ когда, тѣхъ всѣхъ зреть и тѣми дѣйствует. Соня видѣния, Александре, душевное бо зрѣние мнимо быти. Тѣло бо тлѣнно яве зрит тлѣнная сия видимая, душа же, нетлѣнна сущи и невеществена и умна сущи, вся, елика восхошет и мыслить, сихъ зреть, аще и далняя мѣста есть и ближняя, свое бо есть бытие, идѣже хошет; тако бо по подобию Божия образа создася. И приплетет бо сию к мертвенному тѣлу, яко да имъ дѣйствует, оживляющи то, якоже огнь вѣтромъ распалаетца, или яко кузнецъ нѣкий златы хитростию желѣзными растворяя рукодѣлии, или якоже корабль нѣкий волны морскыи прескоча, не собою носимъ есть, но вѣтренимъ дыханиемъ. Тако бо

серафимы и шестикрылые херувимы. Тогда всякая душа, облекшаяся в свое тело, на суде возмездие примет, с телом вместе согрешила, с телом же и наказание примет. Тогда сотворившие добрые дела примут жизнь вечную, сотворившие же злые дела муку вечную примут, и тогда конца времен не будет. Тогда ни мужской пол, ни женский родиться не будет, не будет ни красоты, ни уродства, ни возрастов, ни различия в лицах, ни черных, ни белых, ни русых, ни смуглых, но тело в едином естестве будет, сохраняя только то, что причастно ему от времени, креста и разума, прочее же все исчезнет, а душа пребудет вечно бессмертна. Тогда, Александр, всякий человек узнает своих любимых, — не только тех любимых, которых видел, но и тех, о которых слышал, увидит и встретит на этом грозном суде и на этом великом торжище. Там, Александр, узнаешь всех, кого обидел здесь, и тобою обиженные узнают тебя там. Знай, что больше при жизни не увидишь меня, но увидишь меня там, где предстанут все, от века умершие, на Страшном Суде великого Бога Саваофа». И, сказав это, пророк Иеремия невидим стал.

Александр, пробудившись, в растерянности был и в смятении ума, на постели сидел и плакал горько, об ужасном видении думая. И сердце его было в потрясении, как некий корабль в пучине морской, обуреваемый ветрами и волнами. И, в размышления впав, об ужасном видении думая, на ложе своем сидел и плакал. Филон и Птоломей утром пришли и, застав его плачущим, золотые венцы с голов своих сбросили, землю головы посыпали и подошли к Александру, плача и говоря: «Зачем, Александр, радость на печаль заменяешь, зачем скорби предаешься?» Александр же о видении своем рассказал. Они, услышав удивительный рассказ, ужаснулись и, желая утешить его приятными речами, говорили: «Не следует, Александр, из-за ночных мнимых образов удаляться от разума, ибо сновидения, как нам думается, происходят так: от долгого сна и от излишнего пития увлажняется головной мозг, в котором живет царь сознания — ум; и когда человек долго спит, мозг весьма увлажняется сонной влагой, и ум духовным оком своим смотрит и видит многое, что видел уже и что слышал когда-то, и все это видит в действии. Сновидение, Александр, это зрение души. Тело тленно и наяву видит тленное, видимое, душа же, будучи нетленной, невещественной и мыслимой, все, что хочет и что мыслит, то и видит, и далекое и близкое, ибо ее бытие, где захочет, такой по подобию Божиего образа создана. Ибо Бог присоединил ее к мертвенному телу, чтобы, оживляя его, им управляла, подобно тому, как огонь от ветра разгорается, или как кузнец обрабатывает золото с помощью железа, или как корабль по морским волнам плывет, не сам собою носим, но дующим ветром. Так и тело душою управляется, ею существует и водится и носится, — они как два быка, тянущие вместе плуг

тело душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носится, якоже нѣкая два юнца окормляюще рало, дондеже, иже составивый ся Богъ всихъ и промысленикъ *распряжет*. Душа бо поиметца, а тѣло оставится, душа бо к нему, яко невеществена, тѣло же к земли, яко вещественно и тлѣнно. Аристотел же и учитель твой мудрый, Александре, в книгах своих пишет, глаголя, яко статися имут душа с нимиже согреша телѣсы тогда, егда порождение второе будет, егда мертвии от гроб востануть. И Соломон мудрый рече, праведных душа в руце Божии, глаголетъ, быти, грѣшных же душа в тартаре, в геоне мучитися имуть, в долнейшихъ земли, глаголетъ, быти. Аристотел же мудрый и Платон великий, мира сего кончина, глаголють, быти тогда, егда довершится число от падшаго древа ангельскаго чина праведныхъ челоуѣкъ душами. Сие же, Александре, и еврейскій пророкъ Иеремѣя согласуетъ, глаголя, тако бо есть». И се слышавъ Александръ и подивися и в недоумѣнии бывъ, глаголаше: «Слава тобѣ, чюдный, дивный, непостижимый, и неисписанный, и недовѣдомый, и неизслѣдимый Боже, иже от небытия вся в бытие приведи, и благорастворяя вся великимъ своимъ промысломъ. Како небеса сотвори единымъ словомъ, сии же видиния своего не премениша, ни обетшаша; како землю колику и ту ничимже утвердилъ есть, сия же плодовъ своихъ не измени, ни обычая; како морскія волны и воды многыя, на единомъ стояще мѣсте и всегда умножаемы бывающе, не изсякнутъ, ни от предѣлъ преидоша, ни волю измениша естество, но содержими силою и различными колеблемо вѣтры, устава своего не измениша, ни благораствореннаго дыханія; како солнычное сияние, толицыи сущими лѣты, теплоти и свѣтлоти не измени; како лунный кругъ, овогда умножающеса, овогда оскудевающъ, на новину и ветшину устава своего не измени; или како телеса челоуѣческая четырьми сплетена стухиями, душу божествену в нихъ всади, якоже нѣкоего всадника на четырехъ равно текущихъ утверди точилех, дондеже равно 4 стоятся стухия, дотолѣ и тѣло челоуѣческое непоколебимо стоит; егда ли от 4 тѣхъ составъ едино или умножится или оскудѣетъ, тогда растлится и от души распряжется тлѣнное челоуѣческое тѣло. Аще ли промысломъ твоимъ, Боже, или врачевною хитростию паки 4 тыи соимутся колеса, иже суть составы, тогда паки душею здравствует».

И от того дне убо всегда в недоумѣнии пребываше царь Александръ и мысляше, в себѣ глаголя: «Когда се постигнетъ мене смерть, и кто будетъ память мою творити по моей смерти? Будетъ ли се тамъ видѣние и познание, егда душа с телесы статься имуть на великомъ торжищи?» И тако мыслями многими помышлени: «Будетъ ли тѣломъ востание паки или не будетъ, в тое же тѣло души паки приити имутъ или ни?» Дивляше бо ся и глаголаше: «Како раставшеса и распадашася кости, в тое же паки бытие приидутъ?» И тако помышляя глаголаше, яко: «Вся могій Божий великий промысль, ихже созда от небытия в бытие, той же можетъ в тую же привести совесть в первое бытие». И многая таковая помышляя и рече: «Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростию сотворилъ еси».

до тех пор, пока соединивший их, все промысливший Бог разъединит их. Душа возьмется, а тело останется, душа к нему отойдет, потому что невещественна, а тело к земле, ибо вещественно и тленно. Аристотель же, мудрый учитель твой, Александр, в книгах своих пишет, что соединятся души с теми телами, вместе с которыми согрешили, когда второе рождение будет, когда мертвые восстанут из гробов. И мудрый Соломон сказал, что души праведных в руке Божьей, грешных же души в тартаре, в геенне мучиться будут, в глубинах земли. Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников. Это, Александр, и еврейский пророк Иеремия подтверждает, говоря, что это так». И, слыша это, Александр дивился, и, недоумевая, говорил: «Слава тебе, чудный, дивный, непостижимый, невыразимый, непознаваемый и непонимаемый Боже, из небытия в бытие все приведший и благоприятствующий всему своим великим промыслом. Ты небеса создал единым словом, они же вида своего не изменили, не разрушились, и землю создал, столь огромную, и ее ничем не укрепил, она же ни плодов своих не изменила, ни обычаев; тобою морские волны и многие воды на одном месте стоят и постоянно умножаются, не иссякают, и из пределов своих не выходят, и естества своего не изменяют, но удерживаются силою и колеблются многими ветрами, которые ни образа своего не изменяют, ни благоприятного веяния; и солнечное сияние, когда столько лет прошло, в силе тепла и света не изменилось; и луна, то увеличивающаяся, то убывающая, ни новая, ни старая, порядка своего не изменяет; и тело человеческое ты составил из четырех стихий, и душу божественную к нему присоединил, как некоего наездника, скачущего на четырех, вместе соединенных колесницах; до тех пор пока в равенстве четыре стихии находятся, тело человеческое непоколебимо, когда же из этих четырех составов что-то одно или увеличится, или уменьшится, тогда распадается и от души отделяется тленное человеческое тело. Если же промыслом твоим, Боже, или врачевным искусством снова колесницы те, суть составы, соединятся, тогда тело снова с душою вместе в здравии будет».

И с того дня всегда в недоумении был царь Александр, и, размышляя, говорил себе: «Когда постигнет меня смерть, где будет моя память о себе после моей смерти? Будем ли мы видеть и узнавать, когда души с телами соединятся на великом торжище?» И много о том думал: «Будет ли воскресение тел или не будет, в то же ли самое тело душа придет или нет?» И с удивлением говорил: «Как могут разделившиеся и распавшиеся кости к прежнему виду вернуться?» И, думая об этом, говорил: «Всемогущий великий Божий промысл все, что создал из небытия в бытие, может восстановить в прежнем бытии». И, о многом подобном думая, говорил: «Сколь велики дела твои, Господи, все премудростию сотворил ты».

И се рекъ в Вавилонъ поиде, якоже нѣкий челоуѣкъ на уреченное мѣсто на умертвие свое идяше. Тогда убо Александръ царь, всего свѣта государь, смерть свою помышляя и неутѣшимъ бываше. Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенарь, в земли, зовемой Авсидийстей, идѣже праведный и богатый Иевъ жилъ бяше, и ту Александръ станомъ своимъ стал, силныи же воиски по тому полю падоша. Велможи же Александровы скорбна его зряще и жалость его изменити хотяще, на гору високу его возведоша и всему воиску вооружатися повелѣ, на поли на ономъ на единомъ мѣсте собратися повелѣ. И сих позрѣвше, ко Александру рекоша: «Алекса́ндре царю, сильный господине, почто скорбию великою потопляеши сердце свое, зриши, се толицемъ людемъ сотвори ты Богъ ныне царя, да подобаетъ тебѣ веселитися и радоватися велми». Александръ же главою покивав и прослезився рече: «Зрите ли всихъ сихъ, в пятидесятныхъ лѣтахъ вси под землю заидуть». Бѣ бо ту видети болши *паче миръяд* тысячь людей, коней же безчисленное множество; бяху ту собрани вси языцы: индѣяне, и сирии, и мидии, и евреи, и финицы, егпѣфи, еламити, и халдѣи, и лидии, и нѣмцы, и греки, и инии восточнии и западнии языцы вси. И ту Александръ великий пирь войску своему сотвори. И ту от востока и до запада и сѣвера и юга и от моря всего вси власти и князи со многолѣтними данми и с поклономъ ко Александру приидоша.

В той же день прииде от Македонии от матери Александровы Алимпияды царицы казател его и учител Аристотел. Видевъ его Александръ и возрадовася велми и за выю его примѣ и облобызаше его сладко, глаголя: «Добро пришел еси, многочестная и безцѣнная глава, добре пришел еси, неугасимый светилниче и казателю всему миру, философе великий и казателю дивный Аристотелю; добре пришел еси ми, егоже мудрости подивишася *еллини*, емуже почюдишася халдѣи, его подивишася хитрости египтяне и волховнии мудрецы. Но возвести ми убо, чюдный во челоуѣцѣхъ, любимый мнѣ дидаскале,* учителю мой, како западная страна мируеть, жива ли есть вселюбимая мати моя и сладкая Алимпияда царица, и како, яже о нас, по всей вселенней чюется. Вѣрно ли челоуѣкомъ есть, яко, всю примѣше землю, рая доидохомъ и много, егоже ты в книгахъ своихъ указуеши и край земли во Едеме на востоце; и того бо рая близу доидохомъ, и до Макаринскихъ отоукъ во Акияньстеи рецы, идѣже еллинстии мудрецы и душамъ челоуѣческимъ, глаголють, быти. Но то аз души ни единая не вѣдих, но якоже со истинною макаринский князь нам сказа, не ту имъ, глаголетъ, быти, но в долнейшихъ земли, во адовыхъ рекахъ, и ту имъ ждати, рече, ослабу и откупление от вышняго промысла и великаго Бога Саваофа». И се Аристотел слышавъ подивися, ко Александру тако отвеща: «Благодарю Бога, сподобльшаго мя видѣти свѣтлое и красное лице твое, и сильный, и славный, и дивный в челоуѣцѣхъ, всего свѣта государю, великий Алекса́ндре царю. Вселенная бо вся, иже о тобѣ чюдишася велми, возрадовася зѣло о великой славе твоей, елика Богъ даровал ти есть, якоже ни единому другому челоуѣку. Македонская

И, сказав это, в Вавилон пошел, как человек идет на назначенное ему место смерти. И был тогда царь Александр, государь всего света, о смерти своей думая, безутешен. Когда же достиг Александр поля, называемого Сенар, в земле Авсидийской, где праведный богатый Иов жил, лагерем стал, войско же его на поле расположилось. Вельможи Александра, видя его скорбным и желая печаль его прогнать, на высокую гору его возвели, всему войску велели вооружиться и на поле этом всем вместе собраться. И, глядя на них, сказали Александру: «Царь Александр, сильный господин, зачем скорбью великой заполняешь сердце свое, — видишь, над сколькими людьми тебя Бог царем сделал, и следует тебе веселиться и радоваться». Александр же покачал головой и со слезами сказал: «Видите их, в пятьдесят лет все в землю пойдут». И было тут больше десяти миллионов человек, коней же бесчисленное множество; были тут собраны все народы: индийцы, сирийцы, мидийцы, евреи, финикийцы, египтяне, еламиты, халдеи, лидийцы, немцы, греки и иные восточные и западные народы. И тут Александр большой пир для своего войска устроил, и пришли поклониться Александру все правители и князья — от востока до запада и от севера до юга и от моря — с даяниями за много лет.

В тот же день пришел из Македонии, от матери Александра царицы Олимпиады, наставник его и учитель, Аристотель. Увидев его, Александр весьма обрадовался, за шею его обнял и поцеловал его сердечно, говоря: «Добро пожаловать, многотимая и бесценная глава; добро пожаловать, неугасимый светильник и наставник всего мира, великий философ и учитель дивный Аристотель; добро пожаловать тот, чья мудрость удивила эллинов, которому дивились халдеи, искусству которого удивлялись египтяне и мудрые чародеи. Но скажи, удивительный среди людей, любимый мною дидакал, учитель мой, — как запад живет, жива ли вселюбимая мать моя и любезная царица Олимпиада и что о нас во вселенной слышно. Знают ли люди, что мы, покорив всю землю, до рая дошли, о котором ты в книгах своих пишешь, что он на краю земли, в Эдеме, на востоке; и до рая дошли, и до Макаринских островов в реке Океане, где, как говорят эллинские мудрецы, души людей пребывают. Но там я души ни одной не видел, и, как истинно макаринский князь нам сказал, не там они, а в глубинах земли, в адových реках, где они ожидают свободы или осуждения от высшего промысла и великого Бога Саваофа». Слыша это, Аристотель удивлялся и так сказал Александру: «Благодарю Бога, удостоившего меня видеть светлое и прекрасное лицо твое, сильный, славный, дивный среди людей, государь всего света, великий царь Александр. Ибо вселенная всему, что ты совершил, дивилась и обрадовалась весьма великой славе твоей, которою Бог одарил тебя, как ни одного другого человека. Македонская земля радуется, веселится и цветет, как цветок среди

земля и радуется и веселится, цветет, яко кринь между земьскими царствии и Бога непрестанно молятъ за тя всегда, другаго не имають такового добыти ни царя, ни господина, якоже тебе, Александре. Вѣдомо да есть тобѣ, яко вселенная вся недостойна есть ни единому власу от главы твоя падающе. Госпожа твоя мати благо днесь здравствуетъ и жалостно тебѣ позирающе видети или слышати, мирно в Македонии царствуетъ, и жалостию и радостию умъ пременяюще, во страхе всегда сущи, в недоумѣнии бывши, хочет бо сподобитися видети лице твое свѣтлое. *Молит* бо тя много, глаголющи: „Не преслушай мене о семь, всѣлюбезный мой сыну и милый свѣте очию моею, но услыши мене, насытитися твоя свѣтлости и со всечестною твоею свѣтлостію царицею Роксаною. Аще ли тобѣ в Македонію невозможно приити к намъ, к царству твоему приидомъ, идѣже ты повелѣши, и твоего насытитися мнѣ сладкаго вида, живот бо свой вскорѣ смерти изменити имамъ”».

О сихъ словесех Александръ умилися и рече: «Блажю всякого сына, отеческому повинующеся повелѣнью». И се рекъ, Аристотеля за руку примъ, на обѣдъ сяде. Все же велможи его, велиции князи и господства земьская по достоянью и по подобію *сѣдоша*. Филона же и Птоломѣя и Селевка на особномъ столѣ посади близу царския трапезы конец подножия. Аристотеля же и учителя своего и Лаомендуша, Поликратушева сына, егоже любяше зело, конец престола своего на шестом степені посади близу царские трапезы конец подножия. Преполовившуся обѣду, воставъ Аристотел, дары Александру и царицы принесе, иже бѣше послала ему Алимпіяда царица, мати его. И принесе ему стемы двѣ, едину Александру, а другую Роксане, великии с великимъ жемчюгомъ и с каменіем многоцѣнным; и два фарижа бела, оседлана слоновыми седлы с каменіемъ и со златомъ и серебромъ; и 100 коней зобных, и кучму царскую з жемчюгомъ и с каменіем многоцѣнным; и 1000 оклопій, приставленных на лвовых кожах, и 4 роги слоновых, и два перстни драгии, и хакизмо парижское от коркодиловы кожи и з жемчюгомъ и с каменіем многоцѣнным, и 100 блюд златых настольных, и листь, имеющъ сице: «Всесладкий и вселюбезный и милый свѣте очию моею, Александре сыну, всего свѣта царю, вселюбезная и вождѣнная мати твоя Алимпіяда пишу. Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа ратъ между собою сотвориста велику и умирити их не могох, да всегда со слѣзами ихъ внимаю, твое помышляюще от мене разлучение, сыну мой; и вся царская богатства и злата и ни во что же вмѣняю, твоего помышляюще улишения. Не *так* аз немилостива есмъ, якоже мнится тобѣ быти. Да аще возможно тобѣ к намъ в Македонію приити, аще ли тобѣ невозможно есть, мы к царству твоему приидемъ, да твоего насыщюся всесладкаго вида, живот бо свой, сыну мой, вскоре смертию заменю».

И тако скончавшуся обѣду, нѣкий от велмож его рече ко Александру: «Александръ царю, достоит тебѣ отъ земель болшии дани взимати». Александръ

земных царств, и Бога непрестанно македоняне молят о тебе, — другого такого не будет у них ни царя, ни господина, как ты, Александр. Знай, что вся вселенная не стоит одного волоса с головы твоей. Госпожа мать твоя ныне в добром здравии и хочет видеть тебя или слышать, мирно в Македонии царствует, то печалась, то радуясь, в страхе всегда и в недоумении пребывает, хочет сподобиться видеть лицо твое светлое. И много просит тебя: „Не оставь меня без внимания в этом, возлюбленный сын мой и милый свет очей моих, но услышь меня, дай насытиться твоею красотой и достойнейшею красотою царицы Роксаны. Если тебе в Македонию невозможно прийти к нам, то мы к тебе придем, куда ты велишь, и насыщусь сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью”.

Этим словам Александр умилился и сказал: «Заслуживает похвалы сын, повинующийся родительскому повелению». И, сказав так, взял Аристотеля за руку и сел пировать. Все же вельможи его, великие князья и земные государи сели по своему достоинству каждый. А Филона, Птолемея и Селевка за особый стол посадил у подножия царского стола. Аристотеля же, своего учителя, и Лаомендуша, сына Поликратуша, которого он очень любил, около престола своего на шестой ступени посадил рядом с царским столом. В середине пира Аристотель встал и принес Александру и царице дары, которые послала царица Олимпиада, его мать. Принес два венца, один Александру, другой Роксане, с жемчугом и многоценными камнями; двух коней белых, оседланных слоновыми седлами с камнями, золотом и серебром; и сто тысяч коней тучных, и царскую кучму с жемчугом и многоценными камнями; и тысячу щитов, обтянутых львиной кожей; и четыре слоновых бивня, и два драгоценных перстня, и попону для коня из крокодиловой кожи с жемчугом и многоценными камнями, и сто золотых блюд настольных, и письмо: «Всесладкий, вселюбезный, милый свет очей моих, сын Александр, царь всего света, вселюбезная и желающая видеть тебя мать твоя Олимпиада пишу тебе. Знай, что с тех пор, как не вижу тебя больше в Македонии, — с того времени сердце мое и душа воюют во мне и примирить их не могу, но всегда со слезами им внимаю, думая о нашей разлуке, сын мой; все царские богатства и золото — ничто для меня, когда думаю о твоём отсутствии. Не так я немилостива, как ты думаешь. И если можешь, к нам в Македонию приди, если же невозможно, мы к тебе придем, и насыщусь все­сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

И когда кончился пир, некто из вельмож Александра сказал ему: «Царь Александр, следует тебе с земель большие дани брать». Александр

же к нему рече: «Ни градаря такового ненавижу, иже и с корениемъ зелие исторгающе».

И ту Александръ на гостьбѣ той узрѣ персенина нѣкоего от велмож своих и стара велми, иже браду свою *вапсалъ* бяше, яко млад человеком указывается. И рече ему: «Любимый мнѣ и милый Каньсире, иже кая полза от вопсания сего хочет быти, колѣна ногамъ своимъ *вопсай*, има же да укрепится; аще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ — не вопсайся, — яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семь властели его много смеялся.

Другий же нѣкто велможа у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бяше велми, и всякого боящесе и из бою утекаше. Александръ же к нему рече: «Человѣче, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно естъ».

И в той же день ко Александру приведоша 3000 гусарей и рекоша ему властели обѣсити сихъ всѣхъ. Он же к ним рече: «Да коли лице мое видели суть, то не имеет ни единъ их умрети; судьям бо дано убивати, царю же дано естъ миловати». И сотвори ихъ Александръ ловцы собѣ.

И въ тьи дни приведоша ко Александру человекъ индѣянина, славно такова стрелца глаголаху быти, яко сквозѣ перстень стрелу простреляше. Александръ же стреляти ему повелѣ. Он же не хотѣ. И паки ему в другой повелѣ и он не восхотѣ же. Александръ же повелѣ ему главу отсеци. Ведуще же его и рекоша ему: «Почто, человекъче, животь свой отдаде за едино стреление?» Он же к нимъ рече: «Десять дней имаю отнелѣже за лук не приимаю, и убояхся, яко пред нимъ погрешу и славу мою изгублю». Сии же Александръ слышав и похвали его много и с честью отпусти его, зане изволи смерти, нежели славу изгубити.

И ту Александру нѣкий от воинник приступивъ и рече: «Великий царю Александре, дщи едина у мене естъ и ныне оужити ю хошу, да помози». Александръ же 1000 талантъ злата ему дати. Он же рече: «Много ми естъ, Александре царю». Александръ же рече ему: «Царский даръ велику честь требует».

И ту Александръ Аристотеля, учителя своего, дарова, стему велику дасть ему, и одеяние многоцѣнное Пора, индѣйскаго царя, 10 тысяч талантъ злата, 10 кулобъ великого бисера, и в Македонию его посла, повелѣ ему привести матер свою к себѣ, Алимпияду царицу, на стан великий к нему во Египеть в Палестинской земли. Сам же ту с Роксаною царицею оста.

И ту Александру человекъ нѣкто прииде и рече ему: «Царю Александре, преж сихъ малых дней, ловащу ми при краи реки на Тигре, сокровище велико изнаидоша злата; да аще хоцещи, поиди и возми сие, много множество естъ». Александръ же рече к нему: «Всяко злато въ Божних руцех естъ, да аще хотѣл бы Богъ, мнѣ бы явилъ, но понеже тобѣ естъ объявилъ, да поиди, возми сие».

же ему ответил: «Не люблю садовника, который с корнем растение вырывает».

И тут на пиру Александр увидел некоего перса из своих вельмож, уже очень старого, который бороду свою красил, чтобы казаться молодым. И сказал ему: «Любимый и милый Кансир, если может быть польза тебе от краски, крась колени ног своих, чтобы они укрепились; если ты краской старость укрепляешь, то не говорю тебе, чтобы ты не красился, но краска тебя не изменит и ты, считая себя молодым, от старости неожиданно умрешь». И вельможи его этому много смеялись.

И другой был вельможа у Александра, звали его Александром, но был он очень труслив, всего боялся и с битв убегал. И Александр сказал ему: «Послушай, либо имя измени, либо нрав; мое имя тобою позорится».

В тот же день к Александру привели три тысячи разбойников, и сказали ему вельможи, чтобы он повесил их всех. Он же им сказал: «Поскольку они меня увидели, то ни один из них не умрет; ибо судьям дано убивать, царю же дано миловать». И сделал их Александр своими охотниками.

И в тот день привели к Александру человека, индеец, столь славного стрелка, что, как говорили, он сквозь перстень стрелой попадал. И Александр велел ему стрелять. А он не захотел. И тот вновь ему приказал, он же опять не стал. Александр велел ему отсечь голову. Когда же повели его, то спросили: «Зачем ты жизнь свою отдаешь за один выстрел?» Он же сказал им: «Десять дней, как за лук я не брался и боюсь, что перед ним промахнусь и славу мою погублю». Услышав это, Александр похвалил его и с честью отпустил, потому что он предпочел умереть, чем славу свою погубить.

И тут к Александру некий воин подошел и сказал: «Великий царь Александр, дочь у меня есть и сейчас выдать замуж ее хочу, помоги мне». Александр велел дать ему тысячу талантов золота, а он сказал: «Это много, царь Александр». Александр же ответил: «Царский дар великой чести требует».

И тут Александр учителя своего Аристотеля одарил, венец дал ему и многоценное одеяние великого индийского царя Пора, десять тысяч талантов золота, десять мер крупного жемчуга, и в Македонию его послал, велел ему привести свою мать, царицу Олимпиаду, к себе, в свой лагерь, в Египте, в Палестинской земле. Сам же там вместе с царицей Роксаной остался.

И тут к Александру некий человек пришел и сказал ему: «Царь Александр, несколько дней тому назад, когда я ловил рыбу в реке Тигр, огромные сокровища нашел, золото; если хочешь, пойдя и возьми, потому что много его». Александр же сказал ему: «Все золото в руках Божиих, если бы хотел Бог, то мне бы его открыл, но поскольку тебе показал, то иди и возьми

Он же ко Александру рече: «Елико требовах, от него взях, останок же возми ты, царю. Множество бо есть много, два дни и двѣ нощи елико хотѣхъ и носих, ктому же не требую». Александръ же подивися сему и, на конь всѣдъ, на мѣсто то поиде, множество же злата виде и рече: «Егда от Дариевыхъ сокровищъ злато сие есть». И тако повелѣ всему войску взяти. И толико его множество бѣ, елико вси до воли взяша, Александръ же сто кубловъ от него оста.

Сему же бывшу, и се Алимпияда царица, мати Александра царя, от Македонии прииде. Александръ же и вси цари и велможи нарядивъ и во всей силѣ и войско свое направи, кони поводныи великии под бисерными седлы и златыми учреди, и трубы гласовныи, и органи, и тимпаны псалтырныи, и мусикийскыи хитрости по достоянью урядив, и колесницу велику со златом и бисеромъ и с каменнемъ украшену на стрѣтение матери своей посла. И преже себе Роксану царицу посла, 1000 владыкъ посла с нею. Видѣвши же сие Алимпияда возрадовася велми и позирающи на ню, дивляшеся добротѣ ея и лѣпости, изрядному ея разуму; и сладко сию обლობызающи и к сердцу своему пригорнувши, рече: «Благодарю тя, Боже мой, яко далъ еси Александру подобну ему жену. Добрѣ обрѣла тя есмь, сердце, и душе, и милый свѣте очию мою, вселюбезная дщи моя Роксана». Роксана же к ней рече: «Добре пришла еси, и великая и свѣтлая, всего свѣта царица, государя моего мати, мнѣ же госпоже, Алимпияда царица». И тако на колесницу вседоша и поѣхаша. По том же Александръ срѣте ихъ в чудной великой и дивной порастаси со всѣми своими вои и велможи, вси же на великихъ конехъ и всякий велможа предъ своимъ полкомъ в царской стеме и на златой колесницы направи ѣхаша. Александръ же ѣха у великой толши македонскаго стана на великомъ кони в финическом одеянии, на главѣ же его перская кучма стратокомилowym перьемъ, на кучме венечъ Клитоврии, амазинской царицы. Егда же близу сташа, тогда царицы обе слезоша, саговѣ свягне по полю тому вергоша, и ту на нихъ ставше, Александра дождаше. Александръ же отдалека с коня на землю сяде и с велможами своими к матери прииде пѣшъ. Мати же его видѣвши, за горло его похвати и сладко целующи и рече: «Добре обрѣла ты, сыну и всего свѣта господине, Александре царю». И се рекши, к станомъ поидоша. Бяше же видети ту дивный чудный и красный станок. Егда же к стану приѣхаша, тогда полкове по достоянью разрядишася и рядомъ около ихъ оба пол идяху. Вси же трубы псаловныи удариша, органы и прасковицы, различныи мусѣкийскыи свѣрили; и не бѣ ту слышати и ни единого гласа от трубнаго вопля и от коньскаго уристанія. И тако в станъ свой приидоша. Велможи же по достоянью седоша. Александръ же сѣде на великомъ своемъ на златомъ престоле, о правую же страну сѣде его мати Алимпияда, о лѣвую же страну сѣде Роксана, жена его; и ту веселяшеся много. Александръ же начатъ ей сказывати боеве вси великии, иже сотвори з Дариемъ, царемъ перскимъ, и прочими восточными и западными цари. Сие же слышавши Алимпияда царица дивляшеся. И тако повелеваше

его сам». Тот ответил Александру: «Сколько нужно было, взял из него, остальное возьми ты, царь. Его так много, что два дня и две ночи я носил сколько хотел, и мне больше не нужно». Александр удивился этому, и, сев на коня, к тому месту поехал, и, видя множество золота, сказал: «Наверное, это золото из сокровищ Дария». И велел своему войску брать его; и так много его было, что все брали сколько хотели, и Александру сто мер от него осталось.

И когда это было, царица Олимпиада, мать царя Александра, из Македонии пришла. Александр всех царей и вельмож собрал и все свое войско привел в порядок, коней под жемчужными седлами с золотом приготовил, которых вели на поводу, трубы, органы, тимпаны псалтырные и все музыкальные инструменты, как подобало, приготовил и колесницу, украшенную золотом, жемчугом и камнями, навстречу матери своей послал. Прежде себя царицу Роксану отправил и тысячу вельмож с нею. Увидев все это, Олимпиада возрадовалась и, глядя на Роксану, дивилась ее красоте и необыкновенному уму; и, сладко целовав ее и к сердцу своему прижав, сказала: «Благодарю тебя, Боже, за то, что дал Александру достойную его жену. Рада увидеть тебя, сердце мое, душа и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана». Роксана же ей сказала: «Добро пожаловать, великая и светлая царица всего света, государя моего мать, мне же госпожа, царица Олимпиада». И сели они на колесницу и поехали. Александр встретил их чудесным и дивным образом, со всеми своими воинами и вельможами, — все они были на великих конях и каждый вельможа ехал перед своим полком в царском венце и на золотой колеснице. Александр же ехал в окружении македонских воинов на великом коне в финикийском одеянии, на голове его была персидская кучма со страусовыми перьями, на кучме венец Клитевры, мазаньской царицы. Когда же они сблизились, обе царицы сошли и, встав на ковры, которые по полю тому были расстелены, ждали Александра. Александр далеко от них с коня на землю сошел и с вельможами своими к матери подошел пешком. Мать, увидев его, за шею его обхватила и, сладко целуя, сказала: «Рада видеть тебя, сын и всего света господин, царь Александр». И, после того как она это сказала, они пошли в дивный и прекрасный лагерь. Когда к нему подъехали, то полки разделились и рядом с ними с обеих сторон шли. И все трубы псалмовные затрубили, зазвучали органы, и прасковицы, и различные свирели; и не было слышно ни единого голоса из-за звучания труб и конского топота. Так они в лагерь прибыли. Вельможи согласно их достоинству сели. Александр же сел на великом своем золотом престоле, по правую сторону от него села его мать Олимпиада, по левую сторону села Роксана, жена его; и тут они много веселились. Александр стал рассказывать о всех великих битвах, которые были у него с Дарием, персидским царем, и прочими восточными и западными царями. Слыша это, царица Олимпиада дивилась. И велел он затрубить в трубы, которые называются сирини

трубамъ ударити, иже зовутца сирини намелии.* Такови же органы суть: 3000 писковъ имают, гласове же вси различни суть, дебели, и тонцы, и висоцы, и низцы, и тако жалостно слышати их и сладцы, яко всяки челоуѣчский разумъ дивляшеся. И ту веселившеся много Александръ царь со Алимпиядоу царицею, матерею своею, и с Роксаною царицею, с престола восташа, цари же в шатры разыдошася.

Во единый от дний повель Александръ младымъ витязем торгатися; в другой же день из луковъ стреляти; во иные же дни нѣкую игру играху, иже зоветца каруха,* дивна же есть и чудна зело.

Тогда ко Александру приступиста два витязи македонина, иже Александръ велми любяше, от млада их бяше сохранилъ; брата же присная бяху, матер же в Македонии имяху, за многая лѣта сию не видели бяху. Она же имъ часто поручеваше и писаше многа, яко приидуть к ней в Македонию видети их. Они же любви Александровы отторгнутися не могуше, во мнозѣхъ лѣтах к матери своей не приидоша. Мати же их, твердую вѣру ко Александру видѣвши, яко отторгнутися от его любви не имають, дивно чудно и диво достойно сотвори и повести велицен. Отравный ядь со ухищрениемъ у глакизме примеси, иже наричется рефне, и то сотворивши, и сыномъ своимъ посла и листъ писа к нимъ: «Сладкима сынома мойма и милыма красныма двема, Левкудушу и Врионушу, любимая ваша мати Менерва, вамъ пишу радоватися. Вѣсте добре, сынове мои, яко се 20 лѣтъ лица вашего не видѣхъ, ни вы мене узрите; многожды бо к вамъ писах, желающи вас видети, вы же всегда поручаетесь, глаголюще, яко: „От любве Александровы отторгнутися не можемъ”. Да вѣдомо вамъ буди, сынове мои, яко всяка слава и богатество во своих почтено есть и сладко, в чюжих же вамъ сущим, ни во что же золото бо ваше... мертво лежитъ. Да клятвою заклинаю васъ, во млеко, еже воскормихъ васъ, яко приидѣте и видите мя. Аще ли Александръ васъ не пустит, гликизмо вамъ рефно дахъ, и Александру вкусити дайте, егда бо от него вкусит, в той час вас отпустит». Левкодушъ же и Врионушъ листъ матери своей прочетше, Левкодушъ же матери своей зазрѣвъ и посмѣся, Врионуша же зелие то возьмъ и сохрани. Левкодушъ же к нему рече: «Заверзи сие, не иматъ ни единыя ползы в немъ». Бяше бо Левкодушъ конюшей бояринъ у Александра царя, Врионуш же чашу подаваше Александру царю. Врионуш же лукавое на сердцы своемъ держаше, просил бо бяше у Александра Македонскаго царство многожды, Македонии; Александръ же к нему рече: «Всю вселенную разделить имамъ, Македонии же никому не дамъ, до живота бо имамъ владѣти ею самъ, по смерти же моей да владѣти будет, кому Богъ дастъ Александров нарокъ... и крѣпка десница, и острый мечъ». О семь Врионушъ на Александра злобу имый, зелие оно хотѣ Александру подати. Возрѣ же на красоту лица его, паки не восхотѣ, и держа сие 6 лѣтъ, не могый Александра отравити, не даваше ему брат его Левкодушъ, но караше его, глаголя: «Бойся Бога, о челоуѣче, не убивай мужа дивна и чудна, егоже

намелии. А эти инструменты три тысячи звуков имеют, все голоса различны — густые и тонкие, высокие и низкие, и столь печально звучат они и сладко, что дивится им всякий человеческий разум. И тут веселился много царь Александр с царицею Олимпиадой, матерью своею, и с царицею Роксаной, и встали они затем с престола, и в шатры свои разошлись.

В один из дней велел Александр молодым витязям сражаться; в другой день из лука стрелять; в иные же дни в некую игру играли, которая называется каруха, дивна она и чудна.

Тогда к Александру подошли два витязя-македонянина, которых Александр очень любил, смолоду они у него были; братья же родные были они, мать их в Македонии была, и много лет они ее не видели. Она же их часто просила и писала, чтобы пришли к ней в Македонию и она увидела бы их. Они, из-за любви к ним Александра, покинуть его не могли и много лет к матери своей не приходили. Мать же их, видя, что из верности Александру они не оставят его, совершила достойное удивления и великой повести. Отравный яд искусно смешала со сладостью, что называется рефне, и, приготовив его, сыновьям своим послала вместе с письмом: «Сладкие сыны мои, милые, прекрасные Левкодуш и Врионуш, любимая ваша мать Менерва, пишу вам приветствие. Хорошо знаете, сыновья мои, что вот уже двадцать лет лиц ваших не видела и вы меня не видели; много писала вам, желая вас видеть, вы же всегда говорите: „Александра оставить мы не можем“. Знайте, сыновья мои, что всякая слава и богатства среди своих почтенны и милы, когда же вы среди чужих находитесь, ваше золото мертвым лежит. И клятвою заклинаю вас, молоком, которым вскормила вас, — придите и увидьтесь со мною. Если же Александр не отпустит вас, посылаю вам сладость рефне и Александру вкусить ее дайте, когда же он ее вкусит, тотчас отпустит вас». Левкодуш и Врионуш письмо своей матери прочли, Левкодуш мать укорил и посмеялся, а Врионуш зелье взял и сохранил. Левкодуш сказал ему: «Не думай об этом, нет в нем никакой пользы». Был Левкодуш конюшим у царя Александра, а Врионуш чашу подавал царю Александру. Врионуш лукавство в сердце своем имел, ибо просил он у Александра Македонское царство много раз; Александр же сказал ему: «Всю вселенную отдам, Македонию же никому не дам, до конца жизни буду владеть ею сам, по смерти же моей пусть владеет ею тот, кому Бог даст счастье Александра, крепкую десницу и острый меч». Поэтому Врионуш, на Александра злобу имея, зелье это хотел Александру дать. Но посмотрел на прекрасное лицо его и не дал, и держал его шесть лет, не в состоянии Александра отравить, и не давал ему это сделать брат его, Левкодуш, укорявший его, говоря: «Бойся Бога, человек, не убивай мужа дивного и чудного, мудрости которого эллины удивлялись, храбрости которого персы и индийцы изумились, от него потряслась вся земля под

мудрости еллини подивишася, егоже храбрости перси и индѣяне почюдишася, от негоже потрясеса вся подсолнчная земля, восточная и западная и южная и сѣверная, егоже убояшася вси морстии отоцы. Аще бо сего погубиши, брате, то вес свѣтъ смертию смести его хощеси и самъ злъ умрети имаеши». И хотяше Левкодушъ Александру сказати сие, но Александръ бы ему не вѣровалъ, понеже Врионуша любяше зело. Птоломѣю же воеводе сказати хотяше, но размысливъ рече: «Аще брата моего убивють, и мене с нимъ убивють». И Врионуша часто караше. Он же сего не послушаше, добре бо рече: «В неразумное сердце терние внидет, и вскоре не изыдет».

Исперва бо от лукавыхъ женъ убийство сотворися, якоже древле Елга ради от древа райския пища отлучихомся, Соломан бо, мудрый во челоуѣцех, женою лукавою ада наслѣди, и Самсону великому в крѣпости и женское ухищрение одолѣ, Иосифъ прекрасный от лукавыя жены много претерпѣ. И ту бо великого Александра, макидоньского царя, лукавство женское постиже.

Во единъ бо день Александръ гостбы велики велможемъ и воемъ своимъ сотвори. В той бо день дары от Востока ему принесоша. И на томъ ѡбѣде велику веселость сотвори. Има же Александръ чашу самотворну от андракса камня, и дивна бяше и многоцѣнна велми, тою же всегда Александръ пияше. Тогда Александръ женѣ своей Роксанѣ тою чашею напив подаваше. Врионуша же сие чаши не соблюде и, ко Александру сию чашу несоша, и испусти ея из рукъ, и разбися. Александръ же о семъ разсердився, Врионуша побранихъ мало. Врионуша же за злобу ону на умъ вземъ и сие на сердцы храняше на своего си благодателя безумно, и ту его хотя отравити, но не дасть ему братъ его Левкодушъ. Таковъ бо сий лукавъ бяше и гордивъ, зломнивый Врионушъ, помышляше бо в себѣ, глаголя: «Аще Александра отравлю, царь всему свѣту буду».

В той день придоша ко Александру от Иеросалима иудеи, принесоша ему шатерь великъ велми и сказаша ему, глаголя, яко пророкъ Иерѣмѣи умре. Александръ же сие слышавъ и оскорбися немало.

И в той день придоша к нему мужи мнози от града, егоже создал бяше, Александрию, ко Александру рекоша: «Царю Александре, град, егоже еси создал бяше, Александрѣю, не можемъ никако жити в немъ». Александръ же рече: «За что?» Они же к нему рекоша: «Змѣй великий от реки египетцкыи изходитъ и людей ухватает, и ядомъ умирають». Александръ же к нимъ рече: «Идѣте во Иеросалимъ, и *кости* пророка иудейска Иеремѣя взявше, на крестъ града сихъ узидайте, того бо молитва ядъ исцѣлетъ змиин». Они же шедше и тако сотвориша, и от того часу и до нынѣ змѣй во Александрѣи челоуѣка ухватити не можетъ.

И в той день жена нѣкая, ко Александру приступивъ, сии рече: «Александре царю, муж мой злобит мя и бранит мя много». Александръ же рече: «Всякой женѣ глава есть мужъ, мнѣ же нѣсть дано судити жены пред мужемъ». Она же Александра понудити хотящи, да мужа ея убьет, и рече:

солнцем, восточная, западная, южная, северная, которого испугались все морские острова. Если его погубишь, брат, то весь свет смертью его низвергнешь и сам бесславно умрешь». И хотел Левкодуш Александру сказать об этом, но Александр бы ему не поверил, потому что Врионуша любил весьма. И воеводе Птоломею сказать хотел, но подумал: «Если брата моего убьют, то и меня с ним убьют». И Врионуша часто корил. А тот его не слушал, ибо хорошо сказано: «Если в неразумное сердце терние войдет, то быстро не выйдет».

Ибо от начала из-за коварных жен совершались злодеяния, — так в древности из-за Евы райской пищи лишились, мудрый среди людей Соломон из-за жены коварной в ад последовал, сильного Самсона великого женское коварство одолело, и Иосиф прекрасный от коварной жены много претерпел. И великого Александра, македонского царя, коварство женское настигло.

В один из дней Александр устроил большой пир для своих вельмож и воинов. В тот же день дары с Востока ему принесли. И на этом пиру он весьма веселился. У Александра была самотворная чаша из камня андракса, дивная и многоценная, из нее всегда пил Александр. В этот раз выпив из той чаши, он передал ее жене своей Роксане. Врионуш неосторожно эту чашу обратно Александру нес и выронил ее из рук, и разбилась чаша. Александр из-за этого рассердился и Врионуша немного побранил. Врионуш за это зло в себе затаил и в сердце хранил, безумный, против своего благодетеля, и хотел его тут же отравить, но не дал брат его, Левкодуш. Столь коварен был, горделив и злопамятен Врионуш, что думал в себе: «Если Александра отравлю, царем всего света буду».

В тот день пришли к Александру из Иерусалима евреи, принесли ему большой шатер и сказали, что пророк Иеремия умер. Александр, услышав это, опечалился немало.

В тот же день пришли к нему мужи многие из города, который он создал, из Александрии, и сказали Александру: «Царь Александр, в городе, который ты создал, в Александрии, никак не можем жить». Александр спросил: «Отчего?» Они же ему ответили: «Огромный змей из египетской реки выходит и кусает людей, и они от яда умирают». Александр сказал им: «Идите в Иерусалим, и возьмите кости еврейского пророка Иеремии, и в городе своем их положите, ибо его молитва от змеиного яда исцеляет». Они пошли и сделали это, и с того времени и доныне змей в Александрии людей не кусает.

И в тот же день некая жена к Александру пришла и сказала ему: «Царь Александр, муж мой сердится на меня и бранит меня много». Александр ответил: «Всякой жене глава муж ее, мне же не дано судить жену перед мужем». Она же хотела вынудить Александра, чтобы он ее мужа убил, и сказала: «Царь

«Царю Александре, мене убить, тебѣ же невѣренъ есть». Александръ же к ней рече: «Нѣсть ти дано мужю судити, во царствии бо моемъ жены да не судят мужем. Горе бо челоуку, имже жена обладает, горе бо, — рече, — земли той, в нейже жена царствует; о горе тѣмъ людемъ, имже жена обладает, жена бо на едину потребу от Бога сотворися, дѣтородства ради; мужю же жена подручна есть». И се рекъ и языкъ ей повелѣ урѣзати.

В той же день двородержцы приступиша ко Александру и рече Дандушъ, милостный и любимъ бяше велми у Александра и вѣренъ ему есть, кротокъ же сии тѣломъ, но храбръ велми и конникъ добръ воинъ велми, ко Александру рече: «Государю великий, царю Александре, подобно есть, яко властели твои домове свои да видят, много бо лѣтъ, яко отнелъже от домов своих зашли суть». Ту Александръ повелѣ дары многоцѣнны принести и ту велможи свои повелѣ дарити царскими стемами многоцѣнными, и диядимами, и великимъ царскимъ одеяниемъ, индѣйскими и перскими фарижи, и много множество неизчетно злата и бисера разда. И тако всякому во свое царство отправитися повелѣ. Сам же с матерею своею и з женою своею и свободными витязи в Виталскии горы ловити поиде.

В той же день Врионушъ ко Александру приступивъ, рече: «Александре царю, дай мнѣ Македонское царство». Александръ же к нему рече: «Любимый мой Врионуше, я всему свѣту царь есмь, но людие македонскимъ царемъ зовут мя; но возми собѣ Ливию, и Киликию всю, и великую Антиохию». И сего же Врионушъ не восхотѣ, но помышляше во умѣ: «Аще Александръ умретъ, всему свѣту царь буду». И тако яд растворивъ, Александру дасть. Александръ же сие вкушъ, в той час студен бысть яко крошець и очюти, яко отравленъ бысть и рече: «О любимый мой и милый врачу Филиппе, вѣдомо да есть тобѣ, яко в сладкомъ вине вкусих горкий ядъ». Филип же сие слышав и стему з главы поверже и былия нѣкая теплейша с целымъ терякомъ* Александру дасть пити. Сие же слышав Врионушевъ братъ Левкодушъ, Александрове смерти очима не могий видети, на меч налегъ, прободеса. Александръ же ко врачу своему Филиппу рече: «Можеш ли от смерти избавити, Филиппе?» Филип же рече к нему с плачем: «О всего свѣта царю, идѣже хошетъ Богъ, побежася естества чин, да не возможно ми есть помощи дати, понеже ядовитая студень преодолѣвает сердца твоего теплоту. Но сие помощи ти могу: три дни живъ будеши, дондеже вся царства урядиши земская». Сие же Александръ слышавъ и главою покивав и рече, прослезився: «О суетная слава челоуческа, како вмале являешися, а вскоре погибаеши. Но добре рече рекии: „Нѣсть на земли радости, иже не приложится на жалость, ни есть слава, иже не преидеть”. О земля, и солнце, и твари, плачитесь днес мене, вмале бо на свѣтъ явихся и вскоре под землю отхожу. О земле, мати моя, красныи челоуки упитаеши, напрасно к себѣ приемлеши. О неуставная челоуческа чести, како мнѣ тихо посмеяся и напрасно паки мене к земли отсылаеши. Всесилнии и всемошнии и любимии

Александр, меня он убьет, тебе же неверен». Александр ей отвечал: «Не дано тебе судить мужа, в царстве моем жены пусть не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной цели Богом создана — для рождения детей; и жена мужу подвластна». И, сказав это, язык ей велел урезать.

В тот же день подошли к Александру двореуправители, и Дандуш — весьма любимый Александром, верный ему, невелик был телом, но весьма храбр и хороший воин — сказал Александру: «Великий государь, царь Александр, следует вельможам твоим увидеть свои дома, потому что много лет прошло с тех пор, как из своих домов ушли». Тут Александр велел дары многоценные принести и одарить вельмож царскими венцами многоценными, и диадемами, и царскими одеяниями, индийскими и персидскими конями, и огромное множество золота и жемчуга раздал. И велел всем в свои царства отправляться. Сам же с матерью своею, и с женою своею, и со свободными витязями в Витальские горы охотиться пошел.

В тот же день Врионуш к Александру пришел и сказал: «Царь Александр, дай мне Македонское царство». Александр ответил ему: «Любимый мой Врионуш, я всего света царь, но люди македонским царем меня называют; возьми себе Ливию, и всю Киликию, и великую Антиохию». Этого Врионуш не захотел, но подумал: «Если Александр умрет, всего света царем буду». И, растворив яд, дал его Александру. Александр вкусил его, и тотчас стал холоден, как камень, и понял, что он отравлен, и сказал: «Любимый и милый врач Филипп, знай, что со сладким вином вкусил я горький яд». Филипп, услышав это, венец с головы сбросил и теплой настойки с терьяком дал выпить Александру. Услышал об этом брат Врионуша Левкодуш и, чтобы смерть Александра не видеть, бросился на меч. Александр же врача своего Филиппа спросил: «Можешь ли ты от смерти меня избавить, Филипп?» Филипп сказал, плача: «О всего света царь, там, где хочет Бог, побеждается чин естества, мне же невозможно помочь тебе, потому что холод яда преодолевает тепло твоего сердца. Могу помочь тебе только так: три дня будешь жить, пока не распорядишься всеми царствами своими земными». Услышал это Александр, головою покачал и сказал со слезами: «О суетная слава человеческая, как ненадолго приходишь и как быстро исчезаешь. Хорошо сказано: „Нет на земле радости, которая не заменится печалью, ни славы, которая не пройдет“. О земля, и солнце, и твари, оплачьте сегодня меня, ненадолго на свет появился и рано под землю ухожу. О земля, мать моя, прекрасно людей вскармливаешь и неожиданно к себе берешь. О изменчивое человеческое счастье, как мне ласково улыбнулось и неожиданно опять к земле меня отсылаешь. Всесильные, всемогущие, любимые мои македоняне, если возможно вам от смерти меня избавить

мои македоняне, аще возможно вамъ смерти мя избавити днес, да с вами всегда буду, бийтесе с смертию ныне за мя, похитити мя от вас пришла есть». Се же слышавше македоняне и с плачем великим ко Александру глаголаху: «Александрю царю, сильный государю, аще возможно есть смерти откупити тя, животь нашъ вси дали быхом за тебѣ, но сие намъ невозможно есть. Но ты добре на земли пожил еси и смерть твоя почтена есть болши, нежели чий животь. Походи, Александре, походи на уготованное тобѣ мѣсто, на земли бо добре царствовал еси, и тамо рая наслѣдити имаеши».

Филип же, Александровъ врачъ, мску живу разсѣкъ и в ню всади Александра. Александръ же вся земская царства и великия государства и вси князи и властели по достоянию урядив. Алимпияду же матеръ и Роксану царицу приимъ, Филону призвав и Птоломѣя и рече: «О любимая моя присная два брата, Филоне и Птоломѣю, жену свою и матер свою предаю вамъ ныне, яко мою поминающе сердечную любов, сихъ почтено до смерти дохраните; Македонское же царство добре соблюдайте. Тѣло же мое в Александрѣи положите; мене же паки узрѣте тогда, егда мертвии от гроб востанут. Но вѣдомо да есть вамъ, яко напоследокъ лѣтом перси Македониею обладати имуть, якоже мы днес персы». И се рекъ Александръ, Роксану за руку приимъ и сладко ею обლობызаше, глаголя: «О Дариева дщи, мой милый свѣте очию моею, всего свѣта царице Роксано, вѣси ли, отнелиже любов моя *приплѣте* к тебѣ, колко извѣщения сердца моего указах тебѣ, якоже ни единъ муж к своей женѣ, такоже и ты указа мнѣ любов и честь вѣрну соблюде, якоже ни едина жена ко своему мужу. Вѣдомо да есть тобѣ, яко ныне любовь наша расторгнутися имаеть, отхожу убо во адъ, отнюду же возвратитися не имам. Остани з Богомъ, милая моя любви». И се рекъ Александръ, целовав, отпусти. И тако властели на целование призва и со всѣми по ряду целовася и с плачем к нимъ рече: «Любимии мои и милии македоняне витязи и вси прочии языцы, Александра другаго не имаете изнаити». И се рекъ, глаголя: «Приведите ми великаго моего коня Дучипала». Дучипал же, видѣ Александра умирающа, жалостно проржа и ногами землю бия, Александров обლობызаше одръ. Александръ же за гриву сего похватив и рече: «О милый мой Дучипале, некому другий Александръ всядет на тебе». И ту Александръ Врионуша оного зазрѣвъ и к нему рече: «О милый мой любимый Врионуше, ни вѣси ли, колико благая же сотворих тобѣ, почто зло за добро воздал ми еси, почто отравнаго яда напои мя. Но проклят да есть господинь той, иже государьскаго убийцу хранить, и проклят да есть, иже ... блудника хранить, и проклят да есть господинь той, иже здавцу градцаго хранить, но злаго убивъ, да ся зла укротит». И ту Дучипальъ скочивъ, Врионуша зубы за горло ухвати и к земли его притиснувъ; ногами до смерти уби. Александръ сие видѣвъ и рече: «Пий, брате Врионуше, яже ми еси предал чашу». Птоломѣй же разсѣкъ его, псомъ повелѣ поврещи. Александръ же на властели и на велможи возрѣвъ и рече: «О любимии мои и милии, всего свѣта

сейчас, чтобы с вами всегда был, сражайтесь со смертью ныне за меня, похитить меня от вас пришла она». Услышали это македоняне и с плачем великим Александру говорили: «Царь Александр, сильный государь, если возможно было бы у смерти выкупить тебя нашей жизнью, все бы отдали жизнь за тебя, но это невозможно. Славно ты пожил на земле, и смерть твоя почтеннее, чем чья-либо жизнь. Иди, Александр, иди в назначенное тебе место; на земле славно царствовал ты и там рай унаследуешь».

Филипп же, врач Александра, мула живого рассек и в него посадил Александра. И Александр всеми царствами земными и великими государствами распорядился, и всех князей и правителей по их достоинству распределил. Олимпиаду, свою мать, и царицу Роксану взял и призвав Филона и Птоломея, сказал: «Любимые мои, родные братья, Филон и Птоломей, жену свою и мать передаю вам, чтобы, помня о моей сердечной любви, вы их в почете до смерти оберегали; и о Македонском царстве позаботьтесь. Тело мое положите в Александрии; меня увидите вновь, когда мертвые из гробов восстанут. Но знайте, что в последние времена персы будут владеть Македонией, как мы сейчас персами». И, сказав это, Александр Роксану за руку взял и сладко ее поцеловал, говоря: «О Дариева дочь, милый свет очей моих, всего света царица Роксана, знаешь ли, что с тех пор, как любовь соединила меня с тобою, явил я тебе столько доказательств сердечной склонности, сколько ни один муж своей жене не являл, и ты явила мне любовь и честь мою верно сохранила, как ни одна жена своему мужу. Знай, что ныне наша любовь расторгнется, ибо ухожу в ад, откуда нет возврата. Оставайся с Богом, милая моя любовь». И, сказав это, Александр поцеловал ее и отпустил. И вельмож для прощания призвал, и всех их целовал, и с плачем сказал им: «Любимые мои, милые македонские витязи и все другие народы, второго Александра вы не найдете». И добавил: «Приведите ко мне великого коня моего, Дучипала». Дучипал, увидев умирающего Александра, печально заржал и, бия ногами землю, облобызал постель Александра. Александр за гриву его схватил и сказал: «Милый мой Дучипал, второй Александр на тебя не сядет». И тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуш, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал, — зачем злом за добро воздал мне, зачем отравным ядом напоил меня. Да будет проклят тот господин, который убийцу государя щадит, проклят тот, кто грешника щадит, проклят тот господин, который сдавшего город щадит, но пусть убьет злого, чтобы зло прекратилось». Тут Дучипал вскочил, и схватил Врионуша зубами за горло, и, к земле его прижав, ногами до смерти забил. Александр увидел это и сказал: «Пей, брат Врионуш, из той чаши, что передал мне». Птоломей же рассек его тело и псам велел бросить. Александр на правителей и на вельмож посмотрел и сказал: «Мои любимые, милые, великие цари всего света, вельможи и все витязи, всю вселенную покорили мы, богатые

царие велицши и велможи и прочии витязи, како всю вселенную прияли есмо, богатую и пустую землю, и рая доидохоомъ оного, идѣже Адамъ, праотець нашъ, бѣше; и вся красная земли видех, и высину неба разумѣхъ, и глубину моря узнах, но убежати не могах напраснаго смертнаго серпа. Вы, зряще мя умирающа, помощи ми хотите ли и не можете. Но поиду убо, идѣже суть вси от вѣка умершии, вы же останете з Богом, мене до смерти своей поминающе; и видѣтиса имамъ с вами тогда, егда мертвии от гробъ востанут на Судищи ономъ страшномъ и на великом торжищи». И се рекъ Александръ, издѣше, в земли нарицаемей Гесем,* во странѣ Халдѣйстей, близу Египта, в Межурѣчии Сѣверстемъ, на рецѣ Ниле, на мѣсте, идѣже Иосифъ Прекрасный седмъ житницъ фараону царю сотвориль бѣше.

И толикъ плачь и жалость сотворися ту, елико никто нигдѣ видѣ, ни слыша. И тако велможе, взявши тѣло его, во Александрѣю донесоша. Плакавши же мати его, Олимпияда царица, и Роксана царица, и цари, и велможи, и вси князи земьстии, и жены, и дѣти, и несмысленни скоти. Роксана же царица одеяние многоцѣнное на себѣ до земли раздра и власы главы своя простерши, с плачем жалостно ко Александру яко к живу глаголющи: «О Александре, всего свѣта царю, сильный господине и государю, писматар ли мнѣ бѣше, понеже в чюжихъ земляхъ мене остави? Сам же яко солнце заиде с солнцемъ под землю. О земля, и солнце, и горы, и холми, плачитесь со мною днес, и точите *очи* мои источник слез, дондеже езеро наполните и горы напоите пельневу горку, ядовиту мнѣ зело». И се рекши, на двор повелѣ излѣсти, сама же по конецъ Александра сѣдши, яко жива его обლობзаючи, глаголаше: «Александре, царю, македонское солнце, аще ми есть с тобою умрети, тебѣ разлучитися не имамъ». И се рекъ, меч Александровъ взявши и на нь налег, живот свой сконча. Птоломѣй же и Филон столпъ великъ создаста и высокъ среди Александрии града и на немъ ковчег златъ, тѣло же Александра царя и Роксаны царицы поставиша, идѣже до днес ту стоит. Велможи и цари и всякъ отъиде во свою землю. Александрѣю же царство Птоломѣю прилучися. Аминь.

и необитаемые земли, и до рая дошли, где был Адам, праотец наш; я все прекрасное, что есть на земле, видел — и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти. Вы же, видя меня умирающим, помочь мне хотите, но не можете. И пойду я туда, где все от века умершие пребывают, вы же оставайтесь с Богом, меня до смерти своей вспоминая; и увижусь с вами тогда, когда мертвые из гробов восстанут на том Страшном Суде и на великом торжище». И, сказав это, умер Александр, в земле, называемой Гесем, в стране Халдейской, около Египта, в Междуречии Северском на реке Ниле, на том месте, где Иосиф Прекрасный семь житниц сделал фараону-царю.

И такой плач и такая печаль тут были, каких никто нигде не видел и не слышал. И вельможи, взяв тело его, в Александрию принесли. Плакала мать его, царица Олимпиада, и царица Роксана, и цари, и вельможи, и все князья земные, и жены, и дети, и бессловесные животные. Царица Роксана многоценное одеяние на себе разорвала до земли и, распустив волосы, с плачем печально к Александру как к живому обратилась: «Александр, всего света царь, сильный господин и государь, разве враг ты мне, что в чужой земле меня оставил? Сам же как солнце с солнцем зашел под землю. О земля, и солнце, и горы, и холмы, плачьте со мною сегодня, лейте слезы, очи мои, как источник слезный, пока не наполните озера и пока не напоите горькую гору полынную, столь ядовитую для меня». И, сказав это, велела всем выйти, сама же около Александра села, поцеловала его, как живого, и сказала: «Царь Александр, македонское солнце, даже если мне придется с тобою вместе умереть, с тобою не разлучусь». И, сказав это, меч Александра взяла, и, бросившись на него, окончила жизнь свою. Птоломей и Филон большой и высокий столп сделали посреди города Александрии, и на нем поставили золотой ковчег, и в нем положили тела Александра и царицы Роксаны, там он и донныне стоит. Вельможи, цари и все остальные разошлись в земли свои. Александрийское же царство Птоломею досталось. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ОТ АЛЕКСАНДРА МАКИДОНСКОГО

Бяше царь Александръ Великий паче всѣхъ царей. Сынъ Филиппа царя всѣ царства въсприятъ, и вси языци поклонишася ему. Едини нагомудреци не приаша его,* ни женское царство.* Нагомудреци бо зрятъ, еже глаголется, смотрятъ Господа на небесѣхъ сѣдя на престолѣ, того ради не прѣдашася Александру царю.

Имяше же Александръ едину дщерь и много о ней боляше.

Егда приять звѣря, котораяй разбиваху вся вѣйскы,* и пришедь впаде в ливадахъ при водѣ, идеже исхожаху раци и похвощаша воя.* И единъ педопуль приять рыбу сушену и иде к водѣ той, да ю измыет, и обрѣте изворъ малъ, и вметну рыбу ону; она же ожиша и удари в воду — и тѣй бо бяше породимъ кладязь.* И прииде юноша спѣшно и възвѣсти Александру царю. Александръ же вложеня рыбы не вѣроваше бо своему слузѣ, яко тако случися. И какъ вложи Александръ сухыя рыбы в воду ту и в томъ часѣ ожиша.

И примм Александръ единъ крондирь, и взят от воды, и запечата, и предасть ю единому апроду, и рече ему: «Аще кто отпечатает, то азъ погублю тебе и род твой». Александръ же знаяше, колико лѣтъ хоцеть жив быти, егда будет ему къ смерти, да испиеть воды породимския, да родится и не умрет.

Дщи же его Панориа, видѣ юношу, велми стрѣгуши кондирь, и Панориа рече къ юноши: «Повѣж ми кондирь тѣй?» И глагола к ней онъ: «Не вѣмъ, госпоже моя». Она же рече: «Дай мнѣ, яко да поне вижду его». Юдрѣй рече: «Госпоже, велико запрѣщение имамъ от отца твоего Александра». Она же много имѣние ему даваше и многими муками прѣщаше ему, и зѣло скорбляше, како узнаеть, что есть в кондари. И паку рече Юдрею: «Лязи съ мною и повѣж ми». Тогда упадесе на ню и слегся с нею, и повѣсть ей все. И егда усну Юдрѣй, и она закла его, и поверже ѣ в кошници, и взят кондирь, и испить из него воду, и бысть невидима и бесмертна. Тогда Александръ проклять ю, и тако пребывает.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Был царь Александр Великий выше всех царей. Сын Филиппа-царя, он все царства покорил, и все народы поклонились ему. Только нагомудрецы не признали его, да еще амазонки. Ибо нагомудрецы зрят, как говорится, видят Господа на небесах, сидящего на престоле, того ради не покорились Александру-царю.

Была же у Александра единственная дочь, и много он о ней заботился.

И вот, взяв зверей, с которыми он сокрушал все войска, вступил Александр в низины у вод, откуда выходили раки и хватали воинов. Один же воин, взяв сушеную рыбину, направился к воде, чтобы помыть ее, и нашел небольшой родник, и бросил ту рыбу; она же вдруг ожила и, всплеснув, ушла в воду — ибо то был райский источник живой воды. И поспешил юноша к Александру, и рассказал об этом царю. Александр же не поверил рассказу слуги о рыбе и тому, что так случилось. Но когда и Александр положил сушеных рыб в ту же воду, они тотчас же ожили.

Тогда взял Александр некий сосуд, наполнил водой из источника, запечатал и передал верному слуге, сказав ему: «Если кто распечатает сосуд, то я предам гибели и тебя, и род твой». Ибо Александр, зная, сколько лет ему жить, решил, что, когда наступит час его смерти, выпьет воды живой, возродится и уже не умрет.

Дочь же Александра Панория, увидя, как юноша усердно оберегает сосуд, сказала ему: «Поведай мне, что в том сосуде?» И ответил ей он: «Не ведаю, госпожа моя». Она же сказала: «Дай мне, хоть посмотрю его». Юдрей же сказал: «Госпожа, строгий запрет дан мне от отца твоего Александра». Она же многие дары ему предлагала и многими муками угрожала, и очень домогалась, как бы узнать, что же в сосуде. И вновь говорит Юдрею: «Ляг со мною и поведаешь мне». Соблазненный ею, лег он с нею и поведал ей все. Когда же уснул Юдрей, она заколола его и сбросила в корзину, и взяла сосуд, и выпила из него воду, и стала невидима и бессмертна. Тогда Александр проклял ее, и так она живет до сих пор.

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

НАЧИНАЕТ КНИГА ПЕРВАЯ О ПЕЛЕИ,
ЦАРЬ ТЕФСАЛИЙСКОМЪ,* ПРИВОДЯЩАЯ АЗОНА,
ДА СЯ ПОШЛЕТ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО

В царствѣ Тефсалоникийскомъ, от предреченныхъ пристоящихъ к Раманникиѣ, егоже жители мирмидоняне нарекошася, еже мы днесь общимъ именованиемъ Салонисию нарицаемъ, царствова тогда царь некий, праведень и благородень, именемъ Пелеусъ, съ его супругою, Фетидою нарицаемою. От ихъ же супружества изыде мужъ толико силенъ, толико смѣль, толико храбръ, именемъ Ахиллесъ. Тѣхъ мирмидонянь хотяшии именовати Великую Грессию, сирѣчь Италию,* на троянское раззорение пришедшихъ, апрузинянь быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границахъ царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся,* а градъ Фетисъ, в той странѣ поставленный, от предреченныя Фетиды имя, глаголють, восприявше. Но глаголющие сиче — блудять, зане мирмидоняне обитатели Тефсалинские наричутся, ихъ же господинъ по смерти царя Пелея, отца своего, родимый Ахиллесъ на троянской брани многая с ними чудаса бранная содѣя. Якоже о нихъ свидѣтельствуеть Овидѣй Моненисъ,* начало баснословнѣ списуя. Глаголетъ бо тѣхъ мирмидонянь въ 14 бывшихъ мравиевъ, по молению царя тесалийскаго, данному богомъ, в челоуѣки преобразованныхъ, поне во дни тѣ вси людие царства Тесалийскаго смертною немощию конечнѣ низпадоша, единому оному царю оставшу, иже егда нѣ в коемъ лѣсе при корени нѣкоего древа прилѣпился, возрѣвъ туто, видѣвъ безчисленно мравиевъ собрание рышущихъ, в челоуѣки *обратити* молебнѣ проси. И во чтении блаженнаго Матвѣя апостола мирмидонесъ обитатели суть тесалинские, в нейже самъ апостоль нѣколько поживе, явнѣ покажется.

Сего же царя Пелея пишетъ история нѣкая имѣвше брата, Азона именемъ, ему от обою родителю союза и его в лѣтѣхъ болшаго, иже егда долгодневнаго вѣка старостию отягчашеся, самъ себе едва пасти можаше. И сего ради царства Тесалинскаго правителству неключимъ и велиею старостию сокрушенъ отдасть и ступись царскаго правления Пелею бо, брату своему.

ИЗ ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПЕЛЕЕ,
ЦАРЕ ФЕССАЛИЙСКОМ, И ЯЗОНЕ,
КАК БУДЕТ ОН ПОСЛАН ДОБЫТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО

В царстве Фессалийском, жителей которого упомянутые выше римляне называют мирмидонянами, а мы ту страну именуем теперь общепринятым названием Салоники, царствовал в те времена некий царь, справедливый и благородный, по имени Пелей, со своей супругой, звавшейся Фетида. От их брака родился муж, бывший, как никто другой, могучим, смелым и храбрым, по имени Ахиллес. Те, кто утверждает, что Великая Греция, то есть Италия, участвовала в разорении Трои, именуют мирмидонян апрузинянами, а это некий народ, обитающий по соседству с царством Сицилийским. Поэтому страна та Апузией называется, а город Фетис, в той стране основанный, получил имя, как говорят, от упомянутой выше Фетиды. Но говорящие так заблуждаются, ибо мирмидонянами называют жителей Фессалии, и Ахиллес, ставший их властителем после смерти своего отца, царя Пелея, в Троянской войне не раз показал с ними чудеса храбрости. О них повествует Овидий Монесис, рассказывая небылицы об их происхождении. Говорит он о тех мирмидонянах в четырнадцатой книге, будто бы были они муравьями, по мольбе царя фессалийского и по воле богов превращенными в людей, так как в то время весь народ царства Фессалийского поголовно скосила смертельная болезнь, и остался в живых один тот царь, который в некоем лесу приник как-то к корням дерева и, вглядевшись, увидел бесчисленное множество ползающих муравьев и в мольбе попросил, чтобы были они обращены в людей. И в книге блаженного апостола Матфея ясно сказано, что мирмидоняне — это жители Фессалии, в которой сам апостол прожил некоторое время.

Об этом царе Пелее рассказывает некое предание, что имел он брата, по имени Эсон, единокровного ему по обоям родителям и старшего годами, который, отягощенный глубокой старостью, сам собою едва мог управлять. И поэтому, угнетаемый глубокой старостью, отступился от управления царством Фессалийским и передал царскую власть брату своему, Пелею. После царство-

После коего Пелея пасения Азонъ чется, долго *времена* жив сице, да многою *старостию* ему оскудѣваюшу, очи ему померкша и пребывании его ради зелныя старости разслабися. Его же глаголетъ той же предреченный Овидий в той же книгѣ послѣ въ юношеские цвѣты и отроческие силы преновлена, да яко от старыя сѣни сотворися единоплѣтенъ врачевнымъ прилѣжаніемъ, хитросною силою Медеи,* о коей Медеи воисподи близъ имѣется слово.

От сего убо Азона остана сынъ нѣкий родимъ, Азонъ именемъ, мужъ силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, цѣломудръ, щедръ, добротѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаевъ свѣтель. Сего тесалинские велможи и честнородные сего народи велиимъ любви и желаниемъ за высоту сил его обѣяша, не менши, якоже царя Пелея, чувствующе. И бѣ той же Азонъ *не* менши послушливъ царю дяди, аки бы былъ отцу, аще бы царствовалъ, ниже бѣ докученъ ему, но всякимъ повиновениемъ благоговѣинъ, и аще и Пелей скипетръ тесалискій держа.

Но царь Пелей не тако ему помышляше, егже аще знамении внѣшнии себе любима быти показаше, но горяще и колебашеся внутрь, да не како силою своею и толикимъ желаниемъ от своихъ, еже к нему имяху, Язонъ его царства Тесалийскаго власти лишитъ. Долго убо во умѣ храняше раззжения, еже разумнымъ смысломъ покрываше, да не действомъ нѣкоюмъ извѣявленъ пронесется возможесть, внѣшнѣе долготрудебнымъ терпѣниемъ понудись. Сего ради многая поискавъ въ сердцѣ своемъ пути, имиже бы моглъ Язона погубити безъ срамоты своего познания.

По семъ о вещи чудной во дни тѣ по многимъ мира мѣстомъ многорѣчный слухъ изыде и во уши многихъ возгремѣ, да яко в нѣкоемъ островѣ, глаголемомъ Колкость,* за границами царства Троянскаго на восточную страну, нѣкий овень имяшеся, егже бѣ руно злато, да яко убо проповѣдъ слуха даяше. В томъ убо островѣ царствовати глаголаху царя нѣкоего, Оета именемъ, мужъ убо силенъ и богатъ, но лѣты стар. Сего златоруннаго овна* пишетъ история стрѣгома бывша чуднымъ попечениемъ и прилѣжаніемъ бога Арриса; къ его же стрезженію воли нѣкіе приставлены бѣша, горящие пламени изо устъ испущающе. И аще сего златоруннаго овна похощеть имѣти, с тѣми воли иматъ братися, и аще ихъ побѣдитъ, подобаетъ ему воли тѣ побѣжденныя игу повинити и понудити ихъ раломъ землю вскопати, на нейже бѣша. И аки побѣдивъ воли тѣ и орати понудивъ, еще иматъ на нѣкоего змиа, чешую грозна и пламени огненныя дышуща, напасти на того, брань с нимъ учинивъ, убити, и убивъ его, зубы отъ челюстей его извлещи, и извлекши, посяти на предреченной землѣ, отъ воловъ изоранной. Отъ сего селняго сѣмени семя чудно возрастетъ, поне отъ змиевыхъ зубовъ скоро нѣкіе вооруженныя воины родятся, братскую брань промежъ себе скоро учинять, иже ся особными язвами погубятъ. Сими убо бѣдными пагубами, а не иными стезями можаше предреченное златое руно имѣти. И *всемъ* хотящимъ в предреченныхъ братися царь Оетесъ свободенъ даяшеся приходъ. Но

вания этого Пелея Эсон еще долгое время прожил, окруженный почетом, пока очи его не померкли и тело его в долгой глубокой старости не ослабело. О нем же говорит тот же упоминавшийся выше Овидий в той же книге, что впоследствии были ему возвращены цвет юношеский и силы отроческие, так что из старца превратился он в годовалого младенца благодаря целительной силе и волшебному искусству Медеи, о каковой речь пойдет далее.

У этого Эсона был родной сын, по имени Язон, воин могучий и храбрый, юноша красивейший, целомудренный, щедрый, красноречивый, приветливый и сияющий всеми достоинствами. И вельможи фессалийские и знатные люди прониклись к нему большой любовью за величие доблести его и чтили его не меньше, чем царя Пелея. И тот Язон повиновался царю, дяде своему, словно отцу, если бы тот царствовал, не докучал ему, но благоговейно ему подчинялся, позволяя Пелею держать скипетр царства Фессалийского.

Но царь Пелей иначе о нем думал, и хотя внешне проявлял знаки любви, но в душе горел и терзался, страшась, как бы благодаря доблести своей и опираясь на любовь окружающих, которую те к нему питали, не отнял бы у него Язон Фессалийское царство. Долго таил Пелей в душе это пламя, скрывая его изощренным умом своим, чтобы не обнаружить себя в каких-либо поступках, и долго принуждал себя к мучительному терпению. И поэтому постоянно раздумывал, ища различные пути, как бы погубить Язона, не запятнав самого себя позором.

Некоторое время спустя многоустая молва о дивной вещи разнеслась по всему миру и у всех в ушах загремела, что будто бы на некоем острове по названию Колкос, за пределами царства Троянского, еще далее от него к востоку, есть некий овен, у которого, по слухам, — золотое руно. На острове том царствует, как говорили, некий царь, по имени Оетес, муж сильный и богатый, но старый годами. О златорунном этом овне вещает предание, что хранят его чудные чары и покровительство бога Ареса; для охраны его приставлены некие быки, испускающие из пастей жаркое пламя. И если кто хочет овладеть этим златорунным овном, то должен будет сразиться с теми быками, и если одолеет их, то должен принудить побежденных тех быков стать в упряжку и заставить их вскопать плугом землю, на которой они стоят. И, победив быков тех и принудив их пахать, еще должен он выйти против некоего змея, покрытого устрашающей чешуей и дышащего жарким пламенем, сразившись с ним, убить и, убив его, вырвать зубы из его челюстей, а вырвав, посеять на упомянутой выше земле, вспаханной быками. Из этих семян всходы невиданные взойдут, ибо из змеиных зубов тотчас же родятся некие вооруженные воины, тут же завяжут братоубийственную брань и погибнут от ран, нанесенных друг другу. И только свершив такие опасные подвиги, а никакими иными путями, можно добыть упомянутое золотое руно. И всем желающим испытать

яко убо сице о овнѣ златаго руна сложи история, глаголють паки истинну о немъ инако свидѣтельствующе. Рекоша бо царя Оета собрание сокровища велика стяжавша, и, стяжавъ, стрезению предасть преждереченному, но чародѣйственными дѣлы и хитростями волшебными учини. Сего бо сокровища собрание мирскимъ поглощением и скупым хотѣниемъ, еже всѣмъ злымъ есть мати, многи храбрии себѣ искати восхотѣша, но, возбраняющимъ чародѣйскимъ злобамъ, не сокровищное угодие, но конечное себѣ убийства претыкание взыскаша.

Да яко убо о золотомъ рунѣ ко царю Пелею слухъ прииде, толика живота погубления искавшу, скоро прилѣжно на то воздвиже сердце, любезнѣ внемля, да яко опаснѣ и без срамоты своего поползновения не можетъ предати Язона на погубление. Восприя убо помысль, како Азона понудит, да во храбрости своя силы юношески надѣясь ко золоторунному поисканию охотнѣ себе предасть. Умысли бо в торжественнѣмъ граде Тесалискомъ праздничный дворъ собрати, в немже множеству велможъ и воинъ немалу, сошедшусь двору, и по три дни *пребы* . В третий день царь Пелей призва к себѣ Язона предъ предреченными честнородными, сице глагола, рекъ: «Добрѣ хвалюсь, драгий сродниче, о владѣнии царства Тесалийскаго толь высока, но множае паче непшую мене славна о толицѣй храбрости и добротѣ сродичнѣ, зане твоя силы высоту ближние страны того дѣла свидѣтельствомъ познавают, и тѣмъ слухомъ истиннорѣчнымъ сказаниемъ всегдашнимъ проповѣсть в далеких. Еси бо Тесалийскаго царства и моего паче честь и слава; егда ты соблюду, царства Тесалийскаго бояться всѣ и тебѣ пребывающу, и ни единъ врагъ явится смѣеть. Но паки силы твоя славы в вышнихъ мя поставит, аще золотое руно, еже Оета царя власть держитъ заключенно, тебѣ могущу в заключение царства моего возможетъ принестися, еже не сумнюсь тобою велми легко можетъ быти, аще труда сердце смѣло воспримеши и вѣщания моего заповѣди не загладиши изслѣдити. Кая иже аще совершити умыслиши, тебѣ вся путная потребы уготовятся в приготовлении велице, спутники многими, ихъже от лутчихъ царства возможеша избрати. Повинися убо словесемъ моимъ и повелѣний сихъ дѣлателя покажи блага, да предо мною впередъ болшия любве явишися и о слухѣ храбрости твоя возвеселишися, на болшия высоты вознесиши. Ниже будетъ безчастенъ от великаго твоего угоднаго пригожества сильный трудъ твой, зане истинными обѣщаниями, а не лицемѣрными тебя извѣстна творю, да яко *мнѣ* оскудѣвшу, тебе наследника будуща в царствѣ Тесалискомъ поставлю, мнѣ живущу, мене не менши царствомъ обладаеши».

Уразумѣвъ убо Азонъ вся, кояждо яко толико *пред* предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися многую, не внимая лаятелныхъ царя коварствъ и его лести, помрачений не разумѣя, утвердись от реченныхъ от сердца

то, о чем рассказано выше, царь Оетес не чинит препятствий. Однако все это о златорунном овне рассказывается лишь в преданиях, но говорят также и правду о нем, иначе все объясняя. Говорят, что царь Оетес собрал великое множество сокровищ и, собрав, передал стражам, о которых шла речь выше, но все это устроил с помощью чародейства и искусного волшебства. Многие храбрецы пытались добыть эти собранные сокровища, обуреваемые мирской ненасытностью и жадностью, что является источником всяческих бед, но воспротивилось им зло, устроенное с помощью волшебства, и добыли они не сокровища себе, а смертельный гибельный конец.

Как только слух о золотом руне дошел до царя Пелея, искавшего какого-либо способа погубить Язона, он тут же радостно заключил в сердце свое все услышанное, ибо более надежным способом, не рискуя обнаружить свой замысел, не смог бы он обречь Язона на смерть. Загорелся он мыслью, как бы побудить Язона, чтобы тот, рассчитывая на храбрость свою и юношескую доблесть, охотно бы отправился за золотым руном. И задумал Пелей устроить торжества в городе Фессалийском и собрать на празднество множество вельмож и воинов немало, и длилось оно три дня. На третий же день царь Пелей призвал к себе Язона и перед упомянутыми выше высокородными сказал ему так: «Очень горжусь я тем, дорогой мой сородич, что владею столь славным царством Фессалийским, но еще более прославляет меня храбрость и доблесть сродника моего, ибо величие силы твоей ближние страны узнали по свидетельствам подвигов твоих, а правдивой молве о них, возвещаемой постоянно, предвещано достигнуть и дальних. Ты ведь честь и слава царства Фессалийского и особенно — моя; если тебя сберегу, все будут бояться царства Фессалийского, и пока ты в нем, ни один враг не посмеет напасть. Но слава о силе твоей еще больше меня возвеличит, если золотое руно, скрываемое в державе царя Оетеса, с твоей помощью будет перенесено в сокровищницы царства моего, что — не сомневаюсь — с легкостью будет тобою содеяно, если смело отдашь душою на подвиг и не пренебрежешь словами советов моих. Когда же надумаешь это совершить, для тебя будет приготовлено в изобилии все необходимое в пути, и многих спутников ты сможешь избрать из числа достойнейших в царстве моем. Прислушайся к словам моим и покажи, что ты усердный исполнитель велений этих, и тогда впредь будешь мною еще больше любим, и сам возрадуешься молве о храбрости твоей, и прославишься еще более. И не останется безвозмездным и принесет тебе великие блага великий подвиг твой, ибо обещаю тебе искренне, а не лицемерно, что когда я состарюсь, то оставляю тебя наследником в царстве Фессалийском, а пока я жив, вместе со мной будешь править царством».

Язон же, выслушав все, что только что перед всеми возвестил царь Пелей, обрадовался радостью великой, не заметив хитрости и коварства царя и не догадываясь о тайном его замысле, поверив, что все это сказано царем от

чистые совѣсти царские изшедше, паче возвращения своя чести высока, а неже во свою пагубу уклонися. Надѣясь убо о смѣлствѣ своя храбрости, ниже непшуща немощна себѣ быти, еже царское лестное хотѣние искаше, царскому повелѣнию себѣ бодренна любезнѣ подастъ и себе неизреченно совершити со всякимъ благоговѣнствомъ обеща.

Возвеселись убо Пелей о любезномъ его отвѣтѣ, сродича своего, повелѣнному двору конецъ положи, желая совершити хотѣние его по обѣщании предреченному, коему хотѣнию счастье помогати предоущание. Разумѣя убо, яже Колкосъ осьтровоъ моремъ обшелъ, приитись не может, токмо с пригожествы плавательными поднати морския беды, повелѣ к себѣ призвати нѣкоего кузнеца от стран царства Тесалискаго, мужа мудра в хитрости своей, Арха именемъ, в хитрости древодѣльной со многимъ разсуждениемъ бывающа. Кой же по царскому повелѣнию дивнаго величества нѣкий корабль во многомъ собрании древесъ сооружи, иже от своего творца имени сущаго наречеса «Аргонъ». Се и нѣщы есть восхотѣша рещи первый корабль быти, иже первое, парусы уставив, даходити мѣста далекая дерзнулъ, и сего ради коиждо корабль великой, коиже преходит море, парусы поды, глаголется аргон, право глаголаше нарекоша.

Уготовленну же кораблю предреченному, и вложено в него всему обилнѣ, яже вина плаванія прошаше, мнози честнороднии многою храбростию красновидны* с тѣмъ Язономъ входят в него. В них же бѣ онъ муж истинно сильный и крѣпкий, Еркульсь* именуем, родись, якоже пишутъ мудрецы, от Зевеса и Алмены, Амфитрионовы жены. Се и есть он Еркулес, о егоже невѣроименныхъ дѣйство по многимъ странамъ слово простирается, иже своею силою безчисленныхъ исполиновъ во свое время изгуби и, на рукахъ своихъ подывъ, нестерпимаго величества крѣпчайшаго сокруши Антефѣума.* Сей, аще вѣрити достойно есть, нетрепетенъ вратъ доиде адовыхъ и стража ихъ, пса триглавнаго,* сильною рукою от нихъ извлече. Его же толикимъ биениемъ укроти, да яко во потѣ весь своего яда пѣною изноенною иже изблеваниемъ многие страны страстоноснымъ опорочи. И яко его дѣйствѣ долго извещеніе нѣкихъ долгимъ пожданиемъ мысли слышашихъ отвлече, сѣя о немъ довлѣетъ коснувшѣ, зане и вещи истинно в толике от его побѣды бывше и по свѣту чуднѣ изъявляется, да яко до сего дни докудѣ побѣдникъ явися *столпы* Еркулови* свидѣлствуется в Гадеи. Симъ столпомъ великій Александръ Македонскій, царя Филиппа сынъ, ниже той от корени царей тесалинскихъ, яже Македонія такожде глаголется, изыде, повинувъ себѣ миръ рукою крѣпкою, дошед. Далеко ихъ мѣсто живущее, зане тамо есть море великое, Окианъ сирѣчь, яже тѣсное мѣсто туту серединою нѣдръ живущее земли наша себе вливая в Средиземное. Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частемъ, от насъ плавателно, якоже видимъ. Яже аще от того мѣста влияние и приемлетъ излиянное в брезехъ сирийскихъ заключается, в нихже градъ Аконъ нашихъ велми приемлетъ плавающихъ. Сие мѣсто тѣсное, от

чистого сердца, и возмечтал о высокой чести своей, не помышляя о гибели. Надеясь на доблесть свою и смелость и не думая, что может оказаться слабым в том, что требовал от него коварный царский замысел, с решимостью и радостью откликнулся он на царское повеление и благоговейно пообещал беспрекословно его исполнить.

Пелей, обрадовавшись, что сродник его ответил согласием, приказал разойтись собравшимся, чтобы, получив обещание, осуществить замысел свой, и уже предвкушал удовольствие способствовать его осуществлению. Зная, что достичь острова Колкоса, омываемого морем, можно только с помощью средств, предназначенных к преодолению морских тягот, велел Пелей прислать к нему некоего мастерского из пределов царства Фессалийского, мужа искусного в ремесле своем, по имени Аргус, весьма опытного в плотничьем деле. Тот же по царскому повелению построил из многих деревьев корабль невиданных размеров, который по имени создателя своего получил название «Арго». Кое-кто решается утверждать, что это был первый корабль, который под парусами решился достичь дальних земель, и поэтому считают, что всякий большой корабль, бороздящий море под поднятыми парусами, следует называть арго.

Когда же был построен вышеназванный корабль и все, потребное для плавания, было погружено на него в изобилии, вошли в корабль Язон и с ним многие из высокородных, прославленных безмерной храбростью. Среди них был и некий муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес, родившийся, как пишут мудрецы, от Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих исполинов и, на руках своих подняв, одолел Антея, непобедимого и могучего великана. Он, если верить, бесстрашно дошел до врат ада и стража их, трехглавого пса, извел оттуда могучей рукою. И так его побоями укротил, что тот, весь взмокший и покрытый ядовитой пеной, осквернил многие страны, обрызгав своей смертоносной слюной. Но так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами. До этих же столпов дошел и великий Александр Македонский, сын Филиппа-царя, принадлежащий к роду тех же царей фессалийских, чья страна также именуется Македонией, повинув себе мир могучей рукою. Далеко расположено то место, и находится там огромное море, именуемое Океан, которое вливается через пролив в середину земли нашей — Средиземное море. Создано это море для нас во внутренних частях мира и пригодно, как видим, для плавания. И то, что вливается в этом месте, приемлется и ограждается

негоже первое сие Средиземное море исходитъ, наши плавающие «Стѣсненно свистателно» именуютъ. И мѣсто то, в немже предреченныя столпи Ираклиеви вонъзенни, глаголетъ срацынскимъ языкомъ Савись, от негоже не довлѣть дале иттить.

Восприявъ убо отъ царя Пелея Язонъ отплыти отпущение, новая проходитъ моря со Еркуломъ и со своими спутники. В корабль новѣмъ, егоже парусы егда поспѣшнѣй вѣтръ напряже и его вѣяннемъ возведе, мѣста тесалинския знаемыя остави зѣло скоро и къ незнаемымъ морскимъ мѣстомъ скорѣе прибѣже борзѣйшимъ течениемъ своимъ. И тако многи дни и нощи плавающимъ имъ, вождениемъ тесаликѣянина Филота, имъ разсуднѣ сматрѣючи звѣздъ течения видимыхъ, пребывающихъ близъ звѣзды, Болшаго Медвѣдя сирѣчь и Меншаго, иже никогда не заходятъ со звѣздою, Ангвин* именуемую, положению нѣкоему, яко звѣзду туюжде плавающие Трамонтана именуютъ. Нѣкии рекоша быти звѣзду послѣднюю положенну на хоботъ Лося Медвѣдя Меншаго, и Болшаго Медвѣдя плавающие они хриесе именуютъ, а Ангвин, сирѣчь Змию, глаголють быти велику. О коихъ Медвѣдехъ, Болшихъ сирѣчь и Меншемъ, Овидий во второй книзѣ* баснословнѣ пиша глаголетъ Калистона и Аркада, сына его, тѣхъ премѣненыхъ въ Медвѣди. Именуется такожде те звѣзды сѣверныя, зане суть семь близъ черты, Аксисъ именуемомъ, о нихже Юнонъ тако глаголетъ:

И не чествованныи на вышнемъ небеси чревеса мои
 Видите — звѣзды, тамо, идѣже кругъ Аксиемъ
 Послѣдний облегаеть и отстояниемъ кратчайший
 обходитъ.*

Знаше бо Филотъ звѣздное течение и двизание, аще нѣкое есть о немъ, аки и онъ искусный и во плаваньи бѣ. И сего ради, вѣтру поспѣшну вѣющу, и путь долгъ правымъ путемъ плы, донелъ ко странѣ Фригийской, царства Троянскаго сирѣчь пристоящей, новый корабль приставъ во пристанище, сирѣчь иже тогда именовашеся отъ жителей Симеоста.*

О ГРЕКѢХЪ, ПРИСТАВШИХЪ ВЪ ДЕРЖАВУ ТРОИ, И ЛАОМЕДОНТѢ, ОТПУСТИВШЕМЪ ЯЗОНА И ЕРКУЛА ОТЪ МѢСТЪ ТѢХЪ

Греки же морскимъ трудомъ отягченни, да яко приидоша до земли, на землю ту снити покоя ради жаждущею душею понудишася. И, сшедше, туто свѣжие воды отъ источникъ почерпаху и туто, болшаго ради прохладения, пребывание дни нѣкия умыслиша, не яко да живущимъ доуку нанести учинять,

берегами сирийскими, на которых стоит город Акка, дающий приют многим нашим мореплавателям. А это узкое место, из которого проистекает Средиземное море, наши мореплаватели называют «Тесным свистанием». И место то, где воздвигнуты упомянутые ранее Геркулесовы столпы, по-арабски именуется Савис, и не следует выходить за его пределы.

Язон же, получив от царя Пелея разрешение отплыть, бороздит незнакомые моря вместе с Геркулесом и своими спутниками. Когда же попутный ветер напряг паруса нового корабля и погнал его своим дуновением, быстро отделился он от знакомых берегов фессалийских и еще быстрее, в стремительном беге своем, достиг неведомых морских просторов. И так плыли они много ночей и дней, направляемые фессалийцем Филотом, который со знанием дела следил за движением видимых на небе созвездий, находящихся возле полюса, то есть подле Большой Медведицы и Малой, которые никогда не заходят вместе со звездой, именуемой Ангвин; мореплаватели же ту звезду называют Трамонтана. Некие называют так крайнюю звезду, расположенную на хвосте Малой Медведицы, и созвездие Большой Медведицы мореплаватели называют греческим, а звезду Ангвин, то значит Дракон, считают главной. Об этих Медведях, Большом и Малом, Овидий пишет во второй книге баснословия в рассказе о Каллисто и Аркаде, сыне ее, обращенных в медведей. Именуют также те звезды северными, ибо их семь, возле черты, называемой Аксис, о которых Юнона так говорила:

И не почтенных на вышнем небе, а язву мою
Видите — звезды, там, где круг Аксис
Последний окружает и на кратчайшем расстоянии
обходит.

Разбирался Филот в восходе и заходе звезд, во всем, что известно о них, и искусен был в мореплавании. И поэтому они, подгоняемые попутным ветром, в дальнем плавании не сбились с пути, пока не достигли страны Фригийской, принадлежащей царству Троянскому, и новый корабль их пристал к пристани, которую живущие там именуют Симеонта.

О ГРЕКАХ, ПРИСТАВШИХ К БЕРЕГАМ ТРОЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ, И О ЦАРЕ ЛАОМЕДОНТЕ, ПРОГНАВШЕМ ЯЗОНА И ГЕРКУЛЕСА ИЗ ЭТИХ МЕСТ

Когда греки, утомленные тяготами морского пути, достигли суши, то всей душой стремились они сойти на ту землю для отдыха. Высадившись, набрали в источниках свежей воды и, чтобы получше отдохнуть, решили пробыть здесь несколько дней, но не с тем, чтобы докучать местным жителям или тем более

ниже шкотными протравы вредити нѣкакo покусятсѧ. Но завидное бо умнымъ двѣровство, яже всегда покою живущих преткновенно; от неумыслимых лаятелствъ без вины враждебной сей соблазна вину привлече. Коя ради толика убивства излияся пагуба, вселенную окропи, да яко толико царей и князей избранныхъ убивством низпадоша, и толикъ и таков град, яко бѣ он Троя, превратись, во Гресию толико овдовѣвшим женам от мужей своих, лишенным родителей толико отроком и отроковицам, и послѣднии игу работѣ покоренных. Аще бо Гресья и в тол тяжкихъ тѣснотах учинена вѣны, ея побѣды проповѣд чрез времена многия заглади неправда, сирѣчь языка ея и убивствомъ и искоренениемъ того от лутших. Воистинну сирѣчь греческимъ толика злая благоприятна бѣша, напервоначальная вина нѣкая толь легка сердца человѣческіе без вины не возмущаютъ, да за вину толикіе жестости мука сподобила бысть нанести; токмо добролюбезнѣ нѣчто речетсѧ, яко исходящаго зла собрание бѣ созидание добра последователнаго, зане о сихъ злых падениемъ Трои толика блага изыдоша, да яко та Троя загладися воста, вина егоже Римскій град, иже бысть глава градомъ, троянскими изгнанными бысть поставленъ или воздвиженъ, от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлія.* И нѣкіе иные того ради страны вѣчное от троян восприяша население. Якова бысть Англія, иже от Брата троянина, откуда Вританія наречена и чтетсѧ уселись. Паки якова Франція по троянском падении от Франка царя, Енеева обещника, яже близ Рима великъ сооружи град,* егоже Франъсею своимъ именемъ, такожде и всю его страну, нарече сказуетсѧ населись. А Венецейскій град насели онъ троянин Антенор.* Обитания паки и сицеваго Киликию чтохом не безчастну, яже первое от царя Сикаона, пришедшаго в Киликию* от Трои града великаго, населись пишется, откуда Сикания наречесѧ. И посемъ, отшедшу ему от Киликии, оставив в Киликии Сикула, брата своего, того ради после Киликии наречесѧ. Прииде в *Тукию*, южскаго языка обитанием наполни. И в царствѣ Киликиском по морскимъ границам вышереченный Енея грады многіе, чтетсѧ, сооруживъ, яковъ есть Неополис, толикъ град языка непобѣдимаго земля Гаetskая. Диомедесъ* такожде, аще и се грекъ родом на троянскоѣ брани многая дивная сотвори, Трои разореннѣ, егда въ царство свое восприняти не можашесѧ, обита в Калабрии. Его же обещников, *повествует* Овидій, Сириенъ, дщи Солнца, в пѣтицы преобрази, в Калабрию от Диомиды принесенныхъ. От коихъ птицъ рода глаголетъ Исидор* многих бывша произшедших, кои птицы Деомеды нарекошасѧ, сие урождение имуще, да яко знаютъ челоуѣка латынянина от грека разлучити. Сего ради грековъ в Калабрии живущихъ любятъ, а латынян бѣгають, аще суть нѣкіе. Но аще толикія предания вина бѣ послѣдователнаго блага вина конечная, да яко челоуѣческій умъ имать в сумнѣнии.

Поне возслѣдователиѣ пишет исторія, яко ко Язону и Еркулу со своими во пристанище почивающимъ Симеонтѣ, к Лаомедонту, троянскому царю, о

пытаться как-либо навредить им дерзкими злоумышлениями. Но такова уж природа злого рока — всегда вредит он покою всех живущих; из-за вздорных оскорблений, без какой-либо действительной угрозы, возник повод для раздора. Из-за всего этого бедствие неисчислимых жертв, разлившись, залило всю вселенную, ибо пало в битвах столько царей и достойнейших князей, и такой город, каким была Троя, разрушен, в Греции осталось столько овдовевших женщин, лишившихся родителей отроков и отроковиц и, наконец, — попавших под иго рабства. Хотя Греция после этих столь тяжких испытаний добилась победы, славу ее победы со временем затмили бедствия, ибо погибло много людей, и утратила она свое первенство. Но поистине эти беды, выпавшие на долю греков, привели впоследствии к благу, первопричина же их была настолько невесомой, что людские сердца по такому поводу обычно не ожесточаются настолько, чтобы из-за этого пришлось бы претерпевать такие тяжкие бедствия; и верно говорится, что череда миновавших бед бывает источником грядущего блага, ибо какое благо свершилось из-за злосчастного падения Трои: сама Троя, разрушенная, возродилась и явилась причиной того, что Рим, глава всех городов, основан и построен троянскими изгнанниками, Энеем и Асканием, сыном его, именуемым также Юлием. И некие другие страны при тех же обстоятельствах из Трои обрели своих будущих жителей. Такова Англия, заселенная троянцем Брутом, отчего, как пишут, и называется она Британией. Такова также и Франция, заселенная, как говорят, царем Франком, сподвижником Энея, построившим на берегу Рейна большой город и назвавший своим именем и его, и всю страну. А город Венецию заселил троянец Антенор. Из-за подобных же переселенцев и Сицилию считаем ко всему этому причастной, ибо впервые она, как пишут, была заселена царем Сикаоном, пришедшим в Сицилию из великого города Трои, почему она и именовалась Сикания. И после этого, когда он покинул Сицилию, то оставил в ней Сикула, брата своего, и поэтому впоследствии назвали ее Сицилией, а он сам отправился в Тоскану и населил ее народом южным. И по побережью царства Сицилийского вышеназванный Эней построил, как пишут, много городов; таков, например, Неаполь, город народа непобедимого земли Гаетской. Диомед, хотя и был грек по происхождению, также совершил в Троянской войне множество дивных подвигов, а после разрушения Трои, когда не смог вернуть себе свое царство, поселился в Калабрии. А его соратников, по словам Овидия, Цирцея, дочь Солнца, превратила в птиц, которых Диомед привез затем в Калабрию. От рода этих птиц, по словам Исидора, произошло множество других, и называются они Диомедовыми птицами и, имея такое происхождение, умеют они отличать людей итальянцев от греков. Поэтому греков, живущих в Калабрии, любят, а итальянцев избегают. Но если причина этих переселений стала впоследствии причиной благоденствия, то есть от чего смутиться человеческому уму.

Предание, следуя за событиями, сообщает, что когда Язон и Геркулес со своими спутниками отдыхали в гавани Симеонта, дошел до Лаомедонта, троян-

них слух прииде, иже языкъ нѣкий, трояномъ незнаемъ, сирѣчь языкъ греческий, новымъ плаваніемъ ко фригійскимъ странамъ прииде разсмотрити нѣчто тайная Трои или паче Троянскую страну разорити хотя. Бѣ бо во дни тѣ Троя не толикаго величества, каковъ бѣ после, изнова утверждень, и в немъ царствова тогда царь предреченный, Лаомедонтъ именовъ, иже, восприя совѣтъ охотень — иже онъ дабы не былъ! — посла своего во мнозѣ къ Язону послалъ, емуже ко Азону пришедшу, посолство свое повѣдаетъ сими словесы: «Царь Лаомедонтъ, сего царства государь, о пришествіи вашемъ зѣло чудится, почто в землю его внидосте, от него свободы не восприявъ. Его же есть мысль в тихомъ мирѣ тое защищати, сие настоятелнѣ повелѣваетъ вамъ, да не задержнѣ имати из земли его изыти, сие да явѣ приходящу дни послѣдующему, да увѣсть васъ от всѣхъ земли своя границѣ отшедшихъ. Яко аще повелѣніе его ошутитъ васъ прозорливыхъ, извѣстно да увѣсте, повелитъ своимъ на вреждение ваше напасти и разорение вещей и васъ самихъ на конечное невзгодіе».

Егда же Азон все посолство слыша, весь гнѣвомъ и болѣзнию сердца разъярися внутрь, прежде *даже* к рѣченному посолству отвѣща, обратись к своимъ, сие глагола имъ: «Лаомедонтъ царь, сего царства государь, дивнаго безлѣпія обиду намъ наноситъ и безъ нѣкое преткновенныя вины намъ изыти от своей земли повелѣ. И аще бы его царское благородствіе украшашеся, нас бы повелѣти подобаше чествовати. Зане аще бы случай подобный его в греки привелъ, вѣдал бы себѣ учиненно от грековъ не безлѣпіе, но честь. Но поне ему паче безлѣпіе, неже честь восплеска, мы такоже восплещемъ, якоже они, и от его царства границе отидемъ, зане можетъ случитися и легко есть, яко его суетный совѣтъ буди дражайшею цѣною искупленъ». И по семъ продолживъ словеса, обращься к посланнику, рече: «Друже! Посолства твоего рѣчи добрѣ слышахомъ и дары, яже царемъ твоимъ намъ обычаемъ благородныхъ суть посланныи, восприяхомъ, якоже лѣпо. Боги наша и божиею истинною засвидѣтельствуемъ: не нарочкомъ в землю царя твоего внидохомъ, да преткновение нанесемъ нѣкому ограбленіемъ, насилство творя. Но зане в далныя страны ѣхати мышляхомъ, нужда в сие мѣсто уклонити нас понуди. Рцы убо царю твоему: мы от его земли безъ всякаго косновенія отходимъ, да весть онъ извѣстно, да аще не нами, возможетъ нѣкако иными, иже настоящую обиду, намъ нанесенную, услышатъ, не прибытки, но уничиженіе и шкоты неизреченно имѣти».

Еркулесъ же, словеса Язоновыми не удовлиши, цареву посланнику изливаетъ сия словеса: «Друже, кто еси ни буди, опаснѣ донеси царю твоему, да наипаче в день завтрешний от земли его отнюдъ снидемъ, но будущаго третьяго лѣта день не проидеть, рцы ему, во нь же насъ узритъ, аще живъ будетъ; в землю его, хошетъ и не хошетъ, и якори вметавше и в данной намъ тогда отхожденія свободе не будетъ ему совершенна воля, яко сиецевые брани

ского царя, слух о том, что некие люди, неведомые троянцам, а именно люди греческие, впервые приплыли к Фригийской земле, чтобы высмотреть что-либо тайное в Трое или, более того, разорить Троянскую страну. Была ведь в то время Троя не столь велика, каковой стала впоследствии, заново построенная, и царствовал в ней тогда упомянутый выше царь, по имени Лаомедонт, который, с готовностью вняв совету (лучше бы совета того и не было!), отправил к Язону своего посла со многими спутниками, который, придя к Язону, возвещает о цели своего посольства такими словами: «Царь Лаомедонт, царства этого государь, весьма удивлен прибытием вашим, зачем на землю его вступили, разрешения у него не спросив. А он хочет в тишине и мире ее блюсти, и поэтому настоятельно требует от вас: без промедленья покиньте его землю, и когда наступит следующий день, он должен узнать о вашем отплытии из пределов своей земли. Если же узнает, что вы пренебрегли его повелением, то — да будет ведомо вам — прикажет он своим напасть на вас, вам самим урон причинить, и имущество ваше отобрать, и вас истребить до последнего человека».

Когда же Язон услышал это обращение, то вскипело сердце его от ярости и гнева, и, прежде чем ответить на слова, сказанные послом, обратился он к своим и так им сказал: «Царь Лаомедонт, этого царства государь, наносит нам неслыханное по дерзости оскорбление и велит без какого-либо основательного повода покинуть его землю. И если бы украшало его царское благородство, то подобало бы ему принять нас с честью. Ибо если подобный случай привел бы его к грекам, то увидел бы он оказанную ему греками честь, а не поношение. Но так как, по его мнению, лучше оскорбить, чем встретить приветственными рукоплесканиями, то мы также восплещем, как и они, и от границ его царства отойдем, но легко может случиться, что за свое неумное пожелание он заплатит дорогой ценой». И после этого продолжил речь, обратившись к послу, и сказал ему: «Друг! Посольские речи твои мы выслушали со вниманием и дары, которые по обычаю благородных нам царем твоим посланы, приняли как подобает. Богами нашими и истиной божественной клянемся, что случайно оказались мы на земле царя твоего и не хотим причинить кому-либо зло оскорблением или насилием. Но так как задумали мы плыть в далекие страны, необходимость вынудила нас сюда зайти. Скажи же царю своему: мы покинем его землю без малейшего промедления, и да будет ему известно, что если не от нас, то от других, которые услышат об этом, нанесенном нам оскорблении, приобретет он не блага, а уничтожение и неописуемые бедствия».

Геркулес же, не удовлетворившись словами Язона, обратился к царскому послу с такой речью: «Друг, кто бы ты ни был, без колебаний доложи царю своему, что завтра же покинем его землю, но через три года наступит день — скажи ему, — когда он нас увидит, если будет жив; придем в землю его, хочет он того или не хочет, и якоря бросим, и тогда уже будет не в его воле приказывать нам уйти, и так как этому раздору он сам положил начало, то

ныне нача раздору, да яко прежде даже уготовится о немъ побѣда, бременемъ безчестныя срамоты погнетется».

Тогда царевъ посол, отвѣщая, сице рече: «Срамно есть велми благородному и наипаче храброму прещателные стрѣлы посылати, ниже мнѣ посланному приказано от царя, да противу вас бранными словесы настою. Рѣх вамъ, яже ми приказана бѣша, и аще разумно учинити годѣ, вам даю совѣтъ добрый, да от сее земли отити не буди тяжко, прежде даже впадете в тяжчайшая, зане нѣсть легко погубитись, егда мощно защититися совѣтомъ здравымъ». И по семъ, от греков восприяв отпущение, возвратися ко царю своему.

Язонъ же и Еркулесъ, без законсѣнія Филота призвавъ, поповелѣвает якори из моря влещи и вся собрати привезенная на землю покоя ради. Вѣдыху бо, аще бы восхотѣли на фригиан напасти, не быти имъ на снитие равнымъ или в силахъ равныхъ, ниже мощию крѣпчайшихъ. Сего ради восходятъ и, воздвигъ парусы, богомъ поспѣшствующимъ, фригийские оставляют бреги. Проходяше моря, вѣтру вѣюшу поспѣшну, не по мнозѣхъ днехъ в Колкосъ остров здравы приходять и желаемое благочестнѣ во пристанище входят.

Во островѣ Колкосѣ тогда нѣкий градъ, именемъ Яконитес, глава царству. За тое величество поставленъ градъ зѣло красенъ, стѣнами и стрѣльницами огражденъ, сооруженъ многими полатами нарочитыми, полнъ людьми многими нарочитыми, многихъ честнородныхъ населениемъ. В семъ убо градѣ живяше царь Оетес во множествѣ своемъ, зане недалеко от града того лѣсы многие растяху, угодны ловитвамъ, ради множества звѣрей, туто питающихся. Около же града бѣ широко поле, прохлаждением и цвѣты украшенно, зане источники вод на немъ безчисленни протекаху и кол многие рѣки непрестанными волнами текоша потоки и то поле напояху. Сего ради многихъ ловимыхъ птицъ изобильство пребываху на немъ и многихъ птицъ пѣнія непрестанно ту сладцѣ гласяху.

К сему же граду Азонъ и Еркулесъ со своими, царски и лѣпотнѣ нарядися, стезею правою себѣ приносят. Иже егда улицами того града посреде являюща цѣломудренныя стопы, хвалимымъ украшениемъ *спешаху*, *чудятся* людие на нихъ, просвѣщаются толикимъ царскимъ явлениемъ, толь благообразну цвѣтостию юношеству, сице цѣломудренныхъ во своемъ хождении и во явлении толикими нравѣнными цвѣты украшатися. Жажущимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто есть и откуда суть, и что вина пришествия ихъ. Совопрошающимъ имъ, нѣсть кто вину ихъ пришествия имъ открыть, донелѣ царские полаты врат доходятъ. Царь же Оетес, уроженнаго ему благородия не забы, скоро ему зане пришествие грековъ возгремѣ, со престола царскаго воста, грекомъ встрѣчу со множествомъ своихъ изыде, ихъже веселымъ лицомъ и тихимъ образомъ восприяв, утѣшаетъ обниманиемъ, знаменни поздравленными веселитъ и в началѣ сладкихъ словесъ благоволенные приятелства имъ обѣщаетъ. Иже по семъ по степенемъ мраморнымъ на высокая мѣста входят, в полатные каморы входятъ,

прежде, чем он смог бы извлечь из него пользу, сам будет погребен под бременем позорного бесчестия».

Тогда царский посол так сказал в ответ: «Весьма недостойно, чтобы благородный, и тем более храбрый, метал стрелы поношений, как это приказано мне царем — осыпать вас бранными словами. Сказал вам, что было велено мне, и если хотите поступить разумно, то дам вам добрый совет: от этих берегов будет вам отойти не трудно, пока не обрушились на вас тягчайшие беды, ибо зачем безрассудно погибать, если можно, по здравом размышлении, спасти себя». И после этого, отпущенный греками, возвратился посол к царю своему.

Язон же и Геркулес поспешно призвали Филота и приказали ему поднимать якоря и собирать все, что было снесено на берег для отдыха. Ибо поняли, что если бы решились напасть на фригийцев, то не сравнятся им с ними ни в бою, ни в силе, ни в мощи. И поэтому взошли на корабли и, подняв паруса, с помощью богов покинули фригийские берега. Подгоняемые попутным ветром, пересекли море, и вскоре благополучно прибыли на остров Колкос, и с честью вошли в желанную пристань.

На острове Колкосе столицей царства был тогда некий город, именуемый Яконит. Так как занимал тот город столь высокое положение, был застроен он очень красиво, окружен стенами и башнями, было в нем воздвигнуто много роскошных палат, населен он был людьми именитыми и многими достойными жителями. В городе этом жил царь Оетес со множеством приближенных, ибо возле города находились обширные леса, удобные для охоты, так как водилось в них множество зверей. Поблизости от города простиралась широкая прохладная долина, вся в цветах, ибо протекали по ней бесчисленные ручьи и немало текло рек полноводных, орошающих ту долину. И поэтому обитало там множество дичи, и стаи птиц непрестанно оглашали ее звонким пением.

Язон и Геркулес в сопровождении спутников своих, по-царски и красиво одевшись, направились напрямик к этому городу. Когда же они быстро, но с достоинством шествовали по городским улицам, вызывая восхищение своим видом, то дивились люди, глядя на них, сияющих таким царским величием, столь прекрасных в расцвете юности, так украшенных всяческими красивыми вещами и так скромно шествующих. Сгорая от нетерпения, расспрашивали люди: кто это и откуда, и какая причина привела их сюда. Но как ни расспрашивали они, никто не мог дознаться о цели приезда греков, пока не достигли те ворот царского дворца. Царь же Оетес, как подсказало ему прирожденное его благородство, встал с престола царского, как только доложили ему о приходе греков, и вышел им навстречу в окружении своих приближенных, встретил с приветливой улыбкой и радушно обнял прибывших, изъявляя тем свою радость, и с первых же слов приветливой речи обещает им свою искреннюю дружбу. Тогда греки, поднявшись по мраморным ступеням,

подписми разными украшенными со златоналожениемъ, чуднымъ блистаніемъ свѣтяще. Егда же имъ повелѣ състи, Язонъ многимъ дерзновениемъ исполнися, кроткимъ дерзновениемъ и извѣщеніемъ словесъ пришествія своего вину Оету царю сказуетъ и златаго руна уставленный трудъ по уставу законному умилнѣ искусити желаетъ. Оетесь же царь, благодатнѣ желанію повинуюся, совершити хотѣннѣ Язоновы не отрекается.

О МЕДЕИ, КАКО ЛЮБОВІЮ АЗОНОВОЮ ПЛѢНИСЬ

Уготовлену же во мнозѣ вещей гобзованія брашну, настилаются столы, и поставленнымъ чарамъ златымъ и серебрянымъ многимъ, и належашу времени ясти, царь, хотя *всю* благородія своего милость грекомъ показати, по нѣкую дщерь свою посла посылаетъ, да приидетъ весела праздновати бракъ с новыми гостями, ихъже онъ царь со многою радостію воспріятъ. Бѣ бо Оету царю дщи, Медея именемъ, дѣвица зѣло красна, отцу едиnorodна и едина будущая наслѣдница в царствѣ. Яже и в лѣта браку прииде и бысть уже чертогу достойна, но отроческихъ лѣтъ себе все *воздасть* хитростей свободныхъ прилѣжнѣ учению, сице всѣмъ сердечнымъ прилежаніемъ хитрости научитъ, да яко никто ея учение можаше в тѣ времена обрѣстись. Но ея бисерь вѣденія, от негоже паче цвѣтяше, бѣ хитрость астрономская, яже силами и чинми заклинаний чародѣйными *свѣт* обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводяше и дожди, и блистанія и гради, и страшная земля трясения, рѣчная же течения, кривыми мѣсты текущие, в верхъ излятишь и наводнятишь понуждаше. Зимнею бранею паки от древес *ветви* отнимаше, в непогодіе бурное цвести; младыхъ творя старыхъ, а старыхъ къ юношеской славѣ приводя. Сію вѣрова древне елинство свѣтила болшая, сирѣчь солнце и луну, многожды понудивъ противу естественнаго чина гибнути. Зане по астрологійской истиннѣ, о нейже и та учиннѣйшая быти пишется, солнце, текущи подъ гибелнымъ теченіемъ, всегда гибнути не иматъ, токмо егда будетъ в соединеніи луны, бывая в хоботѣ или во главѣ — яже суть нѣкая раздѣленія нѣкоего круга небеснаго — и нѣ в коемъ иномъ от планитъ. Зане тогда противу полагаея луна промежъ зрака нашего и солнца, плоть солнечную намъ видѣти видѣннѣмъ обычнымъ не оставляетъ, якоже о семъ сказуетъ великаго разсужденія египтянинъ Птоломей.* Но она по своимъ силамъ волшебнымъ сие прилучишишь сотворивъ сказуется и егда солнце бѣ с луною в соединеніи — еже мы обще глаголемъ: «егда луна обращается»,* — но егда бѣ в его противустояннѣи отстоятъ от него семью задеи, и тогда егда луну обще полну нарицаемъ. Но онъ баснословъ сулмоненскій Овидій сице о Медеи, и Оета царя дщери, лживо написуя, предасть быти вѣримо, се же да не буди православнымъ! Зане вышний и вѣчный творецъ Богъ, иже мудростію своею, рѣче Сыномъ, вся созда, небесная плоти планитъ подъ закономъ устрои,

входят в дворцовые палаты, украшенные разнообразными росписями с позолотой и сияющие дивным блеском. Когда же царь пригласил их сесть, Язон с полной откровенностью и с достоинством поведал царю Оетесу о цели своего прибытия и о том, что хочет он свершить подвиг, без которого, как известно, невозможно овладеть золотым руном. Оетес же, благосклонно уступая его желанию, не отказывается исполнить просьбу Язона.

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Когда же были приготовлены разнообразные яства, застланы столы, расставлены многочисленные золотые и серебряные чары и пришло время для пира, царь, желая показать грекам все радушие свое и гостеприимство, послал за своей дочерью, веля ей прийти и в веселье пировать с новоприбывшими гостями, которых царь в радости принимает. Была же у Оетеса дочь, по имени Медея, очень красивая девушка, единственная дочь у отца и в будущем единственная наследница царства. Она уже достигла возраста невесты и созрела для брачного чертога, но с юных лет она с усердием отдалась обучению свободным искусствам и благодаря душевной склонности к ним настолько освоила все науки, что не было в те времена никого, кто бы мог превзойти ее в познаниях. Но жемчужиной в знаниях ее, принесшей ей славу, было искусство астрологии, как силами и чарами волшебных заклинаний день обращать в ночь, и внезапно вызывать ветер, и дождь, и молнию, и град, и страшное землетрясение, извиленные реки заставляя течь вверх и разливаться. Зимней стужей она ломала ветви деревьев, а в бурную непогоду заставляла их цвести; молодых превращала в старцев, а старикам даровала блеск юности. Верили в древности язычники, что она не раз заставляла — вопреки природе их — гаснуть великие светила, то есть солнце и луну. На самом же деле, согласно науке астрономической, в которой заключена наивысшая премудрость, солнце, двигаясь по эклиптике, никогда не исчезает, кроме тех случаев, когда встречается с луной, бывая в хвосте ее или в голове (а это суть разные деления круга небесного), и больше ни с какой иной из планет. Если же луна оказывается между глазом нашим и солнцем, то не можем мы видеть, как обычно, тело солнечное; вешает же об этом великий разумом египтянин Птолемей. Но Медея, случалось, своими чарами волшебными творила это и тогда, когда солнце сходится с луной (как говорят обычно «в новолунье») и когда солнце и луна находятся в противостоянии, на расстоянии семи созвездий (обычно мы называем это полнолунием). Но такие небылицы о Медее, дочери царя Оетеса, сочинил баснословец сульмоненский Овидий и выдал все это за правду (но да не будет такого у православных!). Ибо верховный и вечный творец Бог, который в мудрости своей, каковая в Сыне его, создал все, узаконил и расположение

и та поставляя вѣчную заповѣдь имъ наложи, еже не придет. Но еже солнечная гибель противу естества уставленнаго никогда чтется, токмо егда во плоти Сынъ Божий и себе умилнѣ за ны предасть страданію, иже егда на крестѣ предасть духъ, гибну солнце, лунѣ не сущи тогда в *соединении* его. Тогда запона церковная раздрася быша, землѣ трясение грозно, и многая тогда святыхъ тѣлеса от гробовъ восташа. Сего ради егда во дни тѣ Дионисій Ареопагитскій,* вышшій философъ въ естествѣхъ, живяше во Афинѣхъ и бѣ во училищѣхъ прилѣженъ, аще бѣ и опороченъ еллинскимъ заблуждениемъ, но видя во страдании Христовѣ солнце гибнути, ужасенъ, сиче рече: «Или Богъ естества страждеть, или тварь мира разрушится».* Сей убо истинный и предвѣчный Бог, еможе мощно естественная кояждо разрушити и понудити в законѣ естества погрѣшити, иже единою единого себѣ вѣрнаго молитвою течение солнца противу естественнаго устава его в Гаваонѣ вонзитись и стати повелѣть.* Сие же о Медеи по баснословию того ради полагается, зане сиче о ней баснословнѣ бывше настоящая история не оставляет, и тое бывшу во астрологии и в чародѣйствѣ искуснѣйшу не отрекается.

Медея же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ *украшением*, сиречь уряжением. Сего ради урядився доброобразными красотами и царскимъ явлением украшена, к *возлежащим* трапезѣ прииде. Ей же състи близ Азона скоро повелѣваетъ отецъ.

Но о бѣдное и безумное благородіе! Что сановством являешися в низвержение своя чести и твоея лѣпоты про честь низпадение? Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть приняти крѣпости? Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣхъ, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается. Вѣмы бо жены мысль всегда *мужа хотети*, *якоже хочет существо всегда* образца. О дабы существо, прешед единою во образецъ, могло рещися своимъ доволно образованиемъ! Но якоже во образецъ от образца исходити существо вѣмы, тако женское хотѣніе слабое исходити от мужа к мужу, но паки быти вѣруеться без конца, зане есть нѣкая глубина безо дна, токмо нѣкако срамота нѣкоимъ воздержаниемъ хвалимым заключит за благочинство. Коимъ убо, *о царь* Оетесь, ведомъ дерзновением напраснѣ страну отроковицы чуждаго мужа страннѣ совокупил? Аще бы немощъ, сиречь женская, мысль испытателною *возвѣсилъ* еси, наследницу едину царства твоего безчестным плаванием в чуждая царства отвезенну в толице невзгодии, не плакался бы еси, да дщери вкупѣ единою и сокровища твоего неизглаголаннаго множества лишился еси. Что ли ползова Аррисово стрежение противу лъсти женские? Воистинну еже бѣ будуще речеши нѣчто устрещися никакоже могль еси, повелѣл еси дщери твоей со Азономъ сообщить бракъ и Азона

небесных тел и положил заповедь на века, чтобы не изменяли они своих мест. И никогда не слыхано было о затмении солнца вопреки установленной природе его, кроме того случая, когда воплощенный Сын Божий покорно предал себя за нас на муки и на кресте испустил дух — тогда померкло солнце, хотя и не было луны возле него. Тогда пелена церковная разорвалась, грозно зашаталась земля, и множество святых встало тогда из могил. И поэтому во времена те Дионисий Ареопагит, величайший из философов, живший тогда в Афинах и усердно учившийся, хотя и был он соврашен эллинскими заблуждениями, но увидев, как из-за страданий Христа померкло солнце, ужаснулся и воскликнул: «Или Бог всего сущего страдает, или все сотворенное в мире рушится». Этот истинный и вечный Бог, который лишь один может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы, только однажды по молитве одного из веровавших в него задержал движение солнца вопреки его естественной природе и повелел ему, словно пригвожденному, остановиться в Гаваноне. А все эти баснословные рассказы о Мееде излагаются лишь потому, что от подобного баснословия данное повествование не отрекается и не отказывается утверждать, что она была искуснейшей в астрологии и чародействе.

Мееда же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться. Поэтому в красивых одеждах и украшениях, достойных царевны, сошла она к возлежащим на пиру. И отец тотчас же повелел ей сесть рядом с Язоном.

О жалкое и безрассудное благородство! Зачем же учтивость привела к поруганию твоей чести и ниспровержению величия твоего достоинства? Разве мудрый станет верить в себя стойкости девушки или женщины, которые ни в один год не являли собой пример постоянства? Мысли их всегда пребывают в суете, и особенно присуще непостоянство приходящим в брачный возраст — раньше, чем мужу станет женой, такая уже познает мужчину. Известно, что мысль женская всегда устремлена на вождление к мужчине, подобно тому как вещество всегда стремится принять форму. О, если бы вещество, единожды приняв форму, могло бы удовлетвориться формой своей! Но как веществу свойственно из одной формы переходить в другую, так и женщин их беспутное вождление влечет менять мужчину на мужчину, и всякий раз она обещается хранить верность, и так будет всегда, ибо это подобно бездонной пучине, и только стыд достойным похвал воздержанием укрепляет женщин в благопристойности. Каким же, о царь Оетес, был движим ты безрассудством, если необдуманно сблизил слабую отроковицу с чужим мужчиной? Если бы, взвесив все, ты бы вспомнил о слабости женской, над тем, что единственная наследница царства твоего будет в бесчестии и в горести увезена в чужое царство, не плакал бы, лишившись и дочери единственной, и бесчисленного множества сокровищ своих. Смогла ли помочь тебе стража бога Ареса против женского обмана? Воистину,

учиниль еси причастна дщери твоей и во праздновании брашна. Поне что ти за то воистинну случися, прилагаетъ история, прилучае во свойственных и несвойственных не оставляет.

И пребывающих Медеи промежь царя, отца, и Азона, аще и многою бѣ срамотою постыжденна, но уняти не возможе зрака своихъ очей, токмо, егда можашеся, видѣнии ихъ на Азона сладкими взирании обращаше, сице лице его и обличие, и власы, тѣло и уды тѣлесные зрительными смыслами разсматривая, да яко абие в похотѣнии его разгорѣся и теплыя любве в мысли себѣ зача разжизание. Нѣсть бо ей попечения питатися брашна сладостию, ниже вкушати пития медоточнаго. Есть бо ей тогда брашно и питие Азоновъ сладкий зракъ, егоже всего носит в сердцѣ заключенна, и егоже любовию блудною наполнихъ стомахъ насыщенъ. Егда же взираешь от иных, иже глядаху на неѣ брашеннаго вкушения тако преставшу, непшеваху еѣ не любве ради сие в ней быти, но нѣчто токмо срамоты ради. Медея же толикия теплоты разъярись похотию, зачатый порокъ велми нудится покрыти, да не токмо о сих, от нихже зряшешя увѣдати нѣчто возможетъ, но паки от себе самое искуснаго безвинства обличение износит, имиже тое же срамно быти может в дѣвицѣ в безвинную обращает лѣпоту. По семь же *тонкимъ* гласомъ во устѣхъ своихъ износит сия словеса: «Ох, дабы сей варваръ, толь красенъ, толь честенъ, мнѣ мужни союзомъ приединился», — дабы ему от себѣ дала разумѣти безвиннымъ желаниемъ того хотѣти, еже вины и грѣха не лишашеся. Всѣхъ женъ всегда есть обычай, да егда безчестнымъ желаниемъ мужа нѣкоего хотятъ, под покровениемъ нѣкоея чести своя оправдания умышляютъ.

Браку же скончавшюся, Медея свободениемъ отца своего в каморы своя входитъ, а Азонъ и Еркулесъ в коюя полаты камору приемлются повелѣниемъ царевымъ. Медея же, во своей тайной ложнице пребывая, от зачатого любве пламени утружденна, тѣснотою многою мучашеся и многимъ утрудися воздыханиемъ, велми попеченнѣ помышляет в себѣ, како своего разжизания пламени *может* противитися удовлѣниемъ своего насыщения. Но дѣвственныя срамоты малодушствомъ побѣжденна, уклонися от дерзновения, зане брася в ней любовь и срамота. Настонтъ любы, да дерзнетъ, но ради безчестия студъ претить. Сице сугубымъ мучашеся сражениемъ своего студа *невзгоды* чрезъ всю недѣлю в молчании плака, аки и в себѣ глаголаше: «Охъ, яко под такимъ небеснымъ созвѣздиемъ родихся, да сего мнѣ нынѣ приятныя Азоновы красоты, наипаче мужния чести лѣпотою не насыщаюся в супружествѣ». На сие себѣ чин послѣдователный быти глубокимъ ума умышляя попечениемъ.

Бысть же, да яже по счастью, яже скоряше концу, случися за хотѣние Медеино, яже в нѣкий день, егда царь Оетес в тайныхъ своихъ со Азономъ и Еркуломъ о многихъ многая глаголаше в полатѣ, по Медею, дщерь свою, посла,

если, как ты говоришь, ведаешь будущее, никак бы не допустил, чтобы дочь твоя встретила на пиру с Язоном, и не разрешил бы Язону вместе с ней за столом вкушать яства. А о том, что с тобой в действительности случилось по этой причине, поведает история, следуя подобающему и неподобающему не опуская.

Медея, сидя между царем, отцом своим, и Язоном, хотя и очень смущалась, не могла сдержаться и не смотреть, и всякий раз, когда было можно, бросала на Язона нежные взгляды, жадно разглядывая лицо его, и весь облик, и волосы, и фигуру, и вскоре вспыхнуло в ней вожделение, и в сердце ее начала разгораться жаркая страсть. И не думала она о том, чтобы вкушать сладкие яства или пить напитки медовые. Был для нее тогда яством и питьем прекрасный облик Язона, который она целиком заключила в свое сердце, и насытилась она наполнившей ее чувственной страстью. Когда же смотрели на нее другие, то, видя, что она перестала вкушать яства, полагали, что это не от любовного чувства, а от стыдливости. Медея же, распалившись таким горячим желанием, очень хотела бы скрыть возникшее в ней греховное вожделение, и не только от тех, кто, глядя на нее, мог бы о чем-то догадаться, но еще более от себя самой, и ищет она возможное оправдание, чтобы постыдное для девицы обратить в благопристойное. Затем нежным голосом из уст своих изрекает такие слова: «О, если бы этот чужеземец, столь прекрасный, столь высокородный, стал бы моим мужем», — чтобы тем самым дать Язону знать о своем целомудренном желании, лишенном порочности и греха. У всех женщин это в обычае: всегда, когда испытывают постыдное влечение к какому-либо мужчине, исполняют свои желания под покровом благопристойности.

Когда же окончился пир, Медея с разрешения отца своего ушла в свои чертоги, а Язону и Геркулесу по велению царскому были отведены другие покои. Медея же, оставшись в своей уединенной спальне, страдала от вспыхнувшего в ней любовного огня, терзалась в непрестанной тревоге, томилась, часто вздыхая, и напряженно раздумывала над тем, как сможет погасить разгоревшееся в ней пламя, удовлетворив свою страсть. Но победило в ней малодушие девичьей скромности, отступилась она от дерзких желаний, ибо боролись в ней любовь и стыд. Побуждает ее любовь к решительности, а скромность запрещает, страшась бесчестия. Так вдвойне страдала она, борясь с препятствиями, порожденными ее стыдливостью, всю неделю тихо проплакала и в душе своей восклицала: «Ох, почему я под таким небесным созвездием родилась, что не могу насладиться в браке милой красотой Язоновой и всего более красотой его мужской доблести». И постоянно раздумывала она о том, как же ей поступить в дальнейшем.

Но на счастье, торопя развязку, в один из дней осуществилось желание Медеи, ибо царь Оетес, беседуя как-то в сокровенных своих покоях с Язоном и Геркулесом, о многом многое говоря, послал за Медеей, дочерью своей, чтобы

да приидеть к нему. Ей же во уготвлении царскомъ пришедши, близ отца своего, повелѣвшу ему, съде, еже отецъ ея веселымъ словомъ прощение дасть, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ дѣвическимъ словеса потѣшнаа глаголетъ. Яже срамляся нѣкако, от отца своего востав, подле Азона себе избра сѣсти. Азонъ же, видѣвъ Медею при немъ съдшу, возвеселись и, малу оставлену промежку, отдвинуся мало от Еркула, паче к Медеи приближися. Царь же Оетесь и предстоящие многие прочее мною бесѣдование ея свѣтлостию день провождаютъ, и Еркulesь со предстоящими пред нимъ многими рѣчьми о многих глаголаше. И тако промеж Азона и Медеи не бѣ никоего посредства, имѣже может, аще вкупѣ глаголати нѣчто восхотят, мѣшати.

Медея же аки и восприятие единства глаголати со Азономъ угоднымъ приключениемъ прият, видя прочих промеж себе иные рѣчи разные глаголати, боязненнаго студа бремя чинно отложив, в первомъ словесномъ исхождении сие глаголаше Азону: «Друже Азоне! Да непѣшуетъ твое благородствие безчинно, ниже *худости* женские слабости, да не пишетъ нѣчто, аще с тобою, яко *незнаема*, глаголати дерзну. И мнѣ неблагочиннымъ помысломъ тебе к знатию предпозвати. Достойно убо есть да чужу благородну и благодарну спасения совѣтъ да подасться от благородныхъ, поне позывати благородный благороднаго нѣкоимъ совокупнымъ вѣжествомъ должень. Въмъ *тя* благородна и вѣдома смѣлствомъ юношескимъ в царство сие имѣти золотое руно просил еси. Про тое прошение *вѣм* *тя* пагубѣ явной вдатися и неложные смерти бѣдѣ поврещи живот свой. Сего ради твоему благородию и юношеской теплотѣ спостражду и тебѣ желаю спасенный совѣтъ и помощь угодну спослужити, еуже неврежденъ от толикихъ бѣдъ измешися и в желаемые твоего отечества дома здрав возможеша в блазѣ цѣлости дойти. И на сие меня тебѣ будущу познаеша, аще приятнымъ сердцемъ моя воспоминания обымеша и мощнымъ соблюдениемъ восхошеши *изслѣдити*».

Поклоннымъ лицомъ и пригнеша мышцы, Азон же к реченнымъ словесемъ сие умилнымъ гласомъ отвѣща: «О, благороднѣйшаа жено и госпоже! Тебѣ говѣйнишимъ сердцемъ моимъ умилныя благодарения воздаю, яже трудомъ моимъ сострадати честнымъ *изъявленіемъ* показуешися. Ея же ради вещи благоволенію твоему всего мя излагаю, зане множае паче суть дары *благодатныя*, яже не просимы, ниже предшедшими благотвореніи сподоблени подаются». Ему же рече Медея: «Друже Азоне! Вѣси, колика суть в златорунномъ исканіи учинена пагубы или нѣчто слух истинный не вѣдомъ ти, вина тѣх истинная не прииде вѣяво? Воистинну его же возмощение или воздержание едва или никакъ смертному чловѣку мощно, зане божие есть стрещение его и нѣсть в чловѣкѣ паче мощь, якоже можетъ сила его необоримая въ величествѣ богов. Кто бо невредимъ избудеть от волов, пламени отрыгающихъ огненные, кого счастливые прилучаи противу ихъ напасти жаломъ дерзновения наведеть, зане противу тѣх

та явилась к нему. Когда же пришла она, в облачении, достойном царевны, и по царскому повелению села возле отца своего, приветливо разрешил он ей развлечь Язона и Геркулеса беседой, подобающей для девушки. Она же, смущаясь немало, встала с места возле отца своего и решила сесть рядом с Язоном. Язон, увидев, что Медея села подле него, обрадовался, и так как было еще расстояние между ними, то несколько отодвинулся от Геркулеса и подсел поближе к Медее. Царь же Оетес и приближенные его тем временем вели долгую оживленную беседу, и Геркулес со спутниками своими многое поведал о многом. И так между Язоном и Медеей не было никого, кто бы мешал им говорить друг с другом, о чем захотят.

Медея же, получив удобную возможность говорить с Язоном наедине и видя, что все остальные ведут между собой свою беседу, с достоинством сложила с себя бремя робкой стыдливости и в первых словах своих так сказала Язону: «Друг мой, Язон! Пусть не покажется твоему благородству нескромным и тем более пусть не будет приписано пороку женской слабости, что я, будучи с тобой незнакома, сама начну беседу. И этим путем, для меня не скромным, сообщу тебе о важном. Подобаает, чтобы высокородному чужестранцу, находящемуся в затруднительном положении, был дан спасительный совет столь же высокородной, ибо должны высокородные относиться друг к другу со взаимной предупредительностью. Знаю, что из высокого рода ты и что, побуждаемый юношеской отвагой, хочешь в царстве нашем добыть золотое руно. И предвижу я, что из-за этого желания твоего грозит тебе неминуемая гибель и обрекаешь ты себя на неизбежную смерть. Поэтому я, сострадав доблести твоей и юношеской горячности, хочу дать тебе спасительный совет и оказать необходимую помощь, чтобы смог ты избежать бесчисленных опасностей, благополучно и невредимым смог бы вернуться в желанный дом свой в твоём отечестве. И поэтому ты сможешь узнать, что ждет тебя, если с открытой душой примешь мои советы и захочешь им точно следовать».

Склонившись к ней, Язон на слова ее так ответил ласковым голосом: «О благороднейшая из женщин и госпожа моя! Воздаю тебе от преданного сердца моего нижайшую благодарность за то, что благородно выражаешь желание помочь в моих делах. Поэтому тебе, ко мне благоволящей, я всего себя отдаю, ибо особенно ценны дары, которые приносятся не по просьбе и не в ответ на предшествовавшие им благодеяния». Ему же отвечала Медея: «Друг мой, Язон! Знаешь ли, сколько опасностей таит добывание золотого руна, или же правдивые сведения о том тебе неведомы и истинная причина тех опасностей не предстала перед тобой въяве? Ибо в действительности никак не может смертный человек рассчитывать на возможность победы, ибо стражи руна поставлены богами и нет в человеке такой силы, которая сравнялась бы с необоримой силой и могуществом богов. Кто сможет невредимым устоять перед волами, извергающими пламя, кого счастливая случайность спасет от их

наская скоро обратится в прах, изгоримъ дымноу погибает искроу? Яко аще толь легкою душею поискусити юношески дерзнулъ еси, велиимъ безумиемъ низводишися, зане цѣна толикия вещи смерть едина состоится. Престани убо, Азоне, аще хоцещи чинити мудрѣ, от такова несчастья, не приступай к смертному предѣлу, иже живота твоего свѣт конечнѣ отиметь».

Азонъ же, яко не терпя, к Медеинымъ словесемъ подвижесе, да не множайшая симъ подобная словеса излиет, еѣ рѣчь пресѣче и словеса еѣ расторгнувъ, сице рече: «О благороднѣйшая госпоже, егда страхомъ словесъ твоих ужасиши мя, вѣруеши, да жестокими прещении ужася, престану от начатаго? Еда аще будетъ имѣти мощно нѣкую славу болшую во всей жизни моей, *воздержуся*. Аще ли ни, воистинну жив живую укоризною растаю во языцех и всякия лишенъ честныя хвалы вѣчноу нечестию уничижуся. Есть же умышления моего извѣстно смерти мя предати, аще смерти есть цѣна толикия вещи. Зане разумнаго мужа сущее быти имать, егда нѣкоего начатаго умышления изъявит въ дѣйство, предположити убивство живота, прежде даже от начатаго безчестия пристанет».

Ему же рече Медея: «Есть убо, Азоне, умышления твоего тои извѣстие, да смерть желаеши предложити животу твоему в толь явномъ погублении ближние пагубы. Поистиннѣ благочестию твоему болѣзную, и на тебе, дерзнувша зѣло неразумнѣ, подвижуся утробою милости. Сего ради умышляю, сболѣзнуя тебѣ, благаго твоего спасения и исцѣления предложити, чести отца моего и моей срамоте не щадѣти, ниже спасению. Но сего благотворения послѣди от мене милость наслѣдиши, аще воспоминаниям моимъ повинитися обещаешися и совершити реченная не измениши». И к сему Азонъ рече: «Благороднѣйшая госпоже! Все, елико повелиши творити, не ложная исполни ти тебе обещаваю и боги засвидѣтельствую».

Ему же Медея рече, пиша перстомъ на шиде червленымъ виномъ сице: * «Аще мя себѣ присвоиши въ жену и аще мя от сего отча царства, Азоне, отвезеши в твое отчество, аще мя вѣренъ не оставиши доколѣ живу, воистинну сотворю и учиню, да яко златаго руна достанеши, конечнѣ обѣт твой исполниши, вся претителная бѣды уничижив. Есмь бо в смертныхъ едина, яже могу силы Аррисовы повредить и его власти уставленнымъ противною хитростию власти совѣтъ *встрѣчати*». Къ ней же Азонъ рече: «О коль велия и недомыслима воистинну суть то, яже ми, честная дѣвице, обещаеши дати тебѣ мнѣ, сиирѣчь, яже промеж прочиихъ красныхъ *избранные* красоты наилутшая блистаяши, аки рожа красная, яже во время весны цвѣтовъ прочиихъ, ихъже на полахъ безстудно естество прозябаетъ, своими шипки нарочитыми превосходит! И мене обещаеши избавити кромѣ того от толикихъ лихихъ злобъ, ища златаго руна! Но вѣмъ *себя* праведна быти не мощно цѣну получитьи толикия вещи. И иже дары толь драги благи приносящу счастье отринеть, подобнѣ нарешися

нападения в порыве ярости, ибо выходящий против них тотчас же обратится в пепел и, сожжен, дымом станет и искрами? Если же с такой легкой душой дерзаешь по-юношески рисковать, то, значит, овладело тобою великое безрассудство, ибо только жизнью можешь заплатить за свою попытку. Постарайся, Язон, если хочешь поступить мудро, избежать этих бед, не приближайся к роковой черте, за которой померкнет свет жизни твоей».

Язон же нетерпеливо, чтобы не продолжала она подобных речей, прервал ее слова, сказав так: «О благороднейшая госпожа, неужели ты, пугая меня своими устрашающими словами, надеешься, что, убоявшись сурового запрета, я отступлюсь от начатого дела? Если будет иная возможность за всю мою жизнь достичь большей славы, то воздержусь. Если же нет, то поистине, оставшись в живых, живым примером для укоризны стану я для людей и, лишившись всякой чести и славы, покрою себя позором. Видно уж, заключена в намерении моем неизбежная гибель, если только ценой жизни можно свершить этот подвиг. Однако мудрому мужу следует, объявив о задуманном деянии своем, предвидеть расставание с жизнью, но не отказываться с позором от начатого».

Ему же сказала Медея: «О Язон, верю я сказанному тобой о своем замысле, что предпочитаешь ты смерть в явном равнодушии к возможности близкой гибели. Поистине сочувствую благородным помыслам твоим и всей душой тянусь к тебе, дерзающему столь безрассудно. И поэтому, сочувствуя тебе, решаюсь я, ради спасения твоего и здоровья, пожертвовать честью отца своего и своим стыдом пренебречь и благом. Но получишь ты от меня благодатную помощь не ранее, чем пообещаешь последовать моим советам и не откажешься совершить обещанное». На это Язон ей ответил: «Благороднейшая госпожа! Все, что повелишь ты сделать, честно обещаю тебе исполнить и клянусь в этом перед богами».

Медея же написала ему на скатерти, обмакнув палец в красное вино, так: «Если сделаешь меня своей женой, и если меня увезешь, Язон, из отцовского царства в свое отечество, и если останешься мне верен, пока я живу, поистине сделаю и устрою так, что добудешь золотое руно и в конце концов обещание свое исполнишь, преодолев все грозные препоны. Ибо я единственная из смертных, кто может одолеть могущество Ареса и всему, устроенному его силой, противопоставить силу благодаря своему искусству». Отвечал ей Язон: «О, насколько, поистине, велико и не поддается разуму то, что ты мне обещаешь даровать, благородная девица, ибо среди других красавиц блистаешь ты изысканнейшей красотой, подобно розе пунцовой, которая весной своими прекрасными цветами затмевает все прочие цветы, растущие свободно в полях! И обещаешь меня спасти при этом от стольких опасностей в добывании золотого руна! Но думаю, что я полностью сознаю бесценность этой вещи. И тот, кто откажется от столь ценных и благих даров, несущих счастье, уподобиться

может болшим безумия буйством отнюд колебаться. Сего ради, честнѣйшая в женах, и мене в мужа тебе смиренного, благоговѣина жениха предаю и творити вся, елика твое разсудит избрание чистое, и чистою вѣрою обѣщеваю».

Медея же такового приношения возрадовася словесемъ, сиче к приносящему словеса отвѣща паки: «Друже Азоне! От твоих обѣщаних извѣстну сотворитися и отнюдъ опасну, несуетным сердцемъ желаю и в сих умъ мой твердѣйшаго *опаства* сотвори крѣпчайший, прошу убо, тобою вся елика рекль еси, клятвою укрѣпити. Но зане нынѣ намъ мѣсто непригодно продолжити сие, непщую, егда покрывается земля ношнымъ помрачением, яже сотворити тайная подасть желающимъ пригодну и от вѣдания чловѣческаго многих оправдаеть, и тайну бо намъ себе пригодно подаючи, моимъ тайнымъ посланникомъ взысканъ к моей каморе без страха приступити, в ней же опасну мя сотвориши о предреченных клятвою боговъ. Зане и мене извѣстну такожде потомъ имѣти возможеши, яко твою, и ту о происхождении действъ твоихъ и тѣхъ свершений конечном мною полнѣе накажешися».

Ей же Азон скоро сего пригодия краткословием сиче заключи: «Честнѣйшая госпоже, якоже глаголеши, буди тебѣ и мнѣ». Оба же уклонишася от множества словес. Медея, у Азона приемъ отпущение, царю-отцу тако же поклонився и Еркулу, во множествѣ своемъ восвоися прииде.

О МЕДЕИ, НАКАЗУЮЩЕЙ АЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ И О ВРАЧЕВАНИИ ИХ И НА БРАНЬ ТВОРИМУЮ С ВОЛЫ И СО ЗМИЕМЪ ДѢЛАЕМЫХЪ

Уже половину дни солнце прииде и коней своих бразды направи к частем уже обращаешася западнымъ, егда Медея, едина пребывая в полатѣ, что глаголаше Азону и коя отвѣты от него многия в себѣ помышлениемъ обрати. И егда рѣчи промеж ими прилѣжно разсуждаетъ, разширенну веселию, но смѣшенному желанию превозмогающу, радости ея омрачается, зане завидный часъ ношный для многаго хотѣния горить. Сего ради, яко теплоты не терпя, егда желанием колебашеся похотнымъ, внутренними взирании скончаваает течение солнце. Толким хотѣниемъ мучашеся о солнычном захождении, яко той останок дни, еже бѣ средина промеж свѣта и тмы, ея продолжашеся имѣвше аки два дни. Но пришедшу вечеру, и бысть запад, извѣстны наведе тмы, егда промеж зрака чловѣческаго и солничаго вниде сѣнь земная. Воставшу убо тоя ноши смерканию, многимъ разнствомъ колеблется мысль в Медин, кояждо степени солнца, донелѣ заиде, и попечениемъ тягчайшимъ примечаше, и желает нападения ношнаго и потомъ восхода луннаго, зане ноши тоя при часѣ перваго сна восхождаше от восхода. И сиче тоя ноши от пребывающих в полатѣ скончанну бдѣнию, всѣ покоя спати восхотятъ, имѣже ея хотѣния желаемая свобода совершися.

может безумцу, мечущемуся в буйном приступе. А поэтому, досточтимейшая из женщин, я себя отдаю тебе как мужа и смиренного, благоговейного жениха и искренне обещаю поступать так, как укажет мне твое высокое решение».

Медея же обрадовалась обращенным к ней словам и произнесшему речь эту ответила так: «Друг мой, Язон! Я бестрепетным сердцем желаю стать уверенной и совершенно спокойной после того, что ты обещал, и укрепи в этом ум мой, избавив его от страха, ибо прошу тебя все сказанное мне подтвердить клятвой. Но так как здесь неподходящее место для продолжения нашей беседы, подожду, пока земля не покроется мраком, который даст возможность желающим творить тайное и многих защитит от людского любопытства, и тогда будем спокойны за сохранение нашей тайны, и будешь ты позван моим тайным посланцем без страха прийти в мои покои, и там успокоишь меня, поклявшись обо всем, сказанном ранее, перед богами. И потом от меня, ставшей твоей, сможешь все узнать о том, как поступать тебе и чем все должно завершиться».

Ее же слова Язон тотчас же с уместной краткостью заключил: «Досточтимая госпожа, как сказала ты, так и будет с тобой и со мной». И оба прервали свою долгую беседу. Медея же, попросившись в Язоном и поклонившись царю, отцу своему, и Геркулесу, ушла к себе с многочисленными приближенными своими.

О ТОМ, КАК МЕДЕЯ НАСТАВЛЯЛА ЯЗОНА ПЕРЕД БИТВОЙ ЗА ЗОЛОТОЕ РУНО И О ВРАЧЕВАНИИ ПЕРЕД БРАНЬЮ С БЫКАМИ И СО ЗМЕЕМ

Уже прошло солнце половину дневного пути и коней своих направило к западным пределам, когда Медея, одна оставшись в палате, стала перебирать в мыслях все то, что она говорила Язону и что он отвечал ей. И когда припомнила все в подробностях, о чем они беседовали, стало весело ей, но радость ее омрачилась возобладавшем желанием близости, ибо счастливый час ночной сулит исполнение многих желаний. И поэтому не в силах сдержать душевный жар в мыслях она торопит движение солнца. И так ждала она, чтобы скорее зашло солнце, что остаток дня — часы между днем и ночью — тянулись для нее словно бы два дня. Но наступил вечер, и начался закат, предшествующий, как известно, сумеркам, когда тень земная падает между очами людскими и солнцем. Когда же покрыл все мрак ночной, пришли в смятение мысли Медеи, ибо каждое движение солнца, пока оно не зашло, отмечала она в нетерпеливом томлении и жаждала наступления ночи и потом восхода луны, ибо в ту ночь она всходила в первый час сна. И вот уже в ту ночь стали расходиться пребывавшие в палате, все захотели покоя и сна, а вместе с этим близится и долгожданная свобода для ее желаний.

Но о коль жаждущей душе краткое долго видяшеся, еже ничто довольно тшашеся к похотѣнню! Толикими убо тѣсняется мучащимися тѣснотами тогда Медея, егда ощути отцевых слугъ в полатѣ долгим бдѣниемъ ночь *проводити* и спати никакоже хотящих; многимъ жданиемъ, яко не терпя, нынѣ сѣмо и овамо ходит по каморѣ без покоя, нынѣ к дверемъ *коморнымъ* приходит слушати, аще нѣчто бдящие покушаются спати, ино отворяетъ окна, смотря, колко проиде ночи течение. Но дотолѣ сицевыми мучашеся тѣснотами, донелѣ пѣтеловъ пѣние, ношнаго проповѣдника, вездѣ быша глас его, по его же воспомановению бдящие настоящаго покоя спати желаютъ. Возлегшу убо всему царскому дому и в покое ношнѣмъ на всѣхъ излиянну тиху молчанию, Медея, возвеселися вельми, нѣкую стару жену домашнюю свою и зѣло коварственну ко Азону брежно посылаетъ. Егоже егда увѣда Азонъ, скоро востаетъ отъ ложа и со женою тихими стопами в темнотѣ идяше, к Медеинѣ полатѣ прииде, въ его же вшити предстоящи Медеи, Азонъ любезными словесы поздравления глаголетъ, Медея же подобнѣ ему отвѣща, весел во двери вниде.

Скоро же отиде баба, Азона и Медею единыхъ остави в каморѣ. И утверженнымъ дверемъ полатнымъ от Медеи, у постели чуднаго приготовления в каморѣ Азонъ сѣде, Медеи устрояючи. Отверзе убо сокровище свое, нѣкий образъ златъ, освященъ во имя Зевеса, якоже языкомъ обычай бѣ, Медея изнесе, показа его Азону; многу свѣту от свѣщъ горящихъ, имиже вся камора блистаниемъ великимъ просвѣщашеся, сия словеса рече: «Прошу от тебе, Азоне, на семъ образѣ вышшаго Зевеса клятву мнѣ вѣрну подати, да егда мя всею твоею воли издамъ непщеванию и исполнити вся обѣщанная тебе, не напрасныя вѣры чистотою тебя мнѣ вѣчнымъ чистымъ сердцемъ соблюсти, да кленешися силою божия и чловѣческия правды от сего *часа* мене в супругу восприимеши и да во вся дни живота твоего мене оставити нѣ с кимъ умышлениемъ не дерзнеши». К сему же Азонъ говѣинымъ лицомъ *себѣ* принося, коснувся образу рукою, соблюсти исполнити предреченная *вся* Медеи кляся.

Но о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Азоне, что ти Медея послѣди сотворити множае возможе, яже своя лѣпота всю честь отложи, тебѣ свое тѣло и духъ единодушно преда, единыя ради вѣры обѣщанные падеся, не внимая своего благородия, ни своего царскаго достоинства величествъ разсматривая, зане твоея ради любве себе наслѣдья скипетра лиши и старца отца *безчестна* остави, сокровищнаго его собрания ограбивъ, и отчая мѣста оставль, тебѣ ради избра заточение, предполагая страны чуждия рожденныя земли сладости? Ни ли ты от смертныя пагубы спасе, здрава из вѣчныя срамоты изня, их же нѣчто бы здоровъ от случая бѣднаго избылъ бы еси, златаго руна не обрѣтъ, возвратитись в Тесалию, студа ради дерзнулъ бы еси? Отступи бо от своихъ и дасть тебѣ и твоимъ. Иже убо срамъ отринувъ, клятвы твоея завѣщание испоругати дерзнулъ еси, да безблагодарнымъ срамомъ оскверненъ, вѣрующую прелестиши дѣвицу, от дому отца отвезши и страха боговъ не брегши, ихъже избралъ еси кленяся

Насколько жаждущей душе краткое долгим кажется, ибо недостаточно быстро приближается желанное! Какой охвачена была тогда Медея мучительной тревогой, когда услышала, что отцовы слуги проводят ночь, бодрствуя в палате, и вовсе не собираются спать; от долгого ожидания и нетерпения взад и вперед ходит она по комнате, не находя себе покоя, то к дверям чертога подходит, прислушиваясь, не собираются ли бодрствующие спать, то окна отворяет и смотрит, сколь много уже протекло ночного времени. И до той поры терзалась в такой тревоге, пока не раздалось повсюду пение петухов, глашатаев ночи, и по их напоминанию все бодрствующие захотели предаться отдыху и сну. Когда же улеглись все в царском дворце и в спокойствии ночном пролились на всех тишина и безмолвие, Медея, обрадовавшись, некую старую служанку свою, очень искусную в подобных делах, посылает с осторожностью к Язону. Узнав об этом, Язон тотчас же вскочил с ложа и вслед за женщиной, крадучись в темноте, пришел к чертогам Медеи и, когда та встретила его, входящего, Язон нежно приветствовал ее, а Медея ответила ему тем же, и весело вошел он в двери.

Служанка тотчас же ушла, оставив Язона и Медею одних в палате. И когда Медея заперла дверь покоя, Язон по ее приглашению сел возле постели чудного великолепия. Медея же открыла сокровищницу свою и, достав некий золотой талисман, освященный во имя Зевса, как это принято у язычников, поднесла его Язону в сиянии света от свечей горящих, от чего вся палата сверкала ярким блеском, и сказала такие слова: «Прошу тебя, Язон, на этом образе верховного бога Зевса поклянись мне с верой, что, когда я всю себя отдам в твою власть и исполню все обещанное тебе, поклянись, непорочной веры чистотою, себя для меня сохранить навеки в чистом сердце и поклянись силами божественной и человеческой правды, что с этого часа возьмешь меня в супруги и до конца дней своих никогда не помыслишь меня оставить». В ответ на эти слова Язон с благоговением на лице прикоснулся к образку рукою и поклялся соблюсти и исполнить все, о чем было сказано.

О коварный обман мужской! Ответь, Язон, что бы могла больше сделать для тебя Медея, если она забыла о чести и достоинстве своем, от всей души тебе тело свое отдала и сердце, поверив лишь твоим обещаниям, пала, забыв о высоком роде своем, невзирая на величие своего царского сана, ибо из-за любви к тебе лишилась она права наследовать скипетр царский и старца отца покинула в бесчестии, ограбив сокровищницы с его богатствами и отчизну оставив, ради тебя решила предпочесть одиночество на чужбине сладости жизни на родине? Не ею ли ты был спасен от смертельной опасности и, невредимого, избавила тебя от вечного позора, а иначе разве избежал бы ты невредимым опасностей и, золотого руна не добыв, разве решился бы с позором вернуться в Фессалию? Изменила она своим и все отдала тебе и твоим. Ты же, стыд забыв, дерзнул надругаться над словами клятвы своей, ибо, осквернен позором неблагодарности, прельстил доверившуюся тебе девушку, увезя ее из

презрѣти, и ей вѣру изменити не усрамилса еси, от неяже толика блага величье тебѣ восприявшу. Воистинну тебѣ, безсрамному, посреди прелстивши Медею, повѣдает история. Но сие прииде от твоя прелести безлѣпие, да яко тое же истории чинъ не оставляетъ, яже виною твоего клятвопреступления и ненавиждѣниемъ вѣры разрушимыя твоее, богов нанесшимъ, живот свой безстуднымъ прилучаемъ глаголешиса скончавъ, о немъже здѣ нынѣ многая сказати оставлется сего ради, яже настоящие бесѣды существо не соединят.

Но ты, Медея, яже толикихъ хитростей сказуеши просвѣщением украшенна, рцы, что ти ползова знатие закона звѣздаго, имъже глаголетса будущая мощно преднаписати? Аще предвидѣние будущихъ бываетъ в них, почто себѣ толь суетнѣ, толь нечестивѣ предвидѣла еси? Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовию будущаго твоего мужа, злыхъ належащихъ в законехъ звѣздныхъ нерадѣниемъ оставльшихъ? Но извѣстно есть: астрономскіе суждения безвѣстны суть, о немъже явный образецъ мощнѣ и явнѣ на тебѣ показуется, яже тебѣ предвидѣти тѣмъ никако могла еси. Сия бо суть безвѣстная яже легкиихъ вѣрити истина, поистиннѣ прелщаютъ ложнымъ блуждениемъ, в нихъже никое постизается будущихъ действо, токмо нѣчто по случаю приидет, зане единаго Бога есть, въ егоже руцѣ суть положена вѣдати времена и временемъ лѣта.

Что паче? Восприявъ Медея от Азона клятву, оба входятъ в чертогъ, в неизреченной лѣпотѣ их, сложивъ ризы и пребывающимъ обоимъ нагимъ, дѣвственныя заклѣпы Азонъ отверзе у Медеи. И сие всю ночь скончавъ веселою потѣхою услаждения. Но Медея, аще своя похоти доволство *исполнив* мужескимъ обниманиемъ и дѣйства блудныя, хотимыя от Азона, сего ради не отиде искра похоти в ней, но искусными дѣйствы послѣ *тягчайшая* зача зажигания, неже прежде грѣхъ содѣянный. Сие есть то вкушение толикою прелщая сладостию бѣдныхъ любителей, иже егда от нихъ болѣе приемлется, паче желается, егоже ненавиждѣти не можетъ стомахъ насыщенный, зане сердечная похоть и желание наслаждения беспрестанно в немъ, егда горитъ сладкое его утѣснение, питаетъ похотѣние.

Уже бо тоя ноши зори приходящи и звѣздамъ просвѣщающимся утрення, егда *Медее* сими словесы глагола Азонъ: «Часъ есть, сладкая госпоже, намъ от ложа востати, да не како насъ внезапно объметъ свѣтъ дневный. Но не вѣмъ, любимѣйшая, аще о моемъ дѣлѣ устроила еси нѣчто творити. Или аще тобою посемъ нѣчто есть строимо, молю любезнѣ, да твоего тайнаго совѣта мнѣ двери отверзеши, да, тобою наученъ, сие совершу. Зане во отвождении тебѣ от сего острова, в немъже еси нынѣ, и во привождении тебе в мое отчество, в немъже могу, всяка скорость мнѣ законснѣние». Ему же Медея сие рече: «Друже, любезнѣе мнѣ себе о твоёмъ дѣлѣ, еже мое сушеѣ дѣло есть. Полный убо восприяхъ совѣтъ избрания в печи испеченъ и

отцовского дома, презрев гнев богов, избранных тобой в свидетели твоей клятвы, не постыдился обмануть доверие той, от кого принял столько великих благодеяний. Поистине о тебе, бесстыдно обманувшем Медею, возвестит история. Такой позор принес твой обман, что не остается подобное все в течении истории, и за свое клятвопреступление и из-за ненависти богов за нарушение твоей клятвы жизнь свою окончил ты, как говорят, в позоре, о чем здесь не станем подробно рассказывать, так как это не имеет отношения к нашему повествованию.

Но ты, о Медея, про которую говорили, что сияешь ты светом такой премудрости, скажи, помогло ли тебе знание законов звездных, дающих возможность предвидеть будущее? Если можно предвидеть будущее по звездам, то почему же так неверно и ошибочно предсказала ты свою судьбу? Или скажешь, что, объятая страстью к будущему своему мужу, неразумно пренебрегла опасностями, предвещанными тебе звездными законами? Но мы знаем, что астрологические предсказания ничего не значат, и яркий пример тому — твоя судьба, ибо ничего не смогла ты предвидеть. Все они лживы и кажутся истинными лишь легковерным, в действительности же прельщают ложным заблуждением, и с их помощью нельзя предсказать никаких будущих событий, если это не случайные совпадения, ибо единому только Богу, в руках которого — все, дано знать будущее на годы и на века.

Что же далее? Когда Язон поклялся Мее, оба вошли в чертог несказанной красоты, и когда, сняв одежды, остались оба нагими, Язон отворил врата девственности Мее. И так всю ночь провели они в веселых радостях наслаждений. Но Медея, хотя и удовлетворила свою страсть в объятиях мужчины и чувственных деяниях, которых жаждала от Язона, не смогла угасить в себе искру похоти и искусством своим продолжала возбуждать страсть, превосходящую уже бывшие греховные дела. Это и есть то вкушение, влекущее сладостью своей несчастных любовников, когда чем больше получают они, тем больше возрастают их желания, которых не может не жаждать тело, ибо в нем беспрестанно живет чувственность сердца и желание наслаждений, и сладкое томление, распаяясь, питает вожделение.

Уже стало светать и зажглись утренние звезды, когда Язон обратился к Мее с такими словами: «Настал час, милая госпожа моя, подняться нам с ложа, чтобы не застал нас врасплох дневной свет. Но я еще не знаю, любимейшая, что ты придумала, чтобы помочь мне в деяниях моих. Если же тобою что-либо уже устроено, то с нежностью молю тебя открыть врата в сокровищницы твоих советов, чтобы я по твоим наставлениям смог бы свершить задуманное. Ибо когда представлю я, как увезу тебя с этого острова, где мы теперь находимся, в мое отечество, где я всемогущ, то и все быстротекущее кажется мне медлительным». Ему же Медея так отвечала: «Друг мой, мне самой себя дороже дело твое, ибо дело это и — мое. И я уже полностью обдумала

зажженъ во мнѣ. Се убо востанем от чертога, да мнѣ и тебѣ изобильство буди пригоднѣ навькати *на* сия вся, яже тебѣ видится, *отрядити*». Воставше убо от ложа и ризы во мнозѣ торжествѣ восприявъ, Медея, отверзши своих сокровищъ ларцы, многая из них изнят, яже Азону симъ чином предасть блюсти.

СИЯ СУТЬ, ЯЖЕ МЕДЕЯ ДАДЕ АЗОНУ

Первое предасть ему образъ нѣкий сребрянъ, егоже быти рече волшебнымъ чином и силою многия хитрости содѣлан, иже противу волшебства сотвореннаго есть зѣло силенъ, разрушая сушая сотворимая и ихъ повреждения отринованием отгоняетъ. О семъ убо Азона сиче наказана, да его бреженъ на себе носить, зане противу волшебствъ коиждо превозмогати вѣсть, вредимыя силы волшебныя уничижая. Второе дасть ему нѣкоея масти благовонныя лечбу, имъже мазатись повелѣ, глаголя в немъ силу быти, да яко противу пламене зѣло преодолювает, погасает зажигаемая, и все *еже* имать силу сожещи, приединив дымокурение, разрушает.

По семъ нѣкий перстень дасть ему, в немъже сичевыя силы камень бѣ вложенъ, да яко всякий *ядѣ* расторгает, ихъ шѣкоты отрѣвает, и егоже яда неистовство уязвить нѣчто, аки от воды уязвеннаго невреждено своею силою спасет. И бѣ в том же камени иная сила — да аще кто сей камень заключенъ носить в горсти, да яко тот камень носящаго к тѣлу добръ прилѣпится, невидимъ скоро будетъ, да егда носит в горсти, никому видится. Сей камень мудрыя асхате нарицают, во островѣ Киликийском первое обрѣтенъ. И сего Енея носивша *Виргилий* пишетъ,* егда первое невидимо доиде х концем Картагенскимъ. По семъ дасть ему написано словы и знаемого паки разума, о немъже Медея Азона велми прилѣжнѣ наказа, да егда к руноу златому доидеть, предкновение преждедеченныя поправ, не скоро на нь напасти, но помоляся молитвою поне трожды, да прочтет по подобию жертвы, *благоволити* богомъ сподобится. Конечнѣ нѣкую тыкву, мокротою чудною исполненну, предасть ему, о нейже наказа, да егда первое придетъ к волом, мокроту ту во уста их волиет и окроплением частым намочит. В той бо мокротѣ сию силу быти рече, да егда во уста волом волиетъ, от того аки нѣкоимъ клеємъ склеятся вмѣсто, да яко их отвержение не токмо тяжко, но не мощно будетъ имъ. И сиче по ряду Медея Азона прелѣжнѣ наказа, имиже прохождение или чимъ можетъ к желаемые побѣды славы дойти. Медея же своему наказанию и учению сиче послѣ конецъ наложи и давъ Азону отпущение прежде дневнаго свѣта. Азонъ во свою камору тайными стопами прииде.

свое решение, в горне закалено оно и зажжено во мне. Так выйдем же из чертога, чтобы мне и тебе было бы удобнее разобраться в изобилии всего того, что, как видишь, приготовлено». Когда они встали с ложа и быстро облеклись в одежды, Медея, открыв ларцы со своими сокровищами, достала многие из них и в таком порядке вручила их Язону.

О ТОМ, ЧТО ВРУЧИЛА МЕДЕЯ ЯЗОНУ

Прежде всего вручила ему серебряный талисман, сказав о нем, что изготовлен он, как предписано магией, и с большим мастерством, и обладает могучей силой против волшебных чар: разрушает творимое ими и избавляет от приносимого ими зла. О талисмани этом так наказывала она Язону: пусть он бережно носит его на себе, ибо тот способен противостоять любому волшебству и обезвредить злые волшебные чары. Затем дала ему некую благовонную целебную мазь, которой велела намазать тело, пояснив, что у той мази есть свойство отлично защищать от пламени, гасить горящее и все, что имеет силу зажигать, обращать в безвредный дым.

После этого вручила ему некий перстень, в который был вправлен камень, обладающий свойством разрушать силу любого яда, избавлять от приносимого им вреда, а если кто-либо будет все же отравлен, то силой своей сохранит его невредимым так же, как пользуют целебные настои. И было у того камня другое свойство: если кто-либо носит его, зажав в руке, то, когда будет камень к телу крепко прижат, станет носящий его невидимым и невидим будет, пока носит его в руке. Этот камень мудрецы называют ахат, и был он впервые найден на острове Сицилия. Вергилий же пишет, что этот камень носил при себе Эней, когда впервые невидимым прибыл в Карфагенскую землю. Затем дала Медея Язону написанный текст, имеющий сокровенный смысл, и при этом обстоятельно напутствовала Язона, чтобы он, когда, преодолев все описанные выше препятствия, подойдет к золотому руну, то пусть прежде, чем до него дотронуться, помолится и по крайней мере трижды прочтет этот текст, подобно молитве, чтобы сподобиться благоволения богов. И после всего этого вручила ему тыкву, наполненную чудодейственной жидкостью, о которой сказала, что, как только он подойдет к быкам, пусть вольет ту жидкость им в пасти и обильно ею их окропит. У жидкости этой, сказала, есть такое свойство, что едва вольется она в пасти быков, как они, словно от клея, склеятся, так что открыть их будет не только трудно, но и невозможно. И так по порядку Медея подробно обо всем рассказала Язону, с помощью чего он сможет добыть славу в желанной победе. Затем кончила Медея свои советы и наставления и отпустила Язона прежде, чем рассвело. Язон же, крадучись, добрался до своих покоев.

КАКО АЗОН ПРИСТУПИ КО ЗЛАТОМУ РУНУ

Восходящи зори красными лучами и солнцу златому свѣтом малымъ холмы горъ просвѣщающим, Азонъ тайнѣ востаетъ от ложа, вмѣсте со Еркуломъ и иными и Оета царя полатѣ приходит, в нейже сам царь живяше со многими предстоящими, вѣнцемъ украшенъ. Его же узрѣл царь, веселымъ лицомъ восприя, у него вины пришествия его честнѣ пытается. Ему же Азон тако рече: «Молю тя, господине царю, да яко закоснѣние мнѣ отнынѣ есть зѣло досадно, хошу, аще угодно, вашею волною свободою к златоруннаго бранному покушению приступити». Ему же царь рече: «Друже Азоне! Боюся, да не како твоего юношества смѣлство безрассудное введет тя хотѣти тебѣ смерть скоро нанесут и мнѣ учинят безславіе о пагубѣ прилучая твоего. Воспоминаю убо тѣбе благоговѣние, да здравъ возвратишия изволи, прежде даже толиким злым дашся погибнути». Ему же Азон рече: «Благороднѣйший царю! Нѣсть ми смѣлство без рассуждения совѣта. И ты без сумнѣния пред всѣми будеши неповиненъ, аще нѣчто — да не буди! — на мнѣ зло случится, емуже ся охотною». Ему же рече царь: «Друже Азоне, *не* хотя хошу твое хотѣние разрѣшити. Бози на помощь, да от толикыя беды здрав избудеши».

И тако Азонъ, желаемую получив свободу, препоясая на путь. Бѣ близ острова Колкоса нѣкий малый остров, малою быстростию водною отстоя, в немъже златое руно предреченно бѣ в страже бѣднѣ, уже реченной; к немуже малыми судны и гребью обычай имяху преходити. К ближнему убо берегу Азон пришед, входитъ в лодию, оружие защищенна взяв, и единъ, за надежду побѣды, яростию в быстротѣ, греблением своимъ в реченный малый островъ прииде. В немъже егда к землѣ приста, абие от лодии изскочив и, от неѣ уготовль оружия и вещи, от Медеи данныя на спасение, вскорѣ оружие облачить и опасным итием ко овну златорунному приходит.

Медея же трепетнаго сердца воздыхании боязненно восходит в верхъ своя полаты и к далным мѣстомъ зря от вышние стрѣлницы, от неяже любимаго своего любезнѣ зритъ преход, *но* любезнѣе сходжение его на землю. Его же яко узрѣ восприявша оружие и боязненное, якоже мнит, препоясание на путь, рѣчныя испусти слезы, в нихже знаменія являються любве. Ниже можаше унятися от воздыхания и словес, въ сія словеса уста своя, слезами очи наводненна, болѣзненным воплемъ разрѣши: «О друже Азоне! Толикими за тя мучася тѣснотами, *коликими* болѣзными сътѣсняюся внутрь и внѣ, зане боюсь, да некако ты, страхом *ужасеся*, моя воспоминания забудеши да твоего спасения оставиши данныя мною тебѣ потребныя наказания! Еже аще сотвориши, не без вины боюся, да *нѣ*како же тебѣ и мнѣ паче *навышшее* ошуюю возможет случится, сего ради от твоих обниманий буду во вѣки лишена. Но

КАК ЯЗОН ПРИСТУПИЛ К ЗОЛОТОМУ РУНУ

Когда взошла в розовых лучах заря и солнце золотое едва осветило вершины гор, Язон, незаметно покинув ложе, вместе с Геркулесом и спутниками своими отправился в покои царя Оетеса, где жил венценосный царь со множеством своих приближенных. Увидев Язона, царь встретил его с веселым лицом и учтиво спросил о причине прихода. Ему же Язон отвечал так: «Прошу тебя, господин мой царь: так как промедление мне теперь очень тягостно, хочу, если тебе угодно и по разрешению твоему, попытаться в борьбе овладеть златорунным овном». Ему же ответил царь: «Друг мой, Язон! Боюсь, что твоя безрассудная юношеская смелость приведет тебя к скорой гибели, а мне принесет бесславие из-за пагубного исхода твоей попытки. С благоговением прошу тебя: лучше согласишься вернуться невредимым, чем навлекать на себя такую страшную смерть». Язон же ему сказал: «Благороднейший царь! Нет во мне бездумной смелости. И ты, разумеется, перед всеми явишься неповинным, если какая-либо беда (да не будь этого!) со мною случится, ибо я сам себя на нее обрекаю». Царь же ответил ему: «Друг мой, Язон, против своей воли уступаю твоему желанию. Да помогут боги тебе остаться невредимым и избежать стольких опасностей!»

И так, получив желанное разрешение, Язон собрался в путь. Возле острова Колкоса расположен был некий небольшой островок, отделенный нешироким проливом, на котором и находилось упомянутое золотое руно с грозной стражей своей, о которой уже было сказано; на островок тот обычно переправлялись в лодке на веслах. Придя на берег, Язон вошел в лодку, взяв все необходимое для своей защиты, и один, в пылкой надежде на победу, быстро достиг на веслах упомянутого выше островка. Когда же он пристал к берегу, то немедленно выскочил из лодки, достал из нее оружие и все, что было вручено ему Медеей для его защиты, быстро облекся в доспехи и осторожно направился к златорунному овну.

Медее же, вздыхая, с трепещущим сердцем, в страхе, всходит на верх своего дворца и смотрит вдаль с высокой башни, откуда с тревогой следит, как отправился ее возлюбленный и — с еще большей тревогой — как сходит он на берег. Когда же увидела она, что он взял оружие и со страхом — как ей показалось — двинулся в путь, то вся залилась слезами, этими верными приметам любви. И не в силах она сдерживать вздохов и жалобных стенаний, с очами, полными слез, печально устами своими произносит такие слова: «О друг мой, Язон! Как тревожусь я за тебя, как сжимается в груди мое сердце, ибо боюсь, что ты от ужаса и страха забудешь мои наставления и не воспользуешься данными тебе мною спасительными советами! А если не сделаешь этого, то не без причины боюсь, что может случиться наихудшее для тебя и для меня, и тогда навеки я лишусь твоих объятий. Но молю покорно богов, чтобы, когда ты

богомъ умилнѣ молюся, да тебѣ возвращшуся, здрава очи мои воистинну узрят и о твоёмъ происхождении *всю мя возвеселят*».

Промежь сими Язонъ, озрѣвся, ко стражбѣ овна путь восприя. И еже егда прииде к мѣсту Арриса и первое на волы воззрѣ, толь горящие пламени на воздухъ испускаемая дыхати, яко небо належащее и все огненнымъ разжиганиемъ блисташе. И разгарание паки теплоты сице все мѣсто то обнимаше, да яко Азону не бѣ никако мощно приступити ради зѣлныя теплоты страха. Но любимые своя дѣйства не забы и спасенныхъ наказаний, лице свое, и шию, и руки, и всѣ тѣ мѣста, яже возможе, тѣлесные данною от Медеи мастию помаза. Образъ бо ему данный от нея, на шею повѣсив, пламени предложи, прочеть писание *трижды*, да якоже *рекохомъ*, дерзнувъ к воломъ приступити и с ними смѣло начати брань. И тако на Азона пламенемъ *дышущи* непрестанно, изгорѣ щит его от пламени и копие его огнемъ скончася. И воистинну Азонъ живот свой скончал бы от огня, аще не бы данную мокроту во уста воломъ частыми окроплениемъ влиял. Емуже влиянну, дышущихъ воловъ уста, аки желѣзными чепми, сцѣпляются, аки клѣмъ слипателнымъ неразлучнѣ соединяются. Тогда скоро преста пламенное испущение из воловъ смертоносный огонь, изблевание скоро скончася. Наведену же воздуху, преставшимъ пламенемъ, от его мокроты естества превосходимыхъ, превозможе Азонъ и, многимъ смѣлствомъ наполнись, х крѣпкимъ ужасныхъ воловъ рогомъ руки простирает. И тако, восхитивъ рога, сѣмо и овамо покушается преводити волы тѣ, да увѣсть, аще противоборють или его повелѣнью не повинуются, иже аки бездушни его повинующися непщеванию, сопротиво бранию востати не покушахуся.

Сего ради Язонъ и рало на плещахъ опаснымъ прилѣжаньемъ налагаетъ и привязаетъ, жалы волы тѣ орати понуждает, но не повинующеся повелѣнью ратая. И сице, обращенну *дерну*, широкое поле воскопавается частыми браздами, горѣ долу приходящими воскопание то. Волы оставивъ на поле, Язонъ скоро и смѣло приходитъ ко змию. Его же егда змей къ себѣ приходяща воззрѣ, многимъ свистаниемъ и велиимъ гласомъ и грознымъ поражаа воздухъ, шумъ сотвори и испущая дымные пламени, ближний воздухъ теплымъ и разжигаемымъ очервленемъ красит, и егда *языкъ* легкими обращениями влечетъ и отвлекает, дождными окроплениемъ смертоносныя яды изливаєтъ.

Азонъ же безъ страха ко устроеннымъ Медеинымъ обращся скоро *наказаниямъ*, зеленого камня перстень, егоже восприя у Медеи, къ свѣту змиинну препроверже. Егоже блистания ужасеся змий, преста пламени испущати и обращая главу и шию сѣмо и овамо, аки во изступлении, и блистания камня ради многого ужаса отринуты непщеваше. Сей камень обрѣтается во Индѣи, якоже пишетъ Исидоръ, егоже измарагда обще именуемъ. Сего камня сила безъ сумнѣния такова есть, да яко предположенъ на свѣтъ коегождо ядовитаго животна, змиеваго или ему подобнаго, или того, иже «буфо» в

вернешься, было бы суждено очам моим видеть тебя в добром здравии, и порадовалась бы я твоему успеху».

Тем временем Язон, осмотревшись, направился к стражам овна и когда приблизился к святилищу Ареса, то прежде всего увидел быков, извергающих в воздух столь яркое пламя, что все небо над ними побагровело от огня. И все вокруг того места было так разогрето тем огнем, что Язон никак не мог приблизиться к быкам, опасаясь испепеляющего жара. Но не забыл он советов и наставлений своей любимой: лицо свое, и шею, и руки, и все тело, где только мог, помазал полученной от нее мазью. А талисман, врученный ему Медеей, повесил на шею, обратив его к пламени, и, трижды прочитав то написанное, о котором мы говорили, решился подойти к быкам и смело вступить с ними в бой. И так обжигали они Язона непрерывно огненным дыханием, что сгорели в пламени и щит его, и копье. И, без сомнения, лишился бы Язон жизни в огне, если бы несколько раз не плеснул в пасти быков данной ему жидкостью. Как только плеснул он, тотчас же огнедышащие пасти их стянуло, словно железными цепями, и будто бы от липкого клея сомкнулись они намертво. И тогда мгновенно прекратилось извержение огня, и тотчас же быки перестали изрыгать смертоносное пламя. После того как подавленное силой жидкости угасло пламя и остыл воздух, Язон, набравшись смелости, простирает руки к могучим и страшным рогам быков. И, схватив их за рога, пробует повести туда и сюда, чтобы узнать, сопротивляются ли они ему и повинуются ли его воле, но те, словно бездушные, подчинились его желанию и не пытались оказать сопротивление.

Тогда Язон осторожно надевает на них ярмо и впрягает в плуг и, погоняя острой палкой, заставляет быков тех пахать, покорных воле пахаря. И таким образом, когда был выворочен весь дерн, перекопано было все широкое поле частыми бороздами, и из конца в конец взрылено было то поле. Оставив на нем быков, Язон не медля, решительно направился ко змею. Змей же, увидев подходившего к нему Язона, сотряс воздух своим громким шипением и страшным угрожающим воем, и стал изрыгать дымное пламя, и весь воздух вокруг раскалил и окрасил багровым отблеском огня, и, когда, легко вращая языком, змей то высовывал его, то убирал, — словно дождем брызгал смертоносным ядом.

Но Язон без страха, припомнив данные ему Медеей наставления, показал змею перстень с зеленым камнем, полученный от Медеи. Испугался змей блистания того камня, и перестал испускать пламя, и, вертя головой и шеей во все стороны, словно обезумев, в великом ужасе пытался уберечься от блеска камня. Камень этот, как пишет Исидор, добывают в Индии, и обычно мы называем его измарагдом. Сила этого камня без сомнения состоит в том, что если его поднести к глазам какого-либо ядовитого существа, змееобразного или ему подобного, или же такого, каких в Сицилии в народе называют «буфо»,

Киликии обще именуется, аще зраку его с нѣкимъ желѣзомъ или тростию неизмѣнно предложится, не чрезъ многъ часъ возможесть ядовитое животну терпѣти, да яко въ его зрѣнии... не оскудѣеть угашение. Но камень тотъ не отимется невредимъ отъ шкоты, зане, угашенну ядовитому животну, емуже предложится, весь в дробныя разсторгнется разсѣдания, сего лучемъ зеленымъ змея онога смертнѣ устраши. Но храбрый Азонъ скоро желаетъ мечемъ голымъ частымъ поражениемъ губити, ихъже аки невредимыхъ жестокие чешуи змиевы отражаютъ. Но безтрудный Азонъ того ради не престаётъ отъ поражения, аки жестокий млатъ в наковално. И толь долго поражениемъ боряшесь со змиемъ, яко змей терпѣти не могый частыхъ и жестокихъ браней, на долгомъ поле протягся, смертоносный испусти духъ, и выше належаший воздухъ смертоносными яды опорочи.

Его же егда Азонъ видѣ угашенна Меденимъ мастерствомъ, во свою память внутрь приводя, безлѣности желаетъ и главу его отъ шеи мечемъ отдели, отъ его же челюстей исторже зубы, скоро по браздамъ сотвореннымъ пося на взоранномъ полѣ отъ воловъ. Отъ ихъ же сѣмени раждаются абие воины неслышаемые. Егда отъ такова сѣмени воины исходятъ, скоро ко оружию востаютъ и, нападше сами на себѣ, смертными язвами бранятся. Жестоко убо творится ополчение промежъ братнею земною и *мрачною*, зане раздѣльными полки на брань не нападаютъ, ниже хотятъ да яко раздѣльшеся, *но смѣшнѣ* единъ другаго убиваетъ, зане иже и после отъ нихъ остасть *никто* побѣдникъ, поне многими ранами промежъ себе падоша погублени.

Волшебныя убо хитрости *чародѣйствы противными* хитростями тайными всѣми протечени, и змею предреченному смерти преданну, такожде отъ его зубнаго сѣмени рожденнымъ братьямъ умершимъ, воломъ тѣмъ учиненнымъ едва живымъ, Азонъ отъ пагубныя беды избы, прилѣжнымъ попечениемъ своимъ испытуетъ в мысли, что творити или еще нѣчто творимо в скончании дѣла того прилѣжнѣ разсмотряетъ. И егда вся разумъ уже быти совершенна, смѣл и весел на златоруннаго овна себе направляетъ. В немъ же егда не обрѣтъ никоего противства, восхитивъ за рога, удавлениемъ смерти предасть и сня одежду его златую, благодаривъ по семь боги, имиже со славою побѣдною и беспагубы своего телеси предреченное руно златое наслѣди.

Обогащенъ убо Азонъ златымъ ограблениемъ, ко берегу острова веселъ ускоряетъ, в лодию входитъ и греблю привозится к болшему острову, на егоже брезѣ предреченный Еркюлесъ и его обещники желателнѣ ждаху. Его же убо по семъ *сошедша* на землю, со многою радостію приемлютъ и о его здравии умилнѣ благодаряще боги, зане никако здрава его имѣти чаяху. Азонъ же с *ними* къ царской полате приходитъ. И егда прииде къ нему, царь Оетесъ лицемѣрнымъ веселиемъ его восприя, поне завидитъ ему о толицѣ побѣде и боляше о себѣ, толика богатства лишенна. Ему же яко близъ себе сѣсти повелѣ Оетесъ. Что се

и если перед глазами его положат неподвижно на жезле либо на трости, то в скором времени ядовитое животное, не в силах этого перенести, потеряет зрение. Но и камень тот не остается неизменным после такого противоборства, ибо, когда ослепнет ядовитое существо, перед которым был положен этот камень, тот сам раздробится на мелкие кусочки, устранив змею до смерти своими зелеными лучами. Но храбрый Язон спешит погубить змея, обнаженным мечом нанося удар за ударом, которые, словно не ощущая их, отражает его чешуя. Но неутомимый Язон, видя это, не перестает рубить, словно тяжелый молот бьет по наковальне. И до тех пор, нанося удары, бился он со змеем, пока тот не смог уже переносить бесчисленных могучих ударов, простерся на широком поле и испустил смертоносный дух свой, пропитав весь воздух над собой несущим смерть ядовитым смрадом.

Когда увидел Язон, что благодаря помощи Меден змей погиб, то, вспомнив, что следует делать далее, в стремительном порыве отделил голову его от шеи, из челюстей же его вырвав зубы, не медля разбросал их в сделанные борозды на вспаханном волами поле. Из этих семян тут же явились воины невиданные. Едва появившись из семян, тут же хватаются они за оружие и, напав друг на друга, наносят смертельные раны. Разгорелась яростная битва между сыновьями земли и мрака, ибо не нападают они один на другого, разделившись на два полка, и не хотят так разделиться, но, смешавшись в толпу, убивают друг друга, так что не осталось среди них ни одного победителя, ибо все погибли от бесчисленных ран, нанесенных в междоусобной схватке.

Когда же волшебные премудрости чародейства были преодолены с помощью противоборствующего им искусства таинств, преждеупомянутый змей смерти был предан, братья, рожденные из семян — зубов его, — также погибли, быки стояли, после всего случившегося с ними, едва живы, Язон избавился от смертельной опасности и настойчиво вопрошает себя, что должен еще сделать, и усердно вспоминает, что же еще должно быть свершено для окончания дела. И когда убедился, что все уже он совершил, смело и весело направляется к златорунному овну. И, не встретив у него никакого сопротивления, Язон, схватив его за рога, удушил и снял с него шкуру золотую, после чего вознес благодарение богам, с чьей помощью в славе победы и без горя для себя добыл золотое руно.

Обогадившись похищенным золотом, Язон весело спешит к берегу острова, входит в лодку и на веслах доплывает до большого острова, на берегу которого его с нетерпением ждали прежденазванный Геркулес и остальные спутники. Когда сходит Язон на землю, с великой радостью встречают они его и в умилении благодарят богов, что остался он невредим, ибо никак не рассчитывали увидеть его в добром здравии. Язон же направляется с ними к царскому дворцу. И когда пришел туда, царь Оетес приветствовал его с притворной радостью, ибо завидовал его победе и печалился, что утратил

чудо златаго руна видѣнием чудится народ, зря его, но паче дивуется о толицѣ побѣде, како возможе устав побѣдити бога Арриса.

Медея же весела, радостными стопами видѣти Азона послѣ приходитъ, ей же, аще бы лѣпо, пред *множеством* многа цѣлованія подала бы; и, царю повелѣвшу, подлѣ Азона, аки стыдяся, сѣде. Ему же Медея тихимъ гласомъ тайными словесы глаголетъ, да к ней, приходящи ноши, опасенъ придет. Еже Азонъ себѣ желателнѣ исполнити умилнымъ и смиреннымъ гласомъ отвѣщает. Съни же ночной по всему свѣту излияннѣ, Азонъ к Медеинѣ приходитъ полатѣ и, ей посредствующи, в ложницу входитъ, и обeim в ложницѣ охотнѣ прѣбывающимъ, по мнозѣ услажденномъ потѣшении послѣ о отхождении своемъ и уготовлении ко отшествию многа промеж себе единодушно изрекоша. И тако по Медину наущению Азонъ в Колкосѣ един мѣсяць пребысть. По семь же, временное благоудие прием, Азон и обещники его с Медеею от того острова татебно отходятъ, у царя Оета отпущения не просивъ.

Но, о Медея, вѣтровъ поспѣшныхъ много сказуешись желавъ, дабы свое оставила отечество и отча скипетра отбѣгла бы, и море прешла бы без страха, горкия своя пагубы не разсмотря. Поистиннѣ сказуешись дошедше в Тесалию, идѣже тесалонѣяниномъ Азономъ, *от гражданъ* безчестная тесалоникойских, утаена, ниже по многихъ мерзкихъ пагубахъ животь чтешись скончав. Но яко отмщениемъ боговъ Азонъ мукъ многой бѣ преданъ, прежде даже онъ изшелъ, и его исхождение, аки осужденно от боговъ, бѣ, осужденною смертию заключенъ, рцы, что ти ползова на Азоне тяжкое отмщение и месть боговъ после сотворимая? Поистиннѣ во послѣвицѣ глаголется: «Скоту умершу, не угоднѣ ползуетъ врачевныхъ травъ ноздрямъ прилагати лечбы». Токмо нѣчто богомъ благоволитъ не по велицѣ воздания обиды, но да от смертныхъ познается, богомъ не хотѣти тяжкихъ винъ, паки в лицѣ живыхъ без отмщения муки приити.

Что множае? Приста Азон со Еркуломъ и *иными* ихъ спутники и с Медеею во пристанище тесалийскомъ здрав и весель. Ихъ же всехъ спроси царь Пелей и о Азоновѣ здравии и, смутися внутренно, своего сердца тая тѣсноты, веселымъ лицемъ восприя, и предпоставити Азона в царствии своемъ по обѣщанию ему *данному* от него, аще и не хотя, щедре не отвержеса.

теперь такое богатство. И велит ему царь Оетес сесть подле себя. Дивится народ, взирая на чудесный вид золотого руна, но еще больше дивится этой победе, — как смог Язон преодолеть препоны, воздвигнутые богом Аресом.

Потом и Медея, весела и радостна, спешит увидеть Язона, и если бы было можно, то перед всем множеством народа расцеловала бы его; но, по повелению царя, словно бы в смущении, садится рядом с Язоном. Шепчет ему Медея украдкой, чтобы он незаметно пробрался к ней, едва наступит ночь. Язон же нежным и тихим голосом радостно обещает исполнить ее желание. Когда ночная тень разлилась по всей земле, Язон пришел в покои Медеи и вместе с ней вошел в ее ложницу, и оба в радостях проводят здесь время, а после всяческих наслаждений в полном согласии стали они обсуждать свой отъезд и приготовления к нему. И так, по совету Медеи, Язон пробыл на Колкосе еще целый месяц. Потом же в подходящий момент Язон, спутники его и Медея тайно покинули тот остров, не испросив разрешения у царя Оетеса.

Но говорят, о Медею, что ты всей душой ждала попутных ветров, чтобы скорее оставить свое отечество, и бежать от скипетра отцовского, и без страха пересечь море, не предвидя горькой своей судьбы. Поистине говорят, что когда ты прибыла в Фессалию, то, поносимая гражданами фессалийскими, была скрыта фессалийцем Язоном и после многих тяжких страданий окончила, как пишут, жизнь свою. Но когда по божественному возмездию Язон был обречен на многие страдания, до самой смерти своей, которая была божественной карой, и был он предан заслуженной им смерти, скажи, разве помогло тебе суровое божественное возмездие и обрушившаяся на Язона в конце концов кара богов? Верно говорится в пословице: «Если околело животное, то не поможешь ему, прикладывая к ноздрям целебные травы». Лишь по счастливому случаю богам не суждено бывает наказывать сурово за причиненные обиды, да будет известно смертным, что боги не терпят тяжких проступков, и таким образом смертные не могут без возмездия совершать преступления.

Что же далее? Язон с Геркулесом и другими своими спутниками и с Медеей весел и невредим прибыл в пристань фессалийскую. Царь Пелей, расспросив всех о том, жив ли Язон, огорчился в душе, но скрыл муки своего сердца, весело встретил Язона и не отказался, хотя и против воли своей, почтить его царской властью, как и было им ему обещано.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПОПЛЕНЕНИИ ТРОЙСКОМ И О КОНЕЧНОМЪ РАЗОРЕНИИ, ЕЖЕ БЫСТЬ ПРИ ДАВИДЪ ЦАРИ ИЮДЕЙСКОМ *

Бяше в перваа врѣмяна царь нѣкий именемъ Придешь.* И въ нѣкий день бывшу ему на ловѣ в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ,* у негоже от единыхъ страны течаше великое море, а от другыа страны Скомандра рѣка, а от третиеа страны Пелешино море, а от четвертыа страны стояше лугъ Дудома, а от пятыа страны юдоль, идѣже ростяху дрѣвие и цвѣти многоразлични. Видѣв же царь доброту мѣста, и нача здати градъ во имя свое, и после своего живота повелѣ сыну своему здати, такоже и прочии заповѣдаху каждо своему сыну. И с прежнимъ царемъ, иже нача здати, всѣхъ шесть до Троила царя, иже вяще всѣхъ дѣло сотвори и нарече во свое имя Троя град. Троиль роди Приама царя,* у негоже царица именемъ Якама.*

И в ноши видѣ сонъ и сказа мужю своему, Приаму царю, и рече: «Родих главню, и взыде на небо, и паки возвратися, и паде в море, и изыдоша из моря искры, яко пламень, и падоша на Трои, и погорѣ весь град». Приамъ же сказа сия боляромъ и пророкомъ, волѣхвующемъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ. И рѣша ему: «Господи царю! Родится от жены твоеа сынъ, егоже ради изгорить и разорится град, и не останеть камень на камени». Царь же рече женѣ своей, егда родится сынъ, да повелить его убити. Она же рече: «Зѣло рада есмь сие сотворити».

Егда же роди царица Екама сына своего и видѣ его красна зѣло, съжаливси, яко мати, и не може его убити, но повить его в ризы многоцѣнны и с нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи далече от града. И обрѣте его пастырь овчий старъ, емуже жена роди сына, и повелѣ ей обрѣтенаго отрока кормити; и бывшу ему седми лѣтъ, нарече его Фарижъ Пастыревичъ.* И хожяху съ отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижъ же связываше два вола, и бодяхуся, и кий преогаше, тому соплеташе вѣнецъ от масличиа, кий же не одолѣваше, тому вѣшаше от сламы и пологаше има на рогу.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

Был в древние времена некий царь по имени Придеш. И в один из дней охотился он на некоем приморском мысу, у которого с одной стороны расстилалось широкое море, а с другой протекала река Скамандр, а с третьей стороны было Пелешино море, с четвертой простирался луг Дудома, а с пятой стороны была долина, где росли деревья и различные цветы. Увидел царь красоту места \langle того \rangle , и начал строить город в свое имя, и после смерти своей повелел сыну своему строить, так же и все прочие \langle цари \rangle завещали каждый своему сыну. И с тем первым царем, который начал строить, всего шесть царей было до Троила, он же более других к этому делу прилежал и назвал город по своему имени Троей. У Троила родился Приам царь, у которого была царица по имени Екама.

И ночью увидела она сон и поведала мужу своему Приаму царю и сказала: «Родила я головню, и поднялась она на небо, и снова возвратилась, и упала в море, и вылетели из моря искры огненные, и упали на Троию, и сгорел весь город». Приам же рассказал это боярам и предсказателям, волхвам и мудрецам и всем людям. И сказали ему: «Господин наш царь! Родится у жены твоей сын, из-за которого сгорит и разорен будет город, и не останется камня на камне». Царь же сказал жене своей, что когда родится сын, то пусть прикажет его убить. Она же ответила: «С большой радостью я это сделаю».

Когда же родила царица Екама сына своего и увидела, что он очень красив, то пожалела его как мать и не смогла его убить, но завернула его в дорогие покровы, и \langle положила \rangle с ним много серебра и золота, и повелела оставить его вдали от города. И нашел его старик — овечий пастух, которому жена родила сына, и повелел ей кормить найденного мальчика; и когда исполнилось ему семь лет, то назвал его Фарижем Пастыревичем. И ходили оба отрока с отцом своим в поле и играли \langle там \rangle . Фариж же связывал двух бычков, и бодались они, и тому, который побеждал, сплетал венок из ветвей маслины, а тому, кто не одолел, вил венок из соломы и надевал \langle те венки \rangle им на рога.

И егда возрасте Фарижъ, хожаше съ добърими витези, сирѣчь с дѣтми боярьскими, и преодолѣваше их во всякой игрѣ. И прободе за щитомъ одинаго витезя. И въ то время бракъ творяше Велешъ царь* и призва всѣхъ боляръ и болярыни и Фарежа Пастыревича. И приидоша на оно веселие три жены, ихже и пророчица нарицаху,* и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно незвание помышляше, како бы сваду сотворити. И сотвори яблоко злато и написа на немъ: «Которая от трехъ тѣхъ женъ и пророчищъ благообразнейши, да будетъ той сие златое яблоко». И повелѣ воврещи яблоко в вертоград. Его же обрѣтоша три оны жены и прочетъше, моляху Фариха Пастыревича кояко их, да присудитъ ей яблоко.* Последи же третиа рече: «Присуди мнѣ сие яблоко и повѣжь мене добрейшоу тѣхъ, да ти дам Елену царицу, Менелая, царя греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и всѣхъ греческихъ женъ добрѣйши. И дамъ ти имя ново, и будетъ имя твое Александръ Фарижъ, и да ти повѣмъ отца и матеръ. Нѣси бо ты того старца сынъ, но отецъ ти есть Приамъ царь, а мати Екама царица». И присуди Ветуши госпожи яблоко. И, слышавъ от неа сиа, возвеселилися зѣло, и взя прощение у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трой. И приять его Приамъ царь, отецъ его, и мати его царица Екама.

И призва царь Приамъ пророки и волхвы и рече: «Кто ми поспѣшитъ, еже еще наздати Тройскый град, и азъ дамъ ему три мѣры злата». И слышаста два диавола землянаа, приидоста и рѣша царю: «Мы хоцемъ *наздати*, да намъ даси и наю знай». И начаша здати. И Тебушь бѣ гуселник и гудуше в гусли, и зидашеся Трой, гдѣ они повелѣваху, а Нептенабушь именовъ идяше въ море и ношаше из моря варъ, и камене, и воду.* И совершиша все дѣло и рѣша царевни, да имъ дасть, еже объща. И разумеша, яко преобидѣ ихъ. И разгнѣвашася и рекоша: «Мы есми сътворили Трою град, мы умыслимъ, како и разорити ѣ во дни Приамовы». И Питеръ волховъ, егоже пророкомъ нарицаху, прорече, яко хоцетъ Александръ прити во Греки и царицу Елену взяти, еяже ради Трой разориться.* Также и жены оны, иже разгнѣвашася яблока ради златаго, ихже пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трой разорилъся.*

Испроси же ся Александръ Фарижъ у отца своего Приама царя и прииде къ Менелаю, царю греческому, еже есть еллинскому, служити* со многимъ богатствомъ и со отроки. И слышавъ Менелая царя, изыде противу ему далече и целова его. И рече ему Александръ: «Приидох азъ, царю, служити тебѣ не на злате и сребрѣ, но да разумѣши, коя будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ». Слышавъ же сиа, Менелая царя возвеселися зѣло и введе его къ Елене царици въ полату. И ядяху и пиаху наединѣ червьлено вино, и егда умываху руцѣ и убрусомъ отираху, Александръ писаше на убрусе червьленнымъ виномъ къ Елене* сиче: «Царица Елени, люби мя, якоже и азъ тебе». Посла же Менелая

И когда подросток Фариж, то ходил с добрыми витязями — а по-нашему, с детьми боярскими, — и во всех играх одолевал их. И поразил одного витязя, как ни прикрывался тот щитом. И в это время справлял свадьбу царь Велеш и созвал всех бояр и боярынь и Фарижа Пастыревича. И пришли на эту свадьбу три женщины, которых считали пророчицами, а одну не позвали, ибо была она склонна сеять раздор. Она же за то, что ее не позвали, стала думать, как бы вызвать ссору. И сделала яблоко золотое и написала на нем: «Которая из тех трех женщин-пророчиц самая красивая, пусть той и будет это золотое яблоко». И велела подбросить яблоко в сад. И нашли его три эти женщины, прочитали (надпись), и стала просить Фарижа Пастыревича каждая из них, чтобы присудил он ей яблоко. Последней третья (из них) сказала: «Присуди мне это яблоко и объяви меня прекраснее их (двух), тогда дам тебе Елену царицу, (жену) Менелая, царя греческого, которая красивее всех нас и всех греческих женщин. И дам тебе новое имя, и будет имя твое Александр Фариж, и поведаю, кто твой отец и мать. Ты не того старца сын, а отец твой — Приам царь, а мать — Екама царица». И присудил (Фариж) яблоко госпоже Ветуши. И, услышав все это от нее, очень обрадовался и, испросив благословения у старца, который назывался ему отцом, отправился в Трою. И приняли его Приам царь, отец его, и мать его — царица Екама.

Созвал царь Приам предсказателей и волхвов и сказал: «Кто мне поможет построить стены троянские, тому дам я три меры золота». Услышали это два дьявола земных, пришли и сказали царю: «Мы хотим построить, а ты нас не забудь и нам воздай». И начали строить. И Тебуш был гусяр, и играл на гусях, и строились стены Трои, где они велели, а (другой), именем Нептанабуш, ходил в море и носил из моря вар, и камни, и воду. И завершили свое дело и сказали царю, чтобы дал им то, что обещал. И поняли, что обманул он их. И разгневались и сказали: «Мы построили стены Трои, мы же и придумаем, как разрушить их в дни Приамовы». И Питер кудесник, которого пророком считали, предсказал, что отправится Александр в Грецию и похитит царицу Елену, из-за которой Троя будет разорена. Также и женщины те, которых пророчицами считали, разгневавшись из-за того яблока золотого, стали помышлять, (как бы сделать, чтобы) разрушилась Троя.

Отпросился Александр Фариж у отца своего Приама царя и отправился к Менелая, царю греческому, иначе говоря — эллинскому, служить ему, взяв с собой богатые дары и воинов. И услышав это, Менелай царь вышел далеко навстречу ему и приветствовал его. И сказал ему Александр: «Пришел я, царь, служить тебе не за золото и серебро, но чтобы знал ты, какая честь из-за этого будет твоему двору». Слыша это, очень обрадовался Менелай царь и ввел его в палаты к царице Елене. И ели и пили они наедине красное вино, и когда мыли руки и полотенцем вытирали, Александр писал на нем красным вином Елене так: «Царица Елена, люби меня, как я тебя». Послал же Менелай царь к брату

царь къ брату своему Агамену царю,* глаголя: «Буди о сем весель, брате мой, яко хотять мнѣ служити братиа моа цари». Отписа же ему братъ его: «Азь о семь весель есмь, яко мы самодръжца есмы, а о семь нѣсмь весель, яко наша братиа придоша служити намъ, но и зѣло озлобихся. Блюдися, да не приидеть чюжаа доброта и возметь нашу честь, а нам будеть велика срамота». Слышав же сна, Менелае озлобился и рече: «Како нѣсть добра брату моему моя честь!»

Слышав же Менелае царь, яко отвержесе от него русагъ Каакымьскы,* и собравъ многу войну, поиде на них и повелѣ и Александру. Он же сотворися боленъ и леже въ царьской полатѣ. «И егда, — рече, — здравъ буду, гряду въслѣдъ тебе». И по *отшествии* Менелаа царя изыде царица Елена съ дѣвками проходитися по граду съ греческими болярынями, Александръ же восхитивъ Елену царицу под пазуху и вшед в борзый карабль со отрокуы своими, и прииде под Трой град. Тройсции же господне не хотяху изыти противу ему, вѣдуше, колико хошетъ пролиатися кровь за Елену. Изыде же противу ему отецъ его Приамъ и приа за руку его, а мати его, Якама царица, приа Елену царицу за руку и въведоста.

Слышав же Менелае царь о Елене, възвратися скоро от войны. Увѣде же и братъ его, Агамень царь, и собра *своя* воя, скоро прииде к Менелаю. И печална быста зѣло царя, глаголюше: «Какова срамота учинися над нами!» И собраша силну войску. И прииде к нимъ на помощь Аякшъ, Саломониковъ сынъ,* съ 30-ю катарогъ. И потомъ прииде Паламид, Придековъ сынъ* с 30-ю караблей. И по сих нѣкий человекъ, Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ,* сотворися бесѣнь, да ся не причастит тройской крови, нача песокъ орати, а соль съяти. Царя же повелѣста поврещи малаго сына его пред ораломъ. «И аще будеть, — рече, — бѣсенъ, то *переорет* его». И егда повергоша, состави волю не орати. И поведоша его къ царемъ. И рече Урекшишь: «Изволилъ бых за три лѣта тещати с бѣснымъ псомъ, нежели причаститися тройской крови, иже хошетъ быти Елены ради царици!»

Бяху же и нини мнози придоша ко царемъ ото островъ, и от суша, и отъ воскрай сущих моря, ото Афинъ и тоземци, и от Феталиа, и *ото* Архиа,* и ото всея Еллады. И ото иных многих бяше Менесефесь от Афинъ, Несторъ от Пила, *от Ифаке* Дисевесь, от Саламина Ея, Идоменевесь от Крита, Тлипелемъ же от Родоса.* Все род имуше от благородных и от царьских кровей, мужи храбри.

Евъфиянинъ же Ахиллей* снаше паче въсѣх человекъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егоже и ироа нарицаху. Сего поставиша царие ратиначалника.* Бѣ же рать многочислена, 1170 караблей исходятъ убо ото отечества. Посланъ убо бываетъ Ахиллей и от храбрых друзии, и на островы наподоша и поплениша сушю. И тщахуся напасти на Трой, яко многим богатствомъ кыпя бяше, и хотяше отмстити обиду Елены ради.

своему, Агамену царю, говоря: «Радуйся, брат мой, что хотят мне служить братья мои цари». Написал ему в ответ брат его: «Я тому рад, что мы с тобой самодержцы, но то меня не веселит, что наша братия пришла служить нам, и очень я тем опечален. Берегись, как бы не явилась чужая доблесть и не попрала бы нашу честь, и будет нам великий позор». Услышав же это, Менелай рассердился и сказал: «Как не понравилась брату моему моя честь!»

Услышал же Менелай царь, что отпала от него земля Каакимская, и, собрав большое войско, пошел на них сам и Александру повелел. Тот же притворился больным и лежал в царской палате. «Когда, — сказал, — выздоровею, пойду следом за тобой». И после отъезда царя Менелая вышла царица Елена с девушками пройтись по городу с греческими боярынями, Александр же схватил царицу Елену и взошел на быстрый корабль с отроками своими, и приплыл под стены Трои. Троянские же вельможи не захотели выйти ему навстречу, зная, сколько крови суждено будет пролиться из-за Елены. Вышел навстречу ему отец его Приам и взял за руку его, а мать его, Екама царица, взяла за руку Елену, и ввели их в (город).

Царь Менелай, услышав о Елене, тотчас же вернулся с войны. Узнал же и брат его, Агамен царь, и собрал своих воинов, и вскоре пришел к Менелая. И в печали были оба царя, говоря: «Какое бесчестие нанесено нам!» И собрали сильное войско. И пришел к ним на помощь Аякш, сын Соломоников, с тридцатью кораблями. И потом пришел Паламед, сын Придеков, с тридцатью кораблями. И после этого некий человек, Урекшиш именем, сын Лантеша, притворился безумным, чтобы не быть причастным к кровопролитию троянскому, начал песок вспахивать и солью засеивать. Цари же повелели бросить перед плугом его младенца-сына. «И если, — сказали, — безумен, то перережет его». И как только бросили, — остановил он волов и перестал пахать. И повели его к царям. И сказал Урекшиш: «Лучше бы мне три года пробегать с бешеной собакой, чем причаститься троянской крови, которая прольется из-за Елены царицы!»

И многие другие пришли к царям с островов, и с материка, и с побережий, из Афин и той земли, и из Феталии, и из Архии, и со всей Эллады. И среди многих других был Менесефес из Афин, Нестор от Пила, с Итаки Дисевес, с Саламина Ея, Идоменес с Крита, Глипелем с Родоса. А все родом были из знатных и от царских кровей, мужи храбрые.

Евфинянин же Ахиллей сиял более всех людей, победитель в битвах, сильный и крепкорукый, его же и героем называли. Сего поставили цари воеводой. Было же войско многочисленное: 1170 кораблей отошли от родной земли. Послан был Ахиллей и другие храбрецы, и на острова напали и попленили побережье. И жаждали напасть на Трою, так как исполнена она была великим богатством, и хотели отомстить за обиду, нанесенную похищением Елены.

Видѣвше же трояне толику рать, собравъше себѣ пособники: кари и лукаани, миси и меони, и фруги* и придруживше весь асийскій языкъ и род, противу изведоша бесчислено множество. Въ Трои же вяще 50 тысящ мужей. И много время проводиша, брань творяще. Исперва добръ ополчахуся на брань, да якоже искусиша Ахиллеево стремление и храбрость, съдяху, при стенах заключившеса.

Потом же нѣкая жена, именовъ Велеша,* вольхвующи, еяже пророчицю нарицаху, иже обладаше вольшествомъ морскими вольнами, у неяже убиша кошту боляре Агамена царя, и сего ради разгнѣвася и пусти волнение на море, да погубить вся корабля греческыа. И озлобистася царя, и вопрошиша Колкаша попа. Он же повѣда имъ, яко кошту ради хошетъ васъ потопити пророчица и глаголет, яко, «аще не дасть Агаменъ царь мнѣ своеа дщери Цвѣтаны,* не имамъ их пустити». Царь же Агаменъ оскорбися зѣло и, не хотя, дасть свою дщерь Цвѣтану. И устави бурю. И придоша под Трой.

И изыде противу имъ Екторъ царь,* Приамовъ сынъ, инии мнози боляре. И нача стрѣляти Екторъ царь стрѣлою со огнемъ, и единомъ пущениемъ погружаше три корабля греческыа. И Аякъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей от живаго огня Екторѣва.* И поиде Менелае царь на вѣре, нача Приаму говорить, да отдасть Елену царицу. Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелаа, аще бы его Приамъ царь не защитилъ. И потом Екторъ царь творяше брань и поражаше множество греческихъ вой на всякъ день, и бояшеса гласа Ахиллеева.* И поиде Ахиллей под своимъ знаменемъ противу Ектору царю: и *состася*, и ястася за руки, и не хотѣста ся бити в той день. И бяху плѣнили гречестии витези Рижеуша попа дщерь Рижеуду. И видѣвъ ю Агаменъ царь, братъ Менелаевъ, яко добра зѣло, и взять ю себѣ в жену, а Рижеушъ бѣ попъ сынъ Тебуга бога.* И, увѣдевъ, Тебугхъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ вольшвениемъ великъ недугъ въ греческую войску; и мнози умираху, дондеже обратиша дщерь Рижеуша попа.

Потом же трояны дръзостны сотвори Поламидова смерть, притупи Ахилеево стремление, любляше бо Ахиллей Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань.* Дисефесь Нисиотенинъ храняше ненависть на Паламида и оболга его к царема, яко трояном хошетъ добра. И побиша Поламида каменнемъ. О горе! Какова твориши зависти! Он же ничесоже рекъ, точию глагол сей: «О убогаа истинно! Тебе плачу, ты бо первѣ мене погиге!» И тако умре.* Ахиллей же тяжце проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань. И от сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ. И составляютъ на еллинны брань крѣпкоратную, и падають, якоже класы, греческая, сиречь еллинская, телеса, и езера кровемъ пролиашеса. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убиенъ бысть Патроклие, егоже зѣло любляше Ахиллей, от руку крѣпкою Екторовою.* И сие того принуди потещи на трояны. Изыде убо Ахиллей на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полкы, и побиваетъ

Увидев такое войско, троянцы созвали к себе на подмогу карийцев, ликийцев, мисиев, меонов, фригийцев и, заключив союз со всеми азиатскими народами и племенами, выставили против (греков) великое множество. Было же в Трое более пятидесяти тысяч мужей. И многое время прошло в битвах. Сперва смело вступали в сражение, но когда испытали на себе рвение и храбрость Ахиллеса, то засели, запершись, за стенами.

Потом же некая жена, именем Велеша, которую считали пророчицей, ибо с помощью волшебства повелевала она морскими волнами, разгневалась, потому что бояре царя Агамена убили ее лань, подняла на море бурю, чтобы погубить все корабли греческие. И опечалились цари, и спросили совета у жреца Колкаша. Он же поведал им, что из-за лани своей хочет вас потопить пророчица и говорит, что «если не даст мне Агамен царь дочери своей Цветаны, то не пропущу их (через море)». Царь же Агамен очень опечалился и против желания отдал свою дочь Цветану. И утихла буря. И приплыли под Трою.

И вышел против них Ектор царь, сын Приама, иные многие бояре. И начал стрелять Ектор царь огненными стрелами и одним выстрелом поража л три корабля греческих. Но Аякш, сын Соломоников, своим щитом загородил семнадцать кораблей от живого огня Екторова. И пошел Менелай царь на переговоры, стал уговаривать Приама, чтобы вернул Елену царицу. Александр же того не хотел и хотел убить Менелая, если бы того Приам царь не защитил. А затем Ектор царь выходил на битву и ежедневно сражал множество греческих воинов, страшась (лишь) голоса Ахиллеева. И вышел Ахиллей под своим знаменем против Ектора царя, и сошлись, и взялись за руки, и решили не сражаться в тот день. А греческие витязи пленили Рижеуду, дочь жреца Рижеуша. И увидел Агамен царь, брат Менелая, как она красива, и взял ее себе в жены, а Рижеуш жрец был сыном бога Тебуша. И, узнав об этом, Тебуш страшно разгневался и наслал колдовством своим жестокою болезнью на греческое войско; и многие умирави, пока не вернули дочь жреца Рижеуша.

А потом придала троянцам храбрость гибель Паламеда, так как угасла дерзость Ахиллея, ибо очень любил Ахиллей Паламеда и разгневался из-за его гибели, и не хотел выходить на битву. Дисевес Нисиотенин, хранивший ненависть к Паламеду, оклеветал его перед царями, будто бы он добра желает троянцам. И был забит Паламед камнями. О горе! Что творишь ты, зависть! Паламед же не сказал ни слова, только изрек: «О бедная истина! Тебя оплакиваю, ибо ты раньше меня погибла!» И так он умер. Ахиллей же горько оплакивал его и не хотел выходить на битву. И это придало дерзость Ектору и его соратникам. И начинают они с эллинами битву жестокою, и падают, как колосья, тела греков, то есть эллинов, и проливаются озера крови. И просили (греки) Ахиллея выйти на битву, и не соглашался он, пока не был убит могучей рукой Ектора Патрокл, которого очень любил Ахиллей. И это побудило его выйти против троянцев. Вышел Ахиллей на брань, (словно) огнем пышущий,

перворорца. И паки призываетъ Приамъ на помощь амосони.* И паки брань крѣпка. Умирають мнози, и ото всѣхъ убо пусть бысть Приам. И умоли Тавган-тиа, индйскаго царя,* и посылаетъ множество бесчислено воинства. Индиане же вси чернообразни, их же видѣвше гречестии еллини въ странныхъ зрацѣхъ, и убояшеся отъ зрака ихъ, и оружиа и отъ звѣрей устрашишася, ихже индиане кормить, ношью бѣжати мысляху и оставити Трой. Но обаче ополчишася къ чернообразнымъ, и индѣйскими кровью очервишася нивиа, и Скомандрови струя обращахуся кровью. В сих же наста еллиномъ торжество, паче же и варваромъ, и всѣмъ покой отъ ратей и трудовъ. И убо еллиньстии, еже есть гречестии, и тройское множество воедино смѣшахуся и никомуже содѣяти ничесоже никтоже смѣяше праздника ради.

Потомъ же видѣ сонъ в нощи царица Евѣтропиа, жена Ектора царя, сына Приамава. И възбнувъ отъ сна, прииде в ложницу свекра своего, Приама царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пушаетъ сына своего Ектора во утрие на брань ко Ахиллею, яко убиенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: «Видѣхъ, яко изыде ис Троя мечка, а изъ греческыя войскы вепрь, и начаста ся бити. И посече вепрь мечку, и вовлече его во греческыя полкы, и ктому не видѣхъ его. И аще пустиши *Ектора*, не чай его видѣти». И утѣшивъ ея Приамъ и проводи ю в ложницу. И егда бысть заутро, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею. И изыдоша противу его Тройскыя госпожа, и мати его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и възбраняху ему, да не исходитъ на брань, он же не послушаше. И мати его, Екама царица, молящи не изыти и спастися, плачущи и ятра отверзающи единою рукою, другию же сосца изношаше и глаголаше: «О чадю! Сих усрамися и мене самую помилуй; аще когда ти сосца сиа придахъ, забыти творящи дѣтскихъ скорбей, помяни убо *воспитание* оно и даруй ми, еже пощадѣти ся самому».* И жена его, взявши, метну сына его передъ нимъ и моляше: «Помилуй, — рече, — мене самую и сего любезнаго!» И не послушаше. Она же рече: «О Екторе, пожди мене мало!» И шедши в ложницу, совлече брачинныя ризы, и облечеся въ черныя вдовичныя, и пришедъ предъ него и глагола: «О Екторе, аще ся не обратиши, имамъ сиа азъ носити по тебѣ». И симъ не преложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллею. И съшедшеся, не бишася в той день, но завѣтъ положиша, еже битися заутро. И в той день уби Екторъ седмь уровъ греческихъ, еже есть седмь полкъ.* И заутро изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ. И наѣха Ахиллей Ектора и, убивъ, прободе его. И паде мертвъ. И въземъ его, Ахиллей и понесе на свой станъ. Потомъ же разбиваетъ и полкы и побиваетъ ратоборца.

Убиену же бывшую Ектору, дерзосердому столпу тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружиахъ воспитану, язвы носящую на персехъ бесчисленныя. Преже, дажъ еллини не пришьли и составили брань, соплеташеся сей съ юнцы дивиними. Видѣвше же сие тройстии вельможа и господие, начаша

и громит полки, и убивает лучших воинов. И тогда призывает Приам на помощь амазонок. И снова брань была лютая. Погибают многие, и все меньше остается соратников у Приама. И упросил он Тавтантия, индийского царя, и тот прислал бесчисленное множество воинов. Индийцы же все темнолицы, и, видя их необычный облик, греки-эллины устрашились их вида, и оружия их и зверей, которых приручили индийцы, испугались, и задумали ночью бежать и оставить Трою. Но все же вышли против темнолицых, и кровью индийской обагрились поля, и струи Скамандра смешались с кровью. И в это время настали дни праздничные у эллинов, а также у варваров, и всем был отдых от битв и трудов. И тогда толпы эллинов, то есть греков, и троянцев смешались, и никто никому не смел никакого зла причинить по случаю праздника.

Потом же увидела ночью сон царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приамова. И, проснувшись, пришла она в спальню свекра своего, Приама царя, и начала со слезами говорить ему, чтобы не пускал утром сына своего Ектора биться с Ахиллеем, ибо, — сказала, — будет он убит. И поведала ему сон: «Видела я, что вышел из Трои медведь, а из греческого войска — вепрь, и начали биться. И распорол вепрь медведя, и утащил его в греческие полки, и более не видела его. И, если отпустишь Ектора, не надейся его больше увидеть». И Приам, утешив ее, проводил до спальни. И, когда настало утро, приготовился Ектор царь к сражению с Ахиллеем. И вышли навстречу Ектору знатные троянки, мать его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и стали уговаривать, чтобы не ходил он на битву, но Ектор их не послушал. Мать его, царица Екама, умоляла его не ходить и спасти свою жизнь, плакала и, обнажив одной рукой грудь и указывая другой на сосцы, говорила Ектору: «О чадо мое! Постыдись груди моей и пожалей меня; когда давала я тебе эту грудь, забывал ты свои младенческие печали, так вспомни же, как кормила тебя, и воздай же мне за это, пощадив себя самого». И жена его, взяв сына его, бросила его перед Ектором и взмолилась: «Пожалей, — сказала, — меня и его, любимого!» И не послушал он. Она же сказала: «О Ектор, подожди меня немного!» И, пойдя в спальню, сняла с себя дорогие одежды, и оделась в черные вдовьи, и, подойдя к Ектору, сказала: «О Ектор, если не повернешь назад, то суждено мне их носить по тебе». Но и этим не вызвала в нем жалости, и не послушал, а пошел навстречу Ахиллею. И, сойдясь, не бились в тот день, но порешили биться наутро. И в тот день перебил Ектор семь уров греческих, то есть семь полков. А наутро вышел Ектор царь и стал сражаться с Ахиллеем. И напал Ахиллей на Ектора и, пронзив его, убил. И пал Ектор мертвым. И взял тело его Ахиллей, и понес в свой стан. И потом громит он полки и убивает ратоборцев.

Так убит был Ектор, дерзкий сердцем, опора троянцев, муж могучий и храбрый, с детства не расстававшийся с оружием, имевший на груди бесчисленные шрамы от ран. Прежде, когда еще не пришли эллины и не начали войну, сражался он с дикими быками. Видя случившееся, троянские вельможи и мужи

жалостно плакати. И взя Приамъ царь на себе нишиа и худыя ризи и гусли и поиде въ греческую войску* и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: «Егоже днесь богъ наставитъ, *да мене накормит и напоитъ*, грешнаго и страннаго». И, доиде на Ахиллеевъ станъ, и нача гусли в гусли жалостно зѣло. И даша ему от вечера своя ясти и пити. И по вечери легоша спати, упившеся. Уснуша же и стражие. И Приамъ царь нача искати сына своего, Ектора царя, и обрѣте его на постели мертва со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его, Приамъ и воздохнувъ от сердца зѣло. Ахиллей же възбнувъ и устрашися, и рече ему: «Кто еси ты?» Он же рече: «Азъ есмь Приамъ царь, ищу сына своего, Ектора царя». Рече же Ахиллей: «Аще ты еси, азъ от страха твоего мертвъ есмь!» И рече Приамъ: «Не бойся, господине! От младенства нѣсмь того сотворилъ, да спяща витезя погублю, но прошю сына своего Ектора». И рече Ахиллей: «Аще кленеша ми ся, азъ понесу Ектора на своєю плещу въ Трой по вѣре и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду». И вземъ Ахиллей заутро Ектора и понесе его въ Трой и предасть тройскимъ господамъ. И начаша его плакати. И рече Приамъ царь ко Ахиллею: «Поидевъ въ церковь Аполона *клятися*, еже к тому не воеватися, дабы остало сѣмя Трою, и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣхъ господахъ тройскихъ добрѣйши».* И въ церкви кляся первѣе Приамъ и отступи. И преклонься Ахиллей клятися. И ту себе скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ,* и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою в пяту, занеже бѣ весь вооруженъ, точию плеснѣ его безъ желѣза.* И избѣгоша вонъ. Ахиллей же пад на издыхании послѣднемъ. Ощуди же сиа Дисевес, яздыше бо с нимъ, и с нимъ Диогенъ и Ея Теламоненинъ,* вкупѣ же убо въ церковь вѣскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми облиана, и угасъша, и едва дышюща и движюща языкъ, и хотящимъ очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста. И напад на перси его Ея Великий с плачемъ, ко Ахиллею рече: «О, ратемъ разрушителю, исполни крѣпкорукый! Кто погубити тя возможе, лворостнаго?» Он же, едва прогласивъ, рече: «Убиста мя лестию Александръ Фарижъ и Дифовъ». И сиа рекъ, *изѣдше*.

Видѣвъ же сиа Приамъ царь, озлобися зѣло, и совлече со Ахиллея оружие все, и пусти ко обѣма царема и сказа имъ, како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и «аще велита, да тѣло его принесу к вама». И плакаша зѣло, видѣвше оружие Ахиллеева, и повелѣста Приаму царю сожеши тѣло его и всыпати в корчагъ. «Да сотворимъ, — рече, — гробъ его на далечной земли». И сотвори Приамъ тако: сожже плоть его и всыпа въ золотый корчагъ и посла царемъ. И видѣвше царие и гречестии полци, дивишася, глаголюще: «О сило и слава Ахиллеева! Како ты не созвимаху вси градове и отоце, и сде единъ корчагъ златъ нѣсть тебе полонъ!»

Видѣвши же Екама царица, яко хошетъ скончатися Трой, посла сына своего меньшаго Полидвора и с нимъ злата много к Полинешеру царю* на онъ

начали горько плакать. И надел Приам царь на себя нищенское рубище, и, взяв гусли, пошел в греческое войско и стал расспрашивать, где стан Ахиллея, говоря: «Да наставит его сегодня бог, чтобы он накормил и напоил меня, грешного странника». И, придя в Ахиллеев стан, начал грустно наигрывать на гусли. И вынесли ему с ужина еды и питья. И после ужина легли все, захмелев, спать. Уснули и стражи. И Приам царь стал искать сына своего, Ектора царя, и нашел его мертвого, лежащего в постели Ахиллея. И, увидев его, Приам тяжело вздохнул. Ахиллей же, проснувшись, устранился и спросил: «Кто ты?» Приам же сказал: «Я Приам царь, ищу сына своего Ектора царя». Сказал же Ахиллей: «Если это ты, то я от страха перед тобой словно мертвый!» И сказал Приам: «Не бойся, господин мой! С младенческих лет я того не совершил, чтобы погубить спящего витязя, но прошу (тело) сына своего Ектора». И сказал Ахиллей: «Если клянешься мне, что я целым и невредимым войду и выйду, то, веря тебе и твоей клятве, я сам понесу на своих плечах тело Ектора в Трою». И наутро взял Ахиллей Ектора, и отнес его в Трою, и отдал троянским господам. И стали его оплакивать. И сказал Приам царь Ахиллею: «Пойдем с тобой в храм Аполлона, поклянемся, чтобы больше не воевать, чтобы осталось семя троянское, и дам я тебе свою дочь Поликсену, которая прекраснее всех троянок». И в храме первым поклялся Приам и отошел. И склонился Ахиллей для клятвы. Но спрятались там Александр Фариж, Приамов сын, и Дифов, и поразили ядовитой стрелой Ахиллея в пятку, ибо он был весь в доспехах, только ступни его были не защищены железом, и выбежали (стрелявшие) вон. Ахиллей же упал на последнем издыхании. Почувствовав (недоброе), Дисевес, который приехал с Ахиллеем, и Диоген, и Ея Теламонианин — все вместе вбежали в храм и нашли могучего героя, то есть Ахиллея, лежащего и залитого кровью, и угасающего, и едва дышавшего, и шевелящего языком, и очи его уже готовы были застлаться тьмой. Когда увидели его (вбежавшие), заплакали. И упал на грудь ему Ея Великий с плачем и спросил Ахиллея: «О, завершающий (победой) рати, исполин крепкорукый! Кто смог погубить тебя, львовяростного?» Он же слабым голосом произнес: «Убили меня обманом Александр Фариж и Дифов». И, сказав это, испустил дух.

Видя все это, Приам царь очень опечалился, и снял с Ахиллея доспехи, и отправил к обоим царям, и поведал им, как договоренность его с Ахиллеем нарушили, и (сказал): «Если повелите, то тело его принесу вам». И плакали горько, видя оружие Ахиллеево, и повелели Приаму царю сжечь тело его и (золу) всыпать в урну. «Да создадим, — сказали, — могилу его в дальней земле». И сделал Приам так: сжег тело его и всыпал (золу) в золотую урну и послал царям. И, видя ее, цари и воины греческие удивлялись, говоря: «О сила и слава Ахиллеева! Как тебя не могли вместить все города и острова, а здесь единая золотая урна тобою не наполнена».

Екама царица, увидев, что суждено погибнуть Трое, отправила сына своего младшего Полидвора и с ним золота много на другой берег моря к

поль моря, иже царствовавшие всей Погажи, дабы осталось съмя Трою. Потом же паки быша мужеубиения и заклания, и паки кровью облиася земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровы струа, дондеже волхвы имъ пророчествомъ изрекоша, яко «нѣсть мощно ратию взяти Троя, но токьмо лестию единою». И абие содѣяше коня дрѣвена велика зѣло и затвориша в немъ мужа храбры, и сами отоити творяхуся ко отечеству своему. Коня же оставиша у пристанища и сами скрывшеся во острове.* Видѣвше же трояне пристанища пуста, коня же единого стояща, и недоумѣюще, дивляхуся. Исперва убо мняху все прелесть, коня же погубити мышляху, во огонь или въ море воврещи, но занеже прииде время, еже взятю быти Трою, во град увѣщавше внести коня, яко образъ и корысть от сопротивных. И ови убо внесоша его, и питиемъ и играмъ себе вѣдаше, и уснуша глубокимъ сномъ. Мужие же крѣпящеся изшедше молкомъ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ.* И сие видѣвше еллини, въскоре пловуше, приидоша къ Трою, и вратомъ отверьстомъ бывшимъ от преже шедших, яко вода влиася множество войска греческаго. Твердонырному же сице приату *бывшую* Трою.

Инде же пишеть,* сткломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фарижа сера, тѣмъ же образомъ, аки конь,* и в нем затвориша 300 витез, сирече боляръ вооруженных. И егда его ввезоша во град, врата разоривше, не прошедшу ему во врата, тогда воины разбивше *мечными** главами стекло, изскочивше, многи изсѣкоша. Достиже же и все множество войска въ караблих и по суху, изсѣкоша тройския вельможа, а инѣх в море пометаша.

Изведоша же Александра и Елену царицу к Менелаю. И рече ему Елена: «О, господи царю! Ты бысть *вѣще** кривъ, чему мя остави со Александром Фарижемъ, да мене прельститъ своимъ неверьствомъ». И отвѣща ей царь: «О, госпоже Елене! Яко отседе азъ сотворю, да тебе инъ никтоже не прельститъ». И повелѣ ея и со Александромъ усѣкнуги.* И с ними Поликсену, дщерь Приама царя, повелѣ усѣкнуги на гробѣ Ахиллееве, яко ея ради погибе.* И Екаму царицу, мать ея, даша на подѣлъ, с нею же прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакаху зѣло, царица же Екама утѣшаше их: «Азъ имамъ ваша слезы утолити». И прочеа жены восхищаеми бяху от чертогъ *новонасаженных* и младенци ударяеми бываху о стѣну, и земля наводняема бяше кровью падающих. И, — спроста рещи — плачь вся содержаше и все лютое и горкое содержаше град. И огневи предають и попадають от основания, еже во градѣхъ прекраснаго и преизряднаго Троя.

И увѣдѣв о сиа царь Полинешерь и повелѣ заклати Полидвора царя, Приамова сына и воврещи его в море. И ту присташа корабли гречестии. И взятъ Екама царица ведро, еже почерьсти воду, и обрѣте сына своего мертва, и возопи гласомъ велиимъ, плачющися. Тогда слышавъ Полинешерь царь, изыде на утѣшение Екаме царици. И вѣсташа с нею тройския госпожа и збодоша царя Полинешера ножи. Сиа увѣдѣвше гражене, побиша их камениемъ.*

Полинещеру царю, который царствовал всей Погажией, чтобы осталось семя троянское. Потом же снова была гибель мужей и жертвы, и снова кровью была залита земля Троянская, и снова обагрены были волны Скамандра, пока волхвы им пророчество не возгласили, что нельзя оружием взять Трои, но только одной хитростью. И тогда сделали они коня деревянного огромных размеров и заперли в нем мужей храбрых, а сами сделали вид, что отплыли к своему отечеству. Коня же оставили у пристани, а сами скрылись на острове. Увидели троянцы, что берег пуст и остался на нем только конь, и удивились, недоумевая. Сперва подумали, что все это хитрость, и хотели коня уничтожить — сжечь или в воду сбросить, но так как настало время, когда суждено было быть взятой Трое, то решили в город ввести коня как вражеский трофей и добычу. И те, кто ввез его, предались пиршеству и играм, и заснули глубоким сном. Мужики же спрятанные тихо вышли и зажгли храмы, и пламень поднялся в небо. И, увидев это, эллины, поспешно приплыв, приступили к Трое, и так как ворота были открыты прежде вошедшими (в город), то словно вода хлынуло (туда) многочисленное греческое войско. Так был взят твердобашенный город Троя.

В другом же месте пишется, что из стекла, меди и воска был изготовлен серый конь, видом подобный коню, и в нем заперли триста витязей, то есть бояр вооруженных. И, когда ввозили его в город, то ворота разрушили, ибо не проходил он в ворота, и тогда воины разбили остриями мечей стекло, выскочили и многих посекали. Подоспело и все множество войска в кораблях и посуху, иссекли троянских вельмож, а других побросали в море.

Привели же Александра и Елену царицу к Менелаю. И сказала ему Елена: «О, господин мой царь! Ты был совсем слеп, если оставил меня с Александром Фарижем, чтобы он прельстил меня своим обманом». И отвечал ей царь: «О, госпожа Елена! Я сейчас сделаю так, что никто другой тебя не соблазнит». И приказал отрубить ей и Александру головы. И с ними Поликсену, дочь Приама царя, приказал казнить на могиле Ахиллея, так как из-за нее он погиб. А Екаму царицу, мать ее, и вместе с нею прочих знатных горожанок и боярынь раздали (победителям). Ведомые (в полон) горько плакали, царица же Екама утешала их: «Я смогу ваши слезы осушить». И других женщин выволакивали из чертогов новопостроенных, и младенцев разбивали о стены, и земля пропиталась кровью убитых. И, попросту говоря, плач стоял повсюду, и все лютое и тяжкое выпало на долю города. И огню предали и сожгли до основания прекраснейшую и славнейшую среди городов Трои.

И, уведав об этом, царь Полинещер приказал убить Полидвора царя, Приамова сына, и бросить его в море. И тут пристали корабли греческие. И взяла царица Екама ведро, чтобы зачерпнуть воды, и нашла труп сына своего, и закричала громким голосом, рыдая. Услышав это, вышел Полинещер царь, чтобы утешить Екаму царицу. И поднялись на него троянки вместе с нею, и искололи Полинещера ножами. Увидев это, горожане забросали их камнями.

Возврати же ся Менелае царь со всѣми грекы с побѣдою и съ великою честью, стоя под Троемъ 10 лѣт и 7 мѣсяць. И тако скончася Тройское царство.

Написа же повесть о тройском пленении творецъ Омирь.* Ахиллей же бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша.*

Возвратился же Менелай царь со всеми греками с победой и с великой славою, простояв под Троей десять лет и семь месяцев. И так пало Троянское царство.

Написал же повесть о пленении Трои песнотворец Омир. Ахиллей же был сыном царя Каеты, а иные пишут — Фирилеша.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА,* — ДРУЗИИ ЖЕ МНѢША, .
ЯКО ИОАНА ДАМАСКИНА,* ЗЪЛО ПѢСНОТВОРЦА, —
ЕЖЕ О ЗВѢРЕХ,* НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИТА, ИХНИЛАТА*

Притча прѣваа. Въпрос царевъ. Царь индѣйскый въпрашаше нѣкоего от своих философ, глаголя: «Хошу, яко да притчею покажеш ми, како лукавый муж льстивый, посредѣ себѣ вложивъ, въ вражду предлагаетъ, еже посредѣ нѣких составленную любовь же и дружбу».

Онъ же, въсприемъ, рече:

Глаголется, яко купецъ нѣкый, многославенъ сы и житье доброволно по сотворению имы, и дѣти имы умовредны, не хотяше лѣности ради художство нѣкоего руководѣлиа навикнути. И наказателными отецъ к ним бесѣдоваше словесы, глаголя: «О чада, иже в житии семъ възрашаемы, 3 вещи требуем: довольно богатство и славу от челоуѣкъ и получение благым онѣм, еже съ праведными. Си же 3 вещи инако не пребываютъ никомуже, точию 4-ми вещми: еже събирати богатство мѣрами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добрѣ разстваряти и сматряти, таже раздаати от стяжаемыхъ требующим, еже ползуетъ в будущемъ житии <...> и еще же уклонитися от приключяющихъ падений, елико по силѣ. Иже бо в коем от 3-хъ сихъ мимотечеть, никтоже ползуетъ. Аще бо ни богатство приобрящетъ, не возможетъ убо развращатися в жити, ни же благодѣйствовати кого. Аще убо богатъ будетъ, не добрѣ же житье растваряеть, скорѣе убо нищимъ сый причастенъ будетъ; аще бо и малоястие творить, не пребывающу имъ нѣкому приложению, по малу все богатство его изнурится. <...>. Аще бо и богатство притяжится, и в худо будетъ попечение его (не от сихъ же подастся, идѣже подобаетъ) нищъ и имѣя таковое богатство во истинну вмѣняется и повиненъ есть всякой погибели. Якоже сопусы разсыпаются,* егда же и в нихъ вода умножаема бываше и исхожению путь не обрящеть».

Сихъ слышавше отроки наказание и покорившися отеческому совѣту. И прѣвый убо ихъ на куплю посланъ бысть, имяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому от телець углубнути. На него

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СОЧИНЕНИЕ СИФА АНТИОХА (ИНЫЕ ЖЕ ПОЛАГАЛИ,
ЧТО ИОАННА ДАМАСКИНА, ВЕЛИКОГО ГИМНОСЛАГАТЕЛЯ),
А ОНО О ЗВЕРЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ СТЕФАНИТ, ИХНИЛАТ

Притча первая. Вопрос царя. Спрашивал царь индийский одного из своих философов, говоря: «Хочу я, чтобы ты показал мне в притче, как хитрый и коварный человек, став посредником, превращает во вражду любовь и дружбу, которые между кем-нибудь установились».

И вот что тот сказал в ответ:

Рассказывают, что был один весьма известный купец, который вел положенным образом добросовестную жизнь, но имел злоумных детей, которые по лени не хотели научиться никакому искусству ремесла. И отец обращался к ним с поучительными словами, говоря: «О дети! Когда в эту жизнь мы вступаем, то нуждаемся в трех вещах: достаточном состоянии, почете от людей и справедливом приобретении того, что благо. А эти три вещи никому не даются иначе, чем через четыре другие: чтобы богатство составлять путями справедливыми и благословенными, чтобы приобретенное правильно употреблять и сохранять, чтобы из приобретенного подавать нуждающимся, а это полезно для жизни будущей (...) и еще чтобы, насколько можно, избегать случающихся напастей. И если кто упустит что-нибудь из тех трех вещей, — никто не поможет. Ведь если он не приобретает богатство, то и сам в жизни не сможет развернуться, ни другого кого облагодетельствовать. А если и богат станет, но неправильно жизнь свою устроит, то скоро окажется среди нищих; даже если и скромно питаться будет, а к богатству ничего не прибавит, истощится оно постепенно. (...) Если же и скопится состояние, но употреблено будет худо (не будут подавать от него, когда нужно), то справедливо счесть нищим того, кто богат таким образом, всякой гибели он сам причина. Так и трубы разрываются, когда вода в них прибывает, а пути для выхода не находят».

Услышали юноши это поучение и послушались отеческого наказа. И вот первый из них послан торговать, а с собой имел повозку, которую тянули два быка. По дороге же случилось одному быку увязнуть в болоте. Бросился к

же устремися купецъ вкупѣ съ своими, възведоша и от кала, и нужи ради, яже подъят влекоу, и изнемог и оставленъ бысть, ниякоже (...) могий ходити. И недоумѣниемъ одержимъ бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немже *пребысть* питаяся. Немного *еже посредѣ** и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргѣма земля рыти и велми рыкати (...).

Пребываше же близ оногѣ мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвоуе же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ возносливъ и грѣдь и скуденъ мудростию. Слышавъ телчее рыкание и убояся зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущимъ под нимъ, сего ради стояще на единомъ мѣсте, не проходя (...). Бяху же тамо звѣра два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другий же Ихниллат. Обои различнии мудроумнии обычаи,* Ихниллатъ же лукавенъ бѣше нѣкако душею и много разумѣ вешемъ достизание (...).

Онъ же рече Стефаниту: «Что се, друже, зримъ Лва непреходна, яко леду померзѣшу, и по обычаю нѣкому же насиляющу?» Стефанитъ же рече: «Что тебѣ обещаю таковымъ въпросомъ неподобнымъ? Ничтоже намъ прискорбно есть, ни тяготно, но вратомъ присѣдящие царя нашего, катадневную пищу* приемлюще, но нѣсмы достойни о царехъ бесѣдовати, ниже о нихъ сматряти. Престани убо от таковыхъ и познай, яко всякъ (...) влагаяя себе в неподобнаа словеса и дѣла, постражетъ пификово.*

Глаголетъ бо ся, яко пификъ нѣкий, видѣвъ древодѣля древо цѣпяща двѣма клинома, яко потребы ради нѣкыа древодѣлю отшедшу, уподобися пификъ древодѣлю и на древо вѣде и цѣпити е начинаше. Мудомъ же его въ древняя цѣпины вшедшимъ и клинъ невидѣниемъ извлекшу, *сѣключися* древо,* и мудомъ его ятымъ бывшимъ. Малодушествоваше же пификъ, и древодѣлю дошедшу, и *мученъ* бысть велми. (...)

Ихниллатъ же рече: «Разумѣхъ, яже предложилъ еси. Но познай, яко всякъ, приближаяя царю, не за ради житейскыа пища приступаетъ, но славы желаетъ, еже възвеселити други, враги же опечалити. Худыхъ бо мужии нижнихъ любовно есть еже доволномъ быти, и еже обрящутъ, и обикнути; зане и песъ, кость обрѣтъ, гложетъ ю. (...) Высокоумный же мужъ не до нижнихъ стоитъ и худыхъ, но горня ищетъ и достойнаа имъ гонитъ. Якоже и левъ, аще заеца дрѣжитъ и видитъ вѣльблюда, оставляетъ заеца и вѣльблюда гонитъ. Или нѣсть си, яко песъ опашъ виетъ, дондеже пищу приметъ (...) великому же елѣфанду отвращающуся и не приемлющу пищу, едва укрощениемъ ядуща? (...) Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на дълго житие проводить, но дългоживотенъ вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяя, не могли ни себе, ни иныа плѣзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ дълбоку достигнетъ старость». (...)

Стефанитъ же, възпримъ, рече: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотрѣй, яко всякъ жало имать.* И егда есть кто в равночестныхъ честенъ, достоинъ

нему купец со своими людьми, вытащили его из грязи, да пришлось его оставить: ведь пока его тянули, он выбился из сил, так что и (...) передвигаться не мог. И вот, в полной растерянности, он тихо ходил тут и там, пока не набрел на влажное, богатое травой поле, где и остался, кормясь. Вскоре весьма растолстел и раздобрел Бык, начал рыть землю рогами и громко реветь (...).

А близко от этого места находился царь Лев. Были у него животные разного рода: и львы, и медведи, волки и лисы, и многие другие. Лев же был заносчив, горд, скудоумен. Услышал он рев Быка и очень испугался; показать своим подданным страх он не хотел и потому неподвижно стоял на месте (...). Были там еще два зверя: один по имени Стефанит, а другой Ихнилат. Оба они различались складом ума, и Ихнилат был довольно лукав душою и хорошо знал, как достичь желаемого (...).

И сказал он Стефаниту: «Почему это мы видим, друг, что Лев неподвижен, словно застывший лед, не творя никому насилия, как это обычно бывает?» И сказал Стефанит: «Что тебе до таких неподобающих вопросов? Нет нам ни в чем скорби или тягости: недостойны мы о царях рассуждать или разбирать их, сидя у ворот нашего царя и принимая от него засушную пищу. Оставь это и знай, что со всяким (...) кто занят неподобающими словами и делами, будет то же, что с павианом.

Рассказывают, что один павиан, увидев, как дровосек расщепляет дерево двумя клиньями и что тот за каким-то делом отошел, уподобился дровосеку, уселся на дерево и взялся его расщеплять. Вот срамные части его попали в щель, а он по незнанию вытащил клин, дерево сжалось и защемило его. Павиан обезумел от боли, а когда пришел дровосек, еще и наказан был сильно». (...)

И сказал Ихнилат: «Понял я то, что ты изложил. Но знай, что всякий, приблизившийся к царю, приходит не за жизненным пропитанием, а хочет славы, чтобы друзей порадовать и врагов посрамить. Людям бедным и низким любезен достаток: что найдут, то им и ладно: так и собака — найдет кость и гложет ее (...). Но человек одухотворенный не мирится с низким и дурным, он ищет высшего и стремится к достойному. Вот так и лев — если держит зайца, но видит верблюда, оставит зайца, а преследует верблюда. Разве тебе не известно, что собака машет хвостом, прежде чем дадут ей есть (...) а великий слон отказывается и не берет пищи и ест лишь после уговоров? (...) Одухотворенный и щедрый муж хоть и не долго проживет, но к долгожителям причисляется, а тот, кто житейской суетою и убожеством существует, кто не способен ни себе, ни другим пользы принести, тот кратковечен и несчастен будет, даже если и до глубокой доживет старости» (...).

Услышал это Стефанит и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду, но примечай, что у каждого свой предел. И если кто почтен от равных по чести,

ему доволну быти о своем степени. Тази бо есмы и мы ⟨...⟩ и тѣм же лобзаим наше число».*

Ихнилат же рече: «Обще есть житейское достоание. И великоумный муж присно творить достоание своему въсхожению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ въскацати, удобно же от горних сходити, едва же въсходить. ⟨...⟩ Подобае убо и нам горня искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на другии преходити. Хошу бо Лвова сумнѣнна присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣюшася вкупѣ съ своими воины и мню, яко получу достоание нѣкое от него».

Стефанит же рече: «Како разумѣль еси, яко Лев недоумѣет?» Ихнилат же рече: «Разумѣх моимъ помышлениемъ. ⟨...⟩ Разумный бо муж может разумѣти и ближняго своего помышления, сатрапа его по преложению и по образу». Стефанит же рече: «И како благодать възможеша обрѣсти от Лва, николиже царемъ поработав, ни художества имы бесѣдования их и наказованна?» Он же отвѣщавъ, рече: «Мудроумный муж вѣсть ходити, в немже и искушения не имать ⟨...⟩ безумный же, в немже ся есть научиль, и в том погрѣшаеъ». Стефанит же рече: «Царь не обыкль есть бльша приимати что от себе, но ближняго прочим. Подобит бо ся *лозѣ*,* та бо не бльшим древесем, но ближним приплетаеся. Како убо възможеша присвоитися Лвови, не сый с ним?» ⟨...⟩

Ихнилат же: «Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху преже таковии, но взидоша от нижних. Хошу убо и азъ таковым начати. ⟨...⟩

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий,* присѣдя царскимъ вратом, грѣдость отложив и ярость умякчив, и досаждение трѣпя, и всѣм покоряеся, скорѣе убо къ цареви присвоитися. Тако и аз, егда приближуся къ цареви и разумѣю обычаи его и нравы его и угода ему хитростью о всем, и мнит ми ся, яко таковым образом възлюбит мя Лев и болша от иных покажет мя. Мудрый бо муж и разумный может истинну приложити и лжу составить, якоже изрядный писецъ презнаменае истинну и влагаеъ бесѣды нѣкыя приличны времени». Стефанит же рече: «Аще таковая совѣтуеши, не подобае ти еже у царя присвоение. ⟨...⟩ Писано бо есть, яко никтоже от мудроумных дрѣзает на три сна вещи, аще ли дрѣзаетъ, едва от них спасетися: сирѣчь еже къ царемъ приближение, и еже яд пити за искушение, и еже вѣвѣрити женам тайны. Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй, едва преходнѣй и всякими овощми и водами умножаему; на ню же въсхождение удобно и пребывание бѣдно».*

Ихнилат же рече: «Истинну рекль еси. Но иже на бѣды не дрѣзает не получает желание, ниже всякоа вещи бояся, *бесчестен* от всѣх пребывает. ⟨...⟩ Глаголетъ бо ся, ⟨...⟩ яко три сна вещи никтоже от страшливых любит,

тот должен быть доволен своим положением. И поскольку мы таковы (...) то примем с любовью нашу меру».

И сказал Ихнилат: «Всякое жизненное назначение одинаково. Потому одухотворенный муж назначен к тому, чтобы восходить, а ничтожный — всегда опускаться. Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то что восходить. (...) Вот и нам подобает искать, сколько возможно, высшего, не только оставаться в теперешнем состоянии, но и переходить в другие. Поэтому я и хочу через беседу со Львом сделать себе приобретение из его затруднений. Я вижу, что он в страхе и растерянности вместе со своими воинами, и надеюсь, что сделаю себе из этого какое-нибудь приобретение».

И сказал Стефанит: «Как ты догадался, что Лев растерян?» И сказал Ихнилат: «Это я понял путем размышления. (...) Ведь умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом». И сказал Стефанит: «А как же ты получишь от Льва вознаграждение, никогда не служив царям, не обладая искусством беседовать с ними и поучать их?» И тот сказал в ответ: «Мудрый знает, как поступать и там, где не имеет опыта (...) глупый ошибается и в том, чему учился». И сказал Стефанит: «Царь принимает что-нибудь не от того, кто его больше, но от того, кто к нему ближе. Этим он похож на виноград, который оплетает не самые большие, а самые ближние деревья. Не находясь при царе, как сможешь ты приблизиться к нему?» (...)

И сказал Ихнилат: «Я понял, это справедливо, что ты говоришь. Но вспомни некоторых из нашего круга, которые не были такими раньше, а поднялись снизу. Вот и я начну, как они. (...)

Ведь рассказывают, что один юноша сидел у царских ворот, отбросив гордость, сдерживая гнев, терпя неудобства, всякому повинуюсь, только чтобы поскорее приблизиться к царю. Так и я — когда приближусь к царю, узнаю его привычки и нрав, искусно угождая ему во всем, то надеюсь, что полюбит меня вследствие этого Лев и возвысит над другими. Умный и мудрый муж может исказить правду и сочинить неправду, как искусный писатель перетолковывает правду и составляет рассуждения, подходящие ко времени». И сказал Стефанит: «Если ты так думаешь, не подобает тебе приближаться к царю. (...) Ведь написано, что из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи, но если осмелится, то едва ли спасется, а именно: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине. Царь подобен крутой горе, труднодоступной, плодами и источниками покрытой; восходить на нее легко, но пребывать на ней бедственно».

И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Но кто не осмелится на опасное, не получит желаемого, подобно же и тот, кто всего боится, никем не уважаем. (...) Ведь сказано (...) что из трусливых ни один не любит трех вещей, а именно:

сирѣчь царьскаа служения, и морьское плавание, и скорое къ врагом противление. Двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустыни от пустыник пребывание, якоже и елефанду — пустыни же и царстии двори». (...) Стефанит же рече: «Не престати о сих. Но поиди и твори, яще хоцещи».

Ихнилат же шед ко Лву и поклонися ему. Он же въпроси его: «Гдѣ пребыл еси толико врѣмя?» Ихнилат же рече: «Неотступно пристѣдя царьским вратом, надѣявся потребенъ быти в нѣкоей работѣ царству ти. Знаю бо, яко многожды в нѣких вещех потребни бывають и худии мужие, множицею и въ великих потребах ползуют. Якоже древо повержено на земли потребно есть нѣкогда к чесанию уху». Якоже убо услыша Левъ таковаа словеса (...) и рек своим: «Си благоразумный и словесный муж многожды *не познавается* до бесѣдования его, якоже сокровенный огонь в тернии, егда въ свет изыдетъ, въздушный пламень творит».

Якоже разумѣ Ихнилат, яко угоденъ явися Лвови, и рече: «О царю, подобает рабом царевом бесѣдовати ему вся подобнаа и полезнаа, и потом възспримати от него достоинаа вся почести. Якоже бо различнаа сѣмена, в земли лежащие, не познаваются, какова суть, аще не от земля въсияют, (...) тако и всяк человекъ от своих словес познавается. Подобает убо цареви ниже главныа красоты примѣшати к ногама, ниже ножныа къ главѣ. И иже камене честное и бисерь со оловом соплетаа, себе паче бесчестит, нежели бисер. Подобает убо князем разсматряти сущих под ним, воеводе же воины, царю же словесныа мужа и мудрыа. Не множеством во владалци исправляють начинанья своа, но изрядным совѣтом. (...) Достоит убо владыкамъ не презирати менших, яже под ним: малии убо и не малии, егда въ великих ползуют. Подобаетъ убо властелину не точию добродородныа и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалуча призывати. Нѣсть бо никомуже ближнейше, точию свое тѣло (...) и егда время призоветъ и сие презирати, но егда болѣзнь приключиться ему, далече на врачевания ищет. (...) И мышев бо множицею в домовех царскихъ суть, но непотребни пребывают, аще и близъ суть; птици же, нарицаемии фалкон,* аще дивии есть, но за потребы своа призываются и приемлются и на царскихъ рукахъ сѣдят».

Сия словеса слышав, Левъ ужасенъ бывъ и глагола ко околником своим: «Не подобает властелину презирати разумныа мужа, аще от долныа части суть, но коемуждо по достоинию даяти, аще и нѣции *негодуютъ*. (...)»

Видѣ убо Ихнилат Лвово еже к нему любезное усердие, бесѣдова ему наединѣ, глаголя: (...) «Что се, о царю, иже въ мнозѣ времени пребысть непоколѣбим и не преходя на мѣсто ино?» Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему,* сприключися ему, дондеже бесѣдоваху, рыкание Телчее и пристрашенъ былъ зѣло, рече: «Боюся от сего звѣри: да не противу гласу и тѣло его будеть, а

царскую службу, мореплавание и быстрый отпор врагу. Но два места предназначены великому мужу: царский двор и пребывание в пустыне с пустынноиками, точно так и для слона — пустыня и царский двор». (...) И сказал Стефанит: «Об этом не кончить разговор. Иди и делай, что хочешь».

Пошел Ихнилат ко Льву и поклонился ему. А тот спросил его: «Где ты был так долго?» И сказал Ихнилат: «Сидел я неотступно у царских ворот, надеясь пригодиться твоему царству в каком-нибудь деле. Я ведь знаю, что порою и ничтожные для чего-нибудь бывают пригодны, а часто они полезны и в важных делах. Так вот и дерево, сваленное на землю, вдруг пригодится, чтобы почесать ухо». Услышал эти слова Лев, (...) и сказал своим: «Вот благоразумного и красноречивого мужа до беседы с ним не всегда и заметишь; как и огонь, скрытый в терне, лишь когда выйдет наружу, производит на воздухе пламя».

Как только понял Ихнилат, что угодил Льву, так сказал: «О царь, подобает, чтобы царские рабы говорили царю только подходящие и полезные вещи, а потом принимали от него только достойные вознаграждения. Ведь вот как разные лежащие в земле семена не узнать, какие они, пока не взойдут от земли (...) так и каждого человека можно узнать лишь по его словам. Царю не подобает головные украшения привешивать к ногам или ножные украшения к голове. Тот, кто смешивает драгоценные камни и жемчуг с оловом, больше бесчестит себя, чем жемчуг. Князю подобает рассматривать тех, кто ниже его: военачальнику — воинов, царю — красноречивых и мудрых людей. Не количеством, а добротным замыслом воплощает владыка свои предприятия. (...) Нужно, чтобы владыки не презирали малых, которые под ними: ведь малые уже и не малые, когда полезны великим. Почитать подобает властителю не только благородных и славных, но достойных и красноречивых, довольствоваться не только своими людьми, но приглашать издалека. Ничего нет нам ближе собственного тела (...) и заботы о нем, когда приходит пора, но если случается с ним болезнь, далеко за лечением ходим. (...) Хоть и много в царском доме мышей, но нет в них нужды, пусть и близко они; птица же по имени сокол хоть и дика, но за свойства свои призывается, принимается и на царской руке сидит».

Услышал эти слова Лев, изумился и сказал своим приближенным: «Не подобает властителю презирать разумного мужа, если даже он из низов, но каждого награждать по достоинству, пусть и недовольны этим иные». (...)

Увидел Ихнилат, что Лев к нему сердечно расположен, и сказал ему наедине, говоря так: (...) «Отчего это, о царь, так долго ты недвижим, не пойдешь на другое какое место?» Лев же хотел скрыть свою растерянность, но пока они разговаривали, снова услышал он Быка и, сильно испугавшись, сказал: «Боюсь я этого зверя: что, как по голосу и тело у него, а по телу и сила, а по

противу тѣлу и сила, а противу силе мудрость? Тѣмъ же аще таковъ будет, бѣжим отсуду». Ихнилат же, воспримем, рече: «Не боися, о царю: излихиа гласы праздни бо суть, аще и велми слышятся.

Глаголетъ бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый *бубенъ*, на древѣ висящъ и вѣтром колѣблем, глас испущати. Си же видѣвши лисица и убоавшися приблизитися, тимпанову видѣнию дивящися, ово же и гласнаго величия боащися (...) обаче гладом и желанием побѣжена бывши, всу силу свою подвигши, и растрѣза его и, празно видѣвши, рече: „Оле, како худѣйшаа телеса величайша и гласна являються!» (...) Тако бо и мы нынѣ, о царю, стражем, таковаго звѣря гласом прельщаеми. Аще хощеши, поиду к нему и вижу, каков есть, скорѣ възращуся к тебѣ?» (...) Посла его Левъ, зане угодно явился ему слово. Оному же отшедшу, много раскаяся Лев о послании его и в себѣ помышляше, глаголя: «Что се створих, еже и къ Хнилату своа словеса вѣвѣрих? (...) Не подобает властелину вѣвѣрити своа словеса и своа тайны, емуже есть когда презрѣние створил или емуже богатство отъят и славу, или несыту мужу и лукаву, и прочим таковым. Ибо Ихнилат испрѣва мудрѣйши сый, пред моими враты поверженъ бысть, и сего ради невѣрно работает ми. Или обрѣт велегласнаго сего звѣря болша онем силою, к нему присвоится и възвѣстит неможения моа». Сия и таковая помышляющу Лву, и се явился единъ Ихнилат грядый. Яко видѣ его Левъ и радостенъ бысть, рече к нему: «Что сътворил еси?» (...) Он же рече: «Видѣх велегласнаго сего звѣря, и Телець есть. И приблизихся ему и бѣседовах, и ни едино врежение ми бысть от него». Лев же рече: «Да не мниши, яко немощенъ есть, зане тебе ничимже повредил есть Телець. Великий бо вѣтръ и буря малаа дрѣвеса не повреждаетъ, высокая же, сломив, искореневаеть». (...)

Ихнилат же рече: «Да ти ся не мнит, о царю, яко таковое животное сильнейше есть. Аще хощеши представлю его пред тобою и в послушании твоём будет и под областью». Възвесели же ся Левъ, повелѣ сътворити ему обѣщанное. (...)

Он же шед к Телцу, дрѣзостнѣ рече к нему: «Левъ мя посла к тебѣ повести тя к нему. И аще потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселѣ укоснѣл еси стрѣсти его, якоже и вси. Аще ли же не ускориши, скажу ему, яже о тебѣ». Телець же рече: «И кто есть Лев, пославый тя ко мнѣ, и гдѣ пребываетъ?» Ихнилат же рече: «Царь есть звѣрем и на сем мѣсте пребывает со всѣми воинствы своими, идѣже аще ти покажу. Тѣм же послѣдствуй ми». Телець же послѣдова ему до Лва, убоявся. И се видѣ его Левъ, якоже слыша по гласу и тѣло, прият его усердно, и въпрашаа его о всем. Он же възвѣсти ему вся, яже о себѣ. И обѣщася ему Лев о всем и въ все благо, и наложи на него всяку область и паче всѣх почте и. (...)

силе и мудрость? Потому, если он таков, уйдем отсюда». Услышал Ихнилат и сказал: «Не бойся, царь: пусты могучие голоса, хоть и громко слышатся.

Рассказывают, что голодной лисице в поисках пищи случилось найти одну вещь — тимпан, называемый бубен; висит он на дереве, качает его ветром, издает он звуки. Видев такое, лисица боялась подойти, удивляясь и виду тимпана, да и громкого звука боясь (...) однако голоду и алчности поддавшись и с силою собравшись, растерзала тимпан, а увидев пустоту, сказала: „Увы! Так самое худое тело выглядит самым большим и звучным!“ (...) Теперь это случилось и с нами, царь, что нас обманывает голос такого зверя. Хочешь ли, я подойду к нему и посмотрю, каков он, и быстро вернусь к тебе?» (...) Льву понравилось предложение, и он послал его. Лишь тот отправился, а Лев уже сильно раскаивался, что послал его, и размышлял с собой, так говоря: «Что я наделал! Зачем доверил свои слова Ихнилату! (...) Не подобает, чтобы властелин доверял слова свои и тайны тому, кого когда-нибудь подверг презрению или же у кого отнял имущество и честь, или же жадному и лукавому и подобным таким. Ведь Ихнилат, являясь самым мудрым изначально, был повержен у моих ворот, и потому служит мне неверно. А то еще найдет он, что этот мощноголосый зверь больше и силою, сблизится с ним и сообщит о моем бессилии». Пока так и подобно размышлял Лев, появился Ихнилат, возвращаясь один. Как увидел его Лев, обрадовался, говорит ему: «Что ты делал?» (...) И тот сказал: «Видел я мощноголосого этого зверя, Бык это. Я подходил к нему и разговаривал, и никакого вреда не было мне от него». И Лев сказал: «Не думай, что Бык бессилен, раз ничем не повредил тебе. Ведь большой ветер и буря не повреждают маленькие деревья, а высокие, сломав, вырывают с корнем». (...)

И сказал Ихнилат: «Пусть тебе не кажется, о царь, что это самое сильное животное. Если хочешь, я приведу его к тебе, и будет оно тебе послушно и в твоей власти». Лев обрадовался и велел исполнить это предложение. (...)

Тот пошел к Быку и дерзко сказал ему: «Послал меня к тебе Лев, чтобы отвести тебя к нему. Если послушаешься и пойдешь к нему, получишь прощение за то, что до сих пор уклонялся и не встречал его, как все. Но если не поспешишь, я все расскажу ему о тебе». И сказал Бык: «А кто этот Лев, приславший тебя ко мне, и где он находится?» И сказал Ихнилат: «Он царь зверей и находится на этом месте со своим войском, — там, где я тебе покажу. Так что следуй за мною». Бык испугался и последовал за ним ко Льву. И вот увидел его Лев, что тело у него по голосу, как он и слышал, сердечно принял его, расспрашивая обо всем. А тот сообщил ему все о себе. Обещал ему Лев всякие и всяческие блага, возложил на него великую власть и вознес его выше всех. (...)

Ихнилат же, се видѣвъ, позавидѣ ему. И не могий терпѣти завистью, объяви другу своему Стефаниту и рече: «Не дивиши ли ся, еже съдѣях на себе — ползнаа бо Лвови съврѣших, а себе улиших? И приведох ему Телца, и бысть мнѣ изящен почестию». Стефанит же рече: «Что хощещи сътворити?» (...) Он же рече: «Хошу убо на первое достоание дойти и настати. Подобае бо мудрому ꙗко сиа вещи дрѣжати: прѣвое, убо пострада добра же и зла, разсматряти, яже суть повинна — *добрым да гонит*, злая же отбѣгати, таже настоащая *добраа* или злаа разсматряти, что хошет потом быти. Смыслих убо и азъ на прѣвое свое достоание дойти и настати. Но не обрѣтох подобна пути такова, точию Телца убити: се бо мнѣ полезно есть, обаче же и Лвови». (...)

Стефанит же рече: «Се видѣхом никое зло, прибывающе от Телчияго присвоения». Он же рече: «Левъ весь его есть, о прочих не радить. *Шестьми бо* вешми царь небрегом есть и ниизлагается: еже не искати ползнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобае кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтники; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, — к сим же разсматряти временнаа приложения».

Стефанит же рече: «И како възможещи повредити Лва, много суща от тебе силнѣйша, многыа другы имуща и послушники?»

Ихнилат же рече: «Не зриай на мое неможение и смирение: (...) мнози бо от сильных немощными побѣдишяся. (...)

Глаголетъ бо ся, яко вранѣ нѣкий вѣгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше. Яко убо множицею таковаа змию творяща. И шед вранѣ к нѣкому другу своему звѣрю* и рече: „Хошу тебе совѣтника сътворити: вѣси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мнѣ приближитися ему спящу и очи его извертѣти“. Звѣр же рече: „Не добрѣ совѣтовал еси. Но промысли хитрость ину, еюже оного погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобна постражеши жеравъ”.*

Глаголетъ бо ся, яко жеравъ нѣкий, при блатѣ пребывая исполнену рыб и от них питаяся, състарѣвся и на лов не може подвизатися. (...) И гладом одрѣжим, достужи си. И поиде в нѣкую гору, и въсходя обрѣте ежа въ своей скрѣби.* И еж же рече: „Почто печален еси и скорбенъ?“ Он же, въсприем, рече: „И како не скорбя? Прѣвое пребывах при блатѣ нѣкоем и от рыб его питаяся, многим и обильным сущим. Днесъ же узрѣх два рыбаля приходяща на мѣсто то (...) и друг другу бесѣдующе, како вся ту сущаа рыбы изловят“. И еж же, се слышавъ от жерава, приде къ рыбама и повѣда им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, рѣша: „Нынѣ хошем совѣтника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбаари нѣции хотяху изловити нас“. Жеравъ же рече: „Ни едино

Увидев это, Ихнилат позавидовал ему. Не в силах побороть зависть, он открылся другу своему Стефаниту и сказал: «Не удивлен ли ты, что я себе устроил — Льву принес добро, а себе лихо? Я привел к нему Быка, а тот превзошел меня по чести». И сказал Стефанит: «Что же ты хочешь сделать?» (...) И сказал тот: «Хочу в прежнее достоинство взойти и остаться в нем. Мудрому подобает держаться таких трех вещей: прежде всего, когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убежать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее. Вот я и решил в прежнее свое достоинство взойти и остаться в нем. Но не нашел я другого подходящего пути, как только Быка убить: это и мне полезно, да и Льву тоже». (...)

И сказал Стефанит: «Не вижу я, чтобы какой вред происходил от присутствия Быка». И сказал тот: «Лев весь принадлежит ему и пренебрегает остальными. Из-за шести вещей царь оказывается в опасности и низлагается: когда он не ищет подходящего случая, но действует грозою; когда подобает быть кротким, а он свиреп; когда не имеет разумных и верных себе советников; когда наводит страх и преследует своих людей; когда побежден бывает безрассудными желаниями; когда побежден бывает яростью, — этими обстоятельствами нужно пользоваться применительно ко времени».

И сказал Стефанит: «Но как ты сможешь повредить Льву, который гораздо сильнее тебя, имеет много друзей и приспешников?»

И сказал Ихнилат: «Не гляди, что я немощен и мал: (...) многие сильные побеждены бывают немощными. (...)

Рассказывают, что на дереве в горах ворон устроил гнездо, но здесь он постоянно терпел обиды от змеи, она съедала его птенцов. И много раз делала это змея. Тогда отправился ворон к одному зверю, своему другу, и сказал: „Будь моим советчиком: ведь знаешь ты, как я страдаю от змеи. Я думаю, что лучше всего мне будет подобраться к ней, когда она спит, и выклевать ей глаза”. И ответил зверь: „Неладно ты задумал. Изобрати другую хитрость, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться. Не то будет с тобою то же, что с журавлем”.

Рассказывают, что один журавль, живя при озере, богатом рыбой, ею питался, но состарился и не мог выходить на ловлю. (...) Страдал он, охваченный голодом. В скорби своей пошел он на гору, а восходя, набрел на ежа. И сказал тут еж: „Почему ты в печали и скорби?” Услышал тот и сказал: „И как не быть мне скорбну? Раньше жил я у озера и кормился рыбой из него, многой и обильной. А нынче я увидел, как пришли на это место два рыбака (...) и говорили друг другу, что выловят всю здешнюю рыбу”. И вот еж, услышав это от журавля, пришел к рыбам и рассказал им, что слышал. А те, явившись к журавлю, сказали: „Будь теперь нам советчик. Слышали мы, что какие-то рыбаки хотят нас выловить”. И сказал журавль: „Иного не имеется способа,

предлежит художство, точию еже преити от сего мѣста во ино мѣсто пресѣнно и водно”. Рыбы убо рекоша: „Пренеси уь ты нас на таковое мѣсто, идѣже доволну пищу обрѣтше, избавитися предлежаща бѣды”. <...> Он же рече: „Боюся, да не преже предложения вашего доидут рыбаге. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю”. И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в нѣкой горный брегъ и тамо ядыше их, другим рыбам мящим, яко в порученное мѣсто преносити их. Въ един убо от дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Прим его жерав и отнесе его на гору, идѣже и рыбы снѣдаше, и совѣтоваше и того снѣсти. <...> Видѣвъ же ежъ кости рыбныа, тамо лежащаа, и разумѣ леств, и в себѣ помышляше, яко: „Нужно смертен буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Нынѣ смыслих, да не бесчестную смерть постражу: но или добрѣ жити ми, или добрѣ умрети, тако благоумному подобаетъ”. И напрасно обзинув устнами жерававу шиу и нужно его удави.

Сего ради таковаа сказах ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враждууше нѣции нѣкыа своими сѣтми яти бывають. Но подобает ти тако змиеву погыбель помыслити, яко да того погубиши, а сам без вреда пребудеши: и смотри долу женьскыа красоты честнѣйшиа и похоти ю, и, отнесъ в гнездѣ змиевѣ положи ю. Его же ради по ней послѣдствуют нѣции, и обрѣтше змиа, и убьют его. Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змиа».

Рече же Ихнилат Стефаниту: «Сиа ти сказах, да разумѣши, яко мудрость есть болши крѣпости» <...>

Стефанит же рече: «Аще не бы противу мужеству мудръ, оставил убо бых тебѣ таковаа бесѣдовати, но вкупѣ съ храбростью и разумен есть». Ихнилат же рече: «Истинну рекль еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дръзаю бо и вѣруу многимъ вѣщамъ еже быша въ многихъ. Ибо заецъ лва ниизложилъ есть».

Глаголетъ бо ся, яко левъ нѣкый обиташе травоносно поле и водоносно, в нем же родове звѣремъ различни пребываху и обилно от оного поля насыщяхуся и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совѣтъ свѣщавше, придоша ко лву, ркуще ему: „Совѣщомъ вси вкупѣ, о царю, яко да тебе трудовъ избавимъ и болѣзней, себѣ же самѣмъ безпечалие сотворимъ. Ты убо со многимъ трудомъ и потомъ единого ловиши от нас на койждо день, мы же паки, боящеся твоего лова, трепетни пребываемъ. Достоитъ убо намъ, яко на всякъ день украшаемъ твоа трапезы кромѣ трудовъ”. Еже угодно явися лвови. И проводиша дни многи, жребиа творяще другъ къ другу: и на койждо ихъ жребий бѣаше, посылаху его къ лву. И якоже жребий доиде до зайца, и рече къ ловцемъ.* „Аще послушаете мене, о ловци, избавлю васъ отъ тяготы сеа, яже стражемъ”. Они же рѣша: „Еже хоцеша, сотворимъ”. „Рцѣте къ вѣдущему мя нескоро вести мя къ нему. Егда близъ будетъ, да скрываются, азъ же да отвѣщаю”. Они же тако сотвориша. И шедъ заецъ медлено ходомъ, якоже лву разъяритися гладомъ, и яко явися заецъ единъ, и глагола къ нему: „Почто доселѣ укоснѣлъ еси, а не яко и прочии скоро пришелъ”.

только чтобы перебраться с этого места на другое, водное и пресное". И сказали рыбы: „Так перенеси нас на такое место, где найдем мы достаточную пищу и избавимся от надвигающейся беды". (...) И тот сказал: „Боюсь, что еще до вашего переселения придут рыбаки. Но что смогу, то сделаю". И с этими словами начал понемногу переносить рыб на крутой берег и там их съедал, а другие рыбы думали, что он их переносит в назначенное место. Однажды и еж упросил журавля перенести его, как и рыб. Взял его журавль, отнес на кручу, где съедал рыб, и вознамерился и того съесть. (...) Увидев, что лежат там рыбьи кости, понял еж хитрость и подумал про себя: „Хоть противясь журавлю, хоть покорясь, все насильственной смертью умру. Решил я теперь, что бесчестную смерть не приму: или достойно жить, или достойно умереть, как добродетельному подобает". Схватил он внезапно челюстями шею журавля и насильственно удавил его.

И сказал для того тебе это, ворон, чтобы ты знал, что затевающие войну сами попадают в свои сети. А нужно тебе так подстроить гибель змее, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться: поищи внизу драгоценное женское украшение, укради его и, отнеся в змеиное гнездо, положи его там. Тогда пойдут по следу украшения, а найдя змею, убьют ее. Так и стало. Сделал это ворон и избавился от змеи».

И сказал Ихнилат Стефаниту: «Я рассказал тебе это, чтобы ты понял, что мудрость больше, чем сила». (...)

И сказал Стефанит: «Если бы не был Бык мудр соответственно мужеству, я бы согласился с твоими словами, но вместе с храбростью он и умен». И сказал Ихнилат: «Верно говоришь, он точно таков. Но я низвергну его хитростью. Я осмеливаюсь на это и полагаюсь на многие случаи, которые часто бывали. Ведь и заяц льва низвергнул.

Рассказывают, что один лев жил на поле, богатом водой и травой, где обитали различные роды зверей, и это поле щедро их насыщало и радовало. Они, однако, в страхе трепетали льва и, собрав совет, пришли ко льву, говоря ему: „Мы совещались все вместе, о царь, как бы избавить тебя от усилий и забот, а себе обеспечить безбедную жизнь. Ты ведь каждодневно тратишь много трудов и пота, когда охотишься на одного из нас, а мы, опять же, трепещем, боясь твоей охоты. Нужно, чтобы без затраты трудов мы ежедневно украшали твой стол". Это понравилось льву. Долго жили так звери и метали жребий друг о друге: на кого выпадал жребий, того посылали ко льву. А когда выпал жребий на зайца, он сказал зверям: „Если послушаете меня, звери, я избавлю вас от этой повинности, которую мы терпим". И сказали они: „Сделаем что хочешь". — „Скажите тому, кто поведет меня, чтоб не быстро вел меня к нему. А когда близко к нему будем, пусть все скроются, а я отвечу". Так и сделали. И заяц шел тихим ходом, а когда уже лев разъярился от голода, заяц один появился перед ним, и тот проговорил: „Почему ты тянул до сих пор, а не

еси?» Онъ же рече: „Заеца друга своего влечах к тебѣ, и нѣкий левъ стрѣте мя и похоти его. Много же ему пригласих и засвидѣтельствовах, яко лвовъ есть, и не послушав мя. (...) Аще убо хощещи, веду тя к нему”. Лев же разъярився, рече заецу: „Послѣдую ти, гдѣ есть”. И поведе его заецъ в нѣкий кладенець глубокъ зѣло, и створи его приникнути, яко да лва оного видит. И приниче с ним и заецъ, и рече: „Видиши ли лва, иже похыти твоего заеца? И сей заецъ у него есть”. И показа ему свою сѣнь въ водѣ и лвову. Иже видѣвъ левъ и мнѣвъ, яко тако есть, въверже себе въ кладенець и удавился» .

Стефанит же рече: «Аще разумѣши, яко неприятель Лву Телець, и можещи погубити его, дѣло начни». Онъ же рече. «Ибо ты и аз* и инии мнози от нас презрѣни бышя Телчяго ради присвоения. Аще ли се не можещи сотворити, отчасти таковаго начинания, препинание бо се есть и преступление». (...)

Таже единою от дни вниде Ихнилат ко Лву скорби исполненъ. И въпроси его Левъ о скръби, и рече: «Егда нѣчто ново приключися?» (...)

«Приключися вещь нѣкаа неполезна тебѣ же и мнѣ. Но егда бесѣдуютъ кто и разумѣет, яко бесѣды его не угодно суть послушающему, к тому же, еже глаголати не смѣет, аще и за ползу будетъ послушающаго, аще же познает, яко приятна суть словеса его, тогда благоразумнѣ и усрѣдно бесѣдует. Увидѣвъ убо тебе, о царю, разумом и мудростью украшена, и дрѣзах, еже бесѣдовати царству ти, о нихже слышати не хощещи. Добрѣ бо знаещи извѣстнаа истинаа работа моа и надѣюся, яко истинна явит ти ся глаголи мои. Наша бо душа по тебѣ суть до смерти, и нужно ми есть полезная и удобная не утаити тебе. Не подабаеть бо ни рабу от своего господина утаити, ни болящему от врача достоинъ болѣзнь свою скрыти, ни убогому нищету свою предъ други своими прикрыти. Увидѣхъ бо от нѣкоего достоинѣрна, яко Телець к болярю твоимъ бесѣдова им и рече им: „Искусихъ Лва и разумѣхъ извѣстно мужество его и разум и обрѣтохъ его въ всихъ неполезна”. И отъ таковыхъ словес, о царю, познахъ безстыдье его и препинание: како толико превознеслъ еси его паче всѣхъ и равночестна ся того себѣ сотворил еси, тѣмъ же не токмо же се, но и на убѣение твое уготовися, и сему непрестанно поучається и помыслилъ есть твою похытити власть. И подобаеть царемъ, егда каковаго когда исправятъ кого, смертию его преже низлагати, дондеже хотѣние свое не сврѣшитъ. Сему же бывшу, вси в тишинѣ пребудем. Доволнии бо мудростию челоуѣци всякимъ образомъ тшаться не впаднути въ злаа падения, а меншии разумом и страшливиими впадають убо когда, промышляютъ же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростию, аще и впаднут, никогда же избавления обрящут. И се подобно есть тремъ рыбамъ.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоемъ блатѣ близъ рѣкы три пребиваху рыбы. Отъ нихъ же едина бо бѣше мудрѣйши, другая же маломудра, третья же

пришел, как другие, быстро?” И этот сказал: „Вел я к тебе зайца, друга своего, а какой-то лев встретил меня и схватил его. Сколько ни призывал я его и ни клялся, что этот заяц уже принадлежит льву, он не послушал меня. (...) Если хочешь, я отведу тебя к нему”. Разъярившись, лев сказал зайцу: „Иду за тобой туда, где он”. И заяц повел его к одному глубокому колодцу и велел ему склониться над ним, чтобы увидеть того льва. Заяц тоже склонился с ним и сказал: „Видишь льва, который похитил твоего зайца? И заяц этот у него”. И показал ему в воде отражение льва и свое. Увидев это и решив, что так оно и есть, лев бросился в колодец и захлебнулся».

И сказал Стефанит: «Если ты думаешь, что Бык враг Льву и что ты можешь его погубить, начинай дело». И сказал тот: «Ведь ты и я, и многие другие из нас оказались в презрении из-за возвышения Быка. Если же ты не можешь этого сделать, отступи от такой затеи, ибо она позор и преступление». (...)

В один из дней после того пришел ко Льву Ихнилат, исполненный скорби. Спросил его Лев о скорби и сказал: «Разве что случилось?» (...)

«Случилось кое-что вредное и тебе, и мне. Впрочем, когда высказывается кто и понимает, что высказывания его неприятны слушателю, больше уже говорить не решится, хотя бы было это на пользу слушателю, но когда он видит, что воспринимают его слова, тогда высказывается с усердием и рассудительностью. О царь, когда я увидел тебя, украшенного разумом и мудростью, то осмелился высказаться твоему царскому величеству о том, о чем ты слышать не хочешь. Ты хорошо знаешь, что служба моя известна и праведна, и я надеюсь, что правда откроется тебе в моих словах. А души наши до смерти принадлежат тебе, так что должно, чтобы полезное и нужное я не скрывал от тебя. Ведь не подобает рабу скрывать от своего господина, как и больному не следует скрывать свою болезнь от врача, а бедняку прикрывать нищету свою перед друзьями. А я узнал от достоверного лица, что Бык обращался к вельможам твоим и сказал им: „Испытал я Льва, и тщательно рассмотрел его мужество и ум, и обнаружил, что в этих вещах он ни на что не годен”. По этим словам, о царь, я понял его бесстыдство и коварство: ты так вознес его надо всеми, сравнял его по чести с самим собой, но мало ему этого, он и убить тебя готов, к чему непрерывно себя побуждает, захватить замыслил твою власть. Когда такого разоблачают, нужно, чтобы царь предал его смерти раньше, чем тот исполнит свое намерение. Если так произойдет, мы все пребудем в мире. Ведь люди, достаточно мудрые, всячески стараются избегать несчастных случаев, менее умные и робкие, если оступаются, то изыскивают себе спасение, но совершенно бестолковые, если оступятся, спасения уже никогда не находят. И это похоже на то, что было с тремя рыбами.

Рассказывают, что в одном озере у реки жили три рыбы. Одна из них была мудра, другая — лишь отчасти, третья — ничуть. (...) И случилось

никакоже. (...) И приклучи же ся нѣкая вещь в нѣкій день мимоити два рыбаля при таковѣм блатци, совѣщаста другъ къ другу, яко егда възратятся, уловят рыбы оны. Мудрѣйшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избѣже из блата и поиде к рецѣ, а прочии двѣ рыбы, нерадивѣше о своем спасении, осташа въ блатѣ. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рѣкы со утврѣженіемъ. Еже видѣвши, средоумнаа рыба раскаяся, како преже не избѣже, и рече к себѣ: „Такова естъ нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всуе потщася, обаче елико мощно ми естъ, да хитрствую о своем спасении полезнаа”. Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по водѣ носима бяше. Ей же вѣровавше, рыба, своимъ рукама явше у, и положиша посреде блата и рѣкы. Абие скочивше рыба она в рѣку спасена бысть. Безумнаа же рыба, бѣгавши много сѣмо и овамо, нужно уловлена бысть» (...).

Левъ же рече: «Разумѣх притчу твою, но мнит ми ся, яко нѣсть лести никоеа въ Телци, зане никое зло пострадал естъ от мене». Хнилат же рече: «Зане нѣсть никое зло от тебе, того дѣля на тя толико лукавствует.* Толико бо его възнеслъ еси, яко ни на единъ степенъ взирати, точию на твой. Истовный бо мужъ смирение показует, дондеже и санъ нѣкій достигнет, ему же нѣсть достоинъ, и егда достигнет, мыслит и на другой санъ с лестію преидти. И за ничто ино работает царю, точию еже получить истинное желание. И творится кроток, дондеже достигнет упование, и, егда получит, паки лукавый свойъ обычаи обращается. Якоже и песия опашь естъствомъ крива суши и неисправлена, егда же ужемъ свяжется и протягнется, тогда права, и егда развязана, абие крива суши и развращена по своему обычаю бывает. Сия разумѣй, о царю, яко не приемля от своихъ приятель словеса приятелна, подобно естъ болному мужу, иже врачевнаа была полезнаа горчины ради отвращающася и не хотяща пити, но преслушающа врача. Глаголетъ бо ся, яко болши естъ по огню и по змїямъ ходити, нежели жити съ злосѣвѣтными мужми».

Левъ же рече: «Благоумне глаголеши, аще и сверѣпе. Но убо вмѣнимъ Телца, яко врагъ мой естъ, не возможетъ бо повредити мя, траву бо ясть, а не мяса. Паче азъ, кровядецъ сый, того быхъ снѣлъ».

И псира кориды и пилое.* Ихнилат же рече: «Да ся не прельстиши таковымъ помысломъ. Глаголетъ бо ся, яко аще кто тя учредит, не вѣвѣри ему своа тайны, дондеже видиши вѣру его и друголюбие, да не подобно постражеша, еже и вошка.*

Вошка нѣкаа у нѣкоего велможи в тѣле в мало время крыяшеся, питающися крови его и тихо ползаущи, невѣдома бяше. Въ едину же от ноши приде гостиа ея блоха, яже напрасно и без разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскорѣ вставъ с постеля своя и визскавъ, обрѣте вошку и уби ю. Блоха же, отскочивъ, спасеся. Аще убо ты не убоишися Телца, но егда встанут на тя, иже суть у тебя, тогда убоишися».

однажды такое дело, что шли мимо озера два рыбака и говорили они друг другу, что, когда вернутся, выловят этих рыб. И когда мудрая рыба услышала эти слова, покинула озеро и вошла в реку, две другие рыбы, не заботясь о своем спасении, остались в озере. И вот рыбаки пришли и накрепко отгородили озеро от реки. Увидев это, средняя по уму рыба пожалела, что не выплыла раньше, и сказала себе: „Таков конец нерадивых! Какой теперь хитростью спасусь? Пусть окажется тщетным старанье, все же измыслю я, сколько могу, полезное что-нибудь на свое спасение”. Тут она притворилась мертвой, и, словно мертвую, ее носило по воде. Поверив этому, рыбаки своими руками взяли ее и положили между рекой и озером. Тотчас же прыгнула рыба в реку и спаслась. А глупая рыба, хоть и много плавала туда и сюда, все же была выловлена». (...)

И сказал Лев: «Я понял притчу, но мне не кажется, что Бык коварен, он ведь не видел ничего дурного от меня». И сказал Ихнилат: «Потому-то он и строит козни против тебя, что не видел от тебя ничего дурного. Ты так вознес его, что ему и завидовать нечему, как только твоему положению. Такого рода особа держится смирно, пока не достигнет такой ступени, какой недостойна, а когда достигнет, с коварством замышляет перейти на другую ступень. Он служит царю не за что другое, как только чтобы заполучить то, что в действительности хочет. Он притворяется кротким, пока не достигнет желаемого, а когда заполучит это, снова обращается к своим скверным привычкам. Так и собачий хвост, кривой от природы и невыпрямленный, тогда прям, когда привяжешь к нему веревку и натянешь, а когда веревка отвязана, он тут же будет крив и изогнут, как обычно. Пойми, о царь, что тот, кто не принимает дружеские слова своих друзей, похож на больного, который отворачивается от полезных лекарств из-за их горечи, пить их не хочет, не слушает врача. Говорят ведь, что лучше по огню и по змеям ходить, чем жить со злыми советчиками».

И сказал Лев: «Разумно ты говоришь, хотя и жестоко. Но хоть и признаем, что Бык мне враг, повредить он мне не сможет: он ест траву, а не мясо. Скорее уж я, будучи хищником, съел бы его».

И сказал Ихнилат: «Не прельщайся такими мыслями. Ведь говорят: не вверяй свои тайны тому, кто угощает тебя, прежде чем не узнаешь его верность и дружбу, чтобы не было с тобою того, что было с вошкой».

На теле у одного вельможи пряталась некоторое время вошка и оставалась незаметна, тихо ползая и питаясь его кровью. Но однажды ночью пришла к ней в гости блоха, внезапно и бессмысленно она укусила спящего и разбудила его. Тотчас встав с постели, он начал поиски, нашел вошку и убил ее, а блоха прыгнула и спаслась. Пусть ты не боишься Быка, но, когда поднимутся против тебя те, кто под тобой, тогда забоишься».

Левъ же, таковым словесемъ вѣровав, рече: «Что подобает о сих творити?» Хнилат же, въсприим, рече: «Гнилый зуб инако не исцѣлѣет, точию да извлечетъся, и злаго ястия яд блеванием отгонится». Лев же рече: «Отселе да реку ему, да идет, аможе хошет. И тако избавлюся поношения и печали, ничтоже зла въздавъ ему против службѣ и любве его, якоже мнѣ показа». Ихнилат же рече, знаяше бо добрѣ, яко, аще побѣсудеть Телець со Лвом, уразумѣеть лесть его, того ради рече ко Лву: «Мнит ми ся, яко неполезно тако быти. Аще бо разумѣет Телець, яко ненавидим есть от тебе, на противление и на брань оплѣчится. Мудрии бо царие явѣ мучат *явѣ согрѣшающаго*,* таино мучити таино согрѣшающаго». Лев же рече: «Егда по навадѣ царь нанесет нѣкому муку, а не со истинною и судом, себе паче бесчестит зѣло, и срам *велий** от люди сих ради будет ему». Инилат же рече: «Егда придет к тебѣ Телець, готовъ буди и разсматрай: пръвѣ у очю разумѣеши, яко совѣтникъ есть. Узриши бо измѣнение лица его и трепет удов его, и на десно и на лѣво колебѣющаяся, и рогѣма зѣло бости хотяща». (...) Левъ же рече: «Аще таковаа знамена вижу на нем, вѣрую глаголомъ твоимъ».

Въсхотѣ Ихнилат ити таи к Телцу и въздвигнути его на Лва. Но смыслив, яко аще бес повелѣния Лвова бесѣдуетъ с Телцем, и уразумѣет лесть, Ихнилат же рече: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцю и видя его совѣсть,* и не утаиться съвѣтъ его от бесѣды его». И повелѣ ему Лев поити. Вшед же Ихнилат к Телцу и вниде к нему, дряхлѣ и скрѣби исполненѣ. Телець же с радостию примѣъ его и о коснѣнии въспроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже не приходиши к нам?» Ихнилат же рече: «И кое добро есть, еже не владѣти собою и ходити после господина неистинна и нетверда въ вѣре!» Телець же рече: «Егда приключися вещь нѣкаа нова?» Ихнилат же рече: «И кто может отрѣчи убѣжати? Или кто царемъ работая или приступая без вреда будет? Подобни бо суть владыиши дурным блудным женам, иже многим мужем примѣшаються. Или егда учаться дѣти писменем и приходят и отходят присно, друг друга варяючи. Не веси ли убо дружбу и любовь нашу, яже имѣхом посредѣ нас? И како бых азъ повиненъ тебѣ, зане ты ко Лву приведох, того ради хошу благоразумнѣ бесѣдовати ти. Рече бо нынѣ от вѣрных ми истинных, яко Левъ бесѣдоваше къ своим си, яко: „Хошу Телца снѣсти, одебелѣ бо и отолъстѣ”. И сих слышав, придох сказати тебѣ, яко да промыслиши о себѣ».

Яко бы слыша *Телець* таковаа словеса, изоумѣвся и смысли на длѣзѣ, и рече: «Что зло сотворих Лву или боляром его, яко да таковаа смыслять о мнѣ? Но иже около его позавидѣша ми и нѣчто ложно изрекоша на мя. Лукавии убо и завистливи мужие никогда убо добра за добрых бесѣдуютъ». (...)

Ихнилат же, въсприим, рече: «Нѣсть ти ни от когоже вина, точию от Лва, присно бо той есть нелюбовенъ и нетвердѣ въ вѣре, и неразумливъ: пръвѣ

Поверил Лев этим словам и сказал: «Что же теперь делать?» И сказал Ихнилат в ответ: «Гнилой зуб иначе не вылечить, только что вырвать, а яд от дурной еды извергают рвотой». И сказал Лев: «Пожалуй, я скажу ему теперь, пусть идет куда хочет. Этим я избавлюсь от позора и горя и не заплачу ему злом за его службу и любовь, как он их проявил». И сказал Ихнилат — ведь он хорошо знал, что если поговорит Лев с Быком, то поймет его коварство, — и потому сказал он Льву: «Кажется мне, что так будет нехорошо. Ведь когда Бык увидит, что ты его не любишь, приготовится он к сопротивлению и борьбе. Мудрый царь открыто казнит открытого преступителя, тайно казнит преступителя тайного». И сказал Лев: «Если по наговору предаст царь кого казни, а не по правде и суду, то более себя обесчестит, из-за этого будет ему великий стыд перед людьми». И сказал Ихнилат: «Когда придет к тебе Бык, будь наготове и смотри: воочию сразу увидишь, что он злоумыслитель. заметишь ты, что лик его изменился и члены его дрожат, раскачивается он вправо и влево и рогами сильно бодать намерен». (...) И сказал Лев: «Если увижу такие признаки, поверю твоим словам».

Задумал Ихнилат тайно пойти к Быку и поднять его против Льва. Он сообразил, однако, что если вступит в разговоры с Быком без повеления, то Лев разгадает его ложь, и сказал тогда: «Если велишь, царь, я пойду к Быку, чтобы увидеть его расположение, и в беседе с ним не укроется его замысел». И велел ему Лев пойти. Пошел Ихнилат к Быку и вошел к нему, мрачен, полон скорби. А Бык с радостью встретил его, спрашивая об отсутствии, говоря: «Какая же причина, что не ходишь ты к нам?» И сказал Ихнилат: «А что хорошего в том, чтоб не распоряжаться собою, но быть под господином несправедливым и ненадежным!» И спросил Бык: «Разве что случилось?» И сказал Ихнилат: «А кто убежит от судьбы? Кто останется невредим, служа царям и приближаясь к ним? Властители похожи на скверную блудницу, которая сходится со многими мужчинами. Или как вот дети, когда учатся грамоте, и приходят, и уходят, вечно опережая друг друга. Разве не известны тебе наша любовь и дружба, которые между нами? И все же я в долгу перед тобой, поскольку я привел тебя ко Льву, потому и хочу с благими намерениями обратиться к тебе. Один из честных и верных мне сообщил сейчас, что Лев так говорил своим: „Хочу я съест Быка, он раздобрел и растолстел“. Услышав это, я пришел тебе сказать, чтобы ты заботился о себе».

Как услышал Бык такие слова, долго думал в удивлении и сказал: «Какое зло причинил я Льву или его вельможам, что такое задумали против меня? Позавидовали мне те, кто близок к нему, и что-нибудь лживое на меня наговорили. Коварные и завистливые никогда не скажут хорошего о хороших». (...)

И сказал Ихнилат в ответ: «Ни в ком другом причина, как во Льве: нет у него любви, всегда он ненадежен и неразумен: сперва сладок, а после горек».

сладокъ, а потом горекъ». Телець же рече: «Добрѣ рекль еси. Вкусих бо сладости его прѣвѣ и доспѣх нынѣ до горкаго яда. Ибо не подобает ми быти со Лвом, симъ кровоядцем, травоядецъ сый яз. Несытый мой обычай таковому мя падению приплете. Подобно пострадахъ безумнымъ пчеламъ: имъ же добро мнится състи на нимфеевъ цвѣтъ, и не встають, дондеже листвие, собравшеся, удавит ихъ. Иже нѣсть достоинъ о малѣ имани, но простираа очи свои на многаа и далечнаа, и не промышляет о преднихъ и заднихъ, постражет, яко и мухи: тѣмъ бо не доволно есть лѣтати по цвѣтохъ и по древесѣхъ, но множицею во уши елѣфандовы влетѣвше, удавлены бывають». Хнилат же рече: «Остави многаа и нынѣшня смятрай. Изообрящи совѣтъ, да избавишися отъ смерти».

Телець же рече: «Вѣмъ, яко Лвово помышление благо есть, но околнии его, лукавни суще, разваждають его. И таковое творяще соборище, аще и немощни суть, творятъ и неповиннаго погибнути, якоже волкъ и лисица и гавранъ сотвориша лву».

Глаголетъ бо ся, яко левъ нѣкъй пребываше в нѣкоемъ мѣсте, идже бяше путь нѣкъй близъ. Бяху же тамо три животнаа, любяще друг друга: волкъ и лисица и гавранъ. Купци же нѣции, мимошедше путемъ мимо пути оного, оставиша вѣлблуда на пути и отъидоша. Вѣлблюдъ же пришедъ ко лву, сказа ему, яже о себе. Левъ же рече къ нему: „Аще любиши со мною жити, отпускаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего”. И пребысть тамо немало дни вѣлблюдъ. И единою отъ дни изыде левъ на лов, и стрѣтеся съ елѣфандомъ. И сразившеся, побѣженъ бысть левъ, и едва възратися раненъ и острупленъ и окровавленъ. И леже болѣзнию отяготенъ, ниже ловити уже могый, ни на ловъ поити. Оскудѣша бо пища, и не имяху околнии его, что ясти. И разумѣ о семъ левъ, и рече имъ, яко: „Мнитъ ми ся, бѣжати хошете отъ мене”. „Мы о себѣ попещися имамы и сыти быти, но о тебѣ скръбимъ. И аще быхомъ могли тебѣ плъзу обрѣсти нѣкую, со усрѣдиемъ содѣяли быхомъ”. Онъ же рече: „Не утай ми ся ваше усрѣдие. Но разыдѣтеся отъсуду, яко да обрящете пищу себѣ же и мнѣ”. Они же шедше близъ нѣгдѣ, совѣщаста другъ къ другу, глаголюще: „Что намъ обещано съ вѣлблюдомъ симъ, травоядцемъ инороднымъ? Но аще годѣ, да сотворимъ лва състи его”. Лисица же рече: „Се не мощно намъ изрещи къ лву о семъ явѣ, зане обѣщанье иматъ любезна къ нему левъ”. Гавранъ же рече: „Будите здѣ на мѣсте семъ и оставите мене единого поити къ лву”. И тако бо поиде. Яко видѣ его левъ и рече къ нему: „Что пришелъ еси? Еда нѣчто приключися?” Онъ же рече: „Како намъ хошетъ добро быти со иноплеменнымъ симъ вѣлблюдомъ? Но аще хошеша, слушай насъ”. Левъ же прогнѣвавъся и рече: „Оле, дрѣзости и сверѣпства! Не веси ли, яко обѣщанья любезна и согласна къ нему сотворихъ? Не подобаша ти ко мнѣ таковыа бесѣды глаголати, не подобаша мнѣ се сотворити”. (...) Гавранъ же рече: „Добрѣ судилъ еси, о царю. Но единая душа за всего дома предаеться, и домъ о градѣ, и градъ о всей странѣ, и страна вся о цари. И мы нынѣ о тебѣ стражемъ и скръбимъ о лишении брашенъ, и не обращемъ

И сказал Бык: «Ты верно сказал. Отведал вначале я сладости его, а теперь вот добрался до горького яда. Ведь не подобало мне быть вместе со Львом, этим хищником, когда я травоядный. Жадность моя впутала меня в это несчастье. И страдаю я, как глупая пчела: хорошо ей кажется сидеть на цветке нимфее, она и не покидает его, пока лепестки не соберутся и ее не удавят. Кто не довольствуется малым, а устремляет свои взоры на многое и дальнее, не задумываясь о причинах и следствиях, добьется того же, что мухи: им ведь недостаточно, чтобы летать на цветы и деревья, вот и оказываются они задавлены, влетев порою в слоновьи уши». И сказал Ихнилат: «Оставь постороннее и рассмотрим предстоящее. Поищи способ, чтобы спастись от смерти».

И сказал Бык: «Я знаю, что мысли Льва праведны, но ближние его, будучи коварны, делают его подозрительным. Хоть они и бессильны, но, соединяясь в такие союзы, приведут к гибели и невинного, как это сделали со львом волк, лиса и ворон».

Рассказывают, что в одном месте, поблизости от дороги, обитал лев. И были там трое животных, друживших друг с другом: волк, лиса и ворон. И какие-то купцы, двигаясь по этой дороге, оставили на ней верблюда и ушли. А верблюд, придя ко льву, рассказал ему о себе. И сказал ему лев: „Если хочешь быть со мной, позволяю тебе, и заживешь ты у меня в веселии, довольстве и покое до конца дней твоих”. И верблюд провел там немало времени. Но однажды пошел лев на охоту и встретился со слоном. Они вступили в бой, и лев был побежден, так что, раненный, едва вернулся в язвах и крови. И лег он, отягощенный болезнью, не в силах охотиться и даже пойти на охоту. Иссякла пища, и у ближних его не было чем питаться. Подумал про это лев и так сказал им: „Кажется мне, что убежите вы от меня”. „Мы в состоянии позаботиться о себе и быть сытыми, мы о тебе скорбим. Если бы мы могли принести тебе какую пользу, мы бы охотно все сделали”. И сказал он: „Ваша заботливость не укрылась от меня. Разойдитесь по сторонам, чтобы найти пропитание себе да и мне”. И они отошли недалеко и рассуждали друг с другом, говоря: „Что у нас общего с этим верблюдом, травоядным инородцем? И если получится, устроим так, чтобы лев его съел”. И сказала лиса: „Мы не можем открыто предложить это льву, поскольку лев связан с ним дружеским обетом”. И сказал ворон: „Оставайтесь на этом месте и дайте мне одному пойти ко льву”. И с этим он пошел. Как увидел его лев, сказал ему: „Зачем ты пришел? Или что-нибудь случилось?” И сказал тот: „Разве будет нам что-нибудь хорошее с чужеродным этим верблюдом? Ты послушай нас, если хочешь”. Разгневался лев и сказал: „Увы, какая дерзость и свирепость! Известно ли тебе, что я положил с ним дружеский договор и обет? Не пристало тебе говорить мне такие слова, не пристало мне такое делать”. (...) И сказал ворон: „Правильно судишь, царь. Но одна душа отдается за весь дом, а дом за город, а город за страну, а вся страна за царя. А мы теперь страдаем за тебя и скорбим об отсутствии пищи,

ти плъзы, да избудеши поношения”. И сия рек, възратися къ своему и дружинѣ, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему бесѣдова. Они же смыслиша вещь таковую, яко вси вкупѣ приступят ко лву и кождо себе дати лвови въ снѣденіе. И егда един о себѣ речет, тогда другий да отвѣщает: „Нѣси потребенъ”, дондеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще съ собою и велблюда. Пръвѣ убо гавран рече: „Зрю тя, о царю, зѣло немощию отяготена и несытием посрамлена. И много быша благодѣанія твоа на мнѣ, но не имам что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снѣжь мя”. Они же рѣша: „Престани блядити, мал бо еси тѣлом и худ”. Лисица же рече: „Да аз убо, о царю, доволнаа пища будеть ти днесь”. Волкъ же рече: „Пристани и ты, смрадно бо есть твое тѣло и на пишу непотребно. Паче аз на пишу угоденъ есмь и готовъ и усръденъ”. Гавран же и лисица вкупѣ отвѣщеваху: „Иже нѣсть вкусил песья мяса твоа, да вкусит, и в недугъ впасти имать чревный”. Мняшесе бо и велблюд, яко и о нем имут отложити, и рече: „Аще и вси непотребни суть, но и азъ плоти многи имам и на пишу сладок есмь”. Они же вкупѣ велми рекоша: „Истинну рекль еси, о велблуде!” И нападше на нь растрѣгоша и напрасно.

Боюся убо, да не и азъ тако же постражу от слуг Лвовых. Аще бо и Лев моя погыбели не хошет, но околнии его поучают его на таковое дѣло. Капля бо часто каплуши измывает камень. Тѣм же *уготовлюся* на противление его. Нѣсть бо такова плъза и похвала ни постнику, ни милостиву, ни молящемуся, елика есть тому, еже избавити себе от смерти, аще и на единъ час». (...)

Ихнилат рече: «Не подобаеть никому о своемъ спасеніи не радати, но преже хитрити и потом въ брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряется, дондеже ниизложит их.* Послушай убо мене, полезная ти бесѣдую. Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоем источницѣ пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Нѣкогда же по днех мнозѣх оскудѣ вода от источника. И достуживше си норци, восхотѣша бѣжати от мѣста оного. И рече им желва: „Вам убо нѣсть печали о оскудѣнии воды. Вѣм бо, яко лѣтающе крилы своими обрѣсти имате воду. (...) Но мнѣ, оканнѣй, горѣ! Камо заплзѣти или гдѣ? Молю вы ся убо, возьмите и мене съ собою и принесите аможе хошете”. Норци же рекоша: „Аще не преже обѣщаешиси намъ, яко да не проглаголеши, дондеже отнесем тя, не имаши поити с нами”. Она же съ клятвою обѣщася им не проглаголати на пути. И вземше норци древо право, повелѣша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу вземше, въздвигоша на въздух съ собою и желву. Случи же ся нѣкоим челоуѣком путем онѣм мимоити (...) възрѣша горѣ и видѣша желву между норець висящу, удившася, глаголюще: „Видѣти чюдо и знаменье, желва бо посредѣ двою норець на въздусъ летит”. Желва же, слышавши се, отврѣзе уста своа проглаголати противу бесѣде имъ, и

но не находим ничего пригодного, чтобы избавиться тебе от беды”. Сказав это, он возвратился к своим друзьям и рассказал им все, что услышал от льва и что сказал ему. И они придумали так, чтобы всем вместе прийти ко льву и каждый предложил бы себя льву на съедение. И когда один скажет на себя, то другой кто-нибудь ответит: „Ты не подходишь”, — пока не дойдет черед верблюда. Придумали они это и пришли ко льву, взяв с собой и верблюда. Вот вначале сказал ворон: „Вижу царь, что ты очень отягощен болезнью и опозорен голодом. Много было мне от тебя благодеяний, но кроме самого себя нет у меня ничего, чтобы принести тебе. Теперь же без колебаний съешь меня”. И сказали другие: „Перестань пустословить, ведь мал ты и худ телом”. И сказала лиса: „Так уж я, о царь, буду тебе сегодня достойной пищей”. И сказал волк: „Перестань и ты, ведь зловонно тело твое и в еду не годится. Лучше я с готовностью и усердием послужу едой”. Но ворон с лисой вместе отвечали: „Кто не едал твоего собачьего мяса и съест, тот обязательно заболит животом”. Тут верблюд решил, что и его отвергнут, и сказал: „Раз уж все негодны, так вот я много мяса имею и вкусен в пищу”. А они все вместе вскричали: „Правду говоришь верблюд!” И, набросившись на него, немедленно его растерзали.

Вот и я боюсь, что также пострадаю от Львовых слуг. Если даже Лев моей гибели не желает, то его ближние наущают его на такое дело. Ведь и капля, часто капая, источит камень. Поэтому я изготавлюсь к борьбе с ним. Нет такой пользы и похвалы ни постнику, ни милосердному, ни молящемуся, как тому, кто спасет себя от смерти, хотя бы на одно мгновенье». (...)

Сказал Ихнилат: «Каждому нужно заботиться о своем спасении, но сперва хитрость, а уж потом готовиться к войне. Мудрый человек не покорится, пока не свергнет их. Вот послушай меня, я скажу полезное тебе. А тот, кто не принимает дружеских слов своего друга, пострадает, как черепаха.

Рассказывают, что в одном водоеме жили два нырка и черепаха, и жили они в дружбе. И вот по простествии времени иссякла в водоеме вода. Загрустили нырки и захотели покинуть это место. А черепаха сказала им: „Нет вам горя, что иссякла вода. Уж я знаю, что, летая на крыльях своих, вы обязательно найдете воду. (...) Но горе мне, несчастной! Куда мне пристроиться, где? Умоляю вас, возьмите и меня с собой и перенесите куда хотите”. И сказали нырки: „Ты не отправишься с нами, если прежде не пообещаешь, что не произнесешь ничего, пока мы не перенесем тебя”. И она клятвенно обещала им не говорить в пути. Взяли нырки прямое деревце и велели ей закусить деревце посредине. А когда черепаха закусила деревце, нырки взялись за концы его и подняли с собой на воздух черепаху. Случилось, что проходили какие-то люди (...) взглянули вверх, увидели, что черепаха висит между нырками, и удивились они, говоря: „Глядите на чудо и знаменье: ведь черепаха между двумя нырками по воздуху летит”. Услышала это черепаха, открыла рот, чтобы ответить на их слова, и так вот —

такo отвръзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако збудется, иже не съвршаает обѣщание».

Телець же рече: «Не тако безстудно начну о Лвовѣ погыбели». Ихнилат же рече: «Аще видиши на Лвѣ знамение таково, вѣруй моим словесем: сирѣчь очи дивнии кровавыи, устрѣмление неодръженно и колѣбание часто опаши его, тогда разумѣй, яко на тя готовится».

Таже вниде Телец ко Лву, видѣвъ его измѣнена образом и знамениа вся, яже рече ему Ихнилат показующа, и ярости наполнився и рече: «Болши есть въ гнездѣ змиевѣ пребывати, нежели у царя». И сия рек, на противление Лву ста. Видѣвъ же Левъ таковая, приплетеса с ним на брань.

Бяше же тамо Стефанит; призва своего друга Ихнилата и рече: «Вижь и леть, юже еси сшил, и кончину сматрай. Лва бо посрамил еси и Телца погубил еси. Не вѣси ли, яко мудрый прѣвосовѣтник царевъ не оставляет его на брань устремитися, аще миром мощно есть уткмение быти, аще и врази немощни будут? Мудрость бо многосилныя побѣждает. Аз же отнелиже видѣх твою гордость и лакомство и разумом познах, яко не имаши добро сотворити. Ничтоже бо ино не погубляет владалца, точию же примати словеса от таковых, якоже еси ты. (...) Украшает словеса разумом, а разум правдою, подавание — тихость, благозрачие образа — душевнаа красота, богатство же — и милостыни, еже къ требующим, а животу — здравие и веселие. Разумѣй о сих, яко разумом бодръ есть мудрый, и упивается неразумиємъ безумный. Тако бо стражут и лиинаковии очи,* зане праздныи не могут видѣти, того ради в нощи лѣтают. Всяк бо царь, иже таковы рабы имат, подобень есть водѣ чистѣ и краснѣ, испльненѣ же внутрь ядовитых звѣрей,* и еже водѣ не смѣет приближитися, аще и зѣло безводием опалается. Ты бо никогоже въсхотѣл еси присвоитися, паче тебе у Лва. Но царство съ множеством люди *состоится*, якоже море со своими волнами, и тако бо страшно плавающимъ является. Безумно бо есть, еже временно любити кого, и радоватися погыбели дружнѣй, а себѣ плъзы искати. Совѣта блага ничтоже крѣпчайши, и дѣла прогадлива ничтоже пакостнѣйши. К сим же вѣм, яко зане ти таковая бесѣдую и поучаю тя, тяжек ти являюся. Рече бо от мудрых: не обличай безумна, да не возненавидит тебе.*

Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша* ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт: „Елико есть требѣ, возмем от злата, а прочее в земли да скроем. И егда требуем, да вземлем по малу, дондеже все изнурим“. И сим образомъ дружба их на длъго врѣмя пребысть, вѣрова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно под дровом нѣкоим, велием дубом, и съкрывше възвратишася въ своя. По нѣкихъ же днех изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени нѣкоемъ рече препростый лукавому: „Поидем, аще ти есть годѣ, и возмем нѣкую часть от злата, еже

открыв рот, чтобы ответить — упала на землю и разбилась. Так будет с тем, кто не исполняет обещание».

И сказал Бык: «Так бесстыдно я не возьмусь за погубление Льва». И сказал Ихнилат: «Верь слову моему: если увидишь у Льва такие признаки, а именно: взор странный и кровавый, неудержимая страсть и частое биение хвоста, — тогда знай, что на тебя напасть он готовится».

Когда вошел Бык ко Льву и увидел, что тот изменился и проявляет все признаки, о которых говорил Ихнилат, наполнился он ярости и сказал: «Лучше находиться в змеином гнезде, чем у царя». Сказал так и приготовился к битве со Львом. А Лев увидел это и вступил с ним в бой.

Там был и Стефанит; призвал он своего друга Ихнилата и сказал: «Гляди на козни, которые ты устроил, и рассмотри конец. Льва ты опозорил, а Быка погубил. Разве ты не знаешь, что, даже когда враг бессилен, мудрый царский первосоветник не позволяет царю идти на бой, если можно миром уладить? Мудрость и многомогших побеждает. Теперь увидел я твою гордость и алчность и понял, что не можешь ты творить добро. Ничто другое не губит властителя, как принимать советы от таких, каков ты. (...) Слова украшены разумом, а разум — правдою, подаяние — кротостью, привлекательность внешности — душевной красотой, богатство же — милостыней нуждающимся, а жизнь — здоровьем и радостью. Пойми и то, что мудрый от разума бодр, а безумный от неумия пьян. Так же страдают глаза летучих мышей: пустые, они не видят, потому мыши ночью и летают. Всякий царь, у которого такие слуги, похож на чистый прекрасный водоем, полный в глубине ядовитых животных, так что не решишься подойти к воде, даже если тебя сжигает жажда. Ты вот не захотел, чтобы кто-нибудь приблизился ко Льву ближе, чем ты. Но царство состоит из множества людей, как море из волн, поэтому-то оно и кажется страшным тем, кто плышет. Безрассудно, любя кого-нибудь, радоваться гибели ближнего, а себе искать пользы. Нет ничего сильнее хорошего совета и ничего вреднее скверного дела. Впрочем, знаю, что я в тягость тебе, говоря тебе это и поучая тебя. Сказал ведь один мудрец: не обличай безумного, чтобы не возненавидел он тебя».

Рассказывают, что в студеную зимнюю пору оказались на одной горе две обезьяны и нашли там золотой клад и, спустившись оттуда, зарыли его в земле, и думали думу: „Возьмем золота, сколько нужно, а остальное в земле спрячем. И когда потребуется нам, будем брать понемногу, пока все не израсходуем”. И таким вот образом их дружба продолжалась много времени, ведь простак верил тому лукавцу. И зарыли они золото под деревом, большим дубом, а спрятав, вернулись восвояси. А лукавец через несколько дней отправился тайно и выкрал все золото. Через какое-то время простак сказал лукавцу: „Пойдем, если хочешь, и возьмем немного из золота, которое у нас в земле”.

имама в земли". И шедше и землю раскопавше, ничтоже обрѣтоша. Начат убо лукавый власы своа трзати и пръси своа бити и въпити на препростаго, яко: „Съкровище украл еси". Препростый же тмами клятвами того утвержаше, яко: „Ничтоже тако сотворих", конѣчнее же к нѣкому судѣ приведе его. Судья же рече: „Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие". Он же рече: „Дуб сам свидетельствует истинну, аще и безгласен есть". И шед ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себѣ, и умоли его, да внидет в дубъ, бѣше бо дубъ он дуплень, и да проглаголетъ из дуба, яко препростый взял есть съкровище. Отець же его сие рече: „Азъ убо сие створю, но блюди, да не въ своихъ сѣтехъ ятъ будеши". И шед отецъ его вниде в дубъ. (...) И судьи пришедшу и въспросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препростый взялъ есть сокровище. (...) Се убо слыша судья и разумъ лукавство, и повелѣ дуб запалити огнем. И яко разгорѣся огонь, и възыде дым на скрытаго оного, и напрасно възпи, и извлечень бысть. И лествъ исповѣда, и зѣло мучен бысть и съ сыномъ своим. И отъяша им злато, тако бо повелѣ судья быти, и възратиша все препростому. Таковая бо есть лукаваго челоуѣка и льстиваго кончина. Азъ бо всегда твоего языка бояхся, яко и зубъ змиевъ. И добръ бо рече, рекый: „Бѣгайте лукавыа мужа, аще и сродници и ближнии суть". Подобно сотворил еси купеческое.

Глаголетъ бо ся, яко купецъ нѣкий, хотя поити на купни, положи полог у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бѣше полог, и рече ему: „Дай же ми желѣзо, еже положих у тебе". Он же рече: „В нѣкоем кутѣ дома моего погребохъ твое желѣзо и изѣдоша е мышкы. И не жали си о том, понеже к намъ здравъ пришель еси. Но приди к намъ днесъ, да обѣдуемъ и порадуемъ о твоемъ прибытцѣ и доходе". Он же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣде, изыде поити в дом свой, и стрѣте сына челоуѣка того, емуже бѣше предал желѣзо. И ят его, отведе в домъ свой и скрывъ его в куши. И възратися, обрѣте челоуѣка оного въпрашающа всѣхъ о сынѣ своем, и рече к нему: „Аще сына своего ищещи, видѣхъ его на въздусъ носима от орла". Он же възгласив и рече: „Видѣсте ли орла челоуѣкы носяща по высотѣ?" Он же рече: „Ей! Идѣже мышевъ желѣзо ядят, ту и орлы челоуѣкы въсхыщаютъ на высоту". Он же позна уме не бывшее, възврати желѣзо, елико бѣше приялъ, а сына своего взят.

Тако и ты посрамишися, о Ихнилате, зане ложнаа словеса плетещи. Но злый ничтоже не обрѣтает, точию да ся зовет зол. Горкый бо плод, аще и множицею помажется медом, не отлагает своая горчины въ сладость. Похвално бо еже с мудрыми мужми любитися и бесѣдовати с ними, от лукавыхъ же и злыхъ отбѣгати. Якоже бе вѣтръ смрадъ вземлет и носит повсуду и просмражаетъ всѣхъ, тако иже с лукавыми челоуѣкы бесѣдовати, просмражается от него. Тѣм же и еще мнит ми ся, яко тяжекъ ти ся являю, зане ты тако поучаю. Ненавидятъ бо

Пошли, раскопали землю и ничего не нашли. Стал тут лукавец рвать на себе волосы, бить себя в грудь и кричать на простока, что сокровище, дескать, он украл. С тысячами клятв утверждал простак, что не сделал, дескать, ничего такого, но тот в конце концов привел его к судье. И сказал судья: „Раз ты возводишь на простака обвинение, приведи улики”. И сказал тот: „Сам дуб засвидетельствует истину, хотя и безгласен”. Отправился лукавец к своему отцу, рассказал ему все и упросил его влезть в дуб — а дуб был с дуплом — и проговорить из дуба, что простак взял сокровище. И сказал его отец так: „Я-то сделаю это, но смотри не попадись в свои сети”. Пошел отец и влез в дуб. (...) И когда пришел судья и обратился к дубу с вопросом, то из дуба раздался голос, что простак взял сокровище. (...) Услышал это судья и разгадал коварство, и велел он зажечь дуб огнем. Как разгорелся огонь и подступил дым к укрывшемуся там, сразу же тот завопил, и был вытасчен оттуда. Раскрыл он обман и был жестоко наказан вместе со своим сыном. А золото отняли у них, как велел сделать судья, и все вернули простаку. Таков конец коварного и хитрого человека. Я же всегда боялся твоего языка, как змеиных зубов. Верно сказал сказавший: „Удаляйтесь от коварного человека, даже если вы в родстве или близки с ним”. Ты сделал похожее на то, что было с купцом.

Рассказывают, что один купец, отправляясь на торг, за сто серебряников положил железо в заклад одному человеку. А когда вернулся с торга, пришел к тому, у кого был заклад, и сказал ему: „Дай-ка мне железо, которое я у тебя положил”. И сказал тот: „Зарыл я твое железо дома в одном углу, и изъели его мыши. Да ты не жалей об этом, ведь ты возвратился в здоровье. Приходи же к нам сегодня, мы отобедаем и порадуетесь твоей прибылью и доходу”. Послушался он и отобедал у того. Вышел он после обеда, чтобы идти к себе домой, и встретил сына того человека, которому заложил железо. Взял он его, отвел к себе домой и спрятал в сенях. Возвратившись, он увидел, что тот человек спрашивает всех о своем сыне, и сказал ему: „Если ищешь сына своего, видел я, как нес его орел по воздуху”. А тот вскричал и говорит: „Видано ли, чтобы орел поднимал людей на воздух?” И сказал купец: „Конечно! где мыши едят железо, там и орлы уносят людей вверх”. И тот сообразил, что произошло, возвратил все железо, сколько принял, а сына своего забрал.

Так и ты, Ихнилат, опозоришься тем, что сплетаешь лживые слова. Ничего не приобретает дурной, только что назовут его дурным. Хоть сколько мажь медом горький плод, не переменит он своей горечи в сладость. Похвально дружить и общаться с мудрыми людьми, а от коварных и дурных удаляться. Вот как ветер подхватит зловоние, носит его повсюду и заражает зловонием все, так и с коварными людьми водиться, — заразишься зловонием от них. И снова мне кажется, что в тягость я тебе, раз так тебя поучаю. Всегда ведь

безумнии людие мудрыхъ присно, а ненаказанныи наказанных, и злии незлобивых, и развращенныа благых».

И сия бесѣдующим им посреде себе, и уби Телца Лев. И по убьении его раскаяся Лев о убьении его. Ихнилат же шед ко Лву и видѣ его дряхла и рече: «Почто раскаялся еси о Телци? Не веси ли, яко укълоснувши непрѣтка* персть нѣчий, напрасно персть отсѣкается, да не все тѣло обоимет и погубит; и не милует своего прѣста за ради всего тѣла своего».

Тако убо, рече философ, злый и лукавый муж, аще себе примѣсит посреде друзей, любовь и дружбу имущих, во вражду и въ мятеж претворить любовь их.

Царь же рече к философу: «Извѣсти ми о Ихнилатѣ по убьении Телчи».

Философ же, восприим, рече:

По убьении Телца изыде вонъ Леонтопардос, иже бяше учитель Лвовъ и вѣрный совѣтник, и приступи ко вратом Ихнилатовѣм, и услыша Стефанита крамоляща и поношающа Ихнилата, о нихже сотвори на Телца, яко: «Не убѣжиши, рече, от Лвовыхъ рукъ, и аще таковаа увѣсть». Сия слышав, Леонтопардос уразумѣ все подробну и, вшед к матери Лвовъ, и сказа ей вся, елика слыша.

И егда бысть утро, приде мати Лвова къ сыну своему. Видѣвши его дряхла и скрѣбна, и кающася о смерти Телца, и рече к нему: «О чадо, раскаяние и печаль ничтоже ино творит челоуѣку, точию тѣлу искушение и уму омрачение, но бодрѣ буди и не жали си. Въм бо и без рѣча твоего, яко и за Телца жалиши и малодушествоуеши, егоже без вины погубил еси. Аще бы ты праведенъ царь, подобаше ти разсудити о нем. Глаголетъ бо ся, яко отдавай друг другу сердца. Рци ми убо, яко имѣлъ еси у себе Телца?» Лев же рече: «Присно убо Телець любовен ми бяше, и вѣровах ему о всем, и наказаниа его приемлях, и не бяше ми от поучения его никое зло. Нынѣ же паку каюся и оскрѣбляюся о смерти его, зане познаваю, яко неповинен ми бяше, но прельстихся словесы ложными льстиваго Ихнилата». Лвова же мати рече: «Услышах нѣ от коего достоинновѣрнаго, яко зависти ради облъга у тебе Ихнилатѣ Телца». Лев же рече: «Кто есть сказавый тебѣ?». Она же рече: «Подобает тайны своихъ любовныхъ соблюдати. Не храняй бо тайны обесчестивает свою съвѣсть и свою вѣру посрамляет». Лев же рече: «Во иныхъ притчахъ соблюдати таковаа, а инде же явлена суть словеса подобает да ся явить истинна. Яко да обидимымъ мщение обрящет, тѣм же подобает согрѣшение прикрывати. Праведенъ царь не клеветами мучит, ни облыганиемъ томит, но истинною и правдою. Боюся, да не такоже раскаюся о Ихнилате, якоже и о Телци»: Мати же Лвова рече: «Не надѣяхся да ся боиши от моихъ словесъ». Левъ же рече: «Не боюся словес твоихъ, но хошу истинну на съвѣт извѣсти». Она же рече: «Боюся да створиши, и безчелоуѣчна явлюся».

ненавидят безумные мудрых, а неучи ученых, скверные нескверных и испорченные хороших».

Так беседовали они между собой, а Лев убил Быка. Но после этого раскаялся Лев в его убийстве. И пришел ко Льву Ихнилат, увидел, что он печален, и сказал: «Зачем раскаялся ты из-за Быка? Разве не знаешь, что, когда змея укусит в палец, тут же отсекают палец, чтобы все тело не охватило и не сгубило; ради всего тела не жалеют палец».

Вот так, сказал философ, дурной и коварный человек превратит любовь во вражду и смуту, если пристроится к друзьям, поддерживающим дружбу и любовь.

И сказал царь философу: «Сообщи мне про Ихнилата после гибели Быка».

В ответ философ сказал:

После гибели Быка Леопард, а он был учитель и верный советник Льву, вышел и приблизился к Ихнилатовым воротам и услышал, как Стефанит корил и попрекал Ихнилата за то, что тот сделал с Быком, и как раз говорил: «Не спасешься от рук Льва, если он все это узнает». Услышав такое, Леопард понял все до конца, пришел он к матери Льва и сказал ей все, что услышал.

А когда настало утро, мать Льва пришла к своему сыну. Видела она, что он в унынии и скорби, и в раскаянии об убийстве Быка, и сказала ему: «О дитя, раскаяние и печаль ничего другого не дают, лишь тело изнуряют и дух помрачают, а ты будь бодр и не скорби. И без слов твоих знаю, что скорбишь ты и страдаешь за Быка, которого безвинно погубил. Если был ты справедливый царь, должен был ты думать о нем. Ведь говорится, что нужно воздавать друг другу сердцем. Скажи-ка мне, как обходился ты с Быком?» И сказал Лев: «Всегда любезен был мне Бык, во всем я доверял ему, принимал его уроки, и не было мне ничего худого от его поучений. И теперь еще раскаиваюсь я и скорблю о его смерти, потому что вижу, что был он невиновен предо мной, а я поддался на лживые слова хитрого Ихнилата». И сказала мать Льва: «Я слышала от достойного доверия, что Ихнилат по зависти оклеветал перед тобой Быка». И сказал Лев: «Кто это сказал тебе?» И сказала она: «Должно хранить тайны своих друзей. Не хранящий тайну бесчестит свою совесть и посрамляет доверие к себе». И сказал Лев: «Этого нужно держаться в других случаях, но там, где объявлены слова, следует, чтобы и истина объявилась. Чтобы исполнилась месть за пострадавших — вот чем следует покрывать проступки. Справедливый царь не по клевете казнит, не по наушничанью теснит, но по правде и истине. Боюсь, что и об Ихнилате будут так же раскаиваться, как о Быке». И сказала мать Льва: «Не думала я, что усомнишься ты в моих словах». И сказал Лев: «В словах твоих не сомневаюсь, но хочу я правду вывести на свет». И сказала она: «Я боюсь, что, если ты сделаешь это, я окажусь бессовестной».

Сия убо слышав Левъ от матери своея, призва вся околныя своя. Призва же Ихнилата. Видѣвъ же Ихнилат Лва дряхла, рече къ ближним своим: «Что се зрю бо Лва скръбна и жалости исполнена?» Отвѣщавши же мати Лвова и рече: «Не за ино что жалует, точию зане тя есть оставил доселе с живыми ходити. Претворил бо еси лестью оканного Телца убити».

Ихнилат же рече: «Вижь, яко всякъ, тшайяся на благое, готовъ есть да зло постражет. Того бо ради оставиша пустынницы, еже съ челоуѣкы пребывание, и изволиша пустыня. Аз бо, яко приятель Лвовъ, сказах ему, яже о Телци. Огнь бо съкровенный въ кремыщъ желѣзом изгонится, и согрешениа елико испытаются и исправятся, толико паче исправятся и открываються. Аще бых вѣдалъ, яко согрѣшил есмь, не бых убо здѣ был, но в нѣкоем мѣсте сокровеннѣ пребывал бых. Молюся царскому величеству, яко да испытает извѣстно, еже о мнѣ, или самъ, или иному повелит праведному испытателю, иже не имать истинну в лъжу претворити, ниже на лица судити, ниже имат послушати моя завистники. Многы бо таковыа клеветники приобрѣтох нынѣ за любовь, яже имяше ко мнѣ царь. Аще ли се не сотворится о мнѣ, не имам къ кому прибѣгнути, точию къ Божию благоутробию, иже испытает сердца и утробы.* И к сим же не боюся смерти, зане оставлена есть всякому смерть. И аще бых имѣл тмами душъ, не бых пощадѣл их царева ради угождения». И отвѣщав нѣкто от боляръ, рече: «Не бесѣдуй таковаа о царевѣ любви или о своей работѣ, но о нихже беззаконновалъ еси, отвѣщай». Ихнилат же рече: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их? И аще азъ о себѣ не отвѣщеваю, кому печаль отвѣщевати о мнѣ? Но проявил еси предъ всѣми зависть, яже еси имѣлъ в себѣ, и показался еси, яко не друголюбенъ и не твердъ въ вѣре. Остави же предстояти цареви, не достоин бо ти такоу завистливу предстояти цареви». Сия слышавъ, он изыде уныл.

Лвова же мати рече ко Ихнилату: «Дивлюся твоему сверѣпству, о Ихнилате: яко таковаа дръзну беззаконна сотворити, безсрамныа глаголы к намъ бесѣдуеши». Ихнилат же, восприем, рече: «Почто мя единѣмъ оком зриши? Не веси ли, яко изначала двѣ оцѣ имаши? Но яко по пророку вси уклонишася вкупѣ и непотребни быша,* нѣсть ни единъ, иже правду любит и истинну. Царь бо за излихиа своа благодати не обличает мя, ни страшит». Она же рече: «Видите лукаваго сего и неистовнаго, како толика беззаконнаа содѣлавъ и въ великаа впад согрѣшениа, превратити начинает истинну и хошет нас словесы своего лукавства прельстити!» Он же рече: «Нѣсть лѣпо женам в мужская вещи входить, ни мужу в женскаяа. О горе мужу и дому тому, идѣже жена владѣет! Безуменъ есть, иже предъ царемъ отвѣщеваает без вопрошениа. Иже злая творит, неприятенъ никомуже, ниже отражает приходящаа злаа». Мати же Лвова рече: «Да ти ся не мнит, о невѣрнице, яко убѣжати хошеши от

Услышал это от матери своей Лев и призвал всех своих приближенных. И Ихнилата призвал. Ихнилат увидел, что Лев в унынии, и сказал окружающим: «Что же это я вижу, что Лев в скорби и печалью охвачен?» А мать Льва сказала в ответ: «Печалится он ни о чем другом, лишь о том, что позволил тебе до сих пор быть среди живых. Ты же ведь хитростью добился, чтобы погубить несчастного Быка».

И сказал Ихнилат: «Заметь, что всякий, кто стремится к добру, должен быть готов терпеть зло. Потому-то отказались пустынные от того, чтобы быть с людьми, и предпочли пустыню. Ведь я, как друг Льва, все про Быка ему сказал. Огонь, скрытый в кремне, извлекается железом, а преступления чем больше расследованы, тем больше выявлены, а чем больше выявлены, тем больше открыты. Если бы знал я, что совершил преступление, не был бы здесь, но был бы в тайном каком-нибудь месте. Я прошу у царственного величества, чтобы все, что касается меня, он внимательно расследовал — сам ли или другому поручил справедливому следователю, кто бы мог не превращать правду в ложь, судить нелицеприятно, не слушать моих завистников. Много теперь против меня таких клеветников из-за любви, которую питает ко мне царь. Если не исполнят это в отношении меня, не будет у меня к кому прибегнуть, только к милосердию Бога, который „испытует сердца и утробы“. К тому же я не боюсь смерти, ведь смерть назначена каждому. И пусть бы у меня были тысячи душ, не пожалел бы я их, чтобы угодить царю». И один из вельмож сказал в ответ: «Не рассуждай о царской любви или о своей службе, отвечай о том, в чем нарушил закон». И сказал Ихнилат: «О безрассудный, разве ты не знаешь, что нет ничего дороже для живущих, чем душа? И если я за себя не отвечу, кому забота отвечать за меня? А ты перед всеми открыл зависть, которая скрыта в тебе, и оказалось, что ты недружелюбен и ненадежен. Не смей находиться при царе, такой завистник не достоин находиться при царе». И тот в унынии удалился, услышав такое.

И сказала мать Льва Ихнилату: «Удивляюсь я, Ихнилат, твоей необузданности: ты осмелился совершить этокое беззаконие и еще обращаешься к нам с бесстыдными словами». И сказал Ихнилат в ответ: «Почему глядишь ты на меня одним глазом? Разве ты не знаешь, что от рождения у тебя два глаза? Ведь, согласно пророку, все без исключения уклонились и сделались непотребными, нет ни одного, кто любит правду и истину. Царь вот по безграничной своей доброте не обличает меня и не угрожает мне». И сказала она: «Глядите на этого коварного и нечестивого, как он, впад в такое беззаконие и совершив великое преступление, начинает искажать правду и хочет обольстить нас речами своего коварства!» И сказал тот: «Нехорошо, чтобы женщины вмешивались в мужские дела, а мужчины в женские. Горе тому мужу и тому дому, где правит жена! Безрассуден тот, кто отвечает царю, когда его не спрашивают. Кто творит зло, тот ни к кому не дружелюбен и не защитится от будущего зла».

осудительнаго мучениа, аще и многословия плетеши». Ихнилат же рече: «Таковии суть, иже ложная творят, и от правды укланяющесе, и ни въ словесѣх своихъ, ни в дѣлах утвержени». Видѣвъ же мати Лвова Лва ничтоже о сих глаголюща и рече: «Солгаша, елика глаголаша на Ихнилата, яко истинну бесѣдует, иже пред царемъ съ дрѣзновением глаголетъ, и ни от когоже възбраняемъ».

Тогда повелѣ царь в темницу въврещи Ихнилата и оковати его, дондеже о нем испытает. И по оковании его исповѣда Лву мати его, яко: «Леонтопардос сказа ми яже о Ихнилатѣ». Лев же рече: «Остани его. Узрит бо, что хошет пострадати».

Ношью же Стефанит ко Ихнилату пришед и оковании его видѣвъ, и проплакася, и рече: «Си суть, яже ти преже глаголах, но гордостию и высокоумиемъ побеженъ бывъ, не приемляше моя словеса. Зри убо съврѣшенъ». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Непрестанно наказавалъ мя еси полезная, но азъ не послушахъ тебѣ: несътиемъ бо одрѣжимъ быхъ оканный. Подобно пострадахъ болныхъ, иже знаютъ, яко бесполезна имъ есть отъ нѣкоего ястия, но лакомствомъ своимъ вкушающе, поврѣжаютъ себе. Нынѣ же точию о себѣ боюся, но омышляю о тебѣ — да не за ради дружбу и любовь, яже имѣхомъ, ят будеши и ты и нужею исповѣси, яже о мнѣ, и смерть исходатаиши себѣ и мнѣ».

Стефанит же рече: «И азъ таковаа смыслихъ, но поучаю тя, яко да исповѣси съгрѣшение свое. Болши бо есть здѣ мучену быти, нежели во ономъ вѣце». «Да трѣпя, дондеже видя, что хошетъ быти».* Стефанит же *прискрѣбенъ* бывъ и пристрашен и шедъ напои себе яда и издше.

Наутриа же Левъ призва судья и Леонтопардоса, Ихнилата, яко да вкупѣ будетъ суд. И шедшимся всѣмъ, и рече Леонтопардос: «Нашъ царь, о воини и дружино, непрестанно печеться о убьении Телца и о Хнилатовѣ злосъвѣтнии. Рече убо, аще кто нѣчто знаетъ о немъ, да глаголетъ. Не хошетъ бо царь безъ суда муку нанести». Судья же рече: «Сый да еже вѣсть кто о таковоѣ вещи, да исповѣсть. *Золъ бо мужъ*, аще убьенъ будетъ, погубление зло бываетъ и на ползу прочии поучатся». Ихнилат же рече: «То молчите? Овоѣй же знаетъ нѣчто мнѣ, да глаголетъ, азъ о себѣ да отвѣщаю. И аще ни кто не вѣсть ничтоже и глаголетъ лжу, подобно постражетъ неумѣтелна врача».

Глаголетъ бо ся, яко врачъ нѣкий приде в нѣкий градъ. Приключи же ся дщери властелина того в недугъ впасти. И повелѣ нѣкий врачъ премудръ, но слѣпъ, яко да былиемъ уврачуе оную. Призванъ бо бысть и странный онъ врачъ, яко да разсудитъ о былии ономъ, еже рече слѣпый онъ врачъ. Онъ же, невидѣниемъ *ино былие подобно* разстворивъ, дасть ей пити. Она же, испивши таковое, въ чревѣболѣзненный недугъ впадши и умретъ. И принудиша родители ея у врача оного испити отъ оного зелиа и была. И пивъ, смертнаа страждаше. Тако убо стражетъ, иже бесѣдуетъ и творитъ, яже не вѣсть».

И сказала мать Льва: «Пусть тебе не кажется, о нечестивец, что избежнешь ты судебной казни, хоть и сплетаешь многословия». И сказал Ихниллат: «Таков тот, кто составляет клеветы, уклоняясь от правды, — изменчив и в словах, и в делах». Увидела мать Льва, что Лев ничего не говорит обо всем этом, и сказала: «Солгали, когда говорили, что Ихниллат высказывает правду, если предерзостно разглагольствует перед царем и никто ему не препятствует».

Тогда велел царь бросить Ихниллата в темницу и заковать его, пока будет расследование. А когда сковали его, призналась Льву его мать, что Леопард, дескать, сказал ей все про Ихниллата. И сказал Лев: «Оставь его. Он увидит, что с ним будет».

А ночью пришел к Ихниллату Стефанит и, видя оковы его, заплакал и сказал: «Случилось то, о чем я тебя предупреждал, но ты не слушал моих слов, и тебя победили гордость и самонадеянность. Гляди же теперь, что случилось». И сказал Ихниллат: «Верно ты сказал. Всегда учил ты меня полезному, а я не слушал тебя: охвачен жадностью был я, несчастный. Со мной произошло, как с больным: он знает, что нельзя ему есть какую-нибудь еду, но, чтобы полакомиться, отведаст и причинит себе вред. Теперь я боюсь не только за себя, но тревожусь и о тебе, что из-за дружбы и любви, которые были у нас, схватят и тебя и ты признаешься против воли во всем, что относится ко мне, и навлечешь смерть на нас обоих».

И сказал Стефанит: «И я думаю так, но учу тебя тому, чтобы ты признался в своем преступлении. Лучше здесь перенести наказание, чем в будущей жизни». — «Подожду, пока не увижу, что будет». В печали и страхе пошел Стефанит, выпил яд и умер.

Наутро Лев призвал судью, Леопарда и Ихниллата, чтобы устроить суд. И когда все сошлись, Леопард сказал: «О воины и друзья, наш царь беспрестанно думает об убийстве Быка и о злых советах Ихниллата. И вот он сказал: „Если кто-нибудь знает что-нибудь об этом, пусть скажет“. Ведь царь не хочет без суда предавать казни». И сказал судья: «Если есть кто-то, кто знает об этом деле, пусть расскажет. Если убит будет злой человек, с ним погибнет зло, а другие извлекут полезный урок». И сказал Ихниллат: «Что молчите? Кто знает что-нибудь обо мне, пусть скажет, а я отвечу. А если кто-то ничего не знает, но произнесет ложь, пострадает как неискусный врач».

Рассказывают, что в один город пришел врач. А случилось так, что дочь властелина города заболела. И один мудрый, но слепой врач велел, чтобы лечили ее травами. Тогда призвали чужеземного врача, чтобы он разобрался с этой травой, о которой сказал слепой врач. А тот по незнанию приготовил другую похожую траву и дал пить больной. Та выпила ее, заболела брюшной болезнью и умерла. А родители ее заставили того врача пить это лекарство и траву. И, выпив, он принял смерть. Так бывает с тем, кто советует и делает то, чего не понимает».

Въстав же пръвый магеръ и рече: «Послушайте мое слово, о дружино. Являет бо ми ся Ихнилат лъстивъ и лукавъ. Глаголетъ бо ся, яко иже имат лѣвое око мало и мъгливо и вѣжди возвышенъ и, егда ходит, долу главу прекланяет, тои клеветникъ есть и лукавъ. Зрим же убо оканнаго сего, яко таково есть». Ихнилат же рече: «Вси есмы под небесемъ и никтоже възде превыше небесъ. А сый бѣсѣдуай таковаа, мнит ся, яко мудръ есть, но мниши ся безумне, яко иже во очию твоею беръвно не видиши, а иже во очеси ближняго си сучецъ видиши,* подобнѣе стражеша безумныа оны жены.

Глаголетъ бо ся, яко женѣ двѣ, от плѣна избѣгши с мужем, нази ходяху. Едина же от них нѣкыя рубы обрѣтши и свой студ покрываше, възвративши же ся другаа жена и рече: „Не стыдиши ли ся* нага ходящи?“ К ней же муж он рече: „Не блюдеши ли, о безумнаа, свою наготу, но туждая наготы поносиши?“ Таков и ты, о протомагере, явился еси. Не видиши ли себе, каковы смрадныа струпы на себѣ имаши, дрѣзаеша предстояти цареви и того работу рукама осязаша?»

Сия слышавъ, протомагеръ раскаявся, о нихже рекль есть, и проплакася. И исправив от нѣкоего Лев, яко истинна есть, яже о протомагерѣ, и отпуди его от себе. И назнаменася в писании той суд, и паки затворенъ бысть в темници Ихнилат.

Нѣкто же друг Ихнилатовъ приде к нему в темницу и сказа ему Стефанитову смерть. Горко же плакав: «Не подобает ми, рече, уже живот днесъ, зане такова друга вѣрна и любовна лишихся. Добрѣ бо рече рекый, яко во время искушения стичаются вся лютаа».

Потом предста судишу. И видѣв его, воевода рече: «Разумѣх, о Ихнилате, дѣла твоя и нѣсть утайлося ни едино от них. И аще не бы цареву благоутробие велие и неисчетенно, не бы оставил тебе доселѣ в живых». Ихнилат же рече: «Аще неизреченно есть онога благоутробие, но и твое сердце проклято есть и жестосердо. Видя бо твоих похотей желание, како преже осужения моего смерти осужаеша мя. Не порицаю ти о сей вещи, присно бо лукавии и злии добрымъ противятся и ненавидят их». И судья рече: «Но достоин болярю истинну бѣсѣдовати и обличати и запрѣщати ненаказанныа мужа. Поучаю тя, о Ихнилате, яко изволи здѣ мученъ быти, нежели в будущемъ вѣце. И исповѣжь истинну предъ всѣми нами». Ихнилат же рече: «Истинну рекль еси. Подобает убо всякому избрати мудрому от временныхъ приснотребушая. Но неповиненъ есмь от сего прегрешения и не подобает ми причастнику быти с вами о пролитии моеа крови. Аще бо иже нѣкое солжет, мерзокъ и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобретаеша похвалу? Блюдѣте убо, да не потомъ раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтелие.

Тогда встал главный повар и сказал: «Выслушайте, друзья, мое мнение. Мне кажется, что Ихнилат лжив и коварен. Ведь говорят, что, если у кого левый глаз маленький и мутный, а брови подняты и, когда идет, голову долу держит, тот клеветник и коварен. Смотрите же на этого несчастного, что он таков и есть». И сказал Ихнилат: «Все мы под небом, и никто выше неба не поднимется. Тот, кто говорит такие вещи, представляет себе, что он мудр, но представляется безумным: ведь ты не видишь бревна, которое в твоём глазу, а сучец, который в глазу у ближнего, ты видишь, так что будет с тобою то же, что и с той неразумной женщиной.

Рассказывают, что две женщины и мужчина убежали из плена и шли голые. Одна из женщин нашла какой-то лоскуток и прикрыла им срамное место, а другая, обратившись к ней, сказала: „Не стыдно тебе ходить голой?“ А мужчина сказал той: „Не видишь разве, безумная, своей наготы, что поносишь чужую наготу?“ Таковым и ты кажешься, главный повар. Разве не видишь, какие на тебе зловонные струпья, а еще смеешь стоять перед царем и руками касаться изделий для него?»

Услышал это главный повар, раскаялся в том, что сказал, и заплакал. А Лев разузнал кое от кого, что о главном поваре сказана была правда, и прогнал его от себя. Суд этот был занесен в документы, а Ихнилат снова заключен в темницу.

Кто-то из друзей Ихнилата пришел к нему в темницу и рассказал о смерти Стефанита. И тот, заплакав горько, сказал: «Не нужна мне теперь жизнь, когда лишился я верного и любимого такого друга. Хорошо, сказал сказавший, что во время испытания стекаются все беды».

Потом предстал он перед судом. И сказал военачальник, увидев его: «Я знаю дела твои, Ихнилат, и ни одно из них не укрылось. И если бы не великая и неисчислимая милость царя, не оставался бы ты до сих пор в живых». И сказал Ихнилат: «Хоть неизреченная его милость, да твое сердце злодейственно и жестоко. Вижу я желание твоих устремлений, как еще до приговора приговариваешь меня к смерти. Я не осуждаю тебя за это, ведь всегда коварные и злые борются с добрыми и их ненавидят». И сказал судья: «Достойно вельможи говорить истину, обличать и наставлять невоспитанного мужа. Я учу тебя, Ихнилат, чтобы ты здесь выбрал казнь, а не в будущей жизни. Расскажи правду всем нам». И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Должен ведь всякий мудрый выбирать из временного вечное. Но я не виновен в этом преступлении, так что нельзя мне быть вашим соучастником в пролитии моей крови. Если кто на кого наговорит, тот будет мерзок и неразумен. Каков же тот, кто наговорит на себя? Какую это прибавит мне славу? Смотрите же, как бы потом не раскаяться, когда не сможете ничего достичь. И смотрите, чтобы не пострадать вам, как лжесвидетелям.

Глаголетъ бо ся, яко нѣкий крагуаръ вжелѣ жену господина на своего, яко лещи с нею. Она же не обращаешя к нему. Прогнѣвав же ся о семь красуаръ, улови в нѣкий день двѣ сои и научи едину бесѣдовати перьскимъ языкомъ, яко: „Видѣхъ госпожу свою со вратаремъ”; другую учи глаголати, яко: „Не глаголи ничтоже”. Въ единъ убо от дни приключися господину с персы объдовати, и слышаша соя перьскимъ языкомъ глаголюща и бесѣдующа, и полюбиша ихъ. Таже и словъ, еже бесѣдоваху соя, исповѣдаша персяне они. Крагуаръ же внѣ стоа и рече: „И азъ свѣдѣтельствую, яко таковое дѣло видѣхъ”. Господинъ же его разъярився, хотяше свою жену убити. Она же яже о крагуари сказа мужу своему, яже: „Лестъ на мя сшилъ есть, зане не послушахъ его на скверно дѣло. И ину бесѣда не знаятъ соя перьскими, кромѣ слова, иже ихъ научи крагуаръ”. Въпроша же соа персяне о нѣкихъ рѣчахъ, и обрѣтоша ихъ, яко ино ничтоже не вѣдятъ, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: „Не боиши ли ся Бога, яко таковая на мя свѣдѣтельствуеши? Тако ли есть было дѣло?” Онъ же рече: „Тако есть было”. И сия рекши ему, напрасно въскочи крагуй и извергѣ ему очи. Тако и ты постражеша съ дружиною своею, аще лжесвѣдѣтельствуеши на мя».

Никому же бо возмогу Ихнилата осудити, паки затворенъ бысть в темници дни 7. Мати же Лвова Лву рече: «Аще нечѣстиваго сего от осужения отпустиши, познай, яко вси, иже под тобою, еже хотятъ сотворити, без печали сотворятъ, извѣстие бо приметъ, аще и зло сотворитъ, не постражетъ ничтоже». Видѣ убо Левъ насилие матери своя, повелѣ, да убьютъ Ихнилата.

Таже рече философъ: «Разумѣйте таковаа и познайте, яко всякъ мужъ, иже сшиваетъ лестъ на друга своего, упадетъ в ровъ, иже содѣла».

Притча третья. По убьении Ихнилатовѣ въпросъ царевъ. *Царь же рече: «Разумѣхъ таковую притчу. Но еще скажи ми другую притчу о друзехъ, иже любяцца и в любви присно пребываютъ».* Философъ же восприимъ, рече:

Друга вѣрна нѣсть измѣнения сущихъ ничтоже. Да скажу се явѣ. Глаголетъ бо ся, яко нѣ в коемъ градѣ мѣсто бяше на ловъ угодно. На немъ же мѣсте бяше дубъ высокъ и дупень, в немъже вгнездашя гавранъ. Въ единъ убо от дни видѣ ловца оба люта, на рамѣ убо мрежу носящую, в руку же жезлъ дрѣжаща. И того видѣвъ устрасися и смысли в себѣ пребыти на томъ дубѣ, идѣже гнездо его бяше, яко да узритъ, что хошетъ сотворити. Ловець же мрежу простеръ и поврѣже в ня зерна пшенична. Голубъ же нѣкий болший от иныхъ видѣвъ зерна пшенична, мрежи же не узрѣ, впаде в ня с прочими голубы. Ловець же, видѣвъ се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Пръвый же над ними голубъ рече: «Не боитесь, но вкупѣ другъ другу помозѣмъ,

Рассказывают, что один сокольничий пожелал жену господина своего, чтобы с нею возлечь. А она не склонялась на это. Разозлился из-за этого сокольничий, поймал однажды двух соек и научил одну говорить по-персидски: „Видела я госпожу свою с привратником”, а другую: „Ничего не говори”. В один из дней случились у господина за обедом персы, они услышали, что сойки говорят и беседуют по-персидски, и полюбили их. Эти персы передали также и слова, которые произносили сойки. А сокольничий был снаружи и сказал: „И я свидетельствую, что видел это”. Разъярившись, господин хотел убить свою жену. Тогда она все рассказала мужу своему о сокольничем, а именно: „Строит он козни против меня, потому что я не согласилась на дурное дело. Кроме слов, которым научил их сокольничий, ничего больше говорить не умеют сойки по-персидски”. Персы спросили у соек другие слова и обнаружили, что те ничего не знают, кроме коварных и лживых этих речей. И сказала госпожа, придя к сокольничему: „Разве не боишься ты Бога, что свидетельствуешь такое на меня? Разве было такое?” И сказал тот: „Так и было”. И стоило сказать ему это, как внезапно сокол налетел на него и выклевал ему глаза. Так и ты пострадаешь со своими друзьями, если будешь лжесвидетельствовать на меня».

И поскольку никто не мог обличить Ихнилата, был он снова заключен в темницу на семь дней. И сказала Льву мать Льва: «Если ты освободишь без осуждения этого нечестивца, то знай, что все, кто под тобой, все, что захотят сделать, сделают без боязни, ибо будут знать, что, хоть и совершат зло, ничуть не поплатятся». Убедился Лев в настойчивости своей матери и велел, чтобы убили Ихнилата.

И сказал в заключение философ: «Размышляйте об этом и усвойте, что всякий, кто строит козни против ближнего своего, упадет в ров, который вырыл».

Третья притча. Вопрос царя после убийства Ихнилата. И сказал царь: «Я понял твою притчу. Но расскажи мне другую притчу о друзьях, которые любят друг друга и всегда пребывают в любви». И сказал философ в ответ:

Из существующего ничто не заменит верного друга. Изложу это яснее. Рассказывают, что в одном городе было место, удобное для охоты. Стоял на этом месте высокий и дуплистый дуб, на котором гнезвился ворон. В один из дней увидел он, что очень свирепый охотник несет на плече сеть и палку держит в руке. Увидел он охотника, испугался и подумал про себя, что останется на дубе, где было его гнездо, и увидит, что же сделает охотник. А охотник растянул сеть и посыпал на нее пшеничных зерен. И один голубь — а он был старше других — увидел пшеничные зерна, а сети не заметил, и попал в нее с другими голубями. Очень обрадовался охотник, видя это. Стали голуби биться в сети. И сказал голубь, старший над ними: «Не бойтесь и давайте вместе поможем

яко да возможем крилы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздух мрежу. Се видѣв, ловець удивися убо, но не остави их, послѣдовав же по них, мня, яко не много имуть лѣтати. Гавран же все соблюдаше, яже о них. Болший же голубь, видѣв ловца по них идуща, рече къ прочим голубем: «Ловець сый послѣдуетъ нам. Да аще по полною мѣсту лѣтание сотворим, не оставит же гонити нас. Аще ли же по горних и непроходных мѣстех лѣтание сотворим, скорѣ убо оставит нас. Еще имам на том пути мыша гостя; и аще до него доидем, скорѣе узы наша разстрѣгнеть и нас свободит». Видѣв убо ловець в недоумѣнии начинание их и возвратися.

Гавран же послѣдоваше по них, яко да узрит дѣло спасения их, вкупѣ же и любимаго им мыша узрѣти. Яко идоша до гнѣзда его и снидоша землю. Мышь же изшед видѣв голубя, с радостию прият его и рече: «Кто тя такимъ узамъ, о любимиче, приплете?» Он же рече: «Часть мя такимъ лютымъ приплете, яко ослѣпѣлъ бѣх и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ятъ бѣх. Нѣсть убо дивно о сем, зане впадох аз в такое падение, болшии бо от мене и в горшаа впадаютъ. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сѣнию *земною* покрывается; и рыба морьскаа из глубины извлечится; и птица небесная от въздух сводятся, егда будет им повѣльно». Сия рекъ, нача мышъ глотати узы мрежныа. Голуб же рече: «Начни преже ослободити сушая под мною, потом же разрѣши и мене». Мышь же не послушаше я разрѣшити всѣх, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубь, и не послушаше его мышъ. И рече ему голубь: «Не порочи ми, о мышу, о нихже ти бесѣдую, понеже ми есть дал Богъ область над тѣми голубы всѣми, достоин ми, яко да промышляю о них. Вѣрно бо и приятелно поработаша ми, и за пособствие их и поспѣшенье Богъ освободи нас от сѣтей сих ловчихъ. Молю же ся, да не мене преже разрѣзав, о сих облѣнишися. Болши бо ми, еже азъ буду во узах, неже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сушаа под тобою, яко люби тебя и прияти тебѣ». Сия же рекъ, разрѣши всѣх от юз, и разрѣшени быша и отъидоша.

Видѣв же гавран бывшее, сниде к мышьему гнѣзду и пригласивъ его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Азъ есмь гавран, и видѣв твое усрѣдие, еже има къ другом си, възхотѣх дружбу имѣти с тобою, и о сем приходъ к тебѣ». Мышь же рече: «Коя есть община и тебѣ и мнѣ? Подобае убо мудрому силная искати, а немощных небреши. Иже бо такая начинаай, уподобился еси мужу, иже по водѣ возит кола, а по суху корабль. Како буду тебѣ друг, пища тебѣ сый?» Гавран же рече: «Разсуди своимъ помысломъ полезная себѣ. Нѣсть бо никаа полза, аще зѣм тебе, паче же полезно ми есть, аще ты в живых будеши и поспѣшьствуеши ми о всем. Не подобает ти тща пустити мя от чаанія моего, извѣстие бо имамъ о любви твоей, еже имаши къ другом си, аще ты самъ показал еси мнѣ. Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися

друг другу, чтобы смогли мы на своих крыльях поднять сеть». Сделали они так и подняли сеть на воздух. Удивился охотник, увидев это, но не оставил их и пошел за ними, думая, что не долго они смогут лететь. А ворон все это наблюдал. Увидел старший голубь, что охотник идет за ними, и сказал другим голубям: «Нас преследует охотник. И если над полями мы полетим, он не оставит погоню за нами. Если же мы полетим над горами и непроходимыми местами, он скоро от нас отстанет. На этом пути есть еще у меня приятель мышонок; если мы доберемся до него, он быстро разорвет наши узы и освободит нас». Понял охотник в замешательстве их затею и повернул назад.

А ворон последовал за ними, чтобы увидеть, как совершится их спасение, к тому же и посмотреть на дружественного им мышонка. Вот добрались они до его гнезда и опустились на землю. Вышел мышонок, увидел голубя, радушно принял его и сказал: «Кто тебя, дружок, опутал такими узами?» И сказал тот: «Судьба опутала меня свирепыми этими узами: нашло на меня ослепление, позарился я на пшеничные зерна и в сеть попал. Неудивительно это, что попал я в такое несчастье, и с лучшими, чем я, бывает еще хуже. Солнце и то исчезает, когда затмит его луна, а луна покрывается земной тенью; морских рыб извлекают из глубины, а птиц небесных совлечут с воздуха, когда будет им так суждено». Сказал так голубь, и стал мышонок грызть тенета. И сказал голубь: «Начни вперед освобождать моих подданных, а меня потом развяжешь». Но мышонок не соглашался, чтобы освободить всех, а не своего только друга. Как долго ни убеждал его голубь, не соглашался мышонок. И сказал ему голубь: «Не ругай меня, мышонок, что говорю я за них перед тобой: ведь дал мне Бог власть над всеми этими голубями, необходимо, чтобы я заботился о них. Они верой и дружбой послужили мне, и с их помощью и соучастием освободил нас Бог из охотничьей сети. И прошу я, чтобы не пренебрег ты ими, если бы распутал меня вперед. Лучше мне самому остаться в узах, чем одному из них». И сказал мышонок: «И подданные твои говорят эти слова — из любви и приязни к тебе». Сказав это, он всех освободил от уз, и, свободные, они улетели.

Увидел это ворон, спустился к гнезду мышонка и позвал его. И сказал тот: «Кто ты, дружок?» А он ответил: «Я ворон, я видел твоё добросердечие, которое ты питаешь к твоим друзьям, и хочу вступить с тобою в дружбу, и за этим пришел к тебе». И сказал мышонок: «Что общего у нас с тобой? Мудрый должен сближаться с сильными, а слабыми пренебрегать. Кто начинает такое, похож на человека, который возит по воде телегу, а посуху корабль. Как буду я тебе другом, являясь твоей пищей?» И сказал ворон: «Раскинь своим умом о полезном для тебя. Нет никакой мне пользы, чтобы съест тебя, но зато полезно мне, если будешь ты жить и во всем помогать мне. Не должно, чтобы ты оставил меня без удовлетворения в моей надежде, ведь есть у меня сведения о твоей любви, которую ты питаешь к твоим друзьям, как это ты сам мне показал.

благоуханию, иже наречется греческим языком мосхос,* иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече: «Велиа есть обычная вражда. Лев бо со елефаном присно враждуются, якоже и мышь с коткою. И не подобаесть врагу вѣровати. Вода бо аще и огнем согрѣвается, но свои обычаи не отлагает: възливаема на огонь погашает его, аще укропъ есть». Гавран же рече: «Разумѣх, яже глаголеши. Но моя любовь не тако будет; яже именем створити с тобою, но тверда и извѣстна. Якоже бо золотый съсуд с трудом ковется и съврѣшается, и к тому не съкрушается, скуделнични ниже удобнѣ творятся и удобнѣ разсыпается. Тако истинная сущая любовь едва съвершается, но нерушима пребываетъ, нечистая же и неистовная любовь скорѣе и удобнее составляется и скорѣе разсыпается». И мышь, отвѣщав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми ся тща отпустих. Аще бо и вѣру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем вѣрую. Вѣм бо, яко и похвалишься когда и речеши, яко: „Обрѣтох мыша безумна и прельстив его снѣдох“, — бесчестие ти будет». И сия рек, мышь изыде из гнѣзда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходил?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающей двоими вещми любятся: овии бо заповѣди ради любовь творят, друзии же телесныя ради потребы. Подобни суть ловцу, иже помѣтает пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себѣ. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию моления твоего ради, и ничтоже ино возбраняет ми изыти к тебѣ, точию зане боюся единомысленныя ти гавраны: видѣнием бо подобни суть тебѣ, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сих ради. Истиннаго бо *любления* увѣренье си есть, еже и любити любовныя и враждовати враги. И аз зане тя люблю и моя дружина любити тя имят». Сия рекши гаврану, изыде мышь из гнѣзда своего весь. И любовь посреди их съврѣшися.

Въ единъ убо от дни рече гавранъ к мышу: «Зрю домъ твой, яко близ пути есть, и боюся, да не мене ради познанъ будеши и погибнеши. Но вѣм мѣсто нѣгде отлученно от челоуѣкъ, на немже суть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том мѣсте желву гостию и хошу, яко да и ты поидеши тамо питатися и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою! Аз возненавидѣх бо здѣшнее пребывание вины ради, о нейже скажу ти, егда до мѣста оного доидем».

Взем же гавран мыша за опашь и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видѣвше гавранъ мыша носяща, мняше, яко туждь есть, и убоявшись скрыся въ воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуда приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече къ мышу: «Обѣщав ми ся еси, яже о себѣ, яко да егда доидем до сего мѣста, скажеш ми нѣкаа». Он же рече: «Аз пребывание имѣх пръвие у нѣкоего мниха и ядах, яже имяше угодная снѣдения. И егда насыщахся

Добродетели мудрого мужа подобны бычьему благовонию, которое по-гречески называется мускус: оно, хоть и невидимо, выдает себя запахом». И сказал мышонок: «Велика вражда по природе. Всегда враждуют лев со слонем, как и мышь с кошкой. Нельзя верить врагу. Вода, хоть и нагреется огнем, не изменит своей природы: пролитая на огонь, она гасит его, хоть и горяча». И сказал ворон: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Но моя любовь не будет такой; та, что будет между нами, будет крепка и надежна. Ведь так и золотой сосуд трудно выковать и сделать, но он уж и не ломается, а глиняный легко делается, легко и рассыпается. Так и настоящая любовь: с трудом возникает, но остается нерушимой, нечистая и неистинная любовь скоро и легко возникает и скоро распадается». И сказал в ответ мышонок: «Принимаю твою любовь, никого из просивших не оставлял ведь я никогда без удовлетворения. Пусть и не сохранишь ты верность, — я верю словам твоим. Я знаю, что, если ты и похвалишься когда и скажешь, что, дескать, нашел глупого мышонка и, обманув, съел его, не будет тебе в этом чести». Сказав это, мышонок появился из своего гнезда, но не весь. И сказал ворон: «Те, кто живут на этом свете, любят двояко: одни любят по заповеди, другие по телесной нужде. Они подобны ловцу, который разбрасывает пшеницу, чтобы прельстить птиц: не птицам он делает пользу, а себе. Я же вступаю в дружбу с тобою не по другому чему, как по твоей просьбе, и ничто другое не мешает мне выйти к тебе, только что боюсь я сходных с тобою воронов: они ведь похожи на тебя обликом, но не похожи нравом». И сказал ворон: «Из-за них не бойся. Доказательство истинной любви состоит в том, чтобы любить любимых и враждовать с врагами. И, поскольку я люблю тебя, мои друзья должны полюбить тебя». Сказал это ворон, и вышел мышонок из своего гнезда. И установилась между ними дружба.

В один из дней сказал ворон мышонку: «Вижу, что дом твой близко от дороги, и боюсь я, что из-за меня обнаружат тебя, и ты погибнешь. Я знаю место, удаленное от людей, где в изобилии рыбы и разной другой пищи. Есть там у меня приятельница черепаха, и я хочу, чтобы ты пришел туда кормиться и жить с нами». И сказал мышонок: «Я пойду с тобой! Мне не нравится жить здесь по одной причине, о которой я скажу тебе, когда мы прибудем на место».

Взял ворон мышонка за хвост и отнес его к источнику, в котором жила черепаха. Она же, увидев, что ворон несет мышь, подумала, что это чужой какой-нибудь, и из осторожности скрылась в воде. Положил ворон мышонка на землю и позвал по имени черепаху. Узнала она его голос, вышла к нему и спросила, откуда он прибыл. И рассказал он о происшедшем.

И сказал ворон мышонку: «Обещал ты мне, что, когда мы доберемся до места, расскажешь кое-что о себе». И сказал тот: «Жил я вначале у одного монаха и питался всем, что было пригодного для еды. А когда наедался,

и приемлях прочаа останкы моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних кѣлюю, яко да обрящет мя, и не возможе обрѣсти мя. Иногда же повѣшаше пищу свою, яко да убѣжит врежениа моего, и не возможе убѣжати. Въ единъ убо от дни странник нѣкый мних приде к нему, и начаша друг съ другом бесѣдовати мниси и рукама плещаху, нас страшаше. Въпроси же и странный он мних вину, о нейже плещаху. Сказа ему, яко: „Мышев ради плещем. Есть бо мышь безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит намъ. Молю тя, поищем входа гнѣзда его и раскопайм пребывание его”. Случих же ся аз тогда въ гнѣзде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избѣгох оттуду и во ину дуплину внидох. Имѣх же в моемъ гнѣздѣ златники тысяща, яже подстилах под собою и великомудрѣх о них. И раскопавше убо мниси землю, и обрѣтоша гнѣздо мое и златники, и взявше злато с радостью, и рекоша: „Сие злато распалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смиренъ и сраменъ и некрѣпок будет”. От того часа, якоже и мниси рекоша, *сѣложи* ми ся крѣпость* и низложи ми ся високоумие, и преобиденъ бых от мышев. И въ утрешний день въсхотѣх въскочити въ хранилищу мнишьскаго ястия и не възмогах. И се видѣвше, прочии мышеве вѣсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляются, ибо благаа свѣсть и мудрость злата ради пребывают. Не имый же богатства скорбенъ есть всегда и мерзок всѣмъ является, и безумен, и непотребенъ. Аще бо нищій и убогий муж храберъ обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смиренъ будет, немощенъ нарицается, аще ли бесѣдует, блудник именуется, аще ли млѣчалив кто, безуменъ нарицається. И болше есть преже от сего жития отыти, нежели солнце имѣти сраму свидѣтеля. (...) Сия убо помышляю видѣх страннаго оного мниха, яко раздѣли злато и свою часть в нѣкое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотѣх таи отвлещи злато, мнях бо, яко сном одрѣжим есть. Он же пробуденъ сый, взят рукою своею, яже обрѣте рукою своею близ себѣ вѣйку и удари мя по главѣ, и *поболѣвъ* зѣло возвратихся. Таже пакы на влагалище злата дрѣзнух и видѣв мя, пакы мних он и удари мя сей вѣйкою зѣло по главѣ, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекий себе, доидох до дуплины оноа, и безгласенъ лежах часы доволны. Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа свѣсть есть и начало. Иже лакомство имать, не может от злата убѣжати ни на земли, ни на мори. Вѣровах же, яко нѣсть ничтоже болшее, кромѣ доволнаго имания. Сего ради убо премених житье свое и пустынное въсприях житье. И имѣх же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо нѣсть никоя красота в мире, кромѣ бесѣдования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию доволнаго имания. Доволно же ино ничтоже нѣсть, развѣ хлѣб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но

собирал разные остатки и давал другим мышам. Не раз разбирали монахи келью, чтобы найти меня, но найти не мог. Иной раз он подвешивал свои припасы, чтобы спасти от меня, и не мог спасти. В один из дней пришел к нему странник-монах, стали монахи беседовать друг с другом и в ладоши хлопали, пугая нас. И спросил пришелец-монах, по какой причине они хлопают. А монах сказал: „Из-за мышей хлопаем. Есть здесь бессовестный и бесстрашный мышонок, который много вреда приносит нам. Прошу тебя, поищем вход в его гнездо и раскопаем место его пребывания”. Я находился тогда в своем гнезде, а когда услышал такие слова, выбежал оттуда и забрался в другую нору. А была у меня в гнезде тысяча золотых, которые я подстлал под себя и которыми гордился. И вот монахи раскопали землю, нашли мое гнездо и золотые и, забрав радостно золото, сказали: „Это золото распаяло мышонка, и он приносит нам вред, но теперь-то он будет тихий, робкий и слабый”. И с того часа, как и сказали монахи, оставила меня сила и покинула меня отвага, и стали обижать меня другие мыши. На другой день хотел забраться я в кладовую с припасами монаха и не смог. Увидев это, поднялись против меня другие мыши и сделались мне врагами. И удивился я тому, что друзья и родственники собираются ради золота, ведь и доброе знание, и мудрость ради золота пребывают. Не имеющий богатства всегда находится в скорбях и кажется всем мерзким, глупым и негодным. Ведь если нищий и убогий человек окажется храбрым, богачи назовут его безумным и буйным, если кроткий и смиренный будет, назовут его немощным, если рассуждает, назовут пустословом, если же он молчалив, скажут, что глуп. Лучше уж раньше оставить эту жизнь, чем видеть солнце свидетелем позора. (...) Так размышляя, увидел я, что тот монах-пришелец разделил золото и свою часть положил в суму, а ее положил и скрыл в головах. И захотел я тайно извлечь золото, ибо решил, что он спит. А он проснулся, взял в руки прут, который нащупал рукой близ себя, и ударил меня по голове, и вернулся я к себе в страшных страданиях. Потом снова покусился я на суму с золотом, и, увидев меня, снова этот монах сильно ударил меня тем прутом по голове, и тут же кровь из носа у меня потекла, и было мне плохо, едва волочась добрался я до той норы и без чувств пролежал долгое время. Так я возненавидел золото, что ни думать о нем, ни слышать не мог, и понял, что алчная душа всем злым делам начало. Тот, кто алчен, не может от золота спастись ни на земле, ни на море. И увидел я, что лучше самого необходимого ничего нет. Вот почему изменил я свою жизнь и повел жизнь отшельника. А был у меня любимый голубь, с которым мы подружились еще до ворона. Ведь нет большего удовольствия в мире, чем дружеская беседа. По опыту я знаю, что не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого. А самое необходимое — это не что иное, как хлеб и вода. Хоть и скажем, что такой-то — властелин всего мира, но не будет он равен ни

не тѣи равенъ есть от единому менших, иже беспечално живот свой провожает. И си помысливъ азъ в себѣ, послѣдовах тебѣ, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретох, о желво».

Желва же, възприемши, рече: «Разумѣх, елика изрекль еси добръ же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себѣ, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видѣти, яко словеса украшают дѣло. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разумъ, зане не может себѣ легчину сѣтворити. Не пецися убо о богатствѣ, великоумный бо муж и без богатства почитается. И лев аще сном спит, но страшень есть. Также и безумный богат бесчестень есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрыхъ странень есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бѣх иногда славен и нынѣ же не славень. Елика бо суть в житѣи сем, въ тлѣнии и в мимохожении суть. Глаголетъ бо ся, яко сия суть от иных *не ставная*: облачнаа сѣнь, и безумных людий любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрый мужие ни о обилии богатства радуются, ни о умоленьи скръбят».

Яко гавран услыша бесѣды желвины, возвеселися о них и рече: «Воистинну нѣсть ино ничтоже в житѣи болшее, точию дружнее пособствие и срадование. Никтоже мудрому пособствует, точию паки мудръ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижет инѣ никтоже, точию паки елѣфантъ».*

Таковаа и сим подобна бесѣдующи гаврану, серна нѣкаа напрасно приде. Якоже видѣ, гавранъ на древо възлетѣ, и желва въ воду скрыся, и мышь вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, *семо и овамо* очи обращаючи. Гавран же на высоту възлетѣ и сматряше, егда нѣкый звѣрь гонит серну. И всюду смотривъ, и сниде на землю, и призва желва и мыша, и сказа им, яже о сернѣ. Серну же видѣвши желва, яко не смѣет пити воды, и рече: «Пии, любимаа, яко никтоже бо сѣмо не приходит. Скажи ми, откуда идеши?» Серна же рече: «Гонима бѣх от ловець до нынѣ от мѣста въ мѣсто бѣгаючи, и здѣ доидох». Желва же рече: «Дръзай, любимаа, никогда бо ловець сѣмо приходит и вкупѣ с нами живи. Се бо предлежат ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху бесѣды своа у нѣкоего дуба всяк день.

Въ единъ убо от дни събрахуса по обычаю на бесѣду гавран и желва и мышь, и серну ожидаваше. И не дождавше ея, уразумѣвше, яко в сѣтѣх ловчих ята бысть. Възлетѣ гавранъ высоко и видѣв сплетену в сѣтѣх ловчих; възвратися, сказа дружинѣ своей, еже видѣ. Желва же се мышу рече: «На тебѣ лежит наша серны спасение, о мышу!» Он же, елико мощно ему бяше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа суци и, любимаа, таковым лютым себе соплела еси?» Она же рече: «И кто может умудрити, егда реченное хочет исполнитися?» Сия бесѣдующим имъ, доиде гавран вкупѣ и желва. Серна же

одному из малых, кто беспечно проводит жизнь свою. И, решив так про себя, последовал я за тобою, о ворон, и вот неожиданно нашел в тебе друга, о черепаха».

И сказала черепаха в ответ: «Понимаю я: все хорошо и умно ты сказал, и вижу также, что постоянно помнишь ты о том, из-за чего вытерпел страдания. Поэтому нужно тебе знать, что слова украшают дело. Так и больной, если не разыщет лекарственных трав, то без толку ему и знание, ведь облегчение себе сделать не может. Не заботься о богатстве, человек многоумный почтен и без богатства. Так и лев — хоть и спит сном, все равно страшен. Равно и глупый богат не заслужит чести. Не думай также о своей жизни на чужбине: среди мудрых нет чужаков. Не вспоминай о прошлом и не говори, что был, дескать, некогда прославлен, а теперь бесславен. Все, что принадлежит этой жизни, тлению и изменчивости принадлежит. Ведь говорится, что ненадежнее всего тень облака, дружба дурных людей, любовь женщины, лживая хвала и богатство. Мудрые люди не радуются прибавлению богатства, не скорбят о его умалении».

Как услышал ворон речи черепахи, порадовался им и сказал: «Поистине нет в жизни ничего лучше, чем помощь друга и взаимная радость. Мудрому никто не поможет, как только мудрый. Так и упавшего слона не поднимет никто другой, как только слон».

Пока ворон говорил это и тому подобное, внезапно появилась серна. Увидев ее, ворон взлетел на дерево, черепаха скрылась в воде, а мышонок влез в нору. А серна, чуть попив воды, встала в испуге, обращая взоры туда и сюда. Взлетел ворон на высоту и посмотрел, не преследует ли серну какой зверь. Осмотревшись, спустился он на землю, позвал черепаху и мышонка и рассказал им о серне. Увидела черепаха, что серна боится пить воду, и сказала: «Пей, милая, никто сюда не идет. Скажи мне, откуда ты?» И сказала серна: «Гнались до сих пор за мной охотники, а я бежала с места на место и сюда добралась». И сказала черепаха: «Не бойся, милая, и живи с нами вместе, никогда охотник сюда не приходит. Вот перед тобою обильная пища, чистая вода». Захотела серна остаться с ними, и собирались на беседы свои у дуба они каждый день.

В один из дней собрались, как обычно, на беседу ворон, черепаха и мышонок и серну поджидали. А не дождавшись ее, поняли, что попала она в охотничью сеть. Поднялся ворон высоко и увидел, что запуталась она в охотничьей сети; возвратился он и рассказал друзьям своим, что увидел. И сказала черепаха мышонку: «От тебя, о мышонок, зависит спасение нашей серны!» И он, как только мог, побежал, добрался до серны и сказал ей: «Как же ты, милая, такая мудрая, а запуталась в ужасных этих сетях?» И сказала та: «У кого хватит мудрости, когда свершается предопределение?» Пока они

к желвѣ рече: «Почто пришла еси сѣмо? Аз бо, егда разрѣшена буду от мыша, побѣгну и убѣжу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышь обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снадение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия бесѣдующим им, и разрѣши мышь серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбѣже, гавран же отлетѣ, мышь же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видѣв едину желву, и взем ю, связа.

Гавран же, и серна, и мышь, видѣвше бывшее, зѣло печалнии бывше. Гавран же рече: «О како въ скорби всегда непрестанно впадау! Не довяше бо ми еже от отчѣства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпаднути, но лишихся нынѣ любимыя моеа желвы, якоже добрѣ храняше любовныя уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тѣло, многими бѣдами составлено!» Серна же, възприемши, рече: «Наша нынѣ печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желвѣ не ползуют никакоже. Но остави сия бесѣды, изобрящи хитрость о ней спасения. Глаголеть бо ся, яко храбрый во время скрѣби искушається, вѣрнии же друзи — в бѣдах».

Мышь же, възприемши, рече: «Судя убо нынѣ быти полезно,* — яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебѣ гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вмѣнит, яко мертва еси по истиннѣ. И отложит тул свои и лук к тебѣ поидет. И егда узриши приближающуюся его, вѣставше побѣгни мудномъ ходом, да надѣется ловець, яко постигнути тя имать. И егда достигнуть ты, и абие отскочи быстростию своих ногъ. Дондеже ты бѣгаеши гонима, а аз разрѣшу от юз желву». Серна же повелѣнное сотвори, и симъ образом разрѣшися от мыша желва. Исцѣлѣвше, вси в дома своя возвратишися. Тако убо иже право любящеса своим другом пособьствуют.

«Разумѣх притчу сию, еже о истинной любви. Прочее убо скажи ми притчу, како подобает блюстися от врага, иже лицемѣрием приятель является».

Иже врагу вѣрует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголеть бо ся, яко в нѣкоей горѣ бяше древо превелие и высоко нѣкое, в немже гавране пребываху тысяща, имже бѣ старѣй гавран единъ. Бяху же близ того мѣста выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старѣйшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же раниша, а инѣм перия истрѣгоша. Достужив же ся гавраном царь, и зборь сотвориша, и рече: «Видѣсте ли, елика род выплеве нам содѣяша, и како нашу силу побѣдиша, колики убиша и колики уязвиша, и

так говорили, появились ворон и черепаха. И сказала серна черепахе: «Зачем ты пришла сюда? Когда освободит меня мышонок, я ведь побегу и убегу, а ворон в воздух подымет, мышонок найдет норку и влезет в нее, а ты одна останешься на съедение охотнику». И сказала черепаха: «Лучше мне умереть, чем оставаться без друзей». Пока говорили они это, мышонок освободил серну от уз. И вот внезапно появился охотник — серна убежала, ворон улетел, мышонок влез в норку. Охотник был в недоумении о случившемся, видя одну черепаху: взял он ее и связал.

Очень опечалился ворон, серна и мышонок, видя это. И сказал ворон: «И как это всегда оказываюсь я в несчастье! Мало мне было того, что остался я без родины и родни, потерял богатство, — а теперь вот остался и без моей любимой черепахи, — как хорошо хранила она законы дружбы! Пусть бы лучше не было моего брэнного тела, которое соткано из множества бед!» И сказала серна в ответ: «Теперь наша печаль и скорбные слова твои хоть и разумны, да бесполезны для черепахи. Прекрати эти речи, придумай что-нибудь, чтобы спасти ее. Ведь говорится, что храбрый испытывается в скорбное время, а верные друзья — в беде».

И сказал мышонок в ответ: «Вот что, я думаю, полезно теперь: ты, серна, пойдешь и ляжешь у охотника на дороге как мертвая, а ворон сядет на тебя и будто бы клевать будет твоё тело. И думаю я, что, когда увидит это охотник, он решит, что ты действительно мертва. Тогда отложит он суму свою и лук и пойдет к тебе. А ты, когда увидишь, что он к тебе подходит, встань и нетвердой поступью перебегай, чтобы охотник верил, что сможет нагнать тебя. И только он настигает тебя, ты тут же отскакивай со всей быстротой своих ног. Пока ты будешь убегать от погони, я освобожу черепаху от пут». Исполнила серна наказ, и так вот была освобождена черепаха мышонком. Целые и невредимые вернулись все в свои дома. Вот так помогает своим друзьям тот, кто любит по-настоящему.

«Я понял эту притчу, которая о истинной любви. Теперь же расскажи мне притчу о том, как нужно уберегаться от врага, который лицемерно выдает себя за друга».

С тем, кто верит врагу, будет то же, что было с совами. Рассказывают, что на одной горе было большое и высокое дерево, а на нем жила тысяча воронов, и был у них один ворон старейший. Ближе оттуда жила также тысяча сов, и у них была старейшая сова, и всегда они враждовали с воронами. Как-то раз напали они на воронов ночью, многих из них убили, других ранили, а иным перья повыдергали. Удручен был царь воронов, собрались они на совет, и сказал он: «Видели вы, что сделал нам совиный род: как победил нашу мощь, скольких убил и скольких ранил и скольким перья повыдергал? Но самое горькое и

колицѣм перия истрѣгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дръзнути на ны, преобидѣти нас. Разсмотрите убо послѣдняя».

Бяху же у того царя прѣвосовѣтници 5, от нихже един рече: «Ничтоже ино спасеть нас от таковаго нахожения, точию еже остави здѣшнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победѣ смиритися и отечество свое оставити и в туждей земли быти и жити. Но в мужство облещьмся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще побѣдим их, Богу благодать, аще ли же паки победят нас, без срама прѣвый совѣт да съврѣшим». Третий же рече: «Не добръ, о царю, сии глаголють. Но подобаеть нам добръ увѣдати, аще хоцут врази наши любитися с нами; и сотворим мирныя почести, и дары послем к нимъ. И сего ради безпечално житѣе поживем. Присно бо царие о своей земли пекутъся и златом съблюдают сушаа под ними». Четвертый же рече: «Недобръ совѣт даеши, но болши есть в теснотѣ и в бѣдѣ жити, нежели колико врагом *не* противитися и подложитися, от нихже болши есми мы и честнѣйши. Но аще и дары принесем имъ, недоволнии будут о сих, но и выше силы нашае възыщутъ. Глаголетъ бо ся, яко преже рати подобае *укроцати* враги дарми, аще ли оплѣчатся на тя, не уклонятися. Подобает убо смирение и трѣпѣние имѣти, *и на любовь, и на брань*». Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнѣйши бо суть от нас. Иже бо на болшая своя противляеться, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своя немощны наричют; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобает мудрому мужу врага своего не боятися, аще и далече пребываеъ. Всякой бо вещи ясть и питье и богатство ищется, а въ брани ни о чем же, точию о души своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобает ти, о царю, от своих совѣтник имѣти разумна, добрый совѣт лучши есть тмы воинь, ибо воспоминает смотрения полезнаа, о царю. Познаваеъ бо муж вражию силу и немощь, и мудрымъ совѣтом и начинанием ниизлагаи».

Начало вражды, яже имама к выплем, сии есть. Яко нѣкогда собрася весь род птицам и избраху себѣ, выпля царя, и поставиша его царствовати над ними. Гавран же тамо приключися нѣкый, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасте смрадныя сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гнѣвлива, и несоставна, и льстива, и еще же горше есть всѣх». Сия слышавше, птичий весь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вѣм, о гавране, аще сотворих тебѣ нѣкогда зло нѣкое, яко да такоее воздание на мя покажеши. Но познай, яко древо, аще посечено будет секирою, паки срастается, и язва стрѣлнаа исцелѣваетъ и заглажается. Но язычнаа стрѣла неисцѣлена есть, яко косаеъся посреди самого сердца. Ибо вода погашает огонь, и яд врачевным былиемъ отгонитися. Но злобный огонь присно животень есть. Иже ся есть всѣял посредѣ вас и нас, о гаврани, дуб

стыдное для нас, что осмелились они выйти на нас и опозорить нас. Подумайте теперь, что будет».

А было у того царя пять главных советников, и сказал один из них: «Ничто другое не избавит нас от таких набегов, как только покинуть это место, ибо не можем мы сопротивляться врагам». И сказал другой: «Не годится, чтобы смириться из-за одного поражения, оставить свое отечество и поселиться в чужой земле. Но вооружимся мужеством и приготовимся к войне, и, если нападут враги на нас, сразимся с ними. Если победим мы, слава Богу, если же снова нас победят, без позора последуем первому совету». И сказал третий: «О царь, нехорошо они говорят. Нужно нам как следует узнать, хотят ли враги наши помириться с нами; тогда окажем им мирные почести и пошлем им дары. Благодаря этому заживем мы безбедной жизнью. Ведь всегда цари заботятся о своей земле и тех, кто под ними, охраняют золотом». И сказал четвертый: «Неладный даешь совет; лучше уже в угнетении и несчастьи жить, чем так покоряться и не сопротивляться врагам, которых мы лучше и славнее. Ведь, если даже и принесем им дары, не удовольствуются они ими, но запросят с нас больше наших возможностей. Сказано ведь, что, пока нет войны, усмирять врагов нужно дарами, если же ополчились они на тебя, нельзя уклоняться. Терпенье и смирение нужно иметь и для мира, и для войны». Пятый сказал: «Сопротивляться невозможно, ведь они сильнее нас. Вредит себе тот, кто сопротивляется более сильному. А бессильными врагов своих всегда называют глупые; я всегда и заранее боюсь врага. Не подобает мудрому не бояться своего врага, хоть и находится тот далеко. В других случаях дело касается еды, питья или богатства, на войне же ничего другого, как души каждого». И сказал царь: «Если ты не допускаешь, чтобы была война, что предлагаешь другое?» И сказал тот: «Нужно тебе, царь, иметь разумных советников, ведь хороший совет лучше, чем тысячи воинов, ибо предлагает, о царь, полезные меры. Если знает кто и силу, и слабость врага, то ниспровергнет его мудрым советом и начинанием».

Таково есть начало вражды, которая у нас с совами. Раз когда-то собрался весь птичий род, избрал себе сову царем и поставил ее царствовать над всеми. Оказался там ворон и сказал он: «Почему забыли вы о славных птицах и ни одну из них не возвели на царство, но избрали эту смрадную птицу, которая погубила доброту души? К тому же она глупа и неразумна, вспыльчива и беспорядочна, лукава и вообще всех хуже». Услышал это птичий род и низложил власть совы. А когда низложена была сова, сказала она ворону: «Не знаю я, о ворон, чтобы сделала я тебе какое зло, что воздаешь мне так. Помни же, что дерево, даже и подрубленное топором, снова срастается и рана от стрелы излечивается и зарастает. Но стрела словесная неисцелима, ведь она попадает в самое сердце. Вода вот гасит огонь, а яд изгоняется лекарственными травами. Но огонь злобы живет всегда. И то, что посеяно между нами и вами, вороны, как большой дуб — никогда не искоренится». Сказала это сова и

велий будет никогда же искореневаемъ». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зѣло. И оттолѣ и до нынѣ вражда пребываетъ посреде нас.

Царь же рече: «Разумѣх о сих. Прочее убо рци о подлежащих, что подобает нынѣ творити?». Он же рече: «Хощу убо на единѣ бесѣдовати ти». И повѣлѣ ему абие наединѣ глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, ни повелеваю быти. Но инако можем успѣти хитрости нѣкыа, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да прогнѣвается на мя величество твое всѣм зрящим. И повели бити мя пред всѣми немилостивно, яко окржавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да повержень буду близ древа сего. И егда сие будет на мнѣ, тогда ты отъиди отсуду со всѣми своими закупѣ, мене же оставите лежати здѣ». Еже сотворив, царь съ своими отъиде.

Нощю же выплеве къ древу дошедше, не обрѣтоша никогоже, точию бьенаго гаврана лежаща, и сказаша о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуда еси?» Гавран же рече: «Аз есмь онсица». «Гдѣ же суть гаврани?» «Не свѣм. Како бо могу в такихъ бѣдах разумѣти онѣх тайны?» Царь же рече: «Воистинну сей прѣвосовѣтник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал естъ». Гавран же рече к нему: «Мое злосовѣтие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совѣт составиша, и кождо, елико их разумѣ, совѣтоваше. Аз же дрѣзнух о вас и рекох, яко силнѣйши суть от гавранѣ выплеве и благородни, и того ради не подобает противитися им, но мирѣ искати и дани даяти им. И аще примуть, о такихъ мирятъся с нами, Богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнѣша, яко о вашей ползѣ бесѣдую таковаа, ярости наполнишяся, таковым осужением мене осудишя».

Сия слышав, царь рече к нѣкому от прѣвосовѣтник своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорѣе да убьенъ будетъ. Избавимся от лукавства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Пособие бо нам будет велие убьение его. Глаголетъ бо ся, яко иже не радить о своей ползѣ, егда время получить, иногда бо не возможет получить».

Другий же от прѣвосовѣтник царевѣх рече: «Не подобает того убити. Писано бо естъ, трость сокрушен да не ниизложиши.* Паче же праведенъ естъ миловати и щедрити его, зане таковыа пострада бѣды и заушения. Подобает убо того хранити, еже бо питати враги велиа естъ похвала». Повѣлѣ убо царь с честию и говѣнием пребывати гаврану. Прѣвосовѣтникъ он, иже убити его повелѣвый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будет въ сохранении и да пребывает у насъ, яко враг назираем. Аз бо вѣм, яко лють естъ гавранѣ сей и льстивъ, и мнит ми ся, яко прелщениа ради пришел естъ здѣ». Начат убо гавранѣ бесѣдовати с выпли наединѣ и любитися с ними. Во един убо от дни рече к ним гавранѣ: «Услышах от древних муж, глаголющих, яко аще хто себе во огнь

удалилась, полна ярости. Раскаялся ворон и очень опечалился. И с той поры и доныне существует вражда между нами.

И сказал царь: «Я понял это. Но скажи также о предстоящем: что нужно делать теперь?» И сказал тот: «Я хочу наедине поговорить с тобой». И тотчас позволил ему царь говорить наедине, и сказал тот: «Что касается войны, то я не возражаю и не призываю к ней. Мы можем, однако, достичь успеха изобретательностью, ведь изобретательность способна на многое. Я думаю, будет полезно, чтобы все видели, что ты разгневан на меня. Вели бить меня без жалости перед всеми, чтобы был я в крови от множества ран, чтобы перья и хвост мои были вырваны, пусть бросят меня у этого дерева. А когда исполнишь это со мною, уйди отсюда вместе со всеми своими, меня же оставьте лежать здесь». Сделал так царь и удалился со своими.

А ночью пришли к дереву совы и никого не нашли, только избитый лежал ворон. Сказали они о нем своему царю. Приблизился к нему царь и спросил: «Откуда ты?» И сказал ворон: «Я такой-то». — «Где же вороны?» — «Не знаю. Как в таком несчастье знать мне их тайны?» И сказал царь: «Поистине это главный советник воронам. Расспросите-ка его, по какой причине вынес он такие мученья». И сказал ему ворон: «Дурные мои советы привели меня к этой беде. Вороны, когда вы их разбили, собрали совет, и каждый, как понимал, советовал. Я же посмел сказать о вас, что совы сильнее воронов и благородны, потому не следует сопротивляться им, а нужно искать мира с ними и дани им давать. И если примут, помирятся на этом с нами, то Богу за то слава. Услышав это, решили вороны, что говорю я это для вашей пользы, наполнились они ярости и осудили меня таким вот судом».

Услышав это, сказал царь одному из главных своих советников: «Что нам с ним делать?» И сказал тот: «Пусть будет он убит поскорее. Мы избавимся от коварства и умыслов его, которые он всегда замышляет на нас. Убийство его будет нам великой помощью. Ведь сказано, что, если кто не заботится о своей пользе, когда представится случай, тому другого случая не будет».

Но другой из главных советников царя сказал: «Не следует его убивать. Ведь написано: трости надломленной не переломишь. Скорее справедливо будет помиловать и вознаградить его за то, что вытерпел он такие несчастья и побои. Следует беречь его, потому что кормить врагов весьма похвально». И велел царь содержать ворона в чести и уважении. Главный советник, который хотел, чтобы убили ворона, сказал: «Раз не убили его, пусть находится под охраной и живет у нас под надзором как враг. Знаю я, что жесток этот ворон и хитер, и кажется мне, что пришел он сюда для обмана». И ворон стал беседовать с совами наедине и подружился с ними. В один из дней сказал им ворон: «Слышал я от стариков, как они говорили, что, если кто бросится в огонь, легко получит

въврѣжет, скорѣе, еже просит у Бога, приметь. Хошу убо и азъ таковое сотворити и умолити Бога, яко да преложит естество мое на выплевьско видѣние, яко да с вами на гавраны брань сотворю и въздам имъ о нихже, они мене содѣлавше». Бяше же ту, иже на убиеение его совѣтовавый, и рече: «Подобна суть сия твоа словеса питию, исплѣнену яду. Аще бо не сожжемъ тебе, не можем естество твое преложити».

Пребысть убо гавран тамо, сматряя начинания выплем вся. И толстѣ и утучнѣ, и возрастоса ему перия, и нѣкогда время обрѣте и отбѣже. И ко гавраном пришед, рече къ царю их: «Радуйся, о царю, се бо желание съврѣших. Уже бо вси выплеве въ дровѣхъ нѣкоем скрышся. Въстанем убо вси, поидем убо вземше коиждо нас сучиа, елико можем понести, и положим на устѣхъ язвыны и огонь вложим, и крилы и раздуим, яко быти пламыку въздушну. И сим образом овни внутрь дымом удавлени будут, овни же исходяще опалени будут». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа побѣдиша, и возвратися гавраном царь въ своа си обители победоносець. И рече ко гаврану оному: «Како трѣпѣл еси выплем бесѣдования неподобнаа?» Гавран же рече: «Мудроумен муж, аще и в бѣды нѣкыа впадет, покоряется и худым, дондеже съврѣшит желание свое». Царь же рече: «Скажи ми, разум выплем каковъ есть?» Гавран же рече: «Не видѣхъ имъ единого выпля разумна, точию рекша совѣт на мое убѣение. Прочии же далече бяху от мудрости. Подобае бо царемъ своа съблюдати тайны и не оставляти тужда нѣкоего къ писанием приникнути, или к водѣ, с неюже хошет мытися, или къ постели, или ко одежи, или оружью, или къ ястию и питью. Нѣсть мощно с гордостию своа враги побѣдити. Мало бо побѣду съставляет гордливый, иже совѣтныкы творит безумныа, *не удобнѣ* от погибели спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да *получю* таковое исправление, якоже змий, подложивыйся жабѣ».

Глаголетъ бо ся, яко змий нѣкый, заматерѣвъ, състарѣвся, и не возможе ловити и о пици недоумѣшася. И ползавъ, доиде блата нѣкоего, исплѣнена жаба, идѣже прѣвие ловяше, уныл и скрѣбен себе тамо близъ простре. Жаба же нѣкаа рече к нему: „Почто се, о змию, скрѣбиши?“ Он же рече: „И како да не скрѣбѣя? Присно бо от сего блата пицу себѣ взимах, нынѣ же прокля мя нѣкто от постник и не могу ловити. Уже бо хошу, да буду яко и конь яздыный царю вашему“. Се слышав жабама царь и прият его, яздыше на нем, и даваше ему на всяк день на пицу двѣ жаба. Тако и аз таковыа работы ради и съврѣшения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрих и видѣхъ, яко хитрость и разумом болши есть побѣжати, нежели противлениемъ. Огнь бо горящъ есть и сух, но точию, яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и *вънутрь* под землею входит, искореневае, яже на ней. Глаголетъ бо ся, яко не подобает не радити о четырехъ сихъ вещей, сирѣчь о огнѣ, болѣзни, врага, длѣга». Гавран же

то, что просит у Бога. Хочу теперь и я сделать это и вымолить у Бога, чтобы переменял природу мою в свиное обличие, чтобы мог я с вами пойти на воронов войной и отплатить им за то, что сделали они со мною». Был тут и тот, кто советовал его убить, и сказал он: «Эти твои слова, подобны напитку, полному яда. И если не сожжем мы тебя, не сможем изменить твою природу».

А ворон находился там, наблюдая все обычаи сов. Стал он толст и дебели, отросли у него перья, и, найдя однажды случай, он убежал. Вернувшись к воронам, сказал он царю их: «Радуйся, о царь, достиг я желаемого. Все совы укрылись в одном дереве. Поднимемся теперь все и полетим, а каждый возьмет сук, какой сможет поднять, и сложим их у входа в дупло, поднесем огонь и раздуем крыльями, чтобы пламя поднялось на воздух. И таким образом одни задохнутся внутри от дыма, другие же, вылетая, будут опалены». И, сделав так, вороны вконец разбили своих врагов. И царь воронов победоносцем вернулся на место своего обитания. И сказал он этому ворону: «Как переносил ты непотребные беседы с совами?» И сказал ворон: «Если мудрый человек оказывается в несчастье, он бывает покорен даже ничтожным, пока не достигнет желаемого». И сказал царь: «Скажи мне, каковы совы по уму?» И сказал ворон: «Не видел я у них ни одной умной совы, кроме той, что советовала убить меня. Другие же далеко находились от мудрости. Следует царю хранить свои тайны и не позволять никому чужому прикасаться к записям или к воде, которой он будет мыться, или к постели, или к одежде, или к оружию, или к еде и питью. Победить своих врагов невозможно с гордостью. Гордец, который действует с глупыми советниками, одержит лишь небольшую победу, трудно ему спастись от гибели. Я же смирился и покорился врагам, чтобы достичь такого свершения, какого достигла змея, покорившаяся жабе».

Рассказывают, что одна змея пришла в возраст и состарилась и не могла уже охотиться, так что трудно ей было с едой. И вот, ползая, добралась она до болота, полного жаб, где прежде охотилась, и простерлась поблизости от него в унынии и скорби. А одна жаба сказала ей: „О чем ты, змея, скорбишь?“ И сказала та: „И как мне не скорбеть? Ведь в этом болоте всегда добывала я себе пищу, а теперь один аскет запретил мне это, так что я не могу охотиться. Хочу теперь, чтобы была я как ездовой конь вашему царю“. Услышал это царь жаб и принял змею, ездил на ней и всякий день на пропитание давал ей двух жаб. Так вот и я ради такой службы и итога вытерпел преходящее зло».

И сказал царь: «Рассмотрел я и увидел, что изобретательностью и умом побеждать лучше, чем сопротивлением. Огонь горяч и сух, но губит лишь то, что на земле, а вода холодна и тиха, но проникает под землю и с корнем уничтожает все, что на ней. Сказано ведь, что не следует пренебрегать четырьмя вещами, а именно: огнем, болезнью, врагом, долгом». И сказал

рече: «Велика нынѣ исправления быша нароком твоим, царю, Богу благодать о том».

Царь же рече: «Обрѣтох тя словом и дѣлом приятеля своего. Прочии же словесы безумными хвалятся. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкий и пища тобою дастся нам. Глаголетъ бо ся, яко отраду велику имат, иже от огнища избавится, и еже бремя *тяжко* отложивый, иже от враг своих избѣгни. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видѣл еси?» Он же рече: «Скотцко есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развѣе единого, на мое убьение совѣтовавшаго. Той бо от всѣх, мнит ми ся, мудрѣйши».

Царь же рече к философу: «Разумѣх речению притча. Прочее скажи ми, како кто достигий желание своего и не могий добрѣ съдръжати его, абие погуби паки».

Притча о пифицѣ. 5.

Философ же рече:

«Глаголется, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвша лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всяким недоумѣнем одерѣжим быв, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣм приде, и пребываше у нея, и ядыше от плода ея. Въ един же от дни, ядушу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемши, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмѣявся, не престаяше желва питающихся смоквами. Она же, сладку пищу обрѣтши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушьствоваше велми, искаше притчу, како бы пифика погубил и подруга своего възмет. Единоу убо отшедши желва в дом свой, и скрѣбна видѣвши своего подруга и рече к нему: „Почто вижу тя дряхла и болна?“ Он же рече: „В болѣзнь лютую впал есмь и нѣсть ми исцѣления обрѣсти, аще не получю сердце пификово“. Она же недоумѣвшись о семъ и помышляше в себѣ, яко: „Ино сердце не имам обрѣсти, точию гостя своего, еже преступление быти“. Разумѣвше, дивляшеся помышленми и пришедши к пифику, и пригласивъ его; он же въпроси его о коснѣнии. И желва же отвѣща: „Ни о часѣм же укоснѣх, точию зане срамляюся тебе и не имам достойно воздание о благодарѣнии воздати тебѣ“. Пифик же рече. „Не помышляй таковаа, нѣсмь аз такой, еже от своих любовных искати воздание. Паче же ты мнѣ благодарѣтельница была еси, таковыми бѣдами объдрѣжима и изгнана, суши утѣшаючи мя“. Желва же, отвѣщавъ, рече: „Хочу еже утвердити любовь посредѣ нас сущих. Утверждают бо ся треми вещми, сирѣчь еже в дом дружный вхождение и сродникъ зрѣние и посѣщение, и еже вкупѣ пребывание“. Пифик же рече: „Такое составляют любовь, о дружко, и в слабости житья своего живушей“. Желва же рече: „Истину рекль еси, достоин бо другомъ совершенную любовь истинну имѣти от своих другов, а иже за нѣких

ворон: «Великие свершения, о царь, выпали тебе ныне на долю, слава за то Богу».

И сказал царь: «Понял я, что ты и на словах, и на деле мне друг. Другие лишь хвалятся глупыми словами. Так что ради тебя была нам великая эта благодать, сладкий сон и пища тобою даны нам. Сказано ведь, что великую отраду приобретает тот, кто спасется от лихорадки, кто сложит тяжкую ношу, кто избавится от своих врагов. Скажи наконец мне: каков показался тебе образ жизни совиного царя?» И сказал тот: «Скотский он и коварный, горький и незаконный. И другие совы подобны ему, кроме одной, советовавшей убить меня. Мне кажется, она всех умней».

И сказал царь философу: «Я понял рассказанную притчу. Расскажи мне теперь, как достигший своего желания и не способный хорошо удержать достигнутое тотчас все опять губит».

Притча об обезьяне. Пятая.

И сказал философ:

«Рассказывают, что был у обезьян царь, старый, поживший много лет. Поэтому-то, из-за старости его, отрешили они его от власти. И вот эта обезьяна, удрученная всякими трудностями, нашла на берегу моря смоковницу и зажила на ней, питаясь ее плодами. В один из дней, когда она ела, выпала из ее рук смоква, которую подобрала и съела дикая черепаха. Засмеялась на это обезьяна, а черепаха не переставала есть смоквы. Найдя вкусную еду, она даже дом свой забыла. Поэтому супруг ее очень мучился и искал способ, как бы погубить обезьяну и вернуть свою супругу. Однажды черепаха пришла домой и увидела, что супруг ее в скорби, и сказала ему: „Почему мне кажется, что ты мрачен и болен?“ И тот сказал: „Заболел я жестокой болезнью, и не найти мне исцеления, если только не приму обезьянье сердце“. А та в колебании размышляла про себя об этом так: „Другого сердца мне не найти, кроме как друга моего, а это будет преступление“. Размышляя об этом, смущалась она разными мыслями и вот, придя на берег, позвала обезьяну, а та спросила ее о долгом отсутствии. И ответила черепаха: „Не из-за другого чего я отсутствовала, только что стыжусь тебя, что нет у меня достойного воздаяния, чтобы отблагодарить тебя за твои благодеяния“. И сказала обезьяна: „Не думай об этом, я не такая, чтобы требовать воздаяния от близких мне. Скорее ты мне была благодетельница, когда, изгнанную и окруженную бедами, меня утешала“. И сказала черепаха в ответ: „Хочу я закрепить дружбу, которая между нами. А закрепляют ведь тремя путями, то есть приходом в дом друга, знакомством и посещением родственников и совместным пребыванием“. И сказала обезьяна: „Дружок, так заключают дружбу и те, кто живет распушенной жизнью“. И сказала черепаха: „Верно ты сказала: достойно друзьям заключать истинную и совершенную».

ради житейских потреб любо составляет, на нетврьдѣмъ основании зиждеть. Яко не подобаеть от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и чиста, и вѣры правы, и истинны. Телецъ же а и без млека матеръ свою ссет, прогнѣвается, яко прогнану быти от неа. Аз же хочу, яко да приидеши в дом мой. Живу же азъ въ островѣ травносноѣм, тмами исплѣнену плодов. Аз бо на рамѣ отнесу тя”.

И вѣровав, пифик възде на желву и ношашеся по пучинѣ от неа. Егда быша посреде пучины, ста помышляущи, како бы погубити пифика. Видѣвъ пифик коснѣние желвино, уразумѣл есть лестъ, и в себѣ глаголаше: „Егда на мя нѣчто зло помыслит желва?” И рече тако: „Вижу тя в попечении и размышлении велице и боуся тебя о том, что убо есть попечение твое?” Она же рече: „Печаль ми есть велика, да не дошедше в дом мой и не обрящещи вся достойная, якоже хочу аз. На одрѣ бо лежит подруг мой”. Пифик же рече: „Не пецися о сем, ничтоже бо плъзует печаль. Но попецися паче о врачевных былиях”. Желва же рече: „Глаголють врачевѣстии отроци, яко пификово сердце может исцѣлити болѣзнь ону”. И се слышавъ пифик и в себѣ свою погыбель рыдаше, глаголя: „Оле, моего безумия! Какое нѣсмь узналъ тамо? Паче и стару ми сушу, в таковых злых мене вложи. Иже в малых пребывают, беспечално житѣе живут”. Также се желвѣ рече: „Въскую, любимаа, не сказа мнѣ таковое слово, преже даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое съ собою возму? Закон бо имам, да егда к любовному идемъ, сердце свое дома оставливаемъ, да нѣчто о друзѣ помыслити лукавое”. И сиа слышавши, желва възспять радующися плуяше и пифика на брегъ донесе. Он же на сушу наступив, тошно на смоковницу възде. Желва же долѣ възпяше: „Сниди скоро, друже, яко да поидем”. Пифик же, отвещавъ, рече: „Аще сниду к тебѣ, до конца сердце свое не приобретаю”. Тако иже время обрѣтше благо, не исплѣнивше свое хотѣние, и времени мимотекшу, и не получают».

Царь же рече: «Разумѣх таковыа притча. И прочее убо скажи ми, иже тщиться на нѣкое любо дѣло оно, *а не искусит его преже начинания*».

Философ же рече:

«Глаголется, яко мужъ нѣкий вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: „Благонадеженъ есми, о жено, яко мужской пол отроч родится нам, иже со усрьдием поработает намъ. Смотри, како имя наречемъ ему”. Она же рече: „Престани, мужъ, блядити. Подобен еси оному мужу, пролиявшему мед и масло”.

Глаголетъ бо ся, яко мужъ нѣкий от убогих мед и масло в нѣкоем сосудѣ имяше, идѣже бѣ ложище его. И во едину убо ночь в себѣ помышляше, глаголя: „Хочу масло сие и мед продати за пѣнязя и купити коз 10, еде родят толико

любовь со своими друзьями, а тот, кто заключает любовь ради житейских нужд, строит на непрочном основании. Так что не нужно требовать от любимых ничего другого, кроме как доброго и чистого сердца, прямой и истинной веры. Теленок сосет свою мать, хоть она и без молока, и сердится, когда отгоняют его от нее. Я же хочу, чтобы ты посетила мой дом. Живу я на острове, обильном травой, наполненном множеством плодов. Я на плечах понесу тебя”.

Поверила обезьяна, забралась на черепаху, и понесла ее та по пучине. А когда были они посреди пучины, остановилась черепаха в раздумье, как бы ей погубить обезьяну. Заметив черепахино промедление, заподозрила обезьяна хитрость и сказала про себя: „Уж не замыслила ли черепаха какое зло против меня?” И сказала так: „Вижу я, что ты в заботах и размышлении великом, и боюсь поэтому тебя, — чем ты озабочена?” И сказала та: „Печаль у меня большая, что, придя в мой дом, ты не все найдешь достойным, как это мне хочется. Ведь супруг мой лежит в постели”. И сказала обезьяна: „Не заботься об этом, печаль не приносит пользы. Позаботься лучше о лекарственных травах”. И сказала черепаха: „Врачи говорят, что обезьянье сердце может вылечить эту болезнь”. Услышала это обезьяна и оплакала про себя свою смерть, говоря: „Увы, безумная! Как не поняла я этого раньше? Хоть и старая я, а в такое несчастье попала. Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью”. Но черепахе она сказала так: „Почему же, милая, ты не сказала мне этого, пока не вышли мы из моего дома, чтобы я сердце свое с собою взяла? Ведь есть у нас обычай, когда идем к другу, сердце свое оставляем дома, чтобы не подумало оно чего дурного о друге”. Услышав это, черепаха, радуясь, поплыла обратно и вынесла обезьяну на берег. Та же, лишь ступив на сушу, быстро забралась на смоковницу. А черепаха закричала снизу: „Сойди скорее, друг, и отправимся”. И сказала обезьяна в ответ: „Если сойду к тебе, совсем не найду своего сердца”. Так вот те, кто не исполнил своего намерения, когда располагал случаем, упустив время, ничего не получают”.

И сказал царь: «Я понял эту притчу. А теперь расскажи мне о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в нем, прежде чем начнет».

И сказал философ:

«Рассказывают, что жил муж со своею женой и однажды сказал он ей: „Я уверен, жена, что родится у нас младенец мужского пола, и он с усердием будет служить нам. Рассуди, какое имя мы дадим ему”. И сказала она: „Прекрати, муж, пустословить. Ты подобен человеку, пролившему мед и масло”.

Рассказывают, что у одного человека из бедных были в сосуде мед и масло рядом с постелью его. Однажды ночью думал он про себя, так говоря: „Продам я за деньги масло и мед и куплю десять коз, а они народят столько же

козлищъ за 5 мѣсѣць, и пѣтymi лѣты составлю 400, от нихже куплу волов 100, и с ними посью нивы, от плода жита того и от прочих плодовъ напрасно пребогат буду, и дома въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны искуплу, и женѣ припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сирѣч Вседобрѣ, накажу его, якоже подобаетъ. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице”. И взем прилежащу ему жезлѣ, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по брадѣ его.

Таже роди отрока жена его, и по нѣкихъ днѣхъ рече жена к мужу своему: „Приди, сѣди здѣ у отрока”. И той отшедши, призван бысть от властелина мужъ ея, и оста дѣтищъ единь. И приключися абие присмакаться змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка,* възскачивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна змииною кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потрѣпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тшашеся на многиа вещи безъ разсуждения согрѣшаютъ».

Царь же рече: «Разумѣхъ таковое, прочее убо скажи ми, како подобаетъ царю свое царство съблюдати невреженно, и в кыхъ паче незлобивымъ ли нравомъ и благою совѣстью и поданиемъ».

Философъ же, восприимъ, рече:

«Отъ всего болши есть мудрость и трѣпѣние, и к симъ добрыхъ совѣтникомъ поспѣшенье, таже изряднаа и мудраа жена. Есть же ему и приточно, еже царю индийскому приключшееся есть».

Глаголетъ бо ся сице, яко той царь въ едину нощь видѣ 8 сновъ страшныхъ. И убоаяся, пробудися, и призва своа философы, и яже видѣ во снѣ сказа имъ. Они же рѣша: „Видѣние, еже видѣл еси, досточюдно есть; и подобаетъ намъ 7 дни, еже о немъ смотрити”. Исшедъ бесѣдоваше другъ с другомъ и рѣша: „Не много мимоиде время, отниже царь тму от насъ изби, и нынѣ убо божественное промышление вложи е въ рукахъ нашихъ, и подобаетъ намъ подвизатися, да погубимъ его. Сия убо достоинъ совѣтовати ему, яко да сына своего погубит и жену свою, въ симъ же и присненика своего, и прѣвосовѣтника, еже есть старѣй книжникомъ, еще же и бѣлаго елѣфанта, еже яздитъ на немъ, и другаа два елѣфанта великаа, и коня, и велблуда, и кровь ихъ в сосудѣ събрати, яко да с нею умоемъ его и припоимъ врачевныа пѣсни, яко да избавится отъ всего зла”. И приступиша къ царю и рѣша: „Испытахомъ в писаниохъ и обрѣтохомъ сиа и она, и нѣсть ти инъ путь спасенія, точию еже сотворити сиа”. Царь убо рече: „Хощу убо азъ сиа цѣлы быти и мнѣ единому погибнути”. Они же рѣша: „Ничтоже болше душа своа творити”. Слышавъ же сиа, царь прискрѣбень бысть и на

козлят через пять месяцев, а через пять лет у меня будет их четыреста, на них я куплю сто волов и с их помощью засею поля, плодами того урожая и другими плодами безмерно я обогащусь, построю четырехскатные златоверхие дома, накоплю множество рабов, возьму себе жену, которая родит мне дитя, и дам я ему имя Панкалос, то есть Вседобр, воспитаю его как следует. Но если увижу я, что он нерадив, я вот так побью его вот этой палкой". И, взяв лежащую поблизости палку, он ударил по сосуду и разбил его, и полились по бороде его мед и масло.

Родила потом жена мальчика и сказала однажды своему мужу: „Пойди посиди с мальчиком". А когда ушла она, супруга ее призвал к себе властелин, и дитя осталось одно. И случилось вдруг, что змея подползла к ребенку. Увидела ее ласка, прыгнула и вонзила в нее свои зубы. Супруг вернулся, увидел, что ласка окровавлена кровью змеи, и решил, что съела она младенца. Не дождавшись, пока увидит он мальчика, безжалостно ударил он ее по голове и убил. А войдя, нашел он младенца целым и змею, разорванную на части, и, раскаявшись, горько заплакал. Так ошибаются те, кто на многие дела устремляется без осмотрительности».

И сказал царь: «Понял я это, расскажи теперь мне, как следует царю сохранять невредимым свое царство, в каком случае кротостью, доброю совестью или наградами».

И сказал философ в ответ:

«Лучше всего мудрость и терпение, а к этому помощь добрых советников, затем честная и мудрая жена. К этому будет притчей то, что случилось с индийским царем.

Рассказывают так, что царь этот за одну ночь видел восемь страшных снов. Он проснулся в испуге, призвал своих мудрецов и рассказал им, что видел во сне. И сказали они: „Видение, которое ты увидел, заслуживает удивления; нужно нам семь дней, чтобы рассудить о нем". Вышли они и, беседуя друг с другом, говорили: „Немного прошло времени с тех пор, как царь убил многих из нас, а теперь божественный промысел отдал его нам в руки, так что нужно нам постараться сгубить его. Нужно посоветовать ему, чтобы убил он сына и жену свою, а с ними и родственника своего и главного советника, который старейшина книжников, а к тому же и белого слона, на котором он ездит, и других двух больших слонов, и коня, и верблюда, а кровь всех их собрать в сосуд, чтобы мы умыли его ею и воспели над ним врачебные песни, так чтобы избавился он от всякой беды". И пришли они к царю и сказали: „Смотрели мы в писаниях и нашли то-то и то-то, и нет у тебя другого пути к спасению, только чтобы исполнить это". Тогда сказал царь: „Хочу я, чтобы все они остались целы, а погиб я один". И сказали они: „Нет ничего важнее, как спасти свою душу".

своем одръ лежа ниць, и помышляше, что сътворити. И слышано бысть по всѣх о царевѣ печали.

И се увѣдѣв прѣвосовѣтник его и леть уразумѣвъ, не възможе о сих бесѣдовати цареви, но къ царици, приступив, рече: „Зрю царя прискорбна суца и боюся, еда како лживни философи леть створиша злобы ради, еже потребити его до конца совѣтующе. Но въпроси его, что есть вина, еяже ради толико скръбиши. Егда скажет ти, тогда повѣжъ мнѣ”. Она же шедши къ царю и сѣдши при главѣ его и рече: „Възвести ми, о царю, что ти совѣтоваша философи”. Царь же рече: „Не прилагай къ язвамъ язвы, не подобает бо ти о такихъ въпрашати мене, ибо не можеша такую злобу разрѣшати”. Она же рече: „Не надѣяхся, яко да утайши тайну никогда от мене. Аще мнѣ не откриеши такое, не вѣде, како инѣм откриеши”. Он же рече: „Что мя въпрашаеши о своей погыбели, о жено, и всѣхъ любезныхъ моихъ!” Она же рече: „Азъ убо и прочии не убѣжимъ, еже быти о тебѣ измѣнение. Что бо намъ честнѣйше, паче тебе? Но молю ти ся, о царю, по моей смерти никому от своихъ философъ не вѣруй, ниже убивай никогже, дондеже своимъ приятелемъ проявиши совѣт. Не вѣси ли, яко враждуутъ ты философи, зане довольно толико множество от нихъ преже мала времени погубилъ еси? И не мни, яко забыли суть о убьении; не подобаше ти ни начало сну сказати имъ, но аще послушаеши мя, въпроси сущаго у насъ постника старца о снѣхъ”. <...>

Царь же абие на конь вѣсѣд и поиде къ постнику оному, и яже видѣ сказа ему царь. Постник же рече: „Да не убоишися, о царю, ничтоже бо тебѣ зло будетъ. Повѣдаеть бо двѣ рыби, еже видѣ на опашехъ ходящихъ, яко посланници приидутъ къ тебѣ отъ великихъ царей и два елѣфанта приведутъ ти. А два норца, яже видѣ лѣтауща окрестъ тебе, назнаменуетъ, яко персьтии посланници два коня изрядна приводяще. Пресмыкаемый же змий по тебѣ сказуетъ, мечъ приноситъ ти, якоже никтоже инъ видѣ. А иже кровию тебѣ крещатися, являетъ, послетъ ти ся даръ риза багряна, сиаущи въ тмѣ. А еже водою омытися, провѣщаетъ, яко различнаа одѣяния принесутъ ти ся. А иже на гору бѣлу възити увѣренье истинно есть, яко на бѣла елѣфанта всядеши. А иже на главѣ твоей огонь прописуетъ, яко вѣнецъ многоцѣнный приимеши отъ царя нѣкоего велика. А глава твоя яко птиць, нынѣ не проявитъ ти ся. Сказаетъ бо малую нѣкою скорбь и отвѣщание любимаго образа. <...> И сия вся забудетъ ти ся по седми дни”.

Яже и по седми днехъ бысть: и приидоша посланници, носяще вся, яже прорече постник. Яже видѣвъ, царь отъ любовныхъ своихъ словеса общася приимати точиу. Таже видѣвъ дары и рече: „Не подобаетъ ми отъ сихъ взяти ничтоже, но вы, приятелие мои, възмите сиа вкупѣ съ благоумною моею съжителницею, свою бо душу за мя положисте”. Прѣвосовѣтник же рече: „Не подобаетъ намъ, рабомъ, такихъ дары приимати, но паче праведно есть сродникомъ твоимъ”. Царь же рече: „Ты моему спасению повинникъ еси, и тмами достоинъ еси благодарѣ-

Услышав это, опечалился царь, лег ничком на ложе свое и думал, что делать. И повсеместно стало известно о печали царя.

Узнал про это главный советник и понял хитрость, но не мог об этом говорить он с царем и, придя к царице, сказал ей: „Вижу я, что царь в скорби, и боюсь, что лживые мудрецы из злобы затеяли козни, давая такие советы, чтобы совершенно погубить его. Спроси его, какова причина, что он так скорбит. Если скажет тебе, то поведай мне”. Пошла она к царю, села в изголовье его и сказала: „Поведай мне, царь, что посоветовали тебе мудрецы”. И сказал царь: „Не прибавляй к нам раны, не следует тебе расспрашивать меня об этом, потому что не сможешь ты справиться с этим злом”. И сказала она: „Не думала я, что будешь когда-нибудь таить ты от меня тайну. Если не откроешь ты это мне, не знаю, как откроешь другим”. И сказал он: „Что спрашиваешь меня, жена, о своей гибели и гибели всех моих любимых!” И сказала она: „И я, и другие не избежим, чтобы быть заменой тебе. Что дороже нам, чем ты? Но умоляю тебя, царь по смерти моей не верь никому из мудрецов, не убивай также никого, прежде чем близким своим не объявишь свое намерение. Разве не знаешь ты, что мудрецы враждебны к тебе, потому что совсем недавно довольно многих из них ты убил? Не думай, что забыли они об этом убийстве; не следовало тебе ничего из снов рассказывать им, но, если доверяешь мне, спроси о снах находящегося у нас старца аскета”.

Тотчас сел царь на коня, поехал к тому аскету, и рассказал ему царь все, что видел. И сказал аскет: „Не бойся, царь, никакого зла тебе не будет. Ведь две рыбы, которых ты видел, что они ходят на хвостах, означают, что придут к тебе посланцы от великих царей и приведут к тебе двух слонов. А две утки, которых ты видел, что они пролетели около тебя, означают, что два персидских посланника приведут двух благородных коней. Ползущая за тобою змея говорит, что тебе принесут такой меч, какого никто не видал. А то, что ты крестился кровью, означает, что пришлют тебе в дар багряную ризу, светящуюся во тьме. А водою умывание предвещает, что принесут тебе различные одежды. А взойти на белую гору верный есть знак, что воссядешь на белого слона. А то, что огонь у тебя на голове, предсказывает, что примешь от великого царя драгоценный венец. А то, что голова у тебя, как птица, сейчас не откроется тебе. Это говорит о небольшой печали и отвержении от любимого лица. (...) И все это сбудется тебе после семи дней”.

Так и стало по прошествии семи дней: пришли посланцы, неся все, что предсказал аскет. Увидев это, поклялся царь принимать советы только от своих близких. Потом взглянул он на дары и сказал: „Не следует мне ничего брать из них, но вы возьмите их, друзья мои, вместе с моею благоразумною супругою, ибо вы положили за меня свою душу”. И сказал главный советник: „Не годится нам, рабам твоим, принимать такие дары, скорее это справедливо будет твоим родственникам”. И сказал царь: „Ты виновник моего спасения и достоин ты

ния". Таже взят царь бѣлаго елѣфанта, сыну же своему дасть единаго коня, и прѣвосовѣтнику многоцѣнный мечь. Прочаа же повелѣ прѣвосовѣтнику принести, принести по немъ къ женам. Бяху же ему двѣ женѣ любимѣ: едина, совѣтовавши о постницѣ, и другаа. И пришед царь к ним, предложи пред ними вѣнецъ и багряницу и рече *прѣво* къ совѣтници: „Избери себѣ от обою, еже хощещи, или вѣнецъ, или багръ, и оставшее да возмет другаа". Она же недоумѣвши, кое взяти, и възрѣ къ прѣвосовѣтнику. Он же помава оком, еже взяти багръ. Случи же ся тогда царю въздвигнути очи свои и видѣ прѣвосовѣтника, помавающа женѣ его о багряници. Она же разумѣвши, яко не утаися царю помавание, и не взят багръ, но вѣнецъ. Прѣвосовѣтник же оттоле преклони око свое до чѣтыридѣсят лѣтъ, яко да не мнится царю, яко око его страсть такову имать. И аще не бы тако сотворил, живот свой погубил бы. Въ един же убо от днии, яже вѣнецъ вземши...».*

Нѣкоторымъ писателемъ мудраа сия притча *не* дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ чѣловѣколюбивый да покрывъ насъ своею благодатию, молитвами святыхъ своихъ, яко благословенъ еси вѣки, аминь.

А писана сия притча послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 г., октоврия. Триас и агна, докса си!* 3 греческихъ книгъ на русскій языкъ переведено.

тысячи благодеяний”. Потом взял себе царь белого слона, своему сыну дал одного из коней, а главному советнику драгоценный меч. Остальное же велел он главному советнику доставить за собой к женам. А были у него две любимые жены: одна, которая давала совет об аскете, и другая. Пришел царь к ним, положил перед ними венец и багряницу и сказал сначала советнице: „Выбери себе из двух, что хочешь, — или венец, или багряницу, а оставшееся возьмет другая”. А она колебалась, что взять, и посмотрела на главного советника. И показал тот взглядом, чтобы взяла багряницу. Случилось же тогда, что царь поднял глаза и увидел, как главный советник указывает его жене на багряницу. А та догадалась, что не скрылось от царя это движение, и не взяла багряницу, а взяла венец. А главный советник с того времени сорок лет держал очи долу, чтобы не подумал царь, что во взгляде его была страсть. И если бы не поступил он так, потерял бы жизнь свою. В один из дней та, которая взяла венец...».

Какой-то писец не дописал этой мудрой притчи. Но пора, любезные, и мне окончить сладкое отеческое поучение. Да покроет нас человеколюбивый Бог своею благодатью, молитвами своих святых, ибо в веках благословен Ты. Аминь.

Написана же сия притча в октябре восемьдесят седьмого года последнего века седьмого тысячелетия. Святая Троица, слава тебе! Переведено на русский язык из греческих книг.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Понеже убо мнози предъ многими времени и лѣты и по различных мѣстѣх обрѣтошася въ словенскомъ нашемъ языкѣ, прелагающе Божественая Писаниа от многопремудраго и художнаго, зѣло скупаго еллинскаго языка въ нашъ языкъ, ихже имена не чловѣкы токмо вѣдома суть, нъ въ книгах паче живых Богомъ написанна суть, ихже послѣжде и лѣты и наказаниемъ и художествомъ разума еллинскаго языка, вяще же добрыми дѣлы, и къ вечеру солнечнаго дне, захода седморичнаго реку вѣка* и моя жизни скончания, случися и мнѣ навькнути мало гречьскаго языка, — толико, елико мощи ми разумѣти скупость того и тяжесть прилагания от оного в нашъ языкъ.

Гречьскый бо языкъ ово убо от Бога исперва художень и пространъ бысть, ово же и от различных по временех любомудрецъ ухыщренъ бысть. Нашъ же словѣнскы языкъ от Бога убо добрѣ сътворенъ бысть, понеже вся, елика сътвори Богъ, зѣло добра, нъ улишением любоучения любочестивых слова мужей хытрости, якоже онъ, не удостоися.

И убо колико-любо аще от оного навькохъ, не хотѣх коснутися сущих паче мене, рекше прѣлагати от гречьскаго языка въ нашъ, — по реченному: высочайших тебе не ищи и глубочайших тебе не испытуй. Бояся и оного, еже пострадаша и въ Вѣтхомъ и Новѣмъ Писании, иже преобидяще дерзостнѣ съмѣаше божественых прикоснутися.* Нъ обаче божественымъ сим мужемъ, преосвященнымъ глаголю митрополитомъ богоспасенаго града Сира кир Феодосиемъ* и пречестнымъ, принужденъ быхъ на превождение.

И вълѣпоту бо мно бѣ таковому мужу, иже от аггелъ, по великому Дионисию, просвѣщение приемлющу, без разуждения повинутися. Сьи бо убо истинный Божий чловѣкъ, аще и кто другый, житие убо сладко слышатися имаше, спасително же подражати се и полезно. Не токмо бо языкъ въ учени имяше полезень слышащимъ, нъ и житие много множае подражающимъ полезно. Паче же подобает ми истинное реши: елико языкъ убо, вьнегда глаголати,

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Поскольку уже много в нашем славянском народе оказалось людей, на протяжении многих времен и лет в различных местах переводящих Божественные Писания с многопремудрого и искусного, очень точного еллинского языка на наш язык, — имена которых не только людям известны, но и, более того, в книгах жизни записаны Богом, — за ними следом, имея в виду и годы, и образование, и искусство понимания еллинского языка, а особенно добрые дела, к вечеру солнечного дня, к заходу седмиричного, имею в виду, века, и моей жизни окончанию, случилось и мне изучить немного греческий язык, — только чтобы я смог понимать его точность и тяжесть перевода с него на наш язык.

Греческий язык ведь и от Бога изначально вышел художественным и пространным, и со временем различными любителями мудрости был усовершенствован. Наш же славянский язык Богом-то хорошо был сотворен, поскольку все, что ни сотворил Бог, очень хорошо, но, из-за недостатка любви к учению у любящих и чтящих слово мужей, усовершенствования, как тот, не удостоился.

И хоть я его сколько-то изучил, не хотел я приниматься за то, что больше меня, то есть переводить с греческого языка на наш, по сказанному: высочайшего тебя не ищи и глубочайшего тебя не исследуй. Боялся я и того, что претерпели и в Ветхом, и в Новом Завете посмевшие оскорбительно дерзко прикоснуться к божественному. Но, однако же, этим божественным мужем — я имею в виду преосвященного митрополита богоспасаемого города Сера — кир Феодосием и пречестным я принужден был к делу перевода.

Ведь и подобало, мне кажется, такому мужу, принимающему просвещение, по великому Дионисию, от ангелов, повиноваться без рассуждений. Ибо этот истинно Божий человек, как никто другой, проводил жизнь, о которой сладко слышать и подражать которой спасительно и полезно. Не только ведь язык, уча, имел он полезный для слушателей, но и намного более полезное житие для подражателей. И большую подобает мне истину сказать:

неуподобляемъ имаше, толико и житие, вѣнегда творити е, непостижимо. Всегда бо и присно, по апостолѣ: «Задняя забывайте»,* — на предняя дѣяния и видѣния простирашеся. И сице свѣтлое любочѣстна, и любоимѣния, и премудрости вѣкупѣ съ милостынею имаше, яко не многихъ быти второй. И сице оному блаженому сия и ина не мала, елика къ благоугождению, приходящу и многихъ симъ собою дѣлами учащу, аз же не подрѣзнувъ, ни же на свою крѣпость слова и разума надѣяся, — не буди то! — нѣ симъ, якоже рѣхъ, понужденъ бывъ и на того богомолителныя и светыя молитвы надѣяся, почлах и преложихъ светаго Дионисиа Ареопагита споспѣшениемъ и ексодемъ,* или откупомъ, сего светого ми владыкы и заступника.

И ина прежде сего преложихъ, и по семь — елика всещедрый светыми его молитвами дасть Богъ.

Бою же ся реши, яко азъ преложихъ светаго Дионисиа, аще и преложихъ его, — сматря непостижимую не малы высоту богословиа, и светого крайнюю премудрость, и тину моихъ грѣховъ добрѣ съвѣды.

Книгу же убо сию, светаго Дионисиа глаголю, в добра убо времена почлахъ, егда божественныя убо церкви и Светаа Гора* раеви подобнѣ цвѣтяху, якоже нѣкый садъ при источницѣхъ, присно напааемъ. Сверхшихъ же ту въ злѣйше всѣхъ злыхъ временъ когда, егда огнѣви Богъ христиане западныхъ странъ.*

И подвиже деспоть Углеша* вся сербьскыя и гречьскыя войска, и брата своего Волкашина краля,* и иныя велможа многыя нѣгде до шестидесятъ тысушь избранныя войска, и поидоша въ Македонию на изгнание туркъ,* не судивше, яко гнѣву Божию никтоже мощенъ противустати. Тѣхъ убо не изгнаша, нѣ сами от нихъ убиени быша, и тамо кости ихъ падоша и непогребенни пребыша. И много многое множьство ово убо въостриемъ меча умроша, ово же въ заплѣнение ведено бысть. Нѣции же ихъ, и гонезнущше, приидоша.

И толика нужда и злолютыя облия вся грады и страны западныя, елико ни же уши слышаста, ни же очи видѣста. По убиении бо мужа сего, храбраго деспота Углеша, просыпашася измалтяне и полетѣша по всей земли, якоже птица во воздуху, и овѣхъ убо от христианъ мечемъ закалаху, овѣхъ же въ заплѣнение отвождаху. А оставшихъ смерть безгодна пожьже. От смерти же оставшаа гладомъ погублени бывше, таковой бо гладъ бысть по всѣхъ странахъ, яковый же не бысть по всѣхъ странахъ от сложенни миру, ни же потомъ таковой, Христе милостивый, да будетъ! А ихже гладъ не погуби, сихъ попущениемъ Божиимъ волци, нощию и дению нападаючи, снѣдаху.

Увы, умилень позоръ бѣ видѣти: оста замля всѣхъ добрыхъ пуста: и людей, и скоть, и иныхъ плодовъ. Не бо бѣ князя, ни вожда, ни наставника в людехъ, ни избавляюща, ни спасающаго, нѣ вся исполнишася страха измалитьскаго. И сердца храбрая доблественыхъ мужей въ женѣ слабѣйшая сердца

насколько язык его, когда он говорил, был неподражаем, настолько и жизнь его, когда он творил ее, была непостижима. Всегда ведь и постоянно — по апостолу: «Заднее забывают», — к передним деяниям и видениям он простирался. И такую светлость благочестия, любви и премудрости наряду с милосердием он имел, что не многим уступал первенство. И так этот блаженный это и другое не малое, служащее к угождению Благу, практиковал и многих этим, своими делами, учил, то и я — не дерзая и не на крепость слова и разума своего надеясь, — да не будет этого! — но им, как я сказал, будучи понужден и на его умоляющие Бога и святые молитвы надеясь, — начал и перевел святого Дионисия Ареопагита при помощи и издержках, или откупе, этого моего святого владыки и заступника.

И иное прежде того я перевел, а потом — сколько святыми его молитвами даст всещедрый Бог.

Боюсь сказать, что я перевел святого Дионисия, хотя и перевел я его, — учитывая совершенно непостижимую высоту его богословия, крайнюю премудрость святого и хорошо зная тину своих грехов.

Книгу же эту, я имею в виду святого Дионисия, в хорошее время я начал *писать*, когда божественные церкви и Святая Гора раю подобно процветали, словно некий сад при источниках, постоянно напояемый. Закончил же я ее в худшее из всех плохих когда бы то ни было времен, когда прогневили Бога христиане западных стран.

И двинул деспот Углеша все сербские и греческие войска, и брата своего короля Волкашина, и много иных вельмож, примерно до шестидесяти тысяч избранного войска, и пошли они в Македонию для изгнания турок, не подумав, что гневу Божию никто не может противостать. Ибо тех они не изгнали, но сами были ими убиты, и там кости их пали и непогребенными остались. И весьма многое множество их или умерло от острия меча, или было уведено в плен. Некоторые же из них, убежав, пришли *назад*.

И такая нужда, злая и лютая, облила все города и западные страны, о какой ни уши не слышали, ни очи какой не видели. Ибо после убиения этого мужа, храброго деспота Углеши, рассыпались измаильтяне и полетели по всей земле, как птицы по воздуху, и одних из христиан мечом закальвали, а других в плен отводили. А оставшихся смерть безвременная пожала. От смерти же оставшиеся были погублены голодом, ибо такой голод был по всем странам, какой не бывал от сложения мира, ни потом, Христе милостивый, да не будет! А кого голод не погубил, тех попущением Божиим волки, и ночью и днем нападая, съедали.

Увы, жалостное зрелище можно было видеть: осталась земля безо всего хорошего: и без людей, и без скота, и без иных плодов. Ибо не было ни князя, ни вождя, ни наставника у людей, ни избавляющего, ни спасающего, но все наполнилось страхом измаильтян. И сердца храбрых доблестных мужей обра-

приложишася. В то бо время и племя сръбскихъ господъ, седми мноу родъ, конецъ приать.* И въистину тогда ублажаху живии преже умершихъ.

И въруйте ми: не азъ, иже невѣжда по всему есмь, нъ и онъ премудрый въ елинѣхъ Ливаніе,* не бы могль писаниемъ представити нужду, яже постиже христианъ западныхъ странъ.

Хотящей же убо преписовати и прочитати сию книгу, милостиви и неззорливи, молюся, будите моей ума немощи и недостатку и сами, понеже и вы чловѣци и чловѣчьскимъ подъяюще, яко требуете милости от Бога и прощения от чловѣкъ, прощению вашему и мене сподобляйте, у Бога испрашающе оставление безднѣ моего окаанства грѣхомъ.

И имже въ инокихъ мене худаго аще хоцещи увѣдети, начало тому есть осмеричное число, среда же двосѣтное и первое, конецъ же десято съ единѣмъ наскончается.*

Лѣто же тогда течаше 6-тысячное, 8-сѣтное, 70 и 9-е, индиктионь 9.*

Давшему же Богу и начати сия, и съвершити благоизволшему, — слава, честь и поклоняние въ бесконечныя вѣкы. Аминь.

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

Сие петънадесете главизны объемлетъ еже «О небеснѣмъ священноначелии» слово:

1. Яко всако божествное оснание, по блакости различнѣ въ промышляемаа происходе, прѣбываетъ просто, и не се тъкмо, нъ и съединенно творить оснаваемаа.

2. Яко подобнѣ божествнаа и небеснаа и отличными знаменми изьявляемаа суть.

3. Что есть священноначелие, и что въ священноначелии полза. Прѣдѣль священноначелия.

4. Что назнаменуеть еже аггель именованіе.

5. Почто вса небеснаа существиа отдолѣ общѣ аггелы глаголютсе.

6. Что прьво небесныхъ существъ удобрение, что срѣдне, что послѣдне.

7. О серафимѣхъ, и херувимѣхъ, и прѣстолюхъ, и о прьвомъ, ихъ священноначелии.

8. О господствѣхъ, и силахъ, и властехъ, и о срѣднемъ ихъ священноначелии.

9. О начелѣхъ, и архаггелѣхъ, и аггелѣхъ, и о послѣднемъ, ихъ священноначелии.

10. Повѣсприетіе и събрание аггельскаго благочинія.

тились в слабейшие женские сердца. В то ведь время и племя сербских господ, седьмой, кажется, род, пришел к концу. И воистину тогда ублажали живые прежде умерших.

И поверьте мне: не я, сущий невежда во всем, но и тот премудрый в эллинах Либаний не смог бы в писании представить нужду, которая постигла христиан западных стран.

Желающие же переписывать и читать эту книгу, молю вас, будьте милостивы и непрезрительны к моей немощи и недостатку ума и сами, поскольку и вы — люди и подвластны человеческим *слабостям*, так что нуждаетесь в милости от Бога и в прощении от людей, прощения вашего и меня удостоивайте, у Бога выпрашивая оставления бездне грехов моего окаянства.

А если хочешь узнать мое иноческое имя, — начало того есть восьмеричное число, середина же — двухсотое и первое, конец же — десяток с единицей, *и этим оно* заканчивается.

Год же тогда шел 6879 (1371), индикт 9.

Богу же, и начать это давшему, и завершить благоизволившему, — слава, честь и поклонение в бесконечные веки. Аминь.

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

Эти пятнадцать глав содержит трактат «О небесной иерархии»:

1. Что всякое божественное осияние, по благодати (Божией) различно в то, о чем заботится Помысел, исходящее, пребывает простым, но и единотворит осияваемое.

2. Что божественное и небесное подобающим образом выявляется и с помощью несхожих (с ним) символов.

3. Что такое иерархия, и какая от иерархии польза. Определение иерархии.

4. Что означает наименование ангелов.

5. Почему все небесные существа снизу (доверху) сообща называются ангелами.

6. Каков первый порядок небесных существ, каков средний и каков последний.

7. О серафимах, херувимах, престолах и о первой, их иерархии.

8. О господствах, силах, властях и о средней, их иерархии.

9. О началах, архангелах и ангелах, и о последней, их иерархии.

10. Повторение и сокращение (сказанного относительно) ангельского благочиния.

11. Почто все небесные силы и существа общѣ силы небесные глаголютсе.

12. Почто иже въ чловѣцѣхъ священноначелници аггелы глаголютсе.

13. Почто от серафимъ глаголетсе очиститисе пророкъ Исаиа.

14. Что назнаменуеть прѣданное аггельское число.

15. Кыи изобразителнии аггельскихъ силъ образы. Сия вса въ петна-десетой главизнѣ:

- 1) что еже огневидное,
- 2) что еже чловѣковидное,
- 3) что очеса,
- 4) что ноздры, что уши,
- 5) что уста,
- 6) что осезание,
- 7) что обрѣви и вѣжде,
- 8) что юность,
- 9) что зубы,
- 10) что рамена, и мышце, и руки,
- 11) что сердце,
- 12) что прѣси,
- 13) что плещи,
- 14) что ноги и крила,
- 15) что нагота и еже необуvenное,
- 16) что одѣвание,
- 17) что свѣтлаа риза,
- 18) что святительскаа одежда,
- 19) что поясы,
- 20) что жѣзлы,
- 21) что копиа, и сѣчива, и землемѣрите-
- 22) лнаа, и дрѣводѣлскаа орудия,
- 23) что вѣтры, и облаци, и мѣдь, и илектронь,¹
- 24) и лица,
- 25) что еже львовидное, еже воловидное, еже орловидное,
- 26) что коны, и различия конскихъ мастей, и колеснице, и кола, и прочаа, что глаголемаа радость аггельскаа.

¹ *Маргиналий:* Илектронъ есть каминъ... ликий... нь та... пуема... тьль...

11. Почему все небесные силы и существа называются одинаково небесными силами.

12. Почему священноначальники людей называются ангелами.

13. Почему говорится, что пророк Исая был очищен серафимами.

14. Что означает сообщаемое преданием число ангелов.

15. Какие формы имеют образы ангельских сил. Это все в пятнадцатой главе:

- 1) что означает огневидность,
- 2) что — человеческий вид,
- 3) что — глаза,
- 4) что — ноздри, что уши,
- 5) что — уста,
- 6) что — осязание,
- 7) что — брови и веки,
- 8) что — юность,
- 9) что — зубы,
- 10) что — плечи, мышцы и руки,
- 11) что — сердце,
- 12) что — грудь,
- 13) что — плечи,
- 14) что — ноги и крылья,
- 15) что — нагота и необутость,
- 16) что — одеяние,
- 17) что — светлая одежда,
- 18) что — святительская одежда,
- 19) что — пояса,
- 20) что — жезлы,
- 21) что — копья, секиры и землемер-
- 22) ные и деревообрабатывающие орудия,
- 23) что — ветры, облака, медь и электр,¹
- 24) и лица,
- 25) что — вид льва, вид тельца, вид орла,
- 26) что — кони, различие конских мастей, колесницы, колеса и прочее, что так называемая радость ангельская.

¹ *Маргиналий*: Янтарь — камень...

Гранослова о книзѣ светого Дионусиа:

От великаго Дионусиа словь
 Не убо кто обрѣщетъ книгу скупѣйшу,
 Всако праведнѣ, ни же высочайшую,
 Аще сия высока, сребро и порфира.

Надписьание въ блаженнаго Дионусиа:

Ангельскыя прѣмудрости свѣтлости многыя разумѣвъ,
 Чловѣкомъ явиль еси видѣти умосъставную Звѣзду.

СЪСВЕЩЕНИКУ ТИМОФЕЮ — ДИОНУСИЕ СВЕЩЕННИКЪ О НЕБЕСНѢМЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛСТВѢ²

ГЛАВА 1. ЯКО ВСАКО БОЖЕСТВЕННОЕ ОСИЯНИЕ,
 ПО БЛАГОСТЫ РАЗЛИЧНѢ ВЪ ПРОМЫШЛЯЕМАА ПРОИСХОДЕ,
 ПРѢБЫВАЕТЪ ПРОСТО, И НЕ СЕ ТЪКМО,
 НЬ И ЕДИНОТВОРИТЬ ОСИАВАЕМАА

1. «Всако дание благо и всакъ дарь съврѣшень свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтомъ».*³ Нь и всако отцедвижнаго свѣтоявления прошьствие въ насъ благодатнѣ приходимо, паки яко единотворна сила въиспрѣноснѣ насъ въспростираетъ и обращаетъ къ Събирателя Отца* единству и боготворной простотѣ. Ибо «отъ Того вса и въ Томъ»,* якоже священное рече Слово.

2. Прочее, убо Исуса призвавше, иже отечьскый «Свѣтъ», иже сый, «иже истинный, иже просвѣщаетъ всакого чловѣка, гредущаго въ мирь»,* имже еже къ свѣтоначелнику Отцу* приведение имѣхомъ, на священныхъ Словесъ

² Сказание надписанию. Понеже надписание «свещенноначалие» иматъ, нарицати обыче священноначелники епископы, длжно естъ вѣдѣти убо, яко священноначалие убо естъ еже завѣщания самого священныхъ начело и образомъ нѣкоимъ попечение, и священноначелникъ — иже священными начелствуе, и пекийсе, и промышляе, не убо священници, нь — иже яже священнаа и уставъ ихъ же и церкви и таинъ различныя, не убо же священноначелникъ. Сие же тлъкование и самъ великий Дионусие долѣ прѣдлагаетъ въ иже «О церковничьскомъ священноначелии» словѣ.

Маргиналий: И священникъ бо священна суть; того ради отъ общаго, рекше отъ священнаго тогова, словится священноначелникъ, а не отъ священника. Священная же начелствуя явъ священници, понеже и тии священни.

Продолжение схолии: Знаменай же, и яко священника име и епископа являетъ, зане яко священникъ естъ и епископъ. И се являетъ и въ «Дѣяньяхъ светыхъ апостоль», идеже въ Асии съчиняетъ церквамъ ее светый апостоль Павль.*

³ Знаменай, яко светаго Иакова Съборнымъ посланиемъ* приемлетъ блаженный Дионусие, оттуду бо речение естъ, и яко изданно уже бѣ.

Стихи о книге святого Дионисия:

Трактатов Дионисия великого
Едва ли кем точнее книга сыщется,
Ни более, конечно же, роскошная,
Коль это роскошь — серебро на пурпуре.

Эпиграф к блаженному Дионисию:

Ангелам свойственной мудрости многую светлость постигнув,
Людам Звезду, из ума состоящую, дал ты увидеть.

СОСВЯЩЕННИКУ ТИМОФЕЮ — СВЯЩЕННИК ДИОНИСИЙ О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ²

ГЛАВА 1. ЧТО ВСЯКОЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ОСИЯНИЕ,
ПО БЛАГОСТИ (БОЖИЕЙ) РАЗЛИЧНО ПРОХОДЯЩЕЕ В ТО,
О ЧЕМ ЗАБОТИТСЯ ПРОМЫСЕЛ, ПРЕБЫВАЕТ ПРОСТЫМ,
НО И ЕДИНОТВОРИТ ОСИЯВАЕМОЕ

1. «Всякое даяние благое и всякий дар совершенный свыше есть, сходя от Отца светов».³ Но и всякое исхождение движимого Отцом светосвечения, благодатно в нас приходящее, вновь как единотворящая сила, возвышая, нас наполняет и обращает к единству и боготворящей простоте Собирателя Отца. Ибо «из Него все и в Него», как сказало священное Слово.

2. Итак, призвав Иисуса, Отчий «Свет», сущий, «истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир», через Которого мы обрели доступ к светоначалу, Отцу, восклонимся, насколько это возможно, ввысь к

² Объяснение названия. Поскольку название содержит слово «иерархия», а обычно он называет иерархами епископов, следует знать, что иерархия есть начало самого распорядка священного и некоторым образом попечение (о нем), а иерарх — тот, кто над священным начальствует, печется и заботится (о нем), а не о священниках, но — кто распоряжается священным и его уставом, а также (устройством) Церкви и таинств, однако же не архиерей. Такое толкование и сам великий Дионисий предлагает ниже, в трактате «О церковной иерархии».

Маргиналий: И то, чем ведают священники, священно; по этой причине, (идя) от общего, то есть от этого священного, говорится «священноначальник», а не от священника. Начальствующие же священным явно священники, поскольку и те священны.

Продолжение схолии: Заметь, что именование «священник» являет и епископа, поскольку и епископ священник. Это ясно и из «Деяний святых апостолов», где (повествуется, как) в Азии прощается с церквями ее святой апостол Павел.

³ Заметь, что блаженный Дионисий использует Соборное послание святого Иакова, ибо высказывание оттуда, и — что оно уже было издано.

отцепрѣдательнаа⁴ осианиа якоже мощно есть възмагаимь, и яже от тѣхъ знаменательнѣ⁵ намь и възводителнѣ изъявленнаа небесныхъ умовѣ⁶ священноначелства, коль мощны есмы, узримь. И еже начелное и прѣначелное⁷ богочачелнаго Отца свѣтодание, еже аггель намь образними знаменми изъявляеть блаженнаа священноначелства, невеществными и незIBLEмыми ума очесы приемше, паки отъ того на простую того възникнемь зару.

И бо ниже сиа коли своего единьствнаго вьнутрьнства⁸ оскудѣваеть къ възвождению же и единотворному промышляемыхъ растворению,⁹ благолѣпнѣ множещисе и происходещи, прѣбываеть вьнутрь себе тврѣдстнѣ вь недвижимоь тождствѣ прѣбывательнѣ вьдруженна и иже на ту, якоже праведно есть, възимающесе по мѣрѣ тѣмъ вьсиаваеть и единотворить по простотнѣмъ ее единствѣ. Ибо ни же мощно инако намь вьсиати богочачелной зарѣ, аще не различиемъ свещенныхъ завѣсь¹⁰ възводнѣ прикрываемой и сущимъ у насъ промыслоть отечьскимъ съествствнѣ и свойствнѣ указанной.

3. Тѣмже и преподобнѣйшее наше священноначалие Служьбнство Свещенноположно¹¹ небесныхъ священноначельствѣ прѣмирному уподоблению сподобивь, и реченнаа невеществнаа священноначелства вьществными образы и зрачными сложенми¹² уразличивь, прѣдасть, яко да по мѣрѣ мы сами от свещеннѣйшихъ зданий¹³ на простие и необразние въземсе възводей

⁴ Отце zde являеть прѣдавшен ему прѣдание, не убо же естественые, от еллин бо бѣ, якоже сказують «Дѣянихъ светыхъ апостоль»* и сам же въ еже къ светому Поликарпу посланий* и въ 9 главѣ «О небеснѣмъ священноначелии».*

⁵ Знаменательнѣ. Знаменми нѣкоими глаголеть и образи, не бо ествословнѣ.

⁶ Умове наричуть и иже отъ еллинъ прѣмудры разумные, сирѣчь аггелские силы, понеже все умь есть кьждо ихъ и сущьство все умь живь вь вид себѣ вьсущьствлено имать.

⁷ Прѣначелный же Богъ, яко паче всакого начела и богочачелны свѣтъ, яко начело глаголемыхъ богъ, — аггель, глаголю, и чловѣкъ праведныхъ.

⁸ Вьнутрьнство глаголеть ськрьвенство, вьсѣмъ бо сущимъ вьнѣ тое недовѣдома есть.

⁹ Знаменай «растворение» и почто Божество, едино сущее, множитсе.

¹⁰ «Завѣсы» глаголеть яже тѣлеснѣ о Бозѣ глаголемаа вь Писанияхъ, рекше удѣ чловѣчскихъ, или силъ нѣкоихъ именованиа. Знаменай же, яко кромѣ образъ и знамений не мощно намъ, вь плть сущимъ, узрѣти невеществнаа и бесплтнаа. И се паче являху яже вь скини завѣшениа, якоже zde гадаеть.

¹¹ «Служьбнство Свещенноположно» — божественое свещенныхъ таинствѣ нашихъ удобрѣниа положение и прѣдложение есть начело бывше от Бога апостольми сьвршительными сихъ благыхъ. Наученние бо сьвршеннѣхъ наричеть божественый апостоль Павль, глаголе: «Елици убо сьвршенны, се да мудрствуюемъ».* *Маргиналий:* «Служьбнство свещенноположно» zde разумѣй небесно свещенноначелие.

¹² Знаменай же, кые глаголеть «образе и зрачнаа сложенна», рекше изьображенниа, яже напрѣдѣ прѣдлагаеть.

¹³ Знаменай, яко зданновиднаа глаголет яже zde таинствьнаа прѣдания, яже вь иже «Церковньомъ свещенноначелии» словѣ отврзаеть. Се же боголѣпнѣ достоить разумѣти. Къ убо «зрачнымъ» «наздание» въздаждь, къ «сложению» же «простаа и невьображаемаа».

осияниям священнейших Речений, переданным отцами,⁴ и сколько есть сил будем созерцать ими для нас символически⁵ и возводительно открытые иерархии небесных умов.⁶ И начальное и сверхначальное⁷ светодавание богоначального Отца, показывающее нам в изобразимых символах блаженнейшие иерархии ангелов, невещественными и недрожащими очами разума восприняв, от него вновь устремимся к его простому сиянию.

Оно же никогда не оскудевает в своей единственной внутренности,⁸ благолепно умножаясь и исходя для возвышающего и единотворящего соединения⁹ (в себе) всех, о ком заботится Промысел, пребывает внутри себя прочно и неколебимо утвржденным в неподвижном тождестве и воссияет для обращающихся к нему подобающим образом, по их мере, и единотворит (их) соответственно своему простому единству. Ибо невозможно, чтобы богоначальное сияние воссияло нам иначе, нежели возводительно окутанное пестротой священных завес,¹⁰ соестественно и подходящим нам образом Отческим промыслом снаряженное.

3. Почему и Службоначальное Священноустановление,¹¹ удостоив нашу преподобнейшую иерархию быть надмирным подобием небесных иерархий и испещрив упомянутые невещественные иерархии материальными образами и сочетаниями форм,¹² предоставило нам соразмерно себе восходить от (этих) священнейших творений¹³ к простым необразимым подобиям, поскольку невоз-

⁴ Отцами здесь он представляет (людей), передавших ему предание, а не физических (предков): из эллинов ведь он был, как говорят «Деяния святых апостолов» и он сам в послании к святому Поликарпу и в девятой главе (книги) «О небесной иерархии».

⁵ Символически. Он говорит, используя некие символы и образы, а не естественнонаучно.

⁶ Умами и эллинские философы называют умные, или ангельские, силы, поскольку каждая из них есть всецело ум и полнотой существа обладает как осуществляемый в своем собственном виде живой ум.

⁷ Сверхначален Бог как превышающий всякое начало и богоначальный свет, как начало так называемых богов, — я говорю об ангелах и праведных людях.

⁸ Внутренностью он называет сокровенное, ибо для всех, кто вне его, оно невидимо.

⁹ Обрати внимание на «соединение» и на то, почему Божество, будучи единым, множится.

¹⁰ «Завесами» он называет то, что в Писаниях говорится о Боге как о теле, например, путем наименования человеческих членов или каких-то способностей. И заметь, что помимо образов и символов невозможно нам, во плоти сущим, увидеть невещественное и бесплотное. Именно это, скорее всего, показывают и завесы в скинии, как он здесь намекает.

¹¹ «Службоначальное Священноустановление» — божественное установление и составление порядка наших священных таинств, получившее начало от Бога через апостолов, совершителей этих благ. Ведь божественный апостол Павел называет посвященных совершенными, говоря: «Итак, кто из нас совершен, тот должен мыслить». *Маргиналий*: «Совершенноначальное священноустановление» здесь понимай как небесную иерархию.

¹² Заметь, что впереди он раскрывает, о каких говорит «образах и сочетаниях форм», то есть изображениях.

¹³ Заметь, что он называет сотворенными здешние мистические предания, каковые раскрывает в трактате «О церковной иерархии». Но это надо понимать подобающим Богу образом. С «формами» свяжи «творения», а с «сочетаниями» — «простые и невообразимые».

подобия, понеже ни же мощно есть нашему уму къ невеществу ону възетисе небесныхъ священноначельствъ подобию и видѣнью, аще не еже отъ сихъ вещнымъ руководствомъ¹⁴ потрѣбуеть яже убо видимыя доброты¹⁵ невидимаго благолѣпия изображенія помышляе, и яже чювьствнаа благоуханія въображенія умнаго прѣподанія, и безвеществнаго свѣтоданія образъ вещьнаа свѣтила, и еже по уму зрительнаго съвршениа Божественныхъ Писаний прочитаніе,¹⁶ и еже съгожденнаго къ божественнымъ съчиненнаго имьства,¹⁷ иже овдѣшняго украшенія чины и Исусова приобщенія божественнѣйшаго благодаренія причещеніе, и елика инаа небеснымъ убо существомъ прѣмирнѣ, нам же образнѣ прѣдашесе.

Сіего убо ради нашего по мѣрѣ обоженія чловѣколюбное Службоначеліе и небеснаго священноначелствія намъ указуе,¹⁸ и съслужителя ихъ съвршае еже у нас священноначеліе, еже прѣма силѣ нашей уподобленіемъ боговиднаго ихъ освещенія чювьствными образы прѣнебесныя написа умове въ священнописателныхъ словесъ¹⁹ слозѣхъ, яко да убо нас възведеть²⁰ чювьствныхъ ради на умна и от онѣхъ священнозданныхъ знаменій на простіе небесныхъ священноначельствъ врьхы.²¹

¹⁴ Вещное руководство глаголетъ еже вещными глаголемыми къ мысли възводитисе паче чювьствныхъ. «Видимыя же доброты» яже священныхъ храмъ удобренія глаголетъ, «украшеніи же чины» — священникъ степеню.

¹⁵ Знаменай же, яко видимыя доброты образы суть невидимыхъ удобреней, якоже являет и апостоль въ иже «Къ Евреомъ», яже о сѣны зре, и Моуси слыше: «Вса по образу, показанномъ ти на горѣ, сътвори».*

¹⁶ Божественныхъ Писаний прочитаніе есть яже видимыми и вещными пространнѣйшаа указанія.

¹⁷ «Имьства» суть тамо божественнаа завѣщавающе. Имьство же есть качество прѣбывателно. Зде же и церковныя чины тамошняа имьства за еже бесплътнаа образуютъ. Имьства бо бесплътныхъ суть.

¹⁸ Знаменати достоинъ, яко еже отъ нас, чловѣкъ, съвршаемо священничское тайнослуженіе подражаніе есть небеснаго священноначелія.

¹⁹ «Священнописателнаа же Словесъ сложенія» глаголетъ яже священнѣ о тѣхъ сложеннаа словеса въ Писаніихъ.

²⁰ Знаменай, како възводимсе на богословіе и яко Христосъ нас възводитъ.

²¹ Ничтоже яко по прилученію именованно есть отъ блаженнаго сего, нь многоучителнѣ и истѣйше съ благочестіемъ. Понеже убо еже у нас завѣщаніе образы вещными и сказанми и назданми рече съвршатисе по еже намъ мощно образъ сущей подражаніе еже у аггелъ священнаго удобренія влѣпоту еже въ нихъ священноявленіе врьхъ нарече. Врьхъ бо и крайнее обыкоше звати иже о сихъ уразнившихъ се коегождо существа чистѣйшее и къ нему же прилежитъ приближнѣ, сирѣчь приближно, существо. Якоже есть рещи, душе врьхъ есть умъ ея чистѣйши, и рачителства врьхъ прѣвъзъшѣдшихъ и божественнѣйшихъ топлотное желаніе, и нашего убо священноначелія и тайновиднаго удобренія врьхъ и крайнее чистѣйшее его отъ неже начетсе и еже близъ приходе невещества. Еже убо чистѣйше въ нас знаменіе врьхъ неизъображаемыхъ и простихъ и бесплътныхъ таинствъ, емуже священноначеліе съвъкупляемо приходитъ, образомъ нѣкоимъ къ чловѣкъ священноявленію, и образы възводитъ на чистая видѣнія умнаго службѣнства, врьху, глаголюшусе влѣпоту иже здѣ телесныхъ же и вещьвидныхъ.

можно нашему уму возвыситься до этого невещественного подобия небесных иерархий и (их) созерцания, если он не воспользуется соответствующим ему вещественным руководством,¹⁴ понимая, что видимые красоты¹⁵ суть отражения невидимого благолепия, и воспринимаемые чувством благоухания — образы умопостигаемого распространения, и материальные светила — образ невещественного светодаiania, и чтение божественных Писаний¹⁶ — свойственного уму насыщения созерцанием, и чины здешних порядков — (отражения) гармоничного с божественным свойства¹⁷ упорядоченности, и причастие в божественнейшей евхаристии — (символ) приобщения Иисусу; и все иное дано небесным существам надмирно, а нам образно.

Ради этого-то нашего, по (нашей) мере, обожения человеколюбивое Службоначалие, показывая нам небесные иерархии¹⁸ и делая сослужебной им нашу иерархию, описало наднебесные умы в священнописанных сложениях Речений,¹⁹ соответственно нашей силе, путем уподобления их богообразной священности доступным чувствам образам, чтобы посредством воспринимаемого чувствами возвести²⁰ нас к постигаемому умом и от оных священнозданных символов — к простым вершинам небесных иерархий.²¹

¹⁴ «Вещественным руководством» он называет возведение посредством того, что говорится о вещественном, к мысли о том, что выше чувств. «Видимыми же красотами» называет украшения священных храмов, а «чинами порядков» — степени священников.

¹⁵ Заметь, что видимые красоты суть образы невидимых порядков, как показывает и апостол в (Послании) к евреям, рассматривая то, что касается скинии и Моисея, слышащего: «Сделай все по образу, показанному тебе на горе».

¹⁶ Чтение божественнейших Писаний есть научение посредством видимого и материального более широкому.

¹⁷ «Свойства» суть то, что там упорядочивает божественное. (Вообще) же свойство есть устойчивое качество. А здесь церковные чины изображают тамошние свойства, с плотью не связанные. Свойства ведь — бесплотных.

¹⁸ Следует заметить, что совершаемое у нас, людей, священническое тайноводство есть подражание небесной иерархии.

¹⁹ «Священнописанными сложениями Речений» он называет слова, священно сложенные о них в Писаниях.

²⁰ Заметь, как мы возводимся к богословию и что Христос нас возводит.

²¹ Ничто этим блаженным не названо как придется, но (все) — с большим знанием и подлинно, с благочестием. Поскольку же он говорил, что священный порядок осуществляется — чтобы быть нам доступным — с помощью материальных символов, (словесных) распространений и творений, являясь отпечатком и подражанием ангельского священного устройства, он по справедливости назвал вершиной свойственное им явление священного. Знающие дело ученые обыкновенно называют вершиной чистейшее в каждой сущности, к каковому сущность близко, то есть непосредственно, примыкает. Так, скажем, вершина души — ее чистейший ум, а вершина любви — пламенное желание высочайшего и божественнейшего; и у нашей иерархии и тайноводительного устройства вершина — ее «чистейшее», из которого она началась и которое стремится к близости с нематериальностью. Чистейший же у нас символ — вершина неизображаемых, простых и бесплотных таинств, примыкая к каковой, иерархия восходит, словно к высшему являющему священное у людей, и возводит посредством образов к чистым созерцаниям умопостигаемого совершенства, по справедливости называемого вершиной здешнего телесного и материального.

ГЛАВА 2. ЯКО ПОДОБНЪ БОЖЬСТВНАЯ И НЕБЕСНАЯ И ОТЛИЧНЫМИ ЗНАМЕННИ ИЗЪЯВЛЯЕМА СУТЬ

1. Потрѣба же есть убо, яко мню, пръвѣе изложити кую убо быти мысль всакого священноначельства непщумь и что тогове коеждо сълики- ствники ползуеть, прочее же небесная священноначельствия вспѣти по еже тѣхъ въ Словесѣхъ изьявлению,¹ послѣдователнѣ же симъ рещи, кыми священными ображенми небесные изображаютъ доброты² Словесная священнописания и къ коей възвестисе подобаетъ назданий ради простотѣ, яко да не и мы подобнѣ инымъ несвещеннѣ възнепщумь небесные и боговидные умове многожние быти нѣкые и многоличныи и къ воловь скотству или къ львовъ звѣрообразию въображенныи, и къ орловъ погрѣбленокътну виду,* или къ птицъ власовну крилатоестеству созданныи,* и кола нѣкотогаа огневидна на небесы* възъмчтаемъ, и прѣстоле вещни Богоначелию къ сѣдению прикладныи,* и коне нѣкые многопстротни,* и съ копиями архистратиге,* и еликаа инаа от словесъ намъ священнѣздательнѣ въ различию изьявителныхъ знаменяхъ прѣданна быше. И бо явѣ богословие творителными³ священнозданми на безобразныхъ умовъ потрѣбова иже у нас, якоже речесе, умъ съвыше присѣтивъ и приискрняго тому и съестественаго възвода промысливъ и тому наздавъ възводителная священнописания.

2. Аще ли же нѣкоему мнитсе священная убо приемати сложения⁴ простиихъ от себе невѣдомыхъ же и незримыхъ намъ бывающихъ, неприкладна же мнить яже светиихъ умовъ въ словесѣхъ образописания и всако,

¹ Изьявление глаголетъ възвъщение, явлено же, яко — еже знаменми изобразенми, яже и наздания рече; простоту же — еже естества невеществоное.

² Въдѣше бо, яко вспѣвае иже въ небесѣхъ священни умове, якоже самъ глаголетъ, по Писанической нужди имѣше рещи о животныхъ звѣрообразныхъ, и орловѣхъ, и иныхъ, имиже уподобляютъ Божьствная Писания архагельские силы, глаголетъ бо: «Да не и мы, и якоже мнози, възнепщумь несвещеннѣ» не имѣти тлькования многоличнымъ и многожннымъ чиномъ небеснымъ. Сия же убо изьяснити прѣдречесе, по священныхъ Словесѣхъ изьявлению.

³ Яко и творителными назданми приеть Писание рекъ. Подобна быти небесная знамения и ображения иже от творьць мчтаемымъ, якоже священнѣ си мужъ съ глаголетъ (творьце же разумѣй или от еллинъ удивляемие (рекше Омира, Исидона и прочие), или творителными, рекше наздателными изобразенми. Видѣвъ бо Божие прѣмудрое съхождение нашъ умъ немощнѣ и къ височайшему неприкладнѣ имущъ, възведение тому съестственно наздавъ, сице архагельская въ явленно приведе удобрения, не яко имуть истинною, изьяснивъ, нъ како мы и можемъ разумѣти. Ничесоже неподобно мчтай яже небесныхъ.

⁴ Сложения глаголетъ реченная наздания и образотворения. «От себе» же, сирѣчь, якоже имуть естествомъ, невѣдомыи намъ, глаголетъ, и незримыи суть.

ГЛАВА 2. ЧТО БОЖЕСТВЕННОЕ И НЕБЕСНОЕ ПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ ВЫЯВЛЯЕТСЯ И НЕПОДОБНЫМИ (ЕМУ) СИМВОЛАМИ

1. Итак следует, как мне кажется, первым делом изложить, что мы считаем целью всякой иерархии и что пользой участников каждой из них, а потом — воспеть небесные иерархии согласно показанию¹ о них Речений и соответственно им рассказать, в каких священных образах священнописания Речений представляют небесные порядки² и до какой простоты надо с помощью (этих) изображений возвыситься, чтобы нам, подобно многим, не полагать нечестиво, будто небесные богообразные умы — некие многоногие и многоликие (существа), имеющие вид домашних быков, диких львов и кривоклювых орлов, или пернатых, похожих на волосатых, птиц, и не воображать некие огненные колеса над небом и материальные престолы, нужные Богоначалию для восседания, и неких разномастных коней и архистратигов-копыеносцев, и все прочее, что священнообразно передано нам Речениями в пестроте выявляющих символов. Богословие ведь решительно воспользовалось поэтическими³ священнотворениями применительно к не имеющим образа умам, изучив, как сказано, наш ум, предусмотрев свойственную и прирожденную ему способность возведения и создавая для него возводительные священнописания.

2. Если же кому-то представляется, что священные сложения⁴ надо воспринимать как (изображения) простого, самого по себе непознаваемого и нами невидимого, но написанные в Речениях образы святых умов кажутся

¹ Показанием он называет извещение, и ясно, что — с помощью символов и изображений, каковы он называет и образами; простотой же (он называет) невещественность природы.

² Ведь он понимал, что, воспевая небесные священные умы в согласии, как он сам говорит, с Писанием, он вынужден говорить и о животных, и о зверях, и об орлах, и о других (тварях), которым божественные Писания уподобляют архангельские силы, ибо он говорит: «Чтобы и нам, подобно многим, не полагать нечестиво», что нет объяснения многоликих и многоногих небесных чинов. Их-то и обещает он разъяснить в согласии с показанием священных Речений.

³ Он сказал, что Писание воспользовалось некими поэтическими творениями. Небесные символы и образы сходятся, как говорит этот священный муж, с фантазиями поэтов (под поэтами же разумей, например, почитаемых эллинами, как то: Гомер, Геснод и прочие) или с поэтическими, как бы пластическими, набросками. Ибо премудрое Божье снисхождение, зная немощь нашего ума, неспособного к более высокому созерцанию, создав родственный ему подъем, таким образом сделало доступными его восприятию архангельские порядки, — показав их не такими, каковы они поистине, но такими, какими мы можем их воспринять. Так что не воображай ничего чуждого небесным (силам).

⁴ Сложениями он называет упомянутые творения и изображения. «Самого же по себе», — значит, такого, каким ему свойственно быть по природе; а существует оно, говорит он, непознаваемым для нас и невидимым.

яко рещи, отрочно⁵ само аггельских именъ подобие, и потрѣбно быти глаголетъ богословцем на тѣлотворение нѣкако бесплѣтных пришѣдшимъ ближними (*на поле рядом*: самѣх тѣхъ виновна) тѣхъ и яко мощно сѣродными наздавати же и изьявляти ображенми от иже у нас честнѣйшихъ⁶ и безъвещствныхъ нѣкако⁷ и прѣвышележущихъ сущствъвъ, а не небеснымъ и боговиднымъ простотамъ⁸ яже на земли послѣдняя налагати многообразия (ово бо убо нашихъ и възводително хотѣше быти, и яже прѣмирная изьявления не свести въ неприкладная отличнства, ово же и въ божественные неправеднѣ досаждаеть силы и нашъ негли заблуждаеть умъ, въ несвещенная тѣ въгльбляе сложения, и рекше⁹ и възьмнитсе прѣнебесная львовъ нѣкоихъ¹⁰ и конь многихъ исполнятисе, и мръкательнаго пѣснословия, и птичяго ятоначелія, и животныхъ иныхъ,¹¹ и вещейъ безъчестнѣйшихъ, елика къ безмѣстию и таимичеству и страсти¹² уклонитисе написують иже по всемъ отличная васнѣ изьявительныхъ Словесъ уподобления), нь еже истины, якоже мню, прошение указуетъ юже въ Словесехъ священную прѣмудрость въ небесныхъ умовъ изьображеняхъ, коеждо зѣло промысливъ,

⁵ Отрочно, мню, глаголати тому странно и рекше обычайныхъ отсѣченны путь и наздание. Сего ради и подобие то именуеть, изьявляе не истинны быти написанныи светыхъ аггель зраци. Ниже бо истинною таковы суть, яковыхъ тѣхъ Свещенное прѣдаеть Писание, нь да мы приходимъ къ величеству ихъ. Сам же Дионусие покушаетсе сьсложити реченная о нихъ и показати, яко мощно есть сказаний ради тако разумѣвати аггельская удобрения, якоже речеса.

⁶ Честнѣйша и невещствнаа отчести сущствия небо и звѣзды глаголетъ.

⁷ Нѣкако невещствныхъ, — сирѣчь отчести, не бо отнудъ безъвещствныхъ. Прѣвышележащая же сущствия небо и яже на небесы глаголетъ, сирѣчь звѣзды, еже бо тѣнокчестное ихъ и единосущствное близъ есть невещствия.

⁸ Боговидние простоты глаголетъ умная сущствия, невещствная бо суша и несложенна всако суть, не суше сѣрастворение стихий. Телеса бо от сихъ, оне же бесплѣтне.

⁹ «И рекшее» здѣ сиче разумѣй, и како възьмнитсе небесная львовъ и иныхъ безчестныхъ наплнятисе?

¹⁰ Си зраци светихъ херувимъ и от божьствнаго Езекиила,* и от дивнаго Иоанна въ «Откровенихъ»* написани быше.

¹¹ «Животна ина» рече, сирѣчь конь, и мьскькъ, и таковыхъ, «вещи же безчестнѣйшие», рекше прѣстоли, яко от дрѣвья, и кола, и оружия, и железа, якоже оружие истръженно при Валаамъ* и еже виде Давидъ, якоже въ «Царствнихъ» реченно есть, въ книзѣ Второй.*

¹² «Страстнѣ» глаголетъ, понеже львообразие яростно нѣчто назнаменуеть, и телца видъ — похотѣвателное, яже страсти и велики суть. Уподобления же глаголетъ уподоблятелная мѣнїя. Глаголетъ бо Иезекииль, яко подобие узрѣти прѣстола* и подобие льва,* еже являеть зданновидно мнещихсе мѣчтаніе. Сего ради и здѣ реченно бысть «отличная уподобления»: не бо вса подобнѣ зрѣть пророкъ, нь овѣхъ убо сиче, овѣхъ же сиче. Нь и отлични суть свѣса, имиже мнется подобни, ничесоже бо льва или телца или прочихъ истиннѣ имуть. Что же являеть отличное, въ прочнихъ обрѣшени.

нелепыми и весь этот театр ангельских имен, скажем так, грубым,⁵ и говорит он, что, приступая к творчеству телесных (изображений) совершенно бестелесного, богословам надо, чтобы (его) представить, создавать близкие (*маргиналий*: являющиеся причиной самих их) и по возможности родственные образы, заимствуя их у существ наиболее нами почитаемых,⁶ в какой-то мере невещественных⁷ и пребывающих выше (нас), не сообщая небесным богообразным простотам⁸ (ничего) предельно земного и многообразного (ибо первое способствует нашему возведению и не низводит надмирные явления до представляющегося нелепым несходства, а второе и божественные силы беззаконно оскорбляет, и наш ум вводит при этом в заблуждение и, пожалуй,⁹ в несвященные сочетания, (так что) скоро он может начать воображать, что свехнебесная сфера полна некими львиными¹⁰ и лошадиными стадами, песнопениями в виде мычания, птичьими стаями и другими живыми существами¹¹ и вещами менее почтенными, сколько их описывают по всему неподобные, склоняющие к нелепому, ложному и страстному¹² уподобления будто бы выявляющих Речений), но — истины, как я полагаю, поиски открывают священнейшую премудрость Речений, вполне предусмотрев-

⁵ Грубым, мне кажется, он называет странный и как бы далекий от принятого метод и способ творчества. Почему он называет это театром, поясняя, что написанные образы святых ангелов не отражают истину. Ибо на деле они не таковы, какими их представляет Священное Писание, но они (изображаются так), чтобы мы постигли их величие. Сам же божественный Дионисий старается собрать сказанное о них и показать, что ангельские порядки можно благодаря разъяснению мыслить так, как сказано.

⁶ В высшей степени почитаемыми и отчасти нематериальными сущностями он называет небо и звезды.

⁷ В какой-то мере невещественных, — то есть отчасти, ибо не полностью невещественных. Пребывающими же выше (нас) существами он называет небо и то, что на небе, как то звезды, ибо их тончайшесть и единосущественность некоторым образом близка к невещественности.

⁸ Богообразными простотами он называет умственные существа, ибо они невещественны и совершенно несложны, не будучи смесью элементов. Из таковых состоят ведь тела, а эти бестелесны.

⁹ «И, пожалуй» понимай здесь так: как же небесное станет представляться наполненным львами и иными нечтимыми (существами)?

¹⁰ В таком виде святые херувимы представлены и божественным Иезекиилем, и дивным Иоанном в «Откровении».

¹¹ «Другими живыми существами» он называет такие, как лошади, мулы и тому подобные; «вещами же менее почтенными» — такие, как престолы как бы из дерева, колеса, меч из железа, как меч, извлеченный на Валаама, и тот, который видел Давид, о чем сказано во Второй книге Царств.

¹² Он говорит «страстному» потому, что образ льва служит неким знаком ярости, а вид тельца — похоти, каковые страсти и являются великими. Подобиями же он называет уподобляющие вымыслы. Так, Иезекииль говорит, что он видел «подобие престола» и подобие льва, что показывает образность представляющегося в фантазии. Потому-то и сказано «неподобные подобия»: не всех подобными видит пророк, но одних так, а других этак. Но и те совершенно неподобны, о которых думают, что они подобны, ибо ничего общего со львом или тельцом, или прочими (животными) на деле они не имеют. А что показывает неподобие, ты найдешь в дальнейшем.

яко ниже въ божествъныи,¹³ яко речеть кто, досадити силы, ниже убо въ низуносна нам страстнѣ выгльблятисе образъ смѣрения.

А яко убо вълѣпоту прѣдложишесе безобразных образы и зраци безрачныхъ, не едину вину речеть кто убо быти юже въ нас мѣру, немогущую непосредствнѣ на умная възетисе видѣния и трѣбующую искръныхъ и съестественныхъ възвождений,¹⁴ иже яже мощная намъ ображения прѣдлагають безобразныхъ и пачеестественныхъ видений, нь яко и се таинствънымъ Словесемъ есть подобнѣйше еже недовѣдомыми и священными гаданми съкривати и невьходну многимъ полагаги священную и съкръвенную прѣмиръныхъ умовъ истину. Есть бо не всакъ священнь, «ни же всѣх, — якоже Словеса рѣше, — разумь».*

Аще ли же неприкладная образописания виновъствуеть кто студно быти, глаголе възлагати яже сиче студна суть изьображения боговиднымъ и светѣйшимъ добротамъ, лѣпо есть къ тому рещи, яко два суть священнаго изьявления образа.¹⁵

3. Овь убо яко подобнь подобними происходе священнозрачными образы, ов же отличными образотворенми въ отнудь неуподобленнѣ¹⁶ и неприкладнѣ сътвараемъ. Сего ради и честное прѣсущствнаго богоначелия блаженство изьявителныхъ Словесъ тайная прѣдания когда убо яко Слово^{17*} и Умъ* и Существо възпѣвають, богоподобное словесънство и прѣмудрость Того являюще и въистину суще бытие и иже сущихъ бытия вину истинную, и яко свѣтъ* то наздавають, и животь*¹⁸ наричуть. Таковыми священнымъ назданиямъ честнѣйшимъ убо сущимъ и тименныхъ образъ прѣвъсходити нѣкакю мнещимсе, недостатъчъствующимъ же и сиче богоначелнаго къ Истинѣ подобия (есть

¹³ Обещавает своимъ тлъкованиемъ указовати коеждо, яко ниже възъмнѣтисе досажати небеснымъ, ниже насъ въ долѣносная смѣрения выгльблятисе о яже въ аггелѣхъ глаголемыхъ животныхыхъ.

¹⁴ Знаменай, яко бесплътная безрачная суть. Егда убо услышиши о Прѣсущствомъ иже «въ зрацѣ Божии сыи»,* еже неизмѣнное къ своему Отцу разумѣй. Се бо являеть и «образъ Бога невидимаго»* и еже «видѣвый Мене видѣль есть Отца».* Сиче и святой Василіе сказуетъ въ еже къ своему брату словѣ еже о разньствѣ существа и състава.*

¹⁵ Яко по двѣю образу възпѣвается божество: или яко подобно вѣмъ, вса бо въ томъ съставляются, или яко отлично [на поле рядомъ: неподобно], ничтоже бо есть всѣхъ.

¹⁶ Яко подобными и отличными наздаваются образы и како наздаваются, здѣ глаголетъ.

¹⁷ По чемъ глаголетсе слово и умъ Божь, вьнегда «Кто разумѣ умъ Господень?»* и вьнегда «И бысть слово Господне къ мнѣ»* глаголетъ и прочая. Словенство же глаголетъ при Бозѣ не яко словесна хошетъ показати Бога яко причествующаа слову, — се бо изьявляеть, — нь яко самословесие есть, Слово сый. Существо же глаголють при Бозѣ, егда рекуть «Азь есмь сый» и «Сый посла Ме».*

¹⁸ Яко ниже животь, ни же свѣтъ, ниже умъ, ниже существо истѣйше глаголетсе Божь, нь винословнѣ [на поле рядомъ: виновствнѣ]. Есть бо и паче сихъ и не яковаа сия.

шую при изображении каждого из небесных умов, чтобы и божественному,¹³ можно сказать, не было нанесено оскорбление и чтобы мы, приземленные, не оказались пораженными страстью к низменности образов.

Причиной же того, что с достаточным основанием выставляются изображения неизобразимого и виды безвидного, можно называть не только присущую нам неспособность непосредственно достигать умственных созерцаний и нужду в возведении¹⁴ (к ним) с помощью свойственного и сродного (нам), каковое предлагает доступные нам формы для созерцания бесформенного и (нас) превосходящего, но и то, что мистическим Речениям более приличествует скрывать с помощью умолчаний и священных загадок и держать недоступным для многих священную, тайную и сверхмирную истину (небесных) умов. Ибо не всякий священ, и «не у всех, — как говорят Речения, — разум».

Если же кто-нибудь сочтет, что иконография нелепа, и скажет, что стыдно столь оскорбительные изображения предлагать богообразным и святейшим (небесным) чинам, тому достаточно сказать, что образ изъяснения священного двояк.¹⁵

3. Один, как то естественно, заключается в создании образов, подобных священным прототипам, а другой — в формотворчестве образов неподобных¹⁶ до полного несходства и инаковости. Конечно же, таинственные предания выявляющих Речений воспевают чтимое Блаженство сверхсущественного Богоначалия иногда как Слово,¹⁷ как Ум, как Сущность, — чтобы показать подобающую Богу разумность, ее мудрость, по-настоящему сущее существование и истинную причину существования того, что существует; представляют Его и как свет, называют и жизнью.¹⁸ Хотя эти священные образы и более возвышенны, и кажутся имеющими некоторое преимущество перед материаль-

¹³ Он обещает своим толкованием показать и то и другое, чтобы не представлялось, что наносится оскорбление небесному и что мы погружаемся в приземленную униженность тем, что об ангелах говорится как о животных.

¹⁴ Заметь, что бестелесное бесформенно. Так что, когда слышишь о Сверхсущественном «во образе Божиим существующий», разумеи, что Он не отличается от Самого Отца. Это ведь показывают и (выражения) «образ Бога невидимого» и «Видевший Меня видел Отца». Так и святой Василий толкует в слове к своему брату о различии сущности и ипостаси.

¹⁵ (Заметь), что Божество воспевается двумя путями: или как подобное всему, ибо в Нем все содержится, или как неподобное, ибо Оно — ничто из всего.

¹⁶ Он здесь говорит, что образы создаются с помощью и подобного, и неподобного и как создаются.

¹⁷ (Заметь), почему говорится, что Бог есть Слово и Ум в выражениях: «Кто познал ум Господень» и «И было слово Господне ко мне», и прочих. О разумности же Бога он говорит не для того, чтобы показать, что Бог разумен как причастный разуму, это ведь очевидно, но потому, что Он есть Сама-по-себе-разумность, будучи Логосом. Сущность же Божию имеют в виду, когда говорят: «Я есмь Сущий», «Сущий послал меня».

¹⁸ (Заметь), что Бог называется «жизнь», «свет», «ум» и «сущность» не в собственном смысле слова, но как их причина (этиологически). Ибо Он выше них и не таков, каковы они.

бо паче всакого сущства и живота, ниединому убо то свѣту начрътающу, всакому же слову и уму подобия того безъссысуждения недостатъчествующи-имь). Когда ли же и отличными изъявленми от тѣхже Словесъ прѣмирнѣ поетсе невидимо то,¹⁹ и непостижно, и невѣмѣстимо нарицающимь, и от ихже не что есть, нѣ что нѣсть знаменаетсе. Сие бо, яко мню, и истѣйше есть на томь, понеже, якоже и скръвенное и священническое прѣдание научи и, еже убо не быти по нечесомь сущиихъ то истинствуемь, неразумѣваем же еже прѣсущствное того и недомыслное²⁰ и неизреченное неопрѣдѣление. Елма же убо отречения²¹ при божественныхъ истинна суть, наньречения же неприлична скръвеню неизреченныхъ, ближнѣйше паче есть при невидимыхъ еже отличными назданми изъяшнение.

Почитают бо,²² а не студа испльняють небесная удобрения яже светнихъ священнописания, отличными таа образотворенми изъявляюще и сими указующе вещественныхъ всѣхъ прѣмирнѣ изъшѣдшая. А якоже и нашъ умъ възводитъ паче неприкладствия отличнствѣвъ, не мню кого от благо-

¹⁹ Яко яже по отречени глаголемая при Бозѣ, сирѣчь: невидимъ, непостижимъ и яже таковаа, — отлична суть, являют бо не что есть, нѣ что нѣсть Богъ. Сице — и Богословъ Григорие.*

²⁰ «Недомыслное» глаголетъ не забивателно, нѣ еже не разумѣваемо от нѣкого. Неопрѣдѣлн же Богъ яко прѣдѣлу ниединому подпадае, нѣ самъ всѣхъ прѣдѣлъ сый и вса въ себѣ опрѣдѣляе, прѣдѣлу же не подпадаетъ, заеже прѣдѣлы убо от наньреченныи слежетсе, наньречения же при Бозѣ неприлична яко лъжуша. Паче бо сихъ Богъ, яко не сый сущство, нѣ паче сущства.

²¹ Не тѣкмо при Бозѣ, нѣ и при божественныхъ всѣхъ, сирѣчь при по Бозѣ умныхъ всѣхъ, и отречения истиннаа быти глаголетъ, и наньречения неприличнаа. Неприкладнаа бо убо суть наньречения, егда речемъ или Бога, или разумние силы, животь, или свѣтъ, ни бо животь таковы нѣкой есть, яко въдыханиемъ и изъдыханиемъ жити, ниже свѣтъ видимый и творей зрѣтисе подлежащимъ, нѣ вышше что сихъ. Отречения же нѣкако при умныхъ ближнѣйшаа. Глаголемъ бо, яко невидимыи и яко не подпадаютъ видѣнью разумѣваемъ. Что же есть само то Неявляемое, ниже многоиспытovati, ниже прѣдставляти мнитсе слово. А паче «животь» и «свѣтъ» мнитсе назнаменовати что есть, и сия нимало являютъ что есть Богъ.

²² Зри, како отвѣща, по что животныхъ память имѣють небесная, рекше образе. Якоже бо иже всѣхъ Богъ ничтоже въ всѣхъ имать въкупобитно, и того ради вѣлѣпоту ниедино от всѣхъ есть того явително. Нѣ проче инѣмъ кзьньствомъ [*на поле рядомъ*: хытростию] богословимъ, глаголюще, что нѣсть Богъ, еже наричетъ «отличными». Сице и при небесныхъ силахъ, яже по Бозѣ суть хытростнѣ [*на поле рядомъ*: послѣдѣлѣтне] сѣтворише богословци, ниединому умныхъ тѣхъ уподобивше, нѣ от чювственныхъ, ихже наричуть безъчстная, сихъ приемше начрътание, се къ чѣсти имъ сѣтворшеи, да назданновидно и не истинно будетъ сихъ подражание. Аще бо иже львозрачны глаголемы и многоконьны, и многопернати есть и словеснь, и невеществны, како не являнно, яко прѣмирнѣ прѣвъзиде вещьная и от насъ разумѣваемая?

ными, однако же и им недостает сходства с богоначальной Истиной (ибо Она превыше всякой сущности и жизни, так что никакой свет охарактеризовать Ее не может, и всякое слово и ум неизмеримо отстоят от подобия Ей). И иногда теми же самыми Речениями Она сверхмирно воспевается в отрицательных определениях, называющих Ее невидимой,¹⁹ беспредельной, невместимой и прочим и указывающих не на то, чем Она является, но на то, чем Она не является. Это ведь, как я думаю, и более применительно к Ней точно, поскольку, как учит тайное священное предание, мы правы в том, что Она не существует так, как существует что-либо из сущего, но мы не знаем Ее сверхсущественной, недоступной для мысли²⁰ и невыразимой неопределенности. Таким образом, если отрицания²¹ применительно к божественному истинны, а утверждения не согласуются с сокровенностью невыразимого, то для невидимого гораздо более подходяще выявление через неподобные образы.

Таким образом священнописания святых чтут,²² а не бесчестят небесные чины, изображая их в неподобных им формах и таким образом показывая, что они надмирно пребывают за пределами всего вещественного. А что неподобные образы возвышают наш ум лучше, чем подобные, я не думаю, что кто-либо из

¹⁹ (Заметь), что и то, что говорится о Боге в порядке отрицания, как то: «невидимый», «непостижимый» и (прочее) таковое, суть неподобное, ибо показывает не то, что Он есть, но то, чем Бог не является. Так (говорит) и Григорий Богослов.

²⁰ «Недоступной для мысли» он говорит, (имея в виду) не слабое, а что никто не может (Ее) помыслить. Неопределим же Бог как не подпадающий ни под какое определение, но Сам являясь пределом всего и все в Себе определяя, под определение Он не подпадает, потому что определения складываются ведь из утверждений, а утверждения к Богу неподходящи как лушие. Ибо Бог выше таковых как не являющийся сущностью, но как превышающий сущность.

²¹ Он говорит, что не только применительно к Богу, но и применительно ко всему божественному, то есть к умозримому после Бога, отрицания истинны, а утверждения неподходящи. Так, утверждения неподходящи, когда Бога или умные силы мы называем жизнью или светом, ибо ни некоей жизнью, существующей благодаря вдоханию и выдоханию, ни светом, видимым и делающим видимыми предметы, таковые не являются, но — что-то высшее этого. Отрицания же некоторым образом ближе к умопостигаемому. Мы ведь говорим, что они невидимы, и думаем, что они недоступны зрению. Что же такое само Неявляемое, разум, похоже, ни исследовать, ни представить не может. Хотя и кажется, что (слова) «свет» и «жизнь» показывают, что Он такое, но и они нисколько не проясняют, что такое Бог.

²² Смотри, как хорошо объяснил он то, что небесное или же (вернее, его) изображение напоминает животных. Ведь если во всем сущий Бог ни в чем не имеет ничего родственного Себе, то естественно, что совершенно ничто не может Его явить. Но далее мы другим методом [путем] богословствуем, говоря о том, чем Бог не является, что он называет — «через неподобные». Так же к небесным силам, каковые суть ниже Бога, богословы подошли искусно, ничему из умопостигаемого их не уподобив, но позанимывая сходство у воспринимаемого чувствами, каковое он называет лишенным чести, сделал это к их чести, чтобы уподобление ему было мнимым, а не истинным. Ведь если уподобляемый льву многоногий и многокрылый ангел разумен и невеществен, разве не ясно, что он надмирно превзошел материальное и мыслимое нами?

мудрствующиих супротивърещи. Въ чьстная бо убо священноздания лѣпо есть и заблудити,²³ златовидна мнещи имь быти небесная существа, свѣтовидныи нѣкоторые мужи и блистающесе благолѣпотми, одѣянные рызами свѣтлыими, и огньнѣ невѣднѣ*²⁴ блистающесе и еликыми иными подобообразными зраци богословие небесныи изобрази умове. Егоже да не постраждутъ иже ничесоже видимыхъ добротъ вышше разумѣвшеи, яже преподобныхъ богословць выспрьпростирательная прѣмудрость и къ неприкладнымъ отличнствомъ священнѣ сводитсе, не попушаючи еже тимѣнное наше въ студныи образи остаемо почивати, въставляючи же горѣнное душе и пострѣкующи злообразиемо сложенныхъ, яко ниже праведно, ниже истинно мнѣтисе быти, ниже сущимъ зѣло тимѣннымъ, яко сице студнымъ подобна въ истину суть прѣнебесныи и божественныи позоры.²⁵ Инако же и се разумѣти потрѣба есть, еже ниже едино от сущиихъ²⁶ быти по всемъ добраго причестия улишенно, понеже, якоже и яже Словесь истина рече, «Вса добра зѣло».*

4. Есть убо от всѣхъ разумѣти добрыи позоры и умнымъ и мыслнымъ от вещественныхъ наздати глаголемая отличная уподобления, инѣмъ образомъ умнымъ имущимъ, яже чувственнымъ инако подана быше. И бо ярость²⁷ убо бесловеснымъ²⁸ от страстного устрѣмления бывае, и всакого бесловесия испльнь яростновидно ихъ движение. Нь при умныхъ инѣмъ образомъ подобае яростное разумѣти, являемо, яко мню, еже мужьственное ихъ словесньство²⁹ и неумекчаемое имьство въ боговидныхъ и непрѣвратныхъ вдруженияхъ. Также похотѣвателное³⁰ убо быти глаголемъ при бесловесныхъ несмотренное нѣко и тимѣнное от естествнаго движения или обычая въ измѣняющихся³¹ неудржателнѣ бываемо пристрастие и еже бесловесное телеснаго пожелания

²³ Се и други помысль, егоже ради таковая уподобления о небесныхъ приеть. Аще бо бы чьстнѣйши приель назданми, сирѣчь златовидныи или блистающесе глаголе быти божественныи силы, всако убо повинулисѣ быше слышещеи, от иже въ чловѣцѣхъ чьстнѣйшиихъ увѣрено приемлюще. Ниня же неприкладныи и студныи образе привьнесе, да извѣстно вѣдуше, яко нѣ суть таковаа, възимемъ истину сущиихъ.

²⁴ Глаголемая бо огнепалная существия божественная не жежителнаа, нь животнаа суть.

²⁵ Позоры — иже съ удивлениемъ зримая.

²⁶ Яко ниедино от сущиихъ улишенно есть добраго причестия.

²⁷ Яко не простѣ бесловесия испльнено яростновидно движение, нь при бесловесномъ естествѣ. Достоить прочисти послѣднее слово книзѣ, егоже рекль есть о видѣни светыхъ херувимъ, тамо бо и сиа вса пространѣ объявленна быше.

²⁸ Достоить знаменати убо, что разумѣвается ярость при бесловесныхъ и что при словесныхъ, и что похотѣвание коихъждо.

²⁹ Знаменати достоить, яко и при аггелѣхъ словесньство глаголетъ.

³⁰ Яко похотѣние умныхъ рачительство неodrжанно есть о Бозѣ, еже наричетъ Невещьство.

³¹ «Въ измѣняющихся», рекше, от студенаго въ теплое, от здравия въ нездравие, от гнѣва въ безгнѣвие, от скръби въ радость.

благоразумных людей стал бы оспаривать. Ибо в более ценимых священных изображениях можно и обмануться,²³ полагая что *реально* существуют некие златовидные небесные существа и световидные, сверкающие, прекрасные мужи, облаченные в светлую одежду, сияющие безвредным огнем,²⁴ и прочие подобные красоты, при помощи которых богословие изобразило небесные умы. Поэтому, чтобы не пострадали те, кто не представляет ничего выше зримых красот, возвышающая премудрость святых богословов свяшенно нисходит до странного несходства, не позволяя нашей приземленности успокаиваться, останавливаясь на неподходящих образах, побуждая то возвышающее, что есть в душе, и уязвляя (ее) безобразностью (этих) сложений, чтобы даже чрезмерно приземленным (людям) показалось недопустимым и невероятным, чтобы сверхнебесные божественные видения²⁵ воистину были схожи со столь низким. А кроме того, следует принять во внимание и то, что нет совершенно ничего из сущего,²⁶ что было бы лишено причастности красоте, поскольку, как говорит истина Речений, «Все хорошо весьма».

4. Так что можно, от всех них (отталкиваясь), доставить уму прекрасные созерцания и создать для (существ) умопостигаемых и разумных упомянутые неподобные подобия из вещественного (материала), хотя (существа) умные существуют иным образом, нежели это уделено чувственным. Ибо ярость²⁷ бессловесных²⁸ рождается из страстного порыва, и их порожденное яростью движение исполнено всяческого неразумия, а у существ разумных ярость следует понимать иначе — как обнаруживающую, на мой взгляд, их мужественную разумность²⁹ и несмягчаемую верность богообразным и непревратным устоям. Точно так же похоть³⁰ у бессловесных мы называем некое безмысленное и низменное влечение, неудержимо возникающее у подверженных изменениям³¹ от естест-

²³ Вот и другое соображение, исходя из которого (Писание) использовало такие уподобления для небесных (сил). Ведь если бы оно воспользовалось более чтимыми образами, говоря, например, что божественные силы златовидны или блистающи, слушатели были бы полностью согласны, получая уверенность от столь чтимого людьми. Потому-то и привнесло (Писание) неподходящие и постыдные образы, — чтобы, точно зная, что (небесные силы) не таковы, мы стремились отыскать истину (о них) настоящих.

²⁴ Огненным пламенем, о котором идет речь, являются не обжигающие, но живительные божественные существа.

²⁵ Видения — то, на что смотрят с удивлением.

²⁶ (Заметить), что ничто из сущего не лишено причастности красоте.

²⁷ (Заметить), что порыв ярости не попросту полон неразумия, но в природе бессловесного. Надо прочесть последнюю главу его книги, где он говорит о виде святых херувимов, ибо там и это все подробно разъяснено.

²⁸ Следует заметить, как мыслится ярость у бессловесных и как — у словесных и как похоть у тех и у других.

²⁹ Заметить следует, что и применительно к ангелам он говорит о разумности.

³⁰ (Заметить), что похоть (существ) умопостигаемых есть неудержимая любовь к Богу, Какового он называет Невещественностью.

³¹ «У подверженных изменениям», то есть — из холодного в теплое, из здоровья в нездоровье, от гнева в безгневие, от скорби в радость.

удръжание, всако животно порѣвающаго на еже по чювству похотѣние. Егда же отличная уподобления умнымъ наложивше похотѣние имъ глаголемъ, рачительство божественно то разумѣти подобаеъ паче слова и ума невещества и неуклонно и несходно желание прѣсущствнѣ чистаго и непрѣльстнаго видѣния и къ оному чистому и кончному сиянию и нельстному и добротворному благолѣпию вѣчнаго вѣистину и умнаго причещения. И еже неудръжателное да разумѣемъ при скоромъ и невѣзвратномъ и от ничесогоже отсѣшисе могущу ради несмѣснаго³² и неизмѣннаго божественные доброты рачительства и еже отнуднее уклонение на вѣистину Желаемо. Нъ и само то бесловесие же и нечювство при бесловесныхъ убо животныхъ или бездушныхъ вещей улишение слова и чювства искрѣннѣ нарицаемъ; при невещественныхъ же и умныхъ сущ'ствахъ светолѣпнѣ еже прѣвѣсходимое³³ ихъ яко прѣмирныхъ исповѣдуемъ нашего прѣходителнаго и телеснаго слова и тимѣннаго и чуждаго бесплѣтнымъ умовомъ чювства.

Есть бо убо не неприкладные наздати небеснымъ зраки и от безчѣстнѣйшихъ вещи³⁴ честей, понеже и та от сущаго добра бытие имущи³⁵ по всакомъ ее вещественномъ удобреннѣ уподобления нѣкаа умнаго благолѣпия

³² Несмѣсно глаголетъ чисто и ни въ едино ино упражненное. Иже бо божественнымъ рачительствомъ съдржимъ, в'сь есть того и въ желаемо тъкмо въспростираеъ, ни от единого възбраняемъ прѣходителнаго и телеснаго слова. Бесловесие же глаголюще быти въ бесплѣтныхъ существахъ, не безумие тъмъ налагаемъ, вьнегда львовѣ образе, и тельць, и птиць, якоже при орлу, бесловесныхъ образе и знаменія глаголати подобна быти небеснымъ чиномъ, нъ таинствнѣ размѣнное еже по нихъ словеснаго къ еже у насъ назнаменуемъ. Мы бо словесное прѣдставляемъ езычнымъ орудиемъ и гласителными образы, биюще въздухъ езыкомъ, и слову, прѣходещу от насъ въ слышешнихъ слухы, от тѣла въ тѣло, якоже глаголетъ божественны Василю въ еже «Внемли себѣ» словъ; онамо же не тако, нъ, въ бесплѣтнствѣ суща, и въ другъ другъ вѣмѣшающесе и отходеще, всакого слова яснѣйше другъ друга разумѣвания видеше, другъ другу якоже глаголюще, мльчаниемъ слова прѣподають другъ другу.

³³ Прѣходително наше слово произносное, яко от глаголющаго прѣходе къ слышешному: «телесну» же, къ раздѣлению невещественнаго слова, се бо ниже телесно, ниже прѣходително.

³⁴ Безчѣстнѣйшу вещь глаголетъ телесовидно всако естество, къ различнымъ видомъ одушевленнымъ и бездушнымъ и прочимъ от Бога удобренное; умное же благолѣпие — яке о Бозѣ глаголемая, ихже смѣреннѣе и тънкые образе въ сущнихъ обрѣтаемъ, сирѣчь еже просто быти, еже живѣмъ быти, еже почювати и подобная.

³⁵ Яко убо от Бога и вещь всака бытие имать, ниедино прѣмудрое супротивьрещи имать слово. Носит же и сама въ себѣ указание еже от Бога приведе се и украсисе. Всака убо еже от вещи удобреннѣе тъкно нѣко и сѣнно уподобленнѣе и подражаннѣе разумныхъ имать. Якоже бо прикладна разумная въ подыетие якоже мощно иже от Бога промыслителныхъ прошествий, и животь сущаа оживляютсе от иже паче всакого живота Бога, и силы имуть въ благодѣтелство съдѣйствителнѣе, и движенье нѣко прѣмирное, сиче и вещная вса възкупъ же и от чести промыслъ Божий искрѣннѣ себѣ приемати прикладнѣ имуть, и оживлятисе, и животь быти могутъ, якоже: «Да изведеть земля душу живу»,* — и паки: «Да изведуть воды прѣсмикающая душа живыхъ».* Нъ и силы благодѣтелствнѣе иже

венного движения, или спаривания, и безрассудную власть телесного желания, толкающую всякое животное к чувственно вожделенному. Когда же мы, применяя неподобные подобия к (существам) разумным, приписываем им влечение, его следует понимать как божественную любовь к превышающей слово и разум Невещественности и неуклонное и неослабное желание сверхсущественно чистого и бесстрастного созерцания и поистине вечной умственной причастности этому чистому высочайшему сиянию и незримому творящему прекрасное Благолепию. А неудержимость да разумеем как стремительность и необратимость, воспрепятствовать которым ничем невозможно по причине беспримесной³² и неизменной любви к божественной красоте и всецелого уклонения к воистину Желанному. Да и саму бессловесность и бесчувственность бессловесных животных или бездушных вещей мы справедливо называем отсутствием разума и чувства; что же касается нематериальных умственных существ, то мы достойным святого образом признаем их, как сверхмирных, превосходство над нашим переходящим³³ телесным словом и материальным чуждым для бесплотных умов чувством.

Можно, стало быть, не обманывающие образы небесного творить и из наименее чтимых частей материи,³⁴ поскольку и она, получив бытие от истинно Прекрасного,³⁵ во всей своей вещественной благоустроенности обладает некими

³² Беспримесной он называет чистую и ни для чего другого не оставляющую места (любовь). Охваченный ведь божественной любовью принадлежит ей весь и стремится лишь к желанному, не будучи останавливаем никаким переходящим и телесным соображением. О бессловесности же говоря у бестелесных существ, мы не приписываем им и безмыслие, когда утверждаем, что небесным чинам подобают образы и символы бессловесных — в виде львов, тельцов и птиц вроде орлов, но мистически обозначаем отличие их разумности от нашей. Мы ведь проявляем нашу разумность посредством языка и фонетических форм, ударяя воздух языком, посредством слова, переходящего от нас в уши слушателей, от тела в тело, как говорит божественный Василий в слове на тему «Внемли себе»; а тут не так, но, пребывая в бестелесности, друг в друга вмещаясь и разделяясь, яснее всякого слова воспринимая мысли друг друга, они как бы беседуют друг с другом, в молчании слово передавая друг другу.

³³ Переходяще наше произносимое слово потому, что от говорящего переходит к слушающему; «телесным» же (сказано) для противоположения нематериальному, ибо то и не телесное, и не перемещающееся.

³⁴ Наименее чтимой материей он называет всякую телобразную природу, упорядоченную Богом в разнообразии одушевленных, неодушевленных и прочих видов; «умственной» же «красотой» — то, что говорится о Боге, умеренные и неясные образы чего мы находим в сущем, как то просто бытие, бытие живым, чувствование и тому подобное.

³⁵ Что от Бога и вся материя имеет бытие, — ни одно разумное слово этому не может противоречить. И она несет сама в себе доказательство того, что от Бога и появилась она и (Им) была упорядочена. Так что всякий материальный порядок имеет некие смутные и неясные (черты) подобия и сходства с умственным. Ибо как умственные (существа) способны, насколько это возможно, воспринимать промыслительные исхождения от Бога, и, будучи живыми, животворятся превышающим всякую жизнь Богом, и имеют силы для благотельного содействия, и некое сверхмирное движение, так и материальное, все вместе и по частям, имеет возможность соответствующим себе образом воспринимать промысел Божий и оживать, и может стать жизнью, как (сказано): «Да произведет земля

имуть, и мощно есть тѣми возводитесе къ невеществѣннымъ начелообразиямъ, отличнѣ, якоже речесе, подобиямъ разумѣваемомъ и тѣмже,³⁶ не такожде, съгожденнѣ же и искръннѣ на умныхъ же и чювствныхъ свойствохъ опрѣдѣленномъ.

5. Сия же таинствѣнные богословце обрѣщемъ не тѣмко сущимъ небесныхъ удобреній свѣтлотамъ священнѣ наздавающихъ, нъ и самымъ есть когда богоначелнымъ изьявляемъ.³⁷ И когда убо то от видимыхъ чьстнѣйшихъ³⁸ въспѣвають яко Солнце правды,³⁹ яко звѣзду вьсточну,* въ умъ священнѣ вьсиявающу, и яко свѣтъ, неприкривателнѣ и умнѣ осиявае, когда ли же от срѣднихъ яко огонь, неврѣднѣ просвѣщае,* яко вода, жизнянаго испльнения подателна* и, образнѣ реши, въ чрѣво вьходеши и рѣки истачающи, неурьжаннѣ текущее;* когда же ли от послѣднихъ яко муро благоуханно,* яко ками краеугльный.* Нъ и звѣрообразие тому налагають и львово тому и всакого звѣра* свойство възлагають, и пардала то быти рѣше, и медведицу губителну.* Приложу же и еже всѣхъ безчьстнѣйшее быти и

на земли дыхающимъ, якоже являютъ былиями и качества нѣкоторими ползования (*на поле рядом*: Качства, рекше злото, сребро, олово, кумпоръ и ина такова. Сия бо от землѣ качества суть). И движения же подобно вещная имуть еже въ бытие происходе и тлѣние, и чинь приемлють, иже от Бога наложены и налагаемы. Нъ и просвѣщатесе наста разумныхъ нашъствиемъ сильь, якоже при иже въ вьскресении Господни блистающе аггелю и просвѣщающе около. Имат же сия вещь страждуши, не убо якоже разумна дѣйствующа. Сего ради по послѣднемъ подражателству и уподоблении глаголетесе сия имѣти. Что же есть подражание и уподобление послѣдне въ иже «О божествныхъ именехъ» словѣ изьвяхомъ.

³⁶ Аще и тааже имена глаголетъ, нъ не подобнѣ приемлютесе: прѣма естественомъ свойству подлежамаго и опрѣдѣляютесе и разумѣваютесе. Знаменай же, яко всаку вещь не рече разумну, проче и звѣзды бездушны, не бо имуть умъ.

³⁷ Богоначелная же изьявления яже о Бозѣ разумѣвания глаголетъ.

³⁸ Знаменай, кая наричетъ честная, — яко солнце и звѣзды, и кая срѣдня — огонь и воду, и кая послѣдня, — яко муро, и кая безчьстнаа, — яко звѣры и чрвие. И яко и при Бозѣ и звѣровиднаа знаменая реченна быше и яже от вещи, и яже честная же, и срѣдня, и безчьстнаа.

³⁹ Знаменай же, «солнце правды» Малахиа именуеть. Божествный же Петръ вь сборномъ его послани: «Дондеже дьнница вьсияеть вь срдцихъ вашихъ»* и прочая. Сия бо есть вьсточнаа звѣзда. Моуси же «Въ купинѣ огонь, — рече, — не пожигаей»,* еже есть неврѣднѣ просвѣщае. Иеремиа же воду глаголетъ: «Мене оставише, источника воды живыне».* И ины же — инаа. И Господь: «Рѣкы ис чрѣва его потекуть воды животныне».* Соломон же вь «Пѣсни пѣснехъ» муро рече: «Муро истыщанно име тебѣ».* Въ 12 же пророцѣхъ Осие и Михеа реченныне звѣры глаголють въ иже о Бозѣ пророцѣваемыхъ. Давидъ же чрвия себе глаголетъ: «Азъ емь чрвь и не чловѣкъ»,* — от лица Господня.

отблесками умственного благолепия, и с их помощью можно быть возводимым к невещественным архетипам, воспринимая подобия, как сказано, неподобно и одно и то же,³⁶ не одинаково, но гармонично и соответствующим образом разграничивая особенности умственного и воспринимаемого чувствами.

5. И мы откроем, что мистические богословы свяшенно применяют таковое не только для выявления небесных порядков, но бывает что — и к самим проявлениям Богоначалия.³⁷ И иногда воспевают Его, (черпая образы) у самых чтимых явлений,³⁸ как то Солнце правды,³⁹ как утренняя звезда, в уме свяшенно восходящая, и как свет, неприкрыто умственно озаряющий; а иногда — у средних, как то огонь, светящий, не причиняя вреда, как вода, подательница живительного наполнения, во чрево, говоря символически, проникающая и реками вытекающая, неудержимо текущими; а иногда — у предельных, как то миро благовонное, как камень краугольный. Но также и зверообразность Ему приписывают: придают Ему свойства и льва, и пантеры, и говорят, что Он станет барсом и губительной медведицей. Прибавлю и то, что представляется самым

душу живую», — и еще: «Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую». Но благодетельных сил преисполнены и произведения земли, как показывает использование растений и некоторых качеств *земли* (*на поле рядом*: Качества — то есть золото, серебро, олово, медь и иное таковое. Они ведь являются качествами земли). И материальное обладает движением, ведущим последовательно к рождению в бытие и гибели, и принимает порядок, Богом предложенный и предлагаемый. Но (материальному) свойственно и просвещаться присутствием разумных сил, как при воскресении Господа, когда ангел блистал и освещал окрестность. *Всем* этим обладает претерпевающая материя, но не так, как (обладают) действующие умственные (силы). Почему и говорится, что она имеет (это) как последний отблеск. Что же такое подражание и последний отблеск, я поясню в слове «О божественных именах».

³⁶ Хотя он использует те же самые названия, понимаются они не одинаково, но соответственно природной особенности подлежащего определяются и воспринимаются. Заметь, что он не говорит, что вся материя разумна; в самом деле, и звезды неодушевленны, ибо не имеют ума.

³⁷ Проявлениями Богоначалия он называет уразумения о Боге.

³⁸ Заметь, что он называет (самым) чтимым, как то солнце и звезды, что средним, как то огонь и воду, что последним, как то миро, и что непочитаемым, как то звери и черви; и — что к Богу применяются как символы в образах зверей, так и (заимствуемые) у материи — и чтимые, и средние, и непочитаемые.

³⁹ Заметь, что Солнцем правды называет (Его) пророк Малахия. Божественный же Петр в его соборном послании (пишет): «Доколе не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» и так далее. Это ведь Он — «утренняя звезда». Моисей же говорит: «Огонь в терновом кусте, не сжигающий», что означает — светящий, не причиняя вреда. Иеремия же называет водой: «Меня, источник воды живой, оставили». И иные — иначе. И Господь (говорит): «Реки из чрева его потекут воды живой». А Соломон в «Песне песней» называет (Его) миром: «Миро изливанное — имя твое». В числе двенадцати пророков, пророчествовавших о Боге, Осия и Михей перечисляют названных здесь животных. Давид же называет себя червем: «Я червь, а не человек», — от лица Господа.

паче неприкладно мнесе, яко и чрвья видь*⁴⁰ то себѣ наздаваемо, иже о божественныхъ прикладныхъ прѣдаше. Сице вси иже богомудрыи и скръвеннаго вдѣхнута пророци несъвършенныхъ и несвещенныхъ прѣчистѣ раздѣляютъ Светая светныхъ и отличное священноздание почитаютъ, яко ниже божественная скръвнымимъ благонаручна быти, ниже священныхъ образь⁴¹ *(на поле внизу: образъ — сирѣчь кумирь)* любозрителемъ яко вистинныхъ остати образѣхъ и того ради божественная почитатисе истинными отречеными⁴² и яже послѣдними⁴³ искривныхъ подражаний инѣми уподобленми. Ничтоже убо безъмѣстно, аще и небесная существия от неприкладныхъ отличнствныхъ уподоблений наздавають по реченныхъ винахъ. Не бо убо негли ниже мы въ искание убо от недоумѣния въ възвождение же извѣстнаго ради священныхъ испытания пришли быхом, аще не еже зловидное⁴⁴ насъ смутило бы аггельскаго изьявителнаго наздания, не оставляе нашъ умъ остати въ неприличныхъ образотворенияхъ, нь благовѣчиняе отрицатисе тимѣнныхъ пристрастий и подвиже священнѣ выспрѣпростиратисе, видимыхъ ради на прѣмирные възводе.

Толика убо нами рекошесе вещными и неприкладными священныхъ словесъ аггеловидная образописания,⁴⁵ прочее же опрѣдѣляти подобаеъ, что то быти священноначелие непщуеть, что ли же от того священноначелия ползевати имать иже священноначелию удостоившеисе. Наставник же слову будет Христос, аще убо мнѣ льза есть рещи, мой, всакого священноначелна-

⁴⁰ Или чрвию себе уподоби, яко не от сѣмена родившусе, якоже мы, нь сѣмена кромѣ, якоже чрвие, иже не от сѣмене раждаются, нь от земли или от сгнѣтия. Еже бо «Азь есмь чрвь, а не чловѣкъ» яко от лица выплыщшагося Бога глаголетсе, аще и не по божеству приемлемо есть, нь по видимомъ плоти.

⁴¹ Что образы суть, рекше кумири, прѣдставихомъ уже въ иже «О божественныхъ именехъ» словѣ, въ начелѣ деветие главизны.

⁴² Яко да почитаютсе божественная и отречениями, рекше: невидимъ, бесмрътънь, неосежимъ и инаа такова. И пакы послѣдними подражаними и инаквыми уподобленми да почитаютсе. Послѣдними — рекше и чрвию уподобляемъ есть, и инаа еликаа послѣднѣйшая. Инаквѣми ми же, рекше, инако есть царско име при львѣ, и инако при Бозѣ, и инаа такова.

⁴³ Послѣдняя подражаний Божнихъ въ сѣдѣтелствѣ глаголетъ яже прѣжде рече «безъчстнѣйшая вещныхъ удобрений». Како же сия глаголютсе послѣдне подражание и уподобление въ иже «О божественныхъ именехъ» словѣ, въ главизнѣ четвѣртой реченно бысть нами пространѣше.

⁴⁴ Зловидное звѣрообразие разумѣй и скотовидное, еже о аггелѣхъ глаголетъ Писание.

⁴⁵ Добрѣ изобразительная образописания, яже и прѣдрече, не аггельская, нь аггеловидная именована, не бо самѣхъ тѣхъ аггель, якоже суть, образы писани быше, нь изьявления нѣкаа видотвория бесплътныхъ являютъ, якоже сказаль есть самъ себе.

из всего недостойным и наиболее нелепым: сведущие в божественном передают, что Оно к Себе применяет даже облик червя.⁴⁰ Таким образом, все богомудрые (мыслители) и толкователи сокровенного вдохновения начисто отделяют Святое святых от несовершенного и несвященного и (в то же время) предпочитают неподобную священнообразность, так как и божественное не оказывается (при этом) легко доступным для непосвященных, и любящие созерцать изображения [изображения — то есть образы] священного⁴¹ не останавливаются на образах как на истинных и так как божественное почитается с помощью истинных отрицаний⁴² и иных уподоблений последним⁴³ из родственных отблесков. Так что нет ничего неслыханного, если, по уже высказанной причине, и небесные существа воображаются с помощью кажущихся нелепыми неподобных уподоблений. Пожалуй, и мы не пришли бы ведь от недоумения к исследованию и к восхождению путем тщательного разыскания священного, не приведи нас в смятение нелепость⁴⁴ представляющих ангелов образов, не позволяющая нашему уму остановиться на лгушем формотворении, побуждающая отказаться от материальных пристрастий и приучающая священно устремляться вверх посредством видимого к сверхмирному.

Столько нами сказано касательно материальной и представляющейся нелепой иконографии ангельских изображений⁴⁵ в священных Речениях; а далее нужно определить, что представляет собой, по нашему мнению, сама иерархия и какова польза от самой иерархии для иерархии удостоившихся. И пусть руководствует словом Христос, если можно мне сказать, мой, — вдохновение

⁴⁰ Возможно, Он уподобил Себя червю как не от семени родившегося, как мы, но без семени, как черви, каковы не от семени рождаются, но от земли или от гнили. Ведь «Я червь, а не человек» говорится как бы от лица воплотившегося Бога, хотя и воспринимается не применительно к божественности, но применительно к феномену плоти.

⁴¹ (Объяснение того), что представляют собой изображения, то есть образы, мы уже представили в сочинении «О божественных именах», в начале девятой главы.

⁴² (Заметь), что божественное должно быть почитаемым и с помощью отрицаний, таких как «невидимый», «бессмертный», «неосязаемый» и других такого рода. Также и последними из отблесков и уподоблениями неподобному да почитается. «Последними», — так, Он уподобляется червю и другому, что только есть последнего. «Отличающих», — отличается ведь царский титул у льва и царский титул у Бога, и другое такое.

⁴³ Последними из отблесков Бога в творении он называет то, о чем выше сказал как о «наименее чтимых из материальных образований». А почему таковое называется последним отблеском и уподоблением, нами было подробнее сказано в слове «О божественных именах», в главе четвертой.

⁴⁴ Нелепость понимай как зверообразие и скотоподобие в рассказах об ангелах Писания.

⁴⁵ Хорошо он назвал образную иконографию, о которой прежде говорил, (иконографией) не ангелов, а ангельских изображений, ибо не самих ангелов, каковы они суть, написаны образы, но (лишь) показано, в каких видах изображаются бесплотные, как он сам себя пояснил.

го изъявления вѣдхнутіе. Ты же, о дѣте,⁴⁶ по прѣподобномъ еже у насъ священничьскаго прѣданія уставоположенію, самъ же священнолѣпнѣ слыши иже священнѣ глаголемыхъ, божѣствнѣ божѣствннхъ учениемъ бывае и, еже въ умѣ скръвениемъ святая скутавь отъ несвященнаго множдѣства⁴⁷ яко единовиднѣнаа съхрани. Не бо праведно, якоже Словеса рѣше,* въ свиніе поврѣщи еже умннхъ бисерь чистое и свѣтовидное и добротворное благоукрашение.

⁴⁶ Како «дѣте» наричетъ божѣствнаго Тимофеа великы Дионусіе достоитъ възискати. Или убо, яко мню, заеже прѣвъзъшьдъ того лѣти се глаголетъ и любопрѣмудрѣствомъ прѣимѣе, яко и привѣпрашатисе отъ того, якоже являютъ сѣя въ рукахъ съписанія. Аще бо и прѣжде святаго и божѣствнаго Дионусіа вѣрова святы Тимофей, якоже «Дѣанія светихъ апостоль»* являютъ, нѣ убо внѣшнимъ наказаніемъ доволнѣши бѣ великы Дионусіе. Или «дѣте» того наричетъ, яко подражае Господа, глаголющаго: «Дѣти, еда что снѣдно имате?»* Или понеже иже по Бозѣ незлобне проходещихъ «дѣтцу» нарицаху, якоже и Папіа сказуе въ книзѣ прѣвой «Недельскыхъ тлькованій»* и Климентъ Александрскыи въ «Пѣстунствѣ».*

⁴⁷ Къ множдѣству еже единовидно наведе, святая бо единотворитъ. А яже скръннѣна и грѣха сущая въ многая раздѣленія ради умножае. Се бо наричетъ нѣна «множдѣство», сирѣчь скръннѣное.

ГЛАВА 3. ЧТО ЕСТЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИЕ И ЧТО ВЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ ПОЛЗА. ПРѣДѣЛЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИЯ¹

1. Есть убо священноначелие, по мнѣ, чинъ священнѣнъ и художѣство и дѣйство къ боговиднѣнню коль мощно уподобляемо и къ даваемымъ тому отъ Бога осіяніямъ по мѣрѣ на богоподражател'ное възводимо. А яже боголѣпная доброта, яко проста,² яко блага, яко съврѣшенноначел'на,³ непримѣсна убо есть по всемъ всакого отличнѣства, прѣподателна же по достоянію комуждо своего свѣта и съврѣшателна въ съврѣшени божѣствнѣйшемъ, по еже къ той иже съврѣшаемыхъ прикладнѣ неизмѣнномъ образѣ.

2. Мысль убо священноначелия есть еже къ Богу яко мощно уподобленіе же и съединеніе, Того имѣе всакого священнаго художѣства же и дѣйства наставника и къ тогову божѣствнѣйшему благолѣпнню неуклоннѣ убо зримо,

¹ Прѣдѣль священноначелия, — яко священноначелие есть священное удобрение.

² Подобіе и равенство и тождѣство едино и единотворно, заеже просто и несмѣсно и несложно наричетсе. Отличное же и неравное и инакъство и примѣсное и въ прѣложени тимѣнное глаголють. Еже убо Едино Богъ да разумѣвается.

³ Рекше, съврѣшеннотворителнаа.

всякого разъяснения об иерархии. Ты же, дитя,⁴⁶ в соответствии с уставоположением нашего преподобного иерархического предания, и сам подобающим священному образом слушай священно говоримое, боговдохновенным становясь от научения боговдохновенному, и, в сокровенности ума укрыв святое, сохрани его от несвященного множества⁴⁷ как единовидное. Ибо не подобает, как говорят Речения, бросать свиньям беспримесный, световидный и красоту благой упорядоченностью творящий умственный жемчуг.

⁴⁶ Следует поразмышлять, почему великий Дионисий называет божественного Тимофея «дитя». Либо, я думаю, он говорит это как превосходящий того годами и более сведущий в философии, почему тот и задавал ему вопросы, как показывают сочинения, которые у вас в руках. Ибо хотя до божественного Дионисия уверовал святой Тимофей, как показывают Деяния святых апостолов, но ведь более внешне образован был великий Дионисий. Либо он зовет его «дитя», подражая Господу, говорящему: «Дети, есть ли у вас какая пища?» Либо потому, что «детьми» называли тех, кто стремится к беззлобию, как говорят и Папий в первой книге «Воскресных толкований», и Климент Александрийский в «Педагоге».

⁴⁷ Множеству он противопоставил единовидное, ибо святое единотворит. Общедоступное же и греховное благодаря разделению умножается до многого. Так что ныне «множеством» он это называет, имея в виду общедоступность.

ГЛАВА 3. ЧТО ТАКОЕ ИЕРАРХИЯ И КАКАЯ ОТ ИЕРАРХИИ ПОЛЬЗА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ¹

1. Иерархия, по-моему, есть священный порядок, наука и деятельность, приспособленные, насколько возможно, для богообразия и соразмерно к дарованным от Бога осияниям для богоподражания возводимые. Боголепная же красота как простая,² как благая и как начало совершенства³ полностью лишена ведь примеси какой-либо неодинаковости и каждому по достоинству передает свой свет и совершенствуется в божественнейшем свершении сообразно своему неизменному виду.

2. Таким образом, цель иерархии — уподобление по мере возможности Богу и соединение с Ним, Его имея наставником во всякой священной науке и деятельности, неуклонно взирая на Его божественнейшее благолепие и стано-

¹ Определение иерархии, — что иерархия есть священная упорядоченность.

² Подобием, равенством и тождеством единое и единотворящее называется как простое, беспримесное и несоставное. Как о неподобном же, неравном, инаковости, смешанном и (находящемся) в изменчивости говорят о связанном с материей. Так что Бог да разумеется как Единое.

³ То есть делающая совершенным.

яко мощно же изобразуемо и свое ликовники⁴ подобия божественная съвршае, зрѣчала чиста и нескврънна, приетьнаа свѣтоначелние и богоначелние заре и убо даемые луче священнѣ испльняемаа, сию же паки обилнѣ въ прочая всиявающе, по богоначелных уставох.

Не бо праведно есть иже священнѣ съвршаемом съдѣйствовати⁵ что отнудь внѣ своего службоначелнаго священновъчинения, нъ ниже есть инако, понеже божественные самыи свѣтлости желаютъ и къ той священнолѣпнѣ сматрають и въображаютьсе, по коегождо священных умовѣ достоянню.

Сего ради убо священноначелие⁶ глаголей священно нѣко по всемъ являеть удобрение, образъ Богоначелные красоты, въ чинохъ и художествох священноначелныхъ яже своего сияния священнодѣйствуе таинствия и къ своему начелу яко лъза уподобляе. Есть бо коемуждо иже священноначелие наслѣдъствовавшихъ съвршение еже по своей мѣрѣ на богоподражателное възвестисе и, еже всѣхъ божественѣше, якоже Словеса рѣше, «Богу съспѣшникъ»⁷ быти и показати божественное дѣйство⁸ въ себѣ, по еже мощно являемо. Рекше, понеже чинъ священноначелия есть еже овѣмъ убо очищатисе, овѣмъ же очищати, и овѣмъ убо просвѣщатисе, овѣмъ же просвѣщати, и овѣмъ убо съвршатисе, овѣмъ же съвршенодѣйствовати, коемуждо богоподражателное уприк-

⁴ Ликовники здѣ иже о божественныхъ обращающееся глаголетъ.

⁵ Сия непшую являти, яко не подобаеть кому иже единому священническому степену съпричтенну вѣще что своего достоянния творити, нъ еже прикладное своему достоянню дѣйствовати и прѣдавати учешу, не убо начинати яже паче достоянния. Сирѣчь — презвитеромъ учити и даръ приносити, не убо и хиротонисати; диакономъ — учити, не убо и крѣстити, не бо дадеть Духъ Светы, якоже ниже Филиппъ въ «Дѣяниихъ светихъ апостоль»^{*} диаконъ, нъ ниже приносити. И сице прочии. Нъ и съвршаемымъ прикладная дѣяти, да съхраняется добрѣ еже от божествнаго Павла «Къждо въ нъже звань бысть степенъ, въ томъ да прѣбываеть»^{*}.

⁶ Знаменай чинъ и священноначелия накование и яко приходешимъ подобаеть пръвѣе очищатисе учениемъ раздѣлительныхъ грѣха потъмнений, таже просвѣщатисе разумомъ богодѣхновенныхъ Писаний, яже о богоразумѣни прѣданми, и тогда съвршатисе «паки-бытия банею»^{*}. Знаменай убо, яко просвѣщение прѣжде крѣщения есть.

⁷ Знаменай, что священноначелникъ съвршение и како Богу суть съспѣшници, по божественномъ апостолѣ.

⁸ Божественное дѣйство, — сирѣчь Божия дѣла и самому дѣлающу, упрѣмуждрающу, съвршающу и яже подобная въ пѣстунствуемие по силѣ дѣлающу.

вась, насколько хватает сил, ⟨Его⟩ оттиском и делая участников своих ⟨хороводов⟩⁴ божественными подобиями, чистыми незагрязненными зеркалами, приемлющими лучи Светоначалия и Богоначалия, свяшенно наполняемыми даруемым светом и затем обильно в других им воссиявающими, по законам Богоначалия.

Непозволительно ведь для свяшенно посвящаемых ни вообще что-либо делать⁵ вне своего совершенногоначального свяшенночиния, ни даже существовать иначе, поскольку они обращаются к самой божественной Светлости, на нее свяшеннолепно взирают и ⟨Ее⟩ собой отражают, по каждого из свяшенных умов достоинству.

Потому, тот, кто говорит об иерархии,⁶ являет некий полностью священный порядок, образ красоты Богоначалия, свяшенно осуществляющий иерархическими чинами и искусствами таинства своего осияния и уподобляющийся, в меру доступного, своему Началу. Ибо для каждого, кому выпал жребий принадлежать к иерархии, совершенство состоит в том, чтобы в меру своих возможностей быть возводимым к богоподражанию и, что божественнее всего, стать, как говорят Речения, «сорботником у Бога»⁷ и выказать в себе, по возможности проявляя, божественную энергию.⁸ Так что, поскольку порядок в иерархии, — чтобы одни очищались, а другие очищали, одни просвещались, а другие просвещали, одни совершенствовались, а другие совершенствовались, богоподражание каждого зависит от ⟨соблюдения⟩ этого порядка. Божествен-

⁴ Участниками ⟨хороводов⟩ он называет здесь кружащихся вокруг божественного.

⁵ Это, я думаю, показывает, что не подобает никому сопричетному к одному из священнических санов делать что-либо большее собственного чина, но ⟨надлежит⟩ учащему совершать и передавать только подобающее его достоинству, а не приниматься за то, что превышает достоинство. Так, пресвитеры ⟨должны⟩ учить, приносить ⟨святые⟩ дары, но не рукополагать; дяконы — учить, но не крестить, ибо они не преподадут Духа Святого, как ⟨не преподавал⟩ Филипп диакон в «Деяниях святых апостолов», но также и не совершать приношений. И так и прочие. Также и посвящаемым следует делать только подобающее, да будет хорошо соблюдено ⟨сказанное⟩ божественным Павлом: «В каком звании кто призван, в том каждый и оставайся».

⁶ Заметь, в чем состоят порядок и исполнение иерархии и что приходящим подобает, во-первых, очиститься учением от разделяющих греховных потемнений, затем просветиться знанием догматов о богопознании боговдохновенных Писаний и тогда стать совершенным в «бане пакибытия». Заметь, что просвещение — прежде крещения.

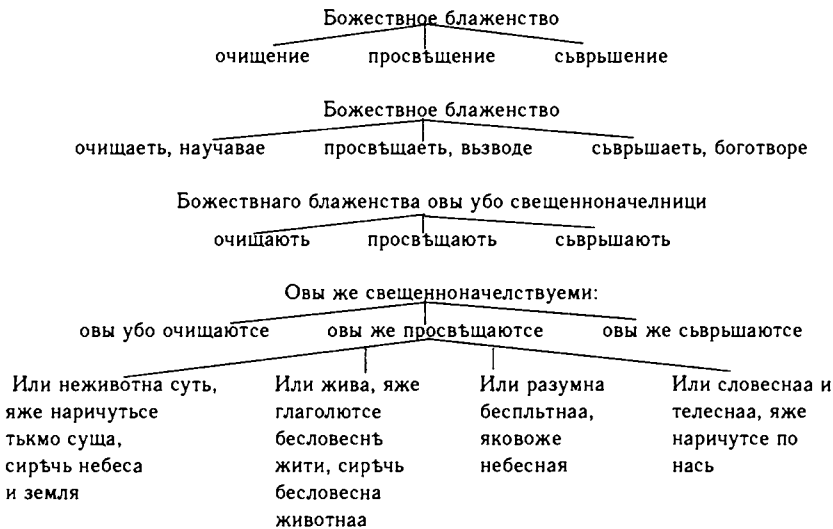
⁷ Заметь, что такое совершенство у иерархов и каким образом они суть «сорботники у Бога», по божественному апостолу.

⁸ «Божественную энергию», то есть Божьи дела, и Самого, делающего, умудряющего, совершенствующего и тому подобное в пестунствуемых по мере сил совершающего.

ладитисе имать по семь образѣ. Божественное блаженство,⁹ яко въ чловѣцѣхъ рещи, непримѣсно убо есть vsакого отличнства, испльнено же свѣта присносущнаго, съврѣшенно и нетрѣбователно vsакого съврѣшения, очишае, и просвѣщае, и съврѣшенодѣйствуе, паче же чищение священное, и просвѣщение, и съврѣшение, паче чищения, паче свѣта, прѣдсврѣшенно, самослужбоначеліе и vsакого убо священноначелія вина, vsакого же свещенія по прѣвсходимомъ изредно.

3. Потрѣба убо есть, яко мноу, убо чистещимсе непримѣсномъ съврѣшатисе по всемъ и vsакые свобаждатисе неподобные гнусоты; просвѣщающимъ же се испльнятисе божественнаго свѣта, къ зрительному имѣству и силѣ въ всечистыихъ ума очесѣхъ възводещимсе; съврѣшающимъ же се, от несъврѣшенныхъ прѣчиняющимсе, причестникомъ быти зримыхъ священныхъ съврѣшительнаго художства; чистителем¹⁰ же богатствомъ очищения инымъ прѣподавати своее чистоты; просвѣщателемъ же яко чистѣйшимъ умовомъ и къ причестію свѣта и прѣподанію искрѣннѣ имущимъ и всебогатнѣ свещеніе испльненнымъ луче, иже на нихъ всѣ пролѣваемый свѣтъ въ иже достойныи

⁹ Божественное блаженство чловѣцкы да речемъ и от чловѣцкыихъ вещи, понеже то по себѣ что есть, нѣсть мощно рещи:

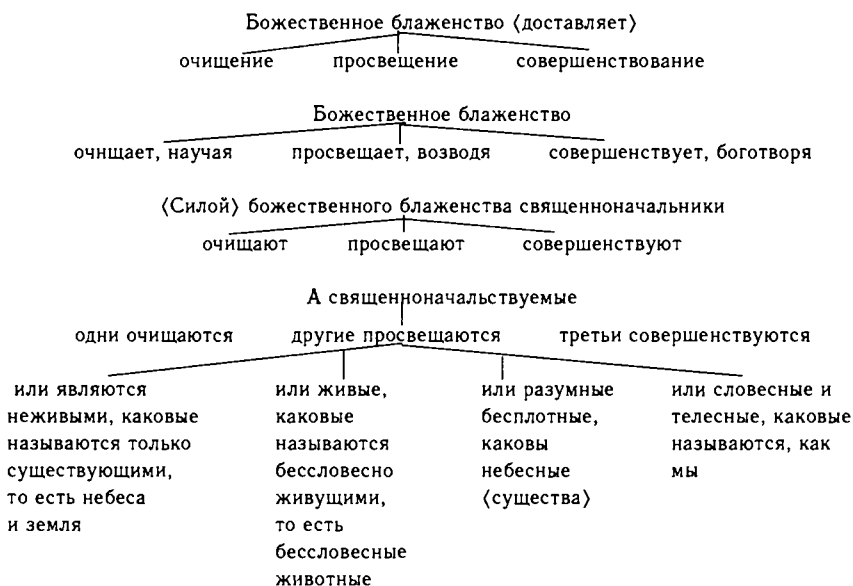

¹⁰ Здѣ о священноначелницѣхъ самѣхъ глаголетъ, яже прѣжде сихъ о священноначелствуемыхъ рекъ, указуе и чины, и како убо чистителіе мнѣшии суть, якоже заклинателие суще, просвѣщателие же прѣвзвѣдшей суть учениемъ, сирѣчь пресвитери и диаконы; съврѣшенодѣйствителие же — иже крещениемъ Духа испльняюще Светого, якоже епископы. Глаголетъ же сѣя и долѣ, въ иже «О церковничѣскомъ священноначеліи» словѣ.

ное блаженство,⁹ как у людей говорится, не имеет ведь примеси какой-либо неодинаковости, исполнено вечно сущим светом, совершенно и не нуждается ни в каком совершенствовании, — очищающее, просвещающее и совершенствующее, (оно) скорее — само очищение, просвещение и совершенство, выше очищения, выше света и до совершенства (пребывающее) Само-совершенноначалие и причина всякой иерархии, от всего священного по (своему) превосходству удаленное.

3. Итак, я думаю, очищаемым надо становиться полностью беспримесными и освободиться от всякой примеси неодинаковости; просвещаемым — исполняться божественного света, будучи возводимыми к способности видеть и силе во всенепорочных очах ума; совершенствуемым же — делаться, покидая несовершенство, причастниками совершенствующего художества созерцаемых святынь; а очищающим¹⁰ — с богатством очищения передавать прочим свою чистоту; просвещающим же как более прозрачным умам, способным и причаститься свету, и передать его, всеблаженно исполняемым священного сияния, — весь изливаемый на них свет посылать достойным света; а совершенствовворя-

⁹ О божественном блаженстве мы скажем по-человечески и на примере человеческих вещей, поскольку что оно такое само по себе, сказать невозможно:

¹⁰ Здесь он говорит о самих священноначальниках, сказав прежде этого о священноначальствуемых, показывая и чины, и то, каким образом очищающие оказываются ниже, будучи экзорцистами, (изгоняющими бесов), просветители же благодаря учительству — выше, то есть пресвитеры и диаконы; а осуществители совершенства — (это люди), крещением исполняющие Духа Святого, как то епископы. Он говорит это же и ниже, в слове «О церковной иерархии».

свѣта послати; съвршенодѣйствителем же, яко художникомъ съвршителнаго прѣподанія, съвршати съвршаемые всесвещеннымъ учениемъ зримыхъ священныхъ художества. Прочее убо кождо священноначелничскаго удобрения чинь по своей мѣрѣ възводитсе къ божьствному съспѣшению, она съвршае благодатию и благодатною силою, яже Богоначелию естествомъ и паче естества наставшая,¹¹ и от Того прѣсуществомъ дѣмаа, и къ мощному боголюбьныхъ умовъ подражанію священноначелнѣ изьявляемаа.

¹¹ Яко естествомъ и паче естества суть къ спасенію просвѣщательная. Добрѣ же чинь изьясни церковнаго священноначелия, сирѣчь да пръвѣе приходящеи къ божьствному крещенію отрочутсе, очищающе, таже просвѣщаются учениемъ презвитерь въ се сътворенныхъ. Таковыми же быти чистительнымъ, достойнымъ еже прѣподати инымъ свѣтбу. И тако епископомъ проче крестити. Тѣхъ бо наричетъ съвршенодѣйствыники. Съи подобаетъ чинь съблюдати.

ГЛАВА 4. ЧТО НАЗНАМЕНУЕТЪ АГГЕЛЬ ИМЕ

1. Священноначелию убо что-либо есть, якоже мню, добрѣ нами опрѣдѣленному, аггельское священноначелие прочее достойно есть възпѣти и яже священная того въ Словесехъ образотворения прѣмирными очесы достоить узрѣти, яко да възведемсе на боговидную ихъ простоту таиньствныхъ ради назданій, и еже всакого священноначелничскаго художества Начело да воспоемъ въ боголѣпнѣи чѣсти и Службоначелныхъ благодаренныхъ.

Пръвѣе всѣхъ оно рещи истинно, яко благодію вса прѣсуществоное Богоначелие, яже сущих¹ существа съставивъ, въ еже быти приведе. Есть бо се всѣхъ Вини² и прѣвыше всѣхъ Благодіи свойственно еже къ приобщенію своему

¹ Здѣ вса възкупѣ яже въ сѣдѣтельствѣ являеть имени ради сущих, и умнаа и видимаа вса. Вса бо Богъ от не сущихъ сътвори сего ради и тѣчию, да Того благодіи причестетсе. Приобщет же се промысла ради, яко коеждо прикладнѣ имать, начело бо есть сущихъ существу Божий промысль.

² Знаменай помысль, егоже ради сущая вса приведе Богъ, — да причестетсе Того благодіи по мѣрѣ коеждо. Се бо являеть еже «Многие обитѣли у Отца».* Къждо бо по своимъ дѣлѣ причеститсе имать Того благодіи. Сиче и Тить глаголетъ въ иже «На манихее» словѣхъ.*

шим, как искусным в преподавании совершенствующего, — совершенствовать совершенствуемых всесвященным научением художеству созерцаемого священного. Так что каждый чин иерархического порядка соответственно своей мере возводится к божественному сотрудничеству, совершая благодатью и благодатной силой то, что естественно и сверхъестественно присуще¹¹ Богоначалию и Им надсущностно исполняется и боголюбивым умам священноначально является для доступного ⟨им⟩ подражания.

¹¹ (Заметь), что то, что просвещает к спасению, может быть естественным и сверхъестественным. Он прекрасно изъяснил чин церковного священноначалия, то есть: приступающие к божественному крещению сначала должны совершить отречение, очищаясь, а затем они просвещаются учением пресвитеров, для этого выделенных. Таковые должны быть очистителями, достойными преподавать святость другим. И тогда епископы наконец крестят. Их ведь он называет осуществителями совершенства. Этот порядок подобает соблюдать.

ГЛАВА 4. НА ЧТО УКАЗЫВАЕТ ИМЯ АНГЕЛОВ

1. Хорошо, как мне кажется, определив, что вообще такое иерархия, далее мы должны воспеть иерархию ангелов и увидеть надмирными очами ее священные формотворения в Речениях, чтобы с помощью плодов таинственного воображения возвестись к их, ⟨ангелов⟩, богоподобнейшей простоте и с подобающим Богу почтением воспеть Начало всякого иерархического знания в благодарениях Совершенноначалию.

Прежде всего, то сказать истинно, что сверхсущностное Богоначалие, благостью составив все сущности сущего,¹ привело ⟨их⟩ в бытие. Это характерная особенность Причины всего и все превышающей Благости — призывать сущее к приобщению²

¹ Здесь он все тварное вкпе обозначает именем «сущее» — все и умопостигаемое, и видимое. Все ведь Бог сотворил из не-сущего только ради того, чтобы оно причастилось Его благости. Приобщаются же ради Промысла как каждый может, ибо Божий промысел есть начало существа (всего) сущего.

² Обрати внимание на расчет, руководствуясь которым Бог все сущее привел (в бытие), — чтобы все, по мере каждого, причастились Его благости. На это ведь указывает: «У Отца обителей много». Каждый ведь по своим делам причащится Его благости. Так и Тит говорит в словах «Против манихеев».

сушая призивати, якоже коемуждо сущихъ опрѣдѣленно бысть от своео мѣры. Вса убо яже сушая³ причествуютъ Промыслу от прѣсуществнаго и всевиновнаго Божества изливаемому. Не бо убо была быше, аще не сущиихъ существа⁴ и начела приобщилаше быше. Неживотнаа убо вса еже быти тому причествуютъ (еже бо быти всѣмъ есть еже паче бытия божество), животнаа же⁵ тоежде паче всакого живота животворныи силы, словесная же и умная, тоежде паче всакого и слова и ума самосвѣршителныи и прѣжде свѣршенства прѣмудрости. Явленно же есть, яко близъ тое она сущствъвь суть елика многашии той причестишесе.

2. Светие бо убо небесныхъ сущствъвь⁶ доброты паче яже тѣчию сушая, и бесловеснѣ жива, и яже у нас словеснаа богоначелнаго прѣподания въ причестии быше. Умнѣ бо въ богоподражателное⁷ себе въображающе и къ богоначелному подобию прѣмирнѣ зреще и въобразати желающе умны ихъ видь, обилнѣйшаая влѣпоту имуть яже от тое причестия, приближнѣ убо суще и присно къ еже горѣ възиматисе, якоже лѣпо есть въ крѣпости божьствнаго и неуклоннаго рачителства выспрѣпростираеме и начелная осияния неवेशствнѣ и несъмѣшеннѣ приемлюще и къ тѣмъ [*над словом знак, и под таким же знаком на поле: осияниямъ*] съчиняеме и умну⁸ имуще всу жизнь. Сие убо суть еже прѣвѣе и многашии въ причестии божьствнааго бываеме и прѣвѣе и многашии изъявителне богоначелнааго съкрѣвенства, тѣмже паче всѣхъ аггельскаго⁹ именованія безмѣрнѣ сподобишесе за еже прѣжде въ тѣхъ бывати богоначелному осиянию и тѣми въ насъ ниспосилатисе яже паче насъ изъявлениямъ.

Сиде убо Законъ, якоже богословие рече, аггельми намъ данъ бысть* и иже славныи же прѣжде Закона и по Закону наше отце аггелы къ божьствному

³ Яко вса сушая Божию промыслу причествуютъ, ниже бо ни въ сущиихъ есть еже не причествуетъ Божиимъ. Тѣмже неуставно зло, понеже не причествуетъ Богу, по улишени имѣства являемо, нь не само прѣвообразнѣ суще въ сущствѣ. Сиде пространѣйше рѣхомъ выше.

⁴ Въ сихъ сушая божьствная наричетъ, сирѣчь Светую Троицу, яже зданіямъ сущихъ съдѣтелница и начело, рекше вина, от тѣхъ, иже от тое въ сущство пришѣдшихъ, причествоватисе глаголетсе.

⁵ Яко и животнаа причествуютъ промыслу Божию по томъ еже быти. Неживотнаа же суть — сирѣчь камене и вса яже не приходещая въ рождение.

⁶ О сихъ чину знаменай же, яко различна горныхъ силъ сущствя. Глаголет же «тѣчию сушаа», яже нарече «неживотнаа». (*На поле: не жива*).

⁷ Зри, яко и умнии силы от произволения по вещьшемъ приобшуютсе благому, яко много желающе того. Глаголет бо «себе въображающе», еже есть произволително. Прочее не льжно слово, глаголее диавола спаднути съ небесе, прѣврвати бо се въ злое от себе.

⁸ Тѣхъ бо сущствя умъ суть живы. Знаменай же, яко умная вса прѣвѣе причествуютъ Богу. «Изъявителне» же — сирѣчь възвѣстителне.

⁹ Знаменай, что истѣйше аггель и яко прѣвѣй тѣмъ чинъ глаголетъ имѣти. Еще же и како аггельми научаваемсе, и како тѣми Законъ данъ бысть, и яко и иже прѣжде Закона и по Законе отце наше аггелы къ божьствному възвождаху.

Себе, как каждому из сущего определено его мерой. Так что все сущее³ причаствует Промыслу, изливаемому из сверхсущностного и всепричинного Божества. Ведь его просто не было бы,⁴ не будь оно причастно Сущности и Началу сущего. Ведь все неживое причастно Ему своим бытием (ибо бытие всего — это превышающее бытие Божество), живое⁵ — Его животворной превышающей всякую жизнь силе, а словесное и разумное — Его само-совершенной и пред-совершенной премудрости, превышающей всякие слово и ум. И ясно, что те из существ близки к Нему, что причастны Ему многообразно.

2. Ведь святые порядки небесных существ⁶ в причастности благоначальному преподаванию превышают и только сущее, и бессловесно живое, и соответствующее нам разумное. Ибо, стремясь умственно вылепить себя⁷ по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Богоначалия и с (Ним) сообразовывая образ своего разума, они поистине полнее приобщены Ему как ближайшие и вечно простирающиеся, насколько это допустимо, к вершине в усердии божественной и неколебимой любви, и как невещественно и несмешанно воспринимающие начальные осияния, и к ним приобщающиеся, и имеющие в качестве умственной⁸ всю жизнь. Они, стало быть, оказываются первыми и многообразно причастными божественному и первыми и многообразно выявляют богоначальную сокровенность, и поэтому они, минуя всех, исключительным образом удостоены именованья ангелами,⁹ — потому что богоначальное осияние исходит первым делом в них, и они в нас ниспосылают превышающие нас изъявления.

Так ведь, как говорит Богословие, через ангелов, нам был дан Закон, и наших известных отцов, прежде Закона и после (явления) Закона живших,

³ (Заметь), что все сущее причаствует Божию промыслу, ибо в сущем нет непричастного Богу. Так что зло лишено основания, поскольку оно не причаствует Богу, а появляется в результате утраты (какого-то) свойства, но не само по себе первообразно существуя в сущем. Подробнее мы сказали об этом выше.

⁴ В этом месте сущим он называет божественное, то есть Святую Троицу, которой, как создательнице и началу, или же причине, творений, причаствуют, говорится, те, кто благодаря ей пришел в состояние сущности.

⁵ (Заметь), что и животные причаствуют промыслу Божию — тем, что существуют. Неживыми же являются, например, камни и все, что не приходит через рождение.

⁶ Заметь применительно ко всякому чину, что существа высших сил различны. «Только сущее» же он говорит о том, что назвал «неживое».

⁷ Обрати внимание, что и умопостигаемые силы по своему выбору в большинстве своем приобщаются Благому, как сильно к нему стремящиеся. Ведь он говорит «вылепить себя», что значит поступить добровольно. Не ложно, стало быть, утверждение, что дьявол пал с небес, ибо он обратился ко злу по своей воле.

⁸ Ибо их существа — живой ум. Заметь, что все умопостигаемое первым причаствует Богу. «Выявляют» — т. е. возвещают.

⁹ Заметь, что такое ангел в собственном смысле слова и что он говорит, что те имеют первый чин; а еще — что через ангелов мы научаемы, и что через них был дан Закон, и что прежде Закона и после (явления) Закона наших отцов ангелы возводили к божественному.

възвоздааху е, или еже творити достоить¹⁰ научавающей и къ правому истини пути от прѣлсти и жизни несвященные прѣводеще, или чина [*у слова стоит значок, и на поле рядом с таким же значком: священнаго*] или таиннь прѣмирныхъ скрвенная видѣния, или божественная нѣкая пророчески являюще.

3. Аще ли нѣкто речеть и отуду непосредствѣ¹¹ бывати нѣкоторымъ светиимъ богоявления,* да навикнеть и се прѣмудрѣ от священнѣйшихъ Словесъ, яко само то убо что любо есть Божие съкрвение «никтоже видѣ»,¹² ниже узрѣти имать, богоявления же прѣподобнымъ быше по подобнихъ Богови нѣкоторыхъ ради священныхъ и зрещимъ достойныхъ видѣний изьявленияхъ. Всепрѣмудрое же богословие видѣние оно,¹³ еже въ себѣ написанно являше божественное яко въ образѣ неизобразуемыхъ подобие, ради видимаго на божественное възвоядения вълѣпоту наричеть богоявление,¹⁴ яко его ради зрещимъ божественному бывающу осиянию и нѣчто божественныхъ имъ научающимъ се.

Сия же божественная видѣния славнии отци наши навичаху посрѣдствомъ небесныхъ силъ. Или не и еже священное Закона законоположение Словесъ прѣдание, яко от онуду убо глаголет от Бога Моусеови дарованно, яко да убо нас истиннѣ научитъ еже божественно то быти и священно подизображение.¹⁵ Учить же и се прѣмудрѣ богословие, еже аггелы сему въ ны произити,

¹⁰ «Еже творити» — якоже при Исусѣ Навинѣ и Гедеонѣ и иныхъ,* «Къ правому же пути от несвещенные жизни» — якоже при Корнилию Сътницѣ, пръвый бо от невѣрныхъ языкъ прѣложисе.* «Чина же священнаго» — якоже при Даниилѣ «тмы тмами»* и Иезекиилу херувимъ,* и Исайи серафимъ явишесе.* «Прѣмирное же видѣние» — якоже при Павлѣ, възхыщенномъ даже до третьяго небесе,* и при божественнаго Иоанна Открывени.*

¹¹ «Непосрѣдствѣ» же — сирѣчь кромѣ аггельскаго служения.

¹² Зри, како тлъкуеть речение, глаголемо «Бога никтоже видѣ нигдеже»,* еже истиннѣе мѣно, и вѣде, яко суть писаническаа речения, глаголющая, яко Богъ явисе чловѣкомъ, якоже при Адамѣ въ раи, и при Авраамѣ у дуба Мамврийскаго,* и егда въ Содомъ идѣху,* и Моусеови на горѣ, аще и задняя глаголютсе узрѣти,* и глаголетъ, яко «само то съкрвенное Божие никтоже видѣ, ниже узрѣти имать», еже есть существо Его. Или и высочайше, яко никтоже разумѣти или рещи можетъ, или възмоши имать, что есть Богъ. Аще ли же и быше богоявления нѣкимъ светиимъ, разумѣй, яко по мѣрѣ кждо свое вѣры сподобляшесе нѣкоего видѣния, изьявляющаго ему божество, егоже ради осияние приемае иже въ нь приходещихъ божественныхъ разумѣваний.

¹³ «Видѣние оно» глаголетъ, иже, мню, на Фаворѣ божественный свѣтъ,* иже явисе божественнѣ, и иже въ купинѣ божественный огонь,* непосредствѣннѣ бывшая. Нѣ обаче и сия посрѣдствомъ быше свѣта и огня въ образѣ являемаа прѣма силъ зрещихъ.

¹⁴ Богоявления быти глаголетъ не ради еже Богу являтисе и показоватисе, еже что любо есть, се бо немощно есть, нь яко божественнаго осияния светыи сподобляютсе нѣкими священными видѣнии и себѣ по мѣрѣ сущими, ихже аггелыми быти глаголетъ.

¹⁵ Знаменай, яко и Законъ инобо божественнаго законоположения есть подизображение, сирѣчь Христова божественнаго вчловѣчения. А яко агглыми дастсе прво законоположение, являеть и святы Стефанъ, глаголе: «Иже приесте законъ въ завѣщанияхъ аггелъ и не съхранисте».*

ангелы возродили к божественному, либо научая, что нужно делать,¹⁰ и выводя из заблуждений и нечестивой жизни на прямой путь истины, либо открывая священные чины или сокровенные видения надмирных тайн, либо пророчески являя некие божественные проречения.

3. Если же кто-нибудь скажет, что богоявления некоторым святым бывают прямо и непосредственно,¹¹ пусть и то ясно узнает он из священнейших Речений, что само сокровенное Божие, чем бы оно ни было, «никто не видел»¹² и не увидит, богоявления же преподобным бывали в виде подобающих Богу изъявлений через некие священные и мере созерцающих соответствующие видения. Всепремудрое же Богословие то видение, которое являло в себе, как в образе,¹³ начертанное божественное подобие Неизобразимых, справедливо — оттого, что оно возводит созерцающих к божественному, — называет богоявлением,¹⁴ — так как благодаря ему происходит божественное осияние созерцающих и они постигают что-то из божественного.

Такими вот божественными видениями наши прославленные отцы были научаемы при посредничестве небесных сил. И о священном уставоположении Закона¹⁵ предание Речений говорит, что оно было Моисею даровано

¹⁰ «Что нужно делать», — как у Иисуса Навина, Гедеона и других; от «нечестивой жизни на прямой путь» — как Корнилия Сотника, ведь он первый был обращен из неверных язычников; «священные же чины» — как Даниилу было видение «тьмы тем», Иезекиилу херувимов, а Исае серафимов; «надмирные же видения», — как Павлу, восхищенному до третьего неба, и в Откровении божественного Иоанна.

¹¹ «Непосредственно» же — то есть без услужения ангелов.

¹² Смотри, как он толкует речение, говорящее: «Бога не видел никто никогда», — что я считаю истиннейшим, и зная, что существуют в Писании изречения, говорящие, что Бог являлся людям, как то Адаму в раю, Аврааму у Мамврийского дуба, и когда в Содом приходили (три ангела), и Моисею на горе, хоть и говорится, что он увидел (Бога) сзади, он утверждает, что «само сокровенное Божие никто не видел и не увидит», то есть — Его сущность. Или и выше: «никто не сможет ни постичь, ни объяснить, что такое Бог». Хоть и бывали богоявления некоторым святым, понимай, что по мере собственной веры каждого сподоблялся (человек) некоего видения, являющего ему Божество, благодаря которому он получал осияние приходящим в него божественным знанием.

¹³ «Тем видением» он называет, мне кажется, божественный свет на Фаворе, божественно явившийся, и божественный свет в купине, — непосредственно бывшие (видения). Но и они, однако же, были явлены при посредстве света и в образе огня, соответственно способности зрящих.

¹⁴ Он говорит, что Богоявление состоит не в том, чтобы являть и показывать Бога, что Он есть такое, ибо это невозможно, но в том, чтобы святые сподоблялись божественного осияния посредством неких священных видений, соответствующих их мере и происходящих, говорит он, через ангелов.

¹⁵ Заметь, что и Закон есть отпечаток другого божественного закона, т. е. божественного вочеловечения Христа. А что через ангелов было дано первое законоположение, показывает и святой Стефан, говоря: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

яко богозаконному чину оно уставополагающому, еже пръввых ради вторая къ божествному възводитисе.¹⁶ И бо не тъкмо при пръвъсходещихъ же и мнъшихъ умовъхъ, нъ и въ въкупочныхъ съ уставъ опрѣдѣлисѣ отъ всѣхъ прѣсущствнаго Чиноначелия,¹⁷ еже въ всакомъ священноначели пръввымъ, и срѣднымъ, и послѣднымъ быти чиновомъ же и силамъ и отъ мнъшихъ быти божествнѣйшимъ учителемъ и руковождемъ къ божествному възведению, и осиянию, и причещению.

4. Зру же, яко и еже божественное Исусова чловѣколюбия таинство аггелы прѣжде навикоше,¹⁸ таже тѣми въ насъ разума благодать мимохождаше. Сиче бо божествнѣйши Гаврииль Захарии убо иерарха научи, еже пророкъ быти еже отъ того безъ надежде благодатию божествною раждаемое отроче благолѣпнѣ мирови и спасителнѣ являемаго мужствнаго Исусова богодѣйства,¹⁹ Марию же²⁰ — како въ той будеть богоначелное неизвещаннаго богозданія таинство.* Инынъ же аггелъ Иосифа наказа, како въистину испльнитисѣ имуть* яже богоданнѣ обещанная прѣдъду Давыду.* Другыи же пастыремъ яко многихъ отшъствиемъ и безъмльвиемъ очищенномъ благовѣствоваше* — и съ нимъ множество вой небесныхъ — еже многолѣтое оно прѣдаваху сущимъ на земли славословіе.*

Възимаемъ же и къ пръвышшимъ Словесъ свѣтоявленіямъ. Зру бо, яко и самъ Исусъ, иже прѣнебесныхъ сущствъ прѣсущствна вина,²¹ къ намъ

¹⁶ Знаменай, како пръвыми, сирѣчь пръвъзъшдыми, вторая, сирѣчь мнъшая, къ Богу възводетсѣ, и — о аггелскихъ различеніяхъ.

¹⁷ «Прѣсущствное же Чиноначелие» чиновъ тѣхъ Начело и творителну Вину глаголетъ.

¹⁸ Яко яже о въчловѣчени пръвѣ навикоше аггелы, яко являютъ яже по божествномъ Гаврииль, научышимъ яже о святѣмъ Иоаннѣ, благовѣстившемъ же и Девѣ и яко отъ Духа Светаго зачнеть выпльщаемаго Бога Слова.

¹⁹ «Мужствное богодѣйствие» Христово въчловѣчение есть, по немже, Богъ сый, въ плъти яже божествная съдѣла. Смотри же, како рекъ здѣ Исуса «мужское богодѣйствие», и заеже убо глаголати «мужствное» явленно, яко съвршень чловѣкъ бысть, «богодѣйствія» же ради — яко Богъ есть и чловѣкъ тѣжде, иже богознаменія Съдѣлавы. По малѣ же глаголетъ, яко «непрѣложнь», — прѣбысть бо и еже бѣ присно. И оно же пакы зри, како глаголетъ въ святѣй Марии быти неизреченнаго богозданія богоначелное таинство: «богозданіе» же глаголетъ явленно, яко Богъ създасѣ, по еже бысть чловѣкъ, по реченномъ: «Слово плъть бысть».* «Богоначелничско» же — яко Бога, Виновнаго и Начела сущаго глаголемыхъ богъ же и праведныхъ чловѣкъ, таинство въчловѣченія бѣ, егоже Бога Исуса прѣдменова.

²⁰ Знаменай сѣ на несторіяне. Не вси же аггелы увѣдѣше таинство смотрення, понеже егда възношашесѣ Господь по страсти, нѣции бѣху, глаголющи: «Кто есть съ Царь славы?»* Выпрошение бо невѣдніе являеть.

²¹ Знаменай се — на несторіяне и безглавние, яко Исуса «прѣсущствну вину» глаголетъ, заеже Творца суща всѣхъ, и яко непрѣложнѣ глаголетъ Того быти по насъ. Не тожде же и едино сѣя естество, аще и самъ обѣ. И яко Самъ и Законоположитель и подъ Закономъ, и

прямо от Бога, не для того ли, чтобы истинно научить нас, что это — отпечаток божественного и священного? Богословие и тому премудро учит, что через ангелов оно пришло к нам, поскольку богозаконный порядок уставоположил, чтобы вторые возродились к Богу через первых.¹⁶ Ведь не только для высших и низших, но и для равночинных умов определен этот закон всеобщим сверхсущественным Чиноначалием,¹⁷ — чтобы в каждой иерархии были первые, средние и последние чины и силы и чтобы посвященными и руководителями меньших при божественном возведении, осиянии и приобщении были более божественные.

4. Я вижу, что и в божественную мистерию Иисусова человеколюбия первыми посвящены были ангелы, затем через них к нам перешла благодать знания. Так, божественнейший Гавриил¹⁸ открыл священноначальнику Захарии, что сын, который сверх чаяния божественной благодатью родится у него, станет пророком благолепно и спасительно являемого миру мужского Иисусова богодействия,¹⁹ и Марии²⁰ — что в ней произойдет богоначальное таинство неизъяснимого боговаяния. Другой же из ангелов наставлял Иосифа, что воистину исполнится обещанное Богом *его* прадеду Давиду. Третий благовествовал пастухам как удалением от мира и безмолвием очищенным, а с ним «множество воинства небесного» передавало находящимся на земле то многопетое словословие.

Обратимся же к высочайшим светоявлениям Речений. Вижу я, что и Сам Иисус, наднебесных существ надсущностная Причина,²¹ к нам непрелож-

¹⁶ Заметь, как «через первых», т. е. превосходящих, «вторые» (то же, что «находящиеся ниже») возводятся к Богу, и — об ангельских порядках.

¹⁷ «Сверхсущественным Чиноначалием» он называет Начало и творящую Причину этих чинов.

¹⁸ (Заметь), что о вочеловечении первыми наставлены ангелы, как показывает известное о божественнейшем Гаврииле, известившем о святом Иоанне, благовествовавшем и Деве, что от Духа Святого она зачнет воплощавшегося Бога Слово.

¹⁹ «Мужское богодействие» — это Христово вочеловечение, благодаря которому, Богом будучи, во плоти совершал божественные (дела). Смотри как, назвав здесь Иисуса «мужским богодействием», сказав «мужское», он показал, что Тот был совершенным человеком, а сказав «богодействие», — что Бог и человек — (один и) тот же, Сотворивший богознамения. Немногим далее он говорит, что Он «непреложен», — ибо пребыл, Кем и был, вечно. Смотри также, как он говорит: в святой Марии произошло «богоначальное таинство неизреченного боговаяния»: «боговаяние» говорит он, поясняя, что Бог создался как Человек, как сказано: «Слово стало плотью». «Богоначальное» же — потому, что это было таинство вочеловечения Бога, Причины и Начала так называемых богов и праведных людей, какового Бога (ангел) и преднаменовал Иисусом.

²⁰ Заметь, что это — против несториан. Не все же ангелы узнали тайну Промысла, потому что, когда Господь, претерпев страдания, возносился, были некие, говорившие: «Кто есть сей Царь славы?» Вопрос ведь обнаруживает неведение.

²¹ Заметь — против несториан и акефалов, что он называет Иисуса «надсущностной Причиной» — как Творца всего, а также говорит, что Он непреложно стал таким, как мы.

непрѣложнѣ²² пришьд, не отместе е же от того вчиненнаго же и изволеннаго чловѣколѣпнаго благочинна, нь благопокорнѣ повинуете Отца и Бога аггельми въображениямъ. И посрѣдствомъ тѣхъ възвѣщается Иосифу е же от Отца усмотренное Исусово къ Егупту отшьствие* и паки е же къ нудеом от Егупта прѣшьствие.* И аггельми Того зримъ подь Отечьскими уставоположен'ми вчиняемаго. Оставляю бо рещи, яко вѣдушю я же священничскими нашими прѣданми изьявленна и о аггелѣ, иже Исуса укрѣпляющемъ²³ или яко и самъ Исусъ по нашемъ спасителномъ благодѣйствѣ въ изьявительнѣй²⁴ пришьд чинь, «Аггель Велика Сьвѣта»* наречесе. И бо яко Самъ аггелолѣпнѣ глаголетъ, елика слыша от Отца възвѣсти намъ.*

яко и Тъ яко чловѣкъ аггельми заповелѣваше въ отшьствии въ Егуптъ и от того въ возвращении, и Тъ есть и аггеломъ съдѣтель. Тѣмже единъ и тѣже Христосъ въ двѣю естеству великое смотра сѣдѣла таинство, рече бо се: «Иже въ зрацѣ Божимъ сый, не възшыщениемъ непшева равнь быти Богу, нь Себе истыщи, образъ раба приемъ».* Се два зрака: е же бо рече здѣ «не отместе», се есть е же «не възшыщениемъ непшева», сирѣчь не недостои яко чловѣкъ послушати и аггель. Благопокорнѣ бо повинуете Отца и Бога аггельми подизьображениямъ. Сим бо съ вчыны чловѣческому роду послѣдовати.

²² Не бо прѣложисе божественно естество.

²³ Знаменай, яко укрѣпляющаго аггела Господа главизна я же въ Луцѣ носитсе, глаголетъ и великы Дионусне и яко паче написаннѣ въ таинствѣ скрвеннѣ тому прѣданно бысть, и светому Тимофею от апостола Павла. Тогово бо проповѣдание съписа Лука. Являет же се, яко въ таинствѣ приеть от е же рещи: «Священничскими нашими прѣданми изьявленна». Зри же и ино сказание, е же глаголетъ, е же бо рещисе Исанемъ, «Велика Сьвѣта Аггела» именоватисе рожденное отроче, плти его подобати глаголетъ. И почто наречесе аггель? Яко Отець сьвѣтъ възвѣсти намъ. Спась бо насъ Своею страстию, показа, яко и Отець таковаго бѣ сьвѣта. Ниже бо яко мнши Отца аггель наречень бысть. Къ арианомъ се. **Инако.** Укрепляющаго аггела главизну къ плти пользно есть разумѣвати. И инде бо глаголетъ Благовѣствие по искушенияхъ бо, яко «Приступльше аггелы служаху Ему»,* и яко «утрудисе от путнаго шьствия»,* и яко «възаалка».* Вся бо снѣ показываютъ, яко съвршенна възприеть чловѣка съ того страданми. Нъ речеть кто: «Гдѣ бѣ потреба аггела, Бож'ству ту сушу?» Глаголемъ, яко множайшая Богъ аггельми чудодѣйствуетъ, и сие глаголетъ всако божественно Писание.

²⁴ По е же къ Отцу от того реченномъ: «Явихъ твое име чловѣкомъ».*

но²² придя, не отказывается от Им учиненного и избранного для людей благочиния, но благопокорно повинуется указаниям Отца и Бога, (передаваемым) через ангелов. И при их посредничестве возвещается Иосифу о предусмотренном Отцом отшествии Иисуса в Египет и вновь — о пришествии из Египта к иудеям. И мы видим, что ангелами Он подчиняем Отческим уставоположениям. Я не стану говорить (тебе) как сведущему, что явлено нашими священническими преданиями и об ангеле, укреплявшем Иисуса,²³ или что и Сам Иисус, в спасительном для нас благоденствии войдя в чин изъясителя,²⁴ был наречен «Ангелом Великого Совета». Он ведь, как Он Сам ангелоподобно говорит, возвестил нам то, что услышал от Отца.

Не та же и одна и та же (у Него) природа, если Он (сочетает) обе. И что Он Сам и Законоположник, и под Законом, (заметь), и что Он как человек получает от ангелов повеление об уходе в Египет и о возвращении оттуда, и Он — и создатель ангелов. Так что один и тот же Христос в двух природах осуществил великое таинство Промысла, ибо сказано: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба». Вот две формы (одного): то, что он говорит здесь «не отказывается», и есть ведь — «не почитал хищением», — то есть не счел как человек недостойным слушаться и ангелов и покорно повинуется Отца и Бога через ангелов указаниям. Сам ведь Он повелел (им) управлять человеческим родом.

²² Ибо Он не подавил (Свою) божественную природу.

²³ (Заметь), что главу об укреплявшем Господа ангеле, которая находится в Евангелии от Луки, пересказывает и великий Дионисий и что не письменно, (а), скорее всего, тайно, сокровенно это было передано ему и святому Тимофею апостолом Павлом, ибо его проповедь записал Лука. Обнаруживается же то, что как будто тайно он это узнал, из его слов: «Что явлено нашими священническими преданиями». Обрати внимание и на другое объяснение, которое он приводит, — что слова Исаяи, что «Великого Совета Ангелом» именуется рожденный Младенец, подобает отнести к Его плоти. А почему он назван ангелом? Потому что возвестил нам совет Отца. Ведь, спасая нас Своим страданием, Он показал, что такова была воля и Отца. Не как меньший Отца Он был назван ангелом. Это — против ариан. **Иначе.** Главу об укрепившем Его ангеле нужно воспринимать не вопреки толкованию Святого Писания, ибо это мыслится применительно к плоти. И в другом ведь месте Евангелие говорит, что после искушений «ангелы приступили и служили Ему», что Он «утрудился от пути» и что Он «взалкал». Все ведь это показывает, что Он воспринял (в Себя) совершенного человека вместе с его страданиями. Но кто-нибудь спросит: «Какая была надобность в ангеле, когда тут было Божество?» Мы отвечаем, что Бог чаще всего через ангелов чудодействует, об этом и все божественное Писание говорит.

²⁴ Согласно сказанному Им Отцу: «Я явил Твое имя людям».

ГЛАВА 5. ПОЧТО ВСА НЕБЕСНАЯ СУЩ'СТВИЯ ОТДОЛѢ ОБЩЕ АГГЕЛЫ ГЛАГОЛЮТСЕ

Сия убо есть яко по нас вина аггельскаго въ Словесехъ именованія. Испытати же, яко мню, потрѣба есть, кое ради вини богословци вса убо въкупѣ небесная существа аггеле наричуть,¹ къ изъявлению же приходеще прѣмирныхъ тѣхъ добротъ, чинъ аггельскій особнѣ именують, иже съвршителнѣ окончаваей² божественныя и небесныя чины, прѣжде же сего прѣвсходнѣ въчиняюще архагельская удобрення, и начела, и власти, и силы, и елика сихъ прѣвъзъшдшая существія, яже Словесъ въдѣтъ изъявительная прѣдания. Глаголем же, яко по всакомъ священномъ удобрени прѣвъзъшдшей убо чинове имѣють и яже мнѣшихъ удобреній осіяния же и силы, непричестныи же прѣвсходителнымъ себе суть послѣдныи.³ Светѣйшия убо прѣвышшихъ существъ чины и аггелы наричуть богословци, и бо суть изъявительны и сии богоначелнаго осіяния.

¹ Почто убо единого существа быти всѣмъ светымъ аггеломъ глаголющей церкви, божественный Дионусие многыя именуеть силы? Великий убо Дионусие, Александрскы епископъ, иже от риторь, въ тлкованіяхъ, ихже сътвори о блаженномъ Дионусии, иже тому съименномъ, сиче глаголетъ, яко «нерожденное обыче нарицати внѣшняя прѣмудрость всако невидимо естество, такожде и существія състави». От сего, — глаголетъ, яко — по внѣшнихъ реченны быше светымъ Дионусиемъ таковы гласы иносказателнѣ.

² Послѣдній умныхъ чинъ истѣйше аггелы глаголетъ именоватисе, прѣвъзъшдшее же инако. В прочей же главизнѣ девять чиновъ таинствнѣ воспоминаеть, ниня обаче глаголетъ, яко горнѣйши чинове въдетъ, елика долныи осіяниемъ навицають, въдетъ же и иная, долнѣйшимъ невѣдомая. Аще ли же и сиче есть, обаче роднѣйшимъ именемъ и аггелы есть, егда наричутсе вси умы чинове. Глаголетъ же и почто, якоже въ сто и второмъ псалмѣ: «Благословите Господа вси аггелы Его»,* — и въ сто и третнемъ: «Творей аггелы Свое духы»* и прочая. Не супротивьобращаетъ же се слово, мнѣши бо не именуется горнѣйшихъ нареченми, и — яко прѣвъзъшдшими силами пдвъзъшдшее учими бывають.

³ Выпросити убо нѣкто иматъ: си небесныи чинове — прѣвъзъшдшей, и нижшии, и еще мнѣши — тако быше, яко овъ убо горнѣйши быти, овъ же нижшии? И глаголемъ, яко и умнаа вса самовластная съдѣя Богъ. Аще бо чловѣкъ самовластнѣ бысть отъ прѣстнаго вмѣшениа и душе сы, колми паче умниа силы, не имущее земльно что или тежко, самовластны быше? Се бо и божественное прѣдставляеть Писание, глаголе днавола отъ аггельскаго волею испадъша чина, и съ же божественныи мужъ прѣд малѣмъ о аггельскихъ силахъ, яко: «Умнѣ, бо на богоподражателное себе въображающе и къ богоначелному подобию прѣмирнѣ зреще и въобразати желающе разумни ихъ видѣ»,* — отъ сихъ же всѣхъ показуется, ако самоизволныи и самовластныи суть умныи чинове. Вълѣпоту убо глаголетъ коиждо прѣма мѣрѣ своего благаго желанія осіявается божественнымъ разумѣниемъ. Сего ради и чины наричутсе степеновиднѣ, якоже въ нихъ желанію сущему. Сего ради здѣ глаголетъ, не имуть слова послѣдній чинъ серафимъ или прѣстоле именовати. Знаменай же, почто наричутсе вси чинове аггелы.

ГЛАВА 5. ПОЧЕМУ ВСЕ НЕБЕСНЫЕ СУЩНОСТИ ПО НИЖНИМ СООБЩА НАЗЫВАЮТСЯ АНГЕЛАМИ

Вот какова, по-моему, причина именованя <Его> ангелом в Речениях. Но надо, как я думаю, исследовать, по какой причине богословы и вообще все небесные сущности¹ называют ангелами, а, переходя к выявлению их надмирных порядков, ангельский чин именуют особо, как полностью оканчивающий² божественные небесные чины перед ним, выше помещая порядки архангелов, а также начала, власти и силы, — сколько превосходящих их сущностей знают выявляющие <небесное> предание Речений. Мы же говорим, что во всяком священном устройении высшие чины имеют осияния и силы также и низших, но последние не причастны тому, что принадлежит их превосходящим.³ Таким образом, святейшие порядки высочайших сущностей богословы называют и ангелами потому, что и они суть выявители богоначального осияния.

¹ Почему же, хотя Церковь говорит, что все святые ангелы являются одной сущностью, божественный Дионисий называет многие силы? Великий Дионисий, епископ Александрии, из риторов, в толкованиях, которые он создал к блаженному Дионисию, своему тезке, говорит, что «нерожденной внешняя премудрость обычно называет всю невидимую природу и подобным образом сущностями — ипостаси». И поэтому, — говорит он, — святым Дионисием, подобно внешним, эти выражения использованы не в собственном смысле.

² Последний из умопостигаемых чин, говорит он, именуют «ангелами» в собственном смысле слова, а его превосходящие — иначе, некоторые из которых он и называет. В следующей главе он мистически вспоминает девять чинов, а теперь определенно говорит, что высшие чины знают то, что низшие узнают через осияние, но знают и иное, неведомое низшим. Хотя это и так, однако родовым именем «ангелы» иногда называются и все умопостигаемые порядки. И он говорит, почему, — как в сто втором псалме: «Благословите Господа все ангелы Его», — и в сто третьем: «Творящий ангелов Своих духами» и так далее. Но это правило не имеет обратной силы, ибо низшие не называются именами высших. И (заметь), что через высшие силы низшие тайноводствуются.

³ Кто-нибудь может спросить: эти небесные чины — высшие, низшие и еще меньшие — так и появились, что один оказался выше, а другой ниже? И мы отвечаем, что и все умопостигаемые силы Бог создал самовластными. Если уж человек, являющийся смесью праха и души, был (создан) самовластным, насколько же умопостигаемые силы, не имеющие ничего земного или тяжелого, были (созданы) более самовластными? Это и божественное Писание представляет, говоря, что дьявол выпал из ангельского чина добровольно, и этот божественный муж чуть ранее, (говоря) об ангельских силах: «Стремясь умственно вылепить себя по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Богоначалы и (с Ним) сообразовывая образ своего разума», — и из всего этого обнаруживается, что умопостигаемые силы обладают свободой выбора и самовластны. Так что он основательно утверждает, что каждый по мере своего благого желания осиявается божественным разумением. Потому и чины именуются по степеням — соответственно сущему в них желанию. Потому он здесь говорит, что не имеет смысла последний чин именовать серафимами или престолами. И заметь, почему все чины называются ангелами.

Чин же небесных умов послѣднѣй не имуть слова начела, или прѣстоле, или серафиме именовати, ниже бо есть въ причестии прѣвышшихъ силъ. Нъ якоже сѣи иже у нас божествѣнные прѣвосвященники⁴ възводитъ къ вѣдомымъ ему богоначелия лучамъ, сице и иже прѣждныхъ того сущѣствѣ всесвещенные силы възводителныи къ божествому суть съврѣшительнаго⁵ аггельскому священноначелию удобрения, — аще не еда кто и се речеть еже общая быти⁶ всака аггельская именования по всѣхъ небесныхъ силъ въ боговидное и от Бога свѣтодание мнѣшемъ и прѣмущемъ причестии. Нъ да паче намъ слово благосудно будетъ, да видимъ священнѣ яже въ Словесѣхъ изъявленная святолѣпная свойства⁷ коегождо небеснаго удобрения.

⁴ Яко истѣйше аггелы възводитъ священные чловѣкы на вѣдомыи имъ божественные луче. **Инако.** Зрителныхъ таиствѣ си испльнивсе священнѣй Дионусие, глаголе, яко убо послѣдни чинъ, нарицаемѣй аггелы, иже въ чловѣцѣхъ священноначелники церковниѣ пѣстунскы наставляють на възведение къ Богу, долнѣйши же чинъ тѣ нашъ пѣстунъ и степени прѣвыше лежимыѣ горнѣйши яко мнѣшее тайнонаучавають.

⁵ Сиречь послѣдняго аггельскаго глаголю. Сѣй бо чинъ съврѣшаетъ долѣсходителнѣ вса удобрения. Знаменай же, яко славить общаа быти всака именования деветихъ чиновъ коемуждо чину, заеже общѣ осияватисе въ боговидное и въ свѣтодание от Бога, аще и не подобнѣ.

⁶ Есть, глаголетъ, общѣ именовати все разумниѣ и бесплѣтныѣ чины и по иномъ образѣ, сирѣчь, по боговидномъ, еже есть по къ Богу приближению, поелико мощно комуждо ихъ. Тѣмже убо все прѣмирниѣ чины боговиднѣхъ нарицати; и ино же приобщение имѣти всѣмъ тѣмъ, еже свѣтлѣйшаго осияния от Бога дарование, аще и прѣма комуждо мощно — или мнѣше, или вещьше — осияние дается. Въ иже же «О божественныхъ именехъ» словѣ речетъ, яко божественныѣ единѣ глаголютсе всакого чина чиноначелници.

⁷ Знаменай же, како свойства глаголетъ яже коегождо чина мѣры.

ГЛАВА 6. ЧТО ПРѢВО НЕБЕСНЫХЪ СУЩѣСТВѣ УДОБРЕНИЕ, ЧТО СРѢДНЕ, ЧТО ПОСЛѣДНЕ

1. Еликаа убо суть и какова прѣнебесныхъ сущѣствѣ удобрения и како яже у нихъ священноначелия съврѣшаютсе, единому извѣстнѣ вѣдѣти глаголю божествителному тѣхъ Службоначелию (*рядом маргиналий*: божествителное Службоначелие Богоначелие глаголетъ); къ симже и тѣмъ разумѣти свое силы же и осияния и свое священное и прѣмирное благочиние. Немощно бо намъ вѣдѣти¹ яже прѣнебесныхъ умовъ таинствѣ и свѣтѣйшая ихъ съврѣшения, аще не, негли речеть кто, еликаа тѣми насъ яко своя добрѣ вѣдущими Богоначелие

¹ Яко единъ Богъ, иже и боготворей тѣхъ, вѣсть извѣстнѣ тѣхъ же и тѣхъ службы; и самы же вѣдетъ себе и яже тѣхъ. Мы бо ни едино извѣстнѣ еже въ тѣхъ вѣмы, развѣ еликаа от божествнаго научихомсе Писания.

Последний же чин небесных умов нет причины называть началами, или престолами, или серафимами, ибо он не причастен высочайшим силам. Но как он наших боговдохновенных иерархов⁴ возводит к ведомым ему лучам Богоначалия, так и всесвященные силы превышающих его сущностей являются возводящими к божественному завершающее⁵ ангельские иерархии устройство, — если только не скажет кто-нибудь и то, что наименование «ангелы» обще для всех⁶ по причине меньшей или большей причастности всех небесных сил богообразию и от Бога даваемому свету. Но чтобы наше слово было более упорядоченным, священно рассмотрим явленные в Речениях подобающие священному особенностям⁷ каждого небесного устройства.

⁴ (Заметь), что по сути дела ангелы возводят священных людей к ведомым им божественным лучам. **Иначе.** Этими с высшей степенью созерцания связанными таинствами исполненный, священный Дионисий обнаруживает своей речью, что последний (небесный) чин, называемый «ангелы», детоводительски руководствует у людей иерархами Церкви, возводя их к Богу, а сам нижайший чин, наш педагог, тайноводствуется находящимися выше, ступенчато (над ним) возвышающимися, как меньший.

⁵ То есть, говорю я, последнее, ангельское. И заметь, что он считает, что все наименования — каждого чина из девяти чинов — общи потому, что те совместно, хотя и не одинаково, осияваются для богообразия даваемым Богом светом.

⁶ Можно, говорит он, все разумные бестелесные чины совокупно наименовать и иным образом, то есть по богообразию, каковое представляет собой приближение к Богу, насколько каждому из них возможно. Так что все надмирные чины зовутся богообразными; и другое общее имеют они все — дар светлейшего осияния от Бога, хотя и в соответствии с возможностью каждого — или меньше, или больше — дается осияние. В сочинении же «О божественных именах» он говорит, что божественными называются только чиновначальники каждого порядка.

⁷ Заметь, что особенностью каждого чина он называет его меру.

ГЛАВА 6. КАКОВ ПЕРВЫЙ ПОРЯДОК НЕБЕСНЫХ СУЩЕСТВ, КАКОВ СРЕДНИЙ И КАКОВ ПОСЛЕДНИЙ

1. В каком количестве и какие существуют порядки наднебесных существ и как действует их иерархии, точно знает, говорю я, одно обожествляющее их Совершенноначалие (*рядом маргиналий*: обожествляющим Совершенноначалием он называет Богоначалие); кроме того, и они сами знают свои силы, осияния и свое священное и надмирное благочиние. Нам же не по силам знать¹ мистерии наднебесных умов и их святейшие совершенства, — разве лишь, кто-то скажет, — настолько, насколько через них, как хорошо свое знающих,

¹ (Заметь), что один Бог, их боготворящий, знает точно их и их службы; и они сами знают себя и свое. Мы же ничего точно о них не знаем, разве лишь — насколько научились из божественного Писания.

науци. Прочее мы убо ничесоже самодвижнѣ рещи имами; елика же аггельскихъ видѣний от священныхъ богослов'ць узрѣшесе, сия навикше, мы, яко мощни есмы, да изложимъ.

2. Вса богословие небесная существа деветь нарекло есть изъявительными именованми.* Сия божьственный нашъ священнослужитель² (*внизу на поле без какого-либо значка*: Священнослужителя глаголетъ или светого Павла, или светого Иерофеа) въ три разлучаетъ троичская удобрения.³ И прьво быти глаголетъ еже о Бозѣ существо присно и близъ тому и прѣжде иныхъ непосредствѣн⁴ съединитисе прѣданное. Светѣйшии бо прѣстоле* и многоочите и многокриллате чинове, херувимъ еврейскимъ гласомъ и серафимъ именованна, по всѣхъ прѣвсходешемъ приближении о Бозѣ непосредствѣнѣ присѣдѣти рече прѣдаватисе Словеснимъ изъявлениемъ. Троичьское убо се удобрение яко едино и въкупочиньно и въистину прьво священноначелие славный нашъ рече наставникъ, егоже нѣсть друго божествѣнѣйшее и прьводѣльными Богоначелия осиянми непосредствѣнѣ приближнѣйше. Второ же быти реже еже от властей и господствѣ и силъ⁵ съвршаемое, и третие послѣднихъ небесныхъ священноначельствѣ, еже аггель же и архаггель и начель удобрение.

² Священнослужителя убо своего обыче нарицати или божествѣнѣйшаго апостола Павла, или светого Иерофея, якоже въ иже «О божественныхъ именехъ» словѣ речесе. Ниня же никого иного мню глаголати тому, развѣ светого Павла. Ниединого бо бѣ се иного развѣ того, иже даже до третяго небесе достигшаго и яже о сихъ навикшаго.

³ Прьво троичско се и боговидно чиноначелие есть сьмыслнѣ и достойнѣ Богу зрей разумѣти от Иезекиила, иже глаголетъ прѣстоль прьвы, на немже явися Богъ, таже абие ближия херувимъ;* от Исане же светѣйшии серафимъ, окрѣсть стоеще Бога, зрѣхусе.* Сия же являютъ еже паче всѣхъ горнѣйшее при Бозѣ ихъ покоище. Изъявляютъ же се немалъ сия подобнѣ и въ «Откровении» светого Иоанна, апостола, еуаггелиста и богослова.*

⁴ «Непосредствѣнѣ» реченно бысть, понеже нѣсть инъ чинъ прѣжде того. Знаменая же, яко прѣстоле, рекше многоочитая и многопернатаа херувимъ и серафимъ, глаголетъ горнѣйшаа быти всѣхъ силъ.

⁵ Прочее же двѣ троичсцѣ умныхъ чинона[че]ли отдолѣ горѣ събираетъ, прьва бо суть господствя, таже проче силы, также власти. Съ же власти прьвые въчинивъ, срѣдние приетъ господствя. И третие служебныи троице прьваа начела, таче проче архаггелы, и послѣдни аггелы. Ниня же убо не сице тѣхъ въспомену, въ прочей главизнѣ, нъ отдолѣ горѣ приемъ именоваль есть. Апостоль убо въ еже «Къ Римляномъ»* и въ еже «Къ Ефесиномъ»* въспоминаетъ нѣкоторихъ аггельскихъ чиновъ, не сѣи же чинъ сповѣдуеть. Являютъ же велики Дионусие, яко въ тайнѣ сия прѣдасть святымъ божественный апостоль.

посвятило нас Богоначалие. Так что мы не скажем ничего сами от себя; но сколько было священными богословами увидено ангелов в видениях, это разузнав, мы, как можем, изложим.

2. Всего богословие назвало выявляющими именами девять небесных существ. Божественный наш священнослужитель² (*внизу на поле без какого-либо значка*: священнослужителем он называет или святого Павла, или святого Иерофея) разделяет их на три троичных порядка.³ И первый, говорит он, пребывает всегда около Бога, близок к Нему и прежде других, непосредственно,⁴ согласно преданию, соединяется (с Ним). Ибо святейшие престолы и многоокие и многокрылые чины, именуемые на еврейском языке херувимами и серафимами, помещаются в превышающей всех близости, непосредственно около Бога, — передает, говорит он, изъявление священных Речений. Этот вот троичный порядок наш славный наставник называл единой равночинной и воистину первой иерархией, божественной которой и более близкой к первичным осияниям Богоначалия нет. Второй, говорит он, составляют власти, господства и силы,⁵ а третий, (состоящий) из последних (чинов среди) небесных иерархий, — порядок ангелов, архангелов и начал.

² Своим священносовершителем он обычно называет или божественнейшего апостола Павла, или святого Иерофея, как сказано в сочинении «О божественных именах». Ныне же ни о ком ином, мне кажется, он говорит, как о святом Павле. Никого другого ведь не было, кроме него, кто достигал бы даже до третьего неба и узнал бы о таковых.

³ Об этом первом троичном богообразном чиновачалии осмысленно и достойно Бога исследующий может узнать у Иезекииля, каковой первенствующим называет престол, на котором явился (ему) Бог, а сразу под ним, поблизости — божественные херувимы; Исайе же видятся святейшие серафимы, стоящие вокруг Бога. Это обнаруживает их высочайший, сравнительно со всеми, жребий. Предстает это почти так же и в Откровении святого Иоанна, апостола, евангелиста и богослова.

⁴ «Непосредственно» сказано потому, что иного чина перед ним нет. И заметь, что престолы, а также многоокие и многокрылые херувимы и серафимы выше, говорит он, всех сил.

⁵ Следующие далее два троичных святых чиновачалия умопостигаемых (сил) он перечисляет снизу вверх, ибо первыми являются господства, затем следуют силы и далее власти. А он, первыми поставив власти, средними сделал господства. И в третьей служебной триаде первые суть начала, затем следуют архангелы, и последние — ангелы. А он тут, в следующей главе, не так их упомянул, но назвал, перечисляя снизу вверх. А ведь апостол в (Посланиях) «К Римлянам» и «К Ефесянам» упоминает некоторые ангельские порядки, но этот чин не приводит. Великий же Дионисий разъясняет, что втайне это передал святым божественный апостол.

ГЛАВА 7. О СЕРАФИМЪХЪ, И ХЕРУВИМЪХЪ, И ПРЪСТОЛЪХЪ, И О ПРЪВОМЪ, ИХЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ¹

1. Съй мы и приемлюще² светнихъ священноначельствъ чинъ, глаголемъ, яко всако небесныхъ умовъ именованіе сказаніе имать коегождо богоданнаго свойства.³ И светое убо серафимъ именованіе рѣше иже яже евреи вѣдуше или еже «пожигателе» изъявляти, или еже «сѣгрѣвателіе», а еже херувимъ — «множество разума», или «излитіе прѣмудрости».

Вълѣпоту убо пръвое небесныхъ священноначельствъ от прѣвышшихъ сушьствъ священнодѣйствуете, чинъ имѣе всѣхъ высочайши,⁴ еже о Бозѣ непосредствнѣ присѣдѣти и пръводѣльная богоявленія и сѣвршенія въ тѣ яко приближнѣ начелничствнѣ сходити. «Сѣгрѣвателіе» убо именуется и прѣстола и «излитіе прѣмудрости» изъявительнымъ боговидныхъ ихъ имѣствъ именованіемъ.⁵ Иже бо приснодвижное быти⁶ убо ихъ о божественныхъ и непрѣстаемое и еже теплое и скорое и прѣгорещее всѣхъ приближнаго и нескходнаго и неуклоннаго приснодвиженія и еже иже мнѣшихъ възводителнѣ и силнѣ уподобителное яко вѣстопляе она и възгарае на подобную топлоту и еже палителнѣ и всесѣжигателнѣ чистителное, и неприкривателно и неугашаемо имѣе такожде присно свѣтовидно и просвѣщателно свойство всакого несвѣт-

¹ Паки надъписание отдолъ на высочайшая възсходить, третии бо серафимъ, втори херувимъ, и пръви прѣстола. Супротивъ обратнѣ убо надъписа.

² «Приемлюще» глаголетъ, рекше «любеще» или «о семъ усрѣдствующе».

³ Знаменай, яко всако име разумныхъ знаменій объемлетъ чину свойствнаго дѣйствія, якоже светыхъ серафимъ и херувимъ сказанія именъ являютъ.

⁴ Безъ какого-либо знака, указывающаго мѣсто, къ которому относится маргиналий, на полѣ рядомъ начинается слѣдующая, частично утраченная, запись: Пръвое небесныхъ священноначельствъ, рекше службѣнство, или стояніе, или чинъ паки отъ тѣхъ пръвыи и прѣвышшихъ сушьствъ отъ серафимъ и херувимъ и прѣстола священнодѣйствуете.

⁵ Понеже боговидное имѣство глаголетъ при божественныхъ умовѣхъ, не подобаетъ непшевати великаго Дионусіа добродѣтели сие умніе яко случай, заеже и въ насъ тѣмъ прибывати глаголати, яко ино въ иномъ подлежащемъ, рекше качество прибывшее. Случай бо и подлежаемо отонудъ отврѣженное есть, яко и всако сложение и вещи безъобразное отонудъ изврѣженно есть. Аще бо бѣ ино въ иномъ, сирѣчь случай въ подлежащемъ, не бы убо живо было по себѣ сушьство оно, ни же обожатисе по себѣ якоже мощно можаше единого ради чина, яко ино въ иномъ сохраняемо. Яже убо сихъ реченія имѣства самоосущствленна суть, не убо яко случай въ подлежащемъ, невещствнаго ради. Сего ради велики Дионусій долъ, въ иже «О церковномъ священноначелии» словѣ, въ главизнѣ четвертой, осуществленнаа быти глаголетъ имѣствія яже въ нихъ.

⁶ Знаменай, яко божественныя силы по имѣству имуть боговидное. Имѣство же есть качество прѣбывателно. Отсуду убо являетсѣ, яко самовластны суть, въ имѣствѣ добродѣтели имущѣ. Се пространѣше прѣдставляеть Аммонъ Андрианополскы* въ иже «О възкрѣсеніи» отъ того на Оригена* писанныхъ словѣхъ.

ГЛАВА 7. О СЕРАФИМАХ, ХЕРУВИМАХ, ПРЕСТОЛАХ И О ПЕРВОЙ, ИХ ИЕРАРХИИ¹

1. Таким воспринимая² порядок святых иерархий, мы говорим, что всякое наименование небесных умов содержит указание на Богом данную особенность каждого.³ И святое имя серафимов, говорят сведущие в еврейском, означает «пожигатели», или «разогреватели», а херувимов — «множество знания», или «излитие премудрости».

Справедливо, стало быть, первая из небесных иерархий священо осуществляется высочайшими существами,⁴ имеющими более, чем все, высокий чин, ибо она находится непосредственно около Бога, и начинающие действовать богоявления и свершения сначала сходят в нее, как ближайшую. «Разогревателями» именуется она, престолами и «излитием премудрости», — именами, выявляющими их богообразные⁵ свойства. Так, вечное движение⁶ около божественного и непрестанность, жар, быстроту и кипучесть (этого) постоянного, неослабного и вечного движения; способность уподоблять себе, возвышая и поощряя, низших, как бы приводя их в состояние кипения и воспламеняя до подобного жара; очищать их подобно молнии и всепожигающему огню; особый, обладающий неприкрытостью и неугасимостью всегда одинаково световидный

¹ Заглавие, следуя обратному порядку, восходит снизу к более высокому, ибо серафимы — третьи, херувимы — вторые, а престолы — первые. Так что в обратном порядке он (их) записал.

² «Воспринимаемая» он говорит в смысле «одобряя» или «поддерживая его».

³ Заметь, что всякое наименование священных чинов содержит указания на свойственную чину деятельность, как показывают толкования имен святых серафимов и херувимов.

⁴ Без какого-либо знака, указывающего место, к которому относится маргиналий, на поле рядом начинается следующая, частично утраченная, запись: Первая из небесных иерархий, то есть служба, или положение, или чин, священо осуществляется опять же этими первыми и высочайшими существами — серафимами, херувимами и престолами.

⁵ Поскольку он говорит о богообразных свойствах применительно к божественным умам, не следует полагать, будто великий Дионисий утверждает, что эти умопостигаемые достоинства присоединяются (к ним) в виде случайных, как бывает у нас, — как (нечто) иное к иной основе, как бы присоединенное качество. Ибо (понятия) «случайное свойство» и «основа» здесь недопустимы, так как всякое соединение и бесформенность материи отсюда исключаются. Ведь если бы (это) было иное в ином, то есть случайное свойство, (присоединенное) к основе, то это существо не жило бы само по себе и не могло бы обоживаться, насколько это возможно, само по себе, только благодаря чину, сохраняемому как иное в ином. Стало быть, названные свойства в них самоосуществляемы, а не (присоединены) как (нечто) случайное к основе, по причине нематериальности. Почему великий Дионисий — ниже, в трактате «О церковной иерархии», в главе четвертой — и говорит, что свойства в них субстанциальны.

⁶ Заметь, что божественные силы как свойство имеют боговидность. Свойство же есть качество постоянное. А отсюда делается ясным, что обладающие достоинствами как свойствами самовластны. Это более пространно представляет Аммон Адрианопольский в словах «О воскресении», написанных им против Оригена.

лаго тмоторения отгонително суще и потрѣбително серафимъ именованіе изьявительнѣ учить. Херувимьское же еже разумно быти ихъ и боговидное, и еже прѣвышшаго свѣтоданія приетное и зрительное въ прѣводѣлной силѣ богоначелнаго благолѣпія, и прѣмудротворнаго прѣподанія испльненное, и причестное обилнѣ къ вторимъ излитіемъ дарованныи прѣмудрости. А еже прѣвысокихъ и прѣвзетнихъ прѣстолю⁷ еже всакого несмѣснѣ изетисе долѣшъствааго смѣренія и еже въздвигателнѣ прѣмирнѣ горѣносное⁸ и всакого послѣднства неклонителнѣ горѣприсвоенное и о иже вѣистину Вышнемъ всѣми силами неколѣбательнѣ и благостойнѣ присѣдимое и богоначелнаго нашъствія въ бестрасти всачьсѣмъ и невещество приетное, и еже богоносное⁹ и богоугоднѣ на божъствная подѣтия възлѣтаемо.

2. Сие убо еже имень ихъ яко по насъ изьявление. Реци же достойно есть, кое священноначеліе ихъ непшумемъ. Всакого бо убо священноначелія мысли богоподражателнаго боговидѣнія прилежателно и неклонителнѣ быти, и еже раздѣлятисе всакому священноначелничскому строенію въ причестіе¹⁰ священно и прѣподаніе¹¹ чищенія несмѣснаго и божъствнаго свѣта, и службѣнствнаго художства доволно уже от насъ рещисе непшую. Ниня же достойнѣ реци молюсе прѣвышъшихъ умовъ, како еже въ тѣхъ священноначеліе Словеса изьявлетсе.

Прѣвымъ¹² существомъ, иже по существотворномъ ихъ Богоначеліи присѣдеща и якоже въ прѣддвѣрии того вѣчиненна, всакие суть невидимые

⁷ Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится: Прѣвысокихъ прѣстолю именованіе учить еже быти имъ изетимъ всакого долѣснаго смѣренія и прочаа, яже глаголютсе тѣмъ имѣти я.

⁸ Горнѣше ество и по Бозѣ от Того вѣчиненное явлет прѣстолю ничтоже на тимѣнная вѣнимающимъ, якоже назнаменуе еже ничесоже тѣмъ имѣти долѣшъствнаго смѣренія, нѣ еже къ Богу вѣходное, горѣноснѣ внемлюще. Добрѣ же приведе «прѣмирнѣ», рекше бесплѣтнѣ и невеществонѣ и умнѣ, рекле мысльнѣ. Да не убо възнепшущи еже «въздвигателное» путь быти телесны, приведе еже «невеществонѣ».

⁹ Знаменай, яко и иже свѣтыхъ прѣстолю чинѣ богоноснѣ рече, яко носе [зачеркнуто красными чернилами: на томъ] почиваемаго мысльнѣ Бога. Зри убо, понеже и блаженный Василие Кападокійскій* богоносную рече плоть, смотри достоитъ, како рече. Нѣ убо плѣть самого Господа по съставу съединисе самому Богу Слову, сего ради и еже плѣть носити тѣ глаголетсе от отецъ и плѣть облѣши. Что убо безмѣстнѣ, аще и плѣть тогова глаголетсе богоноснаа, яко носещи Бога Слова по съединеніи нерастоятелномъ, тогова плѣть и глаголемаа и бывши истѣше и поистинѣ? Си же, по благодати имуще въ себѣ Бога, неизреченнымъ словомъ и недомыслною мыслию, богоносны и си сего ради глаголютсе.

¹⁰ Яко прѣвѣ причествуютъ прѣвие силы Богу, и тако прѣподають мнѣшимъ бывшее въ нихъ осіаніе.

¹¹ Яко всакого мѣтанія вѣшнаго неприетны суть и непримѣсны всакому сниженію.

¹² Сие събирай се: «Прѣвымъ существомъ свое непшевати достоитъ быти имъ и по всемъ подобовидно священноначеліе, иже по существотворномъ ихъ Богоначеліи присѣдеща, и яко въ прѣддвѣрии того вѣчиненнаа, всакие видиміе и невидиміе бывшее силы суть прѣвѣзъшѣшаа».

и просвещающий образ, способный изгнать и истребить всякое темное порождение мрака, — *〈все это〉* выявляя, обнаруживает наименование серафимов. Херувимов же — их разумность и боговидность, способность воспринимать высочайшее светодавание и созерцать в перевозданной силе благолепие Богоначалия, преисполняться умудряющего преподавания и обильно приобщать вторичных к излитию дарованной премудрости. А высочайших и превознесенных престолов⁷ — беспримесную изытость по отношению ко всякой до ног сниженности и устремленность надмирно кверху,⁸ немязежное пребывание за всяким пределом; никакими силами незыблемую прочную утвержденность около подлинно Наивысшего; приятие в полном бесстрастии и невещественности посещения Богоначалия и богоносное⁹ и богоугодное возлетание на божественные пиры.

2. Таково наше разъяснение их имен. А теперь следует сказать, какой мы представляем себе их иерархию. Что цель всякой иерархии неразрывно связана с богоподражательным богообразием и весь труд иерархии делится на священное причастие¹⁰ беспримесному очищению, божественному свету, искусству совершенствования и на преподавание¹¹ *〈этого другим〉*, нами уже достаточно, я полагаю, было сказано. Ныне же молюсь, чтобы достойным высочайших умов образом рассказать, как их иерархия выявляется Речениями.

У первых¹² сущностей, пребывающих *〈непосредственно〉* за осуществляющим их Богоначалием, как бы в преддверии Его поставленных, превосходя-

⁷ Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится: Наименование превысоких престолов показывает, что они не причастны ни к какой подножной сниженности; *〈заметь〉* и прочее, о чем говорится, что они имеют.

⁸ Некоей высочайшей природой, учрежденной при Боге, сразу под Ним, он являет престолы, не соприкасающиеся ни с чем материальным, как показывает то, что они не имеют никакой *«до ног сниженности»*, но *〈обладают〉* восходящей к Богу, обращенной вверх устремленностью. Он хорошо добавил *«надмирно»*, — вместо бесплотно, невещественно и умопостигаемо, или же умственно. А чтобы ты не счел, что *«кверху»* означает телесный путь, он добавил *«невещественно»*.

⁹ Заметь, что и чин святых престолов он назвал богоносным, — как носящий умопостигаемо покоящегося Бога. Обрати *〈на это〉* внимание: поскольку блаженный Василий Каппадокийский назвал богоносной плотью, надо рассмотреть, почему так сказано. Но ведь плоть Самого Господа была по существу и по ипостаси соединена с Самим Богом-Словом, почему и говорят отцы, что Он носит плоть и облекся во плоть. Что же странного, если и плоть Его называется богоносной как носящая Бога-Слово в нерасторжимом соединении, Его плотью и называясь, и являясь по праву и по истине? А они, *〈престолы〉*, по благодати имеющие в себе Бога невыразимым для слова и непредставимым для мысли образом, — богоносными и они по этой причине называются.

¹⁰ *〈Заметь〉*, что первыми первые силы причаствуют Богу и затем они передают меньшим происшедшее в них осияние.

¹¹ *〈Заметь〉*, что они невосприимчивы для всяких связанных с материей мечтаний и беспримесны по отношению ко всякому снижению.

¹² Так составь это *〈предложение〉*: *«У первых сущностей, надо полагать, есть своя собственная во всем единообразная с ними иерархия, располагающаяся *〈сразу〉* за осуществляющим их Богоначалием и как бы в преддверии Его поставленная, и они превосходят всякую невидимую и видимую возникшую силу»*.

и видимые прѣвъзъшьдшей бывшее силы, свое непщевати достоить быти и по всемь подобовидно свещенноначелие. Чиста убо та достоить непщевати¹³ не яко несвещенныхъ скврънь и гнусоть свободьннаа, ни же яко тименныхъ неприетна мьчтаній, нь яко всакого сънижения несмѣснѣ высочайшая, и всакого мьншего свещения по прѣвъшышой чистотѣ всѣхъ боговидныхъ силъ прѣвосѣдателнаа, и своего приснодвижнаго и самодвижнаго¹⁴ по боголюбезнаго непрѣложению чина неклонителнѣ зѣло дрьжещаасе, и еже на хуждшая по нѣчесомь умьнение отнудь невѣдушаа, нь непадаемо присно и непрѣдвижимо имущаа своего боговиднаго свойства несмѣсное присѣдание. Зрителнаа¹⁵ же пакы не яко чювьствьныхъ знаменый или умниихъ видителие,¹⁶ ни же яко различиемь свещеннописаническаго видѣния на божьствное възводимая, нь яко всакого невеществьнаго разума высочайшимь свѣтомь испльненнаа и добротворные и начелные доброты прѣсущьствнаго и триспѣтнаго зрѣния, яко лѣпо, насыщеннаа, Исусова же приобшениа¹⁷ такожде удостоеннаа не въ образѣхъ свещеннозданныхъ зрачнѣ въображающихъ богоназданое уподобление,¹⁸ нь яко выистину тому приближаемаа въ прѣвъмь причестии разума богодѣльныхъ Его свѣтъ, и убо яко еже богоподражателное тѣмь прѣвъсочайше дарованно бысть и приобшачютсе по еже тѣмь мощно въ прѣводѣлнѣй силѣ¹⁹ богодѣйствьнымь Его и чловѣколюбнымь

¹³ Яко не тъкмо божьствныи силы саме скврънь и гнусоть свободны суть, нь и всакого мьчтанія вешьнаго неприетны суть, и непримѣсни всакого умьнения, и еже на хуждше умьнение никакоже вѣдуше. Сие же разумѣй не яко по естеству непрѣложни суть, нь, самопроизволны суще, ради еже на благое зѣлнаго желанія въ благое уклоншесе, прѣбыше сие, имьство якоже имуще еже непрѣдвижимо. Единь бо по естествѣ непрѣложнь Богъ, сие же аше сие съдѣланни быше, не би убо испаднуль диаволь. Нь и сии все одинаго и равнаго чина. Еже бо от естества благое умьнения не имать.

¹⁴ Самодвижение глаголетъ светы съ быти движение ихъ, — яко неизмѣнно и непрѣложно такожде же имущее. Движения же суть при тѣхъ яже непрѣстанныа въразумѣванія дѣйствія, умове бо суть немльчныи. И знаменай еже «по боголюбезномь непрѣложное», и прочти четверьтоу главизну иже «О божьствныхъ именехъ» слова и 8 главу иастоещаго слова.

¹⁵ Знаменай, како глаголютсе зрителни светы чинове си и яко не знаменни или видѣнни Писанія богоразумие имуть, якоже мыи.

¹⁶ Зрителие глаголютсе иже таиннь видителие. Сия же светымь знаменателнѣ глаголемими о Бозѣ чювьствьными откриваютьсе, еже при горныхъ силахъ иѣсть разумѣти. Знаменай же реченное «трисвѣтлое видѣние» вмѣсто «трисъставно светое Божество».

¹⁷ Исусово же приобшение причестие славы и неизреченние свѣтлости тѣла Христова глаголетъ, съ плътию бо съсѣдити Отцу.

¹⁸ Знаменай же, яко еже къ Господу Исусу уподобление богоздателио есть, сирѣчь съдѣлуеть богы уподобляемие, — и како непосредствнѣ и кромѣ знамени чины си уподобляютьсе Христу, от того се примшшии.

¹⁹ Знаменай, яко и прѣвозданны суть силы сие и добродѣтели Господа Исуса Христа яко силы сие имуть.

ших всякую невидимую и видимую возникшую силу, есть, надо полагать, своя по всему однородная иерархия. Чистыми их надо считать¹³ не как свободных от несовместимых со священным скверн и гнусностей, ни как невосприимчивых для связанных с материей мечтаний, но как беспримесно высших всякого снижения, и надо всем нижележащим священным по высочайшей чистоте всеми богообразнейшими силами превознесенных, и — как неизменно придерживающихся своего вечно и тождественно в неизменности боголюбия движущегося¹⁴ чина, и в чем-либо умаления, ведущего к ухудшению, совершенно не знающих, но всегда имеющих чистейшую обитель своей богообразной особенностью устойчивой и неподвижной. Созерцающими¹⁵ также (их надо считать) не потому, что они — созерцатели¹⁶ доступных чувствам или уму символов или восходят к божественному благодаря пестроте созерцаемого Священнописания, но потому, что они наполнены превышающим всякое невещественное знание светом и преисполнены, насколько (это) дозволено, сверхсущественным трисветлым созерцанием творящей прекрасное изначальной Красоты; и — как удостоенных приобщения Иисусу¹⁷ точно так же не через посредство священно-созданных образов, зримо запечатлевающих (Его) теургическое подобие,¹⁸ но как воистину приближающихся к Нему в первой причастности знанию Его теургических светов; и потому — что возможность богоподражания дарована им в высшей степени, и они приобщаются, насколько это для них возможно, в первоизданной силе¹⁹ достоинств Его теургии и человеколюбия. И совершенны

¹³ (Заметь), что божественные силы не только сами свободны от скверн и гнусностей, но и невосприимчивы для всякого связанного с материей мечтания, беспримесны для всякого ущерба и совершенно не знают никакого ухудшающего умаления. Понимай это так, что они не по природе неизменны, но, будучи свободны в выборе, по причине горячего желания блага склонившись к Благу, остались такими, и неизменность стала как бы их свойством. По природе ведь один Бог неизменен, будь они так сотворены, не отпал бы дьявол. Но и они все принадлежат одному равному чину. Ведь то, что по природе благо, умаления не имеет.

¹⁴ Тождественным называет этот святой их движение как неизменное и неуклонное, одинаково происходящее. Движение же у них — это деятельность уразумения, ибо они суть умы неумолчные. Отметим и выражение «в неизменности боголюбия» и прочти четвертую главу книги «О божественных именах» и восьмую главу настоящего трактата.

¹⁵ Заметь, почему эти святые чины называются созерцающими и что не через символы или образы Писания обретают они боговедение, в отличие от нас.

¹⁶ Созерцателями (*теорами*) называются наблюдатели (*эпонты*) таинств. Святым же это открывается с помощью того, что говорится о Боге в доступных чувствам формах символически, что невозможно помыслить применительно к высшим силам. И заметь, что «трисветлое созерцание» сказано вместо «трипостасная единая божественность».

¹⁷ Приобщением Иисусу он называет причастность славе и неизреченному сиянию тела Христова, ибо Он с плотью совосседает с Отцом.

¹⁸ Заметь, что уподобление Господу Иисусу теургично, т. е. делает уподобляющихся богами, так как эти чины непосредственно, минуя символы, уподобляются Христу, от Него это восприняв.

¹⁹ Заметь, что эти силы первоизданны и что эти (небесные чины) обладают достоинствами Господа Иисуса Христа как силами.

добродѣтелемъ. Свършеннаа же такожде не яко различия священнаго въ сказательномъ художествѣ сияющаа, нь яко прѣваго и прѣвсходимаго обожения испльненаа по прѣвысочайшемъ яко аггеломъ богодѣйствъ художствѣ. Не бо иными светыми существи, нь от самого Богоначелия прѣвосвещенствуема²⁰ въ еже на то непосредствѣнѣ въспростиратисе всѣхъ прѣвсходещою силою и чиномъ и въ всечистомъ и по всемъ неклонителномъ присѣдеше и къ невеществуному и умному благолѣпю, яко праведно, въ видѣние при водетсе и яже богодѣйствъ художствѣная словеса²¹ яко прѣваа и о Бозѣ суща навикають от самого службоначелия прѣвысочайше священначельствуема.²²

3. Сие бо богословци явѣ сказують еже убо мнѣшимъ небесныхъ существъ добротамъ от прѣвзышѣдшихъ благодобротнѣ научаватисе²³ богодѣйными художествамъ, всѣхъ же прѣвышѣшими от самого Богоначелия, яко праведно, ученми осияватисе. Нѣкоторые бо убо ихъ въводятъ от прѣввыхъ священнѣ навикающе, еже «Господа быти небеснымъ силамъ»* и «Цара славы»* иже на небеса чловѣколѣпнѣ възнесеннаго,²⁴ нѣкые же къ самому Иесу недоумѣвающесе и еже о насъ Тогова богодѣйствія²⁵ художество навикнути желающе и тѣхъ самому Иесу непосредствѣнѣ научавающу и прѣводатнѣ тѣмъ изьявляющу Свое чловѣколюбное благодѣйствие. «Азь бо, — рече, — глаголахъ правду и судъ спасения».*²⁶ Дивлю же се,²⁷ яко и яже прѣнебесныхъ

²⁰ Знаменай, како глаголютсе свършенны божествны чины си. Сказательное же различие художество глаголетъ изьяшнение и тлѣкование священнаго прѣдания, егоже трѣбують и мнѣши чинове, якоже на прѣдѣ глаголетъ, много же множае чловѣци. Кромѣ бо тлѣкований, сказующихъ многоразличную прѣмудрость светнихъ зрѣний, не мощно сия разумѣти ни же намъ, ни же мнѣшимъ прѣввыхъ трехъ чиновѣ. Тѣмъже глаголетъ, яко убо подвышѣдшими чиновы кождо прѣвы священначелствууетъ тѣкмо и не инаа сила. Горнѣйшихъ же сихъ удобреній священначелиемъ Богъ священначелствууетъ единъ, и не инаа сила.

²¹ Понеже бо всакихъ горнѣйши суть и ничтоже имуть прѣвышѣше, елико въ иныхъ силахъ, влѣпту от Самого Бога единого прѣвы, яко горнѣйши, научаеми суть божествному разуму.

²² *На поле рядом:* Священначелствуема — сирѣчь тайно учима.

²³ Знаменай еже «научаватисе»: являет бо не по естествоу быти имъ таковыми.

²⁴ Знаменай на василияне, рекше несторияне,* — яко възнесисе по еже чловѣкъ Христосъ Иесусъ Тъ есть Господь умныхъ всѣхъ и Царь славы, яко учимъ навикають от глаголющихъ: «Възмете, врата, кнезы ваши»,* — и въпрашающе: «Кто есть съ Царь славы?», — и паки слышеше: «Господь силамъ»,* — и прочая. На безглавниехъ же и евтихианехъ,* яко аще и Господь силамъ, нь убо плоть и явленъ чловѣкъ, яко и къ странному удивлятисе прочимъ начеломъ.

²⁵ Добрѣ богодѣйствие нарече еже о насъ сѣмотрение. Божия бо бѣху яко вѣистину дѣла вса, яже въ сѣмотрени Господни: рождество светое, исцѣления, яже при страстехъ знаменая и въскръсение.

²⁶ А еже «Азь бо глаголахъ правду и судъ спасения» Исаяи суть, и зри, како сия разумѣ.

²⁷ Речение сиче сложи: «Дивлюсе, како прѣваа существъ прѣнебесныхъ, яко срѣдняя, богоначелныхъ осияний жаляють». «Посрѣдѣвъскриляемаа» же рече яко не къ крайнее высотѣ възлѣтаемаа, нь срѣды касающасе разумѣний. «Недоумѣвати же се» назнаменууетъ еже глаголати: «Кто съи приходей от Едома?»*

ми, равным образом, — не как осиянных искусством понимания священной пестроты, но как первыми и преимущественно исполнившимися обожения сообразно превысочайшему доступному ангелам знанию богодеяний. Ибо не через другие святые существа, но самим Богоначалием первосвященствуемые,²⁰ непосредственно к Нему устремляясь все превосходящими силой и чином, в пречистом и совершенно незыблемом (положении) они утверждаются, и к созерцанию невещественного умопостигаемого благолепия в меру дозволенного привлекаются, и в художественные логосы богодеяний²¹ как первые и около Бога находящиеся посвящаются, самим Совершенноначалием превысочайше священноначальствуемые.²²

3. Итак, — богословы ясно это показывают — нижние порядки небесных существ дисциплинированно изучаются²³ теургическим знаниям от высших, а находящиеся выше всех осияваются, в меру дозволенного, посвящениями от самого Богоначалия. Некоторых из них представляют как священно посвящаемых первыми в то, что Вознесенный на небеса в человеческом виде²⁴ есть «Господь небесных сил» и «Царь славы», некоторых же — как Самого Иисуса вопрошающих и желающих изучить искусство (совершенного) ради нас Его богодеяния²⁵ и Самим Иисусом непосредственно (в это) посвящаемых и первыми получающих разъяснения Его человеколюбивого благодеяния. «Я, — говорит Он, — говорю правду и суд спасения».²⁶ Но я удивляюсь,²⁷ что и первые из

²⁰ Заметь, почему называются совершенными эти божественные силы. Искусством же разбираться в пестроте он называет изъяснение и истолкование священного предания, в чем нуждаются и меньшие чины, как он впереди говорит, и гораздо более люди. Ибо помимо толкований, толкующих многопеструю премудрость святых умозрений, невозможно их понять ни нам, ни меньшим — первых трех чинов. Почему он и говорит, что подчиненными чинами священноначальствует только каждый первый (чин), а не (какая-то) иная сила. А высочайших этих порядков иерархией священноначальствует один Бог, а не (какая-то) иная сила.

²¹ Поскольку ведь они выше всех и ничего из того, что относится к другим силам, их не превосходит, естественно, что они от Самого Бога единого как высшие первыми изучаются божественному знанию.

²² *На поле рядом*: Священноначальствуемые — то есть тайно учимые.

²³ Заметь это «научаются»: оно показывает, что не по природе они таковы.

²⁴ Заметь, что — вопреки василианам или несторианам, — вознесшийся как человек Христос Иисус есть Сам Господь всех умопостигаемых сил и Царь славы, как посвящаемые узнают от говорящих: «Поднимите, врата, верхи ваши», — и спрашивают: «Кто сей Царь славы?», — и вновь слышат: «Господь сил», и так далее. Против акефалов же и евтихиан — то, что хотя Он и Господь сил, но и плоть и явный человек, чему как странному удивляются прочие начала.

²⁵ Хорошо он назвал богодеянием промысел о нас. Ибо поистине Божьи все деяния промысла Господня: святое Рождество, исцеления, знамения при Страстях и Воскресенье.

²⁶ Слова «Я говорю правду и суд спасения» принадлежат Исаяе, и смотри как он их понял.

²⁷ Фразу составь так: «Я удивляюсь тому, что первые из наднебесных существ, словно средние, богоначальных осияний желают». «Парящими в середине» он назвал их, поскольку не до предельной высоты они взлетают, но касаются только середины разумений. «Недоумевают» же означает — говорят: «Кто это идет от Эдома?»

сущѣствъ прѣваа и толико всѣхъ прѣвѣсходѣща богоначелныхъ осияний яко посрѣдѣвскриляема²⁸ благоговѣйнѣ желаютъ. И бо не Самого Бога выпрашають.²⁹ «Почто ти оброщенны суть ризи?»,* — къ самѣмъ же недоумѣваютсе прѣвѣ, показавше убо, яко навикнути желающе и богодѣйствѣнааго разума желаютъ, не прѣдваряюще же иже по божествномъ прошѣстви даемаго осияния. Прочее убо прѣво небесныхъ умовъ священноначелие от самого Службоначелия прѣвосвещенствуемо въ еже на то непосредствѣнѣ простиратисе всесвѣтѣйшаго очищения, неприступнаго свѣта, прѣждѣсвѣршѣния свѣршеннодѣйствія по мѣрѣ се испльняемо очищается и просвѣщается³⁰ и свѣршеннодѣйствуется всакого убо сънижения несмѣсно, прѣваго же свѣта испльнено и прѣводатнаго разума и художества причестникъ наврѣшаемо.

Съвѣкупив же и се да реку убо не нелѣпостнѣ, яко и чищение³¹ есть и просвѣщение и свѣршѣние еже богоначелнаго художества причещение, неразумія убо рекше очища по чину даемымъ разумомъ свѣршенныхъ навиченый, просвѣщае же собою божественымъ разумомъ, егоже ради очищаетъ яже не прѣвѣ узрѣнна елика ниня изъвѣляютсе высочайшаго ради осияния и свѣршае пакы тѣмъже свѣтомъ еже по имѣству художествомъ свѣтлѣйшихъ вичений.

4. Сие убо есть яко по моему художествѣ прѣвое небесныхъ сущѣствъ удобрение еже «окрѣсть Бога»^{*32} и при Бозѣ непосредствѣнѣ стоей и

²⁸ На поле рядом частично срезанная запись: «Посрѣдѣвскриляемаа», рекше не велми подрѣзавающе сами на увѣдѣние, ни же пакы небрѣгуше о томъ, нь благоговѣйнѣ желавше.

²⁹ Зри, съ колицимъ страхомъ и благоговѣниемъ всѣхъ высочайши чины яко срѣдны, а не прѣвы выпрашають другъ друга прѣво яже въ Исайи: «Кто сын, приходи изъ Едома, оброшенимъ ризамъ его от Восора»,* — и тогда якоже повелѣваемы от Бога къ Нему глаголютъ: «Почто Ти оброщенны суть ризи?»

³⁰ Знаменай же, како глаголетъ очищатисе, и просвѣщатисе, и свѣршеннодѣйствоватисе божественнымъ чиномъ.

³¹ Знаменай, что чищение при умовѣхъ и что неразумие. По имѣству художество есть прѣбывателно и неотъемлемо осияемааго разума постижение.

³² Понеже и стоещая, и окрѣсть Бога ликующая непосредствѣнѣ прѣвая сия чиноначелия глаголетъ, достоитъ изъявити, како и стоить, и движутсе, якоже въ лику окрѣсть Бога. И убо от Исайе узрокъ приетъ, иже глаголетъ: «И серафимъ стояху окрѣсть Его, шесть криль единому» и прочая; наводитъ же: «И двѣма лѣтѣху».* Како бо стоещаа лѣтѣху окрѣсть? И да разумѣтсе сице. Всакий умъ, от всѣхъ виновнаго Бога всиявъ, понеже от Свѣдѣтелствовашаго и всия, глаголетъ о Томъ якоже о сроцѣ двизатисе, движению не мѣстному нѣкому сушу, нь разумному и живому. Есть же окружно ума движение таково. Все еже разумѣаетъ или умъ сый разумѣаетъ, или яко причестуе ума. Иже убо умъ сый прѣвѣ разумѣаетъ, а еже причестуе ему вторѣ разумѣаетъ. По сему убо, по еже умъ сый разумѣаетъ, двизатисе глаголетсе убо. Окружное же умышляетсе движение сие, по еже възвращаеся и въ себѣ бывае сице, себе разумѣти имать и иже прѣжде того, от Негоже всия, яко убо от Бога въсхотѣвшаго произложенъ бывъ; о томъ, вмѣсто о Божиемъ желани и любви, якоже о сроцѣ, будетъ. Не бо съединяются вторая прѣждѣнныимъ ихъ, нь ликованию нѣкоторому бываемо уподобисе. Раждаема бо быти въ своемъ желающа отродь Родившаго

наднебесных существ, столь всех превосходящие, благоговейно желают богоначальных осияний, словно парящие в середине.²⁸ Не Самого ведь Бога спрашивают²⁹ они: «Почему багряны ризы Твои?», — но прежде недоумевают про себя, показывая, что хотят они (это) понять и жаждут теургического знания, но не предваряют даваемого при божественном выступлении осияния. Таким образом, первая иерархия небесных умов, самим Совершенноначалием первосвященствуемая, к Нему непосредственно простираясь, всесвятейшим очищением, непреступным светом, просовершенной совершенствующей энергией соразмерно себе исполняясь, очищается, просвещается³⁰ и совершенствуется, для всякого снижения беспримесная, первым светом исполненная и причастная *им* первым данному знанию и искусству.

Подытоживая же, вот что я скажу, пожалуй, небезосновательно, — что причастность к искусству Богоначалия есть и очищение,³¹ и просвещение, и совершенствование, так как она очищает от неразумия по чину даваемым знанием более совершенных посвящений, просвещает самим божественным знанием, посредством которого и очищает прежде не созерцавшего то, что теперь выявляется более высоким осиянием, и совершенствует опять тем же светом — освоенным художеством светлейших посвящений.

4. Таков, по моему пониманию, первый порядок небесных существ, «вокруг Бога»³² и при Боге непосредственно стоящий и просто и непрестанно

²⁸ На поле рядом частично срезанная запись: «Парящие в середине», — то есть не очень рвущиеся сами к познанию, но и не пренебрегающие им, а благоговейно (его) желающие.

²⁹ Смотри, с каким страхом и благоговением высочайшие всех чины, словно средние, а не первые, спрашивают сначала друг у друга то, что у Исаяи: «Кто это идет от Эдома, в багряных ризах от Восора?», — а затем, как бы поощряемые Богом, обращаются к Нему: «Почему багряны ризы Твои?»

³⁰ Заметь, как, говорит он, очищаются, просвещаются и совершенствуются божественные чины.

³¹ Заметь, что такое очищение для умов и что неведение. Усвоенное искусство есть постоянное и неотчуждаемое владение полученным в осиянии знанием.

³² Поскольку он говорит, что эти первые чиноначалия и стоят, и ведут непосредственно вокруг Бога хоровод, надо пояснить, каким образом они и стоят, и движутся, словно в хороводе вокруг Бога. Сначала он взял за основу слова Исаяи, который говорит: «И серафимы стояли вокруг Него, шесть крыл у одного» и далее; и добавляет: «И двама летали». Как же, стоя, они летали вокруг? А понимать надо так. Всякий ум, воссияв от Виновника всего, Бога, поскольку он воссиял от Сотворившего, движется, говорят, вокруг Него, как вокруг центра, и движение (это) не какое-то пространственное, но умственное и жизненное. Круговое же движение ума таково. Все мыслящее мыслит, или будучи умом, или как причастное уму. Являющийся умом мыслит первично, а причастное уму мыслит вторично. Потому именно, что он, будучи умом, мыслит, и говорится, что он движется. Круговым же это движение представляется потому, что оно возвратное, и в себя, таким образом, возвращаясь, *ум* уразумевает себя и Того, Кто прежде него, от Кого он воссиял, поскольку Богом *ведь*, захотевшим *это*, он был произведен; вокруг Него, чтобы не сказать вокруг стремления и любви к Богу, он будет (вращаться) словно около центра. Не соединяются ведь вторые с теми, кто перед ними, и происходящее уподобляется *какому*

простѣ и непрѣстаннѣ ликъствуе въ вѣчнѣмъ Его разумѣ по прѣвысочайшемъ яко въ аггелѣхъ приснодвижнѣмъ присѣдѣнии, многа убо и блаженная зре чистѣ видѣния, и простими и непосредствѣнными зарами осияваемо, и божественныи пище испльняемо,³³ многы убо приводатнымъ излитиемъ, единыи же неразличнѣ и единотворнѣ богоначелничскааго гощения единствомъ, многаго же приобъщения Божия и сѣдѣйствія удостоенно еже къ Тому яко же мощно уподоблениемъ добрыхъ имѣствъ же и дѣйствѣвъ, многая же божественныхъ прѣвсходителнѣ вѣде и богоначелнаго художества и разума въ причестии, поеже есть льза, бываемо. Сего ради и пѣния тогова богословие сущимъ на Земли прѣдало есть, въ ихже священнѣ является еже прѣвысочайшаго осияния прѣвсходителное. Овы бо убо того чювьствѣнѣ рещи, «яко гласъ водѣ многѣ»,* выпють: «Благословенна слава Господня от мѣста Его!»,* — овы же³⁴ многопѣтое и честнѣйшее възиваютъ богословие: «Светъ, светъ, светъ Господь Саваофъ, исполнь вса земля славы Его!»* Сия же прѣвысочайшая прѣнебесныхъ умовъ пѣснословія уже убо въ иже «О божественныхъ пѣснехъ»³⁵ якоже мощно изъявихом и речесе о сихъ въ онѣхъ яко по насъ доволнѣ, от нихже въ въспоменути довлѣеть явити толико въ настоящее врѣме, яко богословными художествомъ прѣвое удобрение яко

зреть. Еже бо убо въ разумѣннѣ къ прѣжднѣмъ того обрашаемо окружнаго движения мысль въводити. Понеже убо въздѣ есть Богъ, яже въздѣ Тому спослѣдующая еже хотѣти присно Того разумѣвати, о сем радуются и ликуютъ, якоже веселиемъ. Глаголетсе убо умъ въ себѣ быти и къ себѣ спѣшитисе. Еже убо въ себѣ есть и являеть бесмртьи, стояние имать. По еже бо быти, еже есть бесмртьнѣ быти, стояти разумѣваетсе; по еже же къ себѣ тѣшатисе двизатисе, не хотѣ разлиятисе како въ извъняаго и вешная разумѣния. По убо самодвижнѣ, не стоить, нѣ движитсе; по сущѣствѣ же присно такожде имушемъ стояние, нѣ нѣ движение имать. Есть убо и по естѣствѣ коемуждо умовъ устрѣмление, еже къ Богу желание и еже о Немъ, якоже о сроцѣ, окружное ликование, якоже круга о знамени, рекше о сроцѣ, от ниже състависе. И бо и по естѣствной нужди коемуждо сущинѣхъ еже о Бозѣ ликуетъ ликование, еже быти желеа Виновнаго. Сиче убо о всѣхъ Цари вса суть и Его ради вса и Онѣ все добрыхъ виновнѣ. А еже рече непосредствѣнѣ прѣвая о Бозѣ ликъствовати, яко не имуше нѣчто прѣжде тѣхъ, являеть, яко втораа и третия, сирѣчь чювьствная, посрѣдствомъ прѣжднѣнѣхъ о Бозѣ, якоже речесе, по мѣрѣ ликъствуютъ.

³³ Умная виды убо суть и свойства бытий раздѣльныхъ въ бесплѣтнѣствѣ же, и еже мѣста не трѣбовати невещѣствная суть, да вмѣстѣтсе, якоже телеса вса. Идѣже бо тѣло, и мѣсто.

³⁴ Како подобаеъ разумѣти мѣсто при Бозѣ, Писанию въздѣ глаголющу неопрѣдѣлно быти Божество и еже «Небо прѣстоль Его, Земля же подножие ногама Его»,* и пакы: «Постави удолия мѣриломъ и Землю грѣстию»,* — и пакы: «Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли сниду въ адъ, ту еси».* Кое убо мѣсто Иезекииль умысли Богови? Глаголемъ, яко мнѣшаеся нам неумомѣвателна Богъ иже Того искушимъ от всего движения изъявляеть. Глаголетъ бо божественное Писание: «Аще заповѣды Мое съблюдетъ кто, Азь и Отець приидеа и обьтѣль въ немъ сѣтворива».* Тѣмже убо и умнии силы, и светинѣхъ душе и всѣхъ хранещинѣхъ заповѣды, мѣсто наричутсе убо вѣлѣпоту Божие и покоише. И индѣ глаголетъ: «Почи Духъ Мой на них».*

³⁵ Знаенай, яко и друго съписание ему есть: «О божественныхъ пѣннѣхъ».

ведущий хоровод в вечном Его познании в высочайшей из ангельских постоянно движущейся обители; многие блаженные видения чисто созерцающий; простыми и непосредственными вспышками осияваемый и божественной пищей исполняемый,³³ многий при первично даваемом излитии, единой же по неразнообразному и единотворящему единству богоначального угощения; многого общения с Богом и содействия удостоенный благодаря уподоблению Ему, насколько возможно, прекрасными свойствами и энергиями; многое из божественного превосходным образом познающий и оказывающийся, в меру дозволенного, причастным богоначальному искусству и знанию. Потому богословие и передало живущим на земле его гимны, в которых священо открывается превосходство его высочайшего осияния. Ибо одни его (*чины*) — воспользуемся доступным для чувств образом, — «как глас вод многих», вопиют: «Благословенна слава Господня от места Его»,³⁴ — другие же взывают то часто воспеваемое и высокочтимейшее богословие: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф! Полна вся земля славы Его!» Но эти высочайшие гимнословия наднебесных умов мы раскрыли в меру возможного в (сочинении) «О божественных гимнах»,³⁵ и там

хороводу. Ведь рождаемое, посылаемое существовать на своем месте, внимательно смотрит на Родившего. Обращение же разумом к ему предшествующему, привносит представление о круговом движении. Поскольку же Бог везде, то везде последующие в вечном желании Его уразуметь, радуются Ему и окружают Его, будто веселясь, хороводом. Говорят ведь, что ум в себе пребывает и к себе спешит. А тот, кто пребывает в себе и обнаруживает бессмертие, имеет состояние покоя. Применительно к бытию быть бессмертным понимается ведь как пребывать в покое, а к самому себе спешить — двигаться, не желая как-либо рассеиваться во внешнем для него материальном. Поскольку он самодвижен, он не стоит, а движется; но, оставаясь по существу всегда тем же, пребывает в покое, а не в движении. Итак, существует и в природе каждого из умов (*двоякое*) движение — стремление к Богу и круговой вокруг Него, как вокруг центра, хоровод, — как бы круг вокруг точки, то есть центра, вокруг которого он образовался. И по природной ведь необходимости каждый из сущих водит вокруг Бога хоровод, бытием влекомый к Виновику (*бытия*). Так все и существует вокруг всеобщего Царя, и благодаря Нему — все, и Он — причина всего прекрасного. А что он сказал, что первые (небесные силы) непосредственно вокруг Бога хороводят, как не имеющие перед собой ничего (*иного*), показывает, что вторые и третьи, то есть воспринимаемые чувствами, водят хороводы, как сказано, по своей мере, имея посредниками тех, кто ближе к Богу.

³³ Умопостигаемые виды суть и особенности различных существований в бесплотности, а нематериальное не нуждается в месте, чтобы поместиться, как все тела. А где тело, там и место.

³⁴ Как надо понимать «место» применительно к Богу, когда Писание повсюду говорит, что Божество беспредельно и что «Небо — престол Его, а земля — подножие ног Его», — и еще: «Поставил холмы весами и землю горстью», — и опять же: «Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли во ад, и там Ты»? Какое же место Иезекииль придумал для Бога? Мы говорим, что мнящееся нам непостижимым Бог тем, кто всеми силами Его ищет, освещает. Говорит ведь божественное Писание: «Если заповеди Мои соблюдает кто, то Я и Отец придем и обитель у него сотворим». Так что и умопостигаемые силы, и души святых и всех хранящих заповеди могут воистину быть названы местом и покоищем Божиим. И еще где-то Он говорит: «Опочил Дух Мой на них».

³⁵ Заметь, что и другое сочинение у него есть: «О божественных гимнах».

лѣпо осияно бывше от прьвые богоначелные Благости, сее яко благовидно священноначелие и сушимъ по немь проче прѣподасть, оно съкращеннѣ рещи сповѣдуе еже честному самому и прѣхвалному и всехвалному Богоначелию праведно благословнѣ быти от богопретныхъ яко мощно пѣтисе и воспѣватисе умовь³⁶ (сии бо суть яко боговидный божественная «Мѣста» богоначелничскаго, якоже Словеса рѣше, «покоища»)³⁷ и уже яко Единица есть и Единая Трисъставнаа от прѣнебесныхъ сущствъ даже до послѣднихъ земле посилаючи благостныи свои на вса сущая промысль яко всякого сущства прѣначелное Начело и Вина и всѣхъ прѣсущствьныхъ неодръжныи обѣтиемь³⁸ объдръжещи.

³⁶ Реченное яко: «Кый храмъ съзиждете Ми, глаголетъ Господь, или кое мѣсто покоишу Моему?»* — являеть не глаголатисе о чувствномъ нечесомъ, нь о божьствныхъ сихъ умовѣхъ. Или и сице: въсхотѣ Богъ назнаменати, яко не описанно есть Божество. И инако: яко въ самѣхъ слышешихъ не бѣ Богу мѣста покоишнааго невѣрия ради ихъ, якоже глаголетъ въ Благовѣствияхъ Господь: «Сынъ же Чловѣчьскый не имать, гдѣ главы подклонити».*

³⁷ Не тъкмо, рече, Трисветое пѣние являеть и иже «от мѣста Его» Бога славословещи гласъ, еже прѣподаватисе и мьншиимъ чиномъ разумѣвати и воспѣвати Бога, нь и ино нѣчто назнаменуеть къ симъ. Сие же являеть речение, глаголемо; и убо и одну и единицу трисъставнаго глаголемъ быти Бога и промысляти всѣми от провныхъ и даже до послѣднихъ земле, съдръжеша всѣхъ неодръжимѣ, сирѣчь не телеснымъ съдръжеша, нь божьственнымъ промыслемъ прѣсущствнѣ. А яко есть же една и единица, понеже и Евагрии непреподобный въ второй сѣтници, въ главизнѣ третьей, глаголетъ се: «Тѣ есть убо единица, понеже Божество просто и иераздѣлно есть. Сего ради единица, и единица бо, числьническы рещи, проста и несложна есть. Една же сего ради, понеже и къ себѣ съединенна есть Светая Троица естествомъ, и съединяеть всѣхъ иже Тою приближающихся, по реченномъ въ Благовѣствияхъ: „Да будутъ си едино, якоже и Мы едино есмы“».*

³⁸ «Неодръжимое обѣтие» глаголетъ изетий всякого и несвьѣкупаемый къ съдръжимымъ промысль Божи и съдръжаніе.

ГЛАВА 8. О ГОСПОДСТВѢХЪ, И СИЛАХЪ, И ВЛАСТЕХЪ, И О СРѢДНЕМЪ, ИХЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ

1. Прѣити же достоятъ ниня намъ на срѣднее небесныхъ умовъ **удобрение**,¹ господствія она прѣмирными очесы якоже мощно видещимъ и яже **выистину силнаа видѣния божьственныхъ властей и силы**. И бо коеждо²

¹ *На поле рядом:*

² *На поле сбоку:* Яко именованіе ихъ знаменаетъ, что есть свойство ихъ.

о них говорится, как нам кажется, довольно; достаточно, чтобы напомнить, сказать из этого в настоящее время только то, что первый порядок, как следует осиянный богословским знанием от (самой) богоначальной Благости, уделил его, как благовидная иерархия, следующим за ним, научая, коротко говоря, тому, как об этом чтимом сверхблагословенном Богоначалии³⁶ должно подобающим, насколько это возможно, образом петь и воспевать (Его) богоприимными умами (ибо они в качестве богообразных суть божественные «места покоя»³⁷ Богоначалия, как говорят Речения), а также — что (Оно) есть Монада и Трипостасная Единица, от наднебесных сущностей до самых пределов земли на все сущее распространяющая Свой в высшей степени благой промысел, как всякой сущности сверхначальное Начало и Причина, всех сверхсущественно нерасторжимым объятием³⁸ содержащая.

³⁶ Сказанное: «Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» — показывают, что говорится не о чем-то воспринимаемом чувствами, но об этих божественных умах. Или и так: Бог захотел показать, что Божество неописуемо. И иначе: — что среди самих слушавших Его не было Богу места для покоя из-за их неверия, как говорит в Евангелиях Господь: «Сын же Человеческий не имеет, где приклонить голову».

³⁷ Трисвятой гимн и от «места Его» славословящий Бога голос не только, говорит он, показывают, что и меньшим чинам предоставляется познавать и воспевать Бога, но и нечто иное вдобавок к этому означают. Это делает ясным речение, гласящее: мы говорим, что трипостасный Бог есть Единица и Монада и что Он промышляет всем, от первых до последних земли, всех содержа нерасторжимо, не телесно то есть удерживая, но божественным промыслом сверхсущественно. А что Он — Единица и Монада, и Евагрий непреподобный во второй сотице, в главе третьей, говорит так: «Сам Он есть Монада, поскольку Божество просто и нераздельно. Того ради — Монада, что монада, говоря языком арифметики, проста и несложна. А Единица — потому что Святая Троица едина в Себе по природе и всех приближающихся к Ней единит, согласно сказанному в Евангелиях: „Да будут они едино, как и Мы едино“».

³⁸ «Нерасторжимым объятием» он называет всецело отделенные от и недосягаемые для объемлемого Божьи промысел и удержание.

ГЛАВА 8. О ГОСПОДСТВАХ, СИЛАХ, ВЛАСТЯХ И О СРЕДНЕЙ, ИХ ИЕРАРХИИ

1. А теперь надо нам перейти к среднему порядку небесных умов,¹ надмирными очами, насколько доступно, рассматривая эти господства и воистину возможные видения божественных властей и сил. Ведь каждое² наимено-

¹ На поле рядом:

² На поле сбоку: (Заметь), что их наименование показывает, какова их особенность.

иже паче насъ сущьствъ именованіе³ яже богоподръжателная ихъ изъявляеть боговидная свойства. Светиихъ бо убо господствъ изъявительное именованіе мню являти непорабощаемое нѣко и всакого смѣреннаго умненья свободное възвождене инединимъ мучителскихъ⁴ отличьствъ инединѣмъ образомъ отнудь прѣкланяемо, то свободнолѣпнѣ⁵ яко непреложно⁶ господство всакого охудателнаго работворенія прѣвсходе, несъходно умненью всакому и изето всакого отличьствія сущаго господства и господоначелія⁷ непрѣстанно желеае и къ того господствному начрътанію якоже мощно и себе же и яже по немъ боговиднѣ прѣтварае, къ инединому суетному мнещиихсе, нъ къ вьистину Сущему отнудь обращенно и Господоначелнаго присно благовидѣнія въ причести по еже мощно тому бывше.

Светыихъ же силъ⁸ крѣпкое нѣко и непоколѣбательное мужьство въ всѣхъ яже въ томъ боговидныхъ дѣйствахъ, къ инединому подьетию даемыхъ тому богоначелныхъ осианий немощнѣ изнамагае, крѣпцѣ на богоподобное възводи-му, не недостатъч'ствуеетъ своего немужьствомъ боговиднаго движения, нъ неклонителнѣ зре въ прѣсущьствую и силотворную Силу и тое образъ силовиднѣ по

³ В конце главы: Яко именованіе ихъ назнаменуеть, что свойство ихъ.

⁴ На поле рядом: Мучителски насъ телесныя вещи, яко телеснѣхъ сущиихъ, къ телеснымъ привлachtetъ. Господствъ же инедино отъ отличныхъ подобьствъ можетъ ихъ прѣклонити.

⁵ Здѣ сьгрѣшеніе нѣко еллинскихъ любопрѣмудрѣць благочестивнѣ отсѣцаеть, иже особыныя три силы нѣкоторые неумекчанныя нарекоше, произшьдшее въ бытіе отъ нѣкоторыхъ прѣждьныхъ ихъ трехъ силъ, не убо же отъ Бога свѣтомъ сьдѣяннымъ особнѣ. И глаголетъ неумекчателныя [здесь зачеркнуто красными чернилами: и нераслабленнымъ] бытіе сие мньше произведьшихъ та умныхъ силъ, скутавающе и якоже супротивешесе и дръжателне прѣждьныхъ ихъ и себе еже не въпасти въ тину и немощнѣше по семь произведьшихъ та, по еже трѣбують дръжати себе непадаемне. Сія убо яко въкратцѣ яже онѣхъ. Великий же Дионусіе прѣмудрѣ супротивнаа вса имъ глаголетъ, отъ Бога бо тѣмъ сьдѣтельски настати глаголетъ, Егоже и изьображеніе имуть въ господствія, якоже и мы, и по подобію сьзданны бывше. Симъ же еже непрѣклонное въ всако сниженіе словомъ господства имѣти глаголетъ, сѣкуше и якоже рассѣцающе и не оставляюще дръжатисе къ чювствнымъ похотѣніемъ, не убо же прѣждьныя скутавающе. Чювствна же и телеснаа раболѣпни глаголетъ и несвободни и суетную славу. «Работворенія» же вмѣсто «раболѣпнія», понеже не оставляютъ вьистину сущая разумѣвати, нъ сводеть отъ неклонителныя тврѣдости на суетныхъ подклоненіе. Отличіе же пакы наричетъ яже вешная, яко николиже прѣбываема въ томъждьствѣ, нъ присно прѣлагаемаа.

⁶ На поле рядом: Знаменая, яко всака умна сила не умькчателнѣ и непрѣложнѣ къ худьшему имать.

⁷ На поле рядом: Господоначеліе глаголетъ Божество, яко всакого господства начело и вина есть.

⁸ На поле рядом: Светыихъ же силъ именованіе, еже есть свойство.

вание³ превышающих нас существ выявляет богоподражательные особенности их богообразия. Так, имя, являющее святыне господства, указывает своим значением, я думаю, на некое непорочное и от всякой подножной приниженности свободное восхождение, никоим образом ни к одному из неподобий, отличающих тиранию,⁴ ничуть не приклоняемое; на самое приличествующее свободному⁵ непреложное⁶ господство, всякое ослабляющее порабощение превышающее, недоступное никакому умалению, лишенное всякого неподобия, к истинному господству и к Господоначалию⁷ непрестанно стремящееся и соответственно его господским чертам, насколько возможно, себя и тех, кто за ним, боговидно преобразующее; не к чему-то из кажущегося сущим, но к воистину Сущему полностью обращенное и становящееся в меру возможного вечно причастным свойственного Господоначалию благообразия.

Святых же сил⁸ (наименование означает) некую крепкую и неколебимую мужественность во всех свойственных им богообразных действиях, (позволяющую им) ни при каких подаваемых богоначальных осияниях не изнемогать немощно, иметь силу возвышаться до богоподражания, не оставлять по своей немужественности богообразного движения, но неуклонно взирать на сверхсущественную силотворную Силу, Ее силообразным подобием по возможности

³ В конце главы: (Заметь), что их наименование показывает, какова их особенность.

⁴ На поле рядом: Наши телесные материи, поскольку мы телесны, тиранически привязывают (нас) к телесному. Господств же ничто из подобного неподобного не может приклонить.

⁵ Здесь он благочестиво отсекает одно заблуждение эллинских философов, которые три некоторые особые силы назвали несмягчаемыми, происшедшими в бытие от некоторых предшествующих им трех сил, а не содеянными Божим светом особо. И они говорят, что эти несмягчаемые (здесь зачеркнуто красными чернилами: и нерасслабленные) (силы) существуют как подножия произведших их умопостигаемых сил, отклоняющие и как бы отгоняющие и удерживающие те, что старше их, и самих себя от падения в материю и потому более слабые, чем произведшие их, — поскольку нуждаются в том, чтобы удерживать самих себя от падения. Таковы вот, вкратце, их (представления). Великий же Дионисий премудро говорит все противоположное им, ибо говорит, что они (эти силы) появились как Божья тварь и Его отображение имеют в господстве, будучи, как и мы, созданы по (Его) подобию. Они, говорит он, обладают непреклонностью ко всякому снижению, — соответственно смыслу господства, — как бы посекая и рассекая и не позволяя чтобы чувственное вождление властвовало, однако же тех, кто прежде них, не удерживают. О воспринимаемом же чувствами и телесном он говорит как о приличествующем рабам, несвободе и легкомыслию. «Порабощение» же (он говорит) вместо «приличествующее рабам», поскольку те не склонны уразумевать истинно сущее, но опускаются от неколебимой твердости до склонности к суете. «Неподобием» же он вновь называет материальное, как никогда не пребывающее в тождестве, но всегда меняющееся.

⁶ На поле рядом: Заметь, что всякой умственной силе свойственна неразмягчаемость и непреклонность по отношению к худшему.

⁷ На поле рядом: Господоначалием он назвал Божество, потому что Оно начало и причина всякого господства.

⁸ На поле рядом: Святых сил наименование, то есть свойство.

еже мощно бывше и къ той убо яко начелосилной силнѣ обращенно, къ вторим⁹ же силодателнѣ и боговиднѣ происходе.¹⁰

Светых же властей¹¹ еже въкупочинно божественныхъ господствъ и силъ, благоудобренное и нескврѣнное о божественныхъ подьетяхъ благочиние и еже въчиненное прѣмирныи и умние власти¹² не мучителскы на хуждшая властными силами приемлющу, нѣ неудръжателнѣ на божествна съ благочинствомъ възводи́му же и яже по нем боговиднѣ възводещу, и къ властотворному¹³ начеловластия якоже лѣпо уподобляющу и то, якоже мощно аггеломъ, всиявающу, иже въ томъ благоудобреними чинми и властныи силы.

Сия имѣе боговидная свойства, срѣднее небесныхъ умовъ удобрене¹⁴ очищается убо и просвѣщается и съврѣшеннодѣйствуете по имже речесе образѣ от богоначелныхъ осияней, выдаемыхъ ему въторѣ пръвѣымъ свещенноначелничскимъ удобриемъ и срѣднимъ онѣмъ¹⁵ второявитилнѣ¹⁶ послаемыхъ.

2. Сего ради иже другимъ глаголемы приходити въ другы аггель слухъ знамение да сътворимъ иже издалече бываему и прохождения ради утънчаваему¹⁷ въ второе съврѣшения.¹⁸ Якоже иже художныи о свещенныхъ нашихъ службахъ¹⁹ глаголють,²⁰ яже самаявленная божественныхъ съврѣшения иже

⁹ *На поле рядом:* Знаменай, како въздѣ глаголетъ прѣвышшимъ силамъ прѣподавати своихъ сущимъ по них.

¹⁰ *В конце главы:* Знаменай, как въздѣ глаголетъ прѣвышшии силы прѣподавати своихъ сущимъ по нихъ и силы укрѣпляти мнѣе их. Въмы же, яко и Данила пишеть* аггель укрѣпляей, и иные, и всѣхъ же еже вещьше — и самого Господа нашего Исуса Христа, заеже и чловѣкъ, — якоже от Луки въ Благовѣствию лежить.*

¹¹ *На поле рядом:* Светых же власти именованіе мно являти еже въкупочинно и проча по редо.

¹² Къ горѣ лежешимъ и сия да съчиняются, от онуду бо еже «мно, являти власти именованіе».

¹³ Яко власти елико тѣмъ праведно, яко аггеломъ сущимъ, умние силы сущимъ по нихъ прѣподають.

¹⁴ Како и чимъ очищаются и просвѣщаются и съврѣшеннодѣйствуютъ срѣдныи чинове, и яко имать Писаніе, яко иный аггель иному прѣпосилають божественная знаменія.*

¹⁵ *На поле рядом:* Средним онѣмъ, сирѣчь пръвѣымъ от Бога чиновомъ, еже посрѣдѣ Бога и чина иже есть по пръвѣому чину.

¹⁶ Яко срѣдними съврѣшения тѣнчайшая иже прѣвосвѣтнѣ от Бога дѣйствуемыхъ, иже прѣвыи суть от Бога, срѣдни же къ иже по нихъ чиновомъ.

¹⁷ *На поле рядом:* «Утънчаваему» глаголетъ не от своего ему ослабления, нѣ от умьнення приемлющихъ. Се бо казуеть еже рещи «въторое съврѣшенія», — сирѣчь еже тѣнчае съврѣшати вторая.

¹⁸ *В конце главы:* «Утънчаваему» рече не от своего ему ослабления, нѣ от умьнення приемлемыхъ. Се бо являеть еже рещи «второе съврѣшенія», — сирѣчь еже тѣнчае съврѣшатисе вторимъ противъ мѣрѣ своей.

¹⁹ По еже въ Захарии,* и Даниилѣ,* и Иезекиилѣ* пророцѣхъ лежешемъ.

²⁰ Знаменай, яко свещенне сия прѣдаше великому Дионусию. «Самоявленная» же нарече прѣвыи божественныи силы, понеже от себе божественная приемлють осиянія. Прочие бо силы не собою божественныи приемлють дары разума, нѣ прѣвъзвѣдшими.

делаясь, к Ней как к Главной силе с силой обращаясь, ко вторичным⁹ (чинам) как податель силы богообразно нисходя.¹⁰

Святых же властей¹¹ (имя указывает на) равное по статусу божественным господствам и силам благоустроенное и при божественных восприятиях не беспорядочное благочиние, (на) учрежденность надмирной разумной власти,¹² не тиранически на худшее употребляющей свойственные власти силы, но неудержимо к божественному с благочинием восходящей и следующих за ней благообразно возводящей, уподобляясь, в меру допустимого, власть творящему¹³ Властеначалию, и Его, сколько ангелам возможно, воссиявая в следующих за ней благоустроенных чинах властной силы.

Имея такие богообразные особенности, средний порядок небесных умов¹⁴ очищается, просвещается и совершенствуется каким сказано образом богоначальными осияниями, подаваемыми ему вторично через первый иерархический порядок, и через этот средний¹⁵ второявленно¹⁶ передаваемыми далее.

2. Конечно, переход так называемого слуха от одного ангела к другому мы изберем символом издали приходящего и — по мере продвижения во вторичности — слабеющего¹⁷ совершенствования.¹⁸ Как искусные в наших священных таинствах¹⁹ (люди) говорят,²⁰ что первоявленные исполнения бо-

⁹ *На поле рядом*: Заметь, как он везде говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них.

¹⁰ *В конце главы*: Заметь, что он повсюду говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них, и укрепляют силы, меньшие их. Как мы знаем, и Даниила, написано, ангел укреплял, и других, и — что более всего — Самого Господа нашего Иисуса Христа, поскольку Он и человек, — как написано в Евангелии от Луки.

¹¹ *На поле рядом*: Святых же властей наименование, я думаю, являет равенство по статусу и остальное так далее.

¹² Это место должно быть связано с находящимся выше текстом: к нему тоже относятся слова «указывает, я полагаю наименование власти».

¹³ (Заметь), что и власть, насколько тем позволено, как сущим ангелам умопостигаемые силы передают следующим за ними.

¹⁴ (Заметь), как и чем очищаются, просвещаются и совершенствуются средние чины и что в Писании говорится, что один ангел другому пересылает божественные знамения.

¹⁵ *На поле рядом*: «Этот средний», то есть первый от Бога чин, который посреди между Богом и чином, находящимся следом за первым чином.

¹⁶ (Заметь), что через средних (передаваемые) совершенства слабее первоначально от Бога действующих, каковы суть первые от Бога; средние же (предают их) следующим за ними чинам.

¹⁷ *На поле рядом*: Он говорит «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но — от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», — они означают, что вторичные (чины) оно совершенствует слабее.

¹⁸ *В конце главы*: Он сказал «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но — от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», — они означают, что вторичные (чины) совершенствуются слабее, согласно собственной мере.

¹⁹ Согласно текстам пророков Захарии, Даниила и Иезекииля.

²⁰ Заметь, что великому Дионисию передали это священники. «Самоявленными» же он назвал первые божественные силы потому, что они сами по себе воспринимают божественные осияния. Прочие силы не сами ведь по себе принимают божественные дары знания, но через высших.

инѣми боговидныхъ причестий быти съвршенейшая, сице мню и аггельскихъ чиновъ непосредственное причестие иже пръвѣ о Бозѣ выспръпростираемыхъ явленѣйше быти иже посрѣдствомъ съвршаемыхъ. Тѣмже и от священническаго нашего прѣдания²¹ съвршителни и свѣтодѣйствни и очистителни силы пръвѣ умове именуется мнѣшим, яко тѣхъ ради на всѣхъ прѣсуществоное начело възводимомъ и службоначелничскихъ очищений и просвѣщений и съвршений въ причестии по еже тѣмъ льза бываемомъ.²² Се бо есть отнудъ Божьственнымъ Чиноначелиемъ богоподобнѣ възаконенно — еже пръвѣхъ ради вторая богоначелныхъ причествовати осияний. Обрѣщещи же се и многаши богословци изьявленно. Егда бо божественное и Отче чловѣколюбие Израиля възвратителнѣ о священномъ его спасени наказавъ и томителемъ и сверепимъ языкомъ въ исправление издавъ, отнуднимъ промыляемыхъ на лучшее прѣведениемъ и от заплѣнения пушаетъ, и къ пръвому чловѣколюбнѣ възвращаше благострада нию, зрѣть богословць единъ, Захариа, единаго пръвѣихъ, яко мню, и при Бозѣ аггель (обще²³ бо, якоже рѣхъ, есть по сѣмъ еже аггельскаго именования) от Самого Бога навикшаго еже о семь «Утѣшителная», якоже рече, «словесесе»,* другаго же мнѣшихъ аггель къ усретению прѣваго прѣдидушаго, яко къ осияния подъетию и приобщению, таже от того божественнѣ свѣтъ яко от священноначелника навикшаго и еже научити богослова повелѣваемаго, яко «Зѣло велми населитсе Иерусалимъ от множества люди».* Другой же богословца Иезекиила²⁴ и от самого глаголетсе всесвещеннѣ навикнути херувимъ прѣвышшаго прѣславнаго Божества. Израиля бо, якоже речесе, Отче чловѣколюбие наказания ради на большее прѣводе правдою боголѣпною от повинныхъ разлучити неповинные оправди. Сие же навѣщаетъ пръвѣ по херувимѣхъ, иже о чрѣслѣхъ самфиромъ прѣпоясьнѣ,* иже одеждою,²⁵ даже до ногъ сходещою, по знамению архиерейскомъ одеянь. Прочимъ же аггеломъ, иже сечива имущимъ,

²¹ Знаменай, яко священническое прѣдание есть еже о чиновъ умовъ вѣдѣти.

²² *На нижнемъ поле:* Указъ реченному, яко вторая от пръвѣихъ научавоутсе — от Захарии пророка.

²³ *Передъ началомъ слова — значокъ (две киноарные точки), и на поле у такого же знака киноарью написано:* посрѣдѣ.

²⁴ Добрѣ рече Господь в пророцѣ Иезекиилѣ, яко: «Разлучите от праведныхъ грѣшныя»,* — се бо и въ Благовѣствияхъ являетсе сѣтворь, егда овце от козлишь раздѣли.* Се сѣглашаетъ и въ семь Ветхий Заветъ Новому.

²⁵ Знаменай, яко аггелу убо се знамение наложити повелѣнну «подиру, рекше одеждо, даже до ногу сѣходещою», и поясь о чрѣслѣхъ, — образъ подобнь священнику. Аггеломъ же, секири въ рукахъ имущимъ, иже сказуеть томителную нѣку силу. Яко от сего разумѣвати намъ къ хотещому съвршити дѣлу и иже аггель видъ възображаетсе, еже разумѣти длѣжни есмы и о серафимѣхъ и херувимѣхъ и иныхъ силахъ, яко прѣма своему чину и изьображение имуть. Еже бо Трисветую пѣснь глаголющенъ многолични изьображуютсе,* сказающе Слово, яко неумльцаемо есть и много тѣхъ пѣти. Сице и о прочиныхъ разумѣи.

жественным более совершенны, нежели богозрительные причастия через других, так и я полагаю, что непосредственная причастность Богу ангельских чинов, первыми устремляющихся к Нему, действеннее того, что совершается через (какое-то) посредство. Потому наше священническое предание²¹ и называет первые умы совершенствующими, светодействующими и очищающими меньших, что с их помощью те возводятся к сверхсущественному Началу всего и становятся, насколько им позволено, причастниками совершенноначальных очищений, просвещений и совершенствований.²² Божественным Чиноначалием это достойным Бога образом полностью узаконено, — чтобы вторые причащались богоначальных осияний через первых. Ты найдешь, что это часто говорится и богословами. Ведь когда божественное Отеческое человеколюбие, чтобы склонить Израиль к его священному спасению, наказало его, предав для исправления карающим жестоким народам, направляя всячески промышляемых к лучшему, а (затем) уступчиво вызволяло из плена и возвращало к прежнему благополучию, (тогда) один из богословов, Захария, увидел как (какой-то) из первых, как я полагаю, и близких к Богу ангелов (наименование ангелами, как я сказал, обще²³ ведь для (них) всех) от Самого Бога услышал, как сказано, «слова утешительные», а другой, из меньших ангелов, пошел вперед навстречу первому, словно для восприятия и причастности осияния, а затем был им как иерархом научен божественной воле: ему было поручено известить богослова, что «Плодовито населится Иерусалим множеством людей». Второй же из богословов, Иезекииль,²⁴ говорит, что это всесвященно законоположено самим превосходящим херувимов преславным Божеством. Ибо Оно Отеческим, как сказано, человеколюбием, путем воспитания приводя Израиль к лучшему, признало, по свойственной Богу справедливости, правильным отделять неповинных от повинных. Об этом узнает первый после херувимов (ангел), опоясанный по чреслам сапфиром и облаченный (в подир), то есть одежду,²⁵ до

²¹ Заметь, что это священническое предание — знание о чине умов.

²² *На нижнем поле:* Доказательство сказанного, что вторые посвящаются первыми, — у пророка Захарии.

²³ *Перед началом слова — значок (две киноарные точки), и на поле у такого же знака киноарью написано:* Посреди.

²⁴ Прекрасно сказал Господь у пророка Иезекииля: «Отделите грешников от праведников», — ибо это же и в Евангелиях Он, оказывается, сделал, когда отделил овец от козлов. Вот и в этом Ветхий Завет согласуется с Новым.

²⁵ Заметь, что у ангела, которому было повелено накладывать знак, был «подир, то есть одежда, сходящая до самых ног», и пояс вокруг чресел, — образ, подобный священнику. Ангелами же, имевшими в руках секиры, он указывает на некую карающую силу. Так что отсюда мы понимаем, что ангелы изображаются в виде, соответствующем делу, которое им предстоит совершить; и мы должны осознать это применительно к серафимам, херувимам и другим силам, — что соответственно своему чину они имеют облик. Ведь те, которые поют Трисвятой гимн, представляются многоликими, и Слово поясняет, что их гимн неумолкаем, продолжителен. Так же и о прочих разумей.

божественное чиновачелие повелѣваетъ²⁶ от прьваго навикнути еже о семь богосудство. Овому бо убо рече посрѣдѣ проити Иерусалима и дати знаменія на челѣхъ²⁷ неповиннымъ мужемъ, аггелом же:²⁸ «Идете въ градъ вслѣдъ того и сѣцѣте, и не пошедите очима вашима», «къ всѣмъ же, на нихже есть знамение, не приближитесе».

Что убо нѣкто речеть о рекшомъ аггелѣ Даниилу: «Изиде слово»?* Или о прьвомъ томъ, огонь от срѣди херувимъ приемшемъ?* Или еже сего излишне въ благочинное аггельское указание, яко херувимъ влагаеть огонь въ руки въ светую одежду облѣченнаго? Или о въззавшемъ божьствнѣйшаго Гавриила²⁹ и рекшимъ ему: «Скажи оному видѣние»?* Или еликаа друга от свещенныхъ богословць реченнаа быше о иже небесныхъ свещеньноначельствъвъ боговидномъ удобрени,³⁰ къ немуже еже у насъ свещенноначелия благочиние по силѣ уподобляемо аггельское благолѣпие яко въ образѣхъ имать, въображаемо тѣмъ и възводимо къ прѣсушествьному всакого свещенноначелия Чиновачелию?

²⁶ Киноварю на верхнемъ полѣ: О благочинии вторихъ къ горнѣйшимъ.

²⁷ Знаменай, яко божественное произображение от оного провъзвѣстисе еже вѣрнымъ на челѣ животворному наложитисе знаменію и снабдѣтисе от губителя. Нъ тогда убо аггелы въ образѣ свещенникъ се творити повелѣнны быше неповиннымъ, — поясъ бо и одежда до ногъ сходещи свещеннолѣпны свещенникъ являеть образъ, — ниня же и мы себѣ, вѣрныхъ, крестное замение на челѣ изьображающе, убѣгуемъ врага. Се и друго уподобление Ветхаго къ Новому.

²⁸ Знаменай, яко си суть троичсци чины умныхъ силъ. Прьваа троица: прѣстола, таже херувимъ, потомъ серафимъ. Втора троица: господствія, силы, власти; сия и срѣдняя глаголютсе. Третья троица: начела, архангелы, аггелы. Общѣ же именовомъ вси аггелы.

²⁹ Знаменай, яко и Гавриилъ нѣсть горнѣйшихъ силъ, нъ мыншихъ.

³⁰ Знаменай, яко подражание горняго таинствьнаго свещенноначелия яже въ Церкви бываемаа дньсь. И бо свещенники знамение налагають животворешаго креста приходящимъ къ таинству за еже раздѣлити тѣхъ от невѣрныхъ и да врага убѣжить. Инако же и чинъ съхраняетсе въ светѣй Церкви: еже бо творити повелѣсе уподиакону не творить иже суть мынши; и еже творить свещенникъ не творить диаконъ; и, просто реши, кждо имать подобную ему службу. Общѣмъ же именовомъ все причѣтници и службьници наричутсе, якоже и аггелы. Здѣ подобаетъ разумѣти, како речесе божьствнымъ Стефаномъ: «Иже приесте законъ въ чинохъ аггельскихъ и не съхранисте».*

ГЛАВА 9. О НАЧАЛѢХЪ, И АРХАГГЕЛѢХЪ, И АГГЕЛѢХЪ, И О ПОСЛѢДНЫМЪ, ИХЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИ

1. Оставше есть намъ въ видѣние свещенно удобрение еже аггельскаа затворае свещенноначелиа еже от боговидныхъ начель, и архаггелъ, и аггелъ удобраемо. И прьвая убо реши нужно мню, по еже мнѣ мощно, светыхъ ихъ

самых ног сходящую, как архиерей. Прочим же ангелам, имеющим секиры, божественное Чиначалие повелевает²⁶ узнать у первого Божье об этом определение. Ведь (первому) он сказал пройти посреди Иерусалима и оставлять знак на челе²⁷ невинных людей, а (остальным) ангелам²⁸ — «Идите в город следом за ним и секите, и не жалейте очами вашими», «но не приближайтесь ни к одному человеку, на котором знак».

А что можно сказать об ангеле, сказавшем Даниилу: «Вышло слово»? Или о самом первом, взявшем огонь из среды херувимов? Или (о том), что херувимы — и это лишний раз показывает ангельское благочиние, — вкладывают огонь в руки облаченного в святую одежду? Или о позвавшем божественнейшего Гавриила²⁹ и сказавшем ему: «Объясни ему видение»? Или — сколько другого священными богословами было сказано о боговидном благоустройении³⁰ небесных иерархий, каковому благочинию нашей иерархии, по мере сил уподобляясь, обретет словно в образах ангельское благолепие, будучи им формируемо и возводимо к сверхсущественному Чиначалию всякой иерархии?

²⁶ Киноварью на верхнем поле: О благочинии вторичных по отношению к высшим.

²⁷ Заметь, что этим было провозвещено божественное изображение — наложение верным на челе животворного знамения для спасения от губителя. Но тогда это было приказано делать ангелам в облике священников у неповинных, — пояс и одежда, до ног сходящая, указывают ведь на священнолепный облик священника, — ныне же мы сами, изображая у себя, верных, на челе крестное знамение, избегаем врага. Вот и другое сходство Ветхого Завета с Новым.

²⁸ Заметь, что таковы суть троичные чины умпостигаемых сил. Первая триада: престолы, затем херувимы, потом серафимы. Вторая триада: господства, силы, власти; они и средними называются. Третья триада: начала, архангелы, ангелы. Общим же именем все они ангелы.

²⁹ Заметь, что и Гавриил — не из высших сил, но из меньших.

³⁰ Заметь, что подражанием высшей, таинственной иерархии является то, что совершается сегодня в Церкви. Ведь и священники накладывают печать животворящего креста на приступающих к таинству, чтобы отделить тех от неверных и чтобы те избежали врага. А кроме того, сохраняется и (такое) правило в святой Церкви: что повелено делать иподиакону, не делают меньшие; и что делает священник, не делает диакон; и, просто сказать, каждый имеет подобающую ему службу. Общим же именем все они называются причетниками и (церковно)служителями, — как и ангелы (ангелами). Отсюда следует понимать, почему божественным Стефаном сказано: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

ГЛАВА 9. О НАЧАЛАХ, АРХАНГЕЛАХ И АНГЕЛАХ, И О ПОСЛЕДНЕЙ, ИХ ИЕРАРХИИ

1. Остался нам для священного рассмотрения порядок, замыкающий ангельские иерархии, образуемый богообразными началами, архангелами и ангелами. И первым я считаю нужным изложить, насколько мне возможно, то,

именований изъвления. Изъвляет бо еже убо небесныхъ нечель именование еже боговиднѣ начелничское и владычствное съ чиномъ священнымъ и начелничьскими подобия силами, и еже къ прѣначелному Начелу и самѣхъ свѣсма привращати, и другие начелничски водити, и еже къ самому оному яко мощно въобразатисе наиелотворьному Начелу являти же прѣсущ'ствное Того чиноначелие¹ начелничьскихъ благоудобрениемъ силъ.

2. Светиихъ же архаггель² единичино убо есть небеснымъ начеломъ.³ Есть бо тѣхъ же и аггель, якоже рѣхъ, священноначелие едино и удобрение.⁴ Обаче понеже нѣсть священноначелие не и прьвые и срѣднее и послѣднее силы имѣе, иже архаггель светы чинь общителнѣ священноначелничскою срѣдою краевъ касаетсе. Светѣйшимъ бо начеломъ приобщаетсе и светымъ аггеломъ,⁵ — овѣмъ убо, яко къ прѣсущ'ствьному Начелу начелничски обращаетсе и къ тому яко мощно въобразаетсе, и аггеле съединеннотворить по благоудобрительныхъ его и въчиненныхъ и невидимыхъ владычствныхъ,⁶ овѣмъ же, яко и пророчьскаго чина, богоначелничская осияния священноначелнѣ прьвыми силами подъемле, и аггеломъ сия благовиднѣ възвѣщае, и аггельми намъ являе, по священной коегождо иже божествнѣ осияваемыхъ мѣрѣ. Аггелы⁷ бо, якоже прѣдѣ рѣхомъ, накончателнѣ свѣршають вса небесныхъ умовъ удобрення, по послѣднемъ яко въ небесныхъ сущ'ствахъ⁸ имуще аггельское свойство и паче от насъ изъявителни прѣждныхъ аггелы свойственнѣйше именуемы елико и о явленнѣйшемъ имъ есть священноначелие и паче къ миру близь.⁹ Прьвое бо убо прѣвысочайшее, якоже речесе, удобрение, яко Скрьвенному прьвовъчинителнѣ приближаесе, скрьвенновиднѣ достойть разумѣти священноначелствовати второму, второ же, еже свѣршается от светыхъ господствъ, и силъ, и властей, начеломъ и архаггеломъ и аггеломъ священноначелию

¹ Самого же начелотворнаго Начела изъявляет прѣсущ'ствное чиноначелие съ начель чинь.

² О архаггельской добротѣ и что являеть.

³ Светыхъ же архаггель именование единичино убо есть.

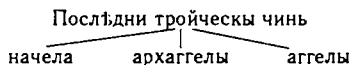
⁴ Знаменай еже сборное, яко всако священноначелие имать прьвые и срѣдние, и послѣдние силы, сирѣчь трѣе троицьски чины.

⁵ Како божественны архаггелы сущимъ прѣжде тѣхъ и иже по тѣхъ причествують.

⁶ Слова «по благоудобрительныхъ... владычствныхъ» были сначала пропущены писцомъ, а потомъ приписаны на поле столь же крупно, какъ основной текстъ.

⁷ Яко послѣдны чинь аггель и прѣудобреньнъ.

⁸ Яко послѣдны чинь небесныхъ силъ паче достойны есть аггелы нарицатисе, яко приближаесе чловѣкомъ, имже и яже божьственная навицають чловѣци.

⁹ Яко прьва троица въторой священноначельникъ есть, и втора третией, третия же иже в чловѣцѣхъ священникомъ.

что выявляют их святые наименования. Наименование небесных начал являет ведь способность боговидно начальствовать и владычествовать сообразно священному в высшей степени соответствующему начальствующим силам порядку, всецело себя обращать к сверхначальному Началу, и других начальственным образом направлять, запечатлевать (в себе), по мере сил, само то началотворящее Начало, и проявлять Его сверхсущественное чиноначалие¹ в благоустроении начальственных сил.

2. (Порядок) же святых архангелов² — единочинен с небесными началами.³ У них ведь и у ангелов, как я сказал, иерархия одна и (одно) устроение.⁴ Однако поскольку нет иерархии, не имеющей первых, средних и последних сил, святой архангельский чин общительно — благодаря срединному положению в иерархии — соприкасается с краями. И со святейшими началами он общается, и со святыми ангелами,⁵ — с одними потому, что он изначально устремлен к сверхсущественному Началу и Его, сколько возможно, отображает, и ангелов единотворит своим благоупорядоченным, чинным и невидимым предводительством,⁶ с другими же — потому что он принадлежит пророческому чину, иерархически через первые силы получающему богочначальные осияния и благообразно возвещающему их ангелам и через ангелов являющему нам, по священной мере каждого из божественно осияваемых. Ангелы⁷ ведь, как мы уже говорили, окончательно завершают все порядки небесных умов как последние среди небесных существ,⁸ обладающие ангельскими особенностями, и они с большим, чем первые (небесные силы), правом называются нами ангелами, поскольку их иерархия существует около более (нам) очевидного и более близка к миру.⁹ Ведь первый, высочайший, как сказано, порядок, как расположенный первым по отношению к Сокровенному, сокровенным, надо разуметь, образом священноначальствует вторым, второй же, составляемый святыми господствами, силами и властями, является наставником иерар-

¹ Сверхсущественное чиноначалие самого началотворного Начала проявляет этот чин начал.

² (Речь идет) о порядке архангелов и (о том), что он являет.

³ Святых архангелов наименование единочинно.

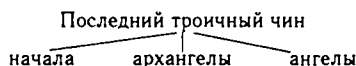
⁴ Заметь общее (правило), — что всякая иерархия имеет первые, средние и последние силы, то есть (существуют) три троичных чина.

⁵ (Заметь), как божественные архангелы общаются с теми, кто перед ними и после них.

⁶ Слова «благоупорядоченным... предводительством» были сначала пропущены писцом, а потом приписаны на поле столь же крупно, как основной текст.

⁷ (Заметь, что) чин ангелов последний и ближайший к миру.

⁸ (Заметь), что последний чин небесных сил более достоин называться ангелами как (наиболее) близкий к людям, через каковой люди и научаются божественному.

⁹ (Заметь), что первая триада — священноначальные для второй, вторая — для третьей, а третья — для священников среди людей.

наставникъ есть, къ прьвому убо священноначелию изьявленнѣйше,¹⁰ а еже по немъ скръвеннѣйше; начель же, и архаггель, и аггель изьявительное удобрение, еже в чловѣцѣхъ священноначелиямъ другъ другомъ наставникъ быти,¹¹ да будетъ по чину еже къ Богу възвождение, и обращение, и приобщение, и съединение, и убо и от Бога всѣмъ священноначелиямъ благолѣпнѣ выдаемое и общѣ приходимо съ благоудобрениемъ священнѣйшимъ прошьствие. Сего ради богословие еже у насъ священноначелие аггелыми выдало есть¹² кнеза иудейскимъ людемъ, Михаила именуе,* и аггелы езыккъ другыихъ. «Положи» бо Вышни «прѣдѣлы езыккомъ по числу аггелъ Божиихъ».*

3. Аще ли кто глаголетъ: и како иже еврейски люде възвождахусе сами на богочелная сияния? — достоить отвѣщати, яко не яже аггель правая приставления виновствовати подобаеъ еже иныхъ езыкъ на не сущие боги заблуждения, нь самѣхъ онѣхъ, своими устрѣмленми от еже на божьственное праваго възведения отпадшихъ¹³ самолюбиемъ и грѣдинею и иже тѣмъ мнѣшихъсе богоподобьствъ достойною чѣстїю.¹⁴ Се свѣдѣтельствуютсе и сами еврейски люде пострадати.¹⁵ «Разумъ бо Божий, — рече, — отринуть еси и вслѣдъ сердца твоего ходилъ еси».* Ни бо понужденну имама жизнь, ни же ради промышляемыхъ самовластїа божественны свѣти промышлятелнаго сияния изнемагають.¹⁶ Нь еже умныхъ очесъ прѣвращение прѣисплъненные отчѣские благости свѣтодание или отнудъ непричестно творить и къ тѣхъ ожесточаянїю непрѣподатно,¹⁷ или причестїа творить различна, мала или

¹⁰ Какъ ова убо скръвеннѣйшаа, ова же явленнѣйша священноначелия.

¹¹ Знаменай указъ от Даниила, сирѣчь послѣднїи чинъ наставникъ быти иже у насъ священноначелия.

¹² Какъ аггеломъ благимъ пристоещимъ езыккомъ, едины Израиль въдѣше Бога. Коиждо бо езыкъ аггела имать, удостоенна ему, якоже иудее Михаила,* егоже и от послѣдняго чина светыхъ аггелъ глаголетъ.

¹³ Не от приставленныхъ аггелъ вына бываетъ, рече, нь от своего къ неподобнымъ устремления.

¹⁴ Знаменай, яко кждо себѣ виновнѣнъ и блага и зла.

¹⁵ Не яко Богъ Израїля избралъ есть единого, нь яко Израиль единъ въсхотѣ послѣдовати Богови. Сице бо и сказанїе рѣчи назнаменуеъ «Умъ, зрѣй Бога».* Тако разумѣти длѣжни есмы яже въ пѣсни Моусеовѣ реченна: «Бысть честь Господня уже дѣло мѣрно Иаковѣ»,* — еже являетъ Израїля. Не Богъ бо Израїля тѣмко любляше, якоже и апостоль многашїи яви, рекъ: «Еда нѣсть Богъ и езыккъ? Ей, и езыккъ, понеже единъ Богъ».* Нь Израиль прѣвѣ иде вслѣдъ Бога, понеже послѣди отступивъ и тѣ отгнасе. Самовластное бо имуще чловѣци, егда хотеть твореть Бога съ собою.

¹⁶ Еже здѣ глаголетъ свѣтый отецъ Дионусїе, се и при слнечномъ свѣту бываемое видѣти, при свѣтлїхъ убо вещей свое прѣподанїе творещу, при дебелейшихъ же не подобнѣ, нь или свѣсма непрѣподатнѣ, или тѣнцѣ. Еже убо здѣ вѣщное разнѣство творить, се при божьственѣмъ осїани неравнѣство самовластнаго съдѣлуеъ устрѣмления.

¹⁷ Зри, како глаголетъ насъ самѣхъ виновнѣхъ быти еже приети осїанїе божьственное, или мало или много того приети, или отнудъ ничтоже того приети, егда къ тому ожесточаннїи будемъ и окаменны. Рече убо въ Еуагліахъ Самъ Господь: «Можеть Богъ от каменїа сего въздвїгнути чеда Аврааму».* Еже бо намъ жестоко и немощно, се Богови мощно.

хии начал, архангелов и ангелов, и хотя он более открыт, нежели первая иерархия,¹⁰ но более сокровенен, чем та, что за нею; а провозвестнический порядок начал, архангелов и ангелов — наставник человеческих иерархий, — друг (наставляет) друга,¹¹ чтобы возведение, обращение, приобщение к Богу и единение происходило по чину, равно как и от Бога всем иерархиям подобающим благом образом даруемое и (всех), объединяя, посещающее выступление. Поэтому богословие подчинило нашу иерархию ангелам,¹² именуя правителем иудейского народа Михаила, и (как-то иначе) ангелов других народов. Ведь Всевышний «поставил пределы народов по числу ангелов Божиих».

3. Если же кто-нибудь скажет: почему (только) еврейский народ был возводим к богоначальным сияниям? — следует отвечать, что не прямое руководство ангелов надо винить в уклонении других народов к несуществующим богам, но их самих, своими устремлениями отпавших¹³ от прямого возведения к божественному — из-за себялюбия, гордыни и соответствующего почитания того, что им казалось богоподобным.¹⁴ Есть свидетельство, что и сам еврейский народ этим страдал.¹⁵ Ибо «ведение Бога, — говорит (Писание), — ты отверг и вслед сердца твоего ходил». Ведь наша жизнь не подвластна необходимости, и божественные светлы промыслительного сияния не слабеют¹⁶ из-за самовластия тех, о ком печется Промысел. Но негодность умственных очей делает преисполненное Отеческой благостью светодание или совершенно непричастным и, из-за их невосприимчивости, непередаваемым,¹⁷ или причастия делает различными —

¹⁰ (Заметь), каким образом (получается, что) одни иерархии более сокровенные, а другие более открытые.

¹¹ Обрати внимание на свидетельство Даниила, а именно — что крайний (ангельский) чин руководит нашей иерархией.

¹² Почему, хотя благие ангелы приставлены ко (всем) народам, один Израиль познал Бога. Каждый народ ведь имеет ангела, назначенного ему, как иудей Михаил, какового он причисляет к последнему чину святых ангелов.

¹³ Он говорит, что это произошло не по вине приставленных ангелов, но от их собственного уклонения к неподобающему.

¹⁴ Заметь, что каждый сам по себе причина и добра, и зла.

¹⁵ (Заметь), что Бог избрал не только Израиль, но что один Израиль захотел последовать за Богом. Это ведь и толкование его имени указывает: «Ум, зрящий Бога». Так мы должны понимать сказанное в песне Моисея: «Стал частью Господней удел Иакова», — что указывает на Израиль. Но Бог возлюбил ведь не только Израиль, что и апостол многократно показал, говоря: «Неужели Бог — не (Бог) и народов? Конечно, и народов, потому что один Бог». Но Израиль первым пошел вслед за Богом; а поскольку позже отступил и отпал, и он был изгнан. Ведь, имея свободу воли, люди, когда хотят, делают так, что Бог (пребывает) с ними.

¹⁶ То, о чем говорит здесь отец, можно видеть и на примере солнечного света: сквозь прозрачные вещи он проходит, а сквозь более плотные не так, — или совсем не проходит, или же слабо. То самое, на что здесь влияет различие материи, при божественном осиянии зависит от неодинаковости того, к чему склоняется свободный выбор.

¹⁷ Смотри — он говорит, что мы сами причина того, как мы воспринимаем божественное осияние — или мало, или много, или совсем его не воспринимаем, когда по отношению к нему ожесточимся и окаменеем. Но Сам Господь говорит в Евангелиях: «Может Бог из камня этого воздвигнуть детей Аврааму». Ведь то, что для нас трудно и невозможно, для Бога возможно.

велика, тънка или свѣтла, единие и простие, и присно такожде имущие, и прострътие источничские луче.¹⁸ Понеже якоже и инымъ языком (от нихже и мы възникнухом, на яже всѣмъ готовѣ въ прѣподание¹⁹ прострътуютъ богоначелнаго свѣта безмѣрную же и обилную пучину),²⁰ не чуждии нѣции наставници бѣху бозы, едино же всѣхъ Начело и къ тому възвождаху послѣдующихъ коегождо языка священноначелствующей аггелы, Мелхиседека достоить разумѣти священноначелника суща боголюбезнѣвѣйшаго не иже не сущиихъ, нь вѣистину сушаго вышняго Бога. И бо не простѣ Мелхиседека богомудрныи не боголюбезнаго тъкмо, нь и священника нарекоше,* яко да умъ имущимъ явѣ покажутъ, яко не тъкмо самъ къ вѣистину сущему Богу възвождашесе,²¹ късему же и иные яко священноначелникъ наставляше на истинно и единно богоначелие възвождения.

4. И сие же твоему священноначелничскому разуму да въспоминаемъ, яко и фараону*²² от иже егуптенюмъ наставника аггела, и вавулонскому кнезу* от своего, еже всѣхъ Промысла и Господства попечителное и властное въ видѣннихъ възвѣщашесе; и языкомъ онѣмъ иже вѣистину Бога угодници наставници бѣху,²³ въображенныхъ аггельскихъ видѣннѣй изъявления иже аггель близъ священнымъ мужемъ, Даниилу* и Иосифу,* от Бога аггельми открьвеннаго. Едино бо есть всѣхъ Начело и Промысль,²⁴ и николи же достоить

¹⁸ Знаменай паче здѣ обушати неподобное нѣкихъ и нерасудное ненаказание, еже смѣють глаголати божѣственная сѣя сѣписания Аполинарива* бысть, ни же от лицъ, ихже въспоминаетъ помышляюще древнее мужа, нь лъжное надписание глаголюще еже Дионусиа име, ни же яко ниня от идолослужения рече себе възвратитесе, а паче Аполинариве не от таковыхъ бѣ.

¹⁹ Яко Богъ, естествомъ сы благъ, готова Себе подаеть всѣмъ въ еже причеститесе светыне Его и просвѣтити душу. Проче еже от нас ишетсе, еже како пожелѣемъ причеститесе разума Его, да покажетсе самовластное. Не бо виновнѣ злыхъ Богъ, еже есть от Того разлучение.

²⁰ Събрание сие сице: «понеже яко и языкъ иныхъ не чужди нѣции наставници бѣху бозы, едино же всѣхъ Начело». И тако друга посрѣдѣ да рекутсе. Да отколе есть едино Начело, къ Тому възвождаху аггелы языки, имже кождо приставленъ бѣше.

²¹ Знаменай яже о Мелхидеку, (!) яко священноначелнику вѣистину и аггельскимъ наставлениемъ иже вѣистину сушаго Бога познавша. «Послѣдующихъ» же рече самонизвольнаго ради и непонужденнаго.

²² Знаменай, яко аггельми, глаголетъ, яже въ снѣхъ быти видѣннѣмъ фараону и Навуходоносору, и яже сихъ явления, рекъше сказанія.

²³ Иосифъ убо егуптенюмъ, Даниилъ же вавулоняномъ наставникъ бѣше (слова «наставникъ бѣше» *приписаны писцомъ на поле*), аггеломъ же наставникомъ языкъ сихъ, свѣтъ Божи открывающимъ имъ и видѣннѣя.

²⁴ Знаменай реченія Моусейскихъ пѣсни: «Егда раздѣляше Вышни языки, ихже рассѣя сыны Адамовы, постави прѣдѣлы языкомъ по числу аггель Божиихъ. И бысть честь Господня люде Его Иаковъ, уже достояннѣя Его, Израиль».* Не бо подобаетъ, рече, мнѣти раздѣлити въ иные боги или аггелы языки, не бо удостоятелнѣ случисъ Богови Израиль убо, инымъ же аггеломъ особнѣ, яко не служити имъ въ иномъ чесомъ Богови. Якоже, принеси да речемъ, овзы языкъ овому зи (*так!*) аггелу отлучисе и удостоисе быти, и нѣсть что Богови о языку его брѣжение, или не служить и упражняется въ иномъ чесомъ къ Богу

малыми и великими, смутными и ясными, тогда как истекающий луч един и прост, и всегда тот же, и (всегда) простерт.¹⁸ А (чтобы убедиться), что и у других народов (в числе которых и мы восклонились к готовому для раздачи всем¹⁹ широко раскинутому безбрежному и изобильному морю богоначального света)²⁰ были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех, и к Нему возводили (своих) последователей священноначальствующие над каждым народом ангелы, нужно вспомнить Мелхиседека, подлинного боголюбивейшего иерарха не не сущих (богов), но поистине сущего высочайшего Бога. И ведь не просто (так) Мелхиседека богомудры называли не только боголюбивым, но и священником, а чтобы ясно показать благоразумным (людям), что не только он сам обратился к поистине сущему Богу,²¹ но вдобавок и других как священноначальник наставлял на восхождение к истинному и единому Богоначалию.

4. И о том еще напомним твоему священноначальническому разуму, что и фараону²² к египтянами приставленный ангел, и властителю вавилонян их ангел возвещали в видениях о заботе и воле всеобщего Промысла и Господства; и народам этим служители истинно сущего Бога бывали наставниками,²³ когда Бог через ангелов открывал близким к ангелам святым людям, Даниилу и Иосифу, смысл производимых ангелами видений. Ибо едино всеобщее Начало и Промысел,²⁴ и никак не следует думать, что Богоначалию по

¹⁸ Заметь, что (видное) отсюда, в особенности, заставляет умолкнуть неподобающую и неспособную к различению необразованность некоторых (критиков), дерзающих утверждать, что эти божественные сочинения принадлежат Аполлинару, ни по лицам, которые упоминает (автор), не приходя к выводу о древности (этого) мужа, но называя имя Дионисия псевдоэпиграфом, ни по тому, что он говорит о себе как о ныне обращенном из идолопоклонников, тогда как Аполлинарий не был из таких.

¹⁹ (Заметь), что Бог, будучи по природе благ, с готовностью подает Себя всем для причащения Его святости и просвещения души. Прочее зависит от нас, — насколько мы желаем причаститься Его знания, — да проявится свобода воли. Ибо Бог не виновен в зле, каковое — разлучение с Ним.

²⁰ Связь тут такова: «что и у других народов были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех». А остальное, таким образом, читается в середине. И поскольку есть единое Начало, к Нему ангелы возводили народы, к которым каждый был приставлен.

²¹ Заметь, что о Мелхиседеке говорится как о настоящем иерархе, благодаря ангельскому наставлению познавшем воистину сущего Бога. «Последователей» же он сказал, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

²² Заметь, что от ангелов, говорит он, были во сне видения фараону и Навуходоносору и их изъяснения или же толкования.

²³ Иосиф египтянам, а Даниил вавилонянам наставником был (слова «наставником был» приписаны писцом на поле), когда ангелы, наставлявшие эти народы, открывали им Божью волю и видения.

²⁴ Обрати внимание на слова песни Моисея: «Когда разделял В(сев)ышний народы, которых рассеял, сынов Адама, поставил пределы народов по числу ангелов Божиих. И был частью Господней народ Его, Иаков, наследственным уделом Его, Израиль». Не подобает ведь, говорит он, думать, что народы были поделены с другими богами или ангелами; не по жребию ведь достался Богу Израиль, а другим ангелам (по народу) особо, чтобы те вовсе не служили Богу. Как будто если, допустим, некий народ достался некому ангелу и

непщевати иудеи убо достоителнѣ наставнику быти Богоначелию, аггелом же особнѣ — или въкупочстнѣ, или богопротивнѣ — или богомъ нѣкоторимъ наставникомъ быти инымъ языкомъ. Нѣ и слово оно* по сей свещеннѣй мысли достойное разумѣти не яко раздѣлившу Богу съ инными боги или аггелы еже о насъ владычество и Израиль языконачелникъ и языководникъ быти удостоившусе, нѣ яко тому убо единому всѣхъ Вышняго Промыслу все чловѣкы спасителскы иже своихъ аггелъ горѣпростирателными руковожденми раздѣлившу, единому же потомъ отъ всѣхъ Израилю на еже сущаго Господа свѣтодание и разумѣние обращшусе. Тѣмъже богословие еже убо себе удостоити Израилю въ сущаго Бога угодение изъясляе, еже «Бысть честь Господня»²⁵ рече. Показуе же еже и тому въ равнствѣ прочинихъ языкъ датисе нѣкоему светихъ аггелъ въ еже тѣмъ единое всѣхъ Начело разумѣти, Михаила²⁶ рече иудейскыи водити люди, явѣ научае еже единъ быти всѣхъ Промыслъ, всѣхъ невидимыхъ и видимыхъ силъ прѣсущствнѣ прѣвыше сѣдещъ, всѣмъ же иже коегождо языка приставленнымъ аггеломъ на тѣ, яко на свое начело, послѣдующихъ волею²⁷ елико по силѣ горѣвъзводещимъ.

иже языка аггелъ. Нѣ ни же въкупочстнѣ или богопротивнѣ приеть Богъ съ языкъ и къждо отъ аггелъ свой языкъ, якоже въ Исайи реченно бысть, яко диаволь яже къ сѣвѣру гори, сирѣчь, языкъ, рече въ себѣ имѣти и противитисе Богови и быти подобнь Вышнему.*
 Вся бо работна Богу, и всѣхъ Тѣ Самъ начелствуетъ, нѣ вѣдущихъ Того прѣдпочитаеъ. И сего ради и Тѣ глаголетсе тѣми начелствовати, нѣгли аще имуть и аггела приставленнаго, якоже Израиль Михаила. И како всѣхъ начелствуе Богъ наипаче Израилевъ глаголетсе Богъ и Израиль Тоговъ? Глаголемъ, яко Богъ всѣхъ есть Богъ, приближающихъ же се Тому и Тому единому поклоняющихся глаголетсе праведнѣ ихъ Богъ. Прочи бо, идолы почитающе, инные твореть себѣ боги.

²⁵ Добрѣ сказуеъ еже: «Бысть честь Господня Израиль, удостоенна Ему». Подобаше убо, понеже Израиль единъ увѣдѣ Бога, тому единому отъ Господа посѣщатисе и отъ аггелъ Его. Нѣ и въ семь показуеъ безъмѣрная и неислѣдованная милость Божия, яко и мнешимсе не быти чести Его особна аггела приставиль естъ хранителя языку. «Всияваетъ бо солнце Свое на праведние и неправеднии».* И пакы: «Иже не хотей смерти грѣшнику, яко възвратитисе и живу быти ему».* Нѣ речеши: Како имущей аггеле, отъ Бога данныи въ еже наставляти и водити тѣхъ, отступише отъ Бога живаго и поклонилеся идоломъ? — Глаголемъ, яко всака нужда отъ иже въ Бога зрещинихъ отгнасе и вмѣстовъведесе еже самоизвольное. Аще кто изволить съ Богомъ быти и хранитисе отъ аггела, и въчиняетсе под нимъ. «Господь бо, — рече, — съвѣсть путь праведнихъ».* И пакы: «Юнь бѣхъ и бо състарѣхъсе, и не видѣхъ праведника оставленна».* Аще ли же кто супротивное изволить, не понуждается отъ аггела се творить. Сие бо житие и скотовидно паче [недостаеъ перевода словъ: καὶ οὐκ αὐτοπροαίρετος — для нихъ оставлено место]. Того ради и о Израилѣ рече, егда сѣгрѣши и телца сътвори: «Разумъ бо Божий отринувъ еси и въслѣдъ сердца своего ходилъ еси»,* — сирѣчь свое хотѣние прѣдпочаль еси.

²⁶ Яко и Израиль и честь Господня бысть, нѣ убо и тии особна своего имаху аггела Михаила.

²⁷ Сие рече самовластнаго ради и непонужденнаго.

жребию выпало руководить иудеями, ангелам же по отдельности — в том же достоинстве или в богопротивном, — или неким другим богам, быть приставленными к другим народам. Но речение это надо понимать в соответствии с той же священной мыслью, — не в том смысле, что Бог поделил власть над нами с другими богами или ангелами, и Ему досталось по жребию быть этнархом и вождем народа Израиля, но в том, что сам единый Промысел Вышнего спасительно разделил всех людей, (поручив их) устремляющему вверх руководству их собственных ангелов, и что почти единственный из всех (народов) Израиль обратился к светодаению и познанию истинного Господа. Поэтому Богословие и говорит, показывая, что Израиль принял жребий служения поистине сущему Богу: «И был частью Господней».²⁵ Показывая же, что он наравне с другими народами был поручен некоему из святых ангелов, чтобы с его помощью он познал единое Начало всего, оно говорит, что народом иудеев руководил Михаил,²⁶ ясно научая нас, что существует единый над всеми Промысел, сверхсущественно сверхучрежденный превыше всех невидимых и видимых сил, и все ангелы, поставленные каждый над своим народом, возводят к Нему как к своему Началу тех, кто добровольно²⁷ за ними следует.

удостоился быть (его жребием), то Бог уж и не заботится об этом народе, или ангел народа не служит и не старается ни в чем ином (угодить) Богу. Не равноправно или вопреки друг другу выбирали Бог этот народ, а каждый из ангелов свой народ, как это сказано у Исаяи, — что дьявол сказал, что северные горы, то есть народы, он имеет у себя (в подчинении), и противится Богу, и (старается) быть подобен В(сев)ышнему. Все ведь работает для Бога, и всеми Сам Он властвует, но знающих Его Он предпочитает. И потому и говорят, что Он ими властвует, даже если имеют ангела (к ним) приставленного, как Израиль Михаила. Но как же всеми властвующий Бог называется Богом по преимуществу Израиля и Израиль — Его (народом)? Мы говорим, что Бог — это Бог всех, но по справедливости Он называется Богом тех, кто близок к Нему и Ему одному поклоняется. Ибо прочие, почитая идолов, творят себе иных богов.

²⁵ Он хорошо разъясняет слова: «Был частью Господней Израиль, удостоенной Ему». Подобало бы ведь, если бы Израиль один познал Бога, чтобы только его посещали Господь и ангелы Его. Но и в том обнаруживается безмерная и непостижимая милость Божия, что и к тем, кто думает, что не принадлежит к Его части, особого ангела Он приставил, хранителя народа. «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над праведными и неправедными». А еще: «Не хотящий смерти грешника, чтобы он обратился и был жив». Но ты скажешь: Как, имея ангелов, данных от Бога, чтобы наставлять и руководить, отступили они от Бога живого и поклонились идолам? — Мы отвечаем, что от взирающих на Бога, всякое принуждение изгнано, и его место заняла свобода воли. Если кто-то выбирает быть с Богом, то он охраняется ангелом и учиняется под ним. «Ибо Господь, — сказано, — знает путь праведных». А также: «Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным». Если же кто-то выбирает противоположное, ангел не принуждает его что-то определенное делать. Это ведь скорее скотоподобная, а не самостоятельная в выборе жизнь. Потому и об Израиле он говорит, когда тот согрешил и сотворил тельца: «Ибо познание Бога ты отверг и вслед сердца своего ты ходил», — то есть предпочел свое желание.

²⁶ (Заметь), что, хотя и стал Израиль частью Господней, но ведь и они имели своего особого ангела, Михаила.

²⁷ Это он говорит, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

ГЛАВА 10. ПОВЬСПРИЕТИЕ И СЪБРАНИЕ АГГЕЛЬСКАГО БЛАГОЧИНИЯ

1. Събрасе убо нами, яко еже убо старейше иже о Бозѣ умовь одобрение от Службоначелничьскаго¹ осияния священноначелствуемо въ еже на то непосредствѣнѣ воспостирати скръвеннѣйшимъ и явленнѣйшимъ Богоначелия свѣтоданиемъ² очищается и просвѣщается и съвршеннодѣйствуетсе. Скрвеннѣйшимъ убо яко умнѣйшим и паче простѣйшимъ и съединотворнѣмъ, явленнѣйшимъ же яко прьводатнымъ и прьвоявленнымъ и съборнѣйшимъ и паче въ то яко въ чисто изливаемо, от того же паки по мѣрѣ второ, и от втораго третие, и от третияго еже у насъ священноначелие по самомъ томъ благоудобренаго чиноначелия уставѣ въ съчланени божественнѣмъ и мѣрѣ къ всакого благоудобрения прѣначелному Начелу и Концу, священноначелнѣ възводитсе.

2. Изъявителие же вси суть³ и вѣстници прѣжднихъ тѣмъ: старѣйши⁴ убо Бога движущаго, по мѣрѣ же прочи, иже от Бога движемыхъ. Толико бо еже всѣхъ прѣсущствное съчланение коегождо словесныхъ же и умныхъ священнаго благоудобрения и въчиненнаго възвождения промысли, яко и самому священноначелствѣ коемуждо чинъ священнолѣпны положи. И всако священноначелие зримъ въ прьвыие, и срѣдние, и послѣдние силы раздѣленно, нь и само то коегождо особнѣ рещи одобрение тѣми божественными съчланенми раздѣли. Тѣмъ же и самыие божественнѣйшее серафимъ богословци глаголють⁵

¹ «Службоначелничьскаго», — рекше, Наставления и Вины тѣхъ съвршения.

² Знаменай, яко здѣ явѣ сказуеть, кое ради вини чинове небесныхъ силъ сие суть, рекше: овъ убо прьвысочай бысть, овъ же срѣдны, овъ же послѣдны. Глаголетъ бо о горнѣмъ чину, иже есть прѣстола, серафимъ и херувимъ, яко от самого божественнаго разума осияваются, заеже непосредствѣнѣ на тѣ простиратисе и не имѣти еже прѣдвараемо. Сие от Службоначелия самого божественнаго очищается, и просвѣщается, и съвршается. Аще бо би тако създанъ былъ, яко прьвы быти, ни же чищения, ни же просвѣщения трѣбовалъ би, тако създанъ бывъ, яко и достоинъ бысть прьваго чина. Инако же, зри, что глаголетъ по малѣ божественны съ мужъ, яко «скръвеннѣйшимъ паче свѣтоданиемъ» просвѣщаются прьвы чины, зане умнѣйши и Богу приближнѣйши паче иныхъ, скръвеннѣйшаго сподобляюще сияния, и ти скръвеннѣйши суть и къ Богу паче иныхъ простирателны. И от сего бо есть разумѣти вѣще самоизвольное ихъ. Аще бо не вѣще от мышиныхъ себе простирали би и умни бывали, не бы убо приближали се Богови [на поле добавка: вѣще]. Приблизивше же се Тому волею, болше очищаются, и просвѣщаются, и съвршаются, сирѣчь «дѣйствуютъ съвршенная», рекше яже о Бозѣ. И сие мноу Писанию гадающе: «Приступите къ Немю и просвѣтитесе, и лица ваша не постыдетсе». * Сие и о прочиныхъ силахъ разумѣй, яко коиждо по своей мѣрѣ зреть Бога. Сие и явленнѣйше глаголетъ на конце главы сие.

³ Яко вси аггелы яже от прѣжднихъ себе въ тѣхъ носиме свѣте къ мнѣйшимъ изъявляютъ. Обще же о всѣхъ есть еже «изъявителие» речесе. «От Бога же подвиженныхъ» рече о прьвомъ серафимъ чиноначели. (Здесь же киноарный маргиналий: «Вѣстници» рекше аггелы).

⁴ Старѣйши Бога изъявителне суть, а срѣдни — прьвыхъ, а послѣдни — срѣднихъ.

⁵ Чесо ради о серафимѣхъ божественное пѣти рече възивати другъ къ другу? — Заеже прьвыимъ възвѣщати къ вторимъ божественная таинства.

ГЛАВА 10. ПОВТОРЕНИЕ И СОКРАЩЕНИЕ
(СКАЗАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО) АНГЕЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

1. Итак, нами было показано, что старейший порядок окружающих Бога умов, священноначальствуемый Совершенноначальным¹ осиянием, к Нему непосредственно простирается, и более, (чем другие), сокровенным и ясным светодаянием Богоначалия² очищается, просвещается и совершенствуется. Более сокровенным — как более, (чем у других), умственным, более простым и единотворящим, а более ясным — как первым данным, первоявленным, более цельным и в большей мере в этот (порядок) изливаемым как в более, (чем иные), прозрачный. Этим (порядком) затем, соответственно, второй, вторым третий, а третьим наша иерархия иерархически в божественной гармонии и соразмерности — по тому же самому священному закону благоустроенного чиноначалия — возводятся к сверхначальному Началу и Пределу всякого благоустройства.

2. Все (небесные чины) суть выявители³ и вестники тех, что находятся перед ними: старейшие⁴ — Бога, движущего их, прочие соответственно — движимых Богом. Ибо сверхсущественная Гармония до такой степени позаботилась о священном благочинии и должном возведении каждого из словесных и разумных (существ к Богу), что и для каждой из иерархий установила подобающие священному чины. И мы видим, что каждая иерархия разделяется на первые, средние и последние силы. Но и каждый порядок, (надо) отдельно сказать, она разделила на те же самые боговдохновенные гармонии. Почему, говорят богословы, и сами божественнейшие серафимы⁵ зывают друг к другу,

¹ «Совершенноначальным» (относится) к Первоначалу и Причине их совершенства.

² Заметь, что здесь он явно показывает, по какой причине чины небесных сил таковы, что один более высокий, другой средний, а третий последний. Ибо о высшем чине, то есть о престолах, серафимах и херувимах, он говорит, что он осияется самим божественным знанием, потому что непосредственно к нему устремляется и не имеет предшествующего; и таким образом Самим божественным Совершенноначалием очищается, просвещается и совершенствуется. Ведь если он так был создан, что он первый, то ни в очищении, ни в просвещении он не нуждается, так слепленный, чтобы и быть достойным первого чина. Кроме того, обрати внимание на то, что немного дальше говорит этот божественный муж, — что он «более сокровенным светодаянием» просвещаются первые чины как более умственные и более простертые к Богу. Отсюда можно ведь заключить также о свободе их выбора. Ведь если бы он, (этот чин), не простирал себя и не мыслил больше, чем меньшие, то не приблизился бы к Богу. Приблизившись же к Богу добровольно, он больше очищается, просвещается и совершенствуется, то есть «совершает совершенное», значит, близкое Богу. На это, я думаю, намекает Писание: «Приступите к нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся». Так же и о следующих силах разумеи, — что каждая по своей мере видит Бога. Более ясно он говорит это в конце этой главы.

³ (Заметь), что все ангелы являют меньшим (чинам) свет, передаваемый от тех, кто перед ними. «Выявители» надо понимать в общем смысле. «Движимые Богом» он говорит о первом чиноначалии, серафимов. (Здесь же киноварный маргиналий: «Вестники», то есть ангелы).

⁴ Старейшие — выявители Бога, средние — первых, а последние — средних.

⁵ Почему божественный гимн о серафимах говорит, что они зывают друг к другу? — Потому что первые возвещают божественные тайны вторым.

другы къ другу възивати,* явѣ въ семь, якоже мню, сказующе, яко богословьныхъ разумений прьвы вторимъ прѣподають.

3. Да приложим же убо и се не нелѣпотнѣ,⁶ яко и въ себѣ коиждо небесный же и чловѣчскый умъ свое имать и прьвие и срѣдние и послѣдние⁷ чины же и силы къ реченнымъ коегождо священноначелниихъ осияний своимъ възвожденіямъ по мѣрѣ изъявляемыя по ихъже къждо въ причестии бываетъ по еже тому подобно же и мощно прѣчистаго очищения, прѣисплненнаго свѣта, прѣдъсвършеннаго съвршенія. Есть бо ничтоже самосвършенно или нетрѣбователно повсемъ съвршенія, развѣ еже вѣистину самосвършенно и прѣдъсвършенно.

⁶ От простѣйшихъ бо учений, еже мѣла напоение нарече апостоль,* къ срѣднимъ, и от сихъ къ болшимъ, рекше съвршенныхъ пищѣ, восходе, послѣдни являеть чинъ и силу. Есть же и инако яже по мѣсту разумѣти, и прьво убо реши еже къ прѣвсходимому выспрѣрострѣтїе, срѣдне же — еже въ себѣ съобращание, послѣдне же — еже мнѣшее възводе, еже и паче при аггелѣхъ достоить разумѣти.

⁷ Знаменай, яко коегождо насъ умъ прьве, и срѣдне, и послѣдне чинове имать въ еже разумѣвати о Бозѣ. Три чины сие достоить разумѣти сице, яко всаки умъ имать существо, по немже прьво есть; таже и силу, по нейже крѣпцѣ удовляемъ есть; кончнее же дѣйство, по имже, своя дѣе, благочъствуеть. Ся и въ прочей главизнѣ сказуеть. Тѣмже отсуду явѣ и несупротивѣрчнѣсть есть приети, яко истиннѣ прѣдъ малѣмъ писахомъ. Се бо како рече: «Коиждо небесны и чловѣчскы умъ прьваа, и срѣдня, и послѣдняя имать възвожденія, по ихъже къждо въ причести бываетъ божественныхъ и священноначелничскихъ осияний». Прьвѣй убо — яко равнь чинъ рече чловѣкъ и горныхъ силъ; и ниединаго от чловѣкъ вѣмы — ни же пророка, ни же правѣдника, — не потрѣбовавшаго особнии вины въ еже приблизитисе Богови. Зри, что бо глаголетъ иже до третяго небеса доспѣви, яко: «Удручаю тѣло и порабощаю, еда како, инымъ проповѣдавъ, самъ неискуснѣ буду».* Таже явленнѣ здѣ глаголетъ самовластное и аггелѣ, и еже своего имъ устрѣмления желание. Да же никтоже и от зѣло любопърливихъ любовьспритсе, изъявително рече, яко ничтоже нетрѣбователно и самосвършенно, сирѣчь от себе съвршенно, развѣ единъ Богъ. Тѣмже чловѣци и аггелы прѣдспѣнія и съвршенія трѣбують.

ГЛАВА 11. ПОЧТО ВСЕ НЕБЕСНЫЕ СИЛЫ И СУЩЕСТВА ОБЩѢ СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ ГЛАГОЛЮТСЯ

1. Сим же опрѣдѣленномъ, оно достойно есть разумѣти, кое ради выни вса вѣкупѣ аггелѣская существа силы небесныя нарицати обыкохомъ. Не бо есть реши, якоже при аггелѣхъ,¹ яко всѣхъ есть послѣднее удобрене светихъ силъ и убо послѣднихъ светолѣпныхъ осиянію яже надлежещихъ

¹ «Не бо есть реши, якоже при аггелѣхъ», — силы бо вторіе и срѣдніе суть троїце, по господствѣхъ вѣчиняеме. Тѣмже не яко послѣднимъ тѣмъ сущимъ, вси чины нарекошесе силы, якоже при аггелѣхъ.

этим самым ясно, как я полагаю, показывая, что первые (из них) передают богословские знания вторым.

3. Можно было бы не без оснований добавить,⁶ что и сам по себе каждый небесный и человеческий ум имеет собственные первые, средние и последние⁷ чины и силы для толкования явленных каждому, соответственно его возведению, осияний, благодаря которым всякий, по мере доступности и возможности, оказывается причастным сверхнепорочной чистоты, сверхизобильному свету и просовершенному совершенству. Ибо ничего нет самого-по-себе-совершенного или вообще не нуждающегося в совершенстве, кроме поистине Самого-по-себе-совершенного и Просовершенного.

⁶ Ибо восходя от более простых поучений, каковые апостол назвал поением молоком, к средним, а от них к большим, то есть к пище совершенных, он объясняет последние чин и силу. Но можно и иначе понять это место и первым назвать простертость к превосходящему, средним — пребывание и обращение около него, последним же — возведение нижних, что и следует разуметь как более свойственное ангелам.

⁷ Заметь, что у каждого из нас ум имеет первые, средние и последние чины, чтобы разуметь три этих чина около Бога. Разуметь (это) надо так, что всякий ум имеет сущность, согласно которой он, во-первых, существует; затем силу, благодаря которой он одолевает (трудности); и, наконец, энергию, благодаря которой он, делая свое, пребывает благочестивым. Это он и в следующей главе разъясняет. Потому, исходя из этого, надо ясно и беспрекословно принять, что истинно написанное нами чуть выше. Вот ведь как он говорит: «Каждый небесный и человеческий ум имеет первые, средние и последние возведения, в соответствии с которыми каждый делается причастником божественных священноначальных осияний». Прежде всего, (достойно внимания) то, что о чине людей и высших сил он сказал как о равных, а мы не знаем ни одного человека, ни пророка, ни праведника, кто не выставил бы собственной причины приближения к Богу. Посмотри-ка, что говорит достигший третьего неба (Павел): «Усмиряю тело мое и порабощаю, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Затем он ясно здесь говорит о свободе воли и у ангелов и об их собственном порыве страсти. А чтобы никто из очень любящих возражать не стал спорить, в качестве заключения он говорит, что ничто не является само по себе достаточным и совершенным, от самого себя то есть (получившим) совершенство, за исключением одного только Бога. Так что люди и ангелы нуждаются в росте и совершенствовании.

ГЛАВА 11. ПОЧЕМУ ВСЕ НЕБЕСНЫЕ СИЛЫ И СУЩЕСТВА НАЗЫВАЮТСЯ ОДИНАКОВО НЕБЕСНЫМИ СИЛАМИ

1. (Теперь), когда они определены, о том надо подумать, по какой причине все вообще ангельские существа мы привыкли называть небесными силами. Ведь нельзя же сказать, как об ангелах,¹ что порядок святых сил является последним из всех и что порядки высших существ причаствуют

¹ «Ведь нельзя же сказать, как об ангелах», — ибо силы помещаются во второй, средней, триаде после господств. Так что все чины названы силами не потому, что те последние, как в случае ангелов.

сущствъ удобрения причествуютъ, послѣдняя же пръввыхъ николиже, и сего ради небесныя убо силы вси божественны умове именуется, серафимы же, и прѣстола, и господствія никакоже, непричестни² бо послѣдни пръвысокихъ суть съборныхъ свойствъ. Ангелы бо, и прѣжде аггель архаггелы,³ и начела, и власти, по силахъ от богословія вчиняемыи, обще многаши от насъ вкупѣ инымъ светымъ сущствамъ небесныя силы наричутся.⁴

2. Глаголем же, яко общѣ при всѣхъ приемше небесныхъ силъ именованиемъ не сълитие нѣко коегождо удобрения свойствомъ выводимъ, нь понеже въ три раздѣлишесе⁵ еже о тѣхъ прѣмирнымъ словомъ вси божественны умове: въ сущство, и силу, и дѣйство, — егда же вса, или нѣкотора тѣхъ неназирателнѣ⁶ небесная сущства⁷ или небесныя силы наричемъ,⁸ сие — второрѣчнѣ⁹ о нихже есть слово изъясляти насъ — достоинъ непщевати¹⁰ от коегождо ихъ сущства или силы. Ни бо надлежимо свойство иже добрѣ нами раздѣленныхъ светыхъ силъ и мнѣшимъ свѣсма съвкупляти сущствомъ — въ разорение несълитнаго аггельскихъ удобрений чиноначелія. По многашномъ бо нами правѣ отданнѣмъ словѣ пръвъзъшдшая убо удобрения излишнѣ имуть и яже мнѣшихъ священныя свойства, послѣдняя же,¹¹ яже старѣйшихъ

² Яко яже послѣднихъ имуть надлежещи, а яже пръвсходещихъ не имуть послѣдныи. Сиде и выше речесе, — понеже пръвы убо съборнѣ имуть осияние, послѣдни же отчести, якоже проча глаголетъ. Сиде и въ Церкви есть обрѣсти: священникъ бо можетъ творити вса яже мнѣшихъ, рекше диаконъ и прочиныхъ, диакону же яже священникъ нѣсть повельно творити. Ако убо еже у насъ священноначеліе подражаеть небесный чинъ, рѣхомъ выше. *«К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле: От «не бо есть реши» супротивление есть даже до «съборныхъ свойствъ», и оттуду начети недоумѣние до еже начети светому рѣшение, идѣже рече «глаголем же»».*

³ Послѣдни бо чинъ начель, и архаггель, и аггель есть, и обаче и ти силы суть, егда именуется.

⁴ Како глаголются силы.

⁵ Знаменай, како убо глаголетъ, яко въ три раздѣляются аггельски чины: въ сущство, и силу, и дѣйство. И от сего глаголются общѣ «силы небесныя». Аще бо ихъ кто и сущство и дѣйство речеть, не съгрѣшитъ, суть бо сущство и дѣйство. Нь обаче вси чины и умове по семъ «силы небесныя» наричутся.

⁶ «Неназирателнѣ» — рекше простѣ и невнимателнѣ.

⁷ Яко въ приказни да речетсе сущство убо реши огня естество, силу же того просвѣщательное, дѣйство же еже и силы накончание, рекше просвѣщательно и жегущее.

⁸ Въкупименно есть име «силы»: глаголетъ бо се сиде и особны чинъ, сирѣчь второе срѣдняго троичьскаго удобрения, и обще вси чины, яко силу имуще нѣку.

⁹ «Второрѣчнѣ» — рекше второю рѣчию, поеже вси силы глаголются.

¹⁰ «Достинъ непщевати» извънь да разумѣтсе.

¹¹ Мнитсе нѣкако здѣ глаголати, яко по достоянию аггельская удобрения съдѣтелскы вчиненна быше, не явѣ же се прѣдставляеть. Горѣ бо, въ пръвой сее главизнѣ, явленнѣ еже тѣхъ желаніе и разумѣние глаголетъ вини тѣхъ пръвысокаго ихъ чина. Сего ради яко и очищатсе и просвѣщатсе и съврѣшатсе рече тѣмъ. Есть убо начьнѣшу реши и сиде благочестивѣ, яко Богъ, провидѣ въ тѣхъ желательное движение, и тѣхъ чины достойныя ихъ приведе, от ихже не убо речеть кто тѣхъ моши отпасти, заеже имѣство нѣко стежати къ благому зѣлнаго ради въсхотѣнія и желанія. Ангеломъ же, сирѣчь послѣдному удобре-

священнолепному осиянию последних, последние же (осияниям) первых — никогда, и потому все божественные умы называются небесными силами, но никак не серафимами, престолами или господствами, так как последние непричастны² соборным свойствам высших. Ведь ангелы и предшествующие ангелам архангелы,³ начала и власти, помещаемые Богословием после сил, часто обобщенно называются нами — вместе с иными святыми существами — небесными силами.⁴

2. Мы же говорим, что, пользуясь общим для всех именем небесных сил, мы не привносим никакого смещения в особенности каждого порядка. Но поскольку все божественные умы разделились⁵ соответствующим им надмирным смыслом натрое: на сущность, силу и энергию, — то, когда все или некоторые из них мы безразлично⁶ называем небесными существами⁷ или небесными силами,⁸ о ком, из тех, кого мы перифрастически⁹ представляем, идет речь, следует понимать¹⁰ по существу и по силе каждого из них. Нельзя ведь превышающую особенность уже хорошо нами определенных святых сил целиком приписывать и низшим — в нарушение неслитного чиноначалия ангельских порядков. Ибо согласно многократно нами прямо разъясненному замыслу, превосходящие порядки в избытке имеют и священные особенности низших, а последние¹¹ превосходящими их совокупностями (особенностей)

² (Заметь), что тем, чем обладают последние, находящиеся над ними обладают, а того, что есть у превосходящих, у последних нет. Это и выше сказано, — поскольку первые имеют осияние целиком, последние же отчасти, как он далее говорит. То же и в Церкви можно заметить: священник ведь может делать все, что делает (его) подчиненные, как то диакон и прочие, диакону же то, что делает священник, не разрешено делать. Что наша иерархия подражает небесному порядку, мы говорили выше. *(К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле: От слов «Ведь нельзя же сказать» до слов «соборным свойствам» — отрицание, и оттуда идет абсурдная мысль — до места, где святой начинает (ее) разрешение, где он сказал «Мы же говорим».)*

³ Ведь чин начал, архангелов и ангелов последний, однако же и они могут называться силами.

⁴ Почему они называются силами.

⁵ Заметь, как, говорит он, разделяются ангельские чины: на сущность, силу и энергию. И оттого называются обобщенно «силы небесные».

⁶ «Безразлично» — то есть иносказательно, поскольку все называются силами.

⁷ В качестве примера следует сказать, что сущностью называют природу огня, силой — ее светлость, а энергией — производную от силы, то есть (способность) светить и жечь.

⁸ Название «силы» является омонимом: так ведь называются и особый чин, то есть второй в третьем троичном порядке (ангелов), и вообще все чины — как обладающие некоей силой.

⁹ «Перифрастически» — то есть вторичным образом, поскольку все (ангелы) называются силами.

¹⁰ «Следует понимать» надо разуметь, (поставив) вне (оборота).

¹¹ Кажется, здесь он говорит, что ангельские порядки были учинены Содетелем согласно достоинству, но не ясно это показывает. Выше же, в главе, предшествующей этой, он ясно говорит, что их устремленность и мышление — настоящие причины их более высокого (или более низкого) порядка. Ради этого, сказал он, они очищаются, просвещаются и совершенствуются. Можно, таким образом, решиться благочестиво сказать, что Бог, провидя их движение желания, и чины их, их достойные, ввел, отпасть от каковых

надлежащая отнудствия не имуть,¹² отчести въ та пръводатнымъ осияниямъ пръвыми по мърѣ къ тѣмъ изъявляемомъ.

нию, моши нѣгли и къ хужьдшему прѣвратитисе. Рече бо тѣхъ и близъ мира сущихъ, от нихже мно и дивола некогда быти, прѣжде отпадения. Аще ли кто сихъ съвршеннѣше вѣсть, прошу навикнути.

¹² Знаменай, како по чину аггельская удобрения Съдѣтелнѣ приведенна быше.

ГЛАВА 12. ПО ЧТО ИЖЕ ВЪ ЧЛОВѢЦѢХЪ СВЕЩЕННОНАЧЕЛЬНИЦИ АГГЕЛЫ ГЛАГОЛЮТЬСЕ

1. Ищет же се и се умнихъ словесъ любозрителми: аще бо непричестны прѣвысокихъ отнудствъ суть послѣдныи, кое ради вины иже у насъ священноначелникъ «аггель Господа Вседръжителя» от Словесъ именуновасе.*

2. Есть же не супротивно слово, яко мно, прѣдопрѣдленнымъ. Глаголем бо,¹ яко всее и прѣвсходещее старейшихъ удобрений силы недостатъчествують послѣдны, честние бо и по мърѣ причествують по единомъ всѣхъ съчланенномъ и съвузномъ приобщени. Рекше светихъ херувимъ чинъ причествуетъ прѣмудрости и разума высочайшаго,² а яже подь тѣми существъ удобрения причествують убо и таа прѣмудрости и разума, отчести же обаче яко прѣма онѣмъ и мнѣшее. И еже убо отнудъ въ причести прѣмудрости быти и разума обще есть всѣмъ боговиднымъ умнихъ, а еже приближнѣ и прѣвостнѣ, или въторичсѣ и умненнѣ, некому общнѣ, нь якоже коемуждо от своее мѣри опрѣдѣленно есть.³ Сие же и о всѣхъ божествныхъ умовѣхъ не убо кто съгрѣшнѣ опрѣдѣлитель. И бо якоже прѣвы излишнѣ имуть мнѣшихъ светолѣпная свойства, сице имуть послѣдныи яже прѣвыхъ, не убо же подобнѣ, нь умненнѣ. Ничтоже убо, яко мно, безмѣстно, аще и иже у насъ священноначелника аггела богословие наричетъ, иже по силѣ своей причествующаго аггеля пророчскаго свойства и къ изъявителному ихъ уподоблению, якоже мощно чловѣкомъ въспростираемаго.

¹ Знаменай, яко аще и горныхъ силъ отнудства недостатъчни суть послѣдны, нь убо честние причествують прѣмудрости же и разума и тии.

² Что всешня прѣмудрость и причестие, и что отчести прѣмудрость. А еже «по силѣ своей» произволителну силу достонть разумѣти здѣ.

³ Знаменай, яко еже «опрѣдѣленно есть» не сказуеть здѣ твердую нѣку и непрѣступну нужду, якоже мнозы обыкоше глаголати, нь еже «опрѣдѣленно есть» — вмѣсто еже «въчиненно есть», по опрѣдѣленной нѣкой мѣрѣ силе.

старших не обладают,¹² так как им первоначальные осияния передаются через первых — соответственно им — частично.

они никто не сказал бы, что могут, потому что они обрели некую привязанность к Благу благодаря большому стремлению и желанию. Ангелы же, то есть последние порядки, могут обратиться также и к худшему. Он ведь сказал, что они пребывают поблизости от мира, и в их, я думаю, числе некогда был и дьявол, — до падения. Если же кто-либо знает об этом лучше, прошу *меня* научить.

¹² Заметь, что ангельские порядки были приведены (в бытие) Содетелем соответственно чинам.

ГЛАВА 12. ПОЧЕМУ СВЯЩЕННОНАЧАЛЬНИКИ ЛЮДЕЙ НАЗЫВАЮТСЯ АНГЕЛАМИ

1. Ревностные исследователи умопостигаемых Речений интересуются и вот чем: ведь если последние (чины) не причастны более высоким совершенствам, то по какой причине наш иерарх именован Речениями «ангелом Господа Вседержителя»?

2. Это не противоречит, как я думаю, определенному ранее. Мы говорим ведь,¹ что полной и превосходящей силы более старших порядков последним недостает, частичной же и соразмерной (им) они причаствуют благодаря единой гармонической соединяющей всех общности. Скажем, чин святых херувимов причаствует высочайшей премудрости и знания,² а находящиеся ниже них порядки тоже причаствуют премудрости и знания, однако же отчасти по сравнению с теми и меньше. И вообще причаствовать премудрости и знания свойственно всем богообразным из разумных (существ), но (либо) целиком и первично, либо вторично и меньше, — ни в коем случае не одинаково, но как каждому определено³ его мерой. Это же можно, не погрешив, сказать и обо всех божественных умах. Ведь как первые в избытке имеют святолепные особенности низших, так последние имеют (особенности) первых, но не в той же, а в меньшей степени. Так что ничего, как я думаю, странного нет в том, что Богословие называет ангелом и нашего иерарха, причаствующего по мере собственных сил свойственной ангелам способности прорицания и стремящегося к уподоблению тем в возвешении (Божьей воли), насколько это для людей возможно.

¹ Заметь, что хотя последние и уступают совершенству превосходящих их сил, но отчасти ведь причаствуют премудрости и знания и они.

² (Заметь), каковы целные премудрость и причастие и каковы частичные. А «по мере собственных сил» — надо разуметь здесь свободный выбор.

³ Заметь, что (слово) «определено» не указывает на некую жесткую судьбу и неодолимую необходимость, как многие привыкли говорить, но «определено» (сказано) вместо «установлено» — в соответствии с некоей определенной мерой силы.

3. Обрѣщеша же,⁴ яко и боги богословие наричатъ небесная и паче насъ сущ'ствія и иже у насъ боголюбивыи и священнии мужи,* а паче богоначальному скръвенству прѣсущ'ствнѣ всѣхъ прѣизету же и прѣвыше съдешу, и неединому⁵ от сущихъ тому подобнѣ именоватисе истиннѣ и свѣсма могущу. Обаче елика умныхъ же и словесныхъ къ соединению того елико по силѣ отнудь горѣобращаютьсѣ и къ божествнѣмъ его осияніямъ якоже мощно непрѣстаннѣ горѣпростираютьсѣ еже по силѣ, аще подобаеъ рещи, богоподобіемъ и божествнаго вѣкупіиенія сподобляютьсѣ.

⁴ Како бозы глаголютьсѣ аггелы же обшнѣмъ именомъ и боголюбивыи чловѣци, — по еже «Азъ рѣхъ: бозы будете».*

⁵ Како, и коими, и по чесомъ божествнѣмъ именъ сподобляютьсѣ.

ГЛАВА 13. ПОЧТО ОТ СЕРАФИМЪ ГЛАГОЛЕТСЕ ОЧИСТИТИСѢ ПРОРОКЪ ИСАИА

1. Принеси уже и се по силѣ да смотримъ, чесо ради къ единому Богослов'цъ серафимъ послатисѣ глаголетсѣ.* И бо недоумѣватисѣ¹ кто имать, яко не от мншнѣхъ нѣкой аггелъ, нѣ самы иже старейшнѣмъ сущ'ствамъ вѣчтеньни очищаеъ пророка.

2. Нѣци убо рѣше, яко по малѣ отданномъ всѣхъ умовъ приобшнѣнія прѣдѣлѣ не единого иже при Бозѣ прѣвостоятелнѣхъ умовъ именуеъ Слово на богословца очищение приити, нѣкоего же от иже намъ надѣстоещнѣхъ аггелъ яко священнодѣйствнѣника пророку очищения серафимъ вѣкупіиеніемъ нарещи ради пожигателнаго реченнѣхъ сѣгрѣшнѣи² отраженія и очищенному на божествное послушаніе възгорѣнія, и слову единого от серафимъ простѣ рещи глаголють не от иже при Бозѣ прѣсѣдещнѣхъ, нѣ иже намъ надѣстоещнѣхъ чистителнѣхъ силѣ.

3. Инѣ же николи же безмѣлстно что подаст ми отвѣщаніе о настоѣщемъ противленіи. Рече бо, яко свое чистителное священнодѣйство великыи онѣ (кто-любо бѣ видѣніе сѣтворивы аггелъ³ въ еже научити божествнѣмъ

¹ Понеже противно реченное мнитсѣ реченнѣмъ. Рече бо прѣжде сихъ, яко нижшая от прѣвышшнѣхъ тѣмъ, не убо же от горнѣшнѣхъ научаютьсѣ, рекше трети чнѣ от срѣдняго и срѣдни от всѣхъ вышшаго. Възискано же о семь бысть, и различнѣ раздрѣшисѣ.

² Яко нѣ навикнути божествная, аще не будетъ прѣвѣ грѣхомъ отпушеніе, ибо серафимъ «пожигатель», рекше «сѣгрѣвателъ», сказуетсѣ.

³ Знаменай, яко божествная пророкомъ видѣніа надѣстоещее имъ аггелы глаголетъ, твореще въ мѣчтаніе приводити мншнѣхсѣ видѣти. Гаданія бо и образе, не убо же нагы вѣщи и сущ'ства, зрѣху.

3. Ты найдешь,⁴ что Богословие и богами называет и небесные сущие над нами существа, и наших боголюбивых и священных мужей, хотя богоначальная Сокрытость сверхсущественно сверхустранена от всего и превыше всего, и по-настоящему и вполне называться подобно Ей ничто⁵ из сущего не может. Однако когда какое-либо из умственных и разумных (существ) полностью сколько есть сил обращается ввысь к соединению с Ней и насколько возможно непрестанно устремляется ввысь к Ее божественным осияниям, то сподобляется, по мере силы, если так можно сказать, богоподобия и божественной омонимии.

⁴ (Заметь), почему общим именем «боги» называются и ангелы, и боголюбивые люди, — согласно (словам): «Я сказал: богами будете».

⁵ (Заметь), как, каких и за что сподобляются божественных именовании.

ГЛАВА 13. ПОЧЕМУ ГОВОРИТСЯ, ЧТО ПРОРОК ИСАЙЯ БЫЛ ОЧИЩЕН СЕРАФИМАМИ

1. Давай-ка и то по мере сил рассмотрим, почему говорится, что к одному из богословов *был* послан серафим. Кто-нибудь может ведь недоумевать,¹ почему не какой-то из меньших ангелов, но сам принадлежащий к числу старших существ, очищает пророка.

2. Некоторые (люди) сказали ведь, что Речение говорит — в соответствии с уже изложенным законом общения всех умов, — что очистить богослова пришел не один из окружающих Бога первейших умов, но один из предстоящих нам ангелов, каковой как священносовершитель очищения пророка и был назван омонимически серафимам, — потому что он молниеносно истребил названные грехи² и воспламенил очистившегося для божественного послушания; а Речение, говорят, просто назвало одним из серафимов не (какую-то) из учрежденных около Бога, но одну из предстоящих нам очистительных сил.

3. А другой (человек) представил мне некий не вовсе неуместный отклик на это утверждение. Он сказал, что свое очистительное священнодействие тот великий (кем бы ни был ангел,³ осуществивший видение, чтобы научить

¹ Поскольку сказанное представляется противоречащим уже сказанному. Ведь прежде этого он говорил, что низшие от тех, кто над ними, но не от высочайших научаются, то есть третий чин — от среднего, а средний от самого из всех высокого. Это уже было исследовано и различным образом разрешено.

² (Заметь), что невозможно научиться божественному, если не будет прежде отпущения грехов, ибо «серафим» истолковывается как «пожигатель», или же «разогреватель».

³ Заметь, что божественные видения пророков приставленные к ним ангелы, говорит он, привносят, создавая, в воображение думающих, что их видят. Намеки ведь и символы, а не реальные вещи и сущности они видели.

богословца) на Бога⁴ и по Бозѣ на прьводѣйствно священноначелие възложи. И еда когда убо се слово истинствуеть? Глаголаше бо иже се рекый, яко богоначелная сила, на вса приходещи, выходит и скрозѣ всѣхъ неодръжанно проходить* и всѣмъ паки есть невидима — не тъкмо яко всѣхъ прѣсущствѣнѣ прѣизреднаа, нь яко скръвеннѣ на вса посилающипромышлятелная ее дѣйствия. Нь убо всѣмъ умным по мѣрѣ является и свое въкупѣ свѣтодание въручаючи старейшимъ существамъ, тѣми яко прьвыми въ мнѣшаа себе благоудобреннѣ прѣподаеть, по коегождо удобрения боговидном умѣрени.

Или да явленнѣйше реку⁵ и присними приказными, аще и недостатчнымими Бога, всѣхъ прѣизетаго, обаче намъ явленнѣйшими. Солнечние луче прѣподание⁶ въ прьвую вещь благопрѣподатнѣ выходит, всѣхъ свѣтлѣйшую, и тою свѣтлѣ въсияваетъ свое зарѣ; приходе же къ дебелѣйшимъ вещемъ, тънчайше иматъ прѣподателное явление от ихже просвѣщающихсе вещи къ свѣтодания проходителному имѣству неустроения, и помалу от сего къ свѣсма немаль непрѣподатно скутаваеце.⁶ Паки огньнаа топлота⁷ паче себе прѣподаеть въ приетнѣйшая и къ тое подобию благопослушная и благоводимаа, къ супротивобразним же или противнымъ существамъ или ничесоже, или тънкъ нѣкой иже от огньнаго дѣйства слѣдъ являеть. И еже сего множайше, яко къ не сьроднымъ иже искрѣннѣ къ той имущими приходить, прьвѣе, аще случитсе, възгарателна творещи яже къ възгорѣнию благопрѣложная, и тѣми или воду, или друго что иже от не удобъ възгараемыхъ по мѣрѣ сьгрѣваючи.⁸ По томжде убо естѣствнаго благочиния словѣ пачѣ естѣства

⁴ Зриши ли, яко иже научавающеи аггелы открвениямъ пророки сиче творааху, възводеце тѣхъ прьвообразнѣ убо на Бога иже всѣхъ въистину виновнаго, вторичнѣ же на иже по Бозѣ прьвые умове положением и боговиднѣ начелники еже о Бозѣ священноначелиа. Сия напрѣдъ учить. Знаменая же, яко вса Божий промыслъ проходить ськрѣвеннѣ и яко и долнѣйши аггелъ въкупоименнѣ серафимъ именуеце по приобщицелном прѣдѣлѣ. Вси бо Божию осиянию приобшуютсе, нь по достоянию коегождо мѣри.

⁵ Како божествная осияния въ овѣхъ убо явленнѣйшая, въ овѣхъ же тънчайшая прѣподаютьсе, от притче сказуеть.

⁶ Приказнѣ сия и выше прѣдложисе. Прьвую же вещь глаголетъ стькло и подобная, якоже и дебелейшую, рекѣше храме, и врьтепе, и яже подобная.

⁷ Добѣ уподобляеть Богу огонь, глаголетъ бо Писание: «Богъ же огонь поядей естъ»,* — и яко ово убо того сьгрѣваеть, ово же пожигаеть, сиче и Богъ приходещнихъ къ Нему просвѣщаетъ, невѣрующихъ же пожигаеть, — иже не сь вѣроу приходещихъ и приближающихихсе Ему.

⁸ Естѣствнаа глаголетъ чювьствыная и видимая. Достойтъ вѣдѣти, яко въ умныхъ добродѣтели нѣ суть по случаю, якоже въ нас, нь Богъ убо естъ живаа добродѣтель и самосвьршеннаа и нетрѣбователнаа, яко прѣсущствѣнѣ въсущствисе и прѣподателнѣ приходить въ яже от тое яко от вини сущее бывшаа умнаа. Источникъ убо добродѣтели оживляющее и обожающее по еже мощно причествующихъ Богъ. Нь обаче въ прошѣствие промыслителнѣ приходе въ сущѣствленная от Того умнаа, врьхъ и сьвьршенне по сем быти умовъ не изгубляеть, понеже естѣствнѣ тому естъ, не по случаю убо умове, якоже мы,

божественному Богослову) приписал Богу⁴ и перводействующей у Бога иерархии. И неужели же эта мысль не истинна? Тот, кто это сказал, говорил, что богоначальная сила, на все распространяясь, входит во все и сквозь все без задержки проходит, и при этом она никем не видима, — не только потому, что (сама) сверхсущественно сверхъизъята, но и потому, что свои промыслительные действия она распространяет на все тайно. В том числе и всем умным существам она является по (их) мере и, вручая собственное светодаianie самым старшим из них, через них как через первых благочинно передает его находящимся ниже, соответственно способности каждого чина к богозрению.

Чтобы сказать яснее, приведу,⁵ пожалуй, собственные примеры, хотя и недостойные сверхзапредельного для всего Бога, но нам более понятные. Излияние солнечного света⁶ благополучно проходит сквозь первое, прозрачайшее из всех вещество и через него ярко светит своим сиянием; попадая же в более плотные материи, оно проходит и светит хуже по причине неспособности принимающих свет материалов пропускать его, и от этого понемногу почти совершенно теряет способность распространения. Опять же жар огня⁷ лучше передается более к нему восприимчивым материалам, более для уподобления ему подходящим и податливым, а у сопротивляющихся или противоположных сущностей или никакого следа воздействия огня не обнаруживается, или же некий слабый след. И что более того — не родственным ему (материалам) он передается через имеющие с ним родство, воспламеняя сначала, если случится, то, что легко загорается, а посредством того разогревая по мере (надобности) либо воду, либо что-то другое из нелегко воспламеняемого.⁸ Соответственно этому-то закону физического благочи-

⁴ Видишь, что ангелы, научающие откровениями пророков, делали это, возводя их первоначально к Богу, воистину Причине всего, а затем — к первым после Бога по положению умам и боговидным начальникам сущей при Боге иерархии. Этому он далее научает. Заметь, что Божий промысел на все распространяется сокровенно и что и самый низкий ангел, на пределе приобщения, называется так же, как серафим. Ибо Божию осиянию приобщаются все, но — по мере достоинства каждого.

⁵ С помощью примера он поясняет, почему божественные осияния одним даются более ясными, а другим более смутными.

⁶ Этот пример он приводил и выше. Первым веществом он называет стекло и тому подобное, а более плотным — дома, пещеры и схожее с этим.

⁷ Прекрасно уподобляет он Богу огонь, ибо Писание говорит: «Бог есть огонь поядущий», — (прекрасно) и потому, что одно он разогревает, а другое пожигает: так и Бог приходящих к Нему просвещает, неверующих же пожигает, — тех, кто не приходит и не приближается к Нему с верой.

⁸ Физическим он называет воспринимаемое чувствами и видимое. Следует знать, что у (сущств), постигаемых умом, добродетели не привходящи, как у нас, и Бог является живой добродетелью, самой-по-себе-совершенной и самодовлеющей, каковая сверхсущественно осуществляется и щедро нисходит на от нее как от сущей Причины происходящее существующее умопостигаемое. Бог ведь источник добродетели, оживляющей и, насколько это возможно, обоживающей причастующих. Но, промыслительно исходя в осуществляемое им умопостигаемое, Он, однако же, из-за этого не перестает

еже всакого благоудобрения видимаго и невидимаго Чиноначелие своего свѣтодания свѣтлость пръвооявляннѣ въ богатих излитяхъ высочайшимъ существамъ являеть; и тѣми яже по тѣхъ существия божествной лучи приобшуютсе. Та бо разумѣвше пръвая Бога и божьствныи добродѣтели прѣвсходителнѣ желающе и пръводѣтелие быти, якоже мощно, богоподражателнии силы и дѣйства сподобляютсе и яже по нихъ существия сама къ уподоблению елико по силѣ боговиднѣ горѣпростирають, обилнѣ тѣмъ прѣподающе въ та пришѣдшее заре, и пакы она мнѣшимъ, и въ коемждо пръво сущему по немъ прѣподаеть дарованнаго и въ вса по мѣрѣ промысломъ приходящаго божьствнаго свѣта.

Есть убо всѣмъ просвѣщающимсе начело еже просвѣщатисе Богъ убо естествомъ и выистину суци яко свѣта⁹ существо и самому еже быти и зрѣти виновнѣ. Положением же и богоподражателнѣ по чести прѣвсходимо сущему по немъ коемуждо въ еже божьствнымъ свѣтовомъ тѣмъ въ оно приходити.¹⁰ Убо прѣвысокое небесныхъ умовъ удобрение яже прочинихъ всѣхъ аггель существия по еже лѣпо по Бозѣ начело непшуютъ всакого свещеннаго богоразумия же и богоподражания, яко онѣми въ вса, и въ насъ, богоначелному осиянию прѣподаему. Тѣмъ же и всако свещенно и богоподражателное дѣйство на Бога убо яко виновна възносетъ, на пръвыи же боговидныи умове яко на пръводѣйствныи божьствныхъ и учителие.¹¹ Проче пръво светихъ аггель удобрение паче всѣхъ имать огньствное свойство и излитое богоначелныи прѣмудрости прѣподание и разумное прѣвысокаго божьствныхъ сияний художства и прѣстолское свойство¹² въиспрѣпрострѣтое

имуть добродѣтель, разумъ от ухыщрения, рекше, или учения, или правду, или целомудрие въздржания ради, или мужство от благосложения тѣла и жиль. Не бо якоже ино въ иномъ въ сихъ добродѣтель, нѣ еже своя дѣйствовати и непрѣстанно простиратисе къ Богу и въ себѣ — се въ нихъ богоподражателнаа добродѣтель. Чин же обаче якоже иному въ иномъ съхраняють, якоже еже «живеть въ мнѣ душа твоя», — вмѣсто еже учения прѣподание: случай же въ подлежащемъ есть, еже нѣсть онамо, несложна бо и невещствна она.

⁹ Богъ, суци выистину естествомъ начело есть всѣмъ просвѣщающимсе и Виновнѣ и самому еже быти въ всѣмъ сущимъ и зрѣтисе. Положением же, рекше не естествомъ, нѣ положением и богоподражаниемъ, начело суть прѣвышшая существа мнѣшимъ существамъ.

¹⁰ Знаменай, яко по Бозѣ начело всакое добродѣтели суть горнѣйши умове, имиже пръвыими имаы Божие осияние.

¹¹ Знаменай, яко по свойствѣ огньствни горнѣйши умовъ суть.

¹² Добрѣ сказуеть, что суть прѣстоы небесныхъ умовъ еже отвързено о Бозѣ разумнии имѣти. Прѣстольское же рече свойство удостоятелнѣ данное светымъ прѣстоломъ начело.

ния, Чиномачалие всего видимого и невидимого благоустроения являет богатыми изливаниями светлость собственного светодаяния первоначально высочайшим существам; а через них и низшие их существа приобщаются божественному свету. Ибо те, кто (первыми узнали Бога) и высочайшим образом стремятся к божественной добродетели, сподобляются и перводействителями быть, насколько это возможно, богоподражательной силы и энергии; и (уже) они, сколько есть сил, боговидно направляют ввысь существа, которые ниже них, обильно передавая тем пришедший к ним свет, а те опять же — меньшим; и в каждом (порядке) первый передает следующему даруемый и до всех соответствующим образом благодаря Промыслу доходящий божественный свет.

Итак, для всех просвещаемых начало просвещения есть Бог, по природе и воистину суший как сущность света⁹ и Причина самого бытия и способности видеть. Божественные же светы изливаются от того, что по положению и богоуподоблению в какой-то мере выше (другого), к каждому, что под ним, — через него к тому. Так что высочайший среди небесных умов порядок всеми прочими ангельскими существами по справедливости почитается¹⁰ после Бога началом всякого священного богопознания и богоподражания, как через них передающий во все и в нас богоначалное осияние. Почему и всякую священную и богоподражательную энергию связывают как с причиной с Богом, а как с перводелателями божественного и учителями — с первыми богообразными умами. Таким образом, первый порядок святых ангелов больше всех обладает свойством пламенности,¹¹ способностью передавать излитую богоначальную премудрость, знанием высочайшего художества божественных осияний и свойством престольности,¹² являющим широкое богоприятие. И порядки низших

быть (и) в исхождении вершиной и совершенством умов. Так что не в качестве привходящих имеют (небесные) умы совершенства, в отличие от иас, — например, умение рассуждать, (приобретаемое) упражнением или обучением, или же справедливость, или благоразумие, (достигаемое) через воздержание, или храбрость как следствие хорошего состояния тела и нервов. Ибо добродетель в них (существует) не как другое в другом; но делать свойственное ей и непрерывно направлять (других) к Богу и в самих себя — в этом (и состоит) их богоподражание и добродетель. Однако же, порядок состояния другого в другом у них соблюдается, как-то: «Живет во мне душа твоя», — а не (так, как говорит) научное утверждение: «привходящее в подлежащем», — какового здесь нет, ибо они несложны и нематериальны.

⁹ Бог, будучи воистину по природе началом всех просвещающихся, является Причиной и самого бытия всего сущего, и способности зрения. По положению же, то есть не по природе, а по положению и богоподражанию, более высокие существа суть начало для меньших существ.

¹⁰ Заметь, что после Бога началом всякой добродетели являются высочайшие умы, через посредство которых (как) первых мы имеем Божье осияние.

¹¹ Заметь, что высочайшие умы по особенностям пламенны.

¹² Он прекрасно разъясняет, что быть небесными престолами означает иметь открытость для мышления о Боге. Престольным же свойством он называет данную в удел святым престолом власть.

богоприетие изъявляющее. Мьнших же сущств удобрення¹³ огньствьные, прѣмудростние, разумние, богоприетние силы причествуютъ, умьненнѣ же, и къ прьвымъ зреще и тѣми яко богоподобная прьводѣлнѣ сподобленними на боговидия мощное възводима. Реченная убо светая свойства, ихже въ причести прьвыми яже по тѣхъ сущствия быше, самѣмъ онѣмъ по Бозѣ яко священноначелникомъ налагають.

4. Глаголаше убо¹⁴ иже сия рекый видѣние убо оно подъети богословцу единѣмъ иже надстоещихъ намъ светыхъ и блаженныхъ аггель и от просвѣщательнаго его руководства на священное оно видѣние¹⁵ възвестисе, по имже зрѣше прѣвысокая сущствия, яко въ образѣхъ рещи, под Богомъ и съ Богомъ и о Бозѣ сѣдешаа и еже всѣхъ и тѣхъ прѣнеизреченнѣ изредное прѣначелное коньчньство¹⁶ по срѣдѣ подвьшѣдшихъ силь прѣвыше сѣдеще. Навицаше¹⁷ же убо зримыми богословъ, яко по всаком прѣсущствьном прѣвьсхождении не съсужденнѣ прѣвыше сѣдитъ Божество всакие видимые и невидимые силы и убо яко всачскихъ есть изредно яко по всемъ ни же прьвыми сущихъ сущством подобно, къ симже и еже всѣхъ то и Начело и Вина сущствотворна быти, и сущихъ нераздрѣшнаго Прѣбытия неизмѣнное Създание, от Негоже и еже быти, и еже благо быти, и самѣмъ тѣмъ прѣвьшѣшимъ есть силамъ. Таже яже тѣхъ светѣйшихъ серафимъ навицаеть боговидные силы, священному убо ихъ именованию огньствьное назнаменающу, о немже мало послѣ мы речемъ, якоже намъ мощно сповѣствовати яже на боговидное огньствьные силы възвождения, криль же¹⁸ шестосугубнаго священноустроения еже на божество въ прьвыхъ, въ срѣднихъ, въ послѣднихъ разумѣннихъ раздрѣшенное и прѣвысокое въиспрѣпрострьтие. Нъ и еже безмѣроножно ихъ и многоличное зре¹⁹ священны Богословъ и еже крилы скутавати²⁰ еже под ногами и еже

¹³ О мьншихъ чинохъ, како прьвыми причествуютъ къ божьственнымъ сияниямъ.

¹⁴ О рекшемъ рече, яко не серафимъ бѣше явивисе Исайи, нъ нѣкой долнѣйшихъ аггель. О сей бо слава подвижитсе, еуже прѣд малѣмъ являеть въ начелѣ главизны, идѣже рече «Инь же николиже безмѣстно» и прочая.

¹⁵ Понеже шестокрилата зреть серафимъ. Аще и от долнаго аггела явление научаваше, нъ на серафимско видиние възвождахусе.

¹⁶ Имаѣт бо слово въ пророчствѣ сие, яко: «Стояху окрестъ Его».*

¹⁷ Зри, что научаваше Исайа, егоже наричетъ светый Богослова, яко невѣдомо Божество и горнѣйшимъ силамъ, и яко ничтоже от сущихъ подобно Тому. Сия же навицаеть пророкъ по очищени свои сьгрѣшений, о нем же мало послѣди рещи имамы.

¹⁸ Рече бо горѣ, на конци десетие главизны, яко всакий умъ, и чловѣчскый, и прьвие, и срѣдние, и послѣдние имаѣт чины. Вълѣпоту бо рече шесть криль имѣти силамъ, да убо двѣма покривають лица, срѣдними жы ноги, прочими же къ Божеству възлѣтати, еже рече самъ прѣвысокое горѣпрострьтие. Знаменай же, что еже многоножное и многоличное серафимъ и почто покриваються нѣци. Знаменай же, како възводитъ шестокрилата светихъ серафимъ.

¹⁹ *На внутреннем поле рядом без какого-либо знака:* Навицаше извънь.

²⁰ Скутавати, рекше покривати.

сущест¹³ причаствуют воспламеняющей, мудрой, дающей ведение и богоприя-
тие силе, но в меньшей степени, и взирая на первых, и будучи ими — как
первоначально удостоенными богоподражания — возводимы, насколько это
возможно, к богообразию. Так что названные святые свойства, участниками
которых через первых становятся следующие за ними существа, те связывают
после Бога с ними как со священноначальниками.

4. Итак, сказавший это говорил,¹⁴ что то видение было явлено Богослову
одним из заботящихся о нас святых и блаженных ангелов и что благодаря его
просвещающему руководству он был возведен до того священного созерца-
ния,¹⁵ при котором видел высочайшие существа, находящиеся, говоря символически,
под Богом, с Богом и вокруг Бога, (видел) и Сверхначальный Верх,¹⁶
сверхневыразимо от всех них удаленный, сидящим посреди и выше высочайших
сил. И увиденное научило¹⁷ Богослова тому, что Божество — благодаря сверхсу-
щественному превосходству во всем — находится несравненно выше всякой
видимой и невидимой силы, а также — что Оно сверхизъято для всего и совер-
шенно неподобно даже первым из существ, а кроме того, Оно есть Начало и
творящая сущности Причина всего, и неизменное Место нерушимой Обители,
от Которой и самым превосходнейшим силам дается бытие. Потом он узнал о
боговидных силах самих святейших серафимов, чье священное наименование
означает «воспламеняющий», о чем мы скажем немного позже, насколько будет
в наших силах рассказать о способности воспламеняющей силы возводить к
богообразию, и что священная форма шести крыл¹⁸ (означает) абсолютный и
высочайший подъем к Божеству первых, средних и последних разумений. И
тогда, видя¹⁹ бессчетное количество их ног и многоликость, и то, что крылами
они закрывали²⁰ вид, который под ногами, и вид, который выше лиц, и в (их)

¹³ (Это говорится) о меньших чинах, — как они через первых причаствуют божественным осияниям.

¹⁴ Он говорит о том, кто сказал, что виденный Исией был не серафимом, а неким из более низких ангелов. Он ведь возражает на то мнение, которое приводит немного ранее, в начале главы, где говорит: «А другой не вовсе неуместный...» и прочее.

¹⁵ Поскольку он видит серафимов шестикрылыми. Хоть и нижним ангелом он был научаем, но до созерцания серафимов был возводим.

¹⁶ Ибо Речение в пророчестве таково: «Стояли вокруг Него».

¹⁷ Смотри, что узнавал Исая, которого он называет Богословом, — что Божество неведомо и высочайшим силам и что ничто из сущего не подобно Ему. Это пророк узнает по очищению от своих согрешений, о чем мы скажем немного позже.

¹⁸ Выше, в конце десятой главы, он сказал, что всякий ум, (в том числе) и человеческий, имеет первые, средние, и последние чины. Основательно он сказал, что (у этой) силы шесть крыльев: двумя — закрывать лица, средними — ноги, прочими же — взлетать к Божеству, — что он и назвал высочайшей простертостью вверх. Заметь также, что у серафимов много ног и много ликов, и (отметь), почему прикрываются (их) некоторые (части). Заметь также, как возводит шестикрылые святых серафимов.

¹⁹ На внутреннем поле рядом без какого-либо знака: Он воспринимал это извне.

²⁰ Закрывать значит покрывать.

выше лица видѣние, и еже въ срѣднихъ крилѣхъ приснодвижение къ умному зримыхъ възвождашесе разуму, изъявляемые тому прѣвысокихъ умовъ многошъствныи и многовидныи силы и священнаго ихъ благоговѣинства, егоже имуть прѣмирнѣ о высокыхъ²¹ и глыбокихъ въ яростное²² и сверепое и неприступное испытание, и въ умѣрени богоподражателныхъ дѣйствъ непрѣстаннаго и высоколѣтаемаго приснодвижения. Нъ и богоначелное оно и многочисное пѣтие²³ тайно навицаше, въображающаго видѣние аггела по силѣ Богослову прѣподающаго своего священоразумия. Учасе же убо того и сему, яко чищение²⁴ есть како-любо очищеннымъ еже богоначелныи свѣтлости и чистоти якоже мощно приобшение. Сие же,²⁵ от самого Богоначелия изредными винами²⁶ въ всѣхъ священныхъ умовехъ прѣмирнымъ скръвенствомъ²⁷ службодѣйствуемо, сущимъ о себѣ яко прѣвышимъ силамъ изъявленнѣйше нѣкакъ есть и паче себе изъявляетъ²⁸ и раздаваетъ,²⁹ при вторихъ же, или послѣднихъ, или нашихъ разумныхъ силахъ, якоже от того каяждо по боговидномъ растоитсе, тако свѣтлое свое сияние събираетъ къ своего скръвенства единственному невѣдѣнию. Всиявает же на коегождо вторихъ пръвыми. И аще подобаетъ въкратцѣ рещи, пръвѣ от скръвенства къ явлению ведетсе пръвыми силами.

Сему убо Богословъ учасе от свѣтоводителнаго его аггела — еже очищение и всакая богоначелничская дѣйствия, пръвыми сущѣстви всиява-

²¹ «О высокыхъ» — заеже покривати лица, «глыбокихъ» же — заеже покривати ноги, срѣднихъ же ради умѣрени являеть.

²² Яростное и сверепое испытание, рекше желателное и устрѣмительное въ еже испытвати яже о Бозѣ, неприступное же — заеже не простиратисе выше мѣры въ высокая.

²³ Еже есть «Светъ, светъ, светъ». Назнаменует же, яко и аггелъ по мѣрѣ своеи силы приемлетъ божественное осияние и тѣ прѣподаетъ пророкомъ елико вмѣщаютъ, а не елика тѣ вѣсть.

²⁴ Что есть чищение и како въ умныхъ бываетъ от Бога.

²⁵ Чищение рекше, или приобшение.

²⁶ Не бо яково есть при чловѣцѣхъ чищение, таково есть и при бесплътныхъ.

²⁷ О самомъ томъ Богоначели рекше, сирѣчь о Бозѣ.

²⁸ Чищение явѣ.

²⁹ Смотрити подобаетъ, яко разньствовати глаголетъ не малѣ въ боговидѣнии всакой бесплътной силѣ, много бо имуть боговидное горнѣйши умове, мнше же прочии, поелику и чинъ трѣбуеть прочиихъ умовъ, даже до послѣднихъ, веще же и послѣднихъ наше душе, понеже и всѣхъ умовъ много недостатъчствуетъ яже въ насъ душа. И божественное убо осияние събранно нѣкакъ паче и съскутанно зритесе прѣма рекше въ длгость растоияню еже къ Богу приближения, събрае образомъ нѣкоимъ само то осияние свое изъявление къ единнному и простому егову невѣдѣнию. Невѣдомъ бо есть Богъ не различия ради събраний [рядом — маргиналий: събрание разумѣй здѣ еже от любопрѣмудрьцъ глаголемо] недовѣдомо намъ, нъ по единенству нѣкоемъ и прѣма яже у насъ по коемждо и отнуду непостижномъ неразумѣни.

средних крыльях вечное движение, святой Богослов был возводим к умопостигаемому знанию того, что он видел, и ему открывалась имеющая много путей многовидная сила высочайших умов и их священное благоговение, каковое они сверхмирно имеют при исследовании высокого²¹ и глубокого, дерзновенном,²² смелом и недостигающем (цели), и соразмерное с богоподражательными энергиями непрестанное и высокопарящее вечное движение. Он был тайно ознакомлен также и с оным богоначальным многочтимым пением,²³ когда создающий видение ангел по мере силы передавал Богослову свое священное знание. Он учил его также и тому, что очищение²⁴ для каким-то образом очищенных служит приобщением, насколько это возможно, богоначальной светлости и чистоте. И это²⁵ самим Богоначалием по запредельным причинам²⁶ во всех священных умах со сверхсущественной таинственностью²⁷ совершаемое (очищение) в тех силах, что около Него, как высочайших, проявляется²⁸ и сообщается²⁹ несколько яснее и сильнее, а во вторых, или последних, или наших умственных силах, — в зависимости от того, насколько каждая из них отстоит (от Него) в богообразии, настолько же Оно уменьшает Свое светлое осияние — вплоть до полного неведения, (соответствующее Его) собственной сокрытости. Воссияние же происходит для каждого из вторых через первые, и — если следует сказать вкратце — первоначально из сокровенности в явленность оно выводится через первые силы.

Вот, значит, чему Богослов учился от его световодительного ангела, — что очищение и все богоначальные энергии, воссияв через первые существа, всем

²¹ «Высокого» — потому что они покрывают лица; а «глубокого» — потому что они покрывают ноги; соразмерность же — по причине средних (крыл).

²² Дерзновенное и смелое исследование, — то есть порожденное желанием и стремлением исследовать то, что касается Бога, недостигающее же (цели) — чтобы они не простирались выше меры в высоту.

²³ То есть «Свят, свят, свят». Это означает, что и ангел по мере своей силы получает божественное осияние и сам передает пророкам сколько те вмещают, а не сколько он знает сам.

²⁴ *Заметь*, что такое очищение и как оно осуществляется Богом у (существ) умопостигаемых.

²⁵ То есть очищение, или приобщение.

²⁶ Ибо очищение у бестелесных не таково, каково оно у людей.

²⁷ То есть около самого Богоначалия, что значит около Бога.

²⁸ Имеется в виду очищение.

²⁹ Подобаает иметь в виду, что немало отличается, говорит он, всякая бесплотная сила (от другой) в богообразии, ибо высочайшим умам богообразие свойственно в большей мере, а остальным, вплоть до последних, в меньшей, — насколько того требует чин, и в значительно меньшей мере, чем последним, — нашим душам, потому что много уступает всем (небесным) умам наша душа. Так что божественное осияние видится (нами) несколько более собранным и свернутым, соответственно (нашему) отстоянию — словно в мерах длины — от близости к Богу, как будто само это осияние сводит свое проявление к единому и простому Его неведению. Бог неведом ведь не из-за незнания нами разнообразия силлогизмов (силлогизм понимай здесь как то, что высказывается философами), но по причине некоего единого для нас — и по одному, и всех вместе — непостижимого неразумения.

ющая въ вса прочая раздаватисе по коегождо къ боготворьнымъ причествиямъ мѣрѣ. Тѣмже и огньствнѣ³⁰ чистителное свойство серафимом влѣпоту по Бозѣ наложи. Ничтоже убо безмѣстно, аще очищати богословца серафимъ глаголетсе. Якоже бо Богъ очищаетъ всѣхъ въ еже всакого очищения быти вина, паче же (приближнейшею бо прииму приказнию), якоже бо иже у нас свещенноначелникъ³¹ своими служители, или священники очищае, или просвѣщае, тѣ глаголетсе очищати и просвѣщати иже тѣмъ освещенномъ чиномъ на того възлагающимъ своя свещенная дѣйствія, сице и свое чистителное художество и силу, еже чищение богословцу съдѣлуе аггелъ на Бога убо яко виновна, на серафим же яко на прыводѣлнааго свещенноначелника възлагаетъ, якоже убо кто да речеть съ благоговниемъ аггельскимъ иже от того очищаемаго научае, яко «еже въ те от мене³² службодѣйствуемаго чищения начело убо есть прѣизето и сущство, и съдѣтель, и виновнѣ иже и прывая сущствія³³ и къ еже быти приведе, и еже о немъ присѣдениемъ съдръже и съхраняе непрѣложна же и непрѣпадаемаа и самъ подвиже на прывая своихъ промыслителныхъ дѣйствѣвъ причестія (се бо иже симъ ме уче рече³⁴ еже серафима изьявляти послание*), свещенноначелникъ же³⁵ и по Бозѣ наставникъ, еже прывѣйшихъ сущствѣвъ удобрение, от негоже еже очищати азъ боговиднѣ наученъ быхъ. Съ убо есть иже мноу тебе очищае, имже своя промыслителная дѣйствія от скръвенства и въ насъ произведе яже всакого вина и съдѣтель чищения».

Симъ убо онъ научи ме, тебѣ же азъ прѣподаю. Твоего же убо есть умнаго и расудителнаго художества или единою реченныхъ винъ раздрѣшитисе недоумѣния и сию прѣдпочисти от иные яко лѣпо и благословно и негли истинно имущую, или от себе что суще истинному сьродное изьобрѣсти, или

³⁰ Знаменай, яко огньственное свойство серафимъ есть и како, аггелу очищающу, серафимъ речесе очищати, и прѣжде сихъ Богъ, — по образу и притчи иже у нас чищения.

³¹ Знаменай, яко священники мнши свещенноначелника суть, и яко ино просвѣщати и ино очищати, и яко ино служитель и ино священникъ, и яко священникомъ, очищающимъ или просвѣщающимъ свещенноначелникъ глаголетсе сия творити.

³² *Маргиналий*: Аггелово обычаинотворие.

³³ Яко Богъ, иже всѣхъ подобнѣ умныхъ съдѣтель есть. Тѣ и прывая сущствія съдръжить и съблюдае къ непрѣвращению и непрѣпадению. Непрѣложнѣхъ же подобаетъ тѣхъ разумѣти по ономъ, по иже суть, сиречь въ бесмьртное, въ животь, по имже всущствишесе, въ еже быти свѣтъ. Сихъ ради бо и непрѣложни осущствнѣ и въ еже непрѣвращатисе въ странная похотѣванія, а заеже и самовластнѣмъ сущимъ, Богъ съдръжить ихъ и съхраняе. Еже бо къ Богу выспрѣпростиратисе тѣхъ есть умнаго произволения, а еже присно о семь удовлетатисе, заступления есть Божия. Вса бо трѣбвателна Божиее помощи.

³⁴ *Киноварный маргиналий*: Посрѣдѣ.

³⁵ Якоже да бы очищайе аггелъ Исаию сия паку тому глаголалъ о серафимѣхъ. Починаетъ же яко от аггела въображаемо глаголание, идѣже есть аггелово обычаинотворие.

прочим передаются по мере (готовности) каждого к боготворным причастиям. Почему и воспламеняюще³⁰очищающее свойство он справедливо отнес, после Бога, к серафимам. Ничуть, значит, не неуместно говорить, что Богослова очищает серафим. Ибо как Бог, будучи Причиной всякого очищения, очищает всех, а скорее (воспользуюсь близким примером), как наш иерарх,³¹ через своих слушателей, или иереев, очищающий или просвещающий, сам, говорится, очищает и просвещает, и очищаемые через него чины с ним связывают свои священные действия, так и исполнивший очищение Богослова ангел связал свое очищающее знание и силу с Богом как с Причиной, а с серафимом как с перводействующим иерархом, с ангельским, можно сказать, благоговением уча очищаемого им, что «Запредельное Начало и Существо, Содетель и Причина в тебе мною³² совершаемого очищения есть Вводящий в бытие первые существа³³ и, вокруг Себя учредив, Содержащий их и Сохраняющий непреложными и неизменными, и Подвигающий их первыми причастовать Своих промыслительных энергий (учащий меня этому сказал,³⁴ что именно в этом выражается апостольство серафима), иерарх же³⁵ и (первый) по Боге руководитель — (это) чин первейших существ, которым я был научен богообразно очищать. Это он через меня очищает тебя, а через него Свои промыслительные энергии вывела из состояния сокрытости (и распространила) на нас Причина всего и Создатель очищения».

Этому он меня научил, я же тебе передаю. И уже от твоей способности думать и разбираться зависит либо разрешить недоумение одним из высказанных доводов и предпочесть его другому, как обладающий изяществом, убедительностью и, по-видимому, истиной, либо самому изобрести нечто более родственное истинно истинному, или же от другого научиться — разумеется,

³⁰ Заметь, что огненность есть особенность серафимов и почему, когда очищает ангел, сказано, что очищает серафимы, а прежде них Бог, — по примеру рассказа об очищении у нас.

³¹ Заметь, что иереи меньше иерарха, и что иное дело просвещать и иное очищать, и что иное литург и иное иерей, и что, когда иереи очищают или просвещают, говорится, что это делает иерарх.

³² *Маргиналий*: Олицетворение ангела.

³³ (Заметь), что Бог — Творец так же точно и умопостигаемых (существ); Он и первые существа содержит и соблюдает в непревращаемости и неизменности. Непреложными следует считать их в тех формах, в каких они существуют, будь то в бессмертии, в жизни, в которой они осуществляются, в бытии светом. В таковых Бог содержит их и сохраняет неподверженными существенным изменениям и не предающимся противоестественным желаниям как самовластных. Ибо устремление ввысь к Богу есть дело их умственного выбора, а способность удержаться в этом вечно зависит от Божьей поддержки. Все ведь нуждается в Божьей помощи.

³⁴ *Киноварный маргиналий*: (Это) вставка.

³⁵ Как будто очищающий Исайю ангел вновь говорил ему это о серафимах. (Снова) начинается воображаемая речь ангела, то есть олицетворение ангела.

от иного научити, Богу явѣ дающу глаголь и исходатающимъ³⁶ аггеломъ,³⁷ и любоаггельнымъ намъ открыти свѣтлое паче, аще мощно есть и мнѣ паче рачителное видѣние.

³⁶ Яко Божия данія (исправлено черными чернилами на «даянія») происходатають аггелы.

³⁷ Смотри, яко, Богу дающу намъ «глаголь въ отвьрене усть»^{*} наших, аггелы происходатають, явѣ яко о насъ молещесе.

ГЛАВА 14. ЧТО НАЗНАМЕНУЕТЬ ПРѢДАННОЕ АГГЕЛЬСКОЕ ЧИСЛО

И сие же достойно есть, яко мню, умнаго смотраения, яко Словесъ еже о аггелѣхъ прѣдание «тисуще тисушь»^{*} быти¹ рече «и тмы тьмь»,^{*} иже у насъ коньчная числь въ себѣ възокружае и многовьсугубляе и сихъ ради явѣ изьявляе намъ бесчисльные небесныхъ сущьствъ чины. Многа бо суть блаженная воинства прѣмирныхъ умовъ, немощну² и смѣренную прѣизшьдшая иже у насъ тименьныхъ числь мѣру, и от единого разумливаго³ опрѣдѣляема еже въ тѣхъ прѣмирнаго и небеснаго разумѣния и художьства, еже богатнѣ тѣмъ дарованнаго от богоначелничьскаго безмѣрноразумнаго прѣмудротворения, всѣхъ въкупѣ сущиихъ прѣсущьствъ сущаго Начела и Вини сущьствотворные силы и объемителнаго накончания.

¹ Сия же въ Даниилѣ реченна быше. По безмѣрномъ, а не по числѣ.

² Немощную мѣру нарече чловѣчко число прѣма аггелѣхъ. Рече бо се и инымъ нѣоимъ. Близньцемъ именемъ, иже слѣпъ бѣ, деветьдесеть и деветь овць убо быти аггелы, едину же погыбшую — нас, чловѣкы.

³ Знаменая же, яко и самыя аггеломъ глаголетъ разумителнѣ, а не учителнѣ, въдѣти опрѣдѣления, сирѣчь еже колико небесныхъ сущьствъ есть число, от Бога и въ семь просвъщенномъ.

ГЛАВА 15. КЫИ ИЗЪОБРАЗИТЕЛНЫИ АГГЕЛЬСКИХЪ СИЛЬ ОБРАЗЫ: ЧТО ЕЖЕ ОГНЕВИДНОЕ, ЧТО ЕЖЕ ЧЛОВѢКОВИДНОЕ, ЧТО ОЧИ, ЧТО РУКЫ, ЧТО УШИ, ЧТО НОЗДРЫ, И ПРОЧАА ГЛАВИЗНЫ ПОДОБНѢ

1. Принеси проче упоковивше наше, аще мнитсе, умное око, еже о единствъныхъ и высокыхъ видѣнйяхъ аггелолѣпотные крѣпости на раздѣленную и многочестную широту многовиднаго аггельскихъ зракотворений различия съшьдыше, паки от тѣхъ яко от образъ на простоту небесныхъ умовъ възвратнѣ възидемъ. Да будет же тебѣ прѣдразуменно, яко яже свещеннообразныхъ образъ тлькователная сказанія таяжде есть, егда небесныхъ

когда Бог дает речь, а выхлопатывают³⁶ ⟨ее⟩ ангелы,³⁷ — и нам, любящим ангелов, открыть более ясное, если только это возможно, и для меня более вожделенное созерцание.

³⁶ (Заметь), что (получаемые нами) Божьи дары выхлопатывают (нам) ангелы.

³⁷ Обрати внимание на то, что, когда Бог дает нам «слово во отвержение уст» наших, ангелы ходатайствуют, — очевидно, молясь о нас.

ГЛАВА 14. ЧТО ОЗНАЧАЕТ СООБЩАЕМОЕ ПРЕДАНИЕМ ЧИСЛО АНГЕЛОВ

И то мне кажется достойным умственного рассмотрения, что предание Речений об ангелах говорит, что их «тысячи тысяч»¹ «и тьмы тем», предельные из наших чисел обращая на самих себя и многократно умножая, и с их помощью ясно показывая, что нами чины небесных существ исчислены быть не могут. Много ведь блаженных воинств сверхмирных умов, и превосходят они (количеством) немощную² и скудную меру наших материальных чисел, и пределы их ведомы только им свойственному сверхмирному небесному разумению³ и знанию, щедро им дарованному богоначальным безмерно-знающим Творцом премудрости, являющимся Началом вообще всего сущего и Причиной творящей сущности силы и охватывающих ⟨их⟩ границ.

¹ Это сказано было у Даниила. ⟨Им⟩ соответствует безмерность, а не число.

² Немощной мерой он называл число людей относительно ангелов. Это же сказано и неким иным (человеком) по имени Дидим (что значит «Близнец»), который был слепцом, — что девяносто девять овец это ангелы, а одна потерянная — мы, люди.

³ Заметь, он говорит, что и сами ангелы, разумея, а не изучив, знают (свои) пределы, то есть каково число небесных сущностей, будучи и в этом просвещены Богом.

ГЛАВА 15. КАКИЕ ФОРМЫ ИМЕЮТ ОБРАЗЫ АНГЕЛЬСКИХ СИЛ: ЧТО (ОЗНАЧАЕТ) ОГНЕВИДНОСТЬ, ЧТО ЧЕЛОВЕКООБРАЗНОСТЬ, ЧТО ГЛАЗА, ЧТО РУКИ, ЧТО УШИ, ЧТО НОЗДРИ И ПРОЧЕЕ, СВОЙСТВЕННОЕ ГОЛОВЕ

1. Ну, наконец, если хочешь, снизойдем, давая отдых нашему умственному оку от напряжения, подобающего ангелам при возвышенных созерцаниях Единого, к разделенной и многочастной широте многообразия, присущего формотворчеству при изображении ангелов, ⟨а затем⟩ вновь от них как от образов взойдем обратно к простоте небесных умов. Но да будет тебе прежде известно, что толкования запечатлевающих священное образов являют порядки небесных

сущѣствъ удобрения свещенноначелствующая изъвляють и паки свещенноначелствуемаа и послѣдняя свещенноначелствующая, свещенноначелствуемаа же пръвая и тежде, якоже речесе, пръвые и срѣдние и послѣдние имущая силы, ни единому безмѣстному слову ввѣдимому по таковом же сказаний образѣ.¹ Аще бо убо свещенноначелствоватисе нѣкоторимъ от пръвыхъ глаголали быхом, таже тѣмиже свещенноначелствовати, и пръвая паки, свещенноначелствующая послѣдними, свещенноначелствоватисе от самѣхъ онѣхъ свещенноначелствуемыхъ, вистину безмѣстна вещь и сѣмущения многа испльненнаа. Аще ли же таяжде свещенноначелствовати же и свещенноначелствоватисе глаголемъ, нектомуже тѣми же или от тѣхъже, нѣ самому коемуже свещенноначелствоватисе убо от пръвыхъ, свещенноначелствовати же послѣдними. Не нелѣпотнѣ² убо кто речеть яже въ Словесехъ свещеннозданная изобразенія таяжде есть егда моши и пръвымъ, и срѣднимъ, и послѣднимъ силамъ искрѣннѣ и истиннѣ налагати. И еже къ горнымъ убо обратителнѣ выспрьпростиратисе, и еже въ себѣ неклонителнѣ съобращатисе своихъ суще хранителныи силы, и еже о вторихъ³ причестителнымъ прошествиемъ промысленныи тѣмъ въ причести силы быти всѣмъ нелѣжнѣ прикладъствуетъ небеснымъ существомъ, аще и овѣмъ убо прѣвсходителнѣ и отнуднѣ, якоже многаши реченно бысть, овѣмъ же отчести и умьненнѣ.

2. Достоить же начети слово и изискати прѣвѣ образъ тлькователная сказанія,⁴ кое ради вины богословие не малъ паче всѣхъ обрѣтается почитае огньственное свещеннописание. Обрѣсти бо то имаши не тѣмъ кола огневидна* наздаваемо, нѣ и животнаа огняна,* и мужи, яко огонь блистаемые,* и въ самѣхъ небесныхъ существахъ множества углей огня полагаемо,* и рѣкы недръжимимъ шумомъ огнепалнии.* Нѣ и прѣстола глаголетъ огньныи быти,* нѣ и самыи прѣвысокияи серафимъ пожигателеи суще от именованія изъвляеть, и огня свойство и дѣйство тѣмъ отдаеть, и свѣсма горѣ и долѣ огньственное почитаеть изреднѣ образотворие.

¹ Горѣ бо рече, яко горнѣйше силы свещенноначелствуютъ сущими по тѣхъ, и срѣдние послѣдними, и послѣдние ихъ иже въ чловѣцѣхъ свещенноначелници. Ни бо рече, яко сѣи чинъ и начелствуетъ сущими по немъ, и начелствуетъ отъ тѣхъ, нѣ сѣи рече, яко пръвый чинъ (*так!*) начелствуетъ сущими по немъ, начелствуетъ же се сущими прѣжде его. Сѣи и о прочиихъ достоить разумѣвати.

² Не безмѣстно глаголетъ иже въ словесехъ Писанія образе всѣмъ небеснымъ силамъ налагати, яко всѣмъ рекше быти высокимъ и спасителнымъ и разумнымъ, аще и не подобнѣ, нѣ овѣмъ убо прѣвсходителнѣ, овѣмъ же мьнше.

³ И нелѣжнѣ прикладъствуетъ всѣмъ небеснымъ существомъ еже быти тѣмъ въ причестии промыслителныи силы въ общемъ прошествии еже о вторихъ, въ еже промышляти о нихъ по причестию, якоже рѣхъ, промыслителныи силы.

⁴ Знаменай, почто въ аггельскихъ образованияхъ еже огньственное паче приемлетъ и почто яже о небесныхъ огнь яко множае глаголетъ Писаніе и яко серафимъ пожигателіи глаголютьсе.

существ то священноначальствующими, то в свою очередь священноначальствуемыми, причем ⟨и⟩ последние ⟨оказываются⟩ священноначальствующими, и первые находящимися под священным началом, и одни и те же, как было сказано, имеющими и первые, и средние, и последние силы; и что при таком способе объяснений не привносится ни одного неуместного слова.¹ Ведь если бы мы говорили, что некоторые ⟨чины⟩ находятся под священным началом первых, затем — что они ими же священноначальствуют, и вновь — что первые, священноначальствующие последними, находятся под началом этих самых священноначальствуемых, получилась бы сущая нелепость, преисполненная многой путаницы. Когда же мы говорим, что одни и те же священноначальствуют и находятся под священным началом, то ни в коем случае не — самими собой или самих себя, но — что каждый из них находится под священным началом предшествующих, а священноначальствует последующими. И не безосновательно² можно сказать, что одни и те же священнозданные изображения могут в Речениях подобающим образом и истинно применяться и к первым, и к средним, и к последним силам. И устремляясь, обратившись, к вершине, неизменно собирать вокруг себя охранительные из своих сил и быть причастным в приобщающем исхождении ради вторичных³ промысляющей о них силе — неложно подобает всем небесным существам, хотя и одним в превосходящей ⟨других⟩ степени и целостно, как много раз было сказано, а другим отчасти и меньше.

2. Итак, следует начать слово и при первом осмыслении изображений исследовать,⁴ по какой причине богословие почти всему, описывая священное, предпочитает, оказывается, огненность. Ты, конечно, заметишь, что оно изображает не только огневидные колеса, но и огненных животных, и мужей, как огонь блистающих, и вокруг самих небесных существ груды огненного угля распалагает и с нестерпимым шумом огнем горящие реки. Также и о престолах огненных оно говорит, и из имени самих высочайших серафимов выводит, что они суть пожигатели, и особенностью и действием огня их наделяет, и вообще вверху и внизу решительно предпочитает творить образы, связанные с огнем.

¹ Выше ведь он сказал, что более высокие силы священноначальствуют следующими за ними, средние — последними, а последние из них — иерархами у людей. Он не сказал ведь, что тот же самый чин и начальствует следующими за ним, и оказывается под их началом, но — что первый чин начальствует следующими за ним, и находится под началом тех, что перед ним. Так же надо разуметь и о прочих.

² Он говорит, что не неуместно то, что в речениях Писания всем небесным силам ⟨равно⟩ придаются образы, — так как все они, можно сказать, высоки, спасительны и разумны, хотя и не одинаково, но одни из них больше, а другие меньше.

³ И неложно применяет он ко всем небесным существам способность быть причастными силе Промысла в общем исхождении ко вторичным для заботы о них, — при ⟨их⟩ причастии, как сказал я, промыслительной силе.

⁴ Заметь, почему при изображении ангелов используется по преимуществу пламя, и почему Писание говорит о небесном по большей части как об огне, и что серафимы называются пожигателями.

Еже бо убо огньствно изьявляти мною еже небесныхъ умовъ боговидное. Свещенныи бо богословци прѣсущствное и безобразное сущство въ огнѣ многаши исписують, яко имущу многая богоначелничьскаго, аще подобаеъ рещи, свойства, яко въ видимыхъ образѣхъ. Чювьствныи бо огнь⁵ есть убо, якоже рещи, въ всѣхъ и скрозѣ всѣхъ несмѣснѣ проходить, и изеть есть всѣхъ, и свѣтъль сущь, въкупѣ и яко ськръвень, невѣдомъ самъ по себѣ, не прѣдлежащей вещи, въ нейже явить свое дѣйство, неодрѣжим же и невидимъ, самодрѣжательнъ всѣхъ, и яже въ нихже аще будетъ, къ своему приводе дѣйствию, измѣнительнъ, прѣподатливъ себе всѣмъ како-любо приближающимсе, обновлятельнъ животною теплою, просвѣщательнъ неприкривательными сиянии, неодрѣжаньнъ, непримѣсьнъ,⁶ расудительнъ, неизмѣннъ, горѣноснъ,⁷ скорошьствнъ, высокъ, неединого трѣпе долѣноснаго сьнижения, приснодвижьнъ, такождедвижьнъ,⁸ подвижательнъ иныхъ, объемительнъ, необъемлемъ, нетрѣбовательнъ⁹ инога, утаителнѣ възрастителнъ себѣ и къ подъемлющимъ вешемъ изьявляе свое величство, скорь, сильнъ, въ всѣхъ сущь невидимо, небрѣгомъ небыти мнесе, съ трением же якоже нѣкоимъ възисканиемъ естествонѣ и искръннѣ вънезапу являемъ, и пакы непостижнѣ отлѣтае, неумняемъ въ всѣхъ богатныхъ его прѣподанияхъ. И многа убо кто обрѣсти имать огня свойства искрънна елико въ чювьствныхъ образѣхъ богоначелничьскаго дѣйствия. Се убо въдуше, богомудръны небесная сущствия от огня наздавають, являюще ихъ еже боговидное и якоже мощно богоподражательное.

⁵ Естествослобие дивно о огни. Огнь зримъ въ всемъ рассянъ, несмѣснѣ же, сиречь не въмѣшенъ сущимъ въ нихже есть, «скрозѣ вса же проходить». Сиречь не якоже вода явленно, иже къ земли творить смѣшение, сие и огнь: попалае все и изнурае, изеть же есть, рекше прѣвъсходить все по изетомъ сьставѣ явѣ по еже сильнъ. «Невѣдома» же того «и скръвенна» наричетъ, яко бывае убо въ вешехъ нѣкоих, невялемъ же кромѣ сьтрення или кромѣ вещи приетние дѣйства его показуемъ и по семъ «неодрѣжим и невидимъ». Подобнѣ и прочая огня свойства достоить зрѣти, яже съ отецъ по благочестивѣ възводѣ же и мысли приеть о Бозѣ же и аггельскихъ естествохъ. Знаменай же, почто Господь Богъ яко огнь видѣнъ бысть многаши и по Chesomъ уподобление огня къ Богу.

⁶ Знаменай изречение о чювьствномъ огнѣ, рекше похвалу. Расуждает бо и раздѣляетъ вещи, сирѣчь олово от сребра, и споения раздрѣшаеъ. Неизмѣннъ же по еже мощнъ прѣбывающу подлежащому, сирѣчь самому существу огньному, не прѣлагающусе въ страдание, яко по еже быти тому округлу, или краеугльновидьну, еже есть въ земльныхъ обрѣсти, или пострадати яже въздуха, рекше растлѣтисе въскурений ради и недугъ многаши нанести, или одебелѣти, или якоже вода прѣложение приети.

⁷ Николиже бо на долняя приходитъ, нъ горѣносимъ есть.

⁸ *Маргиналий*: Подобно движьнъ, неизьменует бо се движение его.

⁹ Яко нетрѣбовательнъ инога огнь, а паче трѣбуеъ нечесого подлежащаго въ възгорѣние. Нъ не се глаголетъ, нъ яко огнь не смѣшаеъ иной стихии, ниже раствараете, якоже вода съ землею. Тѣмже и въ стихияхъ единосущствна того нѣци нарекоше.

Ибо огненность являет, как я думаю, боговидность небесных умов. И священные богословы часто описывают сверхсущественную и неизобразимую сущность в виде огня, — как имеющего многое, с позволения сказать, свойственное Богоначалию словно в зримых образах. Воспринимаемый чувствами огонь⁵ присутствует ведь, так сказать, во всем и сквозь все проходит, не смешиваясь, от всего обособленным; и, будучи ярким, при этом он и как бы сокровен; неведомый сам по себе, если нет вещества, на котором он показал бы свое действие, неуловимый и невидимый, он самодержец всего; и то, в чем он оказывается для своей деятельности, он изменяет; он передает себя всем как-либо к нему приближающимся; он возобновляется от жара искорки и (все) освещает несокрываемыми сияниями; неудержимый, беспримесный,⁶ разделяющий, неизменный, устремленный ввысь,⁷ быстро бегущий, высокий, не терпящий никакого подножного снижения, вечно движущийся, одинаково движущийся,⁸ двигатель других, объемлющий, необъемлемый, не имеющий нужды⁹ в ином, незаметно возрастающий и показывающий воспринимающим его веществам свое величие, быстрый, сильный, во всем сущий невидимо, кажущийся несуществующим, когда о нем не думают; при трении, как бы вследствие некоего изыскания, внезапно по-родственному, дружески являющийся и вновь недостижимо отлетающий; не уменьшающийся при всех щедрых себя раздаяниях. И еще многие свойственные огню особенности можно раскрыть как доступные чувствам образы энергии Богоначалия. Именно это зная, богомудры создают образы небесных существ из огня, — показывая их боговидность и, в меру возможного, богоподражательность.

⁵ Удивительные слова о физических свойствах огня. Огонь мы видим во всем рассеянном, но беспримесным, то есть не смешанным ни с чем, в чем он существует, а он «сквозь все проходит». То есть не как вода, которая образует с землей очевидную смесь, таков и огонь: сжигающий и истребляющий все, он оказывается вне всего, или же превосходит все, то есть элементы, по (своей) исключительности, по силе. «Невидимым» же и «сокровенным» он называет его как существующий в некоторых веществах, но не проявляющийся без трения и без материи, воспринимающей его действие, не показывающийся, и потому «неуловимый и невидимый». Подобным образом следует рассматривать и прочие особенности огня, каковые этот отец путем благочестивого возведения и размышления применил к Богу и ангельским естествам. Заметь также, почему Господь Бог часто виден как огонь и почему уподобление огню применимо к Богу.

⁶ Обрати внимание на речь, или же похвалу, посвященную воспринимаемому чувствами огню. Он ведь отличается и отделяет вещества, например свинец от серебра, и сплавы расплавляет. Неизменен же он, поскольку неспособен, пока остается основа, то есть само существо огня, измениться в своих свойствах, например, стать круглым или коническим, что можно наблюдать у земных вещей, или пострадать подобно воздуху, например, испортиться от дыма и причинить многие болезни, или затвердеть, или подвергнуться изменениям наподобие воды.

⁷ Ибо он никогда не распространяется на то, что внизу, но стремится вверх.

⁸ *Маргиналий*: Тем же самым образом движущийся, ибо его движение не изменяется.

⁹ (Заметь), что огню не требуется иной, хотя и требуется некий материал для возгорания. Но он говорит не это, а — что огонь не связывается с другим элементом и не смешивается, как вода с землей. Почему некоторые и назвали его односущностным в элементах.

3. Нь и чловѣкообразнѣх¹⁰ тѣхъ напишуть умнаго ради и еже къ выиспрѣ имѣти зрительныи силы, и еже образ¹¹ правостное и простое, и еже по естествѣ начелное и владычствное, и еже по чювьствнѣмъ¹² мьнше, елико къ прочимъ бесловесныхъ животь силамъ, прѣвсходително же всѣхъ по богатной ума силѣ и по словесномъ художствѣ прѣвсхождениемъ, и по естественномъ душе непорабощенномъ и недръжимомъ.

Есть же и по коемъждо,¹³ яко мню, телеснаго нашего многочисетия образе прикладные изобрѣсти небеснымъ силамъ, глаголющемъ очесъ убо изьявляти силамъ еже къ божествнымъ свѣтомъ чистѣйшее възмаяние¹⁴ и паки еже гладкое и водное и не стрѣптное, нь остродрвижное, и чистое, и распротрѣтое бестрастнѣ подьетие богоначелныхъ осияний;

а яже обонаний расудителныи силы — еже паче ума благоуханнаго прѣподания, якоже мощно, въсприетное, иже таковыхъ въ художствѣ расудителное и свѣсма отбѣгателное;

а яже ушю силы — еже причестное и разумнѣ подьемителное благоначелнааго вдѣхнута;

а яже въкусныи — еже умныхъ пиць испльнение и еже божественныхъ и питателныхъ излитий¹⁵ подьемителное;

а яже осезателныи — еже естествонаго или врѣдителнаго въ художствѣ разумителное;

въжди же и обрѣви — еже богоприетныхъ разумѣний хранителное;

¹⁰ Почто и чловѣкообразны наздаваюте аггелы.

¹¹ «Еже образ правостное и простое», зане, право и горѣ зре, чловѣкъ ходитъ, а не по земли сыгрѣченнѣ, якоже проча животна.

¹² Знаменай различие чювствну бесловесныхъ животныхъ къ чювству словесныхъ нас. Бесловесна бо убо все чювствна суть, егоже ради и състоетсе, безумна сушаа. Въ нас же мало есть еже чювствно, не бо тѣмъ състоимсе, нь умнаго ради, тѣм же и по смерти еше есьмы, душа умна суше. При аггелех же ни же мало есть чювствныхъ, нь образъ дебель яже у насъ. **Ино.** Мьне же еже въ чловѣцѣхъ по чювствномъ глаголет, не яко инымъ животнымъ вешшая чювствия имущимъ, нь крѣпчайшаа и скорѣйшаа въ почутие находимих. Гадание же се приемлетъ еже о аггелѣхъ не приематисе по всемъ истиннѣ сущиими иже въ нас чювствными, прѣвсходит бо помногу излишное умние силы, якоже и чловѣкъ умнимъ прѣвсхождениемъ и помысломъ бесловеснаго естества прѣвсходитъ.

¹³ Что очи умнихъ сказуютъ, и что ноздри, и что уши, и что въкусъ, и что осезание, и что въжде и обрѣви, и что младость, и что зубы, и что рамена, и что мышце, и что прьси, и что плещен и ноги, и что льгкое криль, и прочая.

¹⁴ Въ сихъ естествоволвитсе свойство телеснаго ока, по възвождени же сия прѣлагаеть, якоже и прочая чловѣчскихъ удъ, въ видѣние яже въ аггелѣхъ естественныхъ силъ.

¹⁵ Излитие разумѣй прѣнеизреченное прѣмудрости излитие, по реченному: «Излѣю от Духа Моего на всаку плть»* и прочая. Прѣходитъ бо божествный разумъ от Бога умними силами на божественныхъ чловѣкъ по коегождо мѣрѣ.

3. Но и как об антропоморфных¹⁰ о них пишут — из-за ума и устремленности зрительных сил (человека) вверх, а также прямоты и вертикальности фигуры¹¹ и присущей (его) природе начальственности и властности, и из-за того, что чувствами¹² он — если сравнивать с иными способностями бессловесных животных — наименьший, но превосходит всех избыточествующей силой своего ума, преимуществом искусства слова и свойственными природе души непорабощаемостью и неподвластностью.

Можно, мне кажется, и в каждой¹³ (составляющей) нашей телесной многочастности обрести подходящий для небесных сил образ, — говоря, (например), что способность зрения указывает на чистейшую обращенность вверх к божественным светам,¹⁴ а также на нежное, мягкое, не враждебное, но остро-подвижное, чистое и бесстрастно-открытое приятие богоначальных осияний;

способность различать запахи, — на восприятие, насколько возможно, превышающего ум благоухания, умение отличать, анализируя, не таковое и полностью (его) избегать;

способность слышать — на причастность богоначальному вдохновению и познавательное (его) восприятие;

вкус — на исполненность пищей для ума и приятие божественных питательных излитий;¹⁵

осязание — на способность отличать, распознавая, полезное от вредного;

веки и брови — на охрану богозрительных уразумений;

¹⁰ (Заметь), почему и антропоморфными изображаются ангелы.

¹¹ «Прямота и вертикальность фигуры», — потому что прямо и вверх глядя, человек ходит, а не скорченным к земле, как прочие животные.

¹² Отметь разницу между чувствами бессловесных животных и чувствами разумных, нас. Бессловесным свойственны только чувства, которыми они и руководствуются, будучи неразумными. А у нас чувства играют малую роль, ибо мы руководствуемся не ими, но умом, почему и после смерти еще существуем, будучи умной душой. А у ангелов ни в малейшей степени нет чувств, но то, что свойственно нам — грубый оттиск (того, что у них). **Иное.** Наименьшим же по чувству он называет человека не потому, что у других животных чувств больше, но потому, что (они у них) сильнее и острее. Это иносказание имеет тот (смысл), что ангелы не пользуются свойственными нам чувствами, ибо значительно превосходят нас избытком умственной силы, — как и человек высотой ума и рассудком превосходит нас естество.

¹³ (Заметь), что являют глаза умопостигаемых (существ), что — ноздри, что — уши, что — вкус, что — осязание, что — веки и брови, что — молодость, что — зубы, что — плечи, что ноги, что легкость крыл и прочее.

¹⁴ Здесь он говорит о природной особенности телесного глаза, а восходя, применяет это, как и (свойства) остальных человеческих членов, к рассмотрению свойственных ангелам природных сил.

¹⁵ Под излитием понимай в высшей степени неизреченное изливание премудрости, согласно сказанному: «Изолью от Духа Моего на всякую плоть» и прочее. Ибо божественное разумение переходит от Бога через умопостигаемые силы на божественных людей, по мере каждого.

младостни же и юношеский возраст — еже возвращательные присноживительные силы;

зубы же — еже раздѣлительное выдаемаго пищеаго съвършения (коежде бо существо умно дарованное тому от божественѣйшого съединно разумѣние промыслительною силою раздѣляетъ и множить¹⁶ къ меньшого взводителному подобю);

раменѣ же, и мышце, и паки руки — еже творително, и дѣйствительное и скорое;

паки же сердце¹⁷ знамение быти боговидные жизни свою животную силу благовиднѣ въ промышляемая рассѣвающие;

пръси же паки изъясляти еже неумекчаемо и хранительное,¹⁸ якоже при подлежащемъ срдци животворнаго прѣподания;

плещи же — еже сбрателное оживляемыхъ всѣхъ силъ;

ноги же — еже двизательное и скорое и текущее на божественная шьствительнаго приснодвижения. Тѣмже и пернатие¹⁹ богословие светихъ умовъ изобрази ноги. Крыло бо изъясляетъ взводителную скорость и небесную и еже къ въспрь и небесную, и еже къ въиспры путитворное, и еже всякого нижняго, заеже горѣнно, изето. Крыль же лѣгкость — еже по ничесом же земельное, нь все несмѣснѣ и не тегостнѣ на высоту взводимое;

а еже нагостно и необувенно — еже отпущенное и благораздрѣшное и неодръжимо, и очищае от вѣнѣшняго²⁰ приложения, и еже къ простотѣ божественной якоже мощно уподобляемое.

¹⁶ Всака, рече, умнаа сила иже бываемы въ ту божественны разумъ умножаетъ, сирѣчь сказуетъ къ еже разумѣтисе от насъ, сказующи видѣнная, якоже въ Даниилѣ обрѣсти имаши, егда сказоваше сему аггелъ снѣ, егоже видѣ.*

¹⁷ Знаменай, яко прѣдсѣдасе въ насъ срдце, якоже въ окружени шесталномъ: прѣжде вьнутрь чрѣта бываетъ, потомъ коло окружениемъ бываетъ, такъ и срдце прѣвѣ жизньъ приемле. Понеже и по божествномъ Василии прѣвѣ зиждетсѣ срдце, таже, якоже отъ сроке, рекше отъ забодения еже въ крузѣ, все тѣло сѣтвараетсѣ, тѣмъ же всуть животь простираетсѣ въ тѣлѣ. Аще бо естествна топлота оживляетъ тѣло, аще ли духъ, аще ли кровь, всѣмъ симъ источникъ есть срдце. Сего ради и нѣкоимъ възьмнесѣ все еже оживлятелное въкупѣ и образомъ нѣкоимъ здѣ прѣвѣ паче сѣздае, а паче всуду въ тѣлѣ сущѣ, и не дрѣжимо мѣстомъ, ни же описанно въ мѣстѣ, ни же одрѣжимо тѣломъ. Тако убо и о невидимыхъ чинохъ, или въздѣ, или особѣ службнѣ промышляющихъ. Образомъ бо въ срѣдѣ и срдца мѣстомъ да разумѣваютсѣ ти, всѣмъ мнѣшимъ сияние истакати по мѣрѣ кождо, якоже бо срока источнику жизни сѣздашесѣ. А паче неодрѣжими сущѣ и неописуемы мѣстомъ, или честию телеснѣ, ихъже сѣдрѣжетъ промышляти отъ Бога вѣчинены.

¹⁸ Речение сице сложи: «хранительное животворнаго прѣподания», таже — «якоже при подлежащемъ срдци».

¹⁹ Почто пернати ноги аггеломъ, да покажетъ еже самодвижное, и еже къ Богу горѣ простираетелное, и къ землянымъ непричестное, елико въ еже страстнѣ въ тѣхъ быти, понеже явишесѣ и на земли аггелы. По страстномъ непричестни землянымъ, а не по явленыхъ, явише бо се многаши.

²⁰ Вѣнѣшняго приложения — рекше пищу и одежду, имиже яже у насъ сѣдрѣжетсѣ.

молодой, юношеский возраст — на всегда цветущую жизненную силу; зубы — на способность разделять даваемое с пищей совершенство (ибо каждое умственное существо разделяет промыслительной силой и множит¹⁶ даваемое ему от более божественного единовидное разумение для возведения низшего соответственно его мере);

плечи же, мышцы, а также руки — на способность к деятельности, энергичность и предприимчивость;

а сердце¹⁷ является символом богообразной жизни, благообразно расширяющей свою жизненную силу на то, о чем заботится Промысел;

грудь в свою очередь указывает на крепость и способность охранять¹⁸ свойственное помещающемуся под ним сердцу распространение животворной (силы);

спина — на совокупность всех живительных сил;

ноги же — на подвижность, быстроту и пригодность для вечного стремительного движения к божественному. Почему богословие и изобразило ноги святых умов окрыленными.¹⁹ Крылья ведь указывают на скорость восхождения, небесность, направленность движения вверх и — благодаря стремлению вверх — удаленность от всего приниженного. А легкость крыл — на полное отсутствие приземленности и возможность совершенно чистого и неотягченного подъема;

нагота же и необутоность — на свободу, несвязанность, неудержимость, и очищающие от привнесенного извне,²⁰ и уподобляющие, насколько возможно, божественной простоте.

¹⁶ Он говорит, что всякая умопостигаемая сила умножает появляющееся у нее божественное разумение, то есть проясняет для нашего понимания, растолковав, увиденное, — как ты найдешь у Даниила, — когда ангел растолковал ему сон, который он видел.

¹⁷ Прежде всего создается у нас сердце. Как в круге: прежде ставится внутри точка, а потом вокруг проводится окружность, так и сердце первым получает жизнь. После того, по божественному Василию, как первым создается сердце, затем, словно вокруг центра, то есть намеченной точки, все тело формируется, так что из него повсюду в теле распространяется жизнь. Естественное ли тепло животворит тело, дыхание ли или кровь, всего ведь этого источник — сердце. Почему и показалось некоторым (людям), что вообще все, дающее жизнь, в первую очередь и более всего сосредоточено здесь, хотя, находясь повсюду в теле, не будучи связано с местом и не ограничиваясь (никаким) местом, оно не удерживается телом. То же самое и у невидимых чинов, либо везде, либо где-то соответственно службе промыслительно действующих. Ибо их надо представлять как бы в центре, на месте сердца, источающими всем меньшим сияние по мере каждого, — созданными как центр изливающейся жизни, хотя они и неудержимы и не ограничиваются ни местом, ни частью тела тех, кого охраняют, заботиться о ком они поставлены Богом.

¹⁸ Высказывание построй таким образом: (сначала поставь) «охранять распространение животворной (силы)», потом «свойственное помещающемуся под ним сердцу».

¹⁹ (Заметь), почему ноги ангелов окрылены, — чтобы показать (их) самоподвижность, устремленность к Богу и непричастность земному, поскольку у них нет страстности, хотя ангелы и бывали видимы на земле. (Ангелы) непричастны земным в отношении страсти, а не по неспособности быть видимыми, ибо являлись многократно.

²⁰ «От привнесенного извне» — как то пища и одежда, каковыми у нас поддерживается жизнь.

4. Нь понеже паки проста и «многообразнаа прѣмудрость»²¹ и непокрвенныхъ одѣваеть,* и сьсуды нѣкоторые даеть носити тѣмь,* принеси и яже небесныхъ умовъ священная одѣяния и орудия, по еже намъ мощно скажемь.

Свѣтлой* убо ризѣ и огненной* назнаменовати мю еже боговидное по огннном образѣ и еже просвѣщательное небесныхъ ради покоишь, идѣже свѣтъ и по всемъ умнѣ сияе, или разумнѣ²² осияваемо, светительской²³ же еже къ божественнымъ и таинственнымъ видѣниямъ приводителное и еже все жизни освещенное;

поясом же* еже родныхъ имь силь хранителное, и еже съвкупленному имьству²⁴ въ себѣ съединеннѣ съобращатисе, и округь съ благоудобрениемъ непрѣпадаемѣмъ тождѣствомъ въ себѣ съобращатисе,

5. паки же жьзломъ* — еже царское и владичьствное и правостная вса съвршае;

копиям же и секирамъ* — еже безаконей раздѣлительное и еже расудительныхъ силь острое, и дѣйствное, и сильное,

²¹ «Многообразная прѣмудрость Божия»* — сие речение апостолско есть. И почто многообразичну ту рече божественный мужь? А паче многообразичное и многокъзньное при злодѣи приемлем, инако же и здѣ велики Дионусие просту и многообразичну ту рече, мнит же се обое противно. Глаголемь убо, яко просту Прѣмудрость сего ради рече, да явить еже несложное Бога, и еже ниединого сугубства трѣбователно, ни же бо от учений прѣмудрь Богъ, нь самовещна Прѣмудрость есть. А еже многообразичное, заеже въ многыи разума виды прѣобразуетсе ради осияваемыхъ немощи. Прѣвосвещенникъ бо есть великъ състражде нашимъ немощемъ.* Или и сице. Проста убо глаголетсе прѣмудрость Божиа прѣжде съмотрения, яко вса яко Богъ съдѣла и въ сущихъ тьгда правдницѣхъ Свою неприкрвеннѣ показуе силу, якоже при Моусеи и Авраамѣ и прочихъ. Егда же съмотрения таинство* съдѣясе, многообразична вьлѣпоту нареченна бысть. Чловекъ бо бывъ и под Закономъ бывъ, и пострадавъ, и въ мртвихъ явисе, сице плтию и сушею тое немощию обличи всакого врага и ада побѣди, сущимъ онамо дръжимомъ въскрсение даровавъ. Се есть еже различное Тогови прѣмудрости, яко немощи ради удолѣ мнешимсе врагомъ.

²² И въ иже «О божественныхъ именовъ» словѣ, въ 4 главизнѣ, пространѣ сказасе, что «умно» и что «разумно». Ниня же самъ велики Дионусие изъявляеть: «умно» убо оно быти, еже разумѣвае, еже вьлѣпоту и вьсиявае свѣтъ глаголетсе, «разумно» же то еже разумѣвай, еже есть и осияваемо. И, выкратѣ реши, яже прѣвъзъшьдшая сущствия умнаа, мьншая же «разумнаа», и прѣвъсходе есть умь умно. **Инако.** Умнѣ осиявае — божественно ество, разумнѣ же — осияваемо аггелско.

²³ Знаменай, что светительска одежда въ Езекиилѣ* и Даниилѣ.*

²⁴ Рѣхомъ выше, что есть имьство при бесплътныхъ. И прочѣти въ 7 главизнѣ съвкупленное же и нерасходимо разумѣний, — сими являеть отецъ въ божественныхъ сиянияхъ и своимъ въ благомъ Бозѣ прѣбывателномъ тождѣствѣ съобращающимсе всегда.

4. Но, поскольку, опять же, простая и «многообразная премудрость»²¹ и непокровенных одеваает, и орудия некие дает им носить, давай, насколько нам возможно, скажем и о смысле священных покровов и орудий у небесных умов.

Светлая и огненная одежда означает, мне кажется, боговидность, соответствующую образу огня, и способность просвещать — благодаря небесным обителям, где (все) свет, повсюду умопостигаемо сияющий, либо умственно²² осияваемый; а святительское облачение²³ — способность приводить к божественным и таинственным созерцаниям и освящать всю жизнь;

пояса же — охрану их производительных сил и свойство²⁴ собирать их воедино в самом себе и обращаться вокруг себя в строгом порядке и неизменном тождестве;

б. жезлы же — царственность, владычественность и прямоту осуществления всего;

копья же и секиры — отделение беззаконий, а также быстроту, энергичность и предприимчивость их различающих сил;

²¹ «Многообразная премудрость Божия», — это апостольское выражение. Почему же многообразной назвал ее божественный муж? Хотя многоличность и многокозненность мы связываем (обычно) со злодеем, великий Дионисий здесь в особенности называет ее и простой, и многообразной, а это, кажется, вещи по смыслу противоположные. Мы же говорим, что простой он назвал премудрость для того, чтобы показать несложность Бога, не имеющего никакой двойственности, ибо не в результате изучения премудр Бог, но (потому что) является самой Премудростью. Многообразна же (премудрость) потому, что она преобразуется во многие виды разума — ради немощи осияваемых. Иисус Он — великий Первосвященник, страдающий нашим немощам. Или же так. Простой премудрость Божия называется (в состоянии) прежде домостроительства, когда все как Бог Он творил и в тогдашних праведниках неприкровенно показывал Свою силу, как то в Моисее, Аврааме и прочих. Когда же таинство домостроительства было исполнено, по справедливости она была названа многообразной. Ведь став человеком, покорившись Закону, пострадав и оказавшись среди мертвых, Он таким образом с помощью плоти и присущей той немощи восторжествовал над всяким врагом и победил ад, даровав содержащимся там воскресение. Это и есть различность Его премудрости, — что немощью Он победил кажущихся (сильными) врагов.

²² И в сочинении «О божественных именах», в четвертой главе, пространно сказано, что такое «умопостигаемое» и что «разумеющее». Теперь же сам великий Дионисий поясняет: «умопостигаемое» — это мыслимое, что справедливо говорится, воссиявает свет(ом), а «разумеющее» — это само являющееся умом, осияваемое. И коротко сказать: высшие существа суть умопостигаемые, а низшие — уразумевающие, и мыслящее находится ниже мыслимого. Иначе. Ведь умственно воссиявающее — это божественное естество, а умственно осияваемое — ангельское.

²³ Заметь, что такое святительская одежда у Иезекииля и Даниила.

²⁴ Выше мы сказали, что такое (устойчивое) свойство применительно к бесплотным. И прочти в седьмой главе о собранности и нерассеянности разумений, — таким образом отец делает разъяснения о божественных осияниях и подлинной тождественности, постоянно связываемой с обителью благого Бога.

землемѣрителным²⁵ же и дрѣводѣлскимымъ съсудомъ* — еже основательное, и здательное, и съвршательное, и еликаа иная възводителнааго и обратилнааго суть вторыхъ промысла.

Есть же егда и же въ насъ богосудьствъ суть образы, яже наздаемаа светныхъ аггелъ орудия,²⁶ овѣмъ убо сказающимъ исправительное наказание или томительную правду, овѣмъ же напастей свобождеие, или наказания коньць, или прѣваго благострадания повьсприетие, или приложение иныхъ дарований, малихъ или великихъ, чювьствныхъ или разумныхъ. И свьсма не убо недоумѣтсе зрительны умъ искрѣннѣ уприкладьствити невидимымъ видимаа.

б. А еже и вѣтры тѣхъ именовати,²⁷ скорость ихъ изьявляеть и на вса не малъ безлѣтнѣ²⁸ проходимо летѣние, и еже съвыше на долняя,²⁹ и паку от долныхъ къ выспръ ходимо движение, выспръпростирае убо вторая къ прѣвысокой высотѣ, подвиже же прѣвая къ приобьщителному и промыслителному мншихъ прошьствию. Речет же убо кто въздушнааго духа³⁰ вѣтрное именование и еже боговидное небесныхъ умовъ изьявляти. Имат бо и се богоначелничьскаа дѣйства образъ и указъ (якоже въ «Образномъ богослови»³¹ по четворостихийныхъ тлькователныхъ сказаниихъ нами многими указанно бысть) по естества подвизателномъ и скорѣмъ и неударжанномъ хождении и невѣдомѣмъ намъ и невидимомъ скрѣвенствѣ движателныхъ начель и скончаний. «Не бо вѣсы, — рече, — откуда гредеть и камо идеть».*

²⁵ О съсудѣхъ землемѣрителныхъ въ Иезекиилѣ* и Даниилѣ.*

²⁶ О мчи же въ Царствныхъ и о сръпѣ въ Захарии пророцѣ.

²⁷ Лежешее въ Давидѣ мноу тому въспоминати: «Ходей на крилу вѣтрню»,* — негли Христова възнесение сказующу, понеже и напрѣдъ отецъ облачное тѣмъ наздавати видѣние глаголетъ, заеже рещисе: «Облаци преше Его от очию ихъ».*

²⁸ «Безлѣтнѣ» вѣлѣпоту рече, при чювьствныхъ бо истѣйше въ лѣтѣ и къснѣйшая, при бестелесныхъ же и умныхъ безлѣтнѣ и единнѣ и некъснѣ что съвршеннодѣйствуетсе. Не пообаеть убо лѣто при умныхъ именовати.

²⁹ А еже от съвыше на долняя, — якоже при Иаковли лѣствици.*

³⁰ Друго видѣние вѣтрѣ именованія, въздушный бо духъ вѣтрѣ глаголетъ.

³¹ Знаменай и ино съписание тогово быти необрѣтаемо же. Четворостихийна же тлькователнаа сказанія еже четырехъ съставъ възводное иноглаголаніе рече. Образе же, яко мнитсе, паче четырехъ съставъ онамо зрениемъ сказаль есть. Знаменай же, како сказуетъ «Духъ идѣже хощеть дихаеть»,* — носимими рѣчьми, еже есть яко неударжимъ, яко скоръ, яко невидимъ. Сими указует, яко не о Святомъ Душѣ глаголетъ, нь о вѣтрѣ прѣноснѣ рече от Еуаггелиа, еже тамо о Святомъ Душѣ се здѣ о вѣтрномъ душѣ, — да покажетъ и въ семъ прикладномъ богоначелнааго быти действия изьображеніе и умныхъ силъ.

а землемерные²⁵ и деревообрабатывающие орудия — способность основывать, созидать и завершать и вообще все, что относится к промыслу возведения и обращения (к Богу сил) вторичных.

Иногда же орудия, с которыми изображаются святые ангелы, суть символы божественного суда над нами, из каких орудий²⁶ одни указывают на исправительное наставление или карающее правосудие, а другие на освобождение от напастей, или окончание наказания, или возвращение прежнего благополучия, или прибавление иных даров, малых или великих, воспринимаемых чувствами или умопостигаемых. И совсем не трудно проницательному уму подобающим образом связать видимое с невидимым.

б. А наименование их ветрами²⁷ являет их быстроту и всего достигающий почти без затраты времени²⁸ полет, а также способность двигаться, перемещаясь сверху вниз²⁹ и снизу вновь вверх, простирая вторичных ввысь, к большей высоте, а первенствующих подвигая к приобщительному и промыслительному выступлению (вовне) ради низших. Можно также сказать, что и наименование ветра воздушным дыханием³⁰ проявляет богообразность небесных умов. Ибо образ и оттиск богоначальной энергии (как это более пространно было нами показано при истолковательных объяснениях четырехстихийности в «Символическом богословии»³¹) присутствует и в подвижности и животворности природы, и в быстроте и неудержимости перемещений (ветров) и неведомой нам и невидимой сокровенности начал и завершений (их) движения. «Ибо не знаешь, — (как) говорит (евангелист), — откуда приходит и куда уходит».

²⁵ О землемерных орудиях — у Иезекииля и у Даниила.

²⁶ О мече — в книгах Царств, а о серпе — у Захарии пророка.

²⁷ Я думаю, он вспомнил слова Давида «Шествующий на крыльях ветра», указывающие, по-видимому, на вознесение Христово, — потому что рядом отец говорит, что они обретают вид облака, — так как сказано: «Облако взяло Его из вида их».

²⁸ «Без затраты времени» он сказал с достаточным основанием, ибо что у наделенных чувствами все происходит полностью во времени и более медленно, то у бестелесных умопостигаемых совершается вневременно, мгновенно и без задержки. Так что не подобает применительно к умопостигаемым называть время.

²⁹ Сверху вниз — как по лестнице (во сне у) Иакова.

³⁰ Другой способ наименования ветров, ибо воздушным дыханием он называет ветер.

³¹ Заметь, что существует и другое его сочинение, но не обнаруживается. А «истолковательными объяснениями четырехстихийности» он назвал возводящее иносказание (о значении) четырех элементов. Скорее всего, как кажется, он раскрыл там, рассмотрев, символический смысл четырех элементов. И заметь, как он разъясняет слова «Дух дышит, где хочет», — через дальнейшее, то есть, — что он неудержим, что он быстр, что он невидим. Этим он показывает, что говорит не о Святом Духе, но о ветре, в переносном смысле цитируя Евангелие. То, что там сказано о Святом Духе, он говорит здесь о дуновении ветра, — чтобы показать и в этом применимость образа к богоначальному действию и умопостигаемым силам.

Нь и облака тѣмь видѣние богословіе състраять,* знаменуе въ сем священне умове съкрывеннаго свѣта прѣмирнѣ испльненные,³² пръвоявленное пръвоявление съкрывеннѣ приемлемые и сие обилнѣ въ вторие второявительскы и подобнѣ послаемые и убо яко плодное тѣмь и животворное и растительное и съвршителное есть по умномъ джджерождени, еже приетное нѣдро³³ влажными дждды на оживляемая зачетия призываемом.

7. Аще ли же и мѣды* и илектра и камении многомастныхъ* видѣ богословіе небеснымъ существомъ налагаеть, илектронь убо, яко златовиднѣ, вкупѣ и сребровиднѣ, являеть негнилостную, яко въ златѣ, и неизънуряемую и неумалюую и чистую свѣтлостъ и свѣтлостную, яко въ сребрѣ, и свѣтовидную и небесную зару.

Мѣдию же по отданныхъ словесехъ или еже огневидное, или еже златовидное да въздаеться.

Камень же многомастныхъ видѣннѣмъ изъявляти да непшуетсе, или яко бѣлимъ еже свѣтовидное, или яко чръвенымъ еже огневидное, или яко русѣмъ еже златовидное, или яко зеленемъ еже юношъское и растушее, и по коемждо видѣ обрѣщещи възводителное изобразительныхъ образъ сказание.

Нь понеже сия по силѣ нами доволнѣ реченна быше, непшую, да прѣидемъ на священное сказание небесныхъ умовъ священнообразнаго звѣрообразия.

8. И убо льва*³⁴ образъ изъявляти да непшуетсе еже владичъственное и крѣпкое и неумекчателное и еже къ съкрывенствию неизвещателнаго Богоначелия елико по силѣ уподобляемое умныхъ стопъ прикрывениемъ и таинствнѣ неизводнымъ съкрывениемъ еже по божъствнѣмъ осияни на то выспрѣпростираетелнаго шъствия;

а еже вола*³⁵ — еже крѣпкое и младостное и умные бразды распросстраняе въ подыетие небесныхъ и родотворныхъ джддей, и роговомъ еже блюстное и неударжимое;

орла же*³⁶ — еже царское и высоконосное и скоролѣтаемое, и еже къ силотворной пици острое и бдителное, и текущее, и благокъзньное, и еже къ

³² «Прѣмирнѣ испльненные» — якоже бо облакъ призывает морскую воду и пролѣвает ту на лице земли, по реченомъ: «Призывает воду морскую и изливает ту на всако лице земли»,* — сие и умове, приемлюще свой разумъ, облакъ образомъ въ мнѣе простирають.

³³ Приетное нѣдро юже джде подыемлемую именоваль есть землю, тѣми свое раждающую плоды.

³⁴ Знаменай естествоное льва здѣ. Глаголют бо, яко ловещихъ утаитсе хоте, ходе, опашию запираеть свое слѣды, да не увѣдет их. Тѣмже и о Бозѣ речено бысть: «Въ мори путь Твой, и стъзи Твои въ водахъ многахъ, и стопы Твои не познаютсе»,* — якоже бо путь въ водахъ не снабдितсе, ни же стопы львовы, сие ни же Божия шъствия.

³⁵ Что назнаменуеть образъ вола.

³⁶ Что же — орла, скоролѣтателно бо животно орьль.

Также и вид облака богословие к ним применяет, обозначая этим священные умы, сверхмирно исполненные³² сокровенного света, сокровенно воспринимающие первоявленное (его) первоявление и обильно вторичным в порядке вторичного явления соразмерно (тем) его посылающие и — что им присуща плодородная, животворная, растящая и совершенствующая (сила), порождающая умопостигаемый дождь, обильными ливнями побуждающий приемлющее чрево³³ к дающим жизнь зачатиям.

7. Если же богословие прилагает к небесным существам вид меди, янтаря и многоцветных камней, то янтарь как златовидный и одновременно сребровидный являет незамутненную, как у золота, неистощимую, неумаляемую и чистую светлость и светлый, как у серебра, световидный небесный блеск.

А медь, согласно данным уже объяснениям, пусть подчеркивает либо огненность, либо златообразность.

Многоцветные же виды камней являют, надо думать, или, как то белый, световидность, или, как красный, огненность, или, как желтый, златовидность, или, как зеленый, юношеский цветущий возраст; и для каждого вида отыщешь возводящее объяснение образных форм.

Но поскольку об этом нами, по мере сил, было, я считаю, сказано достаточно, следует перейти к священному изъяснению священных изображений небесных умов в виде животных.

8. Образ льва³⁴ являет, надо думать, господство, крепость, неукротимость и посильное уподобление сократости неизреченного Богочалия — благодаря прикровенности умственных следов и таинственно неустранимой окутанности пути, возводящего к Нему по божественном осиянии;

тельца же³⁵ — крепость, молодость и способность расширять умственные борозды для приятия небесных плодотворных дождей, а рога — способность защищать и непобедимость;

орла же³⁶ — царственность, высоту и скорость полета, зоркость, сообразительность, ловкость и умелость при добыче придающей силы пищи, и

³² «Сверхмирно исполненные», — ибо как облако «призывает» воду из моря и проливает ее на лицо земли, согласно сказанному: «Призывающий воду морскую и изливающий ее на все лицо земли», — так и умы, воспринимая свое знание, распространяют его, подобно облакам, на нижних.

³³ «Приемлющим чревом» он назвал принимающую ливни землю, благодаря им рождающую свои плоды.

³⁴ Заметь, что отсюда (речь идет) о львином естестве. Говорят ведь, что лев, желая утаиться от охотников, заматает, ходя, хвостом свои следы, чтобы их не обнаружили. Потому и о Боге сказано: «В море путь Твой, и стези Твои в водах многих, и следы Твои не познаются», — ибо как (след) пути по воде и стопы льва, так же и (след) Божьего шествия не сохраняется.

³⁵ (Заметь), что обозначает образ тельца.

³⁶ И что — орла, ибо орел — быстро летающее животное.

обилной и многосвѣтлой лучи³⁷ богоначелническаго слнцопрострѣтя въ очесьь силахъ благомошными горѣпрострѣтями непрѣтъкновеннѣ правѣ и неклони- телнѣ зрительное;

а еже конь^{*38} — еже благопокорливое и благобръздное; и бѣлимь сущимь еже свѣтлое и яко паче божествнаго свѣта сьродное; чръным же сущимь — еже скръвенное; чръвеним же — еже огневидное и сильное; смѣсим же от бѣлаго и чрънаго — еже гредущю силою краевь сьсвезател- ное, и пръвая вторимь, и вторая пръвыимь обратителнѣ или промыслителнѣ сьвъкупляе.

Нь аще не слова сматрали быхом мѣру и яже по чести реченныхъ животныхъ свойства и вса яже телесная ихъ наздания, уприкладьствили убо быхом не нелѣпотнѣ небеснымь силамь по отличныхъ подобьствияхъ, ярость- ное убо ихъ въ умное мужство, егоже послѣдне есть ярость уподобление, паку же похотѣвателное въ божественное рачение и, сьвъкупивь рещи, вса яже бесловесныхъ животныхъ чювствия же и многочисества въ невещствная небес- ныхъ сущьствь разумѣния и единствныи силы възводеще. Довлѣют же умь имущимь не сия тъкмо, нь и единого неистѣизъявителнаго образа тлькование въ ближнихъ подобнообразное сказание.

9. Да смотрит же се и еже рѣкы^{*39} рещисе, и кола,^{*} и колеснице^{*} съединенна небеснымь сущьствомь.

Огньни бо убо рѣкы^{*} назнаменуютъ богоначальные дѣжде, обилное тѣмь и неоскудное течение дающее, и животвориваго крѣмительные рождения; колес- нице же⁴⁰ — сьпреженное въкупочинныхъ приобщение; кола же⁴¹ крилата убо сущь⁴² — въ яже напрѣдъ невъзвратнѣ и неклонителнѣ шьствующе, юже правѣ и управленѣ путьшьствителнаго ихъ дѣйствія силу, на тѣжде неклони- телный и праворасѣцателны путьь всакого ихъ умнаго течения прѣмирнѣ исправ- леннаго.

Есть же и по другомь възводѣ сказати умныхъ кольь образписание. Наречение бо имь бысть, якоже рече Богословь, «гельгель».^{*43} Изъявляет же се по еврейскомь гласѣ «прѣваляния и откровения». Огньствѣнаа и боговидная

³⁷ Глаголет же слово орловомь раждаемыхъ искрѣня от таимичишныхъ сице раздѣляти: аще възреть отврѣзенама очима къ солнцу, искрѣня суть, аще ли ни, яко таимичишнаа измещутсе от гнѣзда. Сице убо и иже не могли чистѣ на Солнце правды възрети таимичишь тогова разума обрѣтается.

³⁸ Знаменай, что назнаменуютъ конь бѣлы, ирны, чръвены, смѣсны.

³⁹ Что огньни рѣкы.

⁴⁰ Что колеснице.

⁴¹ Что кола.

⁴² Кола же, невъзвратнѣ и неклонителнѣ правѣ и управленѣ путьшьствителнаго ихъ дѣйствія на тѣжде неклонителны и праворасѣцателны путьь шьствующе, всакого ихъ умнаго течения прѣмирнѣ исправленнаго назнаменуютъ силу.

⁴³ Знаменай, что знаменуетъ «гельгель» въ пророцѣ Иезекиилѣ.

способность созерцать изобильные многосветлые лучи³⁷ Богоначального солнечного света в напряженном устремлении взгляда беспрепятственно, прямо и неуклонно ввысь;

а коней³⁸ — благопокорность и благопослушность, причем белые (символизируют) светлость и как бы особую родственность божественному свету, вороны — сокровенность, рыжие — огненность и энергичность, смешанные же из белого и черного, — способность переносящей силой совмещать крайности и связывать, обращая (друг к другу), или же промышляя (о них), первые (чины) со вторыми, а вторые с первыми.

Но если бы мы не принимали в расчет меру слова, то и особенности названных животных по отдельности, и все их телесные формы не без оснований применили бы методом неподобных подобий к небесным силам, возводя их способность ярости к умному мужеству, последним отголоском которого является гнев, а возжелание к божественной любви, и — чтобы сказать коротко — все чувства и многочастность бессловесных животных — к невещественным разумениям и единовидным силам небесных существ. Но для ум имеющих достаточно не этого только, но и истолкования одного представляющегося странным образом для подобного понимания (изображений) такого рода.

9. Надо рассмотреть также, что говорится о реках,³⁹ колесах и колесницах применительно к небесным существам.

Огненные реки указывают на богоначальные дожди, дающие им обильное и непрерывное течение и питающие животворной плодородностью; а колесницы⁴⁰ — сопряженную общность (ангелов) одного чина; колеса же⁴¹ крылатые,⁴² вперед бесповоротно и неуклонно движущиеся, — способность идти в своей деятельности прямой и верной дорогой, (одним и) тем же неуклонным прямым путем всякого их сверхмирно направленного умственного движения.

Можно и посредством иного возведения объяснить иконописание умных колес. Ведь им дано название, как говорит богослов, «гелгель»,⁴³ а это означает по-еврейски «вращения» и «откровения». Огненным боговидным колесам свойст-

³⁷ Об орлах говорят, что они отличают своих птенцов от чужих так: если смотрят открытыми глазами на солнце, то свои, а если нет, то — как подброшенные выбрасываются из гнезда. Так же и кто не может прямо смотреть на Солнце правды оказывается подброшенным по отношению к Его знанию.

³⁸ Заметь, что символизируют кони, белые, вороны, рыжие и пегие.

³⁹ Что — огненные реки.

⁴⁰ Что — колесницы.

⁴¹ Что — колеса.

⁴² Колеса же, бесповоротно и неуклонно движущиеся прямой и верной дорогой по тому же неуклонному и прямому пути, символизируют силу их сверхмирно направленного умственного движения.

⁴³ Заметь, что означает «гелгель» у пророка Иезекииля.

кола прѣваляния убо имуть въ тождѣство Благо присно обращателнымъ движениемъ, откровения же — скръвенныхъ изъявлениемъ, и иже о нижнихъ възвождении, и еже высокыхъ осияний въ мншая сводителнымъ посланиемъ.

Оставшееся намъ въ сказание еже о радости⁴⁴ небесныхъ удобрений слово. И бо неприетны отнудь суть юже у насъ страстные сладости, сърадовати же се Богу глаголютсе изгыбшихъ обрѣтениемъ по боговидномъ⁴⁵ удобствѣ и свободномъ отрадствѣ, и еже о промыслѣ и спасении иже къ Богу обращающихсе благовиднѣмъ и обилнѣмъ веселии и благостраданию⁴⁶ ономъ неизреченномъ, егоже въ причестии многаши быше и мужие священныи⁴⁷ по богодѣйственныхъ божьственнымъ осияниямъ нашъствияхъ.

Толика ми и о священныхъ назданихъ реченна да будутъ, извъстнаго ихъ изъявления недостатъчествуемаа, ползующа же, яко мню, къ еже не смѣреннѣ намъ остати въ образныхъ мычтаняхъ.

Аще ли же и се речеши, яко не всѣхъ прочихъ аггельскихъ въ Словесехъ сильь или дѣйствѣ или образъ сътворихомъ память, отвѣщаемъ яже истиннаа, яко ихже убо прѣмирное художество не увѣдѣхомъ,⁴⁸ и паче о сихъ мы иного свѣтонаставника трѣбуемъ и учителя, а яже яко реченнымъ единосильнаа оставихомъ, мѣру слова промысливше и еже паче насъ скръвенство мльчаниемъ почтъше.

Конецъ иже «О небесномъ священноначелствѣ» слову Дионусиа Ареопагита,⁴⁹ епископа Афинскаго, къ Тимофею епископу.

⁴⁴ Какое глаголютсе радоватисе небесная и само Божество.

⁴⁵ Свободно бо их, и отрадно, и удобно, и бестрастно, и блаженно веселие есть.

⁴⁶ «Благострадание» же яко от иже у насъ приемъ рече. Сказует же се оно «благострадание» еже благо всегда имѣти и невѣдно устаменение.

⁴⁷ Сия же не могут се разумѣти, якоже суть, развѣ аще не удостоившимисе таковому съвршению, яковимъ убо и быти подобаетъ мужем, якоже светый съ глаголетъ священникъ, яко и божественныхъ осияний сподобитисе о сущихъ въ разумѣ и въ еже къ Богу чистомъ въиспръпрострѣтии. От таковыхъ бо осияний обожаемъ умъ въ имствѣ бывааетъ аггельские сладости и сушаго въ нихъ несъмушения и тишини, по нейже благоудобствуе и отрадствуе прочее умъ, яко въ свободномъ покои бывъ, о спасении спасающихся благостражде, поелико мощно Бога подражаетъ, хотешаго всѣмъ чловѣкомъ спастисе, насладивсе Божиихъ богодѣйственныхъ нашъствий, сирѣчь боги съдѣлюющихъ и съвршающихъ.

⁴⁸ Яко подобаетъ недомышляющемуся не стыдѣтисе о нихъже недомыслисе, нь исповѣдати неразумѣние, а не якоже случисе отвѣшавати, от нихъже не разумѣ.

⁴⁹ Подобаетъ вѣдѣти, яко познания, яже имѣху еллиние еще сущи, светы сии и по обращени къ Христу бестуда приписоваху себѣ. Се бо и съ «Ареопагита» наричетъ себе, и божественны Иустинъ въ иже «Къ еллиномъ» словѣ «Иустина, — приписа, — Философа».*

венно вращаться вечным движением вокруг одного и того же Блага; откровения же — в явлении сокровенного, возведении пребывающих внизу и низводящем послании высоких осияний низшему.

Остается нам сказать слово о радости⁴⁴ небесных порядков. Они ведь совершенно невосприимчивы к нашему, связанному со страстями наслаждению, но, говорят, они радуются с Богом обретению погибших, наслаждаясь в боговидной⁴⁵ праздности и свободной отраде благообразным и чуждым зависти веселием при промысле об обрацаемых к Богу и (их) спасении и тем невыразимым блаженством,⁴⁶ которому многократно бывали причастны и священные мужи⁴⁷ при боготворных нашествиях божественных осияний.

Столько да будет мною сказано о священных изображениях, — для подробного их объяснения недостаточно, но (сколько) полезно, как мне кажется, чтобы не задержаться нам по слабости в фантазиях об (их) формах.

Если же ты и то скажешь, что не обо всех по порядку ангельских силах, или действиях, или образах в Речениях мы упомянули, мы правдиво ответим, что их сверхмирное художество нам неведомо,⁴⁸ и, скорее, мы сами нуждаемся в ином светонаставнике и учителе, и равное сказанному оставили нетронутым, озаботившись соразмерностью слова и почтив превышающую нас сокровенность молчанием.

Конец слова «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита,⁴⁹ епископа Афинского, к Тимофею епископу.

⁴⁴ (Заметь), как, говорят, радуются (силы) небесные и само Божество.

⁴⁵ Ибо (их) веселие свободно, отрадно, спокойно, бесстрастно и блаженно.

⁴⁶ «Блаженством» он сказал, взяв как бы из свойственного нам; указывает же это «блаженством» на постоянное благополучие и состояние безмятежности.

⁴⁷ Понять то, каковы они, (осияния), возможно разве лишь тем, кто удостоился такого совершенства, каковое и должно ведь быть у (этих) мужей, как говорит этой святой иерей, чтобы сподобиться божественных осияний в разумении сущего и в чистом устремлении к Богу. От таковых осияний обоживаемому уму становится ведь свойственной ангельская радость и свойственная тем невозмутимость и тишина, в которой ум пребывает в беззаботности и отраде, словно обрета более легкий жребий; испытывая блаженство по причине спасения спасающихся, Богу, сколь возможно, он подражает, желающему, чтобы все люди спаслись, насладившись Божьих боготворных, то есть делающих богами и совершенствующих, посещений.

⁴⁸ Заметь, что несведущему следует не стыдиться, что он чего-то не знает, но признаваться в неведении того, чего не уразумел.

⁴⁹ Следует знать, что прозвания, которые они имели, еще будучи эллинами, эти святые и после обращения ко Христу без смущения сохраняли за собой. Так, ведь и он называет себя «Ареопагитом», и божественный Иустин в слове «К эллинам» «Июстина, — приписал, — Философа».

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

СЛОВО 35. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЯХЪ ГЛАГОЛЕМЫХ ЦАТЬ

РАВНОЕ ПАТРИАРЬШЫСКАГО ПОСЛАНЬЯ, ПОСЛАНАГО
КЪ КИРЪ ЕУФИМЬЮ ОТ ЕРУСАЛИМА И ЕЩЕ ЖЕ И РАВНОЕ
ПОСЛАНЬЯ ИГУМЕНА СВЯТОГО СИМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА*

Надписанье. Боговиднѣйшему и святому нашему владыцѣ богопочтенному патриарху иерусалимскому пришедши въ Антиохию архиерѣи* и причта приизящнии, чада и раби твои. Господи, благослови.

Подобаше убо намъ, богопочтеный нашъ владыко святыи, писаниемъ присно и нарѣковати тебѣ, и лобзовати, и должное еже по Бозѣ твоему свершению въздати поклонение, яко святыя твоя възприимати молитвы и от тебе благословлятися. Но прилучьшаяся нам напасти и бывшее вѣщем пременение от подобающаго нас прѣсѣцають и полезнаго, понеже и бес пастыря пребываемъ* и нѣсть иже нас сберег, разсѣянныя суща, и зверем удобь емлемый бывающа ловѣ. Нынѣ же нову в уши наши въпадшую слышанию настоящее писание къ святынѣ твоей послахом, ово убо должное то и въздающе поклонение и еже от нею благословление просяще, ово же и о слышанемъ сказающе; еда бо се въ твою не вънесено бысть слухы. Слышахом бо яко цятю арменом нѣким рекше отшелником арменскыя службы ту сътворше жилище и безмолствовати ту произволивше, нѣции всяко от доброненавистнаго бѣса нападают на них и яко неправославны облыгуют и всячьскыи образы оскорбляють их. Но убо таковыи приятнѣ бяху от прежде бывших патриархъ наших, и нѣкая от них братья суть въ честнѣи обители святаго Чюдтворца Симеона учиненѣ и въ иных монастырих, в нихже и служат и Причистымъ Таинам съ православными причыщаются, и ниже от древних лѣт дажде донынѣ възниче съмнине нѣкое о славі их. Сия убо мы яко въдуше възвѣстихом; твоего же хотѣнья есть или нраву прѣдварших патриархъ послѣдовати, или инако нѣкако помянувшемуся и угодному Богови створити. Честныя убо и святыя молитвы твоя да дарованѣ будут нам въ всемъ житии.

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

СЛОВО 35. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЬЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ ЦАТАМИ.

**КОПИЯ ПАТРИАРШЕСКОГО ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО
КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМА, А ТАКЖЕ КОПИЯ
ПОСЛАНИЯ ИГУМЕНА МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА**

Заголовок. Боговиднейшему и святому владыке нашему, богопочтенному патриарху иерусалимскому пребывающие в Антиохии архиереи и избранные от клира, чада и рабы твои. Господи, благослови.

Нам подобало, богопочтенный наш и святой владыка, всегда обращаться к тебе с письмами и приветствовать, и должное по Богу твоему совершенству воздавать поклонение, так чтобы воспринимать твои святые молитвы и у тебя благословляться. Но случившиеся у нас обстоятельства и произошедшая перемена вещей отстраняют нас от должного и полезного, поскольку и пребываем без пастыря, и нет никого, кто бы нас, рассеянных, сохранил, представляющих собой легкую добычу для зверей. Теперь же, поскольку до наших ушей дошел (новый) слух, мы отправили к святыне твоей настоящее письмо, воздавая в нем должное поклонение и тем самым прося благословения, в нем же выясняя то, что касается слуха; ибо это, вероятно, не было донесено до твоих ушей. Потому что мы слышали, что некоторые из армян цатов, то есть отшельников, служащих по-армянски, здесь устроили себе жилище и предпочли здесь безмолвствовать, а некоторые всяко от доброненавистника-врага нападают на таковых и клеветуют на них как на неправославных и любым способом досаждают им. Ибо таковые считались приемлемыми у предшествовавших святейших патриархов наших и некоторые братья из них устроены в честной обители Св. Симеона Чудотворца и в других монастырях, в которых и служат, и причащаются Пречистых Таин с православными, и с давних пор и доньше не возникло сомнения об их вере. Это мы выяснили как сведущие; от тебя зависит либо последовать мнению предшествующих блаженнейших патриархов, либо как-то иначе решить насчет этого и сотворить угодно Богу. Итак, пусть честные и святые твои молитвы будут нам дарованы в течение всей жизни.

РАВНОЕ ПОСЛАНЬЕ ПОСЛАНАГО ОТ СВЯТАГО ЧЮДОТВОРЦА
СИМЕОНА К КИРЬ ЕУФИМЬЮ ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМЬСКОМУ
С ПАТРИАРХОВЪМ ПОСЛАНЬЕМ.

Надписанье. Блаженѣйшему и святому владыцѣ моему треблаженому патриарху Иерусалимьскому Петръ послѣднии мних прозвितерь и игумень и архимандрить честныя обители иже на Дивнѣи горѣ святого и чюдотворца Семеона, рабѣ молитвы твоея.

Блаженейший и владыко и святѣиший, слышание нѣкое приде въ наша слухы о ту сущих и ошелникох цятѣх, ту нѣгдѣ жилище створшим и безмолствовати произволившим. Нѣции всяко наваждением добруненавистника врага нападают на них и яко неправославны облыгають и всяцѣм образом опечалѣють их. Тии же, владыко святой, приятни бяху от предварших святыхъ старецъ и святѣиших патриархъ, и нѣци от них съчтани суть въ братья нашея обители и служити и съпричящаются с нами и въ всем от святыхъ старецъ онѣх и съвѣдворятися повелѣни быша яко православнии. И аще не быша опасно испыталѣ и правѣ мудрествующе въ православний вѣрѣ обрѣтошася, и не быша тѣх приялѣ. И мы убо, вѣдуще яже о них, възвѣстихом твоему блаженству, и твое же есть хотѣние по волѣ угодному Богу сътворити. Нас же, недостойныя рабы твоя, молим яко да всегда к Богу службы твориши, в молитвах твоих не забываеши, яко рабѣ бо недостойнии дерзнувше написахом.

СЛОВО 36. ТОГОЖДЕ КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ* О ТѢХ ЖЕ.
И РАВНОЕ ПОСЛАНИЯ ИЖЕ ВЪ ЕРУСАЛИМѢХЪ ПОСЛАНАГО
КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ ЯКО ДА ПРОЧТЕНО БУДЕТ ПОСРЕД
С ДВѢМА ПОСЛАНИЦЕМА, ПАТРИАРХОВЪМЪ ЖЕ
И ОБИТЕЛИ СВЯТАГО СЕМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА.

Възлюбленое и духовное мое чядо. Якоже слышахом от неких, яко нѣции от сущих ту в невѣдѣнии и подвижениемъ сотонинымъ движеми, словесы оскорбляють ту сухую братью нашу, глаголемыя цаты, обаче не явѣ и пространнѣ, но отай и завистию сотониною и ины нѣкы полотныя вины прилагающе, яко да не от вѣдѣния слышащих невѣждѣ. И паки от ищущих и вины погыбели лукавых, глаголю, бѣсовъ, нѣции вѣрующии блазнятся, корень таковаго лукаваго сотониньскаго сада и подобных сим каждо устава ради любовнаго, елико по силѣ, Христу съспѣшьствующу, искоренити да подвижется. Азь же zde, Господу Богу и Спасу нашему и Прѣчистѣй Матери его Богородици и всим святымъ Его съспѣшьствовавшим, еже по силѣ моей, не обленихся, но и в сборний церкви патриархии и в святемъ Симеонѣ господини

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО ОТ МОНАСТЫРЯ
СВ. ЧУДОТВОРЦА СИМЕОНА КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ
ИЕРУСАЛИМСКОМУ С ПАТРИАРШЕСКИМ ПОСЛАНИЕМ

Заголовок. Блаженнейшему и святому владыке моему триждыблаженному патриарху Иерусалима Петр, последний монах, пресвитер и игумен и архимандрит честной обители на Дивной Горе Чудотворца и Святого Симеона, раб молитвы твоей.

Блаженнейший владыко и святейший, некая молва дошла до нашего слуха о здесь живущих отшельниках цатах, которые здесь где-то устроили себе жилище и выбрали безмолвие. Некоторые всяко из-за наваждения доброненавистника врага нападают на них и клеветуют как на неправославных и всяческим образом им досаждают. И они, святой владыка, были приемлемы у предшествовавших святых старцев и святейших патриархов, и некоторые из них устроены в братии нашего монастыря и служат, и причащаются вместе с нами, и во всем теми святыми старцами было определено, чтобы они общались с нами как православные. И если бы они усердно не исследовали, что те правильно думают в отношении православной веры, не приняли бы таковых. И мы, зная о них, уведомили твое блаженство, а от твоего желания зависит рассудить насчет этого и угодное Богу сотворить. Молим тебя, чтобы, когда ты творишь службы к Богу, не забывал нас, недостойных рабов твоих, в своих молитвах, поскольку как недостойные рабы мы дерзнули тебе написать.

СЛОВО 36. ТОГО ЖЕ К АВВЕ ГЕРАСИМУ О ТЕХ ЖЕ.
И КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО В ИЕРУСАЛИМ
К АВВЕ ГЕРАСИМУ, ЧТОБЫ БЫЛО ПРОЧИТАНО СРЕДИ
ДВУХ ПОСЛАНИЙ — ПАТРИАРХА И МОНАСТЫРЯ
СВЯТОГО СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Возлюбленное и духовное мое чадо. Поскольку я услышал от неких, что некоторые из здесь живущих в незнании и движимые сатанинским побуждением досаждают здесь находящимся братьям нашим, называемым цатами, но не открыто и пространно, а тайно и с сатанинской завистью, выдвигая некоторые другие плотские предлоги. И чтобы не смущались некоторые из верующих знанием невежд, слышавших (что-то об этом) от лукавых, ищущих повода для гибели, я говорю о злых демонах, пусть каждый подвигнется по силе искоренить с Христовой помощью посредством заповеди любви корень такового дурного и сатанинского растения и подобных ему. Я же здесь, с помощью Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери его Богородицы и всех его святых, то, что в моих силах не поленился сделать и в соборную церковь в патриархию и в монастырь

моем Чюдотворци. И посреде испотано бысть от всихъ опасно и явѣ очищена быша вся благодатью Христовою. И се послахом послания и написаная свидительства же и извѣщения. Обаче убо, ты добръ мя знаеши, чадо мое любимое, яко и з дѣтства съвъзраслъ ми еси, и знаеши, яко zde во монастырѣ съ братия сия у Богородица глаголю наречаемая Рондиевы, не просто и без разума съдох. Но, якоже знаеши, егда прѣдана бысть Антиохия,* и приидох сам в обитель Богородица Рондиевы и обретох первие убо мѣсто непроходимо от языка и отвсуду безмольвно и моему разуму поспѣшествующе, якоже люблях и хотѣх, якоже мя знаеши. Потом же паки обрѣтох иноязычники сия грубыя и невѣжда и единовѣрны, якоже египтяны оны иноязычни же и невѣжда преднии они отци наши и греци. И обаче азъ аще и недостойны сый, но рабъ тѣх судих быти образа ради иночскаго, и якоже не пшюу елико по силѣ мало что тшася тѣх подражати. Не безъ рассмотриния же zde съдох, но первие испытах у святого Симеона Чюдотворца вѣдущих и разумных, такожде и инуду вѣдущих Божественая Писания. И паки писах въ сборную церковь патриархия,* и посла ми владыка сакелий писание,* имущее тожде свѣдительство и тѣх свершеня вѣры извещенне, сказующе сиче и глаголя, яко «Цаты вы паче свѣсте, въ вашей бо пребывают обители. Аще же тѣх прежде бывшей святии отци тужда от правыя вѣры вѣдѣли быша, како сих съжителствовати и съпрѣбывати им и съпитатися и прияша или како блажении патриарсѣ въ то всеосвященное мѣсто въходити тѣмъ, и молитвы сътворяти, и службы попустиша, аще правѣ мудрествующих не быша вѣдѣли».

Сия вся приемше сакеллие во писание и посла ми то у святого Симеона, в немъже и храню е от вѣры. И ина писания ми посла, имуща свершеное извѣщение о архиерѣох и Сборныя Церкви и повеление о тѣх съжителствии и съпрѣбывании съприобѣщании Святыхъ Таинъ, глаголющее сиче яко право держащим в непорочнѣй христьянстей вѣрѣ нѣсть блазнено съприобшатися Божественымъ Таинам и подати тѣм, и от нѣх приимати. Ни бо о языцѣ есть разнество и зазорное, но о самой правослѣвнѣй вѣрѣ.

И сия убо сиче имяху, и ина же множайша, имуща извѣщение свершено. И обаче иже Божественая Писания испытующей вѣдят таковая изтязовати, яже о вѣрѣ глаголя. Сам же и великый Василие въ своем первом правилѣ и явѣ о таковых разнествах глаголет,* что есть ересь, и что распрѣ, и что сънмица. И тако убо святой глаголет о сих разнествѣх, ихъ же поискавъ обрящет. Сия же братью нашу, глаголемыя цаты, идеже аще суть и в коемлюбо живут мѣстѣ, отвсуду испытавше, обрѣтохом благодатью Христовою бес порока в таковых, в яже о вѣрѣ, такожде и в распрях и о сонмищах. Ибо митрополит прѣдѣла их и страны Междорѣция, в нейже живут от первых лѣт, иже и ради нашествия язычскихъ расточенъ быша ници от них въ различныя страны, но обаче, якоже рѣх, митрополитъ ихъ от иже въ Антиохии патриаршествоващаго поставляется,*

Св. Симеона, господина нашего, Чудотворца (обратился). И на месте было всеми исследовано в точности, и явственно все очистилось благодатью Христовой. И вот я отправил послания и письменные свидетельства и извещения. Однако ты хорошо меня знаешь, возлюбленное мое чадо, поскольку с детства вырос со мной, ты знаешь, что здесь, в монастыре, с этой братией, у Богородицы, я говорю, называемой Роидиевой, я не просто так и без разбора поселился. Но, как ты знаешь, когда сдалась Антиохия, я пришел сам в обитель Богородицы Роидиевой и сперва нашел это место необработанным местным населением и во всех отношениях тихим и способствовавшим моим намерениям, как я любил и желал, как ты меня знаешь. Затем я нашел этих иноплеменных дикими и невеждами и единоверными, как и египтян тех, иноплеменных невежд, нашли прежние те отцы наши греки. Однако я, пусть и недостойный, но решил, что ради иноческого образа стану их рабом, и, как надеюсь, по силам, помалу стараясь им подражать. Не бездумно я здесь поселился, но сперва расспросил в монастыре Святого Симеона Чудотворца сведущих и разумных, а также в других местах знающих Божественные Писания. И снова написал в соборную церковь в патриархию, и прислал мне владыка сакеллий послание, содержащее такое же свидетельство о них и извещение о совершенной вере их, в котором толкуется таким образом и говорится так: «Вы цатов знаете больше, потому что они пребывают в вашем монастыре. Если бы предшествующие святые отцы знали их как чуждых правой веры, как же с такими было принято жить вместе и питаться или как блаженнейшие патриархи в это пресвятое место пустили им входить и молитвы творить, и службы, если бы они не знали, что те думают правильно».

Таково было содержание послания сакеллия, и он отправил мне его в монастырь Святого Симеона, в котором я и храню его из веры. И другие письма отправил он мне, содержащие совершенное извещение от архиереев Соборной Церкви и повеление по поводу жизни, пребывания и приобщения Святых Таин с ними, говорящие, что имеющим правую и непорочную христианскую веру нет соблазна причащаться Божественных Таин, и подавать им, и от них принимать. Ибо зазорна разница не в языке, но в самой православной вере.

Таким образом, я получил и это, и другие письма, содержащие совершенное извещение. Однако те, кто изучает Божественные Писания, знают, как это исследовать, я имею ввиду веру. Сам Василий Великий в первом правиле ясно говорит о таких различиях, что есть ересь, и что раскол, и что (тайные) собрания. Святой таким образом говорит об этих различиях, кто это поищет, тот найдет. Братьев же наших, называемых цатами, исследовав всесторонне, где бы они ни были и в каком бы месте ни жили, мы нашли по благодати Христовой беспорочными в этих вещах, то есть в отношении веры, а также раскола и тайных собраний. Потому что и митрополит их предела, и страны Месопотамии, в которой и живут они с первых лет, хотя из-за нашествий иноплеменников некоторые из них рассеялись в различные страны, но, однако,

яко престолу сущу всего Вѣстока. И законно, и правилно есть священничество ихъ, и все съставление ихъ, и кромѣ всякого зазора благодатью Христовою.

И обаче ту паки житие великого отца нашего Савы процетше,* обрящете сихъ съжителствующихъ великому и въ благосъзданни Церкви повелѣномъ отъ святого арменскою бесѣдою пѣти уставъ свой, грѣкомъ же особно пѣти. Якоже и зде братья наша поютъ арменскою бесѣдою, гриць же паки особъ, въ различныхъ же ликохъ, заеже не имѣти двѣ церкви, точью же Трисвятую пѣснь грѣчскы глаголютъ, якоже и въ семъ иже въ святемъ отецъ нашъ Сава прѣдаде ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся насъ ради».* И ту паки житие великого отца нашего Феодосия прочетьше, обрящете с нимъ жителствующихъ и въ Церкви арменскою бесѣдою особъ поющихъ уставъ свой. И доволѣетъ намъ подражати сию обою великую свѣтилу. А еже въ гричьстѣе Церкви повелѣномъ быти отъ великого отца нашего Савы и отъ великого Феодосия входити и причащатися Божественныхъ Таинъ, яко же видится ради оскудienia священничества бѣ, зане опасство много имяху святии и отци о священничествѣ и едва нѣкогда въ мнозѣ сборѣ приемляху единого священника имѣти или никакоже. Вѣдяху бо тяготу и бѣду священничества. И свѣдѣтельствуетъ ея самое житие великаго отца нашего Савы, и такожде великаго отца нашего и начяльника общимъ житиемъ Пахомия,* яко и въ обою сею монастырохъ въ лаври же и в общемъ житии колици иноцѣ быша и своего отъ ту сущихъ инокъ въ презвитерское рукоположение не имяху, но времени зовущу, отъ ближнихъ презвитеръ призывахуса створити имъ священну службу, яко принужденномъ быти тѣмъ послѣдъ же, а не инѣмъ нѣкимъ. И самъ убо великій Пахомъ тяготы священничества избѣже. Великій же отецъ нашъ Сава рукоположение неволею и нехотя отъ патриарха Ерусалимскаго приятъ, суди вѣтяготу самъ вѣсприяти. Сия есть вина, якоже отъ житийъ святыхъ и отъ инѣхъ писанийъ иже по Бозѣ любопотрудивыйся обрящеть истинное. Опасство же и бѣду, яко же и предрекохомъ, священничества, не точью прочая божественная писания являютъ, но иже о священничествѣ б словъ Златоустовыхъ пространнѣйше глаголютъ,* аще и о архиерействѣ бесѣдуетъ. И обаче иже с Богомъ другое что лучшее истиннейше разумѣвый, да пользуетъ процитающая и мене, яко невѣжда есмь, поселянинъ и ползу въ всякой вещи зыскупа.

Обаче много испытавъ, еже по силѣ, за братью нашу сия цаты, и не обрѣтесе нигдѣже яко оттолѣ отъ дний явѣ яко великихъ отецъ нашихъ Феодосия и Савы, егда и прежде святой и великій иже въ Халкыдонѣ сборъ* еретики армены отлучий проклять начальствующая имъ, потомъ же паки тѣмъ обоимъ свѣтиломъ предреченымъ Феодосию ж и Савѣ подвизавшимся и плевелы отъ чистыя пшеница разлучившимъ,* и православнымъ симъ братьямъ нашимъ и подобнымъ нимъ оставшимъ и съ единымъ къ сборнии Церкви съ православными, и не

как я сказал, их митрополит рукополагается антиохийским патриархом, поскольку это трон всего Востока. И законно, и канонично есть их священство и весь их порядок и вне всякого, по благодати Христовой, подозрения.

Прочтя также здесь житие великого отца нашего Савы, вы обнаружите, что они жили вместе с великим, и святой повелел, чтобы в благосозданной церкви они пели последование на армянском наречии, а греки чтобы пели отдельно. Как и здесь, наши братья поют на армянском наречии, и греки отдельно, на различных клиросах, потому что нет двух церквей, и только Трисвятую песнь говорят по-гречески, насчет этого во святых отец наш Сава завещал из-за вставки Петра Кнафея «Распятый за нас». И еще, прочтя здесь житие великого отца нашего Феодосия, вы обнаружите, что они жили с ним и в Церкви на армянском наречии отдельно пели свое последование. И следует нам подражать этим двум светочам. А в греческую Церковь входить и причащаться Божественных Таин было повелено великим отцом нашим Савой и великим Феодосием, кажется, из-за недостатка в священстве, поскольку святые отцы имели большую осторожность насчет священства и только иногда, когда собирались многие, принимали одного иерея или вовсе не принимали. Ибо они знали тяжесть и опасность священства. И свидетельствует об этом житие великого отца нашего Савы, а также великого отца нашего Пахомия, основоположника общежительных монастырей, что в обоих монастырях, в лавре и в общежитии было много монахов, а из живущих там монахов никто не имел пресвитерского рукоположения, но когда было необходимо, призывали пресвитеров из близ находящихся творить для них священную службу, так что они и позже были вынуждены это делать, а не другие. И сам великий Пахомий избежал тяготы священства. Великий же отец наш Сава, не желая рукоположения, против воли принял его от патриарха иерусалимского, осужденный сам воспринять тяжесть. Такова причина, по которой тот, кто с Богом потрудится искать в житиях святых и в других писаниях, найдет правду. Тягость и опасность священства, как мы сказали ранее, не только другие божественные писания выясняют, но 6 слов божественного Златоуста о священстве рассказывают подробнейшим образом, хотя он и говорит об архиерейском сане. Вместе с тем тот, кто с Богом нечто другое лучшее и истиннейшее узнает, пусть сообщит на пользу читателям и мне, поскольку я невежда и поселянин и ишу пользу во всякой вещи.

Однако я много исследовал, по силам, о наших братьях, называемых цатами, и нигде не обнаружилось, чтобы со времени великого отца Феодосия и великого Савы, когда и прежде святой великий в Халкидоне собор отлучил еретиков армян и предал анафеме их начальников, затем опять-таки, когда эти два светила, великие отцы, я говорю, Сава и Феодосий, подвизались и плевелы от чистых хлебов отделили, и православные эти братья наши и те, кто вместе с ними остались и объединились во вселенской и апостольской

обрѣтесе нигдѣже яко оттоли съгрѣшиши въ каковѣ-любо вѣщи, или понѣ въ распрѣх, или сънмицах, якоже нѣции от наших многожды пострадаша, иже изначала от божественных отецъ добрѣ начынше, послѣдъ же въ распрѣ и сънмиця увратишася. Сия же братья наша дажде до днесь отци наши и ти сами блаженни патриарси, егда на сборѣ подвигается что на еретики армены, аще обрящется кто о сих разумѣ имѣя божествены, тѣх имут с Богомъ на ополчение супротивных, яко и языкъ и писания их свѣдущих. Яко и zde при блаженных патриарсихъ въ наших временех бысть, и множайшим сущим еретиком арменом, от сих же зѣло мали нѣции на сборѣ ниже языкъ подвигнути, или глас испустити оставиша еретики на православныя отнудъ. Сия вся мы, елико по силѣ испытавше о сих братьях наших, глаголемых цаты, обрѣтохом. Могый же с Богомъ и множае что ползевати нас, и се с радостью въсприемлем, яко суще невѣжде мы и яже премудрых и книжнийших не свѣдяще, ниже силы писменемъ и таковых разумных разум не свѣдя, тѣчю сия вся испытавъ съ опасством от внѣшних и паки от внутреняя свѣсти извѣщение примъ, съсвѣдѣтельствующим книжным и отецьским приданием. И весь покой мой, якоже знаеши, створил есть Богъ ради молитвъ Богородица zde, и паки за молитвъ святаго Симеона в той Святей и Дивней Горѣ господина нашего святаго Симеона Чюдотворца. И овогда убо тамо, овогда же zde, съжду и почивая, якоже имат разум мой, егоже вѣси. Каждо бо аще не обрящет якоже любит и хошет, не упокается или плотско, или духовно.

Се же вѣждь, духовное мое чадо, зане якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия* вручено ми бысть и повелѣно учительство, недостойну сушу ми, нынѣ же паки не простиша мя оставити се предначальствующии и архиереи сборныя и апостольскыя Церкви, но паче подтвердиша и написаша съ утверждением повелителное и послаша ми то с киръ Самоилом митрополитом Аданьским. Да яко смотрих, тяготно ми быти и паче мѣры моя, не приях то, но възвратих сие моляся, за еже любити ми безмолвие и странничество. Нынѣ убо паки облегчиша то, якоже лѣпо бяше, безбѣднѣ и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту сушаго затворника.* И убояхся суда Божия паки второе възвратити то, яко не имат нѣкое неудобстве же паче мѣры моя, ниже забавляюще мя в иже имѣх прежде разум. Паче же и писаша ми, яко принуждает тя сборная Церкви на се. И сего ради прияхъ то благословнѣ, аще и недостойну сушу ми, от сборныя и апостольския Церкви, яко от рукъ Господа и Бога и Спаса нашего и Пречистыя Его Матери Богородица и владыкы нашего Петра верховнаго апостоломъ, немже и патриаршьским престоломъ всего Вѣстока Антиохийский град почтенъ бысть.* Азъ же аще и недостойнѣ, но якоже непшую убо, яко инокъ и рабъ сый рабом сборныя и апостольския Церкви. И аще не сиче бы было, но имѣло бы

Церкви вместе с православными, и нигде не обнаружилось, чтобы с тех пор они согрешили в чем-либо, ни в распрах, ни в тайных собраниях, как некоторые из наших многократно пострадали, изначально хорошо начав от божественных отцов, а потом обратившись к раздорам и сборищам. А этих братьев наших и до сегодняшнего дня сами отцы наши блаженнейшие патриархи, когда поднимается что-либо на соборе против еретиков армян, то, если найдется из них кто-нибудь знающий Божественное Писание, именно их берут с Богом для ополчения на супротивных, как знающих язык тех и писания. Как и здесь, при блаженных патриархах в наше время случилось, что хотя еретики армяне были многочисленны, из таковых несколько, будучи в меньшинстве, на соборе не дали еретикам открыть рот против православных. Все это мы обнаружили, по силам исследовав об этих братьях наших, называемых цадами. Тот, кто может с Богом найти нечто более полезное для нас, таковое мы с радостью примем, поскольку мы невежды и писания мудрых и образованных людей не знаем, ни силы писаний, ни разума таких разумных людей не ведаем, только все это исследовали мы с осторожностью, по внешним свидетельствам, и приняли убеждение собственной совести, при свидетельстве писаний и отеческих преданий. И весь мой покой, как ты знаешь, сотворил Бог благодаря молитвам Богородицы здесь и еще благодаря молитвам святого Симеона на той Святой и Дивной Горе господина нашего святого Симеона Чудотворца. И иногда там, иногда же здесь я сижу и почиваю, по своему разумению, которое ты знаешь. Ибо всякий человек, если не найдет то, что он любит и чего желает, не успокоится ни телом, ни духом.

Знай это, духовное мое чадо, что, как и прежде, в дни блаженного патриарха кир Феодосия, мне, недостойному, было вручено и вверено учительство, ныне же снова не простили меня и не оставили начальствующие и архиереи соборной и апостольской Церкви, но еще более подтвердили и написали с утверждением повелительное письмо и послали его мне с кир Самуилом, митрополитом аданским. Поскольку я знал, что это для меня тяжело и выше моей меры, я не принял его, но вернул с молитвой, так как люблю безмолвие и странничество. Недавно они облегчили его, как подобало, безопасным образом и отослали мне с духовным братом кир Косьмой, учеником кир Романа, здешнего затворника. И я испугался Божия суда, чтобы отослать его во второй раз, поскольку в нем нет никакого неудобства и превышения моей меры, ни препятствия для того разумения, которое я имел ранее. Тем более что они написали мне, что соборная Церковь принуждает тебя к этому. И таким образом я, недостойный, принял это благословение от соборной и апостольской Церкви, как от руки Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери Его Богородицы и господина нашего верховного среди апостолов Петра, которому был посвящен патриаршеский трон всего Востока город Антиохия. Я же, пусть и недостойный, но, как надеюсь, поступаю как монах, раб рабов вселенской и

нѣкое неудобство, не бых приялъ отнуд якоже мя занеши. И обаче якоже предрекох, аще не бы было свободно, ниже извѣтом послушания послушаль бых, за иже отдесна прельсти и бесовьскихъ же и человечьскихъ. И еще же и самая воля яко «каждо привлечитя и прильщается от своя похоти»,* якоже пишет.

И се подобает ти вѣдѣти, чадо духовное, яко и кромѣ и выше преднаписаныхъ братий нашихъ глаголемыхъ цать, ихже ради и вина сия изложена бысть, и о нѣхъ такожде иже в зазорѣ сущихъ, или в вѣрѣ, или в дѣянии, и аще о едином или о многѣхъ, или о ученицѣхъ, или о учетелехъ, подобает се духовнымъ нашимъ отцѣмъ яко да по первыхъ о нихъ святыхъ отцехъ, и сии творят о иже в зазорѣ сущихъ, или от слышания, или от своего мнения, но истязовати явѣ такова и тако съставляти и разсужати и судити и изрицати, или добръ есть таковъ, или инако нѣкако, но убо якоже лѣпо есть, а не весь языкъ или иже от него учимья, аще не злѣ явишася. Бываетъ бо множицею, якоже многажды бысть и мнози развращения мудръствующе, инѣхъ правая учат якоже и съпротивное, и не тѣчю о вѣрѣ, но друзии паче о дѣянии боящеся книжнаго словеси, глаголющаго: «Горе напаяющему искреняго своего питья мутна»;* и Господу глаголющую къ ниже творящимъ ни искренему глаголющимъ путь жизни: «Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая.* Паки инѣмъ образомъ многажды бываетъ въ ученицѣхъ и благочестиви нѣции суще елико учими суть: добрая внутрь себе сдержаваютъ, блазньная же внѣ измѣтаютъ, якоже бывает о чтении, или о вѣрѣ, или о дѣянии; обаче въ иже о Бозѣ могущихъ. Аще ли еще немощни суть блазньна и обоа. Тамже паки бывает инѣмъ образомъ, и учитель убо здравъ и добръ учит, ученикъ же по развращенному своему нраву вся смяте и искриви, якоже рече и великий апостоль Петръ въ единомъ от своихъ посланий о нѣкихъ сердцемъ неутверженныхъ ради учительствъ святаго апостола Павла яко «развращаютъ та»,* по своихъ явѣ яко воляхъ обращаютъ. И ради сихъ всѣхъ и симъ подобнымъ подобает истязовати добръ же и здравъ о сихъ и тако изнести изреченье, якоже рѣхомъ. Паче же и всемъ многа боязнь есть и бѣда пакости ради искреняго, и съблазнь предлежит от речения, якоже пишетъ въ Еуангельныхъ яко «уне есть жерновный камень привязати ему» и прочая.* Еже протолкова божественый Златоустъ, сия съблазнь глаголя быти възбраненье праваго пути. Обаче на сие приходит, яже предрекохомъ, съблазнь къ искренему. Аще ли нѣсть таково явлено испытанье, с дерзновеньемъ и любовью Божьею и искреняго, якоже учими есмы, но скровно нѣкако и льстивнѣ и яко в мрацѣ крыема и лестью и словомъ ратуема, се всѣмъ благосмыслящимъ явлено есть и отнуду же иматъ рождение, познавають, яко от тмы и зависти и прочихъ злыхъ дѣйствъ и рождений елма «все являемое о таковыхъ на свѣтъ происходитъ»,* якоже пишет, и не лѣпо есть

апостольской Церкви. И если бы было не так, а было бы какое-нибудь неудобство, я бы вовсе не принял это, как ты меня знаешь. Вместе с тем, как я и сказал прежде, если бы это не произошло свободно, я бы не послушался и под предлогом повиновения, но из-за ловкой прелести человеческой и демонской и самоволия, так как «каждый привлечется и прельщается от своей похоти», как писано.

И это тебе следует знать, духовному моему чаду, что кроме вышеупомянутых братьев наших, называемых цатами, из-за которых это было изложено, также и по отношению к другим, находящимся в подозрении или в смысле веры, или дела, или в чем-то одном, или во многих вещах, или опять-таки к ученикам, или к учителям нужно приводить духовных наших отцов, чтобы согласно первым святым отцам с ними поступать, и следует в отношении находящихся в подозрении либо из-за слуха, либо по собственному мнению ясно исследовать эти обстоятельства и таким образом сопоставлять, рассуждать, судить и высказываться, то ли хорошо так, то ли как-то иначе, однако, как подобает, а не соединять воедино весь народ или тех, кто у них учился, если они научились неплохо. Часто бывает, как было многократно, что многие думающие неверно других учат правильному, и противоположному, и не только в отношении веры, кое-кто и в отношении дела, боясь слова Писания, гласящего: «Горе тому, кто поит своего ближнего мутным питием», и Господь говорит тем, кто не творит и не указывает ближнему путь жизни: «Дурной и ленивый раб» и так далее. Еще и другим образом: часто происходит с обучаемыми, и некоторые, хотя их учат так, бывают благочестивы; сохраняя доброе внутри себя, дурное отбрасывают вон, подобно тому, как это происходит при чтении, или с верой, или с делами; однако это бывает с теми, кто силен в Боге. Если же кто немощен, тому соблазнительно и то и другое. Опять-таки происходит и другим образом, и учитель учит здраво и хорошо, а ученик по неправильному своему мнению все спутал и искривил, как великий апостол Петр говорит в одном из своих посланий о неких людях, нетвердых сердцем из-за учения святого апостола Павла, так что «искривляют их» и изменяют согласно своим собственным желаниям. И из-за всего этого и подобного нужно хорошо и здраво испытывать в отношении таких и таким образом высказываться, как мы и прежде сказали. И более того, есть в этом большой страх и опасность вреда ближнему, и в речи предстоит соблазн, как писано в Евангелиях, что «следует мельничный камень привязать ему» и так далее. Толкуя этот соблазн, божественный Златоуст говорит, что он есть препятствие правого пути. И вместе с тем к этому примыкает, как мы и сказали, соблазн в отношении ближнего. Если такое испытание проводится не явно, с дерзновением и любовью Божией и ближнего, как мы научены, но тайно и коварно и будто под покровом мрака и сопряжено с обманом и словом, то это делается хорошо видно всем благоразумным людям, и откуда это родилось, они узнают, что из тьмы и

таковаа и подобнаа сим тмы дѣла боголюбным сматрати душамъ или вѣровати и сприобщатись таковым.

Добро убо есть еже учити въ время благословно и ползевати искренняго, но множае паче требует божественая благодати и бестрастья такожде и приемлющему, якоже и апостоль в раздѣленьи дарованьом, начиная сие, глаголет: «Еда вси учителя» и прочаа.* И тако может с Богомъ здравъ уставляти и рассуждати и судити и изрицати, и о едином коемждо книжное благословное свѣдетельство приводити, якоже пишет о праведницѣ, яко «рассмотрить словеса своя на судь».* Аще ли же и божественый благодати не споспѣшествующи, и учай такожде таковаа истязует, и аще страстен сый от естественыхъ страстей и побѣждаемъ, невѣрная же от него глаголемая и блазньна отвсюду суть привлачим и прелщаем от своя похоти, и подобныхъ мнѣ порабощенъ, увы, и побѣждаемъ в которуюждо страсть; и не тѣй обладает и водит тья идеже хошет, но тья одержат паче того и обладают, и отводят идеже не хошетъ. И сего ради «имже кто побѣжденъ бысть, тому и поработися», якоже пишет. И инде глаголет, яко «елики страсти въ души, толико владыкъ». И убо таковъ есть и тѣ, яковже иже въ пророцѣ Исаи глаголемый: «Пророкъ учя безаконью».* Но обаче благочестивыя и Богомъ хвалимыя аще и внимают себѣ, якоже выше рѣхом, не могутъ вредити, но не внимающая и подобныя мнѣ, якоже речеса, миролюбныя и сластолюбивыя. Обаче убо таковаа скоро искушаются, якоже рѣша отци: «Тако въ человекѣхъ бывающая въскорѣ обличаются». Подобае убо комуждо пребывати въ своихъ прѣдѣлахъ и мѣрахъ и познавати своя, и не мнѣти себе глава быти, нога сый, якоже Богословъ Великий Григорье. И тѣй самый святой Шестый сборъ* въ 64 правилѣ възбраняет учити посредь, яковже аще есть, и възлагати на ся санъ учительскый, не имущю повеленье от сборныя Церкви. Се бо есть любоначальства и тщеславья страсть и сим подобныя душевныя страсти с лютою гордостью, пагубныя и вредныя, и якоже глаголют отци, неудобъ исцельны, паче же неисцельны. Но обаче ниже в таковыхъ подобае отрицати или отчаяватись до конца; яже бо от человекѣхъ невозможная, вся възможна от Бога; глаголет бо въ божественый Лѣствицѣ сице, яко: «Блудныя убо человеци, лукавыя же ангели, прозорливыя же Богъ ицѣлити может».* Обаче ты съ опаствомъ хранися от таковыхъ, възлюбленое мое чадо духовное, да не како с ними пребывая ты убо вредишися велми. Сих же по здѣ когда человеколюбецъ и всещедрый Богъ, якоже вѣсть, ицѣлит, ты же пребу-деши от съжительства ихъ неисправленъ. Не хощу же ты не вѣдѣти и паче же нужнѣйшее, яко убо яже о православнѣй вѣрѣ, цѣла и нескудна и безъ какова-любо мнѣнья хранима суть вся опасно Божьею благодатью, и нѣсть потреба възысканья или истязанья о сихъ. Но о дѣянии Божиихъ законъ и божественыхъ правилъ святыхъ сбор и прочихъ святыхъ отецъ преданья, иже въ Божественыхъ Писанияхъ, есть намъ тщанье, яко не видимъ та въ общемъ хранима.

зависти и других злых действ и порождений, ибо «все явленное от таковых на свет выходит», как писано, и не подобает на такие и подобные им дела тьмы смотреть боголюбивым душам, ни верить им, ни иметь с ними общения.

Ибо хорошо учить в благословенное время и приносить пользу ближнему, но намного больше требуется от принимающего божественную благодать и бесстрашие, как говорит апостол о разделении дарований: «Не все учителя» и так далее. И таким образом, может с Богом здраво сопоставлять, и рассуждать, и судить, и выносить решение, и приводить к каждому отдельному (случаю) благословенно письменное свидетельство, как писано о праведнике, что он «рассмотрит свои речи на суде». Если же божественная благодать не пособствует, то и учащий, хотя он исследует только это, но если он подвержен страстям и побеждается естественными страстями, то, что он говорит, неверно и дурно со всех сторон, так как он влечется и прельщается своими желаниями и поработен, подобно мне, увы, и побежден всякой страстью; и не сам он ведет их и управляет ими как хочет, они больше властвуют над ним и управляют им, и ведут туда, куда он не хочет. И потому «кто чем побежден, тому и поработается», как писано. И в другом месте говорится, что «сколько страстей у души, столько и владык». И он таков, о каком сказано у пророка Исаяи: «Пророк, учащий беззаконию». Но, однако, они не могут навредить благочестивым и хранимым Богом, если они блюдут себя, как мы выше сказали, а тем, кто не блюдет себя, подобно мне, как я сказал, любящим мир и удовольствия. Но все таковые быстро распознаются, как говорят отцы: «Происходящее у людей скоро изобличается». Нужно, однако, чтобы каждый оставался в своих границах и мере и знал свое, а не считал бы себя главой, будучи ногой, как сказал великий Григорий Богослов. И сам Шестой святой собор в 64-м правиле запрещает учить верующих кому бы то ни было и возлагать на себя учительский сан, не имея повеления от соборной Церкви. Ибо то есть страсть любоначалства и тщеславия, и подобные им душевные страсти вместе со страшной гордостью, пагубные и вредные для души и, как говорят отцы, трудно исцеляемые, и, более того, неисцелимые. Однако не нужно лишаться надежды и вконец отчаиваться; ибо то, что невозможно у людей, все возможно у Бога; ведь говорится в божественной Лестнице так: «Люди похотливы, ангелы же дурны, высокомерных же Бог может исцелить». Однако ты прилежно храни себя от таковых, духовное и возлюбленное мое чадо, чтобы как-нибудь с ними оказавшись, не повредиться сильно тебе самому. Их когда-нибудь человеколюбивый и всещедрый Бог, как знает, излечит, ты же останешься испорченным от общения с ними. Я не хочу, чтобы ты не знал в высшей степени необходимое, что то, что касается правой веры, сохраняется (ими) цело и неоскудно и без какого-либо подозрения (все в точности) Божьей благодатью, и нет нужды исследовать и испытывать относительно этого. Но в исполнении Божьих законов, божественных правил святых соборов и других преданий святых отцов, которые есть в Божественных Писаниях, есть нам забота, поскольку мы не видим, чтобы они сохранялись.

И сия убо о сих нужных написахом тебѣ къ вѣдѣнью твоему мало, яко да не яже о вѣрѣ испытуеши, но едина точью, яже о дѣяньих, и множея ничто. Яко да не всуе въ словопрѣнія себе вѣлагаеши мятежа. Книгу, яже знаеши, Толкованія заповедемъ Господнимъ,* яже написах поспѣшениемъ Божиимъ въ уности моей и есть здѣ въ Святемъ Симеонѣ Чюдотворци. Нынѣ же паки поспѣшествомъ Божиимъ, пречистыя Богородица написана бысть другая, имущи Божественая Писанія, являющая же от невѣдѣнія бывающая падения въ нас христьянѣхъ, яже и небрегома оставлена быша въ предъваршихъ лѣтѣхъ, — о раздорѣхъ монастырскихъ и инѣхъ различныхъ винахъ нужныхъ. Мала же есть, не достигающая до единого златника, а нѣсть велика, якоже первая. Положена же быша зде, въ сборный Церкви, рекше в патриархии Антиохійстей, яко нужна есть и требуетъ ю Церква, такожде и въ святемъ Симеонѣ чюдотворци. И сего ради послахъ ю ту, и да възложена будетъ, аще и недостойну сущю ми, даръ въ Святое Въскресење. И аще ю препишеши и ты и друзии, на ползу бываетъ души. И паки да есть въ Патриархии якоже и здѣ. Сборная бо Церква патриархія истязаша ту съ опасствомъ и въсприяша. И въ сборную Церковь възложена бысть и прията благодатью Христовою яко нужна. Сего ради и ты и сущи ту, трудолюбноствовавше ту с Богомъ, о недостойнствѣ моемъ помолитесь, и Богъ за молитвъ Владычица наша Богородица и всѣхъ Его святыхъ, да будетъ покрывая и сохраняя тя от всякого зла и спасеть тя въ Своемъ царствіи.

У святаго и живоноснаго Гроба Господня створи вмѣсто мене до земля метаний, 12 такожде и святыя Голгофы и в Гефсимани* и блаженому и святому моему владыце патриарху, яко недостойный азъ Никонъ рабъ рабомъ его, и прочимъ владыкамъ моимъ и отцемъ, подобнѣ же и братьямъ, иже прилучатся ту, метанія всѣмъ, да помолятся о мнѣ, яко да мя помилуетъ Богъ и съхранитъ мя, недостойнаго, молитвами Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь.

СЛОВО 37. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХЪ И ВЪЗЛЮБЛѢНЫХЪ ОТЕЦЪ И БРАТЬИ НАШИХЪ ИВИРОХЪ КЪ ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ ИНОКУ ГЕРАСИМУ

Послахомъ прежде, духовное мое чадо, Божественая Писанія от патриархія же Антиохійския и святаго Симеона Чюдотворца обители, и мое, недостойнаго, имуща книжная свѣдѣтельства и извѣщення о духовныхъ нашихъ братьяхъ, нарицаемые цадохъ, показующе тѣхъ непорочное отвсюду благодатью Христовою, въ яже о вѣрѣ и распряхъ и сънмицахъ чистомъ быти таковымъ свершенѣмъ и всякого зазора вышимъ благодатью Христовою. Сиче паки и здѣ о духовныхъ и любимыхъ отцѣхъ и братьяхъ нашихъ ивирахъ, еже Богъ укрѣпи и дарова за молитвъ святыхъ, съвъкуплеше, и еже обрѣтохомъ от Божественыхъ Писаний,

И это немного об этих трудных вопросах мы написали тебе к твоему сведению, чтобы ты не испытывал того, что касается веры, но только лишь то, что касается дел, и больше ничего. Чтобы ты не ввергал себя напрасно в словопрения и смуты. Ведь ты знаешь Книгу толкований заповедей Господних, которую я написал с Божьей помощью в молодости и которая есть здесь в монастыре святого Симеона Чудотворца. Недавно опять-таки с Божьей помощью и Пречистой Богоматери я написал другую книгу, содержащую Божественные Писания, в которой указывается на падения, что происходят у нас, христиан, от незнания, что находилось в пренебрежении в прежние годы, — о раздорах монастырских и различных других тяжких вещах. Она мала, не достигает до одного златника, а не велика, как первая. Она была положена здесь, в соборной Церкви, то есть в патриархии Антиохийской, ибо необходима, и Церковь в ней нуждается, а также и в монастыре святого Симеона Чудотворца. И поэтому я ее послал туда, и пусть будет положена в дар в Церковь Святого Воскресения, хотя я (того) и недостойн. И если ты ее перепишешь, ты и другие, это будет на душевную пользу. И пусть будет в патриархии, так же как и здесь. Ибо соборная Церковь патриархия, тщательно исследовав ее, приняла. Она была посвящена в соборную Церковь и принята благодатью Христовой как необходимая. По этому случаю и ты, и те, кто находится там, потрудившись с Богом, о моем достоинстве помолитесь, и Бог молитвами Владычицы нашей Богородицы и всех Его святых покроет и сохранит тебя от всякого зла и спасет тебя во царствии Своем.

У святого и живоносного Гроба Господня сотвори за меня 12 земных поклонов, а также у святой Голгофы и в святой Гефсимании, и блаженнейшему и святому моему владыке патриарху, ибо я недостойный, Никон, раб рабов его, и остальным владыкам моим и отцам, а также братьям, которые там окажутся, земные поклоны всем, пусть помолятся обо мне, чтобы помиловал меня Бог и сохранил меня, недостойного, молитвами Богородицы и всех святых, аминь.

СЛОВО 37. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ОТЦАХ И БРАТЬЯХ НАШИХ ИВИРАХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ МОНАХУ ГЕРАСИМУ

Отправили мы тебе прежде, духовное мое чадо, Божественные Писания от Антиохийской патриархии и монастыря святого Симеона Чудотворца и от меня, недостойного, послание, содержащее письменные свидетельства и известия о духовных наших братьях, называемых цатами, показывающие их непорочность со всех сторон, благодатью Христовой, в отношении веры, раздоров и (тайных) сборищ, совершенно чистыми и стоящими выше всякого подозрения, благодатью Христовой. Таким же образом и здесь еще о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, что Бог укрепил и даровал по молитвам

счетахом сия и послахомъ тебѣ Божья ради любве и подобныя ей къ искренему. И ты паки другимъ ти подай и исполняя божественныя любве уставъ, яко да явѣ будутъ сия, яже предваршихъ лѣтъ в различныхъ книгахъ лежащая от небреженья же не испытуета, ниже являема, и сие рещи погребена и яко въ мрацѣ крыема. Сего ради азъ, недостойный Никонъ, иже по духу отецъ твой, поспѣшествомъ Божиимъ сия трудолюбною, послахъ ти первая убо о духовныхъ нашихъ братьяхъ, нарицаемыхъ цатѣ, и ныне паки о духовныхъ и любовныхъ нашихъ отцехъ и братьяхъ ивирахъ, яко да азъ, недостойный Никонъ, рабъ тѣхъ святаго молитвъ и любве божественныя бѣвъ Божию милость на себе привлеку, якоже изначала и прежде обои, азъ же и сии отци наши и братья, божественнымъ Духомъ усвоими, божественою любовью уставъ исполняюще дѣломъ и словомъ елико по силѣ.

Сии бо духовнии и възлюблении отци наши и братья изначала убо вѣдѣние обращения ихъ отъ суетныхъ идолъ къ истинный христіаньстий вѣрѣ блаженный Феодоритъ епископъ Кирьскій в Церковнѣмъ списании повѣдуютъ* о иже отъ грѣцкыя земля пленены блаженныя оны въ женахъ добродѣтелныя Нонны,* како языкъ ивирскій обра(тися) на христіанство отъ суетныхъ идолъ, и убо яже такового начала тамо сказуетъ. Въ другой же паки повѣстнѣй книзѣ пишетъ сие: яко въ царство великого Константина* Иверія въ православную вѣру приде и христіанство приятъ, уврачевана бывши отъ нея. Сыну бо царя ивирскаго въ лють недужѣ бывшую, царь, увѣдѣвъ, христіанинъ бысть, и ты же и вси. И храмъ моляше царя създати. Царь же еже убо о супружници бывшее чудо хваляше же и славляше, храмъ же не хотяше създати. Лѣту же мимошедшу, ты на ловъ изиде. И человеколюбивый же Владыка того якоже Паула улови, мракъ бо на нь внезапно нападъ, не оставяше напредъ пойти. И ловащеи убо солнечныя луча обычно наслаждахуся, тѣ же единъ невидѣния связанъ бысть язами. Въ недоумѣнии же сый, и умѣние обрѣте спасения. И абие мракъ онъ преиде на свѣтъ. И призвавъ иже Веселеила, начялохудожника, примудрости исполниваго, и того сподоби благодатью, якоже божественный описати храмъ. Они же основание копаху же и зиждаху. И яко свершися храмъ, трѣбоваху священника обрѣсти. И сему обрѣтению чудная жена створи, увѣща бо начальника языку оному къ грѣцкому послати царю и просити да послетъ ему учителя благочестью.

Царь же великий Константинъ, съ обрадованиемъ посланники приимъ, посла имъ Еустафья, патриарха Антиохійскаго, съ мною честию. И шедъ тамо, крести и всихъ съ царемъ и освяти възсзданный храмъ, и створи имъ сборнаго епископа, въобразивы ему божественнымъ уставомъ подъ властью быти патриарху Антиохійскому. Царь же ивирскій и свѣтницъ его уставивша патриарху антиохійскому въ подани ему ароматомъ святаго мира токмо тысящу селъ въ земли ивирьстий, яко да отъ прихода ихъ подаются аромата миру. Въ Антиохии

святых и что обрели мы в Божественных Писаниях, собрали мы и совокупили и отправили тебе ради божественной любви и подобной ей любви к ближнему. И ты это передай другим, исполняя заповедь божественной любви, чтобы стало явным то, что с прежних лет было записано в различные книги и из-за пренебрежения не было ни исследовано, ни выявлено, и, можно сказать, погребено, и, как во мраке, скрыто. Поэтому я, недостойный Никон, духовный отец твой, с Божьей помощью в этом потрудившись, послал тебе сперва о духовных наших братьях, называемых цатами, теперь же о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, чтобы мне, недостойному Никону, рабу их святой молитвы и божественной любви, привлечь на себя милость Божию, ибо изначально и прежде обе стороны, я и отцы наши и братья, приобщаясь к божественному Духу, наполнялись установлением божественной любви, по мере сил, делом и словом.

Что касается этих духовных и возлюбленных отцов наших и братьев, то изначально сведения об их обращении от суетных идолов к истинной христианской вере рассказывает блаженный Феодорит, епископ кирский, в Церковной истории, о той от греческой земли плененной блаженной среди женщин и добродетельной Нонне, как ивирский народ обратила к христианству от суетных идолов, и о начале этого так рассказывает. В другой же исторической книге написано так: в царствование Константина Великого Иверия пришла к православной вере и приняла христианство, будучи излечена ею. Ибо когда сын царя ивиров находился в тяжелой болезни, царь, узнав об этом, стал христианином, и все (вокруг него). И Нонна попросила царя построить храм. Царь же, восхваляя чудо, произошедшее у его супруги, храм же создать не хотел. Спустя год вышел он на охоту. И человеколюбивый Владыка его уловил, как и Павла, ибо на него внезапно напал мрак, не позволяя идти вперед. И те, кто вместе с ним охотились, как обычно, наслаждались солнечными лучами, он же один был связан путами слепоты. Оказавшись в состоянии непонимания, он обрел понимание спасения. И сразу тот мрак изменился на свет. И, призвав Веселеила, первостроителя, исполненного мудрости, удостоил его благодати описать божественный храм. И стали они копать основание и строить. И когда храм был окончен, нужно было найти священника. И его обретение сотворила удивительная женщина, ибо она убедила главу того народа отправиться к царю греческому и просить его прислать учителя благочестия.

Великий же император Константин, с радостью приняв послов, отправил им Евстафия, патриарха антиохийского, с большой честью. И, придя туда, он крестил всех вместе с царем и освятил созданный храм, и поставил им соборного епископа, установив, что он, по божественному уставу, подчиняется патриарху антиохийскому. Царь же ивиров и его советники постановили патриарху антиохийскому за доставление ароматов святого мира только тысячу сел в стране Иверии, чтобы от их приношений поставлялись ароматы мира. Потому

бо бѣ уставъ освящатися миру, и оттуду подаяшесе по всему миру. Инде бо не освящашесе миро. И зде убо тако.

Паки в другой книзѣ повестнѣй глаголет, яко при Константинѣ царѣ Копронимѣ,* патриарху сущю блаженому Феофилакту въ Антиохии, придоша от Ивирия инока два и възвѣстиша блаженому Феофилакту, яко в нужди суть християнѣ сель иверьских, не имуще сборнаго архиепископа. От дний бо блаженаго Анастасья, священномученика и патриарха Антиохийскаго, не поставлен бысть им архиепископъ сборный остроты ради путныя и заеже не смѣяти кому агарянь ради мимо ходий.* И сборным судом своих митрополитъ и архиепископъ и епископъ повелитѣльное писание даст ивиром поставлятися от епископъ прѣдѣла его, иже въ дни тыя сборному архиепископу ивирскому, поеже быти избранию от них, и створити и жребий, и по жребью идеже божественая благодатью объявить, поставитъ того по церковному уставу. И створиша написано въспоминание о том и съшедый сборъ и запечатливъ въдаст им, и поста(ви) единого от обою посланую мниху, Иване именемъ. Бяху же села патриархова въ Иверии тысяща изначала уставлена; и устави даяти на коеждо лѣто по времени патриархомъ дань от тѣх сель его, златник тысящу окуплени ароматом святаго мира.* И на всяко лѣто даяхуся даже до Ивана святаго патриарха Иерусалимскаго. При Орестѣ святѣйшем патриарси Антиохийстемъ, идущи ему на моление киръ Василию,* уставлено же бысть въспоминание имѣти патриарху Антиохийскому единому в Иверии,* и посылати екзарха* на посѣщение о ересехъ и истязании о душевныхъ съблздохъ и взимати уряденая от сель онѣх.

Паки же въ дѣлныхъ иже въ Халкидонѣ святаго сбора пишеть сиче: яко уставлено же бысть миро всюду освящатися; первѣ бо от Антиохийскаго тоцью освящашесе. Увъдевше же яко даровъ ради даемо бывает, уставлено бысть всюду от епископъ освящаему быти. Царь же любезни учредивъ сборъ 630 отецъ, отпусти кождо во свояси. Въ послѣднихъ же временахъ при Константинѣ цари Мономастѣ* и блаженемъ патриарси Антиохистемъ киръ Феодорѣ* възнице плевеломъ съятель нѣкый* от епископъ въ Иверии. Тѣмъже и различна послания киръ Феодоръ и с кувуклисемъ посла* въ Иверию, исправивъ вся иже тамо бывшая соблазны благодатью Божиею, усердемъ же и божественою ревностью иже тамо божественныхъ отецъ и епископъ. Яже послания зде обрѣтаются въ Чюдотворци и святѣмъ Симеонѣ у игумена киръ Иоанна, произволениемъ Дипотатова. Въ каковыхъ убо посланиихъ пишеться повеление и рукоположение патриарха киръ Феодора посланими, въ тогдашнее время бывшее сборному иверийскому киръ Иоанну.

Сия, духовный брате и чадо, елико по силѣ написахъ ти, еже обрѣтохъ в Божественныхъ Писаниихъ о такихъ винахъ. И обаче якоже въси, яко въ житии господина нашего и чюдотворца Симеона глаголю, яко въ единъ от дний бывъ

что существовал устав освящать мир в Антиохии, и оттуда оно доставлялось по всему миру. Ибо в других местах мир не освещалось. Здесь сказано таким образом.

В другой же исторической книге говорится: при императоре Константине Копрониме и антиохийском патриархе Феофилакте из Иверии прибыли двое монахов и сообщили блаженному Феофилакту, что христиане иверийских сел пребывают в нужде, не имея соборного епископа. Потому что со времени блаженного Анастасия, священномученика и патриарха Антиохии, для них не был рукоположен соборный архиепископ по причине трудности пути, и поскольку никто не смеет через земли агарян пройти. И по соборному решению митрополитов, архиепископов и епископов того места он дал ивирам повелительное послание, чтобы соборный архиепископ Иверии рукополагался от епископов его страны: после избрания у них бросить жребий, и после жребия, если божественная благодать такому проявится, того утвердить по церковному уставу. И сделали письменный документ об этом, и собравшийся собор, подтвердив его, вручил им и рукоположил одного из двух посланных монахов по имени Иван. Было же установленных изначала владений патриарха в Иверии тысяча; и постановил (собор) платить ежегодно патриархам, которые правят, дань от тех имений в тысячу златников за покупку ароматов святого мира. И ежегодно давали вплоть до святейшего патриарха Иерусалимского Иоанна. При святейшем патриархе Антиохийском Оресте, когда он шел с миссией к (императору) кир Василию, было установлено, что в Иверии поминается только антиохийский патриарх и он может посылать экзарха для наблюдения за ересями и расследования духовных согрешений и чтобы взимать установленное от тех имений.

Опять-таки в деяниях святого Халкидонского собора написано, что было установлено освящать мир повсюду; ибо сначала оно освещалось только в Антиохии. Когда стало известно, что оно дается за дары, было постановлено, чтобы освещалось епископами повсюду. Император же, благосклонно учредив собор 630 отцов, отпустил каждого восвояси. Позднее, при императоре Константине Мономахе и блаженном патриархе антиохийском кир Феодоре, появился некий сеятель плевелов среди епископов в Иверии. Поэтому кир Феодор с кувуклисием послал в Иверию различные письма, исправив все произошедшие там недоразумения благодатью Божией, усердием и божественной ревностью там находящихся божественных отцов и епископов. Эти письма находятся здесь, в святом Симеоне Чудотворце у игумена кир Иоанна Дипотата. В этих посланиях содержится повеление о рукоположении, писанное в то время патриархом кир Феодором каталикосу Иверии кир Иоанну.

Это, духовное мое чадо, насколько я был в силах, я написал тебе, что я нашел в Божественных Писаниях о таковых вещах. И также, как ты знаешь, что в житии святого господина нашего Симеона Чудотворца говорится, что,

святой въ изъступлении, видѣ множества многа мужий и женъ и дѣтий съ отцы грядущаго от Вѣстока к нему, молитвы же и славословія въсылающе Богови, Святой же Духъ осиняющъ множества и идушъ с ними. Сим же приближившимся Святой и Дивной горѣ, рече Духъ Святой и къ своему угоднику Симеону: «Вѣси ли, кто суть сии, иже к тебѣ грядущи? Си суть язык иверскый, иже възлюбят тя имени моего ради и придут к тебѣ по времени с вѣрою и извѣщеніем мнозѣм и искусы приемлюще данныя тебѣ изцѣленіем благодати, и проповѣдят яже о тебѣ в всей странѣ своей, и ползуют вся иже в ней вѣрныя. И от них вселяться въ благочестивѣи обители твоей и благопотребнѣи и вѣрнѣи будут». Малѣмъ же по видѣнии сем мимошедшим днемъ, и придоша к нему множество ивирѣ молящимся съ кресты, и многы от них изцѣли от нечистыхъ бѣсов мучимых и различными страстями сдержимыя же и стужаемыя. И нѣци от них видѣвше яже от святого бывшая чудотворения, просиша с ними быти. Въсприим убо тѣхъ прѣдложение и разумѣвъ волѣ Божию быти то, якоже и предрече ему Духъ Святой, прият тѣхъ прошение; и прѣбыша прочее въ монастырѣ иночское держеще житие.

Сия вся мы прочетше, по разуму Божественныя любви житие наше въ благоугождение устроим, яко да предреченыхъ отецъ и братьей молитвами помогаемы милостива имамы Христа истиннаго Бога нашего молитвами Пречистыя Матери Его и Богородица и всѣхъ святыхъ. Аминь.

когда однажды святой находился в исступлении, он увидел большие толпы мужчин, женщин и детей с отцами, идущих к нему с востока, воссылающих к Богу молитвы и славословия, и Святой Дух осенял множество и шел с ними. Когда они приблизились к святой Дивной Горе, Святой Дух сказал своему угоднику Симеону: «Знаешь ли ты, кто есть эти пришедшие к тебе? Это народ иверов, который возлюбит тебя имени Моего ради и придет к тебе со временем с верой и многими известиями и искушение возьмут на себя дарованной тебе благодатью исцелений, провозгласят о тебе во всей своей стране и устроят на пользу всех в ней верующих. Некоторые из них поселятся в твоей благочестивой обители и будут полезны и верны». Спустя немного дней после этого видения явилось к нему множество иверов, молящихся с крестами, и многих из них он излечил, мучимых нечистыми духами и одержимых различными страстями. Некоторые из них, видя чудеса святого, просили (его) быть с ними. Приняв их предложение и зная, что это желание Бога, как ему прежде сказал Святой Дух, он принял их просьбу, и так остались они в его монастыре, подвизаясь в иноческой жизни.

Все это прочтя, давайте устроим по разуму божественной любви нашу жизнь в угоду Богу, чтобы с помощью молитв вышеупомянутых отцов и братьев иметь помощником Христа истинного Бога нашего молитвами Пречистой Матери Его и Богородицы и всех святых. Аминь.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ТРЕТЬЯГО СЛОВА СУТЬ СТИХОВЕ ВСИ 1654 СЛОВО 3

1. Яко ничтоже творит душа или дѣйствует кромѣ тѣла, но его всѣми уды дѣйствует и познавается, какова есть и колика.

2. Яко аще не въ свершенъ възрасть приидут уди и части телесныя, дѣйства душевная неявлена суть.

3. Яко аще что от удовъ телесныхъ погибнет или инако вредиться, бездѣльствуетъ душа к служенью его.

4. Убо в коей части тѣла пребыванье уму мнѣти достоить.

5. Яко сраслена есть душа телеси и вкупѣ душа и вкупѣ и тѣло, не бо прежнѣйшее единъ другаго.

6. Яко, тѣлу разрушаему, не сраздрушается с ним и душа, и како бесмертное и славное с мертвым и неславнымъ создано бысть, и которое котораго перевозданно бысть.

7. Убо кто согрѣшивы въо Адамѣ изначала — душа или тѣло, и яко смерть не мука есть, но врачеванье и смотренье добрѣйшее, и яко душа, дондеже привязана есть сей плоти, мысленая видѣти не может.

8. Иже по образу и по подобью кое есть, и кто от обою имат то — душа или тѣло.

9. Убо тлѣнна ли Адамова плоть или нетлѣнна создана бысть.

10. И гдѣ хожем глаголати преже отшедшии *сущиа* душа; яко в последний день хожемъ вси от вѣка усопшеи воскреснути и какови.

11. Христось, сшедъ въ адъ, вся ли иже от вѣка тамо сущая душа свободы, по Писанию, или ни, и како и кимъ образомъ познаютъ душа каяждо свое тѣло в възкресении.

12. Яко обещно тогда быти и познание на всѣхъ, дондеже ови от десныя, ови же ошюю разлучаются, и тако будетъ паки праведнымъ познание, грѣшнымъ же ни.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ВСЕГО В ТРЕТЬЕМ СЛОВЕ 1654 СТИХА
СЛОВО 3

1. Что душа ничего не совершает и не делает помимо тела, но действует только с помощью всех его членов, а через это и познается, какова она и какая.

2. Что если не полностью разовьются члены и части тела, действия душевные останутся непроявленными.

3. Что если какой-нибудь из членов тела погибнет или иначе повредится, душа окажется не в состоянии действовать присущим этому члену образом.

4. В какой части тела следует считать пребывающим ум.

5. Что сращена душа с телом и одновременно появились душа и тело, а не одно прежде другого.

6. Что с разрушением тела не разрушается с ним и душа; и о том, как бессмертное и славное было создано со смертным и бесславным, и что чего первозданней.

7. Кто согрешил в Адаме сначала — душа или тело, и — что смерть не мука, но врачевание и прекрасное предвидение, и что душа, пока привязана к этой плоти, мысленно видеть не способна.

8. Что у человека по образу и что по подобию, и кто из обеих обладает этим — душа или тело.

9. Тленной или нетленной была создана Адамова плоть.

10. Где следует считать пребывающими души прежде отошедших, и — что в последний день все от начала веков умершие воскреснем и какими.

11. Христос, сойдя в ад, все ли от века там находящиеся души освободил, по Писанию, или нет, и как и каким образом каждая душа опознает свое тело при воскресении.

12. Что все тогда будут узнавать всех, пока не разделятся на стоящих справа и слева, после чего одни только праведные будут узнавать друг друга, а грешные нет.

13. Яко на воскресение всячьская тварь обновиться в нетлѣние к лучше добротѣ и видѣнию, — подобнѣ и человѣчьская телеса, с ними же и душа, но не тричастны будут тогда, якоже нынѣ, но отимуться двѣ части от них — ярость и желание.

14. И еще о въскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО СЛОВА

Душа: Се другое взискание, се и другое впрошенье. От нихже впросих тя вчера и во втором словѣ, многа ми явила еси и многа сказала ми еси. Хотѣх же увѣдѣти, гдѣ хошем глаголати преже умершихъ душа быти: аще въ адѣ речеши ми, — да гдѣ есть адъ? Рци ми се явственѣ, рци и не облѣнися.

Плоть: Невнимателна о мнозѣ еси, о душе моя. Аще бо бы внимала, смѣренная, от ихже прочитаеши и от ихже поеши многажды на который же день, хотяше многая навькнути и разумети вся си, учителя не бы требовала, ниже сказателя. Слышано ли бысть се, владычице, да не знаеши сия, но впрашаеши рабу свою, мене оканную!

Душа: Аще убо не навькну от тебе, от кого научюся? От Писания слышах, еже впрашати убо лучше есть и еже свѣтовати многихъ спасительно есть.

Плоть: Да что есть и каково дѣло, еже имаши, и где скытається умъ, и где обьходит, скажи.

Душа: Кое убо дѣло — еже испытovati божественое: и отнуду же приход, и еже ради вины, и кто есть зижитель мой, и како честнѣйшу всѣхъ иже в мирѣ створи мя тварей и под руку далъ есть скоты же и звѣря, и гад, и птица, и ина глаголю вся, небо с своими ему, земля и иная паки, — и како мя затвориль есть в тебѣ смраднѣй, и идеже паки поиду, отлучився тебе конечнѣй.

Плоть: Право убо отвѣща ми, и добрѣ отглагола; сия поучайся всегда; сия тебѣ да суть дѣло; да навькнеши от них лучшая, божественая.

Душа: Азь убо се желаю воину и хощу поучение незабытно имѣти ми в сѣхъ. Но якоже вепрь калу радуется и сквернѣ и на каждо день валяется, услажаяся в немъ, тако и ты, всезлая плоти, всяко с сими плотскими своими страстми и сластми студными и скверными дѣянми сѣкверниши мя на каждо день, валяющися в них без боязни, якоже свинья, и низвлачиши мя долѣ, и никакоже оставляеши мя горняя зрѣти и мудрствовати, и в горняя входити. Зрительное угасила еси — еже есть умъ мой. И како возмогу навькнути, помрачена сущи и ослѣплена всячески, зрѣти не имущи!

13. Что с воскресением всяческая тварь обновится, сделавшись нетленной и став лучше и красивей, также и человеческие тела, а с ними и души, но не трехчастны, как теперь, они тогда будут, ибо отнимутся две части у них — способности ярости и влечения.

14. И еще о воскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО СЛОВА

Душа: Вот новая тема, вот и новый вопрос. Из того, о чем я спросила тебя вчера, во втором слове, ты многое мне раскрыла и много мне сказала. А теперь я захотела разузнать, что надлежит нам думать о том, где пребывают души прежде умерших: если «в аду» скажешь мне, — где ад? Ответь мне на это ясно, ответь, не поленись.

Плоть: Ты очень невнимательна, о душа моя. Ведь если б ты внимала смиренно тому, что читаешь и что многократно каждый день поешь, то очень много узнала бы, и поняла все это, и не имела бы потребности ни в учителе, ни в толкователе. И слыхано ли это, владычица, не знать этого и спрашивать свою рабу, меня, окаянную!

Душа: Коль от тебя не узнаю, у кого научусь? А из Писания я слышала, что спрашивать полезно и советоваться со многими спасительно.

Плоть: Да какое же дело теперь тебя занимает, и где, скажи, твой ум скитается и блуждает.

Душа: Такое дело — постигать божественное: откуда я пришла, и по какой причине, и кто создатель мой, и почему, создав меня высшей всех сущих в мире тварей и подчинив мне животных, зверей, и гадов, и птиц, и прочее, можно сказать, все: небо вместе с тем, что в нем, и землю, и иное, — при этом он поместил меня в тебе, смрадной, и куда потом я пойду, с тобой, наконец, расставшись?

Плоть: Ты правильно ответила и хорошо сказала; и это постигай всегда; пусть это будет твоим делом, чтобы ты научилась лучшему и божественному.

Душа: Я ведь того и желаю всегда и хочу хорошее поучение об этом услышать. Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и усладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?

Плоть: Да вѣдѣ ты водиши мя и ты всяко носиши! Да вѣдѣ ты обращаеши мя, якоже снузнецъ коня. Азъ убо кромѣ тебе ничтоже отнудъ творю: ниже доброе, ниже злое, ни посреднее спроста. Да что мя укаряеши много и что мя бесчестиши? Или убо добръ, или злѣ живемъ — твое еже хотѣти.

Душа: Непщюеши, злѣйшая, благословенѣ противится мнѣ? Но нѣсть, ты якоже рече, нѣсть, якоже глаголеши! Но — якоже конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь,* неудержим, зловидень и непокорень зѣло, внегда хопит узду, стища зубы своими, и въздвигъ выю яростнѣ и к брегом устремиться и в пропасть, и рассѣлины, и ровища калная и самъ себе низѣринет вкупѣ со всадникомъ; аще ли възпящается, то паки горше есть, — сицевому подобно стражемъ обѣ вкупѣ. Сверѣпѣеши, якоже онъ предреченъ мною конь, враждедая, и тогда не могу повести тя, якоже хощу, но яможе ты хощеши, водиши мя нехотящу. Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе, или гладом озлобя тя и жестоцѣмъ житиемъ, аще труды тебѣ наведу многы и великы и подвигы нанесу ти, яко да постражеши — да некако буюеши, и играеши, и скачеши отнуд, — и положю долу тя мертву, полумрщвену паки, — въ еже показати тя паки покориву быти, и не имамъ служащаго ми, ниже помагающаго, не имамъ с кимъ добродѣтели сдѣяти! И како сию да стяжю и како сию створю?

Аще ли же упокою тя и угожю ти, паки на мя вѣстаеши злѣ и ратуеши мя бѣснѣ, и низѣлагаеши мя долѣ в дѣянїя неправедна. Обаче помагаеши ми нѣкогда створити любимая к Богу, пособьствуеши мя *во многая, но и ратуеши мя; и помощника имамъ те*, и съперника паки, и ратника нещадна, и врага же сверѣпа. Горе, горе мне! Како: враг — и другъ любы мнѣ! И что сдѣяти, недоумѣю, и что створю, не вѣмъ. Аще убо створилъ бы Богъ, да свобожюся тебе, изышла бы твою темницу и зловонья смраде, изышла быхъ убо, наставлена от ангела, вскорѣ в моя си, в мое отечество, и, яже в мирѣ оставльши, в премирныхъ жила быхъ.

Плоть: Много възвысися, о душе, много възнеслася еси — яко невестивена и добра и яко превышши, яко мыслена и словесна, и бесмертна суши, и яко от вышняго и небеснаго мира, сей миръ убо нѣсть достоинъ тебѣ, азъ есмь злородна, азъ есмь раба от сего мира тлѣннаго, премѣннаго и сквернаго, от четырехъ его всѣхъ ставъ вся есмь — и мерзка, и сквернава, и нечиста, якоже глаголеши. И глаголи еже хощеши, госпожа бо ми еси. Но убо яже укаряеши злую мене, юже бесчестиши, — аще мя не бы имѣла, владычице, не бы достойна мѣдницу.

Душа: Да како обесрамися, и како обесчестиши мя, и како охуди мя? Хощу навькнути, еже рече.

Плоть: Вонми, прочее, и слыши, и не огорчайся отнудъ, ни же гнѣвайся на мя всуе туне тако, елма обезчивихся тебѣ, елма обесрамихся и

Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь и за что бесчестишь? Хорошо ли, дурно ли мы живем — зависит от твоей воли.

Душа: Полагаешь, злейшая, что разумно мне перечишь? Но не так обстоит дело, как ты сказала, не так, как говоришь! Но словно конь свирепый, что зовется Сиртиарий, неудержимый, страшный и весьма непокорный, когда грызет узду, стиснув ее зубами, и, шею яростно задрав, к берегам устремляется, и в пропасти, и в ямы, в рвы, наполненные грязью, сам себя повергает вместе со всадником; если же попятится, то будет еще хуже, — подобно этому и мы страдаем обе вместе. Ты, враждебная, свирепеешь, как этот названный мной конь, и тогда я не могу вести тебя, куда хочу, но ты, куда хочешь, несешь меня против моей воли. Если же я побью тебя палкой и помучу тебя или голодом накажу тебя и суровой жизнью, если трудами нагружу тебя многими и тяжелыми и работы возложу на тебя такие, чтобы пострадала ты — чтоб не буйствовала больше, не озоровала, не скакала совсем, — умерщвленной и полумертвой низложу тебя, чтобы заставить тебя быть покорной, то лишаюсь тогда своего слуги и помощника, и не с кем мне будет добрых дел сделать! Как добродетель тогда стяжать и сотворить мне?

А если же дам тебе покой и угожу тебе, вновь на меня восстаешь со злобой и бешено воюешь со мной, и низвергаешь меня вниз, в деяния неправедные. Однако же иногда ты помогаешь мне совершить любимое Богом, способствуешь мне во многом, но воюешь со мной; и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг — и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю. Если бы дал Бог от тебя освободиться, вышла бы я из твоей зловонной и смрадной темницы, быстро пошла бы, наставляемая ангелом, в мое отечество и, оставив все мирское, в надмирном мире жила бы.

Плоть: Слишком возвысилась ты, о душа, и чрезмерно вознеслась: и невещественна ты, и добра, и все-то ты превосходишь, и осмысленна ты, и словесна, и бессмертна, и приходишь из высшего небесного мира, а этот мир недостоин тебя, а я злородна, я раба из этого изменчивого и скверного мира, из всех его четырех стихий вся состою, и мерзка я, и скверна, и нечиста, как ты говоришь. И говори, что хочешь, ведь госпожа ты мне. Но хотя ты меня и называешь, укоряя, злой и бесчестишь, но если бы ты меня не имела, владычица, не стоила бы ты и медяка.

Душа: С чего ты потеряла стыд, с чего бесчестишь ты меня, что унижаешь? Хочу понять твои слова.

Плоть: Тогда внимай и, слыша, не огорчайся и не гневайся на меня понапрасну, как если бы я бесчестила тебя, как если бы я обнаглела и стыд

стыдение отложих от моего лица. Рьку тебѣ истину, или хошеши, или не хошеши. И вонми здѣ смысленѣ и разумѣй яже глаголю.

Кромѣ ссуд моих удовъ, госпоже, Творца своего и Бога славословити не можеша, — аще не имаши сдѣлницу мене и помощницу свою. Но ниже благодарити яко творенье Создателя, ни о нихже согрѣшила еси сама покаятися можеша кромѣ слезъ и въздыханія, якоже она блудница и Петръ. Внегда убо мене отлучишися, разумѣши, кто еси?

Душа: Да како отнудъ глаголеши и како имаши уста и всяко противъ глаголеши ми и не срамляешися?!

Плоть: Да почто да не глаголю и почто и престану, елма предана быхъ тебѣ, яко да мя имаши рабу? Вину же не свѣм и како рещи не вѣдаю. Не бо преже мене еси, но вкупѣ ты же и азъ. Еда бо мене скудѣльникъ созда, Богъ же тебе? И что еси кромѣ мене и кая еси, скажи? Невидима и незнаема всѣмъ вся еси, никтоже познаваяй тя, никтоже видяй тя, или добра, или зла, не вѣсть какова еси — или мудра, или буя, или смысла же, или разумна и преепроста паки.

Душа: Да како есть еже глагола? Реченое не разумѣхъ.

Плоть: Слыши убо и вѣруй и покорись имже глаголю. Сущая убо вся познаваема суть чювством, умная же умнѣ постигаема суть. Яже убо чювственна суть чювство чювственѣ познаваем, а яже паки мыслена — мыслена, якоже рѣхъ. Показанье чювство чювственѣ имат, постигаемое же мысленѣ, о страстная, не от того самаго познавается, но от дѣйства. Невѣдома сущи, о душе, и невидима вся, вправду убо познаваешися от дѣйствъ, якоже и Богъ от своихъ ему твари. Бога никтоже видѣ никогдаже отнудъ, невидимо бо есть существом и естествомъ, но убо познавается нѣколико от глаголаныхъ. Невидимая бо Его, — рече божественый Павелъ, — и от тварей разумѣваема,* зрящи, от еже въ тварехъ, — рече, — премудрости бывшая Творецъ и Создатель познавается яковъ. Яже тѣмъ бываемая на всякъ день Сдѣтеля поравеньству проповѣдають. Доброта тварем, величество симъ бывають, Творца ихъ явственѣ сказуют. Азъ оживляюся с тобою и движюся, госпоже, от ихже всяко мною дѣйствуеши же и твориши познаваема еси от мене, якова и колика еси. Азъ показую тя ныне всѣмъ, якова же еси и како еси дѣлательна и дѣйствена в жити. Имаши бо уды моя и ссуды вся и тѣми дѣйствуеши и с сими дѣлаеши, скрыта сущи во мнѣ и затворена. Невидима, яко невеществена вся всегда еси, помышление и разумнѣе все же, аще имаши, скровена суть, о госпоже. Яже в тебѣ ни вѣгий, ни любомудрецъ, ни земовѣрникъ паки, но ниже волхвъ врагъ, — никтоже знаетъ та, дондеже примеша от мене шестострунная уста и къ голосу подобному органскыя моя уды: горло же и душникъ, гортанъ же и языкъ, зубы и устны с ними, — и гласъ вершиши. И тако тогда бывають скровенная вѣдома и явлена, якоже рѣхомъ, разумнѣя твоя. Приничеши очима моима и блюдеши

отложила от лица моего. Скажу тебе правду, хочешь ты того или не хочешь. Послушай теперь осмысленно и разумей, что я буду говорить.

Без помощи моих органов, госпожа, Творца своего и Бога не можешь ты славословить, — если ты не имеешь меня своей соотрудницей и помощницей. Без меня не можешь ты ни возблагодарить своего Создателя как его творенье, ни покаяться в согрешениях со слезами и воздыханиями, как это сделали блудница она и Петр. Со мной расставшись, разумеешь ли, кто ты есть?

Душа: Да как только вообще язык твой поворачивается говорить мне такое, и при этом ты не стыдишься?!

Плоть: А почему бы мне не говорить и отчего умолкнуть, если я отдана тебе, чтобы ты имела меня своей рабою? Вины своей я не знаю и, что сказать, не ведаю. Ведь ты не прежде меня возникла, но вместе со мной. Неужто горшечник меня создал, а тебя Бог? Что ты такое без меня и какая, скажи-ка? Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не может знать тебя, никто и не увидит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, какая ты — мудра, или безумна, или смышлена, или разумна и притом простодушна.

Душа: Да что такое ты говоришь? Я не понимаю сказанного.

Плоть: Так слушай же и верь, и соглашайся с тем, что говорю. Все существующее познаваемо чувством, а умственное умом постигается. Итак, все чувственное мы познаем чувством ведь, а мысленное — мыслью, как я уже сказала. Чувственное способно давать показания чувству, а постигаемое мысленно, о страстная, не прямо само по себе познается, но по действиям. Неведомою будучи, о душа, и полностью невидимой, ты правильно познаешься от собственных действий, как познается Бог по им сотворенному. Ведь Бога никто никогда не видел, ибо он невидим существом и природой, но отчасти познается так, как сказано. Ведь что невидимо в нем, то, сказал божественный Павел, путем наблюдения по тварям уразумевается, от заключенной в тварях премудрости Творец-Создатель бывает познаваем, каков он. Все, чему он дает бытие, равно всякий день своего Создателя проповедует. Красота творения и его величественность ясно свидетельствуют о своем Творце. Я тобою, госпожа, оживляема и движима, и от того, как ты мною действуешь и что делаешь, через меня ты познаешься, какая ты и что ты есть. Я ныне показываю тебя всем, что ты собой являешь, какова ты на деле, что совершаешь в жизни. Ведь ты владеешь всеми моими частями и органами, ими действуешь и с их помощью все делаешь, сокрыта будучи во мне и заперта. Ты невидима, ибо ты вся и всегда невещественна, помышления и все рассуждения, какие ты имеешь, сокрыты, о госпожа. То, что в тебе, ни ритор, ни философ, ни также геометр, ни враг-колдун, — никто не знает то, доколе ты не воспримешь от меня шестиструнные уста и потребные для голоса мои приспособленья: горло с легкими, гортань с языком, зубы и губы с ними, — и произведешь голос. И лишь тогда становится сокровенное открытым, и известными делаются твои рассуждения. Глядишь ты

убо вся, и глаголеши языком моимъ, и слышиши ушима, обонѣваеши ноздрема моима, и рукама дѣлаеши хытрости паки обои и художества вся от малых и худых даже и до великих. Мене бо кромѣ никакоже твориши что отнудъ житийско и телесно, и духовное весма. Азъ тя обиявих, азъ прославих тя. Не хвалися в моих, ни вносияся толико. Аще ли хоцещи увѣдѣти, яко истинно еже глаголю, и сдѣ вонми разумно и навикнеши удобно.

Вѣдѣ еси велика и добра, якоже мниши, устроена во мнѣ и свершена вся всяко абѣе от самая утробы. Аз же, внегода рожося, несвершен младенець есмь, малѣйше отнудъ отроя, якоже рѣх. Как абие не дѣйствуеши что-либо всяко, не глаголеши бо явѣ, ходиши же никако, рукама же спроста не дѣлаеши никако, но вся недѣйствена всегда бываеши. И ждещи, владычице, мене, твою рабу, — дондеже удове мои и части тѣла вся возрастут помалу и одебелѣют сия и доспѣют, якоже рѣх, в мѣру возраста. И тако тогда тѣми дѣйствуеши, яже хоцещи. И по сих же паки аще что от удовъ моих случится и погибнет, якоже не хоцещи, любимая, к дѣланью его и паки забавляешися, не могущи его наверхити дѣло. Аще же мозгъ мой уязвенъ будет мечем, или инако паки врежень будет, ослѣплена бываеши, не зрящи спроста ни добро, ни не таково, несмыслена и скудоумна вся всегда еси и вся недѣйствена, якоже преди рекохъ. Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю, ничтоже дѣлаючи, якоже рече и Христось в Благовѣстованьихъ,* и вѣдѣ имам прочая уды моя вся цѣлы. Тако и ты, прелюбезная, умъ аще погубиши. Ума же потребнѣйше паче всѣх удовъ и органъ добрѣйши вглавны мѣзль есть. И живут в немъ 3 силы умныя: памятное, мечтанье и размысленое же. Мечтанное убо спреди, памятное же сзади, размысленое же посреде чрева вглавнаго, явѣ яко. Разумѣвай добрѣ яже глаголю: тричастное твое не потребно кромѣ сего бывают, и вѣдѣ пребываеши сдраво и цѣло все то: помысленое и яростное, глаголю, с третиимъ, еже есть, владычице моя, похотное, имиже бытие души исперва и еже быти прияти и бысть со мною создана бысть, 3-ми сими умными твоими сставы. Мозгу бо моему суцу сдраву, и цѣлы, 3 силы, о душе, ражают тебѣ 4-ри родныя добродетели и колесницу 4-роконечну: правду и мудрованье ражает помысленое твое, цѣломудренное же паки похотное твое, с сими и яростное ражает тебѣ мужьство... вкупѣ же и умныя силы, о господине: памятное, мечтанное и размысленое же, с сими и пять твоих чювствъ, любимая: умъ и мысль, славу и мечтанье, и чювство послѣднее; и моя же такоже; зрѣнье, обонѣнье, слух и вкушение, и осазанье, вселюбимая — отходят вся отнудъ — умная, и чювственная, и мысленая с сими.

моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих. И без меня никак не можешь ты ничего сделать ни из житейских и телесных дел, ни из духовных. Я всем тебя явила, я прославила тебя. Не хвались моим и столь не заносись. А если хочешь убедиться в том, что правдива моя речь, внимай теперь с умом, и ты легко все постигнешь.

Тебе ведь кажется, что ты большою и красивой помещена во мне и совершенна от самой утробы. Я же, когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственнно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не владеешь, но во всем бездейственной оказываешься. И ждешь ты меня, владычица, твою рабу, — пока мои члены, все части тела, понемногу вырастут, окрепнут и станут, как я сказала, зрелыми в соответствии с моим возрастом. И лишь тогда ты ими можешь действовать как хочешь. А после этого, опять же, если какому-либо из моих членов случится погибнуть, то и против желания, любимая, ты в деле его снова становишься бессильной, не будучи способной то дело делать. Если же мозг мой поражен будет мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепую ты делаешься, не различающей доброе от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездельной, как прежде я сказала. Так же, если я потеряю глаза, во мраке пребываю и в бездействии, как и Христос в Евангелиях сказал, хоть и прочие мои все члены целы. Так и ты, прелюбезная, коль скоро ум погубишь. А для ума нужнейшим из всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг. В нем обитают три умственные силы: память, воображение и мышление. Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы, конечно же. Старайся хорошо уразуметь, что я говорю: три твои части, ума лишившись, ни на что не нужны, хотя бы все это пребывало здоровым и целым, — я имею в виду способности мышления, ярости и третью, каковой является, владычица моя, влечение, ради которых изначально душа существование приняла, быв со мной создана, — эти твои три умственные стихии. А если мой мозг здоров и цел, то три твои умственные силы, о душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение — целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. *(Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие)*, а с ними и умственные силы, о госпожа, — память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, вселюбимая, — отходят все полностью — и умственное, и чувственное, и мысленное с ними.

И вѣдѣ имаша тричастное твое все здраво — словесное и яростное и желательное же, — но обаче недействена и непотребна суть 3 та, не сушу тому сдраву — мозгу, глаголю. Аще ли продолжаться живота моего днье и доспѣют 80-мь лѣтомъ быти или вяще, и ослабѣют вси уди мои, части тѣла, с чювствы моими, имиже украсуешися, ниже тако имаша сдраво мудрованье и цѣло, ниже егда от огня жгомъ есмь зѣлнѣ, якоже убо раздрушается сила моя, нынѣ сраздрушается и умное мудрованье и разумъ. Не имѣю бо органъ крѣпок же и цѣлъ, не может хитростное дѣйство гдѣ показати. Егда бо расту, растеть, и егда бо престану, престанет. Аще бо слабъ есть органъ, слабо есть и пѣнье. Азъ зрю очима, ты же умомъ. Не сушу убо тому сдраву, погубила еси вся. Разумѣй, о душе, еже преже мала ти рѣх, яко без мене сама не бы достойна цаць?

Душа: Разумѣх и домыслихся и удивихся отнудь. Ей, воистину, якоже рече, тако есть, служителнице. Кто есть научивый тя и откуда сия навиче, и откуда сия вѣси?

Плоть: Удивляюся и чюжюся, и что рещи не имам: како впрашаеши, яко поселянни! И слышай дивиться. От чрева матере моя ничтоже отнудь свѣм. Отнели же родихся и в житие приведен бых слышах глаголющаго: «Просьяй примет и ищай прилѣжнѣ, еже хошет, обрѣтает».* Тѣмже и азъ, о нудная, ищю и навикнуя. Но услыши мя, владычице, и вонми сде.

Аристотель мудрый и с нимъ Пократ* в сердца глаголют уму пребыванье имѣти. Галин* же не тако, не в главнѣм моззѣ. Нисьскый же Григорий* не согласует к сим, но спротивъ глаголетъ к ним и инако научает, глаголетъ бо бестелесному неописану быти: не мѣстным описаньем бестелесное естество и телесными нѣкими частми умъ не держиться. Но всем убо телеси проходя, на сущих сдравых органѣх телеси, удѣх всѣх телесных, дѣйствует свое. На немощных же недѣйственъ пребывает и не может хитростное движенье створити.

Якоже кузнецъ, различная держа орудья к дѣянню своему и хитрости своей, и с ними дѣлает яже любит и хошет, но убо два потребнѣйшая от всѣх яже имат, нужнѣйшая, душе, наковальна и омлат есть, кромѣ бо сих никакоже отнудь дѣлает. Сиче ми разумѣй умъ: аще сия не имат, сердце и главный мозгъ, сдрова же и цѣла сия два уда, недѣйствен пребывает.

И глаголю ти, о владычице, величайшее и большее. То, еже быти тобѣ, душе, свѣтоявленѣ таковѣ и умнѣ, и невещественѣ, и божественѣйши же, еже сущи и быти тебѣ во мнѣ; не в себѣ же прияла еси начало, но во мнѣ сставися. Аще бых не создана азъ, не бы создана ты со мною. Еда бо особнѣ бысть и азъ паки особнѣ? Ни, окаянная, ни, не непщюй се отнудь. Но въедино сзидаетъ

И пусть твои три части совершенно здоровы — разум, ярость и влечение, но, однако, бездейственны и неприменимы все три, коль скоро тот не будет здоров, — я о мозге говорю. И если так продлятся дни моей жизни, что восьми десятков лет достигнут или больше, и ослабеют все мои составы, части тела, вместе с чувствами моими, какими ты гордишься, не будет тогда и мышление твоё здоровым и ясным, и то же — если я буду сильно обожжена огнем, потому что разрушится моя сила, а с нею и способность ума мыслить и рассуждать. Ибо если не имеет ум в своем распоряжении здоровый и неповрежденный орган, то ни в чем не сможет показать свое искусное действие. Когда я расту, — он растет, я перестану — и он перестает. Ведь если слаб орган, слабо и звучание. Я зрю глазами, ты же умом. Коль тот нездрав, погубила ты все. Уразумела ли ты, о душа, то, что немного раньше я тебе сказала, — что без меня ты сама и гроша не стоишь?

Душа: Уразумела, и поняла, и весьма удивилась. В самом деле, как ты сказала, так оно и есть, служанка. Кто же тебя научил, где ты это постигла и откуда это знаешь?

Плоть: Удивляюсь и изумляюсь и, что сказать, не знаю: ты спрашиваешь, как деревенщина! И слышать странно. От чрева матери моей я совсем ничего не знаю. Но с той поры как родилась и в жизнь приведена была, я слышала, что сказано: «Просящий получит, и прилежно ищущий, что хочет, обретает». Вот так и я, о мучительница, ищу и постигаю. Теперь слушай меня, владычица, и внимай.

Аристотель мудрый и с ним Гиппократ говорят, что ум пребывает в сердце. Гален же не соглашается и говорит, что он в головном мозгу. Григорий Нисский не согласен с ними и иначе, чем они, учит, так как называет бестелесное нелокализуемым: нельзя пространством очертить бесплотную природу, и никакими частями тела ум не содержится. Но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие. В немощных же остается бездейственным и не может никакого искусного действия произвести.

Как кузнец, что различные орудия для дела и искусства своего ремесленного держит и с ними делает, что ему нравится и что он хочет, — но среди тех, что он имеет, есть два, что всех других потребней, о душа: это наковальня и молот, — без них он ничего не делает. То же и про ум уразумей: если он не имеет сердца и головного мозга, двух этих органов, здоровых и неповрежденных, бездействен пребывает.

Скажу тебе, владычица, и нечто большее и важнейшее. Тем, что ты, душа, — такая светоявленная, и умная, и невещественная, и божественная, обязана тому, что ты во мне бываешь сушей; ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной. Или ты отдельно и я также отдельно появились? Нет, окаянная, нет, не думай того

Создатель и обѣ. Ни бо тѣло преже душа, ни же душа преже тѣла сзидася или бысть, якоже мнози мнят, но обѣ въедино, кромѣ первозданого не пребываетъ единого другаго, якоже рѣхъ. Купнолетна купносьзрастна ми еси по всему. Ни бестелесна душа, ниже безъдушно тѣло ни бысть, ни бываетъ исперва, разумѣй. Но от одушевленныхъ — одушевлено, от живыхъ же паки живо, — тѣло убо живо и одушевлено ражається. Человѣкъ, якоже показахъ, тлѣнно животное.

Душа: Неудобьпостижно нѣкое реченое бываетъ о мнозѣ; преславенъ союзъ обѣма есть. Но скажи ми объявление и силу слову: елма Зижитель созда обѣ наю вкупѣ и спряже и съедини насъ обѣю вкупѣ, рабыне, какъ убо напрасно отбѣгаеши от мене, смраде, и растичешися абѣе и бываеши персть и прахъ, азъ же не разрушаюся, но присноживотна пребываю? И ты нѣси безъ мене, азъ же есмь тебе кромѣ. Еже жити ти безъ мене не имаши, азъ же живу бесъ тебе.

Плоть: Слыши убо, вселюбезная, и како есть еже рече. От Писания еже навыхъ, она и реку тебе.

Еже от некоего движимое все еже аще есть, а не от себе, прочее, животное иматъ, но от иного яве убо и иже подвижающаго то; на толице есть и живетъ, и пребываетъ, дондеже силы действующая, глаголю, в себе иматъ, дондеже здержится. Внегда же престанетъ, прочее, действующее, тогда исчезаетъ движимое, не сущу движашему. Ты сама, госпоже моя, самодвижимаа сущи, еже быти имаши неспрестанно, никогда же исчезаеши; последуетъ бо в томъ же еже приснодвижне тебе, самодвижне вкупѣ всегда сиче быти; а еже паки приснодвижное и неспрестанно есть; неспрестанное же, вселюбимая, и бесконечно некако; бесконечное же бессмертно и приснодвижно всяко. Азъ же тленна и текущи и мертва вся есмь, но оживляюсь тобою и движусь абие. Внегда оставиши мя, ктому не пребываю, но, прочее, отходу в та и от нихъже съставлена быхъ. И бесъ тебе ничтоже есмь, но зловонный смрадъ.

Душа: И како азъ, яко славна, не съ славнымъ быхъ и не прѣвѣ быхъ яко велика и болши, ты же послѣди яко менша сздана бысть, о рабыне? И какое бессмертное мрътвенному съпрежено бысть?

Плоть: Хоще ли навыхнути еже выпрашаеши? Вьни, госпоже, здѣ.

Мирь душу ради сзданъ бысть убо весь, а не душа его ради сздана бысть, любимая. И обыче меньшее прѣвѣ творити Зиждитель, болшее же непослѣдокъ, тако бо есть подобно. Внегда же душа чьстнѣйши, о любимаа, всего мира, якоже Христосъ рекль есть,* достоаше вселение тое прѣжде быти и жилище все, и тако той убо. И два мира сздахъ есть: горнѣго и долнѣго. Горнѣго убо — мысленная, долнѣго же — чювьствна. И аггелы сздахъ есть въ вышнемъ мирѣ умны же и невещественны и духъ огненосный. Въ нижнемъ

вовсе. Ведь в единстве создает Создатель нас обеих. Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первою и другой не опережая, как я уже сказала. Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми. От одушевленных — одушевленное и от живых — живое, — живым и одушевленным рождается тело. Вот и оказывается, что человек есть тленное животное.

Душа: Довольно непросто постичь сказанное; невероятен союз нас двоих. Так разъясни же мне значение и смысл речи: если Творец создал обеих нас одновременно, сопряг нас, рабыня, двоих и соединил, почему же ты, смрадная, вдруг отбегаешь от меня, и тотчас разлагаешься, и становишься пылью и прахом, а я не разрушаюсь, но пребываю вечно живой? И тебя без меня нет, я же существую и помимо тебя. Ты без меня жить не можешь, а я без тебя живу.

Плоть: Так послушай, любезная, как обстоит то, о чем ты говоришь. Что я поняла из Писания, то тебе и скажу.

Все, что ни есть, чем-либо движется; и, стало быть, не от самого себя жизнь получает, но явно от чего-то иного, движущего его; и дотоле существует, и живет, и пребывает, доколе имеет в себе действующую силу, — я разумею — ему сопутствующую. Когда же действующее перестает действовать, тогда исчезает и движимое, — по причине отсутствия движущего. А ты, госпожа моя, будучи самодвижущейся, имеешь непрестанное бытие, никогда не исчезаешь; ибо вместе со способностью самодвижения тебе свойственно вечное движение; а тому, чему свойственно вечное движение, свойственна и непрерывность; непрерывное же, вселюбимая, некоторым образом и бесконечно; бесконечное же всегда бессмертно и вечно живо. Я же тленна, и изменчива, и смертна вся; лишь благодаря тебе я и живу, и движусь. После того как оставляешь ты меня, я уже не пребываю, но отхожу тогда в то, из чего была составлена. Так что без тебя я ничто, один зловонный смрад.

Душа: Как же, будучи столь знатной, я была создана вместе с презренным, а не прежде, как великая и большая, а ты была создана не после меня, как меньшая, о рабыня? И каким образом бессмертное было сопряжено со смертным?

Плоть: Хочешь уразуметь то, о чем спрашиваешь? Тогда, госпожа, послушай.

Весь мир был создан ради души, а не душа ради него была создана, любимая. И обычно Зиждителю творить сначала меньшее, большее же напоследок, ибо так и подобает. Поскольку же душа драгоценней всего мира, как сказал Христос, надлежало, чтобы сначала появились поселение ее и жилище, а потом — она сама. Бог создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же — чувственное. И в вышнем мире создал

же паки различна животная земная же и водная, и птица же такожде. Ибо подобнѣ създа и въ лѣпоту вса: въ мысленыхъ — мысленная, аггелы глаголю все; въ нижнии же чювствнаа, яко чювьствены и съ, всѣми видимая и явлена вса. И от тѣхъ чловѣка сугуба стварѣть: небесна и земна, животно смѣшено, госпожде, — и вѣщѣсна, и невѣщѣсна, словесна и бесловесна же, мрътна и бесмрътна, видима и невидима, — лучѣшее от вышнаго, от нижнѣго же тѣло, примѣсивъ душу божественую къ земному. И посрѣде ту положи одушевленныхъ и бездушныхъ, чювственныхъ и мысленныхъ, якоже нѣкый образъ, яко да свойствнѣ къ тѣмъ от обоихъ сихъ яко съродникъ наслаждение котороеждо иматъ: Божие убо душею, яко суши божественѣйши, благыхъ же на земли плѣтию брѣнную приносити то и без боязни потрѣбу якоже дань. ЕСТЬСТВО БО МЫСЛЕНОЕ, ТАКОЖДЕ И АГГЕЛЬСКОЕ, ХРАНИТЪ ЖЕ И ШЕДИТЬ СИХ СПАСЕНИЕ. БОЖЕСТВЕННЫЙ БО АПОСТОЛЬ УЧИТЪ МЕ СЕМУ: «Не все ли суть службнии дуси посилаеми, — рече, — на служения ради хотѣшихъ, прочее, наслѣдовати царствие?».* Нѣ убо и Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите, — рече, — единого от малыхъ сихъ, яко аггелы ихъ зрѣть на всакъ день лице Отца моего, иже есть на небесехъ».* Тѣмже и прежде създа миръ и яже въ немъ посрѣднѣя вса, явѣ елика зриши, господине.

Миръ иматъ чѣтыри стихия великая, яже испрѣва Зиждитель приведе всячѣскимъ, от не сущихъ прѣвѣ въ бытие съставивъ; въздухъ глаголю и огонь, землю же и воду. И иная же вса, о душе, яже посрѣди сихъ якова и елика суть, мала и велика всако, звѣре, скоты, и гады, и садовые роды, и сѣме иже всѣхъ, и былий всачѣскихъ вины приетъ убо от чѣтырехъ сихъ. И яко прѣмудръ съдатель сътварѣть вся не от не сущихъ, ни убо якоже и стихия. И егда съврѣши всего сего мира, створи чловѣка въ еже обладати и миръ и царствовати над нимъ, якоже волитъ и хошетъ. Ни бо бѣше подобно от обладающаго явитисе обладаемымъ прѣвѣ, нѣ на послѣдокъ убо, уготовленѣ бывши прѣжде многа власти явѣ, яко явити же се послѣжде царю его; якоже убо благгоститель нѣкый сый не прѣжде уготовления сънедныхъ всѣхъ гостимаго, душе, въводитъ вънутрь, нѣ благолѣпнѣ обѣд устройвъ всъ и еже къ пици все виды прѣуготовавъ, въведена послѣжде творитъ обѣдника. Нѣ паства прѣвѣ, послѣди же скоти; прочее, понеже бысть, якоже прѣдрѣкохъ выше, тварь душу ради, тѣмже убо и тѣло къ послужению бываетъ и службѣ ее, якоже отци глаголють и учителяе вси. Еже нѣчѣсого ради бываемое все, аще есть, безчѣстнѣшесть оного, егоже ради бываетъ, яко учитъ и Христосъ въ Еуангелихъ: «Вѣщѣши есть душа пицу»,* и въ лѣпоту, и паки: «Одежде тѣло болше есть».* Не бысть бо душа снѣди ради, любимая, ниже тѣло паки одежду ради, нѣ обоя убо ради — душу и тѣла. Тѣмже, якоже показасе, тое ради и сей, глаголю же тѣло колесницу души быти. Нѣ слыши, владычице, и вънми мое слово.

он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же — различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал он все: в мысленном мире — мысленное, я имею в виду всех ангелов; в нижнем же — чувственное, поскольку чувствен и он, всеми видимое и все явленное. И из того и другого сотворил он человека двойственным: небесным и земным, животным смешанным, госпожа, — и вещественным, и невещественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из высшего, из нижнего же — тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее посреди одушевленного и бездушного, как некий образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: божественным — благодаря душе, каковая более божественна, земными же благами — благодаря бренной плоти, чтобы те приносили потребное ей, словно дань. Природа же умственная, точно так, как и ангельская, охраняет его и заботится о его спасении. Божественный ведь апостол учит меня этому: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые, — говорит, — на служение тем, кто имеет наследовать царствие?» Подобным образом говорит и Господь в Евангелиях: «Не презрите, — сказал, — ни одного из малых сих, ибо ангелы их видят каждый день лицо Отца моего небесного». Потому-то прежде он создал мир и все то, что в нем, то есть то, что ты видишь, госпожа.

Мир состоит из четырех стихий великих, которые прежде всего Создатель всего ввел в бытие, из небытия составив; я имею в виду воздух, огонь, землю и воду. Остальное же все, о душа, что посреди них, какое бы оно ни было, малое и великое все, звери и скоты, и змеи, и виды растений, и семена все, и травы всяческие — основание получило в этих четырех. И, как мудрый мастер, он создал все уже из сущего, не как стихии. А когда завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем по своей воле и усмотрению. Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь; так же и гостеприимный хозяин приводит приглашенного, душа, не раньше, чем заготовит все снеди, но благолепно весь обед снарядив и все виды пищи приготовив, напоследок вводит гостя. Ведь пастбище — сначала, затем — скоты; стало быть, поскольку, как я сказала выше, сотворенное появилось ради души, так же и тело, — для того, чтобы помогать и служить ей, как отцы говорят и учителя все. Ведь ради чего-то существующее все, что ни есть, менее важно, чем то, ради чего оно существует, как и Христос в Евангелиях учит: «Душа больше пищи», — и справедливо, и опять же: «И тело важнее одежды». Ибо душа появилась не пищи ради, любимая, ни опять же тело одежды ради, но и то и другое — ради души и тела. Стало быть, как ясно из этого, я могу назвать тело колесницей души. Послушай еще, владычица, и будь внимательна к моим словам.

Понеже сугуба възхотѣ створити того — от душе и тѣлесе — пръвое тѣло създаваетъ от четырехъ, любимая, стихий мира великихъ: топлаго и студенаго же, мокра и сухаго, — и кровь, и хракотину, и слузъ, и жльчь створаеть, и от тѣхъ вину яко хытрець въземлетъ, и плть устрои на служение ее. Душу же потомъ въздхну, якоже възть, и отнуду же възть самъ, и якову, възть единый, не от съставъ имуще бытие, якоже иная, нь от Бога, яко же рѣхомъ, и от възшнѣго мира, невеществу сию, и разумну, и бесъмртну всу, причястну сушу възшнѣго и божествнаго благосрѣдия и къ нему възъчьски присно ведушесе; или къ горшему привезавшесе тѣлу, яко подвигомъ и борбою же иже къ нижнимъ симъ възшнюю славу и пишу наследуетъ всако. И страдание имать, добродѣтели, подвигы и труды, а не уповаемая тѣчию Божий будетъ дар, и яко да и горшее нѣкако к себѣ привлѣчетъ и выше положить, раздрѣшивши помалу и се от тежести и дебелства тѣло земное, накажетъ же добрѣ служительницу вещь и присвоить Богови купноработное тое. Плть глаголю вещьеству и от нижнѣго мира, душу убо яко владычицу, плть же яко рабу къ послужению души и угождению ее.

Се, госпожде, рѣхъ тебѣ, како не създава бысть прѣжде яко славна и велика и зѣло высочайши, и како, сущи бесъмртна, мрътвнуму съпрежесе.

Душа: Вѣрно слово есть, и вса приемлю ти, вса ти вѣровахъ, развѣ единого точию сего, от нихже ныня рекла еси, лъжно есть, рабыне. Прѣжде мала бо научи сърасльна обоя, и ныня глаголеши послѣжде души быти, пръвѣ же тѣло ее. И како есть еже глаголеши?

Плоть: Како убо есть, ныня слыши, добрая, еже глаголю. И якоже не слыгахъ въ инѣхъ, ниже въ сихъ.

Прѣотечская, о душе, Адама же и Евы богозданна благотворна тѣлеса тѣхъ безъ сѣмене създашесе и кромѣ смѣшения. Мужу убо от прѣсти, женѣ же от его ребра съзидашу. Разумѣй, душе моя, разумѣй: недвижима и безъдушна Адамова плть пръвѣ създава бысть и послѣжде одушевлена. Елма же не съхраняшу повелѣние Създателѣ прѣльстию зъмниною и завистию диаволею, погубише еже испрѣва создание оно и въ сие одѣашесе кожное, увы мнѣ, мертвное и тлѣнное и текущее и плное смрада. Тѣмже изселени быша из рая и клетву приемлють якоже прѣступници. Ева убо слыша, еже: «Въ печелех родиши чеда».* Раждаемое же, прочее, въ утробѣ есть вѣдѣ, а еже в ней раждаемое безъ сѣмене нѣсть. Се сѣме и зачетие — оттолѣ и доныня — и смѣшение мръзко въ еже быти глаголю одушевлена тѣлеса мужьска же и женска. Адам же, сый одушевленъ, одушевленъ съетъ сѣме въ утробѣ прѣматерни, и той одушевленъ, Каина убо роди одушевлена всего, плть и душу възкупѣ рождши, господине. Подобнѣ и прочии человеци и доныня: одушевленъ

Поскольку двойственным Бог пожелал сотворить человека — из души и тела, — сначала создал он тело из четырех, любимая, стихий мира великих: теплого и холодного, влажного и сухого, — и кровь, и мокроту, и слизь, и желчь сотворил, и взял их, как мастер, за основание, и устроил плоть для служения душе. Душу же потом вдохнул, как и откуда — знает только он сам, и какую — знает он один, — не из стихий этих составленную, как остальное, но от Бога, как мы сказали, и из высшего мира, совершенно невещественную, разумную и бессмертную, причастную высшему и божественному благородию и к нему всячески всегда стремящуюся; с худшим, чем она, связанная телом, подвигом и борьбой с низменным вышнюю славу и пищу наследует она непременно. Ведь испытание добродетели сопряжено с подвигами и трудами, — чтобы то, на что она уповает, не было только Божьим даром, чтобы она и худшее к себе привлекла и возвысила, избавив понемногу его от тяжести и грузности, тело земное, и научила хорошо служанку-материю, и присвоила Богу товарищей той по рабству. Я имею в виду вещественную плоть, происходящую из нижнего мира, и душу уподобляю владычице, плоть же — рабе для прислуживания душе и угождения ей.

Вот, госпожа, я сказала тебе, почему ты, славная и великая, ни с чем не сравнимая, не была создана первой и почему, будучи бессмертной, ты сопряжена со смертным.

Душа: Истинны твои слова, и все их я приемлю, во всем тебе поверила, разве только одно, из того, что ты сказала, неверно, о рабыня. Ибо чуть раньше ты сказала, что сращены мы обе, а сейчас говоришь, что душа после появилась, а сначала тело. Так как же было в действительности то, о чем ты говоришь?

Плоть: О том, как было в действительности, послушай теперь, добрая, что я скажу. И как в ином не лгала, так и в этом не солгу.

Тела праотцев наших, о душа, Адама и Евы, богозданные, богосотворенные, без семени были созданы и помимо соития. Мужское — из праха, женское же — из его ребра. Разумей, душа моя, разумей: недвижимой и бездушной Адамова плоть сначала была создана и лишь после одушевлена. Поскольку же не сохранил он заповедь Создателя из-за обмана и зависти дьявола, потерял то, что было создано сначала, и оделся в это кожаное, — увь мне, — смертное, тленное, изменчивое и полное смрада. Потому выселены они были из рая и прокляты как преступники. И Ева услышала: «В печалях будешь рожать детей». И после того рождаемое обязательно пребывает во чреве и без семени не зарождается. И вот семя и зачатие с тех пор и доныне, и соитие мерзкое — для того именно, чтобы появились одушевленные тела, мужские и женские. И Адам, будучи одушевлен, одушевленное посеял семя во чреве праматери, тоже одушевленной, и зачал целиком одушевленного Каина, плоть и душу разом зачав, госпожа. Подобным образом и прочие люди доныне: одушевленный человек

человек одушевлено съеть съме въ утробѣ, глаголю, женстьѣй, якоже прѣжде мала рѣх ти, и растутъ обоя и множутсе сия — душе же и тѣлеса — даже и до кончания въ роды и роды, якоже видиши, госпожде.

Душа: Разрешила еси невѣрное. К тому же сумнюсе, рци ми, о служительнице, и научи ме и се. Елма, якоже показала еси душу убо госпожду, плът же рабыню и подручиницу тое, бывшее грѣхопадание, прѣвозданныхъ глаголю, еже нѣкогда злѣ съдѣяше въ раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тѣла? Хотѣла быхъ навькнути, кто есть прѣжде съгрѣшивый.

Плоть: Възыскание твое, владычице, выше мене есть, неудобь достижемо, неудобь разумно, непостижимо всако. Но обаче от Писания малъ искусь яко имущи, яже навькох, та и възвещю ти, госпожде, и слыши, любѣзная моя, мала от ихже ищещи.

Словеснѣйшая душа от Бога испрѣва въоружена бысть оружми силными къ помощи ее двѣма въкупѣ: яростнымъ и похотнымъ же. И сия, имиже въоружена бѣ къ помощи ее, злѣ потрѣбова та въ час онь, вьнегда начелникъ злобѣ змию глагола прѣлестные глаголы и льсти испльнены: «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».* Слыша убо жена обожение, усладисе, и помысльнимъ злѣ расуди, яко добро обожение помысльѣеть абие. Такожде и другое, — похотное глаголю, — прѣвращѣсе и се: въжелѣваетъ дрѣву — сласть убо прѣвѣе и потомъ тыщеславие, ова бо показал и дрѣво яко добро и краснѣйше то въ снѣдѣ есть, любимая, ово же обожение самое, яко быти лучьшу всехъ. Двѣ сии, владычице, прѣльстише Еву, и Адама прѣльсти подобно, яко и ону. Усладишесе злѣ въ разсуждении сих, прѣдаше истинное, прѣльстившесе, увы! Нѣ убо и другое, глаголю же яростное, добрѣ не потрѣбова, нѣ зѣло блазннѣ: не бо прогнѣвасе на врага и мужьскы испротивисе, еже не покоритесе тому и послушати его. Слышаныхъ явѣ, яко радость и чаание умь ее ослѣпи, душевное глаголю око, и упованиемъ падесе обожения вьнезаяпу. Здѣ вьни, о душе, и виждь страсть велику пагубную и лютую, и силу, юже имать. На небеси како възможе! Ужаснисе, душе моя, ужаснисе! Оттуду бо съврѣже иже иногда Денницу, тыщеславие глаголю родителницу, увы мне, и доилицу, якоже писано есть, грѣдости, еже ради онь отпаде.* Поругасе симь. И зри здѣ, владычице, стрѣпѣтную страсть, како Бога съпротивоборца имать, иже сее рабѣ, съпротивника же — и лукаваго съпричестника и друга. Понеже грѣдымъ съпротивльетсе, якоже и сихъ прѣвому въспротивисе въскорь.

Душа: Се, прочее, якоже глагола, тѣло обидимо бысть: елма съгрѣшеніе душевно бысть, какъ казнѣ — тѣлѣ? Сие бо бысть текуще и страдателно абие, многострастно же и гнило, и многоболѣзнно зѣло, тлѣнно и мрѣтно же, якоже зриши, и охуждено зѣло. Душа же прѣбысть якова же бѣ и прѣжде

одушевленное сеет семя в утробе женской, как незадолго до этого я сказала тебе, и растут и те и другие и множатся — души и тела — вплоть до конца света, из рода в род, как видишь, госпожа.

Душа: Непонятное ты мне объяснила. Чтобы я не сомневалась больше, скажи мне, служительница, и научи меня вот чему. Поскольку ты уподобила душу госпоже, плоть же рабыне, и подручнице ее, кто повинен, скажи мне, в грехопадении первозданных людей, которое некогда они совершили в раю: словесная способность души или бессловесная сила тела? Хотела бы я понять, кто первый согрешил.

Плоть: Интересующее тебя, владычица, выше меня, трудно для постижения, трудно для уразумения, непостижимо совершенно. Но, однако, поскольку я немного знаю Писание, что сама поняла, то и расскажу тебе, госпожа, а ты послушай, любезная моя, немного о том, что тебя интересует.

Словесная душа была с самого начала вооружена Богом для содействия ей двумя видами сильного оружия: яростностью и влечением. Она же, будучи вооружена ими для содействия ей, во зло использовала их в тот час, когда начинатель зла, змей, сказал обманные слова, ложью исполненные: «Богами станете тотчас, если вкусите от дерева». Ведь услышав про обожение, женщина прельстилась и, помыслив, дурно рассудила, что о хорошем обожении идет здесь речь. Также и другая способность — имею в виду влечение — извратилась и та: вожделела плода дерева, — сладости, во-первых, и затем тщеславия, ибо дерево показалось ей красивым, а плоды его в высшей степени пригодными для еды, а обожение — наилучшим из всего. Эти две причины, владычица, способствовав обману Евы, и Адама ввели в обман так же, как и ее. Так они, насладившись дурно, предали истинное, обманувшись, увы! Но ведь и другое — я имею в виду способность к ярости, не использовал он подобающим образом, ибо не прогневался на врага и не воспротивился ему мужественно, чтобы не покориться ему и не послушаться его. Ясно, что радость и надежда от услышанного ослепили его ум, имею в виду душевное око, и, надеясь на обожение, он внезапно пал. Здесь внимай, душа, и увидь страдание великое, пагубное и тяжелое, и силу, какую оно имеет. Как можно посягать на небо! Ужаснись, душа моя, ужаснись! Оттуда ведь Бог сверг некогда Люцифера, тщеславия я имею в виду прародителя, — увы мне, — и питателя, как написано, гордости, из-за которой он и отпал. Посмеялся тот и над ними. И обрати здесь внимание, владычица, на пагубность страсти — ведь ее раб восстает на Бога, Божьего же супостата имеет лукавым союзником и другом. Поскольку Бог гордым противится, и этому первому из них он быстро воспротивился.

Душа: Из того, что ты сказала, следует, что тело было обижено: раз согрешение было душевным, почему наказание — телу? Оно ведь тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным, и, как видишь, гораздо худшим.

того — невеществена всѣ, умна и бесмъртна, рабыне, ничтоже бо пострада люто, яко смерти достойна.

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумѣй, сълучшаася. Мучение, добръишая, якоже подобитсе, все не прикоснуса тѣлу, нъ той самой души, аще и васнъ явлѣтся та ничтоже зла пострадавши. И слыши притчу и от сее увѣришисе.

Внегда бо нѣкій царь искупить раба от жестока, и стрѣптива, и лукава владыкы, убога же и нага и зловида зрѣниемъ, сухотна же и истънена, и охудевша зѣло, страстна же и окаянна, и непотрѣбна отнудъ, всего струпива, всего крастава и измъждала от ранъ, и глада же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скврны, облѣчет же его въ свѣтлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имѣнныя, и стежания, и богатство, и прѣваго устроить и въ всей полатѣ. Он же, злѣйший неблагоприятный рабъ, въскоре въздвигнетъ ковь на цара, и на царство его вовьступити въсхотѣвъ. Царь же възмлетъ от него имѣнныя и богатство, съвлѣчет же и одѣянныя, поясъ же и вса цвѣтная одеяния окааннаго онога, и рубище прѣветхое и растръзано все, худо и непотрѣбно, и истлѣвъше всако облѣчетъ навѣтника и страстнаго онога и ижденеть его далече от полаты въ пусто и невъселено и непроходно мѣсто, еже быти тому в нем дажъ до конца жизни. И пребудет ему рубище оно ветхое или 7, или 8, или 10 лѣтъ, и тако распадѣся погибнет до конца, оттолѣ убо ходит нагъ, якоже родися, дажъ до конца жизни, и раздруться нужнѣ.

Въпрашаю тя, превысокая, на коемъ есть мученье и кто казнъ приять о ономъ согрѣшении убо: рабъ ли лукавый — яко повинень сый — обнаженный и лишивыйся *богатства* же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесень сый, или имѣнныя та и богатство онога, яко безъдушна и нечувствена и недвижима вещь?

Душа: Якоже объявися, рабыне моя, — человекъ всяко, аще и того никакоже царь тогдашни не ранит отнудъ, ниже паки раны нанесе, но то есть пострадавы лютое мученье.

Плоть: Въпрашаю тя, отвещай же ми, госпоже моя, к сему: суд убо царевъ праведень ли бысть или не тако, яко абые изрину того от царскихъ дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведень зѣло. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кроток, очи убо ему от него изял бы, а не бы на имѣнныя токмо излиялъ гнѣвъ, и казнъ отпустилъ навѣтному рабу.

Плоть: Добръ оглагола ми, о господине моя, о семъ. Сиче ми разумѣй, любимая, и о души и о тѣлѣ. Понеже не въсхотѣ пребывати якоже создана бысть, но забы абые благородие свое и вънутрь предѣлъ своихъ не въсхотѣ пребывати и миро съ, егоже зриши, имѣти в жребии собѣ, но наслаженье, радость и веселие, но обоженье самое всхотѣ похитити, равночестна, равна

Душа же пребывает какой была и прежде того — совершенно невещественной, умственной и бессмертной, рабыня, ибо никак не пострадала, хотя и была смерти достойна.

Плоть: Так слушай, владычица, и разумеи, что тогда случилось. Вся кара, добрейшая, как и подобало, коснулась не тела, но именно души, хотя на первый взгляд и кажется, что она ничего плохого не претерпела. Послушай притчу, и ты поймешь.

Некогда один царь купил себе у жестокого, строптивного и лукавого хозяина раба — убогого и наемого, безобразного на вид, высохшего и отощавшего, весьма исхудалого, страдальца и горемыку, совершенно непотребного, всего в струпьях, в коросте, обессиленного от ран, голода и тяжких страданий; и очистил его от всяческой скверны, облек его в светлую и мягкую одежду, сделал его князем великим и славным, подарил ему и имения, и имущество, и богатство, и сделал его первым в своем дворце. Тот же, злейший неблагодарный раб, вскоре устроил заговор против царя, на царство его вступить захотев. Царь же лишил его имения и богатства, снял и одеяния, пояс и все цветные одежды окаянного того, и в рубище преветхое и рваное все, худое, и непотребное, и истлевшее совершенно облек наветника несчастного этого, и прогнал его далеко от дворца в пустое, и ненаселенное, и непрохожее место, чтобы был тот там до конца жизни. И продержится его рубище то ветхое или семь, или восемь, или десять лет, а затем рассыплется окончательно, и с тех пор будет ходить он нагим, как и родился, до самого конца жизни, пока не вынужден будет с нею расстаться.

Спрашиваю тебя, превысокая, кто претерпел мучения и казнь принял за то согрешение: раб ли лукавый, как виновный, будучи обнажен и лишившись богатства и славы, как существо самовластвующее собой и словесное, или же имения те и богатство его, бездушная, бесчувственная и неподвижная материя?

Душа: Ясно, рабыня моя, — конечно, человек, хотя царь тот вовсе его не поранил, ни страданий ему не причинил, однако же перенес он тяжелое мучение.

Плоть: Спрашиваю тебя, — ты же ответь мне, госпожа моя, на это: суд царев праведным ли был или нет, когда изгнал он того из царских дворцов?

Душа: Конечно, рабыня, вполне праведным. Если бы не был тот царь добрым и кротким, он лишил бы его глаз, а не только на имения излил бы гнев, и казни предал бы заговорщика-раба.

Плоть: Хорошо ты ответила мне, госпожа моя, на это. То же разумеи, любимая, и о душе и теле. Поскольку не захотела душа пребывать такой, какой была создана, но тут же забыла о благородстве своем и внутри пределов своих не пожелала оставаться, и мир этот, который ты видишь, иметь как свою долю, но наслаждение, радость и веселие, даже обожение самое захотела получить и

Богу по оному быти; вправду убо Богъ възнесе суд и тѣло богозданное, еже исперва ону оболче обрадованную, и чудное, совлече яко согрѣшшу: да не како и паки согрѣшит.

Аще ли хощеша увѣдѣти естество и доброту тѣла онога якова и колика, — звѣздамъ точно является и лунѣ, яко наго не требоваша одежда ни покрова, но якоже солнце само своею наготою украшается ныне, такоже и оно оставлено бысть естественнымъ. Отъ того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измѣни перстнаго существа, но премѣни ему естества, еже исперва, и отъ Едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизньому, милая его, не завидя же, да не будетъ, животу бесмертному, но удержавая добрѣе устремленье *грѣховное*. *Смерть бо, прочее*, не мученье бываетъ, но врачеванье добрѣйше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удерживаетъ бо яко намнозѣ грѣха устремленье, умры бо, рече, оправдися отъ нея. Прочее, работаетъ души елико силу иматъ: или 10, или 20, или 50 летъ, или много убо дваши толико глаголю, — и тако разрушается, растлѣваетъ же и в четыре сия отходитъ сставы, отъ нихже сставленье отъ Бога приятъ: яко отъ земля — паки в землю, по глаголу Его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячьскы, не имущи тѣла и еже тя здѣ сдерживающаго яко съжителя имѣя, — паче же та сдержитъ то, и стяжетъ, и иматъ, — абье убо всходить в своя ея: аще сохранила есть добро еже по образу ея неблазненно и чисто и настоящемъ житии, яко умна — ко умнымъ, яко и невещественна — невещественнымъ, — тоя, глаголю, сродникомъ, ангеломъ святымъ свѣтозарнымъ же свѣтлымъ в горний мирѣ. Аще свѣтла, къ свѣтлымъ сочтавается абие, яко отъ вышнихъ — горѣ, и радости исполняется. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубныхъ и нечистыхъ паки, к темнымъ и мрачнымъ ангеламъ сочтавается, яко темна — темнымъ и мрачнымъ лицомъ, яко тѣхъ сдѣлавши хотѣния и дѣла. Отъ дѣянь своихъ душа въображаются и каяждо является, якова есть и колика убо: дѣла свѣта светлы и свѣтоносны, дѣла же тмы черны и мрачны творятъ. Душа бо, господини моя, с тѣломъ воспитана, къ видимымъ симъ и чювственнымъ попушьшися, ничтоже бестелесно когда видѣвши спроста, дондеже привязана есть сей земнѣй плоти; внегда же совлечеться, видитъ невзбранно.

Се тебѣ притча конецъ сдѣ възпрятъ. Аще ли не мнить ти ся подобнѣ реченая решися, яже рѣхомъ притча нынѣ въ словѣ, испытай, что ни что есть притча, — ни всячьскы иматъ, притча позънавай, госпоже, равное възприемлетъ, зане и не бывала притча, якоже рѣхомъ, но тождество паче.

Душа: Да коего глаголеша челоувѣка, рабыне, рци ми, имущаго якоже мощно еже по образу Божию и по подобию Его, — самъ бо реклъ еси — тѣло

равной в чести быть Богу; справедливо Бог совершил суд, и то тело, каким он сначала облек ту, обрadowанную, богозданное и чудесное, совлек, как с согрешившей: чтобы как-нибудь вновь не согрешила.

Хочешь узнать о природе и красоте тела того — каковы и какой меры, — звездам подобным было оно и луне, ибо нагое не нуждалось ни в одеждах, ни в покрове, но как солнце само своей наготой украшается ныне, так же и оно оставлено было естественным *благообразием украшаться*. Совлек он с нее то тело и облек ее в мерзкое, и гнусное, и скверное это; не изменил он, однако, самой его земной сущности, но переменял изначальную природу и из Эдема изгнал его тотчас, и запретил ему прикасаться к дереву жизни и его плоду, — жалея его, не отказывая, ни в коем случае, в жизни бессмертной, но наилучшим образом удерживая устремленность ко греху. Смерть, таким образом, не мезтью оказывается, но врачеванием наилучшим и скорее спасением, устройением, державная, премудрости исполненным, так как в большой мере удерживает устремление ко греху, ибо умерший, говорят, уже за него наказан. Итак, рабствует оно душе, насколько силу имеет: или десять, или двадцать, или пятьдесят лет, или, если долго, дважды столько, — а затем разрушается, подвергается тлению и распадается на четыре те составные части, из которых Богом было составлено; из земли ишедшее снова уходит в землю, по слову его.

Ты же, госпожа моя, нагой оставлена, будучи одинокой совершенно, не имея тела, которое тебя здесь содержало и сожителем имело, — а скорее, ты содержишь его, и образуешь, и имеешь — тотчас восходишь в свою область: если хорошо сохранила то, что у тебя по образу Божию, неоскверненным и чистым в настоящей жизни, то как умственная — к умственным, как и нематериальная — к нематериальным, к своим, имею в виду, родственникам, ангелам святым, светозарным и светлым, в вышний мир. Если душа светла, со светлыми сочетается тут же; будучи от вышних, восходит вверх и радости исполняется. Если же она погрязла и помрачилась вся в страстях пагубных и нечистых, то к темным и мрачным ангелам причисляется; будучи темной — к темным и лицами мрачным, так как их она выполняла желания и дела. От дел своих душа получает образ и каждая является такой, какова она есть: дела света делают светлыми и светоносными, дела же тьмы черными и мрачными. Душа ведь, госпожа моя, с телом воспитана, ко всему видимому и чувственному прилепившись, ничего бестелесного никогда не видит, пока привязана к этой земной плоти; когда же она совлечет ее, видит без помех.

Вот тебе смысл этой притчи. Если же тебе кажется, что нами здесь сказанное выражено неподобающим образом, ибо я говорила притчей, поинтересуйся тем, что такое притча, и знай, госпожа, что притча не во всем в равной мере точна; иначе она и не была бы притчей, но скорее тождеством.

Душа: А что в человеке, рабыня, скажи мне, имеет, насколько это возможно, образ Божий и подобие его, ты говоришь? Что он имел в виду —

се тлѣнное или душу самую? Моусии челоуѣка рече по образу Божию еже изначала первозданнаго быти.* И како наречеться челоуѣкъ бездушноу тѣло? И паки же словесное души како наречеться, не сущу телу челоуѣка отнудь? Рече бо нѣгдѣ Моисий в Бытии тако: «И созда Богъ челоуѣка персть от земля». Се тѣло челоуѣка нарече, о рабыне. «И тако дуну на лице его дыханье животнo, — якоже пишет, — словесно и божественно, и бысть челоуѣкъ въ душу живу тогда».* Еже по образу, рабыне моя, в чом отдамы — и в плоти ли, служительнице, или въ души самой?

Плоть: Слыши, господине моя, сдѣ речение Павлово и разумѣши искомое удобь от сего: «Елико внѣшний нашъ челоуѣкъ растлѣваетъ, толико внутреней обнавляеться вяще».* И два убо челоуѣка наречена съединена, внутреняго и внѣшняго, челоуѣкы именует, си рѣх душа и тѣло — обоих тако. Но убо воистину челоуѣкъ душа глаголетъся. Не смотряй, господине моя, внешняго челоуѣка, ниже сумнися отнуд о создании его, то бо покрывало есть и одѣвало тоя. Еже по образу же — душа, и по подобию его. Не мни же, господине моя, челоуѣка глаголитися тѣло се тлѣнное и челоуѣка внѣшняго. Но егда убо Писание услышиши, глаголющее: «Створим челоуѣка по образу Своему»,* — и внутреняго разумѣвай челоуѣка, душевное существо, не явлено се, но скровенное, си невидимое и незримое естеством. Истиннѣ же яко внутрь паче есмы. По внутренему бо челоуѣку «азъ» паче есмь, внѣшняя же не «азъ», но «моя» разумѣвай. Не рука бо «азъ», прочее, или нога «азъ» паки, но «азъ» — словесное души в лѣпоту. Рука же убо, и нога, и прочая части челоуѣчскаго тѣла суть уди. Тѣло бо ссуд есть васнь, и колесница, и союзъ души челоуѣчестѣй. Воистину же челоуѣкъ душа глаголетъся. А помысль убо — властникъ страстемъ и владыка. По властному убо бывати ту вѣмы и паки в помысленѣмъ стяжаньи быти ради истиннѣйшая части быти ума ея и премудрости, яже Богъ дарова тому.

Подражаваетъ бо нѣкако умъ челоуѣчскы Бога, во мгновеньи бо обтичетъ вся, и соображаетъся, — и вечерняя, вкупѣ и всточная, паки и ужная, и сѣверная, и яже под землю, и небесная же убо и невходимая она, — не существомъ своимъ, не непщюй се отнудъ, — мечтаньемъ же единѣмъ помысленнымъ, госпоже. Единъ бо Богъ существомъ и естествомъ, сице и премудростью Своею, и силою же паки, иматъ неописанное выше всякаго естества. Еже по образу, владычице, обладателно знаменуеть. Якоже никтоже вышши на небеси есть Бога, всехъ Творца — видимыхъ и невидимыхъ, сице никтоже на земли вышши от челоуѣкъ есть. Но якоже иматъ Богъ всѣхъ владычество, сице дальъ есть и тебѣ бесловесныхъ и животныхъ, всѣми убо владемъ вкупѣ, скоты же и звѣрми, и всѣми господствуемъ — птицами, и гады, и рыбами, всѣми и животными, ихже положилъ есть Богъ в семъ мирѣ. Симъ есмы, якоже показася, по образу Божию.

тело это тленное или же душу? Моисей сказал, что человек первоизданный был создан по образу Божию. А можно ли назвать человеком бездушное тело? И опять же, можно ли назвать так словесную силу души, если не будет тела у человека совершенно? Сказал ведь, кажется, Моисей в Книге Бытия так: «И создал Бог человека из праха земного». Это он о теле человеческом сказал, рабыня. «И затем вдунул в лицо ему дыхание жизни, — как он пишет, — словесное и божественное, и стал человек душою живою тогда». То, что по образу, рабыня моя, в чем оно находится — в плоти ли, служительница, или в самой душе?

Плоть: Послушай, госпожа моя, здесь изречение Павлово и уразумеешь искомое из него: «Насколько внешний наш человек истлевает, настолько внутренний больше обновляется». Двух соединенных человек упоминая, он называет так, внутренним и внешним человеком, душу и тело, обоих. Но ведь по-настоящему-то человеком душа называется. Не смотри, душа моя, на внешнего человека и не обманывайся относительно его сути, ибо это лишь покрывало и одежда той. А что касается образа и подобия, относится к душе. Не думай, госпожа моя, что человеком называется это тленное тело, человек внешний. Но когда слышишь Писание, говорящее: «Сотворим человека по образу Своему», — то внутреннего подразумевай человека, душевное существо, которое не явлено, но сокровенно, и невидимо, и незримо по природе. Больше правды в том, что мы преимущественно внутренней жизнью живем. Ибо ко внутреннему человеку более «я» относится, под внешним же — не «я», но «мое» подразумевай. Не рука ведь «я», стало быть, и не нога «я», опять же, но «я» — это, конечно же, разумность души. Рука же, и нога, и прочие части человеческого тела суть члены. В соответствии с этим тело есть орудие, колесница и союзник души человеческой. Воистину же человеком душа называется. А разум — господин страстей и владыка. Мы знаем, что она должна быть покорной владыке и пребывать в стяжании смысла, при помощи истиннейшей части ума ее и посредством мудрости, которую Бог тому даровал.

Походит ведь некоторым образом ум человеческий на Бога, ибо во мгновение обходит он все и охватывает — и запад, и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и что на небесах, и то, куда нет входа, — но не существом своим — вовсе этого не подумай, — а представлением только мысленным, госпожа. Одному ведь Богу с его существом и естеством, а также премудростью и силой свойственна неопишуемость, превышающая всякую природу. То, что по образу, владычица, обозначает властвующее. Как никого нет на небесах выше Бога, Творца всех, видимых и невидимых, так никого на земле нет выше человека. И как Бог владычествует всем, так и тебе подчинил бессловесных животных, чтобы мы вкупе всеми владели и над всеми скотами и зверями господствовали — над птицами также, и змеями, и рыбами, и всем живым, что поместил Бог в этот мир. Вот что у нас, как показано, по образу Божию.

А еже по подобию — мы исправляемъ от хотѣния нашего и произволенья же, на подобительное взводимся тому. Подобны быти тому далъ есть власть нам, вложивъ, прочее остави повелѣнию нас дѣлателя быти свѣтом и хотѣнием — еже к нему, госпоже моя, подобна глаголю — и яко да конецъ, прочее, будетъ нашему труду, дѣланья мзда. Вонми, душе, и разумѣй, яко да всяко будет исправление твое, а не чужо то, тебѣ остави се, еже по подобию быти, яко же рече: «Будите свершени, якоже свершенъ есть наш небесный Отець»* же и Владыка, яко солнце свое сияеть на вся, злыя же и благыя, и дождить паки сице. Аще же и ты, госпоже моя, злобоненавистна будешь, и непамятозлобна, и кротка, братолюбива и милостива, Богу поподобишися тѣм. Еже по образу убо Богъ дарова тебе — еже имѣти словесное, и обладательное тако же, и самовластное же в себѣ, господине. Бываеши и по подобию — благостию, аще хоцещи. Аще бо и по подобию тя бы Богъ створилъ, где ты благодать, страстна? Чесого ради венчалася бы? Царство небесное како отверзло ти ся бы? Добро есть душе спастися от подвигов и от трудовъ, яко должы въздание, а не дары благодать, еже есть неразумѣва и лениваго раба.

Душа: Добръ и сия рекла еси и ктому не сумнюся. Обаче и еще ми сие скажи, о рабыне: тѣло праотца Адама, рци ми, како создано бысть убо — тлѣнно ли, или нетлѣнно, мертвено или не тако?

Плоть: И о сем, владычице, речем ти яже въмы: ни же тлѣнно, ни нетлѣнно, ни бесмертно паки. Посреде бо то созда тля и нетлѣнна, посреде мертвости, глаголю, и бесъмертия. Яко да аще изволит душа добрая и сладкая, бесмертна будет от дѣлъ лучших, якоже убо и выше научило есть слово. Аще ли паки телесным страстемъ поведеться, тлѣненъ и мертвенъ будет, еже и пострада. Аще бо бы смертна Богъ створилъ того, не бы осудилъ есть смертью согрѣшша, смертному бо мертвость никтоже осужаеть. Аще ли паки бесмертна, не бы пища требовал телесныя же и тлѣнныя и погибающая, ни аще покаялся бы о нихъже сдѣя, ниже паки бесмертное мертвено тѣм створилъ бы. Ниже бо являет о согрѣшших ангелѣх се створивъ Богъ же и Владыка, но естество имут еже исперва, паки бесмертни пребыша, обаче не свѣтоносни, и нужди ждуг, прочее, о согрѣшши казнь.

Душа: Надолго прострохом бесѣду, о рабыне, сирѣчь любопрѣние, еже любезнѣ речеса, не вражебнѣ — да не будет, — приятелна же паче. Прочее, и взисканья разрѣшила ми еси абѣе. Нынѣ же убо скажи ми, иже исперва впрашах, да некако и забытие будет и не въспомяну се. Обаче вся прости ми, яже преже глаголаная.

Плоть: Да убо что есть вопрошенъе твое, забыла есмь.

Душа: Въпросих, о рабыне моя, и суприжница, и другине, гдѣ препочивают душа праведных, подобнѣ и грѣшных, и кое есть мѣсто их даже до воскресенья и Христова пришествия.

А то, что по подобию, — то мы осуществляем в зависимости от желания нашего и произволения, путем уподобления возводясь к нему. Дал он нам, вложив, возможность уподобиться ему. И оставил нашему произволению, быть ли нам по своей воле и желанию создателями его, госпожа моя, подобия, чтобы это и было венцом нашего труда, платой за работу. Внимай, душа, и разумей: чтобы именно твоим был успех, а не чужим, тебе предоставил он это, быть по его подобию, о чем и сказал: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» и Владыка, ибо солнце его сияет на всех, на злых и на добрых, и мочит дождь тоже так же. И если ты, госпожа моя, ненавистницей зла будешь, незлопамятной, кроткой, братолюбивой и милостивой, то Богу уподобишься. То, что по образу Бог даровал тебе, — иметь разум и власть, а также свободу своей воли, госпожа. Бываешь и подобной — благостью, если захочешь. Ведь если бы по подобию тебя Бог сотворил, на что тебе благодать, о страстная? За что венчалась бы? Царство небесное как открылось бы тебе? Прекрасно для души спастись за подвиги и труды, получив спасение как долг и награду, а не как подарок и милостыню, подобно неразумному и ленивому рабу.

Душа: Хорошо и это ты сказала, и больше я не сомневаюсь. Однако вот что еще скажи мне, рабыня: тело праотца Адама, объясни мне, каким было создано — тленным или нетленным, смертным или же нет?

Плоть: И об этом, владычица, скажем тебе, что знаем: ни тленным, ни нетленным, и не бессмертным. Ибо он создал его между тлением и нетлением, между смертностью и бессмертием. Чтобы, если решит душа его добрая и сладкая, бессмертным оно стало через добрые дела, как и разъяснено уже в сказанном выше слове. А если же телесным страстям предастся тленным и смертным будет, как с ним и случилось. Ведь если бы смертным Бог сотворил его, не осудил бы на смерть согрешившего, ибо смертному смертность никто не присуждает. А если бы бессмертным, не нуждался бы он в пище телесной, тленной и погибающей и не покаялся бы в содеянном, и смертным не сделал бы тем самым бессмертное. Ибо не видно, чтобы так поступил Бог и Владыка с согрешившими ангелами, ведь имеют они первоначальную свою природу, оставшись бессмертными, хотя и не светоносными, и вынужденными, стало быть, ожидать за согрешение наказания.

Душа: Долго мы беседуем, рабыня, спорим, но в хорошем смысле слова, можно сказать, по-дружески, не враждебно нисколько, скорее приятельски. Итак, вопросы мои ты хорошо разрешила. А теперь скажи-ка мне о том, о чем вначале я тебя спрашивала, чтобы не забыть нам как-нибудь и не упустить этого. А кроме того, прости мне прежде сказанное.

Плоть: А о чем вопрос твой — я забыла.

Душа: Я спрашивала, рабыня моя, соупряжница и подруга, где почивают души праведных, а также и грешных, и где пребывают они до всеобщего воскресения и Христова пришествия.

Плоть: Аще убо хочещи навькнути еже впрашаеши, госпоже, и зде вонми разумно и навькнеши сия.

Якоже Писание учить мя, на небеси есть идеже предпочивает всяка душа праведная. Но и имени многознаменито есть, страна бо живых наречеса, и земля кротких, паки празднующихъ глас же и сѣнь праведных, пищи поток, исполненъ бесмертья. И слыши и увѣрися от глаголь Павловых, ихже в Коринфѣ написа, таже и в Филиписих: «Вѣмы бо, вѣмы, — рече, — тѣла нашего сия храмина земная аще разориться, храмину имамъ нерукотворену же на небесѣхъ от Бога, вѣчную и лучшую».* Тъмже, от тѣла исходяще, надѣмся еже внити къ Христу. Се есть любочестье. Добрь убо взываше Павелъ с дерзновеньем: «Желание ми есть, — рече, — отрѣшиться и со Христом моим и Богомъ на небесѣхъ быти».* И прежде Павла Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ Бога же и Владыки на небесѣхъ пребывают и суть в мирѣ убо».* И Иоанъ Дамаскынъ подобная сим глаголетъ: «Душа убо имате, — рече, — на небесѣх в руку Бога жива и того поите от земля, яко со ангелы преставистесе на небеса с славою».* Имам ины свѣдѣтеля, душе моя, вѣрнѣйша равно согласующим прием предреченым зѣло.

Душа: Да како си зовими суть и коея страны, глаголи.

Плоть: Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всем языкомъ Иоанъ,* и всебожественый ликъ отеческы — вси на небесих быти душамъ праведным глаголютъ: и мѣсто и число наполняют оно, отнуду же отпаде злѣ ангельское множество вкупѣ и с первым тѣх отступником злѣйшим,* — яко да исполнится вышний миръ, любимая. Якоже Григорие Богословесный* пишетъ: «Внегда бо испльнитъсе вышний миръ, глаголя, ожидай скончанья настоящего вѣка». Вси бо явственѣ о сем свѣдѣтельствуют. Елма же убо глава всѣм нам есть и глаголется, и первы же от мертвыхъ воскреснути, но убо и первѣнецъ из мертвыхъ воскресе, и первѣнецъ, душе, или первородны многих иных братьей есть и первый — Христось, 2 Адамъ, конечнаго ради благоутробия и «предтеча о нас», по гласу Павлову,* на небеса убо взиде к своему Отцю и того убо съде одесную, господине. Идеже убо глава, вмаля елико послѣдует и прочее все тѣло. Исполнение бо главѣ бывает тѣло, исполнение тѣлу глава бывает. Ни бо тѣлу мощно есть без главы быти, ниже паки главѣ, тѣлу не сушу.

Нынѣ же убо всходятъ вся душа точью спасаемых, владычице, святыхъ и праведных к своей убо главѣ, рекъше Христу. О чудо! По воскресении же и с телесы убо. Дивство славы Христовы и чьсти, душе моя, и человеколюбия его и благыхъ всѣх, ихже восприяхомъ вкупѣ исперва, создани бывше, и паки же напоследок по благости его! Прочее, душе моя, вѣруй: сих свѣдѣтельство истинно и извѣстно в вѣру сущее. И сия убо рекошася о душах праведных, еже от сея лютыя злобы очищешихся.

Плоть: Если хочешь узнать то, о чем, госпожа, спросила, слушай меня теперь вдумчиво, узнаешь и это.

Как Писание учит меня, на небе находится место, где покоится всякая душа праведная. Названий же у него много, ибо и страной живых оно называется, и землей кротких, и празднующих воспеванием, и сенью праведных, и пищи потоком, наполненным бессмертия. Послушай и убедись словами Павловыми, написанными им в Коринфе и в Филиппах: «Ибо знаем, знаем, — сказал, — что, когда тела нашего этот земной дом разрушится, мы имеем дом нерукотворный на небесах от Бога, вечный и лучший». Потому, от тела отходя, мы надеемся войти к Христу. Это и есть любочестие. Хорошо взывал Павел, с дерзновением: «Желание у меня есть, — сказал, — разрешиться и со Христом моим и Богом на небесах быть». И раньше Павла так сказал Соломон: «Души праведных в руке Бога и Владыки на небесах пребывают и находятся в мире». И Иоанн Дамаскин подобное же говорит: «Души ваши, — сказал, — на небесах в руке Бога живого, и его воспевайте с ангелами, потому что с земли представитесь на небеса со славою». Имею и других свидетелей, душа моя, вернейших и вполне согласных с тремя уже приведенными.

Душа: А как они зовутся и из какой страны, скажи.

Плоть: Назианзин Григорий, Василий Великий, Златоустый во всем Иоанн и всебожественный лик отеческий — все говорят, что на небесах находятся души праведных и что место они занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них злейшим отступником — чтобы наполнился вышний мир. Как и Григорий Богослов говорит: «Когда наполнится вышний мир, ожидай окончания настоящего века». Все ведь явственно об этом свидетельствуют. Главой же всех нас является и именуется, и первым из мертвых воскрес, и первенцем, душа, или первородным и первым среди других братьев является Христос, второй Адам; по причине крайней доброты и «предтеча за нас», по выражению Павла, на небеса он взошел к своему Отцу и сел от него по правую руку, госпожа. А ведь где голова, туда вскоре последует и прочее все тело. Ибо завершение головы — тело, завершение тела — голова. И ни телу невозможно без головы быть, ни также голове без тела.

Ныне же возносятся лишь души всех спасаемых, владычица, святых и праведных, к своей голове, то есть ко Христу. О чудо! По воскресении же — взойдут и с телами. О чудо славы Христовой и чести, душа моя, и человеколюбия его и благ всех, которые все мы восприняли и с самого начала, будучи созданы, и напоследок вновь по благодати его получили! Итак, душа моя, веруй: свидетельства эти истинны, надежны и заслуживают доверия. Сказано же это было о душах праведных, очистившихся от всей лютой злобы.

Аще же и грѣшных душа увѣдѣти хощещи, и кдѣ затворяются и суть, о душе моя, и о сих от Писания отвѣщаю тебѣ. Подо всею землею долу суть, господине. И слыши, и рыдай преже конца zde: сѣнь смертную, преисподний ровъ ада сего нарече, тѣм же и взывает: «Взвель еси от ада душу мою»,* на мнозѣ не оставилъ еси тамо пребывати. О адѣ убо и Иовъ, плачася, глаголаше: «Земля темная, и мрачная, и вѣчная тма, животъ человѣчьскы не видѣти, свѣта бо тамо нѣсть». Адъ мѣсто убо есть долнѣйшее долних преисподних мрачных, болѣзнено естеством, во н же сниде Христоръ и, душа исхитивъ, ихже держаше исперва от первосозданого, изиде яко побѣдитель. Благо же, Христе мой блаже!

Но будущее слыши и встрепещи преже конца: во второй приход и Христова пришествие и общее воскресенъе исходят изъ ада; каяждо убо свое восприемлет тѣло и паки възвращается къ аду, — увы мнѣ, — якоже рече Пѣснопѣвецъ,* яже о них: «Тогда да възвратятся, — рече, — грѣшници въ адъ».* А еже «да възвратятся» являеть, отнуду же изидоша. Оттолѣ лютѣйше перваго и горше, горчайше и зѣлнѣйше, болѣзнуют и рыдают, сѣтуют же и плачут без успѣха, душе моя, бесконечнѣ и вѣчнѣи. Пощади, Христе мой, пощади!

Тогда, душе, отходиши убо к своему тѣлу, егоже преже мала отлучися, бернныя плоти, яко да видеши в не, якоже Писанъе учить. И видиши то смердящее все и осквернено, гнусно и меръско и сгнившее до конца. И, тако то видящи, отвращаешися, ненавидаще, но от ангель страшных биема, увы мнѣ, немилостивно, нещадно, с лютостью мноною, входихи паки в то, душе, и нехотящи.

Но не таковая телеса суть яже праведных, но яко блестяйся бисеръ сияют с славою и якоже солнце, рече, но и множае сего. Аще ли не вѣруеши ми, о душе, воскресенъе повѣдующи, приведу ти свѣдѣтеля вѣрны, имже не невѣруй.

Душа: Да кто си суть, котораго племени и языка?

Плоть: В первых, Иезикил и Исая, паки и Давидъ праотець и Пѣснопѣвецъ подобнѣ, иже преже Христа изрядни и велиции пророци; и по тѣх паки Христоръ от дѣлъ увѣряет, но убо и первороденъ от мертвых воскреसे, якоже и Писание учит мя Иеуангельское; и Павелъ учит вселеную всю, о воскресении сущим в Коринфѣ пишет: «Падъ убо въ землю, сие вещественое тѣло в немощи и тлѣнии и безъдушно в гробѣ сгнивающе и разрушаемо, и в ничтоже бывшее, встает нетлѣнно и духовно в славѣ, бесмертно, и присноживотно, и обрадованно».* Да реку ти и притча, юже сам рекль есть: яко зерно наго, в земную боку пад убо и сгнивъ, не наго въстает, яково же наго паде зерно, едино паки, но и зѣло благороднѣ и одѣяно бывает: стебль, листовие, колѣнца, осилия, — и иная зерна приносит многосугубна и красна видѣнем, — сице ми разумѣвай и воскресенъе еже тогда человѣкомъ всѣмъ убо, малымъ же и великимъ.

Если же и о грешных душах узнать хочешь и где они затворяются и находятся, о душа моя, и о них от Писания отвечу тебе. Под всей землей внизу они пребывают, госпожа. Слушай и рыдай, пока не кончилась здешняя жизнь: сенью смертною *Давид*, преисподним рвом, адом то место назвал, почему и зовет: «Ты вывел из ада душу мою», надолго не оставил ее там пребывать. Об аде ведь и *Иов*, плача, говорил: «Земля темная и мрачная, и вечная тьма, жизни человеческой там не видно, ибо света там нет». Ад ведь есть место нижайшее из нижних преисподних, мрачных и мучительных по природе мест, куда сошел Христос и, захватив души, содержащиеся там изначально, начиная с первозданного, вышел победителем. Прекрасно, Христос мой благой!

Но о будущем слушай и вострепещи прежде конца: во второе пришествие Христово и явление при общем воскресении выйдут все они из ада; каждый свое воспримет тело и вновь возвратится в ад, увы мне, как сказал Песнопевец о них: «Тогда да возвратятся, — сказал, — грешники в ад». Слова «да возвратятся» показывают, откуда они вышли. И с тех пор будет им еще хуже и горше, тяжелее и больнее, будут мучиться и рыдать, сетовать и плакать безнадежно, душа моя, вечно и бесконечно. Пощади, Христос мой, пощади!

Тогда ты, душа, отойдешь к своему телу, с которым незадолго до того рассталась, к брэнной плоти, чтобы войти в нее, как учит Писание. И ты видишь его все смердящим и скверным, гнусным и мерзким и сгнившим до конца. И, таким его видя, отвращаешься с неприязнью, но под ударами грозных ангелов, увы мне, немилосердными, беспощадными, наносимыми с большой суровостью, вновь в негоходишь, душа, поневоле.

Но не таковы суть тела праведных, но как сверкающий бисер сияют они со славой, словно солнце, и даже ярче него. Если же ты, о душа, не веришь моему рассказу о воскресении, я приведу тебе надежных свидетелей, которым поверь.

Душа: А кто они, какого племени и народа?

Плоть: Во-первых, *Иезекииль* и *Исайя*, затем *Давид-праотец* и *Песнопевец* он же, прежде Христа бывшие избранные и великие пророки; а после них также и Христос делами уверяет, ведь он первый из мертвых воскрес, как учит меня *Евангельское Писание*; и *Павел* учит всю вселенную, и *коринфянам* о воскресении пишет: «Пав в землю, это вещественное тело в немощи и тлении и бездушным в гробе сгнивая и разрушаясь и в ничто превращаясь, встает нетленным и духовным в славе, бессмертным, вечно живущим и обрадованным». Скажу тебе и притчу, которую он сказал: как одно зерно, нагое, в землю упав и сгнив, не нагим встает, каким оно пало, и одним лишь зерном, но весьма благородно одетым в стебель, листья, колосца, колосья и иное, и приносит зерна во множестве и прекрасные видом, — подобным тому представляй себе и тогдашнее воскресение всех людей, малых и великих.

И слыши и почюдися Божию смотреню: тогда ни долгъ, ни короток бывает, ниже чернь, ни бѣль, ни тонок, ниже дебель паки, ни русь, ни чермень, ниже кудрявъ тамо есть; хром, сухорукъ не бывает, ниже бѣснуя кто; единогог, единокъ, единокъ, ниже прокаженъ, слукъ же, ни слеп, ни горбав, ни горкавъ, ни гугнив, ни травлуяй, ни премудръ, ниже буй, ни старецъ, ни отроча, ни рабъ, ни свободъ, ни варваръ, ниже скифинъ. Ни мни, яковъ же бѣ умрыи, таков и воскреснетъ, но яковъ же перевозданный от Бога созданъ бысть и яковъ же бѣ исперва преже послушания. Тамо нѣсть мужьска полу, ни женьскаго естества, ни дѣтородни уди мужстии и женстии к смѣшеню блудному и скверному, ни убо! Но ино, странно ино, еже вѣсть Богъ единъ, бесмертно и присноживотно и нетлѣнно отнудь, непричастно суще печали же и скорби, попеченья всякого и тщания, к жизни сдѣлюющаго. Бракъ никакоже бывает отнеле же воскреснем; ни посагают, прочее, не сушу ражженью тогда; естество женско никако, но ниже скопецъ есть; желанье телесное нѣсть, ни помысль блудный; но ниже бѣси тамо, ниже брань, ни свары, но яко ангѣли Божии суть вси. Христось бо се рече нѣкогда к садукеем.*

И еще же не умершей и погребеньем скрытии, но въ житии обращаются — мали же и велиции — и вси в мегновении измѣняются тогда. Будуть же вси въ единомъ возрастѣ, якоже предрекохъ преже мала в словѣ, нази же вси вкупѣ и обвѣленѣ. Нагое же, господине моя, и объявленное, яко от предложенья овчатъ разумѣвай, еже на жертву Богу приводимыхъ всѣхъ. Якоже она кожа одираема тогда во испытанья всякая кости же и мозга, являхуся внутрь скровеная явѣ, сице котораго же дѣяннн являються. Различье слышащи, сице ми разумѣй: се нѣсть отъятъе самого существа, но убо мертвости иждие же и престание и тли изнурение. Смерть бо сия тѣло не погубляет, но тля разоряет. Сущство же, добрѣйшая, пребываетъ же и есть, славою множайшею встающее тогда. Но не о всѣхъ, владычице, *глаголахъ азъ*. Се въскресеи убо общее всѣмъ будет; въскресеи же, душе, еже с славою, будетъ иже правѣ пожившихъ, въскресеи бо животу сии; злая же сдѣлавшей — в судъ мученья.

Душа: Несуменно слово твое, и вся приемлю ти, вся ти вѣровахъ, развѣ точью сего единого, егоже слышыши Писание явѣ вопиющее. Внегда убо Христось сниде въ адъ душа вся исхитити еже тамо сѣдящая, от Адама и прочая по ряду свободи вся. Ты же рече нынѣ быти душамъ тамо всѣмъ грѣшникомъ и нечестивымъ, о рабыне. Аще убо изятъ тыя от утробы адовы, и кая благодать будетъ, аще и еще оны паки яко осуженици суть подъ адомъ? Прочая, не согласна к Писанью твоя обрѣтаю и непщую, яко ты не истиньствуеши, рабыне.

Плоть: Слыши убо мя, владычице, и вонми нынѣ сде и Писание и истину, с нею и азъ глаголю, и разумѣй глаголемое от притча.

Послушай и удивись Божьему устройению: тогда ни высоких, ни низких не будет, ни черных, ни белых, ни тонких, ни толстых, ни русских, ни рыжих, ни кудрявых там не будет, ни хромых, ни сухоруких, ни бесноватых, ни одноногих, одноглазых, одноруких, ни также прокаженных, согбленных, слепых, горбатых, картавых, косноязычных, шепелявых, ни мудрых, ни глупых, ни старых, ни юных, ни рабов, ни свободных, ни варваров, ни скифов. Не думай, что каким умер, таким и воскреснет человек, но — каким первоизданный Богом был создан и каким был изначально, прежде слушания. Там не будет ни мужчин, ни женщин, ни детородных органов мужских и женских для соития блудного и скверного, никаких! Но — иное все, совсем иное, что знает один Бог, бессмертное, вечно живое и нетленное, непричастное печали и скорби, всяких хлопот и забот, с жизнью связанных. Брака вовсе не будет по воскресении; не будут тогда выходить замуж по причине отсутствия влечения; естества женского не будет никакого, но также и скопцов не будет; ни желания телесного, ни помысла блудного; и ни бесов там, ни брани, ни свары, но все — словно ангелы Божии. Христос ведь это некогда сказал саддукеям.

И также еще не умершие и погребеньем не скрытые, но в жизни вращающиеся, малые и великие, все мгновенно изменятся тогда. Будут же все в одном возрасте, как прежде я сказала тебе, совершенно нагими и открытыми. Наготу же их, госпожа моя, и открытость по подобию жертвенных ягнят разумеи, приводимых на заклание Богу. Ведь как с тех кожа сдирается для испытания сокрытых внутри них костей и мозга, так же и деяния каждого объявляются. Что касается различья, пойми следующее: это не будет отъятием самого существа, но смертности утратой и прекращением и от тления избавлением. Ведь эта смерть тела не губит, но тление его разоряет. Существо же, добрейшая, пребывает и остается, со славой множайшей вставая тогда. Но не обо всех, владычица, я говорила. Это воскресение общее для всех будет; воскресение же, душа, со славой будет лишь для праведно поживших, ибо они пробудятся для воскресения жизни; зло же соделавшие — для суда мучительного.

Душа: Не вызывает сомнений речь твоя, всю ее принимаю, во всем тебе поверила, кроме одного только того, о чем, как ты слышишь, Писание ясно гласит. Ведь когда Христос сошел в ад, чтобы души все освободить, там пребывающие, он освободил всех начиная с Адама и прочих по порядку. Ты же, о рабыня, сказала теперь, что там находятся души всех грешников и нечестивых. Но если он тех изъял из утробы адовой, то где же тут благодать, если они вновь, как осужденные, находятся под адом? Значит, несогласие с Писанием я нахожу у тебя и предполагаю, что ты, рабыня, неправа.

Плоть: Послушай же меня, владычица, и пойми теперь и Писание, и истину, которую я тебе скажу с помощью притчи.

Нѣкако положи быти нѣкоему мучителю, злодѣю и отступнику, отбѣгнувшю ему нѣкогда от царя и отшедшю далече в не же вжелѣ мѣсто, и тамо град создавшю высокъ же и великъ столпьем отвсюду утвержень зѣло. Посреде же его ископаша ровъ глубок и велик — глубину дажь до дна зѣмьнаго и вяще, в широту же широкъ паче всѣх широтъ, злосмраденъ и мрачнѣиши и темень зѣло, и стража всячьскыя тамо устраяет, смраднѣйша, увы мнѣ, тыя же и зловонны зѣло. И по сих, разумѣй ми, вражий гнѣвъ во всю землю протече; и собра многы звѣря и ядовитыя гады, змяя же и смоквы, скорпия и ехидны, и прочая от всѣх по ряду, и сия убо затвори въ мрачнѣйшем рвѣ на мученье явѣ якоже тамо человекомъ с нужею хотящим затворятися от него. Луна и звѣзды никакоже, ни солнце нѣсть тамо, глаголю, в градѣ вражьи, но мгла часта. Близъ града же оного путь бѣше народный, и инуду не бѣ пути еже ити в весь миръ. Имже путем прохожаху вся племена и языци, цесаревы вси врази и друзи вкупѣ. Прочее, приходяще в руцѣ, и не хотяше, вси отступнику и врагу, мали же и велици, и всѣх превзмагаше, и всѣх держаше. Силою убо ручною, нужею и областью связуя руцѣ же и нозѣ, лютѣ страсоваше и затвореныя вся воряше, и темницу исполни темныя она вся. Не терпяше убо царь неправды сия, намнозѣ не остави люди озлоблятися, но посла тамо сына своего, глаголя: «Поиди и исхити люди наши вся от руку лукаваго и отступника вскорѣ». Он же, пришед и ем спротивника, вся ему сломи и кости и жилы и с полумертва створи и недѣйствена того, ископа очи его и зѣница очныя; веряя и врата низложивъ и затворы скрушив, изять всѣх яко побѣдник и удалник, — врагы и другы вкупѣ, — от преисподних и възведе въ горняя всѣх от глубины, и от узъ убо разрѣши твердых вся, и на лица зѣмнѣм ходити остави. И по сих зри ми разсужение добрѣйшее: другы избра отца своего присныя и, поим сих, отиде к своему отцю въ красную полату и чюдную ону — еже быти тѣм всегда съ цесаремъ и веселитися имъ купно с ним в вѣк. Врагы же и нечестивыя остави убо тамо, дондеже изволитися отцю о них подобное, и изречет отвѣтъ праведны о них.

Къ сим ты, госпоже моя, како непщюеши: убо прияша ли и ти нѣкоего благодѣтельства — нечестивии же и врази глаголю цесаревы, — или не мнѣтся благодати быти? Како любо се? Азъ убо се непщюю спасенье велие еже бо мучителя яти и связати спротивника узами нерѣшимами, тому же и очи изяти, и от безднъ зѣмных възвести сих, и темница мрачныя, и узы, и затворы, и злосмрадная воня же, и гады ядовитыя — сих всѣх злых свободны створити и ходити сѣмо и онамо свободни въ ослабѣ, не сущю темничнику, не сущим слугам, враг бо погибе со всѣмъ воинством крѣпцѣ.

Аще бо и быти слышала еси, душе, убо быти въ адѣ, но не суть, якоже первѣе, в болѣзнях тяжких, ниже в нуждах, ни убо, ни въ узах нерѣшимых, но

Существует, положим, некий мучитель, злодей и отступник, бежавший некогда от царя и ушедший далеко, в какое ему понравилось место, и там выстроил город, высокий и великий, стенами отовсюду хорошо защищенный. Посреди же его он выкопал глубокую и великую яму, глубиной даже до дна земного и больше, в ширину же шире всех широт, злосмрадную, мрачайшую и очень темную, и сторожей всяческих там он поставил смраднейших, увы мне, весьма зловонных. И после этого, правильно пойми меня, злобная враждебность на все земли распространилась; собрал он многих зверей и ядовитых гадов, змей, пресмыкающихся, скорпионов и ехидн и прочих всех тварей такого рода, и запер их в мрачайшей яме, чтобы мучить, конечно, людей, которых он хотел туда заключать. Ни луны, ни звезд, ни солнца там нет, я имею в виду в городе вражьем, лишь мгла густая. Вблизи же этого города путь был торный, и иной дороги не было, какой можно было бы пройти в весь мир. Этим путем шли все племена и народы, как враги царя, так и его друзья. И вот все они приходили, того не желая, в руки отступника и врага, и малые и великие, и он всех их одолевал и всеми овладевал. Пользуясь силой рук, мощью и своим могуществом, связывая руки и ноги им, он страшно лютовал и обращал их в заключенных и темницу наполнил темную ту всю. Не стерпев же несправедливости этой, царь не оставил надолго людей выносить страдания и послал туда сына своего, говоря: «Пойди и скорее освободи людей наших всех из рук обманщика и отступника». Тот же, придя и схватив противника, все ему сокрушил — и кости, и жилы и оставил его полумертвым и бездейственным, вырвал глаза у него и глазницы; запоры и ворота поверг, и засовы сломал, и освободил всех как победитель и хозяин добычи, — разом и врагов, и друзей, — из преисподни их всех вывел наверх из глубины, и от крепких уз освободил всех, и по лицу земли ходить им предоставил. А после этого, смотри, он принял прекраснейшее решение: избрал верных друзей отца своего и, взяв их, ушел к своему отцу в прекрасный и чудесный его дворец, — чтобы те были всегда с цесарем и веселились вместе с ним вовеки. Врагов же и нечестивцев он оставил там, пока отец не решит, что им подобает, и не вынесет он суд справедливый о них.

Как ты на это смотришь, госпожа моя: не получили ли и те тогда некоторого благодеяния, — нечестивых я имею в виду и врагов цесаревых, или же ты не думаешь, что было для них совершено благодеяние? Как тебе кажется? Я же считаю, что благом великим было то, что мучитель был схвачен и связан противник узами нерасторжимыми, и что глаз был лишен, а из бездн земных были выведены те, и из темниц мрачных, из уз и запоров, от смрадного зловония и гадов ядовитых, — от всех этих зол освобождены и что было им предоставлено свободно ходить повсюду, ибо не стало тюремщика и его слуг, так как враг погиб со всем своим воинством, быв побежден.

Хоть и слышала ты, что в аду находятся души, но они не так пребывают, как прежде, не в страданиях тяжелых, не в нуждах, ведь нет, не в узах

въ ослабѣ отчасти и в малѣ покои. Мнѣ убо велико является се благодѣтельство. Разумѣ ли всяко реченое, или сумнишися и еще?

Душа: Разумѣх и домыслихся, и являешися истиньствовати. Всѣх благодѣтель есть по праведному суду: врагы убо мнее, другы же большее. И благодѣтъ сия велика глаголется от всѣх добрѣ смыслящих, и есть велика паче зѣло.

Плоть: Госпоже моя, како разумѣ реченое гаданье мое? Хощу увѣдѣти, аще добрѣ реченая разумѣ.

Душа: Да слыши, служительнице, раздрѣшение сих сдѣ. Отступникъ есть спадый Денница, град же, егоже созда, адъ; якоже мню, ровъ глубочайший и темницу его — суть, служительнице, чрево адово, народны же путь — житие се есть, имже ходим мали и велици вкупѣ; мучительство же вражье и разбойничьство его — смерть, якоже подобиться, яже въсхищает всѣх, къ аду лютому отпускает абѣе; а иже во рвѣ гади и лютии звѣрье, якоже мню, — нестерпимая бользнь, яже тамо есть; царь же — Богъ, и Сынъ его паки избавитель есть Христось роду человеческому; друзи — иже праведнии, нечестиви же паки — врази его, вкупѣ грешники непщюю; красная же полата, и веселие его, и радость непрестанная Небесное Царство есть.

Плоть: Добрѣ и зѣло и благоумнѣ разумѣла еси реченое мною, госпоже моя и владычице, и благодѣтъ Христу моему! Но въжь, яко притча не по всему имат равное и приемлеться. Елма не бы была притча, якоже рѣхом, но тождѣство паче. «Взлегъ, почи, якоже левъ»,* — слышала еси патриарха, глаголяще о Христвѣ, господыне. И паки убо в другом: «Срящю тѣх же, — рѣче, — яко медвѣдъ страшнѣйши гладень зѣло». Убо приуподобим ли яже звѣрем сушая вся сдѣ Христови? Ни убо, владычице моя. Но подобает потребное избравшим от сих въ еже приято есть, то прочее убо все оставлено творяще удобь, мимоидѣмъ сия. Страшное убо лвово и цесарское воспримем, медвѣдъ же паки точью мучительное, а не ино что, ихже имат. Также и о прочихъ притчах творити. И слыши, господыне моя, яко имам и еще сдѣ мужа свята и премудра — Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура* — и множае увѣришися. Той бо опаснѣйше яже тамо бывшая научает добрѣ и явственѣ всѣх. И навькни, яже рече здѣ нѣкако на стихи:

«Не просто бо спаслъ есть жизнодавецъ Христось, сшедъ въ адъ, всѣхъ, но рѣчеся, яко тамо вѣровавшихъ, иже суть отци и пророци, судья и царь, с ними и мѣстни князи, и инии нѣции от людей жидовескихъ бесчислени и предъявлени всѣм. Мы же сия противо *речемъ* сдѣ сущим, яко: ни даръ или богатство, слава, ниже чудно и славно сие, еже спасти Христу преже вѣровавшая, елма ссуди праведенъ есть единъ, и всяк иже тому вѣровавый не погибнет. Достояше бо сим спастися всѣм и от адьскихъ узъ избавитися схожениемъ Бога и Владыки, еже и бысть того промышленьемъ.

нерасторжимых, но в частичном послаблении и в некотором покое. Мне это представляется великим благодеянием. Все ли ты поняла из сказанного или еще сомневаешься?

Душа: Уразумела и поняла я, правду ты говоришь. Всех он облагодетельствовал по правому суду: врагов меньше, друзей больше. И благодать эту великой называют все добромыслящие, и она весьма велика.

Плоть: Госпожа моя, как же ты поняла рассказанную мной загадку? Хочу узнать, хорошо ли ты сказанное уразумела.

Душа: Слушай, служительница, теперь ее отгадку. Отступник — это падший Люцифер, город же, который он построил, — ад; как я думаю, яма глубочайшая и темница его — это, служительница, чрево адово, торный же путь — это жизнь, которой мы идем, малые и великие вместе; мучительство же вражеское и разбойничество его — смерть, как представляется, которая похищает всех и в лютый ад посылает тотчас же; а находящиеся во рву гады и лютые звери, как я думаю, — тамошнее нестерпимое страдание; царь же — Бог, а сын его, избавитель рода человеческого, — это Христос; друзья — праведники, а нечестивые — враги его и грешники, полагаю; прекрасный же дворец и веселье в нем, и радость непрестанная — это Царство Небесное.

Плоть: Хорошо и весьма разумно поняла ты сказанное мною, госпожа моя и владычица, слава Христу моему! Но знай, что притча не во всем точна и не должна восприниматься буквально. Иначе это не притча была бы, как мы сказали, но скорее тождество. «Возлегли, уснул, как лев», — слышала ты патриарха, говорящего о Христе, госпожа. И еще в другом месте: «Встречу их, — сказал, — как медведь страшнейший, голодный весьма». Разве применимо зверям присущее все здесь ко Христу? Нет ведь, владычица моя. Но подобает, нужное взяв, что подходит, прочее все оставить, пройдя мимо него. Выберем здесь страх, который внушает лев, его царственность, и только мучение от медведя, а не что-либо иное из того, что им свойственно. Так же и к другим притчам относись. Послушай, госпожа моя: у меня здесь есть и еще один муж святой и премудрый — знаменитый Иоанн Мансур Дамаскин, — и ты еще больше уверишься. Ибо он более точно о том, что там будет, учит прекрасно и открыто для всех. И послушай, что он сказал здесь некоторым образом в стихах:

«Не просто ведь всех спас живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и там — уверовавших, каковы суть отцы, пророки, судьи, цари, а с ними и поместные князья, и некоторые другие бесчисленные из народа еврейского и известные всем. Мы же вот что скажем по этому поводу тем, кто находится здесь: не дар, не богатство, не слава, и не нечто удивительное и невероятное — то, что Христос спас прежде уверовавших, потому что он один судия праведный, и всякий, в него поверивший, не погибнет. Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением Бога и Владыки, что и произошло по его

А *иже* паки человеколюбия ради спасъшеся суть, якоже и *сии*, житие честнѣйше имяху и дѣяние добро всяко свершаху, тонцѣ живуще, въздержателнѣ и цѣломудрнѣ, вѣру же истинную и божественую не достигоша, не обучени быша всяко, но ненаучени пребывше отнудь. Сих всепромысленик Владыка всѣх привлече и улови мрежами божественными, и тѣх преклони вѣровати ему, восиявъ на ня божественныя луча и показавъ имъ истинны свѣт; не бо суди, милостивенъ сы естеством, втоще тѣх труды быти, стяжаша бо труднѣйшее житие, болѣзньо же и тѣсно паче слова, самодержъци страстемъ бывше и сласти оплевавше, вкупѣ нестяжанье же всяко исправлеше, въздержанье же со бдѣниемъ паки, и всяко просто изрядно жителство, не благочестивнѣ убо, но обаче прошедше, вышнии промыслъ, якоже мняху, изряднѣ чтуще, обаче погрѣшнѣ. Суть же нѣции *иже* божественую славу всемошныя достигоша Троица тонцѣ и темнѣ, но не прославиша обаче. Ини же воплощенье рекоша Слова, страсти честныя и встанье его. Друзии же рожество, еже от Девы, имя же тоя пронарекъше, *Мария* бо, рече, имя нѣкое отроковици. Паки нѣции предначтоша вся преестественая Христова чудотворенья, мерътвых же и слѣпых, и гугнивых, прокаженных, и глухых, и огничавых, трудоватых, вкупѣ и сухоруких, и морское хоженье, отсюду хлѣбом благословенье и рыбам, преложенье водѣ в вино паки, кровоточивыя и слукыя вкупѣ здравье предрекъше со инѣми многими. Сих божественая Слова сила не стерпѣ презрѣти погибающихъ, ниже погубити дѣлания изрядных. Заимствованый бо тѣмъ слова конецъ, якоже рѣхом, не помрачатся, но сохраненъ одѣвается всѣмъ *иже* добрѣ пожившимъ с прилогом. А *иже* не жившеи право житие, сѣмя или плод никакоже стяжавше, и ниже дождя божественаго, съ небесе излиывшася на них, възрастивша всяко, ни бо, яко же варивъ рѣх, вложиша сѣмя, ниже, восиявшю солнцю славы, сѣзрѣяша, яко бесплодни отнудь. Сих не ползова Христось спроста, совъздвигъ, якоже мню, падшихъ, яко недостойны всячьскы спасенью, ниже бо вѣроваша ему, мниться мнѣ. Ослѣпи бо тѣх помыслы и, увы мнѣ, и очи сердца тмы взятие, первый змий, емуже служителя исперва, яко да, видяще, не видят вправду и разумѣют отнудь. Ини же вси, сѣмя имуще, и сѣзрѣяше, солнцю являшюся, и возрастоша же, дождю бывшю. Сих спаслъ есть, якоже мню, Христось мой, егда сниде въ адъ хотѣнемъ».

Душа: Вся добрѣ сказала ми еси, учителнице и рабыне, и истинна и извѣстна. И не прерѣкую отнудь, но имам еще възыскание, недоумѣнье велико. Рци и се явленъ, аще можеши рещи.

Плоть: Да что есть и каково и которое есть, скажи.

Душа: Како, оставльши убо тлѣнно и нетлѣнно же обрѣтши, тѣло убо свое душа како познает? Ова бо оставила есть слѣпо и безъ очью то, ова же

промыслу. А кто по причине его человеколюбия спасся при этом, как и те, провели честную жизнь и всякие добрые дела совершали, строго живя, воздержанно и целомудренно, веры же истинной и божественной не достигли, не просвещены будучи вовсе, и совершенно ненаученными оставшись. Этих всех людей обо всех заботящийся Владыка привлек, и уловил мережами божественными, и склонил их веровать в него, воссияв на них божественными лучами и показав им свет истины; не захотел он, милостивый по естеству, чтобы вотще их труды были, ибо они избрали труднейшую жизнь, мучительную и невыразимо скучную, быв самодержцами своих страстей и сласти выплевав, вместе с тем и к нестяжанию всякому прилежа, воздержанию со бдением также, и всякому вообще доблестному жителству, хотя и не будучи благочестивыми, но тем не менее высший промысел, как им казалось, наилучшим образом почитая, пусть ошибочно. Есть же некоторые, кто поверхностно и смутно постигли божественную славу всемогущей Троицы, но не прославили ее однако. Иные же предсказали воплощение Слова, страсти его честные и воскресение. Другие же — рождество от Девы, имя ее предсказав, — Мария, ибо, сказали, имя отроковицы. Опять же некоторые предначертали все сверхъестественные Христоу чудотворения с мертвыми и слепыми, косноязычными, прокаженными, глухими, лихорадочными, водяночными, а также сухорукими, и по морю хождение, затем хлебов благословение и рыб, превращение также воды в вино, кровоточивой и согбенной выздоровление предсказав со многим иным. Божественная сила Слова не сдержалась, чтобы пройти мимо таковых погибающих и дать погибнуть делам наилучших. Ибо занятое у них, как мы сказали, с окончанием времени не уничтожается, но, будучи сохранено, возвращается всем хорошо пожившим с лихвою. А те, кто не жил праведной жизнью, семени или плода никакого не стяжали, от дождя божественного, с неба на них пролившегося, вовсе не возросли, ибо, как я прежде говорила, не посеяли они семя и, когда воссияло солнце славы, не созрели, будучи совершенно бесплодными. Таковым не принес Христос пользы вовсе, не совоздвиг их, думаю, видя падшими, потому что они вовсе не достойны спасения, так как не поверили ему, как мне кажется. Ибо ослепил их помыслы и очи сердечные, увы мне, тьмы сгусток, первый змей, которому они служили с самого начала, чтобы, видя, они не видели по правде и не понимали ее ничуть. Другие же все, семя имеющие, созрели, когда появилось солнце, и выросли, когда прошел дождь. Тех спас, как мне кажется, Христос мой, когда сошел в ад добровольно».

Душа: Все хорошо сказала ты мне, учительница и рабыня, и правильно, и ясно. И не противоречу я совершенно, но имею еще вопрос, недоумение большое. Скажи мне и об этом ясно, если можешь сказать.

Плоть: Да что это такое и каково, скажи.

Душа: Как, оставив тленным, а найдя нетленным, тело свое душа узнает? Ибо то, что она оставила, или слепо и без глаз, или же глухо и немо,

глухо и нѣмо, скудоумна же другая, скопыца же и иная, и тонко, и сухонаво, дебело, полно и тучно же, чревато другая, другая же безъ брады, космато же ти о другая; иная паки женьско, черно иная и смядо, бѣло же паки другая; безъ руку и безъ ногу остави паки иная, и младенца иная несвершена и малѣйша зѣло, и старца; и иная съгнивша зѣло, и черно власы другая, бѣло же иная паки. Во воскресенѣ убо, якоже глаголеши и учиши мя, рабыне, ино от иного бывшее, якоже варивъ рекла еси, по подобию Адамову, — како убо познает то и не имущее знаменья, ни образы, ни мѣры?

Плоть: Да слыши, господини моя, вещи сея дивное. Тогда не ищи естествонаго послѣдования чинъ, но выше естества вся и мѣчтайся и разумѣвай. В сем бо житии суть сия вся, в будущем же ничтоже от сих будет тамо. Но промыслом Божиимъ и хотѣньем его знаменье убо дастся, и познаваетъ вся едина каяждо совлече ея тѣло, якоже овьца познавает своя агница и младенци доими своим матеремъ не от иного чего, ниже от видѣния, но обонянья точью от единого познавают. Много убо сличная въ агньцѣхъ бывают, и множайша и ты суща. Видѣхъ азъ многожды всхожаше и низхожаше многожды множицею мати, въ агньцехъ свое агня ищющи, и к ней прихожаху много от агнець, никое же не прият, ни накорми ни едино, обонявающи вся, мимоходящи вся, дондеже обрящеть сама свое ея агня. Подобно сему познание душамъ и тѣлом, еже тогда и будет. Промыслом Христа моего будущее датися от него знамение. Азъ убо не то знаю, — онъ точью единъ вѣсть. Умно сущи души, умно же и оно; безътелесна же сущи, безътелесно и се, не чювьствено, не вещно, якова суть яже сдѣ. Подобнѣ убо и сродници, и друзи к другом, невѣжде же познают другъ друга тогда, яко ти притча показа, господине. Да не мнить же никако никтоже, яко еда нѣсть комуждо познание комуждо тогда на страшномъ сборѣ ономъ, душе моя: ей, кождо познает тамо искренняго си, — не образомъ телеснымъ, ниже от знамени, но окомъ душевнымъ презрительнымъ.

Душа: Да откуда се вѣдомо? Впрашаю тя, о рабыне, еже представи свѣдѣтеля о словеси сем. Тебѣ бо яко рабынѣ не вѣрую и сумнюся о нихъже глаголеши.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя, въ-первыхъ, Христа моего, явственѣ учаща въ Благовѣстованиихъ, яко позна богаты Лазаря оного в надрѣхъ Аврамовыхъ сѣдяща посреде, такоже и Аврама, великаго патриарха; и паки же другоици рѣче къ иудѣомъ, яко: «Аврама узрите, и Исака тогда, и Якова, и вся пророки такоже въ царствии Божии, вас же вѣнѣ его изганяемъ далече». И да нѣ кто непщует и рчетъ, яко притчею рѣчена бысть убо вещь и разумъ неприятенъ быти о сихъ, божественья бо притча Спасовы, любимая, суть образи истиннии вещемъ настоящимъ, възможнымъ, непрелестнымъ и показанымъ.

другое же скудоумно, оскоплено же иное, и тонко, и сухошаво, и толсто, полно и тучно же, брюхато другое, другое же без бороды, космато опять же другое; иное также женского пола, черно иное и мрачно, бело опять же другое; без рук и ног остались также иные, и младенцы иные несовершенно и маленькие очень, и старцы; и иные — сгнившие сильно, и черноволосы другие, иные же светлы. При воскресении же, как ты говоришь и учишь меня, рабыня, тело одно от другого происшедшее, как прежде сказала мне, по подобию Адамову, — как опознается то, не имеющее ни прежних признаков, ни вида, ни размера?

Плоть: Послушай, госпожа моя, об этом странном деле. Тогда не ищи обычного порядка естественного соответствия, но выше естества все вообрази и представь. В этой ведь жизни все такое, какого в будущем ничего не будет. Но промыслом Божиим и желанием его знамение будет дано, и опознают все до одной души свои тела, с них совлеченные, — как овца узнает своих ягнят, и сосунки-детеныши своих матерей не по виду и не по иному чему-нибудь, но обонянием только одним опознают их. А ведь много схожих ягнят бывает, и множество их существует. Видел я многократно, как мать взбиралась и спускалась многое множество раз, своего ягненка среди ягнят разыскивая, и к ней подходили многие из ягнят, — но она никого не подпускала и не кормила ни одного, всех обнюхивая, проходя мимо всех, пока сама не найдет своего собственного ягненка. Подобно этому произойдет опознание душами своих тел, которое будет тогда. Промыслом Христа моего в будущем будет дано от него знамение. Я же его не знаю, — он один только знает. Поскольку душа умственна, умственным будет и то; поскольку ж она бестелесна, и оно бестелесно, не чувственно, не материально, каково все сущее здесь. Подобным ведь образом и родные, и друзья своих друзей, и незнакомые друг друга узнают тогда, как притча тебе, госпожа, показала. И пусть никто не думает вовсе, что не все и не всех узнают тогда на страшном этом соборе, душа моя; да, каждый узнает там близкого своего, — не по телесным образу и признакам, но оком душевным пронизательным.

Душа: Да откуда это известно? Прошу тебя, рабыня, представить свидетеля в подтверждение этих слов. Ибо я тебе как рабыне не верю и сомневаюсь в том, о чем ты говоришь.

Плоть: Послушай же, госпожа моя, во-первых, Христа моего, ясно учащего в Евангелиях, что узнал богатый Лазаря онтого на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха; а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: Авраама увидите, и Исаака тогда, и Иакова, и всех пророков также в царствии Божиим, себя же — изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально, ибо божественные притчи Спасовы, любимая, заключают истинные образы вещей настоящих, возможных, необманчивых и явных.

Душа: Върнѣйши и добрѣйши свѣдѣтел сея есть. Имаши ли к сему и иного кого, соглашающа и подобная вѣщающа о глаголаныхъ?

Плоть: Имам, господине моя, многы, но не могу всѣх нынѣ приносить реченья, лѣню бо ся сия писати. Обаче 3, и 4, и 5 представлю ти и глаголаніе коегождо сдѣ напишу.

Иоанъ Златы языком сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем, но и ихже никогдаже видѣхом в лице: Аврама, Исака, и Якова, и вся праотца, отца же и дѣдъ и прадѣдъ, пророкы, и апостолы же, и мученикы».* Душе моя, си видѣвши, познаеши всѣх абие на торжищи оном велицѣм. И паки к сим подобна Василие Великій, бесѣдуя к лихоимцемъ рече сице: «Не приемеши ли пред очима своима Христово судище, внегода тя обидут, представше внезапно, и ближни, и дални, и мали же, и велици, обидѣнии тобою, взопють на тя. Яможе бо аще възведеши око тогда, узриши убо явѣ озлобленых образы: отсюду убо сирья, отонуду же убо вдовья, на иномъ же нищя, ихже обидѣль еси всѣх, — сусѣды же вся, яже прогнѣвалъ еси здѣ». Но убо и Григоріе Богословный пишет: «Тогда, рече, — Кесарія узрю свѣтлоносна, яковъже ми во снѣ явился еси, брате любезнѣйши».* Ефрѣмъ же блаженный сице учит, глаголя: «Тогда, — рече, — своя родителя осудятъ чада своя имъ, увы, осуженья, яко дѣла благая нынѣ не сдѣявшю. И знаемых видят в час онъ. И внегода от них узрят нѣкыя, увы мнѣ, в десных частех причтеных бывша, тогда рыдают убо разлученья и расъпряженья сих».* Афанасій Великій чюдный, церковное основанье и поборьник ея, и се: «Богъ, — рече, — праведникомъ всѣм даровалъ есть познанье общаго и сборнаго, душе моя, воскресенья, еже быти другъ с другом, веселитися и радоватися в вѣки вѣком. Лишени же суть грѣшници утѣшения сего: не имуть познания еже друг с другомъ тогда... Якоже дѣянія вся откровена суть, сице, — рече, — и лица всѣмъ знаема бывають, дондеже всѣх послѣднее разлученье конечь примет и каждо посланъ будетъ въ свое ему мѣсто: праведьници с Богомъ, такоже и друг с другом, грѣшници же паки в далних мѣстѣхъ. Аще бо и друг с другомъ будет, но обаче незнаемъ. Якоже бо предречеса, лишени будут и сего утѣшенья, рекше и благодѣти, таковыя. Аще бо не явѣ будут, — рече, — всѣмъ тогда студъ, которы будетъ повиннымъ всѣмъ. Тогда бо, — рече, — лютъ есть срамъ и великъ, внегода кто познавает и познаваемъ бывает. Всякъ бо стыдяйся знаемыхъ стыдиться, невѣдомыхъ же никако, сущю ему невѣдому. Страмъ же не бываетъ никако незазорному».* Се убо не невѣрно и не отречено есть, яко явѣ вси другъ друга познаваемъ. Прият ли ми свѣдѣтеля, о нихже рѣхъ всяко, или еще паки, якоже и мнѣ, не вѣрова и симъ?

Душа: Ни, служительнице, ни. Не ктому сомняся, яко зѣло ми благо-разумнѣ недоумѣнье се сказала и разрѣшила еси. И благодарствую тя: върнѣйше и извѣстно и истинно есть свѣдѣтельство многих, — от Христа навькнуя. Нынѣ же имамъ желанье научитися и сему.

Душа: Это — наивернейший и наилучший свидетель. Есть ли и иной кто-нибудь, с ним согласный и то же говорящий об этом?

Плоть: Есть, госпожа моя, многие, но не могу всех их теперь приводить изречения, ибо ленюсь их все писать. Однако три, и четыре, и пять могу представить тебе и высказывание каждого здесь напишу.

Иоанн Златоуст так говорит: «Не только ведь здесь знакомых нам мы узнаем, но и тех, кого никогда не видели в лицо: Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцов, отцов, и дедов, и прадедов, пророков, апостолов и мучеников». Душа моя, увидев их, узнаешь ты всех их тотчас же на торжище том великом. Также и Василий Великий, обращаясь к лихоимцам, сказал подобное этому: «Не представишь ли пред глазами своими Христово судище, когда тебя окружают, представ внезапно, и близкие, и далекие, и малые, и великие, обиженные тобою, и будут громко тебя обвинять. Куда только не возведешь глаза ты тогда, увидишь лишь озлобленные лица: с одной стороны — сирые, с иной — вдовы, с другой — нищие, которых ты всех обидел, соседей всех, которых ты здесь прогневил». Также и Григорий Богослов пишет: «Тогда, — говорит, — Кесаря я увижу светносного, который мне во сне явился, брат любезнейший». Ефрем же блаженный учит, так говоря: «Тогда, — говорит, — своих родителей осудят дети их собственные за то, что дел благих они ныне не сделали. И знакомых увидят в тот час. И когда увидят некоторых из них, увы мне, к правым причисленными, тогда возрыдают они по причине разлуки и расставания с ними». Афанасий Великий, чудный, основание и поборник Церкви, и он сказал: «Бог праведникам всем даровал возможность познания при общем и соборном, душа моя, воскресении, быть друг с другом, веселиться и радоваться во веки веков. Лишены же грешники утешения этого: не смогут они узнать друг друга тогда — *(с того момента, как произойдет разлучение их с праведными)*. Как дела все открыты тогда, так, — сказал, — и лица всех узнаваемы будут, пока окончательно разлучение всех не свершится и каждый не будет послан в свое место: праведники — с Богом и друг с другом, грешники же — в дальние места. Хоть друг и окажется с другом, не узнает один другого. Как уже сказано, будут они лишены и этого утешения или же и такой благодати. Ведь в противном случае явно всем будет, — сказал он, — то стыдное, в чем они все виноваты. Ибо тогда, — он сказал, — будет лютый и великий стыд, когда кто-нибудь узнает кого-нибудь или узнан окажется. Всякий ведь стыдящийся знакомых стыдится, а тех, кого не знает, — нисколько, — ведь и его не знают. От незазорного же не бывает никакого срама». И это верно и потому бесспорно, что ясно мы все друг друга узнаем. Приняла ли ты моих свидетелей, о которых я говорила, или по-прежнему, как и мне, не веришь и им?

Душа: Нет, служительница, нет. Больше я не сомневаюсь, потому что весьма благоразумно ты объяснила и недоумение мое разрешила. И я благодарю тебя: более верно, надежно и истинно свидетельство многих, как я от Христа узнала. Теперь же я имею желание уразуметь вот что.

Предрече бо ми выше в словѣ, рабыне, яко убо измѣнятся на воскресенѣе небо же и земля в создание божественѣйше, такоже и телеса чловѣкомъ всѣмъ — в нетлѣнѣе и та измѣнятся тогда. Убо и азъ ли, служительнице, измѣнюся тогда, или паки буду та же, якоже есмь нынѣ, тричастное неразлучно имущи тогда: помысленое, желательное и яростное же? Убо и тогда ли в самом тождѣстоит пребуду, тричастна с тобою буду в вѣкы? И паки которое же дѣйствуют своя, желанье же глаголю и ярость? Такоже во мнѣ зрима суть, окаянно ми и страстно воскресенѣе будет, яко паки страстна, и сквернава, и паки нечиста буду сих ради. Аще ли не будут со мною двѣ части сия, цѣла како буду, отъята бывъши сих? Еже бо всяко скудно есть, цѣло како и будет? И аще надво раздѣлюся, не азъ есмь вся, но нѣкаа и несвершена, и скудна, якоже всѣи. Но убо како несѣкомое сѣкомо покажется. На части же и рассѣченѣе раздѣляемо тогда? Аще бо, якоже предрекла еси, весь миръ мене ради создася и бысть видимый сей, аще бо в лучшее то премѣнитися зданѣе и естество добрѣйшее и божественѣйшее воистину, свѣтей, краснейше и въобразитися тогда Зижителя и Здѣтеля свѣтомъ и волею, прочее, азъ, рабыне, обидима зѣло, аще и тогда буду якова же есмь и нынѣ, и възражение не прииму, и почтена буду болше, якоже и ты, рабыне, прославишися, якоже рекла еси. Тля бо и мертвости будещи тогда тужда, и нетлѣнна, присноживущи и бесѣмертна будещь. Аще убо плоть, рабыне моя, паче естества почтет Создатель, якоже общася, Богъ и Владыка, владычицу же самую бешестну оставит, долѣ горняя будут, якоже и горняя долняя. Назданѣ бо бывши той назданѣем и странным, не подобаесть владычици мнѣ тако презрѣнѣе быти, но воистину чюдным измѣненѣем и странным измѣнитися и мнѣ хотѣнѣемъ Владычним яко царици всего здѣшняго мира сущи, — премѣнитися и самой, яко всѣхъ вышши. И понеже хошет обновити бездушныя стихия и нечювьственная же, и служительная мнѣ, рабыне, мене паче яко словесну и чювьствену достояше. Рци к сим, рабыне моя, и что ми подобаеет надѣятися?

Плоть: Госпоже моя и владычице, в глубину разумѣний и пучину непроходную въвергла мя еси нынѣ. Неудобьдостоижно, неудобьобразумно взысканье твое есть. И недоумѣю и боюся неудобно, все суще недовѣдя, стыдящася, готовопадажна явитися. Иного нѣкоего вприси от разумныхъ се, мене же прости, яко невѣжю всяко.

Душа: И иного убо не хощу се увѣдѣти, рабыне. Тебе бо сущи близъ, далече ити не подобаеет, и впрашати безнадежнѣе, и трудитися всуе. Прочее, начьни, рабыни моя, покажи, яже всѣи. Аще ли непокоритися мнѣ хощещи, не надѣйся ясти, ни снѣдь бо или питие оставлю тя пряти, нѣ ниже песь излѣль есть, якоже мниши, жезла.

Ты раньше в своей речи сказала мне, рабыня, что при воскресении небо и земля примут более божественный вид, тоже и тела всех людей — и те в нетленные переменятся. А я, служительница, изменюсь тогда или буду такой же, какой являюсь ныне, три свои части сохранив неразлучными: способности к мысли, влечению и ярости? Буду ли я и тогда тождественной себе? Тричастной с тобой вовеки пребуду? И каждая часть опять будет делать свое дело, — я имею в виду влечение и ярость? Если такими же они останутся во мне, тяжелым и мучительным для меня воскресение будет, потому что вновь подверженной страстям, и скверной, и вновь нечистой буду я из-за них. Если же не будет со мной двух этих частей, невредимой как я останусь, будучи их лишена? Ибо то, что как-то оскудеет, может ли быть невредимым? И если я разделюсь надвое, то не буду цельной, но буду в чем-то несовершенной и оскудевшей, сама понимаешь. Да и как неделимое окажется делимым, на различные части будучи тогда разделяемо? Ведь если, как ты прежде сказала, весь мир этот видимый ради меня был создан и появился, и если он в лучшее переменится создание и преобразится тогда в естество воистину прекраснейшее и божественнейшее, более светлое, более красивое, Зиждителя и Создателя желанием и волей, то, значит, я, рабыня, окажусь весьма обойденной, если и тогда останусь такой, какова сейчас, и приращения не получу и не почтена буду, как и ты, рабыня, когда ты прославишься, как ты сказала. Ибо тления и смертности будешь ты тогда чуждой, нетленной, вечно живущей и бессмертной станешь. Если плоть, рабыня моя, сверхъестественно Создатель почитит, как он обещал, Бог и Владыка, владычицу же саму в бесчестии оставит, внизу окажется вышнее, дольнее же вверху. Созданной таким необычайным образом, не подобает мне, владычице, в таком презрении пребывать, но надлежит воистину чудным и странным изменением перемениться и мне по желанию Владыки как царице всего здешнего мира, — перемениться и мне самой, как всех вышней. Ведь поскольку он собирается обновить бездушные стихии и бесчувственные и мне, рабыня, служащие, подобало бы обновить и меня — и как словесную, и как чувственную. Ответь мне на это, рабыня моя: на что мне подобает надеяться?

Плоть: Госпожа моя и владычица, в глубину раздумий и пучину непроходимую ввергла меня ты теперь. Трудно для постижения, трудно для уразумения то, что ты спрашиваешь. Я недоумеваю и боюсь, смущенная, не обо всем на свете зная, к стыду своему, оказаться близкой к падению. Другого кого-нибудь это спроси из разумных, меня же прости, так как я вовсе не знаю.

Душа: От другого я не хочу это узнать, рабыня. Раз ты поблизости, далеко идти мне не подобает, а спрашивать безнадежно, и стараться напрасно. Так что начни, рабыня моя, покажи, что знаешь. Если же покориться мне не хочешь, не надейся есть, ибо ни пищи, ни питья не позволю тебе принять; и, как ты знаешь, дубинку не съела собака.

Плоть: Да слыши, госпоже моя, где мало и вонми. И видѣ и прежде рѣх тебѣ, и нынѣ паки глаголю.

Миръ убо видимый, и мысленый также, и явлена сия, елика якова суть, Зиждитель и Сдѣтель тебе ради привель есть. И паки тогда тебе ради обновит всяческая к благоугожению твоему и чести же и славѣ в веселие и радость и красное наслаженье. Обновлеши бо ся и азъ, твоя похвала будет, честь бо и слава моя тебѣ будет тогда, якоже и безчестье мое тебѣ и нынѣ есть.

От сих же всѣх ниедино же требует Богъ сущих сдѣ, ни солнечное сиянье, ни небесную доброту, ни земное благолѣпие и приношение всяко: нескуден бо всѣх сый, сих никакоже требует. Тебѣ бо дарована быша та нынѣ и в будущий. Прочее, елма яже о тебѣ сице прославит тогда, кольми паче тебѣ, душе, иже и владычицу сим. Желания и ярости, спитателникъ твой, глаголю, съотъемлет абье вся ис корене, якоже от них ражаемая и прозябающая страсти. Аще страсти всяко глаголати подобает, или ни, господыни, и именовати та, еже нѣсть сице, егда добрѣ направляет помысль сия. Требование сих добро есть, добродѣтель глаголемъ быти, недоброе же паки — злобу створяти. Тогда наглость, ни гнѣвъ, ни ярость придет ти, но ниже вражда будетъ в тобѣ, ни памятозлобие, ни боязнь же, ни страх; ни потреба тогда мужеству; ревность и зависть престанеть от тебе, госпоже; похоть бесловесная и сласть также. Матерь же всѣм сим — предреченѣи двѣ. Но ниже мнѣние в тебѣ, ниже тщеславие, но ниже вѣра; надежда съотидеть ти, другине; также память престанет, не потребуши бо ея. Пять сия отроди помыслу суть, а не яростному, ни желателному. Сия бо вся отходят, якоже рѣх, от тебе. Желателно послѣднее отнели же кто постигнет, не требует ни единого же от предреченых отнудъ, ветхаго бо челоуѣка совлекшеся всего, с ним совлечеши его студи тогда и скверны и къ животу бестрастному паки встечеши. Любовь едина будет тобѣ тогда и ничтоже ино, от ихже имам вкупѣ или особъ нынѣ. Ни бо сия являются тобѣ существенна, не суть бо словеснаго естества сия, ни и убо, бесловеснаго же паче свойствена видяться. Ибо лстиваго зря врага и яраго и брань, юже на тя, ущедривъ Зиждитель и въоружи и облече къ отмщенью его обѣма сима, владычице, де некако, нагу обрѣт тя, язвит же и ранить тя елижды аще хошет. Брани же, госпоже моя, тамо яко не сущи, но смѣренію твердо, кая потреба оружию? Врази бо твои погибоша со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ. Здѣ бо есть все: и борбы и побѣды, — тамо же сихъ престанет держава и помощь. Ихже бо съде боишися посмѣшиши тогда, въ огонь геоньскый видяще ввержены. Ты же имѣти хоцещи тогда несмѣсное и особое все: словесное, госпоже моя, и помысленое же, — боговидно и зрительно и богоподобно. Тогда еже по образу чисто первое, якоже и первѣе, яково же исперва прияла еси и паки въсприимеши божественное вдуновение, аще что се разумѣтся.

Плоть: Послушай теперь немного, госпожа моя, и пойми. Я ведь и прежде тебе говорила и сейчас опять говорю следующее.

Мир как видимый, так и мысленный, и явления все, сколько их и какие только ни есть, Творец и Создатель тебя ради привел в бытие. И опять же, тогда ради тебя обновит он все — для благоугождения тебе, для чести и славы, для веселия, радости и для прекрасного наслаждения. Мое обновление станет твоей похвалой, ибо мои честь и слава твоими будут тогда, как и бесчестье мое твоим является ныне.

Ведь в том, что здесь, ни в чем не нуждается Бог, — ни в солнечном сиянии, ни в небесной красоте, ни в земном благолепии и приношении всяческого: изобилуя всем, он этого вовсе не требует. Тебе ведь дарованы они в настоящем и в будущем. Так что если то, что существует ради тебя, так он прославит тогда, куда больше — тебя, душа, прославит, владычицу того. Вместе с влечением и яростью, твоими, так сказать, совоспитанниками, он вырвет с корнем и от них рождающиеся и возрастающие страсти. Если только можно вообще, госпожа, называть страстью то, что не является таковым, когда им хорошо управляет разум. Добрый плод таковых мы зовем добродетелью, недобрый творит зло. Тогда ни раздражение, ни гнев, ни ярость не придут к тебе, ни враждебности не будет в тебе, ни злопамятства, ни боязни, ни страха; не потребно тогда мужество; ревность и зависть прекратятся в тебе, госпожа; похоть бессловесная и сластолюбие также. Матери же всего этого — вышеназванные две. И ни самодовольства не будет в тебе, ни тщеславия, но не будет и веры; надежда тоже отойдет от тебя, подруга; также и память действовать перестанет, ибо не будет потребности в ней. Эти пять дети разумности суть, а не ярости и не вожделения. Ведь это все покидает, как я сказала, тебя. С той поры и предела желаний достигнув, никто не будет нуждаться ни в чем из вышеназванного совершенно, потому что ветхого человека совлекши полностью, с ним ты совлечешь и его постыдные дела и скверны и к жизни бесстрастной вновь возвратишься. Одна любовь будет у тебя тогда и ничего другого, из того, чем теперь мы совместно владеем или порознь. Ведь то не является для тебя существенным, так как не принадлежит оно к разумной природе, нет ведь, бессловесной скорее свойством видится. Ибо коварного и яростного врага нападение на тебя увидав, расщедрился Творец и вооружил тебя и снарядил для отпора ему теми двумя, владычица, — чтобы не застал он нагою тебя, и не уязвил тебя, и не поранил, как только захочет. Поскольку же, госпожа моя, там брани нет, но мир твердый, какая потребность в оружии? Враги ведь твои со всем воинством погибнут окончательно. Здесь ведь все это: и борьба, и победа, — там же прекратятся их власть и мощь. Над теми, кого здесь боишься, ты посмеешься тогда, в огонь геенский видя их вверженными. У тебя же будет тогда беспримесное и особое все — и разум, госпожа моя, и мышление, — боговидным, проницательным и богоподобным, по образу Божию,

Благороднѣйши бо ты и славнѣйши паки паче всѣхъ воинствѣ, глаголя, явишися тогда. О душе, дивно еже слышати, страшнѣйше и преславно еже видѣтися паче: еже по образу его бывше, господине, имать к первообразному по всему всяко сего ради подобие началообразнаго все: умное убо — умнаго и бестелесное паки бесмертно, вселюбезно, по всему подобно, яко премѣнено доблеста всякого оно и всего убѣгая убо растоятелнаго; сего ради по измѣрению — подобнѣ, якоже и оно, по естѣственному же подобью убо ино что от оногo, — глаголю же началодобраго, — разумѣваемъ по Писанию* и существо, и естество. Не к тому есть образъ, аще во всѣхъ будетъ то же оно, владычице. Но в нихже видится в несозданнѣмъ естествѣ оно, добрѣиша мнѣ, в тѣхъ же убо и создано естество показуеть се. И аще се истинно, якоже се истинно есть, убо да что бы хотѣла болшее сея славы, или ино что бы хотѣла лучшее сего быти?

Разумѣ ли нынѣ, владычице, добрѣ глаголанная? Вѣрова ли и приять яко истинна сия, или яко ложна являютъ ти ся вся глаголанная и бляди сия тебѣ мнятся? Азъ убо не мня. Рци к симъ, владычице, и како вмѣниша ти ся?

Душа: Ни, рабыне моя, ни, но сладцѣ и усредно, радостно и весело же и любезнѣ сия и прияхъ и приму глаголанная вся, обрадованнѣ, яко недоумѣние мое раздрѣшися! Служителнице, невѣруй велѣнию сему отнудъ христининъ нѣсть, ниже православенъ тѣ, ни части имать никакоже съ Христомъ моимъ имать и царствия его не приметъ тогда, но есть весь невѣренъ и от садукей* горѣй. Азъ же благодатью Божиею вѣрую сия тако и суца и быти хотяща, якоже научи мя. Не невѣрую словесѣмъ твоимъ, не буди ми се. Обаче о семь и еще молюся тебѣ, яко да принесеши ми Писание, да слышу и то. И аще принесеть и то повелѣние согласно тобѣ, тогда паче будетъ извѣстнѣйше се, неколѣблемо, недвижимо и добрѣ утвержено. Но убо глаголы Писания да не размѣниши отнудъ и на стихи речеши ми тѣхъ силу, но убо тако, якоже суть, сие ми скажи сихъ.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя zde, прочее, и вонми. Мужъ мудръ, и святъ, и благороден сугубо иногo нѣкоего премудра еже о Христѣ премудростию впрашаше сие, ихже ты ищещи, тричастное души како есть, увидѣти хотя. И нынѣ вонми разумно того впрошение сдѣ.

ГРИГОРИЯ НИСЬСКАГО ВОПРОС ОТ МАКРИНИХ*

Умно глаголють быти существо душа и телесну сушу с'суду животную силу къ чювственѣй силѣ вѣдваряти. Не бо точьо о художественѣй же и зрительнѣй мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмъ существѣ таковое

как в самом начале, когда ты получила Божие вдуновение. И вновь ты воспримешь его, что бы под ним ни разумелось. Благодороднее, а также славнее всех ангельских воинств, говорю, явишься ты тогда. О душа, дивно и слышать это, и более страшно и странно видеть: ведь то, что создано по чьему-то образу, госпожа, непременно бывает во всем прототипу подобно: разумностью — как разумному, а бестелесному — бессмертностью, вселюбезная, по всему подобно, как лишенное всякой плотности и всей пространственности; поэтому мерю оно — как и то, по природным же свойствам оно представляет собой нечто отличное от того, — я говорю об архетипе, — имею в виду по форме, по природе и по существу. Это уже не образ, если во всем будет таким же, владычица, как и тот. Но что в несозданном естестве видится, добрейшая моя, то же и в созданном естестве обнаруживается. И если это истинно, а это и есть истинно, что хотела бы ты большее этой славы? Или иного чего-нибудь захотела бы ты как лучшего, чем это?

Хорошо ли теперь, владычица, поняла ты сказанное? Поверила ли и восприняла ли ты как истинное это, или ложным кажется все, что я говорила, и вздором тебе представляется? Я ведь не знаю. Скажи, владычица, как ты это уразумела?

Душа: Нет, рабыня моя, нет, сладостно и с охотой, радостно и весело, с удовольствием восприняла и восприму все сказанное, радуясь, что недоумение мое разрешилось! Служительница, неверующий учению этому вовсе не христианин, и не православен таковой, и общего ничего с Христом моим не имеет, и царствия его не наследует, но весь он неверен и саддукеев хуже. Я же по благодати Божией верую, что это так и есть, и будет, как ты научила меня. Не сомневаюсь в словах твоих, да не будет со мною этого. Однако еще об одном молю тебя, — приведи мне свидетельство Писания об этом, чтобы мне и его услышать. И если окажется, что и то учит согласно с тобой, тогда все это будет более ясным, непоколебимым, надежным и крепко утвержденным. Но слов Писания ты не изменяй совершенно и не в стихах передавай мне их смысл, но именно такими, каковы они суть, мне их и прочти.

Плоть: Тогда послушай, госпожа моя, теперь и понимай. Некий мудрый, святой и сугубо благородный муж иного некоего премудрого Христовой премудростью человека спрашивал именно то, чем ты интересуешься, трехчастность души в чем состоит, желая узнать. А теперь внимательно выслушай этот его вопрос.

ГРИГОРИЯ НИССКОГО ВОПРОС К МАКРИНЕ

Умным называют существо души и говорят, что к чувственным свойствам телесного организма оно добавляет жизненную силу. Ибо наша душа действует не только в сфере познавательной и теоретической мысли, осу-

дѣлаючи; ниже чювьства едина къ еже по естеству дѣйству устраяетъ; но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естествѣ. Коемуждо сихъ обоихъ роднѣ в насъ сущу, на многа же и различна разньства видимъ происходящее дѣйствы обоихъ движенье. Многа убо есть видѣти, имиже дѣлательное обладаетъ, многажды от яростныхъ вины прозябають. И никое же сихъ тѣло есть; бестелесное же умно всяко. Умную же нѣкую вещь душу уставъ нарече. Яко убо двѣма безмѣстныма другое от послѣдования възникнути слову: или ярость и желание ины в насъ быти душа и множество душъ вмѣсто едины видѣтися, или ниже смысленое еже в насъ душа мнѣти, умное бо равно всѣмъ приуподобляемо. Или вся сия душа покажетъ, или котореждо сихъ от равнаго собьства души изметъ.

ОТВѢТ МАКРИНИ

Многимъ убо инѣмъ ищущимъ словесе по ряду сам поискалъ еси, яко: что убо подобаеть непщевати быти желательное же и яростное — или ссуществена души и от перва абие устройства с нею суща, или что ино у нея быти и послѣ же намъ прибывъша. Еже бо зрѣтися въ души симъ, от всѣхъ равнѣ исповѣдуеть; а еже что подобаеть от тѣхъ мнѣти, не у опаснѣ обрѣло есть слово яко извѣстно еже о сихъ имѣти мнѣние. Но и еще мнози различными еже о сихъ славами сѣмнятся. Мы же, оставлеше внѣшнее любомудръство, различно сущее, свѣдѣтеля божественное и боговдохновеное Писание сѣтворимъ, еже ничтоже изряднѣе душа быти възаконѣвати, еже в ней божественаго естества свойствено. Яко подобие Божие душа быти, сиче все, еже чюжее быти есть Бога, кромѣ быти устава душевнаго отрече. Ни бо в размѣненныхъ спасеться подобное. Тѣмже елма таково ничтоже съ божественнымъ видится естествомъ, ни же души ссущна быти сия по слову убо кто помыслит. Что убо есть, иже глаголемъ? Словесное се животное, чловѣкъ, ума же, художьства приятно быти и от внѣшнихъ слова, еже на насъ свѣдѣтельствовася. Не убо сиче уставу естество наше написующю, аще зрѣль бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссуществена естеству, ни бо о иномъ нѣкотором уставѣ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особнаго глаголю. Елма убо желательное же и яростное по равности и в бесловеснѣм же, и словеснѣм естествѣ видится. Никтоже благословнѣ от общаго въображаетъ особое. А еже и къ естественому написанию лихо есть и отвержено, како мощно есть яко часть естества на взбранение устава крѣпость имѣти? Всякъ бо уставъ сущьства къ особному подлежащаго зреть, яко аще внѣ особящагося будеть, яко чюже призираеться уставу. Но убо еже

шествля такую деятельность умственной частью своего существа; и органы чувств не сами по себе прилежат свойственной им по природе деятельности; но ведь, как можно заметить, многое в нашей природе движимо влечением, а многое и яростью. Поскольку и то и другое нам родственно, мы видим во многих различных видах движение, совершаемое энергиями обоих родов. Ведь многое можно опознать, чем вождление управляет, и многое также, что от порыва ярости произрастает. И ничто из этого не является телом; бестелесное же обязательно принадлежит к сфере ума. Умственной некоей вещью определение называет и душу. Следуя логике речи, приходим, таким образом, к одной из двух нелепиц: либо влечение и ярость составляют в нас иные души, и тогда различаем множество душ вместо одной, либо и присущий нам смысл нельзя считать душой, ибо к умственному относится равным образом все. Либо все это — души, либо все эти свойства нельзя считать равным образом присущими душе.

ОТВЕТ МАКРИНЫ

Пришел и твой черед задать этот интересующий многих вопрос: чем надлежит считать влечение и ярость — чем-то присущим душе и с момента первого ее устройства с ней пребывающим или посторонним для нее и позже у нас появившимся. Все равно полагают, что они свойственны душе, но я еще не нашла убедительного ответа, позволяющего составить твердое мнение о том, чем они являются. И до сих пор многие расходятся в своих о них предположениях. Но мы, оставив пеструю внешнюю философию, сделаем свидетелем божественное и боговдохновенное Писание, которое учит, что ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души. Ведь в изменившемся не сохранилось бы подобия. А поскольку ничто такого рода не может считаться свойственным божественной природе, постольку нельзя считать это и соприсущим душе. Что означают наши слова? Человек — это словесное животное и людьми внешними по отношению к нашему Слову определяется как существо, восприимчивое к уму и науке. Если бы определение не так описывало нашу природу, если бы оно рассматривало ярость и влечение и то, что из них произрастает, как соприсущее ей, то не иначе как такое определение отдало бы предпочтение общему вместо частного. Ведь влечение и ярость равным образом свойственны природе и бессловесных, и словесных существ. А никто в здравом разуме не определяет по общему частное. А что не годится и отбрасывается при определении природы, как может, будучи ее частью, служить помехой для определения? Ведь всякое определение указывает на особенность подлежащего определению существа, и если оно упустит особенное, рассматривается как чуждое определению. Но ведь связанная с влечением и яростью деятельность

по ярости и желани дѣйство общее, всего быти бесловеснаго исповѣдуются естества. Все же общее не то же есть со особнымъ. Нужда убо сихъ ради есть не в сихъ быти та помышляти, в нихже по изрядному человѣческое въображается естество. Но якоже ощутительное, и напитательное, и растительное в насъ кто видѣвъ, не възвращаетъ ради сихъ отъдаанаго от души устава. Не бо понеже се есть въ души нѣсть онъ. Сице и яже от ярости и желани поразумѣвъ естества нашего движения не ктому благословнѣ со уставомъ свариться, яко скудно показавшю естеству. Явѣ убо яко отвѣуду видимыхъ суть сия, страсти естественныя сущая, а не сущствомъ обое. Еже есть ярость же, възрѣние окрестъ сердечныя крови мнозѣ быти мнится; индѣ же — желание же възопечалити преже наченшаго, якоже мы непщуетъ или ярость есть устремление озлобити раздражившаго. Ихже ничтоже еже о душе уставу случается. И аще желание о себѣ уставимъ, похотѣние речемъ потребнаго, или любовь сладостныхъ наслаждения, или печаль о еже не въ области сущему в помыслѣ, или нѣкое къ сладкому любление, емуже настоять в'спрятие. Сия убо вся и таковая желание убо и показываютъ, уставу же душевному не прикасаются, но елика ина о души зрятся, яже от спротивныхъ другъ къ другу видимая, рекше страхование и дерзость, болѣзнь и небрежение, и елика таковая, ихже коеждо сроднѣи убо имѣти мнится к желателному или яростному, особящему же ся уставу свое написуетъ естество, яже вся о души суть, душа не суть, но якоже мравия нѣкыя от помысленныя части души прозябающе; яже части убо быти, заеже с нею быти мняться, а не оно быти, иже есть душа по существу.

Глаголем бо души видѣтельную же и судительную и сущихъ назирательную силу своя быти по естеству ей, боговидныя благодѣти сихъ ради в себѣ наворачати образъ. Елма и божественое еже что по естеству есть в сихъ быти помысль сматрять, внегда назирати всячьская и расъсужати доброе от горшаго. Елика же души в предѣлѣ лежат, к коемуждо от спротивныхъ приклонно по своему естеству, ихже сущственная потреба, или на доброе, или не спротивное ведетъ сбытие; рекше ярость, или страх, или аще чѣто таково от еже в души движение есть, ихже кромѣ нѣсть видѣтися естеству. Сия отвнѣ пребывати вмѣняемъ, заеже в началообразнѣй добротѣ ниединому же такому видѣнию быти начертанию, яже не всяко на зло нѣкое человѣчьскому отдѣлена быша животу. Ибо бы Содѣтель злымъ вину имѣлъ, аще отонудъ прегрѣшениемъ быша были мужа вложенъ естеству. Но сущною потребою произволенья или добродѣтели, или злобѣ ссуди таковая души движания бывають. Якоже желѣзо по свѣту хитреца воображаемо, к коему же аще хошетъ хитрѣствующаго помышление, к сему и въображается — или мечъ, или нѣкое земнодѣльное орудие бываетъ, страху убо послушательное вотваряющю, ярости же мужьственое, боязни же

признается общей для всей бессловесной природы. Все же общее не совпадает с особенным. Поэтому следует думать, что они не принадлежат к тому, что способно служить для определения особенности человеческой природы. Подобным образом, видя у нас способность чувствовать, необходимость питаться, возможность роста, из-за них не отменяют данное душе определение. Ведь дело не меняется оттого, что все это не принадлежит душе. Подобным образом неразумно, и указывая на связанные с влечением и яростью движения нашей природы, отвергать определение как якобы ограниченно ее раскрывающее. Ясно ведь, что те находятся за пределами рассмотрения, будучи свойственными природе страстями, а не ее существом. Что же касается того, что представляет собой ярость, то многим она представляется кипением околосердечной крови, другому — стремлением доставить ответную неприятность напавшему первым, мы же предполагаем, что это — побуждение причинить зло раздражающему. А из этого ничего к определению души не относится. И если мы станем давать определение влечению самому по себе, то назовем его или тягой к недостающему, или стремлением к чувственному наслаждению, или печалью по причине необладания желанным, или своего рода предчувствием сладости, каковую предстоит вкусить. Все это и тому подобное показывает, чем является влечение, определения же души не касается, но представляется чем-то посторонним душе и противоположным друг другу, как-то: страх и отвага, печаль и *радость*, и тому подобное, — все это родственно влечению и ярости и подмешивает к отличительной особенности души свою природу, и все это около души находится, душою же не является, но как некие муравьи из помыслительной части души вырастает; и кажется — по причине сопребывания — ей принадлежащим, но это не то же, чем душа является по существу.

Ведь мы говорим, что способность души созерцать, различать и воспринимать сущее свойственна ей по природе и что именно в ней она сохранила в себе боговидный и благодатный образ. Когда же делается умозаключение, что что-то из такового является по природе божественным, то имеется в виду способность, все воспринимая, отличать доброе от худшего. А то, что лежит в пограничной области души, обнаруживает по своей собственной природе склонность к каждому из противоположного и ведет — в зависимости от использования — либо к хорошему или к противоположному результату; таковы ярость и страх или какое-нибудь такое из душевных движений, без каких невозможна природа. Таковые мы считаем извне присоединившимися, потому что в первоначальном совершенстве ни одна из этих черт не различима; и они не все на какое-то зло выпали жребием человеческой жизни. Ибо оказался бы Создатель ответственным за зло, если бы с тех пор необходимость греха была вложена в природу. Но таковые движения души оказываются — в соответствии с использованием их по свободному выбору — орудиями либо добродетели, либо зла. Как железо, по мысли мастера формируемое, в зависимости от того, что захочет

утверждение, желателному же устремленью божественую же и нетлѣнную сладость ходатайствующю. Аще ли отвержетъ воженя слово и, якоже нѣкый яздецъ объять бивъ колесницею, вспячь от нея влекомъ есть, тамо ведом, иде бесловесное устремленье въпраженыхъ несется. Яково жъ и в бесловесныхъ есть видѣти, понеже не настоятельствуеть помысль естъственѣ в тѣхъ лежащему движению. Но егда убо к лучшему тѣхъ движенье будет, похваламъ быти та, яко Данилу желание,* и Финеесу ярость,* и доброплачущему слеза, рекше печаль. Аще ли к горшему уклонение будет, тогда въ страсти устремления совращается, и бывають, и именуются.

Зрителное же и разсудителное свойствено, свойство есть благовидному души, елма и божественое в сихъ достигемъ. Аще убо всякую злобу душа чистотъствует, доброму всяко будетъ. Добро же своимъ естъствомъ божественое. К нему же ради чистоты совокупление имѣти иматъ своему совокупающюся. Аще убо се будет, не ктому потреба есть еже по желанию движения, аще на добро намъ владычъствует. Ибо во *тмѣ* пребыванье имѣяй, то в желание свѣта будетъ, желание приметъ наслаженье. Область же наслажения праздно и суетно желание сдѣлает, яко ниедино же имущии скуднѣ от еже на благое разумѣваемыхъ, та благыхъ суши исполнение, ниже по причастию добра нѣкоего в добрѣмъ бывающи, но сама суши добраго естъство.

Еже что и быти доброе ум наказует, ниже уповательное движение в себѣ приемлет, к несущему убо упование дѣйствуетъ точью. «А еже имать кто, что и уповае?» — рече апостоль.*

Но ниже поминателнаго дѣйства сущихъ в художеству потребѣ есть, видящее бо ся вспоминатися не требуетъ. Понеже убо всякого блага вышши есть божественое естъство, благое же благому любимо всяко, сего ради и, в себѣ видящи, и еже имати хошет, и еже хошетъ иматъ, ничто от внѣшнихъ приемлющи в себѣ. Внѣ же ея ничтоже, развѣ злота едина точью, яже — аще и преславно есть рещи — в небытѣи бытѣе имать. Не бо но ино нѣкое есть злобѣ бытѣе — точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее — благо естъство есть. Еже убо в сущемъ нѣсть, вне же не быти всяко есть.

Внегда убо и душа, различная вся отвергши естъственная движения, боговидна будетъ и, превъзшедши желание, въ ономъ будет, к немуже от желанія подвизашеся, не ктому нѣкое упражнение вдаваетъ в себѣ, ниже упованию, ниже памяти, уповаемо бо имать, о наслажение благыхъ упражнениемъ и память отмѣтаетъ от мысли, и тако преизящную подражаваетъ жизнь, свойства бо-

мастер сделать, тем и становится, обращаясь либо в меч, либо в какое-нибудь земледельческое орудие, так и страх способен быть обращен в послушание, ярость — в мужество, робость в уверенность, порыв же вожделения в божественную и нетленную радость. Если же разум отбросит вожжи и, как некий ездок, зацепленный колесницею, окажется ею влекомым, то туда будет направляем, куда устремится бессмысленное движение упряжки. Что и можно видеть у бессловесных, если не руководствует смысл свойственным их природе движением. Но когда их движение направляемо к лучшему, оно оказывается причиной похвал, как Даниилу — возжелание, Финеесу — ярость, а имеющему причину плакать — слезы и печаль. При уклонении же к худшему устремления обращаются в страсти, становятся ими, и называются.

Созерцающая же и различающая способности принадлежат богоподобному в душе, поскольку с их помощью мы и божественного достигаем. И если душа очистится от всякого зла, непременно будет принадлежать добру. Добро же по своей природе божественное. И что по причине чистоты имеет с ним соприкосновение, непременно оказывается и с тем соединенным. А когда это происходит, исчезает необходимость направлять к добру порождаемое влечением движение. Ибо стремиться к свету может тот, кто пребывает во тьме, а когда он оказывается на свету, желание его получает удовлетворение. Изобилие удовлетворения сделает влечение праздным и суетным, так как ни в чем оно не будет иметь недостатка, о чем только можно помыслить как о ведущем к добру, само будучи полнотою благ, не по причастности к какому-либо добру к добру принадлежа, но само являясь природой добра.

Не все то, что кажется уму добром, привлекает к себе устремление надежды, ибо надежда действует только по отношению к не имеющемуся в наличии. «Если же кто имеет, то чего ему и надеяться?» — говорит апостол.

И также в действии памяти для познания мира не будет потребности, ибо то, что видишь, в припоминании не нуждается. Поскольку же выше божественная природа всякого добра, благое же благим всегда любимо, постольку и она, в себя глядя, что имеет, того и хочет, и что хочет, то и имеет, ничего внешнего в себя не приемля. Вне же ее ничего нет, за исключением только зла, каковое, если можно столь парадоксально выразиться, в небытии бытие имеет. Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее — это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его.

И когда душа, отвергнув все многообразные естественные движения, станет боговидной и, превзойдя влечение, в том пребудет, к чему была влечением подвигаема, с тех пор уже не будет предаваться ни упражнениям, ни надежде, ни воспоминаниям, ибо то, на что она надеялась, она будет иметь, и, беззаботно наслаждаясь, она изгонит из помысла память о благах и будет так

жественаго ества въображшися, яко ничтоже той остати от инѣхъ всѣхъ, развѣ любовнаго ея устройства, ественѣ доброму прозябающаго. Се бо есть любовь еже къ благому вжелѣнному вседушное любление.

Егда убо проста, и единовидна, и опасно богоподобна душа бывши, обрящеть еже по истиннѣ простое же и невещественое благое оно едино любовное и вжелѣнное, приплѣтается убо ему и срастваряется любовнымъ движениемъ же и дѣйствомъ къ еже присно достигаемому же и обрѣтаемому себе въображаючи, и то бывши благаго подобиемъ, еже ей приемлемаго ество есть. Желанию же во ономъ не сущю, заеже никоего же блага скудости в немъ быти, послѣдованно убо есть и души, въ блазѣмъ бывши, отложити от себе желательное движение же и устройство.

Таковаго же велѣния и божественый апостоль взнепщева, всѣхъ сущихъ нынѣ в насъ и от лучшемъ чудимыхъ престание нѣкое и утоление прозвѣстивъ, любви единой не обрѣте устава. «Пророчества бо, — рече, — упраздятся и разуми престануть, любовь же николиже не отпадаетъ»,* еже равно есть еже присно такоже имѣти; не вѣру и упование пребыти любовь глаголю, паки от сихъ ту выше полагаетъ в лѣпоту. Упование бо даже дотолѣ движется, дондеже не придетъ уповаемымъ восприятие. И вѣра такоже утверждение уповаемыхъ безвѣстия бываетъ. Сиче бо и ту устава, глаголя «Вѣра же уповаемыхъ съставъ».* Всегда же придетъ уповаемое, инѣмъ всѣмъ утѣшеномъ, еже по любви дѣйство пребываетъ, приемлющее ту не обрѣтаючи. Тѣмъже и первствуетъ еже по добродѣтели исправнымъ всѣмъ и законнымъ завѣщаниемъ. Аще убо в сий нѣкогда конецъ доспѣетъ душа, неоскуднѣ иматъ инѣхъ, яко исполнению емшюся сущихъ.

В настоящемъ убо жизни различнѣ же и многовиднѣ намъ дѣйствующи, многа убо суть, ихже требуемъ и приемлемъ, рекше лѣта, въздуха и мѣста, пищу и питья же, и покрывала, и солнца, и свѣтилника, и инѣ къ потребѣ жития многихъ. Чаемое же блаженство сихъ убо нѣ коего же скудно есть. Вся же намъ и вмѣсто всѣхъ божественое ество будетъ ко всякой потребѣ жизни оная, себе подобнѣ раздѣляючи. И се явѣ от божественыхъ словесъ духовныхъ, яко и мѣсто бываетъ Богъ достойнымъ, и домъ, и одежда, и пища, и питие, и свѣтъ, и богатство, и всяко имя же и разумѣние къ благымъ наша свершающимся жизни.

Плоть: Се ти заповѣдание исполнихъ, господине, и приведохъ, прочее, от Писания свѣдѣтельство, якоже рекла еси, якоже заповѣда и якоже просила еси. Но вѣжь: претрудихся много зѣло, суду и онуду испытуя, изыскуя съ трудомъ и книги осязуя, и кожица превращая, яко да обрящу, якоже зриши, сие свѣдѣтельство. И ниже глаголы премѣнихъ по прошению твоему, но сушая

подражать возвышенной жизни, проникшись свойствами божественной природы, что совершенно ничего другого у нее не останется, кроме состояния любви, по природе с добром сращенного. Это ведь и есть любовь — связь всей душой с вожделенным благом.

Став же простой, однородной и совершенно богоподобной, душа находит то поистине простое и невещественное благо, единственное возлюбленное и вожделенное, с каковым и срастается и сливается в любовном движении и действии, формируя себя в соответствии с вечно достигаемым и обретаемым и тем же становясь по причине уподобления добру, каковое является природой ею приемлемого. Влечение при этом отсутствует, поскольку в никаком из благ там недостатка нет, да естественно для души, оказавшись среди блага, отложить от себя движение и состояние влечения.

Такое учение и божественный апостол нам проповедал, провозвестив прекращение и конец всего ныне в нас сущего и лучшим почитаемого и одной любви не найдя предела. «Пророчества, — говорит он, — прекратятся, и разумения упразднятся, любовь же никогда не перестанет», — а это равносильно тому, что иметь ее всегда одной и той же, — не говорит при этом он, что вера и надежда пребудут с любовью, но выше тех ее справедливо полагает. Ведь надежда дотоле только действительна, доколе не наступит наслаждение тем, на что надеются. Также и вера бывает опорой при неясности того, на что надеются. Так ведь ее определил он, говоря: «Вера есть основа ожидаемого». Когда же приходит то, что ожидают, и все остальное успокаивается, только любовь продолжает действовать, наследника себе не обретая. Потому она и первенствует среди всего, чего требует добродетель, и среди заповедей закона. Когда достигает такой цели душа, она уже не имеет нужды ни в чем другом, так как охватывает полноту сущего.

В настоящей же жизни у нас много ведь того, в чем мы, различно и многообразно действующие, нуждаемся и что получаем, как-то: время, воздух, пространство, пища, питье, одежда, солнце, лампа и множество другого, необходимого для жизни. В чаемом блаженстве ни в чем из этого нет нужды. Всем для нас и вместо всего, что нужно для удовлетворения всякой потребности, в той будущей жизни явится божественная природа, надлежащим образом себя разделяя. Как это ясно из божественных слов духовных, и местом будет Бог для достойных, и домом, и одеждой, и пищей, и питием, и светом, и богатством, и всем, что только можно помыслить и назвать, что может быть нужно для исполнения нашей жизни благами.

Плоть: Вот я твое повеление исполнила, госпожа, и привела свидетельство из Писания, как ты сказала, как ты приказывала и как ты просила меня. И знай: я очень сильно утомилась, там и тут проверяя, изыскивая с трудом, доставая книги и пергаменные листы переворачивая, дабы отыскать, как видишь, это свидетельство. И ни слова я не изменила, как ты просила,

та, якоже обрѣтохъ я, сице и положих та и написах сде. Рци к симь, владычице, и како прияла еси се? Еда что нагласно азъ рѣх паче сих?

Душа: Ни, служительнице, ни, не непщюй се отнудь. Суть бо зѣло подобна и свойствена во всѣх. Нынѣ есть извѣстно и нынѣ утвержено велѣние твое, яко показася, и твердо во всемь, и не прерѣкованно се к людем непокорнымъ. Но с трудолюбным, кто-либо есть, елма тако взискание высоко же и велико взиска еже увѣдѣти, тричастное убо глаголю души како есть, и наученъ бысть о сем, непщюя, яко впрашалъ есть и ино что оного премудраго от Писания нѣчто к сему. Рци и то, рабыне моя, рци и не укрий. Много бо мя ползова с предглаголаннми. Аще ли не всхощещи, рабыни моя, рещи ми и се, суд весь будетъ на главѣ твоей.

Плоть: Много убо впраша его о души, господыне, полезная, подобная и зело потребная, но да оставятся та. Едино же ти точью реку — еже впраша его послѣ же всѣхъ, другыне, еже о възкресении велѣнии увидѣти възхотѣвъ. И слыши, госпоже моя, того впрошение здѣ. Не размѣню же глаголь ни мал, ни великъ. Имаъ глаголанне сихъ в началѣ сице: «Увидѣти аще възхотѣл еси, якови и колици възхощем вси челоуѣци възскреснути тогда, во второй приход и Христово пришествие, яже здѣ внимателнѣ прочти и разумѣши».

О ВСКРЕСЕНИИ ВПРОС ОТ МАКРИНИНЫХ

Иже убо быти нѣкогда воскресению и еже привестися к немздоприемному суду челоуѣку, еже от Писания показанми и от уже предистязаннхъ мнози от слышащих сложатся. Прочее убо буди смотрити, аще нынѣшнее суше и уповаемо будетъ.

Еже аще тако будетъ, ненавистно бых рекль челоуѣком упование воскресения быти. Аще бо, якова бывають престающа от жития челоуѣческая телеса, такова к животу паки устроятся, убо кая некончаемая бѣда воскресения ради уповаеся! Что умиленѣйши будет видѣние, еда в послѣдней старости обетшавшаа телеса претворяють на грозное же и безобразно есть, плоти их изнурени бывше временѣх, враскавѣм же костем опавшихся кожи, жилам же всѣм изърваным, заеже не ктому естествоною влагою разботѣвати, и сего ради всему сгноену телеси, без силы же! И умилень позорь бывает: главѣ убо к колѣнома преклоненъ, руцѣ же отсюду и отонуду, къ естествоному убо дѣйству бездѣлнѣ суци и трепетом же поневольному трясущих! Якова же паки иже лѣтъними недугы искаившим телеса, яже толико разлучается от обнаженных костей, елико прикрыватися мнят тонкою измождалою кожею. Якоже иже в водотрудовитыхъ болѣзнях отекиших! А иже священнымъ недугомъ одержимых,

но какими их нашла, точно такими и включила их, вписав сюда. Ответь, владычица, как ты это восприняла? Разве что-нибудь несогласное с этим я говорила?

Душа: Нет, служительница, нет, вовсе так не думай. Все это очень схоже и близко во всем. Теперь удостоверено и подтверждено твое учение, как выясняется, неизбежно во всем и неопровержимо для людей непокорных. Но тот трудолюбивый, буде такой найдется, кто захочет вникнуть в такой высокий и великий вопрос, как трехчастность души, — понять, в чем она состоит, услышав это, тут же, я полагаю, попросит привести к этому и еще что-нибудь другое столь же премудрое из Писания. Прочти еще, рабыня моя, прочти, не укрой. Большую ведь пользу ты мне принесла уже сказанным. Если не захочешь, рабыня моя, почитать мне еще, суд весь будет на твоей голове.

Плоть: Много тот человек спрашивал другого о душе, госпожа, полезного, подобающего и очень нужного, но уже хватит об этом. Одно только тебе скажу — о чем он спросил его в последнюю очередь, подруга, захотев узнать учение о воскресении. Ну, послушай, госпожа моя, теперь его вопрос. Не изменю ни малого слова, ни большого. В начале этого Слова написано так: «Коль скоро ты захотел узнать, каковыми и коликими воскреснут тогда все люди, во второй приход Христов, или пришествие, внимательно прочти написанное здесь, и уразумеешь».

О ВОСКРЕСЕНИИ ВОПРОС У МАКРИНЫ

Благодаря показаниям Писания и тому, что было рассмотрено выше, многие из слушающих согласятся, что некогда будет воскресение и что человек будет привлечен к неподкупному суду. Остается рассмотреть, окажется ли сущее сейчас тем, что ожидается.

Если бы это было так, то ненавистной, я бы сказал, была бы для людей надежда на воскресение. Ведь если такими же, какими бывают, уходя из жизни, составятся человеческие тела для новой жизни, какая тогда нескончаемая беда нас ожидает по воскресении! Ибо что может быть более жалким, чем вид в крайней старости обветшавших тел, превратившихся в нечто отвратительное и безобразное, когда плоть их погубило время, дряхлость костей обнажилась опавшей кожей, все жилы *стянулись*, не будучи насыщаемы естественной влагой, и потому все тело *согнулось* и не имеет силы! Какое жалкое зрелище предстанет: голова склонилась к коленям, руки висят по сторонам, неспособные к естественному для них делу, постоянно невольно трясущиеся! А тела изъеденных хроническими болезнями, отличающиеся от обнаженных костей лишь постольку, поскольку они прикрыты тонкой изможденной кожей! А в водяночных болезнях отеки! А вид священным недугом страдающих — я о безоб-

нелѣпую проказу глаголя, кое убо на лице приведе слово, яко помалу тѣхъ вся уды ссуда телеснаго и чювства проходяще сгнитье поядаетъ! А иже в трусѣхъ и в бранехъ или от инья нѣкыя вины руцѣ и нозѣ отсѣчены имущихъ и преже смерти время нѣкое в бѣдѣ сихъ положившихъ! Или иже от роженья съ вредомъ нѣкимъ погибшихъ в развращенныхъ удовыхъ! И что убо рчетъ си кто о преже мало роженныхъ младенцевъ и о изметаемыхъ или удавляемыхъ и о еже самомъ о собѣ погибшихъ, — что есть смышляти, аще таковаа паки к животу възведутся? Убо остану та и въ младенчествѣ? И что окааннѣйшее! Но ли в мѣру придутъ возраста? И которымъ млеко паки та въздоятся?

Тѣмъ аще всѣмъ то же намъ тѣло оживетъ паки, бѣда есть чаемое. Аще ли не то же, инъ нѣкы възстаетъ будетъ паче лежащаго: аще паде убо отроча, възстаетъ же свершенъ, или спротивно есть. Како есть рещи тому исправитися лежащему възрастнѣй тли, падшему измѣнену сущю? И вмѣсто старца уношю кто зря, иного вмѣсто ина възнепшюеть: вмѣсто прокаженаго — цѣла и вмѣсто истаявшася — иже в плоти и иная вся та, якоже яко да не, по единому кто глаголя, молбу приводить слову.

Аще не таково оживетъ тѣло паки, яково же бѣ, егда земли примѣсися, не умершее възстаетъ, но иного челоуѣка, земля паки познана будетъ. Что убо есть мнѣ възскрешение, аще вмѣсто мене инъ живетъ? Како бо познаюся самъ себѣ, не видя себе в себѣ? Ни бо буду поистиннѣ «азъ», аще не всѣ ми будетъ та же в себѣ, якоже бо в настоящомъ жити. Аще ни чье имамъ в памяти начертание, да есть же по такому словеси, травливъ таковый, устнѣсть, тупоносъ, бѣлузливъ, благоочень, сѣдина въ власы и врасковою кожею, таже ищющи таковаго, налучаю наростомъ долгоноса, черноплотна, и прочая вся еже по образу начертанья инаго имуща, убо сего видѣвъ, оного ли вмѣню быти?

Паче же аще потребно есть меньшихъ отъ съпротивлению пребыти, крѣпчайшихъ оставль. Кто не вѣсть, яко теченью нѣкому уподобилося есть челоуѣческое естество, от рождства въ смерть нѣкимъ движеньемъ проходяще, тогда от движенья престающе, егда и от еже быти престанетъ. Движение се не мѣстно нѣкое есть преставление, не бо исходить от себе естество, но измѣнениемъ имать происхождение. Измѣнение же, дондеже есть се еже глаголется, никогдаже в томъ же пребываетъ. Како бо в тожествѣ пребудетъ, измѣняющесея? Но якоже сущи в кандилѣ огнь, еже убо мнѣтиса присно то, свѣтити иматъ частымъ бо движениемъ, не отторжено, но и совкуплено к себѣ показываетъ, истинною же всегда то приемля себе, никогда то же пребываетъ. Извлечена бо теплотою влага вкупѣ же и споль... и въ плытость собою измѣни подлежащее. Якоже убо, дваши по тому же пламени прикасающемусе, нѣсть того же дваши вжеси. Острое бо измѣненье не ждетъ еже второе паки прикасающагося, аще скорѣйше се творить,

разной проказе говорю — какое может передать слово, когда все члены и чувства их сосуда телесного, понемногу поражая, гниение поедает! А те, кто при землетрясениях, в битвах или по какой-то другой причине руки и ноги потеряли и до смерти некоторое время в этом бедствии прожили! Или в родах от травм с поврежденными членами погибшие! А о прежде срока рожденных младенцах, о выкидышах, об удушенных и самих по себе погибших — что и думать, если они такими вновь к жизни восстанут? Пребудут ли они в младенчестве? Что может быть более жестоким! Или же они станут взрослыми? А каким молоком тогда они будут вскормлены?

Так что, если во всем то же наше тело оживет, беда нас ожидает. А если не то же, значит, некто другой восстанет вместо умершего: лег отрок, встанет взрослый или наоборот. Можно ли сказать, что у того лежащего, разрушившегося и изменившегося, восстановится то, что истлело с возрастом? Да и вместо старца юношу видя, сочтут его иным, а не им: вместо прокаженного — здоровый, вместо высохшего — плотный, и все остальное подобным образом, чтобы не перечислять все, удлиняя речь, по порядку.

А если не таким будет вновь жить тело, каким оно с землей смешалось, не умершее встанет, но другого человека, только землю тогда опознают. Для чего мне воскресение, если вместо меня другой станет жить? Да и как я узнаю сам себя, не видя в себе себя? Ведь я не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни. Если, скажем, в памяти у меня образ человека косноязычного, губастого, тупоносого, белокожего, голубоглазого, с сединой в волосах и морщинистой кожей, а затем, отыскивая такового, я встречаю молодого, долгоносого, темнокожего и все остальные черты образа иные имеющего, неужели же, этого увидев, я сочту его тем?

Если так рассуждать, то даже малейшим из особенностей необходимо сохраниться, не говоря уж о более крупных. Но кто не знает, что своего рода потоку подобно человеческое естество, от рождения к смерти своего рода течением приходящее и тогда лишь течь переставшее, когда и быть перестает. Течение же это представляет собой не пространственное перемещение, ибо из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение же, пока оно является тем, чем называется, никогда на том же самом не останавливается. Ибо как в тождестве пребудет изменяющееся? Так, например, огонь в лампаде, представляющийся всегда одним и тем же, потому что благодаря непрерывности движения он кажется неотторжимым от себя и единым с самим собой, на деле, всегда сам будучи себе преемником, никогда тем же самым не пребывает. Ибо извлеченная жаром влага, оказавшись тут же воспламененной и сожженной, *(в дым обращается. И всегда движение пламени происходит в силу изменения)*, в дым через себя обращая основу. Так что дважды к тому же пламени прикасающегося не может то же самое дважды обжечь. Ибо стремительность

но присно движется, и новъ есть пламень, всегда ражаяся и присно себе примеля, и никогдаже в том же пребывая.

Таково нѣкое и от тѣла нашего естество есть. Пребывающее бо естества нашего, ради измѣннаго присноходяще же и движимо, тогда стоять, егда от живота престанет. А дондеже въ животъ есть, стояния не имать и любо исполняется, или издыхает или обоими всяко производится.

Аще убо, кто ни рождься, кто животно тѣже есть, но другой премѣнениемъ бывает, егда възведетъ паки тѣло наше к животу възсресение, скоръ нѣкийъ человекъ всяко единъ будет, яко да ничтоже скудно есть встающему, — отроча ражаемо, младенецъ, отрочишь, уноша, мужъ, старецъ и яже посредь вся.

Цѣломудрию же и блужению плотью дѣйствуему, и терпящимъ же о благочестьи болѣзная мукамъ, и ослабающимъ паки к симъ ради телеснаго чювства, обоимъ симъ показуемомъ, како есть на судъ спастися праведному или тому же прегрѣшившю, паки же ради раскаяния очищющюся, и, аще сиче случится, паки на прегрѣшенъ поползишися, премѣнившю же ся послѣдованию естества и оскверненому телеси и не сы, и инѣмъ от сихъ до конца пребывшю. Котораго блуднаго тѣло мучимо будетъ: обетшавшее в старости къ смерти? Но другое бѣ се от сдѣлавшаго грѣхъ. Но ли еже осквернися страстию? И где старое? Или бо не воскреснетъ, сы недѣйственное възсресение, или се встанет, и убѣгнетъ муки подлежаей.

Реку ти что и ино — от произносимыхъ намъ от неприемлющихъ Слово. Ничтоже глаголють бездѣльно от сущихъ в телеси удовъ естество створило есть. Ова бо животнаго вину и силу в насъ имать, ихже кромѣ стояти иже в плоти животу невзможно есть; рекше сердце, ятро, мозгъ главный, душникъ, утроба и прочая вся утробная. Ова убо чювственому движенью отдѣлена быша, ова же дѣйства суть, ина же к пріятію пребывающихъ художнѣ имать. Аще убо в тѣхъ же еже потомъ житіе намъ будетъ, ничтому же преставление бывает. Аще ли истинно есть, — якоже убо истинно есть — еже ни браку жителствовати в житіи же по възсресении повелѣвающее, ниже снѣдью питаемъ тогдашнему сдержатися животу, кая будетъ потреба удомъ телеснымъ? Не к тому тѣмъ, ихже ради нынѣ суть уди, в животъ ономъ уповаемомъ. Аще бо яже брака ради къ браку суть, егда то не будетъ, ничтоже от сущихъ к нему требуемъ. Сиче и к дѣлу руцѣ, и к течению нозѣ, и к пріятію брашнаго уста, и къ пищнѣй пици зубы, и к отсланию утроба, и къ отложению непотребствуемыхъ исходнии проходи. Егда убо она не будетъ, яже тѣхъ ради бываемае, како или коего ради будетъ? Якоже нузи быти? Аще убо не суть о тѣлѣ, яже ничому же есть к жизни оной сдѣловати хотящая, не быти ни

изменения не ждет второго прикосновения, как бы скоро оно ни делалось, но всегда движется и всегда ново пламя, постоянно рождающееся и всегда себе наследующее и никогда на одном и том же не останавливающееся.

Нечто подобное свойственно и природе нашего тела. Ведь течение нашей природы, всегда вследствие ее изменчивости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое делает разом.

Если, стало быть, кто бы не родился, живя, одним бывает, а когда воскресение возведет наше тело к новой жизни, он обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет недоставать, был ли он утробным плодом, младенцем, отроком, юношей, мужем, старцем или кем-то промежуточным.

Целомудрие и распущенность действуют через плоть, и люди то претерпевают ради благочестия болезненные муки, то вновь расслабляются, уступая телесному чувству, так вот, когда то и другое будет открыто, как возможно на суде сохранить справедливость, если человек сначала согрешил, затем покаянием очистился, а при случае снова на грехе поскользнулся, и сменили естественным порядком друг друга и оскверненное тело, и неоскверненное, и ни одно из них до конца не пребыло тем же. Которое блудника тело мучимо будет — сморщившееся в старости перед смертью? Но другое оно по сравненью с соделавшим грех. Или же то, что осквернилось страстью? А где старческое? Либо оно не воскреснет, и тогда не действует воскресение, либо оно восстанет, и тогда избегнет муки заслужившее ее.

Скажу тебе и нечто иное — из того, что возражают нам неприемлющие Слово. Природа, говорят они, ничего не сотворила ненужным из имеющих в теле членов. Они содержат в нас основу и силу процесса жизни, и без которых жизнь плоти поддерживаться не может; таковы сердце, печень, головной мозг, легкие, желудок и все прочие внутренности. Одни из них призваны обслуживать чувственное движение, другие — практическую деятельность, третьи — подготавливающее восприятие необходимого. Если в том же и следующая наша жизнь состоять будет, то ни к чему перемена. А если истинно то, — а это истинно, — что и брак по воскресении не будет существовать, будучи изгнан за пределы жизни, и не пищей и питием станет тогда поддерживаться жизнь, какая же тогда будет нужда в телесных членах? Ни к чему в той ожидаемой жизни органы, благодаря которым сейчас человек существует. Если то, что нужно для брака, существует ради брака, то когда его не будет, ничего из нужного для него нам не потребуется. Так же и руки — для работы, ноги — для ходьбы, рот — для приема пищи, зубы — для ее пережевывания, утроба — для пищеварения, выводящие проходы — для извержения ставшего бесполезным. Когда того не будет, тогда существующее ради того, — для чего? На что оно нужно? Как

еже нынѣ исполняющим наше тѣло. Въ обоих бо жизнь есть. И не кому убо что таковое въскресение именует: коемуждо бо от удовъ заеже во ономъ жизни непотрѣбства не съвъстающимъ телеси.

Аще ли всѣми сими будет дѣйствено въскресение, *суетнѣ намъ и непотрѣбнѣ къ жизни оной сдѣтельствуеетъ Дѣйствуеуей въскресение.* Но убо и быти ли потребно есть въровати въскресению и не суетно быти? Тѣмже да внимаемъ Слову, яко да намъ всячскими в вѣлѣнии подобное свершится.

СИЯ УБО ВПРАШАЙ, СЛЫШИ ЖЕ И ОТВѢТ

Не недоблествено, по глаголемѣй риторикки, еже о въскресении догматом начинание, препирателнѣ новотворными словесы окрестъ обтеки истинну. Яко иже не велми рассмотрившим истинно таинство пострадати что по-лѣпотѣ противу слову и мнѣти не внѣ подобающаго отводитися реченых недоумѣнием. Имат же и сиче рече истинна, аще и немощно имама от подѣбныхъ противу вѣщати слову. Но убо истинное слово о сихъ въ таинныхъ премудрости скровище хранимо есть, тогда въ явленіе прияти хотя, внегда дѣломъ въскресения таинству научимся, егда не кому требѣ будетъ намъ глаголь къ уповаемыхъ явленію. Но якоже в нощи пребѣдѣвающимъ мнозѣмъ движимомъ словесѣмъ о солнечномъ сияньи, каково есть, празно творитъ словеса прописание являшися точю лучная благодать, сиче всяко промысль смотрѣнѣ, будущаго въскресания, прикасающися ни во чтоже показуеетъ, егда будетъ намъ въ искусѣ чаемое. Елма же потребно есть не всячскы неистязана оставити принесеная намъ сопротивления, сиче от сихъ слово восприимемъ.

Помыслити же подобаетъ первѣе, который разумъ есть еже о въскресении вѣлѣния и что ради от святаго Писания речено бысть и вѣруется. Тѣмже убо якоже кто уставомъ нѣкимъ такое обоимъ пропишетъ, сиче речемъ, яко: въскресение есть еже древле естества наше то устроение. В первѣй бо жизни, и еже самъ бысть сдѣтель Богъ, ни старость бѣ, якоже подобаше, ни младенчество, ни яже по многонравныхъ болѣзняхъ страсти, ниже ино что от телесныхъ страданий ничтоже. Ни бо лѣпо бѣше таковая створити Богу. Но божествена нѣкая вещь бѣше чловѣчское естество преже дажь не во устремлении быти злаго чловѣчскому. Сия бо вся входомъ злобнымъ намъ совнидоша. Тѣмже ниедину нужю имѣти хошетъ еже кромѣ злобы житіе, во иже тоя ради случившимся быти. Якоже послѣдуетъ иже в зиму путьствующему померзати тѣло, или еже погоряше и лучи ходящему почернѣваетъ видѣниемъ, аще ли кромѣ обоихъ сихъ будетъ, избавляется всяко и почернѣния,

сейчас у тела нет ничего из того, что будет содействовать той жизни, так и там не будет того, что ныне наполняет наше тело. А и тут, и там — жизнь. Значит, не стоит таковое называть воскресением, ибо по причине бесполезности для той жизни каждого из органов не воскреснут с нами тела.

Если же и для всех них окажется действенным воскресение, то напрасным, неподходящим для той жизни сделает нам Действующий воскресение. Но тогда надо ли и веровать, что воскресение будет и что оно не напрасно? Так что давай послушаем Слово, чтобы нам во всем подобающим образом в учении усовершенствоваться.

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВЕТ

Мужественно, руководствуясь так называемой риторикой, напал ты на учение о воскресении, ловко опровергающими словами кругом обойдя истину. Боюсь, как бы те, кто не слишком внимательно рассмотрели таинство истины, не пострадали как-нибудь по заслугам из-за этой речи и не были сбиты с толку высказанным недоумением. Истина же говорит, что это не так, пусть даже мы не сможем подобающим образом ответить на эту речь. Но ведь истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и лишь тогда явным сделается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут больше слова для разъяснения нашей надежды. И подобно тому как бодрствующим среди ночи после многих слов о солнечном сиянии, каково оно, ясным делает предмет речи только красота показавшегося луча, так и всякое гадательное суждение, будущего воскресения касающееся, ни во что обратится, когда явится нам на опыте ожидаемое. Поскольку же не следует совершенно неисследованными оставить выставленные нам возражения, мы об этом скажем так.

Помыслить подобает, во-первых, какой смысл в догмате о воскресении и чего ради в святом Писании говорится о нем и в него веруют. Для этого, как будто кто-то его определением неким охватив, описал его, скажем так: воскресение есть восстановление нашей природы в древнем виде. Ведь в прежней жизни, каковою ее создал Бог, ни старости не было, как и подобает, ни младенчества, ни бедствий, вызываемых многообразными болезнями, ни каких-либо других телесных страданий. Нелепо ведь было бы таковое сотворить Богу. Но чем-то божественным была человеческая природа, прежде чем явилось у человека устремление ко злу. Ведь все это вместе со злом к нам пришло. Так что в лишенной зла жизни никакой нужды не будет терпеть тот, кому доведется в ней быть. Как, бывает, зимой путешественник мерзнет, а если под знойными лучами ходит, то у него темнеет кожа, а когда вне и того и другого оказывается, и согревается, и от загара избавляется, и уже никому не сыскать того, что по

и померзновения, — и ничьтоже благословнѣ взишет, еже о нѣкыя вины прилучающееся, винѣ не суши, — тако и естъство наше *страстно* бывше, нужнѣми послѣдованми страдателной жизни принесено бысть, к бестрастному же блаженству паки встекше, не ктому злобными бесѣдованми сприведетя. Елма убо *елика* от бесловесныя жизни чловѣчьскому примѣсишася естъству, не первѣе быша в нас — преже дажь в страсть злобы ради впаднути чловѣчьскому, мужа убо естъ оставлешим страсти *и вся, елика с нею видима суть, оставим*. Тѣмже никтоже благословнѣ в житиѣ ономѣ яже о страсти оная прилучышася взышет. Якоже бо аще кто, на себѣ сквернаву имѣя ризу, обнажитя такового одѣния: не ктому отверженаго нелѣпоту на себѣ видить, тако нам, совокупльшим мертвую ону и гнусную одежду, от бесловесныхъ кожей намъ наложную. Кожю же слыша, образъ бесловеснаго естъства разумѣвати ми мня, яже къ страсти присвоивъшеся, одѣяни быхом. И вся, елика бесловесныя кожа о насъ суть, во отложении одѣжнѣмъ съотлагаемъ. От бесловесныя же кожа смѣшение, зачатие, рожество, скверна, доение, пища, гною извергъ, еже по-малу къ свершенью рашенье, уностьство, старость, недугъ, смерть. Аще она убо на насъ не будут, како намъ яже от онѣхъ останутъ? Тѣмже суетно естъ иногю нѣкоего устройства в будущю жизнь уповаемаго, заеже никако той с причащающимся к вѣлнню воскресения. Что бо общее имат изможданье и многоплотие, истаянье и добелство, и аще что ино тлѣнному естъству телесному прилучаетя — противу жизни оной, яже текущаго же и мимоходящаго житийскаго пребывания очюждена естъ?

Едино ишетъ точью въскресения слово — еже родитися рождением чловѣку, паче же, якоже рече Еуаггелие, яко: «Родися чловѣкъ в миръ».* Долгожителное же или скоросмертное, или смертный образъ аще сицевъ или инаковъ случитя, суетно естъ въскресения славу истязовати. Како бо се дамы поставу имѣти, в подобнѣ всяко естъ: ниже неудобству, ни неражденью от такового различья о въскресении суцю. Еже убо жити начинающее, пожити потребно естъ всяко; еже посредь ради смерть случшемуся ему раздрѣшению, на въскресение исправлешюся, а еже како или когда раздрѣшение бывает, что се къ въскресению? К другому бо разуму блюдет.

Иже о семь свѣтѣ, рекше по сласти, иже в житиѣ, или печалуя по добрѣ ли, или по злобѣ, похвалнѣ или повинни, окаанѣ, или блаженнѣ преиде житие, — сия бо вся таковая от мѣры животныя и от вида, иже в житиѣ обрѣтаются. И яко противу суду положившим, мужа убо будетъ судии страсть и проказу, и недуга, и старость, и възрастъ, и юность, и богатство, и нишету испытovati: како кто, в коемждо сихъ бывъ, — добрѣ или злѣ отдѣленное ему житие мимотечет, и аще многихъ бысть приятенъ добрыхъ или злыхъ, и в долѣмъ времени, или ниже началу кождо сихъ отинудъ прикоснуса, в несвершенѣ съмыслѣ еже жити престав. Егда же к первому устройению чловѣка въскре-

какой-то из этих причин получается, поскольку нет причины, — так и природа наша, став подверженной страстям, неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной больше не будет. Раз того, что примесилось к человеческому естеству от бессловесной жизни, первоначально — прежде, чем в страсть по причине зла впал человек, — у нас не было, по необходимости, когда мы оставим страсть, с нею вместе мы оставим и все, что с нею связано. Так что неразумно искать в жизни оной то, что мы приобрели из-за страсти. Как если кто-нибудь, одетый в грязную одежду, снимет таковое одеяние, то в безобразии изгнанника больше себя не увидит, также и мы, — совлеки мертвое и гнусное это облачение, из кож бессловесных существ на нас наложенное. О коже слыша, мне кажется правильным разуметь природу бессловесных, в которую, предавшись страсти, мы были облечены. А все, что у нас связано с кожей бессловесных, при совлечении одежды мы вместе с ней отложим. От кожи бессловесных также — соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, пища, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, (зрелость), старость, болезнь, смерть. Если того, что на нас наложено, не будет, как же то, что из этого следует, будет нам оставлено? Потому тщетно ожидание иного некоего устройства в будущей жизни, так как ничего нет общего у того, что к нему относится, с учением о воскресении. Ибо что общего имеет изможденность и многоплотие, худоба и тучность, и все иное, что бывает свойственно изменчивой телесной природе, с жизнью оной, чуждой текущего и преходящего житейского пребывания?

К одному только стремится учение о воскресении — породив, вырастить человека или, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир». А долгожителем или недолговечным он будет, и смерть к нему в том или ином виде придет, — напрасно вместе с учением о воскресении распытывать. Что бы мы ни предположили, все едино: ни трудности, ни легкости из-за различий в этом при воскресении не будет. Ибо жить начавшее обязательно должно пожить, а поскольку среди жизни по причине смерти приходит ему конец, при воскресении оно восстанавливается; а то, как и когда конец наступит, — что в этом для воскресения? Ведь иное имеет в виду это исследование.

Наслаждаясь ли в этой жизни сладостью житейской или страдая за добро или из-за злодеяния, достойно ли похвал или обвинений, преступно или блаженно провел время жизни — все это и таковое в зависимости от меры жизни и от вида того, что с ней связано, рассматривается. И когда на суд привлекут, нужно будет судье учитывать и страдание, и проказу, и недуги, и старость, и возраст, и юность, и богатство, и нищету: как кто, в чем-то из этого побывав, — достойно или дурно прошел отведенную ему жизнь, и много ли благ или несчастий получал, и в течение долгого ли времени, или даже и к началу всего этого вовсе не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расстав-

сениемъ Богъ възведетъ естъство, празныхъ убо будетъ еже таковая глаголати и еже ради таковыхъ спротивления мнѣти силъ Божии и къ разуму забавлятися. Разумъ же ему въ скончавшагося уже въ которыхъждо челоуѣкохъ всего естъства нашего исполненія: овѣмъ убо абѣе въ житиѣ семь отъ злобы очищеномъ, овѣмъ же по сихъ огню вѣчному осуженомъ, овѣмъ же равно и добраго и злаго искусь въ нынѣшнемъ житиѣ не познавшемъ... в себѣ добрыхъ, яже рече Писание, «ниже оку видѣти, ни слуху яти, ниже помыслу достиже быти».* Благое бо, еже выше ока, и слуха, и помысла, то убо будетъ се, еже всего превыше сущее. А еже по добродѣтели или злобѣ житиѣ различье в нынѣшнее время по сему покажется добрѣе, внегда скорѣе или коснѣйше пріяти уповаемаго блаженства. По мѣрѣ бо бывшаа комуждо злобы изравнитися всяко и враченія протяженіе. Врачеваніе же убо будетъ души — еже отъ злобы очищеніе. Сіе кромѣ болѣзнина устроеніе исправитися невѣзможно естъ, якоже в предваршемъ истязано бысть.

Вяще же убо разумѣетъ спротивленіе лихо и неистовствоное, въ глубину приникъ апостольскія премудрости, коринфѣномъ бо о семъ объявляя таинство, — таяже равно вѣщающимъ и онѣмъ къ нему, яже и нынѣ отъ еже на вѣлїи вѣстающихъ къ възбраненію вѣрованнѣмъ приносятся, — своимъ саномъ благоученія тѣхъ въздражая дерзость, сице глаголетъ: «Речеши же ми убо, како вѣстаютъ мертви? Коимъ же тѣломъ приходятъ? Безумне, — рече, — ты еже сѣши не оживетъ, аще не умреть. И еже сѣши — не тѣло сущее сѣши, но и голо зерно, аще ли случитися, пшеницы или етеру прочихъ. Богъ же даеъ ему тѣло, якоже всхотѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло».* Сдѣ убо възущати мнѣ мнитися неразумѣющихъ своего естества мѣры и противу своей крѣпости божественую възвѣстязующихъ силу и мнѣщихъ толико быти възможно Богу, елико вѣмѣщаетъ челоуѣчское постиженье. А еже выше насъ сущее и Божию проходитъ силу. В'просивый бо апостола, како вѣстаютъ мертви, яко невѣзможно сущее расыпаное телесныхъ сѣставъ вѣедино стекуются паки пріити, отрицаетъ. И пакы сему немогущю, иному же тѣлу на сочтаніе сѣставомъ неостанущю, сіе рече по лютыхъ отъ спирающихся сочѣтавъ нѣкимъ послѣдованіемъ, яже глагола: аще тѣло естъ сочтаніе сѣставомъ, симъ же невѣзможно естъ второе собратися, которое пріимутъ тѣло, вѣстающе? И сіе убо мнѣщихся тѣмъ нѣкоею хитростною премудростію сплетено безуміе именова не сматряющимъ в прочей твари преимущее божественныя силы, оставивъ высочайшая Божіихъ чудесъ, иміже в недоумѣнїе бѣ привести слышашаго, яково, что естъ небесно тѣло и откуда, что же ли солнечное сияніе и лунное, или же въ звѣздахъ являемо, ефиръ, въздухъ, вода, земля. Но отъ обычныхъ намъ и обещанѣйшихся *обличаетъ спротивляющихся* не сматриливое. Ни земледѣланіе ли тя научаетъ, рече, якоже суетенъ еси иже противу своей мѣрѣ божественныя силы сматряя преимущее. Откуда сѣменемъ прерастаю-

шись. Пустое дело — говорить и думать, что такие помехи смогут воспрепятствовать силе Божией в достижении цели, когда Бог станет к первоначальному устройению возводить, воскрешая естество человека. Ведь его цель состоит в достижении каждым человеком полноты всего нашего бытия: и теми, кто уже тут, в течение этой жизни, от зла очистился, и теми, кто после нее подлежат вечному огню, и теми, кто равным образом добра и зла искуса в нынешней жизни не познали, — *(всем предлагается причастие)* свойственных ему благ, каковых, как говорит Писание, «ни око не видит, ни слух не воспринимает, ни помыслами достигнуть невозможно». Ведь то добро, что выше ока, и слуха, и помысла, оно будет все превосходящим. И различие в добрых или злых делах нынешней жизни будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Врачеванием же души будет от зла очищение. А это безболезненно не совершается, как прежде было показано.

Лучше же уразумеет излишество и неразумие возражений всякий, кто заглянет в глубину апостольской премудрости. Разъясняя коринфянам связанное с этим таинство, — причем те отвечали ему, как и ныне старающиеся опровергнуть этот догмат возражают уверовавшим, — смиря достоинством своей просвещенности дерзость их невежества, он так говорит: «Скажи мне, как восстанут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный, — говорит, — то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени свое тело». Мне представляется, что здесь он обуздывает тех, кто не осознает пределов собственной природы и, со своей силой сопоставляя Божественную мощь, полагает, что для Бога возможно только то, что вмещает человеческое постижение. Но это выше нас — превзойти Божью силу. Ведь тот, кто спросил апостола, как восстанут мертвые, отрицал как невозможное новое соединение рассыпанных телесных составов. А раз это невозможно, иного же тела для сочетания составов не остается, то и говорит, делая из важнейших возражений своего рода вывод: если тело есть сочетание составов, а во второй раз им собраться невозможно, какое же тело воспримут воскресающие? Именно это, казалось бы, с некоторым философским искусством теми сплетенное, он наименовал безумием их, не предусматривающих превосходства Божественной силы в будущей твари, не говоря уж о невнимании к высочайшим из Божьих чудес, какими можно было бы в недоумение привести слышащего, как, например, то, что представляет собой небесное тело и откуда оно, что такое солнечный свет, или лунный, или у звезд наблюдаемый, эфир, воздух, вода, земля. Но с помощью обычного у нас и для всех хорошо знакомого он обличает слепоту сопротивляющихся. Не научает ли тебя земледелие, говорит он, что безумен ты, по своей мере о превосходстве Божественной силы судящий? Откуда

шая телеса? Что же обладает отраслю? Не смерть ли? Аще смерть есть съставлешагося разрѣшениа, сѣмя бо не придет в прозябенье, не раздрѣшився в браздѣ и быв рѣдко и многоразботѣвше, яко примѣситися предлежащей влазѣ мастию, и тако в корень и отрасль, и не в сих пребыти, но предложитися в стебель и сущими посреде колѣнниа яко нѣкими соузы, препоясанъ въ еже мощи носити правѣм образомъ класъ, плодом отягчаем. Кдѣ убо сия на пшеници бѣша преже еже в браздѣ ея раздрушениа? Но убо отинуд се есть. Аще бы не бы первѣе оно было, не бы клас былъ. Якоже убо еже о класѣ тѣло от сѣмене прозябае, Божественѣй силѣ от самого оного се любохитрѣствующи и ниже всѣми то же есть сѣмени, ниже всячскы другое, сице, рече, таинство воскресениа уже тебѣ от еже в сѣменех чудотворимыхъ предсказуется, — яко силѣ божественѣй в преимущи области, не точию оно раздрушившееся паки отдаючи, но тебѣ и другая велика же и добра прилагаючи, имиже ти к великолѣпному естеству устраееться. «Сѣет бо ся, — рече, — во тлю, и встает в нетлѣние; сѣется в бещестии, и встает в славу; сѣется в немощи, и встает в силу; сѣется тѣло душевно, встает тѣло духовно».*

Якоже бо оставлещи в браздѣ пшеница еже в количествѣ малости и еже в *качествѣ* образа своего *свойство* себе не остави, но, в себѣ пребывая, класъ пребывает, премного разнѣствуя сам себе величествомъ и добротю, и быстротю, и образом, и по тому же образу и челоувѣчское естество оставлеще в смерти вся яже о немъ свойства, елика ради страстнаго устроениа притяжа, — бещестие глаголя, тля, немощь, еже *по* взростохъ различье, себѣ не оставляеть, но якоже в класѣ нѣкий, к нетлѣнию преставляет, в честь, и в славу, и еже во всемъ свершение, и еже не ктому жизнь самая съсматрѣти естественными свойствами, но духовно нѣкое и бестрастное проити устроение. Сие бо есть душевнаго тѣла свойство, еже присно нѣкимъ течениемъ и движениемъ от еже в немъ есть измѣнитися и прелогати в другое, яже бо нынѣ не въ челоувѣцѣ точью зримъ добрая, но и в садовыхъ и пасѣвахъ. Ничтоже в тогдашнемъ житиѣ останет.

Мнить же ми ся и всѣми съглаголовати апостольское слово нашему непщеванию о воскресении, и се показует еже и наше уставление обдержит, глаголя ничтоже ино быти воскресение...

Понеже убо в первѣмъ бытии мирствѣмъ — сия от Писаниа навыхохомъ, — яко «прозябе земля былье травное»,* якоже слово рече, таже от прорашениа сѣмя бысть, емуже на землю низпадшю, то же паки видѣ иже исперва прозябшаго, встече, рече божественый апостоль и о воскресении бывати. Не точью же сему от него научаемся на великолѣпное преставлятися челоувѣчеству, но яко уповаемое ничтоже ино есть, развѣ еже в первыхъ баше. Понеже бо

берутся произрастающие из семян тела? Что влечет их проращивание? Не смерть ли их? Если смерть есть распад составленного, то ведь семя не прорастет, если не распадется в борозде, став достаточно рыхлым и многопористым, чтобы, напитавшись окружающей влагой, выпустить корень и росток и на этом не остановиться, но перемениться в стебель, словно некими скрепами препоясанный посредине коленцами, чтобы мог, стоя прямо, держать колос, плодами отягченный. Где было все то, что свойственно пшенице, до разрушения в борозде семени? А ведь оттуда все это. Если бы его сначала не было, и колос бы не появился. И по тому как тело колоса из семени произрастает, поскольку Божественная сила одно в другое искусно преобразует, и он оказывается совершенно не тождественным семени, но и не вовсе чем-то иным, и таинство воскресения растолковывается тебе в его словах по чудесам, происходящим с семенем, — а именно, что Божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большому великолепию наше естество снарядится. «Сеется ведь, — говорит он, — в тлении, восстает в нетлении; сеется в бесчестии, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное».

Подобно тому как упавшая в борозду пшеница количественной малости и свойственной ей качественной особенности не сохраняет, но, оставаясь собою, становится колосом, существенно отличаясь от самой себя величиной, красотой, устройством и обликом, и человеческое естество, оставив со смертью все свои свойства, какие оно приобрело, подчинившись страстям, — я имею в виду уничиженность, тленность, слабость, возрастные различия, — собою быть не перестает, но словно некий колос восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но к некоторому духовному и бесстрастному устроению переходит. Ведь это свойство душевного тела — постоянно своего рода течением и движением из того состояния, в каком находится, изменяясь, перелазить в другое, что мы ныне прекрасно видим не только у людей, но и у растений, и у животных. Ничего подобного в тогдашней жизни не останется.

Представляется мне, что апостольское слово во всем соответствует нашему мнению о воскресении и показывает как раз то, что и наше определение содержит, говоря, что воскресение — это не что иное, *(как восстановление природы в прежнем виде)*.

Поскольку же в первоначальном бытии мира — о чем мы из Писания узнали — сначала, как сказано, «произвела земля растение травяное», а потом из ростка появилось семя и оно, упав на землю, выпустило из себя росток того же изначально созданного вида, апостол и говорит, что то же будет при воскресении. И не только тому мы от него научаемся, что к большому великолепию человечество переменится, но и что ожидается не что иное, как то, что

исперва не клас от сѣмене, но от класа сѣмя, по сих же се от сѣмене прозябает, якоже и приточное послѣдование явѣ показует, нужа убо всему еже воскресения ради възрастающему нам блаженству к сущей исперва възсходити благодати. Клас бо сущи исперва образом нѣкимъ, понеже зноем злобным исхохом; възприемши же землѣ смертью разрѣшихся, паки в весну воскресения клас пожатное се зерно телесное велик же и часть и правѣ и на небесную высоту протяжен, вмѣсто стеблия и осилья нетлѣнием и прочими от боголѣпных позваний украшен. «Подобает бо, — рече, — мертвенному сему облещися в бессмертьство и тлѣнному сему облещися в нетлѣние».* Нетлѣние же, и слава, и честь, и сила естества ради быти исповѣдается. Якоже первѣе въ еже по образу бѣша и паки уповаема суть.

Первый бо клас — первый человекъ Адам; понеже злобным входом естества на множество раздѣлися, якоже бывает плодъ в класѣ. Сиче и каждо насъ, облажшеся класнаго онога вида и земли примѣсившеся, паки възсресе-ние на первобытную доброту възрастающе, и вмѣсто единого перваго класа безъчиствни от нивъ бывающи.

А еже по добродѣтели житѣе в сѣм к злобѣ различье имать, яко ови и здѣ в житѣи добродѣтелью себе въздѣлавше, абие в нивѣ клас възрастают. А иже злобою изможданна и вѣтротлѣнна бысть в житѣи сем яже въ душевнѣмъ сѣмени сила, якоже глаголемая бесплодная, иже таковых художнии глаголють бывають, сиче и сии, аще прораствутъ възсресе-нием, многию наглость от Судия примуть, яко не могуще възстещи въ класа видѣ и быти оно, еже бѣхом преже еже в землю низпадения. Служение же настоящаго житом плевелом же и тернию есть сбирание совзрѣвшими сѣмены. Всяцѣй питающий корень силѣ к лучшему притекши, ихже ради ненапитано же и несвершено плодом присное же пребысть сѣмя, с прираствшим прозябением подавлено. Елма убо здѣ елико лестно же и чужее истачается от питамаго въ ищезновение приидеть, божественому и невещественному огню, яже чрес естества *поядшу*, тогда въ благопишно естество и плодъ обратится, ради таковаго прилежанья же и тшания общи видѣ, иже изначала нам от Бога възприложены, възприимше. Блажени же, имже абие свершеная доброта класовная совосияет спрозябающими възсресе-ния ради.

Сия же глаголемъ не яко телесному нѣкоторому различью, во иже по добродѣтели или злобѣ поживших на възсресе-ние явитися хотящю, яковаго убо несвершена тѣлом непщевати, ового же мнѣти свершено имѣти. Но якоже в житѣи ужники же и свободны имут убо обои приближена телеса, много же посредѣ обоих есть в сладости же и печали различье, сиче мню примати благых же и злых, въ еже по сих времени вмѣняти, различье. Свершение

было прежде. Раз не колос поначалу появился от семени, но семя от колоса, а после этого снова он произрастает из семени, согласно ясной последовательности событий в этой притче, непременно должно все по воскресении расцветать для нас блаженство восходить к первоначальной благодати. Ведь мы, колосом своего рода сначала явившись, зноем зла были иссушены; земля же, воспринявшая нас, по причине смерти разрушившихся, в весну воскресения вновь нас явит, возведя колосом, — нагое это зерно телесное — великим и развесистым, прямым и к небесной выси вытянутым колосом, вместо стебля и остий украшенным нетлением и остальными из богоподобных признаков. «Ибо надлежит, — говорит, — смертному сему облечься в бессмертие, и тленному сему облечься в нетление». Нетление же, и слава, и честь, и сила признаются свойствами (божественной) природы. Что первоначально было по образу Божию, то и вновь ожидается.

Первый колос — первый человек, Адам; из-за проникновения в него зла его природа разделилась на множество, как это бывает с плодом в колосе. Подобно этому каждый из нас, будучи лишен, как колос, своего вида и с землей смешавшись, вновь по воскресении возрастет в первоначальной красоте, вместо одного колоса бесчисленные нивы образуя.

А добродетельная жизнь в том с порочной различье имеет, что те, кто в здешней жизни добродетелью себя возделали, сразу на ниве колосьями произрастут. А у кого по причине порока пропала всхожесть и сила душевного семени оказалась за время этой жизни поврежденной ветром, как у так называемых керасвол, которые, как говорят знающие люди, бывают бесплодными, — те хотя и прорастут при воскресении, но большую суровость со стороны Судии встретят за то, что не смогут подняться в виде колоса и стать тем, чем мы были прежде, чем пали в землю. Служение же пекущегося о жите состоит в том, чтобы выбрать плевелы и терния, выросшие вместе с семенами. Ибо если вся питающая корень сила утечет к инородному, чахлым и незрелым останется благородное семя, будучи привнесенными ростками подавлено. Когда же все, что здесь есть инородного и чуждого, будет вырвано хозяином и истребится, пожженное божественным невещественным огнем как враждебное природе, тогда хорошо разовьется природа и станет способной к плодоношению, восприняв, по причине такого прилежания и ухода, общий вид, изначально нам Богом приданный. Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет.

Мы говорим это не оттого, что по воскресении обнаружится какое-то телесное различие у тех, кто, следуя добродетели, и у тех, кто, следуя пороку, пожил, так что у одного, скажем, тело окажется несовершенным, а у другого совершенным. Но как при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различие в радости и в печали, так, думаю, надо понимать и различие в благах и бедствиях, которое будет после этого времени.

бо иже от сѣтвы възрастающимъ сѣменемъ въ *нетлѣннѣ* же, и славѣ, и чести, и силѣ бывати, апостоломъ глаголет. Таковыхъ же умление не телесно нѣкое прозябшаго назнаменуетъ скрушенье, но коемуждо же въ *благыхъ* разумѣваемыхъ лишение же и чужденье. Елма убо едино нѣкое потребно есть быти о насъ всяко еже по спротивлению разумѣваемыхъ — или *благыхъ*, или *злыхъ*, явѣ яко, яко еже въ *блзѣхъ* глаголати не быти, указание бываетъ въ *злыхъ* всяко быти. Но убо о *злѣхъ* ни честь, ни слава, ни *нетлѣннѣ*. Нужа же вся о нихже не суть сия, симъ яже отъ спротивныхъ бываемая и разумѣваемая приходити не *невѣровати* — *немошь*, *безчестье*, *тля* и *елика* таковаго рода суть... *страсти* всячески тѣмъ *размѣшшася* и *совзрастоша* и едино къ оной бывающа. Таковымъ убо съ подобнымъ прилежаниемъ *изчищенымъ* же здѣ и *безвѣсти* бывшимъ, котороеждо отъ еже съ *лучшему* разумѣваемыхъ вмѣсто ихъ *внидѣть* — *нетлѣннѣ*, *животъ* *честь*, *благодать*, *слава*, *сила* и *аще* что ино таково самому же Богу *видѣтися* *непщюемъ* и образу его, еже *есть* *человѣчьское* *естьство*.

Плоть: Се *впрошение* слыша, *вкупѣ* же и *сказание* о *велѣннѣ* *въскрешения*, *господыне*, *премудрыхъ* *мужий* *святыхъ* *онѣхъ*. Прочее, *рци* *мнящая* *ти* *ся* о *реченыхъ*.

Душа: Слыши, *служителнице*, *истинное*, *якоже* *есть* *многихъ* *многая* *слышахъ*, *многая* же и *прочтохъ* о *велѣннѣ* *семъ*, *даже* убо и *донынѣ* *таковая* *не* *слышахъ*, *ниже* *писания* *обрѣтохъ*. *Впрошение* убо *добро*, *но* убо и *сказание*. И *кто* *суть* *сии*, *скажи* *ми*, *кого* *племени* и *рода* *сия* *вѣтшествовавшей* и *сказавшей* *сице*?

Плоть: *Кто* убо *суть*, *не* глаголю *ти*. Но *аще* *хощеши* *увидѣти*, *якоже* *поискахъ* *азъ* *прилѣжно* и *обрѣтохъ*, *так* и *ты* *поищи* *болѣзни* и *обрящеши* *имена* *ихъ* и *родъ*, и *отчѣство*, и *прочихъ* же и *прочее* *якова* и *колика*. *Не* *хощю* *быти* *ти* *лѣнивѣ* и *низълежащей*, *искателнѣ* *паче* и *трудолюбнѣ* *зѣло*. И *егда* *хощеши* *навыкнути* отъ *Писания* *чисто* и *божественно*, *испытуй* и *обрѣтай* *искомое* *все*. *Мене* же *остави*, *съ* *сустахъ* *бо*, *яко* *да* *почию* и *славу* *вослю* *Господеву* *моему*.

Ведь совершенство посеянных и взошедших семян состоит в том, чтобы родиться в нетлении, славе, чести и силе, как говорит апостол. Умаление таковых означает не какое-либо телесное сокрушение проросшего, но лишение и отчуждение от всего того, что мы считаем благом. Поскольку же лишь одному чему-то надлежит быть у нас из считающегося противоположным — либо хорошему, либо плохому, ясно, что если о ком-то нельзя сказать, что он окажется в хорошем, отсюда следует, что он окажется в плохом. А плохому не свойственны ни честь, ни слава, ни нетление. И по необходимости к тем, кому не будет свойственно таковое, придет, вне сомнений, то, что является и представляется противоположным, — немощь, бесчестие, тленность и тому подобное, *(о чем говорится в предыдущих словах: потому что окажутся трудноустраняемыми из души происходящие из порочности)* страсти, всю ее захватившие, со всею нею сросшиеся и чем-то единым с ней ставшие. Но когда таковые с подобающим прилежанием будут вычищены из нее и забыты, вместо этого придет к ним все то, что почитается наилучшим, — нетление, жизнь, честь, радость, слава, сила и все прочее тому подобное, что мы считаем свойственным Богу и его образу, каковым является человеческая природа.

Плоть: Вот ты слышала и вопрос и ответ этих мудрейших и святых мужей о догмате воскресения. Теперь скажи мне, каким тебе показалось высказанное.

Душа: Послушай, служительница, поистине от многих многое я слышала и много читала об этом догмате, но до сих пор такого не слышала и среди написанного не находила. Вопрос хорош, но и ответ тоже. А кто они такие, скажи мне, какого они племени и рода, говорившие и высказавшие это?

Плоть: Кто они, не скажу тебе. Но если хочешь узнать то, как я старательно искала и отыскала, так и ты поищи трудолюбиво и найдешь и имена их, и род, и отечество, и прочее, и прочее, что да как. Хочу, чтобы ты была не ленивой и валяющейся, а ищущей и трудолюбивой. И когда хочешь узнать из Писания что-то божественное, изыскивай и находи все, что нужно. Меня же оставь, ибо я устала, дай поспать и славу восславить Господу моему.

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО». ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

Въ время то умре достойнопамятнаа Феодора, иже много преподобному* служивши въ днехъ своихъ. Отнюдь по ней вси печални быша, елико же духовныа любве к преподобному имяаху, понеже имяахуть ю исходатайцу к преподобному, якоже и с любовию всѣхъ принимаше, благими словесы всѣхъ утѣшаючи, повелѣваючи всѣмъ на благое. Всегда кротка убо бѣ жена, друголюбезна же, и милостива, и христоролюбива, и цѣломудрена разумом, и проста нравомъ, и всѣмъ угождаючи.

Якоже рекохомъ, умерши ей, помышление прекословно въздвигохъ в сердцѣ своемъ о ней: которое улучи въздание в вѣцѣ ономъ, десное или шюее. И множицею молихся преподобному, да исповѣсть ми о ней. Он же не радяше исповѣдати о ней, понеже досадихъ преподобному. И не възсхотѣ мене опечалити, сего ради въ единъ от дний рече к мнѣ: «Хощеши ли видѣти Феодору?» Мнѣ же рекъшу: «Гдѣ ю хощю отселе видѣти, святыи отче? Уже отшедши ей от временныхъ к вѣчнымъ». Блаженный же рече ко мнѣ: «Узриши ю ктому и многотрудное свое помышление оставиши». Мнѣ же дивящюся: како и гдѣ ю мню видѣти? Зѣло бо жадахъ ея, якоже и она зѣло мя любляше.

Въ ту же ночь мало уснувшю ми, видѣхъ нѣкоего юношу, глаголюща ми: «Възвѣщаеъ ти, — рече, — честный отецъ: „Прииди вскорѣ, зане ити хощю, в нихже пребываетъ Феодора суши, аще желаеши убо видѣти ю”». Мнѣ же по възвѣщенію острѣе ускорившю, видѣхъ бо, яко пришедшю ми къ преподобному, в нихже сам пребывааше, и не обрѣтох его. Въпрошающю же ми о немъ, рекоша ми нѣци ту суще: «Отшел есть, глаголюще, сестру и преже слугу видѣти». Мнѣ же ктому изумившюся, нѣкто оттуду сказа ми и путь ми показаль, по немуже ми шедшю и достигнухъ онѣх. Идущю же ми по пути, мняхъ тѣмъ путемъ ити, иже къ церкви честныа Влахѣрны, реку же, Святыи Богородицы.* Идущю же ми, обрѣтохся вънезапу къ высокоу мѣсту идуща, преходише всечестное. И прешедшю ми то, приближихся къ вратом, та же

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО». ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

В то время умерла достопамятная Феодора, которая много преподобному служила при жизни своей. Весьма по ней все печальны были, ибо духовную любовь к преподобному имели, она же просительницей у преподобного была и с любовью всех принимала, утешая благими словами, направляя всех на доброе дело. Ведь всегда кроткой была она, дружелюбной, и милостивой, и христоролюбивой, и целомудренной разумом, и простой нравом, и всем угождала.

Как уже сказали мы, умерла она, и воздвиг я в сердце своем сомнение: какое воздаяние получила она на том свете, райское или преисподнее. И часто просил преподобного поведать мне об этом. Он же не спешил рассказать о ней, ибо досадил я преподобному. Но не хотел меня опечалить и поэтому однажды сказал мне: «Хочешь ли видеть Феодору?» Я же ответил: «Как же увижу ее теперь, святой отец? Ведь уже отошла она от суетного к вечному». Блаженный же сказал мне: «Увидишь ее и многотрудное сомнение свое оставишь». Я же удивился: как и где смогу увидеть ее? Ведь очень тосковал я по ней, и она меня очень любила.

В ту же ночь, едва я уснул, увидел некоего юношу, говорящего мне: «Зовет тебя, — сказал, — честной отец: „Приди скорей, если желаешь увидеть ее, ибо хочу идти туда, где ныне пребывает Феодора”». И увидел я во сне, что, поспешив по зову и придя к преподобному, туда же, где и сам я жил, не нашел его. Когда же спросил о нем, ответили мне те, кто был там: «Уже ушел он, сказав, что сестру и прежнюю слугу свою увидеть хочет». Когда же удивился я этому, некто оттуда показал мне путь, по которому я должен идти, чтобы разыскать их. Когда же пошел я по этому пути, то оказался на дороге, ведущей к церкви Святой Богородицы Влахернской. Направляясь туда, внезапно почувствовал я, что иду вверх мимо храма. И, оставив его за спиной, приблизился я к воротам, они же были плотно закрыты.

бяхуть зѣло утвержена. Смотрих же утрѣ скважнею, да некли кого видѣти възмогу. Видѣх же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихъ едину от нею скважнею, рекох к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домъ сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василя». Радому же ми убо бывшую, рекох к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобный отецъ нашъ Василий?» Она же рече ми: «Здѣ бысть, брате. По малѣмъ же отшествии пришедъ здѣ да посѣтитъ чядѣ своихъ». И рекох к ней: «Убо молю ти ся, отверзи ми, да вниду, яко и азъ чядо есмь преподобнаго отца Василя и недостойнъ есмь». И рече ми она: «Никогдаже бо ты прииде сѣмо иногда или кимъ образомъ, не знаю тебе. Какъ ти отверзу врата и отиду отсюдѣ? Ибо бесъсѣта преподобнаго или повелѣниемъ госпожа Феодора не могу сего сѣтворити». Мнѣ же молящюся ей и зъ дръзновениемъ толкущу: «Отвързите врата, да вниду».

Феодора же, внутрь мятежъ слышащи, къ вратомъ приближися, хотящи вину увѣдѣти, и не вѣдящи, якоже страненъ нѣкто у вратъ пребываетъ сварящися, рече, смотряше изоутрѣ, хотящи увѣдѣти, кто и откуда прииде. И якоже мя узрѣ предъ враты стоаща, острѣе множицею възглашаше женамъ: «Отвързѣте, ибо възлюбленный сынъ се есть господина моего». Они же вскорѣ отвързоша. И възиде в срѣтение мнѣ, иже въ блаженнѣй обители пребываетъ, вся бо радости неизреченною исполнена, яко часто видяхъ. Цѣловаше же, обиемлющи мя, и принимаше мя любезнѣ, и радовашеся, милостнѣ глаголаше: «*Кто* ты сѣмо присла, сладкое мое чядо, и паче от мира сего к невечернему дни сему цы уже преставилься еси, яко сѣмо прииде?» Мнѣ же чюдящюся, что есть, о немже ми бесѣдуетъ, якоже бо не мняшет ми ся, якоже въ ужасѣ и в видѣнии вижду видѣние. Рекох к ней: «Госпоже моа, азъ ти не умрохъ и еще бо молитвами преподобнаго отца Василя в мирѣ семъ пребываю. Тебе же ради приидохъ сѣмо и достигохъ, желаниемъ бо желяхъ видѣти твое лице от того дни оставила еси нас, и не вѣдѣ, камо прешла еси, како бо пребываеши, како нужду смертную преиде, како духи лукавыя преиде, како видяше, онѣхъ злокозненное пронырство. Видяхъ бо по ряду о сихъ в малѣ нѣкоемъ преже мало възвращаа житие свое».*

Она же отвѣщавши рече мнѣ: «Что ти имамъ рещи, о чядо, о сихъ? Не изумѣюся, яже по дѣломъ моимъ вся злаа ми и лютаа присрѣтоша мя. Заступлениемъ преподобнаго отца нашего Василя тяжкаа легкаа ми быша, и лютаа и сопротивнаа — права, и, просто оному заступившу, сключышаа ми ся вся злаа на благое преложишася, благодати помиловавши нас. Егда бысть ми умрети, чядо, како могу исповѣдати смертныя труды, каку бѣду имуть, каку нужду и колику горестъ от бесчисленна болѣзни и стужения лютаа. Дондеже изыдетъ душа от тѣла, толика болѣзни стужаетъ си умирающи: яко нѣкто обнаживъ все тѣло свое и възляжетъ на угли горяща, множество простренихъ на земли, и помалу истлѣетъ огненнымъ жежениемъ, и горцѣ трѣптитъ. И тако ктому раставаяся разидется и отрѣкается душа — тако есть

Посмотрел я сквозь замочную скважину, не увижу ли кого-нибудь. И увидел, что сидят там две прекрасные жены. Позвал я через скважину одну из них и спросил ее: «Госпожа и сестра, чей этот дом?» И ответила она: «Преподобного отца нашего Василия». Обрадовавшись, спросил ее: «Здесь ли сейчас, госпожа моя, преподобный отец наш Василий?» Она же ответила мне: «Он здесь, брат. После недолгого отсутствия пришел он сюда, чтобы навестить духовных детей своих». И сказал я ей: «Молю тебя, открой мне, дай мне войти, ведь и я есть недостойное чадо преподобного отца Василия». И ответила мне она: «Но ведь никогда прежде ты не приходил сюда, и я не знаю тебя. Как же открою ворота тебе и уйду отсюда? Ведь без позволения преподобного или повеления госпожи Феодоры не могу этого сделать». Я же умолял ее и с дерзновением стучал: «Откройте врата, и войду я».

Феодора же, услышав шум и желая узнать причину его, приблизилась ко вратам и вначале не поняла, кто же это у врат спорит, и посмотрела изнутри, чтобы узнать, кто и откуда пришел. И когда увидела, что это я перед вратами стою, сразу возгласила женам: «Откройте, ибо это возлюбленный сын господина моего». Они же быстро отворили. И вышла навстречу мне она, в блаженной обители пребывающая, вся исполненная радостью неизреченной — такая, какой я часто ее видел. Обнимая и любезно принимая, целовала меня, и радовалась, и ласково говорила: «Кто тебя сюда прислал, сладкое мое чадо, или уже ты покинул мир свой для мира вечного, если сюда пришел?» Я же удивился ее словам, потому что не знал, что в исступлении ума и во сне видение вижу. И ответил ей: «Госпожа моя, я не умер и молитвами преподобного отца Василия в мире этом еще пребываю. Пришел же сюда с желанием лицезреть тебя, ведь с того дня, как оставила ты нас, не ведаю, куда отошла ты, где пребываешь, как муку смертную прошла, как духов лукавых прошла, как познала их злокозненное коварство. Ведь знаю о духах лукавых совсем немного, хотя и мне предстоит умереть».

Она же ответила мне: «Что же сказать тебе, чадо, об этом? Не удивляюсь, что по грехам моим все злое и мучительное встретило меня. Но по заступничеству преподобного отца нашего Василия тяжкое стало легким, лютое и враждебное — правым, ведь едва он заступился, случилось всему злему на благое переложиться, и помиловала нас благодать. Когда я была при смерти, чадо, только тогда изведала я смертные муки, какую беду терпят умирающие, какую нужду и сколько страданий от бесчисленных болезней и лютого гнета. Пока не отойдет душа от тела, таковые страдания приходят со смертью: как если некто, обнажив все тело свое, возляжет на горящие угли, рассыпанные по земле, и медленно истлеет огненным жжением, и в муках терпит все это. И после этого, разлучаясь с телом, отходит и отрекается

смерть горка, о чядо, и, свѣдѣтель Господь, паче подобнии мнѣ грѣшник. О праведницѣ же, како есть и бываетъ, не свѣдѣ и азъ бо окааннаа иже грѣхом жилище бывах.

Егда бо душу извлеках, видяхъ чистѣ множество ефиоп* синихъ, окрестъ одра моего мятущая и мльву творяща, рыкающе, яко пси и волцы дивии, яко море горкое грозящееся и зубы скрегчюще, бѣсящееся, вѣпиюще, яко свинии, испытאותе дѣла моа, хартию вынимающе, другое оклеветаниемъ черниломъ написавше. И сквернена, и темна лица ихъ, ихже видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии сквернии, сихъ убо лютыхъ не могуще зрѣти. И не доволна ми бяшетъ си горестъ смертнаа, но имяхъ сихъ бѣду, что убо будетъ. Вращаючи ми ся сѣмо и онамо и от скверненаго видѣнна и инде умнаго зрѣнна мечюща, не хотяхъ зрѣти ни слышати нечестивыхъ крамол.

Видѣхъ от преславнаго онога нѣкаа два юноши пришедша ко мнѣ, златы власы имуща на главѣ украшенѣ, бѣли, яко снѣгъ, краснѣ зѣло, сладцы вельми на видѣние, облечена же бяше в ризу, яко в молнию. Предста же на десное и стапта близ мене, втайнѣ к себѣ бесѣдующе. И глагола единъ от нею к синцемъ онѣмъ: „Бесстуднии и темнии, злии, проклятии и злобнии! Коя ради вины имѣете сего по обычаю лукавнѣ нападающе на всякого челоуѣка житие, възстающе на мя и блядуще мятущееся, и плищюете злѣ шумяще? О губителие дивии, безумнии и несытии, и христоненавистници! Не вельми радуящееся, здѣ бо ничтоже не будетъ вамъ, нѣсть вамъ чясти ни жребиа. Едино токмо, еже стекостеся и отидете натшее”. Си ему глаголющю о нихже, еже сътворихъ от уности моя или дѣломъ, или словомъ, или помышлениемъ, выношаахуть на среду и вѣскликоша, поистиннѣ, яко безумнии нѣции, яко похаби, глаголюще: „Ничтоже не имамъ, глаголюще? А сий грѣхъ кто сътворилъ есть от юности своей?” Сихъ и инѣхъ блядуще, ктому ждахуть смерти.

Прииде бо и то. И бысть видѣниемъ яко левъ рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого когождо смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обната бысть. Глаголють убо ему юноша оны: „Что стоиши? Разрѣши сѣуз, тихо прими, не убо много имать тяжкий грѣхъ”. Пришед бо с малою секирою прикоснуся ногамъ моимъ и потом к рукамъ, и вся съставы моа испроверже, и исторже ми ногти. И абие убо умрѣшвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имяхъ ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Азъ же, чядо, от горкиа болѣзни умрѣшвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можахъ двигнути главы моя, чюжи бо бяхъ. Потомъ же раствори в чяши не вѣдѣ что, вдавъ ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бяше горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшей от неа, въ одеждахъ своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердцахъ бо, о чядо,

душа — такова смерть горькая, о чадо, для грешников, подобных мне, и свидетель этому Господь. О том, что есть и бывает с праведниками, не знаю и я, ибо грешна была в жизни своей.

Когда душа моя отошла, увидела ясно множество эфиопов черных, которые, обступив смертный одр мой, бушевали и шумели, как псы и волки дикие, как море горькое грозились и скрежетали зубами, неистовствовали, кричали, как свиньи, и когда пытали о делах моих, свиток доставали и клевету чернилами записывали. И скверны, и темны были лица их, и было похоже это на видение геенны огненной, и скверных этих и лютых не могли вынести глаза мои. И здесь не закончились муки мои смертные, но должны были продолжиться и дальше. Не хотела я ни видеть, ни слышать нечестивых дел, и поэтому то в одну, то в другую сторону металась, и страшно было глядеть, а иногда и думать об этом.

Увидела вдруг, как от святого какие-то два юноши пришли ко мне — на голове золотые волосы, сами белые, как снег, обликом своим прекрасны, облачены же были в ризы, сверкающие, как молния. Появились же по правую руку и встали около меня, тихо беседуя друг с другом. И сказал один из них бесам: „Бесстыдные и мрачные, злые, проклятые и злобные! Зачем по обычаю своему бесовскому ополчаетесь на жизнь всякого человека, прекословите мне и во лжи нападаете, и буйствуете, злобно крича? О губители дикие, безумные и ненасытные, и христоненавистники! Не очень радуйтесь, ибо здесь ничего не будет вам, даже малой доли. Одно вам осталось — собраться вместе и отойти вотще”. Когда он это сказал им, бесы вынесли на середину все, что с юных лет сотворила я, делом, или словом, или помышлением, и воскликнули, воистину, как безумцы некие бесстыдные: „Ничего не будет, говоришь? А сей грех кто сотворил в юности своей?” Упрекая меня и в том, и в другом, ожидали они пришествия смерти.

И вот пришла она. И видом была похожа на льва ревущего и на юношу сурового и бесноватого. И принесла всякого оружия: мечи, серпы, пилы, секиры, рогатки и тесла и иного много, чтобы мучить всех по-разному. Увидев этого мучителя, бедная душа моя страхом объялась. Сказали же ему те два юноши: „Что стоишь? Освободи от уз ее, осторожно прими, ибо нет на ней тяжкого греха”. И пришедший малой секирой коснулся ног, а потом и рук моих, и все суставы мои исторг, и вырвал ногти мои. И тотчас мертвы стали руки и ноги мои. И не чувствовала я рук и ног моих. Я ведь, чадо, через мучение умерщвлена была. Снова подошла смерть и отсекла голову мою, и не могла я двинуть ею, поскольку чужая стала. Потом же растворила в чаше неизвестно что и силой дала мне выпить. И когда выпила я это, горько мне стало, о чадо, и извлечена была душа страшной силой и отошла от тела. И те прекрасные юноши в своих одеждах ниспадающих приняли ее. Ведь в сердце человека, о чадо, возлежит душа, а в разуме дух. Когда же приняли они меня, увидела с удивлением тело

человѣку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя приемшеи они краснии, видѣхъ тѣло мое, идеже лежааше, бездушно и умръщено, неподвижимо и неключимо, чюдящихся и дивящихся, якоже нѣкто совлечется риз своих и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголах ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогому человѣку.

Якоже убо ктому дръжаахуть аггели Божии, обступиша тѣхъ темнии они, повѣдающе прегрѣшения ихъ. Аз же имяхъ слово въздати о нею. Пытаюшем же онѣмъ ктому, или есть у мене дѣло благо. И обрѣтаахуть благодать Господню, и сиа избираахуть: или коли напоихъ чяшу студены воды или вина, или коли шедши посѣтихъ больнаго, или в темницы, или страннаго в келию свою введохъ или накормихъ, или коли сътворихъ стопы к церкви идущи помолитися, или коли въляхъ масло въ кандило на посвѣтъ святыхъ и честныхъ иконъ, или коли смирихъ гнѣвъ имущаа межи собою, или когда пролиахъ слезы ко Господу Богу моему, стоащи на молитвѣ моей, или коли лаяша ми, и претръпѣхъ, или коли умыхъ нозѣ братии, яко огнь полящи и смирение ми любяще, или коли слабаго утвердихъ, или коли малодушнаго утѣшными словесы утѣсихъ, или кого когда възвратих от грѣхъ да не съгрѣшитъ, или коли страннаго введохъ суща духовна и полезна, или коли поклонихся Господеви моему покаяннемъ и паче въ дни святаго пощения и отвратихъ лице свое от всякого оклеветания, и лъжа, и оболгания, и от лъжеклятия, или что праведно сътворих на томъ свѣтѣ. И събирающе же та, извѣсахуть противу моимъ съгрѣшениемъ, и от когождо ихъ искупахуть ю. Сихъ онѣмъ прилежащимъ, велми мя ефиопи они клеветааху, противящимся аггеломъ Божиимъ.

И сему тако бывающю межю тѣмъ, внимаа узрѣхъ, се господи́нь мой святѣй Божий Василие предста тѣмъ Духомъ Святымъ, рече краснымъ онѣмъ юношамъ, иже по мнѣ подвизаахуса: „Господие мои, та душа мнѣ в наслѣдие бысть, мнѣ бо поработа по вся дни и часы. Помолихся Господеви о ней, и Господь ми дарова ю. Примете обаче сию — симъ искупит вся долги достигающи, егда миновати ей мимо мытаря”. Вынявъ из нѣдръ своихъ, вда обѣма уношама яко нѣкаку керстицу червлену, полную злата имущю, и рече к нима: „Аз благодатию Господнею богатъ сѣй зѣло по духу Господню бываа, сиа же от труда и пота моего искупих”. Сиа убо рекъ, въдавъ даръ и отиде. Они же убо реченнии бѣси, видѣвше, удивившася, въскорбѣвше на многъ чяс и убояшася, въплъ же всепечальный, имже не получиша, и отбѣгоша. Сим же отбѣгшемъ, се прииде господи́нь мой, сосуд масла чиста исполнена суща приносяща, повелѣша убо, и отворишася каждо сосуди они. И уноша ты възлиаша на главу мою, и быхъ исполнена масла, и очистися лице душа моя зѣло, и смотряхъ свѣтло и чисто, и радости бысть духъ мой исполнен. Рече избранный общий отецъ нашъ Василий иже мене хотяше свести: „Господие мои, егда достойнаа на души той скончяете, на мое устроение от Господа божественаго покоа ту, и сию съхраните”. И, се рекше, отидоша от лица мене носяще. И взявше убо

свое лежащее, бездушное и умерщвленное, неподвижное и бесполезное, словно некто снимет одежду свою и положит на постель свою и, встав рядом, станет смотреть на это. Вот и рассказала, о чадо, что сама знаю, — такая участь ждет бедного человека.

И когда держали меня ангелы Божии, обступили их бесы, говоря о прегрешениях моих. Мне же предстояло отвечать за них. Ангелы же начали искать мои благие дела. И благодатью Господней нашли их и все собрали: кого напоила чашей холодной воды или вина, или посетила больного, или в темнице кого, или странника в келью свою привела и накормила, или ходила в церковь молиться, или налила масло в лампаду перед святыми и честными иконами, или примирила гневающихся друг на друга, или, стоя на молитве, проливала слезы перед Господом Богом моим, или, когда ругали меня, стерпела, или в смирении омыла ноги братии, словно водой огонь загасила, или слабого поддержала, или малодушного ласковыми словами утешила, или кого отвратила от греха, или какого странника благого приютила, или поклонилась Господу моему в покаянии и особенно в дни святого поста и отвратила лицо свое от всякой клеветы, и лжи, и лжесвидетельства, или что иное праведное сотворила я на том свете. И собрав это, ангелы положили все на чашу весов против моих грехов и искупили их. И когда сошлись вместе, стали обличать меня эфиопы, а ангелы Божии защищали.

И когда так они спорили, увидела я, что господин мой святой Божий Василий как Дух Святой предстал и сказал прекрасным тем юношам, которые мне помогали: „Господа мои, эта душа мне в наследство дана, ибо мне помогала все время. Помолился я Господу о ней, и Господь даровал мне ее. Примите, однако, то, чем искупит она долги свои, когда мимо мытаря проходить будет“. Вынув из одежд своих, дал он юношам какой-то ковчежец красный, полный золота, и обратился к обоим: „Я благодатью Господней и духом Господним богат, это же от труда и пота моего“. Сказав это и отдав дар, ушел он. Бесы же, о которых я рассказывала, увидев это, удивились и скорбели долгое время, и убоявшись, и не получив того, что хотели, издали печальный вопль и убежали. Когда же исчезли они, вновь пришел господин мой с сосудами, в которых было прозрачное масло, и повелел открыть их. И юноши те возлили масло на голову мою, и исполнилась благоуханием я, и очистился лик души моей, и взгляд мой стал светел и чист, и радостью дух мой исполнился. Сказал избранный отец наш Василий тем, кто хотел меня вести: „Господа мои, когда свершите достойное души этой, тогда в приуготовленный от Господа божественный покой мой ее отведите“. И так сказав, отошел от тех, кто меня нес. И взяв меня, те прекрасные юноши перестали

они краснии юноши, и отступивше ногами своими от земля, яко облакъ или корабль по морю, тако к восточному пути на въздусъ мене носяще идяхуть на высоту невъзвратно.

Начяток первому мытарству. Усрѣтохом, еже творяхуть оболгание, ихже бысть съборъ ефиоп черныхъ нѣкий. Старѣйшина от нихъ с лукавствомъ многимъ пресѣдьяше. Достигшем же намъ, стахомъ. И свѣдѣтели праведнаго суда, о чядо, ихже яко челоувѣкъ оклеветахъ и коли и въ которомъ частъ в мирѣ оном, обличяхуть предъ лицемъ лукавнующе. Откуда си увѣдѣвше, не вѣдѣ. Отрекшим бо ся намъ, онѣм же поистиннѣ облыгающимъ мене. Носящимъ от святаго онога одарения, еже ми отецъ мой вда, преподобный Василие, и абие минувше, и на вышнии преидохом.

Потом же доидохом втораго мытарства, еже бяхуть суще оклеветание. И ту же подобна быша первому мытарству: от блаженнаго дара въздавшимъ намъ, безъ бѣды и сихъ минухом.

Идущимъ намъ напред, бесѣдовааху к себѣ мене носящеи: „Молитву въздати, — рекуще, — убогаа сиа душа о угодницѣ Божии Василии, яко велиа ей благаа съдѣа, понеже быхом нужду велику достигли, начяла и власти тмы преходяще”.

И якоже си бесѣдующе, доидохом третиаго мытарства, еже бѣ зависть. Благодатию же Господа нашего Исус Христа ничтоже не имущемъ суетнымъ онѣмъ оклеветати мя, ибо не помнях, коли кому завидѣхъ. Радующеся, и сихъ лукавыхъ минухом. И скрежетаахуть на мя они скверноличнии ефиопи, якоже мняще ми, якоже в той чяс мене и мене носящихъ яко живыхъ въ гнѣвѣ пожрети.

Еще убо нам на высоту идущимъ, постигохомъ четвертое мытарство, еже нарицается лъживыхъ. Бяхут бо ту ефиопи събрани мнози, ихже лица суетна и нелѣпотна зѣло. И старѣйшина мытарства удивленъ зѣло и предѣдй въ лѣстех. Видѣвше же насъ, скоро противу намъ вѣсташа. И дошедшимъ намъ до них, мятахуться проклятии, и приносяще на ны всяку лжу, и на мя нѣ с коимъ възвѣщениемъ повѣдающе име, иже коли яко от несмысленыхъ женъ сългахъ. И сътворивше доволнаа иже мене водящей, и тако скверныа минухом молитвами и молениемъ, иже мою худость помиловахъ.

Еще намъ идущимъ напред, достигохомъ пятаго мытарства, болий съборъ ефиопъ имуще, иже нарѣкаашется ярость и гнѣв и съ гнѣвомъ ярость, иже окрестъ себе повелѣваашет. Онѣм же съ гнѣвомъ изыдающимъ самѣм, яко пси нѣции ядовитии. Якоже убо приидохом к тѣм, развращена намъ съ гнѣвом и яростию отвѣщаша, да аще казни ради, или на чядо свое, или на кого инога разгнѣваахся или прогнѣвание имяхъ, то и та исповѣдають лукавнующе обличяху, или что з гнѣвом и съ злопоминаниемъ гнѣваахся и прогнѣвахъ. Яко море горько и злѣ волнуещеся, тако въздаахут ми, ярящеся на мя. И приношахуть по имениемъ посредѣ и тѣхъ, ихже прогнѣвахъ, яко челоувѣкъ, яряся на мя, и та

касаться ногами своими земли и, словно облако или корабль в море, неся меня по воздуху к востоку, невозвратно двинулись ввысь.

Начало первого мытарства. Встретили мы тех, кто творил обоганье, и была там целая толпа эфиопов черных. Старейшина же их с лукавством многим восседал. Когда же достигли места этого, остановились. И свидетели праведного суда, бесы эти, о чадо, если человек оклеветал кого в мире том и в какое время, все знают и обличают, клеветца. И откуда знают об этом, не поняла. Мы же отреклись от всего, ведь поистине лгали они обо мне. И принеся им от дара святого, который отец мой дал, преподобный Василий, быстро прошли, еще выше поднимаюсь.

Потом же дошли до второго мытарства, которое называлось клевета. И там было то же, что и в первом мытарстве: часть блаженного дара отдали и безбедно прошли.

Когда пошли дальше, говорили друг другу носящие меня: „Убогой этой душе надо помолиться об угоднике Божиим Василии за то, что великое благо содейл ей, ибо достигли мы великих испытаний, начала и власти тьмы проходя”.

И так беседуя, достигли третьего мытарства, которое называлось зависть. По благодати же Господа нашего Иисуса Христа не удалось суетным тем оклеветать меня, ибо не помнила, что кому-нибудь завидовала. Радуясь, и этих лукавых минули. И скрежетали зубами на меня те безобразные эфиопы, и казалось, что в сей же час меня и тех, кто нес меня, как живых в гнев проглотят.

Когда поднялись еще выше, достигли четвертого мытарства, называемого ложью. Были же там собраны многие эфиопы, лица их были суетны и ужасны. И старейшина мытарства восседал среди лжи в славе своей. Увидев нас, быстро встали напротив. И когда дошли мы до них, заметались проклятые и стали упрекать меня во лжи, показывая имена людей, которым в безрассудстве женском солгала. И водящие меня, помиловав худость мою, сделали все, чтобы молитвами и молением минули мы это место.

Продолжая идти вперед, достигли мы пятого мытарства, которое называлось ярость и гнев и с гневом ярость, и там еще большая толпа эфиопов вокруг властвовала. Они же сами, подобно псам ядовитым, с гневом поедали друг друга. Едва мы подошли к ним, как они с гневом и яростью стали обличать меня в том, что за обиду, мне нанесенную, или на чадо свое, или на кого иного разгневалась, и то знают лукавые, или гневно и злопамятно гневалась на кого-либо и прогневала кого-то. Подобно морю, горько и злобно волнуемому, подступали они в гнев ко мне. И враждуя против меня, приносили имена тех, кого прогневала я, и те слова, которые сказала я будучи в гнев на кого-то,

словеса, яже тогда срекохъ, на негоже враждовахъ, и того чяса и того дни, часто представляюще. И отвѣщаючи к симъ достойнаа възлюблении они юноши, иже мя защишахуть. И отшедше оттудъ, на високий въздухъ идяхомъ.

Идушим же намъ, достигохомъ шестаго мытарьства, иже нарицается гордыни. И ищущимъ онѣмъ оклеветати мя зѣло, благодатию же Божиею не обрѣтоша ничтоже. Аз бо во ономъ вѣцѣ раба худа бѣхъ, а кому ся бѣхъ хотѣла гордѣти. Преидохом бо и сихъ, ничтоже плативше тѣмъ.

И еще нам идушимъ, достигохом седмаго мытарьства, еже нарѣкашется буесловие, и срамословие, и безстуднаа словеса. Усрѣтоша ны властели мытарьства издалеча, зѣло нудяше ны въздати суд. Приближихом бо ся убо к нимъ, и обличахуть мя, еже въ уности моей блядословни съдѣхъ, елико же пояхъ срамныхъ, прикладывахуть ми, окааннии, лаанни ли или играюще срамословие, острѣ приводящи на искушение. Поистиннѣ сица бывша свѣдѣтельствующе, яко бояти ми ся, сих слышащи. Како бо сиа вѣдяхуть, окааннии? Ихъже и сама аз по толицѣхъ лѣтѣхъ забыхъ минувшихъ. По достоинству бо симъ въздавше слово, идохом путемъ своимъ на выше идуше.

И достигохомъ осмага мытарьства, еже нарѣкашется лихва и лесь. Слуги убо мытарьства того истинну о мнѣ испытывше, ничтоже обрѣтоша льсти ради и, не могуше обличити, остряхуть на мя зубы. Мы же, отшедше оттуду, путь свой далний шествовахомъ въистинну далече числа человекъ не имущи.

Доидохомъ паки девятаго мытарьства, иже нарѣкашется уныние, сирѣчь тщеславие. Мнѣ же к тѣмъ ничтоже не имущи испытывше, преидохомъ вскорѣ.

И доидохомъ десятаго мытарьства, еже нарѣкашется сребролюбие. Голка бысть в мытарствѣ паче инѣхъ мытарствъ. И в семь бо всякого человека ловятъ окааннии они и, в нихже вселяющесе, нудятъ я се творити, и паче иже на въздухъ въ всѣхъ иже старѣйшинство имуще творять. Испытавше и ти, въ мнѣ ничтоже не обрѣтоша, гдѣ бо у мене бысть злато, да быхъ имѣла к нему любовь.

Якоже убо и ты минухом, и достигохомъ иже въ пианственное мытарство. И стоахуть слуги того мытарьства отдалеча, якоже волцы хищницы, всякого хотяще пожрети, проклятцы. Онии же убо носяще мя, якоже убо вдано есть, яко пытаются душа мимоходяще от князь власти тмы въздушныа. На то мытарство придоша, нападше убо на ны горцы они испытницы и мытоимцы и тычяша, яже в животѣ своемъ испихъ, в число и в мѣру имяхуть, речяхуть убо ко мнѣ: „Не испила ли еси в семь мѣстѣ селико чяшь? И уписа убо в сей день и в празникъ при сихъ? — и сего нарицаючи. Не упи ли ся, не испи ли селико чяшь, егда к онси еси дошла, егда тя усрѣлъ онси?“ И вся ми о томъ сотворивши, нарицахуть, хотяще мя исхитити от руку носящихъ мя, рикающе. Елико же вѣщааху, истинна бяхуть. Множицею бо якоже посреде житиа суши, и ако едина от человекъ суши, другу нѣкому приходящу, излиха испивахъ с

показывали час и день, когда это было. И достойно отвечая им, защищали меня возлюбленные те юноши. И отойдя оттуда, на высоту воздушную пошли.

На пути своем встретили мы шестое мытарство, которое называется гордыня. И по благодати Божией не дано было оклеветать меня тем, кто хотел этого. Ведь в жизни своей рабой бедной была — и перед кем мне было гордиться. Прошли и этих, ничего не заплатив им.

И дальше пошли, и достигли седьмого мытарства, которое именовалось празднословие, и срамословие, и сквернословие. Встретили нас власти мытарства, желая свершить суд над нами. Когда же приблизились к ним, стали обвинять меня в том, что в юности своей пустословила, срамословила, упрекали, окаянные, в ругани и в играх непристойных, приводящих к быстрому искушению. Поистине свидетельствовали о том, что было, и со страхом слушала я это. Откуда только и знают все, окаянные? Я же сама по простевии стольких лет забыла об этом. Достойно же и этим ответив, пошли путем своим еще выше.

И достигли восьмого мытарства, которое называлось коварство и обман. Слуги же того мытарства, узнав обо мне правду, не нашли лжи в жизни моей, и не в силах обличить, лишь острили на меня зубы. Мы же, уйдя оттуда, продолжили дальний свой путь, меру которого человеку не дано понять.

Тут дошли и до девятого мытарства, которое называлось уныние, или тщеславие. Я же ничего не имела для испытания, и прошли быстро его.

И дошли до десятого мытарства, которое называлось сребролюбие. Шум был там большой, нежели в прочих мытарствах. И здесь же всякого человека ловят окаянные те и, в них вселяясь, мучают их, и сильнее, чем в прошлых мытарствах, истязают их. Испытав и меня, не нашли ничего, где бы у меня было золото, если бы я любила его.

Когда же и то минули, достигли пьянственного мытарства. И стояли слуги того мытарства поодаль, желая поглотить каждого, словно волки хищные, проклятые. Они же испытывали меня так, как испытывается любая душа, приходящая сюда, князем власти тьмы воздушной. И пришли мы на это мытарство, и напали на нас злобные те палачи и мытоимцы, и показывали, сколько в жизни своей испила я, зная число и меру этого и говоря мне: „Не испила ли ты в этом месте столько-то чаш? И не напилась ли в сей день или в праздник с таким-то? — и называют их. Не напилась ли и не испила ли столько-то чаш, когда к такому-то пошла или когда такой-то принимал тебя?“ И все, что я сотворила, называли, рыча, желая вырвать меня из рук ангелов. Сколько ни говорили, истинно было. Часто ведь в жизни своей, как одна из многих, со знакомым неким встречаясь, прेमного испивала с ним вместе и

нимъ купно и абие упиваахся. И что потомъ, — вѣдавше и симъ мои добрии вожди должное искупити грѣхи моа, и ишедше, идяхомъ.

И бесѣдовааху ко мнѣ святии аггели, вѣнегда идяхом, рекуще къ мнѣ: „Видиши ли, каку бѣду имуть преити сих начялъ князь темныхъ въздуха сего?” Аз же рекох: „Ей, господие мои, многи нужди и бѣды бывають. Да кто сиа възможесть преити без бѣды и без мятежа? И мню бо, господие мои, никтоже в мирѣ ономъ, отнюдуже изидох, что здѣ бываетъ, не вѣдают отнюдъ”. Рекоша они: „Вѣдаемъ и мы, якоже не вѣдуще, что ся здѣ дѣеть. Но аще бых чистѣ вѣдала о сихъ, то много ся быхъ попекла о сихъ грѣсѣхъ, паче же и о милостыни, та бо много поможетъ здѣ, и ктому противилася бы противу злымъ, искупилися быша, егда умирают, и сего ради преидуть духи. Но понеже не свѣдаютъ и живут в лѣности, потом же приходятъ вся та на ня. Да горе тому, иже не имать добраа и духовна. Да крѣплии будетъ на кровопицца, сиа достигаа и преходя, вѣнегда мимоидеть”.

Сиа намъ бесѣдующимъ, доидехомъ вторагонадесяте мытарства, иже нарѣкашется зловѣспоминание. И достигшимъ намъ, и к тѣмъ проклятымъ дошедшимъ, яко лукавии разбойници скоро пытааху, егда что обрящют въ своемъ лукавѣмъ свитцѣ написано о мнѣ, да възмогут мене облиховати. И по молитвѣ святаго и преподобнаго отца нашего Василиа ничтоже не възмогша обрѣсти и посрамишася лукавнии, ибо ласкова бяхъ въ ономъ мирѣ къ всѣмъ зѣло, любовь имущи и к малымъ, и к великимъ, яко и ты лѣплѣ свѣдаеши, о *чадо*. Ничтоже ми сотвориши, якоже речено, ни в семь имущи мене обиати, отидохъ посрѣдѣ ихъ, ничтоже от тѣхъ не примши. И на прочее идяхом.

Идущим же намъ, въпрошаахъ вѣдущих мя: „Господие мои, молюся вамъ, ползу ми сѣтворите о семь словеси: о како сии вѣдают сиа дѣлающе безаконие, коль далече суще, что мы, челоувѣцы, въ ономъ вѣцѣ творимъ, бесчисленное удаление межю собою имуще?” Рече единъ от нихъ къ мнѣ: „Не вѣси ли, якоже всякий христианинъ лукаваго аггела имѣеть с собою и вѣслѣдъ его послѣдующа и вся дѣла его злаа написающа? Тако же имущему благому благихъ дѣла, имже образомъ лукавнии, и тому пишущю вся. Елико же знаменаютъ лукавнующии въ ономъ мирѣ коегождо *христианина грѣхы*. И абие различаютъ грѣхы, кожеждо мытарства достоинство посылаеть, да и онии же написушей я. Егда възходитъ душа, и кождо ихъ имѣють нѣчто в себѣ, имже възмогутъ препрѣти ихъ и възвратити а в бездну, иже не имуть дѣлъ благихъ. Егда мимоходя хощеть исповѣдатися, аще бо наша добраа дѣла умалятся, егда по правдѣ препирають нас, вѣнегда та сравнаются с вѣсиломъ искупающе грѣхи, и мимоидем. Ибо, якоже речено, не имущемъ намъ дѣлъ праведныхъ, къ антихристовѣ злобѣ нас исторгающе, но от рукъ нашихъ биюще, въ бездну ю посылают и заключающе въ тмѣ и сѣни смертнѣй до Страшнаго онога неотрочнаго суда. И такимъ образомъ елико же творятъ сѣгрѣшающе в мирѣ ономъ”.

упивалась. В конце концов отдали добрые душеводители мои и этим то, что должно было искупить грехи мои, и, исшедши оттуда, продолжили мы путь свой.

И говорили мне святые ангелы, когда шли мы: „Видишь ли, какую беду терпят те, кто проходит этих бесов князя воздушной тьмы?” Я же ответила: „Да, господа мои, много нужды и бед бывает. Да и кто может пройти их безбедно и безмятежно? И думаю, господа мои, что никто в мире том, откуда я пришла, о том, что здесь происходит, совсем не знает”. Сказали они: „Ведаем и мы, что не знала ты о происходящем здесь. Но если бы дано было тебе узнать об этом, то лучше бы позаботилась о грехах своих, и искупились бы они, как и о милостыне, которая весьма помогает здесь, и сторонились бы зла; кто поступает так, тот после смерти минует бесов. Но поскольку не ведают люди этого и живут в лености, то и приходит на них все это. Да горе тому, кто не имеет доброго и духовного. Да горше будет жестокосердному, достигшему этих мест”.

Так беседа, дошли до двенадцатого мытарства, которое называлось злопамятство. И когда достигли его и дошли до проклятых тех бесов, то они, как злые разбойники, тотчас начали искать, не написано ли в бесовском свитке их то, чем можно оболгать меня. И по молитве святого и преподобного отца нашего Василия ничего не могли найти и посрамились лукавые, ибо дружелюбна была ко всем в мире земном, любила и детей, и взрослых, о чем и ты хорошо знаешь, о чадо. И ничего мне не сделали, как сказано, не смогли схватить меня, и прошла я, ничего не приняв от них. И дальше пошли.

Когда же шли, вопрошала я ведущих меня: „Господа мои, молю вас, поведайте мне: как узнают вершители беззакония о том, что мы, люди, творим в жизни земной, ведь столь велико расстояние отсюда до земли?” Ответил мне один из них: „Разве не знаешь ты, что всякий христианин лукавого духа имеет при себе, следующего за ним и записывающего все его греховные дела? Имеет также и благого ангела, который дела благие все записывает. Так что отмечают бесы в том мире грехи каждого христианина. И тотчас определяют, к какому мытарству относятся они, да и записывают их. И когда восходит душа, каждый из грехов знают и могут переспорить души и увлечь в бездну их, не имеющих дел благих. Если же не хватает наших добрых дел и поистине побеждают нас бесы, то проходящий сокрушается, что не исповедался, но дальше идем мы лишь тогда, когда добрые дела сравниваются на весах с греховными, искупая их. Ибо, как сказано, если не имеем мы дел праведных, к антихристовой злобе нас исторгают и, выхватив из рук наших, в бездну душу посылают и заключают во тьме и сени смертной до Страшного неотвратимого суда. И получают столько, сколько сотворили, согрешая в мире том”.

И тако водящимъ мя бесѣдующимъ, мнѣ же дивящимся, достигохом триагонадесять мытарства, еже нарѣкашется чародѣйство и потвори, волхование и обавникъ, и подобнии имъ. Бяху воловнии дуси, иже в томъ мытарствѣ, змиини, и змиеви, и единорогимъ образу подобяшеся, ихже видѣние тма и поползение. Горести бо бяху всякоа исполнени. И не имушемъ имъ оболгати мя, минухом и тѣхъ, ничтоже ихъ мнѣвъше.

Паки же убо начях въпрошати водящихъ мя: „Господие мои, молюся вамъ, всякъ грѣхъ, иже сотворить человекъ в мирѣ ономъ, всякому ли въздати слово отсюда отшедши, егда умереть, о тѣхъ, иже сотвори? Вижу бо, како мене и въмалѣ пытаются, и дивлюся”. Рекоша они ко мнѣ: „И всѣмъ не тако. Аще бы ты исповѣдала грѣхи своа духовному своему отцу, было ти епитемию приемши и послужила бы тѣмъ, да егда бы скончала та ти, тогда бы приала прощение от Бога и отца твоего и мытарства злаа и пагубнаа прешла бы нынѣ бес пакости, никомуже не могущу рещи слова на тя. Егда бо исповѣсть кто во оном мирѣ грѣхи своа и ктому дасть себе на покаание, и отдасть ему Богъ, елико же будетъ согрѣшил, и ктому будетъ свободенъ, прием самъ невидимо оставление свое. Сии же в мытарствѣ бѣси, имуще сихъ безакониа в свитцѣхъ своихъ написавше, скоро отвивающе, яже написана, ничтоже ихъ бяху написали ни знамениа от нихъ могуще обрѣсти, ибо Святой Духъ невидимо заглади ихъ оттудѣ. Въдають бо иже въ мытарствѣ вси, якоже исповѣданиемъ загладишася, и скорбять, не улучивше. Дивно бо есть покаатися преже смерти. Аще кто не упразнится покаатися, потааетъ прежняя своа съгрѣшениа, мнится въ покаании преставъ от грѣхъ, иже не покаются, здѣ имже видиши и твоя испытана”.

И тако намъ бесѣдующим, достигохом четвертагонадесяте мытарства, иже нарицашется чревообиадение. И от того мытарства изыдоша нѣции толсти и тучни, дивии, злии суще, большии бо суще, нежели прежнии. И сии обличахут мя, како ядах от юности моя от утра имже образомъ и свиниа, не въдающе о горцѣмъ семь мытарствѣ, како ядах в говѣнии от перваго часа, не сотворивши молитвы, якоже ядахъ всегда вси в велицѣхъ пространствѣ, завтрокающе и обѣдующи, сирѣчь и полуднующе, и вечеряюще, объядающеся чреву обиадениемъ. Сиа вся обличяху и поносяхуть ми, искушашутся пожрети мя, рекуще: „Въ крещении убо своемъ рекла еси и обѣщалася еси, отмѣтающеся сотоны и всѣхъ дѣлъ его. И како нынѣ по страшныхъ обѣщаниих онѣхъ и потомъ творила еси прегрѣшениа?” Въдавшимъ убо намъ и тѣмъ должное и искупивше прегрѣшениа моа, о нихже препираахут мя, преидохомъ и то скверное мытарство.

Достигохомъ пятагонадесять мытарства, иже нарицашется кумиролужение и всякоа ересе. Тѣмъ, иже с ними любовь имуще, испытаяхут тамо тако. Никакоже убо к симъ о семь възвратихом, ничтоже бо ти ко мнѣ о томъ имяхуть. Егда же в мыши и въ свиниа дивиа превращахуся, имуще величества долготу, якоже кити страшнии. И смрад страшный сушь окрестъ ихъ зѣло, и в сласть имяхуть смрада того, почивающе в немъ. Многи бо души,

И так беседовала я с душеводителями моими и удивлялась, и достигли тринадцатого мытарства, которое называлось чародейство и колдовство, волхование и заклинание, и подобное тому. Были в том мытарстве волообразные духи змеиные, и змеи, и подобные единорогу, а облик их темен и гадок. Горечи всякой были исполнены они. Но не могли оболгать меня, и минули их беспрепятственно.

Снова же начала я спрашивать водящих меня: „Господа мои, ответьте мне, каждому и за всякий ли грех, который сотворит человек в мире земном, нужно держать здесь ответ после смерти? Вижу ведь, что и в малейшем грехе меня пытаются, и дивлюсь этому”. Отвечали они мне: „И не всем так. Если бы ты исповедала грехи свои духовному своему отцу, приняла бы епитимью и исполнила бы ее, то по кончине твоей приняла бы прощение от Бога и отца твоего и мытарства злые и пагубные прошла бы теперь без страданий, поскольку никто бы не мог ничего сказать тебе. Когда кто исповедует в том мире грехи свои и покается, то простит его Бог в том, и будет свободен от грехов, принимая невидимо прощение свое. Эти же бесы мытарства, имеющие в свитках своих записи о беззакониях, тотчас по приходе души раскрывают свитки и не могут найти даже следов того, что раньше написали, ибо Святой Дух невидимо загладил все. Понимают все в мытарстве, что через исповедь исчезли записи, и скорбят, не получив душу. Хорошо ведь покаяться перед смертью. Кто же избежит покаяния, утаит прежние свои прегрешения, решит предстать безгрешным и не покается — здесь их ты видишь, пытаемых, подобно тебе”.

И в такой беседе достигли мы четырнадцатого мытарства, которое называлось чревоугодие. И из этого мытарства вышли некие толстые и тучные, свирепые, злые, большие, нежели прежде. И они обличали меня в том, что ела в юности моей с утра как свинья, не зная о горьком этом мытарстве, что ела во время поста с самого его начала, не сотворив молитву, что ела всегда все в большом количестве, завтракая и обедая, полдничая и ужиная, насыщая чрево едой. Все они обличали и поносили меня, желая поглотить меня, говоря: „В крещении своем говорила и обещала отречься от сатаны и всех дел его. Как же после клятвенных обещаний тех потом творила таковые прегрешения?” Дали мы должное и тем и, искупив прегрешения мои, в которых упрекали меня, прошли и это скверное мытарство.

Достигли пятнадцатого мытарства, которое называлось кумирслужение и всякая ересь. Те, кто любовь имел к этому, там испытывались. Ничего мы не дали им, потому что не имели они обвинений против меня. И в мышей, и в свиней диких превращались они, становясь огромными, словно киты ужасные. И смрад страшный стоял вокруг них, и сладок был тот смрад им, в котором пребывали. Многие души, говорили они, уловленные здесь, в жизни своей

глаголахуть, привлекающе, всегда творяще тѣмъ подобнаа и умирающе, тѣмъ тамо хотящимъ пренти, да поклонятся престолу благодатному, суще позорище идольское скверненаа и учюжденаа от всякаго благаго видѣнннн бываахут. Якоже разумѣвше, якоже женский духъ, ничтоже не имяхуть пытати. Се токмо испыташа въ мнѣ, рекуще, егда когда уна суши, сверстницѣ своей отроковицы любовь имущи, въ единой постели ношню почиваючи, яко женский ложественый грѣхъ сотвориши обою. Ничтоже в томъ тѣмъ обрѣтшимъ, и отступихом оттуду от скверныхъ тѣхъ.*

Доидохомъ шестагонадесять мытарства, уже приближающесе къ вратомъ небеснымъ, ктому иже нарицашется прелюбодѣйство испытаниа. Бѣси же скоро нас усрѣтоша, пытаахуть, тщание крѣпко имуще. И еще блаженному не пришедшю к намъ, съ другомъ своимъ пребываахъ в невѣжествѣ, ничтоже намъ в томъ не имущемъ, юномъ сущемъ, прельстившися, падохъ. Сего ради онѣмъ вельми мя препирающимъ. Водящии же мя вельми противляахуса, рекуще: „Не от иерей благословилася”. Сиче убо межю собою прѣвшимся, побѣдиша мои. Ничтоже имъ не вдавше, мимоидохом. Рекоша же они иже в томъ мытарствѣ суще: „Аще и нас преидосте, но вышнихъ не преидете, достигшимъ блуднаго мытарства”.

Идущимъ намъ тамо, достигохом седмагонадесяте мытарства, иже нарицашется убийство. Въ немже бѣ всякое убийство и всяки раны или биение, или ино что, въсхищение или неправда от ближняго бывши. И истязаютъ бѣси, егда мимоидуть душа. Малы преобидѣвше нас и о сихъ, якоже множицею, и еще не в смыслѣ ми суши, вражду сотворихъ жива суши въ уности своей или коли за власы имшися с кѣмъ.

И потомъ оттуду идохом, достигохомъ осмагонадесять мытарства, иже нарицашется татьба. Тому к намъ пришедшю, подробну пытахуть. Мало насъ истязавше, мимоидохом.

Прешедше и тѣхъ, доидохом девятагонадесяте мытарства, уже къ вратомъ небеснымъ приближающесе, и то бысть блудный. Князь же убо того мытарства в ризу бѣ оболченъ, гноищемъ помазану, и кровию окропленъ, и крашашесе ризою своею по безумию своему, мняше бо нѣчто благо имѣа. Той же стоа противяшесе аггеломъ Божиимъ и с ними прятшется скверныхъ дѣлъ ради о всякомъ недостойнствѣ и о совокуплении блуднѣмъ, выну смѣшающися и в томъ пребывающе крѣпко. Слуги его вскочивъше и нас усрѣтоша, зѣло испытаахут ны о моихъ дѣлѣхъ, иже во уности моей, посредѣ покладааху, со мнозѣмъ дръзновениемъ обличяюще мя и поносяще. И тѣхъ мужьскихъ имена, с нимиже многажды, егда бѣхъ млада отроковица и въ игрѣ, страсовахъ с тѣми прироки и образы, и всѣхъ исповѣдааху, възвѣщающе. И имше мя и въсхитиша, хотяше съврещи долу. Много аггеломъ глаголющимъ, якоже преста, рече, и по чину и умолчя от всякаго зла. Ти же рекоша проклятии бѣси: „Якоже, — рече, — преста и умолче, вѣдаемъ. Но обаче таи, и наша съхранена быша в

творившие подобное и умершие, хотевшие пройти, чтобы поклониться благодатному престолу, обнаруживают здесь капище идольское, скверное и отличное от всякого благого вида. Когда же поняли, что женский дух перед ними, ни о чем не испытывали меня. Только испытывали меня, спрашивая, не сотворила ли в юности женский плотский грех со сверстницей своей, в любви почивая ночью в одной постели. Когда ничего не обрели они, отошли мы от скверных тех.

Приближаясь к вратам небесным, дошли мы до шестнадцатого мытарства, которое называлось прелюбодеяние. Вскоре встретили нас бесы и испытывали меня с великим пристрастием. Еще до того, как блаженный к нам пришел, жила я с другом своим в греховном неведении и, прельстившись, пала, ибо юной была и не знала, что это грех. И поэтому те бесы много клеветали на меня. Водящие же меня весьма им противились, говоря: „Не была она священником венчана“. Так в споре с бесами победили мои ангелы. Ничего им не отдав, мимо прошли. Сказали же те, кто в том мытарстве был: „Хоть нас вы и прошли, но тех, кто выше, не пройдете, достигнув блудного мытарства“.

Продолжая идти дальше, достигли мы семнадцатого мытарства, которое называлось убийство. В нем же было всякое убийство, и всякое ранение или побои, или иное что, похищение или насилие над ближним. И истязают бесы, когда мимо идут души. Немного упрекали нас и в этом грехе, поскольку часто, когда еще несмысленной была в юности, враждовала в жизни своей или за волосы кого-нибудь таскала.

И потом оттуда пошли и достигли восемнадцатого мытарства, которое называется разбой. И, подступив к нам, подробно пытали нас бесы. Немного претерпели от них и мимо прошли.

Пройдя и тех, дошли до девятнадцатого мытарства, уже приближаясь к вратам небесным, и то был блуд. Князь же того мытарства в ризу был облачен, помазанную гноем, и кровью окроплен, и хвалился ризою своей по безумию своему, считая, что нечто благое имеет. Он же, стоя, противился ангелам Божиим и с ними спорил о скверных делах, о всяком недостоинстве и о совокуплении блудном, которое возлюбили грешники. Слуги его вскочили и встретили нас и ревностно испытывали нас о моих делах, которые совершила я в юности, и на середину их положили, с большой дерзостью обличая меня и браня. И называли имена мужей, с которыми часто, будучи отроковицей, в страсти порочной пребывала, забавляясь, и об этих грехах спрашивали меня. И схватив меня и похитив из рук ангелов, хотели бросить меня вниз. Ангелы же говорили, что давно перестала я творить зло. Те же проклятые бесы ответили: „Что перестала, знаем. Но, однако, скрывала, и дела наши сохранены были в ней, поскольку любила нас и не открывала дел наших никому на земле в

ней, понеже любляшеть нас и не обличяшеть дѣль нашихъ покааниемъ никому на земли. Се мы обрѣтаемъ, якоже не исповѣдалася естъ, ни поработа епитемии, ни приа же оставления ни у единого же мниха от служебника его, иже въ свѣтлость ту облъченъ иже на очищение бесчестное. Обрѣтаемъ ту, никакоже по закону покаанию прилежавши. Да уже оставите ту нам, а вы идѣте. Что вамъ помощь, досюдѣ пришедшимъ, тоа ради и дѣль ея лукавыхъ, аще имате дѣло благо всегда?” Ангели же Господни, вдавше им равно извѣстно от добраго дѣяния блаженнаго избавления ради душа ея, иже бѣ той себѣ стяжалъ, яко мнѣ от нихъ с показаниемъ оклеветаемъ, въземше мя, отидоша. Скрежетаху же они зубы своими на мя, страшнии они и сквернении, якоже избѣжавши ми ихъ, дивящимся тѣмъ, кто мя одари божественными тѣми дѣлы, имиже откупаахъ безакониа моа от нихъ и не повиновался имъ.

Идущимъ же намъ, рекоша аггели Господни ко мнѣ: „Видиши ли мытарство се, иже преидохом?” Мнѣ же рекущи: „Ей, видѣхъ”. Рекоша ко мнѣ: „Мало душъ отсюда избѣгають бес пакости, зане сущю суетному оному миру любоблудному, прелюбодѣйному и грѣшному. Всяку бо душу се мытарство въ единомъ принимаетъ и низлагаеть, имже оскверняются в нечистоты блудныа, и низлагають ю в бездну. Ту же заключаютъ ю въ тмѣ и сѣни смертнѣй до страшнаго пришествиа Господа нашего Исус Христа. Ты же благодатью дивнаго онога старца се убѣжала еси сих. И хвалящимся бес числа, якоже „Мнѣ, — рече, — исполни ти геону огненую, занеже душу прилежавшую нечистотѣ и блуду и повиновшися князю тмѣ и властелю сему мытарству блудному”. И се удоль и симъ, и ктому не узриши зла, якоже помилова тя Господь и угодника его ради Василиа”.

Сице тѣмъ исповѣдающимъ, достигохом другаго мытарства, емуже бѣ имя немилосердие. Ту бо вси немилосердии, и вси скупии, и неблагосердии чловѣцы горцѣ от нихъ испытываеми. Егда вся заповѣди Божиа исправиши, и будеши немилосердъ и немилостивъ, и ключить ти ся умрети, вся убо мытарства бес преткновениа преидеши, аще и въ всѣхъ вреда не примеша, то егда к сему достигнешь, абие того ту удержатъ горцыи того мытарства местницы и мытоимцы, и ако немилостива и немилосерда бють и въ мрачнѣмъ затворѣ адовѣ затворяють до общаго всѣхъ възкресения Богу, не милующю ихъ инѣхъ ради добродѣтелей. Якоже не вда убогому когда уломка хлѣба, ни мѣдницы брату нищему николиже, занеже не посѣти в болѣзни лежаща и в темницахъ и елико симъ подобнаа занеже не сотвориша, убо имуща скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню утѣшну показующе. Сия бо ми аггели Господни о томъ мытарствѣ ясно исповѣдаша, якоже рѣхом. И достигохом сего мытарства. Старѣйшина мытоимства того отнюдь тонокъ, и зѣло иссохшъ, и вельми грыжавъ, якоже страсть немилосердия и скупость, немилостыня тацѣмъ образомъ и тацѣмъ студомъ себе преображашеть пагубный. Ибо немилостивии чловѣцы, егда кто от убогихъ еже что от него испросит, абие грызеться по

покаянии. И то нам ведомо, что не исповедалась, не подчинилась епитимье, не приняла отпущения грехов ни от одного монаха или священника, облеченного благодатью на очищение от бесчестного. Наша она, потому что не покаялась по закону. Оставьте ее нам, а сами идите. Зачем вам, придя сюда, помогать ей ради дел ее лукавых, если всегда вы дело благое вершите?” Ангелы же Господни для избавления души моей отдали им от добрых деяний блаженного, которые тот себе стяжал, столько, сколько клеветы от бесов получила, и, взяв меня, отошли. Скрежетали же на меня зубами своими страшные и скверные те, поскольку ушла я от них, и дивились тому, кто одарил меня божественными теми делами, ведь откупила грехи свои и не повиновалась им.

Когда же пошли, спросили меня ангелы Господни: „Видела ли мытарство то, что прошли?” Я же ответила: „Да, видела”. Сказали они мне: „Мало душ уходит отсюда без напасти, потому что суетный мир тот — блудолюбивый, прелюбодейный и грешный. Каждую душу это мытарство принимает и, если осквернена она нечистотами блудными, то низлагают и в бездну ее бросают. Там же заключают ее во тьме и сени смертной до страшного пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Ты же по благодати дивного старца избежала этого. И похваляются непрестанно: „Мы одни, — говорят, — заполним геенну огненную, потому что души человеческие нечисты и блудолюбивы и повинуются князю тьмы и властителю этого мытарства блудного”. Но ты одолела и это и не увидишь зла, поскольку помиловал тебя Господь ради угодника своего Василия”.

Когда так они говорили, достигли мы другого мытарства, которому название было немилосердие. Там же все немилосердные, и все скупые, и неблагосердные горько от бесов страдали. Когда все заповеди Божии соблюдаешь, но будешь немилосерден и немилостив, и случится тебе умереть, все мытарства беспрепятственно пройдешь и нигде тебе вреда не будет, когда же до этого дойдешь, тотчас задержат тебя злые местники и мытоимцы мытарства этого и станут тебя, немилостивого и немилосердного, бить, и в мрачном затворе адовом затворят до общего для всех воскресения пред Богом, не прощая ради иных добродетелей. Здесь мучаются те, кто когда-то не дал убогому куска хлеба или медной монеты брату нищему, или не посетил лежащего в болезни и в темнице заточенного, или подобное этому не сотворил, выказывая скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню неутешную. Так мне ангелы Господни об этом мытарстве ясно поведали, как я тебе рассказала. И достигли этого мытарства. Старейшина мытарства был весьма худым, и очень иссохшим, и болезненным, поскольку немилосердие, и скупость, и немилостыня в болезнь пагубную преобразуются. Ибо немилосердный человек, если убогий какой что-то у него попросит, тотчас

обычаю, яко страсть имѣ, и отмечается вопросу. Тацѣмъ образомъ нечествова- шется пагубный онѣ и звѣрообразный. Нам же к мытарству дошедшимъ, слуги же его, иже ту бяху совокуплени, скоро пришедше дѣль ихъ взыскааху испытывающе. Ибо множество милостыня сътворивши: егда вдавши ми укрухъ убогому, овогда же мѣдницу, или воды чяшу, или вина душа моя ради спасения просто, яко сила моа можааше. Радость ми тамо въсприимши, веселящися от них, и внутрь врата небеснаа внидох. Ничтоже бо не возможе нас от правыхъ възбранити.

Врата же небеснаа бяхуть яко обличие крустала свѣтло свѣтящася. И окрестъ ихъ красно, яко от звѣздъ свѣтлыхъ или иного нѣкоего свѣта, яко обличие злата имущи украшена и лѣпотна. Уноши же у вратъ въ златѣ одежди, молниєю препоясани, и нозѣ ихъ украшены огнемъ непостоаннымъ свѣтломъ. И тои веселящеся и приять нас, радуася, якоже избѣже от насъ душа бес пакости горкихъ онѣхъ мытоимствъ тмы въздухъ, боле славляаху Бога. Идущимъ же намъ внутрь небеса вод множество, иже бяхше над твердию, идущи преидо- хом, ибо бысть яко раступающися и бѣжащи от лицъ нашихъ напред на страны, и назади же совокупляющеся.

Прошедшемъ же намъ тѣхъ вод, иже над твердию, приидохомъ къ въздуху нѣкоему страшному и недоумѣнному. И на томъ покровѣ златѣ блестящеся, страшнаа пространства ефера оного въ пространствѣ противящеся. Бяхуть бо на томъ покровѣ уноша нѣкои лѣпотны, имже не бѣ числа, огнемъ облечени, якоже блескъ солнечный, идуще на запад. И власи ихъ, яко молния, ноги ихъ бѣлы, яко млеко, лица же ихъ яко снѣгъ, и паче сторицею свѣта сладчяе зѣло свѣтящеся. И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящихъ мя честныхъ аггелъ Господнихъ, идуще спутьшествоваху, осклабляющеся и веселящеся играаху, радующеся о мнѣ, якоже, рече: „Примшю ю душу въ часъ на спасение въ царство небесное”. И с нами идяху, поюще пѣние сладкое, занеже идяхомъ поклонитися огнеобраз- ному престолу Божию. Идущимъ намъ, и облакъ, не яко облакъ поднебесный, но облакъ образомъ, яко цвѣтъ рдящеся, паче сихъ сторицею свѣтлѣе. На единой странѣ взятся облакъ, якоже завѣса нѣкоа бѣла, яко свѣтъ, и та премѣнися. И се подалъ дворъ златѣ долѣчний ми свѣтася, многошарный, и в златѣ славѣ различными образы сияюща, и сладко веселиа ныня отшедши от тѣхъ. И се въздухъ огнеобразенъ, и благоухание Господне мастно и сладко.

И прешедшимъ намъ мало, узрѣхомъ, и се на высотѣ въздуха бысть бес числа зѣло престолъ Божий, престолъ бѣлъ и многоукрашенъ, сияние блистаа паче и просвѣщаа предѣлы и препитаа вся, иже ту стояти достоини. Окрестъ бо престола Божия златочистыа уноши высочество, яко кипариси, в качество блистание имуще лѣпотно, облечени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну, ихже слово челоувѣчско изрещи не можетъ. Пришедшимъ убо предъ страшный престолъ онѣ, идеже бесчисленное высочество, видящимъ намъ непостоанную славу, въистинну правду, благость, трисѣставно въспѣша

начинает браниться, будто болезнь какую имеет в себе, и отказывает в просьбе. Вот так грешил пагубный тот и зверообразный. Когда же мы дошли до мытарства, слуги его, которые здесь были собраны, взыскание учинили, но ничего не нашли. Ибо много милостыни творила: когда давала убогому кусок хлеба, или же медную монету, или чашу воды, или вина просто ради спасения моей души, сколько могла. Радостны стали мы и в веселии во врата небесные вошли. Ничто не смогло нас отвратить от правого пути.

Врата же небесные имели облик хрусталя светло светящегося. И вокруг них красиво, как от звезд светлых или иного какого-то света, и имели они красоту и блеск золота. Юноши же у врат в золотой одежде, молниею препоясаны, и ноги их украшены огнем мерцающим светлым. И были они веселы, и приняли нас, радуясь тому, что избежала моя душа бед горьких тех мытарств в воздушной тьме, и еще больше славилы Бога. И вошли мы внутрь обильных небесных вод, которые были над твердью, и перешли их, ибо они расступались и бежали от нас вперед и в стороны, а позади нас смыкались.

Когда мы миновали те воды, бывшие над твердью, пришли к некоему воздуху изумительному и невообразимому. Золотой блестящий покров ограждал пространство этого изумительного воздуха от прочего пространства. Были на том покрове некие бесчисленные юноши прекрасные, облаченные огнем, как закатным блеском солнечным. И волосы их были, как молнии, ноги белы, как молоко, лица — как снег, и светились в стократ ярче света. Увидев меня в руках носящих меня честных ангелов Господних, они пошли рядом, улыбаясь, веселясь и радуясь, потому что, как говорили: „Принята душа ее в срок на спасение в царство небесное”. И шли они с нами и пели сладко, потому что направлялись мы поклониться огнеобразному престолу Божию. Когда шли мы, увидели облако, но не такое, как облако поднебесное, но красного цвета, стократно светлее прочих. С одной стороны поднялось облако, как некая завеса белая, как свет, и все изменилось. И вот засиял многоцветно вдали двор золотой ровный, переливающийся в золотой славе, и в сладком веселии пошли мы дальше. Воздух здесь был светел, и благоухание Господне благовонно и сладко.

Когда прошли мы немного, увидели в воздухе на высоте необозримый престол Божий, престол белый и многоукрашенный, еще ярче блистающий, освещающий пределы и светом пронизывающий всех, кто там стоять достоин. Вокруг Божьего престола — златочистые юноши, высокие, как кипарисы, блистающие достоинствами, облаченные в багряницу и в одежды светлые и изумительные, которые невозможно описать словами. Когда мы подошли к этому страшному престолу бесконечной высоты и увидели непреходящую славу, истинную правду и благодать, шедшие со мной к престолу Божию

пѣние иже со мною идуше к престолу Божию. И иже на престолѣ страшнѣ почивающе от невидимых. Трижды абие поклонихомся Отцу и Сыну и Святому Духу и прославиша Святую Троицу, престоющую выспрь на огнеобразнѣ въздусъ купно с нами, о спасении моемъ въ славѣ хваления. И се глас лѣпотенъ зѣло и крѣпокъ от высоты, рекущъ ко мнѣ. *носящимъ* мя: „Ведше ю около, — рекуще, — иже къ всѣмъ душамъ, на всяком жилищѣ пребывающимъ, святымъ и к пренеподним, и потомъ покойте ю, въ нихже заповѣда вамъ угодникъ мой Василие”.

Отшедшим же намъ отудѣ, въ жилища святыхъ идяхом. И се бесчислени, имже не бѣ числа зѣло от солнечныхъ лучъ, от виса* и перфиры сианиа и лучъ и от инѣхъ многихъ ваповъ красныхъ божественыхъ бесплотныхъ, иже просвѣщаютъ просвѣщениемъ и страшнымъ сианиемъ святыхъ обители рукою Божиею несказанною. Въ нихже и ти доидоша на поле едемское въ благоуховную пажить, идѣже истекаше вода умнаа, вода животнаа, въ мѣстѣ покойнѣ, въ мѣстѣхъ святыхъ почивальныхъ. Си же вся бываахуть яко полаты прекрасны, жилища и храми, они же десницею Господнею ухитришася. И другъ друга святыхъ зряще, дивяхуся от страшныа красоты не насытятся. Поприсну бо бяхуть апостоли, присно же пророцы, присно же мученицы, присно же святители, присно же преподобнии и праведнии. Когождо ихъ приготова *жилище* себѣ, иже суть в долготу и в ширину яко царьстии гради,* от нихже она отшла есть и в нихже вселятся. Всеи же убо святии, выходящей от своихъ жилищъ, духомъ умнымъ целоваахуть мя, веселящеся и радующеся о моемъ спасении.

И доидохом же до ядръ Авраамовѣхъ, и се исполнь славы нестарѣюща-яся ядро его. Не телеснаа бо ядра его, но мѣсто отлучено есть. Ядро то дивно бывааше, исполнена воня духовныа, и вонею цвѣтною и доброуханною, и ароматы духовными и небесными, и пажитьми вышними утѣшена, и възлюблена, и исполнена; ихже благовъздушно видѣние и доброты, аще исповѣдаю ти, земными словесы съвершити не можемъ. Ту бо платы умнаа от свѣтлыхъ лучъ с особными патриархи духовными хитростями состроены от Господа Вседержителя, умножениемъ лучъ и страшными свѣтлостями измечтана и украшена, добраа лѣпотнаа. Въ нихже младенцы христианстии, елико же ихъ есть банею бытійскою, по разрѣшению связаниа плотскаго окрестъ его славою неизреченною ликующе, реку, окрестъ Авраама, Исаака и Якова.* Ибо и ти ту пребываахуть и со обѣманадесяте из нихже обѣнадесяте племени Израилеви на столѣхъ дивныхъ почивающе. Имже образомъ видиши солнечныа луча свѣтящася, обиати бо сихъ не можеша, тако приравнающихся души святыхъ видимыхъ убо от тѣхъ подобныхъ святыхъ душъ образомъ телеснымъ измѣнение имущи безвещественны, якоже солнечныа луча объяти плотнѣй руцѣ не могуще.

И тако, о чядо, многаа оставивше, прешедше окрестнаа раа и долнѣйшняя и сокровища адова, иже сокруши тамо Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ,

тремякратно песнь воспели. Пребывающие же на престоле страшном были невидимы. И мы тотчас трижды поклонились Отцу и Сыну и Святому Духу и прославили Святую Троицу, предстоящую высоко на огнеобразном воздухе вместе с нами, за спасение мое в славе восхваления. И тут с высоты прозвучал голос прекрасный и сильный, обращенный ко мне и к носящим меня: „Ведите ее вокруг, — сказал, — ко всем душам, пребывающим в разных жилищах, к святым и преисподним, а потом поселите ее там, где заповедал вам угодник мой Василий”.

Покинув то место, направились мы в жилища святых. Они были бесчисленны, и невозможно было счесть солнечных лучей, и от виссона и порфир лучей и сияния, и иных различных чудных красок, бесплотных и божественных, которые освещают светом и изумительным сиянием жилища святых, по неизреченной воле Божией. Здесь обрели они поле эдемское, благоуханную пажить, откуда истекает вода духовная, вода живая, в местах покойных, в местах святых для отдохновения. Все эти места выглядели как палаты прекрасные, жилища и обители, десницею Господней искусно сотворенные. И, глядя на святых, дивились мы неизреченной красоте, никак не насыщаясь ею. И были здесь отдельно апостолы, отдельно — пророки, отдельно — мученики, отдельно — святители, отдельно — преподобные и праведные. Каждый из них приготовил жилище себе, в длину и ширину подобное стольным городам, из которых они отошли, чтобы в такие же вселиться. Все святые, выходя из своих жилищ, духовным целованием целовали меня, веселясь и радуясь моему спасению.

И дошли мы до недр Авраамовых, и были исполнены славы нестареющие недра его. Не телесные это недра, но особое место. Дивно оно, исполнено духовного благовония, и запаха цветочного благоуханного, и ароматами духовными и небесными, и пажитями вышними услаждено, и возлюблено, и исполнено; их благовоздушный облик и красоту, хотя и рассказываю тебе о них, земными словами передать невозможно. Здесь были и палаты духовные для патриархов, из светлых лучей духовным мастерством Господа Вседержителя созданные, умножением лучей и неизреченными светлостями украшенные и добротные. В них обитают младенцы христианские, принявшие святое крещение, по разрешении плотских уз они ликуют в неизреченной славе вокруг Авраама, Исаака и Иакова. Ибо и те тут пребывают с двенадцатью из двенадцати колен Израилевых, почивая на дивных престолах. Как видишь сияющие солнечные лучи, но обнять их не можешь, так и видимые души святых подобны их образу телесному, но бесплотны, как и солнечные лучи, не уловимые человеческой рукой.

И так, о чадо, преодолев большой путь, пройдя пределы рая, ближние и дальние, и жилища ада, которые сокрушил Господь Бог наш Иисус Христос,

възвратившем же ся намъ на запад, идѣже горькиа муки и страсть ждуть убогихъ, таковыхъ же, якоже азъ, грѣшныи. Сиа вся показаша ми аггели Господни и рекоша ко мнѣ: „Видиши ли, от великиа бѣды избави тя Господь?“ Ибо видѣхомъ сокровища темнаа она, въ нихже въ тмахъ и сѣни смертнѣй всяки душа иже от вѣка заключаются, якоже пѣсок, иже при край морьстѣм, или паче персти земныхъ. И в забытие иже тамо суть лукавыхъ не могуще свѣта сладкаго видѣти в вѣцѣ ономъ, ини выну въпиють: „Увы мнѣ!“ И бес престани въскликають горцѣ, алчюще разумнѣ и жаждуше питиа спасенаго, и обнажены от всякиа одежда духовныа, и скверными прегрѣшении изыдаеми: „Охъ, ох, увы!“ Выну, о чядо, якоже прежде рекохъ, душевное просвѣщение, и не ктому ини плотски въпиють, и нѣсть помилующаго. Егда когда душа мимоидеть, тамо свѣтъ суще, аггелы Господни просвѣщають она, въ нихже они мимоидут, показавше душа праведныхъ, иже тамо вся да видѣти иматъ, в каки тмы горки уклонихомся. И на десный путь чистѣ повелѣниемъ Господнимъ възвратившемся и на уньший живот.

И киймъ образомъ преходит? Сиа вся преходитъ в четыредесяте дний, отнѣлиже отидох от убогаго моего тѣлеси и к сему покою, въ немже мя видиши сушу, не моего, но преподобнаго отца иже въ святыхъ Василия угодника Божиа, иже еще живет в мирѣ оном, душа гиблющаа зѣло и блудящаа и приведетъ Господеву Богу жертвы духовныа в воню благоуханиа.* Ибо ины многи душа быша здѣ со мною, ихже прежде мене восприят от пути безакониа ихъ и очисти ихъ добрѣ и спасе о Господѣ. Ибо вѣдаю здѣ господина Иоанна духа и оспожю Елении,* подружие его, иже добрѣ послужистѣ ему в мирѣ ономъ, прочихъ душа суть здѣ, от далнихъ временъ не вѣдомо здѣ. Но обаче прииди въкупѣ со мною, и въ внутреняа внидемъ, да увѣси, въ нихже пребываю. Ибо господинъ нашъ избрал ны преподобный отецъ в час сей духомъ своимъ здѣ пришедъ».

Нам же пришедшим, и смотряхъ на преподобную. И се вся каплющи божественное масло, и помазана миромъ и нардою* истинною многоцѣнною, и чюдяхся дивяся. Пред мною идяше в бѣлу ризу, яко снѣжну, оболчена и сундарь от виса на главѣ носяшу. Внидохом бо яко въ дворъ, и помость того двора златом и камениемъ блестящяся и украшенъ, и скверности в немъ не бысть отнюдь. Посредѣ же златоявленныхъ камней сади процвѣтше всяцци красни бывааху насаждени, стоаху, неизреченную имуще радость, имже на ня зрѣти хотяше весело. Въздвигшем же ся намъ на вѣстокъ двора того, видѣхъ платы свѣтлы страшно устроено во множество великиа высоты суще. И еще не отшедшимъ намъ оттуду, близ же тѣхъ полать, сирѣчь близъ вѣсход ихъ, стоаше трапеза велика, яко лакоть 30, и тако бѣ от камениа измарагда, лучя въспущающа свѣтлы. Наверхъ ей амигдалный сад красен, якоже зѣло цвѣтушь, и покрывааше выше над трапезою до конца, и красоты трапезы тоа творяше неизреченныа. На трапезѣ же великиа мисы лежаща позлащены, яко молния

возвратились мы на запад, где горькие муки и страдания ждут убогих, таких же, как и я, грешников. Показали мне все это ангелы Господни и сказали мне: „Видишь, от какой великой беды избавил тебя Господь?“ Ибо видели мы эти темные сокровенные места, где во тьме и сени смертной разные души от века заключены, как песок на берегу морском или как прах земной. И пребывают в забвении грешники, и не могут они видеть там свет сладкий, иные же вопиют неустанно: „Увы мне!“ И беспрестанно восклицают горько, алчущие духовно и жаждущие пития спасения, свободные от всякой одежды духовной и изъедаемые скверными прегрешениями: „Ох, ох, увы!“ Всегда, о чадо, как я прежде говорила, жаждут они душевного света, но тщетно взывают, ибо нет прощения. Иногда, когда душа проходит, там появляется свет, ибо ангелы Господни освещают те места, где идут, показывая душам праведных все, что там есть, чтобы видели, от какой горькой тьмы убереглись. И вернулись мы на чистый праведный путь повелением Господним, к благой жизни.

Как же долго все это происходит? Это произошло в течение сорока дней с того дня, как отошла я от моего брэнного тела к сему покою, в котором видишь меня, не моему, но преподобного отца святого Василия угодника Божия, который еще живет в мире том и приводит к Господу Богу души гибнущие и грешные как благовонное курение в жертву духовную. Ибо здесь было много иных душ со мною, которых прежде меня он отвратил от путей греховных, очистил их совершенно и спас для Господа. Ибо видела здесь души господина Иоанна и госпожи Елены, супруги его, которые хорошо послужили ему в мире том, души других людей из дальних времен, которых я не знаю. Но, однако, пойдём со мной и войдем внутрь, чтобы ты узнал, где я пребываю. Ибо господин наш, избравший нас, преподобный отец, духом своим сейчас сюда пришел».

Когда мы пришли, я посмотрел на преподобную. И вся она была окроплена божественным маслом и помазана нардовым миром, истинным и драгоценным, и в удивлении восхищался я. Она шла передо мной, облаченная в белую, как снег, ризу, и на голове ее был плат из виссона. И вошли мы будто во двор, вымощенный золотом и украшенный сверкающими камнями, и ничто его не оскверняло. Посреди же златоподобных камней были насажены прекрасные цветущие сады, и всякий, кто смотрит на них, радуется и веселится неизреченно. Когда мы вошли на этот двор, увидел я палаты светлые, изумительно построенные, небывалой высоты. И там же, возле тех палат, у самого входа в них, стоял большой трапезный стол, локтей в 30, он был из камня изумрудного, испускающего светлые лучи. Прекрасный цветущий миндальный сад смыкался над трапезой и неопишимо украшал ее. На трапезе же стояли большие позлащенные блюда, блистающие, как молния, лежали изумруды, светлые сардониксы и разные другие камни райские,

видѣнемъ, каменообразны измарагды, сардонихи* зелени свѣтлии суще, от всякого камня, исходящаго из раа, зѣло измечтани, приводящесея в высоту. Брашна же посреде ихъ лежаща, овощи страшено и ушарении украшени, багрянообразны и млечно видѣнемъ, яко стеблие кринное и червленообразно, другое многоизмѣсны и несказаны бывааху. И цвѣти же убо различни лучшии лежааху на мисахъ, и верху цвѣтъ тѣхъ овощи неизреченнии они лежааще неизглаголаннии умоу чловѣчьскимъ. От овоща того свою сласть имущи в себѣ, якоже смѣшающихъ онѣхъ воню въ единение насыщающихся сласти ихъ ктому не восхотяшетсяя.

Бѣ же свѣтый блаженный Василий на столѣ чюднѣ на верху трапезы, яко господь тѣхъ, *въ славу* почиваа. И стол бѣ зеленъ страшень блистаниемъ и своа луча имущи. Множество же на трапезѣ с нимъ свеселяхуся дивнымъ тѣмъ овощемъ и съ всекрасными цвѣты, бяху бо не яко чловѣцы плоти не имуще, но яко огнеными лучами солнечными каждо ихъ въ льготѣ. Тако и бяху видѣнне нечловѣчно по истовому сложению обоуду имуща не увядающа, развѣ мужска полу и женска. Елико же питаахутся на трапезѣ оной дивнѣй, наипаче умножашется царскаа она пища и чюднаа, духовнаа убо сущи и мановениемъ Господнимъ ту съкровена. Ядущей же неизреченнаа радости исполняахуся и веселиа прерадованна, и бяхуть веселом лицемъ вси другъ къ другу прелетающе, и якоже сладкимъ вѣщаниемъ прекраснѣ бесѣдуще. Черпахуть же имъ образомъ нѣкоимъ червленоогнено видѣнемъ зѣло свѣтло сияюще безвещественыхъ снѣжносѣянными нѣкими чяшами. Егда приимаше кто от тѣхъ чяшу испити дивныя онаа дѣтели, иже от видѣнни токмо веселие черплющихъ неизглаголанно, скоро неизреченное наслаждение Святаго Духа вси исполняахуся на многъ часъ, свѣтяшесея ему, яко свѣтъ, сластоносное лице. Ибо служащени имъ огневидны юноша прекрасны и бѣлилицы, якоже руно, и мышца ихъ, яко млеко, оболчени в червлену ризу, безвеществены, ушарены красно, и ноги ихъ яко снѣгомъ препоясаны, яко от небеснаго лука, якоже трети ряды превузами различными блещашесея, и навѣрхъ главы ихъ златыми камени и бисеромъ украшени и всяцѣми стройными вѣнцы.

Пришедши убо предъ мноу дивнаа она старица, с неуже азъ тѣхъ видѣти приидохъ, повѣда о мнѣ блаженному. Онъ же, яко веселиемъ ослабився, къ себѣ приити ми повелѣ. И ктому приближившу ми ся къ ней, и общее поклонение сътворшемъ, рекшу ми: «Благослови чядо свое». И тихо вѣщаниемъ честный рече ко мнѣ: «Поздраву ли прииде, чядо? Господь Богъ ущедритъ тя, и благословитъ тя, и освятитъ тя, и съблюдетъ тя въ благо, и просвѣтитъ лице свое на тя, и исполнитъ тя отъ всѣхъ небесныхъ и на земли добраа, и послеть ти помощь отъ святаго жилища своего, и отъ Сиона аггелы и архааггелы крѣпки и пречисты въ оружие въсхищени заступать тя». Мнѣ же на лице зрящю помоста оноу, рече къ мнѣ праведный: «Се Феодора, — показай мнѣ, — о нейже бесъ числа моляшетсяя, како улучи наслѣдие. Видиши ю, како стоитъ предъ лицемъ твоимъ.

прекрасные и совершенные. Между ними лежали яства, плоды неопиcуемые и пестро украшенные, багряные или молочно-белые видом, как стебли лилейные и красные, и другие, небывалые и несказанные. И разные великолепные цветы лежали на блюдах, и неизреченные плоды поверх тех цветов, непостижимые для ума человеческого. Каждый плод имел свой особый вкус, и насытившийся сладостью их воедино смешавшихся благоуханий уже ничего не желал более.

Святой блаженный Василий сидел во главе чудной трапезы, как господин над всеми, в славе почивая. Стол же был светел от изумительного блистания и испускал лучи. Многие с ним на трапезе наслаждались дивными теми плодами и прекрасными цветами, и были они не как люди, имеющие плоть, но будто созданы светлыми солнечными лучами. Имели они образ бесплотный, неувядающий и не разделялись на мужчин и женщин. Сколько бы ни вкушали они от трапезы той дивной, все умножалась эта чудная райская пища, потому что была она духовной и мановением Господним здесь сохранялась. Вкушающие же были исполнены неизреченной радостью и весельем благодатным, и веселыми лицами друг к другу обращались, и вели сладкую прекрасную беседу. Черпали они нечто огненно-красное, очень ярко сверкающее и безвещественное сияющими, как снег, некими чашами. Когда кто-нибудь из них пил из такой чаши дивную ту влагу, от одного только вида которой они приходили в несказанное веселье, тотчас неизреченным наслаждением Святого Духа переполнялись все на долгое время, и сияли, как свет, их чудесные лица. И служившие им огневидные юноши — прекрасны и белолицы, как руно, и мышцы их как молоко, облачены же они в красные ризы, бесплотны, украшены дивно, и ноги их белоснежные препоясаны тремя рядами блестящих повязок, как небесной радугой, и головы их украшены золотыми камнями, бисером и разными искусными венцами.

Дивная старица, с которой я пришел, чтобы увидеть их, сказала обо мне блаженному. Он же, улыбнувшись радостно, повелел мне подойти. Когда я приблизился к ним, мы поклонились друг другу, и я сказал: «Благослови чадо свое». И тихим голосом он обратился ко мне: «Невредимо ли преодолел путь, чадо? Господь Бог помилует тебя, и благословит тебя, и освятит тебя, и сохранит тебя, и обратит лицо свое на тебя, и исполнит тебя всех благ небесных и земных, и пошлет тебе помощь от святого жилища своего, и ангелы, и архангелы Сиона, сильные и пречистые, с оружием победы защитят тебя». Я же стоял, потупив взор, и сказал мне праведный: «Это Феодора, — и указал мне, — о которой непрестанно молился ты, желая узнать ее участь. Видишь ее — вот она стоит перед лицом твоим. Теперь никогда не спрашивай о ней, ибо я тебе ее показал».

Ныня убо никакоже не навѣдовой о ней, уже бо ти ю показах». Она же, честнаа челоувѣческаа и помилваннаа от Господа преподобнаго ради, сладкаа видѣннаа смотряше на мя. «Възвеселишися, чядо, и възрадуешися, — рече, — и благословишися, якоже попечяловалься еси о мнѣ убозѣй. И Господь Богъ поспѣшил ти есть и исполнить ти желание молитвы ради господина нашего, отца и пастуха, иже много милости сътвори с нами». Сим тако съвершившемся ту с нами, всѣхъ очи иже на трапезѣ той питающихся с нами с молчаниемъ многимъ бывааху смотряше.

Потом рече к ней преподобный: «Иди вкупѣ со мною и покажеша ему иже в раи нашихъ садовъ красоту». Поимши бо мя *та, на десную страну двора того* идяховѣ. И се врата дивна и златомъ создана, и стѣны ограду тому на *высоту* въздвижены. И отвръзъшимся вратомъ, внутрь в не внидохомъ. Бяшетъ бо въ оградѣ томъ позлащено былие, цвѣтомъ неизреченнымъ украшено, и добротѣ того дивящу ми ся. И воня благоуханнаа исхождаше от цвѣта того. Вънимахъ бо, како мя показовааша водящии мя. Видѣхъ бесчисленный сад, 70 измѣненій имуща, числа не принимающе, каждо ихъ множащюся плоду безмѣрну, якоже съкрушающемся вѣтвемъ, хотящимъ единою бо плоди и еже на трапезѣ едоми. Якоже видя разумѣхъ страшныхъ онѣхъ избытки бываахуть. Чюдящю же ми ся о красотѣ садовнѣй и о страшныхъ и дивныхъ плодѣхъ, яко николиже толикихъ чудесъ бѣхъ видѣл.

Рече ко мнѣ водящиа мя: «Что симъ чюдишися? Аще поидеши ко оному раю, егоже на востоцѣ Господь насади, болѣ имаша ужаснутися и изумѣтиса, яко сей ко оному стѣнь бысть и сонѣ». Глаголахъ убо азъ к ней: «Молю ти ся, кто насади раа сего? Никакоже убо азъ видѣхъ сего нигдѣже того раа». Рече она ко мнѣ: «Како бо ты възможе видѣти в суетнѣмъ мирѣ ономъ толику правду, иже рукама Вышняго състроена? Ибо вещи сиа, яже видиши, умна суть, и мы здѣ умомъ преходим. Труды бо и поты божественныхъ подвиговъ преподобнаго отца нашего Василиа, ихже от самоа уности его творяше, тружашася, потяся и бдя, на земли легаа и моляся, зной и мразъ трпя въ пустыни и зелие ядѣй, токмо въ многа лѣта прежде въ град сей* пришествиа его — сего раа приобрѣте. Иже бо что съдѣлаеть в мирѣ ономъ, симъ причястникъ будетъ въ вѣцѣхъ семъ, трудъ бо плодъ своихъ снѣси.* Якоже многажды слышахъ преподобнаго сего глаголюща». Мнѣ же ктому дивящюся, якоже, рекши ми, умомъ дошедшимъ здѣ. Мняхъ бо тѣлеса суще здѣ, себе искахъ рукою руки осязати, есть ли въ мнѣ кость и плоть. Якоже пламень огненный видя кто и простеръ руку хощеть яти его и не възможе удрѣжати, тако себе осязаа, размышляхъ чистымъ чювствомъ помышление имущи, иже тамо дивяхся духомъ. Възвратившемся намъ предъ дворъ, трапезу же тцю обрѣтохомъ, ничеже у неа. Мняхъ убо целовавъ приснопоминаемую ту отити от нея.

Она же, честная и помилованная Господом преподобного ради, сладким взором смотрела на меня. «Возвеселишься, чадо, и возрадуешься, — сказала она, — и благословен будешь, ибо печалился обо мне, убогой. И Господь Бог помог тебе исполнить твое желание ради молитвы господина нашего, отца и пастыря, который много милости сотворил нам». Когда так мы разговаривали, все, кто сидел за трапезой, смотрели на нас в глубоком молчании.

Потом сказал ей преподобный: «Пойдем вместе со мной и покажешь ему красоту наших райских садов». И, взяв меня с собой, пошли на правую сторону того двора. И тут находились врата дивные из золота и высокие стены ограды. Когда открылись врата, мы вошли внутрь ограды. И была там позлащенная трава с невиданными цветами, и красоте той дивился я. И аромат благоухания исходил от тех цветов. И на все, что показывали мне водящие меня, внимательно взирал я. Увидел я необъятный сад с 70 видами деревьев, исчислить которые невозможно, и на каждом дереве такое безмерное множество плодов, что ветви склонялись к земле, желая отдать плоды сидящим за трапезой. Увидев это, понял я, какое непостижимое изобилие бывает. Удивлялся я красоте сада, изумительным и дивным плодам тем, потому что никогда столь великих чудес не видел.

Сказала мне водящая меня: «Что ты удивляешься этому? Если пойдешь к тому райскому саду, который Господь насадил на востоке, еще больше будешь потрясен и изумлен, потому что этот сад по сравнению с тем — тень и сон». Сказал я ей: «Молю тебя, скажи, кто насадил этот райский сад? Никогда я не видел такого, нигде нет подобного сада». Ответила она мне: «Как бы ты смог увидеть в суетном мире том такую истину, которая руками Вышнего сотворена? Ибо вещь эта духовная, и мы здесь духом пребываем. Труды и тяготы божественных подвигов преподобного отца нашего Василия, которые он с самой юности своей совершал, трудясь, изнемогая и бодрствуя, на землю повергаясь и молясь, зной и холод претерпевая в пустыне и травой питаюсь в течение многих лет еще до пришествия в сей град, — вот чем насажден этот сад. Ведь то, что совершает человек в земном мире, унаследует и в этой жизни, ибо мы вкушаем плоды своих трудов. Я часто слышала, как преподобный это говорит». Я же удивлялся тому, что, как сказала мне, духом пребываем здесь. Ведь я думал, что телесно здесь находимся, и пытался осязать свои руки, есть ли у меня кость и плоть. Подобно тому как если кто-нибудь, видя пламя огненное и протягивая руку, хочет взять его и не может удержать, так и я ощущал себя только мысленно и удивлялся этому. Когда возвратились мы во двор, трапеза была уже пуста. И виделось мне, что, поцеловав приснопамятную, я оставил ее.

И мнѣвшю ми ся вънутрь бывшю, възбнух от сна и в себѣ размыслихъ, что ли ми исповѣда, гдѣ ли бяхъ отшел, что видѣхъ внутрь двора того, въшедшю ми в дивную ту и паче слова сущю. Вѣставъ, идохъ к блаженному, чая, ци ми что исповѣсть о сих, истинна ли си видѣние се или неистинна быша. Бывшю же ми у блаженнаго, по поклонению моему и по повелѣнию иже к нему повелѣ ми сѣсти. Съдшю же ми, рече ко мнѣ: «Вѣси ли, гдѣ в сию ночь пребывахом?» Мнѣ же по искушению рекшю: «И гдѣ убо бѣхомъ, господи мой? Всячески на одрѣ моемъ сладцѣ спяхъ». «Единѣмъ токмо и намъ сущимъ вѣдѣ убо, яко тѣломъ единъ спалъ еси на одрѣ, а духомъ индѣ ходилъ еси. И не вѣси ли, колии азъ показахъ в сию ночь? Не Феодоры ли еси видѣлъ? Не ко вратомъ ли мысленаго дому, егоже доиде, и изшедши, приять тя, въ нѣ же въведе тя? Потомъ же и о смерти ея, яко нужда преити есть, чядо, исповѣдала ти есть власть темныхъ иже на въздусъ, злобу мытарствъ тѣхъ? Не внутрь ли еси с нею вшелъ въ дворъ? Не видѣ ли оноа чудныя трапезы и изряднаго строенна ея, и каа дѣла ея, и кии овощъ предложена ея, и како ея дивныя цвѣты, и какия уноша иже на трапезѣ духовное служение исполняху? Не зряше издалеча стоа дивнѣхъ полат? Не ко мнѣ ли на трапезу преиде, егда ти показывахъ, о нейже ти желание бысть увѣдати, кую чясть получила есть? Не мнѣ ли рекшю ей, поимши тя, в рай внити? Како златовѣсходное оно стеблие въ умѣ приимаа ужасашеться, дивяся цвѣтнѣхъ тѣхъ красот, видѣлъ еси присноцвѣтущихъ садовъ онѣхъ и плодовъ ихъ свѣтлостъ и неизглаголанную красоту? Не сихъ ли видѣ в сию ночь всѣхъ и оттуду прииде? Како исповѣдаеша, якоже „Ничтоже видѣвшю ми“?»

Яко си мнѣ услышавшу, страхомъ неизреченнымъ обнять, и слезити начяхъ и мочити лице свое, въ умѣ приимаа, како великое се свѣтило бываетъ, якоже той поистиннѣ тамо бысть и, якоже тамо бысть, вся мудрѣ исповѣда. И, отвѣщавъ, рекохъ к блаженному: «Ей, святче Божий, тако быша, якоже изрече. Благодарствованне пролью предъ Господемъ моимъ, якоже мя Господь Богъ сподоби познати тя, и быти под кровомъ крилу твоею, и приати толика чюдеса страшна». Блаженный же рече ко мнѣ: «Аще житие свое препроводиши в добродѣтели, о чядо, повелѣниемъ челоуколюбца и щедролубиваго Бога нашего примуть *тя* тамо, да будеши вкупѣ со мною въ бесконечныя вѣки, ибо самъ азъ от челоучѣския вещи отхожу. И потомъ, нѣ по колицихъ временѣхъ, отшед житиа сего, приидеши ко мнѣ, въспитѣнъ в дѣлѣхъ добрыхъ, якоже ми Господь обѣща. Вѣнмай: дондеже еси в житии семъ, да не увѣсть о сихъ никтоже всѣхъ. Подобаеть бо недостойнаго житиа моего исписавше оставити в житии семъ, и буду ти о семь поспѣшникъ». Сиа ми преподобнаго отца нашего, пастуха, и учителя, и владыки явѣ заповѣдаваща, слезами обнять быхъ, възлюбленныи мои. И дивяся духомъ, едва бо инѣмъ бесѣдовааше часто, якоже къ мнѣ недостойному.

Когда мне казалось, что нахожусь еще там, я очнулся от сна и стал размышлять о том, что мне было открыто, откуда я вернулся, что видел на том дворе, когда вошел в то дивное и несказанное место. Встав, пошел я к блаженному, надеясь, что он объяснит мне, истинное ли это было видение или неистинное. И пришел я к блаженному, и после моего поклона и обращения к нему он повелел мне сесть. Когда я сел, он сказал мне: «Знаешь ли ты, где находились мы этой ночью?» Я же, в искушении, ответил: «Где же мы были, господин мой? Я все время на одре своем сладко спал». «Только нам с тобой известно, что лишь телесно ты спал на одре, а духом в ином месте пребывал. И разве не помнишь, сколько всего я показал тебе в эту ночь? Не Феодору ли ты видел? Не достиг ли ты врат духовного дома, выйдя из которого, она приняла тебя и в который ввела тебя? Потом же и о смерти своей, через которую должна была пройти, о власти темных сил, о лютости их воздушных мытарств, чадо, не рассказала ли тебе? Не вошел ли ты с нею внутрь двора? Не видел ли там дивную трапезу и несравненное украшение ее, и чудеса ее, и какие плоды дарит она, и какие удивительные цветы на ней, и какие юноши исполняют за трапезой духовное служение? Не видел ли издалека дивные палаты? Не у меня ли на трапезе был, когда я показал тебе ту, о которой ты хотел узнать, какая участь ее постигла? Не я ли сказал ей, чтобы вместе с тобой в райский сад вошла? Не восхищался ли ты златоподобными стеблями, дивясь красоте их цветов, не видел ли сияние и неизреченную красоту неувядаемых деревьев и их плодов? Не это ли все ты видел нынешней ночью и не оттуда ли пришел? Почему говоришь: „Я ничего не видел“?»

Когда услышал я это, страх неизреченный меня объял, и начал я плакать, омочил слезами лицо свое, постигая умом, как велик сей светильник, ибо он воистину там был и поэтому мудро обо всем рассказал мне. И ответил я блаженному: «Да, святой Божий, так и было, как ты сказал. Благодарение возношу Господу моему за то, что сподобил меня Господь Бог узнать тебя, и быть под покровом крыл твоих, и изведать столько страшных чудес». Блаженный же сказал мне: «Если жизнь свою проведешь в добродетели, о чадо, то повелением человеколюбивого и щедролюбивого Бога нашего примут тебя там, и пребудешь со мной вечно, я же сам от человеческого естества отхожу. И потом, через некоторое время, отойдя от жизни сей, придешь ко мне, наставленный в делах добрых, как мне Господь обещал. Внимай: пока ты пребываешь в земной жизни, пусть не узнает обо всем этом никто. Но должен ты недостойное житие мое описать и оставить в мире сем, и буду я тебе в этом помощник». Ясно заповедовал мне это преподобный отец наш, пастырь, учитель и владыка, я же обливался слезами, возлюбленные мои. И удивлялся я, потому что едва ли он с другими беседовал так часто, как со мной, недостойным.

Всегда вѣщавааше в притчяхъ бесѣдовааше, вѣсьмъ страшень сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитръ сый, и мудръ, и утвержень. Многожды же бо творяше суетныа ради славы челоувѣчьскиа и буйственаа на ся нанося словеса, токмо на сиа прилагаа, а ино ничтоже, якоже бо знамениа и чюдеса творяше. И вси вѣдающе его яко единого от апостоль чтяаху. И инии же излиха чюдяхуся о немь, о чюдесехъ иже творяше, в нихже изволяше простотою ти Иоанна Богословца* нарицааху пришедша. Тако бо бѣ възлюбленный отецъ нашъ Василие и свѣтило еже въ святыхъ. Великий отецъ нашъ Василие чюдное житие прошедъ въ святыхъ на земли, весь равенъ аггеломъ, великое прибѣжище напастнымъ абие явися.

Всегда говорил он притчами, величием своим всех изумлял, был прозорлив, очень мудр и тверд. Часто он показывал себя несмысленным, произнося безумные речи, но делал это только из презрения к суетной славе человеческой, которую снискал за свои знамения и чудеса. И все почитали его как одного из апостолов. А иные же, более других удивлявшиеся чудесам, которые он творил, называли его по простодушию своему Иоанном Богословом. Таким ведь был возлюбленный отец наш Василий, светило во святых. Великий отец наш Василий чудесное житие святое прожил на земле, во всем равен ангелам, великое прибежище для страждущих собой явил.

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА О ПРИШЕДШЕМ БЪСЕ НА ПОКАЯНИЕ
К ПОЛЗЪ ИЖЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ХОТЯЩИМЪ ПОКАЯТИСЯ
К БОГУ

Бъ нѣкий от святыхъ старецъ,* великъ и прозорливъ, превшед бѣсовская искушения, ктому ни во что же коварства их вмѣняше. Но бѣ зря чювствене и аггелы, и бѣсы, како пекутся о челоувчестей жизни, кождо ихъ подвизающесе обращати ихъ ко своей части. Сиче же великъ бѣ в добродѣтелях, яко досажати и ругатися ему нечистымъ духомъ, множицею оскорбляти ихъ, и воспомина тѣмъ еже от небесъ извержение и будущее во огни мучение. Тѣм же бѣси другъ ко другу хваляху старца онога великаго, глаголюще, яко «Никтоже нас смѣеть отнынѣ приблизитися к нему, зане преити ему в великое оно безстрастие, обожився Святымъ Духомъ».

И яко убо сиче сим бывшим, единъ от бѣсовъ глагола ко другому: «Брате Зереферъ, — се бо бѣ имя бѣсу тому. — Аще убо покается кто от нас, примет ли его Богъ в покаяние или ни?» Онъ же к нему отвѣща сиче: «То кто се вѣсть?» Зереферъ же рече: «Хощеши ли, иду к великому оному старцу искушу его о семъ?» Он же рече: «Иди, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть, еда како уразумѣет твое лукавство, не восхоцетъ воспросити о семъ Бога. Обаче иди, еда како желаемое получиши».

Тогда шед Зереферъ ко старцу и, преобразивъ себе въ челоувка, начать плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же, хотя показати, яко ни одинаго же отвращается хотящаго покаятися, но всѣхъ приемлетъ притекающих к нему, не прояви старцу совѣтъ бѣсовский. Но яко челоувка сего зряше, а не яко бѣса. Глагола к нему старецъ: «Что тако рыдая плачеши, челоувче, сокрушая мою душу своими слезами?» Бѣс же рече: «Азъ, отче святыи, нѣсмъ челоувкъ, но бѣс. Якоже множества ради беззаконий моих плачюся». Старецъ же рече: «Что хощеши, да сотворю тебѣ, брате?» Мнѣвъ бо старецъ, яко от многаго смирения себе бѣса нарекъ — Богу не объявившу ему бываемаго. И глагола бѣсъ: «Не о иномъ чесом молю тя, отче святыи, развѣ еда молиши Бога прилѣжно, яко да объявит ти, аще приметъ диявола в покаяние. Да аще онога

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ О БЕСЕ, ПРИШЕДШЕМ НА ПОКАЯНИЕ,
К ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАЮЩИМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОКАЯТЬСЯ
ПЕРЕД БОГОМ

Некий святой старец, великий и прозорливый, победил бесовские искушения и козни их презирал. Но наяву видел он и ангелов, и бесов, как пекутся они о человеческой жизни, стремясь направить ее каждый в свою сторону. Так был велик в добродетелях, что поносил и укорял нечистых духов, часто и бесчестил их, напоминая им их изгнание с небес и будущее мучение в огне. И бесы за это хвалили друг другу того великого старца, говоря: «Никто из нас не смеет отныне приблизиться к нему, потому что достиг он великого бесстрастия, исполнился Святым Духом».

И когда так они рассуждали, один из бесов обратился к другому: «Брат Зерефер, — таково было имя того беса. — Если кто-нибудь из нас покается, примет ли Бог от него покаяние или нет?» Он же ему так отвечал: «Кто же это знает?» И сказал Зерефер: «Хочешь, пойду к тому великому старцу и искушу его в этом?» Тот же сказал: «Иди, но будь осторожен, потому что старец прозорлив и, наверное, раскроет твой обман и не захочет спросить об этом Бога. Однако иди, может быть, получишь желаемое».

Тогда пошел Зерефер к старцу и, приняв человеческий облик, начал плакать пред ним и рыдать. Бог же, желая показать, что ни от одного кающегося не отвращается, но всех обращающихся к нему принимает, не открыл старцу бесовский замысел. И казалось старцу, что человек перед ним, а не бес. Спросил у него старец: «Отчего так горько плачешь, человече, сокрушая мою душу своими слезами?» Бес же ответил: «Святой отец! Я не человек, а бес. Плачу же от множества беззаконий моих». Старец же сказал: «Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя, брат?» Старец полагал, что от большого смирения назвал себя бесом — не открыл ему Бог истины. И сказал бес: «Святой отец! Ни о чем другом тебя не прошу, только, может быть, помолишь Бога усердно, чтобы открыл тебе, примет ли покаяние от дьявола. Если от него примет, то и от меня

приметь, то и мене приметь, подобна тому дѣла сотворша». Старецъ же рече: «Якоже хощеси, сотворю, чадо. Обаче иди в дом свой днесь и заутра прииди. И реку ти, что о семь повелитъ Богъ».

В вечеръ же той воздѣвъ старецъ преподобнѣи свои руцѣ къ чловѣколюбцу Богу показати ему, аще приметь диявола, обращающася в покаяние. И абие аггелъ Господень предста ему, яко молнии, и рече к нему: «Сиче глаголетъ Господь Богъ твой: „Что молиши о бѣсѣ мою дръжаву? Той бо, лукавствомъ искушая, тебе прииде”». Старецъ же отвѣщавъ рече: «Како не яви мнѣ Господь?» И рече аггелъ: «Да не смутишися о вещи сей. Смотрение нѣкое се бываетъ дивно к ползѣ исполняющимъ. Яко да не отчаются согрѣшающии, яко ни единого отвращается преблагый Богъ приходяща к нему, аще и сам дияволъ приидеть. Подобне же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество и отчаяние. Егда же убо приидеть к тебѣ, искушая, да не соблазниши его исперва, но рци ему сиче: „Да вѣси, яко чловѣколюбецъ Богъ николиже никоже не отвращается приходяшаго к нему, аще и дияволъ будетъ. И се обѣщася и тебе прияти, но аще сохраниши повелѣния от него”. И егда приидеть к тебѣ и речет: „Что есть повелѣнное мнѣ от него?” — и рци к нему: „Сиче глаголетъ Господь Богъ: «Вѣдаю тя, кто еси и откуда прииде, искушая. Ты бо еси древняя злоба. Но древняя злоба нова добродѣтель не можетъ быти, навыкнув бо в гордости своей». И како возможеша смиритися в покаяние и обрѣсти милость? Но не имаша бо сего отвѣта извѣщати в день Судный, яко «Хотѣхъ покаятися, и не прият мя Богъ»».

Смотри же глаголемых, како хощеси покаяние начати. Сиче глаголетъ Господь: «Да совершиши три лѣта на едином мѣсте стоя, обращъшиися къ востоку, нощю и днемъ взывая велиимъ гласомъ: „Боже, помилуй мя, древнюю злобу!” — глаголя сего числомъ 100. И паки другое 100 глаголя: „Боже, помилуй мя, мерзость запустѣнія!”* И паки третие 100 такоже глаголя: „Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!”» И сия глаголи въздыхая ко Господу беспрестанно. Ибо ты не имаша телеснаго сосуда, яко да трудно не будетъ тебѣ и не изнеможеша. Егда же совершиши сия со смиреномудриемъ, тогда приятъ будеша в первый той чинъ, причтешися со аггелы Божиими». Да аще убо обѣщася сиче сотворити, прими убо его в покаяние. Но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сия послѣднимъ родомъ, яко да не отчаваются хотящеи покаятися. Зѣло убо увѣряются от сея главизны чловѣцы не отчаятися удобъ своего спасения». Сия изрекъ аггелъ ко старцу и възде на небо.

Утру же бывшу, прииде дияволъ и нача издалеча рыдати и плакати, къ старцу же пришедъ и поклонися. Старецъ же исперва не обличи его, но во умѣ своемъ глаголаше: «Злѣ прииде, лживый дияволе, древнее зло, ядовитый змию вселукавый». Таче глагола к нему: «Да вѣси, яко молихъ Господа Бога моего, еже обѣщахъ ти. И приемлетъ тебе в покаяние, аще примеша, яже мною

примет, потому что мои деяния подобны его». Старец же сказал: «Сделаю то, о чем просишь, чадо. Но сейчас иди домой, а поутру приходи. И скажу тебе, что Бог повелит».

В тот же вечер обратил старец свои преподобные руки к человеколюбцу Богу, чтобы открыл ему, примет ли дьявола, желающего покаяться. И тотчас ангел Господень предстал перед ним, подобно молнии, и сказал ему: «Так говорит Господь Бог твой: „Зачем ты молишь мое владычество о бесе? Это он, обманом искушая, приходил к тебе”». Старец же сказал в ответ: «Почему не открыл мне Господь правды?» И сказал ангел: «Не печалься об этом. Некое чудесное усмотрение заключено в этом к пользе кающихся. Да не впадут грешники во отчаяние, потому что ни от одного приходящего к нему не отвращается преблагодый Бог, даже если и сам дьявол придет. Также да явлено будет этим бесовское ожесточение и отчаяние. Когда же придет к тебе, искушая, сначала не обличай его, но скажи ему так: „Да будет тебе известно, что человеколюбец Бог никогда ни от одного приходящего к нему не отвращается, даже и от дьявола. Обещал он и тебя принять, если исполнишь его повеления”». И когда придет к тебе и спросит: „Что повелел он мне?” — скажи ему: „Так говорит Господь Бог: «Знаю, кто ты и откуда пришел, искушая. Ты — древняя злоба. Но древняя злоба новой добродетелью не может быть, потому что сроднилась с гордостью своей». И разве в силах ты смириться для покаяния и обрести милость? Но не сможешь дать такой ответ в Судный день: «Хотел покаяться, но не принял меня Бог»».

Послушай же о том, как тебе совершить покаяние. Так говорит Господь: «Проведи три года на одном месте стоя, обратясь к востоку и громко взывая денно и ночью: „Боже, помилуй меня, древнюю злобу!” — и скажи это 100 раз. И затем снова 100 раз скажи: „Боже, помилуй меня, мерзость запустения!” И в третий раз еще 100 так скажи: „Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!”» И так говори, вздыхая Господу беспрестанно. И, поскольку у тебя нет тела, трудно не будет тебе и не устанешь. Когда же совершишь это со смирением, тогда принят будешь в свой первый чин, причтешься к ангелам Божиим”. Если обещает это исполнить, то прими его к покаянию. Но знаю, что древнее зло новым добром быть не может. Напиши же об этом будущим поколениям, чтобы желающие покаяться не впали в отчаяние. Да послужит это писание для уверения людей, чтобы не теряли надежду на свое спасение». Сказал это ангел старцу и взошел на небо.

Утром же пришел дьявол и начал издали рыдать и плакать, затем подошел к старцу и поклонился. Старец же сначала не обличил его, но сказал про себя: «Зло явилось, лживый дьявол, древнее зло, ядовитый змей вселукавый». Затем сказал ему: «Да будет тебе известно, что молил я Господа Бога моего, как обещал тебе. И примет от тебя покаяние, если исполнишь то, что

заповѣдает ти державный и всеилный Господь». Бѣс же рече: «Что суть еже повелѣ Богъ сотворити ми?» Старецъ же отвѣщавъ рече: «Заповѣдает тебѣ Богъ сице: яко да стоиши на единомъ мѣсте 3 лѣта, обращъшиися къ востоку, взывая день и нощь: „Боже, помилуй мя, древнюю злобу!“ — глаголя сие числомъ 100. И паки другое 100: „Боже, помилуй мя, запустѣнія мерзость!“ И паки то же числомъ: „Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!“ И егда сия сотвориши, тогда съпричтешися со аггелы Божиими, якоже и преже».

Зереферъ же лестный онъ покаяния образъ отвергъ, велми възсмѣявся и глагола ко старцу: «О калугере!* Аще бы азъ хотѣлъ нареши себе древнюю злобу, и мерзость запустѣнія, и помраченную прелесть, прежний от нас кто се хотех сотворити и спастися. И нынѣ древняя злоба азъ не буди то, и кто се глаголетъ? Азъ даждь донынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси боящеся повинуются мнѣ. И азъ самъ себе нареку мерзости запустѣние и помраченную прелесть? Никакоже, калугере, ни же! Дажь донынѣ обладавахъ грѣшными. И нынѣ паки сотворю себе непотребна? Никако, калугере, не буди то тако в таковое бесчестие себе вложу». Сия рекъ дияволъ и абие невидимъ бысть. Старецъ же, възставъ, благодаряше Бога, глаголя: «Воистинну глаголашь еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ».

Сия же, братие, просто понудихомся на среду привести, яко да навькнете Владычнее благоутробие. Яко да аще диявола приемлетъ покаявшася, то колми паче человѣкы, за нихже кровь свою пролия. *Грѣшен ли еси, покаяйся.* Аще ли ни, то горши бѣсовъ хошеши мученъ быти в геенѣ огненѣй: не яко согрѣши — никтоже бо безъ грѣха, вси согрѣшихомъ — но понеже не восхотѣ покаятися и умолити Судию преже кончины своей. Якоже бо обрящетъ смерть кождо нас сице и посылаетъ его тамо. Аще умреши безъ покаяния, работая дияволу многообразными и различными грѣхи, со дияволомъ осудишиися в вѣчномъ огни, уготованнѣ дияволу и аггеломъ его.* Аще ли преже кончины отбѣгъ грѣха, Господеву угодиши покаяниемъ и исповѣданиемъ, о коликихъ благъ по конъчинѣ сподобишися! И блаженству свѣтлыми аггелы вводимъ, идѣже красота неизреченная и присносущное радование съ Безначалнымъ его Отцемъ и с Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Духомъ, и нынѣ и присно и въ вѣки.

заповедует тебе через меня могущественный и всесильный Господь». Бес же спросил: «Что повелел мне Бог совершить?» Старец же сказал в ответ: «Вот что заповедует тебе Бог: проведи стоя на одном месте 3 года, обратясь к востоку и взывая денно и ночью: „Боже, помилуй меня, древнюю злобу!“ — и скажи это 100 раз. И затем еще 100: „Боже, помилуй меня, мерзость запустения!“ И вновь столько же: „Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!“ И когда сделаешь это, тогда сопричтешься с ангелами Божиими, как и прежде».

Зерефер же лживый отверг путь покаяния, громко рассмеялся и сказал старцу: «О калугер! Если бы я хотел назвать себя древней злобой, и мерзостью запустения, и мрачным заблуждением, то кто-нибудь из нас прежде это уже сделал бы и спасся. Ныне же не будет того, и кто назовет меня древней злобой? Я даже и доньше дивен и славен, и все в страхе повинуются мне. И я сам себя назову мерзостью запустения и мрачным заблуждением? Никогда, калугер, нет! Я даже и доньше повелеваю грешниками. И сейчас так унижу себя? Никогда, калугер, не бывать тому, чтобы я себя такому бесчестию подверг». Сказал это дьявол и тотчас стал невидим. Старец же, встав на молитву, поблагодарил Бога, говоря: «Истинно сказал, Господи, что древнее зло новым добром быть не может».

Побудили же мы себя, братья, рассказать об этом только для того, чтобы познали вы Божие милосердие. Если Бог дьявола принимает покаявшегося, то тем более людей принимает, за которых и кровь свою пролил. Если грешен, покайся. Если же не покаешься, то горше бесов будешь мучиться в геенне огненной: не потому, что согрешил, — никого нет без греха, все согрешили — но потому, что не захотел покаяться и умолить Судию прежде кончины своей. Каждого ведь из нас настигает смерть и посылает на тот свет. Если умрешь без покаяния, служа дьяволу многообразными и различными грехами, то с дьяволом и будешь осужден в вечный огонь, уготованный для дьявола и бесов. Если же прежде кончины отворишься от греха и Господу угодишь покаянием и исповедью, о скольких благ по кончине сподобишься! И приведен будешь светлыми ангелами в райское блаженство, где неизреченная красота и вечная радость с Безначальным его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, и ныне и присно и вовеки.

ПОВЕЪСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНІЯ ГАЛИЧАНИНА

ПОВЕЪСТЬ СТРАШНА И ЗЪЛО ПОЛЕЗНА

Лѣта 7034 мѣсяца июля, на память святаго отца Андрѣя,* преставися старецъ Антоніе Галичанинъ в Павловѣ пустыни.* А лежалъ в недузѣ долго время и предъ смертію видѣние видѣ.

Придоша дѣмони и глаголюще к нему издалеча, яко саженой за десять и дале. Инъ стояше, яко древо высота его, и подперся палицею великою, а инъ стояше и кричаше, аки свинья. А инии придоша близъ его, глаголюще между собою, показующе друг другу оружие свое. Инъ глаголаше, казаше удицы, а инъ — клещи, а инъ — пилы малыя, а инъ — рожны, а инъ — шила, а инъ — бритвы. А инъ глаголетъ: «Распорем его да опять сошьем его». А инъ чашу держит в руцѣ. А инъ стоячи понужает держащаго чашу, веля ему, глаголя: «Дай же ему пити, во-се покушает, сладко ему будет!» А инъ держит пилу великую и глаголетъ: «Претерти его поперекъ!» А на бедрѣ у коегождо их у иного — брусъ, а у иного — осла. И сѣдши и остряше каждо свою снасть. А инъ во обоих руках держит свою снасть да бряцает ею, а иныя толко брячат и грѣмятъ своею снастию. А инъ прискоча з бритвою да обоих рукъ въдруг задкы срѣзалъ с мясом. А инъ держа дѣску велику мѣдяную и глаголетъ: «Во-се накинута на него, и он умрет». Да много того сказати немочно всего въдругъ.

Таже приде на них нѣкая сила, якоже подражати мѣсту тому, яко великъ вихоръ силный или грозная буря на хмелевое перие, и по всему воздуху развѣев ихъ. Иного несет вверхъ ногами, а внизъ головою, а иного — поперекъ, а иного — кое-какъ. Да всѣх разомчало по воздуху без вѣсти, и исчезоша, и мечтание их погибе, и ничтоже бысть.

Той же брат Антоніе повѣда ми въ другой день, глаголя со слезами, яко «На нѣкоемъ мѣстѣ обрѣтохся незнаемъ и видѣ тамо яко нѣкую улицу и в ней множество челоувѣкъ ришущих. И вси ходяще тужат и горюють, и глаголють: „Ох, ох! Горе, горе!” Азъ же мнѣхся поверху ихъ ни се хожу, ни се лѣтаю, яко невидимая сила ношаше мя по воздуху, яко съ челоувѣка высокою от земля

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ВЕСЬМА ПОЛЕЗНАЯ

7034 (1526) года месяца июля, на память святого отца Андрея, преставился старец Антоний Галичанин в Павловой пустыни. А лежал он в недуге долгое время и перед смертью видение видел.

Пришли демоны и говорили ему издалека, саженой за десять и дальше. Один стоял, с дерево высотой, и подперся великой палицей, а другой стоял и кричал, как свинья. А иные подошли к нему, говоря между собой, показывая друг другу свои орудия. Один говорил, показывая удицы, а иной — клещи, а иной — небольшие пилы, а иной — рожны, а иной — шила, а иной — бритвы. А один из них говорит: «Распорем его да опять сошьем его». А иной держит чашу в руке. А иной стоит и понуждает того, кто держит чашу, веля ему: «Дай ему испить, пусть отведает, сладко ли ему будет!» А еще один держит огромную пилу и говорит: «Распилим его поперек!» А на бедре у каждого: у кого — брус, а у кого — оселок. И, усевшись, каждый точил свою снасть. А один двумя руками держит свое орудие и бряцает им, и другие лишь бренчат и гремят своими орудиями. А один подскочил с бритвой да с задков обеих рук вдруг мясо срезал. А иной держит большую медную доску и говорит: «Сейчас брошу на него это, и он умрет». Да многое невозможно сразу рассказать.

Потом пришла на них некая сила, будто задрожало то место, будто великий сильный вихрь или грозная буря налетели, и по всему воздуху, как хмель, их развеяло. Одного несет вверх ногами и вниз головой, а другого — поперек, а иного — непонятно как. Да всех разогнало по воздуху без вести, и исчезли они, и мечтания их погибли, и ничего не стало.

Тот же брат Антоний поведал мне на другой день со слезами: «Оказался я в каком-то незнакомом месте, видел там будто некую улицу и на ней множество людей мечущихся. И все ходят, тужат и горюют, говоря: „Ох, ох! Горе, горе!“ Мне же казалось, что я над ними не то хожу, не то летаю, будто некая невидимая сила носила меня по воздуху, будто я летал на высоте человека от земли, будто

лѣтати ми, яко на полотнѣх носиму. И видѣх пред собою грѣхы моя от юности моея, никымже держимы, яко круги или аки доски. Всякъ грѣх воображенъ, написана не книжными словесы, но яко на иконах, а не красными писано, но дегтем, но толико прозрачно и разумно. Какъ возришь, так и спомнишь лѣто, и мѣсяць, и недѣлю, и день той, и час, коли который грѣх сотворенъ, — все то объявлено. Еще ми сущу пяти лѣт, мати моя спаше, и азъ у нее сквозѣ подоль за срамное то мѣсто осязалъ — ино так и написано. Да замахивался есми на мать свою батогом — ино так: она сѣдит, а язъ какъ замахнулся — ино тако есть и написано, и батог-от туто же. Да в чернечествѣ есми шутя руку положилъ на женьщину — ино тако и написано: язъ да она сѣдит, и рука моя на ней лежит. Или завтракалъ или пил до обѣда, или бранился с кѣм, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнѣвъ держал, или на кого воздохнулъ со гнѣвом — то все так и написано, день и час.

Ино о том гнѣвъ круг великъ стоитъ, мраченъ, и мѣглянь, и темень — таковъ, что немочно на сем свѣте таковой тмѣ быти никакоже. Ино такова в нем горестъ, еже сказати ми немочно, а не живет такова горестъ на сем свѣтѣ. Да мразъ великъ зѣло и студень — не бывает таковаго мраза на сем свѣтѣ никакоже. Азъ же мнѣхъ, что у мене ноги по лодыжки отзябли да и отпали, а мысли измѣтаны, якоже онучи или яко издиркы портяныя. А иного ти не скажу, а ты мене не спрашивай, а сказати ми немочно — велми страшно и грозно.

Азъ же въспросих его, чтобы ми и то сказалъ. Он же отвѣща ми послѣднее слово: «Что мя вопрошаеши? Всѣ есмь мытарства видѣлъ страшныя, да немочно ми их сказати, страх убо и трепеть обдержит мя. Нѣсть бо сего страха страшнѣе и злѣе, а не избыти того страха никомуже. Да Бога ради, господине, остави мя нынѣ, да не спрашивай, да и не ходи ко мнѣ. Прости же мя, господине, и благослови, а тебе Богъ простит, уже бо ся не имам с тобою ктому видѣти на сем свѣтѣ».

на полотне меня носили. И видел я перед собой мои грехи, от самой юности, в виде кругов или досок, которые никто не держал. Каждый грех изображен, но написан не книжными словами, а как на иконах, но не красками написано, а дегтем, только прозрачно и разумно. Как посмотришь, так и вспомнишь и год, и месяц, и неделю, и день тот, и час, когда какой грех сотворен, — все это явлено. Когда мне было всего пять лет, мать моя спала, и я ее сквозь подол трогал за срамное место — это так и написано. Да замахивался на мать свою батогом — так и есть: она сидит, а я как замахнулся — так и написано, и батог тут же. Да в чернечестве шутя руку положил на женщину — так и написано: мы с ней сидим, и рука моя на ней лежит. Или завтракал или пил до обеда, или бранился с кем, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнев держал, или кого обидел во гневе — все так и написано, день и час.

Круг же гнева велик стоит, такой мрачный, мгlistый и темный, что никак такая тьма не может быть на сем свете. И такая горесть в нем, что сказать не могу, не живет такая горесть на сем свете. Да мороз, великий и студеный, — не бывает такого мороза на сем свете. Мне казалось, что у меня ноги по лодыжки отмерзли да и отпали, а мысли истрепаны, словно онучи или лохмотья одежды. А больше не скажу тебе, и ты меня не спрашивай, потому что сказать не могу я — очень страшно и грозно».

Я же попросил его, чтоб и остальное рассказал. Он же ответил мне последнее слово: «Что меня спрашиваешь? Все страшные мытарства видел я, но невозможно мне о них рассказать, потому что страх и трепет охватывают меня. Нет этого страха страшнее и злее, и никому не избыть этого страха. Да Бога ради, господине, оставь меня ныне, да не спрашивай, и не ходи ко мне. Прости же меня, господине, и благослови, а тебя Бог простит, ибо не увидимся уже с тобой на этом свете».

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БАН* — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ФИРИ — Филиал Института российской истории (Санкт-Петербург)

АЛЕКСАНДРИЯ

«Сербской Александрией» принято называть литературное произведение, которое является одной из поздних версий Александрии Псевдокаллисфена, греческого сочинения II—III вв. н. э. Различают несколько версий (рецензий) Александрии Псевдокаллисфена: первоначальная рецензия α , остальные (β , γ , ϵ , λ) возникли на ее основе. К греческим рецензиям восходят латинские, армянские, сирийские, арабские версии Александрий. «Сербская Александрия» ближе всего стоит к рецензии ϵ (как предполагают, VII—VIII вв.). Возникшая, по своей вероятности, как и все главные версии Александрии Псевдокаллисфена, на греческом языке, она не позднее XIV века была переведена южными славянами. На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в.

В Древней Руси «Сербскую Александрию» называли просто «Александрией» (наиболее частое название — «Книга глаголемая Александрия»). Кроме нее были и другие сочинения об Александре Македонском, например так называемая «Хронографическая Александрия» (восходит к рецензии β Псевдокаллисфена), встречающаяся обычно в составе хронографов, где излагается всемирная история.

«Сербская Александрия», хотя она не является историческим сочинением, была в Древней Руси одним из источников сведений о царе Александре. Хотя речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована в историю о событиях, в которых элементы необычного и чудесного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического сочинения Псевдокаллисфена «Сербская Александрия» имеет выраженный характер средневекового произведения, в котором отражен характерный для средних веков круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологизмом. Это христианская переделка Александрии Псевдокаллисфена, в ней Александр совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной (т. е. обитаемой части земли), осмысляются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом. В «Сербской Александрии» неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном Суде.

Из исторических лиц, представленных в «Сербской Александрии» современниками Александра, некоторые жили совсем в другое время; но это не следует рассматривать как выражение невежества или незнания создателя «Сербской Александрии», для которой такие анахронизмы неважны. Собственные имена и географические названия, встречающиеся в «Сербской Александрии», лишь отчасти совпадают с известными нам историческими; в значительной же мере они либо вымышлены, либо передают несохранившуюся (у других) традицию. В переводе они оставлены в том виде, в каком читаются в древнерусском тексте.

О том, что «Сербская Александрия» привлекала к себе интерес в Древней Руси, свидетельствует большое число списков, относящихся к периоду от XV до начала XIX в.

Текст издается по списку XVII в. — РНБ, Q. XVII. 169. От XV—XVI вв. дошел единственный русский список конца XV в. (в сборнике кирилло-белозерского писца Ефросина), который был издан в 1965 г. в серии «Литературные памятники»; он относится к особому виду русских текстов «Сербской Александрии», в котором много изменений по сравнению с первоначально появившимся на Руси текстом памятника. Издаваемый текст принадлежит к небольшой группе списков, которые наиболее близки к первоначальному русскому тексту «Сербской Александрии». Но, конечно, удаленность почти на два века сказалась, в частности, в том, что в тексте XVII в. встречается сравнительно много мест, где искажены отдельные слова или же целые фразы.

Все дополнения и исправления (сделанные по русским спискам, близким к издаваемому) выделены курсивом.

В примечаниях использованы следующие работы: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886; издания сербских текстов: *Život Alexandra Velikoga*. Izdao V. Jagič,

Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; издания греческих текстов А. Н. Веселовским (в приложении к его исследованию) и В. М. Истриным (История «Сербской Александрии» в русской литературе. Вып. I. Одесса, 1909).

Стр. 14. ...создавши собѣ храмъ... седмъ утвердивша столпъ. — Ср. Притч. 9, 1: «Премудрость созда себе храм, и утверди столп седмъ».

...Тарквинию-царю. — Историческая традиция относит правление последнего римского царя с именем Тарквиний к VI в. до н. э. В «Сербской Александрии» Тарквиний упоминается еще один раз.

...Иеремью пророку... — Временем деятельности библейского пророка Иеремии считается также VI в. до н. э.

...Криксу сыну, Дарию... — Дарию, сыну Кира. Современником и противником Александра Македонского в войне был Дарий III, не сын Кира, основателя персидского царства (VI в. до н. э.), а лишь один из его далеких преемников.

...Нектанав... — В истории Египта было два царя с именем Нектанеб. Нектанеб II (IV в. до н. э.) вынужден был из-за нашествия персов бежать из своего царства. Во всех рецензиях (версиях) сочинения Псевдокаллистрата (α, β, γ, ε, λ и др.) египетский царь Нектанав назван отцом Александра; однако нет оснований сомневаться в том, что отцом исторического Александра был Филипп.

...Ридийскимъ странамъ... — Придийским, т. е. фригийским. Фригия — название, отмечавшее в древности не всегда одну и ту же область в Малой Азии.

...«избранне муж». — По-гречески «Александр» значит «защитник мужей».

Стр. 16. ...перси, ивери, арапи, кияне и эфиопи, еглаго... — Среди них легко отождествляются с историческими народами лишь персы, иверы (грузины), арабы и эфиопы.

...египецкии краишници... Верверехъ... — Правитель соседней с Египтом области (Берберии). «Кранштник» значит «соседний», «пограничный». Имя «Верверехъ» происходит от названия области и племени берберов.

...леканомандию... — Леканомантия — разновидность гадания на воде, от греч. λέκάνη (блюдо, миска) и μαντεία (предсказание).

Стр. 18. ...в Филипус, в Македонъский градъ... — В греческом тексте город назван «Филиппы». В «Сербской Александрии» под Филиппусом имеется в виду главный город Македонии, т. е. столица Пелла. А. Н. Веселовский сообщает, что в «Греческой народной книге» (сочинении, близком к «Сербской Александрии») здесь также назван город Филиппы, но добавлено: «называемый в древности Пелла».

...врач... — Это и врач в современном смысле, и предсказатель.

...Пасидону... — Возможно, это Посейдон, как предположил А. Н. Веселовский, одно из имен ливийского Амона; о культе Посейдона в Ливии сообщает Геродот (кн. II, 50): «Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога».

Стр. 20. ...Амона, и Пинеса, и Неркулия... — Из этих имен ясным является только первое; третье — испорч. «Геракла»; во втором А. Н. Веселовский предполагал Диониса. Амон — верховный бог Древнего Египта в период фиванских династий Среднего и Нового Царства (конец III—конец II тысячелетия до н. э.). Древнейший культ Амона был в Фивах в Верхнем Египте. Одно из изображений Амона — в виде барана или человека с бараньей головой. В период последних туземных династий и в эллинистическом Египте особенно знаменит был его храм и оракул в оазисе Аммонии (в ливийской пустыне, недалеко от Мемфиса), о посещении которого Александром Великим сообщают древние историки. Греки отождествляли Амона с Зевсом, существовали его храмы и алтари у лакедемонян, в Олимпии, в греческих Фивах и др.

Аспид — ядовитая змея, сказочный змей.

...Дафенеону Аполону... — Вероятно, имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.

Стр. 22. Целюш — Ахилл, сын царя мирмидонян Пелея и nereиды Фетиды, герой «Илиады» Гомера.

Омир — Гомер.

«*Органъ великий*». — Возможно, имеется в виду «Орган», сочинения Аристотеля.

Птоломѣй — Птолемей I Сотер, основатель династий Птолемеев в Египте (IV—III вв. до н. э.).

...*во гритъ*... — В сербских рукописях «въ съньгрите» или «у двор»; возможно, что это испорч. «в синклите» (в собрании). В греческих текстах не сказано, где происходит битва юношей.

Стр. 24. *Завес Акинтос* — Зевс-гиацинт (камень гиацинт изображал в астрологиях планету Юпитер).

Кронос — планета Сатурн.

Фровити — искаж. Афродита (планета Венера).

Ерърасия — в одно слово объединены названия планет Меркурия (Ермис) и Марса (Арис).

Волюя же глава... — Судя по русским лицевым, т. е. иллюстрированным, «Александриям» это место понимали так, что на правом бедре коня было изображение головы быка.

Локоть — мера длины, около полуметра.

Стр. 26. ...*Раклия витязя*... — Геракла.

...*Во Алимпиятцких странахъ*... — В Греции.

...*близъ суци Дафенеона и Аполона*... — Из текста непонятно, какие именно игры имеются здесь в виду. В греческих текстах сказано, что Александр идет на игры, чтобы «поклониться» эллинскому богу Аполлону, но вряд ли это означает, что Александр участвовал в дельфийских (пифийских) играх. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Александр участвует в олимпийских играх в честь Зевса, в «Сербской Александрии» бог эллинов всегда называется Аполлоном.

...*неглиторьскими витезми*... — витязями из Англии (ἄπο τῆν Ἑγγλητέραν).

...*Фруние*... — Испорч. «Урание» («небесный»); этот же философ упоминается дальше, в афинском эпизоде.

Стр. 28. ...*кумане*. — Другое название этого народа — «половцы».

...*Анаксархоносъ никто, пелапоньский царь*... — В сербских текстах он назван «пелагонский», или «пелагонийский», царь — пелопоннесский (?) царь.

Стр. 30. ...*к Филипу*... — В город Филиппы, или Филипуст.

...*Филон*... — В соответствии с исторической традицией Филона среди соратников Александра не было. Его также нет и в ранних рецензиях Псевдокаллисфена; в рецензии с Филон есть.

Селевкуш — основатель династии Селевкидов в Передней Азии, Селевк I, Никатор, сын македонянина Антиоха; участвовал в походе Александра в Азию.

...*Антиох*... — В числе сподвижников Александра Великого у древних историков не упоминается. Имя Антиох встречается у Селевкидов, например Антиох I Сотер, сын Селевка I Никатора.

Андигон — основатель эллинистической династии Антигонидов Антигон I, был участником походов Александра, сатрапом Великой Фригии (в Малой Азии).

Щитари — мастера, изготавливающие щиты.

Стр. 36. *Диоген*... — Дюген, кинический философ, был современником Александра; рассказ о их встрече есть у Плутарха.

Стр. 40. ...*тракинъстии, и мореистии, и далматистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалистии*... — Из этих имен первые три называют известные нам земли — Фракию, Морею, Далмацию; «тривалистии» — имеется в виду народ трибаллов во Фракии, который был побежден македонским царем Филиппом, а затем Александром Великим. «Гостиницы» — испорч. «готские».

Стр. 42. ...*Сивилии царицы*. — Сивиллы — древние пророчицы. Вряд ли имеется в виду какая-либо из сивилл, например сивилла, пришедшая в Рим во времена Тарквиния. Ср. имеющуюся в поздних русских списках «Повесть о Сивильском царстве»: где-то за рекой Нилом есть гора, в которой находится царство девиц «нескверных и бессмертных» и царствует у них царица Сивилла.

...андрамана... — Испорч. «адаманта», алмаза.
 ...Елгаменеуша... — Агамемнон, микенский царь, брат Менелая; предводитель греческого войска в походе против Трои.

...копие ланпандилово... — Копье из слоновой кости.

...Якша Теломоника... — Аякса Теламонида, одного из героев Троянской войны.

Таркнен. — Вероятно, это римский царь Тарквиний (см. коммент. к с. 14).

...пророка Данила... — Книга пророка Даниила содержит историю его жизни и бывшие Даниилу видения о судьбе Иудеи и языческих царств. В «Сербской Александрии» используется видение ему овна и козла, символов царств мидо-персидского и греческого: козел вступает в единоборство с овном и побеждает его.

Стр. 44. ...Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия. — Эта фраза противоречит дальнейшему рассказу, где Визант основывает Византию; в других текстах «Сербской Александрии» он, подобно Антиоху и Селевку, назначается главой над тремя тысячами кораблей. Визант — согласно преданию, сын Посейдона, глава переселенцев из Милета, основавших в 658 г. до н. э. г. Византий. Никифор Григора (XIII—XIV вв.) упоминает в своей «Ромейской истории» о столпе у восточного акрополя в Константинополе, на котором «раньше стояла статуя Византа, основателя Византии».

...Ликеи... — Один из городов с названием «Селевкия» находился в Киликии, области Малой Азии.

...Триньского моря... — Фракийского моря.

Стр. 46. ...онтиописких... — Испорч. «эфиопских».

...О семь Александръ здумавъ рече... — В данном списке пропущен текст, в котором говорится о намерении воинов Александра строить города.

...Апридийской... — Фригийской.

...акедоньского... — Лакедемонского.

Мелеуш — Менелай, спартанский царь.

...Прияльмужа... — Приама, троянского царя; он же назван затем Приемушем.

Вариж — Парис.

...Целеша краля, сына короля Прелеша... — Ахилла, сына Пелея.

...от камени андракса... — Драгоценный камень красного цвета. В средневековом сочинении Епифания Кипрского о двенадцати камнях сказано, что камень анфракс рождается в Африке; находят его ночью по свету, так как он светится как свеча и блеск его ничем невозможно скрыть.

...Менеры... — Минервы (Афины); по-видимому, имеется в виду троянский палладий (древнее деревянное изображение Афины). В сербских списках в этом месте более понятный текст: «Вынесли ему изображение госпожи Минервы, глядя на которую дочь троянского короля, госпожа Кассандра, предсказала все, что случилось с Троей».

...Апелонъ трогоделский... — Аполлон дельфийский.

...Алекидушь. — Имя, образовавшееся из двух — Александра и Дивуша (Деифоба?).

В «Сербской Александрии» рассказ о смерти Ахилла соответствует византийским версиям истории Троянской войны.

Стр. 48. ...Лагонискую землю. — Пелопоннес (?).

...Еликтора. — Гектора, сына троянского царя Приама.

...философа от Рима... — Испорч. «Омира» (Гомера).

...Алелешу, (Е)кторе, Якъшу, Несторе... — Искажены имена: Ахилл, Гектор, Аякс, Нестор.

...Федите жены... — Фетида, nereида, жена Пелея, мать Ахилла.

...Скамдруши... — Река Скамандр, протекает около Илиона (Трои). Хотя в «Сербской Александрии» встреча Александра с Олимпиадой происходит в Македонии, но место (река Скамандр) объясняется только из текста рецензии е Псевдокаллисфена, в котором Александр и Олимпиада встречаются в Трое.

Стр. 50. Теряха... — Гетеро-арха, главы над этими женами (гетерами).

Стр. 56. ...*лихнитарий*... — Драгоценный камень яркого красного цвета. В одной из рецензий «Александрии» Псевдокаллисфена (ε) этот камень обозначает в астрологии царя Нектанава планету Марс.

...*анта гвоздия*... — Ср. дальше — «оружие от акинта гвоздия», которое дарит Александру царица Кандакия. Название этого металла не объясняют и греческие тексты; возможно, что это восходит к ἄδμας или ἄδακάντινος (стальной), к названию того божественного металла, который, по причине своей крепости, послужил материалом для шлема Геракла.

...*Атана*... — Ионафана, сына Саула.

Стр. 62. ...*Сенарское поле*... — Библейское название — долина Сенаар (южная область между реками Евфрат и Тигр); это место упоминается в «Александрии» несколько раз.

Стр. 64. *Сескерсен* — персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.) или один из Артаксерксов (V и IV вв. до н. э.).

...*от змиевых очей*. — Вероятно, это название драгоценного камня, возможно берилла. В сочинении о камнях Епифания Кипрского сказано, что в верховьях Евфрата встречаются камни «вирулиона» (берилла), подобные зрачкам драконовых глаз.

Сонхос — египетский царь Сесострис, о котором пишет во второй книге «Истории» Геродот.

Стр. 68. *Филинѳс* — библейский первосвященник Финеес, сын Елеазара, внук Аарона.

Стр. 70. ...*ты персомъ государь еси*... — В других списках правильное чтение: «злодей».

...*на Синарьстей рецы*... — Дальше она называется Арсинорской рекой. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена эта река, замерзающая ночью и размораживающаяся днем, называется Странга. Названия «Арсиния» или «Арсания» имели в древности два восточных притока Евфрата.

Стр. 74. *Пор* — царь индов; о войне с ним Александра, закончившейся поражением Пора и взятием его в плен, сообщают древние историки (Диодор, Арриан, Плутарх).

Стр. 76. ...*Кандаркус и Аризванъ*... — В предшествующих рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена убийцы называются Бесс и Арибарзан.

Стр. 82. ...*соколов взводных*... — В сербских текстах Александру выносят охотничьих соколов и грифов, на которых можно подняться в небо.

...*Клиса, лидоньскаго царя*... — Вероятно, это Крез (Крис), последний лидийский царь (VI в. до н. э.).

...*птицы*... — Испорч. «питици», обезьяны.

Стр. 86. ...*Ираклия царя*... и *Серамиды царицы*... — Царь Ираклий (Геракл) и царица Семирамида, ниневийская (ассирийская) царица. Древние авторы приписывают ей основание Вавилона; ей же приписываются походы и завоевания до самой Индии и оазиса Амона в Ливии. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена рассказывается о двух статуях, до которых дошел Александр в своем походе на восток. Одна из них была золотой, другая серебряной, и поставлены они были Гераклом. Арриан сообщает, что Александр прошел по трудной дороге к столице гидросов в Индии, не желая уступать в славе царице Семирамиде и царю Киру, единственному, кому до него удалось здесь пройти. В «Сербской Александрии» на основе тех же имен представлена совершенно другая история.

Стр. 88. ...*Тракинскую землю*... — Фракийской землей.

Стр. 94. ...*Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ*. — Эти сведения о четырех реках восходят к Библии; в средние века Гион (Гихон) отождествляли с Нилом, Фисон с Индом (или Гангом), т. е. главной рекой Индии.

Стр. 104. ...*Алфион*... — Имеется в виду река Инд (Фисон — в средние века).

...*хинкире и наасаре*... — Первое (хинкирь, хонкиарь), вероятно, от тур. hünkâr — повелитель (титул османского султана), второе, возможно, восходит к арабскому корню паг (защищать, помогать).

Стр. 108. ...*Илююполь*... — Гелиополь («Город Солнца»).

Темищра — в греческих текстах — Клитемнестра.

Стр. 110. ...Мизаньскую землю... — Землю амазонок.
...мерсилоньского... — Берсилия (Мерсилия) — область на Северном Кавказе, где жило хазарское племя берсилов.

Стр. 112. ...невидимымъ тваремъ... — Конечно, здесь в издаваемом списке ошибка, и понимать нужно так, что Александр помолился Богу, «невидимому тварем».

...сунклитом. — «Сунклит» (αἰσθητός) значит «неразрушимый».

...готти, магоготи... — Эпизод затворения Александром нечистых народов является заимствованием из средневекового сочинения «Откровение Мефодия Патарского»; отсюда же и этот перечень нечистых народов (Гог и Магог в Библии).

...Клеопила Кандакия, царица амастридонская... — Здесь в одном лице соединены: Клеопила, упоминавшаяся у древних историков, правительница племени ассакенов; эфиопская правительница Кандака (наследница царицы Семирамиды в ранних рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена); возможно, Амастрис, племянница последнего персидского царя Дария, основавшая г. Амастрис.

...Евагридъ же, силурьский царь... — В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Евагрид называется царем бебриков.

Стр. 116. ...кучмом... — Кучма — шапка с меховым верхом.

Стр. 124. ...анфарскаго... — Испорч. «арабского».

Стр. 126. ...Мирсилоньскую землю и Сѣверскую... — См. коммент. к с. 110 — земли Евремитра, мерсилоньского царя (берсилов), и Северные холмы.

...Междуречье Сѣверское... — Междуречье Северское — в других текстах Междуречье Сирское (Месопотамия).

...Предекиския... — Испорч. «Придийские» (фригийские) — ср. земли, которыми владел царь Филипп (см. коммент. к с. 14).

Стр. 132. ...дидаскале... — Греч. слово, означает «учитель».

Стр. 140. ...намелии. — Вероятно, что здесь оставлено без перевода греческое слово.

...каруха. — Это место во всех славянских списках испорчено. В греческом тексте воины Александра бросают копья и стреляют из луков; затем идет речь о χαρῆς (радости, восторге). Можно отметить только созвучие этого слова славянскому «каруха», но греческий текст не дает в этом случае возможности восстановить первоначальный смысл фразы в «Сербской Александрии».

Стр. 144. ...теряком. — «Териак» — вещество, считавшееся в древности противоядием и всеисцеляющим снадобьем.

Стр. 148. ...в земли нарицаемей Гесем... — «Гесем» — библейское название области в Нижнем Египте, где поселился Иаков со своим родом; под «Египтом» следует здесь понимать город (столицу); «Междуречье Северское» — в других текстах «Сирское». Возможно, указывается не конкретное место смерти Александра, а область (по разделу земель она входила в часть Птолемея, ср. выше). Но, возможно, что эти названия говорят о неясности географических представлений в «Сербской Александрии». Согласно древним историкам, Александр умер в Вавилоне.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Рассказ о дочери Александра Македонского, похитившей «живую воду», переписан в 60-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином. По своему содержанию он связан со средневековыми романами об Александре — «Хронографической» и «Сербской» «Александриями», переведенными на Руси с греческого. В греческой «Александрии», приписанной современнику Александра Каллисфену («Александрия» Псевдокаллисфена), есть история о поваре, нашедшем «живую воду» и напившем ею дочь Александра Калу. В наказание за полученное бессмертие Александр приказал бросить их в воду, но Кала стала nereидой, а повар — морским демоном. В «Сербской Александрии» есть рассказ о том, как Александр расположился станом на берегу озера, вода которого оживила сухих рыб. В ефросиновском рассказе эти сюжеты дополнены

еще одним — о верном юноше Юдрее (Андрее), соблазненном и погубленном дочерью Александра Панорией (это имя близко к греческому слову, означающему хитрость, коварство). Так возникает новая версия, известная в сербской (в XIV в.) и в болгарской литературах (см.: Милтенова А. Сказание о происхождении русалок (к истории книжной деятельности книгописца XV в. Ефросина) // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 147—154), а впоследствии распространившаяся в новогреческом, славянском и румынском фольклоре (см.: Wesselofsky Al. Zur bulgarischen Alexandersage // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1875. Bd 1. H. 1. S. 608—611). Сохранение в славянском варианте непереуведенных греческих слов — педопул, ливады, кондир, апрод — указывает на греческий оригинал «Сказания».

Основная тема ефросиновского рассказа — стремление Александра Македонского, которому была предсказана ранняя гибель, к бессмертию — занимает большое место в русских «Александриях».

Текст «Сказания о дочери Александра Македонского» публикуется по списку XV в. монаха Ефросина — РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 505—506.

Стр. 150. ...*Едини нагомудреци не приаша его...* — Нагомудрецы, рахманы, в «Сербской Александрии» потомки сына Адама Сифа, безгрешные, живущие близ рая.

...*ни женское царство.* — Страна амазонок, в «Сербской Александрии» названа «Мазаньской Землей», жительницы которой так яростно сражались, что никто не мог их победить. Александр заключил мир с царицей амазонок Клитеврой.

Егда приатъ звѣря, которыйя разбиваху вся въйски... — В «Сербской Александрии» говорится о львах, обученных для боя, и боевых слонах, применяемых в войске индийского царя Пора.

...*исхожаху раци и похващаша воя.* — Морские раки, хватавшие коней и утаскивавшие их в море, упоминаются в «Сербской Александрии».

...*породимъ кладязь.* — Порода — рай, породный; породский — райский (см.: Словарь русского языка. XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. (Помаранецъ—Потишати). С. 120, 121).

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет знаменитого Троянского эпоса. О Троянской войне рассказывалось в пятой книге византийской «Хроники Иоанна Малалы», в славянском переводе вошедшей в древнерусские хронографические своды, в «Хронике Константина Манассии» (см.: БЛДР. Т. 9. С. 120—131), в польской хронике Мартина Бельского, также известной в русском переводе и использованной при составлении «Русского хронографа» в его редакции XVII в. Но наиболее обстоятельно с сюжетом Троянского эпоса древнерусский читатель мог познакомиться через перевод латинского романа XIII в. — романа «Historia destructiois Troiae» («История разрушения Трои») Гвидо де Колумна — придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и сицилийского короля.

Роман Гвидо, как и его непосредственный источник — французская поэма Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое», восходят не к гомеровскому эпосу и не к греческим поэмам VII—VI вв. до н. э., разрабатывавшим сюжеты троянского цикла (так называемым «киклическим»), а к поздним переложениям античных мифологических сюжетов, приписываемым, однако, предшественникам Гомера — мнимым участникам Троянской войны Дарету Фригийцу и Диктису Критянину. В действительности же «Дневник Троянской войны» Диктиса создан не ранее III в. н. э., а «История падения Трои» Дарета — в начале V века (см.: *Дарет Фригийский*. История о разрушении Трои / Русский перевод, коммент., вступ. статья, сост. А. В. Захаровой. Гекзаметрические переводы Д. О. Торшилова. СПб., 1997. С. 24). Под пером немецких, французских и итальянских средневековых авторов история Троянской войны превратилась в типичный рыцарский роман, в котором не менее значительное место, чем описание военных перипетий, занимают романтические сюжеты: рассказ о

любви Меден и Язона, Париса и Елены, Троила и Брисеиды, Ахиллеса и юной дочери Приама Поликсены.

Роман Гвидо де Колумна был несколько раз издан в конце XV в. в Болонье, Страсбурге, Париже. Одно из этих изданий, видимо страсбургское, и послужило оригиналом для древнерусского перевода, осуществленного, скорее всего, в начале XVI в. На его основе позднее возникли сокращенные переделки романа, сохранившиеся во многих списках XVII в., свидетельствующие о неослабном интересе к этому сюжету древнерусских читателей (см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. Сер. «Литературные памятники»).

Полный текст перевода романа Гвидо сохранился в нескольких списках XVI—XVII вв. К сожалению, все они дефектны, за исключением списка XVII в., по которому и публикуется текст.

Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов (о походе аргонавтов, о первом разрушении Трои Язоном и Геркулесом, о истории Париса, Троянской войне, странствиях Одиссея и т. д.), — интереснейший факт истории русской культуры. Примечательно, что почти полный текст «Троянской истории» был включен в Лицевой свод, монументальное многотомное изложение всемирной и русской истории, созданное по инициативе Ивана Грозного во второй половине XVI в. Роман привлек к себе внимание царя: обличая Андрея Курбского, он сравнивает его с персонажами «Троянской истории» — Энеем и Антенором.

Мы не имеем возможности познакомить читателя с полным текстом романа — он слишком велик. Публикуется один фрагмент его — первая, вторая и часть третьей книги (всего роман состоит из 35 книг), в котором повествуется о походе аргонавтов и добычании золотого руна.

При обращении к древнерусскому переводу романа мы встречаемся с немалыми трудностями, текст его местами крайне сложен для понимания. Переводчик был, вероятно, недостаточно опытен, он перевел довольно сложный и не всегда понятный ему латинский текст механически, следуя оригиналу даже в порядке слов, но при этом не всегда находил им точные русские соответствия. Поэтому при переводе на современный русский язык мы постоянно обращались к латинскому оригиналу и на его основе «проясняли» или даже исправляли непонятный текст древнерусского списка.

Для удобства читателей имена персонажей в переводе унифицированы и приводятся в традиционных написаниях: Язон, Эсон, Медея, Пелей и т. д.

В основу публикации положен список ГИМ, собр. Уварова, № 525, XVII в. Наиболее явные и грубые описки исправлены по смыслу. Все исправления выделены курсивом.

Стр. 152. ...*О Пелеи, царь тефсалийскомъ...* — У Гвидо ошибочно слиты в одно лицо царь Фтии (в Фессалии, области в северной части античной Греции) Пелей, муж морской богини Фетиды, отец знаменитого мифического героя Ахилла, и Пелий, правитель Иолка (также в Фессалии), брат Эсона, дядя Язона.

...*Великую Гресию, сиречь Италию...* — Великой Грецией именовались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии.

...*апрузиян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границахъ царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся...* — Апрузия — область на юге Апеннинского полуострова. Слова «царства Киликийского» переводим как «царства Сицилийского» в соответствии с латинским оригиналом. Киликия — область на юго-востоке полуострова Малая Азия — упомянута в древнерусском тексте ошибочно.

Якоже о них свидетелствуетъ Овидій Моненись... — В VII книге «Метаморфоз», поэмы древнеримского поэта Овидия (43 до н. э.—17 н. э.), упоминается миф, согласно которому мирмидоняне — это лесные муравьи, превращенные в людей по просьбе царя Эака. Эпитету (прозвищу?) «Моненись» в латинском оригинале соответствия нет.

Стр. 154. ...*глаголетъ той же предреченный Овидий... хитростною силоу Медеи...* — В той же книге «Метаморфоз» содержится рассказ о том, как Медея, дочь царя Ээта, обладавшая даром волшебства, вернула старцу Эсону облик зрелого мужа.

... *в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ...* — Согласно античным мифам, золотое руно находилось в Колхиде, стране на восточном побережье Черного моря. Однако у Гвидо «Колкос» почему-то считается островом.

...*златоруннаго овна...* — Согласно античным мифам, златорунный овен, на котором Фрикс, спасаясь от преследования мачехи, переплыл море, был принесен им в жертву, и у царя Колхиды Ээта хранилось лишь золотое руно. Его охранял Дракон (в древнерусском переводе — «змея») и медноногие быки, изрыгающие пламя. В древнерусском тексте имя колхидского царя соответствует латинскому написанию Oetes.

Стр. 158. ...*мнози честнороднии многию храбростию красновидны...* — В походе аргонавтов участвовали Орфей, Геракулес, Кастор, Полидевк (Поллукс), Тесей и другие герои.

Еркулесъ — Геракулес, сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона, — популярнейший герой Древней Греции.

...*сокруши Антефьюма.* — Богатыря Антея Геракулес (Геракл) задушил, лишь оторвав от земли: Антей был сыном Геи, — а она представлялась древним грекам олицетворением земли. Поэтому Антей, прикасаясь к земле, черпал новые силы.

...*стража их, пса триглавнаго...* — Имеется в виду двенадцатый подвиг Геракла, когда герой привел связанным к царю Ерисфею трехголового пса Кербера (Цербера), охранявшего врата ада. На том месте, где на землю падала слюна из пасти Кербера, выростала ядовитая трава.

...*столпы Еркулови...* — Геракусовыми столпами называли в древности скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. В средневековых легендах об Александре Македонском утверждалось, что он дошел со своим войском до этих мест.

Стр. 160. *Ангвин* — т. е. созвездие Дракона.

...*Овидий во второй книзѣ...* — Во второй книге «Метаморфоз» излагается миф о возлюбленной Зевса — нимфе Каллисто и ее сыне Аркаде, обращенных Зевсом в созвездия. Древнерусский переводчик принял Каллисто за мужчину («Калистона и Аркада сына его»).

...*И не честованныи на вышнем небеси... отстоянием кратчайший обходит.* — Это восклицание оскорбленной Юноны С. Шервинский переводит так: «В самой небесной выси, удостоенных только что чести / Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где полюс / Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба» («Метаморфозы», II, 515—517).

Симеоста — Симоэнт, приток реки Скамандр, протекавшей в окрестностях Трои.

Стр. 162. ...*от Енея сирьчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия.* — Согласно легендам, Эней — один из троянцев, после разрушения Трои и долгих скитаний пристал к италийским берегам и основал здесь город Лавинию. Ему наследовал его сын — Асканий-Юлий. К числу их потомков легенда относила и царя Альба-Лонги Неметора, деда Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, происхождение Рима и Римского государства связывается с именем троянца Энея.

...*близ Рима великъ сооружи град...* — В латинском оригинале *juxta Remum* — т. е. близ, подле Рейна.

Антенор — троянский вельможа; вместе с Энеем он способствовал победе греков и взятию Трои. После ее разрушения он покинул город и, согласно легенде, основал Венецию.

...*от царя Сикаона пришедшаго в Киликию...* — Здесь Киликией в древнерусском тексте названа Сицилия. При этом в географических рассуждениях Гвидо остров Сицилия смешивается с Сицилийским королевством, существовавшим до 1282 г. и распространявшим свою власть как на остров, так и на южную часть Апеннинского полуострова.

Диомедесъ — Диомед, аргосский царь, на стороне греков участвовавший в Троянской войне. Он ранил в бою Афродиту и был обречен ею на скитания. По одному из мифов, он основал ряд городов в Калабрии (на юге Италии). Спутники его были обращены Цирцеей, дочерью Гелиоса, в птиц.

Исидор — видимо, имеется в виду Исидор Севильский (560—636), ученый-энциклопедист, в книге которого — «Этимологии» — содержалось много ссылок на античных авторов и фрагментов из их сочинений.

Стр. 168. *...египтянинъ Птоломей.* — Птоломей (ок. 90—ок. 160), греческий астроном, живший в Александрии, в Египте, создатель геоцентрической системы мира.

...«егда луна обращается»... — В древнерусском точный перевод латинского *cum luna se volvit*. Неясно, однако, имеется ли в виду новолуние, когда луна как бы «отворачивается», или же лунное затмение. Мы приняли первый вариант.

Стр. 170. *Дионисий Ареопагитский* — легендарный афинский ученый-философ, ученик апостола Павла. См. наст. изд., с. 558—559.

«Или Богъ естества... тварь мира разрушится». — В письме Днионисия Ареопагита к Поликарпу описывается затмение солнца, которое Дионисий наблюдал в египетском городе Гелиополе, и дается понять, что это затмение происходило во время крестных мук Христа.

...в Гаваонѣ... стати повелѣ. — Имеется в виду библейский рассказ, как по молитве Иисуса Навина во время битвы его с амморейским царем близ Гаваона Бог остановил движение солнца (см.: Ис. Нав. 10, 12—13).

Стр. 176. *...пиша перстомъ на шиде червленымъ виномъ сице...* — В латинском оригинале этих слов нет: Медея не пишет, а говорит Язону. Здесь вставка из другого произведения о Троянской войне — «Повести о создании и поплнении Тройском...».

Стр. 184. *Сей камень мудрыя асхате нарицают... И сего Енея носивша Вергилий пишеть...* — В поэме древнеримского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида» рассказывалось о спутнике Энея Ахаве. Здесь его имя превратилось в название камня-талисмана.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

На рубеже XV—XVI вв. древнерусский читатель познакомился с несколькими произведениями, повествующими о Троянской войне: о ней рассказывалось в одной из глав византийской Хроники Константина Манассии (этот текст публикуется в наст. изд., т. 9, с. 120—131) и в обширном латинском романе Гвидо де Колумна, издание которого также было переведено на русский язык в самом начале XVI в. (фрагмент из этого перевода опубликован выше, с. 152—193). Но наибольшее распространение в литературе XVI—XVII вв. получила компилятивная «Повесть о создании и поплнении Тройском...». Эта повесть составлена русским книжником, вероятно, создателем Русского хронографа (о нем см. коммент. в наст. изд., т. 9, с. 529). В ее основу положена упомянутая выше глава из хроники Манассии, но в большей степени — отдельная повесть, носившая заглавие «Повести о извъствованныхъ вещей, еже о кралехъ причя, и о рождених и прѣбыванихъ». Последнее научное издание «Притчи о кралехъ» (как в литературе ее обычно именуют) осуществлено в кн.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой. Подготовка текстов М. А. Салминой. Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. С. 243—254. «Притча о кралехъ» является, вероятно, переводом латинской средневековой повести, осуществленном в Далмации в XIII—XIV вв. Текст «Притчи» был включен в некоторые списки Хроники Константина Манассии, в частности в ее иллюстрированный Ватиканский список сер. XIV в. (Библиотека Ватикана, Cod. Slav.; 2) и в список русского перевода Хроники — РНБ, Софийское собр., № 1497, XVII в. В обоих списках текст «Притчи» следует непосредственно за главой, повествующей о Троянской войне в основном тексте Хроники. По всей вероятности, в руках создателя Русского хронографа был такой (до нас не дошедший) список хроники, в котором эта вставка уже была.

Создатель Русского хронографа успешно справился со своей задачей: ему удалось составить свою компилятивную версию без существенных изъянов, следы соединения двух источников мало заметны, а допущенные сокращения текста «Притчи» незначительны и не существенно искажают сюжет памятника. Источником «Притчи» (напомним, — основного компонента «Повести») был, однако, не Гомер, которого в раннем средневековье плохо знали и к которому относились тогда без должного пиетета, а сочинения Дарета и Диктиса — мнимых участников Троянской войны (см. о них выше, с. 546).

Осуществление переводов произведений о Троянской войне на рубеже XV—XVI вв. еще не свидетельствовало о широком знакомстве с этим сюжетом древнерусских книжников: и списки Хроники Манассии, и списки «Троянской истории» исчисляются единицами (более распространена краткая переработка Троянской истории, но она появится, вероятно, лишь в XVII в.). Иное дело — «Повесть о создании и полении Тройском». Уже то, что она вошла в состав авторитетнейшего и известного в сотнях списков Русского хронографа, обеспечивало ей широкую известность. Ее сюжет привлекал настолько, что «Повесть», изъятая из полного текста Хронографа, включалась в сборники.

«Повесть» была издана в составе древнерусского хронографа (см.: Русский хронограф. Часть I. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. I), а также в книге: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 7—13, 70—77 и 197—207. (Сер. «Литературные памятники»). Для издания БЛДР заново подготовлен текст, сделан новый перевод и написан заново комментарий. В нем частично использованы наблюдения известного филолога-античника М. Н. Ботвинника (из комментария в издании 1972 г.), что во всех случаях оговаривается.

Текст опубликован по списку Хронографа 1512 года — РНБ, F.IV.178, 1538 г. Исправления, сделанные по списку РНБ, собр. Погодина, № 1443, выделяются курсивом. Выделены также два добавления и одно исправление по Хронике Константина Манассии (по списку РНБ, Софийское собр., № 1497), они оговорены в комментарии.

Стр. 194. ...при Давидѣ, цари Иудейском. — По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004—965 гг. до н. э.). Современные историки датируют ее серединой XIII в. до н. э.

...царь некий именеъ Придешь. — В «Повести» сравнительно с античной традицией многие личные имена изменены и искажены до неузнаваемости. В переводе в большинстве случаев сохраняются написания «Повести», а идентификация приводится в комментарии. Так, в данном случае, видимо, имеется в виду Фригий, хотя традиция называет основателем Трои Дардана.

...в нѣкоемъ в морскомъ отоцѣ... — «Оток» значит остров и вообще участок суши, омываемый водой, поэтому в переводе употреблено слово «мыс». Однако историческая Троя располагалась на материке — в северо-западной части Малой Азии, к югу от Геллеспонта. Пелешино море — видимо, Эгейское море.

...Троиль роди Приама царя... — Традиционно отцом Приама называется Лаомедонт.

Якама — имеется в виду Гекаба (Гекуба).

...Фарижъ Пастыревичь. — Отчество Парису (Фариху) дано по мнимому отцу — пастуху (пастырю).

Стр. 196. ...бракъ творяше Велешь царь... — Имеется в виду свадьба фессалийского (фтийского) царя Пелея (отца Ахиллеса) и морской нимфы Фетиды. По мифам, свадьба происходила не во дворце, а в пещере Хирона на Пелионе.

...три жены, ихже и пророчица нарицаху... — В «Притче» они названы поименно — Юнона, Паллада и Венера. Здесь же богини именуются «пророчицами». Под четвертой, не приглашенной на пир, имеется в виду богиня раздора Эрида (в «Притче» это римская богиня Дискордия).

...да присудить ей яблоко... — Согласно традиции, богини предстали перед Парисом не на свадебном пиру Пелея, а на горе Иде, близ Трои.

И Тебушь бѣ гуселник... варъ, и камение, и воду. — По мифологической традиции, стены Трои возвели Феб (здесь Тебуш) и Посейдон (здесь — Нептанабуш, т. е. Нептун), но не при Приаме, а при его отце Лаомедонте.

И Питерь волховъ... еяже ради Трой разориться. — Обманутые строители Трои — Феб и Посейдон — обратились за помощью к Юпитеру (здесь Питер). Бог явился дочери Приама Кассандре и предсказал ей гибель Трои. Здесь этот мотив сокращен.

Такоже и жены оны... како бы Трой разорилъся. — Во время Троянской войны Гера и Афина были на стороне греков, Афродита на стороне троянцев.

...прииде к Менелая... служити... — В «Илиаде» говорится, что Парис был гостем спартанского царя Менелая, а не его наемником.

...писаше на убрусе червленымъ виномъ къ Елене... — В «Притче» добавлено, что Менелай не мог прочесть написанное, так как был неграмотен.

Стр. 198. *...Агамену царю...* — Т. е. к Агамемнону, царю Аргоса и Микен, брату Менелая.

...отвержешя от него русагъ Каакымьскы... — О том, что Менелай уехал усмирять отпавшую от него область, говорится только в «Притче». М. Н. Ботвинник предполагал, что Каакимская земля — искаженное название Крита, куда, согласно Овидию, уехал Менелай. См.: Ботвинник. Комментарий. С. 200.

...Аякъш, Саломониковъ сынъ... — Т. е. Аякс Большой. Имя его отца — Теламон — здесь превратилось в Саломоник.

...Паламид, Придековъ сынъ... — Евбейский царь Паламед, сын Навплия.

...Урекишишь именемъ, Лантешевъ сынъ... — Здесь так назван Одиссей (Уллиз), сын царя Итаки Лазрта. В дальнейшем тот же Одиссей будет назван Дисевес. Рассказ о мнимом безумии Одиссея у Гомера отсутствует, в мифологической традиции он появляется позднее.

...от Феталиа, и ото Архиа... — Фессалия — область в Северной Греции; Ахайя — северная часть полуострова Пелопонес.

...бляше Менесефезъ от Афинъ... Тлипелемъ же от Родоса — Здесь названы афинский царь Менесфей, Нестор — царь Пилоса, Одиссей, Аякс, критский царь Идомений и царь Родоса — Тлеполеп. Слова *от Ифаке* доб. из Хроники Манассии.

Евъфиянинъ же Ахиллей... — Вероятно, здесь искаженное определение «евъфинянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

...поставиша царю ратиначалника. — Во главе греческого войска был поставлен не Ахилл, прибывший под Трою позднее, а микенский царь Агамемнон.

Стр. 200. *...кари и лукаани, миси и меони, и фруги...* — Народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

...Велеша... — Согласно мифологической традиции, на греков, отплывших в Трою, разгневалась богиня Артемида, так как Агамемнон или кто-то из его воинов застрелил священную лань богини.

...своеа дщери Цвѣтаны... — Речь идет о дочери Агамемнона Ифигении. Греки, по совету жреца Калхаса, были вынуждены принести ее в жертву богине, но на алтаре девушку заменила лань, а Ифигения стала жрицей храма богини Артемиды на Тавриде.

...Екторъ царь... — Один из Троянских героев — Гектор.

...от живаго огня Екторъва. — Стрелы с огнем, «живой огонь» — все это напоминает распространенное в Византии средство борьбы с вражеским флотом — «греческий огонь»: из специальных сифонов на корабли противника выбрасывалась воспламеняющаяся смесь.

...бояшешя гласа Ахиллева. — О грозных криках Ахилла, наводящих ужас на троянцев, говорится в «Илиаде» (XVIII, 217—229).

...а Рижешъ бѣ полъ сынъ Тебуга бога. — Здесь излагается сюжет «Илиады», повествующий, как дочь жреца Феба-Аполлона Хриса (здесь Рижеша) Хрисеида (здесь Рижеша) стала пленницей Агамемнона. Ее отец обратился за помощью к Аполлону, и тот наслал на греческое войско страшную болезнь.

...и не хотяше изыти на брань. — Причиной, по которой Ахиллес перестал участвовать в боях, была (по «Илиаде») не гибель Паламеда, а то, что Агамемнон, вернув Хрисеиду, отнял у Ахилла его пленницу — Брисеиду.

И тако умре. — В мифологической традиции есть рассказ о том, как Паламед разоблачил мнимое безумие Одиссея (здесь он именуется Дисефесь Нисиотенин), а тот в отместку оклеветал Паламеда. Невинно осужденный герой был забит камнями.

...убиенъ бысть Патроклие... от руку крѣпкою Екторовою. — Именно убийство Патрокла, друга и побратима Ахилла, побудило героя вновь принять участие в сражениях.

Стр. 202. *И пакы призываетъ Приамъ на помощь амазони.* — Сюжет об участии в Троянской войне женщин-воительниц амазонок впервые появляется в киклической поэме «Эфиопида» (VI в. до н. э.).

И умоли Тавтантиа, индийскаго царя... — Тавтантий — возможно, Тевтрант, правитель Мизии (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 203), но не индийский царь. Описание индийских воинов и используемых ими в битвах прирученных зверей, возможно, появилось в «Притче» под влиянием «Александрии», где рассказывалось о сражении Александра Македонского с индийским царем Пором (см. наст. изд., с. 14—149).

И мати его Екама царица... еже пощаждѣти ся самому. — М. Н. Ботвинник отметил, что этот эпизод напоминает текст «Илиады»:

Мать на другой стороне заливалась в горе слезами,
Перси рукой обнажив и другою на грудь указуя,
Сыну, лиящая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! Почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об этом, мой сын...»

(XXII, 79—84; Перевод В. Вересаева).

Он продолжает: «Любопытно, что ни у Диктиса, ни у Дарета эта речь Гекубы не приводится. Нет этой речи и в „Притче о кралех“. Возникает предположение, что автор „Повести“ был знаком с Гомером или непосредственно, или в пересказе» (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

...сѣдмь уровъ греческихъ, еже есть сѣдмь полкъ. — Происхождение и значение термина «ур» (М. Н. Ботвинник соотносил его с греч. Словом οὐρος — «страж, защитник») неясно.

Стр. 204. *...Приамъ... поиде въ греческую войску.* — Только у Гомера Приам отправляется к Ахиллесу за телом Гектора один («Илиада», XXIV, 469 и след.), у Диктиса Приам идет к Ахиллесу с Гекубой, Поликсеной и другими членами семьи. М. Н. Ботвинник допускает знакомство автора «Притчи», а вслед за ней и «Повести» с Гомером (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

...и дам ти свою дочьъ Поликсену, коя во всѣхъ госпожахъ тройскихъ добрѣйши. — У Гомера Поликсена не упоминалась, но история прекрасной дочери Приама рассказана уже в трагедии Еврипида «Гекуба», где говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. У Дарета и Диктиса, как и в основанной на них «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна, повествуется, что Ахилл, увидев Поликсену в храме во время перемирия или у могилы Гектора, влюбился в нее, и ради этой любви согласился на перемирие с троянцами. В «Притче» Ахилл Поликсену не видит, ее предлагает ему в жены сам Приам.

...скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ... — В разных версиях истории Троянской войны убийцами Ахилла называются то сын Приама Гелен, то Александр Парис, то другой его сын Деифоб (здесь он назван Дифов).

...точию плеснѣ его безъ желѣза... — В мифологической традиции тело Ахилла было неуязвимо для оружия, так как его мать Фетида окунула ребенка в воды подземной реки Стикс. Мать держала младенца за пятку, поэтому только пятка и осталась уязвимой. В «Притче» же предлагается более «рационалистическое» объяснение: герой был в доспехах и только ноги его были «без железа».

Ощутити же сиа Дисевес... Ея Теламоненинъ... — В «Повести» спутниками Ахилла названы Одиссей, Диомед (здесь он назван Диогеном) и Аякс, сын Теламона.

...посла сына своего... к Полинещеру царю... — Сюжет о судьбе Полидора отразился в «Гекубе» Еврипида. В античной традиции Полинещеру соответствует царь Фракийского Херсонеса (его владения были на северном берегу Геллеспонта). Погажия, вероятно, искаженное название Фракии.

Стр. 206. ...и сами скрившесь во острове. — В некоторых произведениях троянского цикла называется остров Тенедос (в Эгейском море, вблизи от малоазиатского берега).

...зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ. — В Хронике Манассии слов «зажгоша храмы» нет (см. наст. изд., т. 9, с. 130). Составитель «Повести» вставил их напрасно: речь шла о том, что вышедшие из коня воины должны были факелом подать знак греческому войску, а не устраивать в городе пожар.

Инде же пишет... — Составитель «Повести» указывает, что он, завершив выписку из текста хроники Манассии, вновь обращается к «Притче о кралех».

...тѣм же образомъ, аки конь... — Этих слов нет в «Притче», они — неудачное пояснение составителя «Повести». Возможно, он не понял, что «фариж» — это слово, обозначающее коня. Отсюда и бессмысленность перевода: «серый конь, видом подобный коню».

...мечными... — Это слово добавлено из Хроники Манассии.

...вяще... — Слово исправлено по Хронике Манассии.

И повель ея и со Александром усѣкнути. — Как предположил М. Н. Ботвинник (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 207), рассказ о казни Париса и Елены принадлежит латинской повести — оригиналу «Притчи о кралех». У Еврипида в трагедии «Андромаха» лишь говорится, что Менелай, собравшийся казнить жену, увидев ее, по-прежнему блистающую красотой, прощает. (О различных версиях, касающихся судьбы Елены, см. в посвященной ей статье в кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 431—432).

И с ними Поликсену... яко ея ради погибе. — По мифологической традиции Поликсену убивает над могилой Ахилла его сын — Неоптолем.

Сия уаѣдѣше гражене, побиша их каменемъ. — Это один из вариантов мифа о судьбе Гекубы, перекликающийся с сюжетом одноименной трагедии Еврипида «Гекуба». По другой версии, царица была убита греками.

Стр. 208. ...творецъ Омиръ... — Составитель «Повести» самостоятельно называет имя Гомера — его в данном тексте не упоминают ни Константин Манассия, ни автор «Притчи о кралех». Правда, Манассия говорит о Гомере ранее, но там обещает рассказать о событиях «Не якоже Омиръ описует» (см. наст. изд. Т. 9. С. 120).

...сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша. — Фирелеш, вероятно, искаженное имя Пелей, что же касается Каеты, то это имя в «Притче» носит Ликомед, у которого воспитывался малолетний Ахилл.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

«Стефанит и Ихниллат» — греко-славянская версия всемирно известного памятника, возникшего в глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра», потом он был переработан в персидско-арабский вариант под названием «Калила и Димна», с которого был сделан в XI в. греческий перевод (вернее, переработка) под названием «Стефанит и Ихниллат». Это цикл басен и поучительных повестей, построенный по форме бесед царя и философа: философ рассказывает царю занимательные истории, преимущественно о животных, вкладывая в них поучения. Занимательность сюжета и дидактичность обеспечили памятнику широчайшую популярность.

Славянский перевод был осуществлен, по-видимому, в XIII—XIV вв. в одном из славянских монастырей на Афоне. Существует три редакции славянского текста — сербская, болгарская и болгаро-русская. Редакции различаются по составу, все они в разной степени дефектны (т. е. в них есть утраты по сравнению с греческим оригиналом), но они восходят к одному протографу;

общие для всех редакций ошибки перевода показывают, что перевод был один. Ряд языковых данных (мы стараемся в комментарии обращать внимание читателя на такие случаи) позволяет считать, что перевод был сделан на болгарский извод церковно-славянского языка, хотя в сохранившихся рукописях сербская редакция представлена значительно более полным текстом.

Текст, который был распространен в русских рукописях (одна из них издается в данном томе), относится к болгаро-русской редакции, отличающейся следующими особенностями: она состоит из семи глав и обрывается на полуслове в середине притчи «О семи снах индийского царя». Кроме того, в ней произошло слияние двух притч — «О пификах и о светляке» и «О лукавом и о преприту» — в одну притчу «О двух друзьях».

Рукописная традиция болгаро-русской версии богата и разнообразна. Рукописи представляют несколько вариантов текста, и различия этих вариантов формируются в двух планах: во-первых, текстовые разночтения, во-вторых, интерполяции (т. е. позднейшие вставки и изменения; см. ниже). Разночтения в рукописях очень важны — они дают нам возможность судить о том, как древнерусские книжники воспринимали этот чужеродный и иногда непонятный для них текст. На местах ошибок, возникающих при переводе с греческого, в рукописях возникали узлы разночтений — переписчики, чувствуя шероховатость в тексте, пытались исправлять текст по своему разумению (без сверки с греческим оригиналом), а иногда появлялись глоссы на полях, поясняющие текст. Поэтому, чтобы понять восприятие текста средневековым читателем, необходимо изучать его по совокупности рукописей.

Отличительной чертой болгаро-русской редакции является наличие в ней интерполяций — вставок нравоучительного характера. По составу этих вставок мы можем делить рукописи на группы и подгруппы; есть группы, в которых интерполяции вовсе отсутствуют. Интерполяции появились в рукописях болгаро-русской редакции, возможно, сразу же при составлении редакции — во всяком случае, самые ранние рукописи уже содержат интерполяции. Изъятие интерполяций из текста было результатом вторичного редактирования. В двух рукописях XV в. (Синодальной и Рогожской) интерполяции отмечены глоссами на полях «ино-го-сущее», а в Синодальной рукописи они, кроме того, вычеркнуты. Есть еще рукопись XV в., — Троицкая, текст которой представляет особую редакцию: все интерполяции выброшены, текст сокращен, ему придан более «беллетристический» вид. В рукописях других групп тоже есть интерполяции — они иные, чем в Синодальной группе, и зачастую не воспринимаются как интерполяции, но характер их такой же. Во многих же рукописях XVII—XVIII вв. интерполяции изъяты совсем и памятнику возвращена его басенная сущность.

Наличие и отсутствие интерполяций связано с литературной средой и с литературной обстановкой, в которой существовал текст.

Получив в свои руки восточный басенный цикл, содержащий много афоризмов и нравоучительных сентенций, славянский переводчик — афонский монах — возможно, не придавал значения басениому («беллетристическому») характеру памятника, а воспринял только его нравоучительную афористичность. Он усилил дидактическую сторону памятника, добавив туда еще ряд цитат, выдержек из святоотеческих книг. В средневековой письменности имели большое распространение сборники афоризмов (такие как «Пчела») и особенно нравственно-учительные сочинения, такие как «Лествица» Иоанна Синаита или поучения аввы Дорофея. Эти памятники и были источником нового интерполирования. Получается, что для составителя болгаро-русской редакции «Стефанит и Ихнилата» был не столько книгой басен (басни как жанр были ему, видимо, чужды), сколько своего рода «Пчелой», сборником афоризмов, который, следуя традиции, можно дополнять новыми по своему выбору и вкусу. Этим, по-видимому, и объясняется то пренебрежение к сюжету, с которым интерполяции вносятся в текст, — они часто прерывают фразу посередине, иногда полностью не соответствуют по смыслу тому, о чем рассказывается в тексте, иногда просто выглядят странно в данном контексте. Для книжника XV в. литературные особенности «Стефанита и Ихнилата» были чужды — этот памятник обладает чертами литературы Нового времени (неоднозначность героев — злодей говорит умные и благочестивые вещи и подчас вызывает сочувствие; основные моральные установки недостаточно четко выражены, читателю приходится самому оценивать этическую сторону происходящего — в то время как в привычной для него средневековой

литературе все было четко, положительный герой говорил и делал все прекрасно, отрицательный — был резко черным; автор же четко и однозначно выражал «мораль притчи»), в нем есть увлекательный сюжет, за которым нужно следить, и даже своеобразный юмор. Все это, по-видимому, было чуждо и книжнику, и читателю.

В XVII в. положение изменилось, возникла другая литературная ситуация, развились жанры демократических повестей, были сделаны новые переводы («Басни Эзопа», «Зрелище жития человеческого» и др.), и «Стефанит и Ихниллат» попал на свое место, его повествовательная природа ярко проявилась и закрепилась в рукописной традиции. Памятник стал переписываться вместе с другими повествовательными произведениями; сам он тоже стал меняться за счет распространения бытовых подробностей, увеличения деталей сюжетного повествования, интерполяции стали исчезать, начали появляться новые притчи из других источников. При этом книжная лексика частично заменилась на более понятную и даже бытовую.

В настоящем издании мы представляем читателю основное ядро памятника по старейшей из сохранившихся рукописей болгаро-русской редакции (интерполяции опускаются). Читатель увидит образец одного из самых ранних беллетристических произведений славянской письменности (хотя и не воспринятого как таковое в XV в.), не забывая при этом, что это один из «бродячих сюжетов» — т. е. произведение, которое появилось у славян, обойдя до того полмира и принося с собой следы чужих культур и общечеловеческую мудрость.

Текст издается по рукописи XV в.: ГИМ, Синодальное собр., № 367, лл. 493—548. Необходимые исправления сделаны по рукописи XVII в.: РГБ, собр. Тихонравова, № 249 (Т), собр. Толстого: РНБ, Q.XV, 2 (Толст.) и по греческому тексту.

Интерполяции, содержащиеся в Синодальном списке по сравнению с греческим текстом, исключаются; места интерполяций отмечены (...).

Стр. 210. *Списание Сифа Антиоха...* — Автор «Стефанита и Ихниллата» назван Сиф Антиох. Это имя — Симеон Сиф — встречается в греческих рукописях. Сиф был прото-вестиарием (придворный чин) антиохийского дворца, отсюда в славянских текстах появилось второе имя — Антиох. В некоторых славянских рукописях он назван просто Антиох, с прозванием Великий.

Иоанн Дамаскин — церковный деятель, знаменитый византийский поэт, гимнограф и литургист VIII в., по происхождению сириец. В традиции древнеславянской письменности было приписывать известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых не было известно или не было достаточно представительно.

...о звѣрех... — Греческое слово ὁ θῶς (шакал) славянский переводчик не смог перевести, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось использовать слово «звѣрь» или словосочетание «некий звѣрь». Но если главные герои (шакалы) имеют собственные имена и автор может их во всех случаях называть этими именами, не объясняя, кто они такие, то в других притчах, где это слово является нарицательным (в притче «О льве и верблюде», а также в не вошедшей в данную версию притчи «О шакале-постнике»), переводчику приходилось выходить из положения, прибавляя дополнительные описания. Древнерусские переписчики повести чувствовали этот недостаток перевода, и в некоторых списках появились глоссы на полях, конкретизирующие и поясняющие словосочетание «некий звѣрь» — «соболь и горноста́й», «медведь и соболь», «медведь и горноста́й».

Стефанит и Ихниллат — в древнеиндийской версии памятника «Панчатантре» имена главных героев иные — Каратака («Темно-красный») и Даманака («Усмиритель»); эти имена при переводе на персидский и арабский превратились в «Калила» и «Димна». При переводе памятника с арабского на греческий в результате ложной этимологизации они превратились в «Стефанит и Ихниллат» — переводчик связал слово «Калила» с iklil («диадема») и перевел «увенчанный» (στεφανίτης), а слово «Димна» — с dimap («следы кочевья») и перевел «выслеживающий» (ιχνελάτης). Такая интерпретация в какой-то мере подтверждалась этической нагрузкой персонажей, из которых один — благородный и благоразумный, а другой — лукавый интриган.

Якоже сопусы разсыпаять... — Греческое слово οἰσώληνες (трубы) передано в славянском тексте словом «сопусы» или «сапусы». Это не понятное переводчиком слово дает в славянских рукописях разночтения и искажения — «супостаты», «сапозиз», «соль». В некоторых рукописях дается верный перевод — «трубы».

Стр. 212. *Немного еже постредѣ...* — Этим выражением в славянском переводе передано греческое *ou poiú tó ep téso* («через некоторое время, вскоре»); оно было недостаточно ясно для русского читателя. Рукописи дают разные варианты осмысления этого места — «немного же последи», «немного еже пострада», «немного еже по страде», «немного еже по страде своей» и даже «немного еже по траве». В некоторых случаях встречается другой перевод (правильный по смыслу): «не по мнозе же времени».

Обои различнии мудроумнии обычаи... — Слово «обычаи» (в Т — *обычаем*) в данном контексте не имеет смысла, тем более что оно появилось на месте греческого *πλήν* («но, однако, разве что»); другие рукописи дают правильное чтение «обаче»; но надо полагать, что писцы исправили ошибку перевода по смыслу, а не в результате сверки с греческим текстом.

...катадневную пищу... — Т. е. ежедневную пищу. Прилагательное искусственно образовано с помощью греческой приставки *κατά* — «еже-», «каждо-».

...пификово... — Для обозначения обезьяны в славянских языках существовало несколько слов — пифик, опыния (опыня), опицца (опица), обезьяна (обозиана), трепясток и позднее (с XV в.) — мартышка; все они соответствуют греческому *πίθηκος*. Слово «пифик», заимствованное из греческого языка, встречается в памятниках редко и, видимо, требует объяснения. В рукописях иногда встречаются глоссы на полях, объясняющие, что пифик — это обезьяна.

...съключися древо... — В рукописи на полях приписано «сътупися».

...яко всякъ жало имать. — Неудачный перевод: в греческом тексте стоит *τὸ μέτρον* — «мера», славянский переводчик прочитал *τὸ κέντρον* — «жало».

Стр. 214. *...и тѣм же лобзаим наше число.* — Славянское *лобзати* значит «приветствовать». Слово «число» в данном случае не совсем удачно передает греческое *τὸ μέτρον* — «мера».

Подобит бо ся лозѣ... — В рукописи: «Подобит бо ся зѣло древесем». В данном случае переписчиком Синодального списка допущена ошибка (метатеза — вместо «лозѣ» — «зѣло»). Кроме того, слово «древесем» лишнее (в Т его нет) — оно написано на верхнем поле со знаком вноска в текст. Некоторые рукописи дают правильное чтение; например, рукопись Толст. — «подобит бо ся лозѣ, та бо не болшим древесем, но ближним приплетається».

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий... — Притча об отроке появилась в славянском переводе случайно (в греческом тексте ее нет) в результате ошибки перевода. Переводчик перепутал похожие по написанию слова *πᾶς* (всякий) и *ὁ παῖς* (отрок) и вынужден был прибавить к выпадающему из контекста слову «отрок» (вместо «всякий») несколько фраз, чтобы получилась еще одна маленькая притча.

Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй... бѣдно. — В славянском переводе опущены слова о том, что на этой изобильной горе водятся львы и другие дикие звери, поэтому-то пребывание на ней и бедственно.

Стр. 216. *...фалкон...* — Для передачи греческого слова *ὁ ἰέραξ* («коршун, ястреб») славянский переводчик воспользовался новогреческим словом *φάλκων*. Это слово в славянских языках встречается редко, оно было мало известно переписчикам (поэтому в разных списках это слово написано по-разному: фалкон, факон, алфакон, афокон, аволкон, жалкон и др.). В одном из списков есть глосса к слову «фалкон» — кречет. Неясно, почему переводчик употребил малоизвестное заимствованное слово вместо славянского, тем более что в других случаях слово *ὁ ἰέραξ* он переводит и словом «крагуй», и словом «орел». Однако это обстоятельство для нас небезынтересно — оно косвенно подтверждает мнение, что переводчиком был человек, постоянно пользовавшийся новогреческим языком (вероятно, афонский монах).

Свѣтлова убо Левъ сумѣние свое утаити ему... — Переводя это место греческого текста, славянский переводчик допустил обычное для древнерусских книжников смешение двух греческих глаголов *βούλομαι* и *βουλεύω* («хотеть» и «советовать») и перевел вместо «хотел» — «советовал». Нарушение смысла чувствовали переписчики и пытались это место исправить (без

обращения к греческому тексту), поэтому почти все списки дают в этом месте разночтения: «Советова убо Лев наедине с Ихниллатом и хоте от него утаити сомнение свое и страх», «Но советова Лев мне убо сомнение и страх свой утаити ему», «Советова же Лев о сумнении своем и ужасе, еже бы како реши», «Советова же Лев сам о сумнении своем и ужасе и страсе, еже бы како утаити ему и реши».

Стр. 220. ...нѣкоему другу своему звѣрю... — См. коммент. к с. 210.

...жеравъ. — В греческом тексте главным героем этой притчи является лебедь ho kúkpos. Почему славянский переводчик заменил лебедя журавлем? Оба слова несомненно были ему хорошо известны, и обе птицы тоже. Мы предполагаем, что такая замена связана с художественно-эмоциональной нагрузкой слова «лебедь» в славянском фольклоре; ощущалось, что этот образ, используемый для поэтически-метафорических целей, «не звучал» в рассказе о коварстве и жестокости.

...обрѣте ежа въ своей скръби. — Еж как действующее лицо притчи о журавле и рыбах — недоразумение; в греческом тексте действует рак (ὁ καρκίνος).

И како не скорбя? — Грамматический болгаризм; должно быть скорблю (1-е лицо, ед. число) в значении «буду скорбеть».

Стр. 222. ...и рече к ловцем... — Славянский переводчик вместо греческого τῖριον — «зверь» прочитал ὁ θηρευτής — «охотник».

Стр. 224. Онъ же рече: «Ибо ты и аз...» — Слова «он же рече» попали в перевод по ошибке; в греческом тексте их нет. Последующие слова также произносит Стефанит.

Стр. 226. ...на тья... лукавствует... — В рукописи после этих слов добавлено «получил есть». В Толст. «только лукавства поучился есть».

И псира кориди и пилое. — Заголовок к притче о кориде (о воши) и о блохе дан в Синаодальном списке греческими словами в славянской транскрипции. Слово «псира» (и, видимо, «пилое» или «пилос» тоже) является передачей греческого слова ἡ ψύλλα — «блоха». Слово «кориди» восходит к новогреческому ἡ κόριζα (клоп). Однако в греческом тексте здесь фигурирует не клоп, а вошь (греч. ὁ φοεῖρ); в этом смысле текст Синаодального списка соответствует греческому оригиналу, ибо слово «кориди» там только в заголовке и в глоссе, а в тексте — «вошка». В других же рукописях «кориди» (иногда встречается глосса — «вошь»), и в заголовках эта притча обычно называется «О кориде и о блохе». Это слово было малопонятно (поэтому и появляются глоссы), но почему-то не было заменено славянским словом «клоп». Оно, по-видимому, было внесено славянским переводчиком, пользовавшимся в повседневной жизни новогреческим языком (он перевел греческое слово новогреческим — и это слово не было достаточно понятно последующим переписчикам памятника).

...еже и вошка. — На верхнем поле со знаком вноса сделана глосса к слову «вошка» — «кориди». Этим словом в славянских рукописях (кроме Синаодальной группы) обозначается персонаж этой притчи (вошь). В Синаодальном списке слово «кориди» встречается только в этой глоссе и в заголовке.

Стр. 228. ...явѣ мучат явѣ согрѣшающаго. — Исправлено по Толст.; в рукописи второе «явѣ» пропущено.

...срам велий... — Исправлено по Т; в рукописи «срам велий и неври». В других рукописях здесь «срам велий и ненависть».

...видя его совѣсть... — Грамматический болгаризм; должно быть вижду. Ср. выше, коммент. к с. 220.

Стр. 232. Мудрый бо... низложит их. — Явно испорченное место. Возможно и другое понимание: «Мудрые мужи не покорятся, пока (враг) не разобьет их».

Стр. 234. ...лиинаковици очи... — Этому словосочетанию соответствует в греческом тексте νικητῆριδων ὀμματα, т. е. «глаза нетопыря, летучей мыши». В данном случае мы имеем дело с южнославянским значением слова «лилек» — нетопырь, так что это словоупотребление — след южнославянского (болгарского) оригинала (в болгарском языке «лилек-нетопырь» обычно, а в сербском — встречается только в некоторых диалектах).

...исплъненѣ же внутрь ядовитых звѣрей... — Словосочетание «ядовитый зверь» здесь соответствует греческому ὁ κορκοδείλος, но почему-то слово «крокодил» не было употреблено, хотя крокодил был известен славянскому книжнику по «Физиологу» и другим памятникам.

не обличай... тебе... — Ср. Притч. 9, 8.

Глаголетъ бо ся, яко нѣци пифци в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время, престу-денно и обрѣтоша... — Это все, что осталось от притчи о пификах и светлячке, наличествующей в греческом тексте и в сербской редакции. Можно предполагать, что эта притча была «утеряна» составителем болгаро-русской редакции то ли в результате утраты листа в оригинале, то ли в результате механического пропуска при переписывании — после слова «обрѣтоша» он «перескочил» на следующую притчу — «О лукавом и препростом», которые «обрѣтоша сокровище злата». В результате такого «объединения» получилось, что герон притчи «О лукавом и препростом» — пифики (см. коммент. к с. 212).

Стр. 238. *...укълоснувши непрѣтка...* — В Синодальном списке слово «непрѣтка» вычеркнуто, как непонятное (в других рукописях его вообще нет). Однако оно необходимо по смыслу. Это лексический болгаризм, обозначающий змею.

Стр. 240. *...иже... утробы.* — Пс. 9, 10.

...вси... быша. — Пс. 13, 3.

Стр. 242. *«Да трѣля, дондеже видя, что хочет быти».* — Грамматический болгаризм. В Т и др. — «да терплю, дондеже вижу, что хочет быти».

Стр. 244. *...иже во очеси... видиши.* — Ср. Мф. 3, 3; Лк. 6, 41.

...другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся»... — Здесь путаница в славянском тексте — эти слова произносит женщина, нашедшая лоскут.

Стр. 248—250. *Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческимъ языкомъ мосхос...* — В греческом языке слово «móschos» означает «теленос, бычок» и «мускус».

Стр. 252. *...сѣложи ми ся крѣпость...* — Исправлено; в рукописи *вложи*; в Толст. *отломися*. В этой притче несомненно остались следы каких-то восточных (индийских) преданий о магической силе золота (и о мышши, хранильнице золота), иначе трудно понять, почему мышшь обессилела, лишившись золота.

Стр. 254. *Никтоже мудрому пособьствует, точию паки мудръ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижет инѣ никтоже, точию паки елѣфантъ.* — Это сравнение основано на средневековых представлениях о слонах (изложенных в «Физиологе») — ноги слонов без коленей, слон не может встать без чужой помощи, спит он стоя, прислонившись к дереву, а если он случайно упадет, то помочь ему встать должны другие слоны.

Стр. 256. *Судя убо нынѣ быти полезно...* — Грамматический болгаризм; должно быть *сужду*. Ср. выше, коммент. к с. 220, 228.

Стр. 260. *...трость... низложиши.* — Ср. Ис. 42, 3.

Стр. 268. *...невѣстка.* — Это слово чрезвычайно любопытно тем, что оно дает своеобразную полисемию, приводящую к путанице именно потому, что та же полисемию существует и в других языках. В притче о ласке, загрызшей змею и спасшей ребенка, в славянских текстах употреблено слово «невѣстка», а в греческом ἡ νόμφη. Основное значение этого слова — «невестка». Однако есть и другое значение, редко встречающееся, — ласка, горностай. Подобное соотношение и в турецком: «gelin» — «невестка», и «gelinçik» — «ласка, хорея»; нечто подобное есть и в арабском. Переводчик итальянской версии сделал основанную на том же совпадении корневой ошибкой перевода — вместо «donnola» написал «doncella». Слово «невестка» в значении «ласка» болгарское (оно зафиксировано в большинстве болгарских словарей). Слово «ласка» (точнее, «ласица»), напротив, хорошо известно и сомнений не вызывает. Русские переписчики не поняли, что в притче о невестке идет речь о зверюшке. Поэтому в списках часто появляется к слову «невестка» приложение — «жена брата его»; в повествование вводятся также дополнительные детали, например, что она растерзала змею своими руками. Однако недоразумение, случившееся при переводе этой притчи, дает себя чувствовать — странно звучит, что женщина, убивая змею, «окровавилась зминою кровию» настолько, что ее можно было на этом основании обвинять в том, что она младенца «снела».

Стр. 272. *...яже вѣнецъ вземши...* — На этом месте обрывается текст болгаро-русской редакции; продолжение читаем в сербской редакции: жена царя, пожалев, что неудачно выбрала

венец, а не багряницу, с досады высыпала царю на голову блюдо риса, и за это царь велел ее казнить; мудрый первосоветник, зная, что царь потом пожалеет, что в гневе погубил самую достойную из своих жен, спрятал ее и, беседуя с царем, вызвал в нем раскаяние и сожаление; таким образом, царица была спасена, царь счастлив, а первосоветник вознагражден. Далее в сербской редакции идут притчи о питатке (попугае), о добродетельном шакале и о мышинном царе.

После слов «венец возьмеш» в Синодальном списке помещена приписка, начинающаяся словами «некоторым списателем мудрая сия притча не дописана...» и сообщающая дату написания Синодального списка — 6987 (1479) г. Подробнее об этой приписке и связанными с нею возможностями датировки памятника см. в статье: Лихачева О. П. О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат» // Археографический ежегодник. 1972; М., 1974. С. 110—113.

Триас и агаи, докса си! — Греческое молитвословие (Троица святая, слава тебе!), написанное славянскими буквами.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

Корпус сочинений, надписываемый в рукописях именем Дионисия Ареопагита, представляет собой одно из важнейших явлений в истории культуры всего христианского мира. Ставший достоянием общества в Византии в VI в. и вскоре прокомментированный, снабженный схолиями, тысячу лет затем он оставался книгой почитаемой и питающей мысль. Его влияние быстро вышло за пределы распространения греческого языка: уже в VI в. Корпус был переведен на сирийский язык, затем в VIII в. на арабский, армянский (718 г.) и еще раз на сирийский, далее в IX в. на коптский и латинский (835 г. и 860 г.; на латынь после этого он переводился многократно), в конце XI в. — на грузинский и, наконец, в XIV, XVII и начале XIX в. — на славянский.

Корпус содержит четыре трактата: «О небесной иерархии», «О божественных именах», «О церковной иерархии» и «О мистическом богословии», — и десять посланий разным лицам. Все трактаты имеют в начале обращение к «сосвященнику Тимофею», очевидно, к одному из 70 апостолов, ученику, спутнику, адресату двух посланий апостола Павла, епископу Эфеса. В тексте этих произведений встречаются упоминания других сочинений того же автора, как то: «О ангельских свойствах и чинах», «О душе», «О праведном и о божественном оправдании», «О божественных гимнах», «О умопостигаемом и постигаемом чувствами», «Богословские очерки», «Символическое богословие», «О справедливом и божественном суде», но они нам неизвестны.

Схолии, т. е. комментарии, с которыми Корпус переводился с греческого на другие языки, были собраны, дополнены и соединены с основным его текстом в VII в. Максимом Исповедником. Они устранили возникшие было сразу после появления Корпуса в VI в. у читающей публики сомнения в авторстве упоминаемого в Деяниях апостолов ученика апостола Павла афинянина Дионисия, члена Ареопага. Но сомнения эти начиная с эпохи Возрождения вновь усилились, и Корпус, чрезвычайно почитаемый в среде гуманистов, начали печатать уже без схолий. Решающие усилия по исключению ареопагитских сочинений из числа произведений I—II вв. сделали в XIX в. Г. Кох и Й. Штигльмайр. Они указали на идейные и текстуальные совпадения в них с сочинениями язычников-неоплатоников Плотина (III в.) и Прокла (V в.) (в принципе эти совпадения были известны авторам схолий VI—VII вв., но те считали, что это язычники «крали мудрость» у философа-христианина, а не наоборот) и ограничили возможное время его создания 480 и 510 гг. С тех пор ученые стали называть автора Корпуса Псевдо-Дионисием. Разумеется, неоднократно предпринимались попытки указать «настоящего» его автора. Все они, однако же, остаются на уровне предположений. По-прежнему самой связной, цельной и впечатляющей остается та «положительная» картина, которую создает сам Корпус с коммен-

тариями, которыми снабдил его Максим Исповедник. Подробнее об этом см. в первом полном на русском языке издании Дионисьева Корпуса с толкованиями, параллельно с греческими текстами, которое осуществили в 2002 г. одновременно издательства Олега Абышко и «Алетейя» в Санкт-Петербурге.

Первый полный перевод Корпуса с греческого на славянский был сделан сербом старцем Исаяей. Из воспроизводимого здесь его предисловия к своему переводу мы знаем, что работал он над ним под покровительством митрополита г. Серы (Серес) в Македонии и закончил работу в 1371 г. Хранящийся в Российской национальной библиотеке в собрании А. Ф. Гильфердинга под № 46 самый ранний из известных славянских списков Ареопагита, судя по водяным знакам его бумаги, был сделан, возможно, именно в 1371 г. Целый ряд особенностей этой рукописи позволяет сейчас уверенно полагать, что она представляет собой автограф переводчика и была изготовлена в период с сентября по декабрь этого 1371 г.: во время работы над ней (в конце сентября 1371 г.) произошел разгром сербского войска турецким в битве на р. Марице, после чего Македония была опустошена победителями-турками и в ней наступил голод, и волки стали нападать на людей, о чем пишет Исаяя в своем Предисловии.

Именно к списку *РНБ*, собр. Гильфердинга, № 46 восходят все известные нам рукописные традиции (главные из них — новгородская и московская) Корпуса сочинений Дионисия Ареопагита в переводе Исаяи. Всего славянских списков Ареопагита, главным образом русских, известно более шестидесяти. Так что, несомненно, эта книга была на Руси читаема и почитаема. Сочинения Ареопагита были высоко ценимы, в частности Иваном Грозным и протопопом Аввакумом. Аввакум начинает свое Житие обширными выписками из ареопагитского Корпуса. В XVII же веке в Москве Евфимий Чудовский занялся сверкой с греческим оригиналом и переделкой Исаяино перевода Ареопагита. Так что до того в славяно-русской рукописной традиции Ареопагита могло нарастать лишь количество ошибок. Такова причина, по которой исходный сербский список мы предпочли для этого издания всем русским.

Помимо Предисловия Исаяи в этом томе «Библиотеки литературы Древней Руси» вниманию читателя предлагается трактат «О небесной иерархии», возглавляющий Корпус в греческой и славянской традициях. Но поскольку начало избранной нами рукописи Гильф. 46 утрачено, — текст начинается там и нами по ней воспроизводится со второй главы трактата «О церковной иерархии», — нехватку оглавления, стихотворных эпиграфов, заголовка и первой главы мы восполняем по рукописи *ГИМ*, Воскресенское собр., № 75, содержащей сербский же сделанный на рубеже XIV и XV вв. список непосредственно с Гильф. 46, а Предисловие переводчика Исаяи — по Великим Минеям Четним новгородского архиепископа Макария, — по лл. 66—66 об. русского списка XVI в., *РНБ*, Софийское собр., № 1318 (октябрьский том Софийского списка Великих Миней Четних), восходящего через неизвестное нам посредство тоже к Гильф. 46 (подробнее об этом см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 42—59).

В греческих списках Дионисия Ареопагита его текст обычно бывает предварен стихотворным эпиграфом и обрамлен более мелко написанным текстом толкований, схолий, на полях же встречаются «маргиналии», заметки, относящиеся уже к схолиям. Такая же композиция текстов — в Гильф. 46 (в русской рукописной традиции она не удержалась: все тексты стали писать одинаково, лишь на полях помечая главный текст словом «сущее» или «лежащее», а толкования словом «толк»; маргиналии же влили в те места схолий, к которым они относились). Воспроизводя здесь текст Ареопагита со всем, что его в рукописях окружает, толкования к нему и маргиналии мы помещаем в нижний «этаж», в сноски, причем маргиналии так и называем (курсивом пишем это слово перед началом текста заметки на полях).

Но то, что переводил Исаяя, не было в точности тем, что мы видим в этой книге напечатанным. Мы не знаем (может быть, пока) греческого списка или списков, которым или которыми он пользовался. Представляется очень вероятным, что он опустил или сократил некоторые толкования; но есть у него и такие, которых нет в напечатанном греческом тексте, и маргиналий у него больше, чем у греков. Возможно, он сочинил их сам; но, кажется, нет ни одного греческого списка Ареопагита, полностью совпадающего составом толкований с другим.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Стр. 274. *...къ вечеру... седморицнаго... вѣка.* — Исайя имеет в виду приближение конца седьмой тысячи лет от сотворения мира. По счету от Рождества Христова это 1492 г. Опасение, что в 7000 г. наступит конец света, заметно и у русских авторов XIV—XV вв.

...еже пострадаша и въ Ветхомъ и Новѣмъ Писании божественныхъ прикоснутися. — Имеются в виду, очевидно, рассказы книги I Паралипоменон о том, как один из ведших колесницу с ковчегом завета, Оза, «протер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волны наклонили его», прогневил этим Господа и «умер тут же пред лицом Божиим» (9—10), и Деяний апостольских о том, как «некоторый муж именем Анания с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов» (5, 1—2), и они оба умерли как солгавшие Духу Святому (5, 5—10).

...митрополитомъ богоспасенаго града Сира кир Феодосиемъ... — Сер или Серес — византийский город в Македонии, которым с 1346 по 1373 г. владели сербы, затем он вернулся к Византии, а в 1382 г. был захвачен турками.

Стр. 276. *«Задняя забываютъ».* — Фил. 3, 13.

...ексодомъ... — Греческое ἔξοδος, здесь — «расход», «затраты».

...Светаа Гора... — Имеется в виду полуостров Святая Гора Афон, восточный отрог Халкидонского полуострова, где находится множество православных мужских монастырей. В то время им владела Сербия.

...западныхъ странъ... — По всей видимости, западной части Балканского полуострова.

...деспотъ Углеша... — Иован Углеша, деспот части Македонии с центром в г. Сер (Серес).

...Волкашина краля... — Вукашин, брат Иована Углеши, некогда виоочерпий при дворе сербского царя Стефана Душана, затем жупан г. Прилеп с титулом деспота, с 1366 г. король, значительной части Македонии с городами Прилеп, Скопле и Призрен.

...на изгнание туркъ... — Турки-османы вступили в Европу как завоеватели в 1352—1354 гг., в 1363 г. их столицей стал Адрианополь. Чтобы остановить подчинение турками Балканского полуострова, сербы деспот Углеша и король Вукашин двинулись с войсками им навстречу, но 26 сентября 1371 г. в лесных окрестностях г. Черномен на р. Марице, к западу от Адрианополя, были наголову ими разбиты и погигли. Земли Углеши на короткий срок захватили затем византийцы.

Стр. 278. *...племя србьскихъ господъ, седми мню родъ, конецъ приатъ...* — Речь идет, по-видимому, о гибели вместе с войсками Углеши и Вукашина большей части сербской аристократии.

...премудрый въ елинѣхъ Ливаніе... — Либаний, знаменитый антиохийский языческий притор IV в., учитель Иоанна Златоуста.

...начало тому есть осмеричное число, среда же двостъное и первое, конецъ же десято съ единѣмъ наскончавається. — Цифровая тайнопись: вместо букв указывается их цифровое значение. 8=И, 200=с, 1=а, 10=і, 1=а. Получается: Исаіа.

Лѣто же тогда течаше 6-ное, 8-стъное, 70 и 9-тное, индиктионъ 9. — 6879 г. = 1371 г.; «индиктион» — порядковый в пятнадцатилетнем цикле номер сентябрьского года.

Глава I

Стр. 282. *«Всако даніе... Отца свѣтомъ».* — Иак. 1, 17.

...Събирателя Отца... — См. Мих. 2, 12.

...отъ Того вса и въ Томъ». — Ср. Рим. 11, 36.

...Свѣтъ... гредущаго въ миръ». — Ин. 1, 9.

...свѣтоначелнику Отцу... — См. Ин. 14, 6; 1 Тим. 2, 5.

...въ Асїи съчиняється... апостоль Павль. — См. Деян. 20, 17 и далее.

...светаго Иакова съборнымъ посланиемъ... — Имеется в виду входящее в Новый Завет Соборное послание апостола Иакова, написанное, как считают, ок. 64 г.

Стр. 284. ...якоже сказуютъ «Дѣѡанѡ светыхъ апостоль»... — См. Деян. 17, 34.

...къ светому Поликарпу послани... — Поликарп (I—II вв.), священномученик, ученик апостола Иоанна Богослова, епископ Смирнский, автор ряда сочинений. «Поликарпу иерарху» адресовано седьмое послание Дионисия Ареопагита.

...въ 9 главѣ «О небеснѣмъ священноначалии». — См. с. 346—354.

«Елицѡ убо... да мудръствуемъ». — Фил. 3, 15.

Стр. 286. «Вса по образу... сътвори». — Евр. 8, 5; Исх. 25, 40.

Глава 2

Стр. 288. ...орловъ погрѣбленокоѣтну виду... — Ср. Иез. 1, 10—11.

...птиць влосовну... създаньные... — Ср. Ис. 6, 2; Иез. 1, 6—11.

...кола... на небесы — Ср. Иез. 1, 15—21.

...прѣстолѣ... прикладные... — Ср. Дан 7, 9; Откр. 4, 2.

...коне... многопѣстротные... — Ср. Зах. 1, 8.

...копѡями архистратиге... — Ср. Ис. Нав. 5, 13; 2 Мак. 3, 25.

Стр. 290. ...отъ божьстванаго Езекиила... — Иез. 1, 5—13.

...отъ дивнаго Иоанна въ «Откровении»... — Откр. 1, 6—8.

...оружие... при Валаамѣ... — Ср. Чис. 31, 8.

...въ «Царствѡихъ»... въ книжѣ Второй. — Ср. 2 Цар. 23, 16.

...подобие... прѣстола... — Ср. Иез. 1, 26.

...подобие льва... — Ср. Иез. 1, 5.

Стр. 292. ...«ни же всѣхъ... разумъ». — Ср. 1 Кор. 8, 7.

...яко Слово... — Ин. 1, 1.

...и Умъ... — Ср. Рим. 11, 34.

...яко свѣтъ... — Ср. Ин. 8, 12; 1 Ин. 1, 5.

...и животь... — Ср. Ин. 14, 6.

...«въ зрацѣ Божѡ сѡи»... — Фил. 2, 6.

...«образъ Бога невидимаго» — Кол. 1, 15.

...«видѣвый Мене... Отца». — Ин. 14, 9.

...святѡй Василие сказуетъ въ еже къ своему брату словѣ еже о разньствѣ сущьства и състава. — Василий Великий (329—379), архиеп. Кесарийский, вселенский отец и учитель Церкви; его брат — Григорий Нисский; о различии сущности и ипостаси Василий Великий пишет в Послании 38 (его сочинения см. в 29—32 тт. Греческой Патрологии Миня).

...«Кто разумѣ умъ Господень?» — 1 Кор. 2, 16.

...«И бысть слово Господне къ мнѣ» — Иер. 1, 4.

...«Азь емь сый» и «Сый посла Ме». — Исх. 3, 14.

Стр. 294. ...Богословъ Григорие. — Григорий Богослов, или Назианзин (ок. 329—389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя.

Стр. 296. ...огньнѣ неврѣднѣ... — Ср. Мф. 28, 3; Мк. 16, 5; Деян. 1, 10; Откр. 4, 4.

...«Вса добра зѣло». — Быт. 1, 31.

Стр. 298. ...«Да изведеть... душу живу»... — Быт. 1, 24.

...«Да изведуть воды... душъ живыхъ». — Быт. 1, 20.

Стр. 300. ...Солнце правды... — Мал. 4, 2.

...звѣзду вѣсточну... — 2 Пет. 1, 19; Откр. 22, 16.

...огнь... просвѣщае... — См. Исх. 3, 2.

...вода... подателна... — Ср. Иер. 2, 13; Откр. 7, 17.

...рѣкы... текущее... — Ин. 7, 38; Откр. 22, 1.

...муро благоуханно... — Ср. Пес. 1, 2.

...ками краеугольный. — Еф. 2, 20.

- ...львово... всакого зѣбра... — См. Ос. 5, 14; 13, 7—8.
 ...медведицу губителну. — Ср. Ос. 13, 7—8.
 ...«Дондеже дѣница... въ срѣцихъ вашихъ»... — Ср. 2 Пет. 1, 19; Откр. 22, 16.
 ...«Въ купинѣ... не пожигаей»... — Ср. Исх. 3, 2.
 ...«Мене оставише... воды живыи». — Иер. 2, 13; Откр. 7, 17.
 ...«Рѣкы... воды животныи». — Ин. 7, 38; Откр. 22, 1.
 ...«Муро... име тебѣ». — Пес. 1, 2.
 ...«Азъ есмь чрвь и не чловѣкъ»... — Пс. 21, 7.
Стр. 302. ...чрвья видѣ. — Ср. Пс. 21, 7.
Стр. 304. ...Словеса рѣше... — См. Мф. 7, 6.
 ...Дѣяния святыхъ апостоль... — См. Деян. 16, 1.
 ...«Дѣти... свѣдно имате?» — Ин. 21, 5.
 ...якоже и Папиа сказуетъ въ книзѣ прввой «Недельскыхъ тлькований» — Кто этот «Папиа», неясно.
 ...Климентъ Александрьскый въ «Пѣстунствѣ». — Климент Тит Флавий (II—III вв.), пресвитер александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель; имеется в виду его книга «Педагог».

Глава 3

- Стр. 306.** ...Словеса рѣше, «Богу съспостъшникъ»... — 1 Кор. 3, 9.
 ...Филиппъ въ «Дѣянихъ святыхъ апостоль»... — Ср. Деян. 8, 39.
 ...«Къждо въ нъже звань бысть степень, въ томъ да прѣбываетъ». — 1 Кор. 7, 24.
 ...«пакыбытия баню». — Ср. Тит. 3, 5.

Глава 4

- Стр. 310.** «Многыи обитѣли у Отца». — Ин. 14, 2.
 ...Титъ глаголетъ въ иже «На манихее» словѣхъ. — Тит (ум. в 372 г.), епископ аравийский в г. Бостре, выступавший в своих сочинениях против манихеев.
Стр. 312. ...аггелъми намъ данъ бысть... — Ср. Деян. 7, 53; Гал. 3, 19; Евр. 2, 2.
Стр. 314. ...бывати нѣкоторымъ святымъ богоявления... — Ср. Быт. 12, 7; 28, 13.
 ...Божие съкръвение, «никтоже видѣ...» — Ср. Ин. 1, 18.
 ...якоже при Исусѣ Навинѣ и Гедеонѣ и иныхъ. — Ср. Суд. 6, 20—22.
 «Къ правому же пути... от невѣрныхъ языкъ прѣложисе». — См. Деян. 10.
 «Чина же священнаго»... «тмы тмами»... — Дан. 7, 10.
 ...Иезекиилу херувимъ... — Иез. 1, 5—14.
 ...Исайи серафимъ явишесе. — Ср. Ис. 6, 2—3.
 «Прѣмирное же видѣние»... до третияго небесе... — Ср. 1 Кор. 12, 2.
 ...при божестванаго Иоанна Откръвени... — Ср. Откр. 1, 10 и сл.
 ...«Бога никтоже видѣ нигдеже»... — Ин. 1, 18.
 ...при Авраамѣ у дуба Мамврийскаго... — Ср. Быт. 18, 1.
 ...егда въ Содомѣ идѣху... — Ср. Быт. 19.
 ...Моусеови на горѣ, аще и задняя глаголютсе узрѣти. — Исх. 33, 23.
 ...на Фаворѣ божьственный свѣтъ... — Свет Преображения Христова, о котором говорится в Евангелиях от Матфея (17, 1—2) и от Луки (9, 28—29). По преданию, Преображение произошло на г. Фавор в Галилее.
 ...въ купинѣ божьственный огонь... — Огонь, который, по рассказу библейской книги Исход (3, 2—4), Моисей видел на г. Хорив в терновом кусте, этим огнем горевшем, но не сгоравшем, причем слышал из куста голос Божий.
 ...«Иже приесте законъ въ завѣщанияхъ аггелъ и не съхранисте»... — Деян. 7, 53.
Стр. 316. ...мужстванаго Исусова богодѣйства... — Ср. Лк. 1, 11—20.

- ...богоначелное неизвещаннаго богоздания таинство. — Ср. Лк. 1, 26—38.
 ...аггелъ Иосифа наказа, како въ истину испльнитисе имуть... — Ср. Мф. 1, 20—23.
 ...обещанная прѣдѣду Давыду. — 2 Цар. 7, 12—17.
 ...безъмльвиемъ очищенномъ благовѣствоваше... — Ср. Лк. 2, 8.
 ...прѣдаваху сущиимъ на земли славословіе. — Ср. Лк. 2, 13—14.
 «Слово плоть бысть». — Ин. 1, 14.
 «Кто есть съ Царь славы?» — Пс. 23, 8, 10.
Стр. 318. ...Исусово къ Египту отишествіе... — Ср. Мф. 2, 13.
 ...от Египта прѣшествіе. — Ср. Мф. 2, 19—20.
 ...о аггелѣ, иже Исуса укрѣпляющемъ... — Ср. Лк. 22, 43.
 ...«Аггелъ Велика Свѣта»... — Ср. Ис. 9, 6.
 ...от Отца възвѣсти намъ. — Ин. 8, 26—28; 15, 15.
 ...«Иже въ зрацѣ Божимъ... образъ раба приемъ»... — Фил. 2, 6—7.
 «Приступльше аггелы служажу Ему...» — Мф. 4, 11.
 ...«утрудисе от путнаго шествія»... — Ин. 4, 6.
 ...и яко «възаалка»... — Мф. 4, 2.
 ...«Явихъ твоє имє чловѣкомъ». — Ин. 17, 6.

Глава 5

- Стр. 320.** «Благословите Господа вси аггелы Его»... — Пс. 102, 20.
 «Творей аггелы Своє духы»... — Пс. 103, 4.
 «Умнѣ, бо на богоподражателное... разумни их видѣ»... — «О небесной иерархии», 4, 2.

Глава 6

- Стр. 324.** ...существа девять нарекло есть изъяснителными именованми. — См. Иуд. 9; Ефес. 1, 21; Кол. 1, 16; 2, 10.
 Светѣйшиє бо прѣстоле... — См. Кол. 1, 16.
 ...ближня херувимъ... — См. Иез. 10, 1.
 ...светѣйшии серафимъ, окрѣсть стоеще Бога, зрѣхусє. — См. Ис. 6, 1—2.
 ...въ «Открѣвени» святого Иоанна, апостола, еуаггелиста и богослова. — Ср. Откр. 8, 2.
 ...въ еже «Къ Римляномъ»... — В Послании к Римлянамъ апостол Павелъ называетъ ангеловъ, начала, силы: «...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы...» (8, 3б).
 ...въ еже «Къ Ефесиомъ»... — В послании к Ефесянамъ апостол Павелъ называетъ начальства, власти, силы и господства: «Превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени...» (1, 21).

Глава 7

- Стр. 326.** ...Аммонъ Андрианополскы... — Аммон, или Аммон (IV в.), диакон, священномученик, схваченный вместе с сорока девами в Адрианополѣ в Македонии и убитый в Ираклии в гонении Ликийниа (311—324).
 ...на Оригена... — Ориген (ок. 185—254), знаменитый философ-богослов и проповедникъ христіанства, плодовитый писатель, исследователь и толкователь Священнаго Писанія. На соборѣ 543 г. былъ обвиненъ в ереси и анафематствованъ.
 ...блаженный Василіє Кападокійскы... — Василій Великій; см. примеч. к с. 292.
Стр. 332. «Господа быти небеснымъ силамъ»... — Ср. Пс. 23, 10; 79, 20.
 «Цара славы»... — Пс. 23, 10.
 «Азь бо, — рече, — глаголахъ... судъ спасенія». — Ис. 63, 1.

...василияне, рекше несторияне... — Несториане, последователи учения ересиарха Нестория (V в.), который учил, что Дева Мария родила не Богочеловека, а человека, который через наитие Святого Духа стал Христом и в особом соединении с которым пребывало Слово Божие.

Възмете, врата, кнезы ваши. — Пс. 23, 7.

«Господь силамь» — Пс. 23, 10.

...безглавние же и евтихиане... — «Безглавние» — акефалы, так называли людей, не следовавших в спорах V в. ни за каким из «глав» борющихся церковных партий, ни также за теми, кто пытался их примирить. «Евтихиане» — последователи ересиарха Евтихия, учившего, что все человеческое во Христе было призрачным как поглощенное божественным. Ересь осуждена на Константинопольском соборе 448 г.

«Кто съи приход от Едома?» — Ис. 63, 1.

Стр. 334. *«Почто ти оброщенны суть ризи?»* — Ис. 63, 1. Ис. 63, 2.

...*«окръсть Бога»*... — Ср. Пс. 75, 12; Ис. 6, 2; Откр. 7, 11.

«Кто съи... от Восора». — Ис. 63, 1.

...*«И двѣма лѣтѣху».* — Ис. 6, 2.

Стр. 336. ...*«яко глась водь многь»*... — Иез. 1, 24; Откр. 19, 6.

«...от мѣста Его!». — Ср. Пс. 102, 22.

«Светь, светь, светь Господь Саваофь... славы Его!» — Ис. 6, 3.

«Небо прѣстоль Его, Земля же подножие ногама Его»... — Ис. 66, 1.

«Постави удолия мѣриломь и Землю грѣстию». — Ср. Ис. 40, 12.

«Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли сыниду въ адъ, ту еси?» — Пс. 138, 8.

«Аще заповѣды Мое съблюдетъ кто, Азь и Отець приидева и обытѣль въ немь сътворива». — Ср. Ин. 14, 23.

«Почи Духъ Мой на них». — Ср. Чис. 121, 25—26.

Стр. 338. *«Кый храмъ съзиждете Ми, глаголетъ Господь, или кое мѣсто покоищу Моему?»* — Деян. 7, 49; ср. Ис. 66, 1.

«Сынъ же Чловѣчскый не имать, гдѣ главы подклонити». — Лк. 9, 58.

«Да будуть си едино, якоже и Мы едино есмы». — Ин. 17, 11.

Глава 8

Стр. 342. ...*и Даниила пишетъ*... — См. Дан. 6, 22.

...*от Лукы въ Благовѣствию лежить*. — См. Лк. 22, 43.

...*прѣпосилають божественая знамения*. — См. Откр. 14, 18.

...*въ Захарии*... — См. Зах. 1, 11; 2, 3—4.

...*и Даниилъ*... — См. Дан. 12, 6—7.

...*и Иезекиилъ*. — См. Иез. 10, 7.

Стр. 344. *«Утѣшительная... словесе»*... — Зах. 1, 13.

«Зѣло велми населитсе Иерусалимь от множества люди» — Зах. 2, 4.

...*о чрѣслѣх самфиромь прѣпоясьны*... — См. Иез. 9, 2.

«Разлучите от праведных грѣшныя». — См. Иез. 9, 3.

...*овце от козлищъ раздѣли*. — См. Мф. 25, 32—33.

...*многоличннии изображаютсе*... — См. Ис. 6, 2.

Стр. 346. *«Изиде слово».* — См. Дан. 9, 23.

...*от срѣди херувимъ приемшемь*. — См. Иез. 10, 6.

«Скажи оному видѣнне?» — Дан. 8, 16.

«Иже приесте законъ въ чинохъ аггельскихъ и не съхраните». — Деян. 7, 53.

Глава 9

Стр. 350. ...*кнеза иудейскмъ людемъ, Михаила именуе*... — См. Дан. 10, 13, 21; 12, 1.

«Положи» бо Вышни «прѣдѣлы языком по числу аггель Божиихъ». — Втор. 32, 8.

«Разум бо Божий, — рече, — отринуть еси и вслѣдъ сердца твоего ходиль еси». — Ср. Ос. 4, 6; Иер. 9, 14; Чис. 15, 39.

...иудее Михаила... — Вера в то, что архангел Михаил — ангел и иудейского народа, основывается, очевидно, на словах пророка (Даниила 10, 13, 21; 12, 1), что князь Михаил — единственный помощник еврейского народа, и на словах Послания апостола Иуды, что Михаил Архангел «говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле» (9).

«Умь, зрей Бога». — Распространенная в Византии этимология имени «Израиль» (см.: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 109; Прохоров Г. М. «Стязания» с иудеями по сборнику Кирилла Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 174—175). Но «Израэль» означает буквально «Борющийся с Богом», что соответствует библейскому рассказу о борьбе Иакова с Богом (Быт. 32, 24—29).

«Бысть честь Господня уже дѣло мѣрно Иаковь». — Ср. Вт. 32, 9.

«Еда нѣсть Богъ и языкъ? Ей, и языкъ, понеже единъ Богъ». — Ср. Рим. 3, 29—30.

«Можетъ Богъ от каменя сего въздвигнути чеда Аврааму». — Лк. 3, 8.

Стр. 352. ...Мелхиседька... священника нарекоше. — См. Быт. 14, 18.

...яко и фараону... — См. Быт. 41, 1—7.

...и вавулонскому кнезу... — См. Дан. 2, 1—11.

...Даниилу... — См. Дан. 2, 14—44.

...и Иосифу... — См. Быт. 41, 25—32.

...Аполинариева... — Может иметься в виду Клавдий Аполлинарий (II в.), известный апологет христианства, автор многих не дошедших до нас книг против язычества, а также, но это менее вероятно, Аполлинарий Лаодикийский (IV в.), ересиарх, оказавшийся не в состоянии принять утверждение никейского Символа веры о сочетании в личности Иисуса Христа двух природ, божественной и человеческой; его учение осуждено Александрийским собором 362 г., Римским собором 375 г. и 2-м Вселенским собором 381 г.

«Егда раздѣляше Вышни языки... уже достояния Его, Израиль». — Втор. 32, 8—9.

Стр. 354. ...слово оно... — Втор. 32, 9.

«Бысть честь Господня». — Втор. 32, 9.

...быти подобьнь Вышнему. — Ср. Ис. 14, 13—14.

«Всиявает бо солнце Свое на праведние и неправеднии». — Ср. Мф. 5, 45.

«Иже не хотей смерти грѣшнику, яко възвратитисе и живу быти ему». — Ср. Иез. 33, 11.

«Господь бо... съвѣсть путь праведнихъ». — Пс. 1, 6.

«Юнь бѣх и бо състарѣхъсе, и не видѣхъ праведника оставленна». — Пс. 36, 25.

«Разум бо Божий отринуть еси и вслѣдъ сердца своего ходиль еси»... — Ср. Ос. 4, 6; Иер. 9, 14; Чис. 15, 39.

Глава 10

Стр. 356. «Приступите къ Нему и просвѣтитесе, и лица ваша не постыдятся». — Пс. 33, 6.

Стр. 356—358. ...серафимъ богословци глаголють другы къ другу възивати... — См. Ис. 6, 3.

Стр. 358. ...млѣка напоение нарече апостоль... — См. Евр. 5, 12—13.

«Удручаю тѣло и порабоцаю, еда како, иныишь проповѣдавъ, самъ неискусьнь буду»... — 1 Кор. 9, 27.

Глава 12

Стр. 362. ...аггелъ Господа Вседръжителя от Словесь именовасе. — Малах. 2, 7; ср. Откр. 2, 1, 8, 12, 18; 3, 1, 7, 14.

Стр. 364. ...*иже у насъ боголюбивыи и священнии мужы...* — См. Исх. 7, 1; Пс. 81, 6.
«*Азъ рѣхъ: бозы будете.*» — Ср. Пс. 81, 6.

Глава 13

Стр. 364. ...*къ единому Богословъ серафимъ послатисе глаголетсе.* — См. Ис. 6, 6.

Стр. 366. ...*скрозѣ всѣхъ неодоужанно проходить...* — Ср. Прем. 7, 24.

...«*Богъ же огонь поядей есть.*»... — Евр. 12, 29.

Стр. 370. «*Стояху окрестъ Его.*» — Ср. Откр. 7, 11.

Стр. 374. ...*серафима изъявляти послание...* — См. Ис. 6, 6.

Стр. 376. ...«*глаголь въ отвръзене усть.*» — Еф. 6, 19.

Глава 14

Стр. 376. «*Тисуце тисуць.*» — Дан. 7, 10; Откр. 5, 11.

...«*и тмы тьмь.*» — Откр. 5, 11.

Глава 15

Стр. 378. ...*кола огневидна...* — См. Дан. 7, 9.

...*животнаа огняна...* — См. Иез. 1, 13—14.

...*мужи, яко огонь блистаемыи...* — См. Мф. 28, 2—3.

...*множества углей огня полагаемо...* — См. Иез. 10, 2.

рѣкы неодоужимимъ шуможъ огнепалнии... — Ср. Дан. 7, 10.

...*прѣстоы глаголетъ огньныи быти...* — См. Дан. 7, 9; Откр. 4, 4.

Стр. 382. «*Излѣю от Духа Моего на всаку плть.*» — Ионл. 2, 28.

Стр. 384. ...*сказоваше сему аггель сынъ, егоже видѣ.* — См. Дан. 7.

Стр. 386. ...«*многоразличнаа прѣмудрость.*»... — Еф. 3, 10.

...*непокрвенныхъ одѣваетъ...* — Ср. Иез. 16, 8—11.

...*сыуды нѣкоторыи даеть носити тѣмь.*... — Ср. Иез. 9, 1.

Свѣтлой.... — См. Мф. 28, 3; Мр. 16, 5; Лк. 24, 4. Откр. 9, 17.

...*огньной.*... — Откр. 9, 17.

...*поясом же.*... — Иез. 9, 2; Дан. 10, 5; Отк. 15, 6.

...*жъзломъ.*... — См. Суд. 6, 21; Зах. 11, 10.

...*копийя же и секирамъ.*... — Ср. Иез. 9, 2.

«*Многоразличная прѣмудрость Божия.*»... — Еф. 3, 10.

Пръвосвященникъ бо есть великъ състражде нашимъ немощемъ.... — Ср. Евр. 4, 15.

...*смотрения таинство.*... — Ср. Еф. 3, 9.

...*въ Езекиилѣ.*... — Ср. Ср. Иез. 10, 6; 42, 14; 44, 17.

...*и Даниилѣ.*... — Ср. Дан. 7, 9; 10, 5; 12, 6.

Стр. 388. ...*землемѣрителнымъ же и дрѣводѣлскимъ сысудомъ.*... — См. Иез. 40, 3; Амос 7, 7; Откр. 21, 15.

...*светиихъ аггель орудия.*... — См. Чис. 22, 23; Откр. 20, 1.

...*вѣтры тѣхъ именовати.*... — См. 2 Цар. 22, 11; Пс. 17, 11; 103, 3; Иез. 1, 4; Дан. 7, 2.

«*Не бо въсы... камо идеть.*» — Ин. 3, 8.

О сысудѣхъ землемѣрителныхъ въ Езекиилѣ.... — Иез. 40, 3; 47, 3.

...*и Даниилѣ.* — См. Зах. 1, 16; 2, 1.

«*Ходей на крилу вѣтрыню.*» — Пс. 103, 3.

«*Облаци преше его от очю ихъ.*» — Деян. 1, 9.

...*якоже при Иаковли лѣствици.* — См. Быт. 28, 12.

«*Духъ идѣже хочеть дихаеть.*» — Ин. 3, 8.

Стр. 390. ...*тѣмъ видѣнии богословие състраять.*... — См., напр., Иез. 1, 4; 10, 3; Деян. 1, 9; Откр. 10, 1.

Аще ли же и мѣды... — См. Иез. 1, 7; 40, 3; Дан. 10, 6.

...илектра и камни многомастных... — См. Иез. 1, 26; 10, 1, 9; Откр. 4, 3.

И убо льва... — См. Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

...а еже вола... — Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

...орла же... — Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

«Призываеи воду морскую и изливаеи ту на всако лице земльно». — Ср. Амос 5, 8.

«Въ мори путь Твой, и стъзи Твои въ водахъ многахъ, и стопы Твои не познаютсе» — Пс. 76, 20.

Стр. 392. *...а еже конь...* — См. Иоиль 2, 4; Зах. 2, 8; 6, 2—3; Откр. 19, 11, 14.

...и еже рѣкы... — Откр. 22, 1.

...и кола... — Иез. 1, 15; 10, 6; Дан. 7, 9.

...и колеснице... — 4 Царь. 2, 11; 6, 17; Зах. 6, 1.

Огньни бо убо рѣкы... — Дан. 7, 10.

...«гельгель». — Ср. Иез. 10, 13.

С. 394. *...божественны Иустинь... приписа, — Философа».* — Иустин Философ и Мученик (I десят. II в.—ок. 166 г.) — один из первых христианских писателей-аполетгов. Философ-язычник, он сознательно принял христианство и как философ защищал его в своих сочинениях.

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

Никон Черногорец — византийский канонист XI в., известный как автор трех произведений: «Пандекта», или «Большая книга толкований заповедей Господних» (конец 50-х—начало 60-х гг. XI в.), «Малая книга» (1089 г.) и «Тактикон» (80—90-е гг. XI в.). Об авторе мы имеем сведения исключительно из его произведений. Известно, что он, родом грек, принял монашество еще в молодости, подвизался на Черной Горе близ сирийского города Антиохии сначала под духовным руководством старца Луки, митрополита Анаварзы, а затем в знаменитом монастыре Св. Симеона Столпника и наконец снова вернулся в основанный его духовным отцом монастырь Богородицы Рондиевой. Никон был весьма начитан в трудах отцов Церкви, канонической и аскетической литературе: это позволило антиохийским патриархам Петру III (1053—1054), Феодосию III (1057—1059) и Иоанну IV Окситу (1089—1100) дать ему почетное звание «учителя монахов». От священства, впрочем, Никон отказался, не желая брать на себя тяжесть сана.

Никон жил и писал во время второго византийского владычества в Северной Сирии (969—1084 гг.). После трехвекового арабского господства в Антиохии в XI в. наступает своеобразный краткий ренессанс греческой культуры, плодом которого помимо творчества Никона явились антилатинские сочинения патриарха Петра III Антиохийского, которые Никон использовал в «Тактиконе». Никон явился свидетелем и другого важного события того времени — Первого крестового похода. Его творчество представляет особый интерес как продукт столкновения и противоборства по крайней мере трех различных культур — мусульманской, латинской и православной. Этим объясняется полемический дух, пронизывающий все его творчество, а также непримиримость автора по ряду спорных вопросов: для Никона как греческого монаха было особенно важно сохранить чистоту православия своих духовных чад — не только монахов, но и мирян.

Монументальный труд Никона «Пандекты» состоит из 63 «слов» (глав) и представляет собой компиляцию из отцов Церкви, патериков, устных преданий и канонов Св. Апостолов и соборов Православной Церкви, а также законодательства Юстиниана на различные темы (монашеские добродетели и пороки, церковное управление и др.). По свидетельству самого автора, эта книга была написана им в молодости, затем прошла проверку в Антиохийской патриархии и хранилась в ней, а также в монастыре Св. Симеона для духовной пользы монахов.

«Пандекты» сохранились в большом количестве греческих и еще большем числе славянских списков. Они были чрезвычайно популярны на Руси и использовались в XV—XVI вв. как

хрестоматия из произведений отцов Церкви, высказываний старцев-монахов, справочник по каноническому праву. Сочинения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека избилуют цитатами и выписками из «Пандект» Никона.

«Малая книга», единственное датированное произведение канониста (1089 г.), была составлена по образцу «Пандект»; ее содержание также представляет собой подборку из канонов и высказываний св. отцов, содержит обширные выписки из византийской хроники Симеона Логофета.

Наиболее интересным сочинением Никона является «Тактикон». Он состоит из двух частей: двух уставов Ройдиева монастыря («Слова» 1—2) и 40 (38 — по славянским текстам) посланий различным монахам. В отличие от двух предшествующих произведений в «Тактиконе» в полной мере проявился талант Никона критически подходить к своим источникам. Автор неоднократно сравнивает различные тексты: иерусалимский, студийский и афонский монастырские уставы, номоканон Иоанна Постника, номоканон XIV титулов, правила соборов и др., отмечает разногласия между ними и высказывает свое собственное суждение по каждому вопросу. Подобный критический подход к материалу достаточно редко встречается в византийской литературе: в XII в. мы наблюдаем его у знаменитого канониста Вальсамона, а в XIV — у Симеона Фессалоникийского. «Тактикон» Никона Черногорца интересен не только как источник, по которому возможно восстановление редакций различных канонических, литургических и аскетических произведений, бывавших в XI в., но также и как оригинальное произведение. Письма Никона, по-видимому, не являются данью литературной форме, но реальной перепиской, о чем свидетельствуют неоднократно встречающиеся фразы типа «ты мне писал, и я тебе отвечаю», причем далее приводится содержание письма вопрошающего. Иногда автор ссылается и на свои предшествующие послания; однажды он упоминает, что не стал писать свой ответ на новом листе, но на обороте полученного письма-вопроса.

Много содержится в «Тактиконе» указаний на конкретную историческую ситуацию в Антиохии конца XI в.: предупреждения против ересей, против влияния только что пришедших латинян-крестоносцев, предупреждения против наступающих мусульман-турок, призыв к христианам противостоять им силой своей веры и не вступать с ними ни в какие отношения. Все эти указания, иногда явные, другой раз лишь намеки, дают возможность датировать отдельные слова «Тактикона».

Большой интерес для выяснения этнической ситуации в антиохийских монастырях во второй половине XI в. представляют публикуемые в данном томе три главы «Тактикона».

На Черной Горе с давних пор жило немало армян-халкедонитов (цатов). Св. Савва Освященный (V в.) принял их и разрешил петь богослужебные тексты по-армянски. Православная Церковь в отличие от западной благосклонно относилась к тому, чтобы негреческие народы служили на своем родном языке. В IX—X вв. в Армении, в условиях господства монофизитской церкви, в среде армян-халкедонитов произошла денационализация: они постепенно слились с грузинами, греками и сирийцами. «Тактикон» Никона Черногорца является единственным источником по истории этой этническо-конфессиональной группы в Северной Сирии XI в. В этом регионе, по свидетельству Никона, армяне сохраняли свой национальный облик, так что даже обвинялись в неправославии, т. е. монофизитстве. Канонист встает на их защиту и отмечает, что они были в почете у предшествовавших патриархов, которые использовали их как полемистов против армян-монофизитов.

«Слово» 37 посвящено ивирам (грузинам), которые также представляли собой национальное меньшинство на Черной Горе. Хотя грузины всегда придерживались халкидонского, т. е. православного, вероисповедания, все же их «надежность» часто подвергалась сомнению. Учитывая опыт отношений, сложившихся между греками и армянами, Никон хочет предупредить повторение подобной ситуации с грузинами и потому излагает историю их крещения и доказывает верность православию.

Это произведение Никона Черногорца не было популярно в Византии; по-видимому, этим объясняется малое количество греческих списков «Тактикона» (около четырех). Самый полный из них Sinai. 441 (фотокопии с него хранятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге)

(шифр греч. 879). Критическое издание греческого текста отсутствует. В начале XX в. издание текста с комментарием было предпринято выдающимся русским канонистом В. Н. Бенешевичем. Однако его издание, начавшееся в 1917 г., вскоре прервалось на пятом «Слове».

Славянских списков «Тактикона» намного больше. Древнейший из них (1397 г.) хранится в РНБ в Петербурге (шифр Fп I 41). Он был сделан в Новгороде и представляет собой ту же редакцию текста, что и рукопись Sinait. 441. Приписка в конце славянской рукописи говорит о том, что она была переписана Яковом и Пименом из монастыря на Лисичьей горке в Новгороде с древнейшего славянского прототипа, в свою очередь привезенного сюда с Афона игуменом Лисичьей горки Илларионом. Настоящее издание осуществлено по славянскому списку 1397 г. со сверкой по греческому тексту.

Стр. 396. *...игумена святого Симеона Чюдотворца.* — Монастырь Св. Симеона Чюдотворца на Черной горе вблизи Антиохии. Св. Симеон Столпник (356—459) — родом из Киликии, христианский аскет. В 423 г. положил начало особому виду подвижничества — столпничеству. На столпе он провел более 40 лет.

...пришедши в Антиохию архиерѣи... — Причастие οἱ ἐνδηροῦντες («обитавшие») в славянском тексте переведено неточно.

...бывшее вѣщемъ прѣменение... понеже и бесъ пастыря пребываемъ... — Имеется в виду захват Антиохии турками в 1084 г., после которого антиохийский патриарх переселился в Константинополь.

Стр. 398. *Тогожде къ отцю Герасиму...* — Иерусалимский монах, известен, по-видимому, только из «Тактикона» Никона Черногорца. К нему обращен целый ряд «Слов» произведения.

Стр. 400. *...егда прѣдана бысть Антиохия...* — Вероятно, имеется в виду взятие города турками в 1084 г.

...писахъ въ сборную церковь патриархия... — Антиохийский патриархат.

...посла ми владыка сакеллий писание... — Сакеллий — чин константинопольской церкви. Сакеллий вместе со своим советом заведовал приходскими церквями, наблюдая за их хозяйственной частью, а также за исправным отправлением приходскими клириками своих обязанностей.

...великий Василіе... о таковыхъ разнѣствахъ глаголет... — Василий Великий (Василий Кесарийский) (329—378) — византийский иерарх, отец Церкви. С 370 г. был епископом Кесарии Каппадокийской. Вместе со своим братом Григорием Нисским и Григорием Назианзином (Богословом) был представителем каппадокийской школы православного богословия. Известен также и как канонист.

...митрополитъ ихъ отъ иже въ Антиохіи патриаршѣствующаго поставляется... — Никон специально обращает внимание на то обстоятельство, что месопотамские армяне подчинялись антиохийскому патриарху, ибо этим он хотел доказать их независимость от монофизитской армянской Церкви.

Стр. 402. *...житіе великого отца нашего Савы прочетше...* — Савва Освященный (ум. в 532 г.) — византийский аскет. Родился в Каппадокии, с 8 лет жил в монастыре под руководством Евфимия Великого, потом в пустыне близ Иордана, где в 484 г. основал монастырь, впоследствии знаменитый под именем Лавры Саввы Освященного. Благодаря ему в 517 г. в Иерусалиме была одержана победа православия над монофизитством. Савва написал богослужебный устав (Типик), известный также под именем иерусалимского.

...ради мѣнѣи и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради» — Петр Кнафей — антиохийский патриарх-монофизит V в. Добавление указанных Никоном слов в Трисвятую песнь явилось поводом к его окончательному разрыву с константинопольским патриархатом.

...Тогожде великого отца нашего... Пахомія... — Пахомий Великий (ум. в 348 г.) — родом египтянин. Приняв крещение вскоре после 312 г., он удалился в Фиваидскую пустыню. В Тавенне он впервые устроил монастырь на началах общежития и составил строгий монастырский устав.

...б словъ Златоустовыхъ пространнейше глаголютъ... — Иоанн Златоуст (347—407) — один из величайших отцов Церкви. Родом из Антиохии, учился ораторскому искусству у Ливания, с 381 г. служил диаконом в Антиохии, с 397 г. — архиепископ Константинополя. Златоуст был наиболее знаменит своим талантом проповедника (сохранилось 804 его проповеди). Они представляют собой популярную энциклопедию христианской нравственности.

...святой и великий иже въ Халкыдонѣ сборъ... — Четвертый Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г.

...плевелы от чистыя пшеница разлучившим... — Т. е. отделивших еретиков-монофизитов от православных.

Стр. 404. ...якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия... — Антиохийский патриарх Феодосий III (1057—1059), друг и покровитель Никона.

...и послаша ми е съ духовнымъ братомъ киръ Козма киръ Романовѣмъ ту сущаго затворника. — К этому иерусалимскому затворнику обращено и другое «слово» «Тактикона», в котором Никон бранит его за то, что тот позволил Косме отправиться в Месопотамию, из-за многочисленных опасностей, которые могут подстергать его в пути. Опасности, о которых говорит Никон, по всей видимости, исходят со стороны мусульман или армян-еретиков. Косма, очевидно, тоже армянин-халкедонит.

...и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, о немже и... престоломъ всего Вѣстока Антиохийский градъ почтенъ бысть. — Согласно традиции, апостол Петр некоторое время был антиохийским епископом, что дает право антиохийскому патриарху считать свое происхождение апостольским. На этом основывается так называемая теория «пентархии патриархатов», очень популярная в Антиохии в XI в. Никон неоднократно говорит о самостоятельном значении Антиохийского патриархата и о его независимости от Константинополя.

Стр. 406. ...«каждо привлечется... от своя похоти» — Иак. 1, 14.

«Горе напаяющему... питья мутна»... — Авв. 2, 15.

«Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая. — Мф. 18, 32. В греческом тексте приводятся только первые два слова цитаты.

Якоже рече и великий апостоль Петръ... яко «развращаютъ та»... — 2 Петр 3, 16.

...яко «чуне есть жерновный камень...» и прочая — Мф. 18, 6. Славянский переводчик расширяет цитату.

...«все являемое... на светъ приходитъ»... — Еф. 5, 14.

Стр. 408. ...якоже и апостоль... глаголетъ «Еда вси учителя» и прочая. — 1 Кор. 12, 29.

...«рассмотритъ словеса своя на судъ». — Пс. 111, 5.

...якоже иже въ пророкъ Исаи... «пророкъ учя безаконью». — Ис. 9, 15.

...якоже Богословъ Великий Григорье... Шестой сборъ... — Григорий Назианзин (Богослов) — отец Церкви, богослов, член каппадокийского кружка. Шестой (Трульский) Вселенский собор состоялся в Константинополе в 691—692 гг. Каноны этого собора явились одним из основных источников Никона Черногорца.

...глаголетъ бо в божественѣй Лѣствицѣ... «...Богъ и цѣлити можетъ». — «Лествица» — произведение Иоанна Лествичника (ум. ок. 606 г.) — представляет собой 30 бесед о 30 ступенях духовного восхождения. «Лествица» всегда была настольной книгой для монахов: Феодор Студит ссылается на нее как на лучшую иноческую книгу.

Стр. 410. Книгу... Толкования заповедемъ Господнимъ... — Т. е. «Пандекты».

У... Гроба Господня... и святыя Голгофы и в Гефсимани... — Никон перечисляет святые места в Иерусалиме, связанные с последними часами земной жизни Христа.

Стр. 412. ...блаженный Феодоритъ, епископъ Кирьскый, в Церковнѣмъ списани повѣдуют... — Феодорит Киррский (387—457) — видный церковный иерарх, богослов, философ, оставил обширное литературное наследство. Главный его труд — «Церковная история» в пяти книгах, освещающая события церковной жизни Византийской империи с 325 по 429 г.

...о иже... блаженныя оны въ женахъ добродѣтельныя Нонны... — Св. Нанно, или Нина, — сирийка по происхождению, родом из Каппадокии в Малой Азии, легендарная

просветительница Грузии. Благодаря ее проповеднической деятельности, а согласно житию, и чудесам в начале IV в. грузинский царь Мириан принимает крещение, и христианство становится государственной религией.

...въ царство великого Константина... — Константин Великий (304—337) — римский император, признавший христианство государственной религией. При нем столица империи была перенесена в Константинополь и было положено начало Византийской империи.

Стр. 414. *при Костянтинѣ царѣ Копронимѣ...* — Константин V Копроним (741—775) — византийский император-иконоборец, ревностный враг иконопочитания в Византии.

...заеже не смѣяти кому агарянь ради мимо ходий. — Агаряне в византийских источниках — это арабы. В VII в. они захватили все территории Византии по юго-восточному берегу Средиземного моря. Для того чтобы рукоположить грузинского католикоса, необходимо было получить «печатъ», т. е. разрешение антиохийского патриарха, которому тогда подчинялась грузинская Церковь.

...златникъ тысящу... ароматом святого мира. — Миро — масло для таинства миропомазания; изначально варилось раз в несколько лет в Антиохии и оттуда доставлялось по всему православному Востоку.

...идуци ему на моление киръ Василию. — Василий II Болгаробойца, византийский император (976—1025).

Установлено же бысть... патриарху Антиохийскому единому в Иверии... — Упоминание имени патриарха во время богослужения означает каноническое подчинение ему; сведения Никона о подвластности грузинской Церкви Антиохии в сер. XI в. являются уникальными. По другим источникам, автокефальность грузинской Церкви была провозглашена еще в 750 г.

...посылати екзарха... — Экзарх — церковно-иерархическая степень в православной Церкви, упоминается с 445 г. В данном случае — чрезвычайный уполномоченный патриарха, посылавшийся в епархию с разными поручениями, главным образом надзора над монашескими и ревизионной церковью.

...при Костянтинѣ цари Мономаѣ... — Константин XI Мономах — византийский император (1042—1054).

...при... патриарси Антиохистем киръ Феодорѣ... — Имеется в виду Феодор III Ласкарис ὁ Κρίτης, антиохийский патриарх (1034—1042).

...възнице плевелом съятель нѣкий... — Плевелы — еретические движения.

...различна послания... с кувуклисием посла... — Кувуклисий — церковная должность в патриархате.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

«Диоптра, или Душезрительное зеркало» — произведение византийского писателя-монаха XI в. Филиппа Монотропа, «Пустынника», или — можно перевести — «Уединенника». В XIV в. оно было переведено на славянский язык, попало на Русь и по крайней мере в течение трехсот лет пользовалось здесь большой популярностью.

«Диоптра» в целом представляет собой композицию из сравнительно небольшого «Плача», горестного обращения к самому себе («Плачеве и рыдания инока грешна и странна, имиже спирашася к души своей»), и пространного «Диалога», разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. «Диалог» разделен на четыре части, «слова» (первое «слово» представляет собой «Плач», так что в «Диоптре» всего пять «слов»). Композиции предпосланы три предисловия — знаменитого византийского писателя и деятеля XI в. Михаила Пселла, некоего Константина Ивеста и самого автора, — сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. «Плач» датирован автором 12 мая 1095 г., «Диалог» — 1097 г.

В заключительном «Оглаголении, яже к любозаборным» Филипп сообщает, что написал «Диоптру», будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран, или пределов. Некоторые ученые считают вероятным, что имеется в виду русская Смоленщина, другие полагают, что речь идет о балканском г. Смолян или вообще о месте расселения славянского племени смолян в Македонии.

По содержанию в значительной мере «Диоптра» представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из античной и раннесредневековой литературы. Для нее характерно соседство свидетельств из Священного Писания и из произведений отцов Церкви со ссылками на Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Плотина и других языческих мыслителей. В XI в., когда жил Филипп, Византия переживала своего рода «возрождение» — усиление интереса к античной культуре. Сам широко образованный, будучи озабочен нравственным и культурным просвещением своих читателей, Филипп определяет свою задачу как вторично-литературную — приведение трудных для восприятия речей «в удобь приятен вид». Жанр «Зерцала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, подсказан ему был, возможно, появившимся в XI в. под названием «Стефанит и Ихнилат» греческим переводом индийской «Калилы и Димны» (см. наст. изд. с. 210—273). Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то «Диоптра» написана как «душезрительное зеркало» — занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть, похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); как литературный прием это то же, что «рамочный», или «стержневой», диалог «Калилы и Димны» или «Тысячи и одной ночи», позволяющий объединить большой ряд основных «элементов» произведения. Диалог начинается Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная с Плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «словеса наказательная». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников «Диоптра» явно вызвала недоумение своей литературной формой, о чем мы можем судить по тому, что Михаил Пселл в своем предисловии обороняет ее от нападок тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием диалога чуждым как Ветхому, так и Новому Заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования «Диоптры» (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции — того, в каком «Диоптра» перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к ненаученым», к таким же «невежам, якоже и аз... а не убо к разумным, ниже к словесным, ни к ветиям премудрым, ниже к учителем». У исследователей XIX—XX вв., в отличие от их предшественников XI в., «Диоптра» вызывает удивление уже не своей формой, а содержанием — и тем, что не Душа учит Плоть, а Плоть — Душу, и тем, чему она ее учит: в ее поучениях находят материализм и противоречие церковной догматике. Дело тут, очевидно, в недостаточной изученности «канонических», общепринятых византийско-славянских средневековых представлений о человеке. Человек определяется в «Диоптре» как «животное смешанное»: существо вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, наделенное — подобно животным — способностью желать и впадать в ярость, но в то же время — властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом. Тело, Плоть, — орудие деятельности Души, ее «служанка»; за прегрешения, совершенные с помощью плоти, ответственна не сама Плоть, но ее госпожа — Душа. Самые ценные органы Плоты — сердце и мозг. Противоположность добра и зла не имеет отношения к различию невидимой, умопостигаемой, и видимой, материальной, сфер бытия — та и другая произведения одного благого Творца; следуя за Дионисием Ареопагитом и Григорием Нисским, Филипп Пустынный сравнивает зло с темнотой, не имеющей собственного бытия, но являющейся отсутствием света.

Всего насчитывается более пятидесяти греческих и около ста шестидесяти славянских, в подавляющем большинстве русских, списков «Диоптры». Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как «Диоптра» (уступающим ей по количеству и объему сведений,

но все-таки сопоставимым с ней, из предшествующих ей на Руси сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, кажется лишь «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского).

По-гречески «Диоптра» написана восьмистопным ямбом, как сказано в славянском переводе, «градскими», т. е. «политическими», стихами. Первое «слово», «Плач», содержит около трехсот семидесяти стихов, остальные четыре «слова», составляющие «Диалог», больше тысячи стихов каждое.

Попадающиеся в тексте цитаты из Священного Писания не буквально точны именно потому, что они обращены Филиппом в стихи. Но не весь текст «Диоптры» в оригинале состоит из восьмистопных ямбов. В некоторых вставных кусках, взятых из чужих произведений, сохранена их первоначальная ритмическая организация. Так, большой отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина, который в публикуемом «слове» цитирует Плоть, написан так называемым «александрийским» стихом, то есть шестистопным ямбом (и Плоть, сама говорящая стихами, перед началом цитации отмечает, что это стихи, не указывая только их размера).

Находящиеся же в заключительной части публикуемого «слова» пространные философские вопросы Григория Нисского и еще более пространные ответы ему Макрины оставлены прозаическими — как бы в ответ на просьбу Души не перелагать их в стихи, а привести «именно такими, каковы они и суть».

Славянский перевод «Диоптры» пословен и, как представляется, весь прозаический. Ритмическая природа соответствующих частей оригинала все же, видимо, отчасти в нем отражается — в свойственном стихам несколько неестественном — по сравнению с прозой — порядке слов, в смысловых вариациях, в синонимических повторениях, в ритме синтаксических конструкций, размер которых часто определяется размером стиха и т. п. При его переводе на современный язык использован и греческий оригинал, — когда это было необходимо для прояснения темных мест славянского текста и восполнения некоторых вредящих смыслу речи пропусков.

Славянский перевод «Диоптры» был сделан не позже третьей четверти XIV в. на Балканах, на Афоне или в Болгарии (в монастыре Григория Синаита в Парории) в среде монахов-исихастов. Очевидно, именно интерес к человеческой личности, возбужденный на Балканах в середине XIV в. «исихастскими» спорами о возможностях человека, ввел «Диоптру» в славянские литературы. Старейшие русские списки «Диоптры» относятся к концу XIV в. «Диоптра» активно распространялась и использовалась на Руси во второй половине XV в.; на нее ссылались и приводили из нее выдержки, чтобы доказать несостоятельность распространившихся было мнений о наступлении конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира», т. е. в 1492 г. Переписывали «Диоптру» на Руси по XIX в. включительно. Славянский ее перевод не издан.

Для данной публикации избрано третье «слово» «Диоптры», как наиболее «естественнонаучное» из всех (но при этом не менее литературное, чем остальные). В основу публикации положен список РНБ, Ф.п. 43, конца XIV или начала XV в., происходящий из Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 29 об.—61. Так как в этом списке между лл. 34 и 35 недостает четырех листов (двух центральных двойных листов пятой тетради), для восстановления пропущенной части текста использован список ГИМ, Музейское собр., № 3759, XIV в., лл. 67 об.—73 (от слов: «...создана бысть, о рабыне? И како бесмертное мртьвенуемо съпрежено бысть?» до слов: «...облѣчет навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты въ пусто и невъселено...»). С помощью этого вспомогательного списка, а также другого, ГИМ, Чудовское собрание, № 15, XIV в., выправлены также некоторые мелкие дефекты Кирилло-Белозерского, основного для данного издания, списка (правка и мелкие вставки пропущенного выделены курсивом).

Стр. 422. *...конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь...* — В греческом оригинале его имя — Сиртиарий.

Стр. 424. *Невидимая бо его... и от тварей разумѣваема...* — Ср. Рим. 1, 20.

Стр. 426. *Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю... якоже рече и Христосъ в Благовѣствованьих...* — Ср. Мф. 6, 23.

Стр. 428. *«Просяй примет... еже хочет, обрѣтает».* — См. Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

...*Пократ...* — Иппократ, Гиппократ (460—377 до н. э.), древнегреческий врач, основатель научной медицины, философ, под влиянием идей которого медицина находилась вплоть до Нового времени.

...*Галин...* — Гален (131—200), крупнейший римский врач, анатом, философ, комментатор трудов Гиппократа.

Нисский же Григорий... — Григорий Нисский (332—не ранее 394), брат Василия Великого, с. 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов.

Стр. 430. ...*душа чьстнѣйши... якоже Христос реклѣ есть...* — См. Мф. 16, 26; Мр. 8, 36.

Стр. 432. *Божественный бо апостолъ учит ме сему: «Не все ли суть службѣнии дуси... наслѣдовати царствие».* — Евр. 1, 14.

...*Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣбидите... иже есть на небесехъ».* — Мф. 18, 10.

«*Вещьши есть душа пищу»...* — Мф. 6, 25.

«*Одежде тело больше есть».* — Ср. там же.

Стр. 434. «*Въ печелех родиши чеда».* — Быт. 3, 16.

Стр. 436. «*Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».* — Ср. Быт. 3, 5.

...*свърже иже иногда Денницу... грѣдости, еже ради онь отпаде.* — См. Ис. 14, 12—14.

Стр. 442. *Моусии человекѣ рече по образу Божию... первозданнаго быти.* — См. Быт. 1, 26.

«*И тако дуну на лице его... въ душу живу тогда».* — Ср. Быт. 2, 7.

«*Елико внѣшний нашъ человекъ... обнавляеться въце».* — 2 Кор. 4, 16.

«*Створим человекѣ по образу Своему»...* — Быт. 1, 26.

Стр. 444. «*Будите свершени... нашъ небесный Отець»...* — Мф. 5, 48.

Стр. 446. ...«*Вѣмы бо, вѣмы... от Бога, вѣчную и лучшую».* — Ср. 2 Кор. 5, 1.

«*Желание ми есть... на небсѣхъ быти».* — Ср. Фил. 1, 23.

...*Соломон вопиет сице: «Душа праведныхъ в руцѣ Бога... в мирѣ убо».* — Ср. Прем. 3, 1; 4, 7. Соломон, сын царя Давида от Вирсавии, его преемник, автор библейских книг Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Екклесиаст и Песнь песней.

И Иоанъ Дамаскынъ... глаголетъ: «Душа убо имате... на небеса с славою». — Иоанн Дамаскин (конец VII в.—до 753 г.), по родовому прозвищу Мансур, сириец по происхождению, защитник иконопочитания, великий богослов и гимнограф.

Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всемъ языкомъ Иоанъ... — Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329—389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя; Василий Великий (329—379), вселенский отец и учитель Церкви, архиеп. Кесарийский; Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407), отец и учитель Церкви, блестящий писатель и проповедник, епископ Константинополя в 398—404 гг.

...*Григорие Богословесный...* — Григорий Назианзин, см. предыдущее примеч.

...«*предтеча о насъ, по гласу Павлову...* — Евр. 6, 20.

Стр. 448. «*Възвелъ еси от ада душу мою»...* — Пс. 29, 4.

...*рече Пѣснопѣвецъ...* — Имеется в виду библейский царь и поэт Давид, автор большей части книги Псалтирь.

«*Тогда да възвратятся... грѣшници въ адъ».* — См. Пс. 9, 18.

«*Падѣ убо въ землю... присноживотно, и обрадованно».* — Ср. 1 Кор. 15, 41—44.

Стр. 450. ...*яко аньгѣли Божии... нѣкогда к садукеим.* — См. Мф. 22, 23—30.

Стр. 454. «*Възлег, почи, якоже левъ»* — Ср. Чис. 24, 9; Вт. 33, 20.

...*Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура...* — Иоанн Дамаскин, см. примеч. к с. 446.

Стр. 460. *Иоанъ Златы языкомъ сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем... и апостолы же, и мученики».* — Иоанн Златоуст, см. примеч. к с. 446.

...*Григорие Богословный пишет: «Тогда, — рече, — Кесария узрю... брате любезнѣйши».* — Григорий Богослов, см. примеч. к с. 446.

...*Ефрѣмъ же блаженный... «Тогда, — рече, — своя родителя осудятъ... разлученья и расъпряженья сих».* — Ефрем Сирин (ум. 373), сирийский христианский писатель, автор аскети-

ческих и экзегетических произведений, молитв и песнопений; они были переведены на греческий и читались и пелись в церквях.

Афанасий Великий... «Богъ, — рече, — праведникомъ всѣмъ даровалъ есть... не бываетъ никакого неззорному». — Афанасий Великий (293—373), архиепископ Александрийский, борец с арианством, автор многочисленных трудов, разъясняющих сущность христианского учения.

Стр. 466. *...разумѣваемъ по Писанию...* — Ошибка либо славянина-переводчика, либо его предшественника писца-грека: слова ката морфου — «по форме», были приняты за ката Граφης — «по Писанию». Исправляем ошибку в переводе на современный русский язык.

...садукей... — Имеются в виду саддукеи, упоминаемые в Евангелиях от Матфея (3, 7; 22, 23—24) и в Деяниях апостолов (4, 1; 23, 6, 8). Так назывались члены одной из религиозных сект Древнего Израиля (в отличие от ессеев и фарисеев), получившей название от Садока, относительно личности которого существуют разные предположения. Для саддукеев характерно неверие в воскресение мертвых, отвержение талмудических толкований Моисеева Пятикнижия и склонность к буквальному его пониманию. Саддукеем был Каиафа, председательствовавший на осудившем Иисуса Христа на смерть синедрióне.

...Григория Нисьскаго вопрос от Макриших. — Григорий Нисский, см. примеч. к с. 428. Макрина (ум. в 379 г.) — его старшая сестра, глава общины монахинь, ревностная христианская подвижница, оказавшая большое влияние на Григория, очень им любимая и горько оплакиваемая. После многих лет разлуки Григорий посетил ее, когда она была уже близка к смерти. Состоявшийся между ними тогда разговор был описан Григорием в «Послании к монаху Олимпию» и в трактате «О душе и о воскресении», а затем использован Филиппом Пустынником в «Диоптре».

Стр. 472. *...Данилу желание...* — Пророка Даниила называет «мужем желаний» прилетевший к нему во время молитвы архангел Гавриил. См. Дан. 9, 23.

...Финеесу ярость... — Финеес, сын Елеазара, внук Аарона (Быт. 6, 25), убивший копьем израильтянина, который возлег с мadianитянкой (Чис. 25, 7—8), третий первосвященник иудейский.

«А еже имать кто, что и уповаеи?» — рече апостоль. — См. Рим. 8, 24.

Стр. 474. *«Пророчества бо, — рече, — упрязнятся... николиже не отпадает»* — См. 1 Кор. 13, 8.

«Вѣра же уповаемыхъ съставъ». — Евр. 11, 1.

Стр. 484. *...рече Еуаггелие, яко: «Родися человекъ въ миръ».* — Ин. 16, 21.

Стр. 486. *...рече Писание, «ниже оку видети, ниже слуху яти, ниже помыслу достиже быти».* — Ср. Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9.

«Речеши же ми убо, како встанутъ мертви? ...и коемуждо съмени свое тѣло». — 1 Кор. 15, 35—38.

Стр. 488. *«Светъ бо ся, — рече, — во тлю... встанетъ тѣло духовно».* — 1 Кор. 15, 42—44.

...от Писаниа навыхоком, — яко «прозябе земля былье травное»... — Быт. 1, 12.

Стр. 490. *«Подобаетъ бо, — рече, — мертвену сему... облецися въ нетлѣние».* — Ср. 1 Кор. 15, 53.

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО».

ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМЪ МЫТАРСТВАМЪ

Сказания о посмертной судьбе человеческой души издавна вызвали большой интерес у древнерусского читателя. Уже в XI—XII вв. на Руси были известны переводные византийские апокрифы, в которых о загробном устройстве рассказывалось в очень занимательной форме, с привлечением множества подробностей (см. наст. изд., т. 3, с. 306—321). Эсхатологические сказа-

ния существовали преимущественно в двух жанровых разновидностях: герои либо совершали путешествие («хождение») в загробный мир, либо постигали его тайны духовно, в «страшном» видении. В обоих случаях это были «душеполезные» произведения, призванные напомнить об ответственности человека за его земные дела, разрешить сомнения в каком-либо религиозно-нравственном вопросе, вызвать чувство сострадания и привести к покаянию.

Среди переводных эсхатологических сочинений особое место в древнерусской литературе занимает фрагмент из византийского «Жития Василия Нового» (X в.) — «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», которое часто встречается в рукописях как отдельное произведение. В греко-славянской литературе это наиболее полное описание загробных испытаний в греховности — мытарств. «Мних» Григорий, от имени которого ведется повествование в Житии, был удостоен чудесного откровения. В ночном видении ему явилась старица Феодора, прислуживавшая при жизни их общему духовному отцу Василию Новому, и рассказала о своей смерти, о муках ада, о райском блаженстве, но главное — о пройденных ею 21 (20) воздушных мытарствах.

При написании «Хождения...» автор воспользовался уже существовавшей традицией. Учение о мытарствах является каноническим: оно содержится в произведениях церковных писателей IV—V вв. — Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Великого, Кирилла Александрийского и др. После смерти человека его душа, руководимая ангелами, должна подняться по «лестнице» мытарств. На каждой ступени ее подстерегают лукавые бесы («мытари»), которые испытывают душу в том или ином пороке и взимают с нее дань. За все свои грехи душа должна расплатиться добрыми делами, совершенными при жизни. Души праведных, у которых добрых дел больше, чем дурных, проходят все мытарства и спасаются. Грешников же бесы свергают своими огненными копьями во «тьму кромешную». Однако если в сочинениях «отцов Церкви» этот эсхатологический миф не получил детальной разработки, то автор «Хождения...» создал на его основе монументальную «эпопею смерти» (Ф. Батюшков), которая поражала воображение средневекового читателя своими яркими мистическими картинами потустороннего мира.

Известное на Руси с XI—XII вв. «Житие Василия Нового» оказало заметное влияние на древнерусскую литературу, изобразительное искусство и фольклор. В XII—начале XIII в. рассказ о мытарствах был использован при составлении «Слова о небесных силах», предположительно атрибутируемого Авраамии Смоленскому. Описание облика Смерти, являющейся к человеку с различными орудиями, включил в свою редакцию «Повести о споре жизни и смерти» неизвестный книжник XVI в. (см. ПЛДР, т. 7, с. 48—52). Особую популярность «Житие Василия Нового» приобрело в XVII—XIX вв., преимущественно у старообрядцев.¹ Оно печаталось в старообрядческих типографиях, сохранилось в большом числе списков. Как самостоятельная статья «Хождение Феодоры» помещалась в лицевые рукописные сборники эсхатологического содержания. Известны также старообрядческие настенные лубки XIX в. на этот сюжет. По-видимому, именно «Хождение Феодоры» послужило источником духовных стихов о мытарствах:

«Принесли душу грешную
 Ко лестнице ко небесной.
 На первую ступень ступила,
 И вот встретили душу грешную
 Полтораста врагов;
 На другую ступень ступила —
 Вот и двести врагов;
 Вот на третью ступень ступила —
 Вот две тысячи врагов возрадовались:
 „Ты была наша потешница!

¹ Этому интересу способствовало также наличие в Житии еще одного пространного эсхатологического рассказа — «Видения мниха Григория» (о Страшном Суде).

Ты была наша наставщица!"
 Вот несут они письма да раскатывают,
 Да раскатывают, все грехи рассказывают».

(Русские народные песни, собранные П. Киреевским.
 Ч. I. Русские народные стихи. М., 1848. № 22).

Сюжет «Хождения Феодоры» бытовал и как устный прозаический рассказ народно-легендарного характера. Одну из таких его фольклорных версий записал Г. С. Виноградов в Восточной Сибири в первой четверти XX в.: «... „Как умерла ты, Федора?“ Она говорит: „Чижолая смерть была, жестокая. Сперва смерть пришла с косой, с пилой... Вот вражье набралось к душе (вот правда, станет человек умирать, глаза-то остолбенеют, вытарашшит, быдто каво боится...), караулят душу вражье. Прилетают несколько анделов. Смерть тогда пилой отпиливает руки и ноги (вот ить сначала ноги и руки отымутца, — это она пилой отпилит...), а потом косой голову снесет. Святые андели облелеют: «Уйди, нечистая сила, отсторонися!» Вот тожно смерть косой голову снесет”. — „А каково тебе, Федора, мытарства были?“ — „Сорок мытарств прошла, сорок ступенек, и на каждой ступени вражье кричат: «Душа наша, душа наша!» (Оне всё пишут про нас, все худое, а добро анделы пишут... Оне всё и кричат про грехи. Ох, святой Григорий, чужало проходить мытарства!.. Вот последнее мытарство — блуд. Ох, как я его пройду. Возьмут мою душу вражье. (Должно, она блудила...). Прошла! Андели говорят: «Душа наша, она очищена»». Вот и прошла она в пресветлый рай». (Виноградов Г. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 312—313).²

«Житие Василия Нового» существует в двух основных редакциях: Первая и Вторая русские редакции, которые представляют собой переводы двух разных греческих редакций. Первая редакция является гораздо более полной и древней (XI—XII вв.), хотя самые ранние из сохранившихся ее списков датируются XVI в. (см. Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. I: Исследование; 1911. Ч. 2: Тексты). Текст «Хождения Феодоры» публикуется в Первой редакции по Успенскому списку Великих Миней Четых: ГИМ, Синаodalное собр., № 992, л. 658—670 (XVI в.). Отдельные исправления и дополнения вносятся по спискам: РГБ, собр. Ниловой пустыни, № 46 (нач. XVI в.); ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 336 (1779 г.). Сложный синтаксис памятника и наличие «темных мест» не всегда сделали возможным дословный последовательный перевод его на современный язык. Для прояснения смысла отдельных предложений и фрагментов переводчики использовали тексты греческого оригинала и Второй русской редакции.

Стр. 494. ...преподобному... — Т. е. Василию Новому. Василий Новый — греческий святой; с юных лет принял иночество, скитался в непроходимых пустынных горах, а затем, при императорах Льве Премудром и Константине Багрянородном, подвизался в Константинополе; прославился своими мученическими подвигами, юродством, пророчествами и чудесами; умер в 944 г. ...къ церкви честныя Влахѣрны... Святѣй Богородицы. — Влахернский храм Пресвятой Богородицы был построен в V в. и являлся домовою церковью византийских императоров. С этим храмом связан один из важнейших христианских праздников — Покров Пресвятой Богородицы.

² Представление о мытарствах вообще очень глубоко вошло в круг народных эсхатологических верований. Побывавшие в загробном мире («обмиравшие») рассказывают о том, что душам умерших приходится взбираться на огромную гору, на которой бесы устроили свои мытарства. (Поднимаются по ней только те, у кого есть ногти). В отдельных уголках России на сороковой день после смерти кого-либо из близких было принято печь длинную пшеничную лепешку с поперечными перекладинами по числу мытарств — «лесенку». Считалось, что, съедая ее, помогают душе усопшего преодолеть на том свете всех духов тьмы.

Стр. 496. *Видяхъ бо по ряду... житие свое.* — Предложение переведено с использованием греческого текста. Дословный перевод соответствующего предложения в греческом оригинале следующий: «И я нечто знаю из Священного Писания о духах лукавых, мне ведь и самому предстоит в скором времени умереть».

Стр. 498. *Эфиопы (ефиопы)* — одно из названий бесов в древнерусской литературе.

Стр. 508—510. *Достигохомъ пятагонадесять мытарства... от скверныхъ тѣх.* — В греческом тексте и во Второй русской редакции данному фрагменту соответствует описание двух разных мытарств — «кумирослужения» и «мужеложества и детосквернения». В публикуемой редакции произошло объединение этих двух мытарств в одно («кумирослужение»), поскольку при переводе с греческого начало повествования о мытарстве «мужеложества и детосквернения» оказалось опущено. Вследствие этой ошибки сократилось и число мытарств: 20, а не 21.

Стр. 516. *Виссон* — драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань пурпурового цвета. В Священном Писании — символ роскоши и праведности (ср.: «Виссон же есть праведность святых» — Апок. 19, 8).

...яко царьстии гради... — В греческом тексте речь идет о Константинополе.

Авраам, Исаак, Иаков — ветхозаветные патриархи, священные родоначальники еврейского народа (его 12 колен). В христианской иконографии их изображение является неотъемлемым элементом композиции Страшного Суда. Авраам, Исаак и Иаков пребывают в раю (в «лоне Авраамовом»), в их «недрах» находятся младенцы — души праведников.

Стр. 518. *...и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныа в воюю благоуханиа.* — Ср. Фил. 4, 18.

Иоанн и Елена — духовные дети Василия Нового, жители Константинополя. В житии рассказывается о том, как Василий чудесным образом исцелил Иоанна от лихорадки («трясавицы»). Постигнув таким образом святость Василия, Иоанн пригласил подвижника жить в его доме. Когда Василия подвергли мучениям по приказу одного из патрициев, Елена, жена Иоанна, заступилась за святого, была жестоко избита и вскоре умерла.

Нардовое миро — ароматная драгоценная мазь, которая производилась из нарда, индийского растения; упоминается в Священном Писании (Иоан. 12, 3).

Стр. 520. *Сардоникс* — священный драгоценный камень красно-белого цвета. В Откровении Иоанна Богослова он упоминается среди камней, украшающих основания стен небесного Нового Иерусалима (Апок. 21, 20).

Стр. 522. *...въ град сей...* — Т. е. в Константинополь.

...труд бо плод своихъ снѣси. — Ср. Пс. 127, 2.

Стр. 526. *Иоинн Богослов* — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор четвертого Евангелия, трех Посланий и Откровения.

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

«Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Повесть была очень популярна у древнерусского читателя: она сохранилась в большом числе списков (наиболее ранние датируются XIV в.), проникла в лубочную литературу, была опубликована отдельным изданием типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой (1626 г.). В основе повести лежит «бродячий» сюжет о «кающемся» бесе, известный по византийской агнографии, «Великому Зерзалу», литературному Синодику и устным народным легендам. Повесть разрабатывает одну из важнейших тем христианской литературы — тему благодатности и всеисильности покаяния. Бог прощает покаявшихся «великих грешников» (см., например, «Повесть об Андрее Критском» (ПЛДР, т. 10, с. 270—274)), но возможно ли покаяние и восстановление (апокатастасис) самого беса, олицетворяющего собой всемирное зло? Этот вопрос не раз поднимался в богословской литературе — Ориген и Григорий Нисский решали его положительно, однако на поместном Константинопольском соборе 543 г.

Церковь осудила учение об апокатастасисе. В святоотеческой традиции закрепилось мнение: «Чем именно служит для людей смерть, этим для Ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому как и для людей оно невозможно после смерти» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 51). Повесть иллюстрирует эту мысль и в то же время существенно уточняет ее. Покаяние беса не может состояться не потому, что Бог отвергает его, а потому, что бес сам не хочет смириться, «навыкнув бо в гордости своей». Автору повести дорога прежде всего христианская идея свободы выбора между добром и злом, между «тесным» и «широким» путем. Этой свободы и возможности спасения Бог по великому «благоутробию» своему не лишает никого, даже беса.

Повесть была хорошо известна Ф. М. Достоевскому. Она послужила ему одним из источников при написании романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 312—315; Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 217—220). В XX в. повесть пересказал А. М. Ремизов (Ремизов А. Древняя злоба // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 2. Январь. С. 187—190).

Текст повести публикуется по списку: Отдел рукописей Научной библиотеки МГУ, 2 Ст. 170, лл. 129—133 об. (XVI в.). Отдельные исправления сделаны по списку: ГИМ, Музейское собр., № 92, лл. 131—134 (XVII в.).

Стр. 528. *Бѣнький отъ святыхъ старецъ...* — Согласно некоторым редакциям повести, Антоний Великий (Египетский) (251—356) — один из основателей монашества. «Житие Антония Великого» (IV в.), написанное Афанасием Александрийским, повествует о многочисленных искушениях от бесов, которым подвергался святой. Димитрий Ростовский поместил повесть в свои Минеи Четии под 17 января как приложение к этому житию.

Стр. 530. *Мерзость запустения* — Ср. Дан. 9, 27; 11, 31; 12, 11; Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

Стр. 532. *Калугер* (греч.) — почтенный старец, монах.

...в вѣчномъ огни, уготоваши Дияволу и аггеломъ его. — Ср. Мф. 25, 41.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

Повесть была создана в 1520-е гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. В рукописной традиции она бытовала и как самостоятельное произведение, и как посмертное чудо Павла Обнорского, входившее в состав жития этого святого (исследование повести и издание всех ее редакций см.: Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 225—292).

Повесть принадлежит к очень популярному в средневековую эпоху жанру видения потустороннего мира. «Страхи и надежды, порожденные ожиданием перехода в мир иной, неотступно преследовали средневекового человека, и он не мог не составить себе каких-то идей об устройстве его. (...) Обычной формой описания загробного мира в средние века был рассказ о человеке, который чудесным образом оказывался в запредельных краях, после чего возвращался к жизни и открывал окружающим виденное им „там“» (Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 8. С. 4).

В древнерусской литературе жанр видения был представлен апокрифами, многочисленными повестями из патериков, Пролога, «Великого Зеркала» и т. д. Особую известность в Древней Руси приобрело откровение «мннха» Григория о загробной участи преподобной Феодоры Цареградской из византийского Жития Василия Нового (X в.). Некоторые мотивы повести об Антонии Галичанине находят близкую аналогию в тексте Жития Василия Нового. Так, бесы, явившиеся к Антонию с различными орудиями и смертной чашей, напоминают облик Смерти из этого памятника

(ср. также с Житием Андрея Цареградского (БЛДР. Т. 2. С. 336, 338)). Очень подробно в Житии Василия Нового описываются и загробные мытарства, которые привели Антония Галичанина в «страх и трепет» («Всѣ есмь мытарства видѣлъ страшныя...»). Мотив «суда совести» (грехи Антония предстают перед ним в виде неких кругов) разработан в ряде других переводных памятников эсхатологического содержания — в видениях Макария, апостола Павла и др. (см.: Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891). Своей «живописностью», «наглядностью» греховные круги Антония близки книжной миниатюре древнерусских «цветников» и синодиков. По древнерусским представлениям, этот «загробный кинематограф» (В. И. Иванов) ожидает человека и в час расставания его души с телом, и на Страшном Суде, и в аду. «Видѣти будетъ пред собою мучимый вся грѣхи, иже сотвори, якоже на стѣнѣ написана, да вѣдѣющую скорбь имать от размышления сего мучитися» (Агапий Критянин. «Грешных спасение» (БАН, 31.6.38, XVII в., л. 186 об.)).

В отличие от многих других средневековых видений в повести об Антонии загробное устройство подробно не изображается. Содержание этого памятника ограничивается тем, что в других видениях служит лишь преддверием к потрясающим воображение эсхатологическим картинам. Антоний предпочитает умолчать о загробной космологии. Его помыслы сосредоточены на собственных переживаниях и физической боли, на воспоминаниях детства, на своей беспокойной совести. Рассказ Антония — это предсмертная исповедь. Она предельно откровенна, порой даже натуралистична, глубоко эмоциональна, изложена простым безыскусным языком. В повести угадывается зарождение тех стилистических черт, которые получают полное художественное развитие в автобиографическом повествовании XVII в. (Житие протопопа Аввакума и др.).

Поскольку в первоначальной редакции повести имя персонажа не названо, текст памятника публикуется в его второй, тоже ранней (1520-е гг.), волоколамской редакции по списку первой половины XVI в. из сборника Фотия, нника Волоколамского монастыря: РГБ, Волоколамское собр., № 491, лл. 160—162 об.

Стр. 534. *Андрей* — святой Андрей Критский, день его памяти — 4 июля (по старому стилю).

Павлова пустынь — Троицкий Комельский (Павлов Обнорский) монастырь, основанный в начале XV в. недалеко от Вологды учеником Сергия Радонежского Павлом Обнорским.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Творогов. Переводная литература XIV—XVI веков</i>	5	
	Стр.	Стр.
	текста	коммент.
Александрия (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванеевой</i>)	14	539
Сказание о дочери Александра Македонского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской</i>)	150	544
Из «Троянской истории» (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	152	545
Повесть о создании и пленении Трои (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	194	548
Стефанит и Ихниллат (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой</i>)	210	552
Из славянского перевода корпуса сочинений Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	274	558
Из «Тактикона» Никона Черногорца (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Герд</i>)	396	567
Из «Диоптры» Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	418	571
Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам (<i>Подготовка текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, комментарии А. В. Пигина</i>)	494	575
Повесть о бесе Зерефере (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина</i>)	528	578
Повесть о видении Антония Галичанина (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина</i>)	534	579
Комментарии	538	